РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ двадцать второй. **ІЮЛЬ.** 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ профессора и ректора императ. акад. художествъ **Ѳедора Ивановича Іордана,** геліогравюра съ подлинной гравюры на мѣди, имъ исполненной въ 1871 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 80.

1891.

VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюля 1891

Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Томъ VIII. (1728 годъ). Спб. 1891. (VII+704+CLXIV стр).

Синодальная Архивная комиссія издаетъ параллельно два изданія: «Описаніе дѣлъ Архива» и «Собраніе постановленій по вѣдомству Св. Синода». Втораго изъ этихъ изданій вышло семь томовъ, обнимающихъ церковное законодательство въ Россіи за время 1721—1732 гг. «Описаніе дѣлъ» въ восьми вышедшихъ томахъ заканчивается лишь 1728 годомъ. Такое, относительно небольшое, количество описанныхъ годовъ объясняется отчасти большимъ количествомъ дѣлъ за означенные годы (въ настоящемъ томѣ — около 1000 страницъ— описано всего 144 дѣла), главнымъ же образомъ—тѣмъ, что въ виду первостепеннаго историческаго значенія синодальнаго Архива за первые годы его существованія, комиссія предположила описывать оныя настолько подробно, чтобы описаніе имѣло значеніе не каталогизаціи только, но и настоящаго описанія, при пользованіи которымъ по возможности устранялась бы необходимость для авторовъ-историковъ обращаться къ самымъ дѣламъ архива. Подробные указатели, предметный и собственныхъ именъ, приложенные къ каждому тому, даютъ возможность изучающимъ оные легко оріентироваться въ ихъ содержаніи. Настоящій томъ, подобно предъидущимъ, представляя полную картину церковно-административной дѣятельности св. Синода за описываемый годъ (особенно много свѣдѣній о монастыряхъ, которыхъ въ указателѣ исчислено до 300), вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ яркую картину церковно-религіознаго быта русскаго общества и народа за 1728 годъ, а также представляетъ не мало важныхъ и любопытныхъ свѣдѣній по гражданской исторіи Россія за время царствованія Петра II. Таковы свѣдѣнія о дѣятельности за это время царицы Евдокіи Ѳедоровны и Лопухиныхъ, цесаревенъ Елизаветы Петровны и Анны Петровны, объ извѣстномъ архимандритѣ Аранскаго м-ря Исаіи, о ссылкѣ Арсеньевой и княгини Волконской, о баронѣ Шафировѣ, Ягужинскомъ и др., особенно же свѣдѣнія о Меншиковѣ. Не меньшій интересъ представляютъ біографическія подробности (совершенно новыя) о знаменитыхъ дѣятеляхъ науки и литературы: архим. Софроніи Лихудѣ (о его бѣдственной старости), Ѳеофилѣ Кроликѣ (его автобіографія), В. Н. Татищевѣ, Алексѣѣ Барсовѣ, Тредьяковскомъ, Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, Стефанѣ Яворскомъ, еретикѣ Тверитиновѣ, Ѳ. Поликарповѣ, Питиримѣ, еп. Нижегородскомъ, архіеп. Ѳеофилактѣ Лопатинскомъ и весьма многихъ другихъ историческихъ лицахъ (см. по указателю). Настоящій томъ составляетъ трудъ профессора Н. И. Барсова, которому принадлежатъ также томы II-й (за 1722 г.) и VI-й (за 1726-й годъ) настоящаго монументальнаго изданія. **А. П.**

А. Шаховъ. Гете и его время. Лекціи по исторіи нѣмецкой литературы 18-го вѣка, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ. С.-Петербургъ. 1891. Цѣна 1 р. 25 коп.

Среди великихъ поэтовъ всѣхъ временъ— Гете занимаетъ совершенно особенное мѣсто. Удивительная разносторонность его ума, столь-же склоннаго къ строго-научному мышленію, какъ и къ поэтическому творчеству, обширность познаній и въ области философіи, и въ области естественныхъ наукъ, наконецъ самый фактъ долголѣтія, позволившій ему быть свидѣтелемъ двухъ различныхъ эпохъ въ исторіи человѣчества,—все это въ глазахъ историка литературы должно придать личности Гете необыкновенное значеніе. Вполнѣ понятно поэтому, что покойный Шаховъ въ своихъ «Лекціяхъ по исторіи нѣмецкой литературы 18-го в.» выдвигаетъ на первый планъ именно Гете, разсматривая его какъ средоточіе всѣхъ главныхъ теченій того времени, какъ лучшаго представителя крайняго индивидуализма и мистичности съ одной стороны, съ другой — философскаго критицизма и прогрессирующей науки. Разбирая по порядку всѣ произведенія великаго поэта, А. Шаховъ для объясненія ихъ постоянно обращается къ исторіи и къ исторіи литературы: онъ много говоритъ о періодѣ бурныхъ стремленій (Sturm-und Drangperiode), которому Гете отдалъ дань своей драмой «Гецъ-фонъ-Берлихингенъ»;

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Мих. Ив. Семевскаго.

ИЗДАНІЕ ОСНОВАНО 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1891 г.

ІЮЛЬ — АВГУСТЪ — СЕНТЯБРЬ.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1891.

1806 † 1883

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА» ИЗД. 1891 Г.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 10 МАРТА 1891 Г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

ВАСИЛІЙ ТРОФИМОВИЧЪ НАРѢЖНЫЙ.

Род. въ 1780 г., † 21 іюня 1825 г.

Очеркъ четвертый [1]).

XX.

Романъ „Бурсакъ", наиболѣе распространенный изъ произведеній В. Нарѣжнаго, вышелъ первымъ изданіемъ въ 1824 году. Въ немъ, какъ и въ „Россійскомъ Жилблазѣ", мы видимъ положительный поворотъ отъ подражательнаго романа къ самобытному, такъ что и въ этомъ отношеніи, помимо другихъ его достоинствъ, „Бурсаку" принадлежитъ видное мѣсто въ исторіи русской литературы.

Подражаніе, неизбѣжное при извѣстномъ состояніи литературы, настолько утвердилось въ русскомъ романѣ, что наши писатели въ этомъ направленіи, въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, — за исключеніемъ темъ, выработанныхъ русской сатирой XVIII вѣка,— вращались все въ томъ-же, какъ-бы заколдованномъ, кругѣ. Ихъ порывы къ самобытности проявлялись въ видѣ слабыхъ попытокъ описанія природы и быта, отрывочныхъ сценъ и неясныхъ набросковъ, представлявшихъ какъ-бы намеки на типы. Изъ этихъ единичныхъ

[1]) См. „Русскую Старину", изд. 1888 г., томъ LVIII, май, стр. 341—366; томъ LIX, іюль, стр. 117—148; августъ, стр. 249—270; изд. 1890 г., томъ LXVII, сентябрь, стр. 469 — 527; изд. 1891 г., т. LXX, май, стр. 471 — 487; іюнь, стр. 523 — 545. Портретъ В. Т. Нарѣжнаго приложенъ къ „Русской Старинѣ", изд. 1888 г., т. LIX, августъ, стр. 225.

попытокъ, не имѣвшихъ никакой внутренней связи, творческому таланту Нарѣжнаго суждено было положить прочное основаніе для будущаго реальнаго нравоописательнаго и историческаго русскаго романа. Если въ его произведеніяхъ все еще силенъ элементъ подражанія, то это ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить доказательствомъ недостатка самобытности и силы въ его талантѣ и не лишаетъ насъ права называть его первымъ русскимъ романистомъ.

Въ „Бурсакѣ", полубытовомъ и полуисторическомъ романѣ Нарѣжнаго, мы встрѣчаемъ вполнѣ самобытные, ему принадлежащіе, сюжеты, характерныя сцены и типы, а съ другой стороны законченныя историческія картины и мастерское изображеніе извѣстныхъ моментовъ изъ прошлой исторіи Малороссіи. Здѣсь Нарѣжный впервые представляетъ дѣйствительное, я не фантастическое описаніе стариннаго малороссійскаго быта германскихъ временъ, со всей тогдашней обстановкой, утварью, одеждами и пр. Историческая и бытовая часть тѣсно связаны между собою, и эта связь является безъ какихъ-либо натяжекъ и видимыхъ усилій со стороны автора.

Что касается новизны содержанія, въ сравненіи съ предшествующей романической литературой, то въ „Бурсакѣ" новымъ является и самый типъ главнаго героя Неона, въ лицѣ котораго Нарѣжный впервые вывелъ въ русскомъ романѣ реальнаго малороссійскаго бурсака старыхъ временъ, наивнаго и добродушнаго, но проникнутаго гордымъ сознаніемъ своей учености. При этомъ авторъ подробно описываетъ условія его воспитанія, сначала у сельскаго дьячка, затѣмъ въ бурсѣ, вслѣдствіе чего изображенный имъ типъ становится еще рельефнѣе и какъ-бы воскресаетъ передъ читателемъ.

Первымъ воспитателемъ Неона является его пріемный отецъ, дьячекъ Варухъ, который противъ тогдашняго обычая, начинаетъ учить его съ ранняго дѣтства и съ такимъ успѣхомъ, что ученикъ „въ двѣнадцать лѣтъ читалъ и писалъ не хуже его и пѣлъ на клиросѣ на всѣ восемь гласовъ". Но Варухъ, не желая обречь своего питомца на жалкую участь сельскаго дьячка, рѣшается отдать его въ Переяславскую семинарію, въ надеждѣ, „что со временемъ, съ Божьей помощью; онъ займетъ завидный постъ діакона въ какомъ-нибудь селѣ". Но такъ какъ для пріема нужна была протекція, то Варухъ, по прибытіи въ городъ, на занятый рубль устраиваетъ попойку для ректорскаго келейника, отца Паисія, при посредствѣ котораго Неонъ былъ тотчасъ-же принятъ въ семинарію и очутился въ бурсѣ, гдѣ бѣдные иногородные ученики имѣли даровое помѣщеніе.

Далѣе слѣдуетъ превосходное описаніе старой малороссійской бурсы, съ ея своеобразными порядками и уставами, которое принадлежитъ къ лучшимъ описаніямъ этого рода и до сихъ поръ не утратило своего бытоваго и историческаго значенія. Авторъ такъ близко знакомъ со всѣми подробностями обстановки и внутренней жизни бурсаковъ и такъ живо и наглядно передаетъ ихъ, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, до своего поступленія въ московскую гимназію, онъ самъ учился въ семинаріи и провелъ нѣкоторое время въ бурсѣ, гдѣ, помимо воспитанниковъ духовнаго званія, помѣщались также дѣти недостаточныхъ дворянъ. Если наша догадка справедлива, то отъ лица героя романа, бурсака Неона, авторъ передаетъ свои личныя впечатлѣнія при поступленіи въ бурсу, гдѣ на первыхъ порахъ все поражаетъ его и вызываетъ на размышленія.

По выходѣ въ свѣтъ романа „Бурсакъ" въ 1824 году, большинство русской публики впервые получило наглядное представленіе объ устройствѣ малороссійской бурсы и характерѣ семинарскаго воспитанія. Тѣлесныя наказанія въ тогдашней семинаріи, какъ и въ позднѣйшей бурсѣ, описанной Помяловскимъ, составляли существенную часть воспитанія, которое, по понятіямъ семинарскаго начальства, должно было развить въ ученикахъ „терпѣніе и послушаніе,—добродѣтели, необходимыя для всякаго человѣка, а особливо для готовящаго себя въ духовное званіе" (стр. 31, I, изд. 1836 г.). Обитатели бурсы, въ свою очередь, настолько свыкались со всякаго рода истязаніями со стороны преподавателей и старшихъ товарищей, что считали ихъ „пустяками, не заслуживающими вниманія", и утѣшали себя мыслью, что „количество полученныхъ ударовъ приближаетъ каждаго къ лестной цѣли быть діакономъ или попомъ". О развитіи нравственныхъ правилъ, кромѣ упомянутыхъ добродѣтелей—„терпѣнія и послушанія", никто не заботился, и семинарское начальство смотрѣло сквозь пальцы на способы пропитанія вѣчно голодныхъ бурсаковъ, если ихъ безчинства не переходили извѣстныхъ предѣловъ. Помимо открытаго добыванія припасовъ, посредствомъ пѣнія духовныхъ пѣсенъ подъ окнами горожанъ и произнесенія рѣчей, бурсаки пробавлялись ограбленіемъ чужихъ огородовъ и садовъ. Тотъ и другой способъ, изображенный впослѣдствіи въ малороссійскихъ повѣстяхъ Гоголя, подробно описаны въ „Бурсакѣ" Нарѣжнаго, гдѣ, между прочимъ, приведенъ случай грабежа въ саду женскаго монастыря, заслужившій, повидимому, примѣрное наказаніе. На слѣдующее утро пойманнаго бурсака Сарвилу, съ связанными руками, привели въ пріемную комнату семинаріи, гдѣ „въ полукружіи сидѣли: ректоръ, префектъ, келарь,

игуменья, дьяконша, нѣсколько монаховъ и монахинь... Начался допросъ и продолжался немалое время, послѣ чего виновный осужденъ на изгнаніе изъ семинаріи..."

Но въ то время, какъ въ переяславской семинаріи происходили описанныя событія, во всей Малороссіи все болѣе и болѣе усиливалось политическое броженіе:

„Сперва тайно, а потомъ и явно начали говорить на базарахъ и въ классахъ семинаріи, что гетманъ принялъ твердое намѣреніе со всею Малороссіею отторгнуться отъ иноплеменнаго владычества Польши и поддаться царю русскому. Такіе слухи болѣе и болѣе усиливались и доводили поляковъ до неистовства. Старый кіевскій воевода принялъ дѣятельнѣйшія мѣры воспротивиться такому предпріятію гетмана, низложить оное и еще болѣе поработить Малороссію. Гетманъ тайно началъ готовить войска.

Въ такомъ положеніи были дѣла народныя, и всякой, кто только имѣлъ какую-нибудь собственность, принималъ въ нихъ живѣйшее участіе. Послѣдній казакъ, у коего ничего не было, кромѣ плохой свиты и сабли, съ презрѣніемъ смотрѣлъ на наряднаго поляка и въ шинкахъ нерѣдко доходило дѣло до поволочекъ..." (стр. 57, I).

Послѣ этой исторической вставки, изъ которой читатель узнаетъ о времени описываемыхъ событій, авторъ снова возвращается къ бурсѣ и разсказываетъ о несчастіи, постигшемъ его героя. Въ одинъ зимній день, бурсакъ Неонъ, на обратномъ пути изъ классовъ въ бурсу, неожиданно встрѣчаетъ пастуха изъ роднаго села, который сообщаетъ ему, что пріемный отецъ его, дьячекъ Варухъ, послѣ бывшаго съ нимъ случая лежитъ при смерти и желаетъ проститься съ нимъ.

— Случая? вскричалъ бурсакъ, случай или судьба, или что мы ученые называемъ fatum Turcicum.

— Провались ты съ своею латынью, сказалъ сурово пастухъ,—идешь-ли ты къ умирающему отцу или нѣтъ? Теперь не лѣто; если запоздаемъ, то достанемся на ужинъ какому-нибудь голодному волку..."

Эти слова остановили приливъ бурсацкаго краснорѣчія. Неонъ, заручившись дозволеніемъ ректора и теплымъ платьемъ, быстро окончилъ свои сборы, послѣ чего оба молча двинулись въ путь, не пропуская шинковъ, стоящихъ у дороги. Наконецъ, когда всѣ купленныя булки были съѣдены, Неонъ вступилъ въ разговоръ съ своимъ спутникомъ, и началъ разспрашивать его о причинѣ внезапной болѣзни дьячка Варуха, пересыпая рѣчь учеными выраженіями и миѳологическими именами. На всѣ вопросы пастухъ отвѣчалъ упорнымъ молчаніемъ и только тогда удовлетворилъ любопытство бурсака, когда этотъ, потерявъ терпѣніе, спросилъ его простымъ языкомъ: „отъ чего отецъ мой сдѣлался боленъ и близокъ къ смерти?"

Изъ словъ пастуха оказалось, что охмелѣвшій дьячекъ взобрался на колокольню, чтобы перекричать звонъ деревенскаго колокола своимъ громкимъ голосомъ, за что и былъ сброшенъ съ лѣстницы звонаремъ и находился при смерти отъ полученныхъ ушибовъ.

„Вотъ какова жизнь человѣческая, примолвилъ со вздохомъ разскащикъ —живи, живи, да и умри! Что, господинъ студентъ, не поворотить-ли намъ направо по этой утоптанной дорожкѣ?... Въ этомъ шинкѣ всегда можно найти преизрядное вино. Если ты, по примѣру всѣхъ бурсаковъ, путешествуешь безъ лишней копѣйки, такъ пастухи въ этомъ случаѣ догадливѣе. Пойдемъ-ка!

Неонъ охотно послѣдовалъ приглашенію и „чтобы доказать, что не всѣ бурсаки одинаковы, оставилъ въ шинкѣ половину злотаго“.

Благодаря такимъ остановкамъ, путники уже въ глубокія сумерки дошли до хаты Варуховой. Умирающій дьячекъ съ умиленіемъ обнялъ пріемнаго сына и велѣлъ сѣсть у ногъ своихъ, а затѣмъ распорядился, чтобы пастухъ, вмѣстѣ съ старымъ батракомъ, приготовилъ сытный ужинъ.

„Къ вамъ придетъ также, добавилъ Варухъ, и пользующій меня знахарь. Не забудь припасти хорошую мѣру пѣннику. Хочу, чтобъ всего довольно было. Надобно, чтобъ эта ночь, которая можетъ быть есть послѣдняя въ моей жизни, проведена была сколько можно веселѣе. Дни прошедшіе, о коихъ имѣлъ я время размыслить, текли ни очень хорошо, ни очень худо и за то да будетъ препрославлено имя Господне!“...

Пастухъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ удалился, чтобы „заняться дѣломъ полезнѣйшимъ, чѣмъ слушаніемъ послѣднихъ словъ дьячка Варуха, который, окончивъ бесѣду съ своимъ питомцемъ, отправилъ и его на кухню ужинать съ остальной компаніей. Ужинъ продолжался до вторыхъ пѣтуховъ; а тутъ, когда пирующіе, вздумавъ успокоиться, зашли провѣдать о немощномъ — Варухъ уже оледенѣлъ!“... (стр. 58—70, I).

Также реально и просто описаны авторомъ похороны Варуха и непритворное горе осиротѣвшаго бурсака, который, продавъ имущество покойнаго, отправился въ Переяславль. Дорогой, когда онъ поровнялся съ тропинкой, ведущей къ знакомому шинку, „ему показалось, что онъ все еще очень печалится“ и что вино разсѣетъ его горе. Но вмѣсто ожидаемаго утѣшенія, онъ почувствовалъ себя еще несчастнѣе и настолько опьянѣлъ, что, несмотря на сильный морозъ и вьюгу, вышелъ въ полночь изъ шинка, чтобы продолжать путь и сбился съ дороги. Чѣмъ дальше, тѣмъ лѣсъ становился гуще, а снѣгъ глубже; онъ долженъ былъ чаще останавливаться

для отдыха и мало по малу началъ выбиваться изъ силъ... Уже разсвѣло, когда онъ вышелъ изъ лѣсу и необозримая снѣжная равнина представилась его глазамъ. Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы податься впередъ, но упалъ безъ чувствъ на снѣжное ложе и былъ поднятъ проходившими охотниками.

Далѣе разсказъ становится менѣе выдержаннымъ, и представляетъ смѣсь небывалыхъ приключеній съ реальнымъ изображеніемъ дѣйствительности, какъ, напримѣръ, описаніе жизни бурсака, въ домѣ богатаго малороссійскаго помѣщика Искутарія, который пригласилъ его для надзора за своимъ шестнадцатилѣтнимъ сыномъ (стр. 104—119) Авторъ немногими словами рисуетъ характеръ помѣщика, его жены и отношенія бурсака къ своему воспитаннику, котораго онъ считаетъ „лѣнтяемъ и ротозѣемъ", но утѣшаетъ себя мыслью, что „его глаза не отцовскіе, и какая ему до того нужда? Довольно что родители не могли имъ налюбоваться". Къ тому-же, въ домѣ помѣщика жила его дочь Неонилла, молодая вдова, воспитанная въ Кіевѣ, веселая и обходительная, которая сразу плѣнила сердце бурсака и сама увлеклась имъ. Влюбленные сходились ночью въ садовой бесѣдкѣ для нѣжныхъ свиданій, которыя становились все чаще и вскорѣ были обнаружены. Бурсакъ, во избѣжаніе гнѣва оскорбленнаго родителя, долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ.

Но судьба печется о безопасности героя романа, который остается невредимъ среди всевозможныхъ приключеній, женится тайно на своей возлюбленной и находитъ покровителей, которые щедро снабжаютъ его платьемъ и деньгами. Онъ спокойно пользуется даровыми благами, не размышляя о причинѣ такой заботливости о немъ постороннихъ людей, и по совѣту одного изъ своихъ покровителей ѣдетъ въ казацкую станицу Батуринъ искать службы у гетмана, въ виду предстоящей войны.

XXI.

Вторая часть романа „Бурсакъ“ носитъ по преимуществу историческій или, вѣрнѣе, историко-бытовой характеръ и переноситъ читателя въ Батуринъ, гдѣ происходитъ торжество, по случаю дня рожденія престарѣлаго гетмана. На торжествѣ присутствуетъ и бывшій бурсакъ:

„Прійдя въ соборную церковь, онъ увидѣлъ чрезмѣрное стеченіе народа... Мѣсто, гдѣ становился гетманъ, устлано было богатымъ ковромъ и осѣняемо сверху покровомъ малиноваго бархата, съ золотой бахрамой и такими же кистями. Вскорѣ суетливость духовенства и народа возвѣстили прибытіе великаго гетмана. Молчаніе распростерлось повсемѣстное. Сначала показалось около полусотни тѣлохранителей, одѣтыхъ въ богатыя черкески; они преслѣдуемы были важными чиновниками въ блестящемъ убранствѣ, за коими шествовалъ державный старецъ. Стопы его были медленны... Шествіе заключалось знатнѣйшими гражданами Батурина и другихъ городовъ Малороссіи... По окончаніи богослуженія, гетманъ вышелъ изъ храма тѣмъ-же порядкомъ, какъ и вошелъ. У крыльца церковнаго подвели ему богатоубраннаго коня; онъ сѣлъ и, окруженный тѣлохранителями, медленно возвратился въ свои палаты при громѣ пушекъ и колокольномъ звонѣ“... (стр. 5—7, II).

Это описаніе уже потому заслуживаетъ вниманія, что принадлежитъ романисту, сравнительно наиболѣе близкому по времени къ гетманской эпохѣ. Все дѣтство его прошло въ Малороссіи, гдѣ еще свѣжи были преданія о Богданѣ Хмельницкомъ и гдѣ онъ имѣлъ возможность слышать отъ очевидцевъ разсказы о послѣднихъ гетманахъ, которые, несмотря на потерю власти въ церемоніалѣ и внѣшней обстановкѣ, вполнѣ придерживались старины и обычаевъ своихъ преемниковъ. Этимъ также могъ воспользоваться Нарѣжный и, безъ нарушенія исторической правды, перенести окружавшую ихъ обстановку къ временамъ Богдана Хмельницкаго. Только при близкомъ знакомствѣ съ характеромъ эпохи, могъ онъ усвоить всѣ подробности стараго казацкаго быта и соблюсти въ такой степени вѣрность общаго колорита, которая составляетъ отличительную черту всей исторической части романа. Это можно отнести и къ слѣдующему описанію завтрака въ гетманскомъ дворцѣ.

Въ ближайшій воскресный день, бурсакъ Неонъ снова увидѣлъ гетмана въ церкви, и по окончаніи богослуженія долженъ былъ идти по слѣдамъ его, такъ какъ получилъ приказаніе явиться во дворецъ.

„Гетманъ съ приближенными своими удалился во внутренніе покои, а Неонъ остался въ огромной комнатѣ, гдѣ множество знатныхъ людей, малороссіянъ, черноморцевъ и поляковъ, въ блестящихъ одеждахъ, взадъ и впе-

редъ разгуливали. Иные были веселы и мололи всякій вздоръ; другіе задумчивы и неохотно отвѣчали на дѣлаемые вопросы; третьи попарно, или по три человѣка, отошедъ въ уголъ, шептались между собою; четвертые—казавшіеся совсѣмъ безъ характера и занятія—похаживали важно по комнатѣ, смотрѣлись въ зеркала, закручивали усы, полуобнажали сабли и явно всѣмъ разсказывали, какихъ трудовъ стоило изученіе искусства биться на поединкахъ, за то и сдѣлались они совершенными наѣздниками. Между тѣмъ придворные служители набрали большой столъ и уставили оный водками, винами и разными кушаньями... Все обратилось къ сему привлекательному предмету. Одинъ Неонъ, не смѣя даже шевельнуться, и подавно не осмѣливался приблизиться къ цѣли общаго обольщенія, а стоялъ у окна, какъ на горячихъ угольяхъ"...

Въ это время въ комнату вошелъ Куфій, любимый шутъ гетмана, и обратилъ на себя общее вниманіе. Всѣ знали, какимъ вліяніемъ онъ пользовался у своего господина и, встрѣтивъ его радостными восклицаніями, стали распрашивать о здоровьи и расположеніи духа гетмана. Куфій отвѣчалъ нехотя на предлагаемые вопросы и въ свою очередь спросилъ: „Кто этотъ молодой казакъ, стоящій у окна, и почему онъ не приглашенъ къ завтраку?"

— „Это", сказалъ пожилой польскій сановникъ, „повидимому, какой-нибудь малороссійскій шляхтичъ, который пріѣхалъ ко двору предложить посильныя услуги, лишь бы его одѣли, дали клячу и кусокъ чернаго хлѣба".

„Все не мѣшаетъ, панъ Казиміръ", сказалъ Куфій: „пусть онъ и нищій дворянинъ, но какъ скоро Господь Богъ сподобилъ его вобраться въ чертоги своего гетмана, то не долженъ онъ выйти изъ нихъ съ засохшимъ горломъ и пустымъ желудкомъ. Ахъ! сколько нашъ старый простакъ Никодимъ питаетъ польской саранчи, которая за его же хлѣбъ-соль надъ нимъ издѣвается и строитъ козни!"... (стр. 10—13, II).

Эта сцена, очевидно вымышленная, является исторически вполнѣ правдоподобной, въ виду давней вражды малороссіянъ съ поляками, которая должна была еще болѣе усилиться наканунѣ отложенія Малороссіи. Равнымъ образомъ, и описаніе пестрой толпы гостей за гетманскимъ завтракомъ въ такой же степени соотвѣтствуетъ дѣйствительности и носитъ мѣстный колоритъ, такъ какъ насколько извѣстно, дворъ малороссійскихъ гетмановъ, за все время своего существованія, состоялъ изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ.

Что касается чисто фактической стороны, то Нарѣжный, пользуясь правомъ историческаго романиста, только въ общихъ чертахъ придерживается историческихъ событій, а въ изображеніи историческихъ лицъ и ихъ семейныхъ отношеній, даетъ слишкомъ большой просторъ своей богатой фантазіи; вслѣдствіе чего, быть можетъ, Богданъ Хмельницкій является подъ именемъ Никодима, а равно и его приближенные названы вымышленными именами. Но и здѣсь,

несмотря на фантастичность разсказа, исторія непокорной дочери Никодима представляетъ интересъ со стороны вѣрнаго пониманія исторической эпохи и вѣрнаго изображенія мѣстныхъ и бытовыхъ условій. Такимъ образомъ, съ историко-бытовой стороны, авторъ нигдѣ не измѣняетъ своей задачѣ, а тѣмъ болѣе, на страницахъ, гдѣ фантазія его является болѣе обузданной и онъ касается событій повседневной жизни.

Къ такимъ страницамъ во второй части „Бурсака" можно отнести описаніе службы бывшаго бурсака при дворѣ гетмана, его производство въ есаулы, а затѣмъ въ сотники, и крестины его новорожденнаго сына, такъ какъ гетманъ, въ видѣ особенной милости, вызвался быть крестнымъ отцомъ ребенка и поручилъ исполнить за себя эту церемонію одному изъ полковниковъ (стр. 19—40). Далѣе слѣдуетъ описаніе войны, которое принадлежитъ къ лучшимъ романическимъ описаніямъ этого рода, тѣмъ болѣе, что авторъ хорошо знакомъ съ мѣстностью, гдѣ происходятъ военныя дѣйствія. Здѣсь историческая вѣрность заключается не въ частностяхъ, а въ вѣрномъ изображеніи общаго характера тогдашнихъ войнъ поляковъ съ казаками, типичныхъ чертъ обоихъ народовъ и безчеловѣчнаго обращенія съ евреями, которые у тѣхъ и другихъ неизмѣнно исполняли роль шпіоновъ и нерѣдко предавали т или другую стороны изъ-за выгоды или иныхъ соображеній, (стр. 45—90, II).

Неонъ, какъ и подобаетъ герою романа, съ самаго начала военныхъ дѣйствій оказываетъ чудеса храбрости, спасаетъ стараго гетмана изъ плѣна, а затѣмъ отъ вѣрной смерти, во время рукопашнаго боя съ поляками, получаетъ нѣсколько ранъ, послѣ чего отправленъ на излеченіе, въ хуторъ, принадлежащій одному полковнику. Между тѣмъ, прежніе покровители Неона не перестаютъ заботиться о немъ, и, по окончаніи войны, напоминаютъ о совершенныхъ имъ подвигахъ гетману, который, несмотря на молодость героя, рѣшается возвести его въ почетное званіе войсковаго старшины. Бывшій бурсакъ крайне польщенъ такимъ почетомъ, который приписываетъ исключительно своимъ заслугамъ, и, нарядившись въ посланное ему богатое золотистое платье, „сообразное съ его новымъ достоинствомъ", спѣшитъ во дворецъ благодарить гетмана за оказанную милость.

„Вошедъ въ пріемную палату, наивно разсказываетъ онъ, по поводу сдѣланной ему встрѣчи, я возбудилъ всеобщее движеніе. Всѣ обступили меня съ привѣтствіями, поздравленіями. Иной удивлялся необычайнымъ моимъ достоинствамъ, другой чудесному счастію; этотъ превозносилъ великость моего разума, доказаннаго освобожденіемъ гетмана изъ плѣна, а тотъ отда-

валъ преимущество сверхъестественному мужеству, съ какимъ поразилъ я пана Бурлинскаго и тѣмъ сохранилъ на плечахъ гетманову голову. Словомъ, на сей разъ всѣ сдѣлались самыми краснорѣчивыми витіями, и я начиналъ уже принимать важную осанку витязя, кидать вокругъ величественные взгляды и нѣсколько пасмурно кивать головою,—какъ пришелъ въ себя, услыша, что отходившіе въ сторону поздравители, говоря между собою въ полголоса, довольно явственно произносили: настоящій бурсакъ!—Какъ скоро это магическое слово коснулось моего слуха, вдругъ я съ превыспренняго неба ниспалъ на землю бренную, на одну минуту задумался, и послѣ, непримѣтно вздохнувъ, сказалъ самому себѣ: vanitas vanitatum et omnia sunt vanitas!"... (стр. 119—120, II).

Но вскорѣ Неонъ испытываетъ новое огорченіе, еще болѣе чувствительное для него, чѣмъ уязвленное самолюбіе. Панъ Искутарій, который не могъ простить своему непрошенному зятю похищеніе дочери, подалъ на него жалобу гетману и требовалъ примѣрнаго наказанія. Гетманъ, въ качествѣ судьи вновь назначеннаго войсковаго старшины, принялъ его среди торжественной обстановки, усвоенной въ подобныхъ случаяхъ, и сурово началъ допросъ, такъ какъ не забылъ такой-же исторіи, бывшей съ его собственною дочерью и сочувствовалъ негодованію оскорбленнаго отца. Тѣмъ не менѣе, судъ кончается въ пользу обвиняемаго, благодаря заступничеству Куфія и присутствовавшихъ полковниковъ, и приводитъ къ неожиданному открытію, что бывшій бурсакъ—родной внукъ гетмана и сынъ его непокорной дочери, нѣкогда найденный въ лѣсу сельскимъ дьячкомъ Варухомъ.

Далѣе романъ становится все болѣе и болѣе неправдоподобнымъ и кончается общимъ благополучіемъ, такъ какъ Нарѣжный, за исключеніемъ сентиментальной повѣсти „Марія", большею частью слѣдовалъ примѣру своихъ предшественниковъ и не любилъ оставлять читателей подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ несчастія главныхъ дѣйствующихъ лицъ романа.

Изъ вводныхъ эпизодовъ романа, со стороны самобытности и реализма, во второй части „Бурсака" заслуживаетъ вниманія краткій очеркъ быта такъ наз. „плащеватыхъ" цыганъ, очевидно хорошо знакомыхъ автору, по воспоминаніямъ дѣтства (стр. 294—298, II). Затѣмъ, въ первой части романа особенно удачной кажется намъ сцена встрѣчи Неона съ шляхтичемъ, и слѣдующая затѣмъ общая характеристика шляхты (стр. 143—145).

Кромѣ того, въ первой части „Бурсака", въ видѣ вводнаго эпизода, не имѣющаго непосредственной связи съ главною нитью романа, заключается цѣльный, вполнѣ реальный разсказъ бывшаго бурсака Сарвилы, который послѣ изгнанія изъ Переяславской семи-

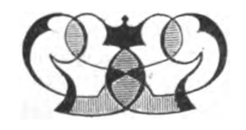
паріи, за ограбленіе монастырскаго сада, очутился „подъ открытымъ небомъ, безъ гроша денегъ, съ небольшимъ запасомъ булокъ и плодовъ, данныхъ ему изъ милости на дорогу". Положеніе его было самое безвыходное, такъ какъ единственный извѣстный ему способъ честнаго зарабатыванія хлѣба, посредствомъ пѣнія духовныхъ пѣсенъ подъ окнами мірянъ, былъ теперь закрытъ для него. Съ другой стороны, семинарское воспитаніе не дало ему никакихъ твердыхъ нравственныхъ правилъ для борьбы противъ искушенія въ голодѣ и нуждѣ, и онъ пользуется первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы украсть церковныя деньги, хотя этотъ первый шагъ на новомъ пути, до извѣстной степени, мучителенъ для него:

„Сошедъ съ паперти, разсказываетъ онъ, я бросился бѣжать со всѣхъ ногъ. Колѣна подгибались, въ ушахъ звенѣло, въ глазахъ мерещилось; мнѣ казалось, что преподобный Вавила гонится за мною. Такъ мучитъ совѣсть при содѣланіи перваго преступленія; при второмъ развѣ она вопіетъ менѣе внятно; при третьемъ еще менѣе. а тамъ мало-по-малу совсѣмъ замолкаетъ"...

Справедливость изреченія бывшаго бурсака Сарвилы подтверждается его дальнѣйшими похожденіями. Онъ становится все менѣе и менѣе разборчивымъ въ способахъ добыванія денегъ и средствъ для жизни, и подъ конецъ поступаетъ въ шайку разбойниковъ, (стр. 218—261, I).

Такой исходъ, возможный при указанныхъ условіяхъ, является тѣмъ болѣе естественнымъ въ описываемыя времена, при безурядицѣ, господствовавшей тогда въ Малороссіи, гдѣ разбойники почти безнаказанно грабили по дорогамъ и даже, нерѣдко, цѣлыми ватагами нападали на селенія. Въ случаѣ неожиданной опасности имъ всегда былъ открытъ доступъ въ Запорожскую Сѣчь, „эту чудовищную, по выраженію автора, столицу свободы, равенства и безчинія всякаго рода", гдѣ каждый безпрепятственно получалъ права гражданства... (стр. 325, II).

Въ представленномъ здѣсь разборѣ „Бурсака" мы выдѣлили, согласно нашей задачѣ, самобытныя мѣста романа, составляющія его лучшую и наибольшую часть, и только мимоходомъ коснулись остальной подражательной части, которыя по содержанію напоминаетъ старые отжившіе романы „съ приключеніями".

XXII.

Въ слѣдующемъ 1825 г. изданъ былъ московскими книгопродавцами, Ширяевымъ и Смирдинымъ, новый романъ В. Нарѣжнаго: „Два Ивана или страсть къ тяжбамъ", съ портретомъ автора и слѣдующимъ посвященіемъ:

Его прев — ству, милостивому государю Ѳедору Павловичу Вронченку [1]):

Съ давняго времени, ваше превосходительство никогда не оставляли меня безъ благосклоннаго вниманія, какъ скоро прибѣгалъ къ вамъ, съ представленіемъ о своихъ нуждахъ. Ласковое великодушіе ваше поставляетъ меня въ непремѣнную обязанность оказать предъ вами, по мѣрѣ возможности, свою благодарность. Посвящая имени вашего превосходительства новое мое произведеніе, подъ названіемъ: „Два Ивана или страсть къ тяжбамъ", я ласкаюсь надеждою, что приношеніе сіе вы примете со всегдашнимъ вашимъ великодушіемъ и тѣмъ обяжете меня къ новой благодарности. 2-го февраля.

Романъ „Два Ивана или страсть къ тяжбамъ" носитъ исключительно нравоописательный характеръ, и по содержанію опять-таки настолько отличается отъ другихъ романовъ и повѣстей В. Нарѣжнаго, что можетъ служить новымъ доказательствомъ разнообразія, а слѣдовательно и силы его таланта. Здѣсь авторъ знакомитъ читателя съ бытомъ старинныхъ малороссійскихъ помѣщиковъ средней руки; и описываетъ судьбу трехъ семействъ, раззоренныхъ въ конецъ многолѣтней тяжбой. Поводомъ къ ней служитъ ничтожный случай; но подъ вліяніемъ чувства мести и оскорбленнаго самолюбія, страсти обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ разгараются все болѣе и болѣе и доводятъ ихъ до ожесточенной ненависти, передъ которой умолкаетъ голосъ разсудка, денежныя и другія соображенія. Такимъ образомъ, Нарѣжный въ своемъ романѣ „Два Ивана или страсть къ тяжбѣ", не ограничивается описаніемъ подробностей домашняго быта выведенныхъ имъ дѣйствующихъ лицъ и обрисовкою отдѣльныхъ типовъ и единичныхъ чертъ характера, а ставитъ

---

[1]) Ѳедоръ Павловичъ Вронченко († въ 1852 г.), товарищъ В. Нарѣжнаго по московскому университету, впослѣдствіи занимавшій послѣ Канкрина должность министра финансовъ съ 1840—1850 гг. См. И. С. Блiохъ, „Финансы Россіи XIX столѣтія", т. I. Спб. 1882 г., стр. 241—249.

Н. А. В.

себѣ болѣе широкую задачу — изобразить типичную національную особенность малороссійскихъ нравовъ.

Сутяжничество, какъ извѣстно, составлявшее издавна отличительную черту малороссійскихъ нравовъ вообще и, преимущественно, малороссійскаго „шляхетства“, до сихъ поръ держится тамъ во всей силѣ, какъ показываетъ число постоянно возникающихъ новыхъ тяжебныхъ дѣлъ, которыя служатъ не малымъ обремененіемъ для нынѣшнихъ судовъ. Но для старыхъ судовъ, съ ихъ патріархальнымъ устройствомъ, этого рода дѣла составляли неисчерпаемый источникъ дохода, тѣмъ болѣе, что тогдашніе приказные, въ видахъ кормленія, не стѣсняясь, брали ту или другую сторону, смотря по степени щедрости „позывающихся“. Нарѣжный, живя до двѣнадцати-лѣтняго возраста въ Малороссіи, вѣроятно, не разъ слышалъ, по поводу происходившихъ въ это время тяжебъ, разсказы о прежнемъ способѣ веденія ихъ въ казацкихъ сотенныхъ и полковыхъ канцеляріяхъ. Приведенные въ романѣ образцы тогдашнихъ канцелярскихъ бумагъ едва-ли могутъ быть названы каррикатурой, а скорѣе служатъ наглядными, хотя, быть можетъ, и преувеличенными образцами стараго канцелярскаго слога и своеобразныхъ судейскихъ рѣшеній.

Романъ Нарѣжнаго: „Два Ивана или страсть къ тяжбамъ“ еще рельефнѣе, нежели „Бурсакъ“, дѣлится на самобытную и подражательную часть. Если въ „Бурсакѣ“ талантъ автора проявляется съ большею силою, то самобытная часть все еще выступаетъ какъ-бы урывками и перемежается слабыми подражательными мѣстами. Между тѣмъ, въ романѣ „Два Ивана или страсть къ тяжбамъ“ самобытная часть совершенно отдѣлена отъ подражательной и носитъ характеръ вполнѣ законченнаго послѣдовательнаго разсказа, что уже составляетъ значительный шагъ впередъ въ литературной дѣятельности Нарѣжнаго, а равно и въ исторіи развитія русскаго самобытнаго романа вообще. Къ самобытной части романа „Два Ивана или страсть къ тяжбамъ“ можно отнести цѣликомъ весь первый томъ и начало втораго; къ подражательной части — весь конецъ втораго тома.

Мы изложимъ здѣсь въ общихъ, наиболѣе характерныхъ чертахъ содержаніе самобытной реальной части романа и, по возможности, словами самого автора.

Романъ начинается съ описанія грозы подъ Миргородомъ, сопровождаемой сильными порывами вѣтра и проливнымъ дождемъ. Въ это время, „и подлинно невеселое“, два молодыхъ философа изъ Полтавской семинаріи пробирались лѣсомъ, по глинистой дорогѣ,

останавливаясь почти на каждомъ шагу, чтобы закрыть руками глаза, ослѣпляемые блескомъ молніи, и выжать съ усовъ жидкую грязь, со шляпъ струившуюся.

— Вотъ настоящій Девкаліоновъ потопъ, сказалъ одинъ изъ философовъ... Миргородскій протопопъ не напрасно предсказывалъ бурю, но ты во всемъ виноватъ, другъ Никаноръ. Тебя никакъ нельзя было уговорить, чтобъ остаться и въ безопасномъ убѣжищѣ пѣть псалмы и стихири и принимать рукоплесканія.

— Твоя правда, Коронатъ, отвѣчалъ другой,—но мнѣ хотѣлось, если не къ ночи сегодня, то, по крайней мѣрѣ, завтра поутру обнять своихъ родителей, съ коими я не видѣлся цѣлыя десять лѣтъ..

Такимъ образомъ, разсуждая то въ слухъ, то про себя, молодые бѣдняки продолжали путь, и въ непродолжительномъ времени увидѣли вдали кибитку, стоявшую въ саженяхъ десяти отъ дороги, а подъ кибиткою нѣчто весьма толстое, покрытое чернымъ войлокомъ.

— Это навѣрное хозяинъ укрывается отъ непогоды, замѣтилъ одинъ изъ нихъ,—вотъ и пара коней, привязанныхъ къ осинѣ.

— Пойдемъ-же туда, сказалъ другой, — и усядемся по сторонамъ сего многоопытнаго Улисса, не ходящаго, подобно намъ, подъ дождемъ, по уши въ грязи, а всегда имѣющаго при себѣ священную эгиду Минервину, т. е. свою кибитку...

Они пошли далѣе, достигли кибитки, сколь возможно тише усѣлись подъ нею и, снявъ шляпы, начали щипать траву и вытирать ею лица свои. Вскорѣ дождь и вихрь поутихли и философы увидѣли, что войлокъ пошевелился, послышалась сильная зѣвота и медленно показались двѣ ноги; затѣмъ послышался басистый голосъ: „ну, что ты?“ и еще двѣ ноги выставились.

Студенты всполошились; но недолго пробыли въ нерѣшимости, придвинули къ себѣ страннические посохи, и одинъ пошепталъ другому что-то на ухо. Они погладили чубы, раздвинули усы, и, раздувъ щеки, съ величайшею отвагою возопили:

— „Заблудихъ яко овча погибшая; погна врагъ душу мою; посади въ темныхъ, и унѣ во мнѣ духъ мой...“

— Съ нами крестная сила! Что за бѣсовщина! раздались голоса изъ-подъ войлока: онъ быстро открылся до половины и двое пожилыхъ мужчинъ, приподнявшись, усѣлись противъ студентовъ, которые, не безъ замѣшательства, опустили взоры въ землю и сжали губы.

Хозяева кибитки и, по самой наружности, казалось, были люди степенные и не простые. Они одѣты были въ синія черкески; у одного висѣла съ боку сабля, а другой имѣлъ за поясомъ кожаный футляръ, въ какихъ обыкновенно приказные грамотѣи носили свинцовую чернильницу. нѣсколько перьевъ, ножикъ, съ придѣланною къ нему печатью и палочку сургучу. Они захотѣли знать о житьѣ-бытьѣ незнакомцевъ, объ ихъ родѣ и племени, и молодые философы, не желая „безчестить своего шляхетскаго званія“ неопрятнымъ видомъ, выдали себя за дьячковскихъ дѣтей, которые, пользуясь вакантными днями, расхаживали по городамъ, хуторамъ и селамъ, чтобы пѣніемъ и рѣчами собрать денегъ на новое платье.

Хозяева кибитки, въ свою очередь, объявили юношамъ, что они „первостатейные“ шляхтичи изъ большаго селенія Горбылей, друзья съ отроческихъ лѣтъ, оба называются Иванами и что для различія въ постороннихъ бесѣдахъ одного изъ нихъ стали величать „Иваномъ Старшимъ“ а другаго „Иваномъ Младшимъ“.

— Послѣ завтра, добавилъ Иванъ Старшій, въ селѣ нашемъ ярмарка, по случаю дня Ивана Купала, и мы оба имянинники. Если вы и впрямь честные парни..... и согласитесь повеселить насъ и друзей нашихъ пѣніемъ и сказываніемъ похвальныхъ рѣчей, то увѣряю моею шляхетскою честью, что идти далѣе и, драть горло вы не будете имѣть надобности.... Итакъ, студенты, что вы на это скажете?

Мнимые дьячковскіе дѣти пришли въ немалое смущеніе отъ такого предложенія, и чтобы объяснить свой отказъ, должны были заявить, что они сами принадлежатъ къ шляхетскому званію, не имѣютъ ни въ чемъ нужды и хотятъ провести наступающій праздникъ у своихъ отцовъ, которые также называются Иванами. При этихъ словахъ старые шляхтичи переглянулись, и лица ихъ просіяли, такъ какъ они начали догадываться, что видятъ передъ собою своихъ возмужавшихъ сыновей, отправленныхъ десять лѣтъ тому назадъ въ Полтавскую семинарію, что и подтвердилось дальнѣйшими разспросами. Когда всѣ достаточно успокоились отъ радостной встрѣчи и могли продолжать путь, два Ивана рѣшили вернуться домой съ дорогими гостями и отложить на нѣсколько дней свою поѣздку въ Миргородъ, куда они собрались, чтобы „понавѣдаться о своемъ дѣлѣ“ съ паномъ Харитономъ Занозою.

На слѣдующій день молодые философы узнали подробно въ чемъ состояло „дѣло“ ихъ родителей въ Миргородѣ, изъ-за котораго они уже десять лѣтъ „позывались“ съ шляхтичемъ Харитономъ Занозою, въ Сотенной канцеляріи, хотя поводъ къ тяжбѣ былъ такой же ничтожный, какъ и въ Гоголевской „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“.

Здѣсь причиною ссоры были кролики, принадлежавшіе Ивану Старшему, которые пролѣзли въ садъ пана Харитона и произвели тамъ опустошеніе. Два Ивана, не зная о случившемся, мирно бесѣдовали послѣ обѣда въ саду Ивана Старшаго, какъ услышали выстрѣлы за плетневымъ заборомъ, раздѣлявшимъ сады сосѣдей, и увидѣли кучу бѣжавшихъ къ нимъ, кроликовъ, облитыхъ кровью, а за ними показался шляхтичъ Харитонъ, съ ружьемъ въ рукахъ, въ сопровожденіи своего пятилѣтняго сына, который несъ съ полдюжины убитыхъ кроликовъ.

... „Кто опишетъ мѣру нашего негодованія и гнѣва, разсказывалъ Иванъ младшій.—Что за храбрость оказалъ ты, панъ Харитонъ, вскричалъ другъ мой Иванъ, и какъ осмѣлился ты такъ буянить? Сосѣдъ, не скидывая колпака,—а надо знать, что мы оба были съ открытыми головами — подошелъ къ самому забору и сказалъ: на сегоднишній ужинъ дичины довольно, и я сказывалъ тебѣ, панъ Иванъ, что, если не переведешь сихъ проклятыхъ животныхъ... то я въ скорости всѣхъ ихъ доканаю, а сверхъ того стану позываться.—Ахъ ты невѣжа, бурлакъ! и ты осмѣлился говорить это военному человѣку, не скинувъ колпака! вскричалъ другъ мой Иванъ, выдернулъ колъ изъ забора, взмахнулъ и колпакъ взвился на воздухъ. Но, какъ это сдѣлано въ торопяхъ, то колъ какъ-то задѣлъ сосѣда по уху, оттолѣ соскочилъ на високъ, сосѣдъ полетѣлъ на траву и мы съ торжествомъ воротились каждый въ домъ свой.

„Вотъ основа тяжбы, добавилъ разскащикъ. Начались слѣдствія, переизслѣдованія, и день-ото-дня дѣло наше становилось запутаннѣе. Я, будучи человѣкъ приказный, помогалъ другу своему совѣтами и перомъ, а за то и самого меня опутали сѣтью неразрывною... и такимъ образомъ, во всегдашнемъ ратоборствѣ протекло около десяти лѣтъ. Въ теченіе сего времени, съ нашей стороны погублены: цѣлое стадо гусей, утокъ, множество свиней овецъ, козъ и барановъ; за то и у пана Харитона убыло: три пары рабочихъ воловъ, двѣ лошади и нѣсколько коровъ съ телятами... Но кто исчислитъ всѣ убытки, кои одна сторона другой причинила!"... (стр. 19—22, I изд. 1836 г.).

Далѣе слѣдуетъ описаніе сельской ярмарки. Два Ивана не прежде рѣшились выйти изъ дому, въ сопровожденіи гостей и домочадцевъ, какъ, получивъ удостовѣреніе отъ посланнаго слуги, что „пана Занозы не видно". Они уже обошли нѣсколько разъ ярморочную площадь и сдѣлали нѣкоторыя покупки, какъ на главной улицѣ показался панъ Харитонъ со всѣми домашними и множествомъ гостей, въ числѣ которыхъ былъ сотенный писецъ Анурій и два „подписчика". Противники вскорѣ сошлись: началась перебранка, за которою слѣдовали палочные удары, а панъ Заноза уже схватился за ефесъ сабли, но писецъ Анурій удержалъ его воззваніемъ:

— „Панъ Харитонъ, какая польза, слѣдовательно, какая и честь, что ты прольешь кровь человѣческую? Кромѣ убытковъ, горя и, наконецъ, несчастія отъ этого ничего не будетъ! Не лучше-ли тебѣ позываться? Я съ сею челядью моихъ подписчиковъ переночую у тебя, а завтра, или послѣ завтра настрочу прошеніе въ Сотенную канцелярію и всѣ вмѣстѣ пустимся въ городъ".

Панъ Харитонъ кивнулъ головою въ знакъ согласія и молча пошелъ въ обратный путь.

На слѣдующій день Иванъ Младшій, въ свою очередь, сочинилъ прошеніе въ Сотенную канцелярію, въ которомъ жаловался на пана Харитона. Прошеніе это было прочитано Ивану Старшему, въ присутствіи обоихъ студентовъ и единогласно признано „премудрымъ",

послѣ чего кибитка была запряжена, оба друга сѣли и отправились знакомою дорогою „позываться“.

XXIII.

Пока шляхтичи судились въ Миргородѣ, ихъ жены и дѣти усердно посѣщали ярмарку. Молодые философы, одѣтые въ новыя платья, важно расхаживали въ толпѣ поселянъ, съ затаенною надеждою встрѣтить красивыхъ дочерей пана Харитона, плѣнившихъ ихъ сердца, во время уличной стычки позывающихся шляхтичей. Но, только, въ послѣднiй день ярмарки желанiе ихъ исполнилось, такъ какъ, протѣснясь сквозь толпу къ скоморохамъ, они очутились рядомъ съ женой и дочерьми пана Харитона, вѣжливо раскланялись съ ними и съ ловкостью городскихъ щеголей, вступили въ разговоръ. Эта отрывочная бесѣда юношей съ наивными сельскими красавицами, ихъ дальнѣйшее настойчивое ухаживанiе за ними, первыя свиданiя въ баштанѣ, подъ прикрытiемъ сумерокъ, а равно и вся исторiя непосредственной, быстро развивающейся любви, усиленной препятствiями (стр. 32 — 50, I) — прекрасно очерчены авторомъ. Здѣсь мы видимъ новую черту таланта В. Нарѣжнаго и прямое доказательство, что, еслибы и съ этой, чисто романической стороны, онъ рѣшился идти самобытнымъ, а не подражательнымъ путемъ, то его произведенiя, вѣроятно, не прошли бы незамѣченными въ нашей литературѣ. Но, вскорѣ, свиданiя въ баштанѣ были прекращены обратнымъ прибытiемъ въ Горбыли трехъ шляхтичей. Оба Ивана вернулись изъ Миргорода крайне недовольные своею поѣздкою, проклиная пана Харитона, глупость сотника и плутовство дьяка, который послѣ поднесеннаго ими рубля, кадушки меда и боченка пѣннику, торжественно обѣщалъ имъ свое покровительство, а затѣмъ, получивъ „кое-что“ отъ пана Харитона, неожиданно перешелъ на его сторону.

При этихъ условiяхъ, миръ не могъ быть продолжителенъ. Новая „пакость“, учиненная двумя Иванами ихъ противнику, заключалась въ томъ, что они, вооружившись ружьями, отправились въ хуторъ пана Харитона и истребили тамъ немалое число голубей, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ, а сыновья ихъ, сверхъ того, сожгли до тла голубятню. Панъ Харитонъ, въ свою очередь, отомстилъ за нанесенный ему убытокъ уничтоженiемъ пасѣки Ивана Старшаго, послѣ чего разгнѣванные паны снова укатили въ городъ, чтобы искать правосудiя у Сотенной канцелярiи.

Съ отъѣздомъ родителей, влюбленные опять увидѣлись на баштанѣ; и „прекрасныя птички такъ проворно и охотно кинулись въ разставленныя имъ сѣти“, что Никаноръ, сынъ Ивана Старшаго, который былъ вообще энергичнѣе своего товарища, рѣшилъ обратиться къ помощи богатаго дѣда, пана Артамона, жившаго по сосѣдству. При его содѣйствіи, дочери Харитона Зансзы были тайно обвѣнчаны съ сыновьями его заклятыхъ враговъ, и, съ этихъ поръ, ничто уже не мѣшало имъ наслаждаться своимъ счастьемъ. Такъ прошло около мѣсяца.

.... „Новобрачные считали себя преблагополучными людьми, между тѣмъ, какъ отцы ихъ, позываясь между собою безпрестанно и дѣлая другъ другу возможныя пакости, едва-ли не были самые несчастные изъ всего села Горбылей.. Нѣсколько разъ писали они къ своимъ семействамъ, и эти писанія преисполнены были жалобъ—то на неправосудіе начальства, какъ-то сотника, есаула, дьяка и проч., то предавая сугубому проклятію противную сторону. Всякій однакожъ надѣялся взять верхъ, почитая дѣло свое правымъ“... (стр. 79, I).

Наконецъ, сыновья двухъ Ивановъ вспомнили о своихъ злополучныхъ родителяхъ, и чтобы доставить имъ, хотя временное торжество надъ противникомъ, вызвали изъ Миргорода пана Харитона ложнымъ извѣстіемъ о пожарѣ его дома и болѣзни жены и дочерей. Панъ Харитонъ поспѣшилъ домой, но, убѣдившись, что онъ обманутъ, напился до безчувствія, такъ что семья, считая его умершимъ, пригласила для чтенія псалтыря дьячка Ѳому, который едва не умеръ отъ страха, когда мнимый мертвецъ очнулся и заговорилъ съ нимъ. (Стр. 93—112, I).

Эта сцена, вслѣдствіе утрировки, принадлежитъ къ слабымъ страницамъ самобытной части романа; но она выкупается дальнѣйшимъ, вполнѣ реальнымъ и безъискусственнымъ, описаніемъ празднества въ домѣ пана Харитона, прерваннаго неожиданнымъ прибытіемъ писца Сотенной канцеляріи, пана Анурія.

... Всѣ изъ почтенія привстали, а хозяинъ, ласково обнявъ гостя, усадилъ на своемъ мѣстѣ и предложилъ свой кубокъ съ варенухой. Всѣ глядѣли ему въ глаза, ловили каждое слово и хохотали, когда сей глупецъ улыбался своимъ выдумкамъ. Когда онъ вылилъ въ себя три кубка, то, избоченясь, произнесъ:—что дашь, панъ Харитонъ, за добрыя вѣсти, привезенныя мною изъ города? Самъ сотникъ, отдавая мнѣ свертокъ бумагъ, сказалъ: поѣзжай, дружище, и бумаги эти отдай самому пану Харитону. Изъ сего заключаю, что онѣ благопріятны, ибо я въ заключеніяхъ никогда не обманываюсь.—Понимаю! понимаю! сказалъ съ улыбкой хозяинъ, и поспѣшилъ поднести гостю новую шляпу, новые сапоги и глиняную трубку, купленную въ Полтавѣ.

Панъ Анурій принялъ благосклонно подносимое, съ важностью вынулъ опредѣленіе Сотенной канцеляріи, надѣлъ очки и началъ читать слѣдующую бумагу, которая, по своеобразному способу изложенія и содержанію, не уступаетъ прошеніямъ Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, поданнымъ въ миргородскій повѣтовый судъ, въ Гоголевской повѣсти.

„Панъ Харитонъ Заноза жалуется, что паны Иваны, Зубарь и Хмара сожгли у него голубятню и съ голубями, коихъ было болѣе двухъ сотъ; а паны Иваны доказываютъ, что у старшаго изъ нихъ истреблена пасѣка, въ коей было не менѣе пятидесяти ульевъ.

„Сотенная канцелярія, по долгу своему, вникнувъ въ сіи обстоятельства опредѣляетъ:

1) Предположа, что у пана Харитона при сгорѣніи голубятни погибли всѣ голуби, коихъ было счетомъ болѣе двухъсотъ, т. е. двѣсти одинъ, то, назнача высшую цѣну, за каждаго по полушкѣ, выйдетъ убытку на пятьдесятъ копѣекъ съ полушкой. Но какъ паны Иваны клятвенно увѣряютъ, что въ пищу употребили только двадцать птицъ, слѣдовательно, настоящаго убытку принесли на пять копѣекъ, прочіе же голуби частію разлетѣлись, частію сгорѣли. А какъ никто ни одному голубю не связывалъ и не обрѣзывалъ крыльевъ, то и прочіе могли улетѣть; и такъ они изжарились по доброй волѣ.

2) У пана Ивана Старшаго истреблено пятьдесятъ ульевъ, и, по теперешней порѣ, наполненныхъ сотами. По справочнымъ цѣнамъ каждой таковой улей стоитъ шестьдесятъ копѣекъ; и такъ всего убытку выйдетъ на тридцать рублей. Исключа изъ сей суммы пять копѣекъ, панъ Харитонъ причинилъ пану Ивану Старшему истиннаго убытку на двадцать девять рублей девяносто пять копѣекъ; каковыя деньги въ теченіи трехъ дней и долженъ непремѣнно выдать писцу Анурію. Для необходимыхъ расходовъ Сотенной канцеляріи удержится двадцать восемь рублей девяносто пять копѣекъ, затѣмъ остающійся цѣлой рубль имѣетъ быть выданъ пану Ивану Старшему съ распискою“ (стр. 117—118, I).

Панъ Харитонъ, не помня себя отъ бѣшенства, выхватилъ бумагу, изорвалъ въ куски и кинулъ въ лицо послу Сотенной канцеляріи.

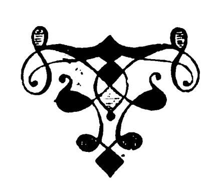
Со всѣхъ сторонъ послышался ропотъ; но панъ Харитонъ ни на что не обращалъ вниманія; онъ схватилъ за воротъ пана Анурія, вытащилъ на дворъ и, бросивъ въ одноколку, подалъ ему вожжи въ руки. Не довольствуясь этимъ и двумя подзатыльниками, онъ поднялъ съ земли березовый сукъ и началъ поражать имъ то лошадь, то Анурія. Бѣдное животное, сколько было въ немъ силы, бросилось со двора на улицу, а панъ Харитонъ туда же выскочилъ и кричалъ вслѣдъ писцу: „Скажи дураку сотнику и бездѣльникамъ членамъ Сотенной канцеляріи, что они беззаконники, и что я завтра же ѣду въ Полтаву позываться съ ними въ Полковой канцеляріи!“...

На другой день, панъ Харитонъ выѣхалъ изъ Горбылей въ самомъ невеселомъ настроеніи духа, тѣмъ болѣе, что узналъ отъ пріятелей, что его торжествующіе враги вернулись изъ Миргорода и „подняли такое ликованіе, какъ бы сдѣлали и Богъ знаетъ какое пріобрѣтеніе“. Теперь онъ болѣе, чѣмъ когда либо, ненавидѣлъ ихъ.

Слѣдующее затѣмъ описаніе поджога мельницъ въ романѣ Нарѣжнаго настолько напоминаетъ, по общему тону, сцену уничтоженія гусинаго хлѣва Иваномъ Ивановичемъ въ „Повѣсти о томъ какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“, что мы приведемъ это описаніе словами автора:

„Лишь только панъ Харитонъ очутился на выгонѣ, то представились ему принадлежащія панамъ Иванамъ двѣ вѣтряныя мельницы въ полномъ дѣйствіи. Онъ подъѣхалъ ближе и остановился. Пріѣхавшіе съ возами ржи и пшеницы крестьяне, сидя кружкомъ, курили тютюнъ и разсказывали другъ, другу чудныя были, кому либо на роду приключившіяся; внутри мельницы раздавались веселыя завыванія мельника. Для всякаго другаго путешественника эта сельская картина показалась-бы забавною, но панъ Харитонъ, смотря на нее, повергся еще въ бо́льшую мрачность... Онъ поѣхалъ далѣе и въ первомъ перелѣскѣ остановился подъ предлогомъ отдыха. Лошади были пущены на траву, а панъ и его слуга разлеглись въ тѣни древесной. Разъ двадцать спрашивалъ Лука (своего пана) не прикажетъ-ли впрягать кобылу и сѣдлать иноходца, и всегда получалъ въ отвѣтъ: погоди!—Наконецъ настали сумерки глубокіе и панъ Харитонъ вскочилъ съ одра зеленаго: — Впрягай кобылу въ возокъ и сѣдлай иноходца, сказалъ онъ слугѣ, и жди меня здѣсь... я скоро буду. Онъ скорыми шагами пустился... прямо къ мельницамъ. Достигши своей цѣли, онъ не видалъ уже ни одной души живой. Предварительно собрано имъ въ полѣ и снесено къ обѣимъ жертвамъ его ненависти множество сухаго хвороста, сѣна, соломы и прочаго дрязгу. Потомъ, высѣкши огня въ трутъ, положилъ его въ горсть сѣна и началъ со всей силы махать рукой, въ коей заключалась искра и вскорѣ произвелъ пламя. Тогда сунувъ клочекъ сей подъ главное мельничное колесо, началъ подкладывать собранные имъ припасы, и когда увидѣлъ, что огонь коснулся строенія и оно задымилось, то онъ часть горѣвшихъ веществъ сообщилъ и другой мельницѣ и, отошедъ саженей на сто впередъ, остановился, чтобы полюбоваться плодомъ своей храбрости. Пламень скоро охватилъ обѣ мельницы... и панъ Харитонъ, видя, что его мщеніе въ полной мѣрѣ удовлетворено будетъ, пошелъ спокойно къ своему становищу“ и вмѣстѣ съ Лукою отправился въ дальнѣйшій путь.

На другой день утромъ всѣ въ Горбыляхъ узнали „о новой пакости, сдѣланной панамъ Иванамъ“, и никто въ цѣломъ селѣ не сомнѣвался, что это дѣло раздраженнаго шляхтича.

XXIV.

Наступила глубокая осень, но о панѣ Харитонѣ не было никакихъ слуховъ. Поэтому жена его и дочери сердечно обрадовались, когда въ одно утро вошла ключница съ извѣстіемъ, что дьячокъ Ѳома ожидаетъ ихъ въ большой горницѣ, съ письмомъ изъ Полтавы. Жена Харитона ласково встрѣтила и попотчивала дьячка, который долженъ былъ прочесть имъ полученное письмо, такъ какъ она и обѣ дочери были безграмотныя.

Считаемъ нелишнимъ привести здѣсь содержаніе характернаго письма пана Харитона, тѣмъ болѣе, что оно служитъ для автора поводомъ представить новый типъ сельскаго дьячка,—еще болѣе своеобразнаго, чѣмъ дьячокъ Варухъ въ „Бурсакѣ",—и изобразить его съ свойственнымъ ему юморомъ:

„Жена Анфиза и дѣти: Власъ, Раида и Лидія! всѣмъ желаю здравствовать, писалъ панъ Харитонъ.

„Было-бы вамъ извѣстно, что полтавскій полковникъ не умнѣе Миргородскаго сотника, а члены Полковой канцеляріи нахальнѣе, злобнѣе, прижимчивѣе, чѣмъ члены Сотенной. Они присудили, чтобы за безчестіе, причиненное мною при множествѣ свидѣтелей писцу Анурію,—великое подлинно безчестіе получить нѣсколько ударовъ въ спину отъ урожденнаго шляхтича,—заплатилъ я двѣсти злотыхъ! Да если-бы я и до смерти убилъ негодяя Анурія, то нельзя требовать больше за это увѣчье, какъ развѣ двадцать или тридцать злотыхъ. Выслушавъ такое нелѣпое рѣшеніе, я твердо отрекся отъ исполненія, и бездушники опредѣлили отдать ему въ вѣчное и потомственное владѣніе мой хуторъ съ крестьянами и со всѣми угодьями... Однако-жъ, чтобъ не ударить себя лицомъ въ грязь... теперь-же отправляюсь въ Батуринъ, гдѣ до послѣдняго издыханія намѣренъ позываться въ Войсковой канцеляріи съ Полковою и Сотенною. Скорѣе соглашусь видѣть васъ въ рубищахъ, босыхъ протягивающихъ руки для испрошенія куска хлѣба, или даже умирающихъ отъ голода, чѣмъ поддамся моимъ злодѣямъ. Когда Ѳома читаетъ вамъ эти строки, то знайте, что я уже въ Батуринѣ. Прощайте. Будьте здоровы. Харитонъ Заноза".

Мать и дочери поблѣднѣли, узнавъ о новыхъ подвигахъ пана Занозы, а у дьячка Ѳомы пучекъ сталъ дыбомъ, но онъ прежде всего оправился; да и естественно. „Хотя онъ сердечно преданъ былъ пану Харитону, но все-же не былъ ему ни братъ, ни другъ, а потеря первымъ хутора не лишало послѣдняго ни одной полушки изъ обыкновенныхъ его доходовъ".

— „Слава Богу! воззвалъ Ѳома, обратясь къ образамъ и перекрестясь трижды,—слава Богу! теперь-то конецъ всѣмъ позываніямъ... Правда, съ потереею хутора вы должны во многомъ себя ограничить; но это въ существѣ ничего не значитъ. Начиная отъ моего, блаженной памяти, прадѣда Максима, до меня, нижайшаго, дьячка Ѳомы, никто не имѣлъ болѣе имѣнія, кромѣ

низменной хаты и небольшаго огорода,—а припомните, видали-ли вы когда меня печальнымъ... Такъ-то и съ вами будетъ. У васъ остается еще этотъ просторный домъ, большой садъ, три хаты крестьянъ и довольное количество земли. Если панъ Харитонъ, вмѣсто позыванья, займется хозяйствомъ, то жизнь ваша потечетъ въ покоѣ и довольствѣ".

Эти слова велемудраго Ѳомы ободрили сѣтующихъ женщинъ; онѣ дали слово ждать съ христіанскимъ терпѣніемъ конца затѣямъ пана Харитона, при чемъ просили дьячка навѣщать ихъ сколько можно чаще и не оставлять благими совѣтами.

Такимъ образомъ, дьячокъ Ѳома сдѣлался какъ-бы дворецкимъ въ домѣ Анфизы. Онъ увѣщевалъ и домашнихъ служителей и сельскихъ крестьянъ, какъ можно меньше ѣсть и пить, дабы безбѣдно прожить до новаго хлѣба".

Когда-же одинъ старикъ спросилъ: „Для чего-же ты, честной дьячокъ, за панскимъ столомъ кушаешь и попиваешь за троихъ?"

— Другъ сердечный, отвѣчалъ Ѳома,—если я увѣщеваю сохранить строгую умѣренность, то разумѣю время, когда вы садитесь за столъ у себя дома. Если-же, по волѣ Господней, случится кому-либо изъ васъ быть приглашену въ гости... о, тогда можете, даже обязаны насыщать чрева свои, елико возможно..." (стр. 22—27, II).

Въ то время, какъ Анфиза и ея дочери, мало-по-малу, свыкались съ новымъ образомъ жизни, а паны Иваны безпокоились объ участи своихъ сыновей, пропавшихъ безъ вѣсти, незамѣтно подошелъ Свѣтлый праздникъ. „Веселыя толпы народа обоего пола и разнаго возраста бродили изъ улицы въ улицу и громкое пѣніе раздавалось по воздуху; случившіеся на ту пору въ Горбыляхъ запорожцы, водя за собой гудочниковъ и цимбалистовъ, тѣшили народъ пляскою, борьбою и кулачными боями..."

На третій день праздника, передъ обѣдомъ, Анфиза, съ дѣтьми и дьячкомъ Ѳомою сидѣли у оконъ на лавкахъ и „смотрѣли на веселящихся", какъ вдругъ услышали топотъ коней и увидѣли остановившуюся у воротъ польскую бричку, а позади ея повозку пана Харитона, изъ брички сошли сотникъ Гордей съ эсауломъ, а изъ кибитки—писецъ Анурій, и громогласно прочиталъ опредѣленіе войсковой канцеляріи, по которому у пана Харитона, „за буйные и законопротивные поступки, велѣно отобрать Горбылевскій домъ, съ принадлежащими ему садами, огородами и полями и отдать во владѣніе сотнику Гордею, а женѣ и дѣтямъ пана Харитона предоставить право выйти изъ дому въ томъ одѣяніи, въ какомъ застигнуты будутъ" (стр. 33—34, II).

Анфиза, выслушавъ опредѣленіе войсковой канцеляріи, „въ полубезчувствіи упала на скамью, у забора стоящую... Самъ дьячокъ

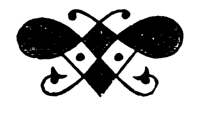
Ѳома, приглаживая волосы, не могъ ничего выдумать и бросалъ пасмурные взоры то на страждущихъ, то на кучу любопытнаго народа, собравшагося у воротъ дома. Но тутъ сквозь толпу пробрался незнакомый старикъ, въ богатой одеждѣ, и ласково предложилъ безпріютной семьѣ убѣжище въ своемъ домѣ, до возвращенія Харитона Занозы. Это былъ панъ Артамонъ, дядя Ивана Старшаго, который, въ первомъ томѣ романа, выручилъ изъ бѣды молодыхъ философовъ, послѣ приключенія въ баштанѣ.

Два Ивана искренно порадовались несчастію своего злѣйшаго врага; но ихъ веселье было непродолжительно, потому что вечеромъ того-же дня сотникъ Гордей вломился въ домъ Ивана Старшаго, въ сопровожденіи сотскихъ и десятскихъ, а къ Ивану Младшему явился писецъ Анурій, съ такой-же свитой. Затѣмъ обоимъ Иванамъ было объявлено, чти „за ихъ буйства и неистовства, зажигательства, мудрая Войсковая канцелярія присудила лишить обоихъ движимаго и недвижимаго имѣнія и, отобравъ отъ нихъ оное, приписать къ сотенному имѣнію...“ (стр. 52, II).

Здѣсь собственно конецъ романа и его естественная развязка; но авторъ, по обычаю романистовъ стараго времени, еще находитъ необходимымъ, съ нравоучительною цѣлью, довести „позывающихся“ шляхтичей до полнаго раскаянія и наградить всякимъ благополучіемъ. Такимъ образомъ, изобразивъ реальную и вполнѣ возможную картину постепеннаго раззоренія трехъ семействъ отъ долгой тяжбы, которая повела къ обѣдненію принадлежавшихъ имъ крестьянъ и разстройству всего хозяйства, онъ сразу хочетъ поправить зло, накопившееся годами. Чудо это совершается при помощи добродѣтельнаго пана Артамона, который, не довольствуясь широкимъ гостепріимствомъ, какое онъ оказываетъ разореннымъ семействомъ, выкупаетъ изъ казны все имущество, отнятое у трехъ шляхтичей, приводитъ въ цвѣтущее состояніе принадлежавшіе имъ сады и поля, возобновляетъ постройки и устраиваетъ благоденствіе крестьянъ. Затѣмъ, когда панъ Артамонъ окончательно убѣждается въ искреннемъ раскаяніи трехъ шляхтичей и желаніи забыть старую вражду, то водворяетъ ихъ въ прежнихъ владѣніяхъ, подъ условіемъ „жить въ мирѣ и помогать другъ другу“.

Н. А. Бѣлозерская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Павелъ Андреевичъ Нoранович.

Къ Запискамъ „Русская Старина" 1891 г., т. LXX, май.

Еще вношу высокопочтенное имя дѣятеля науки, пропущенное мною въ своемъ мѣстѣ въ моихъ Запискахъ. Павелъ Андреевичъ Норановичъ былъ адъюнктомъ у профессора Буяльскаго и впослѣдствіи профессоромъ анатоміи и даже начальникомъ академіи. Онъ былъ отличный и счастливый хирургъ и всѣми уважаемый за свои честныя правила коллега; о немъ я сообщу въ слѣдующей книгѣ уважаемой „Русской Старины" отдѣльный мой разсказъ („Русская Старина", 1891 г., авг.).

Н. Ѳ. Здекауеръ.

Ѳ. И. Веревкинъ

художникъ-граверъ на мѣди.

Въ спискѣ гравюръ, исполненныхъ этимъ художникомъ на мѣди, каковой списокъ помѣщенъ въ „Русской Старинѣ" 1891 г., т. LXX, апрѣль, стр. 249, вкрались ошибки, исправя которыя надлежитъ нижеслѣдующія строки читать такъ:

Въ **1884** г.: копія съ портрета Лебрена, гравирован. Эделлингомъ.

Въ **1885** г.: портретъ художника Лебедева, съ рисунка Васильева.

Въ **1886** г.: гравюра съ фотографіи портретъ Я. П. Полонскаго.

„Мальчикъ садовникъ" Кипренскаго.

Въ **1888—1889** гг.: портретъ Е. И. В. Великаго Князя Владиміра Александровича.

Ред.

ЗАПИСКИ РЕКТОРА И ПРОФЕССОРА

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ

ѲЕДОРА ИВАНОВИЧА ІОРДАНА

1800 13-го августа род. / ум. 19-го сентября 1883.

Боже, благослови продолженіе моихъ воспоминаній и дай мнѣ память ихъ припомнить (1875 г.).

Ѳ. Іорданъ.

XIX [1]).

Черезъ два дня я получилъ позволеніе заниматься въ Ватиканѣ, имѣя товарищами г. Полежини и швейцарца m-r Constantin, извѣстнаго французскаго живописца на эмали. Они оба со своими работами посторонились, и по добротѣ своей открыли мнѣ средину картины, что и нужно было для начала контура. Я началъ хлопотать о рисункѣ и далъ себѣ обѣтъ приложить все стараніе, чтобы превзойти, такъ сказать, самого себя, не оставлялъ рисунка почти ни на минуту, вставалъ утромъ въ 6 часовъ, къ 8 часамъ былъ на мѣстѣ въ Ватиканѣ и оставался до 4-хъ часовъ. Найдя, что оставаться безъ всякой

[1]) См. „Русскую Старину", изд. 1891 г., т. LXIX, мартъ, стр. 601 — 634; т. LXX, апрѣль, стр. 71—116; май, стр. 305—337; іюнь, стр. 547—580.

ѣды столь долгое время вредно, я началъ выходить въ полдень въ кофейную, находившуюся на площади Св. Петра, и тутъ обыкновенно выпивалъ стаканъ кофе съ молокомъ и булкою. Лѣтомъ было невыносимо знойно на этой площади; отъ нестерпимой жары, все вокругъ васъ, даже скотъ и собаки—все спало сномъ усталости. Тутъ мнѣ приходилось сверхъ шляпы набрасывать на голову свой сюртукъ, дабы избавить лице отъ палящаго солнца. Работающіе со мною удивлялись моей выдержкѣ, съ какою я переносилъ лѣтомъ жару, а зимою холодъ, не боясь работать съ окоченѣвшими руками въ большой залѣ, гдѣ нѣтъ никакой печи, кромѣ жаровни съ мелкимъ углемъ отъ древесныхъ вѣтвей [1]).

Рѣшившись, послѣ восьми мѣсяцевъ колебаній, привести въ исполненіе задуманное мною, я успокоился и началъ изыскивать себѣ друзей. Первымъ былъ мой другъ Ѳ. Ѳ. Рихтеръ, человѣкъ прекрасный и честнѣйшей души, отличный рисовальщикъ, но въ композиціяхъ не сильный. Онъ былъ прилеженъ и начитанъ; его бесѣда была для меня очень полезна. Къ намъ присоединился А. А. Ивановъ, мой товарищъ по академіи и по конкурсу на золотыя медали, которыя мы получили вмѣстѣ и вмѣстѣ отправились въ чужіе края: я—отъ академіи, онъ-же—отъ общества поощренія русскихъ художниковъ. Мнѣ назначенъ былъ Парижъ, ему—Римъ. Характера онъ былъ скрытнаго и всегда смѣялся. Онъ составлялъ также наше общество. Я пріѣхалъ послѣ 4-хъ лѣтняго пребыванія въ Парижѣ, и затѣмъ въ Лондонѣ, въ Римъ въ 1835 г. Въ это четырехлѣтіе А. А. Ивановъ написалъ отличную картину „Христосъ, яко вертоградарь". Затѣмъ, почти въ одно время, началъ я рисунокъ „Преображенья", а А. Ивановъ картину „Первое явленіе Христа народу". Онъ долго не рѣшался начать ее въ огромныхъ размѣрахъ. Мы часто сходились въ мысляхъ: написать ее въ размѣрѣ историческихъ картинъ Н. Пусина. Однажды, вечеромъ, онъ приходитъ въ Café Bon Gusto и объявляетъ, что онъ рѣшился, наконецъ, писать ее больше, чѣмъ „Мѣдный змій" Бруни. Пожелавъ ему успѣха, я сдѣлалъ ему замѣчаніе, что большія наши картины будутъ занимать много мѣста; онѣ очень неудобны, посему, если начать, то

---

[1]) См. примѣчаніе № 1 на стр. 70 („Русск. Стар." 1891 г., іюль).

слѣдуетъ разомъ начать и разомъ кончить, не тратя время на разъѣзды, которые онъ очень любилъ и которые затянули и отняли у него столько времени, что и черезъ 20 лѣтъ работы онъ всетаки картину не кончилъ. Ивановъ много тратилъ времени, выслушивая совѣты гостей и случайныхъ друзей.

Я считалъ милымъ, добрымъ и вполнѣ достойнымъ себѣ другомъ Ѳ. А. Бруни, котораго въ ученикахъ зналъ по виду и по фамиліи; не смотря на свою молодость, онъ въ академіи былъ двумя возрастами меня старше. Несмотря на то, что онъ былъ вхожъ въ римскіе дома и даже породнился съ домомъ Серни, богатымъ содержателемъ первой гостинницы въ Римѣ, женившись на его дочери, онъ не избѣгалъ русскихъ сотоварищей-художниковъ. Въ короткое время моего съ нимъ знакомства, онъ мнѣ сдѣлалъ удовольствіе пригласить меня съ товарищами моими А. А. Ивановымъ и Ѳ. Ѳ. Рихтеромъ на свою свадьбу съ премилою дѣвицею Анджеликою Серни. Эта свадьба считалась рѣдкостью, чтобы за художника выдали дочь изъ богатаго дома, ибо художникъ не можетъ быть иначе, какъ бѣднякъ и съ отчаянными идеями и правилами жизни. Это сватовство морально для г. Бруни дорого стоило. Къ счастью, мать невѣсты, римлянка, умерла, а Бруни получилъ въ это время крестъ св. Анны третьей степени; отецъ ея, французъ, тотчасъ порѣшилъ дѣло и далъ ему руку своей дочери. Угощеніе въ день свадьбы, при множествѣ гостей, было превосходное, и я восхищался невѣстою, которая ласково говорила, обмахиваясь богатымъ вѣеромъ изъ страусовыхъ перьевъ. Затѣмъ молодымъ пришлось ѣхать въ Петербургъ; получивъ тамъ работу для Исакіевскаго собора, Бруни вскорѣ возвратился въ Римъ, и я съ удовольствіемъ вспоминаю тѣ пріятныя минуты, которыя я проводилъ въ его семействѣ. Онъ жилъ всегда со вкусомъ и умною роскошью, чему и былъ обязанъ своей женѣ.

Я восхищался А. А. Кипренскимъ, славнымъ художникомъ, съ предоброю душою, но его фанатическое пристрастіе и увлеченіе своими собственными произведеніями доходили до смѣшнаго и, наконецъ, до полоумія. Все, что ни дѣлалось или писалось въ Римѣ, гдѣ-бы студія какого-либо художника ни находилась, гдѣ было на что взглянуть или что увидать, и

въ какое-бы время года ни случилось, нашъ Кипренскій тамъ, и всегда относился благосклонно, особенно когда онъ замѣчалъ, что художникъ, котораго онъ посѣтилъ, цѣнитъ его достоинства, ибо самолюбію Кипренскаго не было мѣры. Онъ всѣхъ смѣшилъ словомъ „ортодоксъ", которое онъ повторялъ почти ежеминутно. Утромъ, онъ изъ первыхъ въ кофейной; модель у него имѣлась почти ежедневно. Выходя послѣ завтрака, онъ запасался бѣлымъ хлѣбомъ; собаки за дверьми кофейной ждали его, и будучи ими сопровождаемъ до студіи, онъ бросалъ имъ куски хлѣба, и ихъ драка веселила его. Проработавъ день, онъ отправляется бывало обѣдать и старается отыскать хорошее вино, которое онъ требуетъ по половинѣ фульсты, и къ концу вечера, когда онъ едва можетъ говорить отъ вина, передъ нимъ стоитъ цѣлая батарея этихъ полуфульстъ. Но Боже избави, если прислуга, которая знаетъ его слабость къ вину, посовѣтуетъ ему взять цѣлую фульсту, онъ входитъ въ обиду, давая ей знать, что онъ не пьяница и что пьетъ по малой полуфульстѣ; если-же-де понадобится, онъ спроситъ другую полуфульсту.

Разъ возвращаюсь я поздно изъ театра, желая что-нибудь закусить, вхожу въ трактиръ. Всѣ столы пусты, прислуга, облокотившись на свои руки, спитъ. Иду къ нашему русскому столу, стоитъ лампочка и въ полутьмѣ вижу Кипренскаго, съ цѣлою полубатареей полуфульстъ; въ рукахъ онъ держитъ приподнятый стаканъ краснаго вина передъ лампочкою, восхищается его цвѣтомъ. Говорилъ онъ едва внятно и языкъ отъ вина ослабъ. Всего удивительнѣе, что этотъ-же человѣкъ, первый изъ художниковъ, завтракаетъ на другой день веселый, шутитъ съ прислугою и собачки ждутъ его за дверьми кофейной. Онъ былъ довольно красивой наружности, съ красивыми вьющимися волосами; въ говорѣ слышенъ былъ у него свистъ; онъ былъ занятъ своею наружностью. О немъ разсказывали ужасную исторію: будто онъ имѣлъ на содержаніи одну женщину, которая его заразила, и будто болѣзнь и неблагодарность этой женщины привели его въ изступленіе, такъ что однажды онъ приготовилъ ветошку, пропитанную скипидаромъ... (наложилъ на нее) и зажегъ. Она въ сильныхъ мученіяхъ умерла.

Зная мягкій характеръ Кипренскаго, я не могъ вѣрить,

чтобы онъ могъ сдѣлать столь безчеловѣчный поступокъ, развѣ подъ вліяніемъ вина, будучи не въ своемъ видѣ. Однажды я воспользовался случаемъ, и оставшись одинъ съ Кипренскимъ, рѣшился спросить его объ этой ужасной исторіи. Онъ прехладнокровно отвѣтилъ мнѣ, что это варварство было дѣломъ его прислуги. Она его (т. е. слугу) заразила, и что онъ, этотъ слуга, умеръ отъ сифилиса въ больницѣ, почему и не могли судомъ его (Кипренскаго) оправдать, а прислугу наказать.

Послѣ этого происшествія, Кипренскій отправился, съ цѣлью разсѣяться отъ угрызеній совѣсти, въ Парижъ; изъ разсказа г. Стебена я узналъ, что Кипренскій, бывши въ Парижѣ, посѣтилъ его; но хотя онъ былъ его товарищемъ по нашей академіи, Стебенъ его не принялъ. Затѣмъ Кипренскій пріѣхалъ въ Петербургъ, въ 1824 г., написалъ портретъ графа Шереметева и картину „Танцующая вакханка", а возлѣ нея пастушокъ, играющій на свирѣли; картина, писанная на лакѣ, была сильна колеромъ и удивляла каждаго оконченностью всѣхъ частей картины. Впослѣдствіи, отъ лака и разныхъ новыхъ приспособленій, она совсѣмъ какъ будто слѣзла съ холста. Краски отпадали цѣлыми кусками.

У Кипренскаго была дѣвушка; полагаютъ, что она была дочь той несчастной, сгорѣвшей женщины. Онъ ее ласкалъ, она должна была читать ему, когда онъ занимался. Уѣзжая въ Петербургъ, онъ помѣстилъ ее въ conservatorio, рекомендовавъ ее кардиналу—главному попечителю этого заведенія. По возвращеніи Кипренскаго изъ Петербурга, нечаянно встрѣчаю его гуляющимъ по улицѣ съ молодою бѣлокурою римлянкою, хочу поздравить его, онъ-же толкуетъ ортодоксъ—всегдашнее его слово шутки. Въ Римѣ, Боже избави, гулять съ римлянкою подъ руку, если она вамъ не жена, дѣвицы даже боятся кланяться мужчинамъ на улицѣ, ибо папы бывало строго держатъ красивый римскій женскій полъ... и за эти упущенія ихъ сажаютъ въ монастырь для исправленія. Затѣмъ мы уже узнали, что это его жена и такъ какъ она была католичка, то и Кипренскій сдѣлался католикомъ, иначе въ папской области, гдѣ не принятъ былъ въ то время смѣшанный бракъ, иновѣрца, не принявшаго католическую вѣру, не женятъ на католичкѣ.

Кипренскій нанялъ отличную квартиру въ домѣ Клавдія

Лерреня (Palazzo di Claudio) на горѣ Пинчіо, и не переставалъ предаваться своей страсти къ вину. Молодая жена его, не желая видѣть мужа въ семъ безобразномъ видѣ, часто не впускала его на ночь и онъ ночевалъ подъ портикомъ своего дома. И тутъ, должно быть, онъ простудился и мы, наконецъ, узнали о его опасной болѣзни—воспаленіи въ легкихъ, которая черезъ нѣсколько дней свела его въ гробъ. Зайдя къ нему на квартиру, жаль было видѣть стоявшій на полу простой гробъ, съ теплящеюся лампадкою въ головахъ. Старичокъ священникъ сидѣлъ въ сторонѣ. Прискорбно было видѣть это сиротство славнаго художника на чужбинѣ.

Былъ октябрь мѣсяцъ. Въ Римѣ этотъ мѣсяцъ посвященъ веселью и ѣздѣ въ коляскахъ трудящихся женщинъ, разукрашенныхъ цвѣтами, съ бубнами въ рукахъ, распѣвающихъ свои пѣсни; въ такой веселый октябрьскій день собрались на квартиру покойнаго свои и нѣкоторые чужіе, отдать достойному труженнику послѣдній долгъ. Явились могильщики, взяли гробъ, снесли внизъ, положили на носилки, покрыли чернымъ покровомъ, взвалили себѣ на плечи, и цѣлая ватага капуциновъ, по два въ рядъ, затянули въ слухъ свои молитвы. Мы-же, съ поникшими головами, слѣдовали за гробомъ до церкви St. Andrea del Tirate, гдѣ и поставили, въ память покойнаго Кипренскаго, на стѣнѣ мраморную доску, съ нѣкоторымъ рисункомъ, въ видѣ дверей. Рисунокъ былъ сочиненъ Н. Е. Ефимовымъ.

Умирая, Кипренскій твердилъ, что оставляетъ жену свою беременною. И точно, по смерти его родилась у его вдовы дочь, которую я съ Н. И. Уткинымъ отыскали въ 1844 г. у ея матери, которая вступила во второй бракъ съ какимъ-то римскимъ маркизомъ. Для дочери Кипренскаго академія составила капиталъ, но затѣмъ, какъ дочь, такъ и мать исчезли для академіи безслѣдно, ниже о ихъ жизни и существованіи не было извѣстно, — онѣ, такъ сказать, совершенно сошли со сцены у нашихъ благотворителей.

XX.

Главная знаменитость между русскими художниками былъ К. П. Брюлловъ,—личность неотъемлемаго таланта, признаннаго всѣми художниками. Онъ былъ моимъ сотоварищемъ по академіи, отлично окончилъ свой ученическій курсъ въ академіи и оставилъ ее въ 1821 году; съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ былъ для всѣхъ извѣстный и знаменитый художникъ и, еще будучи ученикомъ, вызывалъ своими картинами восторгъ. Въ 1822 году общество поощренія русскихъ художниковъ, основанное за годъ передъ тѣмъ, а именно въ 1821 году, первыми своими пенсіонерами сдѣлало двухъ братьевъ, Карла и Александра Брюлло, архитектора, переименовавъ ихъ въ Брюлловыхъ. Въ Римѣ всѣ удивлялись таланту Карла Брюллова; онъ работалъ по временамъ запоемъ: бывало, утромъ начнетъ что-нибудь трудное, вечеромъ усталый и голодный является съ папкою и жалуется, что очень усталъ, когда-же покажетъ работу, то приводитъ въ недоумѣніе отъ столь огромной и такъ скоро оконченной работы. Въ мое время, онъ былъ на вершинѣ своей славы, будучи извѣстенъ всей Италіи своею картиною „Послѣдній день Помпеи“, которая была начата имъ совершенно случайно, благодаря слѣдующему эпизоду въ его жизни: нашъ славный пейзажистъ, и какъ человѣкъ весьма уважаемый, Сильвестръ Ѳедоровичъ Щедринъ былъ красавецъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Красотою славились въ Римѣ въ то время двое: историческій живописецъ Каммучини и Щедринъ. Онъ держалъ временную подругу жизни, француженку Демюлень, бывшую до того экономкою въ домѣ одной русской княгини въ Римѣ; M-lle Демюлень страстно любила художниковъ, въ особенности Щедрина. Уѣзжая въ Сорренто, Щедринъ познакомилъ ее съ К. П. Брюлловымъ, который и принялъ ее, какъ временную подругу………………, безъ которой въ Римѣ трудно жить. Долговременная дружба не была въ характерѣ Брюллова, и кто начиналъ ее искать въ немъ, скоро разочаровывался, что и случилось съ легковѣрною дѣвицею Демюлень. Брюлловъ, предчувствуя, что она ревнива, и такъ какъ его окна были противъ ея оконъ, бралъ часто куклу или манекенъ

и какъ будто живую женщину качалъ его на рукахъ и цѣловалъ. Это крайне бѣсило молодую француженку; она начала замѣчать это и дѣлать ему выговоры, затѣмъ пошли письма.

Однажды вечеромъ, Карлъ Брюлловъ сидитъ за ужиномъ, ему подаютъ письмо, взглянувъ на адресъ и зная отъ кого оно, К. П. кладетъ письмо съ пренебреженіемъ въ карманъ и забываетъ о немъ. Какъ вдругъ, на другой день, по Риму разнеслась печальная вѣсть, что рано утромъ какая-то иностранка на испанской площади наняла карету къ мосту Ponte-Mobo; пріѣхавши къ берегу Тибра, расплатились съ извощикомъ и, снявъ съ себя шляпу и шаль, бросилась въ рѣку, при чемъ зацѣпилась платьемъ за сучокъ. Утромъ-же утопленницу вытащили изъ воды и узнали, что то была дѣвица Демюлень. Когда это горестное происшествіе дошло до слуха Брюллова, онъ только тогда опомнился и прочелъ вчерашнее письмо. Письмо было написано въ отчаянномъ тонѣ. Припоминая ему всѣ перенесенныя ею обиды, француженка требовала отъ него въ тотъ-же вечеръ рѣшительнаго отвѣта—желаетъ-ли онъ исправиться? Этимъ происшествіемъ Брюлловъ былъ убитъ, ходилъ по улицамъ, какъ потерянный.

Въ это время случилось, что графиня Самойлова была въ Римѣ; она уважала талантъ Карла Брюллова, и чтобы развлечь его и заставить забыть несчастіе, она пригласила его ѣхать вмѣстѣ съ нею въ Неаполь. Посѣтивъ Помпею и гуляя по ея развалинамъ, среди мертвой тишины, войдя въ улицу Памятниковъ, Брюлловъ, расположенный къ грусти, началъ разсуждать о томъ: что могло быть въ этой улицѣ во время ужаснаго изверженія Везувія? Тутъ и тогда представились ему въ воображеніи тѣ испуганныя и спасающіяся группы народа, которыя мы видимъ въ его пре восходной картинѣ, именуемой „Послѣдній день Помпеи“. Эта картина приводила въ восхищеніе всю Италію и всюду пожинала ему лавры.

Во время моего пребыванія въ Римѣ, Карлъ Брюлловъ занимался рисованіемъ небольшихъ портретовъ со своихъ сотоварищей, серьезной-же работы я у него не видалъ. Былъ у него тогда большой портретъ г. Давыдова, переименованнаго впослѣдствіи въ графа Орлова-Давыдова. Карлъ Павловичъ писалъ для него семейный портретъ: жена Давыдова съ ребенкомъ сидятъ на балконѣ, а мужъ подъѣзжаетъ на лошади. Портретъ былъ почти

оконченъ, и Брюлловъ назначилъ ему послѣднiй сеансъ въ часъ дня. Между тѣмъ, чувствуя утомительный жаръ, сидя за завтракомъ у Лепре, Брюлловъ снялъ съ себя сюртукъ, жилетъ и галстухъ и въ разговорѣ вспоминаетъ, что въ часъ будетъ Давыдовъ для послѣдняго сеанса. Только что это было высказано, является Давыдовъ и учтиво напоминаетъ Брюллову его обѣщанiе. Брюлловъ, нисколько не смутившись, отвѣчаетъ:

—„Признаюсь, сегодня я не расположенъ работать, извините!“

Давыдовъ, ничего не отвѣчая, ушелъ. Брюлловъ Давыдова терпѣть не могъ, говоря: „Онъ глупъ, а корчитъ изъ себя умнаго англичанина“. Зато онъ восхищался его женою, рожденною княжною Барятинскою.

XXI.

Былъ у меня также прiятель архитекторъ Томаринскiй, скромный малый, сынъ нашего академическаго дiакона Антона Осиповича, который былъ у насъ псаломщикомъ въ 1809 г., когда я мальчишкою былъ принятъ въ академiю. Отецъ Тамаринскаго не убилъ времени даромъ: будучи нашимъ псаломщикомъ, онъ учился рисовать и писать красками. Академическая церковь имѣла хоругви, имъ написанныя. Къ несчастiю, будучи произведенъ въ дiакона, онъ началъ сильнымъ и принужденнымъ голосомъ оканчивать Евангелiе и многолѣтiя на молебнахъ, надорвался, былъ тщедушенъ и дѣтей народилъ тщедушныхъ. Сынъ его, талантливый архитекторъ, предчувствовалъ свою грудную болѣзнь, унаслѣдованную отъ отца, употреблялъ всѣ предосторожности отъ груднаго недуга, но болѣзнь взяла свое,—онъ не могъ избѣгнуть своей горестной участи. Простудившись, Томаринскiй получилъ сильную опухоль въ боку, которая была полна разлагающейся матерiи. Ему сдѣлали операцiю, вышло огромное количество пахучей желтой воды и чрезъ нѣсколько дней его не стало.

Я душевно оплакивалъ его кончину и гости, бывшiе у меня вечеромъ, въ день его похоронъ, П. В. Анненковъ, Н. В. Гоголь, А. А. Ивановъ, замѣтивъ это, предложили мнѣ поѣхать съ ними за-городъ, чтобы развлечься. Н. В. Гоголь, любуясь на чудный закатъ солнца, описанiе котораго, вѣроятно, понадо-

билось ему для какого-нибудь изъ его произведеній, не имѣя съ собою ни пера, ни бумаги, видимо, старался запечатлѣть въ своей памяти представившуюся намъ чудную картину.

Вѣчная память Томаринскому, вполнѣ достойному молодому человѣку!

Вечернее время мы часто проводили съ А. А. Ивановымъ, иной разъ и съ Ѳ. А. Бруни, въ кафé „Bon Gusto", у Надзари.

Томаринскій, сынъ нашего дьякона, былъ человѣкъ лѣтъ за 35, средняго роста, всегда чисто одѣтый; вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ, какъ я уже сказалъ, Александръ Васильевичъ Логановскій, братъ нашего академическаго священника, отца Михаила, представлявшій съ нимъ, во всѣхъ отношеніяхъ, совершенную противоположность. Логановскій, скульпторъ, былъ величайшій добрякъ и Томаринскій подтрунивалъ надъ его неимовѣрною добротою и оригинальнымъ простодушіемъ. Логановскій жилъ на одной квартирѣ съ живописцемъ, Михаиломъ Ивановичемъ Скотти, который, пользуясь его простотою и довѣрчивостью и желая выманить у него бутылку шампанскаго, вздумалъ однажды ошеломить его, сказавъ:

— „Ѳ. И. Іорданъ читалъ въ англійскихъ газетахъ, что наши взяли Хиву". (Это было во время несчастной экспедиціи гр. Перовскаго въ 1839 году).—„Вѣдь это дѣло важное, неслыханное, продолжалъ Скотти, стоитъ, братъ, Логановскій, выпить шампанскаго".

Тотъ, въ изумленіи, на радости согласился, роспили бутылку шипучаго, а вечеромъ услыхали совершенно противоположныя вѣсти. Разсказъ объ этомъ эпизодѣ возбудилъ всеобщій смѣхъ, а на меня была возведена небылица—я никогда не читалъ подобной новости и никогда о ней не разсказывалъ.

Среди нашихъ пенсіонеровъ было два молодыхъ красавца: скульпторъ А. В. Логановскій и А. И. Резановъ. Высокій ростомъ, бѣлокурый, съ красивою наружностью, дышавшею здоровьемъ, Логановскій отличался, какъ я уже сказалъ, добрѣйшею душою и былъ весьма приleженъ. Въ Римѣ онъ сдѣлалъ мало замѣчательнаго, но его ожидала впослѣдствіи огромная работа для московскаго храма Спасителя, которою онъ обогатилъ строителя храма, К. А. Тона, а себѣ стяжалъ славу и деньги. Въ

Римѣ онъ имѣлъ четырехъ соперниковъ по скульптурѣ: Н. Пименова, А. Иванова, Ставесера и Николая Александровича Рамазанова. Первенство между ними принадлежало Н. С. Пименову, сыну нашего профессора С. И. Пименова, человѣка мало кѣмъ любимаго, грубаго въ обхожденіи и поклонника Бахуса. Его работы „Св. Владиміръ", отлитый изъ бронзы, украшаетъ Казанскій соборъ и находится у входныхъ дверей этого храма, а группа „Геркулесъ и Итакъ, котораго онъ давитъ въ своихъ объятіяхъ", стоитъ у Горнаго корпуса. О С. И. Пименовѣ разсказывали много непріятныхъ исторій.

Его сынъ, нашъ сотоварищъ по Риму, былъ выдающійся художникъ; его „Нищій" стяжалъ похвалу всего художественнаго міра въ Римѣ; имъ восхищались лучшіе иностранные художники, которые ставили его наравнѣ съ древне-греческими статуями.

Въ то время, какъ Пименовъ работалъ надъ этой статуей, мы совершенно потеряли его изъ вида; многіе говорили, что онъ познакомился съ Аделаидою, извѣстною анконитанкою, дочерью французскаго консула въ Анконѣ, которая поселилась въ Римѣ и не будучи хороша собою, увлекала, однако, многихъ своимъ кокетствомъ. Сперва она зналась съ французами, а подъ конецъ полонила увлекавшагося и талантливаго Пименова, держала его въ рукахъ и заставляла работать; плодомъ ея строгости было появленіе отличной статуи „Нищій", которая обезсмертила русскую школу и ея ученика.

Антонъ Ивановъ былъ человѣкъ съ талантомъ, но мужиковатъ и мало образованъ; не находя себѣ подходящаго общества, онъ часто засиживался въ кабачкахъ, гдѣ чрезвычайно пристрастился къ вину. Не безъ таланта вылѣпилъ онъ молодаго „Ломоносова, задумавшагося во время работы надъ сѣтью", фигуру „Негра" и, кажется, „Париса съ яблокомъ". По возвращеніи въ Петербургъ, онъ скоро умеръ отъ холеры.

Андрей Ставасеръ былъ скульпторъ весьма талантливый и добрый, но слабый характеромъ и до крайности чувствительный. Сдѣланныя имъ женскія фигуры отличаются нѣжностью и граціей; лучшая его работа, надъ которою онъ умеръ въ 1848 г.,

находится въ Эрмитажѣ,—это группа „Сатиръ, восхищаясь нимфою, подвязываетъ ей сандалій“, сдѣланная изъ мрамора; тамъ-же находится его „Русалка“, высѣченная также изъ мрамора. Онъ свелъ дружбу съ молодымъ пенсіонеромъ Рамазановымъ, талантливымъ художникомъ-скульпторомъ, но который, подъ вліяніемъ черезъ-чуръ полной чары вина, становился веселъ и шумливъ до буйства; какъ человѣкъ съ умомъ и пріятный собесѣдникъ, онъ привлекъ къ себѣ Ставасера и другаго пенсіонера-скульптора, Климченко, который также оставилъ нѣсколько скульптурныхъ произведеній, какъ, напримѣръ, „Нарцисъ смотрящійся въ воду“, который украшаетъ одинъ изъ фонтановъ въ Петергофѣ. Оба эти достойные молодые художника погибли жертвою своей невоздержанности, не бывъ въ состояніи вынести того, что вынесъ Рамазановъ; оба они скончались въ Римѣ: Ставасеръ отъ чахотки, а Климченко—отъ леченія посредствомъ методы Leroi, коего сильныя лекарства годны были только для лошадей, а отнюдь не для людей.

Грустно мнѣ было слышать брань народа, когда мы везли Климченко на Monte Testacio, чтобы предать его землѣ. Его другъ, псаломщикъ П. И. Зотиковъ, строгій послѣдователь правилъ нашей церкви, игнорируя здѣшній климатъ, вслѣдствіе котораго тѣло умершаго начинаетъ быстро разлагаться и его приходится хоронить въ самый день смерти, рѣшилъ, что его друга слѣдуетъ предать землѣ, по нашему сѣверному обычаю, на третій день. Время стояло жаркое; я явился отдать послѣдній долгъ товарищу и только что хотѣлъ подняться (въ комнату покойнаго), какъ меня поразилъ ужасный смрадъ; едва поставили мы гробъ на дроги и они тронулись, кучеръ немедленно заткнулъ себѣ носъ, и римлянки, сидящія по обыкновенію на улицѣ, особенно торговки, которыя сидятъ постоянно у дверей своихъ лавокъ, пораженныя этимъ ужаснымъ зловоніемъ, поносили невиннаго покойника самыми неприличными словами. Я никакъ не могъ слѣдовать за покойнымъ и оставилъ трупъ Климченко на полъ-дорогѣ.

Что касается до кончины Ставасера, она была для меня неожиданностью. Встрѣтивъ его, однажды, по пути на Monte Pincio и поздоровавшись съ нимъ, спрашиваю его о здоровьѣ.

— „Оно не худо, только я сильно потѣю и по утрамъ чувствую лихорадку“, былъ его отвѣтъ.

Недѣли черезъ двѣ приходитъ ко мнѣ товарищъ и проситъ на похороны Ставасера, который скончался въ тотъ день по утру, а вечеромъ надобно было уже свезти его на Monte Pincio.

Время послѣ 1848 года было бурное; папа бѣжалъ изъ Рима, съ нимъ вмѣстѣ уѣхали всѣ посланники, въ томъ числѣ и нашъ Бутеневъ, съ православною церковью и ея священникомъ. Ставасера хоронить было некому, мы отправились къ католическому священнику, тотъ отказался; отправились къ протестантскому пастору, тотъ немедленно согласился, спросивъ: на какомъ языкѣ ему лучше читать молитвы? Ему сказали, что такъ какъ Ставасеръ былъ скульпторъ и, работая изъ мрамора, имѣлъ много мастеровыхъ, которые всѣ желаютъ проводить его, да и земляки-товарищи покойнаго болѣе понимаютъ итальянскій языкъ, нежели нѣмецкій, то мы просимъ его, пастора, отслужить на итальянскомъ языкѣ.

Въ назначенное время мы привезли тѣло Ставасера на кладбище и опустили его въ могилу; туда-же пріѣхалъ и пасторъ Папетъ. Онъ началъ читать молитвы на итальянскомъ языкѣ, съ сильнымъ акцентомъ; итальянцы было улыбнулись, но прекрасныя, чувствительныя слова молитвы заставили ихъ слушать съ благоговѣніемъ; чтеніе „Отче нашъ“ и троекратное благословеніе, произнесенное надъ умершимъ, произвело на итальянцевъ такое впечатлѣніе, что глубоко растроганные молитвою, они съ прискорбіемъ бросили горсть земли въ открытую могилу, на трупъ столь рано отшедшаго друга и сотоварища нашего. Многіе римляне замѣтили при этомъ: „Вы болѣе христіане, нежели мы, католики“.

Н. А. Рамазановъ ничего не произвелъ въ Римѣ и, наконецъ, вслѣдствіе жалобъ папскаго правительства, вызванныхъ его невоздержанностью и буйнымъ характеромъ, онъ былъ высланъ оттуда нашимъ посольствомъ съ фельдъегеремъ въ Петербургъ. По возвращеніи въ Россію, Рамазановъ получилъ мѣсто профессора въ Москвѣ, въ школѣ живописи и ваянія, былъ любимъ учениками и москвичами, сдѣлался мужемъ и отцемъ семейства. По временамъ, отъ излишняго употребленія алкоголя, онъ производилъ скандалы въ публичныхъ мѣстахъ и скончался въ Москвѣ въ зрѣлыхъ лѣтахъ вслѣдствіе своей невоздержанной жизни.

Въ наше время восхищали насъ молодой пенсіонеръ академіи художествъ Михаилъ Ивановичъ Лебедевъ и Штернбергъ, бывшій однихъ лѣтъ съ нимъ.

М. И. Лебедевъ, по простотѣ своей, былъ сердцемъ совершенный младенецъ, по художесгву-же, какъ ландшафтный живописецъ, это былъ великанъ. Несмотря на свои юные годы, онъ пользовался уваженіемъ не только своихъ сотоварищей, но и иностранныхъ художниковъ. М. И. Лебедевъ почти ежегодно учился подъ чудными деревьями, въ извѣстной галлереи, ведущей изъ Альбано въ кастель Гандольеро. Картины этой мѣстности, написанныя имъ, остались его лучшими произведеніями, но ихъ очень мало. Неисповѣдимая судьба увлекла его въ 1837 году на лѣто въ Неаполь, какъ вдругъ тамъ появился неожиданно бичъ Божій—холера. Черезъ нѣсколько дней послѣ его отъѣзда, получаемъ мы отъ него письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что смерть похищаетъ вокругъ него и знакомыхъ, и друзей, и что онъ не надѣется остаться въ живыхъ, увидать Римъ и товарищей. Мы испугались за него, увидавъ изъ его письма, что онъ предался отчаянію; а страхъ и боязнь представляютъ, какъ извѣстно, самую благопріятную почву для развитія этой неумолимой болѣзни. Наше предчувствіе, къ прискорбію, оправдалось, и Михаилъ Ивановичъ Лебедевъ скончался вмѣстѣ съ другомъ моимъ и товарищемъ по академіи, П. И. Пниномъ, который поѣхалъ въ Неаполь, чтобы пожить тамъ съ нимъ вмѣстѣ; одинъ за другимъ сошли они въ преждевременную могилу.

М. И. Лебедевъ, какъ писали намъ потомъ изъ Неаполя, заразился холерою единственно изъ боязни ею заразиться. Всѣ сожалѣли о столь ранней потери.

Не долго пришлось намъ ожидать другой потери,—не менѣе талантливаго молодаго художника, какимъ былъ Штернбергъ, отличавшійся рѣдкимъ дарованіемъ въ изображеніи народныхъ сценъ въ веселомъ духѣ, которыми онъ былъ извѣстенъ въ Россіи; особенно удавалось ему изображеніе мелкихъ подробностей; къ сожалѣнію, онъ пріѣхалъ въ Римъ, чтобы слечь въ раннюю могилу. Познакомившись съ нимъ, я былъ пораженъ его скромною и болѣзненною наружностью, и мнѣ тотчасъ представилось, что этотъ талантливый молодой человѣкъ не сложитъ костей своихъ на родинѣ. Онъ это предчувствовалъ и старался жить

въ здоровой мѣстности съ хорошимъ воздухомъ, не замѣчая, что зло гнѣздится въ его организмѣ, и это зло—чахотка уложила его въ мать сыру землю въ лучшихъ годахъ. Всѣ его любили, сожалѣли о немъ и знали его неизлѣчимую болѣзнь. Его любилъ и уважалъ какъ роднаго сына Аполлонъ Николаевичъ Мокрицкій. Штернбергъ умеръ, можно сказать, на его рукахъ.

XXII.

Между тѣмъ я продолжалъ прилежно заниматься начатымъ мною рисункомъ; къ удовольствію моему, когда я его окончилъ, многіе изъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ остались имъ довольны. Его увидалъ даже знаменитость Италіи — граверъ Тоски, который не побрезгалъ зайти ко мнѣ и тѣмъ оказалъ мнѣ большую честь [1]). Въ то время, когда я рисовалъ копію съ „Преображенія", нѣкоторые пріѣзжіе иностранцы желали пріобрѣсти этотъ рисунокъ. Итальянцы не могли разгадать цѣли моей работы, отнюдь не предполагая, что я буду гравировать этотъ рисунокъ, особенно будучи русскимъ граверомъ. Изъ Петербурга-же В. И. Григоровичъ то и дѣло напоминалъ мнѣ, что, сдѣлавъ копію, я долженъ буду (начать) гравировать.

Окончивъ рисунокъ, какъ я уже сказалъ, я простился съ Ватиканомъ. Скучно было отвыкать отъ здоровой привычки—ходить каждое утро за полторы версты отъ моего дома, т. е. отъ улицы Via Sixtina, 104-й, до св. Петра. Эта прогулка и ежедневный моціонъ отлично дѣйствовали на мой аппетитъ. Желая отдохнуть по окончаніи рисунка, я собрался ѣхать въ Неаполь.

Былъ май мѣсяцъ. Поговаривали, что на границѣ римской области были случаи холеры. Этотъ слухъ пронесся въ субботу, а въ воскресенье утромъ мы выѣхали, имѣя въ каретѣ четырехъ пассажировъ и двухъ впереди, въ купе; погода была прелестна и мы проѣзжали очаровательныя мѣста: Витербо, Загороло и, наконецъ, пріѣхали въ Террачино, живописное мѣстечко, лежащее въ концѣ папскихъ болотъ, извѣстныхъ гнилымъ лихорадочнымъ воздухомъ. Горе, если проѣзжающій тутъ вздумаетъ дорогою заснуть, онъ получитъ немедленно la terzana—трехдневную или перемежающуюся лихорадку. Вы видите здѣсь по сторонамъ дороги

---

[1]) См. примѣчаніе № 2 на стр. 70 („Русск. Стар." 1891 г., іюль).

пасущійся отличный скотъ и пьете превосходное вино; вся мѣстность изрѣзана канавами для осушки болотъ, и эта-то стоячая вода и заражаетъ воздухъ. Попадающіеся изрѣдка жители этой мѣстности—тщедушные, всѣ съ огромнымъ животомъ и желтымъ цвѣтомъ лица—слѣдствіе худаго воздуха и дурной воды. Всюду царствуетъ смертная тишина и безлюдіе; виднѣются заброшенные монастыри и церкви. Ни духовный, ни свѣтскій человѣкъ здѣсь жить не можетъ; поселившись тутъ, всякій умираетъ отъ климата или бѣжитъ отъ этихъ пагубныхъ мѣстъ. Эта нездоровая мѣстность, которая тянется на 25, на 30 верстъ, начинается у Загороло и оканчивается у города Террачино; тутъ бываютъ сильныя жары, отъ которыхъ вся растительность высыхаетъ, а какъ скоро выпадетъ дождь, то поднимаются испаренія въ видѣ тумана; эти-то испаренія и порождаютъ лихорадку. Въ этой же мѣстности возвышается живописная скала, на которой уцѣлѣли развалины дворца Теодорика.

Когда мы пріѣхали въ Террачино и остановились въ гостинницѣ, насъ начали стращать, что не пустятъ черезъ границу, которая отстоитъ отъ Террачино всего на полчаса ѣзды. Мы-же утѣшали себя тѣмъ, что выѣхали изъ Рима здоровыми и тамъ не было холеры, зачѣмъ же насъ удерживать? однако, мы начали торопить хозяина съ обѣдомъ; карета была готова и мы усѣлись, наконецъ, въ нее съ смутнымъ предчувствіемъ, что врядъ-ли намъ быть въ Неаполѣ, ибо въ Террачино намъ сказали, что рано утромъ, съ бѣшеною скоростью, проѣхалъ въ Неаполь курьеръ отъ неаполитанскаго посла въ Римѣ.

При выѣздѣ изъ воротъ Террачино, вамъ представляется обворожительный пейзажъ; предъ вами перспектива какъ-будто серебряныхъ горъ; по лѣвую руку возвышаются стѣною обросшія зеленью скалы; по лѣвую, у самаго берега голубаго моря, идетъ почтовая дорога, которая приводитъ васъ къ желтымъ воротамъ, упирающимся въ скалу съ одной стороны и въ море съ другой; вдали виднѣется стража.

Увидавъ нашу карету, подъѣзжавшую къ нимъ, солдаты замахали руками, чтобы мы остановились и кричали намъ издали: „нельзя“. Мы-же кричимъ, что мы здоровы и выѣхали, когда въ папской области ничего не было. Наконецъ, несутъ жаровню и щипцы, мы бросаемъ наши виды; ихъ подняли щипцами, оку-

рили надъ жаровнею и понесли въ гауптвахту. Тамъ наши фамиліи были записаны и намъ посовѣтовали выждать отвѣта въ Террачино, ибо за разрѣшеніемъ для насъ пропуска будетъ послано въ Неаполь. Наше предчувствіе сбылось, намъ пришлось помѣститься въ гостиницѣ.

Со мною въ одной комнатѣ остановился молодой архитекторъ изъ Женевы.

Видъ изъ оконъ на море при лунномъ свѣтѣ былъ восхитительный. На берегу рыбаки закидывали сѣти и ловили рыбу. Здѣсь вся эта работа производится ночью, такъ какъ днемъ отъ жары даже рыба не всплываетъ вверхъ. Швейцарецъ былъ внѣ себя отъ чудной картины, рисовавшейся передъ нами: тихое море, луна, серебристыя горы вдали и рыбаки на первомъ планѣ. Прохлада въ воздухѣ послѣ дневнаго жара услаждала насъ. Такъ жили мы изо-дня въ день, выжидая отвѣта. Вся компанія, и я въ томъ числѣ, совершили, подъ палящимъ солнцемъ, въ каретѣ по берегу небольшую поѣздку; утопая въ глубокомъ горячемъ пескѣ, (измучившись) не менѣе нашихъ бѣдныхъ лошадей, изнемогая отъ жары, мы кое-какъ добрались до большаго острова на Средиземномъ морѣ, San Felice (Санъ-Феличе), извѣстнаго въ древнія времена подъ именемъ Сциллы и Харибды, гдѣ путешественники, прельщаясь сиренами, пропадали въ глубинѣ морской. Наградою за это утомительное путешествіе были усталость и издержки; на островѣ мы ничего не нашли замѣчательнаго.

На восьмой день нашей праздной жизни въ Террачино, мы получили отвѣтъ, что въ Неаполь ѣхать нельзя. Получивъ это непріятное извѣстіе, мы немедленно собрались ѣхать обратно въ Римъ; пришлось ѣхать только ночью, днемъ-же мы спали отъ невыносимой жары.

Я возвратился къ моей хозяйкѣ, у которой прожилъ все время, пока я работалъ въ Ватиканѣ надъ рисункомъ „Преображенье“. Моя квартира помѣщалась внизу, надъ лавкою продавца окороковъ, откуда шелъ непріятный запахъ; къ тому же у стѣнки помѣстился еще продавецъ арбузовъ. Арбузъ, разрѣзанный на ломтики. привлекалъ бездну мухъ; въ добавокъ, полъ моей комнаты, съ ямою по срединѣ, не былъ надеженъ (по этому я рѣшилъ переѣхать въ другую квартиру).

Возвратившись изъ неудачной поѣздки въ Неаполь, я озна-

мѣрился начать гравировать; купилъ доску англійской мѣди, которая обошлась 50 скудъ, и пюпитръ для нея, стоившій 30 скудъ, и съ остальными 50-тью скудами принялся за десятилѣтнюю работу, въ продолженіе которой я не зналъ праздниковъ. Моя хозяйка видѣла, что я не могу у нея остаться и очень сожалѣла объ этомъ. Вскорѣ по моемъ возвращеніи въ Римъ посѣтила меня нежданная гостья, римская лихорадка, которую я получилъ въ Террачино, отворяя по вечерамъ окно въ угожденіе моему сосѣду, архитектору-швейцарцу. Добрая старушка Магдалена, несмотря на то, что я не думалъ остаться ея жильцомъ, въ продолженіе почти трехъ недѣль ходила за мною, какъ родная мать. Меня лѣчилъ докторъ Риккарди и, увидавъ, что у меня римская лихорадка (перемежающаяся, т. е. черезъ день въ третій), сказалъ мнѣ:

— Теперь вы, гражданинъ Рима, познакомтесь съ нашею хиною.

Я измучился лихорадкою до того, что получилъ желтуху; но съ Божьею помощью оправился, наконецъ, отъ нея. Теперь надобно было искать квартиру.

Взглянувъ какъ-то разъ на входныя двери нашего дома, вижу билетикъ, гласившій, что на моей-же лѣстницѣ, въ третьемъ этажѣ, отдается комната и спальня. Не теряя времени, я поднялся туда, звоню, мнѣ открываетъ толстая старуха, хромая, вѣжливо показываетъ мнѣ комнаты, бѣдно, но чисто обставленныя простою мебелью, съ отличною постелью; къ тому эти двѣ комнаты составляли третій этажъ, а хозяева жили въ падстройкѣ, въ видѣ 4-го этажа. Квартира мнѣ очень понравилась и я тотчасъ нанялъ ее за 6 скудъ въ мѣсяцъ; спускаюсь къ своей Мадделенѣ и говорю ей, что нанялъ квартиру въ третьемъ этажѣ у г. Ченчи.—„Боже мой, что вы сдѣлали!“—воскликнула она,—„у нихъ никто не можетъ жить: мужъ въ родѣ іезуита бичуетъ себя; къ нимъ не можетъ никто ходить. Въ 9 часовъ вы должны быть дома, а если вы забыли взять съ собою ключъ отъ квартиры, то придется ночевать хоть на улицѣ“. Я утѣшилъ мою старушку, сказавъ:—„Всему вами сказанному я радъ; мнѣ предстоитъ много работы и чѣмъ я буду спокойнѣе, тѣмъ болѣе буду доволенъ“.

Я расплатился съ нею, поблагодаривъ ее особенно подаркомъ

за ея попеченія обо мнѣ во время моей болѣзни, тотчасъ началъ укладывать свои вещи и къ вечеру былъ уже на новой квартирѣ; вскорѣ явился ко мнѣ мой новый хозяинъ, щедушный и хромой, съ большимъ носомъ и желтаго цвѣта лицемъ; онъ поздоровался со мною, держа за руку маленькаго, очень красиваго мальчика лѣтъ десяти. Это былъ единственный его сынъ. Хозяинъ оказался граверомъ, по имени серъ Филиппо Ченчи, жену его звали сера Марія Джузеппе, а мальчика, ихъ сына, Жіованни.

Хозяинъ робкимъ голосомъ началъ перечислять мнѣ правила, которыя соблюдались въ его жилищѣ, такъ какъ жилище это, при маломъ ихъ семействѣ, было тихо и имѣло свои порядки: „мы рано встаемъ и рано ложимся",—говорилъ онъ,—„жильцу даемъ ключъ отъ его квартиры; до девяти часовъ вечера мы сами отворяемъ двери, но позже жилецъ отворяетъ ихъ своимъ ключемъ; въ 9 часовъ мы въ постели и просимъ не забывать ключъ, иначе можете остаться на улицѣ. Женскій полъ у насъ не вхожъ въ домъ; бѣлье стираемъ дешевле городскихъ прачекъ; прислуга у насъ также домашняя, моя хозяйка будетъ наблюдать за чистотою".

Всѣ эти правила мнѣ очень понравились, и я не медля нанялъ эту квартиру на годъ, установилъ свой столъ съ пюпитромъ, перевелъ контуръ, вставилъ рисунокъ за стекло, и когда я увидалъ мою огромную мѣдную доску совершенно чистою и подумалъ, сколько предстоитъ на ней работы и что мнѣ придется не разъ подымать ее при ея сорока-фунтовой тяжести, а главное, что мнѣ предстоитъ жить не имѣя никакихъ средствъ въ карманѣ, то, признаюсь, мнѣ пришло въ голову, что для этого надобно имѣть характеръ, который я однажды выказалъ: будучи въ ученикахъ первымъ шалуномъ и лѣнивцемъ, я переродился въ самаго прилежнаго, сдѣлавшись въ то же время самымъ скромнымъ молодымъ человѣкомъ.

Этому характеру и этой рѣшимости во что бы то ни стало начать и окончить эту огромную работу, и счастливому исходу ея, т. е. окончанію этой работы, никто вѣрить не могъ. Многіе изъ римскихъ граверовъ предполагали, что я очень богатъ и приглашу для этой большой работы другихъ граверовъ: одного для пейзажа, другаго—для драпировокъ, третьяго—для выграви-

рованія воздуха и т. д., себѣ же оставлю однѣ головы. На это я многимъ отвѣчалъ: „я самъ начну гравировать и самъ кончу безъ малѣйшей помощи. Во-первыхъ, я не имѣю средствъ, во вторыхъ, эти помощники снимутъ съ моего труда сливки, а мнѣ оставятъ снятое молоко".

Итакъ, къ удивленію всѣхъ художниковъ, русскій граверъ началъ гравировать „Преображеніе" Рафаэля, гравюру такой величины, какой съ этой картины еще не существовало.

Я написалъ о своемъ рѣшеніи въ Петербургъ; радовался хорошей квартирѣ; у меня былъ балконъ съ цвѣтами, съ котораго открывался видъ до извѣстной церкви Santa Maria Maggiore. Этотъ балконъ составлялъ тупой уголъ дома, вслѣдствіе чего я постоянно пользовался солнцемъ, которое зимою согрѣвало мою комнату, лѣтомъ же закрытыя ставни предохраняли меня отъ жары. Благодаря этой счастливой обстановкѣ, я принялся съ величайшею охотою за дѣло и въ самое короткое время подготовилъ верхъ гравюры, отпечаталъ ее и послалъ въ академію.

Нѣсколько времени спустя, я получилъ изъ академіи самый лестный отзывъ о моей работѣ и узналъ, что академія, будучи довольна ею, выхлопотала мнѣ двухгодовой пенсіонъ или казенное содержаніе, такъ что я оказался богачемъ.

XXIII.

Зимою 1836 года посѣтилъ Римъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Погода стояла холодная, иной день шелъ даже снѣгъ.

Наши художники, съ дозволенія добрѣйшаго нашего посланника, графа Гурьева, устроили выставку въ домѣ посольства; жена Гурьева, кажется дочь знаменитой Маріи Антоновны Нарышкиной, была очень легкомыслена и являла особое вниманіе къ банкиру Александру Торлони, который по ночамъ пробирался тайкомъ въ ихъ дворецъ.

На этой выставкѣ меня поразилъ успѣхъ въ живописи, сдѣланномъ г. Нефа, съ которымъ я познакомился въ Ватиканѣ въ то время, какъ я работалъ надъ рисункомъ „Преображенія".

Онъ писалъ въ Ватиканѣ копію съ фигуры „Св. Екатерины"

съ картины Тиціана, извѣстной подъ названіемъ „Пять святыхъ". Эта копія была замѣчательна по колориту. На выставкѣ, устроенной русскими художниками, была его картина малаго размѣра: „Молодая и старая крестьянки, спускающіяся съ лѣстницы", которую тотчасъ купилъ великій князь. На этой-же выставкѣ находился и мой рисунокъ, и когда великому князю было доложено, что онъ сдѣланъ для гравированія, то зная, что граверы употребляютъ латинское слово senplsit, его высочество говоритъ мнѣ: „это для senplsit".

Великій князь заказалъ Коніевскому сдѣлать акварелью его портретъ. Въ Римѣ в. кн. Михаилъ Павловичъ ходилъ въ партикулярномъ платьѣ, именно въ синемъ сюртукѣ и сѣрыхъ брюкахъ, поэтому Коніевскій хотѣлъ изобразить его въ этомъ костюмѣ; увидавъ это, великій князь съ презрѣніемъ сказалъ: „Что это ты сдѣлалъ? Я кажусь бородобрѣемъ, сдѣлай меня въ должномъ видѣ!" Коніевскій написалъ его въ мундирѣ. Великій князь вскорѣ оставилъ Римъ, заказавъ мнѣ выгравировать его портретъ.

Пришлось снять съ пюпитра мою огромную доску, на которой я готовился приступить къ гравированію нижней части „Преображенія" и заняться гравюрою въ крупномъ видѣ, ибо портретъ, какъ голова, такъ и все остальное, слѣдовало сдѣлать гораздо бо́льшаго размѣра противъ фигуръ „Преображенія". Пришлось перемѣнить манеръ съ мелкаго на крупный.

Насталъ замѣчательный для Рима 1837 г. Въ Россіи кончилась холера, побывала въ Германіи и, наконецъ, во Франціи; но эти страны не проникнуты святостью католической вѣры, подобно Риму со святымъ отцомъ Григоріемъ XVI, гдѣ, какъ говорили набожные римляне, Матерь Божія не допуститъ ужасной болѣзни коснуться святой земли, гдѣ каждая пядь освящена жизнью и страданіями святыхъ мужей единой святой католической церкви. Народъ ходилъ, пожимая плечами; иные поговаривали, что боятся появленія жаровъ въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ. Я-же боялся не столько холеры, сколько суевѣрія римлянъ, и у меня рождалась мысль, какъ скоро появится холера въ папскихъ владѣніяхъ, оставить Римъ и ѣхать во Флоренцію.

Портретъ великаго князя уже порядочно подвинулся, какъ появилось извѣстіе, что холера по близости Рима и даже въ самомъ Римѣ. Встрѣтивъ, въ кафе Греко, моего друга, англи-

чанина скульптора Бёрлоу, здороваго и красиваго молодаго человѣка, я началъ описывать ему опасность пребыванія въ Римѣ во время холеры и сообщилъ ему, что я намѣреваюсь уѣхать отсюда во Флоренцію. Онъ посмѣялся надъ моимъ страхомъ, замѣтивъ, что страшиться надобно римлянамъ, которые ѣдятъ Богъ знаетъ что, но намъ, иностранцамъ, съ нашимъ бифштексомъ, бояться нечего. Несмотря на его увѣщанія, я не былъ спокоенъ.

Во время обѣда мы получили письмо изъ Неаполя о смерти М. И. Лебедева и П. И. Пнина. Это испугало меня. Вечеромъ, выйдя гулять на Корсо, вижу народъ стоитъ кучками и у всѣхъ скучныя лица; на мои вопросы мнѣ отвѣчаютъ, что въ больницу св. Іакова привезли двухъ солдатъ изъ пограничной стражи, что ихъ привезли утромъ, а къ вечеру они уже умерли. Услыхавъ это, я поспѣшилъ взять мѣсто во Флоренцію у извозщика Перетти. Къ счастью моему, хотя карета была полна сѣдоками, но оставалось еще одно мѣсто пустое; заплативъ семь скудъ, я занялъ его, затѣмъ отправился на свою квартиру и объявилъ, что завтра утромъ ѣду во Флоренцію. Хозяева мои испугались, а старушка, мать хозяина, говоритъ мнѣ: „Мать Пресвятая Богородица не попуститъ и не дастъ намъ испытать это зло. Холера постигла невѣрующихъ въ святаго отца папу, его молитвами Господь сохранитъ насъ. Напрасно вы уѣзжаете“. Я ее утѣшалъ, говоря, что Богъ сохранитъ ихъ, я-же ѣду во Флоренцію. Бѣдная старушка не предчувствовала, что она одна во всемъ нашемъ домѣ будетъ жертвою (этой ужасной болѣзни).

Я былъ душевно радъ и спокоенъ, когда наша карета тронулась и мы выѣхали, наконецъ, изъ Porto del Popolo (Народныя ворота). Мы проѣзжали по восхитительной мѣстности Viterbo; особенно любопытенъ пограничный городъ папской области, Ра-ди-Гофани, который стоитъ на такой высотѣ, что кажется, будто онъ поднялся подъ самыя небеса. Видя эту возвышенность съ церквами и домами, бывало удивляешься, когда извозчикъ говоритъ вамъ, что завтра вы будете тамъ ночевать.

Въ послѣдующіе годы, въ лѣтнее время, во избѣжаніе римской лихорадки, мнѣ приходилось не разъ проѣзжать этою дорогою въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ и я всегда удивлялся этому чудному городу.

XXIV.

Во Флоренціи я нанялъ квартиру весьма удобную для моихъ занятій—гравированія портрета великаго князя Михаила Павловича.

Флоренція въ полномъ смыслѣ слова заслуживаетъ названія Новыхъ Аѳинъ. Всюду чистота, чудныя собранія картинъ; народъ добродушный, все гораздо дешевле, нежели въ Римѣ, кофейни образцовыя, только вода нехороша, ибо тутъ нѣтъ (1837 г.) акведуковъ, подобно тому, какъ въ Римѣ, проходя по которымъ вода очищается; здѣсь-же ее накачиваютъ изъ колодца въ домъ въ извѣстный сосудъ большаго размѣра, именуемый la cisterna, и тутъ она стоитъ въ жарѣ. Наливая эту воду въ стаканъ, видишь какъ въ ней ныряютъ во всѣ стороны, въ видѣ бѣлыхъ точекъ, (инфузоріи); это показываетъ, что вода нечиста, поэтому ее всегда пьютъ подбавляя вино. Обѣды вкусные и сытные обходились во Флоренціи по самой сходной цѣнѣ, къ тому-же вы получаете здѣсь отличное вино. На улицахъ встрѣчаешь очень много продавцовъ книгъ и мелкихъ эстамповъ. Флорентинцы народъ опрятный, образованный, крайне экономный и копейку берегутъ гдѣ могутъ; у нихъ не случается ни убійствъ, ни кражъ.

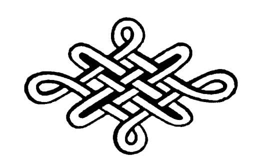
Пріѣхавъ изъ Рима во Флоренцію, при видѣ чудной природы и порядка, вамъ кажется, будто вы очутились въ Германіи, это вполнѣ, можно сказать, благословенный городъ!

Мнѣ здѣсь передавали странный обычай: будто всѣ замужнія женщины имѣютъ поклонниковъ. Это происходитъ такимъ образомъ: мужъ достигаетъ богатства весьма часто уже въ престарѣлыхъ годахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣетъ времени угождать своей женѣ; тогда она выбираетъ себѣ cavalier servente, т. е. покорнаго слугу, который сопровождаетъ ее всюду и довольно близокъ къ ней. Мужъ этому радъ, ибо въ молодости онъ занималъ у вліятельнаго лица ту-же должность и старается знакомить молодаго друга своей жены, также какъ и она, со своими знакомыми и родными, вводитъ его въ хорошее общество. Молодой человѣкъ исполняетъ эту обязанность до тѣхъ поръ, пока можетъ встать на ноги или получить независимость, тогда онъ

оставляетъ свою даму и дѣлается ея другомъ, а самъ, поистершись порядкомъ, становится мужемъ и даетъ своей женѣ право искать себѣ поклонника, каковымъ онъ самъ былъ въ молодости. Меня удивляло, что когда во Флоренціи говорили о какой-либо дамѣ, то всегда упоминали имя ея поклонника. Но такъ какъ флорентинцы народъ самый образованный въ Италіи, то все это передавалось такъ осторожно, что подобные разсказы васъ отнюдь не оскорбляли, и казалось, что такъ должно быть по уставу самой природы.

Изъ Рима получались, между тѣмъ, самыя печальныя вѣсти: холера уносила по нѣсколько сотенъ жертвъ. Во Флоренціи-же о ней и не думали, и я могъ прилежно заниматься, посѣщая по временамъ ея живописныя окрестности, какъ, напримѣръ, Фьезоли, съ остатками циклопскихъ стѣнъ, которыя состоятъ изъ огромныхъ камней, нагроможденныхъ одинъ на другой и не связанныхъ цементомъ. Фьезоли — отечество знаменитаго Доменико-де-Фьезоли, неподражаемаго по святости, съ коею написаны его образа или картины, столь цѣнимыя знатоками искусства. Я видѣлъ въ Фьезоли также превосходной архитектуры церковь San Miniato, украшенную живописью среднихъ вѣковъ. Тутъ существуетъ и крѣпость, надъ которою трудились, по инженерной части, Леонардо-да-Винчи и Микель Анджело Буонаротти—оба извѣстные живописца.

Флоренція лежитъ какъ будто въ котловинѣ, будучи окружена со всѣхъ сторонъ горами; на ихъ высотахъ построены: San Miniato, Фьезоле, Белло-сгвардо, вилла Кварто, имѣніе великой княгини Маріи Николаевны (1837 г.). Изъ этихъ мѣстъ видъ на Флоренцію восхитительный. Она видна какъ на ладони; ея дворцы, церкви и башни придаютъ ей съ этой высоты обворожительный видъ.

XXV.

Къ сентябрю мѣсяцу изъ Рима начали получаться болѣе утѣшительныя вѣсти. Я рѣшился ѣхать домой. По пріѣздѣ въ Римъ, на квартиру, я былъ пораженъ непріятнымъ запахомъ: всѣ замки, задвижки у оконъ и дверей оказались сильно заржавленными и хозяева съ поникшами головами сообщили мнѣ прискорбную вѣсть, что ихъ старушка, мать Ченчи, которая удерживала меня отъ поѣздки во Флоренцію, была одною изъ первыхъ жертвъ холеры. Послѣ ея смерти явилась комиссія съ разными травами, обладающими самымъ ѣдкимъ запахомъ, и окурила ими всю квартиру. Испаренія отъ этихъ травъ были столь ѣдки и сильны, что все, что было въ комнатахъ металлическаго, заржавѣло; хозяева старались къ моему пріѣзду все очистить и освѣжить воздухъ, но не могли успѣть въ этомъ. Боясь потерять во мнѣ исправнаго жильца, они просили меня имѣть терпѣніе, увѣряя, что все придетъ со временемъ въ порядокъ. Оставленный мною на квартирѣ лишній инструментъ я долженъ былъ выбросить, такъ какъ отъ ржавчины онъ никуда не годился.

Освободивъ свой чемоданъ и размѣстивъ все по мѣстамъ и комодамъ, я принялся слушать разсказы моихъ хозяевъ о случившемся во время моего отсутствія и узналъ, что суевѣріе народа дало первый толчокъ къ развитію губительной и смертельной болѣзни — холеры.

Въ началѣ августа (1837 года) были рѣдкіе случаи заболѣванія, но 15-го августа въ Римѣ бываетъ большой праздникъ въ церкви San Giovanni Laterano, на который самъ папа отправляется ежегодно съ большимъ церемоніаломъ, дабы присутствовать при службѣ и затѣмъ съ балкона даетъ свое благословеніе народу и, какъ говорится, всей вселенной. Въ этой церкви имѣется чудотворная икона Пресвятой Дѣвы, и эту икону было рѣшено нести послѣ обѣда, т. е. послѣ вечерни, съ торжествомъ въ церковь Santa Maria Maggiore для избавленія города отъ страшнаго бича — холеры. День былъ невыносимо жаркій; народу, болѣе всего черни, собралось несмѣтное количество; всѣ молились съ усердіемъ, слышны были стенанія, фанатическіе возгласы о помилованіи города. „Никогда вы не увидите такого

иступленія народа,—говорилъ хозяинъ,—каковое было въ этотъ день. Смотря на икону, пародъ молилъ ее съ крикомъ, обливаясь горючими слезами; разувшись, всѣ шли за процессіей босыми ногами, обливаясь пòтомъ отъ невыносимой жары. Вся эта масса народа въ экстазѣ, сопровождаемая множествомъ священниковъ и монашествующихъ, казалось, звала Пресвятую Богородицу съ небесъ быть заступницею отъ ожидаемаго несчастія. Процессія кончилась и всѣ спокойно разошлись по домамъ, увѣренные, что молитвы ихъ услышаны. Но судьбы Господни неисповѣдимы. На другой день разнеслась ужасная вѣсть: во всѣхъ концахъ Рима появилась холера, люди умирали среди ужасныхъ конвульсій въ самое короткое время; въ одинъ день, 16-го августа, умерло до 400 человѣкъ! Тутъ обуялъ всѣхъ ужасъ: не выходя со двора, всѣ готовились къ смерти у себя дома. Процессіи были запрещены; гробовъ не доставало и правительство соорудило огромную повозку (il carelone), которая разъѣзжала за трупами по ночамъ, окруженная жандармами съ горящими факелами. Какъ скоро эта повозка появлялась въ началѣ улицы, звонокъ давалъ знать тому несчастному семейству, у котораго имѣлся покойникъ или покойница, что его слѣдуетъ вынести на улицу и положить у входной двери въ гробу или завернутаго въ простынѣ, все равно. Погребальная компанія брала трупъ, вбрасывала къ прочимъ, часто просто втискивала въ повозку, желая поскорѣе окончить свое печальное шествіе. Такъ и намъ пришлось снести внизъ пашу старушку и видѣть, какъ ее втолкнули въ повозку безъ священника и гроба. Не говоря уже о народѣ, изъ коихъ многіе ожидали смерти, многіе римляне бросали своихъ родныхъ, когда замѣчали въ нихъ первые признаки холеры; но жившіе тутъ иностранцы, оставивъ всякую боязнь, являлись въ дома, оттирали страдавшихъ конвульсіями и многихъ черезъ то спасали. Священники, любя жизнь, съ трудомъ шли исполнять свой долгъ надъ умирающимъ; они исповѣдывали и пріобщали, стараясь не прикасаться къ больному, во многихъ же случаяхъ не являлись вовсе, боясь холеры и смерти".

Но кто отличился въ это время ужаса и крайней безпомощности бѣднаго класса, такъ это были іезуиты, которыхъ римляне всегда презирали за ихъ вкрадчивое обращеніе съ молодыми людьми; но во время этой холеры іезуиты безъ всякой боязни и съ рѣдкою го-

товностью исполняли христіанскую требу, надѣляли пищею и бѣльемъ бѣднѣйшій классъ населенія и переносили на своихъ плащахъ, вмѣсто носилокъ, умирающихъ въ госпитали, если того требовала болѣзнь. Ихъ карманы были полны медикаментами и въ иныхъ случаяхъ они сидѣли у умирающаго до послѣдней минуты его жизни. Все это я слышалъ весьма часто отъ протестантовъ, конечно съ саркастическимъ замѣчаніемъ, что іезуиты всегда готовы пожертвовать тѣмъ или другимъ изъ своихъ собратіевъ, за то потерею ихъ они пріобрѣтаютъ тысячи новыхъ прозелитовъ для своего ордена. Такъ можно судить, когда ужасное зло кончилось, но что чувствовалъ несчастный больной, когда, при первыхъ признакахъ страшной болѣзни, всѣ его бросали и вдругъ являлась къ нему помощь. Въ безпамятствѣ, больной не зналъ, кѣмъ она ему оказана, но выздоровѣвъ, онъ чувствовалъ признательность и не зналъ, какъ оцѣнить то благодѣтельное существо, которое явилось его ангеломъ избавителемъ, будь то протестантъ, католикъ, іезуитъ или капуцинъ—ему все равно; помощь, оказанная, быть можетъ, въ минуту смерти, или пища, поданная въ часъ голода, неоцѣнимы! Память объ этой неожиданной помощи будетъ жить въ его сердцѣ до конца жизни.

Въ это время случился потрясающій фактъ, показывающій до чего могутъ дойти люди, несмотря на то, что всѣ римляне крайне мнительны и благочестивы.

Холера сразила трехъ монахинь французскаго ордена „Святаго сердца Христа"; монахини этого ордена славились отличнымъ образованіемъ и пѣніемъ, такъ какъ многія изъ нихъ владѣли хорошими голосами, и такъ какъ монастырь Della Santa Trinita (святой Троицы), въ которомъ онѣ помѣщаются, находится на самомъ видномъ мѣстѣ Рима, на горѣ Пинчіо, гдѣ начинается гулянье, посящее имя (la Popocgiata del Monte Pincio) „гулянье на горѣ Пинчіо", то этотъ монастырь извѣстенъ всему Риму. Провидѣнію угодно было посѣтить и это святое жилище смертоноснымъ недугомъ—холерою, отъ которой умерло три монахини. Ихъ ожидала общая участь, тѣла ихъ были положены на общую повозку, и когда они были привезены на кладбище, то отчаянный народъ — могильщики, не имѣвшіе, конечно, ни вѣры, ни совѣсти, при видѣ полныхъ еще жизни трехъ дѣвъ, наругались надъ ними, не боясь ни холеры, ни ея заразитель-

ности... Зная строгую дѣвственность монахинь, они опорочили ихъ трупы... Этотъ поступокъ привелъ въ ужасъ и негодованіе весь Римъ. Неизвѣстно, какая участь постигла могильщиковъ. Говорили, что нѣкоторые изъ нихъ умерли.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ эти дни всеобщаго ужаса тѣ несчастные, которые боялись холеры, шли на встрѣчу смерти. Другъ мой англичанинъ Берноу, который не совѣтовалъ мнѣ уѣзжать изъ Рима и отличался, какъ истый англичанинъ, твердымъ, самостоятельнымъ характеромъ, увидавъ вокругъ себя всѣ ужасы холеры и слыша ежедневно, какъ люди умирали отъ нея въ нѣсколько часовъ, до того растерялся, что M-me Кольеръ, въ домѣ которой онъ былъ принятъ какъ хорошій знакомый, желая излѣчить его отъ этого страха, возила его въ своемъ экипажѣ по главнымъ улицамъ Рима, дабы онъ могъ болѣе свыкнуться съ воздухомъ, котораго онъ такъ боялся, и могъ бы видѣть народъ, гуляющій возлѣ тѣхъ домовъ, гдѣ были случаи холеры.

Однако, ничто не помогло; страхъ навлекъ на него холеру; многіе изъ иностранцевъ, знавшіе и любившіе его, поспѣшили къ нему на помощь; а онъ, лежа на смертномъ одрѣ, просилъ ихъ не приближаться, говоря съ мольбою:

— „Пусть я одинъ умру, я не желаю, чтобы моя смерть была причиною смерти моихъ друзей“.

И этому талантливому портретисту и скульптору, одному изъ лучшихъ художниковъ по этой части, пришлось умереть; онъ одинъ изъ столь великаго числа живущихъ въ Римѣ художниковъ сдѣлался жертвою холеры. Вѣчная память тебѣ, милый Берлоу, и благодарность какъ человѣку съ прекрасною душою и добрымъ сердцемъ, коими я всегда восхищался.

Въ концѣ того-же 1837-го года, я кончилъ работу портрета его импер. высочества вел. кн. Михаила Павловича. Имъ были довольны граверы Рима. Изъ дома я получилъ похвальный отзывъ, и меня сдѣлали академикомъ.

По окончаніи этой работы, я принялся вновь за гравированіе „Преображенія“, но, проработавъ надъ крупною гравюрою, каковымъ былъ портретъ великаго князя, я началъ прокладывать нижнюю часть доски, вслѣдствіе этого, несоразмѣрно крупными штрихами, что причинило мнѣ много труда и работы при окончаніи гравюры.

Итакъ, я принялся за работу, которую предстояло окончить не ранѣе 1850-го года; а такъ какъ я нахожусь теперь въ 1838 году, то я и разскажу то, что случилось мнѣ видѣть, дѣлать и знать въ эти 12 лѣтъ.

XXVI.

Начинаю съ друзей моихъ, изъ коихъ на первомъ планѣ стоялъ мой искренній другъ, американскій скульпторъ Томасъ Крауфордъ. Онъ пріѣхалъ въ Римъ почти въ одно время со мною и мы съ перваго взгляда такъ сошлись, что прожили вмѣстѣ пятнадцать лѣтъ, какъ говорится, душа въ душу. Крауфордъ, красивый молодой скульпторъ, благороднѣйшихъ правилъ, учился въ Нью-Іоркѣ у одного изъ нашихъ скульпторовъ, ученика Торвальдсена; наслышавшись о богатствѣ сѣверной Америки, онъ переселился туда; его профессоръ часто разсказывалъ ему о Римѣ и о Россіи, пѣлъ ему русскія пѣсни и военные марши; самъ Крауфордъ игралъ па фортепіано; наслушавшись этихъ разсказовъ, онъ мечталъ объ Италіи, но будучи бѣднякомъ, не имѣлъ средствъ до нея добраться; услыхавъ однажды, что изъ Нью-Іорка отправляется въ Ливорно купеческій корабль, онъ поступилъ на него юнгою и, претерпѣвъ всѣ трудности переѣзда моремъ, добрался благополучно до Ливорно и, наконецъ, въ Римъ. Между тѣмъ, въ Римъ пріѣхалъ одинъ богатый американецъ, узнавъ о Крауфордѣ, о его положеніи и о желаніи учиться, онъ далъ ему хорошіе заказы и тѣмъ сдѣлалъ его сразу человѣкомъ независимымъ.

Крауфордъ былъ другомъ американскаго консула, къ которому была отрекомендована одна дѣвица—дочь богатаго банкира, дѣвушка весьма красивой наружности, съ огромнымъ состояніемъ. Ихъ было три сестры; двѣ старшія вышли замужъ за поэтовъ. Будучи богаты, онѣ желали выйти замужъ за даровитыхъ молодыхъ людей, избѣгая богатыхъ — недалекихъ по уму. Мой другъ Крауфордъ познакомился съ этой барышней и вдругъ сталъ пропадать; пронесся слухъ, будто консулъ сватаетъ ему красавицу и богачку. Однажды я встрѣчаю его на улицѣ, онъ показываетъ мнѣ богатое кольцо на лѣвой рукѣ и описываетъ

достоинства своей невѣсты, эксцентричность ея сестеръ, ихъ взгляды при выборѣ мужей, вслѣдствіе чего и она рѣшилась отдать ему сердце и руку. Я дружески поздравилъ его и искренно порадовался за него; онъ же сказалъ, что богатые и вліятельные родные его невѣсты приглашаютъ ихъ отпраздновать свадьбу въ Америкѣ, и что онъ скоро туда уѣзжаетъ. По пріѣздѣ онъ обѣщался навѣстить меня, говоря, что я тогда увижу—какое богатство ума и сердца онъ пріобрѣлъ въ своей невѣстѣ, и что она имѣетъ свыше 500 тыс. скудъ или 600 тыс. руб. серебромъ, и будетъ получать съ этого капитала свыше 30 тыс. руб. дохода. Крауфордъ съ улыбкою прибавилъ: „Теперь можно забыть всю мою предъидущую бѣдность и нужду, которыя никому такъ хорошо не извѣстны, какъ вамъ, мой милый Іорданъ“.

Затѣмъ я его болѣе не видалъ; но черезъ годъ мы съ нимъ встрѣтились вновь. Онъ нанялъ прелестную виллу „Негрони“, съ прекраснымъ садомъ, познакомилъ меня съ прелестнѣйшимъ существомъ — своею женою. Мы были все тѣ же друзья, только беззаботная веселость холостяка въ немъ исчезла. Онъ получилъ огромный заказъ, на 500 тыс. скудъ, памятникъ Вашингтону, кажется, въ Филадельфію, который былъ отлитъ изъ бронзы въ Мюнхенѣ.

Я разстался съ Крауфордомъ въ 1850 году, уѣзжая въ Петербургъ. Возвратившись въ 1853 году вновь въ Италію, я остановился во Флоренціи; Крауфордъ пріѣхалъ навѣстить меня со всѣмъ своимъ семействомъ; онъ былъ уже отцомъ трехъ дочерей. Въ то время у насъ, въ Россіи, происходила война съ англичанами. Онъ удивлялся нашей политикѣ: Россія выстроила себѣ флотъ, не выпустила изъ него ни одного ядра и затопила свои суда. „Мы бы, американцы, прежде подрались“, говорилъ онъ, и такимъ образомъ могли бы поучиться, какъ впредь слѣдуетъ драться, а уже затѣмъ начали бы топить флотъ“. Впослѣдствіи я узналъ, что Крауфордъ получилъ отъ простуды ракъ въ глазу, ужасно страдалъ, ѣздилъ въ Парижъ лѣчиться и тамъ умеръ. Тѣло его было отвезено въ Нью-Іоркъ, гдѣ его встрѣтили съ большимъ торжествомъ депутаты и художники и предали землѣ.

Его другъ американецъ, художникъ по части исторической живописи, женился на его вдовѣ.

Упокой тебя, Господь, до радостнаго утра, мой искренній другъ!

XXVII.

Во время моего пребыванія въ Римѣ, туда пріѣхалъ наша знаменитость Николай Васильевичъ Гоголь; люди, знавшіе его и читавшіе его сочиненія, были внѣ себя отъ восторга, и искали случая увидать его за обѣдомъ или за ужиномъ, но его несообщительная натура и неразговорчивость помаленьку охладили этотъ восторгъ. Только мы трое: Александръ Андреевичъ Ивановъ, гораздо позже Ѳедоръ Антоновичъ Моллеръ и я остались вечерними посѣтителями Гоголя, которые были обречены на этихъ ежедневныхъ вечерахъ сидѣть и смотрѣть на него какъ на оракула и ожидать, когда отверзутся его уста. Иной разъ они и отверзались, но не изрѣкали ничего особенно интереснаго.

Доброта Гоголя была безпримѣрна, особенно ко мнѣ и къ моему большому труду „Преображеніе". Онъ рекомендовалъ меня, гдѣ могъ. Благодаря его огромному знакомству, это служило мнѣ поощреніемъ и придавало новую силу моему желанію окончить гравюру. Гоголь сидѣлъ обыкновенно опершись руками о колѣни, зачастую имѣя передъ собою какія-нибудь мелкія покупки: онѣ развлекали его. Часто встрѣтишь его, бывало, въ бѣлыхъ перчаткахъ, щегольскомъ пиджакѣ и синяго бархата жилетѣ; онъ всегда замѣчалъ шутя: „Вы — Рафаэль перваго манера", и мы расходились смѣясь. Гоголь многимъ дѣлалъ добро рекомендаціями, благодаря которымъ художники получали новые заказы. Его портретъ, писанный Моллеромъ — верхъ сходства; мнѣ пришлось два раза гравировать съ него [1]).

Въ это же время пріѣхалъ въ Римъ Ѳ. А. Моллеръ, пенсіонеръ академіи художествъ, красивый, молодой дворянинъ и художникъ съ блестящимъ талантомъ и хорошими средствами, всегда веселый и крайне старательный. Его картина, извѣстная подъ названіемъ „Поцѣлуй", заставила говорить о немъ весь

---

[1]) Превосходный второй экземпляръ этого портрета, писанный самимъ Ѳ. А. Моллеромъ, пріобрѣтенъ въ книжномъ магазинѣ „Русской Старины" С. М. Третьяковымъ, въ 1890 году. Ред.

Римъ; „Русалка“, по стихотворенію Пушкина, была менѣе удачна; наконецъ, онъ написалъ въ Римѣ еще портретъ Гоголя.

Послѣ одной весьма непріятной исторіи, случившейся съ Моллеромъ, въ немъ произошла рѣзкая перемѣна. Не вдалекѣ отъ моей квартиры жила горбатая баба, имѣвшая трехъ дочерей, изъ которыхъ средняя была очень симпатична. Старуха-мать хотѣла извлекать изъ дочери средства къ жизни... Средняя дочь, премиловидная собою, служила моделью для живописцевъ, и многіе художники пользовались ею. Молодой Моллеръ, человѣкъ впечатлительный и весьма добрый, началъ писать съ нея „Обручальное кольцо“, картину, находящуюся нынѣ (1875 г.) въ Александріи въ Петергофѣ; имѣя хорошія средства, Моллеръ сошелся съ этой дѣвушкой, и они оба исчезли. Всѣхъ интересовало узнать, что̀ стало съ Моллеромъ. Узнаемъ, наконецъ, что семейство горбатой бабы рѣшительно завербовало его, всѣ живутъ на его счетъ, и что средняя дочь даже беременна отъ Моллера и что заставитъ его жениться на ней. Друзья начали хлопотать о томъ, чтобы освободить его, и успѣли въ этомъ; ему пришлось только поплатиться деньгами. Дѣвушка эта родила сына, на котораго вновь пришлось положить извѣстную сумму. Затѣмъ свершилось настоящее перерожденіе Моллера: онъ предложилъ у себя квартиру и столъ одному бѣдному живописцу остзейцу, который нѣкогда отравился грибами, и хотя былъ спасенъ, но страдалъ по временамъ болью въ желудкѣ и, наконецъ, отъ этой болѣзни скончался на рукахъ Моллера. Крайне опечаленный этимъ неожиданнымъ случаемъ, Моллеръ самъ ходилъ звать насъ на его похороны. Въ воскресенье утромъ, мы пріѣхали на Monte Testacio, куда явился вскорѣ пасторъ и совершилъ обрядъ погребенія. Моллеръ былъ очень скученъ и взволнованъ; зная его характеръ—характеръ настоящаго художника, котораго живописный видъ, встрѣча красивой дѣвушки и тому подобное приводитъ въ восторгъ и заставляетъ забывать всякую грусть, я предложилъ ему ѣхать съ нами въ Альбано, но онъ мнѣ отвѣчалъ на это: „Мнѣ понравилось слово, сказанное надъ моимъ другомъ, пойду еще помолиться за него въ церковь“. Итакъ всѣ мы, провожавшіе его, отправились по домамъ.

Два дня спустя встрѣчаю Моллера на улицѣ; онъ разсказываетъ мнѣ, какъ онъ былъ доволенъ, посѣтивъ церковь, гдѣ

онъ познакомился съ пасторомъ, пилъ у него вчера чай, и нашелъ, что пасторъ Папетъ—преумный и преученый священникъ; этотъ пасторъ воспитывалъ у какого-то герцога дѣтей и по причинѣ слабаго здоровья переселился въ Римъ. Моллеръ сдѣлался его искреннимъ другомъ. Папетъ былъ дѣйствительно отличный проповѣдникъ. Между тѣмъ, въ Римъ пріѣхала изъ Германіи одна богатая вдова, на которой этотъ пасторъ рѣшилъ жениться. Въ это время случился въ Римѣ англійскій архіерей, который ихъ обвѣнчалъ послѣ воскресной службы, и Моллеръ былъ главнымъ распорядителемъ на свадьбѣ; въ числѣ приглашенныхъ былъ и я. Мнѣ кажется, что все угощеніе на свадьбѣ было подаркомъ Моллера. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что переродившись нравственно, Моллеръ переродился и въ своемъ искусствѣ: его горячая живопись и яркій колоритъ исчезли, что и было замѣтно въ послѣдующихъ его работахъ, въ которыхъ видна сухость и отсутствіе колорита. Въ это время онъ началъ свою большую картину „Іоаннъ на островѣ Патмосѣ", которая не имѣла большаго успѣха, и профессорство дано было ему съ трудомъ. Слѣдуетъ замѣтить, что онъ получилъ въ это время прискорбное извѣстіе. Та молодая дѣвушка, о которой я упомянулъ выше, привыкнувъ къ обществу умнаго и добраго художника, какъ скоро лишилась Моллера и осталась при злой и горбатой своей матери, зачахла и скоро умерла. Нельзя было не любить Моллера. Впрочемъ, его не полюбила графиня Чернышева-Кругликова, въ которую онъ влюбился, но не получилъ ея согласія на бракъ; она вышла впослѣдствіи замужъ за генерала Черткова.

Моллеръ былъ очень трудолюбивъ, и написалъ много картинъ, изъ коихъ его большая картина „Проповѣдь Іоанна на островѣ Патмосѣ", находится въ академіи, въ собраніи картинъ русской школы. Она была куплена государемъ за 10 тысячъ рублей и за неимѣніемъ мѣста въ Эрмитажѣ, подарена академіи. Другая его картина—„Несеніе креста"—находится въ Эрмитажѣ, въ собраніи русской школы, но обѣ эти картины не имѣютъ достоинствъ его первыхъ работъ, какъ-то: „Поцѣлуй", „Русалка", „Обручальное кольцо" и „Таня" изъ Пушкина.

Моллеръ былъ богатый дворянинъ, будучи сыномъ морскаго

министра. Получая пенсію около 1,000 руб. какъ пенсіонеръ академіи художествъ, онъ пользовался еще доходомъ съ большаго каменнаго дома, что въ Почтамтской. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Моллеръ женился на красавицѣ m-lle Гильденштубе и имѣлъ много дѣтей. Онъ работалъ для московскаго дворца сюжеты изъ исторіи св. Александра Невскаго и написалъ нѣсколько сюжетовъ изъ священной исторіи. Послѣднимъ его трудомъ была картина большаго размѣра „Распятіе" для какой-то остзейской церкви.

Моллеръ пріобрѣлъ отличное имѣніе на островѣ Эзелѣ, гдѣ выстроилъ себѣ прекрасную мастерскую, чтобы работать еще многіе годы, но Провидѣніе опредѣлило иначе. Пріѣхавъ на короткое время въ Петербургъ, въ 1875 году, въ іюлѣ мѣсяцѣ, Моллеръ простудился и, спустя короткое время, скончался отъ воспаленія въ легкихъ. Неожиданная смерть его поразила всѣхъ. Послѣднее время онъ сдѣлался завзятымъ остзейцемъ. О смерти его никого не увѣдомили, мало кто могъ проститься съ нимъ и помолиться за него.

Моллеръ былъ высокаго роста, красивъ собою, говорилъ присасывая, имѣлъ большой наростъ на рукѣ, которая всегда была у него въ черной перчаткѣ.

Объ Александрѣ Андреевичѣ Ивановѣ я, кажется, уже говорилъ. Это была странная личность; онъ всегда улыбался и въ Н. В. Гоголѣ видѣлъ какого-то пророка. Гоголь давалъ ему наставленія, которыя Ивановъ рабски слушалъ. Я и Моллеръ, всегдашніе вечерніе посѣтители Гоголя, были въ его глазахъ ничто передъ Гоголемъ, и я душевно смѣялся надъ его увлеченіемъ [1]).

XXVIII.

Затѣмъ слѣдуетъ мой товарищъ Алексѣй Тарасовичъ Марковъ; я прожилъ съ нимъ въ академіи цѣлыхъ 15 лѣтъ; человѣкъ честнѣйшихъ правилъ, съ юныхъ лѣтъ занимавшійся искусствомъ, Марковъ былъ ужасно тупъ на изученіе иностранныхъ языковъ; въ ученикахъ онъ отличался композиціями эскизовъ,

[1]) См. далѣе примѣчаніе № 3 „Русск. Стар." 1891 г., іюль, стр. 70.

но былъ лѣнивъ. Въ Римѣ онъ встрѣтилъ брата своего Михаила, который за эскизъ большаго размѣра: „Наводненіе въ 1824 г., во время котораго Бенкендорфъ въ лодкѣ спасаетъ утопающихъ“, нарисованный чернымъ карандашомъ, удостоенъ былъ посылки въ чужіе края для усовершенствованія. Этотъ братецъ дорого стоилъ Алексѣю, ибо пенсія Михаила кончилась, но онъ домой не возвращался и жилъ вмѣстѣ съ братомъ на его иждивеніи; онъ страдалъ умопомѣшательствомъ и вскорѣ скончался.

Алексѣй Тарасовичъ долго скучалъ о потери брата, даже написалъ картину съ довольно страннымъ сюжетомъ, именно: „Сельское русское кладбище“; на немъ изображена дѣвушка и ребенокъ, дѣвушка оплакиваетъ отца или мать, ребенокъ-же, сидя на травѣ, играетъ и на что-то смотритъ. Первая мысль его была представить посреди холста умершаго брата, стоящимъ въ задумчивости, въ плащѣ, со сложенными на груди руками. Когда А. Т. Марковъ былъ еще ученикомъ, мы смѣялись надъ нимъ, какъ надъ философомъ, и точно, онъ всю жизнь свою остался философомъ, любилъ болѣе гулять задумавшись, т. е. философствовать, нежели работать. Во время своего пенсіонерства, въ Римѣ, онъ выбралъ для своей картины престранный сюжетъ—„Фортуна и нищій“, одну изъ басенъ безсмертнаго Крылова. Писалъ долго, очень долго, и эта картина, имѣющая, впрочемъ, большія достоинства, была наиболѣе важнымъ его трудомъ за все время его пенсіонерства. Къ этому слѣдуетъ прибавить копію съ фреска Рафаэля „Пожаръ въ Ватиканѣ“, не особенно удачную.

Кончивъ эти работы, Алексѣй Тарасовичъ отправился въ Петербургъ, гдѣ царствовалъ тогда въ академіи художествъ его другъ, инспекторъ академіи Андрей Андреевичъ Крутовъ. Съ помощью его, графа Ѳедора Петровича Толстаго и архитектора К. А. Тона, Марковъ помѣстился въ академіи и, не написавъ ничего на профессорское званіе, былъ самымъ вліятельнымъ профессоромъ и имѣлъ бездну учениковъ; желая написать программу на званіе профессора, онъ сдѣлалъ эскизъ „Мученіе первыхъ христіанъ въ Колизеѣ“ и заказалъ огромный холстъ, который долгое время служилъ для раздѣленія комнаты въ видѣ огромной временной стѣны.

При мнѣ пріѣхали, какъ я уже сказалъ, пенсіонеры, два красавца А. И. Резановъ и А. В. Логоновскій, а съ ними ихъ товарищи А. И. Кракау и Н. Л. Бенуа. Въ то-же время пріѣхали Андрей Андреевичъ Пищалкинъ, Бейне, М. И. Скотти, А. Н. Мокрицкій, два брата Эльсона, два брата Никитины и друг. Въ Римѣ-же проживалъ славный старичекъ, миніатюрный живописецъ г. Соболевскій. Его акварельныя работы славились силою колера, не уступавшаго живописи масляными красками. Молодые архитекторы Резановъ, Кракау и Бенуа принялись въ Орвіето снимать рисунки съ замѣчательной каѳедральной церкви этого города и, владѣя рѣдкимъ знаніемъ рисунка, сдѣлали удивительной оконченности раскрашенные виды этого храма, которыми восхищались въ 1862 году на лондонской всемірной выставкѣ всѣ ихъ видѣвшіе, хотя по тѣснотѣ помѣщенія, отведеннаго для Россіи, имъ пришлось занимать на этой выставкѣ обидное мѣсто, вовсе не соотвѣтствовавшее ихъ достоинству.

М. И. Скотти, ученикъ Егорова, былъ художникъ старательный, несомнѣнно талантливый, писалъ до сухой оконченности и грѣшилъ въ своихъ картинахъ колеромъ; онъ былъ учителемъ въ школѣ живописи и ваянія, гдѣ былъ любимъ всѣми учениками, имѣя даръ передавать свои познанія. Въ молодыхъ еще годахъ онъ получилъ ужасную болѣзнь—ракъ на языкѣ, и не смотря на то, что, благодаря своей дѣятельности, онъ нажилъ состояніе для независимой жизни, которое позволило ему отправиться въ Парижъ для исцѣленія отъ этой болѣзни, — одна смерть могла прекратить его страданія; при немъ находился во время его болѣзни нашъ землякъ, архитекторъ Нотбекъ, который и схоронилъ его въ Парижѣ. Вѣчная память тебѣ, мой добрый и дѣятельный другъ! Въ Римѣ онъ жилъ вмѣстѣ съ Логоновскимъ, Томаринскимъ и А. А. Пищалкинымъ.

Послѣдній изъ нихъ, А. А. Пищалкинъ, достойный граверъ, былъ родомъ изъ Перми. Онъ сдѣлался граверомъ вопреки своему желанію, по совѣту инспектора академіи Крутова; наружность имѣлъ самую непривлекательную, мало говорилъ и страдалъ глазами отъ золотухи. Онъ привезъ изъ-за границы

отличную гравюру „Святое семейство“ съ картины Рафаэля, за которую получилъ большую золотую медаль; кромѣ того, ему-же принадлежитъ прекрасно оконченный рисунокъ съ картины К. П. Брюлова „Взятіе на небо Богородицы“, написанный для Казанскаго собора; картина эта находится въ алтарѣ собора по сей день; съ этого рисунка онъ началъ гравюру.

Странный характеръ Пищалкина былъ причиною того, что я не могъ съ нимъ сойтиться ни въ Римѣ, ни въ Петербургѣ.

Страдая глазами, Пищалкинъ каждое лѣто ѣздилъ на воды Acqua-Santa, которыя мало ему помогали. При всей своей невзрачной наружности, онъ влюбился въ премилую дочь содержателя гостинницы. Къ счастью его, нашъ конференцъ-секретарь В. И. Григоровичъ отсовѣтовалъ ему жениться, когда Пищалкинъ спросилъ по этому поводу его мнѣніе. Гравюрѣ его конца не было, она составляетъ pendant картинѣ Иванова, которой также конца не было и которая стоитъ теперь (1875 г.) въ Москвѣ неоконченною. По слабости зрѣнія Пищалкинъ ничего болѣе не сдѣлалъ, получилъ, наконецъ, пожизненную пенсію въ 500 руб. и живетъ (1875 г.) въ крайней бѣдности. Въ Римѣ товарищи прозвали его „нѣтъ дома“. Когда, случалось, зайдетъ къ нему кто-нибудь, то хотя онъ и сидитъ въ другой комнатѣ, но на вопросъ: „Пищалкинъ дома?“ отвѣтъ бываетъ отъ его-же товарищей: „Нѣтъ дома“, ибо сколько ни говори съ нимъ, онъ остается безотвѣтнымъ.

XXIX.

Интересная была личность Аполлонъ Николаевичъ Мокрицкій—малороссъ, болтливый и горячій поклонникъ искусства. Онъ былъ сначала на службѣ чиновникомъ и не обнаруживалъ никакихъ талантовъ, но наслышавшись объ удивительныхъ дарованіяхъ и славѣ К. П. Брюллова, бросилъ службу и сдѣлался покорнѣйшимъ ученикомъ своего профессора Брюллова. Какъ его ученикъ, онъ получалъ нѣкоторыя отличія, т. е. медали. Профессоръ посвящалъ его во всѣ свои тайны, и ему пришлось быть свидѣтелемъ нѣкоторыхъ случаевъ изъ жизни Брюллова, именно по дѣлу о его разводѣ съ его красавицею и умною

женою, рожденною дѣвицею Тимъ. Мокрицкій разсказывалъ мнѣ по этому поводу слѣдующее: „Сижу я вечеромъ у себя въ мастерской, входитъ К. П. Брюлловъ, погруженный въ какую-то сверхъестественную скорбь.—„Я болѣе не женатъ, говоритъ Брюлловъ. Жена меня оставила. Я прилегъ, встаю, ищу жену, мнѣ говорятъ, что она на-скоро одѣлась и ушла! „Я началъ его утѣшать, но Брюлловъ, зная, вѣроятно, ея характеръ и свое обращеніе съ нею, былъ увѣренъ, что она ему сказала „прости навсегда". Затѣмъ Мокрицкій передалъ мнѣ, что въ тотъ вечеръ посѣтилъ г-жу Брюллову ея отецъ; она сидѣла скучная, придерживая рукою щеку (щека была красна), изъ чего отецъ заключилъ, что тутъ случилась непріятная семейная сцена. По этому поводу произошло объясненіе между Брюлловымъ и отцемъ его жены; когда-же отецъ ушелъ, г-жа Брюллова выждала пока мужъ ея ляжетъ отдыхать и рѣшила уйти отъ него; они никогда болѣе не видались. Они были разведены законнымъ образомъ и Брюлловъ долженъ былъ выплатить извѣстную сумму денегъ за обиду и худое съ нею обращеніе. Его жена была прелестна собою и весьма образована; она прельстилась талантомъ, обманчивымъ обхожденіемъ и разговорами Брюллова и, зная его ошибки и старые грѣхи, все-же рѣшилась выйти за него замужъ. Съ первыхъ дней замужества онъ началъ ревновать ее ко всѣмъ, даже къ N.N. Говорили, будто поводомъ къ непріятностямъ, начавшимся съ перваго дня свадьбы, послужило печальное недоразумѣніе... Брюлловъ лишилъ жену общества, въ которомъ она привыкла блистать, и у себя не принималъ никого изъ ея пріятельницъ; супружество сдѣлалось для нея каторгою. Оставя Брюллова, она вышла замужъ за моряка Греча, сына извѣстнаго составителя грамматики Н. И. Греча, но не долго жила съ нимъ, онъ умеръ въ чахоткѣ во время плаванія и былъ похороненъ въ морѣ. Вдовою m-me Гречъ переселилась въ Германію и тамъ вышла въ третій разъ замужъ за иностранца—военнаго человѣка.

Разведенный К. П. Брюлловъ вскорѣ утѣшился, имѣлъ какую-то любовную исторію съ сестрою одного своего ученика, вновь поплатился деньгами и затѣмъ предался работѣ, остальное время проводилъ въ кругу друзей....... пока не получилъ большую работу отъ архитектора Монферана—написать

въ куполѣ Исаакіевскаго собора четырехъ евангелистовъ и четыре пандантива; занимаясь въ лѣтнее время въ куполѣ собора, въ который пекло солнце и желая освѣжиться, онъ отворялъ окна, и отъ сквознаго вѣтра простудился; страдая ранѣе біеніемъ сердца, онъ долго мучился. Прежняя разгульная жизнь напомнила о себѣ во время болѣзни. Въ это время онъ написалъ съ себя отличный портретъ, который былъ превосходно награвированъ моимъ ученикомъ (Иваномъ Петровичемъ) Пожалостинымъ въ Парижѣ.

Желая поправить свое здоровье въ южномъ климатѣ, Карлъ Павловичъ Брюлловъ отправился въ Римъ, но скоропостижно скончался тамъ на дачѣ своего друга, богатаго римскаго помѣщика, отъ аневризма и похороненъ на Monte Testacio.

Наслѣдникомъ его довольно значительнаго состоянія былъ его родной братъ—извѣстный архитекторъ Александръ Павловичъ Брюлловъ. Младшій братъ ихъ, Павелъ, умеръ бывши еще ученикомъ академіи. У нихъ былъ старшій братъ, Ѳедоръ, отъ перваго брака отца ихъ, — живописецъ, исполнялъ работы для Исаакіевскаго собора.

Кончилась замѣчательная жизнь К. П. Брюллова. Онъ съ малыхъ лѣтъ удивлялъ всѣхъ и каждаго рѣдкими своими способностями къ живописи во всѣхъ родахъ: исторической, жанръ животныхъ, каррикатуры, но онъ былъ врагъ самому себѣ, ведя безалаберную и весьма часто безпутную жизнь.

Баталическій живописецъ Зауервейдъ, несмотря на иностранную фамилію, былъ истый патріотъ. Въ бытность свою въ Парижѣ, въ 1812 году, гдѣ онъ рисовалъ для Наполеона I-го его лошадей, Зауервейдъ вдругъ слышитъ пальбу изъ пушекъ, возвѣщавшую народу, что Москва взята французами; на глазахъ у друга своего, француза m-r Lorieux, онъ бросаетъ кисть, плачетъ, уходитъ изъ мастерской и не работаетъ цѣлыхъ два дня. Это разсказывалъ мнѣ въ Парижѣ, въ 1829 году, самъ старикъ Lorieux. Зауервейдъ, уважая рѣдкій талантъ Брюллова, постарался доставить ему случай представиться государю, и такъ какъ императоръ Николай I-й былъ рѣдкій покровитель всего прекраснаго, то онъ приказалъ Брюллову быть въ понедѣльникъ въ 10 час. утра въ Царскомъ Селѣ, причемъ изъявилъ желаніе дозволить ему написать его величества портретъ. Брюллову было

приказано изготовить все необходимое къ этому дню и часу. Друзья Брюллова всѣ были обрадованы, что русскому художнику представляется случай выказать свои способности. Все было приготовлено къ назначенному дню и часу; пунктуально, въ назначенное время, является государь и спрашиваетъ:

— „Гдѣ Брюлловъ?“ — и, не найдя его, сказалъ уходя: „д.....!“

Что же случилось съ Брюлловымъ? Когда Мокрицкій сталъ торопить его въ то утро отъѣздомъ въ Царское Село, то Брюлловъ, подумавъ немного, сказалъ: „Скучно, не поѣду. Сегодня надобно ставить натуру ученикамъ“, взялъ шляпу и ушелъ въ классы.

Подобный поступокъ могъ случиться только въ Россіи (?) и то только съ Брюлловымъ. Затѣмъ, о немъ не было болѣе разговора при дворѣ. Какъ я уже сказалъ, Брюлловъ былъ врагъ самому себѣ.

XXX.

Съ нами еще жилъ въ Римѣ чистенькій, смирненькій Пименъ Никитичъ Орловъ, малороссъ, почти самоучка, малаго роста, блондинъ, всегда щеголевато одѣтый, съ кольцами на пальцахъ и цѣпочками у часовъ. Въ трактирѣ онъ угощался дорогими блюдами, а вечеромъ посѣщалъ кофейню Надзари „Bon Gusto“, гдѣ обыкновенно оканчивалъ день хорошею порціею мороженаго. Газеты и вообще чтеніе его не занимали, онъ искалъ красивыхъ натурщицъ и писалъ съ крестьянокъ, не умѣющихъ ни читать, ни писать и одѣтыхъ весьма часто въ одномъ рубищѣ. У Орлова онѣ выходили на его картинахъ какими-то княжнами, богато одѣтыми и съ преумными лицами, что очень нравилось нашимъ путешественникамъ, особенно ихъ женамъ, и за эту красивую живопись онъ умѣлъ брать хорошія цѣны. Онъ рѣдко былъ безъ работы; между прочимъ, написалъ портретъ великой княжны Ольги Николаевны, въ бытность ея высочества невѣстою, и заработокъ свой тратилъ на украшеніе своей внѣшности. Орловъ былъ мѣшковатъ, но очень трудолюбивъ; онъ кончилъ жизнь въ сумасшедшемъ домѣ, въ Римѣ, отъ любви; у содержателя кофейни Надзари, куда мы ходили по вечерамъ, была прелестная дочь, которая

плѣнила Орлова. Онъ старался щеголять и тратиться у ея отца, но когда родители узнали о его желаніи сдѣлаться супругомъ ихъ дочери, то, разсмѣявшись, ему отказали, зная, что онъ не богатъ, а просто художникъ,—у римлянъ же богатство есть главная добродѣтель, а художникъ въ ихъ мнѣніи—послѣдняя спица въ колесницѣ. Орловъ съ отчаянія началъ пить, валялся по улицамъ пьяный, наконецъ, сошелъ съума и въ этомъ состояніи умеръ въ домѣ умалишенныхъ, имѣя болѣе 50 лѣтъ отъ роду.

Между мелкими нашими живописцами по части жанра и портретовъ находились пенсіонерами нашей академіи два художника по исторической живописи — гг. Завьяловъ и Ш***. Завьяловъ—худощавый юноша съ длиннымъ острымъ носомъ, всегда осторожный въ разговорѣ, но чрезвычайно желчный и никогда недовольный ни самимъ собою, ни другими. Мы почти всѣ свыклись съ его характеромъ, съ его натурой, вѣчно искавшей чего-то, но не находившей нигдѣ предмета своихъ желаній. Онъ считался отличнымъ художникомъ по рисованію и композиціи, занимался очень долгое время картономъ на сюжетъ изъ поэмы Лалла-Рукъ: „Абадонна, низверженный съ неба", который занялъ все время его пенсіонерства, но не былъ оконченъ, такъ какъ Завьяловъ все изыскивалъ чего-то лучшаго.

Возвратившись въ Петербургъ, онъ женился на премилой дѣвицѣ M-lle Brullo, дочери старшаго брата братьевъ Брюлловыхъ, Ѳ. П. Брюлло. Завьяловъ росписалъ превосходно въ Москвѣ стѣны царскихъ теремовъ, а въ Петербургѣ написалъ образъ св. Александра Невскаго для часовни на Николаевскомъ мосту; на званіе профессора имъ написано „Положеніе во гробъ", и съ этимъ званіемъ онъ получилъ при академіи профессорскую должность. Съ полученіемъ этого мѣста, казалось, ему слѣдовало успокоиться, но неумолимая холера свела его въ нѣсколько часовъ въ могилу въ лучшей порѣ его жизни. Это случилось въ іюлѣ мѣсяцѣ 1856 года; онъ заболѣлъ отъ апельсина, которымъ хотѣлъ утолить жажду во время сильной жары. Его вдова, оставшаяся съ малолѣтнею дочерью, до выхода своего замужъ за Завьялова, имѣла другаго жениха, но предпочла въ то время отдать руку и сердце Завьялову, по смерти же его вновь явился первый женихъ и этотъ разъ имѣлъ полный успѣхъ.

Товарищъ Завьялова, Ш***, былъ совершенно противо-

положнаго съ нимъ характера; я не видалъ, чтобы они сходились, да и трудно было этого ожидать. Первый былъ простъ въ обращеніи, но въ то же время умѣлъ язвительно подсмѣяться, Ш***, напротивъ, отличался какимъ-то напыщеннымъ благородствомъ, говорилъ всегда расчитанно, такъ что, слушая его внимательно, двухъ словъ не узнаешь правды. Начавъ съ нимъ говорить, съ первыхъ же словъ перестаешь, бывало, его слушать, смотришь въ сторону и думаешь, какъ-бы проститься и уйти. Онъ былъ видный мужчина, одѣвался изысканно, держался всегда прямо, какъ говорится, точно аршинъ проглотилъ. При его щеголеватой наружности, ему подобало только гулять и отдыхать на главной улицѣ Корса, но по воскреснымъ днямъ, когда богатые римляне имѣютъ обыкновеніе являться въ своихъ экипажахъ на этой главной улицѣ, ему приходилось выжидать по долгу, между множествомъ каретъ, экипажъ одной итальянской помѣщицы, которая разъѣзжала вдвоемъ со своимъ мужемъ, и эта-то помѣщица, если вѣрить его словамъ, была его Джіоконда.

Въ то же время его товарищъ Завьяловъ пользовался благосклонностью одной пожилой дамы, матери взрослыхъ дѣтей, имѣвшей пожилаго мужа, француза, которую Завьяловъ посѣщалъ въ то время, когда мужъ ея, усталый отъ работы въ конторѣ банкира Торлонія, гдѣ онъ служилъ, вкушалъ ночной отдыхъ отъ дневной работы.

Завьяловъ съ простодушіемъ художника разсказывалъ всѣ опасности, которыя онъ встрѣчалъ въ своихъ ночныхъ похожденіяхъ.

Ш*** занимался болѣе Завьялова, но мнѣ пришлось видѣть только одну его картину на площади народной выставки въ Римѣ. Она изображала „Петра, спасающаго утопающихъ“. Мужики и бабы на этой картинѣ, какіе-то господа и княжны. Правды ни на волосъ. Ни на Петрѣ, ни на спасаемыхъ имъ не видать ни капли воды, все сухо въ картинѣ, несмотря на бурю; эта картина, какъ и многія его произведенія писаны какъ-будто для украшенія собственныхъ его комнатъ или мастерской, а отнюдь не для продажи; нашлись-ли охотники на нихъ, не знаю.

Г-нъ Ш***, по пріѣздѣ въ Петербургъ, былъ сдѣланъ въ академіи учителемъ рисованія, много работалъ для разныхъ церквей и для собора св. Исаакія. За картину „Воскресенье Христово“,

которая находится въ академической церкви, онъ произведенъ въ профессора. Теперь (1875 г.) онъ получилъ работу для московскаго храма Спасителя и однимъ изъ его эскизовъ для этой церкви нашъ вице-президентъ остался очень доволенъ.

XXXI.

Нашимъ товарищемъ былъ также весьма молодой, по годамъ, пенсіонеръ Сократъ Максимовичъ Воробьевъ по пейзажной части, ученикъ отца своего Максима Никифоровича Воробьева, любимый всѣми, только занимавшійся не особенно много. Онъ отлично рисовалъ и чертилъ, но въ краскахъ былъ слабъ; однако, успѣлъ написать хорошій „Видъ горъ при закатѣ солнца". Картину эту купилъ государь, а отецъ Воробьева сдѣлалъ для академіи съ нея копію для собранія картинъ русской школы.

Сократъ былъ любимымъ сыномъ Воробьева, который пріѣзжалъ въ Римъ навѣстить его и былъ свидѣтелемъ всеобщей къ нему любви. Старикъ сказалъ мнѣ однажды, что онъ оставитъ все заработанное имъ этому сыну, желая сдѣлать его независимымъ. По возвращеніи въ Россію, Сократъ Воробьевъ былъ принятъ преподавателемъ ландшафтной живописи. Къ несчастію, онъ ѣздилъ на лѣто въ Привислянскій край и тамъ сошелся съ одною замужнею полькою, въ искусствѣ же началъ падать. У отца его дѣла пошли также худо. Написавъ двѣ, три картины, которыя всегда покупалъ у него государь, старикъ Воробьевъ вдругъ назначилъ за нихъ большую цѣну; узнавъ объ этомъ, государь сказалъ: „Воробьевъ не мой болѣе живописецъ",—и пересталъ пріобрѣтать его картины, что убило старика. Съ нимъ сдѣлался вскорѣ ударъ; любимца его, сына Сократа, не было при немъ; онъ находился въ то время у своей возлюбленной въ Привислянскомъ краѣ, а его родственники, которые ухаживали за умирающимъ старикомъ, добились завѣщанія въ свою пользу и любимый сынъ, по возвращеніи домой, нашелъ бумажникъ и комоды пустыми; обезпеченная будущность для него исчезла. Между тѣмъ, выставляемыя имъ картины не встрѣчали одобренія публики, и онъ получилъ, наконецъ, отъ академіи полную отставку, уѣхалъ изъ Петербурга и поселился около Вильны.

Съ нами жилъ въ это (въ концѣ 1830-хъ годовъ) время

весьма добрый молодой докторъ Розенбергъ, пріѣхавшій въ Римъ домашнимъ врачемъ съ г-жею Раевскою, у которой было два сына. Свободное время онъ проводилъ въ обществѣ художниковъ, лѣчилъ ихъ, большею частью, отъ (юношескихъ) недуговъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, я велъ съ нимъ шапочное знакомство. Теперь (1875 г.) онъ женатъ, счастливъ, но бездѣтенъ и держитъ экипажъ, о чемъ я пророчествовалъ ему еще въ Римѣ.

Въ одно время съ нами въ Римѣ находился также Ѳедоръ Васильевичъ Чижовъ, ревностный поклонникъ искусства, содѣйствовавшій художникамъ посредствомъ печати, какъ корреспондентъ разныхъ газетъ, и рекомендаціями; онъ былъ малаго роста, сутуловатъ, много дѣлалъдобра, особенно бѣднымъ художникамъ. Мы посѣтили съ нимъ малороссійскихъ богачей Галаганъ, съ которыми Ѳ. В. Чижовъ познакомилъ меня. Съ семействомъ Галаганъ пріѣхала молодая парочка: графъ Комаровскій, только-что женившійся на дѣвицѣ Галаганъ; они прибыли въ Римъ для крестинъ младенца, котораго имъ Богъ далъ. Семейство Галаганъ состояло изъ престарѣлаго Галагана, его племянника Григорія Павловича Галаганъ, котораго воспиталъ Ѳ. В. Чижовъ, вселивъ въ немъ любовь и уваженіе къ художеству и его дѣятелямъ, и матери его Екат. Алекс. Галаганъ. Григорій Павловичъ Галаганъ сдѣлалъ первую покупку въ Римѣ, купивъ на народной выставкѣ картину И. К. Айвазовскаго „Морской видъ“.

XXXII.

Иванъ Константиновичъ Айвазовскій, вполнѣ еще молодой художникъ, съ пріятною наружностью, былъ поклонникъ танцовщицы Тальони, коей башмачекъ возилъ съ собою, какъ реликвію. Едва пріѣхавъ въ Римъ, онъ написалъ двѣ картины: „Штиль на морѣ“, и меньшаго размѣра „Буря“; потомъ явилась третья картина: „Морской берегъ“. Эти три картины возбудили всеобщее вниманіе Рима и гостей его. Одну изъ нихъ немедленно купилъ римскій банкиръ Торлони, другую—Г. П. Галаганъ, а третью—не помню кто. Множество художниковъ начали подражать Айвазовскому; до его пріѣзда въ Римъ не была извѣстна морская живопись, а послѣ него въ каждой лавченкѣ красовались виды моря „à la Айвазовскій“. Его слава

прогремѣла по всей Европѣ и принесла обильную жатву талантливому артисту. Даже самонадѣянный Парижъ восхищался его картинами и одна изъ нихъ, изображавшая восходъ или закатъ солнца, была написана до того живо и вѣрно, что французы сомнѣвались, нѣтъ-ли тутъ фокуса и нѣтъ-ли за картиною свѣчи или лампы.

Между нашими художниками И. К. Айвазовскій составляетъ исключеніе. Его картины подвергались въ Россіи сильной критикѣ, иной разъ даже прямо не одобрялись; между тѣмъ, нѣтъ страны и любителей искусства, которые не имѣли-бы работъ И. К. Айвазовскаго. Я говорю это по личному наблюденію; на всемірной выставкѣ въ Лондонѣ, изъ большаго числа картинъ, выставленныхъ въ нашемъ русскомъ отдѣлѣ, я имѣлъ удовольствіе продать за хорошую цѣну только двѣ картины Айвазовскаго. Какія картины онъ ни выставлялъ и какія выставки ни устраивалъ, почти всѣ его работы раскупались, изъ чего можно вывести заключеніе, что Айвазовскій дѣйствительно обладаетъ рѣдкимъ талантомъ къ изображенію морскихъ видовъ. Имѣя не многимъ болѣе пятидесяти лѣтъ (въ 1875 г.) [1], Айвазовскій написалъ уже до 2,000 картинъ, обладаетъ до сего дня отличнымъ здоровьемъ и владѣдтъ прекраснымъ имѣньемъ въ Крыму, на которое употреблено имъ все нажитое имъ состояніе.

Ѳ. И. Іорданъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

[1]) Иванъ Константиновичъ Айвазовскій род. 17-го іюля 1817 г., а потому имѣлъ въ 1875-мъ году—58 лѣтъ. Ред.

Замѣтки В. А. Іорданъ къ Запискамъ покойнаго ея мужа Ѳ. И. Іорданъ.

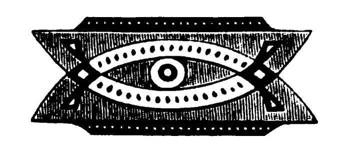
1. Ѳедоръ Ивановичъ не однажды разсказывалъ, что въ эпоху колебаній, когда онъ долго и долго не рѣшался на такое грандіозное предпріятіе, какъ гравированіе „Преображенія Господня“, надъ которымъ долгіе годы тупилъ рѣзецъ свой Рафаель Моргенъ и друг., онъ пробѣгалъ мысленно. въ то время, исторію гравировальнаго искусства, останавливался на художникѣ-граверѣ Лонги, посвятившемъ десятки лѣтъ на гравированіе „Обрученіе Св. Дѣвы Маріи“, и на граверѣ Моллерѣ, проведшемъ всю свою жизнь надъ доскою Сикстинской Мадонны. Оставалось уступить предъ невозможностью или рѣшиться на самоотверженіе. Онъ остановился на послѣднемъ и приступилъ къ дѣлу съ энергіею, которая поразила всѣхъ. Вставая съ римскою зарею, не теряя ни дня, ни часу, онъ превратился какъ-бы въ оффиціальнаго стража ватиканскаго художественнаго сокровища. Въ то время, какъ онъ дѣлалъ рисунокъ, его посѣщали въ Ватиканѣ очень многіе, и въ томъ числѣ извѣстный лингвистъ кардиналъ Меццофанти, который поразилъ Ѳ. И. знаніемъ многихъ русскихъ словъ. Около того-же времени началъ свою картину „Явленіе Христа народу“ Александръ Андреевичъ Ивановъ. Первое время мастерская его была открыта и товарищи-художники откровенно высказывали мнѣніе свое, такъ, напримѣръ, знаменитый Овербекъ не предсказывалъ успѣха начатой работѣ вслѣдствіе полнаго отсутствія женскихъ фигуръ.

2. Тоски знаменитъ своею работою: „Въѣздъ Генриха IV въ Парижъ„ съ картины Жерара. Тоски остался очень доволенъ рисункомъ и много распрашивалъ Іордана про Англію.

3. Ежегодно съ наступленіемъ лѣта Ивановъ уѣзжалъ въ окрестности Рима или во Флоренцію, какъ для отдыха, такъ и для выполненія эскизовъ съ натуры.

В. А. Іорданъ.

Стрѣльна.
Май 1891 г.

ДНЕВНИКЪ ГРАФА ПЕТРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ВАЛУЕВА

1847—1860 гг.

1857 г. [1]).

Баронъ Ганъ письменно объявилъ ландтагу, 25-го числа, о своемъ намѣреніи сложить съ себя званіе губернскаго предводителя. Онъ при этомъ объяснилъ, что „честь и долгъ возбраняютъ ему дальнѣйшую службу при обстоятельствахъ, которыя лишаютъ его возможности быть полезнымъ“. Онъ упоминаетъ о предстоящихъ опасностяхъ и указываетъ на монаршую защиту, какъ на способъ избавленія отъ этихъ опасностей. Въ засѣданіи 26-го числа ландтагъ опредѣлилъ, большинствомъ 21-го голоса противъ 12-ти, представить барону Гану соболѣзнующій адресъ, въ которомъ, между прочимъ, значится, что „опасность должна быть велика, если передъ нею отступаетъ баронъ Ганъ; что дворянство взираетъ на будущность съ трепетнымъ безпокойствомъ (mit banger Sorge), но при томъ надѣется, что, при помощи монаршей, тучи, угрожающія дворянству (drohende Wolken), разсѣятся“. Не могу отвѣчать за буквальную точность этихъ выраженій, но вообще они

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1891 г., т. LXX, апрѣль, стр. 167 — 182; май, стр. 339—360; іюнь, стр. 603—616.

Въ переданной намъ покойнымъ гр. П. А. Валуевымъ рукописи „Дневникъ“ за 1857 г. начинается съ марта мѣсяца. Касательно же случившагося въ началѣ года столкновенія между начальникомъ Курляндской губерніи и губернскимъ предводителемъ дворянства, барономъ Ганомъ, имѣется выписка изъ трехъ донесеній П. А. Валуева князю Суворову (отъ 28 и 29 января и 1 февраля 1857 г.). Выписка эта интересна тѣмъ, что изъ нея видно, съ какого рода затрудненіями приходилось уже въ то время бороться органамъ правительственной власти на Балтійской окраинѣ. Ред.

должны быть точны, ибо они сообщены мнѣ однимъ изъ депутатовъ и двумя другими лицами, слышавшими то же самое отъ депутатовъ. Тождество свѣдѣній, заимствованныхъ изъ разныхъ источниковъ, доказываетъ, что въ сущности они точны.

„Обстоятельства", „опасности", „тучи",—все это означаетъ только начальника губерніи, потому что вообще нельзя допустить мысли, чтобы въ этомъ заключалось указаніе на главнаго начальника края. Странность настоящаго моего положенія вполнѣ усматривается изъ нижеслѣдующихъ объясненій.

„Въ продолженіе $3^1/_2$ лѣтъ, т. е. со дня вступленія моего въ управленіе губерніею по настоящее время, между мною и дворянствомъ не произошло никакого явнаго столкновенія. Встрѣчались различія взглядовъ, но и тѣ большею частью изглаживались; жалобъ на меня не принесено; политической переписки между дворянскимъ комитетомъ и мною не было. Наконецъ, въ настоящее время нѣтъ никакой важной спорной статьи или разногласія по текущимъ дѣламъ. Что-же значатъ всѣ выраженія, употребленныя губернскимъ предводителемъ дворянства и самимъ ландтагомъ? Отчего вездѣ такая неопредѣлительность слога и такое стараніе избѣгать всякаго указанія на факты? Какія опасности могутъ угрожать дворянству? На какомъ основаніи забывается, что надо мною,—если-бы дѣйствительно предстоялъ поводъ къ основательнымъ на меня жалобамъ,—есть и главный начальникъ края и министръ внутреннихъ дѣлъ? Отчего не обращаются къ вашей свѣтлости для защиты правъ дворянства и указываютъ, мимо всѣхъ правительственныхъ инстанцій, прямо на Государя Императора? Наконецъ, почему предшествовали нынѣшнимъ дѣйствіямъ барона Гана, непрерывно продолжавшіяся три года сряду, усилія возбудить ко мнѣ недовѣріе, недоброхотство и даже вражду дворянскаго сословія? Для чего постоянно избирались къ тому косвенные пути, заочно произносились обвиненія, заочно искажались факты, заочно подвергаемы были кривотолкамъ и подозрѣнію всѣ мои дѣйствія?

„Если я оффиціально молчалъ обо всемъ этомъ, то молчалъ не потому, чтобы не видѣлъ, что̀ происходило вокругъ меня, но потому, что, не говоря объ изустныхъ объясненіяхъ моихъ съ вами, подобное положеніе дѣлъ не могло ускользнуть отъ вниманія вашей свѣтлости, потому что я вообще до послѣдней крайности избѣгаю всего похожаго на жалобы, и потому что обстоятельства времени требовали особой осторожности и наивозможно большей доли терпѣнія.

„Нынѣ я обязанъ представить на усмотрѣніе высшаго началь-

ства объясненіе системы дѣйствій бар. Гана и покорствующей ему части ландтага. Моя личность не замѣшана въ дѣло. Противъ меня, лично, не произнесено, сколь мнѣ извѣстно, ни одного обвиненія. Нападеніе направлено исключительно на начальника губерніи, а въ послѣднемъ подвергаются нападенію только свойства русскаго и некурляндскій взглядъ на дѣла и на свое собственное положеніе. Здѣсь вкоренилась мысль, что дворянство соуправляетъ губерніею, что каждое дѣйствіе губернскаго начальства напередъ обусловлено согласіемъ дворянства, или, по крайней мѣрѣ, предварительнымъ съ нимъ совѣщаніемъ. Одинъ фактъ, что я руководствовался законами и указаніями генералъ-губернатора, не нарушая сословныхъ правъ, но и не признавая правъ, не предопредѣленныхъ закономъ, одно убѣжденіе въ приписываемыхъ мнѣ стойкости взгляда и самостоятельности дѣйствій, — вотъ истинныя причины всему тому, что нынѣ происходитъ на ландтагѣ. Надежда, что послѣ всемилостивѣйшихъ изъявленій монаршаго благоволенія къ курляндскому дворянству вообще и къ барону Гану въ особенности, во время минувшей войны, въ бытность Государя Императора въ Митавѣ и во время торжества коронаціи, наступила благопріятнѣйшая минута для того, чтобы избавиться отъ меня; другая надежда, что мое мѣсто займетъ сынъ моего предмѣстника, нынѣшній лифляндскій вице-губернаторъ Бревернъ, и наконецъ, третья надежда, что при связяхъ барона Гана мнѣ трудно будетъ отстоять дѣло и оправдать свои дѣйствія—вотъ дополнительныя и объяснительныя причины поступковъ барона Гана и его партіи на ландтагѣ.

„Въ отношеніи къ свойству понятій барона Гана и тѣхъ мѣстныхъ дворянъ, которые привыкли ему во всемъ безусловно вѣрить, о дѣлахъ губернскаго управленія, полагаю достаточнымъ сослаться на извѣстное уже обстоятельство, что въ 1854 году, передъ отъѣздомъ въ С.-Петербургъ, баронъ Ганъ громко признавался въ намѣреніи удалить изъ Курляндіи вице-губернатора Беклемишева, и меня самого лично спросилъ, кого именно я желаю имѣть помощникомъ, вмѣсто г. Беклемишева,—какъ будто-бы опредѣленіе курляндскихъ вице-губернаторовъ и удовлетвореніе желаній губернскихъ начальниковъ, въ этомъ отношеніи, было предоставлено курляндскому губернскому предводителю дворянства.

„Употребляя попеременно выраженія „ландтагъ“ и „дворянство“, я, однако-же, далекъ отъ распространенія на все курляндское дворянское сословіе обвиненій, направленныхъ противъ барона Гана и его ближайшихъ приверженцевъ. Извѣстно, что многіе дворяне,

въ томъ числѣ выбывшіе изъ дворянскаго комитета, уѣздные предводители гр. Медемъ и Коскуль, всегда защищали мои дѣйствія. Но съ другой стороны, равномѣрно извѣстно, что въ продолженіе 20-ти-лѣтняго управленія дѣлами дворянства, баронъ Ганъ успѣлъ постепенно утвердить за собою почти деспотическое вліяніе, преимущественно основанное на искусно и непрерывно развиваемой темѣ, будто-бы исключительно его стараніями пріостанавливаемы были намѣренія и распоряженія правительства насчетъ обрусѣнія Курляндіи и ниспроверженія ея привилегій. Возбужденіе недовѣрія къ правительству было постоянною заботою, а это недовѣріе постоянною опорною точкою барона Гана. На этомъ основаніи я ни въ одномъ изъ моихъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ, начиная съ 1853 г., въ которомъ я принялъ губернію, не свидѣтельствовалъ о его благонадежности иначе, какъ въ отношеніи къ его умственнымъ способностямъ и неограниченному вліянію на дворянство. Въ настоящее время его дѣйствія мнѣ кажутся столь неразсудительными, что я не могу не приписывать ихъ отчасти болѣзненной раздражительности, происшедшей отъ разстройства здоровья, отъ старости и, можетъ быть, отъ ожесточенія противъ однообразно вѣжливаго, предупредительнаго, хладнокровнаго и терпѣливаго образа моихъ дѣйствій въ отношеніи къ нему.

„Настоящее положеніе мое сопряжено съ нѣкоторыми затруднительными особенностями. Обо всемъ, что происходитъ на ландтагѣ, я не имѣю оффиціальныхъ сообщеній. Но всѣмъ извѣстно, что о томъ знаю частнымъ путемъ. Я, такъ сказать, публично обвиняемъ въ публичномъ собраніи дворянства, но обвиняемъ глухо, въ общихъ выраженіяхъ, даже безъ произнесенія моего имени со стороны приверженцевъ барона Гана. Эти обвиненія обращаютъ на себя всеобщее вниманіе мѣстной публики; но гласное для всѣхъ, для меня одного считается негласнымъ, потому что, кромѣ членовъ дворянства, никто не присутствуетъ при совѣщаніяхъ ландтага, а со стороны этихъ членовъ я не могу гласно получать никакихъ свѣдѣній. Между тѣмъ я обязанъ соблюдать обычныя во время ландтаговъ формы оффиціальныхъ и полуоффиціальныхъ отношеній къ моимъ заочнымъ обвинителямъ.

„Мною былъ данъ обѣдъ, 23-го числа, одной части депутатовъ, и на этомъ обѣдѣ я провозгласилъ обычные тосты въ честь ландтага и губернскаго предводителя. 27-го числа данъ мною второй обѣдъ для остальныхъ членовъ собранія и мною провозглашены тѣ-же тосты. Однако-же, чтобы принудить ландтагъ, въ случаѣ возможности, прекратить употребленіе глухихъ оборотовъ рѣчи и

обратиться къ фактамъ, я воспользовался другимъ тостомъ, въ честь отсутствующихъ и выбывшихъ уѣздныхъ предводителей, чтобы выразить мою благодарность дворянскому комитету за то, что въ продолженіе 3$^1/_2$ лѣтъ между нами не возникало значительныхъ или продолжительныхъ разногласій и мнѣ была облегчена обязанность заботиться о ненарушимости законныхъ правъ и интересовъ дворянства. Противорѣчіе между этими словами и содержаніемъ письменнаго сообщенія барона Гана должно было послужить поводомъ къ болѣе положительнымъ объясненіямъ со стороны его приверженцевъ и противниковъ въ собраніи ландтага.

„Я не ошибся въ моихъ предположеніяхъ. 28-го числа было назначено секретное совѣщаніе ландтага. Въ немъ опредѣлено: напечатать дѣлопроизводство объ увольненіи барона Гана и о представленномъ ему адресѣ вмѣстѣ съ общимъ изложеніемъ занятій ландтага, но исключить происходившія при томъ объясненія, а равно не присовокуплять о совѣщаніи по поводу словъ, произнесенныхъ мною за обѣдомъ 27-го числа.

„Кромѣ того, баронъ Ганъ представилъ противъ меня девять обвинительныхъ статей и просилъ (чтобы не выпускать дѣлъ изъ своихъ рукъ) остаться въ исправленіи своей должности до окончанія производства по этимъ статьямъ, хотя за три дня предъ тѣмъ и объявилъ, что продолженіе его дѣятельности было бы противно его чести и его долгу. Всѣхъ обвинительныхъ пунктовъ я въ подробности не знаю, но изъ собранныхъ и доставленныхъ мнѣ свѣдѣній усматривается, что они повидимому слѣдующіе: 1) Дѣло о составленіи въ губернскомъ правленіи нѣкоторыхъ журналовъ на русскомъ языкѣ, по распоряженію, сдѣланному мною въ 1854 году. 2) Неучастіе дворянскаго представительства въ одномъ изъ бывшихъ въ мое время общихъ собраній палатъ. 3) Статья о раскольникахъ изъ моего всеподданнѣйшаго отчета за 1855-й годъ. 4) Дѣло о поземельныхъ участкахъ въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ. 5) Дѣло о чрезвычайныхъ поставкахъ подводъ и работниковъ по военнымъ надобностямъ. 6) Дѣло о письменныхъ видахъ нѣкоторымъ членамъ крестьянскихъ обществъ, которымъ общества неправильно отказывали въ этихъ видахъ. 7) Дѣло объ исключительномъ правѣ дворянъ быть церковными попечителями. 8) Дѣло о новомъ устройствѣ курляндскихъ городовъ. 9) Дѣло о безпошлинномъ ввозѣ соли въ прошломъ году.

„Всѣ выше перечисленныя дѣла въ подробности были мною въ свое время доведены до свѣдѣнія вашей свѣтлости. Легко усмотрѣть, до какой степени мысль о подчиненіи дѣйствій губернскаго

начальства контрольному участію дворянства здѣсь уже успѣла развиться. Разномысліе ставится въ прямую и безусловную вину первому въ губерніи представителю правительства. При этомъ даже не обращается вниманія на точность и правдивость нареканій. Ландтагъ, т. е. большинство, преданное барону Гану, даже не потребовалъ подлинныхъ переписокъ, но довольствовался перечневымъ указаніемъ на вышеупомянутыя статьи и опредѣлилъ еще разъ благодарить губернскаго предводителя.

„Главные поборники и орудія барона Гана, на ландтагѣ, депутаты: зять его, гауптманъ Вигандтъ, баронъ Адольфъ Бистромъ, Ѳедоръ Гаренъ, уѣздный предводитель Драхенфельсъ и секретарь дворянства баронъ Ливенъ, который въ особенности надѣется на своего двоюроднаго брата генералъ-адъютанта барона Ливена. Впрочемъ, надежда на сооттичей, состоящихъ на службѣ въ Петербургѣ, вообще занимаетъ важное мѣсто въ здѣшнихъ понятіяхъ и соображеніяхъ. Съ Петербургомъ всегда производится самая дѣятельная переписка. Извѣстно, что оттуда присылаются выписки даже изъ конфиденціальныхъ и секретныхъ бумагъ. Такимъ образомъ доставлена, говорятъ, черезъ барона Ливена, выписка изъ статьи о раскольникахъ моего всеподданнѣйшаго отчета за 1855 годъ [1]).

„Цѣль всѣхъ дѣйствій барона Гана и его приверженцевъ очевидна. Имъ нуженъ губернскій начальникъ болѣе сговорчивый или менѣе осторожный въ отношеніи къ нимъ. Достигнуть моего удаленія они полагаютъ двумя путями,—или прямо при помощи своихъ петербургскихъ покровителей, обвинивъ меня въ неспособности,—или косвенно, сдѣлавъ мое положеніе само по себѣ нестерпимымъ.

„Долгомъ считаю поэтому покорнѣйше просить истребовать отъ дворянскаго комитета списокъ статей, о которыхъ баронъ Ганъ сообщилъ ландтагу, дабы я могъ по каждой изъ нихъ представить нужныя объясненія и опроверженія.

„Не могу умолчать объ одномъ обстоятельствѣ, по которому это истребованіе для меня особенно желательно. При всеобщей увѣренности мѣстныхъ жителей въ томъ, что̀ они называютъ „могуществомъ“ барона Гана, даже вокругъ меня и между подчиненными мнѣ чиновниками замѣтно колебаніе. Мой правитель канцеляріи,—родомъ курляндскій дворянинъ, которому я притомъ не успѣлъ исходатайствовать ни одной награды,—могъ бы быть наведенъ на

[1]) Обратило на себя вниманіе высказанное мною мнѣніе, что лютеране „вообще склонны оказывать сектаторамъ какое-то особое соболѣзнующее покровительство“. П. Валуевъ.

мысль, что въ виду близкаго моего удаленія отсюда и открытой борьбы съ дворянскимъ представительствомъ, уже не предстоитъ особой надобности облегчать мнѣ собираніе полныхъ справокъ изъ дѣлъ моей собственной канцеляріи. Въ видѣ примѣра употребляемыхъ въ настоящее время средствъ привожу слѣдующій. Молодому ассесору Бауска́го гауптманскаго суда барону Ренне, принадлежащему къ меньшинству 12-ти голосовъ, о которомъ выше упомянуто, уже объявлено, что при будущихъ выборахъ ему нельзя надѣяться на повышеніе.

„Въ настоящее время еще достаточно одного знака неудовольствія правительства для обращенія дворянъ на болѣе правильный путь. Позже, это будетъ труднѣе, ибо мысль о ихъ превосходствѣ надъ начальникомъ губерніи еще болѣе укоренится. Замѣчательно, до какой степени эта мысль уже нынѣ распространена между другими мѣстными сословіями. Почти никто не сомнѣвается въ томъ, что мнѣ нельзя устоять. Одинъ изъ членовъ губернскаго правленія говорилъ другому члену этого присутствія, что имѣя въ виду „могущество“ барона Гана, онъ предусматриваетъ мою участь и обо мнѣ сожалѣетъ. Я сожалѣю о томъ, что вынужденъ приписывать подобныя сужденія не одному только вліянію барона Гана, но и системѣ дѣйствій моего предмѣстника.

„Въ заключеніе долгомъ считаю еще разъ оговорить, что я не произношу общаго обвиненія на курляндское дворянство, и нисколько не полагаю желательнымъ въ чемъ либо ограничить или стѣснить права, которыя ему предоставлены подъ сѣнію Самодержавной власти русскихъ государей, но что нынѣшнее направленіе дѣйствій представителей этого сословія и возбуждаемыя ими понятія и стремленія прямо противорѣчатъ государственной пользѣ. Я убѣжденъ, что при другомъ управленіи дѣлами курляндскаго дворянства, оно можетъ занимать одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ между принадлежащими къ имперіи дворянскими обществами, но что при дальнѣйшемъ невниманіи къ дѣйствіямъ нынѣшня́го дворянскаго представительства и къ ложному мѣстному взгляду на мѣстныя и не мѣстныя дѣла правительство со временемъ можетъ быть вынуждено принять мѣры строгости, безъ которыхъ теперь еще легко обойтись“.

Митава, 11-го марта. Получилъ изъ Петербурга копію съ письма, отправленнаго тамъ 2-го числа кн. Суворовымъ къ кн. Вас. Андреев. Долгорукову. Генералъ-губернаторъ принужденнымъ нашелся въ немъ прямо сказать, что если мнѣ не окажутъ справедливости—я оставлю службу. Сильны нѣмцы въ Петербургѣ!

Вѣроятно, вслѣдствіе письма этого рѣшились на развязку, о которой Гернгросъ мнѣ далъ знать по телеграфу, т. е. на высочайшій рескриптъ.

18-го марта. Рескриптъ данъ 15-го марта на имя кн. Суворова. Министръ внутреннихъ дѣлъ говорилъ, что не было примѣра рескрипта на имя губернатора. Для дѣла одно и то же. Au fond мнѣ же лучше. Debet меньше, credit больше. Главная цѣль одинаково достигнута текстомъ рескрипта [1]).

„Неоднократные личные доклады ваши и представляемые Мнѣ отчеты свидѣтельствуютъ о той степени благоустройства и порядка, до которыхъ доведено управленіе Курляндской губерніи. Отдавая въ этомъ случаѣ полную справедливость неусыпной заботливости и неутомимымъ трудамъ вашимъ при другихъ важныхъ и обширныхъ занятіяхъ, на васъ лежащихъ, Я съ удовольствіемъ усматриваю, что столь удовлетворительное состояніе управленія Курляндіею слѣдуетъ отнести къ особенному усердію начальника сей губерніи, камергера д. ст. сов. Валуева, успѣвшаго благоразумными распоряженіями своими содѣйствовать исполненію вашихъ указаній и тѣмъ сохранить и упрочить порядокъ и устройство во всѣхъ частяхъ управленія ввѣренной ему губерніи. За столь достохвальное служеніе д. с. с. Валуева поручаю вамъ изъявить ему особое Мое благоволеніе".

8-го апрѣля. На-дняхъ будетъ кн. Суворовъ. Вскорѣ затѣмъ второй съѣздъ ландтага. Посмотримъ.

До сихъ поръ замѣчательно, что никто повидимому не обратилъ вниманія на мою pensée intime, на истинный поводъ къ моимъ дѣйствіямъ по дѣлу съ ландтагомъ. Никто даже не догадывается, повидимому, что у меня можетъ быть мысль шире и выше даннаго „казуса". Неужели я поднялъ бы дѣло оффиціально и велъ его такъ настойчиво за двѣ, три неосторожныя или неумѣстныя фразы въ сообщеніи Гана ландтагу и въ отвѣтѣ ландтага Гану? Я только воспользовался случаемъ, твердымъ и надежнымъ грунтомъ, для разъясненія двухъ вопросовъ: до какой степени высшія власти способны и намѣрены усмотрѣть правду въ мѣстныхъ дѣлахъ, и до какой степени сильно вліяніе на эти власти здѣшнихъ нѣмцевъ, вертящихся въ столицѣ.

12-го мая. Гернгросу писали изъ Петербурга, что надо ожидать еще эпилога. Государю подана жалоба на министра, на князя и на меня. Tres faciunt collegium.

---

[1]) Напечатанъ въ „Спб. Вѣдомостяхъ" 3-го апрѣля 1857 г., № 74.
Н. В.

Князь a eu l'air de s'en ébouriffer.

Другія общія вѣсти изъ Петербурга не утѣшительны. Разсказы о пріемахъ гр. А. и гр. Б. и о порядкѣ движенія дѣлъ въ высшихъ сферахъ не обѣщаютъ добра.

Дуббельнъ, 5-го іюля. Почти два мѣсяца—и ничего!

Видѣлся здѣсь съ Торнау, который ѣдетъ за Кавказъ, для осуществленія торгово-политическаго предпріятія. Въ Персіи и на границахъ Туркменскихъ земель имѣютъ въ виду завязать дѣятельнѣйшія и надежнѣйшія торговыя сношенія. Для сего составилась компанія подъ фирмою товарищества изъ трехъ лицъ—Кокорева, Новосельскаго и Торнау. Давно-бы такъ!

Отъ Торнау-же получилъ слѣдующія данныя о проектѣ преобразованія морскаго вѣдомства, составленнаго и представленнаго по приказанію вел. князя генералъ-адмирала, но, кажется, въ настоящее время не пущеннаго въ дальнѣйшій ходъ.

Главныя цѣли проекта: 1) Опредѣлить положеніе генералъ-адмирала. 2) Избѣгнуть зла, общаго всѣмъ нашимъ главнымъ управленіямъ, а именно: безотвѣтственности и произвола главныхъ начальниковъ, надъ дѣйствіями коихъ у насъ нѣтъ настоящаго, контроля. Для сего вносить отчеты въ государственный совѣтъ и представлять государю императору съ замѣчаніями совѣта. Кромѣ того, усилить значеніе адмиралтействъ-совѣта во всѣхъ возможныхъ случаяхъ пользуясь выгодами коллегіальности. 3) Усилить и расширить дѣятельность второстепенныхъ начальниковъ, предоставляя директорамъ разрѣшеніе дѣлъ второстепенной важности на ихъ отвѣтственность. 4) Предоставить директорамъ устройство канцелярской части, съ одобренія управляющаго министерствомъ, который преимущественно завѣдываетъ хозяйственною частью, подъ главнымъ надзоромъ генералъ-адмирала. 5) Не стѣсняться чинами и разрядами для замѣщенія должностей. 6) Усилить жалованье, давать отпуски въ Россію и заграницу, съ сохраненіемъ жалованья.

Торнау по этому поводу замѣтилъ, что проекты учредительные слѣдуетъ писать начиная съ низшихъ инстанцій, а приводить въ дѣйствіе начиная съ высшихъ.

Митава, 15-го сентября. Еще два мѣсяца и опять ничего! Нельзя почесть чѣмъ-нибудь примиреніе бар. Гана съ кн. Суворовымъ въ Дрезденѣ и возвращеніе Беклемишева, который пріѣхалъ нѣсколько дней тому назадъ съ разными неблагонадежными и неискренними вѣстями.

17-го сентября. Все по старому. О, отрицательная тяжесть времени!

22-го сентября. По дѣлу о преобразованіи митавской гимназіи въ лицей потребовали мнѣнія начальника Курляндской губерніи. Я прежде всего затрудняюсь предварительнымъ вопросомъ: какимъ языкомъ писать требуемый отъ меня отвѣтъ? У насъ ихъ два: условный, общепонятный и общеупотребительный,—и точный, до котораго мало охотниковъ. Напримѣръ:

Условный: Балтійскія губерніи преисполнены вѣрноподданническихъ чувствъ, горячо преданы Россіи, и дворянство съ готовностью принесло обильныя жертвы въ минувшую войну.

Точный: Балтійскія губерніи—цѣлое только въ административномъ порядкѣ. Въ нихъ нѣтъ единства. Сословія разрознены и весьма мало думаютъ о Россіи. Въ минувшую войну мѣстное дворянство не сдѣлало никакихъ пожертвованій, кромѣ выпрошенныхъ начальствомъ.

Условный: государь императоръ, „въ безпредѣльномъ милосердіи своемъ къ арміи и флоту“ [1]), возвратилъ кантонистовъ ихъ родителямъ,—или,—„по неизреченной милости къ страждущимъ“, повелѣлъ ассигновать въ пользу глазной больницы по 6 тыс. рублей ежегодно изъ суммъ опекунскихъ совѣтовъ.

Точный: Какое-же милосердіе принадлежитъ Богу? И какая милость обнаруживается въ ассигнованіи одному заведенію суммъ другаго заведенія?

Точно также можно излагать и дѣло о Митавской гимназіи:

Усл. яз. попечителя дерптскаго учебн. округа: Дворянство желаетъ лицея. Оно оплакиваетъ герцогскій Gymnasium, неохотно посылаетъ дѣтей въ Дерптъ и отправляетъ ихъ въ иностранные университеты.

Точн. яз. начальника Курляндской губ.: Дворянство оплакиваетъ герцогскую гимназію, (если вообще оплакиваетъ), только ради герцогскихъ воспоминаній. Оно равнодушно къ улучшенію гимназіи, не даетъ къ тому ни копѣйки (уже отказано было въ предложеніи на этотъ конецъ со стороны Гана), наконецъ, неохотно посылаетъ молодыхъ людей въ Дерптъ только потому, что Юрьевскій университетъ теперь похожъ на Владимірскій въ Кіевѣ и не даетъ раздолья аристократическимъ кружкамъ. Дворянство вообще равнодушно къ воспитанію юношества и потому неправда, будто-бы курляндцы обучаются заграницей. Это что нѣмцы называютъ: Schreckschuss. Напротивъ, разумнѣйшіе отцы посылаютъ или начинаютъ посылать дѣтей въ русскіе университеты. Графы Палены

[1]) Циркуляръ ком—ра л.-гв. Измайловскаго полка начальникамъ губерній 30-го марта 1857 г., № 1493.

были въ петербургскомъ, графъ Медемъ также. Теперь въ Москвѣ одинъ Фитингофъ, одинъ Ховенъ и одинъ Роппъ. Оффенбергъ и можетъ быть другой Фитингофъ отправятся въ Петербургъ. Заграницей столькихъ не набрать.

Для пользы дѣла нуженъ не условный, но точный языкъ. Поэтому предпочитаю употреблять послѣдній.

Предположеніе о преобразованіи митавской гимназіи, повидимому, возникло отъ двухъ различныхъ причинъ: съ одной стороны отъ сознанія общихъ недостатковъ нынѣшняго устройства и относительно малой пользы, имъ приносимой; это точка зрѣнія мѣстнаго училищнаго начальства; съ другой—отъ желанія снабдить Курляндію дополнительнымъ средствомъ къ сохраненію и даже къ дальнѣйшему развитію свойствъ особняка въ составѣ государства; это точка зрѣнія немногихъ, болѣе смѣтливыхъ курляндцевъ, въ томъ числѣ бар. Гана. До тѣхъ поръ, пока дерптскій университетъ оставался нѣмецкимъ pur sang, въ подобномъ училищномъ особнякѣ было менѣе нужды. Теперь всѣ университеты слишкомъ подведены подъ одинъ знаменатель, и потребность въ мѣстномъ разсадникѣ людей обученныхъ, но одностороннихъ, сдѣлалась ощутительною. Если притомъ будетъ принято въ соображеніе, что въ теченіи 20 лѣтъ (1835 — 1854) поступило въ гимназію 1,176 учениковъ, выбыло до окончанія курсовъ 777, а въ университеты и лѣсной институтъ поступило только 228, то само собою опредѣлится, сколь мнѣ кажется, правительственная точка зрѣнія на предметъ. Преобразованіе гимназіи желательно, но не съ тою цѣлью, чтобы курляндцы высшихъ сословій могли пріобрѣтать окончательное обученіе внутри Курляндіи. Напротивъ того, весьма полезно заставлять тѣхъ изъ нихъ, которые приготовляются къ государственной службѣ или къ службѣ по выборамъ, искать обученія внѣ губерніи. Принужденіе здѣсь косвенное и потому не тягостное. Мысль, что правительство нигдѣ не должно потворствовать и пособлять идеѣ особняка, мнѣ кажется несомнѣнною истиною. Исключеніе можетъ быть допущено только по части естественныхъ наукъ, для приготовляющихся къ скромному призванію сельскихъ хозяевъ. По моему мнѣнію, было-бы полезно уменьшить число классовъ снизу и прибавить одинъ высшій, по части общаго образованія и естественныхъ наукъ, но не допуская преподаванія юриспруденціи, ни по римскому праву, ни по своду законовъ, ни по мѣстному своду. Правовѣдѣніе потому именно нужно служащимъ здѣсь по выборамъ, что въ порядкѣ повышенія они переходятъ, со втораго шага, въ судейскія должности.

Сколько мнѣ извѣстно, Брадке передѣлалъ планъ мѣстнаго начальства. Врядъ-ли къ лучшему. J'ai toute sorte de respect pour m-r de Bradke; mais il est des gens qui ne doutent de rien et il me semble appartenir à cette classe. Il est toujours tellement sûr de son fait, au présent, au passé et à l'avenir, que le sentiment le plus distinct que sa conversation m'inspire est celui de la peur. Притомъ онъ принадлежитъ къ числу администраторовъ опекунскаго покроя. Онъ увѣренъ въ возможности направленія дѣлъ и поколѣній сверху, по произволу, лишь-бы только за номеромъ и въ мундирномъ фракѣ. Я, признаюсь, не вѣрю. Онъ полагаетъ, что узналъ и желанія и потребности курляндцевъ; я въ этомъ сомнѣваюсь.

Однимъ словомъ, нынѣшнее устройство гимназіи можетъ быть значительно улучшено; но преобразованіе въ лицей, съ юридическими курсами, я считаю вреднымъ. Конечно, при общей оговоркѣ: положеніе дѣлъ въ 1857 году; при другихъ обстоятельствахъ въ центрѣ и вдали отъ центра, мнѣніе можетъ быть отчасти другое.

П. А. Валуевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1865 г. [1]).

Іюль 5. Понедѣльникъ. Отрицаніе не есть мысль, потому что мысль заключаетъ въ себѣ какое-нибудь содержаніе— то, что есть; отрицаніе-же отвергаетъ содержаніе и вмѣсто чего-нибудь даетъ ничто. Оттого отрицаніе не есть прочная и серьезная дѣятельность ума, а родъ гимнастической игры, фокусничества.

13. Вторникъ. Слышно, что въ Петербургѣ появилась холера. Во Франціи и Италіи уже были случаи ея, въ Константинополѣ тоже. Конечно, нѣтъ причины, почему-бы ей не быть и у насъ. Какъ-то будетъ она сильна! Немудрено, что при нынѣшнихъ сильныхъ жарахъ будутъ пить холодную воду со льдомъ и простуживать желудокъ; а простой народъ тотъ во всякое время

[1]) См. „Русскую Старину" изд. **1888** г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент. стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; ноябрь, стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. **1889** г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; іюнь, стр. 577—598; т. LXIII, іюль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 323—334; декабрь, стр. 727—758; изд. **1890** г., т. LXV, январь, стр. 35—53; февраль, стр. 371 – 406; мартъ, стр. 629 — 653; томъ LXVI, апрѣль, стр. 25—48; май, стр. 271—296; іюнь, стр. 611—638; т. LXVII, іюль, стр. 133—160; августъ, стр. 361—377; сентябрь, стр. 575—626; томъ LXVIII, октябрь, стр. 137—186; ноябрь, стр. 383—422; декабрь, стр. 585—614; изд. **1891** г., т. LXIX, январь, стр. 39—104; февраль, стр. 329—386; мартъ, стр. 701—761; т. LXX, апрѣль, стр. 137 —166; май, стр. 389— 428; іюнь, стр. 617—655.

воспаляетъ его своею дешевкою. Въ Александріи и Египтѣ холера уже порядочно поработала.

14. Среда. Умъ при всякомъ серьезномъ дѣлѣ столько-же воздвигаетъ затрудненій, какъ и находитъ средствъ противъ нихъ. Все зависитъ отъ силы характера.

Въ западныхъ губерніяхъ открытъ обширный заговоръ, имѣющій цѣлью жечь Россію. Замѣчательно, что открытіе это сдѣлано не полиціей, которой у насъ, кажется, ни до чего нѣтъ дѣла, а частными лицами. Чего-же смотритъ П. А. Валуевъ, генералъ-губернаторъ, вообще высшія власти? Едва-ли въ какомъ-нибудь благоустроенномъ государствѣ инерція правительства доходила когда-нибудь до такой степени, какъ у насъ (1865)! И въ какихъ же обстоятельствахъ? Земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ.

20. Вторникъ. Ѣздилъ въ Царское село къ А. М. Раевской и былъ принятъ, какъ всегда, очень любезно. Она приготовила мнѣ прекрасный фотографическій портретъ Ломоносова.

Вечеромъ на музыкѣ. Оркестръ три раза повторилъ „Боже, Царя храни", въ честь празднованія совершеннолѣтія Наслѣдника Цесаревича.

29. Четвергъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Жанъ Жакъ Руссо написалъ и издалъ свои записки или свою исповѣдь, всякому умному человѣку должна опротивѣть мысль писать и издавать свои записки. Руссо опошлилъ это дѣло. Онъ выразилъ въ нихъ столько высокомѣрія и самолюбія, наговорилъ столько пустяковъ и вздору, что становится стыдно и за него и за тѣхъ, которые, подобно ему, захотѣли-бы исповѣдываться передъ современниками и потомствомъ. Въ нихъ поучительно одно: вы видите сколько въ умномъ и даже геніальномъ человѣкѣ можетъ заключаться того, что вовсе не геніально и не умно. Не въ томъ дѣло, что онъ выставляетъ напоказъ всякую мелочь, извлекаемую изъ своего сердца или изъ своей жизни, а въ томъ, что онъ эти мелочи выдаетъ за нѣчто весьма важное. Въ этомъ сходенъ съ нимъ и Шатобріанъ.

31. Суббота. Я много видѣлъ ничтожныхъ вещей на свѣтѣ, но ничтожнѣе человѣческихъ добродѣтелей ничего не видѣлъ.

Неумѣнье показать, какъ товаръ лицомъ, свой умъ, свой характеръ, свое достоинство многими считается за ихъ отсутствіе.

Ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ видѣлся съ Д. Я хотѣлъ поблагодарить его за учтивое письмо о доставленіи мнѣ дѣла изъ его канцеляріи, котораго однако тамъ не оказалось. Теперь онъ мнѣ сказалъ, что дѣла этого нѣтъ и у Е. М. Ѳеоктистова и что онъ напишетъ объ этомъ министру. Я засталъ Д. какъ-то усталымъ. Было говорено о современныхъ событіяхъ—пожарахъ, повальномъ пьянствѣ и проч. Валуевъ недавно объявилъ въ комитетѣ министровъ, что въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ въ Россіи было болѣе 400 пожаровъ. Но, повидимому, все это не особенно его заботитъ.

Августъ 1. Воскресенье. Былъ на водоосвященіи, которое здѣсь (въ Павловскѣ) совершается очень торжественно и живописно. Зашелъ къ Норову и неожиданно встрѣтилъ тамъ Базили, котораго не видѣлъ больше пятнадцати лѣтъ. Онъ облобызалъ меня, какъ стараго близкаго знакомаго, и представилъ мнѣ своего сына, молодаго человѣка лѣтъ двадцати. Самъ онъ теперь въ отставкѣ, живетъ достаточнымъ помѣщикомъ въ Бессарабіи. Сей прехитрый грекъ умѣлъ очень хорошо провести свой корабликъ въ тихую пристань.

4. Среда. Любопытное зрѣлище въ саду вокзала. Укротитель звѣрей показывалъ публикѣ шесть львовъ, входилъ къ нимъ въ клѣтку, дразнилъ ихъ, билъ, ложился съ ними и на нихъ клалъ свою голову въ разверзтую пасть одного изъ нихъ. Львы прыгали, метались изъ стороны въ сторону, рычали—особенно одинъ изъ нихъ, самый большой, и повидимому очень недовольный обращеніемъ съ нимъ хозяина: онъ ярился и заставлялъ трепетать зрителей страшными взрывами своего рева. Зрителей была толпа. Представленіе продолжалось не болѣе четверти часа. Какъ объяснить эту непонятную власть, которую человѣкъ пріобрѣтаетъ надъ самымъ могучимъ и лютымъ изъ звѣрей? Разумѣется, онъ долженъ былъ взять этихъ львовъ маленькими и дрессировать ихъ долго и постепенно. Нельзя-ли объяснить этого тѣмъ, что въ продолженіе конечно длиннаго періода мало по малу можно—не измѣнить инстинктъ животнаго—но направить его способности, его психологическіе элементы такъ, что они, разъ погнувшись на одинъ бокъ, уже всегда будутъ склоняться на одну сторону и не будутъ уже въ состояніи, такъ сказать, выпрямиться и стать въ свое естественное положеніе—въ положеніе своего природнаго инстинкта?

Надняхъ прочиталъ я въ одномъ изъ журналовъ статью о куреніи табаку, гдѣ, между прочимъ, говорится, что излишнее куреніе ослабляетъ зрѣніе. А какъ у меня дѣйствительно съ нѣкоторыхъ поръ глаза становятся не такъ хороши, какъ были, то я и рѣшился умѣрить куреніе сигаръ, которому предавался таки довольно неумѣренно.

Въ сегодняшнемъ № 171-мъ „Русскаго Инвалида" напечатана очень любопытная статья о поджогахъ. Теперь раскрыто и уже не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что существуетъ цѣлая обширная система поджоговъ, созданная и весьма настойчиво примѣняемая польскою партіею здѣшнею и заграничною. Но кромѣ того существуетъ еще партія и русскихъ заграничныхъ ренегатовъ, которые дѣйствуютъ съ нею заодно.

8. Воскресенье. Былъ П. П. Пекарскій, недавно вернувшійся изъ Ревеля, а потомъ заходилъ и мой вѣрный и неизмѣнный Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ.

11. Среда. Къ чему-же все это, если ничего нѣтъ постояннаго, кромѣ вѣчнаго измѣненія?

Если твой хорошій знакомый или пріятель начинаетъ оказывать тебѣ особенную пріязнь—берегись! Это значитъ онъ непремѣнно собирается тебѣ нагадить.

17. Вторникъ. Человѣкъ совершенно какъ слѣпой бродитъ отъ самой колыбели. Опытъ и несчастіе потомъ его постепенно вразумляютъ въ главныхъ истинахъ жизни и подъ конецъ онъ прозрѣваетъ для того, чтобы увидѣть свою могилу и лечь въ нее.

18. Среда Одни страданія составляютъ существенную сторону жизни. Все прочее—мечта, сонъ, тѣни. „На что это?" —вотъ вопросъ, который невольно возникаетъ при всякомъ явленіи, исчезающемъ безъ слѣда послѣ минутнаго пребыванія.

19. Четвергъ. Все вертится въ головѣ мрачный роковой вопросъ: „На что это?"

По поводу напечатанна о проекта новаго устава академіи возникла сильная полемика. На проектъ напалъ Московскій университетъ съ яростью, которая сильно вредитъ его даже справедливымъ замѣчаніямъ. Онъ оскорбленъ тѣмъ, что академія называетъ себя первенствующимъ ученымъ сословіемъ въ имперіи. Въ прибавленіяхъ къ „Русскому Инвалиду" напечатана статья,

также неблагопріятная для проекта академіи и для самой академіи. Ее приписываютъ Шульгину. Изо всѣхъ этихъ недоброжелательныхъ и свирѣпыхъ толковъ начинаетъ казаться, что вопросъ просто напросто долженъ быть поставленъ такъ: нужна-ли и возможна-ли въ Россіи академія? Ужь не лучше ли прежде подумать о школахъ, чѣмъ объ ученыхъ обществахъ? И впрямь, намъ, пожалуй, еще рано засѣдать въ академіяхъ: намъ прежде надо выучиться уважать науку.

22. Воскресенье. На прогулкѣ въ паркѣ познакомился съ Лисицынымъ, который принимаетъ такое участіе въ дочери Павскаго, оставшейся почти нищею. Онъ разсказалъ мнѣ удивительныя вещи про Бажанова, который своимъ нынѣшнимъ мѣстомъ обязанъ Павскому, а теперь отказался употребить свою силу и вліяніе чтобы помочь бѣдной его дочери. Невѣроятно, но справедливо, что ей назначено пенсіону 118 р. въ годъ — ей, дочери законо-учителя и духовника . . . .
. . . . и какого духовника — Павскаго, одного изъ благороднѣйшихъ, просвѣщеннѣйшихъ и ученѣйшихъ людей русской замли.... „О какъ ничтоженъ, малъ и суетенъ дѣяній ходъ на свѣтѣ!“—118 рублей пенсіону дочери Павскаго, томящейся въ бѣдности.

Говорилъ съ нѣкоторыми лицами объ академіи. Да, дѣйствительно, вопросъ долженъ быть поставленъ такъ: нужна-ли Россіи академія? Очевидно, не академія не соотвѣтствуетъ государству, но государство не дозрѣло до академіи. Общество въ ней не нуждается, да и ученыхъ въ ней оказывается недостатокъ: недаромъ-же мы все стремимся выписывать ихъ изъ-заграницы, какъ заморскія вина или плоды.

Если-бы поляки только отстаивали свою національность въ Царствѣ и не заявляли безсмысленныхъ притязаній на западныя губерніи, вообще — не ставили-бы вопроса такъ: не Россія, а Польша, а поставь его: Россія и Польша,—конечно, они расположили-бъ въ свою пользу и многихъ разсудительныхъ и мыслящихъ людей въ самой Россіи, чему и удивляться нечего было-бы. А то вотъ ко всему безумію еще такія гнусныя средства, какъ поджоги и угрозы ядомъ! Въ самомъ дѣлѣ, при такомъ положеніи дѣлъ для чего-же разсудительный и мыслящій человѣкъ предпочелъ-бы Польшу Россіи? Если Россія не много привлекательнаго

въ себѣ заключаетъ, то Польша развѣ больше представляетъ? Боже, сохрани попасть подъ управленіе польское и подъ власть польской интеллигенціи! Ужь лучше оставаться такъ, какъ есть, да питать кое-какія надежды на будущее, чѣмъ идти прямо на всѣ мерзости польскаго и католическаго угнетенія и безправія.

23. Понедѣльникъ. Нигилисты изливаютъ цѣлые мутные потоки ругательствъ на всѣхъ нашихъ писателей до Чернышевскаго и Добролюбова, которые одни у нихъ великіе люди. Писаревъ обругалъ Пушкина. Я одобряю такія рѣшительныя дѣйствія: гораздо лучше, когда пьяница напьется такъ, что свалится съ ногъ, и перестанетъ задирать добрыхъ людей, чѣмъ когда онъ пишетъ мыслети и толкаетъ прохожихъ.

24. Вторникъ. Изъ призыва изъ-заграницы академиковъ ну, право-же, прямой выводъ, что академіи у насъ рано быть.

28. Суббота. Пріѣхавъ сегодня въ городъ, нашелъ у себя письмо отъ Турунова съ надписью: весьма нужное, отъ 26-го числа, съ приглашеніемъ явиться къ министру. Мнѣ было досадно, что эту повѣстку послали ко мнѣ не въ Павловскъ, а на городскую квартиру, гдѣ я, завѣдомо, не часто бываю. Я тотчасъ поѣхалъ на Аптекарскій островъ. Въ пріемной министра было много ожидавшихъ аудіенціи. Меня перваго позвали въ кабинетъ, что я счелъ недобрымъ предзнаменованіемъ, потому что Валуевъ всегда, когда хочетъ уязвить кого-нибудь, то прежде помажетъ его масломъ. Такъ было и тутъ. Онъ принялъ меня чрезвычайно любезно и прежде всего началъ извиняться въ томъ, что приглашеніе мнѣ было отправлено не въ Павловскъ, отчего и произошло замедленіе, лишившее его возможности со мной посовѣтоваться о дѣлѣ, о которомъ теперь намѣренъ сообщить мнѣ. Его величество уѣзжаетъ въ Москву и откладывать нельзя. Дѣло касается меня. Съ перваго сентября вводятся новые порядки въ управленіи по дѣламъ печати, вслѣдствіе чего долженъ измѣниться и составъ управленія. Поэтому онъ, министръ, хотѣлъ узнать „не угодно-ли“ мнѣ будетъ лучше удалиться изъ Совѣта? При этомъ Государю Императору угодно произвести меня въ тайные совѣтники, а онъ, Валуевъ, будетъ хлопотать объ увеличеніи мнѣ пенсіона. Далѣе министръ говорилъ, что при новомъ устройствѣ цензуры легко можетъ случиться—этого даже необходимо ожидать, особенно вначалѣ—что лица, при-

надлежащія въ этому управленію, не разъ будутъ поставлены въ положеніе не слишкомъ для нихъ пріятное, будутъ предметомъ взысканій и пр.

— „А этого ни по вашему имени, ни по вашимъ заслугамъ съ вами нельзя будетъ допустить. Новая система требуетъ новыхъ дѣятелей—новое вино вливается въ новые мѣха. Я говорилъ о васъ Государю, выставилъ ему васъ съ наилучшей стороны. Впрочемъ, онъ васъ лично знаетъ и хорошо къ вамъ расположенъ". Послѣ всѣхъ этихъ и многихъ другихъ фразъ я, разумѣется, счелъ для себя „угоднымъ" принять любезное предложеніе Валуева. Понятно, что ему хочется отъ меня избавиться. Я все время открыто высказывался противъ его проекта, напиралъ на необходимость расширенія правъ Совѣта и ограниченія произвола его, г. Валуева. Теперь, когда его проектъ восторжествовалъ, и онъ является полновластнымъ хозяиномъ въ Совѣтѣ, мое присутствіе тамъ мозолило-бы ему глаза. Да и что въ самомъ дѣлѣ дѣлалъ-бы я теперь тамъ? Дѣло печати проиграно и я, дѣйствительно, былъ-бы лишенъ возможности ему честно и независимо служить, какъ это дѣлалъ до сихъ поръ.

30 Понедѣльникъ. Прибавку къ моему пенсіону я, по совѣсти, считаю себя въ правѣ принять и надѣюсь, что Валуевъ въ данномъ случаѣ сдержитъ свое обѣщаніе. Въ противномъ случаѣ, положеніе мое будетъ очень затруднительное, особенно съ чиномъ тайнаго совѣтника, который мнѣ ни на что иное не нуженъ, какъ развѣ только на то, чтобы прибавить мнѣ новое бремя. Можетъ быть, мнѣ слѣдовало-бы съ большей энергіей говорить Валуеву о своихъ правахъ. Но, во-первыхъ, мнѣ это всегда бываетъ какъ-то противно, а во-вторыхъ, какъ-то странно и смѣшно распространяться и настаивать на какомъ-нибудь правѣ или справедливости тамъ (т. е. у П. А. Валуева), гдѣ не вѣрятъ ни въ какое право, ни въ какую справедливость.

Сентябрь 1. Среда. Получилъ увѣдомленіе, что я произведенъ въ тайные совѣтники.

3. Пятница. Три засѣданія въ академіи: общее, въ отдѣленіи, и въ комиссіи по Уваровской преміи за драматическія сочиненія.

Я не оберусь поздравленій по случаю пожалованія меня въ тайные совѣтники. Право, кажется, всѣ хотятъ и мнѣ самому

вбить въ голову, что это такъ важно. Между тѣмъ, теперь у меня главная забота хоть сколько-нибудь обезпечить существованіе моей семьи и мое собственное, ибо мое тайное совѣтничество грозитъ превратиться въ явную несостоятельность.

5. Воскресенье. Вы хотите дѣлать многое посредствомъ литературы: постарайтесь-же сдѣлать ее уважаемою.

8. Среда. Итакъ, теперь окончательно выяснилось, что Валуеву нужны не люди, служащіе дѣлу, а лица, раболѣпно исполняющія его волю.

9. Четвергъ. Засѣданіе въ академіи наукъ. Срезневскій привезъ изъ Москвы много любопытныхъ рисунковъ нашихъ древностей, одеждъ и пр., снятыхъ имъ въ тамошнемъ музеѣ, патріаршей ризницѣ и пр. Это хотя не филологическое дѣло, но всетаки дѣло, и для науки годится.

10. Пятница. Напрасно наши ультра-руссофилы такъ возстаютъ противъ запада. Народы запада много страдали, и страдали потому, что дѣйствовали. Мы страдали пассивно, за то ничего и не сдѣлали. Народъ погруженъ въ глубокое варварство, интеллигенція развращена и испорчена, правительство безсильно для всякаго добра.

12. Воскресенье. Сегодня разсказали мнѣ случай, происшедшій нѣсколько недѣль тому назадъ, но о которомъ я, живя на дачѣ, до сихъ поръ не слышалъ. Курочкинъ съ двумя ассистентами забрался въ квартиру къ редактору „Русскаго Слова“ Благосвѣтлову и надавалъ ему пощечинъ за какія-то печатныя ругательства.

14. Вторникъ. Валуевъ, дѣйствительно, постарался, какъ можно выгоднѣе для меня, обставить мое увольненіе. Онъ хотѣлъ назначить мнѣ въ прибавку къ моему пенсіону (1,700 руб.) двѣ тысячи пятьсотъ рублей, что, разумѣется, могло-бы меня весьма успокоить. Но К. К. Г. этому воспротивился и назначилъ всего пенсіона три тысячи. Во всякомъ случаѣ, спасибо Валуеву. Сытъ съ этимъ, разумѣется, будешь, но придется испытывать немалыя лишенія. Такъ постепенно я подвигаюсь къ послѣднему скорбному лишенію—лишенію жизни.

16. Четвергъ. Встрѣтилъ молодаго парня съ очевидными признаками серьезной болѣзни. Онъ едва передвигалъ ноги. Онъ спросилъ у меня, далеко-ли до Николаевскаго моста, куда

онъ брелъ, чтобы найти тамъ на баркѣ своего земляка, который помогъ-бы ему отправиться на родину. Его два раза лѣчили въ Маріинской больницѣ и оба раза выпроваживали едва начинающаго выздоравливать. Когда онъ надняхъ опять явился туда совсѣмъ больной, докторъ ему сказалъ: „Убирайся прочь! Заморю—тотчасъ помрешь". Я далъ этому бѣдняку немного денегъ. Онъ—рабочій на баркахъ.

21. Вторникъ. Первая въ нынѣшнемъ году лекція въ Римско-католической академіи. Студенты, по обыкновенію, встрѣтили меня очень привѣтливо и радушно и, по обыкновенію-же, поднесли мнѣ великолѣпный букетъ цвѣтовъ.

Въ № 246-мъ „Спб. Вѣдомостей" напечатано первое предостереженіе министра этой газетѣ за статью о банкѣ Френкеля. Я читалъ статью: она вызвана полемикой „Сѣверной Почты" и потому уже не должна-бы служить поводомъ къ такой крутой мѣрѣ. Притомъ она написана очень мягко. Мнѣ кажется это ошибкою и потому уже, что такія крутыя мѣры не совмѣстимы съ властью, которая не внушаетъ ни страха, ни уваженія, ни довѣрія къ себѣ. Вѣдь это неболѣе, какъ вспышки, симптомы произвола, которому эта власть не въ состояніи предаваться послѣдовательно и систематически и который, такимъ образомъ, ведетъ лишь къ раздраженію умовъ— и ничего болѣе. Но Валуевъ, кажется, рѣшился идти на проломъ. Посмотримъ, долго-ли и какъ это будетъ продолжаться. Какъ, однако, я долженъ быть ему благодаренъ за то, что онъ отставилъ меня. Конечно, я не могъ-бы раздѣлять подобныхъ взглядовъ и мѣръ и немедленно самъ подалъ-бы въ отставку, отчего очутился-бы въ очень плохомъ положеніи. Да, я долженъ сознаться—Валуевъ поступилъ со мною, что называется, благонамѣренно.

22. Среда. Всякій чиновникъ есть рабъ своего начальника, и, право, нѣтъ рабства болѣе жестокаго, чѣмъ это рабство. Чиновникъ еще счастливъ, если онъ глупъ: онъ тогда, пожалуй, даже можетъ гордиться своимъ рабствомъ. Но если онъ уменъ, положеніе его ужасно. Онъ долженъ насиловать передъ своимъ господиномъ свою волю, свое чувство, свои убѣжденія, и, какъ вообще начальникъ не любитъ въ подчиненномъ ума, то этотъ подчиненный каждую минуту долженъ трепетать или за свою честь, или за свой жребій. Положеніе его нѣсколько смягчается,

когда начальникъ самъ настолько уменъ и просвѣщенъ, чтобы не слишкомъ бояться ума въ другихъ и чувствуетъ потребность въ умныхъ подчиненныхъ, умѣя извлекать изъ нихъ пользу. Но и въ такомъ случаѣ бѣдный чиновникъ только терпимъ. Внутренно его боятся и ему не довѣряютъ. Понимая это, онъ поставленъ въ необходимость льстить, дѣлать видъ, что онъ раздѣляетъ взгляды и убѣжденія своего начальника, когда онъ вовсе ихъ не раздѣляетъ и когда его собственныя мнѣнія діаметрально противоположны мнѣніямъ, которыя онъ, однако, долженъ чтить какъ законъ. Кто въ состояніи эмансипировать этихъ рабовъ въ такомъ бюрократическомъ государствѣ, какъ Россія, гдѣ, кромѣ того, произволъ начальника не находитъ нигдѣ обузданія: и общественное мнѣніе и печать ему ни почемъ (1865 г.).

23. Четвергъ. Римско-католическая академія хлопочетъ объ увеличеніи мнѣ жалованья на сумму, урѣзанную отъ моего пенсіона.

24. Пятница. Получены изъ Москвы извѣстія, что Николай Романовичъ Ребиндеръ умеръ. Такъ все рѣже и рѣже становится вокругъ, все темнѣе и темнѣе, пока самому придется погрузиться въ вѣчный мракъ.

25. Суббота. Засѣданіе въ академіи для присужденія Уваровскихъ премій. За драму — никому: было представлено три — оказались одна изъ рукъ вонъ плоха, а двѣ посредственныя. Полная премія (1,500 р.) присуждена нѣкоему Носовичу за словарь западно-русскаго нарѣчія и кому-то другому за статистико-историческое сочиненіе объ южно-западномъ краѣ.

27. Понедѣльникъ. Ѣздилъ въ Царское Село къ князю П. А. Вяземскому, который нездоровъ. Онъ отдалъ мнѣ стихи свои подъ названіемъ „Подмосковное“, прося отдать ихъ въ типографію для напечатанія. Ему хочется поднести эти стихи императрицѣ въ память ея пребыванія въ Ильинскомъ.

28. Вторникъ. Получилъ премилое письмо изъ Дублина отъ Печерина.

Въ томъ-то и дѣло, что одного знанія недостаточно и что человѣкъ долженъ пополнять себя изъ другихъ источниковъ.

Вотъ откуда вышло предостереженіе „Спб. Вѣдомостямъ“. Гер—съ, товарищъ министра Государственныхъ имуществъ вмѣстѣ

съ тѣмъ состоитъ и директоромъ Френкелевскаго банка. Когда въ Государственномъ совѣтѣ была принята въ уставѣ банка фраза, что и казна можетъ закладывать въ немъ свои имущества, обезпечивая ихъ всѣмъ государственнымъ достояніемъ, то Гер—съ тотчасъ далъ о томъ знать Френкелю, который, въ свою очередь поспѣшилъ разгласить объ этомъ по всей Европѣ. Это страшно взволновало нашихъ капиталистовъ. Поднялись толки, невыгодные для правительства, и появилась статья въ „Спб. Вѣдомостяхъ". Гер—съ большой пріятель Валуева и тотчасъ бросился къ нему, а Валуевъ, желая угодить нѣкоторымъ лицамъ, суммы которыхъ находятся въ банкѣ Френкеля, поспѣшилъ разразиться грозою надъ газетою, совершенно невинною. Значитъ, тутъ главную роль играли личные интересы, угодливость Валуева этимъ интересамъ. Впрочемъ, всѣ эти вещи такъ не новы, что никого и удивлять не могутъ.

Г. говорилъ мнѣ сегодня, что у нихъ въ Совѣтѣ хаосъ: предсѣдатель (Мих. Павл.) Щербининъ—полное ничтожество; во всемъ силится господствовать Фуксъ [1]). Тамъ вспоминали меня, говоря, что я одинъ могъ-бы противодѣйствовать.

Бывъ у князя Вяземскаго, я откровенно высказалъ ему, какую огромную ошибку сдѣлалъ Валуевъ, принявъ на свою личную отвѣтственность дѣла печати и такъ обезличивъ Совѣтъ. Онъ поплатится за это. Какъ ни странно и ни глупо можетъ казаться въ глазахъ нѣкоторыхъ, а вѣдь и у насъ дурныя вещи вызываютъ дурныя послѣдствія! Въ публикѣ всеобщее негодованіе противъ Валуева.

Хотѣли сдѣлать предостереженіе „Дню" за его статью о духовной цензурѣ, да и не съумѣли сформулировать этого. А Щербининъ хвалился въ сенатѣ, что они отдадутъ подъ судъ Ивана Сергѣевича Аксакова!

Октябрь 1. Пятница. Видѣлся съ Ѳ. И. Тютчевымъ. Разговоръ о послѣднихъ происшествіяхъ по дѣламъ печати. Тютчевъ говорилъ мнѣ о Катковѣ, съ которымъ онъ часто видѣлся въ Москвѣ, откуда пріѣхалъ нѣсколько дней тому назадъ. Я не ошибся, полагая, что Катковъ не выноситъ своего успѣха и величія. Имъ овладѣло невыносимое непомѣрное высокомѣріе

[1]) Нынѣ (1891 г.) покойный. Ред.

и онъ страшно нетерпимъ къ мнѣніямъ другихъ. Какъ не жалѣть объ этомъ? При неотъемлемыхъ его заслугахъ—такія ребяческія замашки!

3. Воскресенье. Меня приглашала г-жа Л., съ которою я недавно познакомился: она желала со мною посовѣтоваться о воспитаніи своихъ дѣтей—двухъ мальчиковъ и одной дѣвочки. Какъ всѣ родители настоящаго времени, не исключая и меня самого, она не знаетъ, что̀ съ ними дѣлать—какъ, гдѣ и съ чьею помощью ихъ учить. Въ такомъ хаосѣ находятся наши школы по милости мудраго и попечительнаго управленія послѣднихъ министровъ народнаго просвѣщенія (1865 г.). Въ гимназіяхъ, напримѣръ, набиваютъ головы дѣтей безчисленнымъ множествомъ предметовъ, то есть именъ и цифръ, безъ всякаго смысла и сознанія цѣли—куда это и къ чему поведетъ? Да и теперь еще не рѣшенъ знаменитый споръ: быть-ли гимназіямъ классическими или реальными? А педагогія наша съ новыми теоріями, взглядами и проч. пришла, наконецъ, въ такое состояніе, что рѣшительно всѣхъ запутываетъ—какъ и чему должно теперь учить. Во всемъ этомъ—классическаго одинъ хаосъ. А между тѣмъ матеріалистическое и нигилистическое направленіе растетъ въ юношествѣ и грозитъ приготовлять изъ него дурныхъ людей и дурныхъ гражданъ. Но какое кому до этого дѣло! Только бѣдные отцы и матери трепещутъ за будущность своихъ дѣтей. Вотъ это такъ несомнѣнный фактъ.

5. Вторникъ. „Колоколъ“ дребезжитъ какъ разбитый кусокъ желѣза. Герценъ потерялъ голову отъ неудачи: онъ думалъ, что подниметъ всю Россію идти съ нимъ или, вѣрнѣе, за нимъ къ пересозданію или, лучше сказать, къ разрушенію самой себя—но не успѣлъ въ этомъ и теперь ругается самымъ непристойнымъ образомъ, „разводя ядъ своихъ чернилъ слюнями бѣшеной собаки“. Письмо его къ государю по случаю кончины Наслѣдника—верхъ непристойности. Оно даже неумно. Тутъ Герцену не помогаетъ даже остроуміе памфлетиста, талантомъ котораго онъ, безспорно, одаренъ. Кого хочетъ онъ убѣждать грубыми выходками? А между тѣмъ, какъ могъ-бы онъ быть полезенъ даже теперь—говоря только дѣло безъ яростной злобы, критикуя смѣло, энергически, но безъ оскорбительныхъ выходокъ, не давая воли своимъ личнымъ антипатіямъ и не растворяя словъ своихъ

горечью обманутаго или оскорбленнаго самолюбія. Теперь только и видишь, что онъ бѣсится, но бѣшенство не есть доказательство: имъ никого не убѣдишь. А для критики правдивой и умной у насъ такъ много матеріаловъ и мы не только не оскудѣваемъ въ нихъ, а напротивъ каждый день прибавляемъ новые. Нужны-ли ему типы? И въ нихъ недостатка нѣтъ. Боже мой! да вотъ одинъ Валуевъ можетъ послужить предметомъ для чудесной характеристики высоко-мнящаго о себѣ бюрократа...

8. Пятница. Общее засѣданіе въ академіи наукъ, и весьма интересное. Президентъ предложилъ вопросъ: слѣдуетъ-ли академіи отвѣчать на замѣчанія, сдѣланныя Московскимъ университетомъ на проектъ новаго устава академіи и напечатанныя въ изданіи „Московскаго общества исторіи и древностей?" Самыя замѣчанія были прочитаны секретаремъ. Они такого свойства, что по моему мнѣнію на нихъ отвѣчать не слѣдуетъ. Главное, въ чемъ Московскій университетъ обвиняетъ академію, то, что, состоя большею частью изъ иностранцевъ, не знающихъ русскаго языка, она не распространяетъ въ народѣ знаній и не приноситъ никакой пользы государству... Отвѣчать на это значило-бы изъ вопроса ученаго или корпоративнаго сдѣлать вопросъ національный и поднять страшную бурю, что въ настоящее время особенно неудобно. И потому, когда дѣло дошло до собиранія голосовъ, я объявилъ себя противъ отвѣта и выразилъ ту мысль, что было-бы крайнимъ неприличіемъ, если-бы двѣ главныя просвѣтительныя силы въ государствѣ вышли на публичный бой. Московскія замѣчанія не иное что, какъ ругательства: академія уронила-бы себя, еслибы стала отражать такіе недостойные удары. Собрали голоса и значительное большинство оказалось одного со мною мнѣнія, хотя секретарь сильно настаивалъ на противномъ: бо̀льшая часть замѣчаній падаетъ на объяснительную записку, которую составлялъ онъ.

Вечеромъ былъ у меня А. Г. Тройницкій, третьяго дня возвратившійся изъ-заграницы. Разговоръ о дѣлахъ печати. Тройницкій, какъ умный человѣкъ, тоже видитъ большую ошибку въ томъ, что̀ надѣлано Валуевымъ, да и вообще въ томъ, что онъ взялъ на себя роль единственнаго судьи и направителя литературы.

11. Понедѣльникъ. А. С. Вороновъ надняхъ разсказывалъ

мнѣ о новостяхъ по министерству народнаго просвѣщенія: Штендеръ, уволенный отъ должности попечителя въ Казани и живущій теперь заграницею, получилъ чинъ тайнаго совѣтника и аренду. Пироговъ, тоже находящійся заграницею, кромѣ 4,000 руб. содержанія, получилъ аренду. Директоръ департамента Петерсъ въ теченіе года получилъ тайнаго совѣтника, ленту и аренду и проч. и проч. Конечно, Пироговъ выдѣляется изо всѣхъ по уму и способностямъ и, кромѣ того, онъ достойный человѣкъ; но всетаки...

13. Среда. Читалъ Сидонскому предисловіе къ біографіи Галича.

15. Пятница. Получилъ отъ Рождественскаго нѣкоторые матеріалы, т. е. отрывки лекцій, для біографіи Галича. Изъ нихъ для меня важны: его трактатъ о философіи въ видѣ „Письма къ Агатону" и отрывокъ изъ исторіи человѣчества.

16. Суббота. Холера уже, говорятъ, въ Копенгагенѣ. Значитъ она приближается къ намъ. Вальцъ (докторъ) совѣтовалъ нѣкоторыя предосторожности относительно чистоты и пищи, а затѣмъ не думать о ней и заниматься своимъ дѣломъ.

Нѣтъ опаснѣе животнаго, какъ литераторъ или ученый, когда раздражатъ его самолюбіе.

Засѣданіе въ академіи наукъ. Толки кого избрать въ члены нашего отдѣленія. На избраніе въ члены академіи Аѳанасія Ѳедоровича Бычкова всѣ согласились единогласно.

Мы ужасно далеко идемъ въ нашей прилѣпленности къ фактамъ, т. е. мы стараемся только добыть фактъ и вовсе не заботимся о томъ, чтобы пріобрѣсти о немъ ясное и точное понятіе. Да на какой-же чортъ намъ данъ умъ, какъ не на то, чтобы судить о фактѣ, добиваться его значенія и отношенія къ другимъ фактамъ! „Искра" удачно назвала московскаго Лонгинова „гробокопателемъ".

17. Воскресенье. Странныя противорѣчія могутъ уживаться въ одномъ и томъ-же человѣкѣ. Вотъ, напримѣръ, я такъ мало довѣряю всему человѣческому—добродѣтелямъ, уму, благу, жребію людей, а между тѣмъ у меня такое сильное влеченіе ко всему великому и прекрасному, постигать которое и видѣть можно только въ человѣчествѣ-же. Я также сильно сомнѣваюсь въ конечныхъ цѣляхъ творенія, а между тѣмъ вѣрую и горячо

вѣрую въ высочайшій творческій и всевидящій царственный разумъ, во Власть и Силу выше природы и вселенной—словомъ вѣрую въ Бога въ духѣ христіанскихъ понятій. Я не уважаю людей, а готовъ служить имъ вѣрою и правдою, хотя увѣренъ, что они на каждомъ шагу меня обманутъ и готовы сдѣлать мнѣ всякое зло.

20. Среда. Видѣлся въ Царскомъ Селѣ съ княземъ Вяземскимъ. Разсказъ князя объ усиливающемся спиритизмѣ. Чудеса со столами, приводящія въ недоумѣніе даже людей разсудительныхъ—все по словамъ князя.

21. Четвергъ. Засѣданіе въ академіи наукъ. Странно, какъ люди, желая показаться важными, толкуютъ горячо о пустякахъ со всѣми признаками глубины и серьезности. Вышелъ бурный споръ. Въ прошедшее засѣданіе было рѣшено выбрать въ члены Аѳанасія Ѳедоровича Бычкова. Но *** хотѣлось непремѣнно сказать въ протоколѣ, что А. Ѳ. Бычковъ избранъ для составленія словаря. Онъ-же, ***, предлагалъ выбрать еще члена для изданія сочиненій Ломоносова. Первый воспротивился этому я. Мнѣ казалось неудобнымъ выбирать кого-либо въ члены академіи для исполненія такого-то порученія, а не для отдѣла или категоріи науки, по которой вообще можетъ быть полезна спеціальная дѣятельность избираемаго. Въ проектѣ новаго устава сказано, что мы должны имѣть шесть членовъ: двухъ для славянской и древне-русской литературы, двухъ для средней и двухъ для послѣ-Петровской. Такъ и слѣдуетъ поступать. Къ моему мнѣнію присоединился Срезневскій, который прибавилъ, что втораго члена онъ требуетъ для славянской литературы, такъ какъ самъ онъ занимается ею въ связи съ древне-русскою. Это мнѣніе мнѣ показалось основательнымъ и согласнымъ съ проектомъ новаго устава. Что касается до словаря, то этому дѣлу должны содѣйствовать всѣ. (П. П.) Пекарскій поддерживалъ съ обычнымъ своимъ педантизмомъ мнѣніе *** и, между прочимъ, сказалъ: „Въ наукѣ ненужно никакихъ убѣжденій". —„Какъ-же! возразилъ я,—вы науку считаете чѣмъ-то чужимъ для человѣка, а человѣка—машиною, выдѣлывающею ученыя игрушки?" Тогда онъ поправился и отвѣчалъ, что разумѣетъ это въ отношеніи лицъ увлекающихся. Однако, онъ и тутъ самъ себѣ противорѣчилъ. Въ занятіяхъ своихъ онъ тоже увлекается

любовью къ выпискамъ и къ копленію матеріаловъ. Ну и Богъ съ нимъ! Пусть онъ это дѣлаетъ: это тоже вещь полезная, но зачѣмъ-же думать, что это и есть единственная полезная вещь въ наукѣ, а все прочее вздоръ.

23. Суббота. Разговоръ съ Ѳ. И. Тютчевымъ. Отъ него услышалъ я, между прочимъ, что Ив. Серг. Аксаковъ женится на его дочери фрейлинѣ и что „День“ прекращается, потому что Аксаковъ каждый годъ получалъ отъ него тысячъ до трехъ убытку

24. Воскресенье. Разсказываютъ ужасы про симбирскіе пожары, слѣдствіе о которыхъ теперь только кончено. Разсказываютъ, будто Симбирскъ сожгли вовсе не поляки, а батальонъ русскихъ солдатъ, начальникъ котораго, какой-то полковникъ, былъ первымъ виновникомъ и подстрекателемъ этого безмѣрнаго злодѣйства. Побудительною причиною будто-бы былъ грабежъ. Правительство, говорятъ, даже не рѣшается обнародовать о томъ стыда ради, падающаго на всю націю, особенно послѣ всего того, что было говорено и писано объ участіи въ поджогахъ поляковъ. Правда это или нѣтъ? [1]).

Вообще злодѣйства всякаго рода—кражи, грабежи, убійства за послѣднее время усилились у насъ до неслыханной степени. Безпрестанно читаешь о нихъ въ газетахъ, а сколько еще такихъ о которыхъ и въ газетахъ не пишутъ. Всѣ приписываютъ это безнаказанности. Воры и грабители безпрестанно выпускаются на поруки или оставляются только въ сильномъ подозрѣніи. Въ полицейской газетѣ очень часто читаемъ, что иные преступники попадаются въ третій, четвертый и даже пятый разъ, и всякій разъ опять выпускаются на волю. Ссылаемые въ Сибирь находятъ возможность бѣжать, и это тоже служитъ немалымъ поощреніемъ къ новымъ преступленіямъ.

25. Понедѣльникъ. Вчера были похороны дочери Н. Р. Ребиндера, по мужу Саломки. Она умерла, не зная о смерти отца. Между тѣмъ, вотъ странный случай: въ тотъ самый день, какъ мужъ ея получилъ изъ Москвы телеграмму о смерти Николая Романовича, она немного заснула и, вдругъ проснувшись,

[1]) Полная неправда, что и было доказано новымъ слѣдствіемъ, произведеннымъ сенаторомъ В. И. Деномъ. См. его „Записки“ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1890 г., томы LXVI и LXVII.

сказала своей теткѣ: „Боже мой, какой страшный сонъ я видѣла. Я видѣла отца въ гробу“. Разумѣется, впечатлѣніе, возбужденное этимъ сномъ, старались ослабить, такъ какъ докторъ рѣшительно запретилъ передавать ей печальную вѣсть. Бѣдная оставила двухъ крошечныхъ дѣтей безъ всякаго состоянія.

27. Среда. Былъ у **, съ которымъ давно не видался. Онъ сильно жалуется на безпорядокъ и великія неудобства нынѣшняго Совѣта по дѣламъ печати. Предсѣдательствующій, М. П. Щербининъ, человѣкъ ничтожный, силится всѣмъ заправлять, а дѣйствительный заправитель всего Ф—съ, агентъ и соглядатай Валуева.

28. Четвергъ. Пріятные разсказы о скандалахъ. Въ Александринскомъ театрѣ, по окончаніи представленія, два офицера, ради удальства, такъ толкнули одну даму въ креслахъ, что она только креслами была спасена отъ паденія. Съ нею былъ какой-то мужчина. Онъ вступился за нее и началъ крупное объясненіе съ офицерами, которые однако его-же осмѣяли. Но главное тутъ въ томъ, что наша публика, обыкновенно столь кроткая и вообще терпѣливая, на этотъ разъ всполошилась: она окружила буяновъ и потребовала полицію. Явился полиціймейстеръ или частный приставъ, который, по требованію публики, и долженъ былъ составить актъ. Человѣкъ сто свидѣтелей подписали этотъ актъ и виновные были арестованы. Дальнѣйшій ходъ дѣла еще неизвѣстенъ.

29. Пятница. Обѣдалъ у князя П. А. Вяземскаго въ Царскомъ Селѣ. Мы отправились туда вмѣстѣ съ Ѳ. И. Тютчевымъ. Тамъ видѣлъ я и дочь его, невѣсту Аксакова, Анну Ѳедоровну. Она немолода, но, говорятъ, очень умна. Вечеромъ пришла вторая дочь Ѳедора Ивановича, съ которою я познакомился на пароходѣ (кажется, въ 1860 году), когда ѣхалъ въ Штетинъ. Это миловидная и очень пріятная особа, съ которою, я помню, мы хорошо пробесѣдовали нѣсколько часовъ плаванія, пока она не подверглась морской болѣзни. Сегодня разговоръ у князя вертѣлся на современныхъ происшествіяхъ: какъ офицеры чуть не побили одной дамы въ театрѣ, какъ на театрѣ у насъ представляютъ чортъ знаетъ какія безобразія, какъ какого-то Бибикова отдали подъ судъ за книгу, въ которой онъ доказываетъ превосходство полигаміи надъ единобрачіемъ — все

матеріи важныя и привлекательныя. Да и о чемъ-же говорить въ наше время? Послѣ обѣда Тютчевъ отправился къ своимъ дочерямъ, а я еще посидѣлъ немного и побрелъ на желѣзную дорогу. Но я дурно разсчиталъ время и мнѣ пришлось битыхъ три часа провести въ ресторанѣ желѣзнодорожной станціи въ пріятномъ обществѣ двухъ маркеровъ, которые забавлялись, катая шары на биліардѣ. Впрочемъ, въ залѣ было чисто и мнѣ подали стаканъ очень порядочнаго чаю. Около одиннадцати подъѣхалъ Тютчевъ и вмѣстѣ отправились обратно въ Петербургъ, гдѣ я еще засталъ у себя А. С. Воронова, О. Ѳ. Миллера и другихъ.

30. Суббота. Вчера у князя П. А. Вяземскаго мнѣ сказали, что въ Царскомъ Селѣ одинъ человѣкъ умеръ отъ холеры.

Весь день работалъ надъ программою академическихъ занятій, которую намѣренъ представить въ отдѣленіе.

31. Воскресенье. Былъ на празднованіи столѣтія „Вольно-Экономическаго Общества“. Праздникъ происходилъ въ залѣ Дворянскаго собранія. Зала была убрана просто, но хорошо. Собраніе многочисленное. Нѣсколько депутацій принесли свои поздравленія отъ разныхъ учрежденій. Рѣчей ихъ не было слышно. Все обошлось очень прилично.

Ноябрь 1. Понедѣльникъ. Письмо и фотографическая карточка отъ Печерина изъ Дублина. Сколько воспоминаній соединяется съ этимъ милымъ лицомъ, которое, судя по портрету, мало измѣнилось! Та же мягкость въ чертахъ, то же добродушіе, то же умное оригинальное выраженіе во всемъ складѣ лица. А въ письмѣ его сколько наблюдательности, ума и знанія, пріобрѣтеннаго наукою и опытомъ! О Россіи онъ говоритъ съ любовью, хотя невидно, чтобы онъ желалъ возвратиться въ нее. Да и... но объ этомъ не хочется говорить даже съ самимъ собою.

5. Пятница. Общее собраніе въ Академіи (наукъ). Президентъ предложилъ уничтожить Готторпскій глобусъ, пріобрѣтенный Петромъ I-мъ въ 1713 году, такъ какъ этотъ глобусъ въ пожарѣ — 1748, кажется, года — такъ обгорѣлъ, что отъ него остался одинъ остовъ и онъ занимаетъ только напрасно большое мѣсто. Это тотъ самый, внутри котораго могутъ помѣститься двѣнадцать человѣкъ. Я замѣтилъ, что не лучше-ли было бы его сохранить, какъ почтенную историческую развалину? Каковъ бы

ни былъ теперь этотъ глобусъ, а вѣдь съ нимъ все-таки связано имя Петра и потому хорошо-ли будетъ предать его уничтоженію. Другіе были того же мнѣнія. Положено нарядить комиссію для обслѣдованія этого дѣла. При этомъ Гельмерсенъ полагалъ, что глобусъ можно бы поправить и употребить для географическихъ цѣлей.

Потомъ Рупрехтъ представилъ свой отвѣтъ на замѣчанія московскаго университета будто бы отъ себя, но съ тѣмъ, чтобы напечатать его въ академическихъ запискахъ. Я сильно противъ этого протестовалъ: это было бы противорѣчіемъ принятому уже академіей намѣренію не отвѣчать на московскіе и ни на какіе нападки. Противорѣчіе это выразится въ томъ, если мы напечатаемъ этотъ отвѣтъ въ нашихъ запискахъ. Пусть г. Рупрехтъ печатаетъ свою статью гдѣ захочетъ, только не въ запискахъ академіи и не въ академической газетѣ. Президентъ и секретарь защищали статью и печатаніе ея въ запискахъ, но слабо. Огромное большинство рѣшило не принимать ея, поэтому она не была и читана.

6. Суббота. Вечеромъ у Тройницкаго. Разговоръ о судьбахъ печати. Тройницкій подтвердилъ, что Валуевъ очень ко мнѣ не благоволитъ — во-первыхъ, какъ онъ полагаетъ, за мои съ нимъ столкновенія во время моего редакторства, особенно за мой протестъ по поводу принудительной подписки на газету,— подписки, которую задумалъ было министръ и которую я считалъ чрезвычайно неблаговидною и вредною. Во-вторыхъ, ему не нравилось мое поведеніе въ совѣтѣ по дѣламъ печати и то, что я все время стоялъ за расширеніе правъ этого Совѣта и за ограниченіе власти Валуева. Тройницкій еще думаетъ, что мнѣ сильно и болѣе всѣхъ гадилъ Фуксъ [1]),—гадилъ же онъ мнѣ изъ мщенія за то, что я не хотѣлъ печатать въ газетѣ статей его и его пріятелей и не позволялъ ему распоряжаться этимъ помимо меня.

8. Понедѣльникъ. Очевидное дѣло, что Валуевъ надѣется съ помощью Фукса подавить все „вредное" въ нашей печати. Въ добрый часъ! Только мнѣ кажется, что Валуевъ взялся за дѣло, превосходящее его силы и способности, да и вообще силы и способности одного чиновника. Съ газетами, напримѣръ,

¹) Нынѣ покойный.

такими, какъ „Спб. Вѣдомости“ и „Голосъ“, онъ можетъ еще кое-какъ управиться. Но какъ справится онъ съ „Московскими Вѣдомостями“ и съ „Днемъ“, если тѣ захотятъ умно дѣйствовать, то-есть сколько-нибудь осторожно. Тутъ придется, какъ уже и приходилось, спускать однимъ то, за что съ другихъ будутъ взыскивать—а это на какую стать? Тутъ необходимы двѣ вещи. Во-первыхъ, если правительство признало нашу печать уже настолько созрѣвшею, что ее можно было освободить изъ-подъ опеки предварительной цензуры, то необходимымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого является и то, чтобы дѣйствительно предоставить ей бо̀льшую свободу. Во-вторыхъ, слѣдовало бы образовать такой Совѣтъ въ министерствѣ, который пользовался бы и уваженіемъ въ обществѣ, а не такой, какъ нынѣ (1865 г.)—и предоставить ему извѣстную долю самостоятельности и возложить на него часть отвѣтственности, хоть такъ, напримѣръ, какъ совѣтовалъ въ своей запискѣ баронъ М. А. Корфъ. Это была бы сила, опирающаяся на общественное мнѣніе и изъятая отъ упрека въ бюрократическомъ произволѣ. Но у насъ хотѣли вполнѣ послѣдовать примѣру французскихъ законовъ о печати. Тамъ, однако, другое дѣло. Тамъ вообще въ управленіи существуетъ опредѣленная система и ея держатся послѣдовательно: она не колеблется безпрестанно, какъ у насъ, и самые чиновники, завѣдующіе этимъ, далеко превосходятъ нашихъ умомъ и тактомъ. Притомъ, какъ ни жалуется французская печать на деспотизмъ администраціи, а все-таки ей предоставлено больше свободы, чѣмъ нашей. Тамъ администрація больше всего имѣетъ въ виду безопасность и утвержденіе династическаго начала,—въ чемъ намъ нѣтъ надобности—и все, что не касается этого начала и не угрожаетъ императорскому правительству Наполеона, то и не преслѣдуется. У насъ же все возбуждаетъ опасенія. Въ такомъ случаѣ ужъ право лучше бы еще на время оставить предупредительную цензуру. Но если уже сочли ее отжившею — что и справедливо — то надо было какъ можно больше позаботиться о томъ, чтобы дѣло печати находилось въ рукахъ болѣе надежныхъ, чѣмъ эти чиновники, у которыхъ нѣтъ ни на что другой точки зрѣнія, кромѣ канцелярской. Главное, Совѣтъ и Совѣтъ!

10. Среда. Не размышлять, не задумываться надъ нынѣш-

нимъ (1865 г.) состояніемъ Россіи можетъ только одно непростительное легкомысліе. Это положеніе вещей не можетъ остаться безъ важныхъ послѣдствій, хотя сущности этихъ послѣдствій никто предвидѣть не можетъ.

11. Четвергъ. Надняхъ случилось мнѣ бесѣдовать съ полиціймейстеромъ нашей части города Банашомъ. Онъ разсказываетъ удивительныя вещи про воровъ, мошенниковъ, грабителей, которыми кишмя кишитъ (1865 г.) столица. Они безбоязненно и открыто совершаютъ свои подвиги, увѣренные въ своей безнаказанности. Генералъ-губернаторъ и оберъ-полиціймейстеръ отличаются гуманностью, какой не найдешь ни въ одномъ цивилизованномъ обществѣ. Вездѣ принято за правило охранять честныхъ гражданъ отъ насилія и мошенничества негодяевъ, а тутъ первые беззащитны, а послѣдніе безнаказанны (1865 г.) Низшая полиція ничего не въ состояніи сдѣлать, когда высшая полиція явно потакаетъ беззаконію. Да отчего-же? По слабости или по какой-нибудь системѣ? Между прочимъ, мой собесѣдникъ разсказалъ мнѣ одну характеристическую черту времени. Онъ своими ушами слышалъ, какъ нѣсколько уличныхъ грабителей, разговаривая между собою, восхваляли власть, которая отмѣнила плети. — „Теперь-то и житье намъ", говорилъ одинъ. — „Проклятыя плети маленько страшноваты были, а нонече что? сошлютъ въ Сибирь? Экъ, велика бѣда! Развѣ тамъ не живутъ люди? Да подчасъ и бѣжать можно". Банашъ увѣряетъ, что таковъ общій взглядъ нынѣшнихъ воровъ и разбойниковъ.

12. Пятница. Около „Русскаго Слова" группируются отчаянные радикалы, нигилисты, отвергающіе всѣ законы нравственные, эстетическіе и религіозные во имя прогресса и соціальнаго благоденствія человѣческаго рода. И всего-то нелѣпѣе, что это не иное что, какъ подражаніе французскимъ революціонерамъ 1790 года. Извѣстно, что коноводы французской революціи,— если не ошибаюсь, Дантонъ,—требовали декретомъ пріостановить дѣйствіе нравственныхъ законовъ и законовъ права. Въ то-же время, однако, Робеспьеръ ставилъ себѣ въ заслугу свое безкорыстіе и отсутствіе въ себѣ всякихъ развратныхъ поползновеній, и другіе тоже хвалились патріотическими чувствами, обрекая на смерть цѣлыя тысячи. Самъ Маратъ выставлялъ себя другомъ угнетенныхъ и страждущихъ меньшихъ

братій. У нихъ, значитъ, были-же свои хоть какіе-нибудь нравственные законы, хотя, конечно, можно усомниться въ томъ, чтобы законы, обрекающіе на гибель цѣлыя тысячи невинныхъ людей во имя блага другихъ сотенъ, были хорошіе законы.

Въ № 245-мъ „Сѣверной Почты" напечатано первое предостереженіе „Современнику" за „косвенное порицаніе началъ собственности" (въ августовской книжкѣ, стр. 308—321) и за прямое порицаніе тѣхъ-же началъ (въ сентябрьской книжкѣ, стр. 93—96), за возбужденіе противъ высшихъ и имущественныхъ классовъ, за оскорбленіе началъ брачнаго союза. Хотя я и открыто порицаю нынѣшнее положеніе закона о печати, тѣмъ не менѣе въ настоящемъ случаѣ я не могу не подумать: по дѣломъ вору мука! Если такіе журналы, какъ „Современникъ" и „Русское Слово", нарвутся и на третье предостереженіе съ его послѣдствіями, то и тогда врядъ-ли имъ можно будетъ сочувствовать. Я просматривалъ страницы, на которыя указываетъ „Сѣверная Почта": тутъ дѣйствительно содержатся вещи непозволительныя, если не допустить у насъ безусловной свободы печати.

13. Суббота. Кто внимательно наблюдалъ за ходомъ дѣлъ человѣческихъ, тотъ знаетъ, что въ жизни обществъ бываютъ эпохи, когда дѣла такъ усложняются и запутываются, что распутать ихъ обыкновеннымъ образомъ нѣтъ никакой возможности, а приходится разсѣкать ихъ ударомъ меча. Мы, кажется, находимся въ такомъ положеніи. Грибоѣдовъ сказалъ въ своей комедіи умную вещь устами пустаго человѣка: „желудокъ больше не варитъ" и „радикальныя потребны тутъ лекарства". Неизбѣжность грознаго переворота чувствуется въ воздухѣ: убѣжденіе въ этомъ становится сильнѣе и повсемѣстнѣе. Мы стоимъ въ преддверіи анархіи—да она уже и началась и не та тайная анархія, которая въ Россіи давно скрывалась въ произволѣ чиновничества подъ личиною внѣшняго порядка, а въ явномъ пренебреженіи къ закону, порядку и уже къ самому правительству, котораго не боятся и не уважаютъ (1865 г.)—во всеобщей распущенности нравовъ, въ отсутствіи безопасности лицъ и собственности, словомъ во всемъ этомъ броженіи умственномъ, нравственномъ и административномъ, въ этомъ очевидномъ хаосѣ, охватывающемъ всѣ отправленія нашей гражданственности.

Изъ всѣхъ господствъ самое страшное—господство черни. Господство личнаго деспотизма связываетъ людей и не даетъ имъ свободно дышать; господство аристократіи погружаетъ ихъ въ тупую апатію; господство черни безъ церемоніи грабитъ и рѣжетъ ихъ.

Бѣда, если это демократизирующее начало, которое такъ пылко проповѣдуется у насъ мальчиками-писунами, успѣетъ разнуздать народъ еще полудикій, пьяный, лишенный нравственнаго и религіознаго образованія. Какихъ бѣдъ не въ состояніи онъ надѣлать!

Бѣда, когда какая-нибудь идея попадаетъ въ тупыя или неискусныя руки. Эти руки съ добрымъ намѣреніемъ постараются своими крайностями уничтожить въ ней все хорошее, а дурное такъ раздуть, что оно и у хорошаго отниметъ всю его силу и вліяніе и представитъ его чудовищнымъ.

15. Понедѣльникъ. Извѣстно, что никто столько не вредитъ успѣху истины и добра, какъ неразумные и ярые ихъ друзья и поборники. Своими крайностями они убиваютъ въ умахъ всякое къ нимъ довѣріе, а злу придаютъ характеръ законной охранительной силы.

Вечеръ у Литке. Тамъ среди множества генеральскихъ эполетъ и звѣздоносныхъ фраковъ встрѣтилъ Тройницкаго, Княжевича, Перевощикова и Семенова, оберъ-прокурора сената, съ которыми и проговорилъ весь вечеръ.

Страшное и гнусное злодѣйство. Студентъ медицинской академіи женился на молодой и милой дѣвушкѣ, но вскорѣ началъ ее ревновать и даже задумалъ ее убить, поразивъ ее толстою булавкою во время сна. Но это ему не удалось: она проснулась въ ту минуту, когда онъ готовился вонзить ей булавку въ шею. Произошла страшная сцена и молодая женщина ушла къ отцу. Спустя нѣкоторое время, студентъ прикинулся раскаявающимся. Онъ явился къ отцу и матери своей жены и началъ умолять послѣднюю о прощеніи. Послѣдняя послѣ нѣкотораго сопротивленія, наконецъ, уступила и, когда въ знакъ примиренія согласилась его поцѣловать, онъ откусилъ ей носъ. Несчастная молодая женщина теперь въ клиникѣ и неизвѣстно, что съ нею будетъ. Каковы у насъ нравы!

17. Среда. Надняхъ знакомый мнѣ медикъ, докторъ Ката-

линскій, отравился изъ любви къ одной красавицѣ, актрисѣ французскаго театра, имя которой, кажется, Стелла-Коласъ. Она обѣщала ему выйти за него замужъ, а потомъ измѣнила.

Вечеръ въ театрѣ. Шла опера „Сафо". Тутъ превосходна Барбо. Особенно игра ея въ высшей степени художественна.

18. Четвергъ. Говорятъ, что Каталинскій не отравился, а умеръ съ радости, получивъ отъ своей возлюбленной согласіе на бракъ съ нимъ. Вотъ какъ удобно изучать современныя событія! Одно и то-же происшествіе разсказывается на пять, на десять совершенно различныхъ ладовъ. Вотъ, напримѣръ, и объ офицерахъ, оскорбившихъ даму въ театрѣ—иные говорятъ, что публика энергически и честно вступилась за обиженную и потребовала отъ полицейскаго чиновника, чтобы тутъ-же былъ составленъ актъ; другіе разсказываютъ, что публика, напротивъ, вела себя очень тихо, никакого составленія акта не было и что все ограничилось однимъ скромнымъ заявленіемъ, а когда потребовалось идти въ полицію, чтобы подкрѣпить заявленіе свидѣтельствомъ, то всѣ разбрелись, исключая двухъ студентовъ, которые и составили всю публику.

22. Понедѣльникъ. Въ нашемъ обществѣ издерживается ужасное множество словъ. Говорятъ много и безтолково, или говорятъ остроумно, но нисколько не углубляясь въ дѣло: это наша страсть и наше бѣдствіе. Оттого всякое дѣло у насъ начинается словами и испаряется въ словахъ. Оно и остается только при своемъ началѣ, а чаще всего при одномъ проектѣ. Точныхъ свѣдѣній мы ни о чемъ не имѣемъ, да и не очень заботимся имѣть ихъ. Между тѣмъ приговоры о людяхъ и вещахъ произносятся самые рѣшительные и безаппеляціонные.

Вечеромъ былъ (Ѳед. Вас.) Чижовъ, на нѣсколько дней пріѣхавшій изъ Москвы. Мы обнялись, какъ старые друзья, каковые и есть на самомъ дѣлѣ. Онъ сильно посѣдѣлъ. Разсказъ о Ребиндерѣ, который передъ смертью совсѣмъ раззорился необдуманными спекуляціями. По словамъ Чижова, его, бѣднаго терзало также честолюбіе. Ему вообразилось, что онъ непремѣнно долженъ быть министромъ и вѣрилъ, что Провидѣніе предназначило ему играть важную политическую роль. Въ то-же рвемя онъ хотѣлъ жениться и двѣ невѣсты его отвергли.

Вечеромъ былъ также (Ив. Карл.) Гебг..тъ. Онъ бѣдный со-

всѣмъ превратился въ старую бабу-сплетницу. Онъ только и знаетъ, что разсказываетъ разные слухи и на все и на всѣхъ брюзжитъ.

24. Среда. Бибиковъ былъ судимъ въ уголовной палатѣ за свою книгу: „Критическіе этюды" и приговоренъ къ шестидневному тюремному заключенію. Большинство судей, однако, находило, что его нельзя осудить за тѣ вины, которыя формулированы министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и только по настоянію прокурора и состоялся приговоръ.

26. Пятница. Газеты извѣщаютъ, что генералъ-адъютантъ Анненковъ, бывшій кіевскій генералъ-губернаторъ, умеръ.

Надняхъ докторъ Вальцъ говорилъ, что холерныхъ случаевъ и притомъ смертныхъ уже было пять.

27. Суббота. Демократизмъ долженъ состоять не въ томъ, что-бы каждаго человѣка сдѣлать подобнымъ другому—такого смѣшенія и однообразія не допускаетъ природа—а въ томъ что-бы каждому предоставить возможность быть или самостоятельнымъ или повиноваться, какъ это ему лучше или удобнѣе. Изъ того, что нѣкоторымъ не хочется повиноваться, еще не слѣдуетъ, что они и не должны повиноваться.

30. Вторникъ. Видѣлся съ Чижовымъ и Полѣновымъ. Полѣновъ такой-же добрякъ, какимъ былъ всегда. Чижовъ попрежнему считаетъ себя способнымъ обмануть цѣлый свѣтъ. Между тѣмъ, онъ истинно честный человѣкъ и на дѣлѣ никого не обманетъ и неспособенъ обмануть.

Декабрь 1. Среда. Вечеръ у **. Мнѣ какъ-то тяжело бываетъ въ большомъ сборищѣ людей. Слышишь то-же безконечное разногласіе мнѣній, тѣ-же нелѣпые толки, тѣ-же вѣсти о происшествіяхъ, которыя никогда не случались или случились вовсе не такъ, и проч. Тутъ надо или молчать или впадать самому въ мутный потокъ тѣхъ-же пустыхъ рѣчей, а наблюдать всѣхъ этихъ передовыхъ личностей, право, не стоитъ труда. Да я и знаю ихъ уже очень хорошо. Всѣ это непобѣдимыя самолюбія, претендующія на исключительное первенство.—Одно лицо однако тутъ было любопытное—старый мой знакомый Стороженко, служившій два года при Муравьевѣ и исполнявшій его разныя порученія. Онъ закрывалъ монастыри, производилъ слѣдствія и пр. Это плутоватый малороссіянинъ первой руки.

Онъ разсказывалъ много интересныхъ вещей, которыя были-бы еще интереснѣе, еслибы ему можно было вѣрить во всемъ. Но онъ разсказываетъ умно и замысловато съ малороссійскимъ юморомъ.

2. Четвергъ. Опять на большомъ сборищѣ — на обѣдѣ у вице-президента Медицинской академіи Глѣбова. Онъ праздновалъ день рожденія своего четырехлѣтняго сына, котораго и онъ и жена его любятъ до безумія. Тутъ были всѣ медицинскія знаменитости и профессора: Дубовицкій, Якубовичъ, Цыцуринъ, Боткинъ и т. д. Все это общество очень ласково приняло меня. Съ Якубовичемъ я говорилъ по малороссійски. Это въ обращеніи, что называется, добрый малый, немножко съ забубенными замашками.

3. Пятница. Вечеромъ происходило у меня чтеніе. Г. читалъ драму графа Толстаго (Алексѣя Конст.): „Смерть Іоанна Грознаго,“ о которой много говорили въ публикѣ. Пьеса дѣйствительно замѣчательная по вѣрности характеровъ Грознаго и Бориса Годунова и вообще по искусной обработкѣ. Слушать собралось довольно много гостей, особенно дамъ. Между послѣдними сіяла А. С. С., которую я прозвалъ королевой Анной за ея величественный ростъ и эфектную красоту. Приглашалъ я и моихъ академическихъ товарищей, въ томъ числѣ и Пекарскаго. Что касается послѣдняго, то я, впрочемъ, былъ почти увѣренъ, что онъ не пріѣдетъ. Онъ не признаетъ поэзіи, считая ее слишкомъ ничтожною для своего академическаго ума.

4. Суббота. Въ № 263-мъ „Сѣверной Почты“ напечатано первое предостереженіе „Голосу“—вѣроятно за его анти-національныя выходки. Такъ, напримѣръ, онъ отзывался съ какимъ-то глумленіемъ о дѣлахъ нашихъ въ Средней Азіи по случаю занятія Ташкента, что особенно теперь некстати по причинѣ всяческихъ слуховъ, распространяемыхъ въ англійскихъ газетахъ на счетъ нашихъ завоевательныхъ видовъ и проч. У „Голоса“, кажется, одна забота—во всемъ противорѣчить „Московскимъ Вѣдомостямъ“, съ которыми онъ въ страшной враждѣ, и чтобы насолить этой газетѣ, чуть-ли не готовъ доказывать всякія нелѣпости даже въ подрывъ нашимъ интересамъ Этимъ онъ думаетъ дать себѣ особенный цвѣтъ и физіономію.

Замѣчательны рѣчи предсѣдателя Царскосельскаго земскаго собранія—Платонова и члена—графа Шувалова, произнесен-

ныя въ земскомъ собранiи и напечатанныя въ 319-мъ № „Спб. Вѣдомостей“. Дѣло идетъ о томъ, чтобы просить правительство объ установленiи общей земской управы для разсмотрѣнiя общихъ государственныхъ экономическихъ дѣлъ.

Вечеръ у Ржевскаго. Тутъ собираются обыкновенно все приверженцы дворянскихъ интересовъ. Между такими приверженцами замѣтнѣе всѣхъ Скарятинъ, издатель „Вѣсти“, дворянской газеты. Во всякомъ случаѣ, онъ весьма неглупый и даже даровитый человѣкъ. Онъ хорошо говоритъ и готовитъ себя въ ораторы будущей земской думы—если таковая будетъ. Тутъ былъ также и извѣстный Пав. Ив. Мельниковъ, плутоватое личико котораго выглядывало изъ-за густыхъ рыжеватыхъ бакенбардъ: онъ выбрасывалъ изъ своего рта множество разныхъ анекдотовъ и фразъ бойкаго, но не совсѣмъ правдиваго свойства. Шиль, отставной профессоръ Гельсингфорскаго университета, откуда вытѣснили его шведы—политико-экономъ, неглупый, но, кажется, высоко-думающiй о своихъ умственныхъ и ученыхъ достоинствахъ. Послѣ явился и малютка Фуксъ, обратившiйся ко мнѣ съ самымъ дружескимъ пожатiемъ руки. Съ нимъ обращаются не безъ нѣкоторой осторожности, такъ какъ считаютъ его .... у Валуева. Онъ теперь держитъ себя съ извѣстнымъ величiемъ, какъ подобаетъ члену министерскаго совѣта. Кабинетъ Ржевскаго слишкомъ наполнился и мнѣ стало неловко въ этомъ сборищѣ людей, которые всѣ претендуютъ на важное значенiе въ обществѣ, чрезвычайно остроумно судятъ о всѣхъ современныхъ вопросахъ, не щадя никого и ничего, и стараются выказать столько ума и знанiя, что мнѣ, маленькому и темненькому человѣчку, тутъ уже вовсе нечего было дѣлать и я поспѣшилъ себя вынести изъ этой для меня слишкомъ блестящей среды.

Поутру заѣзжалъ къ Варварѣ Дмитрiевнѣ Ладыженской. Тутъ познакомился съ ея двоюроднымъ братомъ флигель-адъютантомъ Воейковымъ, который почему-то знаетъ, что я былъ нѣкогда знакомъ съ его дѣдомъ П. С. Молчановымъ, состоявшимъ статсъ-секретаремъ при Александрѣ I-мъ. Дѣйствительно, когда я былъ студентомъ и жилъ у г-жи Штеричъ, Молчановъ часто бывалъ у нея, иногда сажалъ меня возлѣ себя и подолго со мной говорилъ о Малороссiи, которую очень любилъ. Онъ умеръ во время холеры 1831-го года одною изъ первыхъ жертвъ ея. Во время моего знакомства съ нимъ онъ былъ уже слѣпъ.

5. Воскресенье. Въ сегодняшнемъ № 266-мъ „Сѣверной Почты“ напечатано второе предостереженіе „Современнику“.

7. Вторникъ. Обѣдалъ въ клубѣ. Возобновилъ знакомство съ барономъ (Андр. Ив.) Дельвигомъ, съ которымъ лѣтъ тридцать тому назадъ познакомился у Плетнева, а также знакомство съ Боткинымъ, братомъ литератора Боткина, что въ Москвѣ.

11. Суббота. Засѣданіе въ академіи наукъ. Срезневскій сегодня читалъ намъ свою статью о платьѣ Всеволода-Гавріила, князя Новгородскаго въ XIII-мъ вѣкѣ и причисленнаго къ лику святыхъ. Онъ отыскалъ въ Московскомъ Чудовомъ монастырѣ истертый, полинявшій и попорченный рисунокъ, на которомъ будто-бы изображенъ этотъ князь. Главный вопросъ состоялъ въ томъ, точно-ли рисунокъ изображаетъ этого, а не другаго князя. Видно, что онъ перебралъ нѣсколько лѣтописей и много трудился. Никакихъ соображеній онъ болѣе не дѣлаетъ и что изъ этого слѣдуетъ—не говоритъ.

14. Вторникъ. „Московскія Вѣдомости“ принадлежатъ университету и Катковъ съ Леонтьевымъ содержатъ ихъ на арендѣ вмѣстѣ съ типографіей за 73 тысячи рублей. „Спб. Вѣдомости“ академія наукъ также отдаетъ въ аренду Коршу за 15 тысячъ. Чтобы оттиснуть Каткова отъ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ (А. В.) Головнинъ предлагаетъ министру внутреннихъ дѣлъ взять эту газету отъ университета, а для бо́льшей благовидности также и „Спб. Вѣдомости“ отъ академіи и передать ихъ въ вѣдомство главнаго управленія по дѣламъ печати съ тѣмъ, чтобы оно отъ себя отдавало ихъ въ аренду „благонадежнымъ людямъ“. Поводъ къ этому (распоряженію) онъ находитъ въ томъ, что арендныя деньги поступаютъ въ Государственное казначейство и оттуда идутъ на содержаніе упомянутыхъ заведеній. Но арендныя деньги могутъ уменьшиться, а то и совсѣмъ прекратиться, если правительство наложитъ свою руку на эти газеты—то съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшатся и средства обезпеченія этихъ заведеній, ибо государственному казначейству не изъ чего будетъ выплачивать недостающихъ денегъ. Заведенія эти, такимъ образомъ, говоритъ Головнинъ, будутъ потрясены въ самомъ основаніи. Для предупрежденія этого-то зла и спасенія Московскаго университета и академіи наукъ, онъ и предлагаетъ упомя-

нутую мѣру, полагая, что арендныя деньги въ вѣдѣніи главнаго управленія по дѣламъ печати постоянно будутъ въ той-же цифрѣ, какъ нынѣ. При этомъ онъ совѣтуетъ Валуеву „Спб. Вѣдомости слить съ „Сѣверной Почтой", что, по его мнѣнію, должно увеличить доходъ послѣдней. Кромѣ того, онъ думаетъ, что главное управленіе, получивъ въ свое завѣдываніе обѣ газеты, будетъ дѣйствовать вообще на прессу. Все это Головнинъ предлагалъ Валуеву еще годъ тому назадъ, въ декабрѣ 1864-го года, но почему-то послѣдній оставилъ тогда бумагу безъ движенія. Теперь Головнинъ отнесся къ Валуеву вторично, а этотъ спрашиваетъ мнѣнія у президента академіи. Ненадежность арендшаго дохода, получаемаго университетомъ и академіей, Головнинъ основываетъ на возможности пріостановки или запрещенія арендуемыхъ газетъ по новымъ законамъ о печати. Годъ тому назадъ законы эти еще не прошли, но Головнинъ зналъ, что они будутъ установлены.

Сегодня я читалъ бумаги Головнина въ комитетѣ академіи, куда онѣ поступили отъ президента. Очень жаль, что президентъ самъ хочетъ на нихъ отвѣчать безъ совѣщанія съ членами академіи, и отвѣтъ его, безъ сомнѣнія, будетъ уклончивый. Это я вижу уже изъ словъ секретаря. (А. В.) Головнинъ забылъ однако одно, что, съ поступленіемъ газетъ въ вѣдомство и подъ дирекцію главнаго управленія по дѣламъ печати, число ихъ подписчиковъ должно непремѣнно уменьшиться, ихъ значеніе отъ казеннаго вліянія потеряется, слѣдовательно и арендная плата понизится и казна потерпитъ убытокъ.

15. Среда. Сильно нужно бороться съ внутренними тревогами, возбуждаемыми то тягостями и безтолковщиною времени, то неурядицею собственнаго духа и матеріальными недостатками. Однако надобно бороться, надобно быть человѣкомъ и мужемъ. Главное, не должно разсыпаться въ мелочахъ, опасеніяхъ, умозрѣніяхъ и т. п., и держаться крѣпче центральныхъ убѣжденій и началъ.

18. Суббота. Прочиталъ записки адмирала Шишкова о времени управленія имъ министерства народнаго просвѣщенія. Три задачи почти исключительно составляли заботы Шишкова въ это время: а) нападеніе на книгу Госнера, напечатанную въ Петербургѣ на нѣмецкомъ языкѣ и переведенную Брискор-

номъ: „Geist des Lebens und der Lehre Jesus Christi in Betrachtungen und Bemerkungen über das ganze Neue Testament. Erster Band. Matheus und Marcus". b) Принятіе строгихъ цензурныхъ мѣръ противъ безбожныхъ и злонамѣренныхъ книгъ. c) Закрытіе библейскихъ обществъ, и d) Осужденіе Попова за поправки русскаго перевода Госнеровой книги.—Госнеръ былъ высланъ изъ Россіи, а книга его сожжена по рѣшенію комитета министровъ. По этимъ вопросамъ Шишковъ безпрестанно атакуетъ государя Александра I. Доклады его полны самыхъ страшныхъ обвиненій, мыслей о необходимости принятія суровѣйшихъ репрессивныхъ мѣръ, нападокъ на современное движеніе, зловѣщихъ предсказаній и смѣшныхъ толкованій на самыя невинныя вещи въ печати. Онъ безпрестанно вопіетъ о разрушеніи троновъ и алтарей. Замѣчательно, что Александръ терпѣливо выслушивалъ всѣ напыщенные доклады своего министра, не возражалъ ему, какъ-бы соглашаясь съ нимъ—и пряталъ ихъ подъ сукно. „Старикъ съ лицомъ печальнымъ" приходилъ въ отчаяніе, видя, что государь не принимаетъ никакихъ мѣръ къ спасенію троновъ и алтарей и къ преслѣдованію книгъ и книженокъ, на которыя обращались громы его мрачныхъ докладовъ. Вотъ черта характера Александра. Шишковъ сильно настаивалъ на осужденіи Попова, исправлявшаго переводъ книги Госнера. Дѣло разсматривалось въ Сенатѣ. Тамъ явился сильный защитникъ Попова, сенаторъ Муравьевъ-Апостолъ. Шишковъ, по обыкновенію, донесъ объ этомъ государю и, какъ всегда, государь выслушалъ его благосклонно, а между тѣмъ, тайкомъ позвалъ къ себѣ Муравьева и благодарилъ его за защиту Попова.

Изъ записокъ Шишкова видно вообще, что этотъ государственный мужъ былъ сердца честнаго, но ума весьма ограниченнаго, и немудрено, что Александръ, стоявшій неизмѣримо выше его по уму, пропускалъ мимо ушей его іереміады о погибели троновъ и алтарей. Онъ лучше его понималъ, что репрессивными мѣрами нельзя остановить движенія времени. Шишковъ считался стилистомъ въ государственной литературѣ своего времени. Между тѣмъ, всѣ его бумаги отличаются только надутымъ высокопарнымъ витійствомъ и похожи на хріяобразныя сочиненія студентовъ класса реторики.

Интересны разсказы о нѣкоемъ Есаулѣ и Фотіи. Послѣд-

ній, по словамъ Шишкова, былъ однимъ изъ главныхъ, если не самымъ главнымъ, виновникомъ удаленія князя Голицына отъ министерства народнаго просвѣщенія. Фотій проклялъ князя за его, будто-бы, покровительство развращенію умовъ (въ домѣ княгини Орловой) и донесъ о томъ государю, который потребовалъ его къ себѣ. Послѣ этой тайной бесѣды государя и монаха Голицынъ палъ.

19. Воскресенье. Сначала, въ молодости, жизнь наша намъ кажется чрезвычайно важною для другихъ, потомъ она кажется важною исключительно для насъ самихъ, а въ заключеніе мы убѣждаемся, что она не имѣетъ рѣшительно никакой важности ни по отношенію къ самой себѣ, ни по отношенію къ другимъ, ни къ намъ самимъ.

Тютчевъ, Ѳ. И., разсказывалъ мнѣ о своемъ разговорѣ съ Валуевымъ о дѣлахъ печати. Онъ откровенно объяснялъ министру, что репрессивная система, принятая имъ, ни къ чему хорошему не приведетъ. Тютчевъ съ негодованіемъ разсказывалъ мнѣ также о Совѣтѣ, отъ участія въ дѣлахъ котораго онъ рѣшительно отказался. То-же подтверждаетъ и **. Все это нисколько неудивительно. Министръ самъ смотритъ на дѣло какъ чиновникъ, а не какъ государственный человѣкъ и, кажется, не имѣетъ понятія о значеніи мысли, которую думаетъ подавить канцелярскою рутиною и канцелярскими мѣрами. Надняхъ былъ напечатанъ въ „Сѣверной Почтѣ“ циркуляръ къ остзейскимъ цензорамъ, замѣчательный по необыкновенной своей безграмотности и такой путаницѣ понятій, что напрасно вы думали-бы узнать, чего хочетъ главное управленіе печати.

Отъ Тютчева также слышалъ, что надняхъ происходила сильная борьба между защитниками Польши и лицами, поддерживающими интересы Россіи. Дѣло шло о томъ: дозволить или не дозволить католикамъ и полякамъ пріобрѣтать недвижимыя имущества въ западныхъ губерніяхъ?—вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ кому первенствовать въ этихъ губерніяхъ: намъ или полякамъ? Валуевъ усердно старался, чтобы вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ пользу польско-католическаго элемента. И странное дѣло, большинство въ Совѣтѣ, собранномъ нарочно для обсужденія этого вопроса, было въ пользу того-же элемента. Но государь утвердилъ мнѣніе меньшинства, объявивъ, что онъ

твердо будетъ стоять на сторонѣ русскихъ, а не польскихъ интересовъ.

Годичное засѣданіе въ литературномъ фондѣ. Насъ сошлось всего человѣкъ десять, считая въ томъ числѣ и членовъ комитета. Общество, очевидно, таетъ. Публика стала къ нему совершенно равнодушною. Это отчасти можетъ быть и потому, что первые члены комитета съ помощью Чернышевскаго, Лаврова и т. д. дали обществу характеръ партіи (?)

Обѣдалъ у дяди Марка (Николаевича Любощинскаго). Безконечные толки о дѣлахъ печати и Польши.

23. Четвергъ. Вечеръ просидѣлъ у меня **. Онъ съ крайнимъ огорченіемъ говорилъ о своемъ невыносимомъ положеніи въ Совѣтѣ по дѣламъ печати. Министръ смотритъ на вопросы мысли и печати какъ полицейскій чиновникъ; предсѣдатель Совѣта Щербининъ есть ничтожнѣйшее существо, готовое подчиниться всякому чужому вліянію, кромѣ честнаго и умнаго, а всему даетъ направленіе Фуксъ. Онъ доноситъ Валуеву о словахъ и мнѣніяхъ членовъ и предрасполагаютъ его къ извѣстнымъ рѣшеніямъ, настраивая его въ то-же время противъ лицъ, которыя имъ по чему-нибудь неугодны. Выходитъ, что дѣла цензуры, пожалуй, никогда еще не были въ такихъ дурныхъ, т. е. невѣжественныхъ и враждебныхъ мысли, рукахъ.

24. Пятница. Надняхъ напечатано было въ „Сѣверной Почтѣ“ рѣшеніе синода о проектѣ С—скаго на счетъ превращенія въ университетахъ каѳедры богословія въ апологетику противъ разныхъ анти-религіозныхъ мнѣній. Синодъ отклонилъ это предложеніе подъ предлогомъ, что въ университетахъ не открыты еще каѳедры ни каноническаго права, ни церковной исторіи, и преподаваніе богословія не установилось въ размѣрахъ, предполагаемыхъ новымъ университетскимъ уставомъ, а потому теперь нельзя и вводить въ него ничего новаго. Синодъ поступилъ очень благоразумно, не согласясь съ проектомъ С — скаго.

Надняхъ въ университетѣ произошла исторія. Студенты съ шумомъ и гамомъ потребовали отъ профессора физики Л., сына покойнаго Л., чтобы онъ оставилъ свою каѳедру, потому что онъ вовсе неспособенъ къ преподаванію, а когда инспекторъ

явился ихъ укрощать, то они его прогнали. Дѣйствительно, говорятъ Л. плохой преподаватель, а что касается до инспектора О., который еще при мнѣ былъ опредѣленъ, то это плохой инспекторъ.

Изъ старыхъ моихъ университетскихъ товарищей, Ивану Карловичу Гебгарту, приключился родъ удара, а Чивилевъ сломалъ ногу. Я сегодня навѣщалъ обоихъ. Чивилевъ еще въ постели. Но дворъ окружилъ его такимъ уходомъ и попеченіями, что не выздоровѣть его ногѣ нѣтъ возможности. Что-же касается дѣдушки Ивана, то ему это третье предостереженіе. Я нашелъ его, впрочемъ, внѣ опасности и довольно спокойнымъ, какъ и подобаетъ человѣку, на которомъ не лежитъ никакихъ особенныхъ обязанностей.

25. Суббота. Человѣкъ не бываетъ положительно ни золъ, ни добръ: тѣмъ и другимъ онъ бываетъ поперемѣнно отъ вліянія окружающей его среды и большей или меньшей силы влеченій къ чувственнымъ наслажденіямъ. Часто ему кажется, что онъ образовалъ себѣ извѣстный характеръ въ томъ или другомъ направленіи, тогда какъ все въ немъ есть дѣло случайностей, склоняющихъ его то въ ту, то въ другую сторону. И большею частью бываетъ такъ, что онъ не заслуживаетъ ни рѣшительнаго одобренія за свои добродѣтели, ни рѣшительнаго порицанія за свои пороки.

26. Воскресенье. Встрѣтился сегодня у ** съ Фуксомъ. Весьма дружеское пожатіе руки. Онъ принесъ съ собою ** книгу, которую управленіе по дѣламъ печати подвергло секвестру. Это переводъ сочиненія (?) о конституціи въ примѣненіи къ Россіи. Перевели ее и издали (К. Д.) Кавелинъ и (Бор. Исак.) Утинъ. Книга, какъ говоритъ Фуксъ, могла-бы еще пройти, предисловіе переводчиковъ, направленное прямо къ Россіи, оказалось невозможнымъ. Такъ какъ книгу велѣно отобрать, то она будетъ библіографическою рѣдкостью и ее нельзя будетъ прочесть. Фуксъ обѣщалъ мнѣ ее доставить.

29. Среда. Современная наука отвергаетъ всѣ вѣрованія, считая ихъ иллюзіями. Но она ставитъ на мѣсто ихъ другое вѣрованіе—идею прогресса. Но развѣ это тоже не иллюзія?

Обѣдалъ у Анны Михайловны Раевской вмѣстѣ съ В. М. Княжевичемъ и Казначеевымъ. До обѣда разбиралъ съ хо-

зяйкой черновыя бумаги Ломоносова, которыя хранятся у одного изъ потомковъ его—Орлова.—Много бумагъ написаны собственною рукою Ломоносова: почти всѣ онѣ касаются академическихъ дѣлъ. Ими пользовался уже Билярскій для составленія своего сборника матеріаловъ для біографіи Ломоносова.

31. Пятница. Умеръ *** въ Парижѣ. Я сейчасъ услышалъ объ этомъ отъ Грота, съ которымъ встрѣтился на Невскомъ проспектѣ. Около тридцати-пяти лѣтъ былъ я знакомъ съ ***. Часто знакомство, наше особенно въ началѣ, переходило въ тѣсную, повидимому, дружбу. Потомъ дружба эта охладѣвала и опять возстановлялась, но въ послѣдніе годы она окончательно остановилась на точкѣ замерзанія. Причиною этой измѣнчивости отношеній были подозрѣнія, возбуждаемыя во мнѣ поступками ***, не совсѣмъ согласовавшимися съ моимъ прямымъ и открытымъ поведеніемъ. Въ нихъ видѣлъ я что-то неискреннее и два раза онъ, дѣйствительно, нанесъ мнѣ большой вредъ. Въ первый разъ ему удалось меня съ нимъ примирить и я опять сталъ ему вѣрить, но послѣ втораго раза я уже сдѣлался осторожнѣе. Впрочемъ, вообще это былъ человѣкъ, неотличавшійся особенно яркими ни хорошими, ни дурными качествами. Его натура въ общемъ, пожалуй, была даже хорошая, но онъ неспособенъ былъ ни къ какой усиленной дѣятельности, ни къ какому движенію, которое могло-бы нарушить его спокойствіе и интересы. Онъ всегда принималъ на себя наружность самую благодушную, являлся всегда чистенькимъ, гладенькимъ, вымытымъ, приличнымъ и сочувствующимъ всему прекрасному и высокому. Но все это какъ-то отзывалось общими мѣстами. Всему этому недоставало той сердечности, силы и правдивости, которыя дѣлаютъ иногда человѣка какъ-бы шероховатымъ, неровнымъ, а между тѣмъ поселяютъ довѣріе къ его добротѣ, потому что въ ней видишь что-то живое, дѣйствительное, а не выисканное и насильственно въ себѣ сдѣланное. ** былъ всегда сдержанъ, но сдержанность эта происходила не отъ силы характера, а была слѣдствіемъ опасеній, какъ-бы не сдѣлать и не сказать чего-нибудь для себя предосудительнаго — слѣдствіемъ неспособности почувствовать что-нибудь глубоко и проявить свои чувства реально и рельефно.

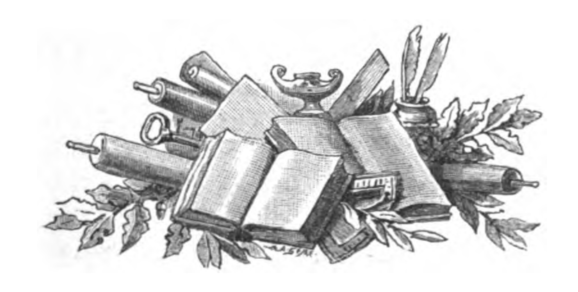
Самое важное въ человѣческой жизни это—умѣніе что-нибудь сдѣлать. Это не умъ, не доблесть, не геній, но это выше

и ума, и доблести, и генія. Это то, чѣмъ люди бываютъ полезны и себѣ и другимъ. Безъ сомнѣнія, умѣнье это развивается съ дѣтства и совершенствуется постояннымъ упражненіемъ, навыкомъ. Но первоначальная причина его лежитъ въ той общей животной смышленности, которою всякое живое существо надѣлено для собственнаго самоохраненія. Но я, по какой-то странной игрѣ, немилости или капризу природы, вовсе лишенъ этого драгоцѣннаго качества. Я ничего не умѣлъ и не умѣю сдѣлать. Меня очень рано, еще въ дѣтствѣ, начала соблазнять мечта какой-то высокой будущности, славныхъ и великихъ подвиговъ и я, такимъ образомъ, началъ тогда уже испаряться въ обширныхъ замыслахъ въ безконечномъ пространствѣ и ничему не выучился, т. е. ничего дѣльнаго не выучился дѣлать... Такъ точно я не выучился и житейскому искусству, напримѣръ, искусству поддерживать отношенія съ людьми такъ, чтобы располагать ихъ въ пользу и въ выгоду себѣ и другимъ.

Конецъ 1865 года.

А. В. Никитенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Какъ изъ-за моря,
Изъ-за синяго
Возвращается
Добрый молодецъ:
Много молодцу
Вображается,
Про себя онъ самъ
Усмѣхается:
„Свѣту батюшкѣ,
Родной матушкѣ
Поклонюся я;
Съ красной дѣвицей
Поцѣлуюся;
Золотымъ кольцомъ
Обмѣняюся,
Золотымъ вѣнцомъ
Обвѣнчаюся
Съ моей суженой,
Съ моей ряженой,
Съ моей вѣрною
Полюбовницей!“

Какъ изъ-за моря,
Изъ-за синяго
Воротился свѣтъ
Добрый молодецъ:
Его батюшка
Во сырой землѣ,
Родна матушка
На чистомъ столѣ,
Красна дѣвица
Отказалася,
Съ другимъ молодцемъ
Обвѣнчалася,
А товарищи,
А разгульные
Съ добрымъ молодцемъ
Повстрѣчалися,
Безталанному
Насмѣялися!

1838 г.

Вильгельмъ Карл. Кюхельбекеръ.
† 1846 г.

ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНІЯ Н. М. КОЛМАКОВА

съ 1816-го года.

[Окончаніе].

V [1]).

Министръ юстиціи графъ Панинъ.—Товарищи министра: Шереметевъ, Илличевскій, Д. Н. Замятнинъ. — Директоры: Данзасъ, Капгеръ, Карніолинъ-Пинскій.—С. И. Зарудный.—М. Н. Любощинскій.

При поступленіи моемъ въ министерство юстиціи (1844 г.) графъ Викторъ Никитичъ Панинъ былъ министромъ, товарищемъ его Василій Александровичъ Шереметевъ, а директоромъ департамента—Борисъ Карловичъ Данзасъ. Впослѣдствіи Шереметева замѣнилъ Илличевскій, а сего послѣдняго—Замятнинъ. Послѣ Данзаса директорами были: Капгеръ, а потомъ Карніолинъ-Пинскій и, наконецъ, Топильскій. Вотъ о нихъ я и поведу свою рѣчь.

О графѣ Панинѣ и Топильскомъ мною уже былъ составленъ біографическій очеркъ, напечатанный въ журналѣ „Русская Старина“ изд. 1887 г. Все описанное о первомъ я снова подтверждаю и скажу вкратцѣ, что это былъ мужъ своего времени съ отличной стороны. Для него законъ былъ писанъ, онъ его чтилъ и ставилъ превыше всего. Доклады свои государю онъ представлялъ съ полною откровенностію и по крайнему своему убѣжденію, основанному, разумѣется, на законѣ. Всѣ подчиненные его это знали, а

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1891 г., т. LXX, апрѣль, стр. 23—43; май, стр 449—469; іюнь, стр. 657—679.

потому смѣло выражали свое убѣжденіе по дѣламъ, не спрашивая напередъ, какъ онъ хочетъ или какъ онъ думаетъ. Все это было объяснено мною въ означенной статьѣ, а потому, во избѣжаніе повтореній, перехожу къ его товарищу.

Шереметевъ, предъ назначеніемъ его въ товарищи министра юстиціи, былъ черниговскимъ губернаторомъ и отличался, какъ говорятъ, быстротою въ своихъ распоряженіяхъ и строгостію во взысканіяхъ съ подчиненныхъ. Онъ былъ даже рѣзокъ и, какъ говорятъ, не могъ видѣть въ подчиненныхъ красного носа. По его понятіямъ, красный носъ — это вѣрный признакъ пьянства. Встрѣчая при ревизіяхъ своихъ по губерніямъ чиновника съ краснымъ носомъ, онъ его сразу опѣшивалъ: „пьяница", говорилъ онъ и выгонялъ изъ службы. Объ его юридическихъ знаніяхъ и направленіи я ничего не могу сказать, ибо ни въ одномъ дѣлѣ не встрѣчалъ ничего такого, что могло-бы мнѣ дать понятіе объ его взглядахъ. Онъ подписывалъ бумаги, кои ему представлялись, причемъ самая подпись была особенно своеобразна. Это было нѣсколько прямыхъ линеечекъ безъ всякаго очертанія буквъ, но съ огромнымъ росчеркомъ. Потомки его, или историки, будутъ въ большомъ затрудненіи, глядя на его подпись, опредѣлить—кому она принадлежитъ. Подписавъ бумагу, онъ, бывало, склонивъ голову на-лѣво, всегда окидывалъ подпись свою взоромъ, какъ она у него вышла. Улыбка на его лицѣ выражала, что онъ доволенъ; однимъ словомъ, подпись его занимала. Начальники отдѣленій, ѣздившіе къ нему въ Коломну, гдѣ онъ жилъ въ домѣ Трубецкаго, съ докладомъ, обязаны были, представляя ему бумагу для подписи, быстро и ловко засыпать изъ песочницы, которая стояла тутъ-же на столѣ и не отличалась фигурою своею ничѣмъ отъ чернильницы.

Вотъ разъ случилась такая бѣда съ начальникомъ отдѣленія, Касторомъ Никифоровичемъ Лебедевымъ: онъ, представляя Шереметеву бумагу для подписи, вооружился, по разсѣянности, вмѣсто песочницы, чернильницею. Не успѣлъ Шереметевъ подписать, какъ Лебедевъ махнулъ всею массою чернилъ и, о ужасъ! обдалъ и столъ и руки своего начальника нежелаемою массою! Шереметевъ вскочилъ съ растопыренными пальцами и уставилъ гнѣвныя свои очи въ Лебедева, да такъ и остался, а Лебедевъ за лучшее счелъ попятиться назадъ и, не произнося ни слова, съ наклоненною головою, мало-по-малу, убраться по добру и здорову туда, откуда пріѣхалъ, т. е. въ департаментъ. Случай этотъ для Лебедева былъ печальный: онъ уже не ѣздилъ съ докладомъ къ Шереметеву и карьера его затуманилась.

Въ день пріема просителей, къ Шереметеву ѣздили на домъ дежурные изъ молодыхъ чиновниковъ. Дошла очередь и до меня,—я прибылъ къ нему рано утромъ. Шереметевъ вышелъ и, подойдя ко мнѣ, спросилъ рѣзко и отрывисто: „Университетскій?“ Я отвѣчалъ утвердительно. „Московскій?“—„Нѣтъ, петербургскій“, возразилъ я. Тѣмъ и кончились наши объясненія.

Засимъ я долженъ былъ ходить за нимъ слѣдомъ, когда онъ подходилъ къ просителямъ, чтобы отбирать отъ нихъ бумаги и передавать ихъ мнѣ. Въ этотъ разъ ему представлялся какой-то помѣщикъ изъ Саратова. Когда Шереметевъ къ нему приблизился и сдѣлалъ вопросительную мину, помѣщикъ умилительно сказалъ: „Я съ вами, ваше высокопре—ство, въ Саратовѣ, во время вашего пребыванія тамъ, имѣлъ счастье играть въ бостонъ!“—„Да?“ спросилъ протяжно Шереметевъ. „Да!“ отвѣчалъ помѣщикъ. Засимъ послѣдовало молчаніе, обоюдные поклоны, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій.

Мнѣ извѣстенъ особый случай, въ коемъ Василій Александровичъ выказалъ свою находчивость.

Въ прежнее время у нашихъ вельможъ воспитателями ихъ дѣтей нерѣдко были иностранцы и по преимуществу нѣмцы и французы; ихъ записывали на службу и они получали чины, а по окончаніи воспитанія эти иностранцы, по протекціи тѣхъ-же вельможъ, получали казенныя мѣста, съ выгоднымъ окладомъ.

Вотъ одна изъ такихъ личностей, французъ, былъ прокуроромъ, кажется, въ Оренбургскомъ краѣ, и, послѣ многихъ лѣтъ, пріѣхалъ въ Петербургъ представляться. Шереметевъ, въ отсутствіе графа Панина, управлялъ министерствомъ, и вотъ къ нему нашъ прокуроръ и отправился, а по обычаю востока, явился съ подаркомъ — великолѣпнѣйшимъ бухарскимъ халатомъ.

Подходя къ Шереметеву, прокуроръ, съ умиленіемъ, держа въ рукахъ халатъ, преподнесъ ему оный, сказавъ при этомъ, разумѣется, пышную хвалебную рѣчь. „Браво!“ сказалъ Шереметевъ: „надѣньте-ка халатъ!“ Прокуроръ облачился. „Накройтесь-ка шляпою“, и это исполнено; „а теперь ступайте вонъ!“ Послѣднее слово было сказано такъ выразительно и громко, что мой прокуроръ, подобравъ поспѣшно полы халата, очутился на улицѣ, въ восточномъ одѣяніи, и оглядывался назадъ: не угрожаетъ-ли опасность его затылку; но до этого не дошло! Само собою, онъ былъ вскорѣ затѣмъ уволенъ отъ службы.

Оканчивая очеркъ о Шереметевѣ, скажемъ, что между нимъ и графомъ Панинымъ не было никакой пріязни. Это были двѣ

натуры совершенно разныя. Одинъ: графъ Панинъ, съ глубокимъ всестороннимъ образованіемъ и обширными взглядами, другой—Шереметевъ, съ легкимъ знаніемъ французскаго языка и усвоенными тенденціями начальническаго режима, годными по преимуществу для губернской службы и канцеляріи того времени. Вотъ и только!

По выходѣ Шереметева изъ министерства, товарищемъ Панина былъ назначенъ Платонъ Демьяновичъ Илличевскій. Онъ, какъ извѣстно, служилъ при графѣ Сперанскомъ и былъ помощникомъ статсъ-секретаря въ государственномъ совѣтѣ. Назначеніе его въ товарищи было слѣдствіемъ ходатайства и выбора самого графа Панина. П. Д. Илличевскій былъ чрезвычайно мягкаго характера, обходителенъ до крайности и ничего начальническаго въ немъ не проявлялось. Это былъ человѣкъ совершенно противоположнаго характера съ Шереметевымъ. Дѣятельность Илличевскаго заключалась единственно въ пропускѣ маловажныхъ, пустыхъ сенатскихъ опредѣленій и въ разсмотрѣніи докладовъ по просьбамъ частныхъ лицъ о содѣйствіи министерства къ скорѣйшему окончанію дѣлъ ихъ, или въ губернскихъ судебныхъ мѣстахъ, или въ сенатѣ. Подобныя просьбы разрѣшались всѣ единообразно. Обыкновенно министерство предписывало мѣстнымъ прокурорамъ, а если дѣло производилось въ сенатѣ, то оберъ-прокурорамъ, о наблюденіи за скорѣйшимъ окончаніемъ дѣлъ, о коихъ шла рѣчь. Если-же проситель жаловался по существу дѣла, то министерство указывало ему, что за силою 213 и 214 ст., т. I, учр. министерствъ, оно не можетъ входить въ разсмотрѣніе дѣлъ по существу, прежде нежели они дойдутъ до него установленнымъ порядкомъ. Были, разумѣется, исключенія изъ сего, но очень рѣдко. Эти единообразныя формы рѣшеній по частнымъ просьбамъ и подписываніе бумагъ одного и того-же содержанія опостыли Платону Демьяновичу до-нельзя, но перемѣнить этого порядка онъ не могъ или не съумѣлъ. Курьеры вносили ему въ кабинетъ каждый день кипы пустыхъ бумагъ къ подписи. Онъ сначала терпѣливо подписывалъ подъ ними свою фамилію полными буквами, но потомъ, мало-по-малу, началъ сокращать и, наконецъ, дошло до того, что чиркалъ только буквы Илл..... и не болѣе. Министръ его, по обыкновенію, не видалъ и не входилъ съ нимъ ни въ какія дѣловыя объясненія, все дѣлалось особнякомъ; въ нужныхъ случаяхъ Михаилъ Ивановичъ Топильской сообщалъ ему то, что министръ хотѣлъ. Въ сенатъ и государственный совѣтъ, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, Илличевскій не ѣздилъ. Такъ проходили дни, мѣсяцы и годы. Наконецъ, стали подмѣчать, что Платонъ Демьяновичъ началъ подписывать бумаги не въ гори-

зонтальномъ направленіи, а въ кривомъ, т. е. сверху внизъ или наоборотъ. Онъ видимо болѣлъ, скорбѣлъ и тяготился своимъ положеніемъ, въ особенности умственною бездѣятельностію. Подъ конецъ своей жизни онъ призывалъ къ себѣ начальниковъ отдѣленія или директора департамента Топильскаго и начиналась такая бесѣда: „А что", говорилъ онъ: „нѣтъ-ли чего-либо новаго?" Потомъ переходилъ къ наградамъ, указывая то на одного, то на другаго, получившихъ не въ очередь отличія и, наконецъ, упоминая съ горестью о себѣ, заключалъ бесѣду тѣмъ, что вотъ у него нѣтъ бриліантовъ на имѣющейся у него звѣздѣ! Стенанія сіи и вопросы повторялись все чаще и чаще и всѣ уразумѣли, что нашъ Илличевскій заговаривается и что онъ тронулся въ разсудкѣ. Въ минуты спокойствія онъ иногда говорилъ и такъ: „Знаете-ли что? Всякій человѣкъ, при бездѣятельности ума, можетъ свихнуться!" Предсказаніе его исполнилось: онъ заболѣлъ и умеръ отъ размягченія мозга. А такъ, самъ по себѣ, онъ былъ человѣкъ добрый и честный, но далеко не дѣловой.

По смерти П. Д. Илличевскаго, возникъ вопросъ о томъ, кого назначить на мѣсто его? Ради сего М. П. Топильской собралъ нѣкоторыхъ начальниковъ отдѣленій департамента, въ числѣ которыхъ былъ и я, и объявилъ намъ волю графа Панина о томъ, чтобы мы, вмѣстѣ съ нимъ, обсудили и указали, кто лучше изъ сенаторовъ могъ-бы быть ему товарищемъ? Само собою, мы не сразу развязали свои языки и больше прималчивали, думая, нѣтъ-ли здѣсь какой-либо хитрости. Но онъ самъ высказалъ свое мнѣніе.

— „Вотъ",—говорилъ онъ: „сенаторъ, князь С. П. Давыдовъ, человѣкъ уступчивый, образованный и могъ бы быть, кажись, товарищемъ, но бѣда въ томъ, что онъ армянинъ, пожалуй, измѣнитъ, а главное у него жена полуумная, останавливаетъ на улицѣ царя и обременяетъ его разными вопросами и просьбами; нельзя!"—заключилъ онъ.—„Ну, вотъ другой сенаторъ",—продолжалъ Топильской,—„Дмитрій Николаевичъ Замятнинъ,—что вы скажете? Человѣкъ онъ хорошаго общества и тона, видный, образованный, добрѣйшій; правда, лѣнивъ, но это не бѣда.... Ну, какъ вы думаете?" Мы всѣ хоромъ подтвердили доброе мнѣніе его о Дмитріи Николаевичѣ, и Михаилъ Ивановичъ Топильской прекратилъ бесѣду.

Это, такъ сказать, были закулисные разговоры, съ цѣлью, что вотъ кто-нибудь изъ насъ впослѣдствіи передастъ Замятнину его взглядъ на него; вѣдь Топильской, какъ извѣстно, не даромъ отличался прозорливостію. Можно было думать, что вопросъ о назначеніи Замятнина товарищемъ министра былъ рѣшенъ графомъ Панинымъ до нашей бесѣды съ Топильскимъ. Засимъ чрезъ

нѣкоторое время, огласилось, что Замятнинъ назначенъ товарищемъ министра юстиціи.

Все шло пока по старому, но Д. Н. Замятнинъ потребовалъ личныхъ докладовъ ему начальниками отдѣленій.

Сіи послѣдніе являлись къ нему запросто съ бумагами и прежде подписи должны были доложить ему, какія дѣла представлялись министру и какія резолюціи послѣдовали отъ него. Это ему дало возможность узнать, что̀ дѣлалось въ министерствѣ, а главное—познакомиться ближе со всѣми производителями, что и дало ему случай, впослѣдствіи, дать имъ назначеніе, соотвѣтствующее ихъ способностямъ. Вообще съ подчиненными онъ былъ крайне привѣтливъ. Притомъ онъ безъ пропуска посѣщалъ дни засѣданія консультаціи, по субботамъ. Ко всему этому добавимъ, что онъ обладалъ отличною памятью, разсказывая опредѣлительно о работахъ своихъ, произведенныхъ имъ задолго предъ симъ, во время служенія своего во II-мъ отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи—при Сперанскомъ.

Описывая Д. Н. Замятнина, какъ способнѣйшаго, сердечнаго и приснопамятнаго государственнаго мужа, я не могу не разсказать одной странной стороны его:—это своеобразное сидѣніе имъ въ своемъ кабинетѣ. Разумѣется, это было не всегда, но являлись, однакожъ, случаи, кои бросались въ глаза и служили предметомъ разговора Михаила Ивановича Топильскаго со своими служащими. Вотъ въ чемъ дѣло: Димитрій Николаевичъ умудрялся иногда, читая доклады, класть ноги на свой письменный столъ, такъ что вошедшему въ его кабинетъ были видны сначала только подошвы отъ сапогъ его, а голова и туловище Замятнина были незримы для посѣтителя. Такое сидѣніе не смущало никого; всѣ знали его привычки. Одно было не хорошо, что подошвы его сапогъ не всегда отличались крѣпостію. Само собою разумѣется, что объясняясь съ кѣмъ-нибудь вошедшимъ въ кабинетъ, уродливое его сидѣніе прекращалось. Что все это означало?—„Да ничего",—говорилъ Топильской: „онъ любитъ покой, вѣритъ въ то, что всего не передѣлаешь, да и торопиться-то некуда! Вотъ онъ и нѣжится; по нашему это называется лѣнью!"

Я не вхожу въ разборъ заслугъ Д. Н. Замятнина по введенію судебной реформы. Это особый предметъ, заслуживающій самаго точнаго и подробнаго изложенія. Во всякомъ случаѣ, необходимо сказать, что успѣхъ реформы главнѣйшимъ образомъ обусловливался подготовкою людей во время управленія графа Панина министерствомъ и дѣятельностью ихъ въ то время, когда эти лица

состояли при Д. Н. Замятнинѣ и вообще служили по судебному вѣдомству.

Засимъ перехожу къ очертанію дѣятельности другихъ личностей министерства юстиціи, панинскаго времени:

Директоръ департамента Борисъ Карловичъ Данзасъ оставилъ по себѣ добрую память; онъ былъ человѣкъ пишущій, опытный, дѣловой, хорошаго общества и уважаемый министромъ. По жизни онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ семействомъ свѣтлѣйшаго князя Дмитрія Владиміровича Голицына, бывшаго московскимъ генералъ-губернаторомъ, у коего Данзасъ и началъ свое служеніе. Обстоятельство это дало поводъ говорить, что будто-бы Данзасъ побочный сынъ князя Д. В. Голицына. Послѣ выхода Данзаса изъ департамента юстиціи, онъ поступилъ оберъ-прокуроромъ 1-го департамента сената. Служеніе мое при немъ было не долго.

Равнымъ образомъ и управленіе г. Капгеромъ департаментомъ было весьма не продолжительно, такъ что я не считаю возможнымъ говорить о немъ много. Когда Капгеръ былъ членомъ консультаціи при министерствѣ, его считали также пишущимъ, дѣловымъ и даже называли мудрымъ.

Послѣ него, въ 1845 году, назначенъ былъ директоромъ Матвѣй Михайловичъ Карніолинъ-Пинскій. Съ назначеніемъ его въ директоры, департаментъ министерства юстиціи дѣлается мѣстомъ, гдѣ, подъ руководствомъ его, образовались лучшіе молодые люди и откуда вышли тѣ дѣятели, кои оставили свои имена на страницахъ исторіи о судебной реформѣ въ Россіи. Скажу кратко о немъ: онъ былъ чтимъ, уважаемъ и любимъ подчиненными, а потому имя его, какъ наставника и начальника, должно сохраниться у нихъ навсегда! Вслѣдствіе сего, я считаю своею обязанностію, отнестись къ его біографіи нѣсколько подробнѣе, чѣмъ о другихъ.

Родина Матвѣя Михайловича (онъ р. 1798 г.)—Сосницкій уѣздъ, Черниговской губ., а первоначальное воспитаніе—въ Смоленской гимназіи. Службу свою онъ началъ по учебному вѣдомству въ 1816 г. по окончаніи курса наукъ въ с.-петербургскомъ педагогическомъ институтѣ. Кстати сказать, этотъ институтъ преобразованъ былъ, въ 1819 г., въ университетъ. Сначала Матвѣй Михайловичъ назначенъ былъ въ Симбирскую гимназію учителемъ естественной исторіи, технологіи и коммерціи. Любовь къ естественнымъ наукамъ, и особенно къ ботаникѣ и цвѣтамъ, онъ сохранилъ до глубокой старости и эту страсть онъ умѣлъ передать и своимъ сослуживцамъ. Кто былъ его подчиненнымъ и съ кѣмъ онъ былъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ, тотъ непремѣнно былъ и цвѣтоводомъ. Я изъ скромности умалчиваю

объ именахъ его учениковъ, изъ числа коихъ нѣкоторые и теперь живы,—всѣ они цвѣтоводы. По наружности—и въ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ былъ еще весьма видный мужъ, который невольно останавливалъ на себѣ взоры и вниманіе зрителя, а въ молодости, можно съ увѣренностію сказать, что онъ былъ красивъ собою. Высокій ростъ, правда нѣсколько сутуловатый, но это не портило всего стана, лице чистое, бѣлое, глаза голубые, пытливые, вьющіеся волосы, всегда щеголеватый костюмъ, все это сразу заставило симбирское общество обратить на него вниманіе. Къ этому нужно прибавить даръ слова, извѣстная энергія въ характерѣ и въ выраженіяхъ, умѣніе излагать свой научный предметъ вразумительно поставляли его на первую ступень между симбирскими учителями. При всемъ этомъ онъ давалъ уроки, читалъ публичныя лекціи по своимъ предметамъ, и привлекалъ много слушателей. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Вслѣдъ за симъ явилась зависть, интриги, жалобы, взысканія, а въ 1825 г., т. е. чрезъ 9 лѣтъ своего служенія по учебному вѣдомству, Пинскій долженъ былъ оставить прежнюю службу и перейти въ штатъ канцеляріи московскаго военнаго генералъ-губернатора Дмитрія Владиміровича Голицына. По замѣчанію одного современника („Рус. Ст." 1875 г., № 8), Христофорова, Пинскій въ средѣ симбирской педагогіи былъ, такъ сказать, пришлецъ изъ другаго міра. Его не могли понять ни директоръ, ни товарищи его, ни само высшее начальство.

Канцелярія московскаго генер.-губернатора, въ былое время, была лучшимъ мѣстомъ, гдѣ работали и откуда вышло много полезныхъ, честныхъ и благородныхъ людей, такъ, по крайней мѣрѣ, отзывались о ней современники. Въ канцеляріи этой Пинскаго пріурочили сначала къ уголовной экспедиціи, а затѣмъ онъ опредѣленъ (въ 1827 г.) губернскихъ уголовныхъ дѣлъ стряпчимъ. Въ должности этой онъ производилъ много уголовныхъ слѣдствій особенной важности, и нѣсколько разъ исправлялъ должность губернскаго прокурора, а затѣмъ (въ 1832 г.) переведенъ въ департаментъ министерства юстиціи начальникомъ отдѣленія. Переходъ этотъ состоялся по личному усмотрѣнію бывшаго тогда министра юстиціи Дмитрія Васильевича Дашкова, который, во время пребыванія своего въ Москвѣ, умѣлъ оцѣнить Матвѣя Михайловича.

Министръ Дашковъ, въ свое время, считался однимъ изъ умнѣйшихъ людей и дѣльныхъ начальниковъ. Въ 1837 году Пинскій былъ уже оберъ-прокуроромъ уголовнаго департамента сената, а въ 1845 г. 15-го мая назначенъ директоромъ департамента министерства юстиціи, чрезъ пять лѣтъ, именно въ 1850 году, онъ былъ сенаторомъ, а въ 1852 г. участвовалъ въ комитетѣ для разсмотрѣнія

новаго устава гражданскаго судопроизводства. Въ послѣдующихъ годахъ онъ состоялъ въ комиссіи, составленной при государственномъ совѣтѣ, для начертанія судебныхъ уставовъ. Наконецъ, въ 1866 году произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и въ томъ-же году 26 декабря, въ званіи первоприсутствующаго уголовнаго кассаціоннаго департамента, на 68 году своей жизни, отошелъ въ вѣчность. Онъ имѣлъ Александровскую ленту, а затѣмъ, я освобождаю себя и читателя отъ перечисленія многихъ порученій, кои онъ исполнялъ во время своего сорокалѣтняго служенія по судебному вѣдомству.

Это такъ называемая служебная его карьера, но внутренняя его жизнь, семейная, омрачена была бракоразводнымъ дѣломъ съ своею женою Надеждою Ивановною, урожденною Стародубскою. Да, это былъ несчастный періодъ его жизни, едва не уложившій его окончательно. Жена его была дочь извѣстной трагической актрисы Екатерины Семеновны Семеновой, вышедшей впослѣдствіи замужъ за князя Гагарина. Бракъ Пинскаго состоялся въ 1833 г. при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Все предвѣщало ему счастье, но увы! любя ее нѣжно и страстно, онъ, съ первыхъ же дней супружества, съ грустію замѣчалъ въ ней и нарушеніе приличій, и злонравіе, и непокорность, но пока все держалось въ предѣлахъ обыкновенной жизни. Въ 1834 году она уѣхала въ Москву на время, а въ 1837 году уже совсѣмъ оставила мужа и поселилась въ Москвѣ, состоя въ связи съ купцомъ Фирсановымъ. Самолюбіе Пинскаго сильно страдало; положеніе его дѣлалось невыносимымъ; до него въ 1845 г. дошли положительные слухи, что жена его нѣсколько разъ, при разлукѣ съ нимъ, рождала дѣтей, скрывая и сдавая ихъ въ воспитательный домъ и что, наконецъ, она опять въ состояніи беременности. Пинскій возымѣлъ мысль воспользоваться такимъ положеніемъ своей супруги, доказать ея невѣрность и получить разводъ.

Дѣло начато по его просьбѣ въ 1845 г. въ московской духовной консисторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ возникло преслѣдованіе ея, или, лучше сказать, гонка за нею по городамъ, куда она скрывалась. Повѣренный Пинскаго, нѣкто Калайдовичъ, горячо преслѣдовалъ ее, стараясь, чтобы ее подвергнуть освидѣтельствованію, но она, подъ защитой мѣстныхъ властей и врачей, уклонялась отъ этого; само собою, беременность ея располагала къ сочувствію. Преслѣдованіе это часто переходило за предѣлы должнаго приличія и уваженія къ Пинской, какъ къ женщинѣ; посему нашлись защитники ея и справедливо укоряли Пинскаго въ жестокосердіи и, дѣйствительно, Пинскій въ этомъ дѣлѣ терялъ иногда всякое само-

обладаніе, дѣлался до нельзя раздражительнымъ, былъ мученикомъ. Однимъ словомъ, жизнь его съ 1845 по 1853 г., когда дѣло кончилось, омрачена была самымъ злосчастнымъ образомъ. Самое дѣло производилось въ с.-петербургскихъ судебныхъ мѣстахъ, сенатѣ и доходило до государственнаго совѣта, гдѣ и рѣшено 4-го августа 1853 г. Рѣшеніемъ симъ Пинская обвинена въ нарушеніи супружеской вѣрности, предана церковному покаянію, съ заключеніемъ въ монастырь. Супруги были разведены, но въ январѣ мѣсяцѣ 1857 г. послѣдовало особое высочайшее повелѣніе объ освобожденіи Пинской отъ заключенія въ монастырѣ. Само собою, она уже не была супругой Матвѣя Михайловича Пинскаго.

Такъ прошло для Пинскаго мучительныхъ лѣтъ 20, если считать съ начала супружества, а потому, весьма естественно, что его здоровье пострадало отъ этого дѣла. Дѣло было громкое и на устахъ всѣхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ грязное, какъ всякій бракоразводный процессъ. Вслѣдствіе этого, мы не излагали всѣхъ подробностей онаго, хотя въ рукахъ нашихъ есть всѣ данныя. Состоянія онъ никакого не имѣлъ; въ молодости онъ жилъ уроками и литературою, а въ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ былъ, кажется, соопекуномъ по дѣламъ Саломирскихъ, вѣроятно, получая за это извѣстный процентъ; въ 1864 г. онъ пожалованъ арендою на 12 лѣтъ, въ три тысячи рублей. Вотъ и только! Въ 1846 г. я былъ секретаремъ при немъ и успокаивалъ его, какъ могъ. Въ то время въ департаментѣ служилъ нѣкто—Тимоѳѣевъ-поэтъ. Онъ написалъ слѣдующіе стихи:

Если хочешь быть доволенъ,
Слыть счастливцемъ межъ людей,
Будь рѣшителенъ, спокоенъ.
Будь царемъ своихъ страстей!

Я прочиталъ Пинскому эти стихи не безъ умысла. Въ отвѣтъ на это онъ мнѣ сказалъ слѣдующее:

„Стоитъ столбъ при дорогѣ,
Всѣмъ дорогу кажетъ
Да самъ нейдетъ!“

По его словамъ, моя главная обязанность при немъ состояла въ томъ, чтобы слѣдить за выпускными студентами изъ университета по юридическому факультету и приглашать ихъ на службу. Такимъ образомъ многіе, по моему приглашенію, получили мѣста и впослѣдствіи были отличными служаками.

Объясняясь съ молодыми людьми, онъ сразу, такъ сказать, отгадывалъ ихъ способности. „Вотъ этотъ годится!“ говорилъ онъ, „а этотъ ничего не стоитъ, швахъ!“ Такой приговоръ его былъ вѣренъ.

Кончимъ о Пинскомъ тѣмъ, что графъ Панинъ относился къ нему съ уваженіемъ и всякое его представленіе или мнѣніе было имъ уважаемо.

Засимъ перейдемъ къ другимъ лицамъ департамента юстиціи, оставившимъ по себѣ, въ періодъ 1844—1860 годовъ, добрую память какъ въ самомъ министерствѣ, такъ и впослѣдствіи при дальнѣйшемъ движеніи по службѣ. Къ этимъ лицамъ я причисляю въ особенности М. Х. Рейтерна, С. И. Зарудна го, М. Н. Любощинскаго.

Первый изъ нихъ, кажется, началъ свою службу въ III-мъ отдѣленіи гражданскихъ дѣлъ, былъ нѣсколько времени столоначальникомъ, но не долго: онъ вскорѣ переведенъ въ департаментъ герольдіи товарищемъ герольдмейстера и оттуда уже карьера его, по министерству финансовъ, получила дальнѣйшее развитіе. Всѣ мы знали, что онъ состоитъ подъ особымъ покровительствомъ поэта В. А. Жуковскаго, женатаго на Рейтернъ, а потому не были удивлены быстрому повышенію его по службѣ. Пинскій, впрочемъ, не признавалъ за нимъ дѣловыхъ способностей.

По выходѣ М. Х. Рейтерна, С. И. Зарудный сдѣлался столоначальникомъ. Съ этимъ назначеніемъ Зарудный началъ серьезно относиться къ занятіямъ и знакомиться съ дѣломъ. Извѣстно, что онъ окончилъ курсъ въ харьковскомъ университетѣ по математическому факультету, а потому ему пришлось не безъ труда знакомиться съ юриспруденціей и вообще съ законами. Но это его не пугало; онъ быстро усвоилъ себѣ все то, что оказывалось необходимымъ прочесть изъ положительнаго права и научныхъ предметовъ.

Состоя въ званіи столоначальника, гдѣ преобладала только формальная сторона дѣла, т. е. по преимуществу одна служебная отписка, онъ не могъ ни выказать, ни развить свои способности. Дарованія его выяснились только съ назначеніемъ его на консультацію, сперва помощникомъ юрисконсульства, а потомъ старшимъ юрисконсультомъ. Мѣсто это, въ прежнее время, соединено было съ важными занятіями: на консультаціи разсматривались сенатскія опредѣленія по общимъ собраніямъ, поступившія въ министерство за разногласіемъ гг. сенаторовъ. На немъ лежалъ трудъ составленія предложеній министра общему собранію, а главное, писать заключенія по дѣламъ, производившимся въ государственномъ совѣтѣ. Предложенія общему собранію подписывались министромъ и старшимъ юрисконсультомъ,

и одно это уже возлагало на него обязанность относиться къ сему съ полнымъ вниманіемъ. Составляя доклады по тѣмъ дѣламъ, кои ему непосредственно поручались министромъ юстиціи, онъ считалъ своею непремѣнною обязанностію разучивать и тѣ дѣла, кои поступили на консультацію и поручались для доклада другимъ лицамъ. Съ этими лицами онъ вступалъ предварительно въ обстоятельныя объясненія, понуждая ихъ, такимъ образомъ, относиться къ дѣлу весьма серьезно. Около него образовалась, такъ сказать, школа юныхъ юристовъ. Собраніе ихъ было по пятницамъ, у насъ на квартирѣ, т. е. наканунѣ консультаціи, которая была по субботамъ. Мнѣніе своихъ учениковъ-сослуживцевъ онъ не стѣснялъ при докладѣ, но не лишалъ и себя права въ то-же время представлять консультаціи свои объясненія и взгляды. Само собою, побѣда, по преимуществу, оставалась на его сторонѣ.

Предложенія, написанныя Заруднымъ, отличались такимъ логическимъ развитіемъ и разнообразіемъ, что невольно вызывали общее удивленіе, какъ въ сенатѣ, гдѣ оные слушались, такъ и со стороны министра.

Разъ пришло графу Панину на мысль, что хорошо-бы составить и усвоить одну и ту-же общую форму даваемыхъ имъ предложеній общему собранію, и впослѣдствіи уже держаться этой формы.

Мысль эта сообщена была Зарудному, и вотъ онъ взялъ на выдержку одно дѣло и составилъ по оному нѣсколько предложеній, разнообразя ихъ въ формѣ изложенія, но при одномъ и томъ-же результатѣ, т. е. рѣшеніи.

Графъ Панинъ, читая ихъ, былъ удивленъ и затрудненъ, не зная какой формѣ, при разнообразіи изложенія, отдать преимущество, такъ онѣ были всѣ хороши, удобопонятны, ясны и юридически вѣрны.

Онъ позвалъ Заруднаго и сказалъ ему: „Извините меня, Сергѣй Ивановичъ, что я позволилъ себѣ указывать вамъ о формѣ предложеній! Я вижу, что вы мастеръ своего дѣла, а мастера учить значитъ портить дѣло. Пишите какъ вамъ заблагоразсудится!“

Въ другой разъ, читая его предложеніе по дѣлу о земляхъ г. Смоленска, графъ Панинъ сказалъ, что если-бы въ жизни своей онъ хотя одинъ разъ написалъ такое предложеніе, то онъ сознавалъ-бы, что его жизнь не прошла даромъ. Это логическое развитіе, при разнообразіи изложенія, есть послѣдствіе усвоенія и изученія С. И. Заруднымъ математическихъ наукъ и метода, гдѣ всякое положеніе вытекало изъ предыдущаго и доказаннаго и гдѣ одна и та-же задача можетъ быть рѣшена разными способами.

Относясь къ дѣлу со всею присущею ему энергіею, онъ часто впадалъ въ безсиліе, а главное—страдалъ глазами. Для поправленія своего здоровья, онъ получилъ отпускъ заграницу и отправился въ Туринъ. Въ это время въ Сардиніи вырабатывался кодексъ законовъ, который есть нѣкоторымъ образомъ дальнѣйшее развитіе Code Napoleon, и вотъ Зарудный со всѣмъ рвеніемъ занялся сначала изученіемъ италіанскаго языка, а потомъ и самого тамошняго права.

Изданное имъ, впослѣдствіи, на русскомъ языкѣ италіанское гражданское уложеніе, сравнительно съ русскими законами, и переводъ поэта Тасса свидѣтельствуютъ до какой степени онъ былъ талантливъ и способенъ къ самимъ сложнымъ предметамъ и работамъ. Дѣлая переводъ италіанскаго гражданскаго уложенія, душа его мечтала объ уложеніи русскомъ, но ему не привелось участвовать въ этомъ дѣлѣ, которое теперь озабочиваетъ правительство. Но вотъ горе! Состоянія онъ почти никакого не имѣлъ, окладъ жалованія по званію старшаго юрисконсульта не превышалъ въ годъ 1,360 р., при томъ служба по министерству, при суетливости директора Топильскаго, была крайне тревожна, — и вотъ почему онъ съ радостью принялъ предложеніе государственнаго секретаря Буткова и перешелъ въ государственный совѣтъ.

О дѣятельности его въ государственномъ совѣтѣ по званію статсъ-секретаря и въ особенности—по составленію и изданію уставовъ о судебной реформѣ, мы не считаемъ возможнымъ говорить по отсутствію необходимыхъ матеріаловъ. Впрочемъ, дѣятельность эта и самое дѣло достаточно извѣстны, но мы повторимъ то, что сказано нами въ статьѣ: „Старый судъ“ („Русск. Старина“ 1886 г., октябрь), что имена лицъ, которыя занимались этимъ дѣломъ и въ числѣ коихъ Зарудный, былъ главнымъ неутомимымъ дѣятелемъ, должны сохраниться навсегда въ благодарномъ потомствѣ!

Но обладая огромными юридическими способностями и энергіею, изумлявшими всѣхъ, кто только зналъ близко Сергѣя Ивановича, онъ въ то-же время, къ сожалѣнію, по отзывамъ хорошо знавшихъ его, страдалъ отсутствіемъ всякаго такта служебной или, пожалуй, житейской мудрости, или вѣрнѣе, какъ ее теперь называютъ, тактомъ служебной интриги. Что это такое? спросите вы?

Да это особая наука жизни и службы, къ изученію которой пора-бы составить особое руководство, а то ее приходится усвоивать и изучать въ то время, когда уже нѣтъ силъ болѣе и самая жизнь окончательно подломлена. Отсутствіе сего у Заруднаго и было причиною всѣхъ его неудачъ по службѣ и въ жизни, а также

поводомъ постоянныхъ волненій, лишеній, болѣзни и даже самой смерти. Вотъ почему, по окончаніи работъ въ государственномъ совѣтѣ о судебной реформѣ, Зарудный, вмѣсто того, чтобы продолжать свои занятія тамъ-же или во II-мъ отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи, къ дальнѣйшему развитію законодательства, или, наконецъ, служить въ кассаціонномъ департаментѣ, получаетъ скромное назначеніе быть сенаторомъ стараго сената. Онъ тогда только понялъ и ему растолковали ясно объ отсутствіи у него упомянутаго такта и умѣнія, но поправлять было уже поздно,—оставалось терпѣть. Жизнь и служба сошли съ рельсовъ! Не смотря на это, онъ много работалъ и въ межевомъ департаментѣ и по общимъ собраніямъ сената, съ такою-же любовію и энергіею, какъ и прежде, но дѣятельность его отражалась на одномъ какомъ-либо частномъ дѣлѣ, а не была достояніемъ всего законодательства.

Напомнимъ, что изданіемъ судебныхъ уставовъ съ разсужденіями, Россія исключительно обязана С. И. Зарудному.

Этотъ огромный трудъ, т. е. извлеченіе изъ многотомныхъ журналовъ государственнаго совѣта всѣхъ мотивовъ, къ изданію того или другаго закона, принадлежитъ одному ему. Сочиненія его и монографіи извѣстны.

С. И. Зарудный умеръ 18-го декабря 1887 г., близъ Ниццы, во Франціи, гдѣ и погребенъ.

По словамъ М. П. Миткова („Русск. Ст." 1888 г., мартъ), на крестѣ, надъ могилою Зар催наго, начертаны два дня его жизни, именно: „19-е февраля 1861 г." и „24-е ноября 1864 г.".

Время 19-е февраля 1861 г. для насъ памятно, но 24-е ноября для насъ неизвѣстно; не ошибка-ли это и не слѣдовало-ли начертать 20-е ноября 1864 г., т. е. день изданія судебныхъ уставовъ?

Приступая къ біографическому очерку жизни М. Н. Любощинскаго, я долженъ оговориться.

Дѣятельность или служба его въ министерствѣ юстиціи началась въ 1845 г., въ званіи столоначальника, а потомъ онъ проходилъ должности начальника отдѣленія, оберъ-прокурора сената департаментовъ: I отдѣленія 3-го департамента и 1-го департамента. Далѣе—сенатора стараго сената, а равно сенатора кассаціоннаго департамента и, наконецъ, члена государственнаго совѣта; все это свидѣтельствуетъ, что служба и дѣятельность его были въ высшей степени разнообразны. Къ этому нужно присовокупить, что занятія его въ званіи члена редакціонной комиссіи и участіе въ работахъ по составленію уставовъ судебнаго, ипотечнаго, дворянскихъ опекъ

и волостныхъ судовъ подтверждаютъ, что оцѣнка такой многосложной дѣятельности требуетъ особенныхъ данныхъ, коихъ у пишущаго сіи строки нѣтъ. Посему, предоставляя времени и людямъ, кои ближе, нежели я, могутъ дать указанія и оцѣнить его по достоинствамъ, я, по отношенію къ нему, ограничусь только краткими свѣдѣніями о его юности и первыхъ годахъ его службы.

М. Н. Любощинскій кончилъ курсъ, вмѣстѣ со мною, въ 1838 г., юридическихъ наукъ въ с.-петербургскомъ университетѣ и былъ однимъ изъ первыхъ кандидатовъ. Сначала онъ поступилъ на службу по министерству финансовъ въ департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли, но дѣла сего департамента, какъ и слѣдовало ожидать, не могли занимать молодаго человѣка, приготовившаго себя къ другаго рода дѣятельности. Вотъ почему, и при добрыхъ отношеніяхъ къ Пинскому, онъ перешелъ на службу въ департаментъ министерства юстиціи въ 1845 г. Въ самое короткое время, при усидчивости и отличной разработкѣ дѣлъ, онъ успѣлъ зарекомендовать себя и получилъ назначеніе въ департаментъ начальникомъ гражданскаго отдѣленія. Въ это время уже служилъ здѣсь Сергѣй Ив. Зарудный, сюда-же поступилъ Е. П. Старицкій и были нѣкоторые другіе, можно сказать, юные дѣльцы, въ томъ числѣ и пишущій сіи строки. Всѣ мы работали, правда, добросовѣстно, съ любовію, терпѣніемъ и усердіемъ, но самыя дѣла не возбуждали въ насъ научныхъ трудовъ и соображеній. Вдругъ, въ это отдѣленіе поступаетъ первый проектъ главноуправляющаго II-мъ отдѣленіемъ—графа Блудова о новомъ судопроизводствѣ. Предметъ былъ важный и вызывалъ уже насъ на исключительныя занятія. Докладъ по этому предмету взялъ на себя составлять М. Н. Любощинскій и исполнилъ эту работу замѣчательно хорошо. Разсматривая проектъ графа Блудова съ исторической точки зрѣнія, Любощинскій доказалъ, что этотъ проектъ далеко не устраняетъ тѣхъ недостатковъ, кои существовали въ тогдашнемъ нашемъ законодательствѣ.

Графъ Панинъ, читая этотъ докладъ, отличный по своей научности, обширности и ясности въ выводахъ, назвалъ этотъ трудъ Илліадою. Вотъ этотъ докладъ выказалъ вполнѣ способности Любощинскаго и поставилъ его въ глазахъ министра на твердую ногу. Однимъ словомъ, репутація его сдѣлана, и дальнѣйшая его карьера была только послѣдствіемъ сего доклада. Мы могли-бы привести въ доказательство множество и другихъ его докладовъ, какъ по законодательнымъ вопросамъ, такъ и по частнымъ дѣламъ въ министерствѣ юстиціи, въ редакціонной комиссіи и въ сенатѣ, кои всѣ сви-

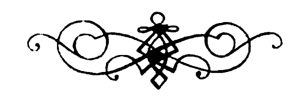
дѣтельствовали-бы объ отличномъ его умѣніи и способности выработки, но это вышло-бы изъ предѣловъ нашей статьи. Скажемъ вкратцѣ, что всѣ его работы были въ высшей степени умѣлыя, убѣдительныя и, можно сказать, образцовыя.

По жизни Любощинскій и Зарудный были друзья въ теченіи 40 лѣтъ, но нельзя не удивляться различію ихъ характеровъ. Всѣхъ тѣхъ недостатковъ, о коихъ я выше сказалъ по отношенію къ Зарудному, у Любощинскаго вовсе не было. Послѣдній былъ человѣкъ солидный, твердый, держалъ себя во всѣхъ отношеніяхъ строго, не разсказывая о себѣ ничего и никому, тогда какъ Зарудный, душею всегда юный, былъ человѣкъ увлекающійся, въ высшей степени говорливый и по часту, хотя и безъ злобы, смѣялся открыто не только надъ другими, но и надъ самимъ собою. О работахъ, видахъ своихъ и отношеніяхъ Маркъ Николаевичъ никому не говорилъ, а Зарудный о своихъ занятіяхъ и цѣляхъ ни предъ кѣмъ не скрывалъ. Убѣжденій своихъ о достоинствахъ другихъ и въ особенности начальниковъ и людей видныхъ, Любощинскій никому не высказывалъ, а Зарудный, напротивъ, открыто и гласно говорилъ о нихъ и часто по этому поводу навлекалъ на себя нареканія и тѣмъ творилъ себѣ безъ числа враговъ, забывая потомъ, что̀ онъ самъ о нихъ сказалъ. Но было общее у нихъ! Оба были честнѣйшіе и благороднѣйшіе люди, любимые и уважаемые друзьями, и память о нихъ останется на вѣки!

Маркъ Николаевичъ Любощинскій послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни умеръ 11-го іюля 1889 г., въ своемъ имѣніи Тамбовской губерніи, въ селѣ Никольскомъ, на 71-мъ году отъ рожденія.

Описавъ въ краткихъ чертахъ дѣятельность отошедшихъ въ вѣчность Заруднаго и Любощинскаго, по преимуществу въ служебномъ отношеніи, я не могу не сказать со вздохомъ:

„Миръ праху вашему, вѣрные и неизмѣнные друзья и сердечные товарищи! Память о васъ и любовь къ вамъ не угаснутъ ни въ моей душѣ во вѣки, ни въ душѣ прочихъ друзей вашихъ, принадлежавшихъ къ нашему тѣсному кружку. Я не пишу о внутренней семейной вашей жизни, ибо знаніе о семъ—есть достояніе не многихъ вашихъ друзей, для которыхъ печать—въ сердцѣ и въ живомъ воспоминаніи, а не въ книгѣ, которую читаютъ всѣ чуждые“.

VI.

Сенатъ I-го отдѣленія 3-го департамента. — Оберъ прокуроръ Матюнинъ. — Сенаторы: Пещуровъ, графъ Заводовскій, князь Давыдовъ, Катакази, Дохтуровъ, Горголи, Безобразовъ, Чевкинъ. — Дѣла Буташевича Петрашевскаго.— Головинскій.—Княгиня Любомирская.—Н. М. Смирновъ.—А. И. Смирнова. — Ершовы.—Открытіе судебныхъ мѣстъ въ Петербургѣ.—Стихи, сказанные при открытіи Луцкаго окружнаго суда.

Въ 1848 г. я былъ назначенъ оберъ-секретаремъ въ I-е отдѣленіе 3-го департамента сената.

По производству дѣлъ департаментъ этотъ былъ одинъ едва-ли не изъ самыхъ труднѣйшихъ. Въ немъ сосредоточивались дѣла сѣверо-западнаго края, гдѣ въ 1840 г., 25-го іюня, отмѣненъ былъ литовскій статутъ и введены русскіе законы.

Переходъ отъ стараго порядка къ новому возбуждалъ весьма много недоумѣній, разрѣшеніе которыхъ требовало и знанія мѣстныхъ законовъ, и вообще особой осмотрительности.

Я всегда съ особымъ удовольствіемъ вспоминаю службу свою въ сенатѣ и дѣятельность по званію оберъ-секретаря; сколько было случаевъ возстановить правду, утѣшить тяжущаго, избавить его отъ дальнѣйшихъ хлопотъ и отдать ему то, что принадлежало ему по праву. Всѣ эти случаи, или, лучше сказать, дѣла, принимались мною очень близко къ сердцу и служили предметомъ часто тяжкихъ трудовъ, но всегда окончаніе ихъ сопровождалось внутреннимъ самодовольствіемъ.

Да, прежній оберъ-секретарь въ сенатѣ была сила! ибо могъ и дѣйствительно дѣлалъ много добра!

Докладъ былъ словесный съ прочтеніемъ, разумѣется, въ подлинникѣ документовъ, на кои ссылались стороны, и дѣло обсуждалось быстро. Оберъ-секретарь читалъ заготовленный вопросъ, просмотрѣнный предварительно первоприсутствующимъ, безъ замедленія.

А стороны, спросите вы: присутствовали или нѣтъ и защищали-ли?—Допускались и стороны и выслушивались защиты, но это въ прежнее время, да и теперь пожалуй, считалось недовѣріемъ къ сенаторамъ, а потому сіи послѣдніе относились къ этому неблагосклонно. Прежній оберъ-секретарь имѣлъ право письменнаго протеста, а потому защита заключалась въ немъ, а равно въ первоприсутствующемъ и, наконецъ, въ оберъ-прокурорѣ, который послѣ доклада разсматривалъ заготовленныя опредѣленія.

Оберъ-прокуроромъ въ мое время былъ Андрей Ефимовичъ Ма-

тюнинъ, а сенаторами гг. Пещуровъ, графъ Завадовскій, князь Давидовъ и Катакази.

Всѣ эти лица отошли въ вѣчность, но Матюнинъ дожилъ до введенія судебной реформы (17 апрѣля 1866 г.) и былъ однимъ изъ лучшихъ сенаторовъ кассаціоннаго департамента. Онъ былъ очень опытный въ дѣлахъ, служилъ много лѣтъ въ министерствѣ юстиціи въ качествѣ начальника отдѣленія и считался образцовымъ стилистомъ. Онъ былъ, вообще, добръ, мягокъ въ характерѣ и постоянно жаловался на свое здоровье, хотя дожилъ до почтенной старости и оставилъ по себѣ добрую память. Послѣдними годами своей службы онъ оставался недоволенъ и жаждалъ перейдти въ государственный совѣтъ, но желаніе его не осуществилось, тогда какъ сотоварищъ его по службѣ, М. Н. Любощинскій, давно уже сидѣлъ въ государственномъ совѣтѣ; вотъ это его и мутило!

Сенаторъ Пещуровъ былъ человѣкъ весьма добросовѣстный и почтенный, хорошаго тона, но крѣпко сутуловатый; много разсказывалъ во время засѣданія про свою службу, когда былъ губернаторомъ во Псковѣ. Городъ этотъ и вообще губернія принесли ему большую горесть подъ конецъ жизни и службы его. Онъ былъ назначенъ ревизующимъ сенаторомъ въ эту губернію. Здѣсь онъ напалъ на слѣды какихъ-то злоупотребленій со стороны чиновъ путей сообщенія. Были-ли сіи злоупотребленія дѣйствительныя или только такъ ему казалось, но онъ встрѣтилъ сильный отпоръ.

Въ это время главноуправляющимъ путей сообщенія былъ всемогущій, какъ тогда говорили, графъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель, и онъ-то и взглянулъ на дѣйствія Пещурова совсѣмъ иначе. Государь, по докладу Клейнмихеля, призналъ дѣйствія сенатора Пещурова неправильными и велѣлъ ему, въ присутствіи сената, сдѣлать строгій выговоръ со внесеніемъ въ формуляръ. Здоровьемъ онъ былъ весьма плохъ, характеромъ самолюбивый и вдругъ вынести такое взысканіе отъ царя, котораго онъ боготворилъ. Выговоръ онъ выслушалъ, но заболѣлъ и умеръ вслѣдъ засимъ.

Правъ-ли былъ Клейнмихель—не знаемъ, ибо подробности дѣла этого намъ неизвѣстны.

Къ странностямъ Пещурова относили то, что онъ воображалъ себя похожимъ на государя императора Александра I. На чемъ основано было это—не знаемъ, но, проходя мимо зеркала въ присутствіи сената, онъ всегда и каждый разъ смотрѣлъ пристально въ оное и какъ будто думалъ про себя: а вѣдь я и въ самомъ дѣлѣ похожъ на императора? Мы, юные дѣльцы, видя это, улыбались и говорили между собою: вѣдь бываютъ-же такія странности въ людяхъ!

Сенаторъ графъ Заводовскій—высокаго роста, мужъ видный и вѣроятно въ своей молодости былъ красивъ и интересенъ. Онъ былъ супругъ извѣстной тогда красавицы, урожденной Влодекъ. Она, какъ говорили, во время пребыванія своего заграницею и въ Лондонѣ, сводила съума многихъ лордовъ и портреты ея красовались въ англійскихъ кипсекахъ. Правда, мужъ ея этимъ никогда не хвалился, но тѣмъ не менѣе о ней много и много говорили.

Графъ Заводовскій завѣдывалъ моею экспедиціею и его обязанность состояла въ предварительномъ разсмотрѣніи моихъ записокъ, вопросовъ и резолюцій прежде доклада о нихъ общему присутствію.

Сенаторъ князь Сергѣй Ивановичъ Давыдовъ былъ человѣкъ очень образованный, служилъ въ военной службѣ въ молодости, былъ попечителемъ кіевскаго университета и округа, гдѣ въ то время состоялъ генералъ-губернаторомъ Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ, о коемъ онъ много разсказывалъ. Во время засѣданія и разбора дѣлъ, онъ нѣсколько прислушивался къ докладу, но постоянно рисовалъ что-либо и почасту карикатуры какой-либо извѣстной личности. Рисовалъ онъ отлично, и вотъ, по окончаніи, каждый изъ сенаторовъ хотѣлъ завладѣть его рисункомъ; происходили шутливые споры, но все кончалось миролюбиво. Въ 1849 г. онъ назначенъ былъ ревизующимъ сенаторомъ въ Калужскую губернію, а при немъ, въ качествѣ старшаго чиновника, былъ опредѣленъ пишущій сіи строки.

О самой ревизіи и жалобѣ генерала Ершова на губернатора Смирнова мы изложимъ впослѣдствіи, а теперь скажемъ о сенаторѣ Гаврилѣ Антоновичѣ Катакази.

Онъ по рожденію былъ грекъ, говорилъ и понималъ по русски плохо, былъ посланникомъ въ 1848 г. въ Греціи и въ дѣлахъ юридическихъ мало смыслилъ. Во время разбора дѣлъ истреблялъ громадное количество нюхательнаго табаку, отчего носъ его былъ невообразимо толстъ. Впрочемъ, онъ не портилъ дѣла, подчинялся охотно и безъ спора общему теченію и докладу канцеляріи. Во время свободныхъ промежутковъ времени въ присутствіи, сенаторы обращались къ нему съ вопросами по части дипломатіи, но ясныхъ отвѣтовъ отъ него не получали. Онъ какъ-то углублялся въ самого себя, заикался, нюхалъ усиленно табакъ, говорилъ протяжно: да и нѣтъ, но все-таки, предложенный вопросъ оставался неразрѣшеннымъ. Однимъ словомъ, въ знаніе имъ дипломатическихъ дѣлъ мои сенаторы плохо вѣрили!

Въ мое время въ сенатѣ оберъ-секретарями были всѣ или кон-

чившіе курсъ въ университетѣ, или правовѣды, а исключенія были весьма рѣдки. Впрочемъ, въ межевомъ департаментѣ былъ оберъ-секретаремъ нѣкто Яковлевъ; поражавшій своею старостію, онъ едва двигался по залѣ засѣданія. Моими сотоварищами или сослуживцами были: Н. И. Стояновскій, П. А. Зубовъ, Гильшеръ, Квистъ, Врангель, Зубаревъ, Раденъ и друг.

Въ числѣ гг. сенаторовъ было нѣсколько лицъ весьма старыхъ и едва-ли могшихъ нести нелегкое бремя трудолюбиваго внимательнаго судьи. Въ подтвержденіе сего я назову сенатора Дохтурова, Горголи, Безобразова и можно бы назвать еще много другихъ. Но независимо старости, нѣкоторые изъ нихъ были съ такими недостатками, кои положительно лишали ихъ возможности отправлять великое дѣло правосудія; напр., сенаторъ Дохтуровъ былъ слѣпецъ и едва-ли не глухой. Чтобы отобрать отъ него голосъ или мнѣніе, нужно было взять его за руку, вложить ему въ оную перо, подложить подъ руку бумагу и линейку и тогда только онъ писалъ свое имя. Въ засѣданіе его вводили не иначе, какъ подъ руки и сажали на пріуроченное ему мѣсто. Говорили, что онъ когда-то былъ гроза своей дивизіи; можетъ быть, но это было давно, предъ назначеніемъ его въ сенаторы.

Сенаторъ Иванъ Саввичъ Горголи — мужъ весьма почтенный, но тоже старъ. Войдя въ залу и подойдя къ своему креслу, онъ руками и ногами дѣлалъ всегда нѣсколько легкихъ движеній, обличавшихъ въ немъ искуснаго фехтовальщика или гимнаста. Прочіе сенаторы, глядя на него, улыбались, привѣтствовали его и, какъ кажется, крѣпко его любили.

Одинъ изъ нашихъ общихъ знакомыхъ и его товарищъ по корпусу разсказывалъ мнѣ про него слѣдующее:

„Ну что, Иванъ Савичъ, занимаешься въ сенатѣ или нѣтъ?“

— „Нѣтъ, братъ, ничего не дѣлаю,—боюсь напутать!“

„Чтожъ такъ? Да ты попробовалъ-бы, авось одолѣешь!“

— „Пробовалъ, братъ, еще хуже выходитъ“, отвѣчалъ простодушный Горголи.

Около него, въ прежнее время, и оберъ-секретаремъ, и оберъ-прокуроромъ были лучшіе люди, на которыхъ онъ могъ положиться!

Сенаторъ Александръ Михайловичъ Безобразовъ тоже по лѣтамъ—престарѣлая личность, но постоянно бодрившаяся. Онъ былъ много лѣтъ первоприсутствующимъ межеваго департамента и предсѣдателемъ во второмъ общемъ собраніи. Онъ присвоивалъ себѣ научныя и спеціальныя знанія по межевымъ дѣламъ, но его знаніямъ и опытности не вѣрили, такъ, по крайней мѣрѣ, говорили,

бывшіе въ межевомъ департаментѣ, производители. На молодыхъ людей и оберъ-секретарей онъ смотрѣлъ свысока и при всякомъ удобномъ случаѣ онъ давалъ чувствовать имъ, что они будто бы не удовлетворяютъ своимъ назначеніямъ. Поводомъ къ такимъ замѣчаніямъ служило слѣдующее: каждый оберъ-секретарь, прочитывая въ засѣданіи общаго собранія имена гг. сенаторовъ, заявившихъ при первоначальномъ обсужденіи дѣла мнѣнія, долженъ былъ, по требованію Безобразова, возглашать не только фамиліи ихъ, но и имена и отчество. Вотъ при этомъ секретари и оберъ-секретари, въ особенности изъ новыхъ, дѣлали ошибки въ означеніи именъ и отчества гг. сенаторовъ, чѣмъ и навлекали неудовольствіе Александра Михайловича. Онъ положительно свирѣпѣлъ!

Но были и другіе случаи. Нѣкто секретарь Малышевъ въ день засѣданія общаго собранія не явился. Туда, сюда,—нѣтъ его, какъ нѣтъ! По поводу сего Александръ Михайловичъ положительно заявилъ присутствію невозможность разсматривать дѣла при такихъ секретаряхъ, и однимъ словомъ гнѣву его не было конца.

Вдругъ экзекуторъ, войдя въ собраніе, къ изумленію всѣхъ заявилъ, что секретарь Малышевъ, какъ оказалось, убитъ ночью у себя на квартирѣ. Безобразовъ умолкъ.

Иногда Александръ Михайловичъ желалъ себя выказать милосерднымъ и патріотомъ. Это въ особенности обнаружилось при слѣдующемъ случаѣ: нѣкто унтеръ-офицеръ, украшенный Георгіевскимъ крестомъ, находясь въ отставкѣ, укралъ рабочаго вола. Многіе сенаторы, не смотря на его отличіе, не считали возможнымъ миловать его и ходатайствовать о семъ предъ государемъ императоромъ, но Безобразовъ думалъ иначе: онъ принялъ въ соображеніе, что унтеръ-офицеръ когда-то не щадилъ своей жизни и получилъ крестъ, обнаруживающій его доблести, и если теперь укралъ, то, вѣроятно, вслѣдствіе особой нужды и крайности. Противу него возсталъ всею силою своего краснорѣчія —сенаторъ Кочубей. Нужно знать, что это была личность высокаго достоинства, извѣстная въ Полтавской губерніи и столицѣ. Для него хлѣбопашество и всѣ принадлежности отправленія онаго составляли что-то превыше всего. Онъ всталъ и объяснилъ, что украденный волъ былъ не простое животное, но „волъ рабочій, рабочій“, повторялъ онъ усиленно нѣсколько разъ, и что поэтому за покражу его не можетъ быть и рѣчи о помилованіи! Безобразовъ возражалъ, упирая на пролитую кровь и Георгія, но Кочубей, обращаясь ко всѣмъ, взывалъ: „рабочій, рабочій!“

Произошло разногласіе.

Цѣль Безобразова была ясна: онъ желалъ, чтобы мнѣніе его о помилованіи дошло до свѣдѣнія государя.

Въ сенаторѣ Безобразовѣ мы видѣли человѣка, противника новому поколѣнію и тогдашнимъ современнымъ воззрѣніямъ. Впрочемъ, на немъ повторилась извѣстная истина, что всякое старое поколѣніе видитъ въ новомъ оппозицію, а послѣднее, становясь, въ свою очередь, старымъ, зритъ такую-же оппозицію въ послѣдующемъ потомствѣ.

Итакъ, ничто не ново подъ луною,
Что было, есть, то будетъ въ вѣкъ!

Мы могли-бы разсказать еще многое о другихъ сенаторахъ, заявившихъ въ свое время свои знанія и особенности, но воздержимся, чтобы не утомить ни самого себя, ни читателя.

Скажемъ, однакожъ, еще объ одномъ сенаторѣ, который въ 1840-хъ годахъ оставилъ по себѣ громкую извѣстность. Это Константинъ Владиміровичъ Чевкинъ. Онъ былъ генераломъ горнаго вѣдомства, а потомъ управлялъ путями сообщенія. При небольшомъ ростѣ, онъ былъ горбатый, занимался сенатскими дѣлами, по 4 департаменту, усердно, терпѣливо и усидчиво, съ юридическою вѣрностію. Всѣ его чтили, а графъ Панинъ, т. е. министръ юстиціи, каждый разъ, когда бывалъ въ общемъ собраніи сената, въ особенности выражалъ ему знаки своего уваженія.

Однажды докладывалось дѣло графа Панина съ Мятлявою о наслѣдствѣ послѣ Орловой. Неискусный оберъ-секретарь позволилъ себѣ возгласить такъ, что къ слушанію подлежитъ дѣло господина министра юстиціи съ Мятлявою. Чевкинъ тотчасъ рѣзко остановилъ его и разъяснилъ, что въ настоящемъ случаѣ по своему дѣлу графъ Панинъ не министръ юстиціи, а просто частное лицо, а потому слѣдовало сказать такъ: докладывается дѣло графа Панина съ Мятлявою. „Повторите, что я вамъ сказалъ", добавилъ К. В. Чевкинъ, обращаясь къ оберъ-секретарю. Произошелъ конфузъ!

А. М. Безобразовъ былъ почасту въ пререканіяхъ съ Чевкинымъ по слѣдующему случаю: послѣдній былъ старшимъ послѣ Безобразова, а потому, въ случаѣ отсутствія его, долженъ былъ открывать засѣданіе въ качествѣ первоприсутствующаго. Безобразовъ, какъ извѣстно, былъ богомолъ и въ Великій постъ, молясь въ церкви, позволялъ себѣ опаздывать въ сенатъ по пятницамъ, т. е. въ день засѣданія общаго собранія.

И вотъ, какъ только настанетъ 12 часовъ, а Безобразова нѣтъ, К. В. Чевкинъ тотчасъ, минута въ минуту, открываетъ засѣданіе.

За симъ хотя Безобразовъ и являлся въ присутствіе и, указывая на свои покрытые пылью колѣни, подтверждающія, какъ онъ усердно молился, извинялся, но, увы, Чевкинъ не обращалъ на него никакого вниманія и продолжалъ отправлять обязанности первоприсутствующаго. Разумѣется, Безобразовъ гнѣвался, но что-жъ дѣлать? Чевкинъ былъ кремень своего рода—не уступалъ.

Въ I-мъ отдѣленіи 3-го департамента сената, въ коемъ я былъ оберъ-секретаремъ, кромѣ обыкновенныхъ тяжебныхъ дѣлъ, производились еще особыя важныя дѣла, именно: дѣла по конфискаціи и ликвидаціи имуществъ въ сѣверо-западномъ краѣ и дѣла по разбору вольныхъ людей. Суть послѣднихъ дѣлъ состояла въ разсмотрѣніи правъ казны на свободу крестьянъ, приписанныхъ въ прежнее время къ помѣщичьимъ имѣніямъ.

1848 годъ, какъ извѣстно, богатъ былъ выходомъ въ свѣтъ заграницею разныхъ соціальныхъ книгъ. Книги эти читали нѣкоторые съ интересомъ, другіе такъ себѣ, а проповѣдуемыя въ нихъ идеи одни считали чисто вздорными, а другіе въ примѣненіи нѣкоторымъ образомъ возможными. Итакъ, жилось безъ горя и печали!

Въ то время между петербургскими молодыми людьми (въ 1849 г.) сдѣлалось извѣстнымъ, что нѣкто Буташевичъ-Петрашевскій, живя въ Коломнѣ (на Большой Садовой, за церковью Покрова), собираетъ у себя по пятницамъ разныхъ людей, въ томъ числѣ даже дворниковъ, и читаетъ имъ какія-то лекціи. Говорили даже, что дворники за слушаніе лекцій получали отъ него плату, начиная отъ гривенника и болѣе, и что будто-бы одинъ разъ онъ читалъ какую-то лекцію гораздо продолжительнѣе, чѣмъ въ другіе разы, а между тѣмъ далъ только по одному гривеннику. Дворники возстали и потребовали отъ него по двугривенному. До меня отъ серіозныхъ людей доходили даже такіе слухи, что лекціи эти или бесѣды были просто дребедень, курамъ на смѣхъ.

Тѣмъ не менѣе приглашенія побывать на этихъ лекціяхъ у Петрашевскаго шли то отъ одного, то отъ другаго. Однакожъ, не пошелъ ни я, ни никто изъ моихъ товарищей, но не потому, что собранія у Петрашевскаго мы считали противозаконными, нѣтъ, а потому, что дорожили временемъ и были разборчивы на нашихъ знакомыхъ! Но пошелъ къ нему мой подчиненный, нѣкто Василій Андреевичъ Головинскій, и вотъ по какому случаю:

Головинскій былъ молодой человѣкъ, окончилъ курсъ наукъ въ училищѣ правовѣдѣнія и приготовлялъ себя на ученую степень магистра политической экономіи.

Директоръ департамента юстиціи Карніолинъ-Пинскій, наз-

начая Головинскаго въ мою экспедицію, просилъ меня обратить на него вниманіе и давать ему болѣе или менѣе важныя работы. Самъ Головинскій былъ юноша весьма симпатичный и обнаруживалъ сильное желаніе посвятить себя дѣльнымъ и научнымъ занятіямъ. Я съ нимъ часто видѣлся: онъ былъ въ нашемъ кругу, къ коему я отношу покойныхъ М. Н. Любощинскаго и С. И. Зарудкаго. Бывши оберъ-секретаремъ, я поручилъ ему, подъ моимъ наблюденіемъ, просмотрѣть всѣ дѣла по разбору вольныхъ людей, какъ оконченныя уже, такъ и неразрѣшенныя, и вывести изъ нихъ общія начала для руководства въ будущемъ.

При этомъ я обратилъ его вниманіе, во-1-хъ, на то, что сенатъ, за отсутствіемъ въ купчихъ крѣпостяхъ именъ крестьянъ на какое-либо имѣніе, не признаетъ сіи купчія за документы на личную свободу крестьянъ, а во-вторыхъ, на то, что ревизскія сказки, по обнаруженію въ нихъ невѣрности, не суть документы на крѣпостное право крестьянъ. При этомъ я указалъ Головинскому на тѣ данныя, по которымъ, по рѣшенію сената, всѣ крестьяне цѣлаго имѣнія признавались свободными. Съ такимъ напутствіемъ Головинскій началъ заниматься симъ дѣломъ и, время отъ времени, говорилъ мнѣ, что его работа идетъ и приходитъ къ концу.

Насталъ апрѣль мѣсяцъ 1849 года. Головинскій явился ко мнѣ и объявилъ, что работа его кончена, но что ему весьма желательно было-бы сначала прочесть записку его, какъ научную работу, у Петрашевскаго въ пятницу, а потомъ онъ отдастъ ее уже мнѣ. Я былъ противъ этого, хотя и не предчувствовалъ всѣхъ горестныхъ послѣдствій, обрушившихся на Головинскаго по поводу этой записки. Записка эта, очевидно, заключала въ себѣ вопросъ о свободѣ крестьянъ. Самъ я ее не читалъ, а потому не стану увѣрять, заключала-ли она въ себѣ обстоятельства изъ сенатскихъ производствъ, относящіяся только къ сѣверозападнымъ губерніямъ, или вмѣщала въ себѣ сумасбродныя размышленія Головинскаго, касающіяся ко всей Россіи. Говоримъ „сумасбродныя“ размышленія потому, что въ то время вопросъ о свободѣ крестьянъ былъ совершенно въ тѣни и о немъ не только писать, но и говорить считалось преступленіемъ. Что касается дѣла относительно разбора вольныхъ людей въ западномъ краѣ, то оно какъ-то было неизвѣстно для высшаго и въ особенности административнаго правительства. Продолжаемъ далѣе.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1849 г. всѣ лица, посѣщавшія Петрашевскаго, въ томъ числѣ и Головинскій, были арестованы и преданы суду. Производилъ слѣдствіе Липранди. Въ чемъ заключалось

преступленіе Головинскаго не знаемъ, но въ 1849 г., въ высочайшей конфирмаціи опубликованной сказано было о винѣ Головинскаго такъ: онъ у Петрашевскаго читалъ записки и сочиненія о свободѣ крестьянъ.

Извѣстно, что многіе изъ посѣщавшихъ Петрашевскаго осуждены были на смертную казнь, чрезъ повѣшеніе, и для исполненія этого выведены были на Семеновскій плацъ, но въ послѣднюю минуту предъ симъ оберъ-полицмейстеръ А. П. Галаховъ объявилъ имъ высочайшее помилованіе. Съ помилованіемъ Головинскій былъ разжалованъ въ солдаты въ Оренбургское казачье войско, гдѣ, благодаря Бога, и выслужился.

Прошло лѣтъ десять послѣ совершившагося событія, я, по совершенной случайности, жилъ на Васильевскомъ островѣ, въ томъ-же самомъ домѣ, гдѣ когда-то жилъ Головинскій и гдѣ онъ былъ арестованъ. Вдругъ, въ одно утро является ко мнѣ молодой человѣкъ и я, къ великой радости, узнаю въ немъ Головинскаго.

„Откуда?“ невольно спросилъ я.

— „Прямо изъ III-го отдѣленія, отъ князя Долгорукова!“ отвѣчалъ онъ.

„Что-жъ, опять у васъ что-либо произошло?“ сказалъ я.

— „Ровно ничего; мнѣ захотѣлось быть въ Петербургѣ и вотъ я, во избѣжаніе непріятности, прямо явился въ отдѣленіе, съ цѣлью добиться позволенія остаться здѣсь нѣсколько дней!“

„Позволили?“

— „Позволили!“

— „Ахъ, вотъ кстати, Василій Андреевичъ, какую вы записку читали у Петрашевскаго въ 1849 г., т. е. по разбору-ли вольныхъ людей въ западномъ краѣ или вообще о свободѣ крестьянъ? спросилъ я.

Но Головинскій, съ улыбкою на устахъ, махнулъ рукою и быстро удалился, не отвѣчая на мой вопросъ.

По поводу дѣла Петрашевскаго въ Петербургѣ говорили, что на собранія у него молодыхъ людей навела государя Николая Павловича княгиня Любомирская — полька. Она жила тогда въ Петербургѣ, слыла за ясновидящую, и вотъ она написала государю письмо, въ коемъ выразила, что желаетъ открыть ему свои таинственныя видѣнія. Государь былъ у нея; она, подъ видомъ видѣнія, открыла ему то, что было извѣстно многимъ. Началось дѣло; послѣдствія его извѣстны.

При этомъ княгиня Любомирская воспользовалась великодушіемъ государя и объяснила ему свое страдальческое положеніе. Мужъ ея

былъ мотъ и картежный игрокъ, а свекръ или отецъ мужа мало обращалъ вниманія на нее. По милости государя, ей изъ имѣнія князя Любомирскаго г. Дубно была выдѣлена законная часть, гдѣ она и теперь (1891 г.) проживаетъ.

Въ концѣ 1849 г. я назначенъ былъ на ревизію въ Калужскую губернію при сенаторѣ князѣ С. И. Давыдовѣ, въ качествѣ старшаго чиновника.

Вмѣстѣ со мною назначены были: А. К. Жизневскій, Тимротъ, Износковъ, Никоновъ и графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой—сочинитель и поэтъ.

Ревизія возникла по жалобѣ Подольскаго уѣзднаго предводителя дворянства Московской губерніи Ив. Ив. Ершова на калужскаго губернатора Николая Михайловича Смирнова. Предметъ жалобы состоялъ въ томъ, что будто-бы отецъ Ершова, генералъ-лейтенантъ Иванъ Захаровичъ Ершовъ, подъ вліяніемъ губернатора Смирнова, совершилъ дарственную запись на свое имѣніе въ пользу незаконнорожденной дочери Софіи, вышедшей замужъ за брата жены Смирнова Россета. Вотъ по этому поводу высочайше повелѣно произвести слѣдствіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ревизію цѣлой губерніи.

Жена Смирнова, Александра Іосифовна, урожденная Россетъ, была извѣстна императорскому двору, состояла фрейлиной при Большомъ дворѣ, считалась другомъ Жуковскаго, Пушкина, князя Вяземскаго, Гоголя, вела съ ними и другими примѣчательными лицами тѣхъ дней оживленную переписку и вообще была—лицо видное въ свое время. Она была дама средняго роста, румынскаго происхожденія, т. е. истая брюнетка, но не красавица; вотъ что Пушкинъ про нее сказалъ:

Черна, какъ галка,
Суха, какъ палка,
Увы, весталка,
Тебя мнѣ жалко.

Но все это она искупала своимъ умомъ, любезностію, умѣньемъ обращаться съ людьми и нѣкотораго рода, свойственнымъ всякой женщинѣ, кокетствомъ. Но святошей, какъ она теперь выставляется въ перепискѣ своей съ Гоголемъ („Русская Старина", изд. 1890 г., іюнь, іюль, августъ) она мнѣ не казалась. Это Гоголю хотѣлось, чтобы она была богомолкою, вотъ она, вѣроятно, въ угоду ему, прикинулась религіозною и черкала ему письма въ душеспасительномъ тонѣ, не предвидя того, что всѣ эти письма будутъ читать тѣ лица, которыя ее знали лично.

Нѣтъ, нѣтъ, Александра Іосифовна! Питая къ вамъ глубокое уваженіе, я долженъ сказать, что при жизни своей вы не такія были, какъ хотите казаться въ вашихъ письмахъ къ Гоголю! Вспомните балъ 1850 года, въ Дворянскомъ собраніи, я стоялъ возлѣ васъ, а вы, глядя на вальсирующую молодежь и вообще на приличную во всемъ обстановку, вспомнивъ фразу Гоголя: пошла губернія плясать, сказали: „Ну, откуда Гоголь беретъ свои каррикатуры? У него въ губерніи что ни чиновникъ, то взяточникъ; и вообще, что ни человѣкъ, то уродъ и самаго сквернаго свойства, жалкій онъ человѣкъ!“

Я согласился съ вами!

Потомъ у васъ, въ губернаторскомъ домѣ, тоже въ Калугѣ, всегда была самая интеллигентная публика, преимущественно молодежь. Какой-же вела разговоръ въ присутствіи вашемъ эта молодежь! Вспомните, вы сами проповѣдывали любовь, женитьбу, уродливость того, кто остается холостымъ. Однимъ словомъ, молодежь, подъ наитіемъ вашимъ, вела самый оживленный разговоръ, а о религіи ни полъ слова. Да, въ 1850 году, вы жили весело!

Впрочемъ, въ оправданіе Смирновой и себя слѣдуетъ сказать, что письма ея къ Гоголю писаны въ 1847 году, а бесѣда моя съ нею была въ 1850 г., разница на три года, а въ это время сколько явилось случаевъ и обстоятельствъ, которыя могли измѣнить ея душевное настроеніе.

Въ 1851 году слѣдствіе по жалобѣ Ершова и ревизія Калужской губерніи кончены. По слѣдствію обнаружилось, что дарственная запись совершена была генераломъ Ершовымъ безъ всякаго участія губернатора Смирнова, а потому Ершовъ былъ преданъ уголовному суду за клевету. Относительно-же губернатора по управленію губерніи оказалось, что дѣйствія его не всегда соотвѣтствовали требованіямъ закона, а потому онъ былъ уволенъ отъ должности. Кстати сказать, что въ книжкахъ „Русской Старины“ за ноябрь и декабрь 1890 года помѣщены письма А. І. Смирновой къ Гоголю, съ помѣтою 1849 года. Въ этихъ письмахъ она излагаетъ свои сѣтованія за назначеніе ревизіи и на самого сенатора князя Давидова. Между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ, назначеніе ревизіи хотя и послѣдовало въ концѣ 1849 г., но прибытіе сенатора въ Калугу, самая ревизія состоялась только въ началѣ 1850 года. Посему, не входя въ разборъ напрасныхъ сѣтованій Смирновой на ревизію и

сенатора Давидова, скажу, что письма ея слѣдуетъ отнести къ 1850 и 1851 гг. На семъ основаніи и объясненія дочери ея Ольги Смирновой относительно времени писемъ ея матери не вѣрны. Далѣе скажу, что Гоголь въ 1850 году не былъ въ Калугѣ.

По окончаніи ревизіи, я снова былъ переведенъ изъ сената въ министерство юстиціи, на должность сначала начальника отдѣленія гражданскихъ дѣлъ, а потомъ старшаго юрисконсульта при консультаціи. Въ это время много было мною составлено докладовъ и разсмотрѣно дѣлъ по введенію судебной реформы, а въ 1857 году я участвовалъ въ комиссіи, вмѣстѣ съ Н. А. Милютинымъ, Я. А. Соловьевымъ, К. К. Гротомъ, В. А. Арцимовичемъ, Н. И. Стояновскимъ и С. И. Зарýднымъ по преобразованію полиціи, начертанію устава о судебныхъ слѣдователяхъ и посредникахъ. Занятія эти пріурочивались къ трудамъ редакціонной комиссіи и всѣ лица, участвовавшія въ оной, получили золотыя медали, наравнѣ съ членами редакціонной комиссіи. Съ наступленіемъ-же 1861 года, по семейнымъ обстоятельствамъ, я вышелъ въ отставку, а въ 1866 г. опять поступилъ на службу, на должность предсѣдателя кіевской гражданской палаты. Самое поступленіе мое на службу состоялось при слѣдующихъ обстоятельствахъ: 17-го апрѣля 1866 года, въ Петербургѣ, открывались новыя судебныя мѣста, гдѣ и я былъ. Открывалъ министръ юстиціи Дмитрій Николаевичъ Замятнинъ, отлично меня знавшій по службѣ въ департаментѣ министерства юстиціи.

Обозрѣвая публику, онъ быстро замѣтилъ меня, скромно стоявшаго въ сторонѣ. „А, это вы?“ сказалъ онъ, „очень радъ васъ видѣть! Слышите призывъ къ дѣлу! дождались, наконецъ! Поступайте снова на службу, я васъ непремѣнно зачислю и назначу!“

— „Согласенъ“, отвѣчалъ я: — „но только въ югозападный край“.

„Хорошо!“ сказалъ Замятнинъ, — тамъ чрезъ шесть мѣсяцевъ непремѣнно послѣдуетъ открытіе“.

Мы разстались.

А какъ Дмитрій Николаевичъ Замятнинъ былъ торжественъ въ этотъ день! Какая славная, сѣдая, но бодрая личность обрисовывалась въ немъ. Любо было на него смотрѣть! Сколько радости сіяло въ его глазахъ! И наконецъ, какую дивную рѣчь сказалъ онъ при этомъ. Умилительно было его слышать. Не забудемъ.

Чрезъ самое короткое время я, единственно по усмотрѣнію министра и безъ просьбы съ моей стороны, получилъ назначеніе въ Кіевъ, гдѣ и оставался свыше девяти лѣтъ, въ качествѣ предсѣдателя соединенной палаты, но, увы, открытія новыхъ судовъ здѣсь не послѣдовало. Между тѣмъ, Дмитрій Николаевичъ вышелъ изъ министерства. Преемникомъ его мнѣ предлагалось мѣсто въ Одессѣ, Харьковѣ и Петербургѣ, но я упорно дожидался того времени, когда будетъ открытіе новыхъ судовъ въ Кіевѣ. Но явились новыя вѣянія, показались особые претенденты на славу, дѣятельность и карьеру и я вышелъ окончательно въ отставку, не дождавшись открытія судовъ въ Кіевѣ.

А въ 1880 году, 28-го іюня, при открытіи луцкаго окружнаго суда, подъ впечатлѣніемъ одушевляющаго меня событія, на обѣдѣ, данномъ мѣстнымъ дворянствомъ, я, обращаясь къ назначеннымъ судьямъ, сказалъ собственные, хотя и весьма тяжеловѣсные, мои стихи:

Сей день свершилось назначенье,
Судомъ Руси объединенье
Въ одну великую семью!
Отнынѣ въ ней единый судъ,
Гдѣ все открыто и правдиво,
Гдѣ зло не избѣгаетъ кары,
А правда вся восходитъ вверхъ!
Гдѣ присяжные народа,
Во имя совѣсти и Бога,
Гласятъ кто правъ, кто виноватъ!
Гдѣ Царь, смягчивъ суровый приговоръ
Судей,
Даруетъ милость для людей!
Теперь мы всѣ, въ умѣ и на устахъ,
Твердимъ о томъ, чтобы въ судахъ
Исполненъ былъ его завѣтъ:
О царствѣ милости и правды!
Итакъ, судьи! Привѣтъ вамъ отъ страны,
Свершите въ ней во всемъ завѣтъ Царя;
Пусть будетъ судъ вашъ всѣмъ всегда
Открытый
Правдивъ и быстръ, а равно милостивъ!
За симъ, съ желаньемъ вамъ терпѣнья, силы воли,

Любви къ дѣламъ и къ истинѣ святой,
Здоровья, славы, а равно добра,
Мы пьемъ теперь за васъ: ура! ура!
У-р-а!

Стихи эти, хотя и нескладно, но отъ души скроенные, вызвали общее оживленіе.—И такъ кончимъ сказавъ:

Sic transit gloria mundi.

Н. М. Колмаковъ.

Волынской губерніи
г. Луцкъ с. Ярославичи.

БАНКРОТЪ.

СВОИ ЛЮДИ СОЧТЕМСЯ.

Комедія А. Н. Островскаго [1]).

Четвертое дѣйствіе. Это дѣйствіе писано авторомъ въ маленькой тетрадкѣ, въ 4-ю долю листа: „это самые первые, черновые наброски 4-го дѣйствія моей комедіи“,—говорилъ намъ покойный Александръ Николаевичъ, отдавая тетрадку: „вся она написана моей рукой, за исключеніемъ нѣсколькихъ страницъ (со словъ Лаз. Елиз: „Э, тятинька, Богъ милостивъ“, до словъ его-же, Лаз. Елиз:, „Домишко отдѣлалъ-съ! Да выкушайте...“), которыя я диктовалъ, будучи больнымъ, одному заштатному и плохо грамотному землемѣру“.

Въ этомъ первоначальномъ видѣ 4-го дѣйствія нѣтъ сцены Устиньи Наумовны и Рисположенскаго съ Подхалюзинымъ, сцена Рисположенскаго только начата.

За исключеніемъ трагической сцены, въ коей является изъ ямы Большовъ, всѣ остальныя мало измѣнены въ печати, т. е. какъ онѣ вылились впервые изъ-подъ пера Островскаго, такъ почти безъ всякихъ измѣненій со стороны автора и цензуры вошли въ печать. Явленіе-же Большова, какъ видно изъ рукописи, вызвало особенный трудъ автора, оно получило значительную перемѣну, многое перечеркнуто, выпущено и дополнено впослѣдствіи.

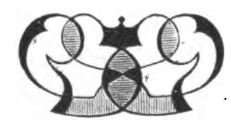
Что касается до цензуры, то она ничего не выпустила изъ послѣдняго дѣйствія „Своихъ людей“,—какъ окончательно авторъ написалъ этотъ актъ, такъ онъ и вошелъ въ печать.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1891 г., т. LXX, апрѣль, стр. 219—248; іюнь, стр. 695—719.

Набрасывая его, авторъ не раздѣляетъ хода дѣйствія на сцены, имена собственныя также не опредѣлились у него вполнѣ, такъ, напр., Олимпіада Самсоновна названа у него первоначально Марьей Самсоновной; Аграфена Кондратьевна въ иныхъ мѣстахъ названа Матреной Кондратьевной; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ авторъ опредѣдѣляетъ, что̀ должно дѣлать такое-то дѣйствующее лицо, т. е. какую оно должно принять позу или какимъ тономъ говорить, или въ какомъ видѣ являться должно дѣйствующее лицо,—все это не вошло въ печать; авторъ, хорошо знакомый съ московскими актерами, передалъ имъ всѣ свои замѣчанія изустно (предполагая, что драма его будетъ играна) и, довѣряя ихъ талантамъ, не считалъ нужнымъ ни къ чему неведущія поясненія.

Въ концѣ 4-го дѣйствія, послѣ словъ Большова: „Не забудьте насъ бѣдныхъ заключенныхъ“, на послѣдней страницѣ написано „Банкротъ“,—что значитъ это слово—мы уже знаемъ изъ объясненія самого автора.

Въ варіантѣ 4-го дѣйствія (см. выше, кн. іюнь, „Русск. Стар.“ изд. 1891 г. стр. 718), написанномъ авторомъ на отдѣльномъ полулистѣ, находятся небольшія добавленія и вставки въ 4-й актъ, сдѣланныя авторомъ послѣ того, какъ онъ былъ впервые написанъ.

По этимъ-же отрывкамъ видно, что распланировку 4-го дѣйствія въ томъ видѣ, какъ это сдѣлано въ печати, авторъ сдѣлалъ впослѣдствіи; судя по этимъ отрывкамъ Александръ Николаевичъ первоначально хотѣлъ такъ расположить сцены 4-го дѣйствія: 1) Подхалюзинъ и Липочка, 2) тѣ же и Тишка, 3) тѣ же, но безъ Большова, вмѣсто котораго является Устинья Наумовна, 4) вмѣсто Устиньи Наумовны—Рисположенскій.

Въ напечатанныхъ здѣсь вставкахъ и добавленіяхъ только одно слово: „маленькій“ (чепчикъ послѣдняго фасона) не вошло въ печать.

Послѣдняя, заключительная, сцена комедіи Островскаго, какъ онъ мнѣ самъ говорилъ въ 1855 г., написана здѣсь въ рукописи въ первомъ своемъ видѣ, какъ говорится, „въ одинъ присѣстъ“ безъ всякихъ исправленій поступила въ печать.

Недостатокъ знаковъ препинанія и раскидистый почеркъ хорошо показываютъ, что авторъ не долго сидѣлъ надъ нею, т. е. какъ созрѣла она въ его головѣ, такъ живо и улеглась на бумагѣ.

Единственное различіе рукописной этой сцены съ печатнымъ изданіемъ состоитъ въ приходѣ Тишки „съ старымъ сюртукомъ“,

что не вошло въ печать. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ эти слова, во-первыхъ, напоминаютъ зрителю о желаніи Подхалюзина ѣхать по кредиторамъ тестя съ униженными просьбами о сбавкѣ ихъ претензій, и во-вторыхъ, оправдываютъ безъ этого совершенно лишнее явленіе Тишки на сцену.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ напомнить читателямъ, что слова и цѣлыя фразы, зачеркнутыя авторомъ въ рукописи напечатаны нами болѣе мелкимъ шрифтомъ и заключены въ прямыя скобки, а слова и отдѣльныя фразы, добавленныя авторомъ къ первоначальному тексту впослѣдствіи, заключены нами въ прямыя черточки.

Мих. Семевскій.

1855 $\frac{\text{Москва}}{\text{Спб.}}$ 1891.

Въ домѣ Лазаря. [Марья] Олим. Самсоновна сидитъ у окна въ роскошномъ положеніи, на ней шелковая блуза и маленькій чепчикъ изящной отдѣлки. Лазарь Еливарывичъ въ модномъ сертукѣ, охорашивается передъ зеркаломъ.

[Марья] **Олим. Савишна** (*небрежно*).

Ужъ вы, Лазарь Елиз., купите ту коляску-то, что смотрѣли у Арбатскаго!

Лаз. Елиз.

Какъ-же [Марья Сав.], Олим. Сам., надать купить, надать-съ.

[Марья] **Олим. Сам.**

А мнѣ новую мантилію принесли, вотъ мы бы съ вами въ пятницу и поѣхали въ Сокольники.

Лаз. Елиз.

Какъ же-съ непремѣнно поѣдемъ-съ, и въ паркъ поѣдемъ-съ въ воскресенье. Вѣдь коляска-то 1000 цѣлков. стоитъ, да лошади 1000 цѣлк., да сбруя накладнаго серебра, такъ пущай ихъ смотрятъ. [Митька трубку] Тишка, трубку (*садится подлѣ стола*). Такъ то-съ, Ол. Самс. Пущай себѣ смотрятъ. А вы еще за офицера хотѣли иттить-съ! Чѣмъ-же мы не молодцы-съ (встаетъ и охорашивается). Вотъ и сертучекъ новинькій-съ. Взяли да и надѣли!

Ол. Сам.

Да вы, Лаз. Елиз., танцовать не умѣете.

Лаз. Елиз.

Что-жъ нешто не выучимся-съ, еще какъ выучимся-то важнѣйшимъ манеромъ. Зимой въ купеческое собраніе будемъ ѣздить-съ. Вотъ и знай нашихъ! Польку станемъ танцовать-съ.

[**Ол. Сам.**]

[Къ зимѣ непремѣнно надобно еще бархатное платье сшить].

[**Лаз. Елиз.**]

[Можно-съ! Можно-съ!]

Ол. Сам. (*молч.*).

Что это вы, Лаз. Елиз., меня не поцалуете?

Лаз. Елиз.

Какъ | же, | помилуйте-съ! | съ нашимъ удовольствіемъ-съ, | пожалуйте ручку-съ (*цалуетъ*) (*молчаніе*). Скажите, Ол. Самсон., мнѣ что нибудь на французскомъ діалектѣ-съ.

Ол. Сам.

Да что-же вамъ сказать?

Лаз. Елиз.

Да что нибудь скажите, такъ малость самую-съ! Мнѣ все равно-съ.

Ол. Сам.

Комъ ву зетъ шарманъ.

Лаз. Елиз.

А это что такое-съ?

Ол. Сам.

Какъ вы [прекрасны] милы.

Лаз. Елиз. (*ходитъ, разглаживаетъ усы и прищелк. пальцемъ*).

Вотъ она у насъ жена-то какая-съ, на французскомъ діалектѣ изъясняется-съ. Ай да, Ол. Сам., уважили-съ. Пожалуйте ручку.

(*Ол. Сам. важно протягиваетъ руку, а сама смотритъ въ окно*). [Митька, трубку] (*входитъ* [М.] *Тишка съ труб.*).

Ол. Сам.

Никакъ тятеньку изъ ямы выпустили. Посмотрите, Лаз. Елиз., | это | онъ | кажется | сюда идетъ.

Лаз. Елиз.

Ну нѣтъ-съ изъ ямы-то тятеньку кредиторы не выпустятъ. А [это должно быть надо полагать-съ] его въ конкурсъ выписывали, такъ отпросился домой-съ. Маменька-съ, Агр. Конд., тятенька идетъ-съ!

Агр. Конд.

Гдѣ онъ? гдѣ онъ? родные вы мои! Голубчики вы мои!

Сам. Сил. (*входитъ, одѣтъ дурно* [не бритъ], *волосы не причесаны; цѣлуются*).

Лаз. Елиз.

Тятенька, здравствуйте, наше почтеніе.

Агр. Конд. (*смотритъ на него пригорюнившись и плачетъ*).

Голубчикъ ты мой! Самсонъ Силычъ! Золотой ты мой! [Извели тебя изверги. Погубили тебя моего ненагляднаго.] Оставилъ ты меня сиротой на старости лѣтъ!

Сам. Сил.

Полно, жена, перестань, слезами не поможешь!

Ол. Сам.

Что это вы, маменька, точно по покойникѣ плачете! Не „Богъ знаетъ“ что такое сдѣлалось. ([*Матр.* Сав.] *Агр. Конд. ст. подлѣ дивана пригорюнясь*).

Сам. Сил.

[Да] оно точно, дочка, не Богъ знаетъ что, а всетаки отецъ-то твой въ ямѣ сидитъ.

Ол. Сам.

Что-жъ, тятенька, сидятъ и лучше насъ | съ вами | .

Сам. Сил.

Сидятъ-то сидятъ, да каково сидѣть-то. Каково по улицѣ-то идти съ солдатомъ. Охъ, дочка, тяжко, очень тяжко! Вѣдь меня сорокъ лѣтъ въ городѣ-то всѣ знаютъ, сорокъ лѣтъ всѣ въ поясъ кланялись, а теперь мальчишки пальцами показываютъ. А за што! Самъ виноватъ. Заварили кашу, надо расхлебовать.

Матр. Сав.

И лица-то нѣтъ на тебѣ, голуб. ты мой, словно ты съ того свѣта выходецъ.

Лазарь Елизар.

Э, тятинька, Богъ милостивъ, все перемелется, мука будетъ. Что-же тятинька кредиторы-то говорятъ?

Самсонъ Силычъ.

Да что? [говорятъ!] на сдѣлку согласны! Что, говорятъ, тянуть-то, еще возьмешь-ли нѣтъ. А ты что нибудь чистыми дай, да и Богъ съ стобой.

Лаз. Элиз.

Отчего не дать-съ? Надо дать-съ! А много-ли, тятенька, просятъ.

Самсонъ Силы.

Просятъ-то 25 коп.

Лазарь Эли.

Это, тятинька, много-съ.

Самсонъ Силычъ.

И самъ, | братъ, | знаю, что много; да что-же дѣлать-то: меньше не берутъ.

Лазарь. Ели.

Какъ-бы 10 копеечекъ, такъ-бы ладно-съ: семь съ половиною на удовлетвореніе, а двѣ съ половиною на конкурсные расходы.

Самсонъ Силычъ.

Я такъ-то говорилъ, да и слышать не хотятъ. Что-жъ, Лазарь, придется и двадцать пять дать и то въ барышахъ будешь.

Лазарь.

Да какъ-же, тятинька! Вѣдь, вы тогда изволили говорить больше 10 коп. не давать-съ. Вы сами разсудите-съ; по 25 к. денегъ много-съ. Вамъ, тятенька, закусить чего не угодно-ли-съ. Маминька! маминька-съ, [да] прикажите водочки подать-съ, да велите самоварчикъ поставить, ужъ и мы для компаніи выпьемъ-съ. А 25 копеечекъ, тятинька-[съ,] много-съ.

Матр. Сав.

| Сейчасъ, батюшка, сейчасъ! |

Самсонъ Силычъ.

Да што ты мнѣ толкуешь— | то | я и самъ знаю, что много; да какъ же быть то. Потомятъ года полтора въ ямѣ то, да каждую недѣлю будутъ съ солдатомъ [въ конкурсъ] по улицамъ водить, | да еще того и гляди такъ въ острогъ перемѣстятъ, | радъ будешь и полтину дать. Отъ одного страму то не знаешь [въ какую дыру], | куда | спрятаться. | Господи, идешь по улицѣ-то, такъ тебя въ потъ и бросаетъ. | (*Приносятъ водку, закуску и ставятъ на столъ*).

Матрена Кондратьевна.

Голубчикъ ты мой, кушай, батюшка, кушай. Чай тебя тамъ изверги то [сголоду] | голодомъ изморили | (*Лазарь наливаетъ рюмку и подаетъ на подносѣ*).

Л.

Кушайте, тятинька-съ, не взыщите-съ, чѣмъ Богъ послалъ.

Самсонъ Силычъ.

Спасибо, Лазарь. Спасибо, кушай-ка самъ.

Лазарь Элизар.

За ваше здоровье (*выпиваетъ*). Маминька, не угодно-ли-съ, сдѣлайте одолженіе.

Аграфена Кондра.

Э, батюшка! до того-ли мнѣ теперь! Этакое Божеское попущеніе! Ахъ, ты Господи Боже мой. Ахъ ты, голубчикъ мой.

Лазарь Элиезар.

Э, маминька! Богъ милостивъ! какъ нибудь отдѣлаемся не вдругъ-съ.

А. К.

| Дай-то, Господи, а то ужъ и я то, на тебя глядя, вся измаялась! |

Самсонъ Силычъ.

Ну, какъ-же, Лазарь.

Лазарь Элеазэр.

10 коп., извольте, [съ,] дамъ-съ, какъ говорили.

Самсонъ Силычъ.

А 15 то гдѣ-же я возьму, не изъ рогожи-же мнѣ ихъ сшить.

Лазарь Элеазар.

Я, тятинька, не могу-съ, видитъ Богъ, не могу.

Самсонъ Силычъ.

Что ты, Лазарь, что ты! Да куды ты деньги-то дѣлъ?

Лазарь Элеазар.

Да вы [вотъ] извольте [видѣть,] разсудить, я вотъ торговлей завожу-съ. Домишко отдѣлалъ! Да выкушайте чего-нибудь, тятинька. Вотъ хоть мадерцы, что-ли-съ, ощастливте-съ. Маменька, попотчуйте тятеньку-то!

Агр. Конд. (*наливъ мад*).

Куш., бат. Сам. Сил.! Кушай! я тебѣ, батюшка, пуншикъ налью.

Сам. Сил. (*пьетъ мадеру, а пот. приним. за пуншъ, пьетъ порывисто и безпр.*).

Сам. Сил.

[Дай, Лаз., дай выпью, братъ, выпью. Что-то у меня нынче на сердцѣ тяжело таково. Авось легче будетъ (*пьетъ стаканъ, потомъ другой*). Словно меня давитъ что, Лазарь. Словно змѣя какая за сердце сосетъ.]

[Охъ] Ахъ, дѣтки, какъ-бы вы знали, какъ тяжело мнѣ старику | становится. | [40 лѣтъ ни передъ кѣмъ не гнулъ голову, а теперь стыдно людямъ прямо въ глаза взглянуть (*пьетъ еще*).] Выручайте, дѣтушки, выручайте.

Лаз. Елеаз.

Вотъ вы, тятинька, изволите говорить, куда я деньги дѣлъ Какъ же-съ, разсудите сами, торговать начинаемъ-съ, извѣстное дѣло, безъ капиталу нельзя-съ, взяться нечѣмъ. Вотъ-съ домикъ купилъ, заведеньеце всякое домашнее завели. Лошадокъ—то, другое. Сами извольте разсудить! О дѣтяхъ подумать надо!

Олимп. Сам.

Что-жъ, папенька, нельзя-же намъ самимъ не при чемъ остаться, вѣдь мы не мѣщане какіе-нибудь.

Сам. Сил. (*смотритъ на нихъ вытараща глаза и продолжаетъ пить*).

Лаз.

Вы, тят., извольте разсуд. нынче безъ капиталу-то нельзя-съ, безъ капиталу-то не много поторгуешь.

Лип.

Я у васъ, тят., до 20 лѣтъ жила—свѣту не видала, что-жъ [намъ] мнѣ прикажете отдать вамъ деньги, да самой опять въ ситц. плат. ходить.

Сам. Сил. (*пьетъ еще*).

Что вы! что вы! [Дѣтушки] опомнитесь, [что вы! что вы!] Вѣдь я у васъ не милостыню прошу, а свое-же добро. Люди-ли вы?

Олим. Сам.

Извѣстное дѣло, тятенька, люди не звѣри-же.

Сам. Сил.

Лазарь, да ты [мнѣ дашь денегъ, ты мнѣ дашь] вспомни то. Вѣдь я тебѣ все отдалъ, [вспомни ты это.] Все до чиста. Вотъ что [тебѣ] себѣ оставилъ, видишь (*трясетъ себя за сертукъ*). [Вспомни, Лазарь,] вѣдь я тебя мальчишкой въ домъ взялъ, | подлецъ ты безчувственный | [помнишь.] Я тебя поилъ, кормилъ, | вмѣсто отца роднаго, | въ люди вывелъ; а видѣлъ-ли я отъ тебя благодарность какую, | видѣлъ-ли | Вспомни-то, Лазарь, сколько разъ я замѣчалъ, что ты нечистъ на руку. Что-жъ, я вѣдь не прогналъ тебя, | какъ скота какого, | не ославилъ [тебя] на весь городъ. Нѣтъ, [Лазарь,] я думалъ. | ну, | одинъ Богъ безъ грѣха. [Я тебя сдѣлалъ главнымъ прикащикомъ] и тебѣ- | же я | все свое состояніе отдалъ, [больше миліона, Лазарь.] Да тебѣ-же, Лазарь, я отдалъ | и | дочь- | то | своими руками. А не случись со мною этого попущенія, ты-бы на нее и глядѣть | то бы | не смѣлъ. Такъ-то, Лазарь.

Агр. Конд.

Выкушай, батюшка, Самсонъ Силычъ, чего нибудь, ужъ я не знаю, чѣмъ тебя и подчивать-то. Не принести-ли тебѣ поросеночка холодниинькаго?

Сам. Сил.

Нѣтъ, не надо; а вотъ мадерки дайте, выпью. Что-то у меня на сердцѣ тяжело таково, не полегчаетъ-ли, (*Лазарь наливаетъ и кланяется; онъ пьетъ два стакана одинъ за другимъ*). Словно меня давитъ что, словно змѣя какая сердце сосетъ.

Лаз. Елиз.

Помилуйте, тятенька, я это очень чувствую-съ.

Сам. Сил.

Чувствуешь ты! Ты-бы долженъ все отдать, какъ я, въ одной рубашкѣ остаться, только бы своего благодѣтеля выручить. Да не прошу я этого, не надо мнѣ [этого]. Ты заплати за меня [по 25 коп. за рубль] только что слѣдуетъ, 200 т. только (*молч.*). [Ты то возьми. Да не какъ свое добро я теперь прошу у тебя, а какъ милости. Господи, 40 лѣтъ я былъ честнымъ купцомъ, 40 лѣтъ королемъ ходилъ по городу, теперь мнѣ совѣстно на людей смотрѣть. Мнѣ страшно]. Такъ-то, Лазарь, какъ [я теперь пойду] въ яму-то идти. (*Всѣ молчатъ. С. С. пьетъ*).

Вѣдь мнѣ черезъ городъ идти. Что-жъ, мнѣ зажмуриться, [Лазарь,] что-ли. [Вѣдь] мнѣ Ильинка-то теперь за сто верстъ покажется. [Ты послушай, Лазарь.] Вы подумайте только, каково по Ильинкѣ-то пройти. [Вѣдь] это, [Лазарь,] все равно, что грѣшную душу [злые] дьяволы, прости, Господи, по 30 мытарствамъ [проводятъ] | тащутъ]. | А тамъ, [Лазарь, мнѣ придется] мимо Иверской [идти,] какъ мнѣ взглянуть на Нее, на Матушку. Знаешь, Лазарь, Іуда, вѣдь онъ тоже Христа за деньги продалъ, какъ мы совѣсть за деньги продаемъ. А что ему за это было. А тамъ [за Иверской] присутств. мѣста... [Ухъ...] Уголовная палата... Вѣдь меня въ Сибирь сошлютъ.... Господи!... (*плачетъ*). Коли такъ не дадите денегъ, такъ дайте Христа ради (*плачетъ*).

Лазарь.

Что вы! Что вы, тятенька! Полноте! Богъ милостивъ, какъ нибудь сдѣлаемся. Что это вы! Поправимъ какъ нибудь! Еще не Богъ знаетъ бѣда какая, все въ нашихъ рукахъ.

Сам. Сил.

Денегъ надо, Лазарь, денегъ, больше нечѣмъ поправить! Либо денегъ, либо въ Сибирь.

Лазарь Ел.

И денегъ дадимъ-съ; только-бы отвязались. Я, такъ и быть, еще пять копѣечекъ прибавлю-съ. Будетъ съ нихъ по 15 копѣекъ.

Сам. Сил.

25 надо, Лазарь. Ей Богу, меньше не берутъ.

Лаз.

Нѣтъ, это, тятенька, много-съ. Ей Богу, много.

Сам. Сил.

Змѣи вы подколодные! (*плачетъ*).

Аграф. Конд.

Варваръ ты, разбойникъ! Разбойникъ ты эдакой. Нѣтъ тебѣ моего благословенья. Изсохнешь вѣдь и съ деньгами-то, изсохнешь, не доживя вѣку. Разбойникъ ты этакой, разбойникъ.

Лаз. Елиз.

Полноте, маменька, Бога-то гнѣвить. Что это вы клянете насъ не разобрамши дѣла-то. Вы видите, тятинька захмѣлѣлъ маленько. А вы ужъ и на поди! [Рады проклясть въ преисподнюю.]

Олимп. Самс.

Ужъ вы, маменька, молчали-бы лучше! А то вы рады проклясть въ преисподнюю, знаю я, васъ на это станетъ. За то вамъ Богъ, должно быть, и другихъ дѣтей-то не далъ.

Агр. Конд.

Сама ты молчи, безпутная. И одну-то тебя Богъ мнѣ въ наказанье послалъ.

[**Лаз. Елиз.** (*подходя къ Агр. Конд.*).]

[Полноте, маменька, видите, тятенька захмѣлѣлъ.]

[**Сам. Сил.**]

[Полно, жена, перестань. Пьянъ я, точно пьянъ.]

Олим. Сам.

У васъ всѣ безпутныя; вы одни хороши! На себя то посмотрѣли бы; только что понедѣльничаете-то, а то вѣдь у васъ дня не пройдетъ, чтобы не облаять кого нибудь.

Агр. Конд.

Ишь ты, [безстыжія твои глаза,] ишь ты, какъ она съ матерью-то поговариваетъ. Да я тебя, шлюху, на всѣхъ соборахъ прокляну.

[**Лаз.**]

[Полноте, маменька.]

Олим. Сам.

Проклинайте пожалуй.

Агр. Конд. (*съ ожест.*).

Да! Вотъ какъ! Умрешь и не сгніешь! Да!

Олим. Сам.

Очень нужно!

[Агр. Конд.]

[Вотъ поговори еще—такъ я тебѣ всю полу выдеру.]

[Олим. Сам.]

[Какже держите карманъ-то; позволю я надъ собой командовать!] (*въ продолженіи этой сцены Большовъ встаетъ и беретъ шапку*).

Сам. Сил.

Ну, прощайте, дѣтки!

Лаз. Елиз.

Что-же вы, тятенька, посидите! Надобно же какъ нибудь дѣло-то покончить.

Сам. Сил.

Да что, Лазарь, кончать-то; ужъ [я вижу, братъ, что] дѣло-то кончено. Сама себя раба бьетъ, коли не чисто жнетъ. [Я одинъ виноватъ, одинъ и отвѣчать буду. Вотъ, скажу, я весь тутъ, что хотите, то и дѣлайте, а денегъ вамъ нѣтъ ни копѣйки. Вы меня извините, Лаз. Елиз., что я тебя васъ давича можетъ чѣмъ обидѣлъ съ горяча то. Ты ни въ чемъ не виноватъ. Тебѣ еще надобно жить на свѣтѣ, торговать. Ты] А вы, Лаз. Елиз., и со всѣми такъ дѣлайте какъ со мной-то, [поступилъ-съ] теперича. Нынче [братъ] иначе-съ и жить нельзя-съ. [Много ли нынче наберется народу съ доброй совѣстью. Такъ тебѣ въ глаза и смотрятъ, какъ бы ограбить тебя до чиста да въ одной рубашкѣ по миру пустить. Что, Лазарь,] разбойники-то, что по лѣсамъ грабятъ передъ [нашими городскими-то разбойниками] вами, просто святые люди. Тотъ и ограбитъ-то кого, такъ въ чащу да глушь прячется—свѣту деннаго боится. А [наши-то на лежачихъ ресорахъ] вы четвернею ѣздите, въ трехъ этажныхъ домахъ живете, [онъ тебя], вы обманете, да [тебѣ жъ] послѣ и смѣетесь въ глаза. [Они Лазарь] безбожники, [ты имъ] вы и на божбу [не вѣрь] повѣрить нельзя. А на божбу повѣришь, такъ [придется тебѣ] оберутъ тебя до ниточки; и придется тебѣ бѣжать на каменный мостъ; да бросаться [оттудова] въ Москву рѣку. Да и оттедова [Лазарь, тебя кредиторы] за языкъ вытащатъ да въ острогъ посадятъ [Душегубцы вы, окаянные!] А вотъ что, Лазарь Елиз., вы ужъ не платите за меня [ни копѣйки] ничего. Не давайте· имъ] ни денежки.

Пусть что хотятъ со мной, то и дѣлаютъ [а ужъ денегъ имъ ни гроша!] Прощай | те | Лазарь! Пора мнѣ!

Лаз.

Прощайте, тятенька, Богъ милостивъ, какъ нибудь обойдемся.

Сам. Сил.

Прощай, жена.

Агр. Кон.

Прощай, бат. Сам. Сил., когда къ вамъ въ яму-то пускаютъ?

Сам. Сил.

Не знаю!

Агр. Конд.

Ну такъ я навѣдаюся! А то умрешь тутъ не видамши-то тебя!...

Сам. Сил.

Прощай, дочка! | Прощайте, А. Сам. | Ну вотъ [ты] вы теперь будете богаты, заживете по барски! [А отецъ, А я! ну что толковать то, сама себя раба бьетъ, коли не чисто жнетъ. Прощайте]. По гуляньямъ это, по баламъ! Дьявола тѣшить. А не забудьте вы, А. С., что есть клѣтки съ ж. рѣшетками, сидятъ тамъ бѣдные заключенные. Не забудьте насъ бѣдныхъ заключенныхъ (*уходитъ*).

Лаз. (*вскик. съ мѣста*).

Эхъ, А. С. съ, неловко-съ! Жаль тятеньку, ей Богу жаль-съ. Нешто поѣхать-съ самому поторговаться съ кредиторами! Аль не надо-съ. Онъ то можетъ лучше ихъ разжалобить. А! Аль ѣхать-съ. Поѣду-съ. Тишка!

А. С.

Какъ хотите, такъ и дѣлайте—ваше дѣло.

Лаз.

[Я старинькій сертучекъ-съ надѣну, а то подумаютъ богатъ должно быть!] Тишка (*вход. Тишка*). (*Тишкѣ*). Подай стар. сертукъ, котораго хуже

нѣтъ. А то подумаютъ-съ богатъ должно быть-съ. Съ ними въ тѣ поры и не сговоришь (*вход. Агр. Кон. и Рисп.*).

Рисп.

Вы мат., А. К., огурч. еще не изволили солить.

А. Конд.

Нѣтъ, бат., какіе теперь огурчики! До того ли ужъ мнѣ! А вы посолили?

Рисп.

Какъ же, мат., посолили. Дороги нынче очень, говорятъ морозомъ хватило. Лазарь Елизарьевичъ, батюшка, здравствуйте.

ДѢИСТВІЕ 4-е [1]).

Въ домѣ Лазаря, изящно меблированная гостиная. Олим. Сам. сидитъ у окна въ роскошномъ положеніи, на ней шелковая блуза и маленькій чепчикъ послѣдняго фасона. Лазарь Елиз. въ модномъ сюртукѣ стоитъ передъ зеркаломъ, Тишка за нимъ, одергиваетъ его и охорашиваетъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-Е.

Лазарь Елиз., Олимп. Сам. и Тишка.

Тишка.

Ишь ты какъ оно пригнато, въ самый разъ.

Лаз.

А что Тишка, похожъ я на француза.—Да ты изъ дали погляди.

Тиш.

Двѣ капли воды.

Лаз.

То-то, дуракъ, вотъ ты теперь и смотри на насъ (*идетъ по комнатѣ.*) Такъ то-съ, А. С., а вы еще хотѣли за офицера идти-съ. Чѣмъ-же мы не молодцы-съ. Вотъ сюртучекъ новенькій, взяли да и надѣли.

[1]) Варіантъ.

Ол. С.

Тишка.

Устинья Наум. пришла.

Л. Е.

Зачѣмъ ее еще чертъ принесъ.

Уст. Наум.

Л. Е.

Да за что вамъ деньги-то давать-съ. Диви-бы за дѣло, за какое.—

У. Н.

За дѣло-ли, за бездѣлье-ли, а давай. Ты самъ обѣщалъ, коли тому жениху откажу.

Л. Е.

Мало-ли что я обѣщалъ! Я обѣщалъ съ Ивана Великаго прыгнуть, коли женюсь на А. С.—такъ и прыгать.

У. Н.

Л. Е.

Да хоть-бы генеральша—мнѣ все равно; я васъ и знать-то не хочу. Вотъ и весь разговоръ.

У. Н.

Анъ врешь не весь. Ты мнѣ еще соболій салопъ обѣщалъ.

Л. Е.

Что за грабежъ! А ступайте съ Богомъ да и все тутъ.

У. Н.

Что-жъ ты меня [гонишь ужъ] выгнать хочешь, хорошъ молодецъ нечего сказать.

Подх.

Отчего [жъ]-бы не заплатить-съ, да просятъ [то ужъ больно не сообразно] цѣну-то, [которую] совсѣмъ несообразную.

С. С.

Да развѣ я прошу; я [самъ готовъ вамъ отдать послѣднее, что-жъ] изъ за каждой вашей копѣйки просилъ, просилъ, въ ноги кланялся, что-же мнѣ дѣлать, когда не хотятъ уступить [ни одной копѣйки] ничего.

О. С.

Мы, тятенька, сказали вамъ, что больше 10 коп. дать не можемъ и толковать объ этомъ нечего.

С. С.

Ужъ ты скажи, дочка: ступай молъ ты старый чортъ въ яму. Да въ яму его стараго дурака, въ острогъ его. [*пл.*] А вы вотъ что подумайте каково мнѣ теперь.

Это водочка! Я, Л. С., рюмочку выпью.

Л.

А зачѣмъ это вы къ намъ пожаловали, не слыхать-ли.

С. П.

Хе, хе, какой вы шутникъ, Л. Е. Извѣстное дѣло за чѣмъ.

Л.

А за чѣмъ-бы это, желательно знать-съ.

С. П.

За деньгами, Л. Е., за деньгами. Кто за чѣмъ, я все за деньгами.

Л.

Да ужъ вы за деньгами-то больно часто ходите.

Р.

Да какъ-же не ходить-то, Л. Е., когда вы по 5 цѣлк. даете, вѣдь у меня семейство.

Л.

Что-жъ вамъ не по 100-же давать.

Р.

А ужъ вы отдали-бы заразъ, такъ я бы къ вамъ не ходилъ.

Л.

То-то вы ни уха ни рыла не смыслите, а еще хапанцы берете, за что вамъ давать-то!

Р.

Какъ за что? Сами обѣщали.

Л.

Сами обѣщали, вѣдь давали тебѣ, попользовался ну и будетъ, пора честь знать.

Р. (*вск.*)

Какъ пора честь знать, да вы мнѣ еще тысячи полторы должны, Л. Е.

Л.

Должны, тоже должны, словно у него документъ, а за что должны! за мошенничество.

Р.

Какъ за мошенничество, за труды, а не за мошенничество.

Л. Е,

За труды! [Хороши труды. Экой труженикъ].

Р.

Ну да тамъ за что-бы то ни было, а давайте деньги — а то документъ.

Л. Е.

Чего-съ! [Нѣт]. Документь! Нѣтъ ужъ это придите послѣ!

Р.

Такъ что-жъ ты меня ограбить что-ли хочешь съ малыми-то дѣтьми!

Л. Е.

Что за грабежъ! А вотъ возьми [те] еще 5 цѣлк. да иступай съ Бог.

Р.

Нѣтъ погоди—ты отъ меня этимъ не отдѣлаешься.

Л.

А что-жъ ты со мной сдѣлаешь. (*Тишка-съ стар. сертук.*).

Р.

Что сдѣлаю? Языкъ-то у меня не купленый!

Л. Е.

Что-жъ ты лизать, что-ль меня хочешь.

Р.

Нѣтъ не лизать, а добрымъ людямъ разсказывать.

Л. Е.

О чемъ разсказывать-то. Да кто тебѣ повѣритъ-то еще.

Р.

Кто повѣритъ?

Л. Е.

Да! кто повѣритъ-съ. Погляди-ко ты на себя.

Р.

Кто повѣритъ? Кто пов? А вотъ увид. А вотъ ув. Бат. мои! Да что-жъ мнѣ дѣлать-то! Смерть моя. Грабитъ меня разбойникъ, грабитъ. Нѣтъ ты погоди! Ты увидишь! Грабить не приказано.

Л. Е.

Да что увидать-то.

Р.

А вотъ что увидишь! Постой! Постой! Ты думаешь [некуда на тебя просить,] я на тебя суда не найду. Погоди!

Л.

Погоди да погоди. Ужъ я и такъ ждалъ довольно. Ты полно пужать-то—не страшно.

Р.

Ты думаешь мнѣ никто не повѣритъ. [Не повѣритъ!] Ну пущай не вѣрютъ. [Я свое знаю,] пущай обижаютъ. Я.... я вотъ что сдѣлаю. Почтеннѣйшая публика.

А. Е.

Что ты! Что ты! очнись!

Т.

Ишь ты съ пьяныхъ-то глазъ куда лѣзетъ.

Р.

Постой! Почтеннѣйшая публика: жена, 4 дѣтей, вотъ сапоги худые.

Л. Е.

Все вретъ-съ. Самый пустой человѣкъ. [довѣр.] Полно ты, полно. Ты прежде на себя-то посмотри, куда ты лѣзешь.

Р.

Пусти! Тестя обокралъ, меня [тоже] грабитъ—жена, 4 дѣтей, вотъ сапоги худые.

| **Тишка.** |

| Подметки подкинуть можно. |

| **Рисп.** |

| Ты што! ты такой-же грабитель. |

| **Т.** |

| Ничего-съ проѣхали |

Л. Е.

Ну что ты мараль-то этак. пущаешь.

Р.

[Вамъ скоро обанкрутиться. Да ужъ тогда дружокъ], нѣтъ ты погоди. Я тебѣ припомню. Я тебя въ Сибирь упеку.

Л. Е.

Не вѣрьте, все вретъ-съ. Такъ сам. пуст. чел. вниманія не стоющій. Ахъ, братецъ, какой ты безобразный. Ну не зналъ я тебя. [А то] ни за какія бы благополучія и связываться не сталъ.

Р.

Что взялъ! а! что взялъ! Вотъ тебѣ собака. Ну теперь подавись моими деньгами. Чертъ съ тобой (*уходитъ*).

Л. Е. (*смотритъ въ слѣдъ*).

Какой горячій-съ (*къ пуб.*). Вы ему не вѣрьте, это онъ что говорилъ-съ, это все вретъ. Ничего этого и не было. Это ему должно быть во снѣ приснилось. А вотъ мы магазинчикъ [заводимъ] открываемъ. Милости просимъ-съ. Малаго ребенка пришлите, въ луковицѣ не обочтемъ.

КОНЕЦЪ.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ОСТРОВСКІЙ

I.

Рѣчь Александра Николаевича Островскаго на обѣдѣ, въ честь артиста Спб. театровъ Александра Евстафьевича Мартынова [1]).

„А. Е., публика васъ цѣнитъ и любитъ. Каждая новая роль ваша для публики новое наслажденіе, а для васъ новая слава; вы постоянно слышите громкія выраженія восторга, вызваннаго вашимъ дарованіемъ и тридцатилѣтнимъ честнымъ служеніемъ искусству; вы, наконецъ, накопили столько пріятныхъ ощущеній въ зрителяхъ, что они сочли долгомъ выразить вамъ лично и торжественно свою благодарность за тѣ минуты наслажденія, которыхъ вы были виновникомъ; но въ огромномъ числѣ почитателей вашего таланта есть нѣкоторые, ихъ у насъ еще очень немного, которымъ ваши успѣхи ближе къ сердцу, которымъ ваша слава дороже, чѣмъ кому нибудь; это драматическіе писатели, отъ лица которыхъ я и беру на себя пріятную обязанность принести вамъ искреннюю благодарность.

„Можно угодить публикѣ, угождать ей постоянно, не удовлетворяя нисколько автору,—примѣры этому мы видимъ часто. Но ни одинъ изъ русскихъ драматическихъ писателей не можетъ упрекнуть васъ въ этомъ отношеніи; этого мало, каждый изъ насъ, я думаю, долженъ признаться, что игра ваша всегда была одною изъ главныхъ причинъ успѣха нашихъ пьесъ на здѣшней аренѣ. Вы не старались выиграть въ публикѣ на счетъ пьесы, напротивъ, успѣхъ вашъ и успѣхъ пьесы всегда были неразлучны. Вы не

---

[1]) А. Е. Мартыновъ род. 12-го іюля 1816 г., выступилъ на сцену въ 1832 г., умеръ въ Харьковѣ 16-го авг. 1860 г. на рукахъ А. Н. Островскаго. Подаренъ этотъ и слѣдующій автографы А. Н. Островскаго въ собраніе рукописей „Русской Старины" артистомъ и писателемъ И. Ѳ. Горбуновымъ въ февралѣ 1869 г., въ Спб. Ред.

оскорбляли автора, вырывая изъ роли серьезное содержаніе и вставляя, какъ въ рамку, свое, большею частію характера шутливаго, чтобъ не сказать рѣзче. Ваша художественная душа всегда искала въ роли правды, и находила ее часто въ однихъ только намекахъ; вы помогали автору; вы угадывали его намѣренія, иногда неясно и неполно выраженныя; изъ нѣсколькихъ чертъ, набросанныхъ неопытной рукой, вы создавали оконченные типы, полные художественной правды.

„Вотъ чѣмъ вы и дороги авторамъ, вотъ отъ чего и немыслима постановка ни одной сколько-нибудь серьезной пьесы на петербургской сценѣ безъ вашего участія, вотъ отъ чего, даже при самомъ замыслѣ сценическаго произведенія, каждый писатель непремѣнно помнитъ о васъ и заранѣе готовитъ для вашего таланта мѣсто въ своемъ произведеніи, какъ вѣрное ручательство за будущій успѣхъ.

„Поблагодаримъ васъ и за то, что вы избѣжали искушенія, которому часто поддаются комики, искушенія тѣмъ болѣе опаснаго, что оно льститъ скорымъ, безъ труда дающимся, успѣхомъ. Вы никогда не прибѣгали къ фарсу, чтобы вызывать у зрителей пустой и безплодный смѣхъ, отъ котораго ни тепло, ни холодно. Вы знаете, что кромѣ минутной веселости фарсъ ничего не оставляетъ въ душѣ, а продолжаемый или часто повторяемый доставляетъ актеру въ лучшей публикѣ вмѣсто уваженія чувство противоположное.

„Наконецъ, самую большую благодарность должны принести вамъ мы, авторы новаго направленія въ нашей литературѣ, за то, что вы помогаете намъ отстаивать самостоятельность русской сцены. Наша сценическая литература еще бѣдна и молода (это правда); но съ Гоголя она стала на твердой почвѣ дѣйствительности и идетъ по прямой дорогѣ. Если еще и мало у насъ полныхъ, художественно законченныхъ, произведеній, за то уже довольно живыхъ, цѣликомъ взятыхъ изъ жизни типовъ и положеній, чисто русскихъ, только намъ однимъ принадлежащихъ, мы уже имѣемъ всѣ задатки нашей самостоятельности. Отстаивая эту самостоятельность, работая вмѣстѣ съ нами для оригинальной комедіи и драмы, вы заслуживаете отъ насъ самаго горячаго сочувствія, самой искренней благодарности. Если бы новое направленіе, встрѣтившее на сценѣ огромный переводный репертуаръ не нашло сочувствія въ артистахъ, дѣло было бы сдѣлано только въ половину. Ваше художественное чувство указало вамъ, что въ этомъ направленіи правда и вы горячо взялись за него! Пріобрѣтя извѣстность репертуаромъ переводнымъ, вы не смотрите съ неудовольствіемъ на новыя произведенія, вы знаете, что переводы эфемерныхъ французскихъ произведеній не обогатятъ

нашей сцены, что они только удаляютъ артистовъ отъ дѣйствительной жизни и правды, что успѣхъ ихъ въ неразборчивой публикѣ только вводитъ нашихъ артистовъ въ заблужденіе на счетъ ихъ способностей, а рано или поздно имъ придется разочароваться въ этомъ заблужденіи. Не смотря на всѣ старанія, на всю добросовѣстность исполненія переводныхъ піесъ, нашимъ артистамъ никогда не избѣжать смѣси французскаго съ нижегородскимъ.

„Переводныя піесы намъ нужны, безъ нихъ нельзя обойтись; но не надо забывать также, что онѣ для насъ дѣло второстепенное, что онѣ для насъ роскошь, а насущная потребность наша въ родномъ репертуарѣ. Честь и слава вамъ, А. Е., вы поняли отношеніе переводнаго репертуара къ родному и пользуетесь тѣмъ и другимъ съ одинакимъ успѣхомъ."

„Вы ѣдете запасаться здоровьемъ. Счастливаго вамъ пути, А. Е.! запаситесь имъ какъ можно болѣе! Для насъ, драматическихъ писателей, оно дороже чѣмъ для кого-нибудь. Вѣрьте, что между искренними желаніями вамъ долгихъ дней желанія наши самыя искреннія. Гг., я предлагаю выпить еще разъ за здоровье А. Е.

II.

Замѣтка А. Н. Островскаго о Диккенсѣ.

Изъ всѣхъ произведеній Диккенса видно, что онъ хорошо знаетъ свое отечество, изучилъ его подробно и основательно. Для того, чтобы быть народнымъ писателемъ, мало одной любви къ родинѣ, любовь даетъ только энергію, чувство, а содержанія не даетъ, надобно еще знать хорошо свой народъ, сойтись съ нимъ покороче, сродниться. Самая лучшая школа для художественнаго таланта есть изученіе своей народности, а воспроизведеніе ея въ художественныхъ формахъ — самое лучшее поприще для творческой дѣятельности. Изученіе изящныхъ памятниковъ древности, изученіе новѣйшихъ теорій искусства пусть будетъ приготовленіемъ художнику къ священному дѣлу изученія своей родины, пусть съ этимъ запасомъ входитъ онъ въ народную жизнь, въ ея интересы и ожиданія. Въ путешествіи его (въ Американскіе Соединенные Штаты) еще болѣе проглядываетъ англійская исключительность; все это произведеніе пропитано духомъ личной національной вражды къ заморскимъ единоплеменникамъ. Однако, надобно сказать къ чести Диккенса, что его отзывы о иностранцахъ, при всей исключительности не имѣютъ ни той жесткости, ни того тона презрѣнія, кото-

рыми, прославились въ Европѣ его соотечественники, а всегда смягчены болѣе или менѣе юморомъ.

Для (эст.) худож. разб. Д. и с. это [буд. служ], и подтверж. прежде сказ.—по идеѣ торговая гордость.—Честь фирмы выше всего честь фир. это начало, изъ кот. ист. вся дѣят. и кот. все.—Дик., чтобы показ. всю неправду эт. начала, став. его въ соприк. съ друг. начал. съ любовью въ различ. ея проявл.

Здѣсь же надобно кончить было ром., но не такъ дѣлаетъ Дик., онъ заставляетъ Вальт. явиться изъ-за моря, Флорансу скрываться у кап. Купля и выйти замужъ за Вальтера, застав. Д (омби) раскаяться и помѣститься въ семейст. Флорансы. Эта борьба въ семейст. Флорансы составляетъ основу романа – типы, въ кот. прояв. то и др. начало. Предмет. торг. горд. яв (ляетъ) Домби. Пот (омъ) Кар.

У Дом (би) всѣ............... отн (ошен.) къ людямъ. Онъ ни на люд. на служб. на жену.... .... на дочь. Онъ хоч (етъ) яв (иться) не челов (ѣкомъ), а пред. фирм (ы).

Эт. ром (анъ) разв. и окон... подъ фир.

УСТЬ-СЫСОЛЬСКАЯ СТАРИНА

Разбойники.

II [1]).

Челобитная купецкаго человѣка Елисея Суханова

4-го іюня 1739 г.

Всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая Великая Государыня Императрица Анна Іоанновна Самодержица Всероссійская. Извѣщаетъ города Яренска нижайшій купецкій человѣкъ Елисей Ивановъ сынъ Сухановъ, а о чемъ тому слѣдуютъ пункты.

1-ое. Въ нынѣшнемъ 739 году мая 10-го дня, бывшу солнцу во время обѣдника, безъ вѣсти нечаянной приплыли сверху Вычегдою рѣкою воровскіе люди въ Устьсысольскую волость многолюдствомъ и обступили нашъ дворъ внезапу страшнымъ разбоемъ. И увидя онои ихъ многолюдственный разбой, отецъ мой Иванъ и дядя Петръ Сухановы съ домашними своими и съ прилучившимися посторонними людьми,—во дворѣ запершись и изъ ружей по нихъ воровъ палили многократно и не отступая того бою. Оные разбойники, видя тогда бывшей отъ Бога великій вѣтръ, домъ нашъ зажгли огнемъ, отъ котораго огня непреминующіе ради нужды изъ дома своего по неволѣ выбѣжали въ ограду свою, гдѣ оные разбойники, помянутыхъ отца моего Ивана и дядю Петра схвативши, били кистенями и копьями кололи и ножами своими рѣзали, отъ которыхъ тяжкихъ ранъ отецъ мой Иванъ въ тотъ же день въ вечеру и умре; а дядя

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1891 г., т. LXIX, январь, стр. 214—218.

мой Петръ отъ оныхъ же воровъ тяжкаго озлобленія лежитъ весьма боленъ при смерти.

2-ое. А прилучившихся въ домѣ нашемъ людей Устьсысольской таможни и кружечнаго двора сего настоящаго 739 году бурмистра Исака Чюколина, да купецкаго человѣка Софрона Шешукова, Визенской волости бобыля Константина Маюрова копьями кололи и ножами рѣзали всѣхъ ихъ до смерти. А во ономъ зажженомъ дворѣ отъ страха оставшихся людей—дѣвицъ Любаву и Александру Петровыхъ, дочерей Сухановыхъ, да работницу Устьсысольской волости дѣвицу Евфимью Климонтову дочь Мальцовыхъ, да межадорской волости крестьянина Семена Михайлова жена Остановыхъ, который у насъ въ домѣ имѣлся ради обученія дѣтей въ грамотѣ, всѣхъ сожгли до смерти. А другіе наши домовые обыватели многіе въ оградахъ побиты и едва живы оставлены.

3-ье. Да въ томъ же сожженомъ дворѣ нашемъ имѣющіяся письма, всякія крѣпости на деревенскія владѣнія и заводы и угодья, и долговыя взятки по крѣпостямъ и по роспискамъ и памятнымъ книгамъ и конторнымъ и винокуренные имѣющіеся указы позволительные и протчія и разныя квитанціи о клейменіи кубовъ и котловъ и по здачѣ вина на кружечные дворы отмѣрные, письма и о хлѣбныхъ припасахъ къ тому винному куренію, выписки и съ контрактовъ копіи и долговыя между собою записи и святыя иконы на окладахъ серебряныхъ подъ золотомъ и безъ окладовъ и къ нимъ божественныя разныя посуды серебряныя, цѣнныя стеклянныя, оловянныя и мѣдныя и желѣзныя и деревянныя, и платье всякое мужское и женское отъ россійскихъ и иностранныхъ парчей и привѣсы къ женскимъ уставамъ золотые, серебряные и жемчужные, также и отъ разныхъ въ камени въ перстняхъ и сергахъ, да два погреба съ имѣющимися питьями заморскими и русскими и надъ оными погребы въ анбарѣхъ домовыя снасти и куски сребряные и мѣдные и оловянные и желѣзные и къ судовымъ промысламъ пенковыя снасти и бывшіе хлѣбные припасы на мясныхъ и постныхъ дней харчей, кои ими-жъ разбойниками пограблены, а иные всѣ сожжены безъ остатка. А цѣны онымъ вышепоказаннымъ домовымъ пожиткамъ показать я не могу, понеже оные вышеобъявленые заведены прадѣдми и дѣтми и отцомъ моимъ и дядею изстари, да ими разбойниками похищено изъ двухъ ящиковъ, которые имѣлись въ горницѣ у отца моего и дяди двѣ тысячи рублевъ денегъ

И тѣ ящики найдены послѣ ихъ разбойниковъ на берегу изломаны; да подъ горницею было въ амбарѣ покупнаго товару, а именно: пятнадцать тысячъ бѣлки чистой, по двадцати рублей тысяча, того на триста рублей; одинъ пудъ струи бобровой сухой, по три рубля фунтъ, того на сто на двадцать рублевъ; пятьсотъ горностаевъ по восьми рублевъ сто, того на сорокъ рублевъ; сто куницъ, по три рубля десятокъ, того на тридцать рублевъ; тридцать лисицъ красныхъ, по рублю по двадцати копѣекъ одна, того на тридцать на шесть рублевъ; сто пятдесятъ норокъ, по двадцати пяти копѣекъ одна, того на тридцать на семь рублевъ на пятдесятъ копѣекъ; двѣсти вервезей бобровыхъ, дѣланныхъ по двадцати рублевъ сто, того на сорокъ рублей; пять росамахъ, по два рубля по десяти копѣекъ одна, того на десять рублей на пятдесятъ копѣекъ; двадцать винтовокъ, по рублю пятидесяти копѣекъ одна, то на тридцать рублевъ; двадцать пять пудовъ табаку, по два рубля пятидесяти копѣекъ пудъ, того на пятдесятъ рублевъ; выше показаннаго товару на шестьсотъ на девяносто на четыре рубли ими ворами кои разграблены, а иные и огнемъ сожжены, безъ остатку. Да въ томъ же дворѣ было изготовлено отъ воровскихъ людей для обороны оружія: двадцать фузей, четыре пары пистолей, двѣ пары мушкатеровъ, шесть шпагъ, пятнадцать копій, десять луковъ и стрѣлы, двѣ пушки чугунныя длиною по полуаршина съ двумя вершки, одна пушка желѣзная кованая длиною полтора аршина и къ тому оружію лядунки съ патроны и натруски съ порохомъ и пулями и по ономъ бою оныя ружья ихъ остались въ томъ дворѣ. И того оружья оные воры похитили или въ огнѣ сожгли, того знать не могу.

4-ое. И по такомъ домовомъ сожженіи и убивствѣ людей и разграбленіи пожитковъ пловучи изъ Устьсысольской волости внизъ по Вычегдѣ рѣкѣ бывшую при деревнѣ нашей Учелвы рѣки по вашему императорскаго величества указу нами построенную винокуренную поварню и въ ней бывшихъ винокуренныхъ заводовъ два куба, шесть котловъ мѣдныхъ, двѣ яндовки, три поваренки, четыре поддѣна и всѣ тѣ мѣдныя шестнадцать трубъ, мѣдныя-жъ вѣсомъ трубы и котлы и прочія помянутыя мѣдныя посуды были двадцать пудъ, по цѣнѣ за пудъ по десяти рублевъ, того на двѣсти рублевъ; да при той поварнѣ два подвала и что имѣлось по камеръ-коллежскому указу, по подрядамъ нашимъ выкуренное вино простое на

поставку къ нынѣшнему 739 году на яренскіе и устьсысольскіе кружечные дворы къ тысяча восьми стамъ ведръ въ пятнадцати бочкахъ— шестьсотъ ведръ—ими, разбойниками, всѣ сожжены. А по подрядной цѣнѣ оное вино по пятидесяти по четыре копѣйки ведро, того на триста на двадцать четыре рубля; въ анбарѣ хлѣбнаго припасу ржанаго и яшнаго шестьдесятъ четвертей сложною цѣною, по сороку копѣекъ, того на двадцать четыре рубли, да на томъ-же анбарѣ вверху хмѣль двадцать пудъ, по восьмидесяти копѣекъ пудъ, того на шестнадцать рублевъ. Дровъ триста сажень, по десяти копѣекъ сажень, того на двадцать на семь рублевъ; да въ той-же поварнѣ заторный котелъ желѣзный тридцать два пуда по цѣнѣ на сорокъ рублевъ; десять чановъ заторныхъ, цѣною по 2 руб., того на двадцать рублевъ; пятдесятъ бочекъ дубовыхъ, по шестидесяти копѣекъ одна, того на тридцать рублей, да и мелкія посуды и снасти, и деревянныя и желѣзныя по цѣнѣ на десять рублей, поварня и подвалы и анбары по цѣнѣ на триста рублей. При поварнѣ сожжено и пограблено на девятьсотъ на девяносто одинъ рубль.

5-ое. И сего ради въ непоставкѣ вышеозначеннаго подряднаго вина на показанные кружечные дворы оныхъ разбойниковъ помѣшательство за всеконечнымъ нашимъ раззореніемъ и остановка учинилась.

Всемилостивѣйшая государыня императрица, прошу вашего императорскаго величества да повелитъ державство ваше сіе наше извѣтное челобитье въ яренской воеводской канцеляріи принять и записать въ книгу и о показанномъ нашемъ раззореніи, куда надлежитъ писать, чтобъ въ непоставкѣ помянутаго вина впредь намъ въ какой винѣ не причлось, а для всегдашняго намъ оправданія съ сего челобитья дать копію.

Вашего императорскаго величества нижайшій рабъ города Яренска вышепомянутый купецкій человѣкъ Елисѣй Сухановъ, писалъ сію извѣтную челобитну Устьсысольской волости черносошный крестьянинъ Дмитрій Федосіевъ сынъ Забоевъ. Къ поданію надлежитъ въ яренскую воеводскаго правленія канцелярію мая 15 дня 1739 года. У подлиннаго рука приложена (тако) къ сей извѣстной челобитнѣ Елисѣй Ивановъ сынъ Сухановъ руку приложилъ.

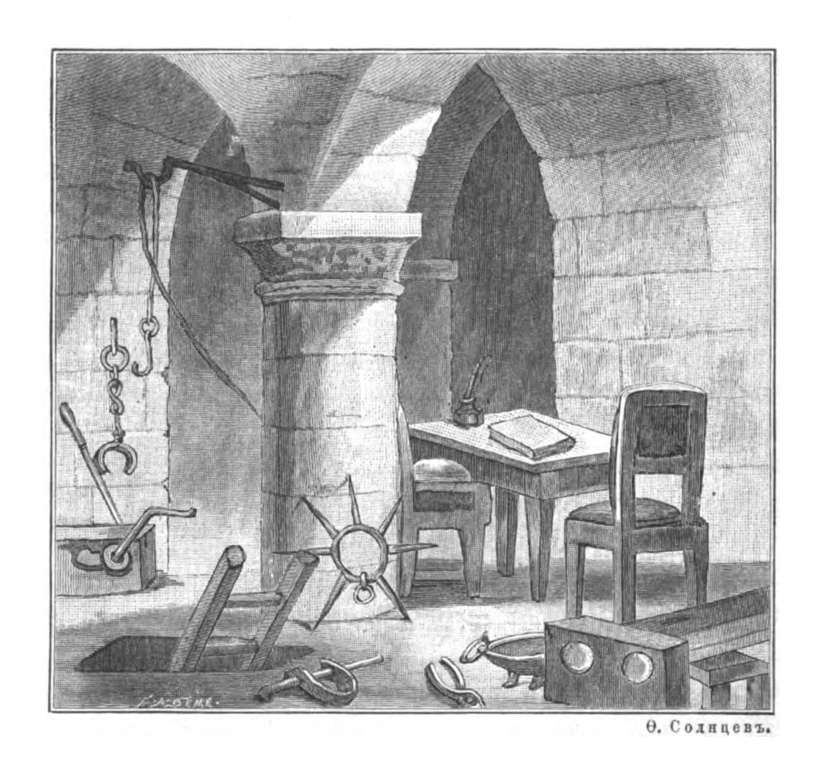
На той же подлинной памяти (тако): подана іюня 4 дня 1739 г.,

записавъ пошлины, взять по указу и записать въ приходъ, а просителю Суханову и по повытьямъ дать съ сего челобитья точныя копіи. И о вышеписанномъ для вѣдома, куда надлежитъ писать немедленно. Оную помѣту скрѣпилъ князь Семенъ Вяземскій.

Подлинная подписана (тако) князь Семенъ Вяземскій.—Съ подлиннаго читалъ Григорій Денисовъ.

Пошлинъ по указу двѣ копѣйки взяты и въ приходъ записаны.

Сообщ. **Ф. А. Арсеньевъ**.

Ѳ. Солнцевъ.

Въ Тайной канцеляріи, XVIII вѣка.

СИБИРСКІЙ ГУБЕРНАТОРЪ Д. И. ЧИЧЕРИНЪ

1773—1776 гг.

1.

От̄ тобольской полиціймейстерской канторы приказъ.

Его превосходительство, господинъ генералъ-порутчикъ, лейбъ-гвардіи примеръ-маіоръ и кавалеръ Денисъ Ивановичъ Чичеринъ приказать изволилъ, чтобъ подтвердить всѣмъ живущимъ въ городѣ Тобольскѣ обывателямъ, дабы съ полдня, по пробитіи одиннадцати часовъ, никто изъ домовъ своихъ не отлучался и такъ поздно по городу не ходилъ и не ѣздилъ; въ противномъ же сего случаѣ, если кто, по прошествіи показанныхъ часовъ, взятъ будетъ обходомъ или разъѣздомъ подъ караулъ, то съ таковыми, яко съ ослушниками, безъ малѣйшаго упущенія поступлено будетъ по всей строгости. И въ слышаніи сего подтвержденія каждому подписаться.

Плацъ-маіоръ Яковъ Мейбомъ.

29 октября
1773 г.

2.

Отъ генеральнаго дежурства въ тобольскую полиціймейстерскую кантору приказъ.

Завтрашняго 13-го числа февраля будетъ въ домѣ его превосходительства, господина генералъ-порутчика, лейбъ-гвардіи примеръ-маіора, тобольскаго губернатора и кавалера Дениса Ивановича Чичерина публичный маскерадъ. Почему тобольская полиціймейстерская кантора имѣетъ всѣмъ города Тобольска обывателямъ объявить: ежели кто изволитъ въономъ быть, тѣмъ съѣзжаться въ домъ его превосходительства въ маскерадномъ платьѣ по полудни въ пять часовъ.

Дежурный подпоручикъ Сергѣй Копотиловъ.

Февраля 12 ч.
1776 г.

3.

Ордеръ господину плацъ-маіору Мейбому

По полученіи сего извольте ваше высокоблагородіе у всѣхъ города Тобольска мясниковъ приказать отъ тобольской полиціи освидѣтельствовать безмѣны и сходны-ль оные съ указными меня рапортовать.

Д. Чичеринъ.

Апрѣля 10 дня
1776 г.

4.

Приказъ въ полицію.

По полученіи сего тотъ часъ, взявъ команду и въ бандъ у подканцеляриста Галявинскаго огонь залить и печь разломать до подошвы.

Д. Чичеринъ.

Апрѣля 26 дня
1776 г.

5.

Ордеръ господину плацъ-маіору Мейбому.

1. Сего числа извольте, взявъ команду, въ присутствіи вашемъ всѣ мушныя лавки, сколько есть въ Тобольскѣ, запечатать и не только изъ каждой лавки, но и изъ каждаго закрома, взявъ, испечь пробные хлѣбы и ко мнѣ представить.

2. Привозную муку для продажи на базарѣ, не учиня также апробаціи печеніемъ хлѣба, продавать запретить.

Д. Чичеринъ.

Августа 9 чис.
1776 г.

6.

Ордеръ господину плацъ-маіору Мейбому.

До свѣдѣнія моего доходитъ, что въ городѣ каждодневно бываетъ воровство единственно отъ изверговъ рода человѣческаго. Сіе хотя и искореняется, однако, никакъ не можно пресѣчь. И для того извольте, ваше высокоблагородіе, приказать всѣмъ въ Тобольскѣ въ домахъ хозяевамъ, чтобы имѣли заряженныя ружья и старались бы воровъ стрѣлять по ногамъ, дабы чрезъ то можно было всю сію злодѣйскую шайку собрать.

Д. Чичеринъ.

Августа 22 дня
1776 г.

7.

Ордеръ господину плацъ-маіору Мейбому.

Привозимую и приплавляемую изо всѣхъ мѣстъ въ Тобольскъ для продажи муку, не пропуская ни одного продавщика, извольте, ваше высокоблагородіе, осматривая, свидѣтельствовать, не окажется ли оной у кого съ пескомъ и ежели будетъ у кого найдена, о томъ меня репортовать.

Д. Чичеринъ.

Сентября 17 дня
1776 г.

8.

Въ тобольскую полиціймейстерскую кантору приказъ.

Какъ нынѣ наступило время холодное, то за первое предлагаю во всѣхъ харчевняхъ и гдѣ хлѣбъ и калачи пекутъ, вымораживать таракановъ. Равнымъ образомъ и во всѣхъ въ Тобольскѣ домахъ отъ полиціи о томъ же объявить.

Д. Чичеринъ.

Октября 22 дня
1776 г.

9.

Въ тобольскую полиціймейстерскую кантору приказъ.

Неоднократно чрезъ полицію отъ меня подтверждаемо было, чтобъ изъ Тобольска, не объявя въ полиціи, никакого званія, никого и никто отнюдь не вывозилъ, но сіе весьма слабо исполняется. Такъ, вчерашняго числа, по рапортамъ ко мнѣ отъ сотника Загваздинскаго станка, неизвѣстный злодѣй безъ всякаго виду прискакалъ на двухъ лошадяхъ заготовить для проѣзду генерала Мещерскаго, слѣдующаго дѣлать вновь ревизію, по семидесяти лошадей на станціи и, поставя оныхъ, поскакалъ впередъ, за которымъ и послана погоня. На сіе тобольской полиціймейстерской канторѣ предлагаю: имѣетъ оная всѣхъ въ Тобольскѣ обывателей строжайше обязать подписками, чтобъ отнюдь никто ни подъ какимъ видомъ незнакомыхъ и неизвѣстныхъ людей до Абалака и ниже до Турбы, безъ объявленія въ полиціи, возить не дерзалъ, съ такимъ подтвержденіемъ, ежели кто въ томъ изобличенъ будетъ, наказанъ будетъ кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей и посланъ на каторгу.

Д. Чичеринъ.

Ноября 13 дня
1776 г.

10.

Отъ генеральнаго дежурства въ тобольскую полиціймейстерскую кантору приказъ.

Татаръ Ніяска и Зенилка велѣно было изъ города выгнать вонъ, а какъ нынѣ оные, до свѣдѣнія дошло, находятся въ городѣ, которыхъ сыскать и содержать въ полиціи и репортовать его высокопревосходительства, господина губернатора и кавалера Дениса Ивановича Чичерина.

Дежурной прапорщикъ Венедиктъ Борзинъ.

Декабря 16 дня
1776 г.

Сообщ. изъ Тобольска **Е. В. Кузнецовъ**.

ІЕРОМОНАХЪ ІЕРОНИМЪ, ЗАТОЧНИКЪ ВЪ СОЛОВЕЦКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Род. 1766 г., † 1847 г. [1]).

I.

Я, Іеронимъ, Олонецкой губерніи, Каргопольскаго уѣзда Лекшло-Зерской волости, Орловскаго десятка, деревни на Ручью, которая немноголюдна; тутъ-то я родился на свѣтъ, въ 1766 году; имя мое при крещеніи было Дорофей. Отецъ мой былъ той деревни государственный крестьянинъ, Власъ Лаптевъ, а мать Стефанида. Она родила двухъ дѣтей: сына Игнатія и дочь Марію. По зачатію-же меня во чревѣ, отецъ умеръ.

Родины мои были чудны: мнѣ сама мать съ клятвою сказала: счисленія времени родовъ она не знала, а въ одинъ день утромъ затопила она печь въ избѣ своей и, по деревенскому обычаю, начала блины печь; посадила сковороду съ блиномъ на уголье, а сама стоитъ съ сковородникомъ, дабы вынять изъ печки сковороду, когда блинъ поспѣетъ. Тогда-то я, Іеронимъ, изъ утробы матери, какъ стрѣла изъ лука, выскочилъ и ударился головою объ полъ! Матери моей и сковороды, и блина, и меня было жалко: успѣла сковороду вынуть и тогда уже меня опрятала, какъ слѣдуетъ. О! когда-бы милосердный Господь благоволилъ такъ скоро разлучиться душѣ моей съ жизнью сею! Матери моей бѣдной сущей троихъ

---

[1]) Автобіографическая записка, извлеченная изъ дневника іеромонаха Іеронима, умершаго 23-го сентября 1847 г. въ Соловкахъ.

дѣтей кормить и содержать было трудно. Разсудила она меня, по слѣдняго, съ рукъ сбыть. Собрала стараго желѣзишка 17 фунтовъ въ приданое мнѣ и въ октябрѣ, въ первыхъ числахъ, понесла меня младенцемъ сущаго на плечахъ своихъ, въ берестянномъ кошелѣ, изъ дому своего въ Каргополь. Пристала къ нищей старушкѣ, которую я (потомъ) лично зналъ, упросила ее отдать, кому знаетъ, а за то подарила ей желѣза, и возвратилась въ домъ свой, оставивъ меня на волю Божію. Старушка передала меня купцу, промысломъ булошнику, Василью Алексѣевичу Лукину, а женѣ его Акилинѣ Васильевнѣ, у коихъ дѣтей не было. Тутъ-то я водворился. Имя мое изъ Дорофея во Іерофея, по просьбѣ Лукина, перемѣнилъ духовный его отецъ, соборный священникъ, потому что въ домъ Лукина старушка принесла меня 4-го октября, на память священномученика Іерофея, епископа Афинскаго.

Кормилица моя и вторая мать лучше первой, Акилина Васильевна Лукина; она, сверхъ воспитанія усерднаго, учила меня страху Божію въ юности моей и возставляла меня по ночамъ молиться съ нею Богу и носила меня маленькаго въ церковь на рукахъ своихъ къ службѣ Божіей, а какъ побольше сталъ, возила въ саночкахъ и телѣжкѣ. Воскресенскій священникъ Ѳеофанъ Кондаковъ у Лукина выпросилъ меня себѣ въ сына. А у его воеводской канцеляріи секретарь Пятницкій унесъ меня обманомъ къ себѣ въ холопы. Лукинъ, узнавъ объ этомъ, по суду воеводы Маслова, возвратилъ меня себѣ и болѣе ужъ никому не отдавалъ. Лукинъ меня взростилъ, вскормилъ и вспоилъ. Выучилъ грамотѣ, читать и писать; захотѣлъ меня сдѣлать офицеромъ. Выучилъ играть на флейтѣ-лаверзѣ, опредѣлилъ въ подьячіи копіистомъ въ 1782 году въ Каргопольскій земскій судъ. Взятъ былъ не надолго въ Петрозаводскъ въ канцелярію губернатора Гаврила Романовича Державина писать. Послѣ переведенъ въ Лодейнопольскій нижній земскій судъ столоначальникомъ, и, наконецъ, опять въ Каргопольскій судъ протоколистомъ. Въ службѣ былъ до 1794 года. Я тогда выпросился для богомоленія въ Соловецкій монастырь. Августа 8-го дня я собрался ѣхать и сообщился св. Таинъ у ранней обѣдни въ соборѣ, въ предѣлѣ Софіи Премудрости Божіей. А обѣдню служилъ духовный мой отецъ іерей Василій Алексѣевъ, по просьбѣ моей, и исправилъ молебны въ путь шествующимъ. По выходѣ изъ церкви, взятъ Васильемъ Лукинымъ къ городничему Ивану Дернову и пробылъ тамъ до вечера. На другой день простился я на вѣки съ Васильемъ Лукинымъ и съ супругою его Акилиною и уѣхалъ въ Соловки. Тамъ перезимовалъ и въ 1795 году вышелъ въ отставку губернскимъ регистраторомъ.

Во время моего пребыванія въ Соловецкомъ, Василій Лукинъ умеръ ноября 11 го числа 1794 года, а Акилина Лукина умерла марта 4 го числа 1795 года; домъ и имѣніе все досталось мнѣ. Домъ свой уступилъ (я) дядѣ своему, по матери Акилинѣ, Алексѣю Свѣшникову за 700 рублей, а остальное имѣніе расточилъ по церквамъ на поминовеніе душъ ихъ, а себѣ взялъ только денегъ 115 рублей на дорогу до Питера и до поступленія въ монастырь.

II.

Опредѣлился (я) послушникомъ въ Невскую лавру, а потомъ перепросился въ другой и 1799 года марта 4-го дня, было въ пятницу на первой недѣлѣ великаго поста, послѣ утрени, постриженъ въ монахи въ Хутынѣ монастырѣ, по благословенію преосвященнаго Арсенія, епископа Старорусскаго, который послѣ былъ въ Воронежѣ и тамъ скончался. Постригалъ намѣстникъ, игуменъ Товія; сей послѣ былъ въ Казани и тамъ скончался. Воспріемнымъ отцомъ былъ іеромонахъ отецъ Петръ, ученикъ старца Паисія Молдавскаго; а 17-го апрѣля 1799 г. произведенъ (я) въ іеродіаконы. 1800 г. перешелъ жить въ Москву въ Новоспасскій монастырь. Тамъ, 1808 г. декабря 4-го дня, посвященъ въ іеромонахи преосвященнымъ Іоною, митрополитомъ грузинскимъ, жившимъ на покоѣ въ Чудовѣ монастырѣ. Въ 1810 году я перешелъ жить въ Синодальный домъ и стоялъ въ Успенскомъ соборѣ при мощахъ святителя Филипа, до нашествія въ Москву французовъ. Вотъ ужъ мѣстечко славное для монаха! Избави Господи всякаго отъ него! Я нагоревался тамъ. Послѣ-же французовъ удалился я на Кубань въ Екатеринолюбежскій монастырь, и здѣсь я своими руками похоронилъ воспріемнаго отъ монашества своего отца Петра; онъ прежде меня сюда перешелъ и скончался въ январѣ 1814 года и того-же года я выбылъ изъ онаго монастыря, для излѣченія болѣзни своей, въ Ставрополь, на теплыя воды. А потомъ возвратился въ Россію и опредѣлился въ Свирской монастырь. 1820 года я получилъ паспортъ идти въ Іерусалимъ и какъ путь пресѣкся, то жилъ съ тѣмъ паспортомъ въ разныхъ монастыряхъ и, наконецъ, поселился въ Тихвинѣ. Изъ него я пріѣхалъ въ Петербургъ 24-го числа декабря 1829 года и остановился на квартирѣ въ Староладожской часовнѣ. Ходилъ къ военному губернатору Павлу Васильевичу Кутузову, хлопотать себѣ для перемѣны іерусалимскаго паспорта. Онъ приказалъ сходить въ газетную экспедицію и напечатать въ газетахъ

о моей отлучкѣ; я исполнилъ и было троекратно публиковано въ газетахъ.

Сбирался уже ѣхать чрезъ Москву въ Николаевъ и далѣе въ Іерусалимъ, но попалъ въ крѣпость сице: 16-го января 1830 года полицейскій чиновникъ, если не ошибаюсь, Филипъ Васильевичъ, спрашиваетъ меня: „Вы-ли іеромонахъ Іеронимъ?" Отвѣчаю: „Я, что вамъ угодно?" Говоритъ: „Вы ѣдете въ Іерусалимъ и потому одинъ господинъ желаетъ васъ взять съ собою, который туда-же отправляется и хочетъ васъ видѣть!" Я весьма обрадовался сему и поѣхалъ съ нимъ на извощикѣ. Ѣдучи спросилъ, гдѣ онъ квартируетъ? Отвѣчалъ: „скоро увидите". Подъѣхали къ крѣпости къ комендантскому крыльцу, повелъ меня въ комнаты. Я ничего худаго не предвижу и радуюсь доброму товарищу. Г-нъ комендантъ, Александръ Алексѣевичъ Сукинъ, выходитъ и говоритъ мнѣ, что меня приказано тутъ задержать; я ему объявилъ только: воля ваша. Внутренно смутился духомъ отъ внезапнаго происшествія и пришло на мысль: не демонъ-ли перенесъ уже меня въ Царьградъ? Тамъ-бо свойственно монаха православнаго терзать. И какъ меня свели и до нага раздѣли въ казематѣ худо помню. Опамятовавшись, увидѣлъ сидящаго при себѣ капитана Федора Ивановича. Онъ вопросилъ меня о причинѣ заключенія. Я отвѣчалъ, что ничего не знаю. Пришелъ плацъ-маіоръ Василій Федоровичъ Подушкинъ и тотъ спрашивалъ, но я ничего отвѣчать не могъ. Пришелъ самъ комендантъ, сѣлъ на стулъ и сей вопрошалъ о томъ же, прибавя: „отецъ! я христіанинъ и русскій, скажи мнѣ свою вину, я могу тебѣ пособить". Отвѣчалъ: „если я утаиваю свою вину и послѣ она обнаружится, тогда наплюйте мнѣ въ лицо". Ушелъ комендантъ. Послѣ сего мнѣ сдѣлалось дурно и пошли страшныя мысли... Я просилъ капитана дать мнѣ, если можно, лекарства. Спасибо г-ну капитану: далъ онъ мнѣ и тѣмъ отвратилъ приближающійся мнѣ ударъ. Хотя и сдѣлался я боленъ, но не умеръ.

4-го февраля 1830 года объявили мнѣ предписаніе генерала Бе(н)кендорфа, въ коемъ велѣно написать, что я хотѣлъ генералу Грейгу объявить. Написалъ своею рукою и послано. 19-го марта меня самого возили къ Бе(н)кендорфу; тутъ то я и познакомился съ фонъ-Фокомъ; сей ласково говорилъ, но сдѣлалъ обманъ. Отвезли паки въ крѣпость. Потомъ свезли меня къ прокурору Мещерскому; сей ни слова не глаголалъ, а отправилъ въ синодъ. Тутъ то-же молчаніе. Комендантъ крѣпости и прочіе чиновники въ обращеніи со мною были весьма благосклонны. Покой мой душевный и тѣлесный былъ сохраненъ. Жизнь моя по

содержанію приличному званію и здравію пищѣ сохраняема ими была такъ хорошо, что я лучше сего никогда во всѣ сорокъ шесть лѣтъ въ монастыряхъ не видалъ. Ощутивъ такое въ душѣ моей желаемое спокойствіе, многократно и почти ежедневно объявлялъ я, Іеронимъ, всѣмъ своимъ благодѣтелямъ, что желаю остаться въ крѣпости навсегда и по самый гробъ; они всѣ смѣялись надо мной и, какъ видѣлъ, почитали меня дуракомъ. Они думали, видно, какъ и Крыловъ стихотворецъ, что я какъ мышь въ сыру находился въ монастырѣ. Я, грѣшный, протолковалъ имъ, что монастырь нынѣ (1830 г.) для монаха не сыръ, а Вавилонская пещь. Если кто будетъ подобенъ тремъ отрокамъ онымъ, того орошаетъ благодать, но, напротивъ, многимъ онъ ощутителенъ пламень ея. Благодѣтели мои потребовали отъ меня поясненія на сей терминъ и я пространно съ опыту сказалъ имъ истину.

Я, грѣшный Іеронимъ, живучи въ монастырѣ, не столько досадовалъ на бѣсовъ, которые обижали меня, какъ досадовалъ на пищу и питіе, представляемые мнѣ и которые чинили ежедневное здравію тѣлесному повреждение. Нынѣ (1830 года) въ модѣ есть у людей монаха считать свиньею, такъ и пищу ему такую даваютъ. Но каково тому монаху будетъ, который свиньею не бывалъ, а свинной пищи и поневолѣ поѣстъ? Онъ, бѣдный, по пріятію пищи сей, до самаго изверженія оныя вонъ мучится, какъ родильница. Ей, ей, ей! А какъ облегчиться въ томъ? терпѣніемъ единымъ. Радъ иной бы пособить и другимъ способомъ, но не позволяютъ средства. Неудобоваримая въ желудкѣ пища такое разстройство дѣлаетъ въ тѣлѣ, что и душа, находящаяся въ немъ, до безконечности разстраивается. Иныя бѣдняжки думаютъ въ случаѣ семъ облегчить себя сивушкою, на мгновеніе утоляющею боль, но и болѣе того повреждаются. Выслушавъ мое объясненіе, посматривали они другъ на друга, удивлялись моему объясненію и замолчали.

При освобожденіи меня изъ крѣпости я всеусердно благодарилъ благодѣтелей моихъ, за содержаніе тамъ меня, грѣшнаго. И недалеко перешелъ на Васильевскій островъ въ святѣйшій сvнодъ. Здѣсь былъ двѣ недѣли, страстную и свѣтлую. Тутъ давали мнѣ на содержаніе, кажется, 32 коп. въ столицѣ. Но спасибо находившимся тамъ солдатушкамъ, они собственнымъ своимъ кускомъ дѣлились со мною, Христа-ради, не зная моей невинности. За что воздастъ имъ Богъ, а наипаче вышеописаннымъ благодѣтелямъ моимъ петропавловичамъ. Сіе учиненное мнѣ добро во вѣки не забуду. Воспомянется оно и въ будущей жизни. Лиха же Іеронимъ тамъ поминать не станетъ. Оно поминается только здѣсь, при случаѣ.

Потомъ. 22-го числа апрѣля 1830 года, притарабанили бѣднаго Іеронима въ Архангельскій городъ въ тамошній тюремный зàмокъ. Хотя тамъ холодно, но неголодно. Христолюбцы прокормили меня; даруй, Господи, имъ велію милость. Изъ Петербурга въ десять дней на перемѣнныхъ меня тарабанили. Путь послѣдній дорога худая, ѣдутъ скоро. Я голову свою полотенцемъ привязывалъ уже къ плечамъ своимъ, чтобы не отвалилась отъ качки. Такъ разбойниковъ и душегубцевъ не возятъ, какъ везли меня. Есть за кого и за что Бога помолить. Ненавидящихъ и обидящихъ насъ прости Господи! Въ зàмкѣ, въ покоѣ, данномъ мнѣ для житья, висѣла рукомойка на веревочкѣ, которую смотритель отвязалъ и положилъ въ карманъ, а рукомойку поставилъ на окно. Я спросилъ: для чего онъ это учинилъ? Сказалъ: „изъ предосторожности", т. е. чтобы я не задавился. Согрѣшилъ я грѣшный, возразилъ ему: „передавятся скорѣе бѣси, которые меня въ команду тебѣ отдали". Тутъ-то въ зàмкѣ позналъ я, Іеронимъ, монашество свое, въ какомъ оно находится въ Россіи (1830 г.) положеніи. Я уподобилъ его находящейся въ Москвѣ подъ Даниловымъ развалившейся Гусятниковой фабрикѣ. Когда Гусятниковъ живъ былъ, то и фабрика была хороша. Умеръ Гусятниковъ—и фабрика опустѣла. Доколѣ живъ былъ покойный митрополитъ Гавріилъ, монаховъ въ ссылку не возили; скончался владыко, потарабанили и Іеронима. Приведу одно оскорбленіе, коснувшееся души моей, бывшее 26-го числа мая 1830 года.

Когда надо было отправить изъ Архангельска въ Соловецкій, то одѣли меня въ рясу и клобукъ по монашески въ тюремномъ архангельскомъ зàмкѣ и велѣли идти къ лодкѣ. Я вышелъ изъ зàмка, окружили меня три солдата съ ружьями и съ примкнутыми штыками и за мною шли два квартальныхъ. Мнѣ представилось, что меня не въ лодку ведутъ, а на мѣсто казни, ибо такъ я видалъ, какъ кнутомъ сѣкутъ. Подумайте, какъ мнѣ тогда не сконфузиться? Я чуть съ ума не сошелъ. Не зная за собой никакой вины, а съ безчестіемъ такимъ публично идти! при томъ же городъ мнѣ довольно знакомъ и я довольно имѣю знающихъ меня людей, а былъ Духовъ день и многое множество народа глядѣло на позоръ сей и дивились, за что то бѣдный Іеронимъ страдаетъ? Отчего у меня на головѣ и теперь еще волосы дыбомъ встанутъ, какъ вспомню. Но не столько было бы мнѣ безчестія, если бы я въ простомъ платьѣ веденъ былъ, а ругательство надъ образомъ монашескимъ несноснѣе всего. Къ несчастью же большому препроводили меня въ ссылку въ Соловецкій адъ, т. е. въ Соловецкій острогъ.

Ей истинно, тутъ (въ Соловкахъ) при Досифеѣ адъ существо-

валъ, а не такъ, какъ теперь, въ нынѣшнее время; тутъ два года съ половиной мучился, да на Голгоѳской каланчѣ болѣе же двухъ годовъ. Все это прошло и какъ бы не бывало. Слава Богу о всемъ! Невинность моя въ семъ происшествіи меня веселитъ и отъ Христа Бога моего не отлучило меня происходящее. Не остави мене, Господи, грѣшнаго и впредь! Попалъ я грѣшный на какого-то боярина Фонъ-Фока и сей упряталъ меня въ ссылку; а самъ уже въ могилѣ. Пчела, ужалившая кого-либо, сама умираетъ впредь всегда.

III.

Фонъ-Фока я не зналъ кто онъ такой, да и знать не хочу. Какъ я съ нимъ познакомился—кратко напишу. Читая описаніе Крыма отъ путешественниковъ и видя состояніе тамошняго Херсонска (Херсонеса), яко-же и древней Палмиры, сожалѣлъ душою, что мѣсто, гдѣ начало воспріяла Россія, чрезъ св. князя Владиміра христіанской вѣры, забыто почти вовсе. А самъ я, Іеронимъ, бывая въ Старой Ладогѣ, неоднократно смотрѣлъ на обветшалыя зданія царя Рюрика, прискорбленъ былъ, что и тутъ начало скипетродержавія Россійскаго въ забвенномъ находится положеніи. Помышляя о томъ, что когда-либо Господь Богъ, любящій Россію и спасшій отъ варвара Бонапарта, вложитъ кому либо въ сердце мысль прославить и поновить означенныя мѣста. Наконецъ, въ бытность мою въ Тихвинскомъ монастырѣ узналъ, что Николаевскаго и Севастопольскаго портовъ начальникъ Алексѣй Самойловичъ Грейгъ вознамѣрился соорудить памятникъ въ Херсонѣ и чрезъ сношенія о семъ съ митрополитомъ Серафимомъ приглашаетъ въ помощь вкладчиковъ. Сколь я бѣденъ ни былъ тогда, десятокъ рублей (ассигн.) подписалъ. А за усердіе генерала Грейга, въ добромъ дѣлѣ, послалъ ему съ почтою благодарность чрезъ письмо и просилъ, не возможно ли ему будетъ потщитися о учиненіи и въ Старой Ладогѣ памятника Рюрику. Онъ, по милости своей, отозвался ко мнѣ въ Тихвинъ отвѣтомъ; что не вправѣ находится онъ создать памятникъ Рюрику. Я на сіе послалъ ему еще письмо, объявляя, что намѣренъ скоро быть въ Николаевѣ и тогда лично поговорю его высокопревосходительству что знаю. Послѣ сего изъ газетъ узналъ, что генералъ-адмиралъ Алексѣй Самойловичъ Грейгъ на Пулковской горѣ воздвигъ обсерваторію; доброе дѣло. Съ нея будутъ смотрѣть планеты и созвѣздія воздушныя и примѣчать измѣненія оныхъ.

Но когда-бы вразумилъ его Богъ поставить въ Старой Ладогѣ хотя

бы соломенный громовой отводъ и того довольно было бы. Сей бы указалъ зрителямъ, что въ 1862 году исполнится тысяча лѣтъ, когда существовалъ тутъ царь Рюрикъ. И съ Пулковской горы смотрятъ астрономы, съ Рюрикова же дворца смотрятъ монахи и размышляютъ о временной жизни и видятъ гдѣ нынѣ древности: Сузы, Дельты, Спарты, Лакедемона, Помпеи, Геркулана, Итики, Карѳагена, Ѳивъ, Палмиры и иныхъ? И гдѣ нынѣ Сезострисъ, Александръ Македонскій и Бонапартъ? Сего ради и попеченіе свое полагаютъ не о земномъ, а о небесномъ, все суета суетъ! Не печалуй, бѣдный Іеронимъ, что монахи находятся въ забвеніи у міра. Вспомни, какъ въ 1812 году во время французовъ въ Москвѣ заботились о сохраненіи святаго мѵра! Если бы не Симоновскій отецъ архимандритъ Герасимъ Князевъ потщился сохранить оное, то навѣрно ради драгоцѣнности сосудовъ серебрянныхъ досталося въ руки французовъ, которые вылили бы оное изъ сосудовъ вонъ. Для отвезенія святаго мѵра даны были кляченки худыя, едва ноги волочили: это я самъ выдѣлъ и до Ярославля провожалъ. А театральныя декораціи и кулисы тройками мчали изъ Москвы мимо святаго мѵра, лишь пыль столбомъ валитъ. Вотъ усердіе христіанъ. Въ Китаѣ бонзы, въ Турціи дервиши, а въ Россіи хотя для близиру все таки будутъ монахи.

При раззореніи Іерусалима въ колодецъ былъ брошенъ священный огонь, а потомъ найденъ паки. А въ остаткахъ иночества, какъ въ пеплѣ, сыщется искорка желающему спастися. Слава Богу и о семъ! Въ 1812 году въ Москвѣ товарищи мои сохранили свою собственность, а я по примѣру покойнаго симоновскаго архимандрита Герасима, да и по совѣту его, сохранилъ все драгоцѣнное сокровище патріаршей церкви 12-ти Апостоловъ, а свое все имѣніе погубилъ. Это забыто все. Нынѣ вѣрно походитъ монахъ на игрушку ребячью, или Бибиковъ сарафанъ: когда нужно—почитаемъ, а не нужно—подъ лавку бросаемъ. Герасимъ получилъ звѣзду, а я титулъ: „мнимой тайны и вздорнаго“. Чего отъ роду не имѣлъ и не имѣю. Скажутъ мнѣ, если ты, Іеронимъ, безвинно заточенъ, для чего не просишь объ освобожденіи? Для того, чтобы вмѣсто Соловковъ не упрятали въ каторгу. Это изъ сего видно. Избави Господи всякаго русскаго отъ безумія сего. Французскій епископъ, не помню Боссюетъ или Массиліонъ, говоритъ: „всякій гражданинъ долженъ пещися объ общемъ благѣ и не дожидать чтобы наводненіе достало дверей его дома“. А мы не французы, должны осторожнѣе ихъ быть. Они испили чашу горькую и не дай Богъ больше видѣть имъ.

Если бы нѣкто Майборода, какъ и Сусанинъ, не объявилъ о плутовской шайки Пестелевой, то что бы тогда было? Самъ суди! И я грѣшный по несчастью моему услышалъ слова: „у насъ (въ Россіи) милліонъ четыреста тысячъ массоновъ (т. е. плотоносныхъ дьяволовъ), это все Пестелы“. Могъ-ли я такое адское проповѣданіе пропустить! Я знаю, что масоны люди скверные и Богу и Царю ненавистные и враги клятвенные; истинные же поклонники сатаны. А потому и желалъ чрезъ добраго христіанина довести о семъ до правительства для свѣдѣнія и больше ничего. За сей поступокъ мой захватили меня обманомъ въ Петропавловскую крѣпость и послѣ того содержали въ ужасной Соловецкой тюрьмѣ безъ всякой другой вины слишкомъ два года, а написали, что Іеронимъ посланъ за „мнимую тайну и вздорный нравъ“. Прекрасно. Я пишу сіе предъ смертнымъ уже часѣ моемъ. И если случится кому узнать невинность мою, то прошу не вдаваться въ ошибку мою и не понести напрасно Соловецкой ссылки, которую я грѣшный испытываю на себѣ. А объ избавленіи изъ оной никогда не имѣлъ и не имѣю намѣренія моего; но прошу милосерднаго Бога Господа моего Іисуса Христа да до конца оную стерплю. И къ болѣзни язвъ моихъ приложища, ждахъ бо со скорбящаго и не обрѣтохъ: всѣ оставили мене, яко же злодѣя. Надобно же подражать по силѣ моей Господу Іисусу Христу, висящему на крестѣ: онъ безъ грѣха, а я со всячинкой; но не учинилъ вины къ ссылкѣ несносной моей и несвойственной сану моему. Не простиралъ словесе своего къ глухимъ аспидамъ и не произнесу, Іону пророку подражая: „понре глава моя въ расели горъ“ и прочая.

Господь услышалъ и послалъ свыше помощь свою отъ небесныхъ круговъ. Благо есть надѣятися на Господа, Ему же слава во вѣки. И я, грѣшный, Іеронимъ, какъ Іона китомъ поглощенъ нынѣ Анзерскимъ островомъ, и не вѣмъ, гдѣ будетъ мнѣ конецъ. Уже могилъ себѣ наготовилъ съ десятокъ въ разныхъ мѣстахъ и теперь здѣсь одна предъ моими глазами, но повелѣнія свыше еще нѣтъ вселиться въ нее. Буди воля Господня.

И такъ 42 года въ монашествѣ препроводилъ, много монашескаго платья износилъ, и почтенія отъ людей наслушался: „Ваше преподобіе, ваше преподобіе“, а и подобія не мà. А отъ бѣсовъ многовидныхъ ругательствъ, за усердную мою имъ службу и теперь гнѣваются они на меня, что нахожусь не въ силахъ исполнять волю ихъ. Милосердный Господи! Іисусе Христе Боже Мой! помилуй мя, грѣшнаго, и подаждь ми слезъ источники, да омыю скверну прегрѣшеній моихъ и отъиду въ могилу мою, да

и тѣло оставлю въ ней до общаго воскресенія, а душу мою до дне онаго вчини, идѣже воля Твоя святая будетъ. Нѣкоторые чернцы, зная мои именины, говорили: „пора тебѣ, Іеронимъ, опять быть Іероѳеемъ, т. е. посхимиться, а я твержу, что меня въ 1812 году въ Москвѣ французы хорошо посхимили, огладили до чиста. Нынѣ же въ ссылкѣ еще лучше того просхимили. И такъ я не схимникомъ уже себя считаю, а просхимникомъ. Аминь.

IV.

Я вижу, что нажить милліоны легче, нежели нажить вольную нищету, которую и теперь еще пріобрѣсти не могу, хотя безпристрастію моему къ имѣнію виновникъ мнѣ былъ, жившій въ Анзерахъ, іеромонахъ Арсеній, котораго я видѣлъ въ первый мой пріѣздъ въ монастырѣ. Онъ былъ мужъ поистинѣ богоугодный и въ схимѣ скончался во св. Аѳонѣ, имя ему тамо было Адамъ. Желалъ бы я умереть при гробѣ его, но не успѣлъ убраться, а попалъ въ ссылку по крайней мѣрѣ на прежнее его жилище. Мужъ сей богоносный Арсеній объявилъ мнѣ тогда о себѣ, что онъ пришелъ въ Анзеры жить по наслышкѣ о безмолвномъ мѣстѣ семъ и говорилъ: правда мѣсто безмолвное, но обстоятельства весьма тѣсны, по монашески жить мѣшаютъ. Прибавилъ онъ: св. апостолъ Павелъ по приходѣ его въ Аѳины, если бы не нашелъ тамъ Діонисія, Тимоѳея и Іероѳея, то безполезенъ бы приходъ его былъ. Св. Григорій Синаитъ пришелъ на Аѳонъ и немного нашелъ безмолвниковъ, живущихъ по книгѣ Исаака Сирина. А я, бѣдный, говорилъ онъ про себя, въ Анзерахъ и слухомъ не слышу о безмолвномъ житіи, кромѣ одной пустой житейской суеты; пособи, Господи, убраться отсюда, и убрался.

Послѣ того и до сего дня, ни въ Соловки, ни въ Анзеры ни одинъ подобный Арсенію монахъ и глазъ не показывалъ и едва ли покажетъ. Я, грѣшный Іеронимъ, живу здѣсь поневолѣ, дѣлать нечего. Израильтяне при рѣкахъ Вавилонскихъ на вербахъ повѣсили органы свои, а мы четки свои здѣсь повѣсили же и оттого бѣси ругаются намъ прекрасно. Како явимся на судъ предъ Христомъ? не вѣмъ. И поневолѣ, подобные отцу Арсенію люди прячутся подъ навозную кучу, дабы не видать и не слыхать ничего неподобнаго. Нынѣ діаволъ во адѣ для нынѣшнихъ (1842 г.) монаховъ роетъ глубокую яму; посему и намъ не надо зѣвать.

На послѣднемъ ночлегѣ, во гробѣ, съ Копосовымъ и Барановымъ разочтемся (это были товарищи мои въ мірѣ, которые наторговали милліоны въ Петербургѣ). Господинъ Копосовъ сманивалъ меня изъ Невской лавры въ товарищи къ купцу Петелину для услуженія, но самъ давно въ землѣ, а я еще обитаю на ней и своей нищеты съ милліонами его никогда не хочу сравнить.

Киселевъ въ Шуѣ богаче Копосова былъ, но онъ всегда завидовалъ моему бѣдному житію: онъ житія моего не зналъ и почиталъ, какъ истиннаго монаха.

Когда я прибылъ въ первый разъ въ Соловки въ 1794 году жить, прошло уже 48 лѣтъ. Тогда я ржаной хлѣбъ и квасъ предпочиталъ всякой пищѣ и по неискусству дивился тѣмъ старцамъ, которые прихотничали, по мнѣнію моему, и искали булочки бѣлой. Но какъ препроводилъ 48 лѣтъ на капустныхъ монастырскихъ безсочныхъ (безпитательныхъ) щахъ и довелъ чрезъ то желудокъ свой до такого несчастнаго положенія, что ради продолженія жизни не могу прибрать удобоваримой желудкомъ пищи, то ржаной хлѣбъ содѣлался мнѣ кирпичемъ, коего если поѣлъ, то чувствую такую боль, какъ бы кирпича поѣлъ. Никакая приманчивая пища мнѣ не льститъ и не привлекаетъ къ себѣ, всѣ они мнѣ не въ охоту наскучили; радуюсь, когда обрѣтаю по мысли кусочекъ чего либо. Завидую тѣмъ старцамъ, у коихъ желудокъ перевариваетъ ржаной хлѣбъ. А жалованье монастырское ассигнаціями 100 рублей въ годъ употребляю на чай: это вещество нынѣ дорого, а безъ него скучно быть, тѣмъ почти и согрѣваюсь. Сивухи же соловецкой какъ демона боюсь, она хуже чумы. Горе содружающемуся съ нею и хотящему иночествовать. Аминь.

Іеронимъ

Примѣч. Іеромонахъ Іеронимъ въ Соловецкомъ патерикѣ, кромѣ перечисленія его скитальчества по разнымъ мѣстамъ, охарактеризованъ такъ: „будучи близко знакомъ съ Фотіемъ, впослѣдствіи Юрьевскимъ архимандритомъ, Іеронимъ узналъ отъ него о распространеніи въ обществѣ масонства и противныхъ православію ученій и рѣшился

донести правительству. За это донесеніе онъ посаженъ былъ въ Петропавловскую крѣпость и переведенъ подъ строгій надзоръ въ Соловецкій монастырь. Хотя Іеронимъ и не учился въ школахъ, но при обширномъ умѣ онъ самъ образовалъ себя духовнымъ чтеніемъ и бесѣдами съ духовными старцами, съ которыми приходилось встрѣчаться на жизненномъ пути. Онъ имѣлъ увлекательный даръ слова и рѣдкую силу убѣдительности, совѣты его были особенно полезны для боримыхъ помыслами и смущаемыхъ совѣстью. Наставленія его, основанныя на опытѣ, были истиннымъ врачествомъ духовнымъ. Въ послѣднее время онъ велъ дневную запись своихъ мыслей, представляющую много любопытныхъ психологическихъ данныхъ".

Іеросхимонахъ Іеронимъ почилъ съ миромъ о Господѣ въ Анзерскомъ скитѣ 1847 года, сентября 23 дня, 82 лѣтъ.

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ

1849 г.

Помѣщаемое ниже письмо было написано В. А. Жуковскимъ къ Николаю Ивановичу Ушакову, который долгое время занималъ должность директора канцеляріи дѣйствующей арміи при фельдмаршалѣ Паскевичѣ, а во время восточной войны былъ дежурнымъ генераломъ дѣйствующей арміи. Фельдмаршалъ Паскевичъ очень цѣнилъ способности Н. И. Ушакова и его бойкое перо. Послѣ Ушакова остались записки, часть которыхъ была напечатана въ „Русскомъ Архивѣ". Кромѣ того, въ „Военномъ Сборникѣ" была напечатана его статья: „О состояніи госпитальной части въ южной и въ крымской арміяхъ".

Ушаковъ умеръ въ чинѣ генералъ-лейтенанта въ 1861 году, въ Полтавской губерніи, Лубенскаго уѣзда, въ имѣніи Новаки.

Настоящее письмо В. А. Жуковскаго было найдено въ бумагахъ покойнаго Николая Ивановича Ушакова и получено мною отъ дочери его, княгини Маріи Николаевны Вахваховой.

П. А.

1849 г. 24-го октября / 5-го ноября. Баденъ-Баденъ.

„Милостивый государь Николай Ивановичъ. Приношу вашему превосходительству чувствительную благодарность мою за ваше любезное письмо и за доставленіе мнѣ копій съ рескрипта и карты Венгріи. Вы вѣрны своему слову. Чтобы избавить васъ отъ дальнѣйшихъ хлопотъ, спѣшу увѣдомить васъ, что письмо Гёргія въ оригиналѣ я уже имѣю — оно было напечатано во многихъ газетахъ—тѣмъ лучше для насъ; не мы его выдали въ свѣтъ, а слава наша.

Пользуюсь симъ случаемъ, чтобы принести вашему превосходительству изъявленіе моей благодарности за оказанныя мнѣ ласки во время моего пребыванія въ Варшавѣ. Не смотря на печаль, которая тогда всѣми преобладала отъ ожиданія тяжкой утраты, которая скоро и совершилась, я имѣлъ тамъ много пріятныхъ минутъ;

послѣ долгой разлуки я повидался съ отечествомъ, которое встрѣтило меня какъ роднаго, незабытаго имъ сына. Моя встрѣча въ Ченстховѣ съ свѣтлѣйшимъ (кн. И. Ѳ. Паскевичемъ) навсегда сохранится въ моей памяти, и вообще во всемъ, что я видѣлъ въ Варшавѣ въ это время, было много поэтически-значительнаго. Вы пишите, что отъ моего пера ждутъ очерка венгерской войны—какое было-бы наслажденіе для меня исполнить такую надежду! Но для совершенія такого труда не довольно имѣть нѣкоторой способности владѣть перомъ; нужно имѣть и знаніе военнаго дѣла, и языкъ ему приличный, и историческіе матеріалы: если бы я могъ долѣе остаться у васъ въ Варшавѣ—другое дѣло. Съ жадностью ухватился бы за перо: опять повторяю, для меня бы было счастьемъ говорить съ гордымъ чувствомъ русскаго о такомъ событіи, которое почитаю однимъ изъ славнѣйшихъ въ нашей исторіи; тутъ бы не нужно было никакихъ хитростей краснорѣчія; чѣмъ простѣе было бы описаніе, тѣмъ было бы оно значительнѣе. Но для такого труда я не имѣю средствъ здѣсь, въ отдаленіи отъ всѣхъ источниковъ. Вы скажете: если не прозою, такъ стихами. Это другая статья. Поэзія капризная вѣдьма. Она посылаетъ нашему брату поэту вдохновеніе не тогда, когда онъ проситъ его, а тогда, какъ ей самой вздумается. При томъ же надобно знать, что она большая кокетка: водится по большей части съ молодежью, а на насъ стариковъ смотритъ изъ-подлобья, и жестоко надъ нами смѣется, когда мы, по старой привычкѣ, вздумаемъ строить ей куры. Не разъ доставалось мнѣ подъ старость уходить отъ нея съ длиннымъ носомъ. Переводить Гомеровскіе разсказы и писать дѣтскія сказки она мнѣ еще позволяетъ: это де болтовня; старикамъ нечего другаго дѣлать, какъ болтать. Но когда попросишь у нея лирическаго вдохновенія—извините. Нѣтъ! да нѣтъ! а иногда и хуже! позволитъ въ насмѣшку подвигать знакомыя крылья; ты попытаешься полетѣть въ высоту: не тутъ-то было, крылья не машутъ, подви... .. .. [1] и вмѣсто того, чтобы летѣть орломъ въ высоту, ты кувыркаешься по землѣ курамъ на смѣхъ.

Еще одинъ я все-бы попробовалъ отвѣдать силъ своихъ для такого полета, хотя-бы и пришлось кувыркнуться. Но взять съ собою въ дорогу новую славу Россіи, и новую славу ея полководца, дабы провозгласить про нихъ языкомъ поэзіи подъ звѣздами, и вмѣсто того уронить ихъ съ собою на землю.... извините! на такую попытку я не согласенъ; и въ этомъ случаѣ смиренное молчаніе въ

---

[1]) Не разобрано. А.

присутствіи великаго предмета есть съ моей стороны достойная въ честь его жертва. Къ этой аллегоріи прибавлю нѣсколько словъ самыхъ прозаическихъ: мое здоровье повихнулось со времени моего возвращенія изъ Варшавы; я не въ постелѣ, но всѣ эти дни не могу назвать себя вполнѣ живымъ.

Простите, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ. Повторяю благодарность мою за доставленное мнѣ вами. Свѣтлѣйшаго князя буду самъ благодарить за драгоцѣнный подарокъ. А вамъ отъ меня двѣ покорныя просьбы. Первая, когда увидите Н. А. Старынкевича, возьмите на себя трудъ сказать ему, что я не забылъ его порученія и увѣдомлю его въ свое время о томъ, что по оному будетъ сдѣлано. Вторая просьба состоитъ въ томъ, чтобы вытребовать изъ почтамта варшавскаго письмо на мое имя; оно отправлено было въ Варшаву изъ Петербурга 26 августа съ надписью poste restante и засѣло въ Варшавѣ, хотя мною при отъѣздѣ моемъ и оставлено было назначеніе, куда пересылать всѣ письма на мое имя, именно: à Bade Bade, maison Kleiman. Письмо нужное и я буду весьма обязанъ вашему превосходительству, если вы поможете получить его.

Примите увѣреніе въ искреннемъ почтеніи, съ коимъ честь имѣю быть вашего превосходительства покорнымъ слугою В. Жуковскій.

Сообщ. **Петръ Агапѣевъ**.

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕЛЕНА ПАВЛОВНА

† 1873 г. [1]).

Въ бытность мою лѣтомъ 1887 г. въ Іерусалимѣ, я имѣлъ счастливый случай познакомиться съ соборнымъ іеромонахомъ Александроневской лавры, достопочтеннѣйшимъ отцомъ Веніаминомъ, состоящимъ нынѣ въ нашей іерусалимской духовной миссіи. Кто изъ русскихъ, побывавшихъ въ послѣдніе годы въ святомъ градѣ, не знаетъ этого тихаго, добраго, сердечнаго старца, немало потрудившагося на пользу своей родины подъ стѣнами Севастополя въ вѣчно памятныя времена крымской войны, неустанно несущаго свой молитвенный трудъ и теперь (1887 г.) въ святой землѣ! Въ грудѣ бумагъ, хранящихся у о. Веніамина, мы нашли два письма къ нему отъ великой княгини Елены Павловны и отъ незабвеннаго Н. И. Пирогова. Снявъ съ нихъ, съ разрѣшенія владѣльца, точныя копіи, для передачи въ „Русскую Старину", я помѣщаю ихъ на страницахъ этого уважаемаго журнала.

Въ этихъ двухъ письмахъ читатель найдетъ симпатичныя черты, соединяющія на одной задачѣ, во имя высокой идеи служенія страждущему человѣчеству, великую княгиню, знаменитаго хирурга и простаго монаха. Быть можетъ, у о. Веніамина найдутся и другіе документы не меньшаго интереса. Желательно, чтобы они не остались подъ спудомъ.

Спб., 29-го декабря 1887 г.

В. П. Кулинъ.

I.

14-го февраля 1855 г.

Отецъ Веніаминъ! Государыня великая княгиня соизволила поручить мнѣ передать вамъ благодарность ея императорскаго высочества за самоотверженіе и попеченія ваши о духовномъ благѣ начальницы и сестеръ Крестовоздвиженской общины, въ особенности

---

[1]) См. „Русскую Старину", изд. 1882 г., т. XXXIII, стр. 781—802.

въ то время, когда, удрученныя болѣзнью, онѣ болѣе всего нуждались въ крѣпости нравственной.

Нынѣ, слава Богу, опасность отъ недуга тѣлеснаго у сестеръ въ Симферополѣ миновалась и большая часть сестеръ находится въ Севастополѣ, исполняя долгъ званія своего.

Это мѣсто, гдѣ нынѣ находится бо́льшая часть общины и гдѣ столько страждущихъ могутъ нуждаться въ пищѣ духовной и утѣшеніяхъ религіи, угодно ея императорскому высочеству, чтобы вы избрали мѣстомъ своего пребыванія при общинѣ.

Въ надеждѣ вскорѣ получить увѣдомленіе о прибытіи вашемъ въ Севастополь, остаюсь съ вашимъ пастырскимъ благословеніемъ сынъ вашъ Г. Лерхе.

[Собственноручная приписка великой княгини Елены Павловны]:

„Благодарю васъ искренно, отецъ Веніаминъ, за ваше стараніе и попеченіе о духовномъ благѣ сестеръ и прошу васъ не оставить напутствовать ихъ и впредь вашимъ примѣромъ и вашими совѣтами.

„Помяните и меня въ вашихъ молитвахъ. Елена“.

II.

Севастополь, 13-го января 1855 г.

Отецъ Веніаминъ! Я уже имѣлъ счастіе довести до свѣдѣнія ея императорскаго высочества всѣ поистинѣ высокія и христолюбивыя дѣйствія сестеръ 1-го отдѣленія общины, руководствовавшихся достохвальнымъ примѣромъ ихъ достойной начальницы и вашимъ пастырскимъ наставленіемъ. Но самая высшая награда для сестеръ и начальницы ихъ должна заключаться въ собственномъ сознаніи, что онѣ ревностно и съ самоотверженіемъ совершали свои обязанности; поэтому бѣдствія и страданія, которымъ онѣ подверглись, одушевленныя любовію къ человѣчеству, завѣщанною намъ Искупителемъ, да не устрашатъ ихъ и да не поколеблятъ слѣдовать ревностно по избранному ими пути. Вы, отецъ, какъ духовный пастырь, можете вразумить ихъ въ семъ. ваши поученія и вашъ собственный примѣръ можетъ на нихъ подѣйствовать лучше и сильнѣе моихъ слабыхъ наставленій. Итакъ, позаботьтесь, чтобы вражда, зависть и ненависть были чужды общинѣ сестеръ, которыя должны преодолѣвать человѣческія слабости и страсти, имѣя въ виду только одно общее благо и одну высокую и святую цѣль служить страждущему человѣчеству. Сестры 1-го, 2-го и 3-го отдѣленія суть всѣ

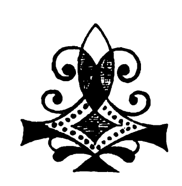
тѣ-же сестры милосердія, обрекшія себя на службу недужнымъ и страждущимъ, и между ними не должно быть ни ненависти, ни зависти, ни злобы. Если же вы замѣчаете какія либо слабости, могущія повредить цѣлому составу общины, то я не вижу другаго средства какъ искоренять ихъ вашимъ пастырскимъ поученіемъ и примѣромъ. Поэтому-то мнѣ и желательно бы было, чтобы общины не оставались даже и самое короткое время въ безначаліи; на мѣсто больной начальницы, если она не въ состояніи, по причинѣ болѣзни, управлять дѣлами, должна быть тотчасъ же избрана вами, въ моемъ отсутствіи, самая благонадежнѣйшая сестра, которой на время должно быть поручено управленіе и надзоръ. Вотъ почему на время болѣзни Александры Петровны Стаховичъ я считалъ бы нужнымъ поручить надзоръ надъ сестрами другой избранной по вашему усмотрѣнію или же начальницѣ 3-го отдѣленія, г-жѣ Бакуниной. По этой же причинѣ отчасти и по причинѣ дѣйствительной необходимости въ присмотрѣ за ранеными въ Севастополѣ необходимо бы было переслать сюда въ Севастополь всю общину. Тогда бы и вы могли быть полезнымъ вашими назидательными увѣщаніями въ общинѣ.

Умоляю васъ, отецъ Веніаминъ, заботьтесь вашимъ пастырскимъ словомъ возстановить миръ и согласіе во всѣхъ отдѣленіяхъ общины; безъ взаимной любви и дружбы не могутъ совершаться дѣла святой любви къ человѣчеству и ближнимъ.

Если сестры не могутъ еще, по причинѣ болѣзней, прибыть сюда въ Севастополь въ наискорѣйшемъ времени, о чемъ я тоже прошу, васъ настоятельно позаботиться вмѣстѣ съ г. Филиповымъ, то прошу, по крайней мѣрѣ, переслать какъ можно скорѣе лѣкарства, списокъ которыхъ я сообщилъ Александрѣ Петровнѣ для доставленія изъ С.-Петербурга. Эти лекарства, вѣроятно, уже присланы къ вамъ ея императорскимъ высочествомъ, а здѣсь у насъ въ нихъ большой недостатокъ. Освѣдомьтесь объ этомъ у г-жи Стаховичъ и у г. Филипова.

Съ вашимъ пастырскимъ благословеніемъ остаюсь вашъ сынъ Николай Пироговъ.

Сообщ. въ 1887 г. **В. П. Кулинъ.**

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ СѢРОВЪ.

Двадцатая годовщина его кончины

1871 $\frac{\text{января}}{20}$ 1891.

20-го января 1891 г., въ двадцатую годовщину смерти моего товарища по Императорскому Училищу Правовѣдѣнія А. Н. Сѣрова, я по обыкновенію посѣтилъ его могилу на кладбищѣ Александро-Невской лавры. Заказавъ панихиду, я пригласилъ дежурнаго іеромонаха, служившаго ее въ церкви Тихвинской Божьей Матери, на могилу А. Н. Сѣрова, гдѣ была отслужена литія. Грустно мнѣ было видѣть полное забвеніе къ памяти русскаго композитора; кромѣ меня у забытой могилы не было ни родныхъ, ни друзей покойнаго. Когда замолкли послѣдніе звуки церковнаго пѣнія „Вѣчная память", я невольно перенесся мыслями къ событіямъ, отдѣленнымъ отъ настоящаго уже цѣлою четвертью вѣка. Мнѣ припомнились наши товарищескія отношенія съ Сѣровымъ, особенно того времени, когда онъ, живя по сосѣдству со мною въ Коломнѣ, часто навѣщалъ меня. Тогда онъ создавалъ свою „Рогнѣду" и знакомилъ меня постепенно съ этимъ дивнымъ музыкальнымъ произведеніемъ, играя на моемъ роялѣ и, гдѣ было нужно, то и напѣвая мотивы, такъ что еще прежде, чѣмъ была поставлена эта чудная опера на сценѣ, я уже былъ знакомъ съ нею въ ея мельчайшихъ подробностяхъ. Послѣ постановки „Рогнѣды", онъ принесъ мнѣ свой литографированный портретъ съ собственноручнымъ посвященіемъ. Вспоминаю, какъ я долго не могъ уговорить Сѣрова, не посѣщавшаго болѣе 15 лѣтъ нашей „alma mater", и наконецъ уговорилъ его пріѣхать со мною, утромъ 5-го декабря 1865 года, къ молебствію въ церковь Императорскаго Училища Правовѣдѣнія, а затѣмъ въ 5 ч. пополудни на товарищескій обѣдъ бывшихъ правовѣдовъ, происходившій въ ресторанѣ Вэра. Появленіе А. Н. Сѣрова въ кружкѣ товарищей было встрѣчено ими съ восторгомъ и въ честь его былъ провозглашенъ за обѣдомъ тостъ, на который онъ отозвался весьма горячею рѣчью.

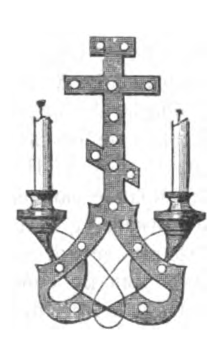
Затѣмъ я перенесся мыслію къ тѣмъ отраднымъ минутамъ, когда я былъ очевидцемъ единодушныхъ восторговъ публики, привѣтствовавшей А. Н. Сѣрова въ первое представленіе его оперы „Юдиѳь" и когда я былъ свидѣтелемъ шумныхъ овацій, сдѣланныхъ А. Н. Сѣрову при первомъ представленіи

его второй оперы „Рогнѣда", принесшей автору, кромѣ почета и славы, и существенное матеріальное обезпеченіе, выразившееся въ Высочайше пожалованной ему пенсіи за его музыкальныя творенія. Вспомнилъ, какъ я неоднократно былъ свидѣтелемъ неослабѣвавшаго восторга публики, увлекавшейся музыкальными достоинствами какъ первыхъ двухъ оперъ А. Н. Сѣрова, такъ и послѣдней—„Вражья сила", поставленной на сцену уже послѣ его смерти. Наконецъ, вспомнилась минута послѣдняго прощанія съ усопшимъ товарищемъ въ январѣ 1871 г., когда я получилъ отъ вдовы его на память прядь волосъ любимаго мною композитора. Эта честь была оказана только знаменитому маэстро Рихарду Вагнеру и мнѣ.

Возвращаясь отъ воспоминаній къ дѣйствительности, я съ грустью оставилъ завѣтную могилу моего училищнаго товарища, глубоко огорченный безучастнымъ отношеніемъ къ памяти славнаго русскаго композитора со стороны общества, наслаждавшагося и наслаждающагося и по сіе время его безсмертными музыкальными произведеніями.

Платонъ Вакаръ.

12 февраля 1891 г.

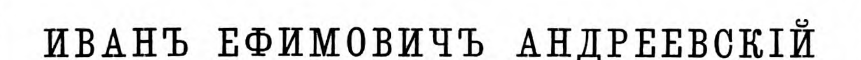
Къ статьѣ: Дмитрій Дмитріевичъ Неѳловъ.

„Русская Старина" изд. 1891 г., т. LXIX, февраль.

Описки и опечатки.

	Напечатано:	*Читай:*
Стр. 422, строка 20 сверху.	1812 годъ.	1807 годъ.
„ 422, „ 4 снизу.	въ 9-мъ.	въ 6-мъ.
„ 423, „ 10 сверху.	въ адъютанты ген. штаба.	въ адъюнкты академіи ген. штаба.
„ 424, „ 5 „	Семеновичъ.	Симоновичъ.

ИВАНЪ ЕФИМОВИЧЪ АНДРЕЕВСКІЙ

1831 род. 13-го марта / ум. 20-го мая 1891.

I.

Лица, которымъ дороги интересы русскаго образованнаго общества, которые живо интересуются наукою, которые близко принимаютъ къ сердцу все, что ведетъ къ благосостоянію бѣднѣйшихъ классовъ русскаго народа и, наконецъ, всѣ, которые съ любовью взираютъ на молодежь — будущую надежду нашего отечества, — долго не перестанутъ сожалѣть о внезапной и столь преждевременной кончинѣ Ивана Ефимовича Андреевскаго. Не по титулу только, но и по достоинствамъ своей дѣятельности, „заслуженный" профессоръ Иванъ Ефимовичъ, тридцать три года занимая одну изъ каѳедръ спб. университета (1854—1887 гг.) и тридцать семь лѣтъ каѳедру въ училищѣ правовѣдѣнія (1854—1891 гг.), непрерывно пользовался всеобщимъ уваженіемъ своихъ многочисленныхъ слушателей и учениковъ и это уваженіе сопровождало его до самаго гроба... Но это былъ не тотъ ученый, который замыкается въ стѣнахъ своей аудиторіи, — онъ вынесъ науку въ среду самаго общества и явился руководящею силою въ области наиважнѣйшихъ задачъ ко благу нуждающихся классовъ. Ему принадлежитъ слава ближайшаго помощника Н. Ѳ. Здекауера въ дѣлѣ упроченія и развитія „Русскаго общества охраненія народнаго здравія въ С.-Петербургѣ". Нормальныя столовыя, съ ихъ дешевою и здоровою пищею, школы кулинарнаго искусства — все это созданіе энергіи и самоотверженнаго служенія

П.А. БЕМЕ. Ѳ. Солнцевъ

обществу И. Е. Андреевскаго. Обо всемъ этомъ уже печать много сказала и долго еще будетъ вспоминать; но „Русская Старина“ особенно горячо должна оплакивать, въ лицѣ И. Е. Андреевскаго, въ высокой степени замѣчательнаго подвижника архивовѣдѣнія и вообще изученія отечественной старины. Преемникъ Н. В. Калачова, основателя Археологическаго института, въ званіи директора онаго, Иванъ Ефимовичъ, въ теченіе шести лѣтъ, т. е. до самой своей кончины, приложилъ самую горячую любовь, самую беззавѣтную преданность, всѣ свои обширныя знанія къ поддержкѣ и возведенію на надлежащую высоту этого наиполезнѣйшаго учрежденія, достойно стоящаго въ челѣ цѣлой семьи губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій. И. Е. Андреевскій, въ буквальномъ смыслѣ, положилъ жизнь свою на служеніе археологическому институту; съ каѳедры этого учрежденія, предъ громаднымъ собраніемъ своихъ почитателей и питомцевъ, раздалось предсмертное, глубоко прочувствованное, слово прекраснодушнаго, общаго любимца—директора. 12-го мая, на актѣ института, произнесена была И. Е. Андреевскимъ привѣтственная рѣчь окончившимъ курсъ его слушателямъ, а за порогомъ института ждалъ уже свою жертву смертный недугъ. Простуда уложила И. Е. въ постель, съ которой сняли черезъ восемь дней холодный трупъ.

Редакторъ „Русской Старины“ потерялъ въ Иванѣ Ефимовичѣ своего ближайшаго друга. О томъ, какъ тепло, съ какою сердечностью относился онъ къ намъ и къ нашему непрестанному труду по составленію и изданію „Русской Старины“—свидѣтельствуютъ, отнынѣ особенно для насъ драгоцѣнныя, строки его въ нашемъ альбомѣ...

Мы приводимъ эти строки не потому лишь только, что онѣ относятся къ „Русской Старинѣ“, но и потому, что въ нихъ живымъ ключемъ выступаетъ чувство глубокой любви, одушевлявшей постоянно Ивана Ефимовича въ отношеніяхъ къ созданной имъ семьѣ русскихъ архивистовъ. Вотъ эта страница изъ нашего рукописнаго альбома „Знакомые“,—книга „Автографовъ“, томъ IV, стр. 9:

„9-го мая 1888 г. С.-Петербургъ“.

„На страницахъ Альбома Михаила Ивановича Семевскаго, Почетнаго члена Археологическаго института, вношу благодарственную замѣтку за его теплое отношеніе къ этому учрежденію, смѣло созданному незабвеннымъ Николаемъ Васильевичемъ Калачовымъ. Покойный Калачовъ, какъ оказывается, вѣрно разсчитывалъ, что Институту окажутъ поддержку интересующіеся русскою стариною. Когда мнѣ пришлось, по необходимости, продолжать дѣло Калачова, я встрѣтилъ въ издателѣ „Русской Старины“ ревностнаго

поборника мысли Калачова, казавшейся весьма многимъ шаловливою затѣею. На страницахъ „Русской Старины“ нашелся гостепріимный пріютъ если и не важнымъ, можетъ быть, до сихъ поръ, но трудолюбивымъ дѣяніямъ Археологическаго института, который въ лѣтопись свою однако внесъ краснорѣчивое сказаніе Михаила Ивановича Семевскаго о кн. Щербатовѣ и заручился его добрымъ обѣщаніемъ выносить, по временамъ, свои сокровища изъ собственнаго архива и дѣлиться ими съ нашими архивистами. А число нашихъ милыхъ архивистовъ съ каждымъ годомъ растетъ и растетъ, и теперь уже видно значительное ядро, дѣйствительно интересующееся дѣлами минувшаго, не только разрабатывающее ихъ, но и плѣняющееся ими. Будетъ время, когда изъ этой плеяды наростающихъ архивистовъ составится цѣльный букетъ, который соберется на страницахъ уважаемой и любимой архивистами „Русской Старины“. Директоръ Археологич. института, профессоръ И. Андреевскій“.

Мы вернемся не разъ еще къ личности и заслугамъ И. Е. Андреевскаго. Здѣсь-же укажемъ еще на одну черту его высокосимпатичнаго, нравственнаго существа. Академикъ А. В. Никитенко какъ-то говоритъ въ своемъ знаменитомъ „Дневникѣ“, что „русскіе люди особенно слабы въ перенесеніи своего величія“. Въ этихъ словахъ глубокая правда. Кичливость, заносчивость, сухость, безсердечіе, малодушный эгоизмъ—присущи многимъ русскимъ людямъ, которыхъ случай, слѣпая фортуна, а иногда и дѣйствительныя заслуги возводятъ на нѣкоторую высоту. И. Е. Андреевскій составлялъ въ этомъ отношеніи совершенное исключеніе. Онъ стоялъ высоко въ русскомъ образованномъ обществѣ и съ полною силою несъ это величіе, которое и состояло именно въ тѣхъ чувствахъ безпредѣльнаго уваженія, любви и признательности, которыя онъ умѣлъ вселить и поддерживать во множествѣ своихъ почитателей и почитательницъ своимъ умомъ, своими знаніями, всѣмъ складомъ своей гуманной природы и всею обширною, неутомимою, разностороннею своею дѣятельностью, на благо общественное всецѣло посвященною.

Ред.

25-го мая 1891 г.

II.

Преждевременная и внезапная кончина И. Е. Андреевскаго вызвала отовсюду многочисленныя выраженія соболѣзнованія о тяжкой утратѣ, понесенной всѣмъ образованнымъ русскимъ обществомъ въ лицѣ этого достойнѣйшаго общественнаго дѣятеля и ученаго профессора.

23-го мая 1891 г. вдова покойнаго директора археологическаго института, Анна Николаевна Андреевская, удостоилась получить слѣдующую телеграмму отъ его императорскаго высочества великаго князя Сергія Александровича:

„Всею душою сочувствую вашему горю; скорблю за ученый міръ, теряющій въ усопшемъ ревностнѣйшаго служителя науки, оплакиваю дорогаго моего учителя, благодарную память о которомъ сохраню навсегда. Сергій“ [1]).

С.-Петербургская городская дума издавна отзывчивая къ радости и горю русскаго общества, почтила, въ своихъ засѣданіяхъ 21-го и 23-го мая 1891 г., выраженіями глубокаго своего соболѣзнованія по поводу кончины И. Е. Андреевскаго. Такъ, Городской Голова В. И. Лихачевъ остановилъ вниманіе гласныхъ на тѣхъ неоцѣненныхъ услугахъ, которыя были оказаны И. Е. петербургскому городскому общественному управленію, особенно въ его трудахъ и заботахъ по санитарной части и по дѣлу общественнаго призрѣнія. Горячій сторонникъ и приверженецъ городскаго общественнаго управленія, И. Е. Андреевскій всегда, съ полнѣйшею готовностью и, конечно, безвозмездно, помогалъ городскому общественному управленію своими совѣтами, указаніями, сообщеніемъ драгоцѣнныхъ свѣденій изъ своего громаднаго запаса знаній. Такъ, когда организовалась городская комиссія общественнаго здравія, И. Е. составилъ для нея сводъ дѣйствовавшихъ узаконеній по охраненію общественнаго здравія, послужившій основаніемъ для разработки всѣхъ послѣдующихъ обязательныхъ постановленій думы по этому предмету.

Гласный М. И. Семевскій съ своей стороны сказалъ:

„Кончина профессора Андреевскаго дѣйствительно составляетъ такую утрату, которая должна быть отмѣчена въ лѣтописи с.-петер-

---

[1]) („Новости“, 25-го мая 1891 г., № 143). Кстати укажемъ хотя нѣсколько статей и извѣстій, какія мы прочли въ газетахъ по поводу кончины и погребенія И. Е. Андреевскаго: „Новости“ 1891 г., №№ 139, 140, 141, 143, 144; „Всемірная Иллюстрація“ 1891 г. мая 25-го, № 1166, очеркъ П. Быкова, съ портретомъ И. Е. Андреевскаго; газета „Русская Жизнь“ 21-го мая 1891 г., № 135 и проч.

бургскаго городскаго общественнаго управленія. Покойнымъ оказаны непосредственно населенію столицы большія услуги. Иванъ Ефимовичъ содѣйствовалъ управленію столицы въ самыхъ главныхъ его заботахъ, клонящихся къ оздоровленію города, къ установленію въ немъ благопріятныхъ санитарныхъ условій въ особенности для быта бѣднѣйшаго класса населенія, въ непрестанныхъ заботахъ о доставленіи преимущественно учащимся и лицамъ, не имѣющимъ возможности имѣть столъ дома, здоровой и дешевой пищи — чрезъ устройство, такъ называемыхъ, нормальныхъ столовыхъ и распространеніе кулинарныхъ свѣдѣній въ образованномъ классѣ. Просвѣщенной энергіи покойнаго Андреевскаго Петербургъ въ значительной степени обязанъ тѣмъ, что „Русское Общество охраненія народнаго здравія", основанное въ 1877 г., соединило вокругъ своего высокоуважаемаго предсѣдателя Н. А. Здекауера и его ближайшаго помощника И. Е. Андреевскаго—лучшія медицинскія силы города для совокупнаго дѣйствія къ оздоровленію Петербурга, къ проектированію и введенію въ общую жизнь вполнѣ гигіеническихъ мѣропріятій. Но независимо отъ дѣятельности въ этомъ направленіи, дорогой намъ покойникъ являлъ самое сочувственное отношеніе къ распространенію техническо-профессіональнаго образованія, въ особенности для дѣтей низшихъ классовъ: это весьма ярко сказалось въ рѣчахъ и предложеніяхъ И. Е. Андреевскаго на первомъ съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію. Какъ ученый, какъ профессоръ, Иванъ Ефимовичъ выступаетъ въ тотъ годъ, въ который началась новая эпоха для Россіи съ воцареніемъ великаго государя Александра II, возродившаго и обновившаго дорогое наше отечество цѣлымъ рядомъ реформъ. Въ ученыхъ сочиненіяхъ И. Е. Андреевскаго эти великія реформы нашли глубоко сочувственный откликъ. Какъ весьма опытный юристъ, онъ былъ приглашаемъ, въ годы реформъ, въ нѣкоторыя правительственныя комиссіи, и его мнѣнія по разнымъ вопросамъ были руководящими,—а многія сотни его слушателей и учениковъ явили на государственной и общественной службѣ знанія, любовь и преданность своему долгу и, словомъ, выдвинули изъ среды своей множество достойныхъ исполнителей великихъ предначертаній Царя-Освободителя. Въ виду всего этого, живѣйшимъ образомъ должно присоединиться ко всему, что служитъ къ изъявленію уваженія и признательности общественнаго управленія Петербурга къ памяти опочившаго сномъ смерти одного изъ самыхъ достойныхъ тружениковъ и общественныхъ дѣятелей въ лицѣ Ивана Ефимовича Андреевскаго. Но, кромѣ выраженія этого сочувствія возло-

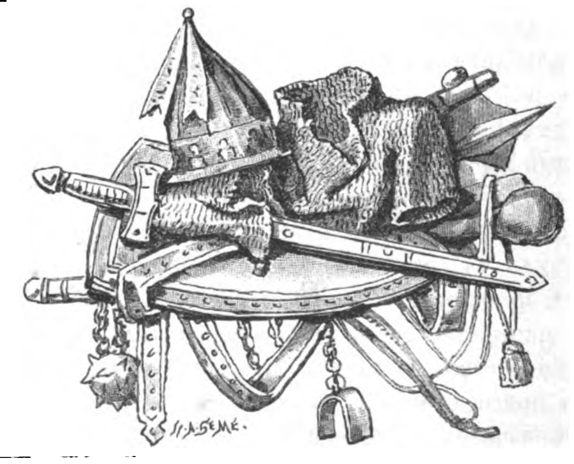
женіемъ вѣнка на гробъ покойнаго, было бы желательно, дабы городская санитарная комиссія, работающая въ сферѣ тѣхъ вопросовъ, которые особенно были близки сердцу и уму И. Е. Андреевскаго, въ ближайшемъ, по возможности, времени соединила отнынѣ его имя съ какимъ-либо учрежденіемъ или съ какою-либо мѣрою, полезною для населенія города".

По выслушаніи этихъ рѣчей Дума, по предложенію городскаго головы, почтивъ память И. Е. Андреевскаго общимъ вставаніемъ, единогласно постановила: выразить соболѣзнованіе семьѣ покойнаго, состоящей изъ вдовы и дочери, и возложить на гробъ покойнаго вѣнокъ отъ петербургскаго городскаго общества.

Независимо отъ сего, гласнымъ М. И. Семевскимъ внесено въ Думу предложеніе почтить память покойнаго профессора И. Е. Андреевскаго учрежденіемъ городской стипендіи имени Ивана Ефимовича въ с.-петербургскомъ университетѣ [1]).

Согласно съ предложеніемъ М. И. Семевскаго, таковое передано въ городскую комиссію по дѣламъ благотворительности, которая и внесетъ въ свое время въ Думу подлежащій докладъ.

Какъ видно изъ газетныхъ извѣстій, „Русское общество охраненія народнаго здравія", а также издатели и сотрудники „Энциклопедическаго Словаря", редакторомъ котораго былъ И. Е. Андреевскій, предполагаютъ учредить его имени стипендію въ с.-петербургскомъ университетѣ. Археологическій институтъ собралъ по подпискѣ сумму на постановку въ Институтѣ живописнаго портрета И. Е. Андреевскаго.

[1]) Стипендій, Спб. Думою учрежденныхъ въ спб. университетѣ, имѣется 15; изъ нихъ 10 въ память перваго десятилѣтія царствованія Александра II; одна—въ память L-лѣтія спб. университета; двѣ—имени Н. П. Погребова и по одной—именъ А. П. Заблоцкаго и О. И. Квиста.

Ред.

№ 9. № 9.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ И МАГАЗИНЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

С.-Петербургъ, Большая Подьяческая ул., д. № 7.

КАТАЛОГЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

Книжный складъ и магазинъ «Русской Старины» принимаетъ на комиссію посторонния изданія и высылаетъ иногороднымъ по требованіямъ или съ наложеннымъ платежемъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ.

NB. Книжные магазины и частныя лица могутъ обращаться съ заказами безъ высылки при этомъ денегъ и получать книги по почтѣ съ наложеніемъ платежа.

---

* **Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ Черниговской губерніи**, внесенныхъ въ дворянскую родословную книгу, раздѣленную на шесть частей. Составленъ губернскимъ предводителемъ дворянства графомъ Гр. Ал. Милорадовичемъ. Черниговъ, 1890 г., 8 д., стран. 29. Ц. 20 к.

Афанасьевъ, А. (Чужбинскій).—Собраніе сочиненій. Подъ редакціей П. Быкова. Т. III. Спб., 1891 г., 8 д., стр. 525. Цѣна 2 руб.

Базарова, А. А. Руководство къ изученію кройки и шитья дамскихъ и дѣтскихъ платьевъ. Съ атласомъ чертежей. Спб., 1891 г. Ц. 3 руб.

Барановъ, А. Наше родное. Русскій и церковно-славянскій букварь и сборникъ статей для упражненія въ русскомъ и церковно-славянскомъ чтеніи, съ образцами для письма и матеріаломъ для самостоятельныхъ письменныхъ упражненій. 1-й годъ обученія въ сельскихъ народн. школахъ съ 3 лѣтнимъ курсомъ. Изд. 12-ое. Спб., 1891 г., 8 д., 95 стр. Ц. 30 к.

Біографическая библіотека Ф. Павленкова: М. Е. Салтыковъ. Съ портретомъ. Спб., 1891 г. Ц. 25 к.

* **Біографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Ѳ. М. Достоевскаго**. Съ портретомъ Ѳ. М. Достоевскаго и приложеніями. Спб. 1883 г., 8 д., стран. 375+120. Цѣна 5 руб.

Брандтъ, Р. Поправки и дополненія къ русскому переводу сравнительной морфологіи славянскихъ языковъ, Ф. Миклошича. Изд. 2-ое,

---

* Этимъ знакомъ отмѣчены заглавія книгъ, поступившихъ въ книжный магазинъ Мих. Ив. Семевскаго („Русской Старины“) въ теченіе послѣдняго мѣсяца.

испр. и доп. Вып. I. Старословенскій языкъ. Москва, 1891 г., 8 д., стран. 745—824. Ц. 70 коп.

* **Веселаго**, Ѳ. Ѳ. Матеріалы для исторіи русскаго флота. Часть XIII. Спб., 1890 г., б. 8 д., стран. VI+737.

* **Выборъ изъ сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго** для учащихся средняго возраста (отъ 14-ти лѣтъ). Подъ редакціею В. Я. Стоюнина. Съ портретомъ Ѳ. М. Достоевскаго. Спб. 1887 г., 8 д., стр. 336. Цѣна 2 руб., въ переплетѣ 2 р. 75 к.

Гартвигъ, А. Къ вопросу о преподаваніи исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Спб., 8 д., 51 стран. Ц. 30 к.

* **Гастонъ Тисандье**. Мученики науки. Съ 34 гравюрами и 23 портретами въ текстѣ.—Изданіе третье. Переводъ съ французскаго подъ редакціей Ф. Павленкова. Спб., 1891 г., 8 д., 227 стран. Ц. 1 р. 25 к.

Говорова, В. Эстетика и символизмъ растительнаго царства. Казань, 1891 г. Ц. 20 к.

* **Головщиковъ**, К. Д. Исторія города Ярославля. Изданіе Л. Н. Пастухова. Ярославль, 1889 г., 8 д., стран. 277. Цѣна 1 р. 75 к.

* **Головщиковъ**, К. Д. Ярославская губернія. Историко-этнографическій очеркъ. Ярославль, 1888 г., 8д., стран. 65. Цѣна 60 коп.

* **Головщиковъ**. К. Д. Родъ дворянъ Демидовыхъ. Ярославль, 1881 г., 8 д., стран. 268+105. Цѣна 2 р.

Горацій. Оды. Введеніе и примѣчанія составилъ А. Горбатовъ. Казань, 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Давидъ-Соважо. Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и въ искусствѣ. Переводъ А. Серебряковой. Изд. К. Солдатенкова. Москва, 1891 г., 8 д., 350 стр. Ц. 2 р.

Дейтшъ, Эм. Талмудъ. Этюдъ. Переводъ А. Е. Ландау. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.

Диккенсъ, Ч. Оливеръ Твистъ. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Изд. 3-е. (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. за 2 т. 50 к., въ папкѣ 58 к.

* **Достоевскій** Ѳ. М. Полное собраніе сочиненій. (Изданіе третье). Двѣнадцать томовъ. Спб. 1888 г., 16 д. Цѣна 12 руб.

* **Достоевскій**, Ѳ. М. «Братья Карамазовы». Романъ. Т. I и т. II. (Изданіе седьмое). Спб. 1890 г., м. 8 д., стран. 374+503. Цѣна 5 руб.

* **Достоевскій**, Ѳ. М. «Бѣсы». Романъ. (Изданіе седьмое). Спб. 1890 г., м. 8 д., стран. 621. Цѣна 3 руб. 50 коп.

* **Достоевскій**, Ѳ. М. «Вѣчный Мужъ». Разсказъ. (Изданіе седьмое). Спб. 1887 г., 8 д., стран. 132. Цѣна 1 р.

* **Достоевскій**, Ө. М. Записки изъ Мертваго Дома. Изданіе пятое. Спб. 1881 г., 8 д., стран. 217+160. Цѣна 2 руб.

* **Достоевскій**, Ө. М. «Идіотъ». Романъ. (Изданіе пятое). Спб. 1884 г., 8 д., стран. 599. Цѣна 3 р. 50 к.

* **Достоевскій**, Ө. М. «Подростокъ». Романъ. (Изданіе третье). Спб. 1882 г., 8 д., стран. 544. Цѣна 3 р. 50 к.

* **Достоевскій**, Ө. М. «Преступленіе и Наказаніе». Романъ. (Изданіе седьмое). Спб. 1884 г., 8 д., стран. 504. Цѣна 3 р. 50 к.

* **Достоевскій**, Ө. М. «Униженные и Оскорбленные». Романъ. (Изданіе девятое). — «Вѣчный мужъ». Разсказъ. (Изданіе шестое). Спб. 1887 г., 8 д., стран. 452. Цѣна 3 р.

* **Достоевскій**, Ө. М. Вѣрующія бабы. (Изъ романа «Братья Карамазовы»). Спб. 1890 г., 16 д., стран. 14, изданіе 2-ое. Съ рисунками. Цѣна 5 коп.

* **Достоевскій**, Ө. М. Въ барскомъ пансіонѣ. (Изъ романа «Подростокъ»). Изданіе Л. Ө. Достоевскаго. Спб. 1887 г., 16 д., стран. 16. Съ рисунками. Цѣна 5 коп.

* **Достоевскій**, Ө. М. Лѣтняя пора. («Изъ Записокъ Мертваго Дома»). Спб. 1890 г., 16 д., стр. 30, второе изданіе. Съ рисунками. Цѣна 10 коп.

* **Достоевскій**, Ө. М. Мужикъ Марей.—Столѣтняя. Спб. 1886 г., 16 д., стран. 32, изданіе второе. Съ рисунками. Цѣна 10 коп., на веленевой бумагѣ 15 коп.

* **Достоевскій**, Ө. М. Представленіе. (Изъ «Записокъ Мертв Дома»). Спб. 1890 г., 16 д., стран. 27, изданіе второе. Съ рисунками. Цѣна 10 коп., на веленевой бумагѣ 15 коп.

* **Достоевскій**, Ө. М. Честный воръ. Изъ записокъ неизвѣстнаго. Спб. 1890 г., 16 д., стран. 22. Цѣна 10 коп.

Дройзенъ, І. В. Исторія эллинизма. Переводъ съ французскаго М. Шелгунова. Т. I. Исторія Александра Великаго. Москва, 1891 г. Ц. 3 р. 50 к.

Епанчинъ, К. Календарь для садовниковъ, огородниковъ и сельскихъ хозяевъ на 1891 г. Москва. Ц. 50 к.

* **Загоскинъ**, Н. П. Врачи и врачебное дѣло въ Старинной Россіи. (Публичная лекція, читанная 24 марта 1891 года въ пользу Общества Взаимнаго Вспомоществованія учителямъ и учительницамъ Казанской губерніи). Казань, 1891 г., 8 д., 72 стран. Ц. 50 к.

Зиссерманъ, А. Фельдмаршалъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій. 1815—1879. Томъ 3-й. Москва, 1891 г., 8 д., 390 стр. и 1 портретъ. Ц. 3 р.

* **Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при**

Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Томъ IX, вып. I. Статьи Н. Н. и Н. А. Ѳирсовыхъ, Н. В. Сорокина, Н. З. Тихова, В. К. Магнитскаго, А. И. Соколова и М. Н. Пинегина. Казань. 1891 г., 8 д. Цѣна 1 руб. 25 к.

* **Извѣстія Общества Археологіи, Исторія и Этнографія при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.** Томъ IX, вып. 2.—Пермяки. Историко-этнографическій очеркъ И. Н. Смирнова. Казань. 1891 г., 8 д. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Ингремъ Джонъ. Исторія политической экономіи. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей проф. И. И. Янжула. Москва, 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Исаевъ, А. А. Переселенія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

* **Историческіе очерки города Саратова и его округи**, составленные А. И. Шахматовымъ, подъ редакціей Вл. Г. Вучетичъ, Вып. 1-й. Саратовъ, 1891 г., б. 8 д., стр. XI+205+15. Ц. 1 р. 25 к.

* **Лебедевъ**, Н. А. Въ одномъ изъ морскихъ госпиталей (этюды). Спб., 1891 г., м. 8 д., стран. 52. Ц. 40 к.

Ледерле, М. М. Соловушко. Сборникъ русскихъ художественныхъ и народныхъ пѣсенъ. Съ рисунками барона М. П. Клодта. Спб., 1891 г. Ц. 80 к.

Ленде̂ръ, Н. Волжскій спутникъ. Съ картою Поволжья. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 75 к.

Лѣтопись Нестора. Редакція и примѣчанія В. Яковлева. Спб., 1891 г., 8 д., 86 стр. и 1 таблица. Ц. 35 к.

Майнъ-Ридъ. Пропавшая сестра. Разсказъ для юношества. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.

Маракуевъ, В. Н. Практическое русское садоводство (плодовое и ягодное). Москва, 1891 г. Ц. 25 к.

Нагуевскій, Д. И. Энеида Виргилія. Полное изданіе въ одномъ томѣ съ введеніемъ и коментаріемъ. Казань, 1891 г. Ц. 3 р. 60 к.

* **Энциклопедическій словарь**, подъ редакціей проф. И. Е. Андреевскаго. Т. III. Бергеръ-Бисы.—Издатели: Ф. П. Брокгаузъ (Лейпцигъ). И. А. Ефронъ (Спб.). Спб., 1891 г., 8 д., стран. 481—962, въ два столбца. Ц. въ переплетѣ 3 р.

По желанію г. заказчиковъ книжный магазинъ «Русской Старины» высылаетъ книги и въ переплетъ. Цѣна переплетовъ: шагреневый съ каленкоромъ—80 коп., сафьяннокорешковый—50 коп.

☞ Всѣ вообще заказы о высылкѣ книгъ выполняются Магазиномъ «Русской Старины» (Мих. Ив. Семевскаго) безъ малѣйшаго замедленія.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Мих. Ив. СЕМЕВСКАГО
при
главной конторѣ журнала, имъ
издаваемаго,
„РУССКАЯ СТАРИНА"
[изд. основ. 1-го янв. 1870 г.].
С.-Петербургъ.

Милостивый Государь

Съ 1-го іюля 1890 года при Главной конторѣ ***„Русской Старины"*** открытъ ***Книжный Магазинъ М. И. Семевскаго*** преимущественно ***для иногородныхъ***. Магазинъ удовлетворяетъ требованіямъ какъ на изданія редакціи „Русской Старины", такъ и на книги, въ томъ числѣ книги учебныя и учебныя пособія, публикованныя въ газетахъ и въ каталогахъ гг. издателей и книжныхъ магазиновъ.

Магазинъ ***М. И. Семевскаго*** приглашаетъ желающихъ помѣщать публикаціи о выпущенныхъ ими книгахъ въ объявленіяхъ Книжнаго Магазина „Русской Старины",—высылать по экземпляру своихъ книгъ (съ указаніемъ ихъ цѣны), равно высылать таковыя книги на комиссію, по предварительному соглашенію съ Магазиномъ.

Гг. заказчики могутъ обращаться съ требованіями безъ высылки при этомъ денегъ и получать книги по почтѣ съ ***наложеніемъ платежа.***

Всѣ вообще заказы о высылкѣ книгъ выполняются магазиномъ ***М. И. Семевскаго*** безъ малѣйшаго замедленія.

Завѣдующая Конторой и книжнымъ магазиномъ „Русской Старины"

А. Н. Писарева.

1891 г.

(См. на оборотѣ)

Издатель-Редакторъ «Русской Старины» Мих. Ив. *Семевскій*.
Адресъ Книжнаго магазина и Конторы «Русской Старины»: С.-Петербургъ, Большая Подьяческая, д. № 7.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ М. И. СЕМЕВСКАГО

Спб., Большая Подьяческая, д. № 7.

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ, МЕЖДУ ПРОЧИМИ, СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ И ИЗДАНІЯ:

„Русская Старина" изд. 1891 года, двѣнадцать книгъ съ портретами, цѣна **9 руб.** съ доставкой и пересылкой.

Можно также получать и нѣкоторые изъ прежнихъ годовъ изданія «Русской Старины», а именно: изд. 1876—1878 гг.; 1880, 1884, 1885, 1888, 1889, 1890 гг., цѣна по 9 руб. за годъ съ пересылкою.

Архивъ князя Ѳедора Алексѣевича Куракина, издаваемый имъ подъ редакціею М. И. Семевскаго. Книга первая, Спб., 1890 г., 8 д., стр. XXIV+360, съ приложеніями: портретъ кн. Б. И. Куракина и два снимка съ его рукописей. Цѣна экз. на веленевой бумагѣ **3 руб.**, на простой—**2 руб.** съ пересылкой. Книга вторая, изд. 1891 г., 480 стр., съ двумя портретами: царь Петръ и кн. А. Б. Куракинъ, цѣна экз. на веленевой бумагѣ **3 руб. 50 коп.**, на простой **3 руб.—Систематическая роспись** содержанія «Русской Старины» за первые двадцать одинъ годъ изданія (1870—1890 гг.), **съ двумя прибавленіями къ этой Росписи,** три книги въ 8 д., украшенныя многими гравюрами, цѣна первой — **3 руб.**; второй — **1 руб.**; третьей — **2 руб.** — **Слово и дѣло!** историческіе очерки М. И. Семевскаго изъ эпохи Петра Великаго, 1700 — 1725 гг., книга въ 8 д., 350 стр., съ рисунками пытокъ. Спб., изданіе второе пересмотрѣнное и исправленное, цѣна **2 руб.** — **«Царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Виллимъ Монсъ»,** историческій очеркъ М. И. Семевскаго изъ эпохи Петра Великаго, 1692—1724 гг., книга въ 8 д., 350 стр., Спб., съ портретами и картинами казней стрѣльцовъ, цѣна **2 руб. 50 коп.** — **Записки Сельскаго Священника,** о. протоіерея и благочиннаго А. И. Розанова. Спб., 1882 г., въ 8 д., изд. второе, дополненное (всего осталось 115 экз.), цѣна **1 руб.—Путевыя Записки по Сибири архіепископа Нила.** Ярославль. 2 ч., 497 стр.+XIV стр., съ прилож. указателя и фотолитографическаго портрета автора, цѣна **1 руб.** съ перес. — **«Знакомые»,** альбомъ М. И. Семевскаго, издателя-редактора историческаго журнала «Русская Старина», — автобіографическія замѣтки 850 извѣстныхъ дѣятелей, людей государственныхъ, ученыхъ, писателей, артистовъ и друг. Спб., 450 стр., цѣна **2 руб.**—**Собраніе портретовъ русскихъ дѣятелей,** изданіе редакціи «Русской Старины», гравюры и геліогравюры лучшихъ художниковъ, [выпуски первый и второй разошлись сполна],— продаются выпуски *третій* (гравюры на деревѣ), — *четвертый* (гравюры на мѣди) и *пятый* (геліогравюры), цѣна каждой книги по **рублю** для подписчиковъ «Русской Старины», а для постороннихъ покупателей по **три руб.** за книгу.—**Портретъ Императора Александра II,**—гравюра академика Л. А. Сѣрякова († 1881 г.).—**Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса,** историческій очеркъ П. А. Матвѣева, цѣна **2 руб.** съ пересылкою.—**Записки Никиты Ивановича Толубѣева** (1780—1809 гг.). Спб. 1888 г., изд. «Русской Старины», въ 8 д., стр. 168, рукопись изъ собранія А. А. Титова, цѣна **1 руб.**—**Дневникъ пребыванія Царя-Освободителя въ Дунайской арміи въ 1877 г.,** состав. Л. М. Чичаговъ,

второе изданіе, дополненное. Спб. 1887 г., цѣна **2 руб.** съ пересылкою.— **Воспоминанія А. Г. Рубинштейна,** — автобіографическія его записки. Спб., 1889 г., въ 8 д., съ портретомъ А. Г. Рубинштейна, цѣна **1 руб.** съ пересылкою. — **Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка,** соч. В. И. Семевскаго, два тома, цѣна по **3 руб.** томъ.—**Василій Ивановичъ Водовозовъ,** біографическій очеркъ В. И. Семевскаго., Спб., 1888 г., 169+VIII стр., цѣна **50 коп.**—**Жизнь европейскихъ народовъ,** соч. Е. Н. Водовозовой, томы I, II и III, изданіе дополненное и вновь переработанное, съ рисунками, цѣна каждой части **3 р. 75 к.,** въ изящномъ переплетѣ **4 руб. 55 коп.**

Въ магазинѣ «Русской Старины» можно получать также слѣдующіе труды и изданія: **Археографической Коммиссіи, — Н. Бокачова** (описи русскихъ библіотекъ и библіографическихъ изданій), — проф. **Н. И. Барсова,—акад. А. Ѳ. Бычкова,—Виноградова** (Историческій очеркъ г. Вязьмы),—**А. Ѳ. Гильфердинга** (Боснія, Герцеговина и Старая Сербія,—исторія Балтійскихъ Славянъ).—**К. Д. Головщикова,—Г. А. Джаншіева,—Ѳ. М Достоевскаго,—Дьяконова** (Власть Московскихъ Государей),—**Журова** (Бухгалтерія), — **И. Е. Забѣлина,**—гр. **Г. А. Милорадовича,—И. Ф. Павловскаго,— А. А. Титова,—Н. К. Шильдера** (о Тотлебенѣ) и многихъ другихъ.

Магазинъ удовлетворяетъ требованіямъ какъ на изданія редакціи «Русской Старины», такъ и на всѣ книги и учебныя пособія, публикованныя въ газетахъ и въ каталогахъ гг. издателей и книжныхъ магазиновъ.

Въ Книжномъ магазинѣ Мих. Ив. Семевскаго

продаются оставшіяся, въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, изданія: **«Русская Старина» 1888-го, 1889-го и 1890-го**, цѣна за каждый годъ **девять** руб. съ пересылкою.

Главнѣйшія статьи, помѣщенныя въ «Русской Старинѣ»: въ изд. **1888 г.**: Записки Пав. Вас. *Чичагова*, перваго, по времени, морскаго министра.—Зап. профес. Дм. Ив. *Ростиславова* о бытѣ духовенства.—«Повѣсть о самомъ себѣ», — Записки акад. А. В. *Никитенко*: время до поступленія его въ университетъ.—Воспоминанія Н. Н. *Мурзакевича*.— А. Н. *Яхонтова* о Лицеѣ. — Изъ записокъ гр. П. А. *Валуева* (1862 г.).— Воспоминанія: П. Д. *Шестакова* о Казанскомъ университетѣ;—В. М. *Сорокина* о С.-Петербургскомъ университетѣ; — кн. П. А. *Путятина*;—А. И. *Михайлова* объ императорѣ Александрѣ II и его времени;—М. П. *Степанова* и В. В. *Верещагина* о войнѣ 1877—1878 гг.— Изслѣдованія и историческіе очерки: Н. И. *Шильдера*, Россія при Александрѣ I;—докт. рус. исторіи Вас. Ив. *Семевскаго*, Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX вв.—Новые матеріалы

къ исторіи отечественной словесности и къ жизнеописанію ея наиболѣе видныхъ представителей: *Батюшковъ, Пушкинъ*, (новыя страницы «Евгенія Онѣгина»,) Н. П. *Огаревъ* и друг. Къ исторіи русск. худож: Записки И. Е. *Рѣпина* о И. Н. *Крамскомъ* и проч. и проч.

«Русская Старина» изд. **1889 г.**: Записки князя Юрія Влад. *Долгорукова*;—А. Т. *Болотова* (1799—1800 гг.);—А. М. *Тургенева*;—Графа Ѳ. В. *Ростопчина* (1812 г.);—Кн. А. А. *Шаховскаго* (1812 г.);—Генер. отъ инф. А. А. *Одинцова*.—Дневникъ акад. А. В. *Никитенко* (1826—1843 гг. Восп.: профес. *Бодянскаго*;—Н. Н. *Мурзакевича* (1848—1849 гг.);—*Теобальда*;—П. Д. *Шестакова*;—Художника Вас. Вас. *Верещагина*.—Изслѣдованіе Н. К. *Шильдера*: Александръ I и его время.—Декабристъ Гавріилъ Степан. *Батенковъ*;—Генер. *Баговутъ*,—Графъ Ник. Ив. *Евдокимовъ*,—Гр. Мих. Тар. *Лорисъ-Меликовъ*,—очерки ихъ боевой жизни и ихъ характеристики,—очерки гг. Градовскаго, И. И. Ореуса, доктора Бѣлоголоваго.—Гр. М. Х. *Рейтернъ* (очеркъ его дѣятельности). — Н. М. *Пржевальскій*, очеркъ состав. академикъ Н. Ѳ. *Дубровинъ*. Новые матеріалы и произведенія А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, А. И. Герцена, И. С. Тургенева и мног. другихъ.

«Русская Старина» изд. **1890 г.**: Дневникъ акад. А. В. *Никитенко* (1844—1860гг.). —«Исторія о Петрѣ I-мъ», кн. Б. И. Куракина (1723 г.).—Разсказъ кн. *Козловскаго*: Москва въ 1812 году, помѣщицы *Золотухиной* (1812 г.), записки М. Н. *Кирѣева* (1789—1812 гг.), М. А. *Бѣлухи—Кохановскаго* о Лицеѣ 1820—1826; записки А. И. *Михайловскаго-Данилевскаго*: событія 1825 года;—*Мохнацкаго*;—А. А. *Одинцова* и А. Ѳ. *Лишина* (1830—1831 гг.);—Н. А. *Огаревой*, рожденной *Тучковой*;—записки сенатора В. И. *Дена*,—академика Н. И. *Кокшарова*,—Е. И. В. *Николая Максимиліановича Романовскаго, герцога Лейхтенбергскаго*;—посмертныя записки Н. В. *Берга*;—воспоминанія І. И. *Малевича*—бывшаго учителя-наставника профессора-женщины С. В. *Ковалевской*.—Изслѣдованія: Н. К. *Шильдера* (Александръ I и его время),—Д. И. *Иловайскаго*, — кн. Н. С. *Голицына*, — И. И. *Ореуса* и многихъ другихъ. Изъ области литературы статьи и сообщенія: объ И. А. *Крыловѣ*,—Н. И. *Новиковѣ*,—В. Т. *Нарѣжномъ*,—О. И. *Сенковскомъ*;—воспоминанія *Скайлера* о графѣ Л. Н. *Толстомъ*;—біографическія данныя и очеркъ В. И. *Духовникова* о Н. Г. *Чернышевскомъ*: — д-ра Е. А. *Головина* о С. П. *Боткинѣ* и проч. и проч.

Всѣ книги историческаго журнала «Русская Старина» украшены портретами замѣчательныхъ и достопамятныхъ русскихъ дѣятелей, гравюры лучшихъ художниковъ, а съ 1891-го года «Русская Старина» кромѣ того, украшается рисунками-виньетами маститаго профессора исторической живописи, почетнаго члена И. Акад. Художествъ Ѳ. Г. Солнцева.

онъ характеризуетъ свойства «міровой скорби», сказавшейся въ «Вертерѣ»; для уясненія «Фауста» онъ удѣляетъ нѣсколько главъ философіи и особенно внимательно останавливается на Кантѣ; при случаѣ, попутно оцѣниваетъ онъ значеніе Лессинга, Клопштока, Байрона, Шиллера, Ж. П. Рихтера и мн. др. Такимъ образомъ получается уже не характеристика одного излюбленнаго писателя, не отдѣльный портретъ, но широкая картина цѣлаго литературнаго движенія, выразившагося въ критикѣ метафизическихъ основъ философіи и нравственности и въ замѣнѣ ихъ новыми, опирающимися на одно положительное знаніе... И должно отдать покойному Шахову полную справедливость, что картина эта написана имъ мастерски: она поражаетъ читателя не только цѣльностью и единствомъ содержанія, но и отдѣлкой частей; многія обобщенія автора, не придуманныя, не вымученныя, отличаются основательностью и глубиной, отдѣльныя замѣчанія его всегда мѣтки, всегда попадаютъ въ цѣль. Если ко всѣмъ этимъ внутреннимъ достоинствамъ лекцій Шахова прибавить его ораторскій талантъ и привлекательный прямой характеръ, о чемъ согласно свидѣтельствуютъ и бывшія его слушательницы и проф. Стороженко въ своемъ біографическомъ введеніи,—то намъ станетъ вполнѣ понятна та любовь, какой пользовался покойный со стороны своихъ молодыхъ учениць. Появленіе лекцій А. Шахова въ печати должно привѣтствовать съ полнымъ сочувствіемъ; мы не сомнѣваемся, что онѣ скоро получатъ въ нашей читающей публикѣ самое широкое распространеніе.

Н. В. В.

Энциклопедическій словарь, подъ редакціею професcора И. Е. Андреевскаго. Томъ III. Банки—Бергеръ. Томъ IIIa. Бергеръ—Бисы. Издатели: Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ). И. А. Ефронъ (Спб.). Спб. 1891 г., 8 д., стр. 480—962; въ два столбца. Цѣна каждаго полутома въ переплетѣ 3 руб.

Словарь этотъ съ каждымъ полутомомъ дѣлается все лучше и лучше. Въ лежащихъ передъ нами книгахъ, независимо отъ массы компилятивныхъ, или переводныхъ, весьма интересныхъ и необходимыхъ для справокъ, статей и статеекъ, множество самостоятельныхъ статей, принадлежащихъ русскимъ ученымъ и писателямъ, пользующимся извѣстностью какъ отличныхъ знатоковъ въ области своей спеціальности, либо мѣстныхъ изъ разныхъ областей Россіи, вполнѣ свѣдущихъ о своемъ краѣ корреспондентовъ, либо, наконецъ, хотя и молодыхъ еще лицъ, но уже получившихъ ученыя степени. Назовемъ изъ первой группы слѣдующихъ сотрудниковъ: И. Е. Андреевскій, скончавшійся 20-го мая 1891 года, къ глубокому огорченію всѣхъ многочисленныхъ почитателей и почитательницъ этого ученаго, въ высокой степени симпатичнаго человѣка, и общественнаго дѣятеля, профессоръ Э. К. Брандтъ — по зоологіи, А. И. Браудо — по всеобщей исторіи, П. В. Быковъ—біографіи рус. дѣятелей, П. П. Васильевъ проф.—по богословію, А. И Восйковъ проф. — по географіи и климатологіи, Е. М. Гаршинъ и Л. Я. Гуревичъ — по исторіи русской литературы, Н. Л. Лось прив.-доц.—по славяновѣдѣнію, А. П. Лопухинъ проф. — по церковной исторіи, П. О. Морозовъ прив.-доц. — по исторіи русской литературы, Н. И. Ореусъ ген.-м. ген. шт., членъ военно-ученаго комитета—отличный знатокъ военно-исторической литературы, Ѳ. Ѳ. Петрушевскій проф.—по физикѣ, Д. И. Прозоровскій проф. — по метрологіи и археологіи, Н. О. Соловьевъ проф. — по музыкѣ, Н. В. Султановъ проф.—по архитектурѣ, А. А. Титовъ—по новой исторіи, Е. И. Утинъ — по новой исторіи (замѣчательная статья о кн. Бисмаркѣ) и многіе другіе. Нѣкоторыя изъ статей въ этомъ томѣ представляютъ цѣлыя изслѣдованія, какъ напримѣръ: «Барщина или боярщина» (стр. 122—135).

Всему, что относится до Россіи и русскихъ людей, словарь даетъ все болѣе и болѣе мѣста. Чертежи, карты (отпечатанныя красками) и рисунки (рисованные преимущественно по естествознанію, причемъ нѣкоторые отпечатаны красками — напр. «бекасъ») по прежнему представляютъ довольно значительныя по числу и превосходныя по выполненію приложенія къ словарю, но жаль, что издатели не помѣщаютъ портретовъ.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

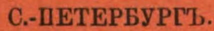
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ двадцать второй. **АВГУСТЪ.** 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ **Надежды Андреевны Дуровой,** гравировалъ художникъ И. И. Матюшинъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 80.

1891.

VIII-я книга „Русской Старины" вышла 1-го августа 1891 г.

Джонъ Ингрэмъ. Исторія политической экономіи. Переводъ съ англійскаго А. Миклашевскаго, подъ ред. И. Янжула. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Русская литература очень небогата сочиненіями по исторіи экономической науки. Если мы назовемъ переведенный еще въ 1860-хъ годахъ, теперь въ значительной степени устарѣвшій, трудъ Бланки, да слишкомъ ужъ одностороннюю книжечку г. Иванюкова («Основныя положенія теоріи экономической политики отъ А. Смита до нашихъ дней»), — то и исчерпаемъ ими всѣ общіе курсы, имѣющіеся на русскомъ языкѣ. Между тѣмъ потребность въ сочиненіяхъ такого рода, особенно у приступающихъ къ изученію науки, несомнѣнно есть, и, на русскомъ языкѣ, ее приходится теперь удовлетворять только случайными журнальными статьями о томъ или другомъ писателѣ-экономистѣ. Въ виду этого нельзя не одобрить мысли издателей ознакомить русскую публику съ однимъ изъ новѣйшихъ иностранныхъ руководствъ по данному предмету. Къ сожалѣнію, только выбранная ими для перевода книга кажется намъ не вполнѣ отвѣчающею тѣмъ требованіямъ, которыя мы вправѣ къ ней предъявить. Прежде всего сразу бросается въ глаза слишкомъ малое вниманіе автора къ культурной исторіи и къ прогрессу смежныхъ съ политическою экономіею общественныхъ наукъ; благодаря этому, различные писатели, о которыхъ говоритъ Ингрэмъ, являются у него какъ-бы внѣ времени и пространства, и ихъ преемственность кажется читателю простою случайностью. Стремленіе автора къ полнотѣ дѣлаетъ далѣе то, что его характеристики становятся часто слишкомъ краткими, переходя иной разъ даже въ голый перечень, какъ то мы видимъ на стр. 277 — 278, 307—308 и друг. Несмотря, однако, на это стремленіе къ полнотѣ, полнота всетаки не принадлежитъ къ числу достоинствъ разбираемой книги: мы не встрѣчаемъ въ ней ни слова о Марксѣ, Родбертусѣ и вообще о соціалистахъ, хотя авторъ и признаетъ самъ ихъ «могущественное воздѣйствіе на молодыхъ германскихъ (почему-же только германскихъ?) экономистовъ». Но всего непріятнѣе поражаетъ въ Ингрэмѣ, какъ историкѣ, его недостаточно безпристрастное отношеніе къ нѣкоторымъ почтеннымъ и виднымъ писателямъ, между прочими къ Рикардо, значеніе котораго въ наукѣ не должно-бы, казалось, подлежать никакому сомнѣнію.

При всѣхъ этихъ недостаткахъ и нѣкоторой сухости изложенія, «Исторія политической экономіи» Ингрэма, благодаря ея точному и сжатому языку, обширной эрудиціи автора и вѣрной передачѣ многихъ экономическихъ системъ (всего подробнѣе и лучше изложены взгляды А. Смита),— можетъ быть не безполезна, какъ первоначальное пособіе. **Н. В. В.**

П. Обнинскій. Законъ и бытъ. Очерки и изслѣдованія въ области нашего реформируемаго права. Вып. I. 423 стр. Москва, 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

«Въ наши дни, когда съ ученыхъ каѳедръ слышатся голоса, взывающіе къ системѣ благоустрашенія, допускающіе осужденіе невинныхъ, «дабы другимъ не повадно было», и измѣряющіе человѣческое достоинство получаемыми окладами, когда публицистика преслѣдуетъ нашу молодую адвокатуру и открещивается отъ началъ, положенныхъ въ основаніе судебной реформы, когда смиренно-озлобленное глумленіе надъ наукой стремится вырвать даже надежду на лучшее будущее,—въ такіе дни будетъ далеко не лишнимъ оглянуться на красную весну прошедшаго, на «дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой», и хоть на нихъ отдохнуть душой»,— такъ говоритъ г. Обнинскій, приглашая читателя ознакомиться съ французской адвокатурой XVIII-го вѣка, но эти же заключительныя слова о «красной веснѣ прошедшаго» могутъ быть обращены имъ и къ тому свѣтлому прошлому нашего суда, когда «правда и милость» были призваны царствовать въ немъ. Къ тому именно времени, къ тѣмъ принципамъ гуманности и уваженія личности, которыми проникнуты судебные уставы 1864 года, обращаются взоры почтеннаго автора каждый разъ, когда, отмѣтивъ недостатки какого-нибудь современнаго института, ему приходится высказывать свои пожеланія. Истолкованіе того, что составляетъ по

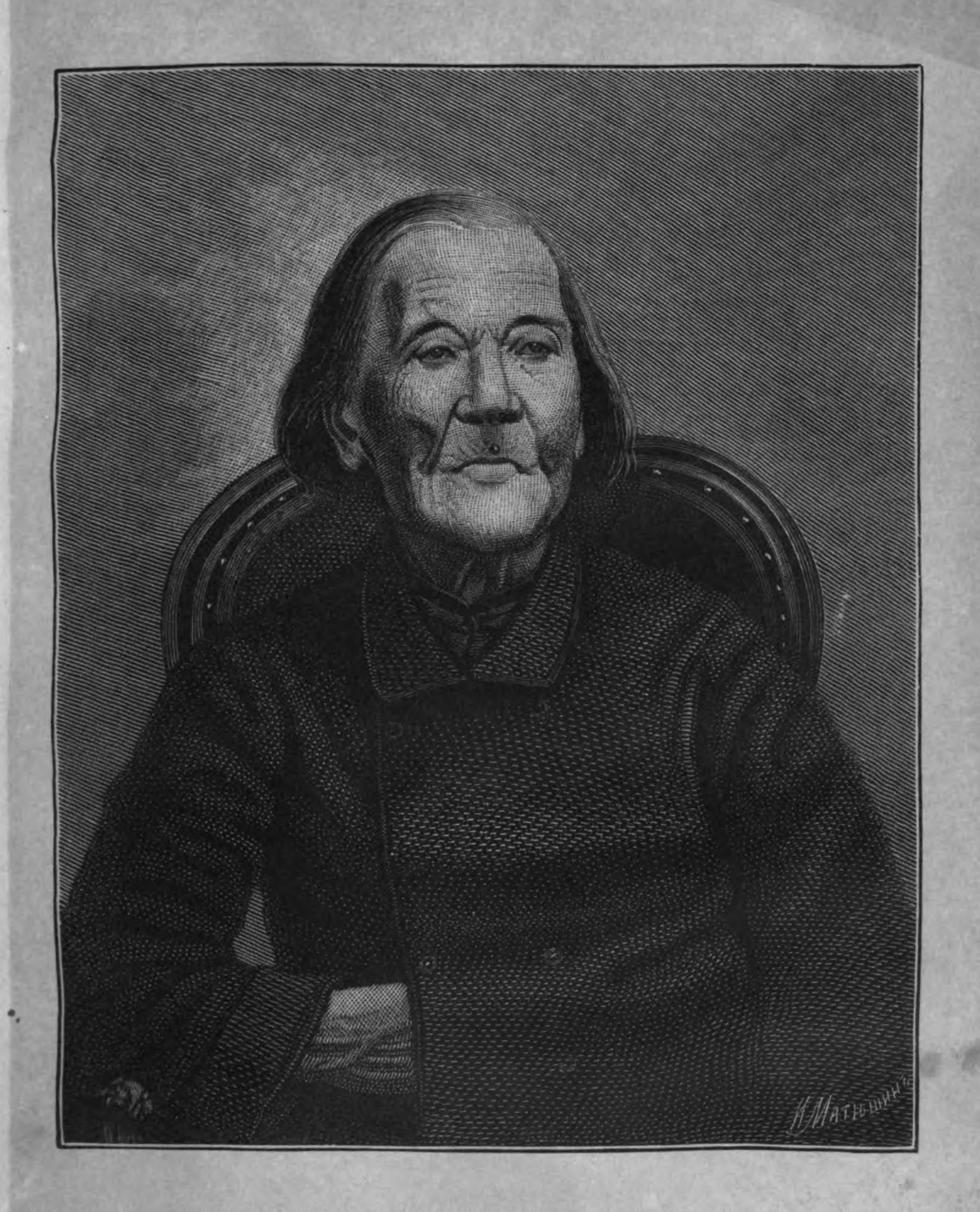
НАДЕЖДА АНДРЕЕВНА ДУРОВА

РОД. 1783 Г. † 23 МАРТА 1866 Г.

(КАВАЛЕРИСТЪ-ДѢВИЦА АЛЕКСАНДРОВЪ).

Приложеніе къ журналу «Русская Старина».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 августа 1896 г. — Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ.

НАДЕЖДА АНДРЕЕВНА ДУРОВА

род. 1783 г. † 23 марта 1866 г.

(КАВАЛЕРИСТЪ-ДѢВИЦА АЛЕКСАНДРОВЪ).

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 16 АВГУСТА 1890 Г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

ВАСИЛІЙ ТРОФИМОВИЧЪ НАРѢЖНЫЙ.

Род. въ 1780 г., † 21 іюня 1825 г.

Очеркъ пятый.

[окончаніе].

XXV [1]).

Романъ „Два Ивана или страсть къ тяжбамъ", при своемъ появленіи въ свѣтъ, вызвалъ подробную рецензію въ „Сѣверной Пчелѣ" того-же 1825 года (№ 94). Считаемъ нелишнимъ привести ее, такъ какъ, съ одной стороны, она наглядно рисуетъ незавидное литературное положеніе В. Т. Нарѣжнаго, а съ другой—весьма характерна для тогдашней критики, которая справедливо упрекаетъ автора въ недостаткѣ „образованнаго вкуса"; но, при этомъ, также неразборчива относительно общаго содержанія романа, какъ и за четверть вѣка тому назадъ.

Такъ рецензентъ „Сѣверной Пчелы", главнымъ образомъ, хвалитъ романъ „Два Ивана или страсть къ тяжбамъ" за его нравственное направленіе: „Еслибы, говоритъ онъ, прекрасныя наставленія, украшенныя остроумными замыслами и веселою игрою воображенія, могли положительно дѣйствовать на людей, то многіе, прочитавъ повѣсть Нарѣжнаго, раскланялись-бы со стряпчими; но съ нравоучителями бываетъ то-же, что съ купцами: всѣ проходящіе слушаютъ

---

[1]) См. „Русскую Старину", изд. 1888 г., томъ LVIII, май, стр. 341—366; томъ LIX, іюль, стр. 117—148; августъ, стр. 249—270; изд. 1890 г., томъ LXVII, сентябрь, стр. 469 — 527; изд. 1891 г., т. LXX, май, стр. 471 — 487; іюнь, стр. 523—545; т. LXXI, іюль, стр. 1—23. Портретъ В. Т. Нарѣжнаго приложенъ къ „Русской Старинѣ", изд. 1888 г., т. LIX, августъ, стр. 225.

похвалы товарамъ, и очень немногіе заходятъ покупать... Въ этой повѣсти, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ Нарѣжнаго, читатель найдетъ, что авторъ обладалъ творческою силою воображенія, имѣлъ наблюдательный умъ, много читалъ, еще больше думалъ и нуждался въ одномъ—въ образованномъ вкусѣ. Съ прибавленіемъ сего послѣдняго качества къ числу прочихъ дарованій... Нарѣжный сталъ-бы на ряду съ почетными русскими литераторами. Теперь извѣстность его ограничена, и еслибы кто сказалъ, что онъ имѣлъ больше дарованій, нежели сколько имѣютъ многіе, — по мнѣнію пріятелей, знаменитые литераторы,—то сказалъ-бы тотъ совершенную правду, и однакожъ ему не повѣрили-бы"...

Въ этомъ отзывѣ упрекъ въ недостаткѣ „образованнаго вкуса" ясно формулированъ рецензентомъ; это уже не прежнія мелочныя придирки къ отдѣльнымъ словамъ и претензіи за несоблюденіе принятыхъ правилъ краснорѣчія, обычныя у критиковъ начала нынѣшняго вѣка. Мы видимъ здѣсь вполнѣ сознанное требованіе, потому что русскій языкъ въ двадцатыхъ годахъ не только достигъ извѣстнаго развитія, но и высокой степени художественности, какъ показываютъ произведенія тогдашнихъ первоклассныхъ поэтовъ. Что касается содержанія, то рецензентъ „Сѣверной Пчелы", въ приведенномъ отзывѣ, безразлично относится къ хорошимъ и дурнымъ сторонамъ романа, и одинаково восхищается ими, такъ какъ въ это время русскіе критики, при отсутствіи другихъ, болѣе или менѣе самобытныхъ романическихъ, произведеній, не могли дать надлежащей оцѣнки сочиненіямъ Нарѣжнаго.

Исключеніе въ этомъ случаѣ составляетъ кн. П. А. Вяземскій, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей того времени и, кромѣ того, талантливый и остроумный критикъ, который и, въ то время, понималъ значеніе Нарѣжнаго въ русской литературѣ. Самобытная сторона романа „Два Ивана или страсть къ тяжбамъ" не ускользнула отъ его вниманія, и онъ ставитъ ее на первомъ планѣ въ своемъ „Письмѣ изъ Парижа" 1825 года. (45). „Не удовлетворяя и въ этомъ романѣ, пишетъ онъ, эстетическимъ требованіямъ искусства, Нарѣжный побѣдилъ первый и покамѣстъ одинъ трудность, которую, признаюсь, почиталъ я до него непобѣдимою. Мнѣ казалось, что наши нравы, что вообще нашъ народный бытъ не имѣетъ, или имѣетъ мало оконечностей живописныхъ, кои могъ-бы охватить наблюдатель для составленія русскаго романа. Правда, что нашъ наблюдатель не совершенно русскій, а малороссійскій, и что его два лучшіе романа: „Бурсакъ" и „Два Ивана" относятся къ эпохѣ, когда Малороссія еще имѣла свою особенную и характеристическую физіономію"...

Этотъ отзывъ современника, написанный въ 1825 году, по поводу послѣдняго напечатаннаго произведенія В. Нарѣжнаго, въ высшей степени важенъ для насъ, потому что здѣсь мы находимъ новое и окончательное подтвержденіе словъ Бѣлинскаго, который называетъ Нарѣжнаго „родоначальникомъ русскихъ романистовъ".

Далѣе въ томъ-же „Письмѣ изъ Парижа" кн. П. А. Вяземскій, сопоставляя Нарѣжнаго съ другими сочинителями подражательныхъ романическихъ произведеній, хвалитъ его романы съ наиболѣе слабой стороны ихъ, а именно, со стороны запутанной завязки, — и въ этомъ отношеніи платитъ такую-же дань понятіямъ времени, какъ и упомянутый рецензентъ „Сѣверной Пчелы". Между прочимъ, онъ ставитъ въ заслугу автору „Бурсака" и „Двухъ Ивановъ", что онъ „не даетъ читателю въ первыхъ страницахъ романа отгадать завязку, которая становится утомительною, когда любопытство удовлетворено преждевременно; но онъ довольно искусно заводитъ читателя, и при концѣ даетъ отчетъ ясный и сбыточный... Жаль, добавляетъ кн. Вяземскій, что языкъ непріятный, грубый, иногда даже дикій, вкусъ неочищенный или, справедливѣе, совершенное отсутствіе вкуса, много вредятъ достоинству сихъ романовъ; но со всѣмъ тѣмъ они занимаютъ мѣсто въ числѣ замѣчательныхъ произведеній нашей лѣнивой и малоурожайной словесности. Несмотря на то, Нарѣжный умеръ, почти не слыхавъ добраго слова о себѣ отъ нашихъ журналистовъ, которымъ недосугъ разбирать книгу порядкомъ"...

XXVI.

В. Нарѣжный умеръ на сорокъ пятомъ году жизни, за двѣ недѣли до выхода въ свѣтъ своего романа „Два Ивана или страсть къ тяжбамъ", а именно 21-го іюня 1825 года [1]). Смерть романиста прошла незамѣтно; о ней узнали только изъ краткаго извѣстія, помѣщеннаго въ „Сѣверной Пчелѣ" того-же года (№ 75), гдѣ онъ упомянутъ на ряду съ другимъ писателемъ П. Львовымъ, умершимъ почти одновременно. Равнымъ образомъ, похороны его, вѣроятно,

---

[1]) Свѣдѣнія о днѣ смерти и мѣстѣ погребенія В. Т. Нарѣжнаго по нашей просьбѣ обязательно доставлены намъ секретаремъ С.-Петербургской духовной консисторіи, И. Тимоѳеевымъ, за что приносимъ ему глубокую благодарность, тѣмъ болѣе, что подобныя архивныя справки требуютъ не мало времени и труда. Ред.

14*

не отличались пышностью, судя по тому, что въ церковныхъ спискахъ умершихъ въ 1825 году возрастъ В. Нарѣжнаго дважды означенъ невѣрно, а въ одномъ спискѣ невѣрно записана фамилія. Такъ по кладбищенской вѣдомости Большеохтенской Святодуховской церкви за 1825 годъ, подъ № 108, значится слѣдующая запись:

„21-го іюня, умре отъ водяной надворный совѣтникъ и кавалеръ Василій Трофимовичъ Нарѣжный, 50 лѣтъ, и погребенъ протоіереемъ Воскресенской церкви Іаковомъ Воскресенскимъ".

Въ другомъ спискѣ. а именно въ метрикѣ Воскресенской церкви, (нынѣ Скорбящей Божьей Матери) за № 3 значится:

„Надворный совѣтникъ и кавалеръ Василій Трофимовичъ Оринскій, 42 лѣтъ, умершій отъ водяной 21-го іюня 1825 года, погребенъ на Большеохтенскомъ кладбищѣ протоіереемъ Іаковомъ Воскресенскимъ".

Причина такой странной неточности, въ показаніи возраста умершаго, могла заключаться въ небрежномъ веденіи метрикъ тогдашнимъ духовенствомъ, или же въ какихъ-нибудь исключительныхъ условіяхъ смерти В. Т. Нарѣжнаго. Въ виду этого, считаемъ долгомъ упомянуть о случайно дошедшемъ до насъ свѣдѣніи, требующемъ подтвержденія, будто-бы несчастный романистъ „былъ подобранъ пьяный, въ безчувственномъ состояніи гдѣ-то подъ заборомъ", и если предположить, что, во время погребенія, не было никого изъ близкихъ ему людей, то возрастъ его могъ быть означенъ приблизительно.

Во всякомъ случаѣ, какъ-бы ни былъ печаленъ конецъ жизни В. Нарѣжнаго, это не имѣетъ никакого отношенія къ плодотворной дѣятельности нашего перваго самобытнаго романиста и къ его историко-литературному значенію.

Изъ посмертныхъ неизданныхъ сочиненій В. Нарѣжнаго, насколько намъ извѣстно, уцѣлѣла только первая часть неоконченнаго романа „Гаркуша, малороссійскій разбойникъ [1]". Этотъ романъ, по содержанію, принадлежитъ къ особому виду, такъ называемыхъ „разбойничьихъ романовъ" (Räuberromanen), богатыхъ приключеніями,

[1] Рукопись этого романа (106 стр.) составляетъ собственность „Литературнаго Фонда"; она была получена нами отъ бывшаго предсѣдателя „Комитета для нуждающихся литераторовъ и ученыхъ" Н. С. Таганцева и возвращена нами по принадлежности черезъ бывшаго секретаря общества В. И. Семевскаго. Полное тождество почерка данной рукописи съ рукописью, находившеюся у насъ, трехъ неизданныхъ частей „Россійскаго Жилблаза", не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что она написана самимъ авторомъ.

Н. В.

которыя одно время были довольно распространены въ западно-европейской литературѣ и перешли къ намъ, въ переводахъ и передѣлкахъ, во второй половинѣ XVIII столѣтія. Вообще, насколько можно судить по первой части „Гаркуши“, романъ этотъ можетъ быть отнесенъ къ позднѣйшимъ произведеніямъ В. Нарѣжнаго, такъ какъ, подобно имъ, состоитъ изъ подражательной болѣе слабой части и отдѣльной, самобытной, гдѣ недостатки выкупаются болѣе или менѣе удачными и талантливыми сценами и описаніями.

В. Нарѣжный, повидимому, хотѣлъ изобразить въ этомъ романѣ извѣстнаго южнорусскаго разбойника Гаркушу, который, во второй половинѣ прошлаго вѣка, прославился своими подвигами на далекомъ пространствѣ, отъ Умани до Полтавы и отъ Казани до лимана Днѣпровскаго, и послѣ своей окончательной ссылки въ Нерчинскъ, въ 1782 году, еще долго жилъ въ народной памяти. Украинцы приписывали ему похожденія многихъ разбойниковъ, и указывали слѣды его даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ никогда не былъ, такъ что, мало-по-малу, онъ сдѣлался для нихъ какимъ-то миѳическимъ лицомъ. Естественно, что и Нарѣжный, проведя дѣтство въ Малороссіи, могъ слышать о немъ много еще свѣжихъ преданій и разсказовъ, хотя сильно преувеличенныхъ, но до извѣстной степени имѣющихъ фактическую основу [1]). Между тѣмъ, исторія „Гаркуши“ въ романѣ Нарѣжнаго, опять-таки судя по первой части, имѣетъ мало общаго съ исторіей разбойника Гаркуши, заслужившаго извѣстность въ Малороссіи (46).

Дѣйствительный Гаркуша сначала поступаетъ въ запорожцы и, въ качествѣ товарища Гонты, принимаетъ дѣятельное участіе въ уманской рѣзнѣ за религію, а послѣ уничтоженія Сѣчи становится контрабандистомъ, и обобранный до чиста поляками, начинаетъ промышлять чужою собственностью. Многочисленная шайка его пополняется бѣглецами, примкнувшими къ нему послѣ запрещенія вольнаго перехода крестьянъ въ Малороссіи. Между тѣмъ, исторія героя романа „Украинскаго разбойника Гаркуши“ носитъ болѣе частный и, такъ сказать, личный характеръ и представляетъ интересъ психологическій. Основной причиной разлада Гаркуши съ окружающей средой является бѣдность и связанныя съ нею нравственныя терзанія, – тема, не разъ встрѣчаемая въ произведеніяхъ Нарѣжнаго и очевидно хорошо знакомая ему. На этотъ разъ, онъ

---

[1]) Въ пятой неизданной части своего романа „Россійскій Жилблазъ“ Нарѣжный изобразилъ въ одной сценѣ дѣйствительнаго украинскаго разбойника Гаркушу, котораго онъ и тамъ почему-то называетъ Гаркушей.

Н. В.

впервые выводитъ бѣдняка изъ крестьянской среды, и изображаетъ народный бытъ реальными чертами, безъ прикрасъ и напускной чувствительности тогдашнихъ сочинителей сельскихъ и пастушескихъ повѣстей.

Будущій разбойникъ Гаркуша представленъ въ видѣ нищаго безроднаго пастуха, которому, помимо безвыходной нужды, приходится много терпѣть отъ равнодушія и презрительнаго отношенія людей „болѣе сытыхъ и лучше одѣтыхъ, нежели онъ". Гаркуша жилъ одиноко въ своей бѣдной уединенной хижинѣ съ двумя вѣрными псами, и, не смотря на свою набожность, „рѣдко посѣщалъ храмъ Божій,—такъ какъ у него и самое праздничное платье было хуже, чѣмъ у другихъ буднишнія,—а довольствовался онъ во время священнодѣйствія стоять на паперти и, со смиреніемъ мытаря, творить свои молитвы"...

Между тѣмъ, насталъ день рожденія Гаркуши и въ день воскресный. Ему исполнилось двадцать пять лѣтъ. Гаркуша, какъ сталъ себя помнить, всегда посвящалъ его на славословіе Божіе, служилъ молебенъ, и, послѣ, отлично угощалъ—псовъ своихъ, ибо никто изъ людей не удостоивалъ его посѣщеніемъ, да онъ нисколько о томъ и не печалился.

И на сей разъ, Гаркуша не отступилъ отъ своего правила. Онъ чисто на чисто выбрился, надѣлъ довольно чистую свиту и отправился въ церковь, гдѣ сталъ у самаго клироса, ибо никого еще тамъ не было, и началъ молиться, какъ умѣлъ...

Мало-по-малу, церковь начала наполняться народомъ, наполнилась, и священнодѣйствіе началось. Когда Гаркуша со всѣмъ усердіемъ творилъ земные поклоны, то нѣкто изъ народа толкнулъ его въ спину столь небрежно, что онъ плотно стукнулся лбомъ объ полъ. Поднявшись, онъ видитъ подлѣ себя Карпа, племянника старосты.—Посторонись! сказалъ тотъ надмѣнно.—Некуда, отвѣчалъ Гаркуша, и всякой имѣетъ такое-же право сего отъ меня требовать, какъ и ты.—Ба! сказалъ племянникъ старосты; такъ я равенъ и тебѣ, негодный?—Я такой-же христіянинъ, отвѣчалъ сей и продолжалъ молиться; но соперникъ его шепнулъ что-то на ухо дьяку Якову Лысому, и сей знаменитый сановникъ, сошедъ съ клироса, взялъ Гаркушу за руку, повелъ по церкви, потомъ вышедши за двери, сказалъ: оставайся здѣсь, невѣжа, когда не умѣешь смиренно стоять во храмѣ, иначе — ты меня знаешь: покайся во грѣхѣ и смирись!

Не смотря на проливной дождь, вѣтеръ, градъ, словомъ, на всѣ собравшіяся октябрьскія непогоды, Гаркуша смиренно простоялъ на паперти до окончанія службы, выждалъ всѣхъ людей, и уже хотѣлъ вступить въ церковь для отслуженія молебна, какъ показался священникъ съ своимъ причтомъ. Сколько ни умолялъ его Гаркуша воротиться, удвоивалъ и утроивалъ обыкновенную плату, тщетно!—Для чего не сказалъ заранѣе, былъ отвѣтъ, и и скоро всѣ скрылись (стр. 3—5).

Этотъ случай рѣшилъ дальнѣйшую судьбу Гаркуши. Съ стѣсненнымъ сердцемъ и слезами на глазахъ, вернулся онъ въ свою

хижину и, въ первый разъ, ласки вѣрныхъ псовъ не могли развеселить его. „Онъ отобѣдалъ безъ вкуса, пасмурно сѣлъ на скамью, и—мщеніе представилось воображенію его въ видѣ добродѣтели и сознанія своего внутренняго достоинства“. Долго обдумывалъ онъ планъ мести и рѣшилъ пустить въ дѣло своихъ доморощенныхъ кота и кошку, и для этой цѣли проморилъ ихъ трое сутокъ голодомъ, въ запертомъ чуланѣ, и затѣмъ снесъ ихъ на голубятню дьяка, гдѣ оставилъ на цѣлую ночь. Не довольствуясь этимъ, онъ на другой день явился къ своему врагу, подъ предлогомъ покупки голубей, чтобы полюбоваться его отчаяніемъ, такъ какъ дьякъ любилъ своихъ птицъ „болѣе всего, и охотнѣе лазилъ на голубятню, чѣмъ вступалъ въ чертоги жида, содержавшаго шинокъ, хотя и туда ходилъ онъ охотнѣе, чѣмъ на клиросъ“...

Однако, виновникъ уничтоженія голубей былъ вскорѣ открытъ, по жалобѣ дьяка „выстеганъ лозами“ въ земской избѣ и, кромѣ того, долженъ былъ заплатить рубль денегъ за нанесенный убытокъ. Гаркуша, за это двойное и, по его мнѣнію, несправедливое наказаніе рѣшилъ снова отомстить дьяку: онъ забрался ночью въ его садъ и подпилилъ всѣ лучшія плодовыя деревья. Не забылъ онъ и своего главнаго врага—Карпа, племянника старосты, и за нанесенное имъ оскорбленіе отплатилъ еще бо́льшей обидой, такъ какъ началъ ухаживать за невѣстой Карпа и соблазнилъ ее.

Несложная исторія отношеній Гаркуши къ Маринѣ, начатыхъ изъ желанія отомстить врагу и перешедшихъ въ сердечную привязанность, принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ неоконченнаго романа В. Нарѣжнаго. Также реально описана авторомъ свадьба Марины съ Карпомъ, гнѣвъ обманутаго мужа, истязаніе несчастной женщины и насильственное, вынужденное у ней признаніе въ присутствіи свадебныхъ гостей, родителей и родственниковъ. Прошелъ мѣсяцъ послѣ свадьбы Марины; но Гаркуша напрасно поджидалъ ее въ овинѣ, обычномъ мѣстѣ ихъ прежнихъ свиданій, и при встрѣчахъ старался обратить на себя ея вниманіе. Онъ долженъ былъ убѣдиться, что безвозвратно утратилъ благосклонность своей возлюбленной, и рѣшилъ отплатить ей за свою „мнимую“ обиду. „Въ свободное время, ходя по базару, или сидя въ шинкѣ, повѣствовалъ онъ всякому любопытному и нелюбопытному, что онъ не только былъ доступнымъ любовникомъ Марины во время ея дѣвичества, но что она и матерью будетъ его дитяти, а не Карпова“.

Такія рѣчи не долго кроются въ народѣ, и Марина, узнавъ о нихъ, въ свою очередь, рѣшила отомстить бывшему возлюбленному за его нескромность. Она велѣла позвать къ себѣ дьяка Якова

Лысаго и, въ присутствіи свидѣтелей, объявила ему, что истребитель его голубятни и сада все тотъ-же Гаркуша и что она готова подтвердить это подъ присягой. Дьякъ вскипѣлъ гнѣвомъ; по его настоянію собрался крестьянскій судъ, и рѣшено было представить дѣло „на благоусмотрѣніе“ помѣщика, пана Кремня, дворъ котораго стоялъ на выгонѣ.

Но помѣщикъ, который является въ романѣ олицетвореніемъ всѣхъ пороковъ, неожиданно принялъ сторону обвиняемаго, такъ какъ хотѣлъ воспользоваться его услугами для своихъ цѣлей, и объявилъ просителямъ, что считаетъ Гаркушу совершенно правымъ и строго запрещаетъ „возобновлять вражду и неустройство“... Съ этими словами панъ Кремень удалился „съ величайшею важностью, а просители побрели съ панскаго двора, повѣся головы“.

Въ ту-же ночь, панъ Кремень отправилъ въ путь Гаркушу, съ шестью дворовыми, и велѣлъ имъ раскопать плотину у мельницы сосѣдняго помѣщика, пана Балтазара, своего непримиримаго врага, которому старался вредить всѣми способами. Новый слуга съ успѣхомъ выполнилъ возложенное на него порученіе, и, сверхъ того, захватилъ съ собой на обратномъ пути четыре крестьянскія телѣги съ хлѣбомъ, привезеннымъ наканунѣ для помолу, и четыре лошади, чѣмъ доставилъ немалое удовольствіе своему господину. Но легкая удача настолько вскружила голову Гаркушѣ, что при слѣдующемъ походѣ, вслѣдствіе собственной оплошности, онъ попалъ вмѣстѣ съ товарищами въ руки крестьянъ пана Балтазара и, по его распоряженію, запертъ въ гумнѣ. Наступила ночь, и Гаркуша безъ труда вырвался изъ некрѣпкой тюрьмы; освободивъ себя и товарищей, онъ велѣлъ ожидать его на другомъ берегу рѣки, а самъ, оставшись одинъ, поджегъ солому въ нѣсколькихъ мѣстахъ, послѣ чего бросился бѣжать безъ оглядки. Когда онъ присоединился къ товарищамъ, то, „оборотясь, увидѣлъ, что гумно пана Балтазара багрѣло въ пламени; клочки соломы, извиваясь въ воздухѣ, падали на крышки крестьянскихъ домовъ... и вскорѣ бóльшая половина селенія превратилась въ огненное озеро“. Гаркуша улыбнулся, „но улыбка сія не была уже для него отрадною. Неизвѣстный голосъ говорилъ ему: это уже не шутка! Это другое дѣло, чѣмъ истреблять голубей и садъ дьяка Якова Лысаго! Зажигатель!“... (65 стр.).

Панъ Кремень сначала равнодушно принялъ извѣстіе о новомъ подвигѣ Гаркуши, но пришелъ въ немалое безпокойство, когда изъ города пріѣхалъ его сынъ и сообщилъ ему, что панъ Балтазаръ подалъ на него жалобу по поводу истребленія плотины и поджога селенія и что завтра къ нимъ „чуть свѣтъ прискачетъ исправникъ съ командой для захвата обвиняемыхъ“.— „Милости просимъ! сказалъ на это панъ, какъ скоро увижу, что не будетъ способа отбояриться легче и дешевле, то Гаркушу съ товарищами обвиню однихъ во всемъ и отдамъ обѣими руками: пусть съѣдятъ ихъ хоть съ костями. На мѣсто ихъ есть у меня ребята удалые“...

Гаркуша, сидя въ сѣняхъ, подслушалъ отъ слова до слова весь разговоръ между отцомъ и сыномъ, и не помня себя отъ ужаса и злобы, отыскалъ своихъ злополучныхъ товарищей и уговорилъ ихъ бѣжать вмѣстѣ съ нимъ. Съ наступленіемъ ночи, они залѣзли въ панскую кладовую и, сдѣлавъ запасъ оружія, съѣстныхъ припасовъ и денегъ, пустились въ путь.

На утренней зарѣ, когда они отошли верстъ десять отъ селенія и расположились завтракать у дороги, то увидѣли повозку, окруженную четырьмя конными, которая остановилась прямо противъ ихъ лагеря. Гаркуша, не сомнѣваясь, что это исправникъ съ командой, спокойно ожидалъ его приближенія и слышалъ, какъ онъ, выйдя изъ повозки, отдалъ приказъ „на всякій случай" задержать его (Гаркушу) съ товарищами, какъ „людей подозрительныхъ". Гаркуша настойчиво убѣждалъ блюстителя правосудія оставить ихъ въ покоѣ и напомнилъ о заряженныхъ ружьяхъ. Исправникъ отскочилъ назадъ отъ этой угрозы; но, устыдясь команды, которая не пошевелилась, повторилъ приказъ: „Ребята, берите ихъ!" и былъ убитъ наповалъ Гаркушей; товарищи послѣдовали его примѣру, и двое изъ команды разлеглись на землѣ; остальные бросились бѣжать.

Послѣ этого новаго преступленія, Гаркушѣ осталась одна дорога—промышлять разбоемъ.

Здѣсь обрывается самобытная часть не оконченнаго романа В. Нарѣжнаго, которая, не смотря на правдоподобную завязку, живость отдѣльныхъ сценъ и положительныя достоинства, читается съ трудомъ, такъ какъ помимо тяжелаго языка, общее впечатлѣніе нарушается неестественными положеніями, утрировкой въ частностяхъ, лишними разглагольствованіями и неумѣстными ссылками на историческихъ героевъ. Что касается остальной части рукописи, то она несомнѣнно представляетъ заимствованіе изъ какого-нибудь западно-европейскаго „разбойничьяго" романа, судя по вычурнымъ рыцарскимъ рѣчамъ Гаркуши, за которыми слѣдуетъ мелодраматическая сцена клятвы во взаимной товарищеской вѣрности, сопровождаемая цѣлованіемъ въ дуло заряженнаго ружья и пр. Даже самое описаніе глубокой пропасти, поросшей лѣсомъ,—гдѣ будущіе разбойники находятъ убѣжище,—является преувеличеннымъ, и, если принадлежитъ Нарѣжному, то можетъ служить свидѣтельствомъ его поэтической и, въ данномъ случаѣ, слишкомъ богатой фантазіи.

XXVII.

Мы представили общій очеркъ литературной дѣятельности В. Нарѣжнаго, кромѣ „Россійскаго Жилблаза", разборъ котораго помѣщенъ нами далѣе, въ послѣдней главѣ нашего очерка-изслѣдованія, въ виду предполагаемаго ред. „Русской Старины" новаго изданія всего романа, со включеніемъ трехъ частей, запрещенныхъ цензурою въ 1814 году. При этомъ, мы коснулись многихъ подробностей, ненужныхъ при оцѣнкѣ писателей, стоявшихъ въ иныхъ, болѣе благопріятныхъ, условіяхъ, но необходимыхъ относительно Нарѣжнаго, въ виду того, что наша публика только отчасти

знакома съ его отдѣльными сочиненіями, а тѣмъ менѣе съ его произведеніями, помѣщенными въ повременныхъ изданіяхъ конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка. Главная причина такого незаслуженнаго забвенія заключается въ томъ, что ни при жизни Нарѣжнаго, ни послѣ, его настоящее значеніе не было выяснено въ литературѣ и не сдѣлано надлежащей оцѣнки его сочиненій. Вслѣдствіе этого, многое въ его романахъ и повѣстяхъ осталось непонятымъ, а тѣмъ болѣе черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ при тѣхъ пробѣлахъ, какіе до сихъ поръ существуютъ въ исторіи нашей романической литературы прошлаго вѣка и первой четверти нынѣшняго. Такимъ образомъ, для добросовѣстной оцѣнки сочиненій нашего перваго романиста, намъ пришлось обратиться къ предшествующей романической литературѣ и добавить много лишнихъ объясненій, что значительно удлинило нашу статью.

Съ другой стороны, относительно Нарѣжнаго, едва-ли можетъ быть поднятъ вопросъ о томъ, заслуживаютъ-ли его сочиненія такого подробнаго разбора? Если, вообще, исторія развитія самобытнаго русскаго романа имѣетъ значеніе для исторіи русской литературы, то имѣютъ значеніе и сочиненія писателя, который за первую четверть нынѣшняго столѣтія является единственнымъ представителемъ русскаго самобытнаго романа, о чемъ свидѣтельствуетъ кн. П. А. Вяземскій въ приведенномъ выше письмѣ изъ Парижа 1825 года (47). Если не все, написанное Нарѣжнымъ, имѣетъ одинаковую важность, и у него встрѣчаются довольно слабыя произведенія, то это не даетъ намъ права оставлять ихъ безъ вниманія. Во всякомъ случаѣ, для полной безпристрастной оцѣнки писателя, необходимо коснуться всѣхъ его трудовъ, и вопросъ заключается только въ болѣе или менѣе подробномъ разборѣ, сообразно ихъ относительному достоинству. Къ Нарѣжному это болѣе примѣнимо, нежели ко всякому другому писателю, потому что его произведенія не только связаны съ исторіей развитія нашего первоначальнаго романа, но и съ развитіемъ русской прозаической литературы вообще.

Такъ, напримѣръ, юношескія произведенія Нарѣжнаго весьма характерны для уясненія условій, въ какихъ находились тогдашніе прозаическіе писатели, которые, въ виду преобладающаго господства стиха и драмы, стремились быть стихотворцами и драматургами и, насилуя свой талантъ въ этомъ направленіи, неизбѣжно прибѣгали къ заимствованію и подражанію. Нарѣжный, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ стихотворныхъ опытовъ, обратился къ драмѣ, которая въ тѣ времена достигла извѣстной степени развитія и уже пользовалась правами гражданства въ нашей литературѣ, и тогда имъ

представлены были два значительныя произведенія, написанныя въ драматической формѣ: „Кровавая ночь или конечное паденіе дому Кадмова“ и „Димитрій Самозванецъ“. Нѣсколькими годами позже, съ напечатаніемъ „Слова о полку Игоревѣ“ и русскихъ былинъ (Киршей Даниловымъ), Нарѣжный дѣлаетъ попытку русской исторической повѣсти въ „Рогвольдѣ“ и „Славенскихъ вечерахъ“.

Хотя „Славенскіе вечера“ принадлежатъ къ слабымъ произведеніямъ Нарѣжнаго, но въ настоящее время они имѣютъ безусловно историко-литературное значеніе, такъ какъ служатъ выраженіемъ извѣстнаго момента въ исторіи нашей подражательной, романической литературы. Это уже не прежнее копированіе и передѣлка какого-нибудь одного или двухъ образцовъ, а стремленіе создать нѣчто новое и подражаніе нѣсколькимъ разнохарактернымъ образцамъ,—попытка неумѣлая, но уже представляющая переходную ступень къ самобытному творчеству. Въ какой степени „Славенскіе вечера“ удовлетворяли требованіямъ современной читающей публики, показываетъ тотъ фактъ, что ни одно изъ произведеній Нарѣжнаго не заслужило такихъ восторженныхъ похвалъ со стороны тогдашней критики, которая, при всей строгости къ стилю, на этотъ разъ восхищается и слогомъ „Славенскихъ вечеровъ“.

Этотъ фактъ самъ по себѣ служитъ достаточнымъ доказательствомъ, насколько требованія нынѣшней критики непримѣнимы къ давно отжившимъ писателямъ вообще и въ частности къ В. Нарѣжному; объ его произведеніяхъ можно судить только въ связи съ условіями времени и въ сравненіи съ предшествующей, а не послѣдующей романической литературой. При этомъ мы не должны упускать изъ виду благопріятныхъ условій литературной дѣятельности новѣйшихъ писателей, сравнительно съ прежними условіями: широкаго развитія нынѣшняго русскаго романа, выработаннаго слога, вкуса и повышеннаго интеллектуальнаго уровня читающей публики. Въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи о тѣхъ трудностяхъ, какія приходилось преодолѣвать нашимъ первымъ самобытнымъ романистамъ. Здѣсь, какъ мы уже говорили въ нашемъ первомъ очеркѣ, по поводу печальнаго положенія русскихъ прозаическихъ писателей конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, — не было ни готовыхъ образцовъ, ни традицій, „существовавшія правила творчества, преподаваемыя теоріей словесности, могли только стѣснять писателей, задерживать ихъ развитіе...“ (48).

Русскій романъ, повторяемъ, въ тѣ времена былъ исключительно подражательный, съ слабыми проблесками самобытности. Русская публика настолько привыкла къ иностраннымъ образцамъ и способу

писанія западно-европейскихъ романистовъ, что русскіе сочинители какъ можно ближе придерживались ихъ, чтобы угодить своимъ читателямъ. Нарѣжный по необходимости слѣдовалъ общему направленію, на ряду съ усиленнымъ стремленіемъ къ самобытному творчеству, которое съ историко-литературной стороны придаетъ теперь особенное значеніе его произведеніямъ, но въ былое время это-же стремленіе къ самобытности только мѣшало ихъ успѣху. Полусамобытный, полуподражательный характеръ его романовъ и повѣстей прежде всего лишилъ ихъ художественной цѣльности, что, нарушая общее впечатлѣніе, навлекло на автора заслуженный упрекъ въ недостаткѣ „образованнаго вкуса". Эта двойственность въ произведеніяхъ Нарѣжнаго, которая ставила ихъ въ художественномъ отношеніи ниже общаго уровня болѣе слабыхъ и даже бездарныхъ романовъ и повѣстей того времени, особенно затрудняла критиковъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, мимоходомъ касались ихъ или обходили молчаніемъ. Свысока относился къ нимъ и остальной литературный міръ, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, тѣмъ болѣе, что Нарѣжный, живя вдали отъ него, шелъ своимъ путемъ, не поддаваясь вліянію новаго времени.

При этихъ условіяхъ В. Нарѣжный долженъ былъ неизбѣжно казаться отсталымъ своимъ современникамъ, хотя въ сущности въ своихъ романахъ и повѣстяхъ онъ оказывался болѣе новымъ и самобытнымъ, нежели всѣ его предшественники. Такимъ образомъ, безъ преувеличенія можно сказать, что его романъ „Черный годъ, или Горскіе князья" былъ первымъ русскимъ сатирическимъ романомъ, гдѣ онъ, не ограничиваясь сферой повседневныхъ явленій, касается разныхъ сторонъ общественной и государственной жизни. Въ своихъ двухъ сочиненіяхъ: „Россійскій Жилблазъ" и „Два Ивана или страсть къ тяжбамъ" онъ положилъ начало русскому реальному нравоописательному роману, равно какъ его „Запорожецъ" и „Бурсакъ" могутъ считаться первыми, болѣе или менѣе самобытными, произведеніями въ области русскаго историческаго романа. Въ „Гаркушѣ" мы видимъ попытку нравоописательнаго романа изъ народнаго быта.

Не подлежитъ сомнѣнію, что при такомъ разнообразіи произведеній и силѣ таланта, о которомъ свидѣтельствуютъ лучшіе романы и повѣсти В. Нарѣжнаго, онъ могъ-бы занять видное мѣсто среди русскихъ первоклассныхъ романистовъ, а для этого онъ долженъ былъ явиться въ пору большей зрѣлости литературы и при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Но тѣмъ выше приходится намъ цѣнить оказанныя имъ услуги русской романической литературѣ.

XXVIII.

„Россійскій Жилблазъ“, первый русскій нравоописательный романъ, представлявшій всѣ задатки самобытнаго творчества, написанъ по образцу извѣстнаго романа Лесажа „Histoire de Gil Blas“, изданнаго въ первой половинѣ XVIII вѣка [1]). Талантливый романъ Лесажа, при своемъ появленіи въ свѣтъ, обратилъ на себя вниманіе французской критики какъ новизной содержанія, такъ и своимъ оригинальнымъ характеромъ, и послужилъ поводомъ къ оживленному литературному спору объ его происхожденіи. Вопросъ этотъ былъ поднятъ Вольтеромъ, который находилъ близкое сходство между произведеніемъ Лесажа и стариннымъ испанскимъ романомъ, изданнымъ въ Мадридѣ въ 1618 году и переведеннымъ около этого времени на французскій языкъ: „Relation de la vie de l'écuyer Marcos Obregon par Vicente Espinel“. Послѣ долгихъ и напрасныхъ пререканій, самобытность романа Лесажа была окончательно признана Франсесономъ въ 1857 году, который доказалъ неопровержимымъ образомъ, что „Histoire de Gil Blas“ ни въ какомъ случаѣ „не переводъ, а свободное общее подражаніе, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ страницъ, дѣйствительно заимствованныхъ изъ испанскаго романа, указаннаго Вольтеромъ“.

Между тѣмъ, публика, не дожидаясь окончательнаго рѣшенія вопроса о степени самобытности романа „Histoire de Gil Blas“, зачитывалась имъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, какъ это доказываетъ множество изданій, слѣдовавшихъ одно за другимъ. Въ непродолжительномъ времени романъ Лесажа былъ переведенъ на всѣ европейскіе языки; за переводами слѣдовали подражанія и передѣлки подъ разными названіями, не только въ повѣствовательной, но и въ драматической формѣ. Первый русскій переводъ „Histoire de Gil Blas“ сдѣланъ Василіемъ Тепловымъ въ 1754 году; первый опытъ русскаго подражанія роману Лесажа принадлежитъ В. Нарѣжному, какъ видно изъ его предисловія къ первому тому „Россійскаго Жилблаза“, изданному въ 1814 году.

Послѣдовательное сравненіе „Россійскаго Жилблаза“ съ „Histoire de Gilblas“ убѣдило насъ, что романъ Нарѣжнаго можетъ быть признанъ въ такой-же степени самобытнымъ, какъ былъ признанъ

---

[1]) Первые два тома „Histoire de Gil Blas“ Лесажа были изданы въ Парижѣ въ 1715 году, третій томъ въ 1724, четвертый въ 1735.

Н. В.

романъ Лесажа, такъ какъ и здѣсь подражаніе носитъ общій характеръ, и заимствованіе, преимущественно, ограничивается повтореніемъ отдѣльныхъ эпизодовъ и частностей. Хотя Нарѣжный, видимо, придерживался французскаго образца со стороны внѣшнихъ пріемовъ и формы, но, тѣмъ не менѣе, „Россійскій Жилблазъ" вполнѣ заслуживаетъ названіе русскаго романа; здѣсь вездѣ главными дѣйствующими лицами являются русскіе люди и изображены русскіе нравы. При этомъ авторъ, болѣе или менѣе подробно, касается явленій общественной русской жизни того времени: чрезмѣрнаго пристрастія къ славянскому языку послѣдователей Шишковской школы, масонства, положенія крестьянъ у хорошихъ и дурныхъ помѣщиковъ, злоупотребленій хорошо знакомаго ему чиновничества, неразвитія и бѣдности интересовъ уѣзднаго общества и пр.

В. Нарѣжный, такъ-же какъ и Лесажъ, ставитъ себѣ широкую задачу изобразить людей самаго разнообразнаго типа, всякаго званія и общественнаго положенія, и его „Россійскій Жилблазъ", по богатству содержанія, могъ-бы представить достаточно сюжетовъ для нѣсколькихъ романовъ, хотя съ другой стороны это-же чрезмѣрное богатство содержанія въ значительной степени нарушаетъ цѣльность общаго впечатлѣнія. Если при чтеніи романъ Лесажа требуетъ особеннаго вниманія въ виду множества дѣйствующихъ лицъ, вставныхъ эпизодовъ, біографій и всякихъ приключеній, то „Россійскій Жилблазъ" въ этомъ отношеніи является еще болѣе сложнымъ.

Здѣсь выступаетъ еще бо̀льшая масса лицъ и количество приключеній и вставокъ, въ видѣ біографій, отдѣльныхъ эпизодовъ и разсказовъ несравненно значительнѣе. Между прочимъ, чрезъ весь романъ проходятъ три отдѣльныя повѣсти или, вѣрнѣе, романа, которые то тѣсно сплетены, то принимаютъ самостоятельный характеръ, а именно: исторія жизни князя Гаврилы Симоновича Чистякова (Россійскаго Жилблаза), его сына Никандра и семейная исторія помѣщика Простакова. Вслѣдствіе этого, чтеніе „Россійскаго Жилблаза", несмотря на его несомнѣнныя достоинства, талантливыя описанія и глубоко прочувствованныя сцены, становится утомительнымъ, и нить разсказа тѣмъ неуловимѣе, что Нарѣжный, выступивъ въ новой области самобытнаго романа, не съумѣлъ создать органической связи между отдѣльными частями. Вдобавокъ, въ угоду тогдашней русской публики, онъ старался, по возможности, запутать завязку и придать таинственность разсказу.

Романъ начинается съ исторіи помѣщичьей семьи Простаковыхъ, и эта исторія проходитъ черезъ всѣ шесть частей „Россійскаго

Жилблаза“ и составляетъ его наиболѣе законченную часть, со стороны вполнѣ очерченныхъ и выдержанныхъ характеровъ и реальнаго описанія помѣщичьяго быта. Описаніе это особенно любопытно въ томъ отношеніи, что служитъ нагляднымъ свидѣтельствомъ устойчивости формъ общественной жизни, которыя складываются вѣками въ силу извѣстныхъ условій. Такъ, сравнивая описаніе помѣщичьяго быта Нарѣжнаго и другихъ писателей начала нынѣшняго столѣтія и болѣе поздніе разсказы очевидцевъ послѣднихъ десятковъ лѣтъ существованія крѣпостнаго права съ такими-же описаніями и разсказами прошлаго вѣка, мы встрѣчаемъ тѣ-же черты нравовъ и общаго склада жизни русскихъ помѣщиковъ. Отсюда, путемъ аналогіи, мы приходимъ къ заключенію, что таковъ былъ въ общихъ чертахъ помѣщичій бытъ и въ болѣе раннюю пору, въ такъ называемый „Московскій періодъ“ русской исторіи, такъ какъ Петровская реформа, видоизмѣнивъ и смягчивъ внѣшность, не коснулась кореннаго строя общественной жизни, который, въ сущности, остался такимъ-же. (49).

„Нравы наши, хотя нѣсколько отполированные европейскими формами, слишкомъ часто носили на себѣ черты до-петровскаго азіатскаго быта, которыя мы можемъ одинаково наблюдать и въ пріемахъ правленія и въ частной жизни, даже наиболѣе образованнаго высшаго класса“... (50).

Согласно общему характеру романа „Россійскій Жилблазъ“, исторія помѣщичьей семьи Простаковыхъ, хотя вполнѣ законченная, не производитъ цѣльнаго впечатлѣнія, и только потому, что постоянно прерывается другими разсказами и эпизодами, не имѣющими къ ней ни малѣйшаго отношенія. Она служитъ какъ-бы фономъ для картинной автобіографіи главнаго лица въ романѣ, князя Гаврилы Симоновича Чистякова, который неожиданно является въ домѣ Простаковыхъ, становится ихъ другомъ и покровителемъ, при всякомъ случаѣ читаетъ наставленія и съ цѣлью назиданія разсказываетъ имъ многосложную исторію своей жизни.

Князь Чистяковъ начинаетъ разсказъ о своей прошлой жизни съ описанія мѣста родины села Фалалѣевки Курской губерніи. Здѣсь, по всѣмъ даннымъ, подъ видомъ малоземельныхъ князей, авторъ изображаетъ хорошо знакомый ему бытъ мелкихъ шляхтичей, которые, живя среди крестьянъ, такихъ-же первобытныхъ хлѣбопашцевъ, какъ они сами, отличались отъ нихъ только чванствомъ и гордымъ сознаніемъ своего благороднаго происхожденія. Князь Чистяковъ, оставшись послѣ смерти отца владѣльцемъ небольшаго участка земли, коровы и лошади, могъ жить не хуже своихъ роди-

телей, но этому помѣшала любовь къ прекрасной княжнѣ Феклушѣ, которая послужила источникомъ несчастій его дальнѣйшей жизни.

Несложная исторія любви князя Чистякова, полунасильственнаго брака и первыхъ двухъ лѣтъ его супружеской жизни составляетъ наиболѣе талантливую часть „Россійскаго Жилблаза“ и до сихъ поръ, не смотря на устарѣлый слогъ, принадлежитъ къ лучшимъ описаніямъ этого рода нашей романической литературы.

Молодому Чистякову и въ голову не приходило жениться на дочери Сидора Архиповича Буркалова, самаго бѣднаго изъ фалалѣевскихъ князей, который послѣ смерти жены цѣлые дни пьянствовалъ въ корчмѣ. Но увлеченіе любовью было настолько сильно, что князь Чистяковъ все лѣто не заглядывалъ въ поле, гоняясь за обольщенной красавицей, и настолько разстроилъ свое небольшое хозяйство, что къ осени отъ всего имущества у него остался домъ и корова. По совѣту своей работницы, старухи Марьи, онъ хотѣлъ было поправить свои дѣла женитьбой на богатой Маврушѣ, единственной дочери Фалалѣевскаго старосты, но вмѣшательство буйнаго и вѣчно пьянаго Сидора Архиповича заставило его отказаться отъ этого намѣренія. Онъ изъявилъ согласіе жениться на Феклушѣ, которая растрогала его своими слезами и жалобами. Чтобы скрыть „ея дородность“, которая могла возбудить толки въ селѣ, онъ упросилъ священника назначить возможно поздній часъ для вѣнчанія; но тутъ представилось новое затрудненіе: всѣ наряды Феклуши оказались заложенными въ корчмѣ его сіятельствомъ Сидоромъ Архиповичемъ. Хотя Феклуша предлагала пойти къ вѣнцу въ набойчатомъ сарафанѣ, но князь Чистяковъ считалъ такой нарядъ неприличнымъ для своей будущей супруги, и чтобы избавить себя отъ униженія, рѣшилъ пожертвовать послѣдней коровой. Къ его удовольствію, добродушный еврей Янька не только возвратилъ заложенныя вещи, но сверхъ того далъ ему денегъ и два штофа водки.

Свадьба совершилась благополучно и молодые супруги нѣкоторое время наслаждались полнымъ счастьемъ, пока велись деньги, полученныя отъ еврея; но вскорѣ для нихъ наступили тяжелые дни:

„Они не только не имѣли ничего, чтобы какъ-нибудь встрѣтить новаго въ мірѣ гостя, но еще сами, и то по милости крестьянки своей Марьи, едва не умирали съ голоду. Одинъ князь Сидоръ Архиповичъ менѣе всѣхъ о томъ заботился... Наконецъ, подъ вечеръ дождливаго осенняго дня, Феклуша начала мучиться родами, а князь Чистяковъ ударился бѣжать, чтобы попросить въ долгъ нѣсколько денегъ, вошелъ на удачу въ домъ одного изъ князей и, получивъ отказъ, съ ноющимъ сердцемъ вышелъ на дворъ. Ночь была не лучше дня: мрачныя тучи носились стаями по небу, дождь лился ведромъ. Онъ вымокъ до костей, но хотѣлъ еще попытать счастье. Однако, куда онъ ни обращался, вездѣ говорили ему о вытоптанномъ огородѣ, проданномъ полѣ, или давали непрошенные совѣты; тщетно стучался онъ у старосты, у священника, у всего причта церковнаго; никто даже не взялъ труда спросить, кто тамъ и что надобно?

„Въ первый разъ чувство, близкое къ отчаянію, поразило его душу; но такъ какъ дѣлать было нечего, то онъ побрелъ домой. Подходя къ воротамъ, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ довольно хорошее освѣщеніе, отворилъ дверь и обомлѣлъ отъ ужаса: посреди комнаты стоялъ столъ, покрытый толстою простынею; вокругъ него четыре подсвѣчника, а на немъ тѣло князя Сидора Архиповича Буркалова, умершаго скоропостижно въ корчмѣ. Сердце несчастнаго человѣка облилось кровью. Печальный сидѣлъ онъ у окна и неподвижными глазами смотрѣлъ на синебагровый трупъ своего тестя; уже нѣсколько разъ прокричалъ пѣтухъ; псаломщикъ зѣвалъ за каждымъ словомъ, изъ сосѣдняго покоя слышались всхлипыванья княгини и вопль молодаго князя...

„Наконецъ, ему наскучило смотрѣть на тестя; онъ отправился въ пустой хлѣвъ и, противъ ожиданія, заснулъ. Солнце уже стояло высоко на небѣ, когда онъ вышелъ изъ своей опочивальни и, видя у воротъ множество народа обоего пола и разнаго возраста, толпящихся смотрѣть, невольно задалъ себѣ вопросъ: стоило-ли труда видѣть обезображенный трупъ бѣдняка, погибшаго отъ невоздержанія, на который онъ самъ не могъ взглянуть безъ трепета...“ Не теряя времени, онъ отправился къ священнику съ просьбой похоронить тестя и откровенно заявилъ ему, что ничего не имѣетъ. Священникъ сурово принялъ его, находя смерть князя Буркалова „сомнительной“, но потомъ смягчился, велѣлъ принести покойника въ церковь и обѣщалъ прочитать проповѣдь. Князь Чистяковъ вышелъ на улицу, не помня себя отъ восхищенія, такъ какъ до сихъ поръ ни одинъ староста, ни одинъ князь деревни не имѣлъ такой чести, чтобы послѣ его смерти была проповѣдь.

„На слѣдующее утро князь Чистяковъ торжественно понесъ покойника въ церковь, съ помощью пастуховъ, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ конца обѣдни; минутами у него являлось опасеніе: не подшутилъ-ли надъ нимъ батюшка? Однако, всѣ его сомнѣнія разсѣялись, когда вынесли налой и священникъ началъ говорить проповѣдь; но тутъ радость его смѣнилась горемъ; онъ задрожалъ и упалъ-бы на землю въ судорогахъ, если-бы не было тѣсно и пастухи не поддержали его... Священникъ не пощадилъ покойника въ своей проповѣди и въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ выставилъ его на позоръ передъ прихожанами; указывая на примѣръ скоропостижно умершаго князя Буркалова, онъ распространился о пагубныхъ послѣдствіяхъ лѣни и невоздержанія.

„По окончаніи проповѣди, князь Чистяковъ съ плачемъ опустилъ въ землю гробъ своего тестя и, такъ какъ на позорномъ погребеніи никого не было, кромѣ пастуховъ, то онъ пригласилъ ихъ къ себѣ, чтобы дать по куску хлѣба. Но, противъ ожиданія, онъ засталъ дома сытный ужинъ, присланный его единственнымъ другомъ корчмаремъ Янькой, который, сверхъ того, возвратилъ ему безплатно принадлежавшую ему корову“.

Неожиданная помощь наполнила радостью сердца молодыхъ супруговъ; съ обычнымъ легкомысліемъ бѣдняковъ, въ подобныхъ случаяхъ, они считали себя чуть-ли не обезпеченными людьми, толковали о будущемъ устройствѣ хозяйства, и мечты ихъ, какъ это бываетъ въ романахъ, неожиданно осуществились. Въ ихъ домѣ остановился богатый купецъ и за старыя книги, перешедшія къ нимъ по наслѣдству отъ князя Буркалова, оставилъ имъ полтораста рублей.

Чистяковъ, не задаваясь мыслью о причинѣ такой неслыханной щедрости и наученный печальнымъ опытомъ, на этотъ разъ не замедлилъ употребить съ пользою доставшіяся деньги: онъ выкупилъ свое поле, устроилъ хозяйство и при усердной работѣ скоро достигъ нѣкотораго довольства. Такъ прошло два года. Лѣтомъ князь Чистяковъ трудился, а въ зимніе вечера, на досугѣ, занимался умственнымъ развитіемъ своей молодой супруги посредствомъ чтенія романовъ и устныхъ разсказовъ „о продѣлкахъ большаго свѣта", слышанныхъ имъ въ дѣтствѣ отъ покойнаго дѣда. Результаты такого своеобразнаго воспитанія не замедлили обнаружиться; въ одинъ прекрасный день княгиня Фекла Сидоровна бѣжала изъ дому „для лучшаго знакомства съ большимъ свѣтомъ", какъ она выразилась въ письмѣ, оставленномъ на имя мужа. Вскорѣ князя Чистякова постигла новая бѣда: онъ лишился единственнаго сына Никандра, который былъ похищенъ неизвѣстными людьми и пропалъ безъ вѣсти (Рос. Жилбл., т. I, изд. 1814 г., стр. 20—52, 80--118).

Князь Чистяковъ встрѣтилъ Никандра, много лѣтъ спустя, въ домѣ Простаковыхъ и узналъ, что онъ его сынъ, когда этотъ разсказалъ ему свою біографію. Разсказъ Никандра, одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ романа (т. II, стр. 28—137), относится къ немногимъ несчастнымъ годамъ его жизни. Въ этой вставной повѣсти заслуживаетъ вниманія типъ художника Ермила Федуловича и трагикомическая исторія Трисмегалоса, усерднаго поклонника славянскаго языка.

XXIX.

Дальнѣйшій разсказъ князя Чистякова становится все болѣе и болѣе отрывочнымъ, и по множеству бывшихъ съ нимъ приключеній и постоянныхъ неудачъ, напоминаетъ „Histoire de Gil Blas", хотя и сохраняетъ характеръ русскаго нравоописательнаго романа. Считая лишнимъ вдаваться въ подробности, мы коснемся главныхъ событій жизни князя Чистякова, насколько это необходимо для уясненія разсказа, который, по своей сбивчивости, требуетъ отъ читателя слишкомъ большаго вниманія и усилій памяти.

Послѣ двойной утраты жены и сына, ничто уже не привязывало князя Чистякова къ роднѣ. Поручивъ домъ и хозяйство своему другу, еврею Янькѣ, онъ пустился въ путь, несмотря на позднюю осень (т. I, изд. 1814 г., стр. 173—233). Первымъ его дорожнымъ приключеніемъ была встрѣча на постояломъ дворѣ съ невѣрной женой и виновникомъ ея похищенія, мнимымъ княземъ Святозаровымъ, который, завидя супруга, приказалъ своимъ слугамъ вытолкать его за ворота. За этимъ слѣдовали новыя приключенія (т. II, стр. 196—231), и, благодаря случайнымъ, а также добровольнымъ остановкамъ, Чистяковъ только нѣсколько мѣсяцевъ спустя, прибылъ въ Москву,

гдѣ получилъ мѣсто приказчика у добродушнаго погребщика Саввы Трифоновича, который „полюбилъ его, какъ роднаго, не обременяя работой, старался доставлять развлеченія и всякій разъ бралъ съ собою, когда отправлялся на Воробьевы горы и въ Марьину рощу, съ самоваромъ и пирогами, женою и пріятелями". Но такая жизнь пришлась не по вкусу прирожденному князю; онъ охотнѣе читалъ книги, попадавшіяся подъ руку, и настолько пристрастился къ чтенію, что сталъ пренебрегать занятіями въ погребѣ, такъ что Савва Трифоновичъ, потерявъ терпѣніе, пристроилъ его къ ученому метафизику Бибаріусу, который за сходную цѣну взялся обучать его всѣмъ наукамъ.

Трехлѣтнія занятія у Бибаріуса, обогативъ „россійскаго Жилблаза" знаніями, придали ему большой запасъ самомнѣнія, что, въ связи съ свойственнымъ ему легкомысліемъ, неразборчивостью въ выборѣ средствъ для достиженія тѣхъ или другихъ цѣлей, послужило источникомъ его дальнѣйшихъ несчастій:

Въ короткое время, князь Чистяковъ, по своей оплошности, потерялъ два выгодныя мѣста и, оставшись безъ дѣла, сдѣлался усерднымъ посѣтителемъ театра. Разъ отправился онъ на представленіе пріѣзжей актрисы, красавицы, о которой было много толковъ въ Москвѣ, и съ перваго ея появленія на сценѣ убѣдился, что это его жена, Фекла Сидоровна, не смотря на ея надменный, увѣренный тонъ и манеры знатной дамы. „Любовь, ненависть, сожалѣніе, гнѣвъ, чувственность и мщеніе попеременно овладѣвали его сердцемъ"; по окончаніи представленія онъ бросился къ выходу и видѣлъ какъ разряженная Феклуша, сопровождаемая гайдуками, сѣла въ богатую, карету своего любовника князя Латрона и скрылась изъ его глазъ... Случай отомстить невѣрной женѣ скоро представился. Онъ встрѣтилъ въ трактирѣ бѣглаго купеческаго сына Авксентьева и мнимаго князя Святозарова, который, видя его мелькомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, теперь не узналъ его и за стаканомъ пунша откровенно разсказалъ ему свою автобіографію и подробности бѣгства съ нимъ Феклуши изъ села Фалалѣевки, а затѣмъ предложилъ ему принять участіе въ ея похищеніи изъ дома князя Латрона, съ цѣлію грабежа, добавивъ, что уже заручился содѣйствіемъ довѣрчивой красавицы.

Озадаченный супругъ изъявилъ свое согласіе и, узнавъ планъ дѣйствій, сообщилъ обо всемъ кн. Латрону, который, дождавшись условленнаго часа, приказалъ слугамъ высѣчь виновныхъ и выгнать на улицу Феклушу, а непрошеннаго доносчика посадить въ тюрьму (т. III, стр. 38—181). Здѣсь князь Чистяковъ, просидѣвъ около двухъ недѣль, вырвался на свободу и, послѣ новыхъ приключеній, попалъ въ домъ Доброславова, одного изъ главныхъ руководителей масонскаго „Общества благотворителей свѣта", который помѣстилъ его у себя въ качествѣ домашняго секретаря и, послѣ годичнаго испытанія, предложилъ ему вступить въ масоны.

Далѣе весь конецъ третьяго и главы V и VI четвертаго, неизданнаго, тома заняты описаніемъ тогдашняго масонства, (едва-ли не единственнымъ въ этомъ родѣ), которое составляетъ самую любо-

пытную часть романа, какъ свидѣтельство современника и очевидца. Авторъ „Россійскаго Жилблаза", хотя и рисуетъ масонство въ крайне непривлекательномъ свѣтѣ и, преимущественно, касается его дурныхъ сторонъ, но въ общихъ чертахъ вѣрно передаетъ дѣйствительные факты и то представленіе, какое существовало о масонствѣ у большинства, непричастной къ нему, многочисленной части публики. Отвлеченная мистическая сторона масонства оставалась ей недоступной, и она неизбѣжно должна была приписать ему болѣе понятныя матеріальныя цѣли. Такимъ образомъ, религіозныя и нравственныя стремленія масоновъ, выраженныя въ дѣлахъ благотворительности, считались многими личиной, за которой скрывались корыстолюбивые, или преступные замыслы; другіе издѣвались надъ масонами и обращали въ смѣхъ ихъ обряды, съ которыми были мало знакомы и представляли ихъ въ превратномъ и преувеличенномъ видѣ. Взгляды эти находили поддержку и въ литературѣ конца XVIII вѣка. Главныя нападенія на масонство заключались въ сочиненіяхъ Екатерины II; поданный ею примѣръ послужилъ поводомъ къ дальнѣйшимъ нападкамъ, напримѣръ, у Державина и въ сатирическихъ журналахъ 1786 года. Еще раньше, а именно въ 1784 году, появилось переводное сочиненіе „Масонъ безъ маски" (51), гдѣ авторъ, указывая недостатки ордена, называетъ ихъ „печальнымъ злоупотребленіемъ, слѣдствіемъ слабости человѣческой"; болѣе серіозное опроверженіе масонства представило „Изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ", изданное въ Тулѣ 1790 года (52).

Доказательство недружелюбнаго отношенія тогдашней русской публики къ масонству находимъ мы и въ романѣ Нарѣжнаго. Такъ, князь Чистяковъ, получивъ приглашеніе вступить въ „Общество благотворителей свѣта", заранѣе задается мыслью разрушить существующія предубѣжденія противъ масонства: „О, какъ-же непростительно, восклицаетъ онъ, грѣшатъ тѣ, кои издѣваются надъ священною метафизикою, а особливо надъ мудрѣйшею дщеріею ея— пневматологіею. Коль скоро я достигну обѣщанной высокости, тогда докажу буйнымъ невѣждамъ, что они грубо обманываются, разрушу сомнѣнія свѣта, открою завѣсу непроницаемую"... (Россійск. Жилбл. изд. 1814 г., ч. III, стр. 186).

Между тѣмъ, масонство, несмотря на недоброжелательное и отчасти презрительное отношеніе къ нему значительной части тогдашней публики, представляло само по себѣ замѣчательное явленіе въ русской жизни. Здѣсь для полной и надлежащей оцѣнки описанія масонскаго общества въ романѣ Нарѣжнаго, мы необходимо должны коснуться въ общихъ чертахъ не только темныхъ, но и свѣтлыхъ

сторонъ масонства и его дѣйствительнаго значенія въ исторіи нашей культуры. Подобно многимъ заимствованіямъ изъ запада, масонство самостоятельно переработалось на русской почвѣ, имѣло свою исторію и оказало немалую долю вліянія на нравственное развитіе современнаго общества. Такъ мы видимъ, что несмотря на неизбѣжные оттѣнки и различія въ мистическихъ воззрѣніяхъ и внѣшнемъ складѣ разныхъ ложъ, масонство неизмѣнно придерживалось правилъ терпимости, гуманнаго отношенія къ людямъ, братской любви и взаимной помощи, и съ этой стороны, въ лицѣ своихъ членовъ оказывало вполнѣ благотворное вліяніе (53).

Оно являлось противовѣсомъ противъ формальной религіи и нравственности, хотя, съ другой стороны, по замѣчанію А. Н. Пыпина, „ничего не сдѣлало для настоящаго просвѣщенія, а преувеличенная обрядность и мистицизмъ повредили тому, что въ немъ было полезнаго и благотворнаго". Блестящій періодъ московскаго масонства, связанный съ просвѣтительною дѣятельностью Новиковскаго кружка, представлялъ въ немъ исключительное явленіе и не можетъ служить общей характеристикой русскаго масонства.

Исторія русскаго масонства, вслѣдствіе окружавшей его таинственности и отношенія къ нему правительства, является крайне запутанною. Масоны, еще въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, подвергались тайному надзору со стороны правительства, которое то покровительствовало имъ, то преслѣдовало, какъ это случилось въ концѣ царствованія Екатерины II. Однако, несмотря на закрытіе ложъ съ 1786—1789, нѣкоторыя изъ нихъ продолжали существовать до 1810 года, когда онѣ были формально разрѣшены въ царствованіе императора Александра I и „начались ихъ первыя отношенія къ оффиціальной власти" (54).

Между тѣмъ таинственность, которой окружали себя масоны, и многочисленныя развѣтвленія масонскихъ ложъ давали возможность ловкимъ людямъ и шарлатанамъ преслѣдовать личныя цѣли, обманывать и обирать легковѣрныхъ для своей наживы, тѣмъ болѣе, что въ масонство нерѣдко поступали люди, совершенно неподготовленные

Этимъ объясняется печальное состояніе нѣкоторыхъ ложъ, которыя по свидѣтельству очевидцевъ „ничѣмъ серіознымъ не занимались". Такъ, напримѣръ, извѣстный масонъ Елагинъ (род. 1725 г., † 1796 г.), пишетъ въ своей „Запискѣ о масонствѣ", что въ юности, поступивъ въ масоны, онъ „видѣлъ токмо единые предметы неудобопостижимые, обряды странные", и говоритъ о своихъ тогдашнихъ собратьяхъ, что они „иного таинства не знаютъ, какъ развѣ со

степеннымъ видомъ въ открытой ложѣ шутить и, при торжественной вечери за трапезою несогласнымъ воплемъ непонятныя ревѣть пѣсни, и на счетъ ближнихъ хорошимъ упиваться виномъ, и начатое Минервѣ служеніе окончится празднествомъ Вакху"... (55) Новиковъ говоритъ, съ своей стороны, что „въ собраніяхъ играли масонствомъ, какъ игрушкою, ужинали и веселились" (56). Не лучшій отзывъ о масонствѣ встрѣчаемъ мы у иностранца, описывающаго свое путешествіе въ Россію, въ первые годы царствованія Александра I (1805 г.): „Русскіе, говоритъ онъ, съ ревностью вступали въ масонство; собственная цѣль Общества мало принималась въ соображеніе, а превратилась въ застольныя бесѣды, дорогія пирушки и, даже, въ денежныя операціи... Здѣсь былъ случай, подъ завлекательнымъ покрываломъ тайны, убивать скучное время... Иной находилъ здѣсь средство пополнить недоимки въ своей кассѣ" и проч. (57).

Эти показанія очевидцевъ, которыхъ мы не можемъ заподозрить въ пристрастіи или преувеличеніи, убѣждаютъ насъ, въ вѣрности описанія Нарѣжнаго, который въ своемъ романѣ, въ тѣхъ-же общихъ чертахъ, изображаетъ извѣстныя стороны русскаго масонства. Помимо легкаго доступа въ масонство, формальное разрѣшеніе ложъ въ 1809—1810 гг. должно было, въ значительной степени, разсѣять окружавшій ихъ мракъ, и Нарѣжный, не поступая въ масоны, могъ собрать о нихъ достовѣрныя свѣдѣнія. Къ тому-же благотворительная дѣятельность масоновъ никогда не составляла тайны и пользовалась сочувствіемъ даже ихъ недоброжелателей, хотя имена главныхъ дѣйствующихъ лицъ оставались неизвѣстными. Такъ, князь Чистяковъ, въ качествѣ домашняго секретаря г. Доброславова, могъ во время своего годичнаго искуса убѣдиться, какъ широко простираются благодѣянія общества благотворителей свѣта [1]), и до своего поступленія въ масоны, не имѣлъ повода усумниться въ чистотѣ ихъ намѣреній.

Масонскіе обряды, а равно и церемонія принятія вновь посту-

---

[1]) Названіе это едва-ли было дѣломъ простой случайности, въ виду того, что извѣстный Шварцъ, другъ Новикова, дѣятельно хлопоталъ объ основаніи ордена „Благотворительныхъ рыцарей", который былъ учрежденъ, по просьбѣ Шварца, на Вильгельмбадскомъ конвентѣ 1782 года, гдѣ собраны были просвѣщеннѣйшіе каменщики всѣхъ европейскихъ земель (58). Хотя орденъ „Благотворительныхъ рыцарей" былъ вскорѣ отмѣненъ московскими масонами, но В. Т. Нарѣжный могъ слышать о немъ во время своего пребыванія въ университетѣ, такъ какъ тогда число учениковъ и послѣдователей Шварца было еще довольно значительно Н. Б.

пающаго члена тайнаго общества вѣрно передана въ романѣ и подтверждается существующими данными:

Князя Чистякова повезли въ каретѣ съ завязанными глазами, чтобы скрыть отъ него мѣсто собранія. Когда сняли съ него повязку, то онъ „увидѣлъ обширную комнату, обтянутую черным сукономъ, и посрединѣ большой столъ, уставленный свѣчами, за которымъ сидѣли, потупя голову, въ молчаніи, около пятидесяти человѣкъ въ черныхъ мантіяхъ, на которыхъ изображены были таинственные знаки: созвѣздіе, планеты, духи парящіе, ползающіе, добрые и злые“. Всѣ были въ полумаскахъ; встрѣчаясь внѣ собраній, масоны могли узнавать другъ друга посредствомъ жеста и особаго прикосновенія руки.

Первенствующій изъ нихъ всталъ, поклонился собранію три раза и спросилъ: дозволено-ли будетъ говорить ему о принятіи въ общество новаго члена? Онъ началъ свою рѣчь, размахивая руками, говорилъ „такъ высокопарно такъ замысловато о небесной гармоніи. о брачномъ сочетаніи звѣздъ, о внутреннемъ планѣ Еговы, начертанномъ для созданія человѣка“, что навелъ уныніе на князя Чистякова, который ничего не понялъ изъ всего слышаннаго. Ораторъ кончилъ вопросомъ: согласны-ли братія на принятіе новаго члена?... вписалъ что-то въ большую книгу, лежавшую на столѣ, и громко возгласилъ: „Козерогъ будетъ имя ищущему просвѣщенія младенцу!“ Затѣмъ слѣдовало пѣніе масонской пѣсни [1]); въ это время князя Чистякова накрыли мантіей, надѣли шляпу и начали поздравлять.

По окончаніи этой церемоніи всѣ перешли въ залу, которая была окружена диванами изъ пунцоваго атласа; по срединѣ стоялъ столъ, уставленный яствами и напитками. Когда всѣ усѣлись и довольно насытились тѣмъ и другимъ, начались веселые разговоры, и радость заблистала въ глазахъ каждаго..

За веселымъ ужиномъ въ романѣ „Россійскій Жилблазъ“ слѣдуетъ описаніе еще болѣе веселой оргіи собравшихся масоновъ, которую мы приведемъ въ сокращеніи (ч. III, стр. 93 и слѣд.).

Когда всѣ пресытились отъ благъ земныхъ, продолжаетъ авторъ, высокопросвѣщенный три раза ударилъ по столу молоткомъ и глубокое молчаніе настало... раздалась невидимая гармонія: быстро отворяются потаенныя двери залы, вылетаетъ хоръ юныхъ нимфъ, одѣтыхъ въ греческомъ вкусѣ, въ бѣлыхъ легкихъ одеждахъ, съ обнаженными грудями и цвѣточными вѣнками на головахъ. Плѣнительныя нимфы начали пляску, что черта, что взоръ, что малѣйшее движеніе, то новая прелесть, новая нѣга, новое наслажденіе... На стѣнахъ пробило двѣнадцать и все утихло, пляски также, высокопросвѣщенный съ своего дивана сказалъ громко: „которую изъ сихъ прелест-

---

[1]) Масонскія пѣсни, помѣщенныя въ этой части романа, за исключеніемъ двухъ менѣе удачныхъ, показываютъ знакомство автора съ этого рода литературой, такъ какъ онѣ представляютъ, по общему тону и содержанію, весьма близкую поддѣлку подлинныхъ масонскихъ стиховъ („Срв. Сборникъ масонскихъ пѣсенъ“ временъ Александра I, безъ обозначенія года изданія, въ Русскомъ отдѣленіи спб. публичной библіотеки. **Н. Б.**

ныхъ назначаете вы царицей ночи сея?"—„Прекрасная Ликориса да будетъ царицею ночи и усладитъ тебя своей любовью!" раздались голоса, въ отвѣтъ на его вопросъ... Онъ подошелъ къ одной изъ нимфъ, возвелъ ее на тронъ, блестящій рѣзьбою, и, облобызавъ румяную щеку ея, сѣлъ на свое мѣсто. Ликориса, избранная царица ночи, взяла арфу, наложила бѣлые персты,—все умолкло—и чистый голосъ ея раздался въ сопровожденіи звонкихъ струнъ...

„Пѣніе кончилось. Братья встали и подошли къ трону. Ликориса заставила каждаго изъ присутствующихъ вынимать изъ урны жребіи, на коихъ написаны были женскія имена, греческія и римскія. Дошла очередь до князя Чистякова. Съ трепетомъ и почти нехотѣніемъ онъ опускаетъ руку, вынимаетъ, читаетъ вслухъ: Лавинія! и вмигъ дѣвушка съ потупленными взорами, съ закраснѣвшимися щеками, съ волнующейся грудью, беретъ его за руку и сажаетъ на диванъ. Но тутъ стѣны залы поколебались, свѣчи въ люстрахъ постепенно потухли, диваны начали двигаться, и князь Чистяковъ очутился на единѣ съ красавицей, выпавшей ему по жребію, въ небольшой комнатѣ, въ углу которой горѣла лампада". Онъ прислушивается къ голосу Лавиніи и съ негодованіемъ отталкиваетъ отъ себя, потому что узнаетъ въ ней Феклушу......

XXX.

Приведенное сдѣсь описаніе масонской оргіи настолько разукрашено богатой фантазіей автора, что съ перваго взгляда, кажется, совершено неправдоподобнымъ; между тѣмъ, основаніемъ разсказа послужили дѣйствительные и вполнѣ достовѣрные факты. Существуютъ несомнѣнные данные, что масонство, въ извѣстныхъ случаяхъ, служило не только предлогомъ для веселыхъ пирушекъ, преслѣдованія корыстныхъ и другихъ неблаговидныхъ цѣлей, но что нѣкоторые пользовались имъ для прикрытія разврата. Такъ П. И. Мелиссино, братъ куратора московскаго университета, по закрытіи масонской ложи, носившей его имя... „не смотря на свои преклонныя лѣта, утѣшился тѣмъ, что учредилъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, тайное „Филадельфическое общество", которое составилось изъ молодыхъ столичныхъ развратниковъ и имѣло цѣлью предаваться всевозможнымъ безпутствамъ" (59). Почти въ то же время учредился въ Москвѣ такъ называемый „Еввинъ клубъ", который помѣщался въ нѣмецкой слободѣ, въ домѣ Годеина, и гдѣ „еженедѣльно совершались лицами обоего пола, принадлежавшими къ высшему обществу, неслыханныя сатурналіи разврата и безчинства, что продолжалось около двухъ лѣтъ" (60). Императрица Екатерина II, узнавъ объ этомъ, послала въ Москву Шешковскаго, который и закрылъ клубъ въ 1793 году. „Еввинъ клубъ" подробно описанъ въ книгѣ „Voyage de deux français" (t. III, p. 358—363), гдѣ это свое-

образное учрежденіе названо club physique, который, по характеру бывшихъ въ немъ собраній, настолько напоминаетъ масонскую оргію въ романѣ „Россійскій Жилблазъ“, что едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что Нарѣжный имѣлъ свѣдѣнія объ этомъ клубѣ, тѣмъ болѣе, что о немъ открыто говорили въ Москвѣ. Въ club physique мы видимъ то-же число членовъ, какъ и въ „Обществѣ благотворителей свѣта“, такія-же еженедѣльныя собранія, переходившія въ безобразныя ночныя оргіи, съ соотвѣтственными разговорами, пѣніемъ и танцами, и которыя кончались также, какъ и въ романѣ Нарѣжнаго [1]).

Дальнѣйшія подробности, сообщаемыя авторомъ „Россійскаго Жилблаза“, представляютъ не меньшій интересъ и близко знакомятъ съ дѣятельностью „Благотворителей свѣта“, которая, главнымъ образомъ, заключалась въ ограбленіи богатыхъ членовъ общества, въ пользу неимущихъ. Не проходило ни одного собранія безъ сборовъ для благотворительныхъ цѣлей; въ случаѣ упорства со стороны жертвователей, являлись на помощь злые и добрые духи, слышались голоса, приводившіе въ трепетъ непокорныхъ. Кромѣ того, „равновѣсіе, согласное съ правилами верховной премудрости“, достигалось и другими способами, при посредствѣ наиболѣе ловкихъ и расторопныхъ членовъ общества; между ними не послѣднее мѣсто занималъ князь Чистяковъ, который въ угоду „Благотворителямъ свѣта“, въ короткое время, довелъ до полнаго разоренія богатаго откупщика Куроумова, и еще похвастался совершоннымъ подвигомъ передъ своей жертвой. Хотя онъ тутъ-же раскаялся въ своемъ легкомысліи, но уже было поздно: Куроумовъ, какъ членъ общества, посвященный въ его тайны, открылъ ихъ полиціи, и явился на слѣдующее собраніе въ сопровожденіи цѣлаго отряда драгунъ.

Всѣ бросились въ разныя стороны; князь Чистяковъ счастливо избѣгнулъ опасности и нашелъ убѣжище у добродушнаго погребщика Саввы Трифоновича, гдѣ, нѣсколько дней спустя, онъ получилъ письмо отъ Феклуши, которая, извѣщая его о своемъ примиреніи съ княземъ Латрономъ, получившимъ видное мѣсто въ Варшавѣ, предлагала ему отправиться за ними для устройства судьбы, при ея содѣйствіи. Это предложеніе было настолько оскорбительно

---

[1]) Полное заглавіе сочиненія: „Voyage de deux français en Allemagne, Danemark, Suède, Russie et Pologne, fait en 1790—1792“, Paris. 1796. Все описаніе путешествія „двухъ французовъ“ отличается замѣчательною правдивостью, что придаетъ особенную цѣну тѣмъ подробностямъ, которыя они сообщаютъ о club physique. Мы пользовались этой рѣдкой книгой изъ библіотеки А. Н. Пыпина и по его указанію. **Н. В.**

для обманутаго мужа, что онъ пришолъ въ благородное негодованіе, но практичный Савва Трифоновичъ сталъ доказывать ему, что не слѣдуетъ упускать такого прекраснаго случая, и убѣдилъ его отправиться въ путь.

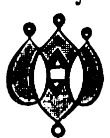
Далѣе слѣдуетъ описаніе путешествія князя Чистякова, которое переполнено всякихъ неправдоподобныхъ приключеній и гдѣ только типичный разсказъ ямщика Никиты составляетъ счастливое исключеніе. Но еще менѣе удачнымъ является описаніе двухлѣтняго пребыванія Чистякова въ Варшавѣ, въ пятой неизданной части романа, гдѣ Нарѣжный задался нравоучительною цѣлью представить читателямъ самую возмутительную картину злоупотребленій чиновничества и разврата „большаго свѣта", извѣстнаго ему только по наслышкѣ, что придаетъ безпочвенность его разсказу, тѣмъ болѣе, что онъ переноситъ мѣсто дѣйствія въ незнакомую ему Варшаву. Князь Чистяковъ, попавъ въ омутъ пороковъ, все болѣе и болѣе заражается безнравственностью окружающей среды, не разбираетъ средствъ для достиженія своихъ честолюбивыхъ и корыстныхъ цѣлей, хотя въ то-же время остается искреннимъ въ своихъ отношеніяхъ къ Феклушѣ, опять-таки мастерски очерченныхъ авторомъ, гдѣ снова выступаетъ его талантъ среди блѣдныхъ и вялыхъ страницъ. Феклуша, наскучивъ продажною и чувственною любовью, привязывается къ обманутому мужу и предлагаетъ ему вернуться съ нею въ родное село, но отвергнутая имъ и мучимая раскаяніемъ, она въ ту же ночь оставляетъ дворецъ своего любовника и, достигнувъ Кіевскаго воеводства, поступаетъ въ одинъ изъ мѣстныхъ монастырей. Князь Чистяковъ, по прежнему, слѣдуетъ своимъ дурнымъ инстинктамъ и, благодаря разнымъ проискамъ, получаетъ выгодную должность секретаря при князѣ Латронѣ, которому не уступаетъ въ жестокости, высокомѣріи и ненасытной алчности; но въ то время, какъ онъ задается новыми честолюбивыми планами, его постигаетъ достойная кара. Онъ посаженъ въ тюрьму, гдѣ предается позднему раскаянію, и послѣ двухмѣсячнаго заключенія, выпущенъ на свободу, подъ условіемъ навсегда оставить не только Варшаву, но и Царство Польское.

Князь Чистяковъ отправился пѣшкомъ на родину; нерадостно было его возвращеніе въ с. Фалалѣевку, куда онъ вступилъ послѣ заката солнца. Домъ его представлялъ печальную картину разрушенія, и здѣсь въ углу комнаты онъ засталъ стараго своего пріятеля еврея Яньку, который лежалъ больной и изнемогалъ отъ голода и жажды, такъ какъ жители деревни, считая его умершимъ, оставили на произволъ судьбы. Несчастный еврей, утоливъ голодъ,

разсказалъ своему неожиданному избавителю несложную исторію постигшихъ его бѣдъ: потери семьи и всего имущества, такъ какъ по доносу одного изъ обитателей Фалалѣевки, онъ попалъ въ руки уѣздныхъ судей, которые довели его до полнаго разоренія. Князь Чистяковъ, въ память прежнихъ благодѣяній еврея, заботливо ухаживалъ за нимъ и, по его выздоровленіи, отдалъ ему половину случайно сохранившихся у него денегъ, на которыя они завели небольшую лавку сельскихъ товаровъ; къ нимъ присоединился пришлый молодой еврей Іосифъ и внесъ свою долю, что дало имъ возможность расширить торговлю.

Но судьба продолжала преслѣдовать россійскаго Жилблаза; вскорѣ его постигло новое бѣдствіе: Іосифъ сошелся съ фалалѣевской шинкаркой Устиньей и та потребовала отъ него, чтобы онъ принялъ христіанство и женился на ней; еврей отвѣтилъ отказомъ, за что посаженъ былъ, по распоряженію старосты, въ земскую избу, откуда бѣжалъ съ наступленіемъ ночи. Тогда гнѣвъ защитниковъ Устиньи обрушился на товарищей виновнаго, домъ и имущество которыхъ были сожжены до тла; старый Янька не вынесъ новаго несчастья и умеръ скоропостижно, а для князя Чистякова начался новый рядъ приключеній. Однако, не смотря на всѣ превратности судьбы, которыя постигаютъ героя романа и другихъ дѣйствующихъ лицъ, все должно кончиться общимъ благополучіемъ, какъ показываетъ начало развязки, хотя она неожиданно прерывается вслѣдствіе нѣсколькихъ недостающихъ страницъ, быть можетъ, недописанныхъ авторомъ въ виду запрещенія „Россійскаго Жилблаза“.

Что касается вставныхъ эпизодовъ, разсказовъ и біографій, то они всѣ болѣе или менѣе бездвѣтны, кромѣ упомянутаго разсказа ямщика Никиты (въ VIII главѣ четвертой части) и описанія встрѣчи князя Чистякова съ доморощеннымъ философомъ, вышедшимъ изъ среды русскаго достаточнаго дворянства, который выработалъ своеобразную теорію, на основаніи евангельскихъ истинъ, изрѣченій греческихъ философовъ и взглядовъ Руссо (см. гл. XI, XIII, XIV пятой части). Мудрецъ этотъ называетъ себя Иваномъ, такъ какъ не признаетъ сословныхъ и другихъ отличій; въ то-же время, при полномъ отрицаніи имущественной и денежной собственности, онъ является врагомъ всякаго насилія и лжи, и настолько чуждъ всѣхъ потребностей цивилизаціи, что считаетъ трудъ излишнимъ и ведетъ нищенскую, созерцательную жизнь среди природы.

XXXI.

Въ заключеніе нашего очерка-изслѣдованія о жизни и литературной дѣятельности В. Т. Нарѣжнаго, помѣщаемъ отзывъ о „Россійскомъ Жилблазѣ“ одного изъ нашихъ первоклассныхъ современныхъ романистовъ-писателей Ивана Александровича Гончарова, въ письмѣ къ М. И. Семевскому отъ 11-го декабря 1874 года.

„Возвращаю при этомъ вамъ, многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ, три томика „Россійскаго Жилблаза“. Нельзя не отдать полной справедливости и уму, и необыкновенному, по тогдашнему времени, умѣнью Нарѣжнаго отдѣлываться отъ стараго и создавать новое. Бѣлинскій глубоко правъ, отличивъ его талантъ и оцѣнивъ его какъ перваго русскаго по времени романиста. Онъ школы Фонъ-Визина, его послѣдователь и предтеча Гоголя. Я не хочу преувеличивать, прочитайте внимательно и вы увидите въ немъ намеки, конечно, слабые, туманные, часто въ изуродованной формѣ, на типы характерные, созданные въ такомъ совершенствѣ Гоголемъ. Онъ часто впадаетъ въ манеру и тонъ фонъ-Визина и, какъ будто, предсказываетъ Гоголя. Натурально, у него не могли идеи выработаться въ характеры, по отсутствію явившихся у насъ впослѣдствіи новыхъ формъ и пріемовъ искусства; — но эти идеи носятся въ туманныхъ образахъ—и скупаго, и старыхъ помѣщиковъ, и всего того быта, который потомъ ожилъ такъ реально у нашихъ художниковъ,—но онъ всецѣло принадлежитъ къ реальной школѣ, начатой Фонъ-Визинымъ и возведенной на высшую степень Гоголемъ. И тутъ у него въ этомъ „Жилблазѣ,“ а еще болѣе въ „Бурсакѣ“ и „Двухъ Иванахъ“, тамъ, гдѣ не хватало образа, характеръ досказывается умомъ, часто съ сатирической и даже юмористической приправой.

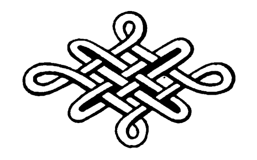
„Въ современной литературѣ—это была-бы сильная фигура.

„Замѣчательны также его удачныя усилія въ борьбѣ съ старымъ языкомъ, съ Шишковской школой, съ педантизмомъ и вообще со всѣмъ устарѣвшимъ—въ формахъ суда, напримѣръ, и т. п.

„Эта борьба, въ которой онъ еще не успѣлъ, какъ почти и всѣ тогда (въ 1814 г.), отдѣлаться вполнѣ отъ старой школы—дѣлаетъ его языкъ тяжелымъ, шероховатымъ—смѣшеніемъ Шишковскаго съ Карамзинскимъ; но очень часто онъ успѣваетъ, какъ будто изъ чащи лѣса, выходить на дорогу—и тогда говоритъ легко, свободно, иногда пріятно, а затѣмъ опять впадаетъ въ архаизмы и тяжелые обороты“.

„P. S. Въ этихъ безпорядочныхъ строкахъ я, конечно, не успѣлъ выразить того, что считаю Фонъ-Визина, Нарѣжнаго и Гоголя главными представителями чисто реальной школы, стоящими какъ-будто отдѣльно въ литературѣ до нашего времени, когда почти вся литература приняла этотъ характеръ, съ немногими исключеніями“.

И. Г.

Примѣчанія.

45) См. П. С. Соч. князя П. А. Вяземскаго, 1878 г., т. I, стр. 203--204.

46) См. статью Н. Маркевича „Гаркуша, украинскій разбойникъ“, въ „Русскомъ Словѣ“ 1859 г. (сентябрь, стр. 138—244), гдѣ подробно изложено все слѣдственное дѣло, на основаніи допросовъ и показаній Гаркуши и его товарищей, съ приложеніемъ подлинныхъ документовъ, автографовъ, фальшивыхъ паспортовъ и пр.

47) Ibid. П. С. Соч. кн. П. А. Вяземскаго, 1878 г., т. I, стр. 203—204.

48) „Русская Старина“ 1888 г., т. LVIII, май, стр. 351.

49) О значеніи Петровской реформы, см. ст. А. Н. Пыпина, „Московская Старина“, „Вѣстн. Европы“ 1855 г., январь, февраль и мартъ.

50) Ibid. „Русское масонство въ XVIII вѣкѣ“, „Вѣстн. Евр.“ 1867 г., январь, стр. 86.

51) См. брошюру: „Масонъ безъ маски или подлинныя таинства масонскія, изданныя со многими подробностями точно и безпристрастно“, пер. Иванъ Соцъ. Спб., 1784 г.

52) Ст. А. Н. Пыпина: „Русское масонство въ XVIII вѣкѣ“. „Вѣстн. Европы“, мартъ;—а также сочиненія М. Лонгинова—„Новиковъ и московскіе мартинисты“, изд. 1867 г., стр. 258, прим.

53) См. статьи А. Н. Пыпина о масонствѣ, „Вѣстн. Евр.“ 1867 г., январь и февраль; 1868 г., іюнь и іюль; 1869 г., ноябрь и декабрь; 1872 г., январь, февраль, іюль.

54) Ibid. „Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ“, „Вѣстн. Евр.“, 1872 г., февраль, стр. 561.

55) Елагина. „Записка о масонствѣ“, „Русск. Архивъ“ 1866 г., изд. второе, стр. 593—594.

56) М. Лонгиновъ. „Новиковъ и московскіе мартинисты“, 1867 г., стр. 101.

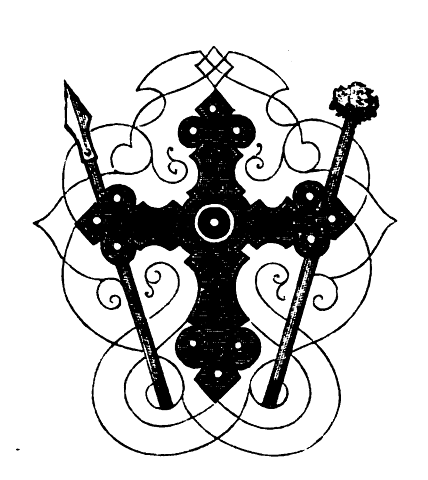
57) „Вѣстн. Евр.“ 1868 г., іюнь, ст. А. Н. Пыпина. „Русское масонство до Новикова, откуда заимствована приведенная выдержка изъ книги, Рейнбека.

58) С. В. Ешевскій. „Московскіе масоны прошедшаго столѣтія“ стр. 405 — 406, „Русск. Вѣстн.“ 1864 г., № 8. См. также „Лѣтописи русск. лит. и древн.“, изд. Н. Тихонравова, т. V, Москва, 1863 г., ст. „Новыя свѣдѣнія о Новиковѣ“, стр. 51.

59 и 60) М. Лонгиновъ. „Новиковъ и московскіе мартинисты“, изд. 1867 г., стр. 304.

1888 г. $\frac{\text{20-го декабря}}{\text{Спб.}}$ 1890 г.

Н. А. Бѣлозерская.

ЗАПИСКИ РЕКТОРА И ПРОФЕССОРА

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ

ѲЕДОРА ИВАНОВИЧА ІОРДАНА

1800 13-го августа род. / ум. 19-го сентября 1883.

Боже, благослови продолженіе моихъ воспоминаній и дай мнѣ память ихъ припомнить (1875 г.).

Ѳ. Іорданъ.

XXXIII [1]).

На короткое время (въ концѣ 1830-хъ годовъ) пріѣзжалъ въ Римъ Штакеншнейдеръ, нашъ архитекторъ, строитель дворцовъ и царскихъ дачъ, которыхъ имъ построено очень много по дорогѣ въ Петергофъ, именуемой „бабій гонъ". Имъ же построены дворцы великой княгини Маріи Николаевны и великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей. Онъ удивилъ меня успѣхами, сдѣланными имъ по выходѣ изъ академіи, въ которой, будучи ученикомъ, былъ однимъ

[1]) См. „Русскую Старину", изд. 1891 г., т. LXIX, мартъ, стр. 601 — 634; т. LXX, апрѣль, стр. 71—116; май, стр. 305—337; іюнь, стр. 547—580; томъ LXXI, іюль, стр. 25 -69.

изъ самыхъ слабыхъ. По окончаніи курса, онъ опредѣлился къ архитектору Исакіевскаго собора, Монферану, и тамъ въ чертежной, служа вмѣстѣ съ А. Х. Пелемъ и Ѳ. Ѳ. Рихтеромъ, сдѣлалъ такіе успѣхи, что построенныя имъ зданія могутъ служить образцами вкуса и удобства. Штакеншнейдеръ былъ женатъ и оставилъ большое семейство, которое не поддержало славу трудолюбиваго отца. Одинъ изъ его сыновей былъ актеромъ на провинціальныхъ сценахъ.

По случаю бракосочетанія е. и. в. великой княжны Маріи Максимильяновны, ея матерью, великою княгинею Маріею Николаевною, былъ данъ балъ, на который были приглашены наши профессора, въ томъ числѣ и я. Архитектура бальной залы была обворожительна; по серединѣ залы, на нѣкоторой высотѣ, былъ устроенъ родъ балкона, на которомъ помѣщалась музыка; никому не мѣшая, она была слышна во всѣхъ концахъ залы, и для танцующихъ это было верхъ совершенства. Великая княгиня Марія Николаевна, въ восторгѣ отъ этой удачной мысли, встрѣтивъ нашего профессора скульптуры Н. С. Пименова, обратилась къ нему со словами: „ты мнѣ, Пименовъ, долженъ сдѣлать бюстъ Штакеншнейдера, онъ достоенъ красоваться въ этой залѣ“. Я слышалъ, что бюстъ его дѣйствительно былъ поставленъ во дворцѣ великой княгини.

Меня удивилъ Штакеншнейдеръ, когда мы показывали ему достопримѣчательности Рима; во дворцѣ Коренни ему понравилась лѣстница; онъ тотчасъ вынулъ свой бумажникъ и складной аршинъ, вымѣрилъ вышину ступеней и отмѣтилъ ее на записномъ листѣ. Эта аккуратность мнѣ очень понравилась.

Насъ обрадовалъ пріѣздъ е. и. выс—ва наслѣдника цесаревича Александра Николаевича. День былъ чудный. Для встрѣчи великаго князя наѣхало много нашихъ соотечественниковъ; я былъ на народной площади, когда около 6-ти час. вечера появились почтовые экипажи, изъ коихъ въ первомъ сидѣлъ наслѣдникъ; за нимъ слѣдовала масса экипажей, встрѣтившихъ его высочество у Ponte Mobo. Вся эта масса каретъ остановилась у дворца Одельскальки, гдѣ жилъ тогда нашъ посолъ г. Потемкинъ, и гдѣ было приготовлено помѣщеніе для его высочества. Великій князь былъ худенькій бѣлокурый юноша; съ первыхъ дней своего пребыванія въ Римѣ, онъ привязалъ къ

себѣ сердца всѣхъ иностранцевъ и римлянъ. Ему представлялись школы и разныя общества, и всѣ выходили отъ него съ радостными лицами. Съ великимъ княземъ наѣхали профессора, которые должны были сопровождать его и помочь ему изучать на мѣстѣ все достопримѣчательное, но занятія гг. руководителей остались въ тайнѣ. Профессора проводили время въ кофейняхъ; мнѣ приходилось часто видѣть ихъ въ моемъ излюбленномъ кафе „Bon Gusto" у Надзари. Любимымъ препровожденіемъ времени наслѣдника было гулять на обворожительный Monte-Pincio, гдѣ богачи англичане красуются обыкновенно съ своими прелестными дочерьми. Папа Григорій XVI былъ восхищенъ цесаревичемъ и назвалъ его ангеломъ симпатіи. Въ числѣ наставниковъ Александра Николаевича былъ и нашъ безсмертный поэтъ В. А. Жуковскій, человѣкъ добрѣйшаго сердца, котораго я зналъ еще въ Петербургѣ, и травилъ крѣпкою водкою его контуры гравюръ на мѣди швейцарскихъ видовъ. Н. В. Гоголь говорилъ съ нимъ о начатомъ мною большомъ трудѣ: гравюрѣ „Преображенія", спрашивая его совѣта, какъ бы пріискать мнѣ средства къ продолженію этого труда; было рѣшено, по случаю большаго съѣзда нашихъ вельможъ, сдѣлать подписку на пріобрѣтеніе оконченныхъ оттисковъ. В. А. Жуковскій пригласилъ меня къ себѣ и объяснилъ мнѣ свою мысль, которой я обрадовался; я получилъ на 5000 скудъ подписчиковъ, которые, при окончаніи мною доски въ 1850 г., получили оттиски въ полной исправности. Затѣмъ е. и. в. наслѣдникъ цесаревичъ ѣздилъ въ Неаполь, гдѣ его встрѣтили съ тѣмъ же энтузіазмомъ, но ко времени римской масляницы (il carnavale) онъ возвратился въ Римъ, и римляне постарались отпраздновать и безъ того веселое время блестящимъ образомъ. Веселію и шуму конца не было. Въ это время домохозяева, отдавая въ наймы окна на улицѣ Корсо, собираютъ огромныя деньги. У наслѣдника и всей его свиты былъ нанятъ большой балконъ на лучшемъ мѣстѣ этой улицы, въ домѣ Валенти, свояка покойнаго Ѳ. А. Бруни. Около этого балкона толпился народъ всѣхъ сословій. Тутъ бросали конфекты, по тамошнему обычаю, въ знакомыхъ и вообще въ народъ, всѣ старались выказать свою радость, по поводу пріѣзда августѣйшаго наслѣдника великой державы. Въ толпѣ являлись и оборвыши, принадлежавшіе къ низшему слою населенія Рима,

которые цѣлый годъ ожидаютъ этого веселаго времени, чтобы замаскироваться богатыми маркизами, сдѣлавъ себѣ изъ какихъ нибудь лоскутьевъ кафтанъ, достигающій до пятъ; шитье на немъ давно выцвѣтшее, бока кафтана украшены орденами изъ моркови, рѣдисокъ и т. п.; звѣзда, безъ которой эта челядь не можетъ обойтись, изображается рѣпою; всѣ остальныя украшенія, какъ-то: кокарды, пряжки на башмакахъ, сдѣланы изъ зелени салата. Эта компанія оборванцевъ, состоящая изъ нѣсколькихъ лицъ, вооруженныхъ деревянными шпагами, метлами и щетками, производитъ ужасный шумъ; они останавливаются передъ домами богачей, или иностранныхъ гостей, съ шумомъ заявляютъ свои права и готовность быть благодѣтелями всякаго; эта комедія повторилась и передъ балкономъ наслѣдника. Оборванцы, изображая богачей, обладающихъ будто-бы несмѣтнымъ богатствомъ, стоя передъ балкономъ его высочества, сожалѣли о немъ, какъ о бѣднякѣ, и заявляли, что они готовы ему помочь, пусть только онъ придетъ по указанному адресу, и они выведутъ его изъ плачевнаго состоянія. Разумѣется, при этихъ словахъ раздается общій смѣхъ, и затѣмъ толпа оборванцевъ бѣжитъ къ слѣдующему балкону, и тутъ повторяется тотъ же разговоръ и тотъ же смѣхъ. Трудно себѣ представить—веселье и оживленіе, которыя царствуютъ здѣсь ежедневно съ 3 часовъ дня до 6—7 часовъ вечера. Экипажей съ наряжеными и съ обыкновенной публикой такая масса на всемъ протяженіи длинной улицы Корсо, что пѣшеходы едва могутъ двигаться. Существуетъ обычай бросать конфекты, Богъ вѣсть изъ чего сдѣланныя, главное же—обсыпанныя елико возможно мукою,—чѣмъ болѣе выбѣлятъ другъ друга этою мукою, тѣмъ болѣе радости. Шумъ происходитъ оттого, что ряженые кричатъ не ряженымъ: „Senza Maschera! Senza Maschera!“, т. е. безъ маски! безъ маски! И этотъ гулъ несется по всему Корсо. Вы встрѣчаете тутъ всевозможныхъ ряженыхъ: и докторовъ, и поэтовъ, и всѣ они отлично исполняютъ свои роли, предлагаютъ рецепты, декламируютъ стихи, и все это обращено къ хорошенькимъ личикамъ. Многихъ вводятъ въ обманъ мужчины, наряженные въ богатое женское платье. Эти господа гуляютъ безъ масокъ, всегда декольте, крѣпко зашнурованные, и строго исполняютъ свою роль благопристойныхъ

барынь; всегда найдется какой-нибудь англичанинъ съ туго-набитымъ кошелькомъ, который плѣняется мнимою дамою, слѣдитъ за нею, даритъ ее конфектами, поитъ шоколадомъ.... интрига кончается полнымъ разочарованіемъ увлекшагося англичанина. Вообще во время карнавала бываетъ много забавнаго.

За часъ до заката солнца раздаются выстрѣлы; экипажи тотчасъ сворачиваютъ въ боковыя улицы, куда придется; черезъ пять минутъ на Корсо не остается ни одного экипажа; тутъ дѣлается просторъ гуляющимъ, начинается бѣготня во всѣ стороны; затѣмъ раздается второй выстрѣлъ и полиція сгоняетъ народъ на тротуары, очищая средину улицы для бѣга лошадей; этотъ бѣгъ не заставляетъ себя долго ждать, вскорѣ слышится стукъ копытъ и крикъ народа. Народъ раздается, и мимо васъ пролетаютъ, подобно молніи, шесть или семь лошадей безъ сѣдока и упряжи; на бокахъ у этихъ коней налѣплены разныя погремушки, какъ-то: фольга, золотая бумага; все это оглушаетъ лошадей, которыя несутся какъ ошеломленныя отъ одного конца Корсо, т. е. отъ Народной площади, до Венеціанскаго дворца, гдѣ ихъ поджидаютъ конюхи и бѣгутъ имъ навстрѣчу, хватая ихъ за гриву, и накидываютъ на нихъ попоны. Та лошадь, которая прибѣжала къ цѣли первою, получаетъ, въ видѣ знамени, большой кусокъ хорошей шелковой матеріи которая жертвуется затѣмъ, большею частью, въ церковь. По, слѣдніе два дня карнавала раздаются знамена изъ золотой и серебряной парчи. Лошадь, получившую призъ, ведутъ съ барабаннымъ боемъ до конюшни; затѣмъ начинается, какъ водится, попойка.

Матеріи для призовъ доставляютъ, въ видѣ повинности, евреи, ибо папа не даетъ позволенія устраивать въ его святомъ городѣ подобныя сатурналіи, но и не запрещаетъ ихъ, а только терпитъ. Карнавалъ можетъ праздноваться подобнымъ образомъ только въ Римѣ; этому способствуетъ его теплый климатъ и самая улица Корсо—узкая, но украшенная прекрасными зданіями. Народъ гуляетъ тутъ какъ у себя дома. Дамы прохаживаются по этой улицѣ въ лѣтнее время съ непокрытою головою, не боясь ни холода, ни вѣтра.

По окончаніи бѣга, народъ долго еще гуляетъ; многіе отправляются въ кофейни, другіе обѣдаютъ, затѣмъ идутъ въ маскарадъ,

куда собирается средній и высшій классъ иностранцевъ и римлянъ. Тутъ вновь шумъ, говоръ и пискъ ряженыхъ женщинъ, которыя, будучи въ маскахъ, кричатъ: „Te conosco, cara maschera“ (знаю тебя, милая маска). Здѣсь царитъ общее веселье и тѣснота. Римскія аристократки поражаютъ во время карнавала обиліемъ своихъ драгоцѣнныхъ камней и вообще украшеніями своихъ костюмовъ.

Однажды я встрѣтилъ на маскарадѣ наслѣдника цесаревича, окруженнаго свитою; онъ былъ въ черной парѣ, очень блѣденъ и худощавъ; женскія маски такъ и толпились около него, вскрикивая: „Senza Maschera! Senza Maschera!“ Его тѣснили со всѣхъ сторонъ, онъ улыбался, и публика восхищалась имъ, его простотою въ обхожденіи и доступностью. Въ послѣдній день карнавала, передъ окончаніемъ лошадинаго бѣга, компанія ряженыхъ, при громкихъ крикахъ и пляскѣ, сжигаетъ чучело паяца, а затѣмъ, по окончаніи бѣга, зажигаютъ небольшія свѣчи, въ родѣ нашихъ пятикопеечныхъ свѣчей, держа ихъ въ рукѣ или воткнувъ на палочку. Въ иныхъ дворцахъ изъ оконъ высовываютъ палки, на которыхъ прилѣплено до десяти подобныхъ свѣчей, и всякій старается погасить ихъ другъ у друга, крича: „Senza moccolo, senza moccolo!“, что̀ значитъ по-русски: „безъ огарка! безъ огарка!“ Этотъ знаменитый вечеръ называется „Gli Moccoletti“ (т. е. вечеръ огарковъ). Эфектъ получается очаровательный: Корсо, во всю длину, освѣщенъ милліонами огней, всѣ кричатъ, машутъ платками, стараясь потушить свѣчу одинъ у другаго. Какъ скоро весь этотъ шумъ стихнетъ, на сердцѣ дѣлается какъ-то скучно; подобнаго удовольствія, какое испытываешь во время карнавала въ Римѣ, ни одна страна свѣта не даетъ иностранцу. По окончаніи его, невольно скажешь въ душѣ: „повеселился!“ и можешь ѣхать вполнѣ довольный отдыхать въ другомъ городѣ, ибо въ Римѣ, послѣ этихъ дней бѣшенаго веселья, начинается постъ; въ первый-же день, въ среду, въ церквахъ, по окончаніи службы, посыпаютъ молящимся лобъ пепломъ, приговаривая: „Ты еси изъ пепла, и въ пепелъ обратишься“. Затѣмъ являются въ церквахъ проповѣдники, карающіе народъ за его грѣхи и собирающіе хорошій доходъ. Иностранцы-же уѣзжаютъ на весь великій постъ въ Неаполь и возвращаются въ Римъ къ Страстной недѣли.

Наслѣдникъ цесаревичъ съ окончаніемъ карнавала также

уѣхалъ во Флоренцію; при этомъ случился казусъ съ нашимъ посломъ Потемкинымъ. Сопровождая великаго князя во Флоренцію, онъ забылъ взять съ собою мундиръ, поэтому его секретарю, Скарятину, пришлось представить наслѣдника великому герцогу Тосканскому. Послѣ этого случая Потемкинъ исчезъ изъ Рима; на его мѣсто прибылъ новый посолъ въ лицѣ г. Бутенева.

Потемкина русскіе художники вовсе не знали,—это былъ человѣкъ, состарѣвшійся раньше времени; онъ былъ женатъ на ирландкѣ. Въ его комнатахъ красовались статуи Венеръ и богинь, поставленныя около зеркалъ, въ которыхъ можно было также любоваться ихъ изображеніями. Потемкинъ занималъ отличную квартиру во дворцѣ Одельскальки; братъ хозяина этого дворца, знаменитый кардиналъ Одельскальки, славился святостью и щедрою милостынію. Съ нимъ случилось знаменательное происшествіе, вслѣдствіе котораго изъ наслѣдника папскаго престола (всѣ кардиналы въ Римѣ суть наслѣдники папскаго престола, такъ какъ это правленіе избирательное изъ кардиналовъ, а не наслѣдственное) онъ превратился въ послушника іезуитскаго дома въ Веронѣ. Однажды является къ нему съ просьбою вдова, которая объясняетъ, что по смерти мужа своего, жандармскаго офицера, ей слѣдуетъ получить пенсію, но что докладчикъ папы, прославившійся въ царствованіе папы Григорія XVI своими взятками и сдѣлавшійся изъ бородобрѣя первою личностью, на ея просьбу далъ ей понять, что все будетъ сдѣлано, если она дастъ ему 50 цекинъ (500 руб.). Самъ папа поощрялъ его къ взяточничеству, повторяя ему: „пока я живъ, наживайся! Со дня моей смерти ты потеряешь и мѣсто и доходы!“ Этого совѣта святаго отца докладчикъ Гайданино строго придерживался. Когда вдова, обратившаяся къ Гайданино съ просьбою, ссылаясь на свою бѣдность, заявила ему о томъ, что она не имѣетъ возможности исполнить его требованіе, то онъ отвѣчалъ ей: „Очень хорошо, я приму вашу просьбу; выжидайте рѣшенія“. Несчастная ходила къ нему нѣсколько разъ, но рѣшенія не выходило. Наконецъ, она обратилась къ кардиналу Одельскальки съ просьбою исходатайствовать ей пенсію, которая дала-бы ей и дѣтямъ ея кусокъ хлѣба. Кардиналъ велѣлъ ей сказать докладчику Гайданино, чтобы онъ отъ его имени исполнилъ ея просьбу, иначе онъ доложитъ самому папѣ. Вдова пере-

дала Гайданино приказъ кардинала, но дѣло не подвинулось; наконецъ, кардиналъ самъ доложилъ ея просьбу папѣ, но и это не помогло. Явившись къ кардиналу, вдова передала ему слова Гайданино: „Напрасно ты безпокоишься ходить ко мнѣ, сказалъ онъ, и въ свое дѣло вмѣшиваешь кардинала,—безъ 50 цекинъ дѣло твое не подвинется впередъ!“ Взбѣшенный этимъ разсказомъ и низостью бородобрѣя, кардиналъ подошелъ къ своему столу, отперъ ящикъ и отсчиталъ ей 50 цекинъ, сказавъ: „Пойди, отдай ему“, что́ она и сдѣлала.

На другой день она явилась къ кардиналу, и со слезами благодарила его; пенсія была ею получена, у нея въ рукахъ находилась бумага, подписанная папою. Кардиналъ попросилъ папу созвать собраніе, въ которомъ онъ разсказалъ свою обиду, что бородобрѣй Гайданино сдѣлалъ, или могъ сдѣлать, болѣе, нежели онъ, римскій князь и кардиналъ, вслѣдствіе чего онъ снимаетъ съ себя кардинальское званіе (при этихъ словахъ онъ положилъ на столъ свою кардинальскую шляпу и митру), и удаляется въ общество іезуитовъ простымъ послушникомъ. Многіе изъ кардиналовъ плакали, но безотвѣтное повиновеніе папѣ не дозволило ни одному изъ нихъ открыть св. отцу постыдный поступокъ его бородобрѣя. Гайданино Морони остался при папѣ Григоріи XVI до дня его кончины, со смертію же папы тотчасъ удалился во Флоренцію, какъ богатый гражданинъ Италіи. А кардиналъ Одельскальки, человѣкъ самой святой жизни, всѣми католиками уважаемый, былъ принятъ іезуитами и получилъ обязанность простаго послушника. Онъ вскорѣ умеръ, и тѣло его ожидаетъ будущей канонизаціи.

Въ первое время, когда я посѣщалъ Ватиканъ, начавъ мой рисунокъ „Преображенія“, вижу, подходитъ ко мнѣ однажды ксендзъ въ фіолетовыхъ чулкахъ и въ одѣяніи, принятомъ католическимъ священствомъ, смотритъ на меня и говоритъ совершенно чисто по русски: „здравствуйте!“ Я удивился, какимъ образомъ могъ быть въ Римѣ русскій католическій священникъ. Начинаю съ нимъ разговаривать по русски, но вижу, что онъ уклоняется отъ отвѣтовъ, только, увидавъ мой рисунокъ, онъ мнѣ сказалъ опять совершенно чисто: „хорошо“, и затѣмъ мы простились. Замѣтивъ, что ему было трудно слѣдить за моимъ разговоромъ, я полюбопытствовалъ узнать о немъ, и мнѣ ска-

зали, что это замѣчательный лингвистъ, монсиньоръ Меццофанти, бывшій въ то время библіотекаремъ богатой ватиканской библіотеки; мѣсто это давалось будущимъ кардиналамъ, чѣмъ и былъ впослѣдствіи Меццофанти; онъ умеръ при мнѣ въ 1849 году. Всѣ удивлялись, что онъ не оставилъ грамматики, какъ результата сравнительнаго изученія языковъ, и такимъ образомъ отъ его усидчивыхъ занятій, кромѣ индивидуальной памяти и терпѣнія къ изученію языковъ, не осталось никакихъ плодовъ. Я видѣлъ у г-жи Васильчиковой стихи, написанные для нея кардиналомъ Меццофанти, и удивлялся ихъ силѣ. Они были взяты изъ псалтыря, т. е. изъ одного псалма, и написаны въ родѣ стиховъ Ломоносова.

У г-жи Васильчиковой я проводилъ весьма пріятные вечера, восхищаясь ея дѣтьми. При ней находилась недавно овдовѣвшая, сентиментальная m-me Карлгофъ, казавшаяся неутѣшною; она искала забвенія въ вѣрѣ, но я слышалъ, что впослѣдствіи она вышла вновь замужъ. Женская скорбь скоротечна!

XXXIV.

Пріѣздъ наслѣдника цесаревича привлекъ въ Римъ множество гостей, особенно русскихъ; Н. В. Гоголь, воспользовавшись этимъ, какъ извѣстный писатель, желая помочь одному земляку своему, малороссу, весьма посредственному художнику, Шаповаленко, объявилъ, что будетъ читать комедію „Ревизоръ“, въ пользу этого живописца, по 5 скудъ за билетъ. Какъ пріѣзжіе русскіе, такъ и пріятели художника всѣ бросились брать билеты. Говорили, что Гоголь имѣетъ необыкновенный даръ читать, особенно „Ревизора“,—комедію, обезсмертившую его. Княгиня Зинаида Волконская дала ему въ своемъ дворцѣ, Palazzo Poli, большое зало, съ обѣщаніемъ дароваго угощенія. Съѣздъ былъ огромный. Я былъ восхищенъ появленіемъ, въ числѣ гостей, двухъ сестрицъ Алферьевыхъ, изъ коихъ младшая была ангеломъ красоты, скромности и несказанной доброты; я все время любовался ею.

Въ залѣ водворилась тишина; впереди, полукругомъ, стояло три ряда стульевъ, и всѣ они были заняты лицами высшаго круга. По серединѣ залы стоялъ столъ, на немъ графинъ съ водою и лежала тетрадь; видимъ, Н. В. Гоголь съ довольно пасмурнымъ лицомъ раскрываетъ тетрадь, садится и начинаетъ читать, вяло, съ большими разстановками, монотонно. Публика повидимому была мало заинтересована, скорѣе скучала, нежели слушала внимательно; Гоголь, время отъ времени, прихлебывалъ воду; въ залѣ царствовала тишина. Окончилось чтеніе перваго дѣйствія безъ всякаго со стороны гостей одобренія; гости поднялись со своихъ мѣстъ, а Гоголь присоединился къ своимъ друзьямъ. Явились официанты съ подносами, на нихъ чашки съ отличнымъ чаемъ и всякаго рода печеніемъ. Я все посматривалъ на свой предметъ, Алферьеву; увидалъ, что съ нею была какая-то молодая бойкая дама, высокаго роста мужчина, среднихъ лѣтъ женщина и старушка.

Во время чтенія втораго дѣйствія многія кресла оказались пустыми. Я слышалъ, какъ многіе, выходя, говорили: „этою пошлостью онъ кормилъ насъ въ Петербургѣ, теперь онъ перенесъ ее въ Римъ".

Доброе намѣреніе Н. В. Гоголя оказалось для него совершенно проиграннымъ. Несмотря на яркое освѣщеніе зала и на щедрое угощеніе, на княжескій ладъ, чаемъ и мороженымъ, чтеніе прошло сухо и принужденно, не вызвавъ ни малѣйшаго аплодисмента, и къ концу вечера зало оказалось пустымъ; остались только мы и его друзья, которые окружили его, выражая нашу признательность за его великодушное намѣреніе устроить вечеръ въ пользу неимущаго художника.

Гоголь, съ растеряннымъ видомъ, молчалъ; съ этого вечера характеръ его совершенно измѣнился: онъ предался строгой аскетической жизни, началъ чаще и чаще посѣщать православную церковь, сталъ собирать разныя реликві , сталъ собираться въ Іерусалимъ, сдѣлался своенравнымъ. Во время обѣда, спросивъ какое-нибудь блюдо, онъ едва бывало дотронется до него, какъ уже зоветъ половаго, и требуетъ перемѣнить кушанье по два, по три раза, такъ что половой трактира „Соколъ" (il Falcone) Луиджи почти бросалъ ему блюда, говоря: „Сэръ Николо, лучше не ходите къ намъ обѣдать, на васъ никто не можетъ

угодить. Забракованныя вами блюда хозяинъ ставитъ на нашъ счетъ".

Мы-же трое: Ивановъ, Моллеръ и я, каждый вечеръ сидѣли у Гоголя и скучали, особенно я. Часто бывало говорилъ я ему: „Мы вѣдь мастеровые; потрудившись цѣлый день, идемъ къ вамъ послушать что-нибудь веселое или назидательное, вы молчите и желаете, чтобы мы васъ занимали. Вы думаете: не стану расточать передъ вами мои слова, вы ихъ найдете въ печати; но ваши книги дороги, и вы, какъ-будто изъ скупости, говорите: покупайте ихъ, даромъ не дамъ".

Гоголь сдѣлался скрытенъ, уѣхалъ вскорѣ въ Іерусалимъ, оттуда, кажется, въ Москву, и я услыхалъ потомъ объ его праведной кончинѣ, яко истиннаго христіанина; слышалъ отъ друга моего Рихтера о похоронахъ Гоголя, на которыя собралась вся Москва.

Вѣчная память достойному труженику и христіанину! Не мнѣ молиться о твоей душѣ, ты самъ себѣ изготовилъ мѣсто злачно, мѣсто покойно!

Вскорѣ послѣ вечера у княгини Зинаиды Волконской, на которомъ Гоголь читалъ „Ревизора", я познакомился съ семействомъ Обуховыхъ, состоявшимъ изъ старушки матери, Маріи Алексѣевны, ея сына, Обухова—Василія Васильевича, отставнаго ротмистра уланскаго полка, его жены Екатерины Васильевны Обуховой, рожденной Обрѣзковой, и двухъ племянницъ со стороны Василія В., дѣтей его сестры,—Маріи и Екатерины Павловны Алферьевыхъ. Екатерина Павловна была предметомъ моей любви; ея дядя и тетушка принимали меня весьма ласково, но, видя, что я необдуманно хотѣлъ связать свою жизнь съ дѣвушкою, совершенно неравною мнѣ ни по состоянію, ни по годамъ, старались деликатно, безъ всякой для меня обиды, удалить меня отъ ихъ племянницы, Равномѣрно и Екатерина Павловна относилась ко мнѣ въ полномъ смыслѣ несочувственно, чтó меня очень успокаивало, ибо не могъ-же я, имѣя 38—39 лѣтъ на плечахъ, притомъ не имѣя обезпеченныхъ средствъ, не думать, въ какую бездну хлопотъ и издержекъ ввергаю я себя, и зная, что предстоящая бѣдность, вмѣсто любви, можетъ родить во мнѣ холодность къ женѣ и отчаяніе; между тѣмъ, эта прелестная дѣвица могла составить себѣ

блестящую партію, а я лишилъ-бы ее всего. Однако, какъ ни урезонивалъ я себя умными размышленіями, но при видѣ ея все исчезало и все забывалось. Наконецъ, настало время отъѣзда Обуховыхъ. Нашъ пенсіонеръ архитектуры Кудиновъ, ихъ домашній учитель и пріятель, сообщилъ мнѣ, что вечеромъ, наканунѣ ихъ отъѣзда, я могу объясниться, ибо въ семействѣ у нихъ, особенно старушка-мать В. В. Обухова, совершенно на моей сторонѣ, а родители Екатерины Павловны, хотя очень небогаты, но бабушка желаетъ ее надѣлить. Я согласился быть вечеромъ у нихъ; пришелъ къ чаю, старался вести разговоры совершенно отвлеченные отъ предмета, бывшаго главною цѣлью моего посѣщенія, и я видѣлъ, что умная ея тетка, знавшая хорошо мои средства и предвидѣвшая, что, связавъ себя женитьбою, я не кончу своего труда, помогала мнѣ въ этомъ. Настало время идти домой; я простился съ семействомъ Обуховыхъ и, взглянувъ на предметъ моей двухгодовой любви, я увидалъ, что лицо ея, при прощаніи со мною, повеселѣло.

Прошло лѣто, на зиму семейство любезныхъ Обуховыхъ вновь возвратилось въ Римъ, и я къ искренней моей радости узналъ, что Екатерина Павловна помолвлена за красавца гусара, къ тому-же богатаго, г. Маслова. Тѣмъ и окончились всѣ мои мечты.

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ, въ 1850-хъ годахъ, я былъ, однажды, у Екатерины Павловны въ богатомъ домѣ ея тестя, г. Маслова. Она была уже матерью нѣсколькихъ дѣтей, и въ семействѣ всѣ ее боготворили, особенно свекръ. Неудачные роды низвели ее въ цвѣтущихъ годахъ въ могилу, и останки сей прелестной женщины почіютъ нынѣ подъ богатымъ памятникомъ въ Сергіевой пустынѣ. Со святыми упокой, Господи, бывшій предметъ моей любви, и дай покой и небесное царство праведной ея душѣ!

XXXV.

Посѣщеніе Рима е. и. выс—мъ наслѣдникомъ было благодѣяніемъ для бѣднаго населенія Рима, на которое сыпались его царскія щедроты. И нашимъ художникамъ, наиболѣе слабымъ, которымъ трудно было имѣть работы отъ частныхъ лицъ, были сдѣланы заказы копій за хорошую плату. Живописецъ Каніевскій написалъ съ наслѣдника акварельный портретъ, менѣе удачный, нежели портретъ великаго князя Михаила Павловича, съ котораго мнѣ была заказана гравюра, оконченная мною нѣсколько мѣсяцевъ спустя.

Вскорѣ Римъ былъ осчастливленъ пріѣздомъ молодой царской четы: великой княгини Маріи Николаевны съ герцогомъ Максимиліаномъ Лейхтенбергскимъ. Они видѣли мой трудъ и пожелали быть подписчиками на мою гравюру. Не могу забыть доброту ихъ секретаря г. Мюссара. Онъ сказалъ мнѣ, чтобы, въ случаѣ какой-либо просьбы, я обращался къ нему. Я не имѣлъ случая воспользоваться его обѣщаніемъ, но его слова врѣзались въ моемъ сердцѣ.

Великокняжеская молодая чета сдѣлала вечеръ для ученыхъ и художниковъ. Нѣмецкій художникъ Флоръ составилъ любопытную живую картину, изображавшую знаменитый фрескъ Рафаэля „Аѳинская школа“. Всѣ русскіе художники, имѣвшіе фраки (ихъ было очень мало), воспользовались приглашеніемъ явиться на этотъ вечеръ. Здѣсь мы имѣли случай видѣть принца Гессенъ-Кассельскаго, брюнета, небольшаго роста, брата нынѣшней датской королевы (1875 г.), который предназначался въ женихи великой княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ. Балъ былъ великолѣпный, всѣ были восхищены красотою, доступностью и простотою царственной четы, которая вскорѣ оставила Римъ, сдавъ папѣ, за хорошую плату, богатое имѣніе, принадлежавшее герцогу Лейхтенбергскому. Мнѣ предлагали награвировать портретъ великой княгини Маріи Николаевны, но я отказался.

Въ это время пріѣхалъ въ Римъ нашъ писатель (П. В.) Анненковъ, съ которымъ я познакомился. Онъ остановился у Гоголя, съ которымъ былъ друженъ, несмотря на все несходство ихъ характеровъ. Анненковъ былъ характера веселаго, открытаго, что́ Гоголю не очень-то нравилось. Спустя нѣсколько

времени, я увидалъ пріѣхавшаго къ Гоголю извѣстнаго поэта (Н. М.) Языкова. Лицо его было въ высшей степени страдальческое, онъ не могъ ходить, страдая болѣзнью становаго хребта—послѣдствіе крайне невоздержанной его жизни. Онъ собирался, должно быть, долго пробыть въ Римѣ, ибо я видѣлъ огромный сундукъ съ книгами, который привезли изъ таможни къ Гоголю, но болѣзнь заставила его поспѣшить обратно въ Россію. Нѣсколько времени спустя, я получилъ черезъ Ѳ. В. Чижова заказъ выгравировать его портретъ въ маломъ видѣ и свободнымъ maнеромъ.

XXXVI.

Между тѣмъ, я продолжалъ жить аскетическою жизнью у Ченчи; расположеніе моей квартиры и мѣстоположеніе ея, Via Sistina, № 104, восхищали меня. Въ домѣ царствовала абсолютная тишина, и я много обязанъ успѣхомъ моей работы этой строгой обстановкѣ. Здѣсь посѣтилъ меня нашъ знаменитый труженикъ, писатель Михаилъ Петровичъ Погодинъ. Онъ удивлялся грандіозности моего замысла и, видя эту массу мѣди и ея тяжесть, онъ замѣтилъ, что даже кирпичи подъ моими ногами образовали яму, ибо мнѣ приходилось большую часть работы гравировать стоя. Въ это время мой хозяинъ Ченчи началъ сильно кашлять и видимо хилѣть; онъ былъ сухъ, какъ спичка, богомоленъ, какъ примѣрный аскетъ или отшельникъ, и строгъ въ соблюденіи своихъ правилъ по отношенію ко мнѣ. Однажды, я забылъ какъ-то ключъ отъ входной двери; сидя въ театрѣ, во время дѣйствія, вспоминаю о немъ, ищу его во всѣхъ карманахъ и, не находя злополучнаго ключа, зная порядокъ нашего дома, напередъ обрекаю себя ночевать на улицѣ. Въ театрѣ я былъ съ моимъ другомъ американцемъ Крауфордомъ, которому я высказалъ свое горе. Онъ удивился, какъ я могъ жить въ подобномъ невольничествѣ. Дѣлать нечего, подхожу къ дому, стучу, звоню въ входныя двери съ улицы, нѣтъ отвѣта. Это продолжалось съ часъ. Наконецъ, вижу, къ нашему дому приближается какая-то сгорбленная фигура и узнаю, что это моя старушка Маддалена, бывшая моя хозяйка нижняго этажа. Она начинаетъ

хохотать, говоря, что ея пророчество, о моемъ немилосердномъ хозяинѣ, сбылось: „онъ принадлежитъ къ самому строгому обществу іезуитовъ, подъ названіемъ Общество Каравита (Caravita), которые хлещутъ себя нагайками, составленными изъ семи концовъ, читая при этомъ псаломъ „Помилуй мя, Боже“. И вы отъ него ищете снисхожденія за то, что случайно забыли ключъ; пойдемте ко мнѣ, задняя комната у меня свободна, вы переночуете въ ней“.

Я такъ и сдѣлалъ; когда я возвратился на свою квартиру, хозяева съ изумленіемъ встрѣтили меня, извиняясь, что не слышали моего звонка. Не обращая вниманія на ихъ слова, я началъ мыться, завтракать, работать, и время пошло своимъ порядкомъ. Только на бѣду, не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ со мною повторилась та-же неосторожность. Опять въ театрѣ, въ 11 час. ночи, сидя въ партерѣ, я вспомнилъ: „Боже мой, ключа я не взялъ“; опять ищу—опять его нѣтъ; опять стучу и звоню. На этотъ разъ я не встрѣтилъ старушки Маддалены, да и комнаты у нея всѣ были заняты. Что дѣлать? Иду на площадь Колонны (Piazza Colonna); здѣсь, возлѣ почтамта, есть кофейная, которая не закрывается всю ночь, и гдѣ посѣтители могутъ сидѣть сколько угодно, только не засыпать; какъ скоро половой замѣтитъ, что глаза ихъ начинаютъ закрываться, онъ проситъ ихъ выйти. Во избѣжаніе сна, какой-нибудь забулдыга выпиваетъ здѣсь, въ теченіи ночи, до 8-ми или 10-ти чашекъ самаго невиннаго римскаго кофе, который состоитъ большею частью изъ жареныхъ бобовъ. Эта участь постигла и меня. Я безпрестанно угощалъ себя кофеемъ до 7 час. утра, и возвратился домой весьма раздраженный и озлобленный. Хозяева вновь были удивлены, и такъ какъ до срока моей квартиры оставалось всего нѣсколько дней, то я объявилъ имъ, что я болѣе не жилецъ у нихъ и что въ концѣ недѣли я выѣду. Они перепугались, но не рѣшились измѣнить принятый ими обычай. Я началъ искать квартиру и нашелъ отличную и недорогую на Испанской площади, лучшей во всемъ Римѣ; въ этомъ домѣ лучшія квартиры стоятъ лѣтомъ пустыя, а зимою отдаются, по май мѣсяцъ, за баснословную цѣну англичанамъ. Я занялъ верхъ; внизу жилъ скульпторъ г. Бранденбургъ. Привыкнувъ жить возлѣ хозяевъ въ совершенной безопасности, я долженъ былъ теперь

жить вполнѣ одинокимъ, что̀ оказалось крайне скучнымъ и небезопаснымъ. Не привыкшій завтракать и обѣдать внѣ дома, отвыкнувъ отъ ѣды въ кафе и отъ трактирныхъ обѣдовъ, я часто вспоминалъ моихъ затворниковъ Ченчи и восхищался ихъ строгимъ правиломъ, которое доставляло мнѣ спокойствіе. Живя у нихъ, я варилъ кофе на машинкѣ, обѣдъ-же мой состоялъ изъ бульона и хорошаго куска вареной говядины, къ которой прибавлялись овощи, и затѣмъ фрукты, смотря по времени года, и все это запивалось стаканомъ бѣлаго фраскатинскаго вина. Переѣхавъ на новую квартиру, я посѣщалъ трактиръ Габіоне (Gabione) „Клѣтка". И точно, онъ походилъ на клѣтку: надобно было спускаться въ комнаты подвальнаго этажа, гдѣ все было чисто, кушанья подавались вполнѣ римскія, свѣжія, безъ всякихъ прикрасъ. Не могу забыть блюдо il stuffatino (стуффатино), которое состоитъ изъ мяса, запеченнаго съ разными сортами зелени; мясо это кладутъ въ горшокъ, въ сыромъ видѣ, съ кореньями, затѣмъ крышка горшка герметично замазывается, и онъ ставится на горячую плиту; все это прѣетъ по нѣсколько часовъ, пока мясо сварится, или совершенно упрѣетъ; кушая его, просто пальчики себѣ оближешь. Въ трактирѣ Габіоне это блюдо приготовлялось nec plus ultra (хорошо), вино-же подавалось изъ собственныхъ виноградниковъ хозяина.

Посѣтители трактира были, большею частью, иностранные художники и мастеровой итальянскій народъ, которые строже судили о качествѣ пищи, нежели посѣтители извѣстныхъ въ Римѣ трактировъ Lepré (Заяцъ) или Scalinata (лѣстница), названный такъ потому, что онъ находился возлѣ чудной лѣстницы, ведущей съ Испанской площади на гору Пинчіо.

На новой аристократической квартирѣ работалось очень мало; проживъ на ней около шести мѣсяцевъ, однажды, рано утромъ, иду завтракать. Противъ моего дома находился римскій банкъ и возлѣ него гауптвахта; вижу, солдатъ, стоя у гауптвахты, дѣлаетъ рукою знакъ, подзывая меня. Я подхожу къ нему и онъ говоритъ, что, стоя на часахъ въ эту ночь, онъ замѣтилъ, когда луна вышла изъ-за тучъ, что нѣсколько человѣкъ стояло на улицѣ передъ моимъ домомъ, и что одинъ изъ нихъ лѣзъ на балконъ по закинутой веревкѣ. „Когда я остановился и началъ смотрѣть на нихъ, продолжалъ часовой,—человѣкъ, влѣзавшій по

веревкѣ, бросился внизъ, и всѣ они разбѣжались. Почему совѣтую вамъ быть осторожнымъ, иначе васъ убьютъ и ограбятъ".

Услыхавъ эту утѣшительную вѣсть, къ вечеру я отправляюсь къ моимъ старымъ хозяевамъ, ибо моя квартира какъ до меня, такъ и послѣ, все время стояла пустая,—я одинъ во всемъ Римѣ могъ согласиться на ихъ строгія условія. Звоню, хозяйка, отворивъ мнѣ дверь, едва не со слезами встрѣтила меня, описывая свою бѣдность, такъ какъ никто не хотѣлъ жить у нихъ. „Кажется, я довольно васъ наказалъ, теперь переѣзжаю къ вамъ вновь, сказалъ я старушкѣ, — и немедленно уплачу вамъ за шесть мѣсяцевъ впередъ". Старушка заплакала и обѣщалась каждый вечеръ, при уходѣ моемъ со двора, напоминать мнѣ о ключѣ. Боже мой, какъ я былъ радъ, очутившись на старомъ пепелищѣ!

До переѣзда моего, вторично, къ Ченчи, со мною приключился одинъ курьезный случай, о которомъ я не могу вспомнить безъ смѣха; я имѣлъ обыкновеніе приходить въ кофейню послѣ обѣда ранѣе другихъ нѣмцевъ, чтобы достать газету „Allgemeine Zeitung" и прочесть тѣ выдумки, которыя писались въ ней о Россіи. Мнѣ приходилось обыкновенно сидѣть въ кофейнѣ одному. Однажды, входитъ какой-то посѣтитель и спрашиваетъ въ полъ-голоса у кофейщика, кто я такой? Тотъ отвѣчаетъ ему потихоньку, что я русскій; тогда онъ подходитъ ко мнѣ и, извиняясь, что безпокоитъ меня, спрашиваетъ: „Правда-ли, что въ Римѣ есть русскій граверъ, который гравируетъ „Преображеніе" Рафаэля?"

Я чуть не разсмѣялся, но удержался и тотчасъ нашелся отвѣтить ему: „Вы правы, но онъ умеръ".

„Если такъ, то слава Богу!"—былъ его отвѣтъ, и онъ тотчасъ исчезъ.

Кофейщикъ-же, держа въ рукахъ свой кофейникъ, отъ души хохоталъ, зная изъ ежедневныхъ моихъ разговоровъ, чѣмъ я занимаюсь. Надобно замѣтить, что въ Италіи общее правило: проводить вечера въ кофейнѣ, и для сего у каждаго итальянца имѣется въ кофейной свое мѣсто, свои друзья, своя компанія, и если въ его домѣ что случится, или кто-нибудь его спрашиваетъ, то посылаютъ за нимъ въ его кофейную, гдѣ онъ непремѣнно засѣдаетъ. Слѣдуя этому обычаю, мы, иностранцы, также

выбирали себѣ для вечерняго пребыванія какую-нибудь кофейню и становились ея неизмѣнными посѣтителями. Моею излюбленною кофейнею, днемъ, была кофейня Лунджи, въ улицѣ Felice (Феличе). Здѣсь-то я и встрѣтилъ того господина, который предложилъ мнѣ столь странный вопросъ о моей гравюрѣ; въ тотъ-же день вечеромъ, въ 8 час., я опять былъ у Лунджи и мой любопытный незнакомецъ обратился ко мнѣ съ извиненіемъ за свой неосторожный вопросъ, а я извинился за данный мною ложный отвѣтъ. Мы сдѣлались затѣмъ друзьями. Это былъ Каппорали, художникъ, писавшій преимущественно виды и въ то-же время граверъ.

Вечера я проводилъ на Испанской площади, въ кофейнѣ Бонъ Густо (Bon Gusto) у кофейщика Надзари; тутъ собирался beau monde Рима и англичане. Пріятно было побесѣдовать здѣсь съ англійскимъ скульпторомъ Гибсономъ, живописцемъ Вильемсъ, Кольманомъ и др. Изъ русскихъ вѣрными посѣтителями этой кофейни были: Ѳ. А. Бруни, я, Томаринскій, Орловъ и др. Изъ римлянъ неизмѣннымъ гостемъ былъ Піетро Валати—художникъ, нѣсколько десятковъ лѣтъ изображавшій все однихъ и тѣхъ же кабановъ. И я долженъ признаться, что я одинъ забавлялъ это общество своими разсказами.

Какъ я уже сказалъ, я былъ радъ, что перешелъ на мою прежнюю квартиру и получилъ работу сперва отъ г. Классовскаго, для украшенія его книги „Помпея“, куда требовалось много досокъ съ гравюръ извѣстнаго изданія съ отлично исполненными копіями съ древней помпейской живописи подъ названіемъ „il museo Borbonico“ (Бурбонскій музей); съ этихъ гравюръ мнѣ было заказано сдѣлать нѣсколько досокъ. Имѣя небольшія средства, я не могъ отказаться отъ этой работы, къ тому же всегдашняя моя страсть была обзаводиться на лишнія деньги книгами и гравюрами. Мало кто изъ моихъ товарищей, кромѣ Ѳ. Ѳ. Рихтера, были богаче меня этимъ необходимымъ пособіемъ для науки и искусства.

Меня восхищали здѣшніе католическіе праздники; изъ нихъ самые интересные суть: Страстная недѣля, начиная съ Вербнаго воскресенья. Въ этотъ день я отправлялся въ церковь S-ta Maria in Ara-Coeli; это одна изъ древнѣйшихъ церквей, въ которую приходится подниматься по мучительной лѣстницѣ, начинающейся

у лѣстницы Капитолія. Меня восхищало здѣсь чтеніе евангелія, которое происходило на двухъ боковыхъ мраморныхъ балконахъ и называлось „il Passio“, т. е. страданіе. Для сего избирались отличные три голоса: басъ, теноръ и альтъ. Все, что́ относится въ Евангеліи до народа, читалось басомъ; все то, что́ относится до первосвященниковъ, осуждавшихъ по Евангелію Спасителя, читалось, или почти выкрикивалось, теноромъ; слова же Спасителя читалъ другой священникъ—альтъ. Эти чтецы — мастер своего дѣла: какъ начнется у нихъ перестрѣлка между народомъ и первосвященниками, или сильный теноръ первосвященника вопрошалъ Спасителя, который отвѣчалъ ему альтомъ, такъ просто бывало заслушаешься; выходилъ какой-то трагическій речитативъ, мастерски выполняемый. Эта церковь меня восхищала еще тѣмъ, что полъ ея весь покрытъ надписями и изображеніями, въ контурахъ, разныхъ лицъ, здѣсь схороненныхъ. Даже крестоносцы изображены тутъ со скрещенными одна на другую ногами, при этомъ вполнѣ вѣрно соблюденъ рисунокъ и костюмы того времени. Что за богатство въ Римѣ для желающаго съ пользою провести время!

Съ страстной среды начинаются уже атрибуты папской службы въ Сикстинской капеллѣ, гдѣ папскіе пѣвчіе поютъ знаменитое „Помилуй мя, Боже“. Въ это время, какъ и въ слѣдующіе два дня, эта небольшая, сравнительно, церковь бываетъ переполнена путешественниками, которыхъ наѣзжаетъ въ это время въ Римъ до 30,000, чтобы взглянуть на церемоніалъ папской службы. Вся эта масса народа спѣшитъ вечеромъ въ 5 часовъ въ Сикстинскую капеллу, гдѣ въ двухъ комнатахъ едва могло бы помѣститься 200 человѣкъ; но тутъ тѣснятся, среди нестерпимой жары, нѣсколько тысячъ человѣкъ. Въ капеллѣ стоитъ шандалъ, оканчивающійся треугольникомъ, на которомъ воткнуто по шести свѣчей съ каждой стороны, а на самомъ верху шандала зажигается 13-я свѣча; на тронѣ сидитъ папа, по сторонамъ же его сидятъ кардиналы, съ правой стороны стоятъ папскіе пѣвчіе. Начинается служба; ничего не понимая по латыни, иностранцы то и дѣло отираютъ потъ съ лица и посматриваютъ на шандалъ и его 13 свѣчей, которыя по маленьку гасятся. Промучившись цѣлыхъ два часа, уставши до нельзя, видишь, наконецъ, что всѣ свѣчи загашены;

тогда всѣ присутствующіе кардиналы начинаютъ речитативомъ псаломъ „Помилуй мя, Боже“; когда они окончатъ первый стихъ, начинается, можно смѣло сказать, божественное пѣніе пѣвчихъ. Затѣмъ кардиналы поютъ речитативомъ второй стихъ, вслѣдъ за ними повторяютъ его пѣвчіе, и такъ далѣе до конца псалма. Тѣмъ и оканчивается служба. Какъ бы человѣкъ ни былъ уставши, это пѣніе вознаграждаетъ его, и надобно сказать, что ни одна нація не въ состояніи исполнить его въ такомъ совершенствѣ. Палестрини, переложившій этотъ псаломъ на музыку, должно быть, былъ вдохновленъ самимъ Богомъ, а папскіе пѣвчіе, имѣя въ средѣ своей кастратовъ, которые всю жизнь сохраняютъ свой контральтовый голосъ, такъ превосходно знаютъ свои партіи, что этого нельзя ожидать отъ обыкновенныхъ пѣвчихъ. Голосъ мальчика спадаетъ, у кастрата же онъ сохраняется всю жизнь и совершенствуется въ чудномъ климатѣ Рима и среди народа, одареннаго вкусомъ къ музыкѣ и пѣнію. Слѣдственно, псаломъ „Miserere, mi Domini“ можно слышать только въ Римѣ; папское правительство очень хорошо знаетъ, что эта служба—главная приманка для иностранцевъ, съѣзжающихся въ Римъ, который они обогощаютъ; поэтому папа озабоченъ тѣмъ, чтобы пѣвчіе поддерживали свою славу.

Выйдя изъ Сикстинской капеллы, вы чувствуете страшную усталость; извощиковъ, кромѣ каретъ, въ Римѣ не имѣется, а соборъ св. Петра отстоитъ отъ квартала, населеннаго среднимъ классомъ, очень далеко; дойдя съ неимовѣрнымъ трудомъ до дома и сбросивъ съ себя одежду, я далъ себѣ слово, не смотря на испытанное наслажденіе, не ходить болѣе въ капеллу и, проживъ въ Римѣ 15 лѣтъ, я былъ въ ней всего одинъ только разъ.

Въ страстной четвергъ бываетъ церемонія перенесенія остіи или просфоры въ капеллу св. Павла, гдѣ она, закрытая воздухомъ, ставится на возвышеніе среди 1,000 зажженныхъ свѣчей. Затѣмъ папу вносятъ на балконъ, находящійся выше карнизовъ св. Петра, и онъ даетъ свое благословеніе народу при звукахъ военной музыки и пушечной пальбѣ съ зѝмка св. Ангела; обширная площадь передъ храмомъ св. Петра кажется въ эту минуту большимъ чернымъ пятномъ отъ массы войска и безчисленнаго множества народа, который стекается взглянуть на эту церемонію; затѣмъ папу несутъ внизъ, въ церковь св. Петра,

гдѣ ожидаютъ 12 священниковъ, выбираемыхъ изъ ксендзовъ всѣхъ странъ католическаго міра, отличившихся хорошимъ поведеніемъ и благочестіемъ. Они изображаютъ собою 12 апостоловъ, всѣ они одѣты въ бѣлыхъ саванахъ, съ высокою бѣлою шапкою на головѣ. Папа приближается къ нимъ опоясанный полотенцемъ, передъ нимъ держатъ большой серебряный тазъ. Подойдя къ первому священнику, который сидитъ съ обнаженною ногою, папа моетъ ее, вытираетъ и затѣмъ цѣлуетъ; тоже самое совершаетъ онъ по очереди съ остальными 11-ти священниками. Эго называется—омовеніе ногъ. Затѣмъ эти 12 священниковъ отправляются наверхъ, гдѣ накрытъ столъ, за которымъ самъ папа имъ прислуживаетъ; при концѣ обѣда каждый изъ нихъ получаетъ весь приборъ, т. е. ложку, вилку и ножикъ, и серебряную медаль на память этого дня.

Въ этотъ день многія благочестивыя дамы высшаго римскаго общества моютъ ноги бѣднымъ странникамъ, пришедшимъ на поклоненіе св. Петру, чтобы получить благословеніе папы и посѣтить семь церквей, такъ какъ вѣрующіе католики считаютъ, что тѣмъ прощаются послѣ исповѣди и причащенія всѣ грѣхи. Церковь, лучше сказать храмъ св. Петра, въ дни страстной недѣли представляетъ зрѣлище весьма назидательное: туда стекается масса странниковъ или пилигримовъ; у всѣхъ у нихъ на головѣ надѣта шляпа съ большими полями, плечи покрыты ниспадающимъ воротникомъ изъ клеенки съ пришитыми къ нему раковинами, въ рукахъ они имѣютъ большой шестъ съ крестомъ на оконечности. Всѣ эти богомольцы, стоя на колѣняхъ у разныхъ придѣловъ храма, усердно молятся и представляютъ собою картину, которая такъ и просится на холстъ. Тутъ видны и странницы, хотя крайне бѣдно одѣтыя, но въ живописныхъ костюмахъ и также съ шестами въ рукахъ; эти странницы, подобно странникамъ, могли бы быть украшеніемъ любой картины. Всѣ эти пилигримы и пилигримки приходятъ большею частью изъ горныхъ мѣстностей Неаполитанскаго королевства. Ихъ одежда и лица очень типичны, изъ нихъ многіе появляются теперь во Франціи, Англіи, Германіи и доходятъ даже до Петербурга. Этихъ пришельцевъ папа кормитъ, поитъ и даетъ имъ квартиру въ продолженіе всей страстной недѣли. Въ храмѣ св. Петра въ эти дни встрѣчается много иностранцевъ, разсма-

тривающихъ его изящныя сокровища. Въ страстной четвергъ все духовенство пріобщается, также какъ и монашествующіе; въ одномъ изъ придѣловъ храма совершается освященіе мура на потребу римскихъ и другихъ церквей папской области.

Я забылъ сказать, что въ Вербное воскресенье папа раздаетъ отлично вырѣзанныя и со вкусомъ украшенныя (вѣтви) въ видѣ вербы, которыя совершенно не сходны съ вербами восточной церкви. Онъ ихъ даетъ кардиналамъ, католическимъ посланникамъ и первымъ лицамъ высшаго римскаго дворянства. Для принятія этой вербы, получающій ее становится на колѣна передъ папою, сидящимъ на тронѣ, и цѣлуетъ папскую туфлю въ томъ мѣстѣ, на которомъ вытканъ золотой крестъ. Послѣ обѣдни, въ страстной четвергъ въ католическихъ церквахъ, особенно въ Римѣ, убираются всѣ украшенія, свѣчи болѣе не зажигаются, шандалы стоятъ опрокинутыми, въ колокола не звонятъ, дарохранильница открыта и въ ней не видать св. даровъ. Все это производитъ большое впечатлѣніе; болѣе всего дѣйствуетъ на воображеніе отсутствіе колокольнаго звона; даже городскіе часы не бьютъ,—словно вся улица замираетъ; тѣмъ болѣе это поражаетъ васъ въ Римѣ, гдѣ имѣется столько колоколовъ и бываетъ столько церковныхъ праздниковъ. Въ теченіе двухъ послѣднихъ дней страстной недѣли, отъ 11 часовъ четверга до 11 часовъ субботы, въ городѣ царствуетъ мертвая тишина. Взамѣнъ колокольнаго звона придуманы трещетки, съ которыми церковная прислуга ходитъ по улицамъ своего прихода каждый часъ, производя ими непріятный шумъ; рабочій народъ считаетъ съ помощью этихъ трещотокъ свои рабочіе часы.

Вечеръ страстнаго четверга весьма любопытенъ въ храмѣ св. Петра. По окончаніи вечерней службы, все духовенство этого храма попарно приближается къ алтарю, имѣя въ рукахъ, вмѣсто губокъ, отлично сдѣланныя широкія и короткія метелки. Алтарь стоитъ обнаженный, и на немъ ставятъ семь кувшинчиковъ съ ручками, изъ зеленаго стекла, наполненные святою водою; главный каноникъ св. Петра выливаетъ на алтарь всю воду изъ семи кувшинчиковъ, и первый начинаетъ, какъ будто, мыть его, проводя своею метелкою по поверхности алтаря; за нимъ дѣлаютъ тоже прочіе ксендзы, проводя губкою по поверх-

ности мраморной доски алтаря; это длится довольно долго, такъ какъ духовенства въ храмѣ св. Петра очень много. Все это совершается въ тишинѣ; въ это время не слыхать ни молитвы, ни звуковъ органа; въ соборѣ царствуетъ почти полная тѐмнота. На лѣвой сторонѣ храма, на огромной вышинѣ, имѣется мраморный балконъ; на немъ ставятъ нѣсколько горящихъ свѣчей; на этотъ балконъ входитъ каноникъ, держа въ рукахъ осыпанныя камнями реликвіи, какъ-то: полотенце св. Вероники съ изображеніемъ лика Спасителя, гвоздь отъ креста Спасителя и еще третью реликвію; среди мертвой тишины онъ благословляетъ ими съ этой высоты народъ, что̀ и составляетъ великолѣпную картину, которою я любовался во все время моего пребыванія въ Римѣ. Тѣмъ страстной четвергъ и оканчивается.

Вечеромъ всѣ пріѣзжіе отдыхаютъ, ибо нѣтъ гостя, который, проводя вечеръ въ кофейной, не жаловался бы на усталость, замѣчая, что всѣмъ, имъ видѣннымъ онъ восхищенъ, но что эти обряды восхитительны для юга Европы, но для сѣвера они не могутъ быть назидательны: сѣверянамъ нужна живая молитва, не запрещающая имъ по временамъ пофилософствовать, поэтому безотвѣтная католическая религія для нихъ неудобопонятна.

Настаетъ страстная пятница, всѣ церкви моются, службы нѣтъ, только въ предѣлѣ Креста Господня крестъ лежитъ на полу при зажженныхъ свѣчахъ; народъ молится и кладетъ деньги.

Иностранцы обходятъ въ этотъ день мастерскія художниковъ, покупаютъ и дѣлаютъ заказы. Это самый бойкій, дѣловой день, ибо. увидавъ все, что̀ вызываетъ любопытство,—карнавалъ и церемоніи страстной недѣли,—путешественники въ понедѣльникъ на Пасхѣ уѣзжаютъ изъ Рима.

Поотдохнувъ въ совершенной тишинѣ, Римъ готовится проснуться въ страстную субботу. Съ утра разъѣзжаютъ телѣжки съ букетами цвѣтовъ и разнозчики кричатъ: „Цвѣты! цвѣты!“ Въ римскихъ ресторанахъ существуетъ обычай украшать въ Пасху столы цвѣтами; у половыхъ-же въ этотъ день—обычай угощать своихъ посѣтителей кускомъ ветчины и краснымъ яичкомъ, а посѣтитель даритъ его монетою, смотря по средствамъ.

Въ 11 часовъ дня въ страстную субботу начинается въ церквахъ служба, за закрытыми церковными дверями. Всѣ свѣчи

въ храмахъ вновь зажигаются и народъ, входя въ открытыя двери церкви, поетъ побѣдоносную пѣснь „Слава въ Вышнихъ Богу"; вмѣстѣ съ тѣмъ начинается всюду торжественный звонъ, съ замка св. Ангела слышится пушечная пальба и, несмотря на запрещеніе правительства, всѣ жители Рима, до послѣдняго бѣдняка, стрѣляютъ изъ ружей. Невольно радуешься, видя эго торжество, которое невозможно описать, а надобно быть его очевидцемъ.

Итакъ, Римъ оживаетъ съ днемъ Свѣтлаго Христова Воскресенія Спасителя. Въ свѣтлый праздникъ спѣшишь къ обѣднѣ въ храмъ св. Петра; дорогою встрѣчаешь множество экипажей и кардинальскія кареты, въ которыхъ, въ пурпурѣ, сидятъ кардиналы,—всѣ, большею частью, сѣдые какъ лунь,—имѣя возлѣ себя своего исповѣдника, или кавалера, поддерживающаго полу, или шлейфъ кардинальской пурпуровой мантіи. Тучныя, какъ смоль черныя, лошади, разукрашенныя богатою блестящею сбруею, шорами и кистями, на головѣ и по бокамъ, тихо везутъ духовнаго наслѣдника престола, царство котораго не отъ міра сего. Высоко сидитъ на козлахъ кучеръ съ длиннымъ хлыстомъ въ рукахъ, и три тучныхъ лакея стоятъ на запяткахъ. Всѣ они одѣты въ богатыя ливреи и самая карета вызолочена и украшена художественно расписаннымъ на ней гербомъ. Все это тянется въ великолѣпный храмъ св. Петра, куда торжественно вносятъ самого папу на малиновомъ бархатномъ стулѣ и такого-же цвѣта носилкахъ; ихъ несутъ на плечахъ восемь носильщиковъ въ богатыхъ платьяхъ, т. е. курткахъ съ коротенькими штанами и въ пунцовыхъ чулкахъ; они искусно поддерживаютъ носилки, на которыхъ сидитъ папа. По бокамъ, съ обѣихъ сторонъ, несутъ опахала, украшенныя страусовыми перьями, какъ-бы защищая ими папу отъ вѣтра; этотъ обычай заимствованъ, какъ говорятъ, отъ индійскихъ моголовъ. До внесенія папы въ церковь, идетъ церемоніальнымъ шествіемъ весь его придворный штатъ; каждый изъ служителей несетъ что-либо, кто корону, кто другое какое украшеніе: тіару и т. д. Вся эта слава, все это богатство принадлежатъ намѣстнику св. Петра, котораго скромное занятіе—была рыбная ловля. Святой отецъ, во время церемоніи, сидитъ въ тіарѣ и покрытъ серебряною глазетовою мантіею, эфектно распущенною у его ногъ; онъ держитъ глаза закрытыми, благословляя народъ пра-

вою рукою. Папу приносятъ къ богато украшенному малиновымъ дамаскомъ алтарю, гдѣ, помолившись, начинаютъ облачать его. Самый интересный моментъ папской службы: когда папа возноситъ остію, тогда трубачи, помѣщающіеся на балконѣ, надъ входною дверью въ соборъ св. Петра, играютъ гимнъ, поразительный по своей гармоніи. Для посѣтителей устраиваются мѣста и хотя билеты на эти мѣста должны быть даровые, но они обходятся гостямъ весьма дорого. По окончаніи обѣдни, папа, тѣмъ-же порядкомъ, возвращается въ свои покои. Остается увидать вечеромъ того-же дня иллюминацію св. Петра. Она въ высшей степени эффектна. Вначалѣ плошки и шкалики прикрыты бѣлою бумагою, поэтому они проливаютъ мягкій свѣтъ, обрисовывая контуръ великолѣпнаго купола—чудо искусства Микель-Анджело. По истеченіи часа, свѣтлый огонекъ сбѣгаетъ съ оконечности креста, и куполъ въ одинъ моментъ весь горитъ блестящимъ огнемъ. Я никакъ не могъ себѣ представить, какъ это дѣлается, пока мнѣ не объяснили, что это дѣлается самымъ простымъ образомъ, именно: у каждаго шкалика, прикрытаго бумагою находится незажженая большая плошка, наполненная саломъ, сверху соломою и сѣномъ; невдалекѣ отъ нея сидитъ съ фитилемъ служитель и въ данный моментъ зажигаетъ солому, отъ которой загорается большая свѣтильня, пропитанная саломъ. Эти плошки горятъ сильнымъ свѣтомъ, такъ что свѣтъ шкаликовъ становится совершенно незамѣтнымъ, и куполъ освѣщается яркимъ огнемъ.

Служителя собора св. Петра представляютъ собою совершенно особый классъ людей; они весь годъ живутъ въ церкви св. Петра, имѣя квартиры гдѣ-то на высотѣ этого огромнаго зданія. Служитель, находящійся на самой вышинѣ креста, зная опасность, которой онъ подвергается отъ вѣтра и другихъ случайностей, въ страстную субботу, наканунѣ иллюминаціи, ежегодно, исповѣдуется и пріобщается.

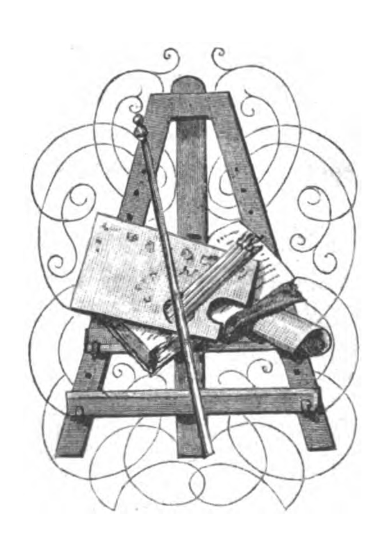
За иллюминаціею слѣдуетъ фейерверкъ въ зàмкѣ св. Ангела, на берегу рѣки Тибра. Мѣстоположеніе зàмка придаетъ этому зрѣлищу волшебный видъ; этотъ фейерверкъ называется ля-Жирондола (la Girondola). Трудно описать, какую прелестную картину представляетъ эта масса, отражаясь на темномъ фонѣ зàмка; всевозможные огни взлетаютъ на воздухъ при страшной

трескотнѣ, производимой бураками и пушечною пальбою, и всѣ они отражаются въ водѣ. Какъ скоро кончается этотъ фейерверкъ, съ нимъ кончается и все достойное вниманія въ Римѣ до слѣдующаго ноября мѣсяца, когда въ святомъ городѣ вновь начнутъ появляться, какъ перелетныя птички, англичане и русскіе; блаженъ тотъ художникъ и вообще всякій трудящійся человѣкъ, который за лѣто успѣетъ къ этому времени скопить что-нибудь, ибо отъ римлянъ и вообще отъ итальянцевъ, по пословицѣ, „какъ отъ козла, ни шерсти, ни молока“.

Ѳ. И. Іорданъ.

Сообщ. **В. А. Іорданъ.**

[Продолженіе слѣдуетъ].

ДНЕВНИКЪ ГРАФА ПЕТРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ВАЛУЕВА

1847—1860 гг.

1858 г. [1]).

С.-Петербургъ, 2 декабря 1858 г. Въ моемъ дневникѣ пробѣлъ порядочный,—съ 15 сентября 1857 г. Многое за мною,—и Митава, и губернаторство, и пребываніе въ Петербургѣ прошлою зимою, и лѣто въ Дуббельнѣ, и поѣздка по западнымъ губерніямъ, и начатки моей дѣятельности на новомъ поприщѣ. Пополнять этотъ пробѣлъ некогда. Принимаюсь вновь за дневникъ съ сего числа. На долго-ли? Чѣмъ наполнится онъ? О томъ вѣдаетъ одинъ Богъ.

3 декабря. Утромъ былъ у министра [госуд. имущ.]. Неутѣшительное направленіе. Потомъ въ департаментѣ. Обѣдалъ у Штиглица съ Гернгросомъ [Н. А.], Грейгами и г. Coudurat. Вечеромъ дома. Голова устала. Къ работѣ мало охоты.

4 декабря. Былъ у В. С. Ланской. Потомъ въ департаментѣ. Вечеромъ у вел. княгини Елены Павловны, подъ фирмою княжны Львовой (т. е. мы приглашались къ княжнѣ (?) Львовой). Музыкальный вечеръ. M-me Bosio, Delcassini, Calzolari. Сей послѣдній началъ съ одной кошачьей ноты, продолжалъ другою, и затѣмъ присоединилъ къ нимъ въ теченіе вечера еще нѣсколько имъ подобныхъ. Превосходный пѣвецъ былъ охрипши и мнѣ было его весьма жаль. На

[1]) См. „Русскую Старину“, изд. 1891 г., т. LXX, апрѣль, стр. 167—182; май, стр. 339—360; іюнь, стр. 603—616: томъ LXXI, іюль, стр. 71—82.

вечерѣ присутствовали государь и императрица Марія Александровна. Мухановъ говорилъ мнѣ, что знаетъ навѣрно, что государь имѣетъ меня въ виду для какого-то высшаго назначенія и такъ кому-то отозвался. Вѣроятно, въ разговорѣ съ Ковалевскимъ, который предлагалъ меня въ попечители Московскаго университета.

5 декабря. Кн. Суворовъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Ѣздилъ къ нему записаться.

1859 г.

10 января. Заботы свои о Балтійскомъ краѣ кн. Суворовъ здѣсь пока проявилъ только тѣмъ, что устроилъ производство Гернгроса въ дѣйствит. статскіе совѣтники. Король прусскій пожаловалъ князю ленту краснаго орла. До чего же дѣло послѣ этого!

Кн. Оболенскаго, говорятъ, предназначаютъ въ оберъ-прокуроры св. синода. Исаковъ назначенъ попечителемъ въ Москву.

11 января. Утромъ у министра, гдѣ просидѣлъ 1½ часа, вмѣсто обѣдни. Обѣдалъ у Штиглица, въ честь „превосходительства“ Гернгроса.

Вечеромъ у меня былъ (кн. Д. А.) Оболенскій. Съ нимъ вмѣстѣ у Мещерскихъ. Оболенскій принадлежитъ къ славянской школѣ. Европеизма мало.

12 января. Утромъ въ департаментѣ.

Докладной день. Поэтому вечеромъ у министра до ½ 12-го. Государь разрѣшилъ сегодня продажу прибалтійскихъ имѣній, но дѣло еще пойдетъ въ совѣтъ министровъ. Муравьеву что-нибудь да не удалось при докладѣ сегодня. Но что именно?

Отъ него на балъ у кн. Долгорукова. Видѣлъ много знакомыхъ людей на балѣ, между прочимъ Хитрову (Pauline), которую не видалъ съ 1839 г. Двадцать лѣтъ,—и она почти не перемѣнилась!

Кн. Суворовъ сказалъ мнѣ, что онъ имѣлъ длинное объясненіе съ императрицею, изъ котораго, между прочимъ, угадалъ, что она меня прочитъ въ государственные секретари.

14 января. Кн. Суворовъ опять на охотѣ съ государемъ. Сегодня былъ у меня пріѣхавшій изъ Гродно ст. сов. Силовичъ и три люстратора, вызванные Гедиминымъ.

16 января. Сегодня кончилъ записку по вопросу о выкупѣ, составленную мною по порученію кн. Суворова, или точнѣе — по его желанію, вслѣдствіе разговора съ нимъ 10-го числа.

17 января. Утромъ у министра. Оболенскому отказано въ

покровительствѣ и содѣйствіи министерства за виньетку на его изданіи, т. е. за топоръ надъ плетью, который помѣщенъ въ этой виньеткѣ. Лоде надоумилъ министра, что это красно и означаетъ топоръ, взнесенный надъ помѣщиками. Оболенскій увѣряетъ, что это должно было обозначать опасность непросвѣщеннаго насилія, ибо тогда можетъ взять верхъ грубая сила. Такъ, но неудачно, ибо выходитъ, что виньетка для правительства, а книга для народа. Мнѣ впрочемъ не понравилось озлобленіе Оболенскаго противъ Заблоцкаго, котораго, изъ соперничества „Земледѣльческой Газеты", онъ считалъ въ настоящемъ случаѣ своимъ лиходѣемъ, и стараніе оправдаться отзывомъ „Морскаго Сборника" и штаба великаго князя.

Вечеромъ былъ у Шувалова. Братъ его пороль жестокую дичь о горнозаводскихъ крестьянахъ.

18 января. Утромъ у министра и у обѣдни. День—дома. Читалъ нѣсколько №№ овъ „Атенея" и альманахъ „Утро". Непостижимо какъ все новѣйшее односторонне направлено къ порицанію правительства и къ возбужденію противъ него ненависти. Меня въ особенности возмущаетъ и раздражаетъ наглость (Вас. Александровича) Кокорева.

19 января. Докладной день. Утромъ менѣе дѣла, чѣмъ обыкновенно, потому что товарищъ министра уѣхалъ на охоту. Былъ у кн. Суворова, который по обыкновенію паритъ въ седьмомъ небѣ придворнаго фавёра.

Вечеромъ, до ³/₄ 1-го часа у министра, который передалъ мнѣ свой разговоръ съ государемъ при докладѣ сегодня утромъ. Онъ почти предложилъ свой arcanum опыта надъ „группою губерній". Государь сказалъ: „да, надобно быть очень осторожнымъ".

20 января. Утромъ въ департаментѣ. Обѣдалъ у гр. Нессельроде. Вечеромъ дома.

21 января. Утромъ въ департаментѣ. Затѣмъ дома.

Горизонтъ печаленъ и теменъ. Душа болѣетъ. Сердце болѣе и болѣе наболѣваетъ. Страданіе опять становится для меня занятіемъ. О независимость! О блаженство того, кто по крайней мѣрѣ знаетъ, что кромѣ особыхъ несчастій, не всегда ниспосылаемыхъ Богомъ, онъ обезпеченъ насчетъ слѣдующаго дня, и главное — его семья обезпечена! Но не грѣшно-ли такъ чувствовать? Развѣ безъ воли Божіей и я могу быть не обезпеченнымъ? Да будетъ Его воля!

22 января. Былъ въ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ Зеленаго (А. А.). Съ какимъ остервененіемъ Соловьевъ нападаетъ на остзейцевъ и на „феодализмъ". Ce n'est ni un whig, ni un radical, ni un jacobin. Il y a du démagogue allemand là dedans. Ils sentent

toujours plus la roture que tous les autres. Странно, что у насъ люди безсознательно сбиваются на нѣмецкій ладъ, ругая нѣмцевъ. Славянофилы—нѣмецкіе педанты. Наши ультра-либералы—нѣмецкіе демагоги.

Сегодня въ совѣтѣ министровъ рѣшенъ вопросъ объ отчужденіи нѣкоторыхъ остзейскихъ имѣній.

23-го января. Утромъ у министра, который пространно разсказывалъ о вчерашнемъ засѣданіи совѣта министровъ. Вопросы объ отчужденіи остзейскихъ имѣній прошли безъ всякихъ затрудненій. Продажу эстляндскихъ имѣній повелѣно произвести безъ дальнѣйшаго представленія государю чрезъ комитетъ министровъ. Пунктъ предположеній о предоставленіи дворянскимъ корпораціямъ преимущественнаго права купли исключенъ brevi manu, вслѣдствіе замѣчанія, сдѣланнаго Чевкинымъ. Никто не возразилъ на это замѣчаніе и государь кивнулъ головою въ знакъ согласія.

Затѣмъ происходило продолжительное и жаркое преніе о порядкѣ утвержденія постановленій остзейскаго комитета по дѣлу объ эстляндскихъ крестьянахъ. Вопросъ былъ въ томъ, утверждать-ли ихъ законодательнымъ порядкомъ черезъ Государственный совѣтъ, или безъ этой формы, въ порядкѣ административномъ. Члены совѣта, исключая министра внутреннихъ дѣлъ, единогласно стояли за послѣднее, находя неудобнымъ законодательное утвержденіе столь неудовлетворительныхъ мѣроположеній въ то самое время, когда въ Россіи правительство дѣйствуетъ на основаніяхъ совершенно иныхъ и требуетъ далеко рѣшительнѣйшаго улучшенія быта крестьянъ. Съ этими аргументами сочетовались нѣкоторыя нѣмцофобическія тенденціи. Ланской слабо поддерживалъ государя, который съ большимъ жаромъ нѣсколько разъ упоминалъ объ обѣщаніяхъ, данныхъ его родителемъ остзейскимъ дворянскимъ корпораціямъ, о своемъ собственномъ словѣ, о намѣреніи сдержать его и т. п. Дѣло кончилось утвержденіемъ на три года, какъ говорилъ министръ,—но какимъ путемъ,—въ точности не объяснилъ. Вообще, что-то осталось недосказаннымъ. Одно ясно. Муравьевъ держится за Орлова и Панина. Отношенія къ Ростовцеву ненадежныя. Къ государю—сомнительныя.

Днемъ былъ у Медема, у Гернгроса и въ департаментѣ. Вечеромъ дома.

Сегодня балъ у Паниныхъ, куда я не ѣду, и была свадьба кн. Горчакова съ Вѣрою Бекъ (Бокъ?).

24-го января. Утромъ заходилъ къ Эттингену, который говорилъ, что кн. Суворовъ уже бушевалъ во дворцѣ, со всѣмъ ему свойствен-

нымъ безтолковымъ жаромъ, по поводу новаго фазиса эстляндскаго дѣла. Подробностей Эттингенъ не зналъ.

Былъ въ департаментѣ, гдѣ видѣлъ Лашкарева, возвратившагося изъ Минска. Получилъ черезъ него трогательно-любезное письмо отъ графини Келлеръ.

Вечеромъ у Шувалова. Андрей Шуваловъ на пути сумасшествія по крестьянскому дѣлу. Онъ заговорилъ меня почти до обморока. Видѣлся тамъ съ кн. Дондуковымъ.

25-го января. У обѣдни въ министерствѣ [удѣловъ]. Былъ у кн. Горчакова, для сообщенія ему давно занимающей меня мысли объ изданіи журнала, который могъ-бы противодѣйствовать нынѣшнимъ тенденціямъ всѣхъ нашихъ періодическихъ изданій. Былъ съ тѣмъ, что дамъ ходъ этому предположенію, если застану кн. Горчакова,—и отложу дѣло, если не застану. Я его не видалъ: слѣдовательно дѣло отложено.

Встрѣтилъ государя. Выраженіе лица угрюмое. Il y a de quoi, au reste.

Остальную часть дня провелъ дома. Читалъ статью Lavergne: Effets de la révolution sur l'agriculture en France. Замѣчательна, и для насъ можетъ быть поучительною.

26-го января. Докладной день. Утромъ въ департаментѣ. Вечеромъ до $1^1/_4$ ч. ночи у министра.

27-го января. Утромъ въ департаментѣ. Вечеромъ дома. Читалъ. Теперь это такъ рѣдко мнѣ возможно. Стихи Хомякова: Благочестивому меценату,

„Въ часъ полночный, близь потока"

въ альманахѣ „Утро", говорятъ, обращены къ государю.

28-го января. Утромъ въ департаментѣ. Тамъ былъ у меня бар. Вольфъ, съ предложеніемъ директорства въ обществѣ Ловатьскаго желѣзнаго завода.

Вечеромъ въ засѣданіи ревизіонной коммиссіи географическаго общества.

29-го января. Утромъ въ департаментѣ и у министра, который опять двигаетъ дѣло о подчиненіи мнѣ департамента сельскаго хозяйства.

9-го февраля. Вопросъ о подчиненіи мнѣ департамента сельскаго хозяйства рѣшенъ. Сегодня государю о томъ доложено. Исполненіе отсрочено до конца недѣли.

10-го февраля. Утромъ въ департаментѣ. 2-е засѣданіе удѣльнаго комитета. Вечеромъ дома. На московской желѣзной дорогѣ

случилось, говорятъ, большое несчастіе, но ничего еще неизвѣстно положительно.

12-го февраля. Слухъ о несчастіи на московской желѣзной дорогѣ не подтвердился.

Утромъ въ департаментѣ, заѣхавъ предварительно къ гр. Ламберту и Вал. Канкрину. Вечеромъ дома.

13-го февраля. Утромъ въ департаментѣ. Вечеромъ Оболенскій присылалъ мнѣ для прочтенія журналъ комиссіи изъ членовъ государственнаго совѣта (баронъ М. А. Корфъ, гр. Гурьевъ и, кажется, Бахтинъ), разсматривавшей отчетъ гр. Панина. Не знаешь чему больше удивляться: нелѣпостямъ отчета, или наивностямъ комиссіи.

Позже у вел. княгини Елены Павловны... Ланской вдругъ сказалъ мнѣ: „ne vous engagez pas; d'ici à quelque temps, dans quelques jours peut-être, j'aurai des propositions à vous faire".

14-го февраля. Утромъ у министра. Черезъ два дня принимаю департаментъ сельскаго хозяйства. Это не очень гармонируетъ съ предложеніемъ Ланского. Потомъ въ департаментѣ. 3-е засѣданіе удѣльной комиссіи.

15-го февраля. Утромъ у обѣдни. Потомъ визитъ къ римско-католическимъ новопосвященнымъ прелатамъ.

Днемъ на представленіи „Горе отъ ума" аматёрами въ домѣ кн. Бѣлосельской. Исполненіе образцовое. Г. Маркевичъ (Чацкій), г. (Ушаковъ) (Фамусовъ) и Вѣра Васильевна Самойлова-Мичурина (Софья) были превосходны [1]).

Вечеромъ заѣзжалъ къ Грейгамъ.

16-го февраля. Утромъ въ департаментѣ.

Вечеромъ у принцессы Ольденбургской. Ужиналъ за столомъ императрицы, по ея назначенію. Честь безмолвная, ибо она только сказала мнѣ: „mettez vous près d'une dame". У принцессы былъ сперва полудѣтскій балъ, т. н. leçon de danse. Потомъ смѣшанное представленіе „Ballet und Gesang", между прочимъ сочиненная принцемъ баллада „die Geschwister", соединеніе пѣсни съ танцомъ. Братъ— пѣвецъ, сестра—танцовщица,—подъ одну музыку. Г-жа Муравьева (танцовщица) весьма удачно выполнила свою роль.

---

[1]) Представленіе было дѣйствительно великолѣпно по обстановкѣ и въ особенности по выполненію. Намъ, тогда еще 22-хъ лѣтнему молодому человѣку, довелось быть участникомъ этого спектакля въ весьма маленькой роли. Весь спектакль оставилъ въ насъ глубокое впечатлѣніе: лучшихъ Чацкаго-Маркевичъ и Софьи Павловны — В. В. Мичурина Самойлова) намъ во всю жизнь не довелось видѣть. Ред.

Изъ дворца, въ 12-мъ часу ночи, къ министру. Докладъ до 2-го часу утра.

17-го февраля. Утромъ у министра. Потомъ въ департаментахъ. Принялъ деп-тъ сельскаго хозяйства. Засѣданіе совѣта. Обѣдалъ у Канкрина, съ Васильчиковымъ, Ламбертомъ и А. Голицынымъ.

18-го февраля. Утромъ въ $^1/_2$ 12-го ч. Николай Вакульскій [1]) и его сестра Ольга уѣхали по жел. дорогѣ въ Москву, откуда слѣдуютъ далѣе въ Иркутскъ.

Былъ въ деп-тахъ. Вечеромъ въ италіянской оперѣ, гдѣ давали une macédoine изъ разныхъ оперъ со сценою „Дмитрій Донской" pour bouquet. Тамберликъ пѣлъ по-русски глупыя слова: „кровь проливатт, Россію продатт, Россію спасатт," и т. п.

19-го февраля. Утромъ дома, по случаю табельнаго дня. Былъ у меня Оболенскій. Длинный съ нимъ разговоръ на тему нынѣшняго быта нашей церкви. Онъ явно принадлежитъ къ ультра-православію и славянофилизму.

Вечеромъ балъ у вел. князя Николая Николаевича до $3^1/_2$ час. утра.

20-го февраля. Утромъ у министра и въ департаментахъ.

Вечеромъ балъ въ Эрмитажѣ. Такъ наз. Павильонная (или бѣлая мраморная) зала прекрасна вечеромъ. Ужинъ въ превращенномъ въ павильонъ зимнемъ саду, въ формѣ сюрприза. Внезапно отдернули занавѣсы, отворили двери и проч. Оберъ-гофмаршалъ гр. Шуваловъ и гофмейстеръ Толстой торжествовали, будто спасли Севастополь.

Княжна А. Д. люто преслѣдуетъ N N. Когда онъ сѣлъ ужинать въ Романовской галлереѣ, гдѣ кромѣ кавалеровъ никого не было, и притомъ за самымъ дальнимъ столомъ, она вдругъ явилась и съ боя взяла мѣсто подлѣ него. Увы! Онъ плохо защищается.

Ростовцевъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи для редакціи новаго положенія о крестьянахъ. При этомъ ему предоставлены: докладъ государю, составленіе комиссіи по своему усмотрѣнію, право требовать неограниченнаго кредита отъ мин-ва госуд. имуществъ. Муравьевъ полагаетъ, что пріобрѣлъ важный успѣхъ, ограничивъ этотъ кредитъ, на первый разъ, суммою 140 т. р., гдѣ-то насчитанной en expectative. Главное то, что теперь все дѣло въ рукахъ у Ростовцева.

22-го февраля. Folle journée. Déjeuner dansant въ Эрмитажѣ. Балъ въ праздничной формѣ въ бѣлой залѣ. —И только.

---

[1]) Братъ Анны Ивановны Валуевой, супруги автора. Н. В.

23-го февраля. Утромъ въ департаментахъ. Докладной день. Вечеромъ у министра до ½ 1-го ч. ночи.

24-го февраля. Утромъ въ департаментахъ и у Лоде, который боленъ служебнымъ недочетомъ, почти доведшимъ его до нервической горячки. Вечеромъ дома.

25-го февраля. Утромъ у министра. Потомъ въ департаментахъ. 4-е засѣданіе удѣльно-домэнной комиссіи.

14-го марта. Много работы по составленію отчета. Муравьевъ фантазируетъ, а мнѣ слѣдуетъ сочинять мысли и выводить результаты его дѣятельности. Il y a de sa part une préoccupation saillante,—celle de se bien faire valoir.

15-го марта. Цѣлый день дома. Нездоровье, работа, заботы.

16-го марта. Утромъ дома. Читалъ; работалъ. Вечеромъ до 1¼ ч. ночи у министра съ докладомъ. Онъ не сказалъ ни слова обо мнѣ, хотя видѣлъ государя утромъ и, конечно, обо мнѣ докладывалъ. Слѣдовательно, до будущаго понедѣльника. Похоже на указъ. Хитеръ Михаилъ Николаевичъ, но неувѣренъ въ своей непроницаемости и потому не выноситъ прямаго взгляда въ глаза. Онъ подозрѣваетъ меня и Зеленаго въ стачкѣ. Онъ измѣняется въ лицѣ, когда я произношу имя Зеленаго.

17-го марта. Утромъ въ департаментахъ. 12-е и послѣднее засѣданіе удѣльно-домэнной комиссіи. Ея предположенія подписаны и отправлены къ министру. Ананьевъ и другіе ими весьма довольны.

Я нахожу ихъ посредственными.

Вечеромъ дома. Былъ у меня кн. Сергѣй Щербатовъ. Я его не видалъ 23 года. Въ былое время онъ иногда служилъ de chaperon мнѣ, впервые появлявшемуся dans le monde юношѣ.—Москва. Вечера у Рябининыхъ. Лунныя прогулки мимо Колымажнаго двора. Красный снурокъ А. и вальсъ М. Какъ давно минуло все это!

18-го марта. Утромъ въ департаментахъ. Вечеромъ дома. Сердце сжато;—но, конечно, не оффиціальными заботами.

19-го марта. Утромъ въ департаментахъ. Видѣлъ Зеленаго, который возвратился съ охоты, устроенной для государя въ Лисинѣ. Онъ передавалъ, что за обѣдомъ, при государѣ, Огаревъ громко сказалъ ему, что я оставляю министерство. Странно. Всѣ эти толки несогласны съ version Mouravieff. Въ прошлый понедѣльникъ во всякомъ случаѣ вопросъ не рѣшенъ. Лазаревскій положительно сказалъ Р—му, что Муравьевъ ничего не узналъ.

20-го марта. Докладной день по департаменту сельскаго хозяйства. Министръ говорилъ о своихъ намѣреніяхъ насчетъ испрошенія для меня званія статсъ-секретаря и производства въ слѣдующій

чинъ. Просилъ спѣшить теперь отчетомъ. Вѣроятно, расчитываетъ на произведеніе благопріятнаго впечатлѣнія передъ Пасхою.

Вечеромъ дома. Работалъ до 2-хъ ч. ночи. У меня былъ Лоде, который невыносимо тяжелъ.

21-го марта. Утромъ въ департаментахъ. Вечеромъ дома. Видѣлъ пріѣхавшаго изъ Риги Т. Фелькерзама.

22-го марта. Утромъ у обѣдни. Обѣдалъ у Паскевича. Вечеромъ дома.

23-го марта. Утромъ въ департаментахъ. Вечеромъ докладъ по 2-му департаменту до $1^3/_4$ ч. ночи.

24-го марта. Утромъ въ департаментахъ. Вечеромъ дома. Боленъ.

25-го марта. Утромъ у обѣдни. Цѣлый день дома. Боленъ.

26-го марта. Днемъ дома, по нездоровью. Кончилъ и отправилъ къ министру проектъ отчета.

Вечеромъ у вел. кн. Елены Павловны, подъ фирмою княжны Львовой. Вел. княгиня спрашивала о Муравьевѣ и о томъ, что̀ дѣлается у насъ въ министерствѣ. Императрица спрашивала о Муравьевѣ и о томъ, что̀ онъ дѣлаетъ. Разговоръ былъ довольно странный. Императрица явно выражала недовѣріе къ министру, и у меня, подчиненнаго этого министра, спрашивала мнѣнія насчетъ его направленія и его дѣйствій. Мнѣ было весьма трудно соблюсти при этомъ надлежащую середину между безоговорочною правдою и оговорками, перестающими быть правдою. Я сказалъ, впрочемъ, безъ обиняковъ, что если бы ген. Муравьевъ былъ болѣе увѣренъ въ своемъ личномъ положеніи, онъ бы иногда дѣйствовалъ иначе, ибо la préocupation de prouver que l'on est utile gêne quelquefois les mouvements de celui qui pourrait l'être en effet.

Иванъ Матвѣевичъ Толстой спрашивалъ меня, буду-ли я товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Грейгъ говорилъ, что буду назначенъ имъ сегодня. Все та же пѣснь. Ланской мнѣ не сказалъ ни слова и я избѣгалъ разговора съ нимъ. Savez vous, сказалъ я Толстому, que c'est à vous que l'on attribue la première idée du congrès? Онъ отговаривался съ явнымъ удовольствіемъ и явнымъ желаніемъ, чтобы продолжали ему приписывать эту мысль. Эти опыты быть любезнымъ всегда удаются.

Видѣлъ (кн. С. Н.) Урусова, недавно назначеннаго на мѣсто Сербиновича въ синодальное вѣдомство. Онъ, кажется, слѣдуетъ правильному направленію. Но нужно повѣрить слова дѣлами.

27-го марта. Докладъ по департаменту сельскаго хозяйства. Вечеромъ дома. Пріѣхали изъ Риги Гернгросъ и А. Кубе.

28-го марта. Все боленъ. Утромъ былъ однако въ департамен-

тахъ. Обѣдалъ у вел. княгини Елены Павловны. Она была весьма любезна ко мнѣ. Къ столу были: цесаревичъ (Николай Александровичъ), бар. Ливенъ, кн. Урусовъ, гр-ня Блудова, полк. Рихтеръ, Мансуровъ. Послѣдній женится на княжнѣ Долгоруковой, а между тѣмъ, ѣдетъ на дняхъ въ Палермо, чтобы оттуда сопровождать вел. кн. Константина Николаевича въ Іерусалимъ.

29-го марта. Утромъ у министра. Весь день дома, за работой. Нездоровье продолжается.

30-го марта. Государь подписалъ указъ о производствѣ меня въ тайные совѣтники и о назначеніи статсъ-секретаремъ. Первое объявить 12-го, второе—17-го. Государь сказалъ:

— „Я самъ хотѣлъ назначить его статсъ-секретаремъ".

Обѣдалъ у ихъ величествъ, съ Ланскимъ, гр. Ламбертомъ, гр. Бергомъ, кн. Салтыковымъ и кн. Вяземскимъ. Государь не сказалъ ни слова о производствѣ и назначеніи, но весьма крѣпко пожалъ руку. Послѣ обѣда онъ говорилъ о дѣлахъ министерства. Императрица весьма любезно сказала мнѣ, что она вспомнила мои слова, сказанныя на вечерѣ у вел. княгини Елены Павловны, и на другой же день пожелала réparer ses torts auprès de mon ministre et lui montrer qu'elle le remettait en ses bonnes grâces.

Вечеромъ докладъ по 2-му департаменту до 1 ч. ночи.

31-го марта. Утромъ въ департаментахъ. Вечеромъ дома. Отчетъ министра все убиваетъ у меня дни, а кашель мучаетъ.

Народъ любитъ государя. Вездѣ, гдѣ его можно видѣть, стоитъ толпа.

1 апрѣля. Утромъ въ департаментахъ. Вечеромъ дома.

2-го апрѣля. Утромъ въ деп—тахъ. Вечеромъ soirée de tableux etc. у вел. княгини Елены Павловны, подъ фирмою княжны Львовой. Нездоровье продолжается. Я совершенно разбитъ кашлемъ.

3-го апрѣля. Докладъ по д—ту сельскаго хозяйства. Обѣдалъ у Вяземскихъ Вечеромъ дома.

4-го апрѣля. Утромъ у министра и въ деп—тахъ. Вечеромъ у всенощной. Потомъ дома.

Сегодня мимо моихъ оконъ [1]) отвезли на безгласное кладбище бѣдную Bosio. Я ея не зналъ лично, но кажется, будто бы я въ ней лишился кого-то роднаго, близкаго сердцу. Такъ и всѣмъ чудится. Я не могу вспомнить безъ умиленія ея первой и послѣдней сценъ въ Травіатѣ. Никогда, нигдѣ, никто не производилъ на меня

---

[1]) П. А. Валуевъ жилъ въ то время на литейномъ пр. въ домѣ Шпигельберга (нынѣ д. № 35-й).

Н. В.

въ этой оперѣ такого впечатлѣнія. Она будто чуяла духомъ, что ей суждено умереть отъ болѣзни, похожей на ту, отъ которой умираетъ Маргарита Готье, и оттого такъ вдохновенно выполняла всю эту роль. Gioja!—Follia!—Ah!—Въ этихъ трехъ звукахъ была цѣлая поэма.

8-го апрѣля. Утромъ у министра въ деп—тахъ. Вечеромъ дома. Въ газетахъ напечатано, что (Никол. Алексѣев.) Милютинъ назначенъ „временно" исправляющимъ должность товарища министра внутреннихъ дѣлъ.

9-го апрѣля. Пріобщался Св. Таинъ въ церкви удѣловъ.

16-го апрѣля. Былъ у меня кн. (С. Н.) Урусовъ, управленія св. синода. Продолжаю думать, что выборъ на мѣсто Сербиновича хорошъ.

Графиня Нессельроде, урожденная Закревская, при жизни мужа вышла за кн. Друцкаго, адъютанта, или офицера для особыхъ порученій при ея отцѣ. Узнали объ этомъ по случаю проѣзда князя и княгини Друцкихъ черезъ Варшаву, по паспорту, данному Закревскимъ. Когда чрезъ шефа жандармовъ сдѣланъ былъ запросъ гр. Закревскому, то онъ самъ написалъ государю, что онъ дозволилъ бракъ и что тому бывали примѣры. Государь, какъ слышно, крѣпко разсердился и приказалъ гр. Толстому, оберъ-прокурору св. синода, дать дѣлу законный ходъ. Слѣдовательно, Закревскій не можетъ долѣе оставаться московскимъ генералъ-губернаторомъ.

17-го апрѣля. Утромъ въ Зимнемъ дворцѣ на выходѣ, гдѣ я не бывалъ съ 1843 г. Вечеромъ тамъ же на балѣ.

18-го апрѣля. Былъ утромъ у кн. Орлова и оберъ-камергера гр. Рибопьера. Кн. Орловъ постарѣлъ и опустился. Слышалъ отъ него подробности объ увольненіи гр. Закревскаго. Орловъ былъ его всегдашнимъ покровителемъ и огорченъ увольненіемъ, хотя не оправдываетъ Закревскаго. Вечеромъ у Милютина и у Мещерскихъ.

19-го апрѣля. Утромъ у обѣдни. Получилъ записку отъ великой княгини Елены Павловны, въ которой она требуетъ, чтобы я сообщилъ ея ораніенбаумскому управляющему наши новыя оцѣночныя правила. Былъ у ген.-адъют. (В. И.) Назимова. Вечеромъ дома. Все нездоровится.

20-го апрѣля. Представляли государю. Пріемъ весьма любезный. Онъ мнѣ сказалъ, что назначилъ меня статсъ-секретаремъ pour me prouver combien il m'estimait et m'appréciait. Упоминая объ отчетѣ ген. Муравьева, государь сказалъ, что онъ не успѣлъ еще его окончательно прочесть, но находитъ его весьма любопытнымъ и интереснымъ.

Встрѣтился въ Зимнемъ дворцѣ съ двумя Муравьевыми, М. Н. и Н. Н., съ военнымъ и морскимъ министрами и нѣсколькими флигель-адъютантами, отправляющимися въ губерніи для созыва безсрочно-отпускныхъ. Изъ Италіи ничего новаго нѣтъ.

Днемъ въ деп—тахъ. Вечеромъ докладъ по 2-му д—ту до $1^1/_2$ ч. ночи. Въ Уманьскій садъ посылается главнымъ садовникомъ Фишеръ, зять рижскаго Пфефферкорна. Вездѣ мнѣ попадаются рижане. Управляющій вел. княгини Елены Павловны въ Ораніенбаумѣ—Гаферберґъ, братъ рижскаго маклера Гаферберга.

21-го апрѣля. Утромъ въ деп—тахъ. Вечеромъ дома. Все нездоровится.

22-го апрѣля. Утромъ заходилъ къ Лужину. Былъ у министра. Потомъ въ д—тахъ. Вечеромъ дома.

24-го апрѣля. Докладъ по д—ту сельскаго хозяйства, весьма утомительный. Министръ болѣе чѣмъ когда-либо занятъ своею личностью.

25-го апрѣля. Утромъ у министра. Потомъ въ деп—тахъ. Былъ у меня полковникъ Грюнъ изъ Риги. Вечеромъ былъ ораніенбаумскій управляющій.

3-го мая. Военное министерство a soufflé, sans dire gare, au ministère de l'intérieur весь департаментъ казенныхъ врачебныхъ заготовленій и дачи министерскія на Аптекарскомъ островѣ, вмѣстѣ со всѣми принадлежащими къ тѣмъ дачамъ другими землями и строеніями. Военный министръ испросилъ на то высочайшее повелѣніе въ мартѣ мѣсяцѣ и въ концѣ апрѣля, безъ всякаго предувѣдомленія, сообщилъ Ланскому о назначеніи чиновника для пріема зданій и т. п. Чтобы понять это приключеніе, нужно знать, что зимою въ совѣтѣ министровъ была рѣчь, при Ланскомъ, собственно о передачѣ департамента. Но Ланской не принялъ никакихъ мѣръ къ взаимному соглашенію насчетъ подробностей исполненія, хотя государь на то указывалъ, и дождался распоряженій военнаго министра.

4-го мая. Утромъ въ деп—тахъ. Вечеромъ докладъ до $1^1/_2$ ч. ночи.

5-го мая. Утромъ въ деп—тахъ. Обѣдалъ у вел. княгини Елены Павловны съ французскимъ посломъ Montebello, прусскимъ посланникомъ Bismarck-Schönhausen (съ которымъ при этомъ случаѣ познакомился), кн. Черкасскимъ (Русской Бесѣды) и нѣсколькими другими лицами. Вечеромъ дома.

6-го мая. Утромъ у министра и въ деп—тахъ.

Наши финансы весьма нездоровы. Правда, что не одна эта

часть больна, но въ настоящее время, при внутреннихъ компликаціяхъ крестьянскаго вопроса и внѣшнихъ — итальянскаго, она имѣетъ особую важность.

Въ чемъ должна бы заключаться программа нашего перваго министра, еслибы у насъ былъ первый, или первенствующій министръ?

Финансы. Гласность бюджета; сокращеніе административнаго (чиновнаго) войска; income-tax; преобразованіе коммерческаго банка; внутренній заемъ въ связи съ крестьянскимъ вопросомъ, съ долгами по заложеннымъ имѣніямъ и съ отчужденіемъ нѣкоторой части государственныхъ имуществъ; прекращеніе податной свободы помѣщичьихъ земель. Смѣлое обращеніе къ народу; смѣлый призывъ къ содѣйствію, съ указаніемъ на цѣли, для которыхъ оно требуется, и на мѣры, принимаемыя правительствомъ къ достиженію этихъ цѣлей.

Администрація. Вдохновеніе жизни въ автоматовъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Прекращеніе преслѣдованій и стѣсненій, тяготѣющихъ надъ раскольниками.

Юстиція. Преобразованіе судопроизводства. Введеніе ипотечной системы.

Общегосударственныя дѣла. Крестьянскій вопросъ; пути сообщенія; народное просвѣщеніе и вліяніе на литературу; стараніе замирить польскій элементъ, и проч. и проч.

Я ничего не сказалъ о министерствѣ государственныхъ имуществъ, въ которомъ теперь я состою чернорабочимъ. De hoc multa dicenda, sed in hoc nulla agenda. До тѣхъ поръ, пока не будетъ приступлено къ упраздненію палатъ, нельзя ожидать радикальнаго исправленія!

7-го мая. Утромъ визиты. Потомъ въ деп-тахъ. Обѣдалъ у Булгакова. Домъ особаго genre. Его супруга рисуетъ и малюетъ, иногда виньетки для „Искры“, иногда академическіе этюды, изъ которыхъ я не безъ удивленія видѣлъ одинъ. Вечеромъ у Мещерскихъ.

8-го мая. Докладъ по д-ту сельскаго хозяйства,—одинъ изъ утомительнѣйшихъ, когда-либо выпадавшихъ на мою долю. Выпросилъ у министра для Р—го денежное награжденіе и командировку на Волынь.

Обѣдалъ у Апраксиныхъ. Вечеромъ были у насъ Альма Фелькерзамъ и Эттингенъ. Послѣдній всячески старался убѣдить меня въ пользѣ продажи Лифляндскихъ казенныхъ имѣній тамошнему дворянству.

9-го мая. Утромъ былъ у обѣдни. Потомъ въ д-тахъ. Три визита у статсъ-секретарей, между прочимъ, у гр. Кутузова, который

подозрѣваетъ, что гр. Блудовъ сдѣлался римско-католикомъ подъ вліяніемъ Губе. Сей послѣдній и нѣкто Малковскій, членъ польской законодательной комиссіи, по мнѣнію Кутузова, — deux Robins renforcés.

10-го мая. Утромъ на нѣсколько минутъ въ церкви. Потомъ два раза у министра, который приготовляется къ послѣднему, передъ отъѣздомъ, докладу. Видѣлъ у него пріѣхавшаго, въ качествѣ эксперта, М. П. Позена. Министръ ему крайне обрадовался. Лицо его просіяло истинною радостью. „Il donnera, сказалъ мнѣ потомъ Михаилъ Николаевичъ, un coup de poignard à Rostowtzeff“.

11-го мая. Утромъ въ деп-тахъ. Вечеромъ докладъ по 2-му д-ту и д-ту сельскаго хозяйства до 1 ч. ночи. Въ 1/2 2-го ч. пріѣхали ко мнѣ Паскевичъ и П. Шуваловъ за совѣтомъ на счетъ особаго мнѣнія, которое они хотятъ подать въ Ростовцевской комиссіи. Совѣщаніе продолжалось до 3 часовъ утра. Тезисъ Шувалова и Паскевича—личное освобожденіе крестьянъ само по себѣ необходимо и возможно, и потому не должно быть безусловно подчиняемо выкупу, реализація всего требуетъ столько времени и вообще доселѣ рисуется въ весьма неопредѣленныхъ чертахъ. Тезисъ большинства комиссіи и самого Ростовцева—выкупъ земли нераздѣленъ отъ личнаго освобожденія.

12-го мая. Утромъ у министра. Потомъ въ д-тахъ. А. А. Зеленый вступаетъ въ полное управленіе министерствомъ и будетъ имѣть личный докладъ у государя.

П. А. Валуевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1866 г. [1]).

Январь 2. Воскресенье. Обѣдъ въ клубѣ Сельскихъ хозяевъ. Обѣдало человѣкъ сто тридцать. Обѣдъ былъ хорошъ, но вялъ и не оживленъ.

3. Понедѣльникъ. Какъ медленно искореняется зло, но еще медленнѣе возрастаетъ добро.

Разбои и грабежи, самыя возмутительныя и дикія злодѣйства совершаются открыто не въ одномъ Петербургѣ, но въ цѣлой

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. **1888** г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент. стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; ноябрь, стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. **1889** г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; іюнь, стр. 577—598; т. LXIII, іюль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 323—334; декабрь, стр. 727—758; изд. **1890** г., т. LXV, январь, стр. 35—53; февраль, стр. 371 — 406; мартъ, стр. 629 — 653; томъ LXVI, апрѣль, стр. 25—48; май, стр. 271—296; іюнь, стр. 611—638; т. LXVII, іюль, стр. 133—160; августъ, стр. 361—377; сентябрь, стр. 575—626; томъ LXVIII, октябрь, стр. 137—186; ноябрь, стр. 383—422; декабрь, стр. 585—614; изд. **1891** г., т. LXIX, январь, стр. 39—104; февраль, стр. 329—386; мартъ, стр. 701—761; т. LXX, апрѣль, стр. 137—166; май, стр. 389—428; іюнь, стр. 617—655; т. LXXI, іюль, стр. 83—117.

Россіи. Администрація утѣшается или утѣшаетъ другихъ тѣмъ, что это и прежде всегда бывало, да только не печаталось. Впрочемъ, положеніе, принятое властями въ этихъ обстоятельствахъ, совершенная загадка. Почему полицейскія власти смотрятъ на все это съ полнымъ равнодушіемъ и не принимаютъ никакихъ мѣръ, какъ будто интересы общества имъ совершенно чужды. Во всякомъ сколько-нибудь устроенномъ государствѣ полицейскія власти, даже самыя слабыя, всегда по крайней мѣрѣ показывали видъ, что онѣ дѣйствуютъ; а тутъ даже можно было-бы усомниться, что онѣ существуютъ, если-бы отъ времени до времени онѣ не давали о себѣ знать какими-нибудь дѣяніями въ родѣ казенныхъ кражъ, какой-нибудь вопіющей несправедливости, какой-нибудь странной мѣры, полезной для воровъ и безполезной для мирныхъ гражданъ.

5. Среда. На панихидѣ по ***, которая совершена была въ университетской церкви. Священникъ Палисадовъ сказалъ маленькую рѣчь о заслугахъ покойнаго. Присутствующихъ было немного. Изъ академиковъ, кромѣ меня, только Гротъ и Веселовскій. Профессоровъ человѣкъ пять, да нѣсколько старыхъ знакомыхъ ***. Тутъ, между прочимъ, встрѣтилъ я князя Вяземскаго, Любимова и Д.

Надняхъ по Екатерингофскому проспекту, часу въ одиннадцатомъ вечера, проходила молодая, весьма приличнаго вида, дама. Вдругъ на нее нападаютъ восемь переодѣтыхъ молодыхъ людей, произносятъ ей въ лицо скверныя слова, оскорбляютъ ее и тѣснятъ къ забору вдоль тротуара. На крикъ ея, къ счастью, подоспѣли два прохожіе; негодяи разсыпались въ разныя стороны; одного изъ нихъ, однако, успѣли схватить. Бѣдная женщина, почти безъ чувствъ, была доставлена въ часть; потребовался докторъ и она только съ его помощью пришла въ себя. Однако, домой ее доставили совсѣмъ больною.

Земскія учрежденія наши важны не потому, что они есть, а потому, что они могутъ проложить путь тому, что должно быть.

Замѣчательная телеграмма государя къ Кауфману, посланная въ отвѣтъ на его поздравленія съ новымъ годомъ. Въ ней

изъявлена благодарность за твердую дѣятельность генералъ-губернатора въ западныхъ губерніяхъ.

Пока государства нужны, пока они составляютъ необходимую форму общественности, надо, чтобы Россія существовала, развивалась и зрѣла, какъ государство; а это невозможно, если поляки снова будутъ господствовать въ западномъ краѣ. Я сердечно, искренно сочувствую ихъ бѣдствіямъ. Но, во-первыхъ, кто ошибся, тотъ долженъ нести и послѣдствія своей ошибки: такова логика человѣческой судьбы. А во-вторыхъ, чѣмъ засвидѣтельствовали поляки, что они лучше устроятъ и поведутъ государство, чѣмъ мы?

8. Суббота. Говорятъ, что шепнуто, кому подобаетъ, чтобы здѣшнему суду было внушено, да не придерживается оно очень строго закона въ оправданіи проступковъ по дѣламъ печати (?).

9. Воскресенье. Возникла полемика между земскими учрежденіями и администраціею, т. е. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Статьи послѣдняго напечатаны въ „Сѣверной Почтѣ". Нѣкоторыя земскія собранія, особенно петербургское, выразили свое неудовольствіе на стѣсненія, коимъ они подвергнуты постановленіями состороны административныхъ властей, и положили просить о расширеніи своихъ правъ, а больше всего—о невмѣшательствѣ этихъ властей въ свои распоряженія. Можетъ быть, эти домогательства земскихъ собраній и не во всемъ справедливы, можетъ быть они и преждевременны, какъ замѣчаетъ „Сѣверная Почта". Но дѣло въ томъ, что наша администрація не пользуется довѣріемъ, что ея произволъ и злоупотребленія (1866 г.) всѣмъ страшно надоѣли, а потому неудивительно, что общество старается всячески ее ослабить и по возможности имѣть съ нею меньше дѣла въ устройствѣ и огражденіи своихъ интересовъ.

Замѣчанія и возраженія, напечатанныя въ „Сѣверной Почтѣ", изложены въ очень умѣренномъ тонѣ и по нѣкоторымъ признакамъ и оборотамъ рѣчи можно догадываться, не писалъ-ли ихъ самъ Валуевъ.

10. Понедѣльникъ. Второе предостереженіе „Русскому Слову" преимущественно за статью Писарева объ ученіи Конта („Сѣверная Почта" № 6). Это уже придирка. Мы, значитъ, пово-

рачиваемъ назадъ къ прежнему архи-цензурному времени. Я далеко не сочувствую всему, что проповѣдуется въ „Русскомъ Словѣ“. Но одно изъ двухъ: или надо при расширеніи свободы печати допустить разные воззрѣнія и толки о такихъ предметахъ, о которыхъ прежде толковалось не иначе, какъ оффиціальнымъ образомъ, и предоставить другимъ воззрѣніямъ и толкамъ опровергать и парализировать первые — или остаться при прежнемъ ходѣ подцензурной литературы и при прежнихъ стѣсненіяхъ печати.

11. Вторникъ. Сегодня въ засѣданіи академическаго правленія совершенно неожиданно получилъ 300 рублей, которые президентъ опредѣлилъ выдать каждому изъ членовъ II-го отдѣленія. Это служитъ мнѣ большимъ подспорьемъ.

14. Пятница. Общее собраніе въ академіи наукъ. Выбрали въ экстраординарные академики по II-му отдѣленію—(А. Ѳ.) Бычкова, а въ почетные члены—Постельса, за пожертвованную имъ академіи значительную коллекцію рисунковъ по части зоологіи и ботаники, собранныхъ имъ во время кругосвѣтнаго путешествія съ Литке.

Рѣчь графа Строгонова въ одесской думѣ дѣлаетъ много шуму. Она напечатана въ № 4-мъ „Вѣсти“.

15. Суббота. Первое предостереженіе „Вѣсти“ за статью въ № 3-мъ по поводу мысли объ общемъ земскомъ собраніи. Но вѣдь объ этомъ было говорено и печатано уже не разъ во время земскихъ собраній въ Петербургѣ. Вообще министерство очень щедро на предостереженія. Имъ, кажется, вполнѣ овладѣла мысль уничтожить тѣ пріобрѣтенія, какія сдѣлала печать въ послѣднее десятилѣтіе — пріобрѣтенія, изъ которыхъ многія утверждены и гарантированы высочайшею волею. Разумѣется, все это имѣетъ видъ пресѣченія злоупотребленій въ печати. Но въ томъ-то и дѣло, что то, что кажется министру внутреннихъ дѣлъ злоупотребленіемъ, то составляетъ только естественное послѣдствіе совершившагося факта и настоятельную потребность общества, допущенную самимъ правительствомъ. Такой образъ дѣйствій ничего не въ состояніи произвести, кромѣ общаго (неудовольствія), и стѣсненія нашей бѣдной мысли и образованности.

14-го числа происходилъ судъ надъ Краевскимъ, о чемъ объявлено въ № 15 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Приговоръ еще не постановленъ.

16. Воскресенье. Задача наблюденія за печатью одна изъ труднѣйшихъ правительственныхъ задачъ. Трудность еще увеличивается, когда правительство не установило для себя твердыхъ началъ, которымъ оно намѣрено слѣдовать, и не сдѣлало ихъ общеизвѣстными — когда оно колеблется между допущеніемъ большей свободы и страхомъ, что слишкомъ много дозволило. Тогда, писатели, самые благоразумные и благонамѣренные, не знаютъ чего имъ держаться. То имъ кажется, что они могутъ высказать нѣчто болѣе, кромѣ общихъ мѣстъ, то, чувствуя надъ собою Дамокловъ мечъ, смущаются, и перо, обмокнутое въ чернила, замираетъ въ ихъ рукѣ изъ опасенія подвергнуться тяжелымъ и незаслуженнымъ взысканіямъ. Таково точно теперь положеніе нашей печати. Правительству слѣдовало: или пріостановить еще на нѣсколько времени изданіе новаго закона о печати, имѣющаго либеральный видъ, и остаться при цензурѣ предупредительной, устроивъ ее по возможности разумнѣе—или, издавъ новый законъ, допустить и неизбѣжныя его послѣдствія. Законъ безъ примѣненія, законъ только для виду — (явленіе ненормальное.) Говорятъ, что правительство не можетъ-же дозволить того-то, того и того, но чего именно? Вотъ въ этомъ-то и задача. Вѣдь всякій гражданинъ очень хорошо понимаетъ, что не должно возставать противъ Бога и христіанства, противъ государя и существующей формы правленія, противъ чести и безопасности другихъ гражданъ; но что именно считать посягательствомъ въ мысли и печати на эти священные предметы, если оно не высказывается и не прокламируется явно? Это ужъ будетъ зависѣть отъ толкованій — и вотъ гдѣ обширное поле для всякаго рода недоумѣній, недоразумѣній, произвола и личностей. А между тѣмъ, изъ этого можетъ выроcти страшная кара и гнетъ, который грозитъ остановить всякое движеніе мысли. Вотъ, напримѣръ, Краевскій отданъ подъ судъ, который угрожаетъ ему ни болѣе, ни менѣе какъ каторгою, а между тѣмъ, когда онъ говорилъ о притѣсненіи администраціею раскольниковъ, онъ основывался на высочайшей волѣ, выраженной государемъ во время польскаго возстанія и неоставлявшей никакого сомнѣнія въ томъ, что раскольниковъ отнынѣ у насъ ужъ больше не будутъ преслѣдовать за ихъ вѣрованія. Все, за что можно упрекнуть редакцію, это два-три рѣзкія слова,

которыя лучше было-бы смягчить, но каторга за это—страшное дѣло! А вѣдь министръ внутреннихъ дѣлъ, мотивируя свое рѣшеніе о преданіи редактора суду, ссылается именно на этотъ законъ. Въ статьѣ у Краевскаго самыя сильныя выраженія слѣдующія: „давно-ли у насъ объявлена свобода вѣроисповѣданія для старообрядцевъ“ и такимъ образомъ, т. е. волею царскою дарованная „льгота“. Министръ толкуетъ эти выраженія такъ, какъ будто авторъ возстаетъ противъ правительства и осмѣливается объявлять высочайшую волю. Но развѣ эта воля не была объявлена самимъ государемъ въ словахъ, обращенныхъ къ раскольникамъ, и ссылку на эти слова развѣ можно считать объявленіемъ высочайшей воли, какъ на то уполномочиваются министры, генералъ-адъютанты и проч.? Во второмъ предостереженіи „Русскому Слову“ приведена причина: косвенное намѣреніе дать практическое приложеніе коммунизму. Это одно слово: косвенное въ состояніи привести въ отчаяніе всякаго пишущаго, ибо чего нельзя представить въ видѣ косвеннаго нападенія на Бога, царя и т. д.

На вечерѣ у Тройницкаго. Продолжительный разговоръ съ сенаторомъ *, который нѣкогда былъ предсѣдателемъ цензурнаго комитета. Онъ совершенно одного мнѣнія со мною на счетъ дѣлъ о печати. Онъ, между прочимъ, тоже думаетъ, что ужѣ лучше было-бы на нѣкоторое время оставить предупредительную цензуру, чѣмъ вести дѣло такъ неловко. На счетъ поспѣшности и неловкости, съ какой введена была эта цензурная реформа, я еще мѣсяца полтора тому назадъ говорилъ графу Адлербергу въ Царскомъ Селѣ.

У Тройницкаго было много гостей. Отовсюду слышалось сильное неодобреніе примѣненію наказанія къ Краевскому каторжной работы. Находятъ, что законъ этотъ не имѣетъ никакого отношенія къ факту. Предостереженіе „Вѣсти“ тоже никѣмъ не одобряется. Всѣ говорятъ, что управленіе по дѣламъ печати находится въ очень дурныхъ рукахъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, что̀ сдѣлаетъ судъ по дѣлу Краевскаго. Самъ товарищъ министра видитъ большой промахъ въ этомъ дѣлѣ со стороны министерства. Онъ съ жаромъ выговаривалъ это **, который былъ тутъ-же и отвѣчалъ, что что-же ему было дѣлать? У него ни горла, ни легкихъ не хватило кричать противъ рѣшенія Совѣта, да и

притомъ, какъ тутъ поступать, когда дѣлается внушеніе свыше, т. е. со стороны Валуева. Тройницкій сильно напалъ на это послѣднее выраженіе. Мнѣ даже жаль стало бѣднаго **.

18. Вторникъ. У насъ съ папой серьезная размолвка. Мейндорфъ имѣлъ съ нимъ крупный разговоръ. Въ первый день новаго года нашъ посланникъ пріѣхалъ съ поздравленіями къ святому отцу. Послѣдній началъ упрекать русское правительство за обращеніе съ католиками въ Польшѣ и, возвысивъ голосъ, прибавилъ, что оно, русское правительство, кажется, рѣшилось совсѣмъ уничтожить тамъ католическую вѣру. Мейндорфъ на это возразилъ, что его святѣйшеству доставляютъ невѣрныя свѣдѣнія, что русское правительство никогда не помышляло и не помышляетъ объ искореніи какой-бы то ни было вѣры, но что оно не могло не принимать мѣръ противъ духовенства, которое стало во главѣ бунта и возбуждало политическія страсти.—„Это ложь!“ воскликнулъ съ жаромъ и негодованіемъ папа. Тогда посланникъ съ серьезнымъ видомъ отвѣчалъ, что его правительство не лжетъ и что онъ, какъ представитель своего Государя, не можетъ оставить этого обвиненія безъ отвѣта. —„Вы забываете съ кѣмъ вы говорите“, замѣтилъ папа.— „Ваше Святѣйшество, я вполнѣ понимаю съ кѣмъ имѣю честь бесѣдовать, но не могу не исполнить моего долга въ отношеніи къ моему Государю“. Тогда папа страшно разгнѣвался и, указавъ посланнику на дверь, крикнулъ:—„Уйдите!“

Мейндорфъ сообщилъ объ этой сценѣ Антонелли, который взялся было уладить дѣло, но потомъ объявилъ, что святой отецъ ничего слышать не хочетъ и увѣряетъ, будто онъ никогда не обвинялъ русскаго правительства во лжи, но что посланникъ передъ нимъ забылся.

Разумѣется, дворъ нашъ поставленъ этимъ въ большое затрудненіе. Наполеонъ старается всячески раздуть искру, представляя изъ себя защитника папы въ глазахъ всего католическаго міра и легко можетъ принять этотъ случай за предлогъ къ непріязненнымъ отношеніямъ съ нами. Дѣла его въ Мексикѣ идутъ очень дурно и ему, для поправленія своего кредита въ глазахъ французовъ, необходимо выкинуть новый фокусъ. Къ тому-же, ему надо чѣмъ-нибудь отвлечь вниманіе подданныхъ и отъ внутреннихъ дѣлъ и опять словить ихъ на приманкѣ новой

военной славы. Недаромъ вступилъ онъ въ тѣсный союзъ съ Австріею.

21. Пятница. Вечеромъ между прочимъ былъ у меня Б—въ, въ первый разъ ко мнѣ пріѣхавшій и съ которымъ я теперь только познакомился. Онъ кажется пріятнымъ, умнымъ и свѣдущимъ человѣкомъ. Онъ техникъ и преимущественно механикъ, ѣздилъ во Францію и Англію съ порученіями по части желѣзнаго производства, а во время польскаго возстанія управлялъ частью Варшавской желѣзной дороги. Онъ разсказывалъ много любопытнаго изъ исторіи возстанія и о Муравьевѣ. По словамъ его, Муравьевъ вовсе не былъ недоступенъ къ чувству милосердія, но онъ неумолимо преслѣдовалъ главную цѣль — подавленіе возстанія, и на этомъ пути сокрушалъ всѣ преграды. О полякахъ говорилъ Б—въ, что у нихъ при сильномъ патріотическомъ чувствѣ во всемъ проглядывала большая безалаберность. Онъ былъ свидѣтелемъ нѣсколькихъ военныхъ дѣйствій и получилъ высокое понятіе о нашемъ солдатѣ, о его несокрушимой храбрости, чуждой всякой хвастливости, и его добродушіи. Казаковъ Б—въ не хвалитъ. По его словамъ—они воры.

22. Суббота. Говорятъ, мнѣнія въ судѣ о Краевскомъ раздѣлились. Одна часть судей не находитъ рѣшительно никакихъ поводовъ къ его обвиненію, а другая полагаетъ приговорить его къ 25 рублямъ штрафу. Во всякомъ случаѣ выходитъ, что Валуевъ потерпѣлъ жестокое пораженіе. Общій голосъ въ публикѣ и судѣ противъ него и противъ его чиновниковъ. Не постигаютъ, какъ можно было поднять всю эту бурю и написать такое нелѣпое обвиненіе съ подведеніемъ законовъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ дѣлу.

Заходилъ навѣстить поутру все еще больнаго Чивилева. Тамъ познакомился съ графомъ Перовскимъ, состоящимъ при Наслѣдникѣ. Онъ показался мнѣ добрымъ человѣкомъ. Тутъ узналъ я о проектѣ образовать общество ученыхъ для разработки государственнаго архива и изданія его актовъ, чему весьма покровительствуетъ князь (Ал. Мих.) Горчаковъ. Я замѣтилъ, что мѣра эта очень полезна для отечественной исторіи и должна также много содѣйствовать успѣху ея, какъ и знаменитая археографическая комиссія.

23. Воскресенье. На балѣ у Тройницкаго. Множество

гостей всякихъ — и звѣздоносныхъ и простыхъ смертныхъ. ** свелъ меня съ (Мих. Павл.) Щербининымъ, который изъявилъ мнѣ свое глубокое сожалѣніе, что меня нѣтъ въ Совѣтѣ. Я отвѣчалъ на это, что уже довольно послужилъ дѣлу печати и поспѣшилъ перемѣнить разговоръ. Онъ показался мнѣ жалкимъ старикомъ, которому очень тяжко подъ бременемъ его предсѣдательства. Онъ жаловался на то, что судьи ихъ не поддерживаютъ.—Потомъ я говорилъ съ барономъ (Мод. Андр.) Корфомъ, который обѣщался доставить мнѣ нѣкоторые матеріалы для біографіи Галича.

28. Пятница. Собраніе у А. С. Норова изъ нѣсколькихъ членовъ Академіи Наукъ для совѣщаній о проектѣ новаго устава. На меня возложено составить по этому предмету записку.

Февраль 2. Среда. Всякая пошлость, всякая бездарность прячется нынѣ за факты, за положительность. Собравъ горсточку фактовъ или фактиковъ, бездарность громко восклицаетъ: вотъ трудъ науки! и съ гордымъ презрѣніемъ смотритъ на всякое движеніе ума, который требуетъ въ фактахъ смысла и цѣли—съ презрѣніемъ слушаетъ всякое живое или изящное слово.

Годичное собраніе „Общества для пособія литераторамъ". Я обыкновенно стараюсь на немъ присутствовать, какъ одинъ изъ основателей Общества. Оно въ упадкѣ. Никто ничего не жертвуетъ, да и члены не платятъ годичныхъ взносовъ. Однако у „Общества" всетаки стараго капитала тысячъ до тридцатипяти. Въ нынѣшнемъ засѣданіи Курочкинъ, издатель „Искры", предложилъ странную мысль дать пособіе рисовальщику каррикатуръ, тогда какъ Общество учреждено исключительно для пособія литераторамъ. Нѣкоторые согласились съ этимъ; согласился и самъ предсѣдатель (Егор. Мих.) Ковалевскій по обычной своей слабости. Я первый формально этому воспротивился, сказавъ, что такимъ образомъ произвольно расширять предѣлы пособій значитъ совершенно противорѣчить принципу и основному закону Общества. Собрали голоса. Значительное большинство оказалось противъ предложенія Курочкина.

3. Четвергъ. Въ одномъ изъ балагановъ на Исакіевской площади учинился разгромъ. Содержатель балагана пригласилъ къ себѣ конькобѣжца и это привлекало къ нему много публики.

А чтобы побольше раздавать билетовъ, онъ заставлялъ конькобѣжца забавлять публику только по пяти минутъ, а въ заключеніе конькобѣжецъ, почему-то, и совсѣмъ покинулъ свою ледяную арену. Публика разсвирѣпѣла и по знаку какого-то молодца, кликнувшаго „ура“, бросилась ломать скамьи, стулья, перегородки. Тогда содержатель балагана началъ уже честно давать свои представленія.

6. Воскресенье. Какъ часто приходится колебаться между сожалѣніемъ о человѣкѣ и презрѣніемъ къ его судьбѣ.

8. Вторникъ. Студенческій обѣдъ. Обѣдало человѣкъ сто у Демута. Сытно, пьяно, дымно, шумно и тѣсно!

Я воротился домой съ обѣда около семи часовъ и нашелъ у себя записку князя П. А. Вяземскаго съ приглашеніемъ на вечеръ для слушанія чтенія „Смерти Іоанна Грознаго“. Я поѣхалъ. Тутъ было нѣсколько княгинь, графинь и проч. Изъ знакомыхъ князь Оболенскій, князь Урусовъ и Карамзинъ Владиміръ. Читалъ (Болеславъ) Маркевичъ и читалъ прекрасно. У него особый даръ чтенія.

9. Среда. Вчера отдалъ Аврааму Сергѣевичу (Норову) перебѣленные и выправленные листы моихъ замѣчаній къ проекту академическаго устава, которыя онъ намѣренъ защищать въ государственномъ совѣтѣ.

Если разсудить основательно, то жалобы и сѣтованія на безнравственность, разные безпорядки и пороки людскіе окажутся весьма неосновательными. Жаловаться и сѣтовать можно только на ненормальное положеніе вещей, а такое состояніе нравовъ, какое существуетъ нынѣ, да и всегда было, не есть-ли настоящее нормальное состояніе человѣческаго быта? Всѣ отношенія человѣческія основаны на двухъ началахъ: нападенія и обороны. Сила грубая нападаетъ на ваши карманы, на вашу жизнь; болѣе утонченная, цивилизированная нападаетъ на ваше имя, на ваше сердце, ваши убѣжденія и т. п. Если вы не хотите нападать, то берегитесь и обороняйтесь—и вотъ, кажется, все, чего можно требовать отъ человѣческой природы и добродѣтели.

12. Суббота. Вчера засѣданіе въ общемъ собраніи академіи и въ комиссіи объ Уваровской преміи. С—ій выбрасывалъ изъ своихъ устъ престранныя мнѣнія о поэзіи и драмѣ. Другіе мол-

чали. Противъ драмы Толстаго „Смерть Грознаго“ составляется, кажется, сильная коалиція. И по дѣломъ ему (т. е. гр. А. К. Толстому)! Зачѣмъ онъ не принадлежитъ ни къ какому литературному кружку, да еще и аристократъ, по крайней мѣрѣ, по имени и по положенію при дворѣ. А что это человѣкъ съ большимъ талантомъ и написалъ очень хорошую вещь — какое до этого дѣло гробокопателямъ и самозваннымъ вождямъ юнаго поколѣнія!

13. Воскресенье. Какъ грубо обращаются они съ душою человѣческою, эти господа естествоиспытатели, считая ее такимъ-же кускомъ мяса, какъ и все остальное въ человѣкѣ. Они безъ церемоніи пялятъ на него глаза въ свой микроскопъ, запускаютъ въ него свой ножъ и чего не допытываются ни микроскопомъ, ни ножомъ, того и знать не хотятъ. Оно, конечно, хорошо вѣрить только своимъ чувствамъ; но все познаваемое познается-ли только ими одними? Нѣтъ-ли, другъ Горацiо, чего-нибудь такого въ природѣ, что не можетъ и сниться нашимъ мудрецамъ, что сокрыто въ такой глубинѣ, или заключаетъ въ себѣ такiе элементы, до которыхъ не досягнуть намъ никакими чувствами, никакими орудiями, а въ такомъ случаѣ, какъ-же по совѣсти, могу я сдѣлаться матерiалистомъ? Почему-же матерiализмъ имѣетъ болѣе права на довѣрiе въ томъ, что касается существеннѣйшей части человѣка, нежели идеализмъ? Оба они ничего здѣсь не знаютъ. Но съ послѣднимъ, по крайней мѣрѣ, уживаются наши нравственные интересы, безъ которыхъ человѣкъ—и звѣрь, и подлецъ, и самое жалкое существо.

25. Пятница. Если хочешь, чтобы для тебя не пропалъ нынѣшнiй день, не думай о завтрашнемъ.

Наука подготовляетъ почву для убѣжденiй, но сама не даетъ ихъ.

Мартъ 2. Среда. Умъ спецiалиста тупѣетъ по мѣрѣ того, какъ онъ все глубже и глубже уходитъ въ свой предметъ. Имъ овладѣваетъ духъ исключительности и онъ, по выраженiю одного умнаго грека, отъ великой учености становится дуракомъ. Примѣры на лицо. Вотъ Либихъ, который химiею хотѣлъ объяснить всю исторiю человѣчества. Если ему вѣрить, все зло и добро на землѣ происходитъ отъ умѣнья, или неумѣнья обращаться съ почвою. Или другой примѣръ—знаменитый, боготворимый нашими

нигилистами Бокль, который все изъяснялъ вліяніемъ естественныхъ причинъ, и характеръ испанцевъ, и исторію ихъ выводилъ изъ будто-бы часто случавшихся въ Испаніи землетрясеній. Рису и кукурузѣ въ Индіи онъ также давалъ великое значеніе и приписывалъ имъ вліяніе на весь экономическій и политическій бытъ Индіи.

5. Суббота. Здѣшнее дворянство проектировало адресъ, по случаю отказа князя Щербатова принять на себя званіе предводителя.

У Валуева—благодарилъ за содѣйствіе въ устройствѣ моихъ дѣлъ. Петръ Александровичъ не могъ-таки обойтись безъ нѣкотораго выкрутаса. — „Вы пожаловали, сказалъ онъ, увидѣвъ меня, — изъявить мнѣ ваше благоволеніе!“ — „Не благоволеніе, ваше высокопревосходительство, а мою искреннюю благодарность“. — „Очень радъ“ и т. д. Затѣмъ мы еще немного поговорили, на томъ и разстались. Онъ очень перемѣнился—похудѣлъ и постарѣлъ. Въ послѣднее время положеніе его сдѣлалось очень труднымъ. Его сильно тѣснили и тѣснятъ земскія дѣла, польскія и дѣла по печати. Три порядочныя тяжести. Тяжела ты, шапка Мономаха! Вѣроятно, это послѣднее мое свиданіе съ нимъ. Едва-ли мнѣ приведется еще съ нимъ встрѣтиться. Незачѣмъ и не для чего.

Статистическія цифры способны отуманить самую свѣтлую голову, если она расположена объяснять механически всѣ общественныя и человѣческія явленія. Такъ, Бокль увѣряетъ, опираясь на нѣкоторыя цифровыя данныя, что въ извѣстные періоды времени, непремѣнно должно совершиться извѣстное число преступленій, или что въ англійскомъ почтамтѣ такъ-же періодически накопляется извѣстное число писемъ съ неозначенными адресами. Вотъ вамъ и положительныя данныя, на которыхъ позитивисты строютъ исторію человѣчества и общественный порядокъ.

6. Воскресенье. Вечеръ у Тройницкаго. Разговоры о бывшемъ дворянскомъ собраніи, объ адресѣ для исходатайствованія дворянству новыхъ правъ, особенно о дозволеніи посылать въ Петербургъ депутатовъ для представленія правительству о своихъ нуждахъ. На адресъ уже послѣдовалъ отвѣтъ: „оставить безъ послѣдствій“.

8. Вторникъ. Поутру былъ у начальника сѣверо-западнаго края (Конст. Петров.) Кауфмана по моему личному дѣлу.... Затѣмъ онъ началъ бесѣдовать о польскихъ дѣлахъ. Онъ жаловался, что его дѣйствія сильно парализуются партіею, покровительствующей полякамъ.—„Мнѣ гораздо легче, говорилъ онъ,—справляться съ тамошними противниками, чѣмъ съ здѣшними. Поляки, продолжалъ онъ,—пропитаны къ намъ враждою. Никакого довѣрія нельзя имѣть къ наружной преданности ихъ и теперешнее успокоеніе края есть чисто внѣшнее". Я пробылъ у него съ полчаса и нашелъ въ немъ человѣка обходительнаго и готоваго дѣйствовать неутомимо.

9. Среда. Предводителемъ здѣшняго дворянства утвержденъ графъ Орловъ-Давыдовъ. Это очень хорошо со стороны государя, который такимъ образомъ не помянулъ грѣховъ его.

10. Четвергъ. Читалъ въ академіи мою рецензію на драму Писемскаго: „Екатериненскіе орлы". Въ ней я вообще порицаю слѣпую прилѣпленность къ фактамъ въ наукѣ и въ искусствѣ, которою заражены и наши писатели-реалисты и наши академики. Рецензія была выслушана, повидимому, со вниманіемъ и похвалена, хотя, само собою разумѣется, не всѣми одинаково искренно.

Въ № 68-мъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" напечатано описаніе обѣда, даннаго здѣшнимъ дворянствомъ князю Щербатову. Тутъ было выпито и провозглашено обѣдавшими безчисленное множество тостовъ въ честь князя и другъ за друга. Взаимнымъ восхваленіямъ и прославленіямъ не было конца. Все это похоже на какое-то дѣтство, такъ что становится и жалко и смѣшно. Какъ дѣти, обрадовавшіяся, что имъ можно пошумѣть и поскакать на волѣ и безъ гувернеровъ, почтенные дворяне кричали, пили, шалили, играя въ либерализмъ въ полномъ веселіи и самодовольствіи. Вотъ что называется пробужденіемъ духа свободы и самостоятельности. Положимъ, что это такъ, но нѣкоторая сдержанность, разсудительность и спокойствіе были-бы здѣсь гораздо больше у мѣста, чѣмъ вся эта буря пустыхъ восклицаній и восторговъ. Такъ-ли понимаются и устраиваются серьезныя вещи? Князь Щербатовъ поставленъ на такую высоту, какъ будто онъ спасъ отечество, между тѣмъ, онъ только проектировалъ адресъ о допущеніи депутатовъ отъ дворянства

въ государственный совѣтъ съ правомъ голоса. Что̀ такое право голоса въ данномъ случаѣ, въ сущности, я не знаю; но вѣдь московскіе дворяне писали адресъ о земской думѣ. И эта идея гораздо основательнѣе: по крайней мѣрѣ, она находитъ себѣ опору въ нашей исторіи. Еще князь Щербатовъ восхвалялся за свое гражданское мужество. Правду сказать, нетрудно мужествовать съ ста двадцатью тысячами годоваго дохода и когда знаешь, что въ нынѣшнее царствованіе тебя за то ни въ крѣпость не посадятъ, ни въ Сибирь не сошлютъ... Если мы возрождаемся и преобразуемся, то, правду сказать, начинаемъ это при довольно неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ. При нашей незрѣлости и безалаберности мы готовимъ себѣ еще худшій разладъ и еще много разочарованій.

11. Пятница. Вчера также былъ у Модеста Андреевича Корфа. Онъ подарилъ мнѣ нѣсколько своихъ брошюръ, а главное — обѣщался отыскать въ своихъ бумагахъ и сообщить мнѣ нѣкоторыя подробности о Галичѣ.

Меня выбрали въ члены „Общества для пособія бѣднымъ женщинамъ". Посмотримъ, что̀ это за общество. Я вообще мало довѣряю нашимъ обществамъ. Тутъ участвуютъ много женщинъ: можетъ быть, отъ этого будетъ лучше.

Самый опасный врагъ человѣка въ немъ самомъ — врагъ тѣмъ опаснѣйшій, что человѣкъ не долженъ съ нимъ бороться, такъ какъ если-бы ему удалось его побѣдить, то это было-бы его самымъ позорнымъ и самымъ сквернымъ дѣломъ. Врагъ этотъ—есть стремленіе къ лучшему.

13. Воскресенье. Всѣ либералы ужасно любятъ лакомиться властью.

Засѣданіе въ общемъ собраніи „Общества пособія бѣднымъ женщинамъ". Множество — княгинь и графинь. Встрѣтилъ знакомую сотрудницу по „Обществу посѣщенія бѣдныхъ" графиню (Екатерину Ѳедоровну) Тизенгаузенъ, которая нѣкогда усердно занималась его дѣлами. „Общество пособія бѣднымъ женщинамъ" еще очень молодо: оно какъ-то ощупью ступаетъ, хотя и съ большими претензіями. Програму оно начертало себѣ такую обширную, что для исполненія ея нужны огромныя средства, а у него и капиталу всего не хватаетъ даже до тысячи рублей. Общество похоже на тѣ зачинающіеся города Сѣ-

верной Америки, которые раскидываются по обширному плану. Тутъ множество улицъ, площадей, публичныхъ зданій—на бумагѣ, а на дѣлѣ торчатъ нѣсколько плохенькихъ домовъ. Но извѣстно, что тамъ эти пустыя пространства и застраиваются очень быстро. Хорошо, если-бы и съ нашимъ Обществомъ случилось тоже [1]).

14. Воскресенье. Если это правда, то этимъ не слѣдуетъ оскорбляться, потому что это правда; если это ложь, то этимъ не слѣдуетъ оскорбляться, потому что это ложь.

15. Понедѣльникъ. Вечеръ у князя П. А. Вяземскаго. Графъ Соллогубъ читалъ свою статью о русской литературѣ вообще, и о характерѣ стихотвореній князя Вяземскаго въ особенности. Собраніе было большое. Много дамъ. Между ними встрѣтилъ я графиню Блудову, передъ которой извинился, что до сихъ поръ у ней не былъ. Надняхъ только кончился у меня карантинъ—у меня въ домѣ была больна скарлатиною племянница; а во дворецъ въ такихъ случаяхъ являться нельзя. Послѣ князь Вяземскій читалъ отрывки изъ „Нигилиста" графа Соллогуба. Умно, остроумно и легкіе живые стихи, какими Соллогубъ обыкновенно не пишетъ. Бесѣдовалъ также съ В. П. Титовымъ, котораго не видалъ очень давно, съ Карамзинымъ и проч.

17. Среда. Видѣлся съ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, который на нѣсколько дней пріѣхалъ сюда. Лѣтъ восемь, какъ я не видалъ его. Онъ мало измѣнился наружностью, а душою нисколько. Онъ такой-же умный, склонный къ умозрѣніямъ человѣкъ, такой-же благородный, честный, такой-же хлопотунъ, какъ и прежде, съ моложавымъ лицомъ. Только ноги отказываются ему служить, говоритъ онъ.

27. Воскресенье. Есть люди мысли безъ науки: это обыкновенно мечтатели и фантазёры. Есть и люди науки безъ мысли:

---

[1]) Это „Общество" было основано, подъ предсѣдательствомъ княгини Юліи Ѳедоровны Куракиной (нынѣ покойной)—Н. А. Ермаковымъ, Г. Д. Корибутъ, граф. Е. Ѳ. Тизенгаузенъ, Е. Н. Карновичемъ, М. И. Семевскимъ и друг. лицами въ С.-Петербургѣ. Оно существуетъ до сихъ поръ (1866—1891 гг.), состоитъ подъ предсѣдательствомъ А. Н. Нарышкиной и имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи восемь превосходно дѣйствующихъ на добро воспитательныхъ и благотворительныхъ учрежденій въ С.-Петербургѣ. См. печатный „Отчетъ общества для пособія бѣднымъ женщинамъ" за 1890 г.
Ред.

это тупые гробокопатели, собиратели фактовъ, непонимающіе ихъ—каменьщики, недающіе себѣ отчета въ томъ, надъ какимъ зданіемъ они трудятся.

28. Понедѣльникъ. Утромъ былъ у Греча. Ему уже 80 лѣтъ, но онъ еще довольно бодръ духомъ съ замашками на прежнее остроуміе. Жалуется на слабость ногъ. Его теперь содержитъ жена, Евгенія Ивановна, которая сдѣлана инспектрисою института глухонѣмыхъ, куда первоначально помѣстилъ ее я черезъ графа М. Ю. Віельгорскаго, съ которымъ былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ. Сперва она пробыла тамъ шестнадцать лѣтъ въ должности классной дамы или, лучше сказать, начальницы, хотя и не называлась ею. Она пріобрѣла тутъ себѣ отличную репутацію, несмотря на кокетство, котораго не была чужда всю жизнь. Потомъ вышла замужъ за Греча и оставила институтъ, а теперь вотъ опять приняла его въ свое вѣдѣніе. Гречъ очень обрадовался мнѣ и припомнилъ наше первое знакомство въ 1825 году, когда принялъ съ большимъ одобреніемъ и напечаталъ у себя въ „Сынѣ Отечества" мое первое сочиненіе. Я былъ тогда студентомъ и, разумѣется, это много для меня значило. Припомнилъ онъ и письмо къ нему обо мнѣ по этому случаю Ѳ. Н. Глинки, сосланнаго въ Петрозаводскъ послѣ 14-го декабря, который писалъ ему, что моя статья произвела на него глубокое впечатлѣніе и послужила ему утѣшеніемъ.

Апрѣль 1. Пятница. Первое предостереженіе „Московскимъ Вѣдомостямъ". Каково-бы ни было правительство, но рядомъ съ нимъ не можетъ быть терпима сила, стремящаяся заодно съ нимъ управлять государствомъ. „Московскія Вѣдомости", поощренныя успѣхомъ, въ послѣднее время именно приняли такой характеръ. Приверженцы ихъ даже распускали слухи, что правительство не осмѣлится поступить съ „Московскими Вѣдомостями" такъ, какъ оно поступаетъ съ другими газетами, и были увѣрены, что если это случится, то въ Москвѣ произойдетъ нѣчто въ родѣ бунта. Противники-же ихъ, напротивъ, находятъ, что пора вылить ведро холодной воды на головы опьянѣвшихъ отъ успѣха издателей.

Предостереженіе сдѣлано за статью, помѣщенную въ № 61. Но, кажется, это былъ только предлогъ.

2. Суббота. Вотъ какія слова напечатаны въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ въ статьѣ о лекціяхъ Якубовича:

„Всестороннее развитіе нервной системы идетъ въ разрѣзъ съ животнымъ эгоизмомъ и животною неразвитостью. Оно совершенствуетъ понятіе о цѣли и даетъ средства къ ея достиженію. Если развитіе человѣка не соотвѣтствуетъ этому назначенію, если оно направляется въ одну сторону и ведетъ не къ сознанію его роли въ ряду другихъ существъ, не къ пониманію окружающей его обстановки, а къ поддержанію старыхъ предразсудковъ и ложно-развитыхъ чувствъ предъидущаго поколѣнія — то такое воспитаніе является ужасающимъ зломъ человѣческой природы. Къ несчастью, это зло почти повсемѣстно“. Слушайте, слушайте!

А вотъ Петръ Лаврычъ Лавровъ кричитъ: намъ нужно крови, крови! И его слушаютъ три-четыре медицинскихъ студента, да двѣ-три дѣвочки, имъ-же обращенныя въ нигилистокъ, и всѣ они громко аплодируютъ Лаврычу.

3. Воскресенье. Вы жестоко ошибаетесь, принимая за умныхъ людей тѣхъ, которые бойко и яростно говорятъ о цивилизаціи, о прогрессѣ, о новѣйшихъ открытіяхъ въ естественныхъ наукахъ и прочихъ матеріяхъ важныхъ. Это люди съ претензіями на умъ. Они загораются, какъ сѣрныя спички, отъ прикосновенія съ другими умами, горятъ минутку и тухнутъ съ чадомъ, не оставляя по себѣ ничего, даже щепотки золы.

Умъ есть нѣчто господствующее, направляющее и управляющее, такъ что человѣкъ съ умомъ знаетъ куда, зачѣмъ и почему онъ идетъ. Онъ разсуждаетъ, взвѣшиваетъ и рѣшаетъ на основаніи многихъ разнообразныхъ и даже противоположныхъ мнѣній и причинъ, а не стремится только, какъ животное, движимое грубымъ инстинктомъ, или какъ слѣпая сила, приходящая въ движеніе отъ перваго внѣшняго толчка.

4. Понедѣльникъ. Иное дѣло изучать механизмъ человѣческихъ психическихъ отправленій и иное дѣло изучать то, что движетъ и направляетъ этотъ механизмъ.

Обругать-то они въ состояніи, но разобрать и оцѣнить не въ состояніи.

Девять часовъ вечера. Сію минуту услышалъ ужасающую вѣсть—о покушеніи на жизнь Государя во время прогулки его въ Лѣтнемъ саду около трехъ часовъ. Подробности, разумѣется, пока еще неизвѣстны. Завтра узнаемъ.

Вотъ, наконецъ, до чего дошла Россія. Поляки это? Или наши нигилисты?

„Московскія Вѣдомости" не приняли предостереженія и рѣшаются платить штрафъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Они отвѣчали на предостереженіе большою статьею, сущность которой слѣдующая: вѣдь я гораздо сильнѣе нападалъ на васъ и не разъ, и вы молчали.—Любопытно, что̀-то сдѣлаетъ Валуевъ. Говорятъ однако, что предостереженіе дано по высочайшему повелѣнію, чего Катковъ не могъ не знать. Мнѣ кажется, Катковъ играетъ нехорошую роль. Онъ ищетъ всячески затруднять правительство, хотя не можетъ не знать, какъ это вредно въ настоящее время. Успѣхъ совсѣмъ отуманилъ его и сдѣлалъ высокомѣрнымъ до потери всякаго добраго чувства.

5. Вторникъ. Подробностей о вчерашнемъ прискорбномъ событіи я еще не слышалъ. Газеты только сообщаютъ, что на жизнь Государя было сдѣлано покушеніе, когда онъ, послѣ прогулки въ Лѣтнемъ саду, садился въ коляску. Спасъ его отъ очевидной смерти мастеровой Комисаровъ, который ударилъ подъ локоть злодѣя въ то самое время, когда тотъ наводилъ пистолетъ на Государя. Но кто этотъ злодѣй и что̀ его побудило на такое гнусное дѣло—еще неизвѣстно. Сегодня я ѣздилъ въ Римско-католическую академію черезъ Николаевскій мостъ и видѣлъ, что вся Дворцовая площадь была залита народомъ. Въ академіи я объявилъ, что читать лекціи сегодня не въ состояніи. Молодые люди, повидимому, искренно раздѣляли и мою скорбь, а вслѣдъ затѣмъ—и мою радость, что зло не совершилось. Одни говорятъ, что это недоучившійся гимназистъ изъ нигилистовъ, другіе, что это студентъ Медико-хирургической академіи. Разумѣется, все это только слухи.

— Ничего еще не добились: злодѣй путается въ своихъ показаніяхъ.

Былъ у Тютчева, гдѣ встрѣтился съ Д. Разговоръ, само собою разумѣется, все о покушеніи. Потомъ перешли и къ „Московскимъ Вѣдомостямъ", которымъ готовится второе предостереженіе. Даже Тютчевъ, который до сихъ поръ всегда держалъ ихъ сторону, теперь недоволенъ ими.

Былъ въ клубѣ. Тѣ-же толки, о томъ-же. Поздно вечеромъ

получилъ отъ секретаря академіи (Наукъ) извѣщеніе, что мнѣ поручено написать адресъ Государю вмѣстѣ съ Г. Какъ писать адресъ вмѣстѣ?

9. Среда. Государь, конечно, утѣшенъ выраженіемъ безпредѣльной къ нему преданности всѣхъ классовъ народа, но цвѣтъ сердца его увялъ: чувство безопасности среди своего народа должно въ немъ исчезнуть. Вѣдь поневолѣ такіе горькіе опыты подрываютъ довѣріе и уваженіе къ человѣку. Говорятъ, одинъ случай ничего не доказываетъ, но вѣдь возможность гнуснаго дѣла зарождается и выростаетъ среди многихъ и самыхъ разнообразныхъ мерзостей—самолюбія однихъ, слабодушія другихъ, гордости третьихъ, черной неблагодарности тѣхъ-то и тѣхъ и такъ до безконечности.

Сегодня въ девять часовъ утра я былъ уже у Веселовскаго съ моимъ проектомъ адреса.....

Вечеромъ мнѣ доставленъ былъ уже переписанный адресъ и подписанный всѣми членами. Я также подписалъ его. Завтра онъ будетъ у Государя.

7. Четвергъ. Много добра, конечно, происходитъ отъ тѣсныхъ связей и сношеній между собой государствъ въ Европѣ; но отсюда возникаетъ также и великое зло. Связи эти и отношенія до того усложняются и запутываются, что дипломатія часто находится въ невозможности ихъ распутывать и является, наконецъ, необходимость разрубать ихъ мечемъ.

Обѣдалъ у Марка (Николаевича Любощинскаго). Тамъ были сенаторы: Гизетти, Зарудный и Гагемейстеръ. Разговоръ, конечно, о современномъ важномъ, печальномъ и радостномъ событіи. Ничего новаго не открыто. Преступникъ все путается и путаетъ въ показаніяхъ. Но, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что онъ только орудіе замысловъ какой-то шайки, нити которыхъ надо искать, можетъ быть, даже за границей. Одинъ изъ собесѣдниковъ такъ далеко простеръ свои догадки, что даже обвинялъ Наполеона.

9. Суббота. Мих. Ник. Муравьевъ назначенъ предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи по дѣлу о покушеніи на жизнь Государя Императора. Въ обществѣ этимъ довольны. Прежняя комиссія, говорятъ, дѣйствовала слабо и врядъ-ли бы что открыла.

Князь Васил. Андр. Долгорукій, шефъ жандармовъ, уволенъ отъ должности. На мѣсто его назначенъ графъ Шуваловъ, генералъ-губернаторъ остзейскихъ провинцій. Толкуютъ объ учрежденіи министерства полиціи. Говорятъ также о близкомъ увольненіи Валуева и Головнина.

Оваціи и демонстраціи по случаю спасенія Государя превосходятъ все, что до сихъ поръ казалось доступнымъ русскому воображенію и патріотизму. И въ Петербургѣ и въ Москвѣ одинакій восторгъ.

Комисарова чуть не въ буквальномъ смыслѣ носятъ на рукахъ. Ему говорятъ данъ флигель-адъютантъ для наученія его дворянскимъ пріемамъ обращенія.

Безпрестанные вопросы: кто онъ? (преступникъ) — полякъ или русскій? Общее желаніе, чтобы это не былъ русскій. Но въ хаосѣ толковъ, предположеній и догадокъ ничего не разберешь. Никогда еще, кажется, въ Россіи умы не были такъ возбуждены. Я все продолжаю думать, что это орудіе нашего нигилизма въ связи съ заграничнымъ революціоннымъ движеніемъ. Тутъ очевидна цѣль произвести въ Россіи сумятицу, а тамъ, дескать, пусть будетъ что будетъ.

10. Воскресенье. Втораго предостереженія „Московскимъ Вѣдомостямъ“ не сдѣлано, хотя Совѣтъ его уже заготовилъ. Министръ не согласился. Приверженцы „Московскихъ Вѣдомостей“ торжествуютъ побѣду.

Злодѣяніе, которое чуть было не облекло въ трауръ всю Россію, заставляетъ призадуматься философа-наблюдателя нашего современнаго, умственнаго и нравственнаго состоянія. Тутъ видно какъ глубоко проникъ умственный развратъ въ среду нашего общества. Чудовищное покушеніе на жизнь Государя несомнѣнно зародилось и созрѣло въ гнѣздѣ нигилизма—въ средѣ людей, которые, заразившись разрушительнымъ ученіемъ исключительнаго матеріализма, попрали въ себѣ всѣ нравственныя начала и, смотря на человѣчество, какъ на стадо животныхъ, выбросили изъ души своей всѣ вѣрованія, всѣ возвышенныя воззрѣнія.

Какая ужасающая, чудовищная дерзость дѣлать себя опекунами человѣчества и распоряжаться судьбами его безъ всякаго инаго призванія, кромѣ самолюбія своего.

11. Понедѣльникъ. Былъ на томъ мѣстѣ у воротъ лѣтняго сада, гдѣ произошло страшное покушеніе на жизнь Государя. Тамъ теперь стоитъ маленькая деревянная часовенка, которая должна уступить мѣсто другой болѣе великолѣпной. Я подошелъ къ ней. Толпы народа приходили и уходили, набожно крестясь на образа часовенки. Нѣкоторые изъ посѣтителей клали деньги въ кружку и я положилъ туда мою убогую лепту.

Чѣмъ больше я вдумываюсь въ это происшествіе, тѣмъ мрачнѣе оно становится въ моихъ глазахъ. Не есть-ли оно роковое начало тѣхъ смятеній, какія должна вытерпѣть Россія, пока она не упрочитъ и не опредѣлитъ своего нравственнаго и политическаго существованія? Но неужели ей необходимо пройти этотъ путь? Неужели необходимо, чтобъ двигатели ея будущности возникли изъ гнѣздилищавс якаго рода безобразныхъ, умствованій, утопій, изъ воспаленія незрѣлыхъ головъ?

Говорятъ, арестовано много студентовъ Медико-Хирургической академіи.

Муравьевъ на обѣдѣ дворянства сказалъ:—„Я старъ, но или лягу костьми моими, или дойду до корня зла".

Говорятъ, первая мысль о назначеніи Муравьева пришла въ голову Антонинѣ Дмитріевнѣ Блудовой.

12. Вторникъ. Въ сегодняшнемъ номерѣ „Спб. Вѣдомостей" напечатана жестокая статья противъ полиціи и, вообще, противъ администраціи. Въ ней сказано, что одно земство предано Государю, а что администрація думаетъ только о расширеніи своей власти и объ утвержденіи своего произвола. Колюбакина замѣнившаго Корша на время отсутствія послѣдняго, призывали для нотаціи въ III-е отдѣленіе.

Толки о томъ, кто преступникъ, продолжаютъ распространяться въ несмѣтномъ количествѣ и, разумѣется, противорѣчать одни другимъ. Теперь говорятъ, что это какой-то помѣщикъ. Это съ руки демократизирующей партіи, которая, вѣроятно, и распускаетъ это.

13. Среда. Князь (Вас. Андр.) Долгорукій поступилъ честно. Онъ просилъ Государя уволить его отъ должности жандармскаго шефа не по просьбѣ его, но какъ человѣка неспособнаго, неумѣвшаго принять мѣръ къ охраненію особы Государя. Хорошо-бы, еслибъ такъ-же поступили и другіе, особенно генералъ-губернаторъ (кн. А. А. Суворовъ).

Посягнувшій на жизнь Государя уроженецъ Саратовской губерніи, Сердобскаго уѣзда, сынъ помѣщика, Дмитрій Владиміровъ Каракозовъ. Это татарская фамилія, означающая черный глазъ. Онъ былъ вольнослушателемъ Московскаго университета. Объ этомъ напечатано въ № 93 „Русскаго Инвалида".

15. Пятница. Министръ народнаго просвѣщенія не хотѣлъ, чтобы адресы Государю, шедшіе чрезъ его руки печатались.— „Къ чему печатать," сказалъ онъ: „вѣдь это все риторика."— Итакъ онъ не вѣритъ искренности чувствъ, выраженныхъ въ этихъ адресахъ.

Комисаровъ не пьетъ никакого, даже самаго легкаго, вина. Во время обѣдовъ, на которые его приглашаютъ, ему въ бокалъ для тостовъ обыкновенно наливаютъ меду. Его посѣтили земляки и начали уговаривать выпить съ ними рюмочку.—„Нѣтъ, братцы, отвѣчалъ онъ имъ, пить я не буду. Я долженъ горѣть чисто, какъ свѣча предъ образомъ".

А. В. Головнинъ уволенъ отъ должности министра народнаго просвѣщенія и на мѣсто его опредѣленъ министромъ графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой съ оставленіемъ его вмѣстѣ и оберъ-прокуроромъ св. Синода.

Съ графомъ Толстымъ я лѣтъ восемнадцать очень хорошо знакомъ. Живя на дачѣ за Лѣснымъ корпусомъ, мы часто бывали другъ у друга и дѣлились дружески мыслями нашими и даже мечтами. Мы тогда были помоложе.

16. Суббота. Головнинъ, кажется, вовсе не ожидалъ такого скораго (увольненія). Во вторникъ Государь позвалъ его къ себѣ и съ обычной своей ласковой манерой сказалъ ему:

— „Благодарю васъ за вашу службу. Но теперешнее время требуетъ другой системы управленія министерствомъ, другихъ началъ и бо̀льшей энергіи. Я назначилъ на ваше мѣста графа Толстаго. Вы не огорчайтесь этимъ. Вотъ и другъ мой, князь Долгорукій, самъ просилъ меня уволить его прямо, даже безъ просьбы его. Впрочемъ, я оставляю васъ членомъ Государственнаго Совѣта и статсъ-секретаремъ".

Головнинъ уволенъ не по прошенію, хотя и не просилъ этого, какъ князь Долгорукій.

Увольненіе Головнина всѣ приписываютъ вліянію Муравьева. Ему также сильно подгадила исторія московскихъ студентовъ.

Открыто, что между послѣдними существуетъ общество съ цѣлью распространять въ народныхъ массахъ демократическія и соціалистическія идеи. Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ привезено сюда въ слѣдственную комиссію.

Вотъ, говорятъ, и Петръ Лаврычъ Лавровъ взятъ, а также и (Григорій Евламп.) Благосвѣтловъ, редакторъ „Русскаго Слова". Что касается перваго, то я этого и ожидалъ. Это слишкомъ ярый коноводъ нигилистовъ и пропагандистъ всякихъ эмансипацій. Мнѣ казался онъ всегда ...., умъ котораго не въ состояніи былъ переварить ни одного изъ нахватанныхъ имъ отрывковъ всѣхъ новѣйшихъ ученій, но непомѣрное самолюбіе котораго требовало непремѣнно пьедестала, гдѣ онъ могъ-бы стоять и рисоваться передъ изумленною толпою. Хотя такихъ .... у насъ и безъ него не мало, но онъ очевиднѣйшій изъ нихъ

17. Воскресенье. Великолѣпнѣйшая иллюминація. Я дошелъ до Думы. Дальше непроницаемая толпа заградила дорогу. Отъ угла Невскаго проспекта и Литейной до Думы было расположено четыре оркестра музыки, которые играли, неумолкая, и чаще всего повторяли: „Боже, Царя храни". Ночь была лунная, съ небольшимъ вѣтеркомъ, но вообще благопріятная для торжества. Мы проходили до половины одиннадцатаго, все поджидая проѣзда Государя. Однако, онъ не показался на иллюминаціи.

18. Понедѣльникъ. На балѣ во дворцѣ. Этотъ разъ было огромное стеченіе гостей. Я встрѣтился со многими знакомыми и говорилъ съ ними, какъ-то: съ Пинскимъ, сенаторомъ, Милютинымъ Н. А., Войцеховичемъ, Княжевичами и проч. Изъ академиковъ были: Беръ, Буняковскій, Гельмерсенъ и камергеръ Вельяминовъ-Зерновъ. Но любопытнѣе всего для меня была встрѣча съ графомъ (Дм. Андр.) Толстымъ, нынѣшнимъ министромъ народнаго просвѣщенія. Меня интересовало, какъ онъ обойдется со мной: по-прежнему-ли, какъ добрый пріятель, или какъ министръ. На этотъ разъ вышло первое. Онъ какъ-будто даже мнѣ обрадовался и оказался совершенно такимъ, какимъ уже былъ лѣтъ семнадцать въ отношеніи ко мнѣ. Съ прежнимъ своимъ добродушіемъ онъ спросилъ у меня: нахожу-ли я, что онъ въ состояніи поднять новое наложенное на него бремя? Я отвѣчалъ на это:—„Я думаю, у васъ на это хватитъ ума, характера и выдержки, но нельзя отрицать, что настоящее

положеніе министерства очень серьезное и выдержать-ли ваши физическія силы?" — Графъ никогда не отличался крѣпкимъ здоровьемъ. Онъ просилъ меня передать ему нѣкоторыя мои наблюденія и замѣчанія—если возможно письменно.—Я остался ужинать. Замѣчательно, что на этотъ разъ трехъ блюдъ ужина на многихъ не хватило и эти многіе сильно на это возроптали.

26. Вторникъ. Вотъ что передано мнѣ изъ вѣрнаго источника. Муравьевъ просилъ министра внутреннихъ дѣлъ какъ-нибудь окончить скандальное дѣло съ „Московскими Вѣдомостями". Къ этому онъ прибавилъ, что прекращеніе этой газеты считаетъ просто невозможнымъ.

Какъ Валуевъ извернется въ этомъ дѣйствительно скандальномъ дѣлѣ? „Московскія Вѣдомости" такъ далеко зашли въ своемъ сопротивленіи министерству, что уступить имъ значитъ сильно скомпрометировать послѣднее.

Наблюденіе, опытъ, собираніе матеріаловъ, фактовъ, само собою разумѣется, необходимыя вещи въ наукѣ и составляютъ ея современное направленіе и заслугу. Но они-же породили и моду между мелочными учеными, которые, на основаніи ея, всякій соръ, всякіе фактическіе пустяки принимаютъ за матеріалъ и съ важностью подбираютъ въ свои сокровищницы какой-нибудь кусокъ мостоваго булыжника, какъ будто онъ былъ произведеніемъ отдаленныхъ геологическихъ переворотовъ и т. д.

Какую важность и какое значеніе для науки и жизни могутъ имѣть иныя изъ нашихъ педантскихъ академическихъ занятій— болтовня о варіантахъ какого-нибудь пролога XV или XVI в., о большомъ или маломъ юсѣ и другія мельчайшія и исключительныя изысканія о вещахъ, не входившихъ въ національную жизнь, не дѣйствовавшихъ ничѣмъ на національный духъ и не содѣйствовавшихъ нимало умственному успѣху? Это просто куски валяющейся въ вѣкахъ глины или камней, изъ которыхъ ничего не было построено. Иное дѣло, когда-бы это была народная пѣснь, или народное сказаніе, которыми нѣкогда возбуждалось и воодушевлялось народное чувство. Да бѣда въ томъ, что ихъ мало, а что и было, то уже извѣстно. Впрочемъ, я готовъ допустить необходимость и всѣхъ этихъ мелочей въ общей экономіи науки, но мнѣ невыносимо, когда эти мелочи провозглашаются ея главнымъ и единственнымъ достояніемъ и ими стараются задушить смыслъ и идею болѣе крупныхъ явленій.

Вечеромъ, часовъ въ десять, Ѳ. В. Чижовъ далъ знать мнѣ, что онъ боленъ. Я тотчасъ отправился къ нему, но нашелъ его хотя въ постели, но вовсе не опасно больнымъ. Онъ какъ-то зашибъ ногу и ему придется нѣсколько дней пролежать.

27. Среда. Наши демагоги большею частью космополиты. Они затѣваютъ всякія смуты въ Россіи не для Россіи, а во имя всемірной соціалистической революціи. Конечно, изъ этого надобно исключить „Московскія Вѣдомости", но онѣ въ свою очередь и съ своей стороны грѣшатъ черезчуръ возвышеннымъ діапазономъ, чѣмъ тоже подаютъ поводъ къ неурядицамъ.

28. Четвергъ. Въ засѣданіи академіи (наукъ). Вотъ что дѣло, такъ дѣло! Срезневскій занимается составленіемъ словаря русско-славянскаго языка по древнимъ памятникамъ и сегодня представилъ отдѣленію начатки своего труда. Это будетъ дѣйствительно полезная вещь. Срезневскій занимается этимъ дѣломъ добросовѣстно и умно уже лѣтъ двадцать по его словамъ. Познанія его тутъ несомнѣнны и обширны.

29. Пятница. (П. Л.) Лавровъ окончательно арестованъ. Говорятъ, изъ Москвы привезена еще серія нигилистовъ для допроса.

Въ Бисмарка стрѣляли въ Берлинѣ, но не попали; а сегодня между тѣмъ разнесся слухъ, что онъ убитъ. Убійцею называютъ нѣкоего Вульфа. Нынѣ, кажется, вошло въ обычай убивать тѣхъ, чьи мѣры или идеи не нравятся извѣстнымъ партіямъ. Нечего сказать, простое и убѣдительное средство! Надо, что-бы общества были глубоко деморализованы, если каждый считаетъ себя въ правѣ произвольно распоряжаться ихъ судьбами и для того пускать въ ходъ пули, ядъ и ножъ.

Май. Слухи о смерти Бисмарка не оправдались.

6. Пятница. Вечеромъ, между прочимъ, былъ у меня Соловьевъ, авторъ статей противъ нигилизма въ „Отечественныхъ Запискахъ". Я теперь только узналъ отъ него, что это его братъ—герой отвратительной нигилистической исторіи, случившейся мѣсяцевъ восемь тому назадъ. Онъ хотѣлъ убить свою жену, а когда та отъ него ушла, онъ пришелъ съ ней мириться и откусилъ ей носъ. У сегодня бывшаго у меня Соловьева два брата—оба отчаянные нигилисты, съ которыми онъ поэтому находится въ сильнѣйшей враждѣ.

Чудныя, говорятъ, вещи открываетъ слѣдствіе по дѣлу о покушеніи на жизнь Государя. Въ этомъ ужасномъ дѣлѣ открыты еще три или четыре соучастника. Въ своихъ показаніяхъ они говорятъ, что дѣйствовали въ видахъ правительства. Правительство явно показывало расположеніе къ демократіи и стремленіе подавить, ослабить или даже уничтожить дворянство. Но глупый и необразованный народъ не понималъ того, что̀ для него хотѣли сдѣлать, и тогда положено было убить лицо, которое одно могло сдерживать народъ, который уже не трудно будетъ послѣ того поднять на дворянство или, лучше сказать, на весь образованный классъ. Муравьевъ поэтому требовалъ экстреннаго собранія совѣта министровъ, которое надняхъ и состоялось. Была, говорятъ, какъ-бы сдѣлана ревизія правительственныхъ лицъ, которыя демократизировали народъ или держатся этой системы, вслѣдствіе чего фонды, напримѣръ, Милютина (Николая Алексѣевича), говорятъ, сильно упали.—Учрежденъ комитетъ для изслѣдованія положенія Россіи, въ родѣ комитета общественной безопасности. Разумѣется, изъ этого ничего толковаго не выйдетъ, потому что люди, составляющіе комитетъ, не такого свойства и по уму, и по характеру, чтобы дѣлать серьезныя патріотическія дѣла, а не устраивать свои собственныя. Все это государственныя и моральныя ничтожества.

7. Суббота. Ничто такъ не вредитъ самостоятельности нашей мысли, какъ сильно распространившаяся у насъ страсть къ чтенію. Чтеніе рѣшительно убиваетъ рѣшимость и силу дѣйствовать своимъ умомъ. Этотъ послѣдній привыкаетъ къ плавному теченію по рѣкѣ чужихъ мыслей, которая несетъ его на себѣ, не позволяя ему или очень мало позволяя употреблять при движеніи свои собственныя силы.

Всѣ въ городѣ очень довольны увольненіемъ князя Суворова отъ званія генералъ-губернатора и смѣною оберъ-полиціймейстера. Оба тѣмъ только и были замѣчательны, что производили страшную инерцію въ полицейскомъ управленіи и отличались гуманнымъ обращеніемъ съ ворами и мошенниками. Никогда въ Петербургѣ не было столько безпорядковъ всякаго рода, какъ въ ихъ управленіе, а мирные граждане не пользовались меньшею безопасностью. Теперь многаго ожидаютъ отъ Трепова.

Пекарскій читалъ въ отдѣленіи выписанную имъ въ ака-

демическомъ архивѣ просьбу Тредьяковскаго, объ увольненіи его отъ службы при академіи. Просьба очень любопытна какъ изображеніе бѣдственнаго положенія Тредьяковскаго и гоненій, имъ претерпѣнныхъ отъ своихъ собратій ученыхъ.

Великое преніе въ засѣданіи II отдѣленія академіи о томъ: должно-ли принять отдѣленіе участіе въ постройкѣ памятника Востокову, на который оно собрало деньги по подпискѣ— или предоставить это его женѣ? Я утверждалъ, что отдѣленіе должно принять участіе изъ уваженія къ памяти Востокова и изъ уваженія къ публикѣ, у которой оно выпросило деньги. Прочіе желали, чтобы деньги были отданы женѣ—и пусть она дѣлаетъ, какъ знаетъ. Срезневскій колебался между тѣмъ и другимъ мнѣніемъ. Мнѣ, наконецъ, надоѣла эта буря въ стаканѣ воды. Дѣло осталось нерѣшеннымъ. — „Вотъ вамъ, господа", сказалъ я, „образчикъ нашихъ конституціонныхъ будущихъ собраній"—и ушелъ.

8. Воскресенье. Два предостереженія разомъ въ № 98-мъ „Сѣверной Почты": одно „Московскимъ Вѣдомостямъ", другое „Голосу".

„Московскія Вѣдомости" возбуждаютъ непріязнь и недовѣріе въ обществѣ къ правительственнымъ лицамъ. Это настоящая конституціонная оппозиція. Конечно, наши государственные люди не отличаются ни способностями, ни характеромъ, но обвинять ихъ чуть-ли не въ измѣнѣ, какъ то дѣлаютъ „Московскія Вѣдомости," это ужь черезчуръ крѣпко и значитъ взывать къ анархіи. Кѣмъ-же замѣнить ихъ? Земскимъ собраніемъ? Но при всеобщемъ нынѣшнемъ хаосѣ врядъ-ли бы и оно оказалось на высотѣ своего призванія. Другими лицами? Но гдѣ ихъ взять и гдѣ ручательство, что они поведутъ дѣла лучше? Какъ ни велики ошибки и неспособность нашей администраціи, мы теперь, однако, не столько отъ нихъ страдаемъ, сколько отъ всеобщей разладицы, потрясеній—отъ кризиса, который переживаетъ наше государство.

Побудить правительство къ избранію государственныхъ чиновъ? Въ какой формѣ, съ какими правами и ограниченіями? Кто среди всей этой сумятицы будетъ направлять умы и поддерживать единство?

Вечеромъ заѣзжалъ ко мнѣ Чижовъ и мы пробесѣдовали съ нимъ часа два. Ему не хотятъ дать гарантіи на желѣзную

дорогу отъ Троицкой лавры на Ярославль. Имъ уже построена дорога отъ Москвы до Троицкой лавры и идетъ прекрасно. Завтра онъ долженъ быть у Рейтерна за послѣднимъ словомъ.

Жена нашего доктора Вальца надняхъ уѣхала заграницу. Она взяла съ собою 100 рублей нашими ассигнаціями и двѣсти желѣзно-дорожными бумагами, гарантированными правительствомъ. Вчера Вальцъ получилъ отъ нея письмо, гдѣ она проситъ его прислать ей какихъ-нибудь другихъ денегъ, потому что тѣхъ, которыя у нея есть, у ней не принимаютъ. Она была у семи банкировъ и ни одинъ не согласился обмѣнять ей ея бумаги на звонкую монету. Одинъ изъ нихъ ей сказалъ: „Какъ можемъ мы дать вамъ на нихъ монету, когда неизвѣстно, что̀ будетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ вашей имперіи?“ Они тамъ увѣрены, что у насъ начинается революція.

11. Среда. Однажды Гоголь просилъ (Вас. Андр.) Жуковскаго выслушать какую-то вновь написанную имъ пьесу и сказать о ней свое мнѣніе. Это, кажется, было заграницей въ Дюссельдорфѣ, гдѣ находился Жуковскій. Чтеніе пришлось какъ разъ послѣ обѣда, а въ это время Жуковскій любилъ немножко подремать. Не въ состояніи бороться съ своею привычкою, онъ и теперь, слушая автора, мало по малу, погрузился въ тихій сонъ. Наконецъ, онъ проснулся.—„Вотъ видите, Василій Андреевичъ,“ сказалъ ему Гоголь:—„я просилъ у васъ критики на мое сочиненіе. Вашъ сонъ есть лучшая на него критика“.— И съ этими словами бросилъ рукопись въ тутъ-же топившійся каминъ. — Этотъ анекдотъ передалъ мнѣ Ѳ. В. Чижовъ со словъ самого Гоголя.

У насъ въ одномъ году два года: одинъ календарный, или академическій, въ которомъ все обстоитъ благополучно: мѣсяцы всѣ, какъ слѣдуетъ, и май, и іюнь, и іюль — и настоящій дѣйствительный годъ, который весь состоитъ изъ однихъ октябрей и сентябрей.

За что „Голосу“ дано предостереженіе — непостижимо. Я прочиталъ тѣ два фельетона (№№ 109-й и 114-й), на которые ссылается предостереженіе, но рѣшительно не понимаю законности послѣдняго. Оно понадобилось министерству развѣ только на то, чтобы показать публикѣ, что оно преслѣдуетъ не однѣ „Московскія Вѣдомости,“ а на всѣхъ равно распространяетъ

свои дары. Но вѣдь при такихъ предостереженіяхъ становится невозможнымъ издавать газету. Какъ предвидѣть за что она можетъ подвергнуться отвѣтственности и какъ ей отъ нея уберечься?

А „Московскія Вѣдомости" чуть-ли не окончательно прекращаются. А жаль, что онѣ привели себя къ самоубійству. Если у нихъ была опредѣленная роль и онѣ ясно давали себѣ въ ней отчетъ, имъ надлежало не яриться, не увлекаться личными страстями, а вести свое дѣло умно и съ выдержкою. Успѣхъ ослѣпилъ ихъ, сдѣлалъ высокомѣрными, заносчивыми, капризными. А между тѣмъ, общество лишается съ ними лучшаго и полезнѣйшаго своего органа.

Въ паденіи „Московскихъ Вѣдомостей" заключается еще одинъ важный смыслъ—тотъ, что бюрократія одерживаетъ побѣду надъ общественнымъ умомъ и сочувствіемъ. И это торжество доставлено ей невоздержаннымъ образомъ дѣйствій Каткова и Леонтьева.

12. Четвергъ. № 99 „Сѣверной Почты" гласитъ:„ „Московскія Вѣдомости" пріостановлены на два мѣсяца; суду или судебному преслѣдованію преданы „Спб. Вѣдомости" за статьи: въ № 106-мъ „Судебные порядки въ Прибалтійскихъ губерніяхъ", въ № 107-мъ „Трудъ" и въ № 114-мъ „Наше оправданіе"; а „Современникъ" за статью въ третьей книжкѣ: „Вопросъ молодаго поколѣнія".

14. Суббота. Вчера вечеромъ были Чижовъ, Г. и Вороновъ.

Разнеслись по городу слухи, что Рейтернъ увольняется, а на мѣсто его министромъ финансовъ назначается Фишеръ. Однако, слухи эти не подтверждаются.

Чижовъ разсказывалъ о нѣкоторыхъ банковыхъ продѣлкахъ Штиглица, о которыхъ онъ имѣетъ точныя свѣдѣнія. Выходитъ, что Штиглицъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ нашихъ разорителей. Какъ у насъ его терпятъ—непостижимо. Впрочемъ, о Штиглицѣ у насъ въ обществѣ уже давно сложилось мнѣніе. Не поэтому-ли онъ и силенъ?

Поутру диспутъ изъ философіи Владиславлева на званіе магистра. Это первый диспутъ по этой наукѣ въ Спб. университетѣ съ его основанія. Диссертація „О душѣ". Оппонентами были Полисадовъ и Сидонскій. Послѣ я тоже возражалъ

магистранту, который, правду, сказать защищался хорошо. И, вообще, онъ обѣщаетъ порядочнаго преподавателя философіи. Публики было довольно, въ томъ числѣ и нѣсколько дамъ.

Университетъ давалъ сегодня прощальный обѣдъ бывшему своему попечителю Д., который сдѣланъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Я получилъ отъ Совѣта весьма любезное приглашеніе, какъ почетный членъ университета. Я не охотникъ до подобныхъ обѣдовъ, сильно у насъ опошлившихся, но на этомъ рѣшился присутствовать. Народу было много, въ томъ числѣ и министръ. Тостовъ и рѣчей безчисленное множество—. Послѣднія отличались больше усердіемъ и благонамѣренностью чѣмъ краснорѣчіемъ. И*** хотѣлъ сказать что-то особенное, но такъ запутался въ извилинахъ своихъ мыслей, что почти никто не понялъ общаго содержанія его рѣчи. Ректоръ Воскресенскій говорилъ нѣсколько толковѣе, относясь къ министру, но въ рѣчи его не было ни запаху, ни вкусу. Бѣдный В** проговорилъ нѣсколько фразъ, потомъ началъ сильно путаться, изнемогъ въ борбѣ съ неподатливымъ словомъ и кончилъ тѣмъ, что не кончилъ своей рѣчи. Всѣ прочія рѣчи состояли рѣшительно изъ однихъ общихъ мѣстъ. Вообще профессора доказали, что они плохіе ораторы, хотя шампанское пилось исправно. Меня тоже удостоили тоста и я, въ свою очередь, предложилъ другой по поводу нынѣшняго диспута въ честь философіи и ея профессора Сидонскаго, сидѣвшаго рядомъ со мною. Графъ Димитрій Андреевичъ Толстой былъ по обыкновенію очень дружелюбенъ ко мнѣ. Между прочимъ, онъ разсказалъ мнѣ, какъ ему удалось отстоятъ у Государя „Московскія Вѣдомости", которыя, однако, теперь будетъ издавать не Катковъ, а Любимовъ. — Я и доволенъ графомъ Димитріемъ Андреевичемъ и недоволенъ. Доволенъ тѣмъ, что онъ тотъ-же, какъ и прежде, благородный, честный, образованный, мыслящій человѣкъ; недоволенъ . . . . . однако подождемъ, посмотримъ и дадимъ ему осмотрѣться.

Въ № 162-мъ „Сѣверной Почты" рескриптъ на имя князя (Павла Павлов.) Гагарина.

15. Воскресенье. Баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ заѣзжалъ ко мнѣ, но не засталъ меня дома и оставилъ у меня свою записку о Галичѣ, который былъ въ числѣ его профессоровъ въ лицеѣ.

16. Понедѣльникъ Люди первобытныхъ временъ смѣшивали въ своихъ понятіяхъ то, что̀ есть и что̀ было, съ тѣмъ, что̀ должно быть—дѣйствительность съ идеаломъ. Оттого въ нхъ сагахъ, сказаніяхъ, въ ихъ эпосѣ исторія смѣшивается съ вымысломъ и миѳами.

19. Четвергъ. Вчера у Фребеліуса совѣтовался о глазахъ.

Д. давалъ обѣдъ университету. На немъ присутствовали всѣ тѣ-же лица, что и на университетскомъ обѣдѣ, въ томъ числѣ и министръ, Опять произносились рѣчи, только ихъ было меньше, чѣмъ въ прошлый разъ. Первый произнесъ рѣчь самъ Д. Онъ призывалъ университетъ къ единодушію и благодарилъ его за его прежнюю дѣятельность. Вообще рѣчь Д. была хороша. Замѣчательно, что онъ привелъ нѣсколько текстовъ изъ Св. Писанія. Пришлось говорить и мнѣ, не смотря на мое отвращеніе къ обѣденнымъ рѣчамъ. Я основался на словѣ единодушіе, которое было такъ горячо провозглашено и на прежнемъ обѣдѣ и теперь, и выразилъ увѣренность, что это единодушіе дѣйствительно состоится между членами, нынѣ на лицо находящимися. Ручательствомъ тому служатъ качества тѣхъ силъ, которыя вступаютъ въ соединеніе. Я сказалъ нѣсколько одобрительныхъ словъ о нынѣшнемъ министрѣ, котораго знаю лѣтъ восемнадцать, о бывшемъ попечителѣ и, наконецъ, объ университетскомъ сословіи. Потомъ заключилъ, что желанное единство и единодушіе находятся подъ покровительствомъ великаго общаго стремленія къ единству и благу Россіи, и предложилъ тостъ за это несокрушимое единство и благоденствіе Россіи. Все это было принято съ рукоплесканіями—чему и быть подобало. Затѣмъ я ушелъ съ графомъ Толстымъ.

20. Пятница. Сколько въ безпорядкахъ и страданіяхъ человѣческихъ, зависящихъ отъ неотразимаго хода вещей и условій жизни, приходится на долю собственнаго безумія, глупости и страстей самого человѣка!

Война непремѣнно будетъ, потому что для нея нѣтъ основательныхъ разумныхъ причинъ.

26. Четвергъ. Сегодня мнѣ предстояло быть на похоронахъ П., тѣло котораго привезено изъ Парижа и поставлено въ Александро-Невской лаврѣ. Но со вчерашняго вечера у меня началъ болѣть глазъ. Въ немъ было какое-то постороннее тѣло; я

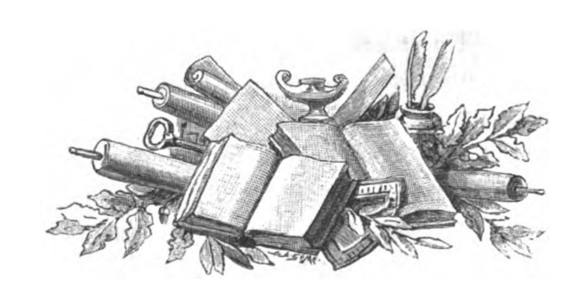
думалъ поправить дѣло натягиваніемъ вѣка, но сдѣлалъ хуже, такъ что вмѣсто поѣздки въ лавру пришлось ѣхать къ доктору......... Я поручилъ Пинто (докторъ итальянскаго языка при Спб. университетѣ) сказать въ церкви Г. о причинѣ моего неприбытія на похороны, а то пріятели не замедлятъ приписать мое отсутствіе невниманію къ памяти умершаго. Отправилъ объ этомъ также записку Гроту.

29. Воскресенье. Есть страсти и влеченія естественныя, или, по крайней мѣрѣ, имѣющія корень свой въ природѣ человѣка; другія искуственныя, слагающіяся въ обществѣ изъ разныхъ общественныхъ отношеній, условій и проч. Надо различать ихъ для надлежащаго изученія и правильнаго пониманія человѣка.

31. Вторникъ. Обычный экзаменъ въ Римско-католической академіи и обычныя изъявленія мнѣ пріязни, благодарности и проч. Я даже готовъ подумать, что ко мнѣ здѣсь дѣйствительно привязаны.

А. В. Никитенко.

(Продолжніе слѣдуетъ).

ПЕТРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РѢДКИНЪ.

Родился 4-го октября 1808 г., † 7-го марта 1891 г.

Очеркъ его педагогической дѣятельности.

> **«Все минется, одна правда останется».**
> **(Любимая поговорка П. Г. Рѣдкина).**

Ник. Ив. Пироговъ въ своемъ знаменитомъ трудѣ „Вопросы жизни“ не разъ вспоминаетъ о своемъ товарищѣ и другѣ П. Г. Рѣдкинѣ [1]). Вотъ что̀ онъ, между прочимъ, пишетъ: „Наконецъ наступилъ и 1827 г., принесшій намъ на свѣтъ высочайше утвержденный проектъ академика Паррота. Первое сообщеніе, болѣе метафорическое, чѣмъ оффиціальное, мы услышали на лекціи Мудрова (въ московскомъ университетѣ). Пріѣхавъ однажды ранѣе обыкновеннаго на лекцію, М. Я. Мудровъ, вдругъ, ни съ того ни съ сего, начинаетъ намъ повѣствовать о пользѣ и удовольствіи отъ путешествій по Европѣ, описываетъ восхожденіе на ледники Альпійскихъ горъ, разсказываетъ о бытьѣ-житьѣ въ Германіи и Франціи, о пуховикахъ, употребляемыхъ вмѣсто одѣялъ нѣмцами, и проч. и проч. Что за притча такая? думаемъ мы, ума не приложимъ—къ чему все это клонится. И только къ концу лекціи, проговоривъ битый часъ, М. Я. Мудровъ объявляетъ, что по высочайшей волѣ призываются желающіе, изъ

---

[1]) См. Сочиненія Н. И. Пирогова. Т. I, стр. 205—450.

учащихся въ русскихъ университетахъ, отправиться для дальнѣйшаго образованія за границу".

Дѣло въ томъ, что Парротъ, родомъ изъ Эльзаса и сотоварищъ знаменитаго Кювье, былъ долго профессоромъ физики въ дерптскомъ университетѣ, послѣ своего перехода изъ Дерпта въ с.-петербургскую академію наукъ, былъ очень близокъ къ князю Ливену, бывшему попечителю дерптскаго университета, назначенному на мѣсто Шишкова министромъ народнаго просвѣщенія при самомъ началѣ царствованія Николая. Парротъ, воспользовавшись своимъ исключительнымъ положеніемъ у министра и намѣреніями молодаго государя преобразовать всю учебную часть государства, представилъ проектъ, существеннымъ пунктомъ котораго было подготовленіе русскихъ молодыхъ людей, кончившихъ курсъ въ разныхъ университетахъ, въ дерптскомъ университетѣ, для дальнѣйшихъ занятій наукою за границею; а дерптскій университетъ въ это время достигъ небывалой научной высоты,— и достигъ именно при попечительствѣ князя Ливена, тогда какъ другіе русскіе университеты падали со дня на день, все ниже и ниже, благодаря отсталости разныхъ попечителей, и сама университетская наука находилась въ печальномъ положеніи. Число русскихъ, посылаемыхъ для подготовки на два, на три года изъ нашихъ университетовъ въ дерптскій, опредѣлялось 20-ю. Послѣ двухъ-лѣтняго пребыванія въ Дерптѣ, они должны были отправляться еще на два года въ заграничные университеты и потомъ прослужить извѣстное число лѣтъ профессорами въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. Содержаніе въ Дерптѣ назначалось въ 1,200 руб. ассигнаціями ежегодно (нѣсколько болѣе нынѣшнихъ 300 руб. сер.); на путевыя издержки полагалась тоже особая сумма. Молодые люди разныхъ университетовъ, собранные въ Петербургѣ, должны были, по прибытіи въ С.-Петербургъ, подвергнуться предварительному еще испытанію въ академіи наукъ по особой программѣ.

Въ числѣ избранныхъ оказались, между прочими, Н. И. Пироговъ и П. Г. Рѣдкинъ, изъ которыхъ первый впослѣдствіи стяжалъ себѣ европейскую извѣстность на поприщѣ профессора-хирурга, а второй—на поприщѣ профессора-юриста и оба содѣйствовали возбужденію въ русскомъ обществѣ новыхъ педагогическихъ идей.

На испытаніи въ академіи наукъ П. Г. не посчастливилось. Его несчастнаго отдѣлалъ тогда академикъ Грефе и далъ такой строгій относительно его judicium, что рѣшили не посылать П. Г. въ Дерптъ, но онъ не послушался и по совѣту Сперанскаго поѣхалъ въ Дерптъ на свой счетъ. Такое твердое рѣшеніе 20-лѣт-

няго юноши объясняется, какъ стремленіемъ молодаго человѣка къ ученой дѣятельности, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что П. Г. по своему происхожденію принадлежалъ къ достаточной дворянской помѣщичьей малороссійской семьѣ, а слѣдовательно и не нуждался въ казенной субсидіи.

П. Г. Рѣдкинъ родился 4-го октября 1808 г., въ г. Ромнахъ, Полтавской губерніи, гдѣ отецъ его въ то время служилъ полицмейстеромъ. До двѣнадцатилѣтняго возраста П. Г. воспитывался въ домѣ отца, подъ руководствомъ гувернера-француза и русскаго учителя. Уже въ раннемъ отрочествѣ, мальчикъ проявлялъ наклонность къ педагогической дѣятельности: любимою его игрою была игра съ однолѣтками „въ уроки", любимымъ времяпровожденіемъ — чтеніе книгъ, преимущественно, историческаго содержанія. Въ теченіе 14 лѣтъ, съ 1820 по 1834 годъ, онъ послѣдовательно прошелъ пять учебныхъ заведеній: Роменское уѣздное училище, нѣжинскій лицей, университеты — московскій, дерптскій и берлинскій. Способный и трудолюбивый юноша, Рѣдкинъ прошелъ 9-ти-лѣтній курсъ лицея кн. Безбородко въ 6 лѣтъ, окончивъ его въ числѣ первыхъ кандидатовъ перваго выпуска, записанный въ liber honoris и съ правомъ на полученіе золотой медали. Въ московскомъ университетѣ П. Г. занимался этико-политическими науками подъ руководствомъ извѣстнаго въ то время профессора Каченовскаго, отъ котораго заимствовалъ ученые пріемы и для своей будущей профессорской дѣятельности. Въ дерптскомъ университетѣ Рѣдкинъ изучалъ римское право и юридическую энциклопедію, состоя подъ руководствомъ извѣстныхъ въ ученомъ мірѣ профессоровъ: Дабелова и Клоссіуса. Въ Берлинѣ русскій студентъ слушалъ римское право у знаменитаго Савиньи, а логику и исторію философіи у самого Гегеля, предъ которымъ преклонялась въ то время вся современная интеллигентная европейская молодежь. Вакантное время молодой П. Г. Рѣдкинъ посвящалъ на путешествія по Германіи, Италіи, Испаніи и Швейцаріи и изученіе классическихъ и новыхъ языковъ: особенно итальянскаго, испанскаго и англійскаго, а по совѣту графа Сперанскаго даже и санскритскаго.

По окончаніи столь серьезнаго и всесторонняго образованія, П. Г. въ продолженіе своей долголѣтней жизни является весьма разнообразнымъ дѣятелемъ на поприщахъ: ученомъ, педагогическомъ и административномъ.

Въ Москвѣ, въ періодъ времени съ 1835 г. по 1848 г., онъ былъ профессоромъ энциклопедіи права и ситоріи философіи права.

Помимо сообщенія серьезныхъ знаній, молодой профессоръ, по

отзывамъ своихъ учениковъ, своими лекціями умѣлъ развивать въ слушателяхъ любовь къ наукамъ, чувство права и справедливости, строгой логической послѣдовательности мышленія и ученаго труда, основаннаго на изученіи источниковъ.

Въ 1848 г. вслѣдствіе неудовольствій, возникшихъ въ средѣ профессоровъ, П. Г. вышелъ изъ университета и переѣхалъ въ Петербургъ. Въ Москвѣ Рѣдкинымъ изданы два тома „Юридическихъ Записокъ", а въ „Москвитянинѣ" онъ помѣщалъ обозрѣніе Гегелевской логики. Въ Петербургѣ Рѣдкинъ служилъ по удѣльному вѣдомству, достигнувъ постепенно министерскаго поста въ качествѣ управляющаго департаментомъ удѣловъ, гдѣ ученый юристъ принималъ живѣйшее участіе по устройству экономическаго быта удѣльныхъ крестьянъ по Положенію 26-го іюля 1863 года. Начиная съ этого года П. Г. становится снова профессоромъ Петербургскаго университета, исправляя вмѣстѣ съ тѣмъ должности то декана юридическаго факультета, то ректора университета и продолжалъ такую дѣятельность еще 20 лѣтъ. Въ послѣдніе годы онъ достигъ высшаго государственнаго назначенія — званія члена государственнаго совѣта и высшаго чина—дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Какъ талантливый лекторъ, излагавшій свой предметъ — энциклопедію права и исторію философіи права въ чрезвычайно стройной системѣ, хотя и не безъ нѣкоторой доли педантической сухости, строгій экзаменаторъ, не могшій сносить никакого верхоглядства или вообще легкаго отношенія къ дѣлу, Рѣдкинъ оставилъ въ своихъ бывшихъ слушателяхъ память человѣка въ высшей степени справедливаго, прямаго, нелицепріятнаго и искренно-преданнаго наукѣ. Уже на закатѣ своихъ дней, на 80 году своей жизни, будучи почти слѣпымъ, онъ проситъ чтицу перечитывать ему профессорскія записки, накопившіяся за 40 лѣтъ, каждый годъ исправляемыя соотвѣтственно движенію науки, диктуетъ ей свой посмертный трудъ „Изъ лекцій по исторіи философіи права въ связи съ исторіей фолософіи вообще",—трудъ, который онъ успѣваетъ довести до 6-го тома изданія. Этимъ трудомъ заслуженный профессоръ и докторъ правъ создалъ достойный памятникъ своей, болѣе чѣмъ полувѣковой, ученой дѣятельности. Шестой томъ появился въ печати лишь за нѣсколько дней до кончины маститаго профессора. Приведенное сочиненіе, по отзывамъ компетентныхъ лицъ, останется цѣннымъ вкладомъ въ нашей самобытно-русской юридической литературѣ и пока является единственнымъ въ этой области. Вскорѣ по кончинѣ П. Г. Рѣдкина вышелъ и 7-й томъ его сочи-

ненія, заканчивающій „Исторію древней философіи“. Покойный предполагалъ издать еще семь томовъ, обнимающихъ собою средніе и новые вѣка. Матеріалы и для этихъ послѣдующихъ томовъ уже были подготовлены П. Г.

Заслуги Рѣдкина, какъ профессора и ученаго, достаточно признаны и оцѣнены уже текущею литературою, мы же, съ своей стороны, занесемъ на страницы „Русской Старины“ свои личныя воспоминанія о другой сторонѣ его дѣятельности — исключительно педагогической, о которой некрологи упоминаютъ только вскользь, какъ бы мимоходомъ, но которая, тѣмъ не менѣе, въ высшей степени симпатична и поучительна.

II.

Начало собственно педагогической дѣятельности П. Г. Рѣдкина относится къ періоду времени съ 1841-го по 1847 г., когда онъ, кромѣ профессорской должности, состоялъ въ Москвѣ инспекторомъ надъ частными учебными заведеніями, а также инспекторомъ классовъ Александринскаго сиротскаго института. Преимущественно, для ближайшаго ознакомленія съ учебною частью, онъ и былъ командированъ въ 1842 — 1843 годахъ въ Германію, Францію и Англію. Педагогическія идеи Песталоцци уже проникли въ это время въ учебныя заведенія запада, Дистервегъ и Фребель вступали на педагогическое поприще; воспріимчивый молодой профессоръ проникся новыми педагогическими идеями и при первой возможности постарался испробовать свои силы по проведенію этихъ идей и въ Россіи. Съ чего же онъ начинаетъ? Съ того, съ чего началъ и лучшій дѣятель изъ русскихъ людей на поприщѣ народнаго просвѣщенія временъ Екатерины Великой—Николай Ивановичъ Новиковъ.

Неустанно работая на пользу общественную, издавая книгу за книгою, журналъ за журналомъ, развивая въ обществѣ потребность къ чтенію, какъ могучему орудію просвѣщенія, Н. И. Новиковъ пришелъ къ мысли вліять тѣмъ же путемъ и на подростающее поколѣніе посредствомъ изданія въ Россіи перваго дѣтскаго журнала подъ именемъ „Дѣтское чтеніе для сердца и разума“, издававшееся съ 1785 по 1789 г. На немъ выработалъ свой слогъ Карамзинъ, имъ же зачитывался въ своемъ дѣтствѣ Н. И. Пироговъ. Можетъ быть и П. Г. Рѣдкинъ, по возвращеніи изъ заграницы, подъ тѣмъ же вліяніемъ сталъ издавать, чрезъ 50 лѣтъ послѣ

Новиковскаго журнала, новый дѣтскій журналъ подъ именемъ „Новая библіотека для воспитанія“ 1847—1849 гг. Этотъ журналъ представляетъ собою весьма любопытную попытку издавать дѣтскій журналъ при исключительномъ участіи людей науки и извѣстныхъ литераторовъ. Въ журналѣ П. Г. Рѣдкина мы находимъ статьи: С. Соловьева, Грановскаго, Кетчера и др. Нѣкоторыя изъ статей „Новой библіотеки“, каковы, напр.: „Геродотъ и его повѣствованія“, „Похожденія Энея“, „Странствованіе Одиссея“, „Атлантическій океанъ“ и „Русская лѣтопись для первоначальнаго чтенія“ вышли въ свѣтъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ, а „Русская лѣтопись“ С. М. Соловьева выдержала даже нѣсколько изданій и дожила до нашихъ дней. Правда, что многія статьи научнаго содержанія сухи, неудобопонятны для чтенія дѣтей, что по своему содержанію, журналъ имѣлъ въ виду премущественно лишь читателей старшихъ классовъ гимназій, но все таки это изданіе останется цѣннымъ вкладомъ въ нашу дѣтскую литературу, а главное — оно проложило путь къ изданію позднѣйшихъ дѣтскихъ журналовъ и въ этомъ заслуга Рѣдкина, подобно Новикову, не подлежитъ сомнѣнію [1]).

Севастополь палъ. Взошелъ на престолъ молодой государь — надежда, слава и гордость Россіи и всего человѣчества, будущій Царь-Освободитель, Царь-Мученикъ. Тягостный міръ былъ заключенъ. Все мыслящее и честное въ Россіи встрепенулось, заговорило, стало искать причину горькихъ разочарованій; всѣ спрашивали другъ друга, потерявъ голову: — „Что дѣлать намъ? Что будетъ дальше?“... Первымъ раздался сильный и свободный голосъ Н. И. Пирогова, знаменитаго хирурга-педагога.

— Къ чему вы готовите вашего сына?—кто-то спросилъ меня.

— Быть человѣкомъ,—отвѣчалъ я.

— Развѣ вы не знаете, сказалъ спросившій, что людей собственно нѣтъ на свѣтѣ: это одно отвлеченіе, вовсе не нужное для нашего общества. Намъ необходимы негоціанты, солдаты, механики, моряки, врачи, юристы, а не люди. Правда это или нѣтъ?

Такимъ эпиграфомъ начинается первая литературная статья Н. И. Пирогова „Вопросы жизни“, напечатанная имъ съ разрѣшенія е. и. в. вел. кн. Константина Николаевича въ „Морскомъ Сборникѣ“ въ 1856 г., вскорѣ по возвращеніи Пирогова съ поля военныхъ дѣйствій, гдѣ онъ воочію убѣдился въ нравственныхъ язвахъ представителей тогдашняго общества.

---

[1]) См. журн. „Восп. и Обуч.“, изд. при „Родникѣ“ 1887 г., 4, 5, 11, 12.

Надо перевоспитать себя: надо давать нашимъ дѣтямъ другое воспитаніе; надо познать себя; надо вникнуть въ нашу индивидуальность; надо задать себѣ вопросы: въ чемъ состоитъ цѣль нашей жизни? Какое наше назначеніе? Къ чему мы призваны? Чего мы должны искать?—Вотъ вопросы, которые пытается разрѣшить Н. И. Пироговъ въ своихъ „Вопросы жизни“, въ которыхъ онъ приходитъ къ общему выводу, что „идеалъ воспитанія“ выражаютъ слова: „ищи быть и будь человѣкомъ“ [1]).

Такихъ-же взглядовъ на воспитаніе держался и старый товарищъ Н. И. Пирогова—П. Г. Рѣдкинъ, на котораго не могла не произвести сильнаго впечатлѣнія статья Пирогова и который не могъ и съ своей стороны не принести посильной пользы для своего отечества въ смыслѣ распространенія въ немъ правильнаго взгляда на воспитаніе. Въ то время онъ жилъ уже въ Петербургѣ, оставивъ на время профессорскую каѳедру, но оставаясь въ глубинѣ души истиннымъ педагогомъ. Интимнымъ и любимымъ кружкомъ его были выдающіеся въ то время молодые педагоги, съ которыми онъ и велъ постоянную бесѣду о различныхъ педагогическихъ вопросахъ. Одного изъ членовъ этого кружка почтеннаго—А. А. Чумикова онъ уговорилъ издавать педагогическій журналъ „Воспитаніе, руководство для родителей и воспитателей [2])“, который по мнѣнію П. Г. Рѣдкина долженъ былъ-бы систематически проводить новыя педагогическія идеи, касающіяся воспитанія и обученія. Первый номеръ этого журнала вышелъ въ 1857 г. почти въ одно время съ появленіемъ педагогическихъ статей Н. И. Пирогова. Въ первый годъ существованія этого журнала, всѣ главныя статьи принадлежатъ перу П. Г. Рѣдкина, каковы: „Что такое воспитаніе?“, „Обозрѣніе педагогической литературы“, въ которой авторъ впервые знакомитъ русскую публику съ сочиненіями знаменитыхъ европейскихъ педагоговъ: Дистервега, Раумера, Нимейра, Керна и друг.: „Можно-ли и должно-ли воспитывать дѣтей?“, „Первое знакомство дѣтей съ природою“. Вполнѣ точный и опредѣленный взглядъ П. Г. Рѣдкина на воспитаніе, приводимый имъ во всѣхъ его статьяхъ,

[1]) См. второй томъ Сочиненій Н. И. Пирогова, стр. 1—54.

[2]) Александру Александровичу Чумикову принадлежитъ первая мысль выраженная имъ въ концѣ 1856-го года въ обстоятельно разработанной запискѣ объ учрежденіи въ Россіи открытыхъ женскихъ средне-учебныхъ заведеній, что нынѣ женскія гимназіи. Эта записка тогда-же была представлена императрицѣ Маріи Александровнѣ, столь много содѣлавшей затѣмъ добраго въ великомъ дѣлѣ женскаго образованія въ Россіи. См. „Русскую Старину“ изд. 1889 г., томъ LVIII, апрѣль, стр. 277—280; іюнь. стр. 523—528. Ред.

можно обобщить въ такомъ видѣ: „Въ наукѣ подъ воспитаніемъ разумѣется указаніе юношѣ пути къ счастью, въ смыслѣ не одного земнаго только благополучія, но и небеснаго блаженства, споспѣшествованіе развитію добрыхъ его свойствъ и наклонностей; всестороннее образованіе всѣхъ его тѣлесныхъ и душевныхъ способностей для выполненія земнаго призванія и конечнаго предназначенія, возведеніе его на возможно высшую степень совершенства физическаго и нравственнаго. Истиннымъ воспитаніемъ вскармливается не одно тѣло, но и душа наша, напитываясь всѣмъ полезнымъ для жизни земной и небесной. Воспитаніе должно обнимать всего человѣка. Гдѣ воспитатели стараются возродить человѣка къ новой жизни въ духѣ красоты, истины и добра, тамъ и есть христіанское воспитаніе. Да будетъ-же самъ воспитатель ближайшимъ идеаломъ для своихъ воспитанниковъ. Начиная съ изощренія внѣшнихъ чувствъ, правильное обученіе и воспитаніе должно доводить дѣтей до само-дѣятельности и самостоятельнаго развитія. Государство не должно никому отказывать въ воспитаніи“...

Рѣдкинъ, какъ и Пироговъ, ратовалъ за семейство, какъ главную воспитывающую силу, стоялъ за постоянную связь между школой и семьей, разъяснялъ настоятельную необходимость самообновленія общества, высказывался противъ тираніи и деспотизма въ воспитаніи, ибо „если тиранія въ воспитаніи противна природѣ человѣка, то не менѣе того, противенъ ей и деспотизмъ, даже самый нѣжный“ [1]).

Все это въ настоящее время мысли не новыя, стали ходячими истинами, но въ концѣ 1850-хъ годовъ, въ переходную эпоху, въ эпоху, между прочимъ, педагогическаго броженія, эти мысли были сказаны какъ разъ кстати и поучительны для тогдашняго общества, которое и хотѣло воспитать лучше дѣтей, чтобы сдѣлать ихъ счастливыми, да не знало какъ. И дѣйствительно, въ первые годы своего существованія, журналъ „Воспитаніе“, не смотря на свое спеціальное назначеніе, читался всѣми.

Черезъ два года послѣ основанія журнала „Воспитаніе“, педагогическая дѣятельность П. Г. переходитъ изъ области литературно-журнальной въ общественную, живую. 11-го октября 1859 года въ квартирѣ П. Г. Рѣдкина собрался, по его приглашенію, небольшой кружокъ тогдашнихъ молодыхъ еще педагоговъ: А. А. Чумиковъ, I. И. Паульсонъ, А. С. Вороновъ, И. Б. Штейманъ, докторъ Изенбекъ, В. Х. Лемоніусъ, К. И. Май, К. Я. Люгебиль и Н. Х. Вессель [2]).

---

[1]) См. журналъ „Русская школа“ 1891 г., апрѣль.

[2]) Изъ этого кружка педагоговъ остались въ живыхъ только I. И. Паульсонъ, Н. Х. Вессель, В. Х. Лемоніусъ и А. А. Чумиковъ (въ 1891 г.).

Этотъ кружокъ, по предложенію хозяина, единогласно выразилъ желаніе: образовать въ С.-Петербургѣ первое педагогическое общество, съ цѣлью изученія и изслѣдованія вопросовъ, относящихся къ дѣлу воспитанія и обученія, сближенія отечественныхъ педагоговъ между собою и для распространенія въ обществѣ здравыхъ педагогическихъ понятій и свѣдѣній. До учрежденія же общества положено было собираться по два раза въ мѣсяцъ, для обсужденія различныхъ педагогическихъ и дидактическихъ вопросовъ и пригласить гг. директоровъ и инспекторовъ, учителей и воспитателей столичныхъ учебныхъ заведеній участвовать въ этихъ собраніяхъ. Предсѣдателемъ былъ избранъ П. Г. Рѣдкинъ, обязанность секретаря предложено было принять Н. Х. Весселю. Слѣдующія пять собраній происходили поочередно у гг. Штеймана, Изенбека, Мая, Лемоніуса и Воронова; значительное увеличеніе числа лицъ, желавшихъ участвовать въ собраніяхъ, побудило П. Г. обратиться къ г. попечителю округа И. Д. Делянову (нынѣ министру народнаго просвѣщенія и графу), съ просьбою разрѣшить педагогическія собранія въ одной изъ столичныхъ гимназій. Дозволеніе послѣдовало немедленно и слѣдующее седьмое собраніе, 9-го января 1860 года, происходило уже во 2-й С.-Петербургской гимназіи, какъ болѣе центральной, гдѣ съ тѣхъ поръ и происходили постоянно засѣданія новаго общества.

Въ восьмомъ собраніи, 23-го января 1860 года, въ которомъ участвовало 18 членовъ, постановлено было: 1) составить совѣтъ педагогическаго собранія изъ предсѣдателя, двухъ вице-предсѣдателей, 2 членовъ и 2 секретарей по выбору и поручить совѣту завѣдываніе дѣлами собранія; 2) назначить особую комиссію для составленія временныхъ правилъ для хода занятій и 3) просить г. попечителя округа принять на себя званіе почетнаго предсѣдателя собранія, что было имъ и принято. Тогда же въ совѣтѣ выбраны были: предсѣдатель П. Г. Рѣдкинъ, вицепредсѣдателями: А. А. Чумиковъ и И. Б. Штейманъ, членами совѣта: А. С. Вороновъ и В. Х. Лемоніусъ, секретарями: Н. Х. Вессель и І. И. Паульсонъ.

Въ засѣданіи 6-го февраля 1860 г. утверждены были присутствовавшими временныя правила для педагогическихъ собраній, но уже 18-го марта того же года, по предложенію П. Г. Рѣдкина, была избрана новая комиссія для составленія проекта самого устава С.-Петербургскаго педагогическаго общества, который, по разсмотрѣніи въ общемъ собраніи, и представленъ былъ въ 1861 г. на утвержденіе г. попечителя округа. 31-го октября 1862 г. предсѣдатель П. Г. Рѣдкинъ получилъ письменное увѣдомленіе отъ

И. Д. Делянова о дозволеніи лицамъ, занимающимся обученіемъ и воспитаніемъ или интересующимся педагогикою, составлять педагогическія собранія въ С.-Петербургѣ въ одномъ изъ казенныхъ зданій учебнаго вѣдомства. Вмѣстѣ съ тѣмъ была сообщена и инструкція для подобныхъ собраній.

Насколько была жизненна и плодотворна дѣятельность педагогическаго собранія за первые четыре года его существованія доказываетъ простой перечень вопросовъ и занятій.

Въ 1859 — 1860 году: Рѣдкинъ прочелъ свое мнѣніе, съ юридической точки зрѣнія, о таблицѣ наказаній, составленной въ 1854 г. Пироговымъ; Штейманъ разсматривалъ тотъ же вопросъ съ педагогической стороны; Вороновъ прочелъ рефератъ объ экзаменахъ; Май — по вопросу: слѣдуетъ-ли задавать ученикамъ уроки во время каникулъ; Изенбекъ — о назначеніи числа дѣтей и ихъ помѣщеніи въ низшихъ классахъ учебныхъ заведеній; Лемоніусъ — о баллахъ, какъ знакахъ оцѣнки познаній учениковъ; Паульсонъ—о средствахъ воспитанія въ школѣ; Штейманъ — о классной и предметной системѣ преподаванія; Мессеръ—объ историческомъ развитіи способовъ каллиграфическаго преподаванія; П. Л. Лавровъ объ основныхъ предметахъ преподаванія молодымъ людямъ отъ 12 до 19 лѣтъ; Вессель — о народныхъ училищахъ по поводу составленія ученымъ комитетомъ проекта устава этихъ училищъ.

Въ 1860—61 году, по предложенію министерства народнаго просвѣщенія, педагогическое собраніе занималось обсужденіемъ проекта устава низшихъ и высшихъ народныхъ училищъ и гимназій, составленнаго ученымъ комитетомъ въ началѣ 1860 года. Обсужденіе этого проекта вызвало слѣдующіе рефераты, сообщенія и доклады: Перетцъ прочелъ свое мнѣніе и выставилъ тезисы о значеніи общеобразовательныхъ училищъ и объ учебныхъ предметахъ въ нихъ; А. С. Вороновъ—о преподаваніи отечественнаго языка; Д. С. Михайловъ—о преподаваніи біологіи; Соколовъ — (проф. Спб. унив.) о преподаваніи химіи и минералогіи; Бѣляевъ—о преподаваніи математики; В. И. Водовозовъ — о преподаваніи роднаго языка; Тимаевъ — о преподаваніи отечественной исторіи; Зонъ—о преподаваніи физики; В. И. Лядовъ—о преподаваніи географіи; Штейманъ—о преподаваніи древнихъ языковъ; Власовъ— о преподаваніи словесности въ 4-хъ старшихъ гимназическихъ классахъ; Д. Д. Семеновъ прочелъ свою статью: „Годъ занятій русскимъ языкомъ въ Смольномъ институтѣ, въ двухъ низшихъ классахъ".

Въ 1861—1862 году: Кедровъ доложилъ собранію рефератъ и выставилъ тезисы о преподаваніи древнихъ языковъ въ гимназіяхъ; Авенаріусъ — о біографическомъ преподаваніи исторіи; Алесъ Мари—о преподаваніи французскаго языка въ гимназіяхъ; Поповъ—о преподаваніи новыхъ языковъ въ гимназіяхъ; Сентъ-Илеръ — о прогимназіи, какъ о полномъ народномъ училищѣ; баронъ Коссинскій—о вечернихъ школахъ для бѣдныхъ дѣтей и для ремесленниковъ; Люгебиль—о принципѣ въ преобразованіи среднихъ учебныхъ заведеній.

Въ 1862 — 1863 году обсуждались слѣдующіе рефераты: Веселя—о мѣстномъ элементѣ въ общемъ образованіи; Паульсонъ—„Наука въ школѣ и метода школьнаго преподаванія"; Люгебиль—„По вопросу о преподаваніи исторіи литературы въ гимназіяхъ"; Беллярминовъ—о преподаваніи исторіи въ гимназіяхъ; Д. Семеновъ- о введеніи отчизновѣдѣнія и отечествовѣдѣнія и о характерѣ преподаванія этихъ предметовъ въ народныхъ школахъ; Мѣдниковъ — объ общихъ условіяхъ въ народномъ образованіи; Николенко—„справедливо-ли обвинять учениковъ въ ихъ неуспѣхахъ въ наукахъ".

Въ послѣднемъ засѣданіи — 17-го октября 1863 года—М. И. Семевскій сообщилъ весьма важныя и любопытныя свѣдѣнія о грамотности между крестьянами въ Псковской губерніи, собранныя имъ на мѣстѣ во время объѣзда и осмотра зимою 1862—1863-го учебнаго года сельскихъ школъ въ этой губерніи [1]).

Какъ видно изъ приведеннаго только перечня занятій, „С.-Петербургское педагогическое собраніе" того времени пользовалось полнымъ довѣріемъ министерства народнаго просвѣщенія, обсуждало не только вопросы по методикѣ отдѣльныхъ предметовъ, но касалось организаціи учебныхъ заведеній низшихъ и среднихъ, разсуждало о принципахъ воспитанія и обученія. Засѣданія происходили аккуратно два раза въ мѣсяцъ въ первую и вторую субботу каждаго

---

[1]) Трудъ М. И. Семевскаго былъ изданъ въ 1863 — 1864 гг., именно: 1) „Грамотность въ деревняхъ временно-обязанныхъ крестьянъ Псковской губерніи въ 1863 г.", Спб., 1864 г., съ статистическими таблицами, издано мин. народн. просвѣщенія. 2) Грамотность въ деревняхъ государственныхъ крестьянъ Псковской губерніи въ 1863 г., Спб., 1864 г., съ таблицами статистическими и картою Псковской учебной дирекціи, изд. по распоряженію мин-ства народнаго просвѣщенія. Второе изданіе этого послѣдняго труда издано въ приложеніи къ журналу „Грамотѣй", Спб., 1864 г. Изъ первой части труда М. И. Семевскаго довольно обширное извлеченіе было напечатано въ журналѣ „Учитель" изд. 1863 г.

мѣсяца. Членскій взносъ былъ 3 руб. въ годъ. Гости допускались не иначе, какъ съ согласія предсѣдателя.

Въ засѣданіяхъ послѣдующихъ годовъ, кромѣ чтенія и обсужденія рефератовъ въ педагогическомъ обществѣ, происходили разборы учебныхъ книгъ; составлялись планы учебныхъ руководствъ, читались сообщенія провинціальныхъ педагоговъ, происходили даже цѣлые диспуты, напр.: въ высшей степени интересные между Ушинскимъ и Паульсономъ по поводу вопроса: „педагогика—наука или искусство?“, между бар. Корфомъ и Миропольскимъ о книгѣ „Нашъ другъ“ и др. Подобные диспуты собирали массу публики, что мѣшало серьезному ходу занятій въ обществѣ. Мы, нынѣ посѣдѣвшіе на педагогическомъ поприщѣ, съ удовольствіемъ вспоминаемъ свое общество, гдѣ мы съ пользою для себя и для дѣла могли проводить немногіе часы своего досуга, свободно высказывали свои мысли, всегда честныя и искреннія. Многіе изъ насъ почерпали здѣсь нравственную поддержку для своей педагогической практики и для своихъ педагогическихъ трудовъ, которые и теперь, по истеченіи слишкомъ тридцати лѣтъ, не потеряли своего значенія. Достаточно указать на труды Ушинскаго, Водовозова, Чумикова, Стоюнина, Герда, Паульсона, Сентъ-Илера, Евтушевскаго [1]) и др.

Душою общества, энергическимъ его защитникомъ, мудрымъ руководителемъ былъ безсмѣнный нашъ предсѣдатель, Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ, котораго мы ежегодно избирали въ продолженіе 15 лѣтъ съ 1859 по 1874 годъ, а онъ бывало только молча встанетъ и поклонится. Сѣдой, всегда гладко остриженный, съ крупными чертами лица, съ проницательными глазами, смотрящими нѣсколько исподлобья, съ нѣсколько грубою рѣчью, отдающею малороссійскимъ акцентомъ, нашъ предсѣдатель былъ строгій законникъ, останавливающій наши горячія рѣчи рѣзкими замѣчаніями

---

[1]) Добавимъ сюда и труды почтеннаго Дмитрія Дмитріевича Семенова (род. 1834 г.), въ теченіе уже тридцати семи лѣтъ неуклонно и неизмѣнно работающаго на литературно-педагогическомъ и на общественно-педагогическомъ поприщѣ. Пройдя всѣ стадіи учителя, начиная съ учителя уѣзднаго училища до директора учительской семинаріи (каковымъ Д. Д. былъ четырнадцать лѣтъ на Кавказѣ), Д. Д. Семеновъ составилъ и издалъ „Уроки географіи“, въ 3 томахъ; „Отечествовѣдѣніе“, въ 5-ти томахъ; „Даръ слова“—одна книга; четыре картины временъ года; онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ во многихъ педагогическихъ и друг. журналахъ всегда по вопросамъ воспитанія и образованія русскаго юношества. Нынѣ Д. Д. Семеновъ служитъ экспертомъ С.-Петербургскихъ городскихъ училищъ, содержимыхъ городскою Думою.

Ред.

въ родѣ: „Г. В., ваша рѣчь впереди!" „Г. С., не уклоняйтесь въ сторону; говорите о тезисѣ!" „Г. П., довольно, вы уже все сказали; вы повторяетесь". „Пренія кончены, вопросъ исчерпанъ". И мы умолкали, пріучались къ сдержанности, къ уваженію чужихъ мнѣній.

Мы любили и уважали Петра Григорьевича, между прочимъ, и за то, что онъ мастерски умѣлъ вести пренія, обобщать мнѣнія; иногда прочтетъ намъ цѣлую лекцію, если вопросъ требуетъ разъясненія съ исторической, философской или юридической стороны. Онъ былъ не только нашъ предсѣдатель, но и наставникъ, учитель, горячо любившій молодежь, умѣвшій подмѣтить индивидуальныя наклонности каждаго изъ насъ, натолкнуть на настоящую дорогу, не дававшій дремать молодымъ силамъ, обнаруженному таланту.

Я не знаю, почему П. Г. Рѣдкинъ оставилъ предсѣдательское кресло въ 1874 г., передавъ его сначала И. Ѳ. Рашевскому, а потомъ В. А. Евтушевскому, не знаю также—почему это полезное, въ мое время, общество было вскорѣ совсѣмъ закрыто, такъ какъ я служилъ въ ту пору на Кавказѣ. По доставленнымъ мнѣ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, оказывается, что „С.-Петербургское педагогическое общество" было закрыто 11 декабря 1879 года по представленію тогдашняго министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстого за то, что дозволило себѣ въ засѣданіи 3-го ноября обсуждать статьи В. И. Модестова (нынѣ профессора Императорскаго Новороссійскаго университета), помѣщенныя въ газетѣ „Голосъ", стремившіяся доказать, что введенная съ 1871 г. система образованія въ нашихъ гимназіяхъ не соотвѣтствуетъ потребностямъ Россіи и что ее слѣдуетъ отмѣнить.

3-го февраля 1880 г. попечитель петербургскаго учебнаго округа, предложеніемъ на имя предсѣдателя с.-петербургскаго педагогическаго общества, разрѣшилъ созвать общее собраніе членовъ закрытаго педагогическаго общества съ тѣмъ, чтобы оно было созвано только однажды и чтобы въ ономъ не было допущено никакихъ другихъ сужденій, кромѣ рѣшенія способовъ окончательной ликвидаціи дѣлъ общества.

29-го марта 1880 г. состоялось въ присутствіи окружнаго инспектора Ломана, общее собраніе членовъ совѣта: предсѣдателя В. А. Евтушевскаго, казначея З. Б. Вулиха, библіотекаря Н. И. Запольскаго, секретаря В. Д. Сиповскаго и 23-хъ членовъ общества. На этомъ послѣднемъ собраніи с.-петербургскаго педагогическаго общества принято слѣдующее рѣшеніе:

1. Капиталъ общества передать въ комитетъ грамотности, состоящій при императорскомъ вольно-экономическомъ обществѣ

въ качествѣ неприкосновеннаго на вѣчныя времена подъ названіемъ „Капитала бывшаго педагогическаго общества".

2. Золотую медаль, учрежденную въ память А. С. Воронова, съ принадлежащимъ ей капиталомъ, передать въ комитетъ грамотности съ тѣмъ, чтобы капиталъ сохранилъ на вѣчныя времена свое назначеніе и чтобы изъ процентовъ онаго выдавать медаль въ память А. С. Воронова за лучшее сочиненіе по исторіи народнаго образованія въ Россіи.

3. Библіотеку передать въ училищную комиссію при городскомъ общественномъ управленіи съ тѣмъ, чтобы на ней была надпись „Библіотека бывшаго педагогическаго общества".

Согласно разрѣшенію министра народнаго просвѣщенія графа И. Д. Делянова, послѣдовавшему 15-го февраля 1884 г., З. Б. Вулихъ въ точности исполнилъ упомянутое рѣшеніе послѣдняго собранія педагогическаго общества [1]).

Особенно цѣнна педагогическая библіотека бывшаго общества; главное богатство ея заключается въ сочиненіяхъ на иностранныхъ языкахъ педагогическаго и философскаго содержанія, завѣщанныхъ обществу покойнымъ К. Д. Ушинскимъ съ его собственными помѣтками на поляхъ.

Такъ покончило свое существованіе единственное въ Россіи и созданное П. Г. Рѣдкинымъ „С.-петербургское педагогическое общество".

III.

Будучи предсѣдателемъ педагогическаго общества П. Г. не оставлялъ и своей излюбленной литературно-педагогической дѣятельности. Когда А. А. Чумиковъ перенесъ журналъ „Воспитаніе" въ Москву, П. Г. Рѣдкинъ принялъ живое участіе въ новомъ педагогическомъ журналѣ „Учитель", издаваемомъ сначала І. И. Паульсономъ и Н. Х. Весселемъ, а потомъ однимъ І. И. Паульсономъ и просуществовавшемъ ровно 10 лѣтъ съ 1860 по 1870 г. Выписывая рѣшительно всѣ педагогическіе журналы на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ, никто другой, какъ П. Г. Рѣдкинъ зналъ въ совершенствѣ текущую иностранную педагогическую литературу. Пользуясь столь богатою сокровищницею, П. Г. въ небольшихъ сжатыхъ очеркахъ знакомилъ читателей на стра-

[1]) Свѣдѣнія о послѣднихъ годахъ существованія педагогическаго общества обязательно доставлены намъ З. Б. Вулихомъ.

ницахъ „Учителя“ со всѣмъ, что, по его мнѣнію, могло пригодиться каждому педагогу, каждому дѣятелю по народному образованію. Такихъ очерковъ онъ далъ сорокъ семь. Рѣдкинъ же былъ однимъ изъ главныхъ иниціаторовъ основанія Фребелевскаго общества, существующаго и донынѣ. Въ первое же засѣданіе этого общества, бывшее въ 1871 году, П. Г. Рѣдкинъ избранъ былъ предсѣдателемъ, покойный И. Т. Осининъ—вице-предсѣдателемъ, а І. И. Паульсонъ—дѣлопроизводителемъ. Даже на закатѣ дней, почти слѣпымъ, будучи уже членомъ государственнаго совѣта, П. Г. Рѣдкинъ принималъ горячее участіе въ обсужденіи новаго университетскаго устава и изрѣдка посѣщалъ собранія учителей въ педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній, до конца дней своихъ живо интересуясь вопросами воспитанія и образованія какъ мужскаго, такъ и женскаго. Такъ, въ 1888 году вышелъ въ свѣтъ, замѣчательный по своей содержательности, сборникъ статей анонимнаго автора подъ заглавіемъ: „Къ рѣшенію вопроса о женскомъ образованіи“. Оказалось теперь, что этотъ сборникъ принадлежитъ перу П. Г. Рѣдкина. Въ немъ онъ ставитъ вопросъ на чисто научную почву, приводя мнѣнія корифеевъ науки, сочувственно относящихся къ женскому образованію. Въ немъ мы находимъ такія статьи, какъ „Права женщины“, „Природа женщинъ и ихъ права“, „Миссія нашего вѣка“, „Современное положеніе женщины“, „Научная эмансипація женщины“, „Взглядъ Пирогова на женскій вопросъ“, „Женщина гражданка“, „Статистическое освѣщеніе женскаго вопроса“, „Женщина въ области права“ и др.

Женатый на англичанкѣ, Елизаветѣ Эдуардовнѣ Гарье, дочери лектора англійскаго языка въ московскомъ университетѣ (въ 1848 г.), П. Г. былъ образцовымъ мужемъ и отцомъ семейства. Четыре дочери его получили превосходное, исключительно домашнее, образованіе, подъ личнымъ его руководствомъ; всѣ выдающіеся педагоги давали имъ уроки; всѣми лучшими учебными пособіями и богатой библіотекой обставлена была ихъ учебная комната; единственный сынъ его получилъ отличное юридическое образованіе въ с.-петербургскомъ университетѣ.

Да, имя Петра Григорьевича Рѣдкина займетъ почетное мѣсто въ исторіи нашего просвѣщенія, какъ человѣка труда и науки, какъ извѣстнаго профессора, создавшаго у насъ науку энциклопедію права, какъ педагога по призванію, пролившаго въ наше воспитаніе гуманныя, христіанскія идеи, въ наше обученіе здравыя педагогическія начала, какъ честнаго русскаго гражданина, всю жизнь посвятившаго служенію правдѣ и истинѣ.

П. Г. Рѣдкинъ скончался въ 1891 году, въ ночь на 7-е марта, на 83-мъ году жизни. Заупокойная литургія происходила въ домовой церкви академіи художествъ 10-го марта. Службу совершали: профессоръ церковнаго права протоіерей-профессоръ М. И. Горчаковъ, другъ покойнаго, пресвитеръ церкви Зимняго дворца, извѣстный педагогъ о. Д. И. Соколовъ и мѣстное духовенство. Отпѣваніе П. Г. привлекло множество лицъ образованнаго общества; тутъ были представители государственнаго совѣта, сената, вообще судебныхъ учрежденій профессоровъ, педагоговъ, много людей науки, представителей печати и учащихся въ университетѣ и въ высшихъ женскихъ курсахъ. Между многими вѣнками выдѣлялся вѣнокъ отъ присяжныхъ повѣренныхъ, съ надписью на черномъ бархатномъ полѣ: „Проповѣднику правды и справедливости—благодарные ученики".

Тѣло П. Г. Рѣдкина погребено на лютеранскомъ Смоленскомъ кладбищѣ, рядомъ съ прахомъ его любимой супруги. Профессоръ Берштатскій сказалъ надгробное слово, въ которомъ, между прочимъ, выразился такъ: „Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ московскомъ университетѣ выступилъ лекторъ, впервые заговорившій о новой наукѣ—энциклопедіи права. То былъ—Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ. Онъ училъ о томъ, что юристъ долженъ быть не однимъ только законовѣдомъ, но и сыномъ свободы. У свободы-же нѣтъ пасынковъ, есть только сыновья. Чтобы быть сыномъ ея, надо неустанно трудиться. Эту трудную науку и въ то-же время науку труда предлагалъ своимъ слушателямъ покойный профессоръ Рѣдкинъ. Нынѣ, разбросанные по Россіи ученики его, прочитавъ о его похоронахъ, вспомнятъ, что онъ изслѣдовалъ правду и истину и что онъ, какъ воинъ, не покидалъ своего поста до самой смерти!"

„Все минется, одна правда останется!...

Д. Д. Семеновъ.

С.-Петербургъ.
1891 г., мая 25-го дня.

НА РѢКѢ АМУРѢ въ 1854—1855 гг.

Воспоминанія офицера изъ отряда Н. Н. Муравьева.

I.

Въ 1848 году, послѣ генерала Руперта, умершаго въ Иркутскѣ, генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири былъ назначенъ ген.-маіоръ Николай Николаевичъ Муравьевъ. Первымъ дѣйствіемъ новаго ген.-губернатора, кажется, былъ вызовъ изъ Россіи чиновниковъ для обновленія состава мѣстныхъ управленій, въ которыхъ были сильно распространены злоупотребленія, преслѣдуемыя имъ не только въ лицѣ отдѣльныхъ чиновниковъ, но и цѣлыхъ присутственныхъ мѣстъ.

Въ числѣ чиновниковъ, рѣшившихся ѣхать въ Иркутскъ, былъ родственникъ мой, съ которымъ поѣхалъ и я, чтобы поступить тамъ въ гражданскую службу.

Выѣхавъ изъ Москвы, въ маѣ мѣсяцѣ 1849 г., мы весь путь сдѣлали на лошадяхъ (около 6,000 верстъ), такъ какъ ни желѣзныхъ дорогъ, ни пароходовъ тогда не существовало. Волга была еще въ разливѣ, образуя мѣстами цѣлыя моря; слѣдуя почтовому тракту, черезъ Волгу пришлось переѣхать три раза до Казани. Въ одномъ мѣстѣ, кажется, у Василь-Сурска, разливъ былъ такъ великъ, что пришлось плыть на лодкѣ цѣлую станцію.

Изъ городовъ, послѣ Нижняго Новгорода и Казани, представлялъ интересъ только Екатеринбургъ, по своимъ издѣліямъ изъ цѣнныхъ камней. Отъ этого города, на Томскъ и Красноярскъ, мы ѣхали не почтовымъ трактомъ черезъ Тюмень, но по Барабинской степи,

выгадывая сотни двѣ верстъ пути. Къ тому-же на этомъ трактѣ въ то время вольные ямщики провозили за плату на половину меньшую противъ почтоваго. Лошади здѣсь были хорошія, неутомимыя, нерѣдко везли по двѣ станціи, верстъ шестьдесятъ, не кормя и быстро. Онѣ были, большей частью, мало ѣзжанныя и случалось, что, во время запряжки, ноги ихъ были въ путахъ, которыя осторожно снимались послѣ того, какъ ямщикъ усаживался на козлы и забиралъ возжи Тогда вся тройка бросалась скакать и шла во весь карьеръ версты двѣ-три, пока обойдется. Станціи собственно не было; многіе крестьяне занимались извозомъ, передавая сѣдоковъ изъ деревни въ деревню знакомымъ ямщикамъ, называемымъ дружками, почему ѣзда по Барабинской степи называлась попросту „на дружкахъ". По этому тракту шли всѣ обозы на Томскъ, Красноярскъ и Иркутскъ, почему въ деревняхъ имѣлись обширные постоялые дворы.

Гладкая, какъ скатерть, дорога пролегала по ровной, безлѣсной степи, на которой кое-гдѣ паслись гурты скота и конскіе табуны, и только высокій камышъ, окружающій озера, которыхъ тамъ довольно много, измѣнялъ однообразный видъ степи; впрочемъ, вдали виднѣлись горы.

Не смотря на сильную жару, днемъ ѣхать было лучше, нежели вечеромъ, когда появлялись цѣлыя тучи мошекъ, причинявшихъ много страданій, если не надѣть сѣтки, закрывающей лицо и голову. Но подъ сѣтками, которыми запасались въ конечныхъ пунктахъ этого пути, бывало очень душно. Такое множество этихъ насѣкомыхъ, вѣроятно, появляется изъ болотъ, окружающихъ озера.

До Иркутска мы ѣхали болѣе мѣсяца, - это былъ обыкновенный срокъ; почта шла около мѣсяца и только курьеры проѣзжали это разстояніе въ три недѣли и даже скорѣе.

По прибытіи въ Иркутскъ, родственникъ мой, какъ человѣкъ тамъ новый, не могъ оказать мнѣ помощи для полученія въ скорости мѣста въ гражданскихъ учрежденіяхъ уже потому, что не зналъ, въ которомъ изъ нихъ было-бы лучше, почему, слѣдуя совѣту одного знакомаго, декабриста Петра Александровича Муханова, († въ Иркутскѣ, 12-го февраля 1854), я рѣшился поступить въ военную службу, юнкеромъ въ сибирскіе линейные баталіоны.

Зная очень близко существовавшіе тамъ порядки, Мухановъ говорилъ, что пока ген. Муравьевъ очиститъ составъ чиновниковъ, искореняя злоупотребленія, мнѣ, начинающему службу, пришлось-бы подчиняться чиновникамъ, заматерѣвшимъ въ разныхъ каверзахъ, и, можетъ быть, пострадать. Поступленіе въ военную службу представ-

лялось лучшимъ и потому, что для юнкеровъ въ Иркутскѣ была учреждена школа, гдѣ преподавались общія и военныя науки.

Въ 1850 г., въ Иркутскъ прибылъ командовать бригадой сибирскихъ линейныхъ баталіоновъ ген.-маіоръ Павелъ Ивановичъ Запольскій. У него я имѣлъ случай видѣть высшихъ тогда въ Иркутскѣ лицъ, а также декабристовъ — князей Сергѣя Петровича Трубецкаго († въ Москвѣ, 22-го ноября 1860 г.) и С. Г. Волконскаго. († на 78-мъ году отъ рожденія, въ Черниговской губ., 28 ноября 1865 г.).

Кн. Трубецкой былъ высокаго роста, имѣлъ короткіе, рыжеватые, съ просѣдью, волосы, равно какъ и бакенбарды. Князь Сергій Григорьевичъ былъ скорѣе средняго, нежели высокаго роста; ниспадавшіе до плечъ волосы, подгибаясь кольцами, были почти бѣлы, равно какъ и длинная борода; но, насколько помню, по лицу онъ не казался столь преклонныхъ лѣтъ, какъ можно было полагать по бѣлизнѣ волосъ.

Въ 1851 г., съ образованіемъ Забайкальской области и казачьяго тамъ войска, ген. Запольскій былъ назначенъ губернаторомъ области и наказнымъ атаманомъ этого войска, которое составилось изъ двѣнадцати пѣшихъ баталіоновъ (три бригады) и двухъ конныхъ бурятскихъ полковъ. Впрочемъ въ составъ этого войска вошли казачьи конные полки, существовавшіе ранѣе и расположенные въ станицахъ вдоль всей нашей границы съ Китаемъ. Пѣшіе баталіоны сформировались изъ крестьянъ, бывшихъ ранѣе приписанными къ нерчинскимъ горнымъ заводамъ.

Офицеры въ это войско были назначены изъ сибирскихъ линейныхъ баталіоновъ и изъ казачьихъ полковъ, но много было пріѣзжихъ изъ армейскихъ, пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ.

Ген. Запольскій переѣхалъ въ Читу, назначенную быть областнымъ городомъ, осенью въ 1851 году, причемъ онъ взялъ меня съ собою, такъ какъ баталіонъ, въ которомъ я числился, также былъ перемѣщенъ въ Читу.

За Байкалъ имѣлись двѣ дороги. Одна шла по горамъ вокругъ озера, гдѣ надо было ѣхать много верхомъ, и другая, по которой поѣхалъ генералъ, направляется вверхъ по Ангарѣ до станціи Листвиничной, въ шестидесяти верстахъ отъ Иркутска, отсюда, на пароходѣ, переѣзжали озеро поперегъ, около ста верстъ, въ Посольскій монастырь. Пароходъ останавливался на рейдѣ, парусные-же суда, называемые тамъ карбасами, входили въ бухту, называемую Прорвой.

Въ Байкалѣ и въ рѣкахъ, въ него впадающихъ: Верхней Ангарѣ и Селенгѣ, ловится великое множество рыбы, называемой „омуль“.

Я не знаю къ какой породѣ она принадлежитъ, но она красная, т. е. имѣетъ мясо красноватое и очень жирное; величиной она около полуаршина и даже болѣе. Вслѣдствіе ея обилія, омуль очень дешевъ, составляя обычную пищу простаго народа, какъ и кирпичный чай, который крестьяне и казаки за Байкаломъ употребляютъ по нѣсколько разъ въ день. Чай этотъ приготовляется слѣдующимъ способомъ. Накрошенный мелко чай (продается онъ въ видѣ твердыхъ, какъ камень, плиткахъ, около полуаршина длины и четырехъ вершковъ ширины, при толщинѣ около трехъ четвертей вершка) долго (варятъ) кипятятъ въ чугунномъ котлѣ, послѣ чего въ него кладутъ масло или крѣпко вареное молоко и немного соли. Иногда въ такой чай прибавляютъ поджаренной муки и тогда онъ называется затурономъ; сахаръ въ обоихъ случаяхъ не употребляется. Если этотъ напитокъ, при непривычкѣ, можетъ показаться не вкуснымъ, то во всякомъ случаѣ онъ чрезвычайно питателенъ. Отъ Посольска дорога идетъ на Верхне-Удинскъ, за которымъ начинается Хоринская степь, около трехъ сотъ верстъ протяженія, по сторонамъ, то справа, то слѣва, виднѣются горы. Въ этой степи кочуютъ буряты, войлочныя юрты которыхъ разбросаны и группами и въ одиночку въ сторонѣ отъ дороги и всюду видны стада крупнаго и мелкаго скота, составляющія все богатство бурятъ. Буряты и зимой и лѣтомъ носятъ овчинныя шубы, и только когда очень жарко сбрасываютъ ихъ съ плечъ, оставаясь голыми до пояса; на головѣ имѣютъ овчинную или войлочную шапку. У пояса буряты постоянно носятъ длинные ножи, употребляемые при ѣдѣ мяса. Ухвативъ зубами кусокъ баранины, бурятъ отрѣзаетъ его у самыхъ губъ и надо удивляться, какъ они не отрѣжутъ при этомъ свои толстыя губы. Ѣдятъ буряты очень много и неопрятно; вообще они крайне грязны и, кажется, никогда не моются. Привыкнувъ съ дѣтства, буряты хорошо ѣздятъ верхомъ; они садятся и объѣзжаютъ въ одинъ день совершенно дикихъ лошадей изъ своихъ табуновъ. Поймавъ такую лошадь арканомъ, ее въ полузадушенномъ состояніи осѣдлываютъ и ослабляютъ арканъ. Въ этотъ моментъ бурятъ вскакиваетъ на лошадь, которая несется въ степь. Послѣ нѣсколькихъ часовъ отчаянной скачки, бурятъ возвращается шагомъ на измученной, покрытой пѣной и совершенно уже покоренной лошади. Сѣдла у бурятъ съ высокими арчаками и короткими стременами; богатые украшаютъ сбрую и сѣдло металлическимъ наборомъ и каменьями, голубаго и краснаго цвѣта; первые можетъ быть бирюза, но мнѣ неизвѣстно, что̀ это за камни красные, называемые „Маржанами“. Съ наступленіемъ зимы буряты перекочевывали въ долины горъ, для

защиты отъ burановъ (снѣжная буря) и для продовольствія скота подножнымъ кормомъ. Сѣно, въ тѣ времена, запасали очень мало, кажется, только для мелкаго скота и потому, если снѣга были глубоки или образовывался слишкомъ крѣпкій настъ (твердая кора на поверхности снѣга), то животныя, обглодавъ насколько возможно вѣтви деревъ, тощали и падали. Вообще скотъ къ веснѣ становился такъ худъ и слабъ, что при сильномъ вѣтрѣ брелъ по его направленію до совершеннаго изнеможенія, уходя такимъ образомъ на десятки верстъ отъ становищъ бурятъ, которымъ въ такихъ случаяхъ приходилось отыскивать свои стада. Бывали случаи, что вслѣдствіе безкормицы, у нѣкоторыхъ бурятъ погибалъ весь скотъ и буряты изъ богачей дѣлались нищими.

Въ 1849 или 1850 годахъ, въ Хоринской степи и сосѣднихъ мѣстностяхъ, отъ безкормицы погибло, какъ я слышалъ, около милліона разнаго скота.

На востокъ Хоринская степь упирается въ Яблоновый хребетъ, на который мы подымались двѣ станціи; мѣстами были топкія болота, покрытыя гатями для проѣзда. Спускъ съ хребта короче, но круче; онъ каменистъ и болотъ уже не встрѣчается. Отъ подошвы горы начинается опять степь до самой Читы, верстъ на тридцать; вдоль-же хребта она тянется, какъ будто безъ конца. Тутъ то-же кочуютъ буряты, и степь изборождена тропинками, проложенными верховой ѣздой изъ улуса къ улусу (становище бурятъ).

Верстъ за десять до Читы съ возвышенности виднѣется влѣво большое озера, около двадцати верстъ въ окружности, съ селеніемъ на восточномъ берегу; то и другое называется Кинонъ.

Послѣ мнѣ приходилось неоднократно бывать на этомъ озерѣ; въ немъ ловятся въ большомъ количествѣ крупные караси, хотя берега и дно озеро состоятъ изъ крупнаго сѣраго песку.

Чита—казачья станица, въ которой были также и поселенцы. Она стоитъ въ горахъ на рѣчкѣ того-же имени, при впаденіи ея въ рѣку Ингоду, принимающую отсюда, вмѣсто сѣвернаго направленія, восточное. Чита была извѣстна ранѣе только потому, что въ ней содержались декабристы до увольненія ихъ на поселеніе.

Одинъ изъ осужденныхъ, въ 1826 году, верховнымъ уголовнымъ судомъ проживалъ здѣсь до самаго возвращенія въ Россію,—то былъ Дмитрій Иринарховичъ Завалишинъ, бывшій до осужденія флотскимъ лейтенантомъ. Онъ жилъ въ своемъ домѣ съ матерью и сестрами своей жены, фамилія которыхъ, насколько помню, была Смольяниновы; кажется, это было семейство бывшаго въ Читѣ плацъ-адъютанта. Не смотря

на преклонные почти годы, онъ повидимому пользовался удовлетворительнымъ здоровьемъ, ходилъ очень скоро и вообще былъ очень живой [1]). Въ его черныхъ волосахъ, кажется, еще не было сѣдины. Одѣвался онъ, по старинному, въ сѣрый казинетовый казакинъ на крючкахъ и съ фалдами въ сборку; фуражка тоже была стариннаго фасона съ большимъ козырькомъ. Почти каждый день я видѣлъ его за столомъ у П. И. Запольскаго, пользовавшагося его обществомъ, какъ единственнаго въ Читѣ образованнаго человѣка, не бывшаго у него въ подчиненіи, какъ служащій. Какъ извѣстно, Завалишинъ былъ изъ числа образованныхъ изъ товарищей его по несчастью; говорилъ онъ хорошо и разсказы его изъ александровскихъ временъ и прошедшаго Сибири были очень интересны. Сколько я могъ тогда замѣтить, лица, окружавшія генерала Запольскаго, и вообще всѣ служащіе не жаловали Завалишина вѣроятно потому, что онъ не стѣснялся высказывать все, что дѣлалось ему извѣстнымъ. По неимѣнію въ Читѣ архитектора, Завалишинъ производилъ постройку дома для губернатора.

Въ это время въ Читѣ еще существовалъ острогъ, гдѣ содержались декабристы. Онъ состоялъ изъ трехъ длинныхъ, одноэтажныхъ зданій, поставленныхъ въ видѣ буквы П и окруженныхъ высокимъ тыномъ съ единственными воротами, противъ которыхъ, черезъ улицу, находился домъ коменданта, завѣдывавшаго узниками. Домъ этотъ тоже былъ еще цѣлъ съ его каланчею, настолько высокою, что весь дворъ острога былъ хорошо виденъ.

Строеніе это въ 1853 году, по уничтоженіи тына, было обращено въ хлѣбные магазины для подготовлявшейся Амурской экспедиціи. Въ зиму 1853—1854 гг., средствами мѣстнаго линейнаго баталіона были заготовлены бревна для постройки плотовъ, къ чему приступлено было ранней весной въ 1854 году и тогда же начатъ сплавъ хлѣба по Ингодѣ, Онону и Шилкѣ въ Шилкинскій заводъ, гдѣ были сосредоточены всѣ приготовленія къ экспедиціи, начавшіяся еще ранѣе, но такъ секретно, что мало кому было извѣстно. Постройкою плотовъ въ Читѣ и отправкою хлѣба распоряжался подполковникъ М. С. Корсаковъ, бывшій потомъ губернаторомъ Забайкальской области, а впослѣдствіи и генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири послѣ Н. Н. Муравьева. Встрѣтивъ меня у генерала Запольскаго, М. С. Корсаковъ предложилъ назначеніе въ число офицеровъ своднаго баталіона солдатъ, выдѣленныхъ изъ всѣхъ

---

[1]) Дмитрій Иринарховичъ Завалишинъ живетъ въ настоящее время (1891 г.) въ Москвѣ; онъ родился около 1805 года.

линейныхъ баталіоновъ, расположенныхъ за Байкаломъ, для экспедиціи. Конечно, я не отказался участвовать въ такомъ интересномъ дѣлѣ и съ того времени поступилъ въ распоряженіе М. С. Корсакова.

До производства въ офицеры, мнѣ часто приходилось жить въ деревняхъ и особенно въ селеніи Норымъ или Нарынъ, (повидимому названіе бурятское), верстахъ въ восьмидесяти, или болѣе, отъ Читы. Крестьяне этого селенія при хлѣбопашествѣ, большею частью, занимались звѣринымъ промысломъ, добывая бѣлокъ, лисицъ, козъ, а также и болѣе крупныхъ звѣрей, какъ лось, изюбрь (очень большая, какъ крупная лошадь, коза) и медвѣдей. Изюбрей стрѣляли, преимущественно, раннею весною для полученія ихъ роговъ, имѣющихъ въ это время видъ шишекъ или наростовъ, еще мягкихъ. Рога эти сбывались китайцамъ по высокой цѣнѣ (сто пятьдесятъ рублей и болѣе за пару), какъ говорятъ, для приготовленія сильно укрѣпляющаго лекарства. У нѣкоторыхъ крестьянъ имѣлись домашніе, прирученные изюбри, доставлявшіе имъ хорошій доходъ. Добыча звѣрей производилась не только стрѣльбой изъ винтовокъ, но и ловушками различнаго устройства, а также посредствомъ ямъ. Эти послѣднія дѣлались аршина три длины и глубины при ширинѣ около аршина; ихъ закрывали легкой настилкой изъ тонкихъ прутьевъ, листьями и хвоемъ. Пространства между ямами, саженей двадцать – тридцать, загораживались валежникомъ, такъ что звѣри, по необходимости, отыскивая свободный проходъ, подходили къ ямѣ и ступивъ на настилку, проваливались. При осмотрѣ ямъ, устраиваемыхъ по склонамъ горъ, пойманнаго звѣря прирѣзывали въ ямѣ (накинувъ петлю на шею и приподнявъ его), чтобы возлѣ ямы не было слѣдовъ крови, которую звѣри далеко чуютъ. У нѣкоторыхъ крестьянъ было по сотнѣ и болѣе такихъ ямъ.

Для добыванія бѣлокъ наши промышленники переходили китайскую границу, если тамъ гдѣ-нибудь оказывался обильный урожай кедровыхъ орѣховъ; гдѣ много орѣха, тамъ обыкновенно много и бѣлокъ. Болѣе другихъ животныхъ добывалось козъ, и если мясо ихъ, по неимѣнію сбыта, ничего не стоило, то козій мѣхъ и кожи были въ цѣнѣ. Они шли на одежду не только зимнюю, какъ шубы (дохи дѣлаются шерстью наружу) и теплые сапоги, но и на лѣтнюю, для чего шерсть на кожѣ уничтожалась.

Если крестьянинъ былъ порядочный работникъ, то онъ жилъ хорошо, скотъ былъ очень дешевъ, земли вдоволь и урожаи большею частью удовлетворительные, а иногда и обильные. У многихъ крестьянъ, кромѣ дворовъ въ селеніи, имѣлись хутора или, какъ

ихъ тамъ называли, заимки (въ верстахъ 10—30 и болѣе отъ селенія), на которыхъ, въ качествѣ работниковъ, не рѣдко бывали бѣглые съ каторги, работавшіе почти только за одинъ хлѣбъ. Вообще бродягъ попадалось много, а въ такихъ глухихъ мѣстахъ, какъ Норымъ, тѣмъ болѣе. Шли они кормясь подаяніемъ, но никогда не называли себя нищими, — но прохожими. Крестьяне ихъ никогда не задерживали, не смотря на приказы отъ начальства, опасаясь поджоговъ, а также изъ состраданія; это для нихъ были все „несчастненькіе", которымъ никогда не отказывалось въ подаяніи, но на ночлегъ, сколько помнится,—пускали только на заимкахъ.

Буряты, какъ я неоднократно слышалъ, враждовали съ бродягами изъ-за постоянныхъ кражъ скота и лошадей и при встрѣчѣ въ глухихъ мѣстахъ стрѣляли ихъ изъ винтовокъ.

Я слышалъ также, что нерѣдко бѣглые каторжники проживали въ селеніяхъ подъ именемъ умершихъ поселенцевъ, съ вѣдома, конечно, сельскихъ властей, которыя въ этихъ видахъ не всегда своевременно увѣдомляли надлежащее начальство о смерти поселенцевъ. Такая сдѣлка допускалась, вѣроятно, въ тѣхъ случаяхъ, когда умершій поселенецъ не былъ хорошо извѣстенъ въ селеніи или же поступавшій на его мѣсто уходилъ на дальніе пріиски.

Впрочемъ, мнѣ указывали въ с. Норымѣ одного такого крестьянина и повидимому это было всѣмъ извѣстно. Онъ былъ уже женатъ въ этомъ селеніи и имѣлъ дѣтей; жилъ съ достаткомъ, считаясь хорошимъ хозяиномъ и промышленникомъ и, вообще, о немъ отзывались какъ о хорошемъ человѣкѣ.

Уже въ тѣ времена за Байкаломъ были добровольные переселенцы. Такъ, въ верстахъ сорока отъ Читы, вверхъ по Ингодѣ находились три довольно большія поселенія малороссовъ. Судя по количеству стоявшихъ на гумнахъ скирдовъ хлѣба, по строеніямъ и праздничнымъ одеждамъ, поселенцы эти пользовались достаткомъ.

Съ назначеніемъ въ составъ экспедиціи, обязанность моя въ Читѣ заключалась въ наблюденіи за постройкою и нагрузкою плотовъ, а также за постройкою небольшихъ для нихъ лодокъ. Работы производились спѣшно, начинали съ разсвѣтомъ и оканчивали съ темнотой; шли часовъ 15—18 въ день. Это продолжалось со времени вскрытія р. Ингоды, кажется, съ конца марта, до послѣднихъ чиселъ апрѣля, когда на послѣднихъ плотахъ, съ послѣднимъ грузомъ хлѣба и остальной командой солдатъ отправился и я по рр. Ингодѣ, Онону и Шилкѣ. Это было 24 апрѣля 1854 года.

Плаваніе по рѣкамъ, при стоявшей тогда хорошей погодѣ, совершилось вполнѣ благополучно, будучи интереснымъ какъ по но-

вости, такъ и по разнообразію встрѣчаемыхъ мѣстностей. Берега представляли—то равнины и лѣса, то высокіе утесы. Мы не испытали ни остановокъ на меляхъ, ни ударовъ о берега и только въ началѣ плаванія по Ингодѣ, на каменистыхъ перекатахъ плотамъ нашимъ пришлось выдержать испытаніе прочности постройки. Несясь по мелкимъ быстринамъ, плоты ударялись о камни дна, которые, къ счастію, были кругловатые. Мѣстами бревна перебирало какъ клавишами, отчего разваливались сложенные рядами мѣшки съ хлѣбомъ.

Шилкинскій заводъ—мѣсто каторжныхъ работъ; первое, что мы увидѣли тамъ, былъ колесный пароходъ „Аргунь", построенный для экспедиціи; машина для него сдѣлана была на Петровскомъ заводѣ (гдѣ-то возлѣ Верхнеудинска за Байкаломъ) рабочими каторжными. Это была первая машина, сдѣланная въ Восточной Сибири, и какъ оказалось впослѣдствіи—удовлетворительно, такъ какъ работала исправно во все время плаванія по Амуру, но, кажется, была не достаточно сильна. Кромѣ этого маленькаго корабля, было построено много большихъ лодокъ, предназначенныхъ не только для людей, но главнымъ образомъ для нагрузки большаго количества хлѣба въ видѣ муки, крупы и сухарей. Припасы эти были заготовлены какъ на время плаванія по Амуру, такъ и для продовольствія всѣхъ бывшихъ на устьѣ Амура въ теченіе, по крайней мѣрѣ, цѣлаго года; доставить новый транспортъ хлѣба ранѣе этого срока было бы невозможно. Постройкой всѣхъ судовъ завѣдывалъ капитанъ 2-го ранга П. В. Козакевичъ, бывшій потомъ адмираломъ и начальникомъ Кронштадта, нынѣ покойный.

Назначенный въ экспедицію сводный баталіонъ помѣщался въ лагерѣ на правомъ берегу Шилки противъ завода, гдѣ происходила живая работа по окончанію отдѣлки и нагрузки судовъ хлѣбомъ. Въ первыхъ числахъ мая, прибылъ въ шилкинскій заводъ генералъ Николай Николаевичъ Муравьевъ и, сколько помнится, только къ 7-му мая 1854 года мы были готовы къ отплытію.

Послѣ молебна на плацу, передъ лагеремъ, у берега рѣки, мы отвалили отъ шилкинскаго завода. Наканунѣ отъѣзда у генерала Н. Н. Муравьева былъ прощальный обѣдъ, на которомъ былъ генералъ Запольскій, полковникъ горныхъ инженеровъ И. Е. Разгильдѣевъ и многіе другіе, прибывшіе проводить экспедицію. Во время обѣда пѣлъ хоръ пѣсенниковъ, составленный изъ каторжниковъ, замѣчательный по своимъ голосамъ и тому выраженію, съ которымъ онъ пѣлъ нѣкоторыя, особенно сибирскія, пѣсни.

Черезъ нѣсколько дней, на Усть-стрѣлкѣ, при сліяніи Шилки

съ Аргунью, къ экспедиціи присоединились барки съ сотней конныхъ казаковъ, а 14-го мая 1854 года мы двинулись по Амуру.

II.

Перечислю, насколько помню, составъ экспедиціи: подполковникъ Корсаковъ—начальникъ бывшихъ въ экспедиціи войскъ; капитанъ 2-го ранга Козакевичъ—начальникъ флотиліи. Затѣмъ при генералѣ Муравьевѣ состояли: военный инженеръ Ахте, горный инженеръ Аносовъ, адъютантъ Буссе, гражданскіе чиновники: Бибиковъ, Свербѣевъ и еще, кажется, Филиппеусъ. Было еще нѣсколько лицъ, въ томъ числѣ какой-то ученый, кажется, натуралистъ и переводчикъ манчжурскаго и китайскаго языковъ, фамиліи которыхъ не упомню. Пароходомъ командовалъ лейтенантъ Купріяновъ. При сводномъ линейномъ баталіонѣ было четыре офицера: Медвѣдевъ, Монастыршинъ, Гленъ и я, считавшіеся командирами ротъ. Казаками командовалъ, изслѣдовавшій нѣкоторую часть Амура, сотникъ Скобельцынъ; при казакахъ былъ еще одинъ офицеръ. Была съ нами и артиллерія, въ составѣ двухъ горныхъ пушекъ и такихъ же мортиръ, съ нѣсколькими солдатами и однимъ офицеромъ, поручикомъ Бакшеевымъ. Баталіонъ превышалъ тысячу человѣкъ, и, слѣдовательно, весь личный составъ экспедиціи, считая казаковъ и артиллеристовъ, могъ быть не болѣе тысячи двухъ сотъ человѣкъ и, скорѣе, менѣе этого числа.

Генералъ и его штабъ помѣщался на лодкахъ съ поставленными на нихъ домиками или будками; конечно, генеральская лодка и домикъ были наибольшіе; этотъ послѣдній состоялъ изъ двухъ, хотя и очень маленькихъ, комнатъ. Остальныя лица штаба помѣщались подвое на одной лодкѣ, такъ что всѣхъ такихъ лодокъ было около десяти. Нѣкоторыя лица помѣщались на пароходѣ.

Всѣ остальныя лодки были нагружены хлѣбомъ нѣсколько выше бортовъ, въ видѣ удлиненной пирамиды, и накрыты парусиной на два ската; на переднихъ и заднихъ частяхъ лодокъ, свободныхъ отъ груза, помѣщались солдаты. Мы, офицеры баталіона, также устроили себѣ на кормовыхъ частяхъ лодокъ нѣчто въ родѣ каютъ, пользуясь парусиной, покрывавшей хлѣбъ.

Казаки и артиллеристы и ихъ лошади находились на баркахъ, построенныхъ казаками на Аргуни. Эти барки были почти круглыя, съ низкими бортами, и двигались медленнѣе нашихъ лодокъ, какъ вслѣдствіе своей формы, такъ и потому, что дно у нихъ было сдѣ-

лано изъ бревенъ, положенныхъ поперегъ барокъ. Барки эти показывали, до какой степени эти потомки донскихъ и уральскихъ казаковъ утратили то, что такъ хорошо знали ихъ предки, строившіе легкія и быстрыя на ходу ладьи, на которыхъ они плавали по Азовскому и Каспійскому морямъ и прошли по рѣкамъ всю Сибирь.

Кромѣ разныхъ лодокъ и барокъ у насъ имѣлись еще плоты изъ бревенъ, занятые разными припасами: солониной, масломъ и т. д. и рогатымъ скотомъ, для продовольствія экспедиціи. По мѣрѣ расходованія припасовъ и скота, плоты уничтожались на дрова для парохода, такъ что, въ половинѣ плаванія, ихъ уже не было.

Плаваніе совершалось обыкновенно такъ: пароходъ съ ночлега уходилъ впередъ и останавливался съ такимъ расчетомъ, чтобы флотилія могла прибыть туда же часамъ къ десяти или одиннадцати. Прибывающія лодки устанавливались вдоль берега, придерживаясь своихъ ротъ. Генералъ со штабомъ останавливался въ нѣкоторомъ отдаленіи. Тотъ часъ по привалѣ, артельщики получали припасы и начиналось приготовленіе пищи; солдаты между тѣмъ варили себѣ чай. Пока былъ скотъ, пищу приготовляли съ свѣжимъ мясомъ, а потомъ съ солониной или масломъ. Особая команда назначалась на каждомъ привалѣ рубить дрова для парохода. Солдаты любили пароходъ, называя его, какъ лошадь, „воронко", по цвѣту его окраски; присутствіе парохода, дѣйствительно, какъ-то оживляло экспедицію, какъ будто дѣлало ее сильнѣе и значительнѣе, хотя въ сущности отъ него нельзя было ожидать особой помощи, въ случаѣ какихъ-либо затрудненій.

Къ разсвѣту работы оканчивались и заунывные звуки рожка, игравшаго подъемъ, указывали время отвала.

Лодки генерала и его штаба, оставаясь долѣе на ночлегѣ, обгоняли потомъ флотилію, располагаясь около полудня гдѣ-нибудь для обѣда; но къ вечеру вновь присоединялись къ флотиліи, слѣдуя впереди или позади ея; иногда играла музыка, находившаяся на особой лодкѣ.

Такъ какъ при выборѣ мѣста для остановки, главнымъ образомъ, имѣлось въ виду разстояніе, которое флотилія могла сдѣлать въ извѣстное время, а потому мѣста эти иногда были не совсѣмъ удобны,—сыры, заросшія лознякомъ, камышемъ, съ крутымъ, обрывистымъ берегомъ, или же, наконецъ, въ этомъ мѣстѣ было такое быстрое теченіе, что было затруднительно останавливаться и лодки ударялись о берегъ и между собой.

Одинъ изъ офицеровъ баталіона находился на особомъ барказѣ, свободномъ отъ груза, съ двадцатью солдатами при ружьяхъ.

Барказъ этотъ слѣдовалъ позади флотиліи, въ родѣ арьергарда, чтобы, въ случаѣ надобности, подать помощь, еслибы какая-нибудь лодка попала на мель или потекла.

Въ военной предосторожности не представлялось надобности, такъ какъ нападенія на экспедицію вообще не предполагалось и тѣмъ болѣе, во время плаванія въ первой половинѣ рѣки столкновеніе съ китайцами могло произойти только въ средней части Амура около города Айгуна. По прибытіи на ночлегъ, дежурный на барказѣ офицеръ былъ обязанъ обойти всѣ лодки, чтобы удостовѣриться всѣ-ли онѣ цѣлы, здоровы-ли люди, о чемъ доложить подполковнику Корсакову, отъ котораго получались всѣ приказанія.

Иногда флотилія растягивалась на пристанищѣ и при томъ на неудобной мѣстности, гдѣ и днемъ проходить было-бы затруднительно, а тутъ надо было ходить иногда въ темную ночь, разыскивая, гдѣ остановились лодки, а потомъ разыскать расположеніе штаба и возвратиться на свою лодку, стоявшую на другомъ концѣ расположенія флотиліи. Если мѣстность была удобная и ночь не темная, то это была только ночная прогулка, въ противномъ случаѣ тяжелая работа.

Не знаю, какъ питались два другіе офицера, но членъ и я ѣли, преимущественно, то, что готовилось солдатамъ, и черные сухари; чай и сахаръ, однакожъ, мы имѣли въ запасѣ.

Въ первой трети плаванія, когда еще было мало островов, мы нерѣдко плыли по ночамъ, приготовивъ пищу для солдатъ на два дня. Во время такого плаванія на носовыхъ частяхъ лодокъ, на устроенныхъ очагахъ разводили огонь, чтобы было видно направленіе всей флотиліи. При темныхъ ночахъ зрѣлище было очень интересное.

Каждая лодка была снабжена веслами и парусомъ, которыми часто пользовались, чтобы ускорить движеніе флотиліи. Генералъ бывалъ очень не доволенъ, если при попутномъ вѣтрѣ кто-либо изъ офицеровъ не распорядится своевременно поднять паруса; это особенно строго наблюдалось въ первую половину плаванія, пока прошли г. Айгунъ Повидимому, генералъ торопился миновать этотъ городъ, опасаясь, вѣроятно, чтобы губернаторъ Приамурской области, провѣдавъ о появленіи нашемъ на Амурѣ, не успѣлъ снестись съ китайскимъ правительствомъ, которое могло дать ему инструкціи, несогласныя съ видами генерала, желавшаго непремѣнно пройти Амуромъ, но совершенно мирно, оставаясь съ Китаемъ въ дружественныхъ отношеніяхъ. Какъ потомъ сдѣлалось извѣстно, только подъ этимъ условіемъ генералу было дано разрѣшеніе на экспедицію.

При томъ-же и силы наши были такъ невелики, что лучше было обойтись безъ ссоры. Китайцы могли провѣдать о снаряженіи экспедиціи и, приготовившись, заградить намъ путь. Трудно опредѣлить результатъ этого столкновенія, но послѣдствіемъ могла быть война.

По слухамъ, генералъ послалъ, кажется подполковника генеральнаго штаба Зубаринскаго, въ Китай, черезъ Кяхту, просить позволенія пройти Амуромъ къ морю въ русскія владѣнія, находящіяся сѣвернѣе устья этой рѣки; но это было сдѣлано, какъ было слышно, передъ самымъ отправленіемъ экспедиціи и посланецъ, вѣроятно, не достигъ еще китайской столицы; когда нами былъ пройденъ весь Амуръ, или, по крайней мѣрѣ, бо̀льшая часть его. Можетъ быть, что это входило въ разсчеты генерала, такъ какъ нельзя было особенно надѣяться, чтобы китайцы охотно, безъ затрудненій, разрѣшили такое вторженіе въ ихъ предѣлы, хотя-бы только потому, что вообще не терпятъ появленія у себя иностранцевъ, а тутъ былъ цѣлый флотъ съ войскомъ и генераломъ во главѣ.

Что путешествіе наше было вполнѣ неожиданное для поселеній на Амурѣ, видно изъ того, что въ средней части его, приближаясь къ Айгуну, мы находили всѣ селенія брошенными жителями, не вывезшими всего своего имущества и домашнихъ животныхъ.

Во все плаваніе по Амуру, нами не было сдѣлано ни одного выстрѣла, хотя дичи было довольно,—стрѣльба была запрещена.

Насколько помню, около трети отъ Усть-стрѣлки, правый берегъ покрытъ лѣсами и гористъ, лѣвый-же, большею частью, представляетъ на первомъ планѣ мѣстность ровную, иногда нѣсколько волнистую; лѣса не сплошные, но попадаются болѣе или менѣе обширныя безлѣсныя пространства; въ отдаленіи виднѣлись горы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была еще невиданной мною высоты трава, почти въ ростъ человѣка, но грубая, въ родѣ осоки. Въ разстояніи около двухсотъ верстъ отъ Усть-стрѣлки, на мѣстѣ, гдѣ былъ Албазинъ, виднѣлись только поросшіе травою бугры, при раскапываніи которыхъ находили обгорѣлые кирпичи. Мѣстность представляла довольно обширную равнину, поросшую мѣстами рѣдкимъ лѣсомъ или отдѣльными группами деревьевъ.

Въ этой части Амура островювъ очень мало, но число ихъ увеличивается по мѣрѣ приближенія къ средней части и потомъ ихъ такъ много, что, безъ знающихъ мѣстность проводниковъ, мы постоянно попадались-бы въ рукава неудобные для плаванія.

Проводниками нашими были, въ первой половинѣ плаванія, кочующіе инородцы—орочены и манегры, тунгузскаго племени, по мино-

ваніи-же Айгуна — гольды, похожіе на монголовъ и китайцевъ. Первые живутъ въ лѣтнее время въ берестяныхъ шалашахъ, конической формы, по берегамъ рѣки, но, вѣроятно, имѣютъ болѣе прочныя жилища въ лѣсахъ для зимы. Они ѣздятъ въ легкихъ берестяныхъ лодочкахъ, называемыхъ „омороча", очень длинныхъ, но узкихъ, чтобы только сѣсть человѣку и притомъ не очень большому; весло одно двухъ-лопастное, т. е. лопатки для гребли имѣются на обоихъ концахъ весла. Лодочки эти идутъ очень быстро, но крайне неустойчивы, почему для непривычныхъ очень опасны. Тѣ изъ дикарей, которыхъ мы видѣли, малы ростомъ, худощавы, съ узкими глазами, приплюснутымъ носомъ и выдающимися скулами; косъ не носятъ.

Гольды, большею частью, средняго и даже высокаго роста, сложенія крѣпкаго, типъ лица сходственъ съ монгольскимъ и имѣютъ косы. Живутъ они въ постоянныхъ селеніяхъ и одѣваются въ рубахи и штаны, изъ синей бумажной матеріи, вмѣсто кожи, изъ которой состоитъ одежда ороченъ и манегровъ. Лодки у гольдовъ деревянныя, въ видѣ длиннаго ящика съ прямыми боками и кормой; дно совершенно плоское, выходящее изъ воды въ носовой части, вслѣдствіе погиба или закругленія. Коротенькія, съ круглыми лопастями, весла прикрѣплены къ бортамъ лодки. У китайцевъ, подъ Айгуномъ, мы видѣли такія-же лодки, довольно большія, съ нѣсколькими парами такихъ-же веселъ.

Въ средней части Амура, съ увеличеніемъ числа островов, не всегда приходилось плыть главнымъ русломъ, часто шли рукавами между островов; но по тѣмъ мѣстамъ настоящихъ, материковыхъ береговъ, которые мы видѣли, можно полагать, что тутъ и правый берегъ не гористъ, хотя и возвышенъ, и также, какъ и лѣвый берегъ, нерѣдко совершенно безъ лѣса.

Въ этой части рѣки на правомъ берегу стали появляться селенія, повидимому оставленныя жителями при нашемъ приближеніи. Пока не миновали Айгуна, флотилія останавливалась только у лѣваго берега, по миновании же его и у праваго, но во все плаваніе по Амуру мы не останавливались у селеній, вѣроятно, во избѣжаніе столкновеній съ жителями.

За два перехода до Айгуна, на одномъ ночлегѣ мы простояли долѣе обыкновеннаго, чтобы осмотрѣть и вычистить ружья, наточить штыки и шашки. Кажется, здѣсь же были приняты всѣ мѣры на случай какихъ-либо затрудненій въ дальнѣйшемъ слѣдованіи экспедиціи. Также, кажется, здѣсь были уничтожены послѣдніе бревенчатые плоты, съ размѣщеніемъ на лодкахъ оставшихся припасовъ,

изъ которыхъ часть роздана солдатамъ. Это были разные предметы, пожертвованные иркутскимъ купцомъ Соловьевымъ для солдатъ экспедиціи, какъ-то: сапоги, чай, сахаръ, мыло и табакъ.

Чѣмъ ближе подвигались мы къ городу, тѣмъ чаще попадались селенія, сдѣлавшіяся подъ конецъ какъ-бы сплошными.

Къ Айгуну мы подошли утромъ и расположились нѣсколько выше его, т. е. не доходя до города, у острова, покрытаго далѣе отъ берега деревьями, между которыми виднѣлись деревянныя строенія. Рукавъ рѣки, отдѣлявшій насъ отъ города, былъ только около одной версты шириною, почему мы могли видѣть собравшіяся на берегу у города толпы народа и стоявшія тамъ большія лодки; этихъ послѣднихъ было довольно много. Потомъ мы узнали, что это было войско и что тамъ были и пушки, но самыя орудія были покрыты деревянными чехлами, въ видѣ двускатныхъ крышекъ, почему ихъ никто не видѣлъ; послѣ было слышно въ экспедиціи, что на лафетахъ пушекъ совсѣмъ не было.

На берегу, у котораго мы остановились, стояло нѣсколько двухколесныхъ подводъ, безъ лошадей, съ разнымъ, кое-какъ уложеннымъ, домашнимъ скарбомъ: сундуками, коробками и корзинами, чѣмъ-то наполненными, а также съ разнымъ платьемъ. Къ подводамъ этимъ немедленно были поставлены часовые, чтобы сохранить все въ цѣлости.

Между тѣмъ, генералъ перешелъ на пароходъ, который, подойдя къ городу, бросилъ якорь. Не присутствовавъ при переговорахъ генерала съ китайскими властями и не слышавъ также разсказа объ этомъ отъ кого-либо изъ очевидцевъ, я могу говорить о томъ, какъ они происходили, только на основаніи ходившихъ потомъ въ экспедиціи слуховъ. Такъ, было слышно, что генералъ освѣдомился сперва, получилъ-ли губернаторъ (амбань) распоряженіе относительно экспедиціи отъ своего правительства, которое, какъ объяснилъ генералъ, было заблаговременно увѣдомлено о намѣреніи генерала пройти Амуромъ въ русскія владѣнія въ Охотскомъ морѣ.

Затѣмъ, будто-бы, генералъ объяснилъ, что онъ идетъ защищать русскія владѣнія отъ англичанъ, съ которыми въ это время и китайцы были не въ ладахъ, и что появленіе наше на устьѣ Амура будетъ полезно и китайскому правительству, лишивъ англичанъ возможности напасть на Китай съ этой стороны. Говорили, что губернаторъ выразился такъ: что если онъ пропуститъ или не пропуститъ русскихъ—можетъ одинаково подвергнуться отвѣтственности, смотря по тому, какъ взглянетъ на это его правительство. На это, будто-бы, генералъ, замѣтилъ, что онъ намѣренъ пройти на устье Амура

во чтобы то ни стало и для этого не остановился-бы даже передъ необходимостью сжечь городъ Айгунъ, но желалъ-бы очень, по дружественнымъ отношеніямъ государствъ русскаго и китайскаго, чтобы плаваніе совершилось безъ всякихъ недоразумѣній.

Не подлежитъ сомнѣнію, что, еслибы мѣстныя китайскія власти усматривали какую-либо возможность забрать насъ всѣхъ до послѣдняго и отрубить намъ головы, т. е. если-бы насъ было десять—двадцать человѣкъ,—то этимъ они лучше всего угодили-бы своему правительству. Такъ поступили они нѣсколько лѣтъ ранѣе, въ 1850 или 1851 году, съ производившимъ изслѣдованіе приамурскихъ странъ офицеромъ генеральнаго штаба Дараганъ и бывшими при немъ топографомъ и казаками. Убійство это китайское правительство объяснило нападеніемъ шайки разбойниковъ, подъ видомъ которыхъ казнило нѣсколькихъ человѣкъ, какъ говорили потомъ, осужденныхъ за другія преступленія. Казнь совершилась въ виду нашихъ властей на границѣ, кажется, на берегу рѣки Аргуни. Но теперь насъ было такъ много, что о подобной расправѣ и думать было нельзя. Застигнутые врасплохъ, китайцы также не могли собрать столько войска, чтобы вступить съ нами въ открытую борьбу съ надеждой на успѣхъ, считая насъ сильнѣе, нежели было въ дѣйствительности. Видя на обоихъ концахъ лодокъ солдатъ, какъ потомъ у насъ говорили, китайцы полагали, что и подъ покрывавшими хлѣбъ парусинами были тоже солдаты. Бѣжавшіе отъ насъ жители селеній выше города, явясь туда, говорили, что русскіе идутъ какъ шуга, т. е. такъ много, какъ льду во время ледохода.

Впрочемъ, трудно сказать, рѣшились-ли бы китайцы преградить намъ путь, если-бы и имѣли точныя свѣдѣнія о нашихъ силахъ и достаточно войска. Судя по состоянію сего послѣдняго (лица, бывшія на пароходѣ, говорили, что это былъ какой-то сбродъ съ какимъ-то допотопнымъ оружіемъ) и по извѣстной невоинственности китайцевъ, вѣроятнѣе, что мы прошли-бы далѣе безпрепятственно, разставшись съ китайцами также дружелюбно, какъ и теперь. Я говорю „дружелюбно“ потому, что о разставаніи нашего генерала съ амбанемъ (губернаторомъ) не было слышно ничего, что этому противорѣчило-бы.

Какъ только дано было знать съ парохода, флотилія тронулась въ путь, а потомъ отошелъ отъ города и пароходъ.

Въ этотъ день я былъ дежурнымъ, слѣдуя на барказѣ позади флотиліи. Когда послѣднія лодки наши миновали городъ, оттуда стали переѣзжать на островъ китайцы въ яркихъ цвѣтныхъ одеждахъ; они что-то кричали намъ, размахивая руками, и, повидимому, выражали радость, избавившись отъ непрошенныхъ гостей.

Дальнѣйшее наше плаваніе совершалось тѣмъ-же порядкомъ, какъ и ранѣе, но останавливались на ночлегъ также и у праваго берега, смотря по тому, гдѣ было удобнѣе.

Въ остальной своей части до устья, рѣка, такъ же какъ и въ средней части, усѣяна островами, образующими множество рукавовъ различной ширины, въ нѣсколько десятковъ саженъ и въ нѣсколько верстъ, съ теченіемъ иногда очень быстрымъ или едва замѣтнымъ.

Въ одномъ мѣстѣ нѣсколько тяжело нагруженныхъ лодокъ втянуло въ такой узкій рукавъ, съ быстрымъ теченіемъ, но не достаточно глубокій. Это случилось потому, что одному изъ офицеровъ (Медвѣдеву), въ видахъ большаго порядка въ слѣдованіи лодокъ, вздумалось связать ихъ попарно, почему солдаты не могли выгрести на веслахъ и лодки плотно врѣзались въ мелкій камень (гальку) дна рукава. Работа для перегрузки и вывода лодокъ на глубину заняла два дня, чѣмъ генералъ былъ крайне недоволенъ.

Нѣсколько позже съ нами произошелъ случай болѣе важный по своимъ послѣдствіямъ. Слѣдуя по широкому рукаву, во время свѣжаго вѣтра, флотилія придержалась не къ лѣвому, навѣтренному берегу, какъ-бы слѣдовало, но къ правому, около котораго и остановилась. Между тѣмъ, образовалось настолько большое волненіе, что лодки стало заливать и нѣкоторыя наполнились водой, при чемъ было подмочено много разнаго хлѣба. Мѣшки съ мукой, крупой и сухарями съ большимъ трудомъ были вытащены изъ лодокъ и разложены на берегу для просушки. Къ счастью, около этого берега, было не глубоко, такъ что солдаты могли входить въ воду, чтобы ловить всплывшіе въ лодкахъ мѣшки съ хлѣбомъ.

Отъ потопленія уцѣлѣло немного лодокъ, даже генеральская была затоплена, при чемъ подмочило всѣ его вещи, въ томъ числѣ и гардеробъ.

Кто былъ виноватъ въ этомъ крушеніи—осталось неизвѣстнымъ; объ этомъ никто ничего не говорилъ и не было слышно, чтобы кто-либо подвергся за это отвѣтственности.

Мѣшки съ мукой подмокли не глубоко, но сухари промокли насквозь и потомъ покрылись плесенью.

Это происшествіе случилось въ концѣ нашего плаванія, дней за пять или около того, до прибытія въ Маріинскій постъ, въ разстояніи около четырехъ сотъ верстъ отъ Николаевска, т. е. не доходя до него. Еще мы стояли на мѣстѣ крушенія, какъ оттуда прибыла шлюпка, съ двумя офицерами и матросами гребцами. Эта встрѣча была привѣтствована громкимъ „ура!“

Подмоченный хлѣбъ не могъ быть высушенъ въ короткое время нашего здѣсь, т. е. на мѣстѣ крушенія, пребыванія (два или три дня); онъ только нѣсколько обсохъ снаружи и въ такомъ видѣ погруженъ опять въ лодки. Вѣроятно, полагали, что сухари будутъ израсходованы ранѣе совершенной ихъ порчи; это такъ-бы и случилось, если-бы, по прибытіи въ Маріинскій постъ, не пекли для солдатъ свѣжаго хлѣба. Оставшіеся сухари зазеленѣли и въ такомъ видѣ выдавались потомъ солдатамъ.

Вскорѣ мы прибыли въ Маріинскій постъ, въ которомъ было только нѣсколько казаковъ. Немедленно въ обрывѣ берега рѣки были сдѣланы печи и на другой день у насъ былъ свѣжій хлѣбъ, показавшійся очень вкуснымъ, послѣ питанія плохими черными сухарями въ теченіе цѣлаго мѣсяца.

Съ прибытіемъ въ Маріинскій постъ, окончилось наше странствованіе, результатомъ котораго было завладѣніе обширнымъ краемъ буквально безъ выстрѣла. Мы прошли неизвѣстной рѣкой, сквозь чуждое населеніе мирно, какъ будто проплыли по Волгѣ.

Погода стояла все время хорошая, дожди были не часты и непродолжительны. Всѣ находившіеся въ экспедиціи все время были здоровы и ни съ кѣмъ не случилось какого-нибудь несчастія, за исключеніемъ одного унтеръ-офицера своднаго баталіона, пропавшаго за нѣсколько переходовъ до Айгуна. Какъ догадывались его товарищи, онъ, вѣроятно, бѣжалъ, тоскуя по оставленной молодой женѣ.

Чтобы закончить мой очеркъ перваго русскаго плаванія по Амуру, я долженъ сказать, что, по мѣрѣ удаленія отъ Айгуна, мѣстность и растительность измѣняется, принимая характеръ сѣверныхъ странъ. Лиственныя деревья попадаются все рѣже и рѣже и потомъ совсѣмъ не появляются, уступая хвойнымъ лѣсамъ, между тѣмъ какъ въ средней части рѣки лиственныя деревья преобладали. Берега становятся болѣе низменными, иногда холмистыми.

III.

Недолго мы пользовались отдыхомъ въ Маріинскомъ постѣ — черезъ нѣсколько дней шестьдесятъ человѣкъ солдатъ, при двухъ офицерахъ (Гленъ и я) были отправлены въ верховья озера Кизи, для разработки дороги отъ берега этого озера къ заливу Декастри, на протяженіи двадцати слишкомъ верстъ. Должно сказать, что озеро Кизи соединяется съ Амуромъ особымъ рукавомъ, на которомъ находится Маріинскій постъ; оно имѣетъ около пятидесяти верстъ длины и отъ шести до десяти верстъ ширины.

Озеро, по его длинѣ, мы переплыли на освободившихся отъ хлѣба лодкахъ, буксируемыхъ маленькимъ пароходомъ (винтовой барказъ „Надежда"). Берегъ, отъ котораго было назначено проложить дорогу, оказался сухимъ и покрытымъ травой, и слѣдовательно удобнымъ для перваго нашего становища; потомъ, по мѣрѣ удаленія мѣста работы отъ озера, переносился и лагерь. Поставивъ палатки и устроившись, мы на другой день приступили къ вырубкѣ деревьевъ по сдѣланнымъ уже мѣтамъ на деревьяхъ-же, указывавшимъ направленіе дороги. На ручьяхъ ставили мостики, а на болотахъ дѣлали гати; впрочемъ, тѣхъ и другихъ встрѣчалось немного и незначительныя.

Нѣкоторое время все шло хорошо, людямъ ходить на обѣдъ было еще не далеко, почему работа шла успѣшно, только насъ невыносимо мучили комары и мошки, которыхъ приходилось отгонять дымомъ. Но одинъ разъ такой дымникъ очень напугалъ насъ, прервавъ на нѣкоторое время работы.

Надо сказать, что лѣсъ, по которому пролагалась дорога былъ, можно сказать, дѣвственный; деревья были большія, иногда въ нѣсколько обхватовъ, поросшія мхомъ, спускавшимся съ вѣтвей длинными бѣлыми прядями, даже до самой земли. Всюду было много старыхъ, высохшихъ деревьевъ, еще стоявшихъ и повалившихся въ различной степени гнилости.

На этотъ разъ огонь былъ разведенъ очень небольшой, только чтобы дымилъ; но мы не замѣтили, какъ онъ по верху мха, составлявшаго покровъ земли въ лѣсу, подобрался къ одной пряди повисшаго съ дерева мха и она загорѣлась. Мохъ былъ сухой и все дерево моментально охватило огнемъ, который быстро перешелъ на другія деревья, такъ что не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ пожаръ охватилъ бо́льшую часть окружавшихъ насъ деревьевъ.

Немедля собравъ людей, мы бѣгомъ повели ихъ изъ лѣса, побросавъ въ бывшую тутъ рѣчку топоры и лопаты. Бѣжать намъ пришлось версты три или четыре; но какъ только мы достигли берега озера, пожаръ прошелъ по краю лѣса возлѣ лагеря съ шумомъ и трескомъ, оставивъ догорать сухія деревья и валежникъ. Вѣроятно, пожаръ пошелъ на десятки верстъ, пока не встрѣтилось препятствія, въ видѣ берега моря или широкой рѣки, или же, наконецъ, пространства, гдѣ не было лѣса. Этотъ пожаръ, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, былъ виденъ съ одного нашего военнаго корабля (паровая шхуна „Востокъ“), бывшаго въ это время въ Патарскомъ проливѣ, въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ отъ мѣста пожара.

Нѣсколько дней мы не могли приступить къ работамъ въ лѣсу, пока прошедшій дождикъ не затушилъ горѣвшихъ деревьевъ и вѣтеръ нѣсколько не очистилъ воздухъ отъ стоявшаго въ лѣсу дыма. Но и затѣмъ кое-гдѣ все еще дымилось, а иногда вспыхивалъ и огонь.

Вскорѣ послѣ этого происшествія, наши люди начали заболѣвать на работѣ; появлялась головная боль, дурнота и слабость, скоро проходившія, какъ только больной выходилъ изъ лѣса. Причиной болѣзни, какъ мы потомъ догадались, былъ кустарникъ, называемый въ Сибири „богульникъ“, росшій въ низменностяхъ по всему лѣсу, занимая иногда большія, въ нѣсколько сотъ саженъ, пространства. Онъ имѣетъ розоватые цвѣточки съ пріятнымъ довольно запахомъ, но отравляющаго свойства. Не было близко богульника, не было и больныхъ, которые появлялись, какъ только работа шла возлѣ этого кустарника. Впрочемъ, далѣе въ лѣсъ, гдѣ мѣстность была выше, богульникъ появлялся рѣже и не много, почему заболѣванія прекратились.

Избавившись отъ этой причины болѣзни нашихъ людей, мы не могли устранить другую, заключавшуюся въ плохомъ качествѣ пищи.

Какъ было сказано выше, значительная, если не бо̀льшая, часть муки, крупы и сухарей, были подмочены и не просушены. Не знаю, что̀ сдѣлалось съ мукой и крупой но сухари испортились, зазеленѣли и въ такомъ видѣ выдавались солдатамъ. Солонина тоже была плохая;—отъ недостатка соли, вѣроятно, въ ней завелись черви, которыхъ мы изгоняли, подвѣшивая солонину надъ дымомъ и вымачивая потомъ въ ручьѣ. Конечно, такая солонина не могла быть здоровой пищей, но сухари съ плѣсенью были безусловно вредны, вызывая страданія желудка.

Но разъ случилось, что и этихъ припасовъ намъ не доставили

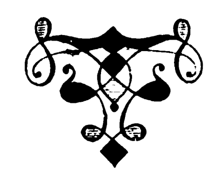
своевременно и пришлось голодать, питаясь жиденькой, въ родѣ супа, похлебкой изъ гречневой крупы, которой тоже было мало и слѣдовало беречь.

Обстоятельство это и прибытіе фрегата „Діана" въ заливъ Декастри уже были описаны въ печати, почему о жизни нашей въ лѣсу я только добавлю, что вообще мы постоянно были впроголодь, люди наши похудѣли и ослабѣли, вслѣдствіе чего работа по устройству дороги подвигалась медленно. Должно сказать, что мы, офицеры, ѣли то же, что и солдаты, имѣя лишнее только чай.

Задержки въ доставленіи припасовъ случались не разъ, заставляя сокращать выдачу припасовъ на приготовленіе пищи, равно и сухарей, чтобы не подвергнуть людей полной голодовкѣ. Однажды я долженъ былъ отправиться въ Маріинскій постъ, чтобы поскорѣе пополнить бывшіе на исходѣ припасы. По прибытіи туда оказалось, что солдаты имѣютъ свѣжую рыбу, красную, изъ породы семгъ и даже осетрину.

Понятно, что мои люди набросились на эту вкусную и жирную рыбу и разстроили пищевареніе, въ бо̀льшей или меньшей степени, всѣ, но двое такъ объѣлись, что на обратномъ пути едва не умерли. Съ ними сдѣлались судороги, всѣ почернѣли и ослабѣли до крайности, боль въ животѣ была сильная. Не имѣя никакого лекарства, я старался хоть согрѣть больныхъ, положивъ ихъ возлѣ большаго костра, и далъ имъ самаго крѣпкаго, почти чернаго, чаю. Послѣ трехъ стакановъ этого напитка, боль стала уменьшаться, почувствовалась теплота въ тѣлѣ и укрытые, чѣмъ было возможно, больные уснули; на другой день они были только слабы. Эти два солдата умерли отъ чахотки въ Новоархангельскѣ спустя нѣсколько лѣтъ, между тѣмъ, до этого случая, они были совершенно здоровые люди.

Еще дорога въ Декастри не была окончена, оставалось верстъ пять или шесть, какъ насъ и команду нашу отправили черезъ Маріинскій постъ въ Николаевскъ и оттуда въ Петровскій постъ (на островѣ въ лиманѣ Амура), изъ котораго на корабляхъ перевезли въ портъ Аянъ, находящійся въ Охотскомъ морѣ.

IV.

Должно сказать, что, вслѣдствіе ходатайства Россійско-Американской компаніи въ нашихъ колоніяхъ на сѣверо-западномъ берегу Америки, по высочайшему повелѣнію было назначено сто человѣкъ солдатъ при двухъ офицерахъ, для усиленія гарнизона въ Новоархангельскѣ на о—вѣ Ситхѣ. Команда эта была выдѣлена изъ своднаго баталіона, бывшаго въ амурской экспедиціи, и офицерами при ней были: Гленъ и я. Теперь, т. е. въ августѣ мѣсяцѣ, изъ Ситхи за нами пришли компанейскіе корабли въ Аянъ, куда слѣдовало препроводить эту команду. Гленъ съ частью солдатъ уѣхалъ, изъ Николаевска и прибылъ въ Аянъ ранѣе, а потомъ отправился я съ остальными людьми.

Николаевскъ въ это время состоялъ изъ нѣсколькихъ маленькихъ домиковъ (три или четыре), построенныхъ въ разбродъ, повидимому па тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были срублены для нихъ деревья въ лѣсу, которымъ былъ покрытъ весь берегъ, очень высокій и къ рѣкѣ обрывистый; насколько можно было видѣть въ лѣсу, мѣстность, гдѣ стояли домики, была ровная и сухая. Отъ края берега къ рединѣ рѣки выдавалась длинная и узкая полоса земли (коса), очень удобная для устройства батареи. Въ обрывѣ берега, возлѣ этой косы, были видны вырытые въ землѣ, нѣчто въ родѣ подваловъ, обставленные снаружи толстыми брусьями, съ маленькими, какъ амбразуры, окошками. Крыша, бывшая въ то же время и потолкомъ, также состояла изъ брусьевъ, покрытыхъ толстымъ слоемъ земли. Эти мрачные погреба еще недавно были жилищемъ нашихъ флотскихъ офицеровъ и матросовъ, прибывшихъ на устье Амура, кажется, еще въ 1849 году, съ капитаномъ 2-го ранга Генадіемъ Ивановичемъ Невельскимъ. Такая постройка жилища была необходима въ виду возможности враждебныхъ дѣйствій гиляковъ,—народа, какъ я слышалъ, довольно дерзкаго, между тѣмъ какъ нашихъ было очень немного. Какова была жизнь нашихъ моряковъ въ этихъ казематахъ на краю свѣта, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, особенно зимъ, среди всевозможныхъ лишеній,—понятно для каждаго. Одинъ изъ офицеровъ, лейтенантъ Бошнякъ, здѣсь и скончался, не дождавшись торжества дѣла, для котораго онъ съ товарищами положилъ столько трудовъ.

Противоположный берегъ Амура, который тутъ около двухъ верстъ ширины, гористъ и покрытъ лѣсомъ.

Отправившись изъ Николаевска въ двухъ барказахъ, мы нѣкорое время плыли по лиману рѣки благополучно, но къ вечеру вѣтеръ усилился, поднявъ волненіе, заставившее насъ простоять нѣсколько часовъ на мели, которая, вслѣдствіе періодической прибыли, и убыли воды, постепенно, сначала обсохла, а потомъ снова покрылась водой, поднявъ наши барказы; явленіе это очень удивляло солдатъ. Вѣтеръ, между тѣмъ, значительно стихъ и мы могли бы двинуться далѣе, но за темнотой потерявъ направленіе, не знали въ которую сторону плыть; можно было выплыть въ открытое море.

На наше счастье блеснувшій въ дали огонекъ указалъ намъ путь; по крайней мѣрѣ, мы могли пристать къ берегу, гдѣ были люди, и узнать куда намъ направиться, чтобы попасть въ Петровскій постъ.

Проплывъ нѣсколько времени, мы услышали вдали лай собакъ и, чрезъ полчаса усиленной гребни, увидѣли огни гилякскаго селенія, близь котораго и остановились. Оказалось, что мы находимся на островѣ, около лѣваго берега рѣки. какъ и слѣдовало, но вернулись нѣсколько назадъ. У гиляковъ мы купили немного рыбы, но дѣло остановилось было за дровами, которые однакоже нашлись въ видѣ обломковъ корабля, недавно здѣсь разбившагося. Какъ я потомъ узналъ, это былъ бригъ Россійско-Американской компаніи „Шелеховъ“ (фамилія одного изъ первоначальныхъ учредителей компаніи).

Гиляки были одѣты въ синіе китайчатые (бумажная, довольно плотная матерія), въ родѣ подрясниковъ, халаты; ихъ черные волосы заплетены въ косы; лица у нихъ не безобразны, но издаваемый ихъ одеждой запахъ испорченной рыбы отвратителенъ. Они, повидимому, большіе торгаши, настойчиво предлагали намъ на продажу разныя вещи, вѣроятно подобранныя съ выше упомянутаго корабля.

Устроившись на ночлегъ, я не могъ однакоже долго заснуть, потому что вокругъ барказовъ ходили огромныя бѣлуги и своими вздохами при выпусканіи воды не давали покоя. Ихъ фосфорическій слѣдъ въ водѣ былъ виденъ возлѣ самыхъ барказовъ, такъ какъ при берегѣ было глубоко и на двѣ сажени отъ него было столько же глубины. Днемъ бѣлуги такъ близко не подходили.

На другой день къ вечеру мы пришли въ Петровскій постъ, или, какъ его также называли, Петровское зимовье, находившійся на одномъ изъ острововъ, лежащихъ у лѣваго берега рѣки, уже совсѣмъ на взморьѣ. Островъ этотъ, равно какъ и другіе здѣсь имѣющіеся, былъ плоскій, песчаный, гдѣ росъ только можевельникъ и кое-какая трава, въ томъ числѣ одна, называемая шикша, имѣвшая черныя мелкія ягоды.

Въ Петровскомъ зимовьѣ было тоже три или четыре домика, изъ которыхъ въ одномъ помѣщался Г. И. Невельской съ своей супругой, молодой и прекрасной; въ другомъ жилъ капитанъ-лейтенантъ Бочмановъ, тоже женатый.

Какъ извѣстно, Г. И. Невельской первый прошелъ Татарскимъ проливомъ, доказавъ, что Сахалинъ не полуостровъ, какъ ранѣе того полагали, но островъ.

Имъ, при помощи нѣсколькихъ офицеровъ, были сдѣланы промѣры лимана Амура и опись всѣхъ ближайшихъ береговъ въ татарскомъ проливѣ. Поднявъ русскій флагъ на устьѣ Амура, онъ совершилъ первый актъ присоединенія Амурскаго края къ Россіи. Это было еще въ 1849 или 1850-хъ годахъ.

Въ ожиданіи корабля для переѣзда въ Аянъ, я прожилъ въ Петровскѣ болѣе недѣли, помѣщаясь въ домикѣ, занимаемомъ капитанъ-лейтенантомъ И. В. Фуругельмъ, бывшимъ въ это время на службѣ въ Россійско-американской компаніи, командуя однимъ изъ кораблей. Позже онъ былъ главнымъ правителемъ колоній и губернаторомъ Амурской области.

Всѣмъ проѣзжавшимъ въ это время съ Амура въ Аянъ, Г. И. Невельской оказывалъ гостепріимство, приглашая обѣдать до прихода корабля, на которомъ путники слѣдовали далѣе; такое приглашеніе получилъ и я. Отъ нечего дѣлать я охотился на вальдшнеповъ, бывшихъ здѣсь въ великомъ множествѣ. Кажется, ихъ привлекаетъ сюда выше упомянутая мною ягода шикша, противнаго сладковатаго вкуса, которою они отъѣдаются передъ отлетомъ на югъ.

Ранѣе моего отъѣзда въ Аянъ, въ Петровскѣ былъ генералъ Н. Н. Муравьевъ, проѣзжавшій тоже въ Аянъ на пути въ Иркутскъ. Послѣ обѣда у Г. И. Невельскаго, при мнѣ былъ слѣдующій разговоръ сего послѣдняго съ генераломъ. На вопросъ, что̀ дѣлать, если къ гилякамъ явятся за податью китайскіе чиновники, и тѣ придутъ съ жалобой, генералъ отвѣчалъ: „скажите имъ, чтобы они гнали чиновниковъ, а если чиновники придутъ ко мнѣ, возразилъ Г. И. Невольской, и будутъ говорить, что имъ сказали гиляки,— скажите, что ничего не знаете", отвѣчалъ генералъ улыбаясь.

Отъѣзжая изъ Петровска, генералъ нѣкоторыхъ обнялъ и цѣловалъ, другимъ подставлялъ свою щеку или ограничивался кивкомъ головы, но на одного штурманскаго офицера, съ совершенно сѣдыми волосами, но не очень стараго по лицу и очень красиваго, не обратилъ никакого вниманія, хотя тотъ все время стоялъ на вытяжку безъ фуражки. Послѣ я узналъ, что офицеръ этотъ въ молодости

совершилъ убійство одного служащаго въ Петропавловскѣ (въ Камчаткѣ), совмѣстно съ его женой, съ которою былъ въ близкихъ отношеніяхъ. Оба они были сосланы въ которжныя работы, но, по ходатайству генерала Н. Н. Муравьева, были помилованы съ возвращеніемъ правъ состоянія.

Прощаясь со мной, генералъ тоже далъ поцѣловать свою щеку, сказавъ при этомъ: „прощайте, любезный Б—въ, служите въ Ситхѣ хорошо, не посрамите П. И. (Запольскаго), а тамъ можно будетъ васъ и наградить“. Дѣйствительно, онъ наградилъ меня, позволивъ впослѣдствіи отправиться изъ Ситхи въ кругосвѣтное плаваніе.

По Охотскому морю никогда еще не плавало столько кораблей, какъ въ лѣто и осень 1854 года. Пока я былъ въ Петровскѣ, всего дней десять, туда приходило три корабля: паровая шкуна Востокъ, на которой уѣхалъ Н. Н. Муравьевъ; транспортъ Иртыхъ или Байкалъ, хорошо не помню, но командиромъ былъ очень молодой капитанъ-лейтенантъ Чихачевъ, котораго я видѣлъ у Г. И. Невельскаго и получилъ позволеніе посмотрѣть его судно. Третій корабль былъ князь Меншиковъ, Россійско-американской компаніи, пришедшій за мной и моей командой.

Отправивъ солдатъ на корабль, я поѣхалъ на него уже вечеромъ, вмѣстѣ съ капитаномъ его, штурманскимъ офицеромъ Бенземанъ.

Ночь была темная, но совершенно тихая; мѣсто, гдѣ стоялъ корабль на рейдѣ, обозначалось только маленькимъ огонькомъ отъ фонаря, поднятаго на мачту. Вскорѣ по прибытіи на корабль, вслѣдствіе бывшей большой зыби, меня укачало и я легъ въ койку. Проснувшись ночью, я услышалъ какой-то шумъ,—переборки каютъ скрипѣли такъ, какъ будто ихъ ломаютъ; всѣ вещи двигались то въ одну, то въ другую сторону. Корабль качало, накренивъ на одинъ бокъ; по временамъ, онъ вздрагивалъ подъ ударами волнъ.

Полагая, что съ кораблемъ происходитъ что-нибудь особенное и мы находимся въ опасности, я поторопился выйти на палубу. Ночь была ясная, звѣздная; паруса вздулись отъ свѣжаго вѣтра, на палубѣ не происходило никакихъ работъ и всѣ были покойны. Подошедшій капитанъ сказалъ, что все идетъ какъ нельзя лучше, корабль имѣетъ попутный вѣтеръ и отличный ходъ и что завтра къ обѣду будемъ въ Аянѣ. Таковъ былъ опытъ моего перваго плаванія по морю на кораблѣ, послѣ чего я не обращалъ уже вниманія на эти, казавшіяся опасными, явленія.

Дѣйствительно, около четырехъ часовъ вечера, мы вошли въ аянскую бухту, довольно глубокую, т. е. вдавшуюся въ берегъ и

защищенную съ трехъ сторонъ высокими горами. Поселеніе Аянъ стоитъ въ концѣ бухты, при впаденіи въ нее не большой рѣчки.

Начальникъ порта, капитанъ-лейтенатъ Кашеваровъ, любезно пригласилъ меня ежедневно у него обѣдать, до отъѣзда въ Ситху. Въ это время у него собиралось разнообразное общество, состоявшее изъ лицъ, проѣзжавшихъ черезъ Аянъ, на пути въ Якутскъ и Камчатку, а также капитановъ кораблей, преимущественно американскихъ китолововъ, стоявшихъ въ портѣ.

Товарищъ мой, Гленъ, прибывшій сюда ранѣе, уже успѣлъ побывать въ экспедиціи, снаряженной генераломъ Н. Н. Муравьевымъ для захвата англійскихъ и французскихъ китоловныхъ кораблей, находившихся, какъ полагали, около Шантарскихъ острововъ, нѣсколько южнѣе Аяна. Какъ извѣстно, въ это время началась уже крымская война.

На корабль россійско-американской компаніи „Камчатка", имѣвшій восемь двѣнадцати-фунтовыхъ короткихъ пушекъ, была посажена, прибывшая съ Гленомъ въ Аянъ, команда солдатъ; кажется, кромѣ Глена, на кораблѣ былъ еще офицеръ, адъютантъ генерала Н. Н. Муравьева, Буссе.

Нѣсколько дней „Камчатка" крейсировала возлѣ этихъ острововъ, но встрѣчались только американскіе китоловные корабли, непріятельскихъ же не оказалось.

Въ Аянѣ всѣ постройки принадлежали россійско-американской компаніи, изъ правительственныхъ же учрежденій была только почта. Какъ извѣстно, въ лѣтнее время изъ Якутска въ Камчатку почта перевозилась тогда на лошадяхъ и оленяхъ, въ сумахъ, перекинутыхъ на сѣдлахъ. Всѣ ѣхавшіе по этому пути, даже дамы, должны были совершать эту длинную дорогу верхомъ. Въ зимнее время изъ Якутска въ Аянъ почта перевозилась также, но отсюда въ Камчатку на собакахъ.

Собаки эти, ненужныя лѣтомъ, содержались на разныхъ станціяхъ этого пути, въ томъ числѣ и въ Аянѣ. Ихъ тутъ было нѣсколько сотенъ, привязанныхъ къ кольямъ попарно, по берегу рѣчки. Худыя и злющія, они постоянно дрались, поднимая визгъ и вой, усиливавшійся передъ выдачей корма, особенно, когда его несли для раздачи; тутъ поднимался невообразимый концертъ. Кормили собакъ сушеной рыбой (юколой) и настолько, чтобы онѣ лишь не умирали отъ голода. Зимой собаки получали полную, по возможности, порцію корма, иначе онѣ не были-бы въ силахъ пробѣгать пятидесяти-верстныя станціи—съ тяжелыми нартами (узкія, длинныя сани). На станціяхъ дѣлался запасъ рыбы сушеной (юколы) и ква-

шеной; эта послѣдняя, повидимому, приготовлялась тѣмъ-же способомъ, какъ готовится нѣкоторый сырой кормъ для скота (силосованіе), т. е. въ глубокихъ ямахъ, съ гнетомъ и прегражденіемъ, по возможности, доступа воздуху, при чемъ рыба не разлагается, но нѣсколько высыхаетъ.

2-го сентября, корабль „Камчатка" вышелъ изъ Аяна въ Ситху: на немъ находилась бо̀льшая часть назначенной туда команды и мы, офицеры; остальная часть солдатъ была посажена на корабль „Князь Меншиковъ", оставившій Аянъ нѣсколько позже.

Въ то время, какъ въ Охотскомъ морѣ происходило такое усиленное движеніе кораблей (іюль, августъ и сентябрь), англо-французская эскадра, въ числѣ шести паровыхъ судовъ, крейсировала у береговъ Камчатки. Имъ удалось взять тамъ два русскихъ корабля (россійско-американской компаніи корабль „Ситха" и финляндскаго китолова), но они могли забрать еще болѣе, если-бы зашли въ это время въ Аянъ. Въ заливѣ Декастри они нашли-бы тогда фрегатъ „Діану".

Между тѣмъ, потерпѣвъ, кажется, въ половинѣ августа, пораженіе въ Камчаткѣ, при чемъ былъ убитъ или застрѣлился самъ одинъ изъ союзныхъ адмираловъ, непріятели ни до, ни послѣ этого ничего не предприняли [1]).

Весной, въ 1855 году, они вновь явились въ Камчатку, но тогда уже всѣ наши суда и все управленіе изъ Петропавловскаго порта были переведены въ Николаевскъ на Амурѣ. Затѣмъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, непріятельская эскадра, въ томъ-же числѣ судовъ, зашла въ заливъ Декастри; но тутъ не было нашихъ кораблей, находившійся же баталіонъ солдатъ и сотня казаковъ, при двухъ горныхъ пушкахъ, были скрыты въ хорошо замаскированной траншеѣ. Здѣсь произошло дѣло мало кому извѣстное, почему я приведу разсказъ о немъ одного изъ участниковъ (офицера линейнаго баталіона Чаусова, бывшаго потомъ въ Ситхѣ), насколько онъ сохранился въ моей памяти.

Непріятельскіе корабли, размѣстившись въ заливѣ, послали къ берегу шлюпки съ десантомъ. Сколько было шлюпокъ, я не помню, но напуганные при высадкѣ въ Камчаткѣ союзники не рѣшились-бы послать здѣсь мало людей. Когда шлюпки подошли на вѣрный ружейный выстрѣлъ (у насъ ружья были гладкоствольныя, кремневыя), съ берега̀ былъ сдѣланъ залпъ изъ пушекъ и ружей всѣхъ

[1]) Объ отраженіи англо-французовъ отъ Камчатки см. Воспоминанія контръ-адмирала А. П. Арбузова въ „Русской Старинѣ" 1870 г., томъ I, изданіе третье, стр. 304—319.

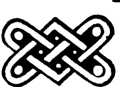
бывшихъ въ строю людей. У непріятелей сдѣлалось большое замѣшательство, двѣ шлюпки были разбиты и всѣ остальныя спѣшили повернуть отъ берега, съ котораго, между тѣмъ, продолжалась учащенная стрѣльба изъ пушекъ и ружей, до тѣхъ поръ, пока она могла наносить вредъ. Когда шлюпки подошли къ кораблямъ, съ этихъ послѣднихъ началась пальба изъ пушекъ разрывными снарядами, которые, однако-жъ, не причинили никакого вреда. Пальба окончилась вечеромъ, но возобновилась утромъ на другой день и т. д.; въ теченіе двухъ недѣль и даже болѣе, непріятели ежедневно, съ восьми часовъ утра до заката солнца, производили бомбардированіе берега.

По прекращеніи стрѣльбы, на непріятельскихъ корабляхъ играла музыка, у насъ-же на берегу раздавались пѣсни, составленнаго изъ солдатъ и казаковъ, хора. Во время бомбардировки, людей отводили въ мѣста, защищенныя отъ выстрѣловъ, почему, насколько помню, всѣхъ раненыхъ было не болѣе десяти человѣкъ, изъ которыхъ нѣсколько человѣкъ умерло. По словамъ офицера Чаусова, разбитыхъ деревьевъ на берегу было очень много. Оставивъ Декастри, союзники заходили къ намъ въ Ситху, чтобы узнать, гдѣ находятся русскіе военные корабли; повидимому, имъ тогда еще не было извѣстно о существованіи Николаевска.

Во время нашего плаванія въ Ситху, погода стояла не холодная, вѣтра были, большею частью, попутные, но довольно свѣжіе. Нѣсколько разъ мнѣ удавалось видѣть очень близко китовъ; они имѣютъ повадку идти рядомъ съ кораблемъ, какъ-бы въ перегонку, то скрываясь подъ водой, то показываясь на поверхности моря, чтобы выпустить изъ отверстія, имѣющагося на головѣ, воду, въ видѣ мелкихъ брызгъ. Говорятъ, что при этомъ распространяется невыносимое зловоніе, происходящее, вѣроятно, отъ того, что въ имѣющихся у китовъ въ пасти пластинкахъ (китовый усъ) остается и потомъ разлагается много мелкой рыбы и молюсковъ, которыми они питаются.

2 го октября 1854 г., утромъ, по вычисленію капитана нашего корабля, мы были при входѣ въ Ситхинскій заливъ, но за туманомъ были видны только низы какихъ-то черныхъ скалъ. Наконецъ, туманъ настолько разсѣялся, что оказалось возможнымъ опознать берега, какъ по виду нѣкоторыхъ уже извѣстныхъ капитану скалъ, такъ и по расположенію ихъ, опредѣленному по компасу. Тогда корабль былъ направленъ въ заливъ, гдѣ, вызванный выстрѣлами изъ пушки, буксирный пароходъ ввелъ насъ въ гавань.

Алексѣй Евг. Барановъ.

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ

въ битвахъ съ черкесами въ 1840 году.

Представляю на страницахъ „Русской Старины“, (давшей уже своимъ многочисленнымъ читателямъ въ 1870—1891 гг. весьма много новыхъ матеріаловъ къ жизнеописанію поэта Лермонтова), описаніе двухъ стычекъ съ горцами въ 1840 году, въ которыхъ принималъ участіе Михаилъ Юрьеричъ Лермонтовъ. По преданію, „Журналъ военныхъ дѣйствій“, въ отрядѣ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Галафѣева, велъ Лермонтовъ, прикомандированный въ штабъ къ означенному генералу. Дѣло озаглавлено такъ: „Дѣйствія отряда подъ начальствомъ генер.-лейт. Галафѣева на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи въ 1840 году“. Во время съѣзда въ Тифлисѣ археологовъ, графъ А. С. Уваровъ обращался въ окружной штабъ съ просьбою о выдачѣ ему этого дѣла для прочтенія, причемъ утверждалъ, что „Журналъ военныхъ дѣйствій“ съ 10 апрѣля по 13 октября 1840 г. велся Лермонтовымъ. Насколько вѣрны подобныя предположенія—ничто въ дѣлѣ не указываетъ; интересно только то, что поэтъ принималъ дѣятельное участіе въ отрядѣ, что и свидѣтельствуется отряднымъ начальникомъ.

Въ память перваго пятидесятилѣтія со дня кончины Лермонтова каждое біографическое указаніе интересно для будущей характеристики поэта. Наконецъ, его стихотвореніе „Валерикъ“ написано по поводу сраженія, описаніе котораго въ подлинникѣ здѣсь прилагается.

Къ сказанному выше добавимъ, что описаніе боя на рѣкѣ Валерикѣ помѣщено было уже, но крайне не полно, начиная отъ словъ: „Впереди виднѣлся лѣсъ, двумя клиньями подходившій съ обѣихъ сторонъ дороги....“ и далѣе; но къ концу это описаніе прерывалось и разсказывалось своими словами, причемъ въ подлинникѣ рѣка, гдѣ происходилъ бой, называлась Вал(а)рикъ, а въ книгѣ: „Восемьдесятъ лѣтъ боевой и мирной жизни 20-й артиллерійской бригады 1806—1886. Историческій очеркъ войны и владычества русскихъ

на Кавказѣ. Составилъ той-же бригады капитанъ Янжулъ. Подъ редакціею генерала-маіора Чернявскаго". 2 тома, Тифлисъ 1886—87) томъ 1-й, стр. 402—403) рѣка называется Вал(е)рикъ. Кромѣ того, составитель вышеназванной книги, на страницѣ 403-й, примѣчаніе 6-е, говоритъ слѣдующее: „Послѣдующее описаніе Валерикскаго боя заимствовано цѣликомъ изъ военнаго журнала, который, по всему вѣроятію, былъ написанъ нашимъ поэтомъ М. Ю. Лермонтовымъ, такъ какъ онъ въ чинѣ поручика (Тенгинскаго полка) состоялъ тогда при генералѣ Галафѣевѣ въ должности отряднаго адъютанта".

Послѣдующее описаніе боя и есть приведенная раньше мною фраза: „и впереди виднѣлся лѣсъ"...

Прибавлю еще, что копіи мною списаны буква въ букву.

Урочище Манглисъ. **Г. С. Лебединецъ.**

Командиру отдѣльнаго Кавказскаго корпуса господину генералу отъинфантеріи и кавалеру Головину 1-му командующаго отрядомъ на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи генер.-лейтенанта Галафѣева рапортъ.

Имѣю честь представить вашему высокопревосходительству журналъ дѣйствій ввѣреннаго мнѣ отряда съ 6-го по 17-е число іюля (1840 г.). При томъ обязываюсь присовокупить, что я съ отрядомъ, прибывъ вчерашняго числа въ Умаханъ-Юртъ, намѣренъ завтра идти далѣе къ крѣпости Внезапной, не смотря на то, что о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ Шамилевыхъ я по сіе время не получалъ никакихъ свѣдѣній отъ генерала-маіора Клюки-фонъ-Клюгенау; но черезъ лазутчиковъ извѣстился я, что Шамиль имѣлъ дѣло съ упомянутымъ генераломъ, въ которомъ понесъ значительную потерю и послѣ котораго, оставивъ Салатовское общество, отправился къ андійцамъ, откуда неизвѣстно куда скрылся. № 314. 19-го іюля 1840 г Лагерь при укрѣпленіи Умаханъ-Юртъ.

Командиру отдѣльнаго Кавказскаго корпуса г-ну генералу-отъинфантеріи и кавалеру Головину 1-му командующаго отрядомъ на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, генералъ-лейтенанта Галафѣева рапортъ.

Войска Чеченскаго отряда, состоящаго изъ 2-хъ ротъ саперъ, 2-хъ баталіоновъ пѣхотнаго его свѣтлости (нынѣ 84-го пѣхотнаго Ширванскаго полка), баталіона Мингрельскаго и 3-хъ баталіоновъ Куринскаго егерскихъ полковъ при 14-ти орудіяхъ и 1,400 человѣкъ казаковъ,

6-го іюля, выступивши изъ крѣпости Грозной, слѣдовали на деревню Большой Чечень; истребили какъ эту деревню, такъ и Дубу-Юртъ съ огромными полями, засѣянными хлѣбомъ, до самаго Аргунскаго ущелья, оставя деревни Большую Атагу и Чахъ-Гери въ томъ видѣ, какъ ихъ нашли, чтобы имѣть лѣсъ для будущаго построенія укрѣпленія въ сей послѣдней; оттуда направясь къ Гойтинскому лѣсу, прошли черезъ оный съ бою и уничтожили деревни Ахшпатой-Гойта, Чуторой-Юртъ, Урусъ, Мартанъ, Чурикъ-Рошни, Хажи-Рошни и Гехи съ ихъ садами, а также съ значительными посѣвами кукурузы. А чтобы произвести большое моральное вліяніе на край, то они направлены были чрезъ Гехинской лѣсъ къ деревнѣ Ачхой. Непріятель, отгадавши по рѣшимости движеній о семъ послѣднемъ намѣреніи, собралъ всѣ свои силы въ Гехинскомъ лѣсу и въ продолженіе 3-хъ дней устроивъ многочисленные завалы изъ срубовъ на рѣкѣ Валерикъ, ожидалъ съ нетерпѣніемъ появленія отряда и въ полной надеждѣ, противуставъ ему, воспрепятствовать дальнѣйшему движенію. Но войска, одушевляемыя примѣромъ храбрости и самоотверженія частныхъ своихъ начальниковъ, при общемъ направленіи ихъ къ одной цѣли, послѣ упорнаго и кровопролитнаго боя, съ помощью артиллеріи, дѣйствовавшей отличнымъ образомъ, взяли всѣ завалы приступомъ и по грудамъ тѣлъ непріятельскихъ проложили себѣ дорогу чрезъ это трудное дефиле. Затѣмъ непріятель не смѣлъ болѣе уже показываться и въ продолженіе двухъ сутокъ ничѣмъ болѣе не занимался, какъ только подобраніемъ тѣлъ убитыхъ и раненыхъ своихъ, число которыхъ, по словамъ лазутчиковъ, чрезвычайно велико; однѣ надтеречныя деревни, бѣжавшія въ Чечню, потеряли убитыми 98 человѣкъ, Ахверды-Магома раненъ въ ногу. Сборище непріятельское состояло изъ мечиковцевъ, жителей Большой и Малой Чечни, бѣжавшихъ надтеречныхъ и всѣхъ сунженскихъ деревень съ каждаго двора по одному вооруженному человѣку. Послѣ этого дѣла отрядъ, пришедъ на рѣку Натахы, провелъ тамъ безъ малѣйшей тревоги почти двое сутокъ, какъ для отдохновенія своего, такъ и для успокоенія раненыхъ.

Во время сей дневки послѣдовало истребленіе деревни Ачхой и полей, вокругъ нея лежащихъ. Здѣсь сблизился съ войсками отрядъ генер.-маіора Лабынцова, состоящій изъ 2-хъ баталіоновъ Эриванскаго карабинернаго и Тифлисскаго егерскаго полковъ, Донскаго казачьяго № 35-го полка и 100 казаковъ Горскаго полка, истребившій предварительно нѣкоторые аулы и поля.

По личному моему совѣщанію съ генер.-маіоромъ Лабынцовымъ,

онъ направился по открытымъ мѣстамъ на рѣку Оссу, придерживаясь горъ, чтобы дѣйствовать на умы Галашевцевъ и переселившихся надтеречныхъ жителей, готовыхъ, по его словамъ, обратиться снова къ мирному состоянію.

Изъ лагеря при рѣкѣ Натахы отрядъ двинулся безпрепятственно черезъ деревни Чильчихи и Казахъ-Кичу въ крѣпость Грозную, куда прибылъ вечеромъ 14-го числа сего мѣсяца.

Здѣсь думалъ я, соединивъ всѣ средства, идти въ Чахъ-Гери, для построенія укрѣпленія и наказанія деревень Шали и Герменчука, но полученныя мною свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Шамиля въ Салатовскомъ обществѣ, гдѣ будто деревни Черкей и Зубутъ приняли его безъ сопротивленія, заставляютъ меня направиться въ Кумыкское владѣніе, чтобы воспрепятствовать дальнѣйшимъ littleкознямъ возмутителя.

Будущій результатъ сего 9-ти дневнаго движенія въ отношеніи успокоенія края трудно еще съ достовѣрностію опредѣлить; но что уже очевидно, то это есть: честь оружія нашего, поддержанная блистательною храбростію войскъ, довѣріе оныхъ къ своимъ начальникамъ и моральной своей силѣ, наказаніе возмутившихся деревень истребленіемъ ихъ и уничтоженіемъ способовъ къ существованію, ибо теперь можно предвидѣть вѣрный недостатокъ въ продовольствіи жителей.

Потеря наша въ продолженіе этихъ 9-ти дней состоитъ изъ 7-ми оберъ-офицеровъ и 72-хъ нижнихъ чиновъ убитыхъ; 2 штабъ-офицера, 18 оберъ-офицеровъ и 245 нижнихъ чиновъ раненыхъ, 6 оберъ-офицеровъ и 52 нижнихъ чиновъ контуженныхъ и 1 оберъ-офицеръ и 7 нижнихъ чиновъ безъ вѣсти пропавшихъ; 33 убитыхъ и 66 раненыхъ лошадей. Изъ того числа въ одномъ дѣлѣ на рѣкѣ Валарикѣ убито 6 оберъ-офицеровъ, 65 нижнихъ чиновъ, ранено 2 штабъ-офицера, 15 оберъ-офицеровъ и 198 нижнихъ чиновъ, контужено 4 оберъ-офицера и 46 нижнихъ чиновъ и безъ вѣсти пропало: 1 оберъ-офицеръ и 7 нижнихъ чиновъ. Убито 29 лошадей и ранено 42.

Журналъ военныхъ дѣйствій отряда на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи. Съ 10-го апрѣля по 13-е октября 1840 г.

11-го іюля

Отрядъ выступилъ изъ лагеря при деревнѣ Гехи, имѣя въ авангардѣ всѣ три баталіона Куринскаго егерскаго полка, 2 роты саперъ, 100 казаковъ и всѣхъ линейныхъ казаковъ при 4-хъ орудіяхъ. Впереди авангарда подъ командою полковника князя Бѣлосельскаго-

Бѣлозерскаго слѣдовали 8 сотень Донскихъ казаковъ съ двумя конными казачьими орудіями.

Въ главной колоннѣ слѣдовалъ обозъ подъ прикрытіемъ баталіона Мингрельскаго егерскаго полка, имѣя при себѣ 2 горныя мортирки и кромѣ того въ каждой боковой цѣпи по одному горному 3-хъ фунтовому единорогу. Въ арріергардѣ шли 2 баталіона его свѣтлости полка (нынѣ Ширванскаго) съ двумя горными и 2 легкими орудіями и съ сотнею Донскихъ казаковъ.

Авангардомъ командовалъ полковникъ Фрейтагъ, главною ко лонкою капитанъ Грекуловъ, арріергардомъ полковникъ Врангель. Въ такомъ порядкѣ войска слѣдовали къ Гехинскому лѣсу приблизившись къ оному, два конныя орудія присоединены были къ авангарду, а часть передовыхъ казаковъ къ главной колоннѣ, а остальные къ арріергарду. Непріятель нигдѣ не сопротивлялся и даже не показывался, авангардъ безпрепятственно вступилъ въ Гехинскій лѣсъ, нѣсколько выстрѣловъ съ лѣвой стороны цѣпи заставили меня подозрѣвать присутствіе тамъ непріятеля, но брошенныя гранаты заставили непріятеля прекратить огонь.

Для бо̀льшаго обезпеченія обоза усиливъ боковыя цѣпи двумя ротами Куринскаго полка, полковникъ Фрейтагъ приказалъ, кромѣ того, двумъ баталіонамъ ввѣреннаго ему полка, подъ командою Эстляндскаго егерскаго полка маіора Бабина. при первомъ выстрѣлѣ съ непріятельской стороны—выбить его изъ лѣсу и оставаться въ ономъ до прихода всего обоза. Маіоръ Бабинъ хотя и встрѣтилъ сильное сопротивленіе въ завалахъ, но послѣ двукратнаго натиска оные были заняты нашими войсками. Между тѣмъ авангардъ вышелъ на поляну. Обозъ, подаваясь за авангардомъ, былъ все время прикрываемъ 2-мъ баталіономъ и 8-ю егерскою ротою Куринскаго полка, которые, слѣдуя движенію обоза, вышли также изъ лѣса, ведя сильную перестрѣлку.

Съ приближеніемъ арріергарда бой, въ лѣвой цѣпи разгорался все сильнѣе и сильнѣе; для поддержанія войскъ былъ посланъ туда изъ авангарда еще 1 баталіонъ Куринскаго полка. Сильный натискъ непріятеля на арріергардъ съ боковъ и съ тыла вынудилъ 1-й баталіонъ ускорить движеніе. Арріергардъ былъ въ жаркомъ огнѣ и ему предстоялъ трудный подвигъ — онъ долженъ былъ отражать многочисленнаго непріятеля, окружавшаго его съ трехъ сторонъ и нѣсколько разъ завязывавшаго рукопашный бой съ застрѣльщичьими цѣпями и ихъ резервами, и между тѣмъ выносить своихъ раненыхъ. Здѣсь въ особенности отличались своею хладнокровною храбростію командующій 3-ю мушкетерскою ротою его

свѣтлости полка подпоручикъ Калантаровъ и полковой аудиторъ 13-го класса Смирновъ. Послѣдній, командовавшій, за недостаткомъ офицеровъ, частью лѣвой цѣпи, при этомъ случаѣ сильно раненъ въ ногу. Хотя начальникъ арріергарда полковникъ баронъ Врангель съ похвалою выполнялъ свою обязанность, но я не менѣе того счелъ за необходимое послать 1-й баталіонъ Куринскаго егерскаго полка въ подкрѣпленіе ему, послѣ чего арріергардъ началъ выходить изъ лѣсу на поляну; чеченцы съ изступленіемъ выскочили было на него, но встрѣченные картечью изъ двухъ орудій, заранѣе для сего приготовленныхъ, они скрылись снова въ лѣсъ. Выйдя на поляну, всѣ войска заняли прежній свой боевой порядокъ и начали подаваться впередъ.

Впереди виднѣлся лѣсъ, двумя клиньями подходящій съ обѣихъ сторонъ къ дорогѣ. Рѣчка Валарикъ, протекая по самой опушкѣ лѣса, въ глубокихъ совершенно отвѣсныхъ берегахъ, пересѣкала дорогу въ перпендикулярномъ направленіи, дѣлая входящій уголъ къ сторонѣ Ачхой. Правый берегъ былъ болѣе открытъ, по лѣвому тянулся лѣсъ, который былъ около дороги прорубленъ на небольшой ружейный выстрѣлъ, такъ что вся эта мѣстность представляла нѣчто въ видѣ бастіоннаго фронта съ глубокимъ водянымъ рвомъ.

Подойдя къ этому мѣсту на картечный выстрѣлъ, артиллерія открыла огонь. Ни одного выстрѣла не сдѣлано съ непріятельской стороны, ни малѣйшаго движенія не было видно. Мѣстность казалась совершенно ровною, не было видно ни малѣйшаго слѣда оврага, и казалось, что дорога не пересѣкалась. Уже сдѣлано было распоряженіе двинуть въ каждую сторону по одному баталіону съ тѣмъ, чтобы, по занятіи лѣса, люди оставались тамъ до тѣхъ поръ, пока не протянется весь обозъ. Дабы обезпечить пѣхотѣ занятіе лѣса, весь отрядъ двинулся еще впередъ; артиллерія подошла уже на ближайшій ружейный выстрѣлъ; цѣпь, выдвинутая впередъ, находилась отъ лѣса на пистолетный выстрѣлъ, но съ непріятельской стороны сохранено то-же молчаніе. Едва артиллерія начала сниматься съ передковъ, какъ чеченцы со всѣхъ сторонъ открыли убійственный огонь противъ пѣхоты и артиллеріи. Въ одно мгновеніе войска были двинуты впередъ съ обѣихъ сторонъ дороги. Въ лѣсъ на правой сторонѣ дороги направлены были первые полубаталіоны трехъ баталіоновъ Куринскаго полка подъ командою маіора Пулло; въ лѣсъ-же по лѣвой сторонѣ всѣ вторые полубаталіоны тѣхъ-же баталіоновъ подъ командою маіоровъ Витторта и Бабина. Сюда-же былъ двинутъ вскорѣ послѣ и первый полуба-

таліонъ Мингрельскаго егерскаго полка подъ командою капитана Грекулова. Храбрый и распорядительный командиръ Куринскаго полка, полковникъ Фрейтагъ, самъ впереди велъ на кровавый бой своихъ куринцевъ; съ быстротою обскакалъ онъ ряды ихъ; вездѣ слышенъ былъ ободряющій голосъ его и въ виду цѣлаго отряда, онъ съ неимовѣрнымъ хладнокровіемъ распоряжался атакою. Добѣжавъ до лѣсу, войска неожиданно остановлены были отвѣсными берегами рѣчки Валарика и срубами изъ бревенъ, за трое сутокъ впередъ приготовленными непріятелемъ, откуда онъ производилъ смертоносный ружейный огонь. Тутъ достойно примѣчанія, что саперы, слѣдовавшіе въ авангардѣ за 3-мъ баталіономъ Куринскаго полка, увидѣвшіе, что войска остановлены мѣстнымъ препятствіемъ, безъ всякаго приказанія бросились къ нимъ на помощь, но они не были уже нужны храбрымъ егерямъ: помогая другъ другу, они перебирались черезъ оврагъ по обрывамъ, по грудь въ водѣ, и вскочили въ лѣсъ въ одно время съ обѣихъ сторонъ дороги. Въ лѣсу они сошлись съ чеченцами лицомъ къ лицу; огонь умолкъ на время; губительное холодное оружіе заступило его. Бой продолжался не долго. Кинжалъ и шашка уступили штыку! Фанатическое изступленіе отчаянныхъ мюридовъ не устояло противъ хладнокровной храбрости русскаго солдата! Числительная сила разбросанной толпы должна была уступать нравственной силѣ стройныхъ войскъ и чеченцы выбѣжали на поляну на лѣвомъ берегу рѣки Валарика, откуда картечь изъ двухъ конныхъ орудій, подъ командою гвардейской конной артиллеріи поручика Евреинова, снова вогнала ихъ въ лѣсъ.

При атакѣ лѣса особенно отличились Куринскаго егерскаго полка унтеръ-офицеры изъ вольноопредѣляющихся: Сахаровъ, Минкельде, Позенъ, Романовскій, Игнатовъ и изъ исключенныхъ изъ службы: Солтыковъ, рядовой изъ разжалованныхъ Житковъ, прикомандированный къ Куринскому полку унтеръ-офицеръ Тенгинскаго пѣхотнаго полка Малиновскій, Кавказскаго савернаго баталіона изъ разжалованныхъ унтеръ-офицеръ Петръ Свиньинъ и рядовой Андрей Ворящинскій.

Въ лѣсу снова начали раздаваться весьма частые ружейные выстрѣлы; но это не былъ уже бой, а походило болѣе на травлю дикихъ звѣрей! Избѣгая смерти съ одной стороны и пробираясь между кустами, чеченецъ встрѣчалъ ее неожиданно съ другой стороны.

Между тѣмъ, когда войска начали вдаваться далѣе въ лѣсъ, съ правой стороны лежащій, часть чеченцевъ, коихъ отступленіе совершенно было отрѣзано, бросилась къ опушкѣ лѣса и начала

бить въ обозъ; противъ нихъ я двинулъ второй полубаталіонъ Мингрельскаго полка подъ командою корпуса жандармовъ маіора Лабановскаго и чеченцы вмигъ были подняты на штыки. Другая партія, также оттѣсненная немного подалѣе къ опушкѣ, вышла на равнину впередъ позиціи и начала бить въ обозъ съ праваго фланга. Замѣтивъ это, я поставилъ противъ нихъ два конныхъ орудія, подъ командою поручика Евреинова, и поскакалъ къ 2-мъ сотнямъ Донскихъ казаковъ, чтобы приказать имъ идти въ атаку; но князь Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, прибывъ съ другаго края, предупредилъ меня и двинулъ тѣхъ казаковъ впередъ. Чеченцы, поражаемые картечнымъ огнемъ и видя приближающуюся кавалерію, стремглавъ бросились опять въ лѣсъ, гдѣ весьма немногимъ изъ нихъ удалось спастися отъ пораженія нашей пѣхоты.

Когда я возвращался назадъ къ мѣсту главнаго дѣйствія, другая менѣе значительная, но болѣе дерзновенная партія, отрѣзанная отъ своихъ скопищъ чеченцевъ, выскочивши изъ лѣсу и отдалившись отъ него на значительное разстояніе, открыла по конвою моему прицѣльный ружейный огонь; но командующій тѣмъ конвоемъ есаулъ Баталкинъ вмѣстѣ съ состоящимъ по кавалеріи поручикомъ барономъ Фридериксомъ, съ дѣтьми генералъ-маіора Мусы-Хасаева корнетами: Хасаемъ и Султаномъ Мурабомъ Упміевыми, корнетомъ Абу-Мусселимъ Каплановымъ и бакинскимъ бекомъ прапорщикомъ Казимъ-Бекомъ Салимхановымъ, быстро пронеслись между лѣсомъ и партіею чеченцевъ, стремительно напали на оную и почти всѣхъ изрубили, при чемъ особенно отличились урядники: Моздокскаго линейнаго казачьяго полка Усачевъ и Гребенскаго полка Юпла Семенкинъ и Федулъ Федушкинъ.

Въ то же время на лѣвомъ флангѣ, первый полубаталіонъ Мингрельскаго полка, вдаваясь въ лѣсъ, нашелъ на сильный завалъ чеченцевъ; убійственный огонь поражалъ ихъ и слабыя двѣ роты съ трудомъ могли держаться противъ многочисленнаго непріятеля; въ помощь имъ я послалъ изъ арріергарда, подъ командою подполковника Тиличѣева, два роты его свѣтлости полка и графцы, дойдя до завала, совокупно съ мингрельцами, безъ выстрѣла бросились на оный и послѣдній оплотъ непріятеля остался въ нашихъ рукахъ. Храбрый подполковникъ Тиличѣевъ, при взятіи сего завала, раненъ пулею въ грудь. Здѣсь особенно отличились, прикомандированные къ его свѣтлости (князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго) полку, полковъ лейбъ-гвардіи Кирасирскаго его величества поручикъ Орловскій и конно-гвардейскаго корнетъ Глѣбовъ (послѣдній при этомъ тяжело раненъ пулею въ правое плечо) и

рядовые изъ разжалованныхъ Михайло Эйсмонтъ и Станиславъ Немира.

Мало помалу бой началъ утихать; въ лѣсу остались однѣ только мертвые и войска начали вытягиваться съ другой стороны поляны, чтобы обезпечить переправу, которую разработывали саперы, съ трудомъ отозванные изъ лѣсу, гдѣ они нашли пищу для своей необыкновенной храбрости.

Успѣху сего дѣла я вполнѣ обязанъ распорядительности и мужеству полковыхъ командировъ его свѣтлости полка: полковника барона Врангеля и Куринскаго полковника Фрейтага. Баталіонные командиры его свѣтлости полка подполковникъ Тиличѣевъ и маіоръ Карказовичъ, Мингрельскаго капитанъ Грекуловъ и Куринскаго маіоръ Виттортъ, Пулло и прикомандированный къ оному полку Эстляндскаго егерскаго полка маіоръ Бабинъ, а также и корпуса жандармовъ маіоръ Лабановскій, точнымъ исполненіемъ приказаній дали мнѣ возможность, въ такомъ трудномъ и пресѣченномъ мѣстоположеніи, управлять ходомъ дѣла. Оберъ-квартирмейстеръ отряда, генеральнаго штаба подполковникъ баронъ Россиліонъ, вначалѣ раненый въ правое плечо, не смотря на это, въ продолженіе всего дѣла, съ быстротою и съ особеннымъ самоотверженіемъ чрезъ отважныхъ гг. офицеровъ генеральнаго штаба, капитановъ Эрна и Индреніуса, гвардейскаго генеральнаго штаба поручика Баумгартена и прикомандированнаго къ генеральному штабу Кавказской гренадерской артиллерійской бригады штабсъ-капитана барона Палена, направлялъ войска къ назначеннымъ пунктамъ. Начальникъ артиллеріи отряда, состоящій по конной артиллеріи, подполковникъ Штемпель подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятеля выбиралъ мѣста для батарей, которыя мѣткими выстрѣлами своими много способствовали къ пораженію онаго.

Опытность и мужество командующаго 2 ротами Кавказскаго саперного баталіона капитана Гернета способствовали скорѣйшему окончанію спуска чрезъ рѣку Валарикъ; равномѣрно необыкновенное рвеніе исправляющаго должность дежурнаго штабъ-офицера при отрядѣ старшаго адъютанта 20-й пѣхотной дивизіи, капитана Попандопулло, адъютантовъ моихъ, поручиковъ Викторова и Чернявскаго, и состоящихъ при мнѣ лейбъ-гвардіи адъютанта военнаго министра конной артиллеріи поручика графа Штакельберга, полковъ гусарскаго князя Долгорукова, кавалергардскаго ея величества графа Ламберта и Измайловскаго прапорщика графа Канкрина, состоящаго по кавалеріи поручика князя Трубецкаго, раненаго пулею въ шею; Нижегородскаго драгунскаго полка поручика Муравьева, раненаго пулею

въ лѣвый бокъ, адъютанта генералъ-маіора Клюки-фонъ-Клугенау капитана Евдокимова, Кабардинскаго егерскаго полка капитана Шуляховскаго, Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручика Лермантова и 19-й артиллерійской бригады прапорщика фонъ-Лоер-Лярскаго, съ коимъ они переносили всѣ мои приказанія войскамъ въ самомъ пылу сраженія въ лѣсистомъ мѣстѣ, заслуживаютъ особеннаго вниманія, ибо каждый кустъ, каждое дерево грозили всякому внезапною смертію. Наконецъ, я долженъ упомянуть о самоотверженіи, съ которымъ всѣ чиновники медицинскаго вѣдомства, слѣдуя примѣру отряднаго доктора коллежскаго ассесора Гульковскаго, подавали первую помощь раненымъ.

Должно отдать также справедливость чеченцамъ: они исполнили все, чтобы сдѣлать успѣхъ нашъ сомнительнымъ; выборъ мѣста, которое они укрѣпляли завалами въ продолженіе трехъ сутокъ, неслыханный дотолѣ сборъ въ Чечнѣ, въ которомъ были мечиковцы, жители Большой и Малой Чечни, бѣжавшихъ надтеречныхъ и всѣхъ сунженскихъ деревень, съ каждаго двора по одному человѣку, удивительное хладнокровіе, съ которымъ они подпустили насъ къ лѣсу на самый вѣрный выстрѣлъ, неожиданность для нижнихъ чиновъ этой встрѣчи—все это вмѣстѣ могло-бы поколебать твердость солдата и ручаться имъ за успѣхъ, въ которомъ они не сомнѣвались. Но эти солдаты были тѣ самые герои, которые не разъ проходили по скаламъ Кавказа, эти солдаты были ведомы тѣми-же офицерами, которые всегда подавали имъ благородный примѣръ рѣдкаго самоотверженія, и чеченцы, не взирая на свое отчаянное сопротивленіе, были разбиты. Они въ семъ дѣлѣ оставили на мѣстѣ боя до 150 тѣлъ и множество оружія всякаго рода. Потеря съ нашей стороны въ этотъ день состояла изъ убитыхъ 6-ти оберъ-офицеровъ, 63 нижнихъ чиновъ; раненыхъ: двухъ штабъ-офицеровъ, 15 оберъ-офицеровъ и 198 нижнихъ чиновъ, контуженныхъ: 4 оберъ-офицеровъ и 46 нижнихъ чиновъ; безъ вѣсти пропавшихъ: 1 оберъ-офицеръ и 7 человѣкъ нижнихъ чиновъ; 29 убитыхъ и 42 раненыхъ лошадей.

По переходѣ черезъ рѣку Валарикъ, войска слѣдовали далѣе по направленію къ деревнѣ Ачхой, не будучи обезпокоиваемы болѣе непріятелемъ. Прибывъ къ рѣчкѣ Натахы, я расположилъ отрядъ лагеремъ по обоимъ берегамъ рѣчки. Тутъ я узналъ отъ взятой въ плѣнъ женщины, что чеченцы имѣли полную надежду воспрепятствовать переходу отряда черезъ рѣку Валарикъ и что поэтому еще многія семейства находились до самаго появленія нашихъ войскъ на полевыхъ работахъ. Здѣсь сблизился также съ войсками

отрядъ генералъ-маіора Лабынцева, состоящій изъ баталіона Эриванскаго карабинернаго (нынѣ 13-го лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго Его Величества полка) и баталіона Тифлисскаго егерскаго полковъ, Донскаго казачьяго № 35 полка, 100 казаковъ линейныхъ и 6 орудій, истребившій предварительно нѣкоторые аулы и поля. Генералъ-маіоръ Лабынцевъ сообщилъ мнѣ, что около 300 семействъ карабулакскихъ снова покорились нашему правительству. По личномъ моемъ съ нимъ совѣщаніи, онъ направился по открытымъ мѣстамъ на рѣку Оссу, придерживаясь горъ, чтобы дѣйствовать на умы галашевцевъ и переселившихся надтеречныхъ жителей, готовыхъ, по словамъ его, снова покориться.

4-го октября 1840 г.

Получено чрезъ лазутчиковъ извѣстіе, что партія, собранная Шамилемъ въ Салтъ-Юртѣ, перешла въ Шали и безпрестанно увеличивается прибытіемъ со всѣхъ сторонъ чеченцевъ и даже горскихъ народовъ и что Шамиль, увлеченный ихъ просьбою, намѣренъ устремиться на отрядъ и, во что бы то ни стало, принудить его оставить Чечню.

На основаніи этихъ свѣдѣній, назначивъ для прикрытія вагенбурга 1-й баталіонъ Куринскаго егерскаго полка, я самъ съ остальными войсками, безъ всякихъ тяжестей, двинулся къ Шали съ тѣмъ, чтобы разбить возмутителя, или, если онъ уклонится отъ боя, то чтобъ показать чеченцамъ невозможность вредить отряду и тѣмъ уничтожить въ нихъ всякую надежду найти себѣ въ Шамилѣ защиту.

По выходѣ изъ лѣса, недалеко отъ укрѣпленія находящагося, непріятель сталъ показываться со всѣхъ сторонъ и заводить перестрѣлку съ нашею цѣпью, но, по приближеніи отряда къ деревнѣ, онъ началъ къ ней замѣтно стягиваться.

Подступивъ къ деревнѣ, я сдѣлалъ для ея атаки слѣдующее распоряженіе: всей кавалеріи, съ двумя конными орудіями, подъ начальствомъ полковника князя Голицына, еще при самомъ выходѣ изъ лѣса выдвинутой вправо на поля, я велѣлъ, соображаясь въ движеніи своемъ съ пѣхотою, обойти съ правой стороны деревню. Противъ нея же, съ фронта, я послалъ 3-й баталіонъ Куринскаго егерскаго полка, съ двумя горными орудіями. Для поддержанія, въ случаѣ надобности, какъ кавалеріи, такъ и 3-го баталіона, назначенъ былъ Эриванскій карабинерный баталіонъ, который долженъ былъ подаваться за ними вправо отъ деревни. Главная атака

должна была быть произведена съ лѣвой стороны; для того 2-й баталіонъ, съ остальными легкими орудіями, былъ поданъ болѣе прочихъ впередъ, съ тѣмъ, чтобъ, перейдя черезъ рѣчку Джалку, взять деревню во флангъ и тѣмъ отрѣзать непріятелю отступленіе къ лѣсу, подходящему къ деревнѣ съ этой стороны. Резервъ, составленный изъ Тифлисскаго егерскаго баталіона и 4-го Куринскаго, съ двумя горными орудіями, былъ также поданъ влѣво, какъ къ важнѣйшему пункту атаки.

Первое время непріятель держался въ деревнѣ, не смотря на сильный огонь артиллеріи, но замѣтивъ, что его обходятъ со всѣхъ сторонъ, сталъ перебираться къ лѣсу. Увидѣвъ это, начальникъ артиллеріи отряда, полковникъ Чаплицъ, выдвинулъ батарею изъ 6-ти орудій, которая сильнымъ картечнымъ огнемъ стала поражать непріятеля и нанесла ему весьма значительную потерю. Неустрашимые-же егеря Куринскаго полка, бывшіе въ цѣпи, огнемъ своимъ чрезвычайно много содѣйствовали артиллеріи. Между тѣмъ, 2-й Куринскій баталіонъ вступилъ въ деревню съ лѣвой стороны, тогда какъ 3-й, проходя чрезъ нее, зажигалъ за собою всѣ сакли. Эриванскій баталіонъ, слѣдуя вдоль деревни, отдѣлилъ отъ себя съ этою цѣлью одну роту. Деревня Шали была занята безъ всякой для насъ потери. и баталіоны, прошедшіе чрезъ нее, расположились на противоположной ея оконечности. Сильный вѣтеръ чрезвычайно способствовалъ распространенію пожара, такъ что въ скоромъ времени вся деревня была въ пламени, въ глазахъ Шамиля и главнѣйшихъ его сообщниковъ, которые напрасно старались вывести своихъ изъ лѣсу: какъ только они изъ него показывались, то артиллерія мѣткимъ своимъ огнемъ заставляла ихъ обращаться назадъ съ большою потерею. Здѣсь, какъ я узналъ послѣ дѣла, Джеватъ, ободряя своихъ, былъ сильно контуженъ и подъ нимъ убита лошадь. Шамиль, явившійся также, чтобы вывести своихъ изъ лѣсу, былъ отъ выстрѣла осыпанъ землею и тотчасъ-же отведенъ назадъ своими мюридами.

Истребивъ деревню и видя, что непріятель уклоняется отъ боя, отрядъ двинулся обратно къ вагенбургу. Кавалерія, 3-й Куринскій и Эриванскій карабинерный баталіоны, перейдя черезъ Джалку, двинулись по лѣвую сторону деревни Шали. Непріятель, усмотрѣвъ обратное движеніе отряда, сталъ перебираться изъ лѣсу въ деревню съ тѣмъ, чтобы потомъ изъ нея провожать выстрѣлами арріергардъ. Замѣтивъ это, Владикавказскаго казачьяго полка юнкеръ Дороховъ бросился на него съ командою охотниковъ и, поддержанный линейными казаками, подъ начальствомъ состоящаго по кавалеріи рот-

мистра Мартынова, отрѣзалъ ему дорогу и, преслѣдуя въ деревнѣ среди пламени, положилъ на мѣстѣ нѣсколько человѣкъ.

По дорогѣ къ вагенбургу, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревни, мною былъ построенъ Тифлисскій егерскій баталіонъ, находившійся въ резервѣ, съ тѣмъ, чтобъ пропустивъ мимо себя прочія войска, слѣдовать въ аррієргардѣ. Когда прошла черезъ него кавалерія и 3-й Куринскій баталіонъ и подошелъ Эриванскій карабинерный (нынѣ 13-го лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго Его Величества полка), то я его также остановилъ, чтобы онъ вмѣстѣ съ Тифлисскимъ баталіономъ слѣдовалъ въ арріергардѣ, который и былъ мною порученъ подполковнику Зорину. Какъ только арріергардъ вступилъ въ лѣсъ, непріятель сталъ насѣдать на него со всѣхъ сторонъ, но здѣсь подполковникъ Зоринъ показалъ особенную распорядительность, употребляя для отраженія непріятеля, смотря по обстоятельствамъ, или огонь артиллеріи, или пѣхоту, или кававаллерійскія атаки казаками. Два раза непріятель бросался въ шашки, но цѣпь мгновенно смыкалась и, поддержанная огнемъ изъ орудій, опрокидывала назадъ непріятеля съ большою для него потерею. Наконецъ, онъ рѣшился сдѣлать послѣднее усиліе, и когда цѣпь арріергарда, подходя къ вагенбургу, стала выступать изъ опушки лѣса, то онъ открылъ по ней со всѣхъ сторонъ сильнѣйшій огонь, но храбрые тифлисцы, поддержанные сильнымъ картечнымъ огнемъ, бросились на непріятеля и, выбивъ его изъ опушки, отступили къ вагенбургу подъ прикрытіемъ другой за ними разсыпной цѣпи.

Потеря непріятеля въ этотъ день по свѣдѣніямъ, вскорѣ собраннымъ чрезъ лазутчиковъ, весьма значительна: однихъ убитыхъ они считаютъ болѣе 50-ти человѣкъ; число раненыхъ также чрезвычайно велико и по крайней мѣрѣ въ пять разъ болѣе нашего.

Потеря съ нашей стороны въ этотъ день: убитыми 6-ть человѣкъ; ранеными: 3 оберъ-офицера и 63 человѣка нижнихъ чиновъ. Лошадей убито 9-ть и ранено 17-ть.

Успѣхамъ этого дня я вполнѣ обязанъ распорядительности и мужеству: командующаго всею кавалеріею полковнику князю Голицыну, начальнику артиллеріи отряда полковнику Чаплицу, командиру Куринскаго полка полковнику Фрейтагу и командовавшему въ этотъ день арріергардомъ подполковнику Зорину. Всѣ распоряженія по дѣйствію войскъ исполнялись чрезъ оберъ-квартирмейстера отряда подполковника барона Россильона, который находилъ достойныхъ себѣ сотрудниковъ генеральнаго штаба въ капитанѣ: Эрнѣ и гвардейскаго генеральнаго штаба поручикѣ Баумгартенѣ. Равномѣрно въ этотъ день отличились храб-

ростію и самоотверженіемъ при передачѣ приказаній подъ огнемъ непріятеля Кавалергардскаго его величества полка поручикъ графъ Ламбертъ и Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Лермантовъ. Лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка поручикъ князь Долгорукій, адъютантъ генералъ-адъютанта графа Бенкендорфа поручикъ князь Урусовъ и адъютантъ вашего высокопревосходительства капитанъ Головинъ находились въ продолженіе всего дѣла въ цѣпи арріергарда, подъ выстрѣлами непріятеля, и когда сей послѣдній бросился на цѣпь, то по моему приказанію первые спѣшили къ ней на помощь съ резервами. Подъ поручикомъ княземъ Урусовымъ ранена лошадь. Изъ нижнихъ чиновъ въ этотъ день отличились также храбростію и самоотверженіемъ: прикомандированный къ легкой № 8 батареѣ артиллерійскаго Георгіевскаго гарнизона юнкеръ Зыбинъ, прикомандированный къ Куринскому полку Апшеронскаго пѣхотнаго полка унтеръ-офицеръ Петровскій и Куринскаго полка рядовой Вержбицкій.

Сообщ. изъ урочища Манглисъ Г. С. **Лебединецъ**.

ДЕНИСЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДАВЫДОВЪ

род. 1784 г., † 1839 г.

Послѣдніе годы жизни партизана и поэта,

по неизданнымъ письмамъ и воспоминаніямъ.

Помѣщаемыя здѣсь, на страницахъ уважаемой „Русской Старины“ и появляющіяся въ первый разъ въ печати письма Д. В. Давыдова къ пріятелю и сосѣду его А. В. Бестужеву относятся къ 1834—1836 годамъ и, помимо личности автора, представляютъ не малый интересъ къ характеристикѣ помѣщичьихъ отношеній эпохи 1840-хъ годовъ. Имя славнаго партизана составляетъ достояніе исторіи и я не буду здѣсь возобновлять въ памяти читателя его значеніе, какъ дѣятеля Отечественной войны, такъ равно и талантливаго писателя-стихотворца. Скажу лишь нѣсколько словъ о тѣхъ годахъ его жизни, къ которымъ относится настоящая переписка.

По выходѣ въ отставку послѣ кампаніи 1831 года, Денисъ Васильевичъ всецѣло посвятилъ себя семьѣ, хозяйству и занятіямъ литературнымъ. По условіямъ этой жизни онъ вынужденъ былъ дѣлить свое время между Москвой, гдѣ проводилъ зиму, и селомъ Мазой, Сызранскаго уѣзда, Симбирской губерніи, куда переѣзжалъ на лѣто для хозяйства и на осень для охоты. Село, гдѣ жилъ Денисъ Давыдовъ съ семьей и гдѣ сохранился, кажется, безъ измѣненій у его наслѣдниковъ старинный съ садомъ домъ, принадлежало его женѣ Софьѣ Николаевнѣ, рожденной Чирковой, доставшись ей по раздѣлу съ ея родной сестрой Екатериною Николаевною, бывшею

замужемъ за моимъ дѣдомъ, сенаторомъ И. П. Поливановымъ. Въ Сызранскомъ уѣздѣ есть двѣ Мазы—Верхняя и Нижняя, изъ коихъ первая, Давыдовская, до сихъ поръ принадлежитъ внукамъ Дениса Васильевича и отстоитъ отъ Сызрана въ 25 верстахъ. Хорошія почвенныя условія и выгодное положеніе по сосѣдству съ Волгой дѣлали это деревенское пребываніе привольнымъ и удобнымъ для жизни. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Давыдовъ пишетъ: „Страхъ какъ опять хочется въ Мазу, въ наши благословенныя степи“. Южная часть Сызранскаго уѣзда издавна славится своими мѣстами для псовой охоты и въ обычаѣ того времени рѣдкій изъ помѣщиковъ не посвящалъ ей свой осенній досугъ. Такъ мы видимъ—и Денисъ Васильевичъ не былъ чуждъ этого удовольствія. „Когда вздумаете, пишетъ онъ А. В. Бестужеву, посѣтить меня, дайте знать съ вечера или по утру, отъ того что я теперь ежедневно рыщу за зайцами и отъ того боюсь, чтобы не заставить васъ ждать меня нѣсколько часовъ, что лишитъ меня нѣсколькими же часами удовольствія быть съ вами вмѣстѣ“. Характерны также его заботы объ узорѣ ковра, вытканнаго дома, и порученія о покупкѣ для него въ Сызранѣ сотни лимоновъ, пока еще не ушли лодки. Извѣстно, что до постройки желѣзныхъ дорогъ первые апельсины и лимоны появлялись въ приволжскихъ городахъ только съ открытія навигаціи на спеціально торговавшихъ этимъ лакомымъ заморскимъ товаромъ лодкахъ. Временное появленіе ихъ въ городѣ способствовало всегда къ немалому оживленію мѣстнаго общества и посѣщеніе ихъ служило цѣлью весеннихъ прогулокъ. Къ тѣмъ-же бытовымъ чертамъ слѣдуетъ отнести письма Дениса Васильевича, гдѣ онъ такъ настоятельно проситъ о присылкѣ ему эскулапа Алексѣя, котораго за искусство именуетъ даже „чудотворцемъ“, и съ такимъ чувствомъ художественнаго удовлетворенія сообщаетъ своему пріятелю о „чудесно“ написанныхъ съ него и его семьи портретахъ домашнимъ живописцемъ г. Лѣнивцева—Николаемъ. Три письма изъ этой переписки посвящены важному для Симбирской губерніи событію—пріѣзду въ 1836 году, 22-го августа, въ г. Симбирскъ императора Николая Павловича. Подробности царскаго посѣщенія весьма обстоятельно изложены въ интересныхъ Запискахъ бывшаго Симбирскимъ губернаторомъ И. С. Жиркевича, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ (изд. 1890 г.).

За нѣсколько часовъ до пріѣзда государя, между начальникомъ губерніи и дворянствомъ по поводу бывшихъ между ними несогласій состоялось примиреніе. Жиркевичъ, перечисляя фамиліи дворянъ генераловъ, которымъ онъ по этому случаю дѣлалъ „благодарствен-

ные визиты", упоминаетъ между прочими и о Д. В. Давыдовѣ. Изъ писемъ же послѣдняго мы узнаемъ, что на встрѣчѣ императора онъ въ городѣ не былъ и быть не могъ, потому что оставилъ въ Москвѣ мундиръ „и даже ленту". Онъ искренно сожалѣлъ, что не будетъ, „во первыхъ отъ того, что мы оба (т. е. и А. В.) болѣе можетъ быть многихъ приближающихъ царя, любимъ и уважаемъ его и гордимся имъ, а во вторыхъ потому, чтобы съѣздъ дворянъ не былъ малъ и зала собранія во время бала не была пуста". Любопытенъ взглядъ Дениса Васильевича на взаимныя отношенія губернатора и губернскаго предводителя дворянства. „Тамъ, говоритъ онъ, гдѣ губернаторъ и дворянскій предводитель душа въ душу, тамъ нельзя, чтобы дѣла не шли чисто, ясно и полезно для общаго благоденствія". Замѣчаніе это относится, очевидно, къ тѣмъ натянутымъ отношеніямъ, которыя существовали тогда между переведеннымъ въ Витебскъ— Жиркевичемъ и губернскимъ предводителемъ Григоріемъ Васильевичемъ Бестужевымъ, братомъ Алексѣя Васильевича. Упоминаемый имъ новый Симбирскій губернаторъ, его пріятель, Дмитріевъ-Мамоновъ, повидимому назначенія на эту должность не получалъ, такъ какъ преемникомъ Жиркевича былъ Хомутовъ.

Неодобрительный отзывъ императора, по словамъ Жиркевича, о поведеніи третьяго брата Бестужева, управлявшаго тогда удѣльною конторою, находитъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе и въ настоящей перепискѣ.

Не смотря на собственное признаніе Дениса Васильевича, что онъ занимался словесностью на конѣ и въ куреняхъ солдатскихъ, тѣмъ не менѣе мы видимъ, что къ послѣднимъ годамъ его жизни слѣдуетъ отнести бо̀льшую часть его сочиненій. Покойный сынъ партизана, Василій Денисовичъ, замѣчаетъ, что послѣ кампаніи 1831 года отецъ его, живя въ своемъ имѣніи, сталъ горячо заниматься приведеніемъ въ порядокъ всѣхъ своихъ боевыхъ воспоминаній и псовою охотою. Тамъ колыбель и могила почти всѣхъ послѣднихъ прозаическихъ и многихъ поэтическихъ его произведеній. Зиму 1833 года онъ проводилъ въ Пензѣ и тамъ встрѣтился съ молодою дѣвушкою Е. Д. Золотаревою (впослѣдствіи замужемъ за Мацневымъ), ей посвящалъ онъ свои послѣдніе напѣвы. Для нея написаны: „Рѣчка", „Я васъ люблю" и „Море воетъ", вальсъ,— помѣщенные въ собраніи его сочиненій, т. III. Къ этому-же времени относятся и напечатанныя въ „Русской Старинѣ" весьма любопытныя записки Дениса Васильевича о польской кампаніи 1831 г. и о польскихъ событіяхъ 1830 г., а затѣмъ „Воспоминанія партизана", окончательно составленныя имъ въ 1836 году, равно

какъ и „Мысли о неудачномъ предпріятіи на Константину французскихъ войскъ“—статья неоконченная, помѣщенная въ I т. собраніи его сочиненій изд. 1860 г. Изъ этого разнообразнаго перечня литературныхъ трудовъ Дениса Васильевича, вышедшихъ изъ-подъ его пера въ мирномъ деревенскомъ уединеніи, видно, что А. С. Пушкинъ напрасно сѣтуетъ на своего друга, говоря:

Кто далъ Давыдову совѣтъ
Оставить лавръ, оставить розы?
Какъ могъ унизиться до прозы
Вѣнчанный Музою поэтъ,
Презрѣвъ и славу прежнихъ лѣтъ,
И тѣни Бурцова угрозы!

Статьи партизана появлялись какъ въ „Библіотекѣ для Чтенія“ Сенковскаго, такъ и въ „Современникѣ“ Пушкина. Сенковскій, по своей привычкѣ исправлять слогъ статей, печатавшихся въ редактируемой имъ „Библіотекѣ“, совершенно измѣнялъ крайне своеобразное изложеніе этихъ статей, что подало поводъ Пушкину написать къ Денису Васильевичу: „Сенковскому учить тебя русскому языку все равно, что евнуху учить Потемкина“. По словамъ сына поэта, заботы о старшихъ сыновьяхъ его много отнимали у него времени отъ любимыхъ его литературныхъ трудовъ. „Будучи слезливъ, говоритъ онъ, какъ женщина, и самаго мягкаго сердца, онъ часто принималъ на себя маску строгости и суровости, разбивавшуюся отъ первой слезливой просьбы каждаго изъ насъ“.

Образъ жизни въ деревнѣ партизана былъ самый регулярный. Вставалъ онъ въ 4 часа утра зимою и лѣтомъ, садился писать; завтракалъ въ 9 часовъ при утреннемъ чаѣ, гулялъ или, лучше сказать, производилъ усиленную ходьбу, непремѣнно столько-то верстъ по измѣренному имъ неоднократно саду; обѣдалъ въ 3 часа и засыпалъ въ креслѣ на нѣсколько минутъ, въ пылу самаго живаго разговора, съ усиленнымъ храпомъ, продолжая давать отвѣты. Потомъ снова письменныя занятія и, наконецъ, вечеромъ шутки и разговоры, всегда оживленные и интересные за вечернимъ чаемъ, а въ 10 часовъ покой. „Вотъ жизнь его въ послѣдніе годы; при этомъ самая умѣренная пища, рюмка водки, рюмка или двѣ слабаго vin de graves за столомъ. Но зато повсюду и всегда его сопровождала неизмѣнная его трубочка, которую онъ набивалъ самъ и курилъ цѣлый день, не смотря на свои недуги, кашель и удушье. Онъ умеръ 54 лѣтъ отъ апоплексическаго удара, не успѣвши докончить ко мнѣ письмо“. Такими чертами описываетъ Василій

Денисовичъ деревенскій день своего отца за послѣдніе годы его жизни.

Изъ напечатанной здѣсь переписки мы видимъ, что Д. В. не чуждъ былъ и заботъ хозяйственныхъ; но главная тяжесть этого труда лежала на его супругѣ Софьѣ Николаевнѣ, которая имѣла въ этомъ отношеніи первенствующее значеніе. Энергія, умъ и разумная экономія, при неусыпныхъ ея трудахъ, создали семьѣ значительное состояніе, которое вполнѣ обезпечило благосостояніе ея восьми человѣкъ дѣтей. Въ 1878 г. она скончалась въ Петербургѣ въ преклонномъ возрастѣ; сохраняя полную память и здоровье—тѣ отличительныя свойства уходящаго поколѣнія, которыя ему такъ присущи.

Заканчивая очеркъ послѣднихъ лѣтъ жизни славнаго партизана 1812-го года, столь прославившаго на полѣ бранномъ русскую удаль и оружіе, мы приведемъ здѣсь отзывъ знаменитаго его современника Вальтеръ Скотта, съ которымъ онъ велъ нѣкоторое время переписку.

„Вы себѣ не можете представить, какъ сердца англичанъ и въ особенности мое, пишетъ великій романистъ, сильно сочувствовало вамъ; мы всѣ съ надеждой и страхомъ, вслѣдствіе событій рѣшительныхъ, мысленно переносились на ваши биваки, покрытые снѣгомъ, и радовались отъ полноты сердца исходу вашего побѣдоноснаго поприща [1])“. Въ заключеніе онъ проситъ „чернаго капитана“, какъ называли Дениса Давыдова англичане, въ знакъ особеннаго къ нему расположенія прислать нѣкоторые очерки и разсказы, написанные его рукою.

Нельзя не пожалѣть, что до сихъ поръ нѣтъ у насъ ни обстоятельной біографіи Д. В. Давыдова, ни полнаго собранія его сочиненій, гдѣ можно-бы почерпнуть подробныя свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ русскомъ человѣкѣ.

Пріятель и сосѣдъ Д. В. Давыдова, къ которому относятся первыя четырнадцать писемъ — Алексѣй Васильевичъ Бестужевъ, былъ крупный Сызранскій помѣщикъ, человѣкъ весьма образованный и нѣсколько трехлѣтій прослужившій въ должности уѣзднаго предводителя. Въ области хозяйства имъ введенъ замѣчательный типъ рогатаго скота, извѣстнаго подъ именемъ „Бестужевскаго“. Скончался онъ въ Ниццѣ въ 1864 году, на рукахъ жены и семейства близкихъ ему людей, Анны Павловны и Александра Васильевича Толстыхъ. Настоящая переписка его съ Давыдовымъ была

[1]) Соч. Д. В. Давыдова, ч. I. Переписка съ Вальтеръ-Скоттомъ, стр. 4.

мнѣ любезно предоставлена Анною Павловною Толстою, за что я ей считаю долгомъ принести отъ себя и отъ ред. „Русской Старины“ искреннюю признательность. Послѣднее пятнадцатое письмо относится къ Карлу Антоновичу Копишу, мѣстному дворянину и сосѣду по имѣнію Давыдовыхъ. Письма Дениса Васильевича напечатаны буквально.

В. Н. Поливановъ.

Письма Д. В. Давыдова—А. В. Бестужеву.

1.

Четвергъ.

Узора для ковра нѣтъ — онъ принадлежитъ Марьѣ Ивановнѣ Амбразанцевой [1]), а посылаю коврикъ, который съ етаго узора выткан. Когда вздумаете посѣтить меня, дайте знать съ вечера или поутру, отъ того что я теперь ежедневно рыщу за зайцами и и отъ того боюсь, чтобы не заставить васъ ждать меня нѣсколько часовъ, что лишитъ меня нѣсколькими же часами удовольствія быть съ вами вмѣстѣ. Денисъ Давыдовъ. Le fromage de Neuchatel, по данной вами записки, весьма удался и я сейчасъ его ѣлъ съ удовольствіемъ.

2.

14-го сентября. Маза.

По отъѣздѣ моемъ отъ сюда, любезнѣйшій Алексей Васильевичъ я приказалъ на псарнѣ моей выдать вамъ двухъ гончихъ да Александру Васильевичу Углицкому [2]) двухъ такъ же, почему вы имѣете все право за всѣми четырьми гончимы прислать. При семъ прилагаю письмо къ Григорью васильевичу [3]), которое прошу васъ ему доставить при первой оказіи. Преданный вамъ Денисъ Давыдовъ.

Когда сучка, подаренная мнѣ Петромъ Васильевичемъ [4]) распустуетъ, то позвольте послать ее въ репьевку [5]) и повезать съ

[1]) Сосѣдка по имѣнію.

[2]) Сосѣдъ-помѣщикъ.

[3]) Братъ А. В.—бывшій Симбирскій губернскій предводитель дворянства.

[4]) Братъ Алексѣя Васильевича, живущій въ Сызранскомъ уѣздѣ, въ своемъ имѣніи с. Кушниково.

[5]) Имѣніе А. В., принадлежащее нынѣ Аннѣ Павловнѣ Толстой, въ 25-ти верстахъ отъ г. Сызрана. **В. П.**

лучшемъ кобелемъ той же породы, прикажите объ етомъ, ниравно васъ дома не будетъ. Пришлите коверъ, если вамъ онъ не нуженъ.

3.

1834 г.

Я объ васъ изнылъ, любезнѣйшій Алексей васильевичъ: какъ такъ долго невидаться! судите: отъ самаго начала зимы! Правда, что всему причиною проклятая весенняя ростеполь, которая преградила и мнѣ путь къ вамъ и вамъ—ко мнѣ. Однако, такъ какъ оноя теперь кончилась, то я надѣюсь, что на Святой недѣли вы прилетите повидаться, особенно если вы путь сей предпримите въ понедѣльникъ, то очень обяжите. Повѣрить не можете, какъ мнѣ хочется съ вами видѣться; мало ли что воды утѣкло содня нашей разлуки. Пришлите пожалоста вашего Эскулапа нанѣсколько часовъ, мнѣ онъ очень нуженъ для успокоенія моихъ французовъ, изъ коихъ однаго укусила собака, но небешеная, а онъ думаетъ, что бѣшеная. Я ее видѣлъ; у ней не было ни пѣны во рту и ни какого подобнаго признака; къ тому же она изъ рукъ его ѣла и пила — но дѣло въ томъ, что была забѣжная и послѣ француза укусила православную бабу; вотъ отъ чего они всѣ въ безпокойствѣ. Я Алексея [1]) черезъ два часа возвращу вамъ. Да незнаете ли вы какого-нибудь мужика, который лечитъ отъ укушенія бѣшеныхъ собакъ? таковые обыкновенно вездѣ бываютъ и заговаривая и давая какія-то травы чудесно вылечиваютъ самыхъ даже взбѣсившихся. Въ ожиданіи вашего пріѣзда, котораго можно сказать алчу,—вамъ преданный Денисъ Давыдовъ.

4.

Вторникъ. Маза.

Христосъ воскресъ! поздравляю васъ съ праздникомъ, любезнѣйшій Алексей васильевичъ, также и Петра васильевича, если онъ возвратился отъ Никонора Сергѣевича [2]). Одолжите меня вашимъ Алексѣемъ на сутки—у меня мой камердинеръ очень занемогъ и я отъ плахова знанія Гомеопатіи не могу совладать съ болѣзнею. Боюсь, чтобы это не была нервная или какого другаго рода горячка,—

[1]) Фельдшеръ г. Бестужева.

[2]) Сосѣдъ по имѣнію. В. П.

ради Бога, пришлите Алексея, вы меня очень обяжите—преданный вамъ Денисъ Давыдовъ.

5.

Понедѣльникъ, вечеромъ. Маза.

Посылаю чуть свѣтъ къ вамъ, любезнѣйшій Алексей васильевичъ, съ просьбою доставить прилагаемое письмо Петру Васильевичу. Но этаго мало: я прошу, чтобы онъ немедля ни минуты написалъ мнѣ отвѣтъ и немедля ни минуты же послалъ оный въ Сызрань въ домъ бѣлаго на большой улицѣ, гдѣ будетъ дожидаться этаго отвѣта мой нарочный для доставленія его ко мнѣ въ Мазу: я за болѣе чѣмъ одолженіе, а истинно за милость почту наипоспѣшнѣйшее мнѣ доставленіе отвѣта. До свиданія. Денисъ Давыдовъ.

6.

Суббота. Маза.

Благодарю за книги, любезнѣйшій Алексей васильевичъ; — что касается до числа зеренъ въ каждомъ порошкѣ, то мнѣ тоже кажется, что ихъ тамъ по 100, но навѣрное не могу сказать; адресъ къ тому лѣкарю, чрезъ котораго я выписалъ себѣ эти порошки такъ: уѣздному штабъ-лѣкарю — Карлу Федоровичу Зейдеру въ вышнемъ волочкѣ. вся Аптека стоитъ 100 р. ассигнаціями. До свиданія въ Сызрани. преданный вамъ Денисъ Давыдовъ.

Если можно, попросите кого слѣдуетъ, чтобы во вторникъ, къ вечеру, былъ готовъ дощеникъ для перевозу, дабы мнѣ неѣхать черезъ Монастырь. Такъ же сдѣлайте одолженіе, купите для меня сотню лимоновъ,—я боюсь, чтобы лодки не ушли.

7.

Воскресенье. Маза.

Полагая, что мостъ уже наведенъ на вашей рѣкѣ или будетъ наведенъ къ четвергу, посылаю къ вамъ нарочнаго, любезнѣйшій Алексей васильевичъ, чтобы узнать будете ли вы дома въ четвергъ? Между тѣмъ, прошу васъ прислать на нѣсколько часовъ Алексея Чудотворца, чемъ меня очень одолжите. Если Петръ васильевичъ и Елисавета Гавриловна [1]) еще у васъ, то прошу сказать первому

[1]) Супруга П. В. Бестужева, рожденная Осокина, скончалась въ мартѣ 1891 г. В. П.

мой дружеской поклонъ,—а Елисаветѣ Гавриловнѣ мое глубочайшее почтеніе. Преданный вамъ Денисъ Давыдовъ.

8.

Благодарю васъ, любезнѣйшій Алексей Васильевичъ, за Алексѣя Досадно, что плохъ проѣздъ къ вамъ, атобы я у васъ непременно побывалъ, да ивасъ съ Петромъ васильевичемъ къ себѣ притащилъ. благодарю любезнаго Петра Васильевича заприписаніе, но Совѣту вашему немогу слѣдовать, а вмѣсто себя посылаю управляющаго моего осмотрѣть землю. Только что путь сколько нибудь исправится, онъ поѣдитъ. Яже непреждѣ конца Маія буду въ той сторонѣ ито нанѣсколько дней. Желательно - если земля удобна — Желательно сойтиться мнѣ съ вашимъ тестемъ, мнѣ было бы и выгодно и пріятно; я пріобрету въ одно время и хорошую землю и добраго сосѣда. Если будутъ какія либо затрудненія со стороны тестя вашего, то прошу помочь мнѣ; такъ я скажу и повѣренному моему. Жена и я свидѣтельствуемъ наше почтеніе—Милостивой Государынѣ Елисаветѣ Гавриловнѣ,—Денисъ Давыдовъ.

9.

[1836 г.].

Позвольте, любезнѣйшій Алексей васильевичъ, принять въ больницу вашу человѣка моего нанѣсколько дней—онъ человѣкъ хорошій, для меня очень нужный и котораго мнѣ нехотѣлось бы оставлять здѣсь. Вы меня чувствительно обяжите согласіемъ на мою просьбу. Ѣдите ли вы въ Симбирскъ къ пріѣзду Императора? я принужденъ неѣхать, потому что оставилъ и шитой мундиръ, и шарфъ, и шляпу и бѣлыя панталоны и даже ленту въ Москвѣ; — Но такъ какъ этого въ резонъ нельзя поставить, то я богъ знаетъ что налгалъ Губернатору [1]) и Григорью васильевичу для передачи тому или тѣмъ, которые полюбопытствуютъ спросить обо мнѣ. Если вы ѣдите въ Симбирскъ, то врядъ ли мы увидимся до моего отъѣзда въ москву, которому непремѣнный срокъ 9-го Сентября, еслижъ неѣдите, то я буду у васъ на будущей недѣли, — а тамъ и васъ притащу къ себѣ до отъѣзда моего. преданный вамъ Денисъ Давыдовъ.

---

[1]) Иванъ Степановичъ Жиркевичъ.

10.

Воскресенье [1836 г.]. Маза..

Въ Середу буду ждать васъ и съ радостію и съ нетерпеніемъ. Жаль, что ни вы ни я не будемъ въ Симбирскѣ—вопервыхъ отъ того, что мы оба болѣе можемъ быть многихъ приближающихъ Царя любимъ и уважаемъ его и гордимся имъ, и вторыхъ для Григорія васильевича, который очень безпокоится предвиденіемъ малаго числа дворянъ, которымъ надо было бы съѣхаться въ Симбирскъ: онъ опасается, чтобы зала дворянскаго дома, гдѣ назначено дать балъ, небыла совершенно пуста. Губернаторъ нашъ переведенъ въ витебскъ, а на мѣсто его — отставной генералъ-маіоръ Александръ Ивановичъ Дмитріевъ-Мамоновъ. Онъ милый во всемъ смыслѣ слова благородный; давній мой пріятель и я отъѣзжая отъ сюда, оставлю ему Повелѣніе, чтобы онъ непремѣнно сдружился съ Григорьемъ Васильевичемъ; тамъ гдѣ Губернаторъ и Дворянской Предводитель душа въ душу, тамъ нельзя, чтобы дѣла не шли чисто, ясно и полѣзно для общаго благодѣнствія. Боюсь только его неопытности, ибо онъ недавно изъ военныхъ; въ Польскую войну былъ полковымъ командиромъ..... Гусарскаго полка, а потомъ гусарскимъ бригаднымъ Командиромъ, которое мѣсто и званіе онъ оставилъ только года два тому назадъ.

У меня Николай живописецъ Ленивцева [1]) и чудесно написалъ портреты мои и Васиньки [2]), теперь пишетъ портретъ жены, не знаю какъ этотъ будетъ. Простите, обнимаю васъ

Денисъ Давыдовъ.

11.

Суббота. Маза.

Если вы ѣдите въ Симбирскъ, любезнѣйшій Алексѣй Васильевичъ, то возьмите на себя трудъ отдать тамъ прилагаемые письма напочту, чемъ вы меня очень и очень одолжите, ибо письма для меня нужныя. Не забудьте мнѣ купить Сукна чернаго, по 15 р. аршинъ, 3 аршина и краснаго Сукна получше на воротникъ и выпушку. Если неѣдите, то письма возвратите съ посланнымъ,

---

[1]) Помѣщикъ Сызранскаго уѣзда, бывшій городничій г. Сызрана.

[2]) Сынъ Д. В.—Василій Денисовичъ Давыдовъ, скончался въ 1884 году.

В. П.

который привезетъ сюда и больнаго моего человѣка. Преданный вамъ Денисъ Давыдовъ.

12.

Очень радъ, что вы пріѣхали—я было хотѣлъ посылать узнать возвратились-ли вы или нѣтъ, но не съ тѣмъ, чтобы васъ сюда звать, а съ тѣмъ, чтобы у васъ побывать и потому будте дома. Завтра я у васъ непремѣнно въ 12-мъ часу. благодарю за Сукно, завтра съ благодарностію привезу вамъ деньги. Вы обрадовали меня, что Григорій Васильевичъ веселъ и вырасъ послѣ посѣщенія Царскаго—и что не нашъ Андр.: Вас: [1]) съёжился комнѣ уже что то похожее дошло, но я неочень вѣрилъ. До свиданія. Денисъ Давыдовъ.

13.

Суббота. Маза.

Любезнѣйшій Алексей Васильевичь, мнѣ нужда быть въ Симбирскѣ и я долженъ бы ѣхать на Сызрань какъ всегда ѣздилъ, но невидавъ васъ такъ давно,—хочу ѣхать чрезъ вашу репьевку—увижу васъ, переменю лошадей и поѣду прямой дорогой на Ивашевку [2]), вы вѣрно этой дорогой ѣзжали уже, и мнѣ раскажите какъ ѣхать. 16-го этаго мѣсяца мое рожденье, и хотя старость не празднуетъ, но я надѣюсь, что вы неоткажите уменя побывать. до свиданія Денисъ Давыдовъ.

14.

31-го августа. Маза.

Милостивый Государь Алексей Васильевичь! Вы просите извиненіе за вашу откровенность, а я прошу васъ опродолженіи оной. Откровенность есть слѣдствіе пріязни и хорошаго расположенія вашего ко мнѣ, которыя для меня столь лѣстны, что незнаю чего бы я неупотребилъ для потдержанія оныхъ. вѣрьте любезнѣйшій

---

[1]) Братъ А. В.—Андрей Васильевичъ Бестужевъ, бывшій управляющій симбирскою удѣльною конторою.

[2]) Бывшее имѣніе г. Ивашева-отца декабриста. В. П.

Алексей Васильевичь, что дружба ваша есть кладъ, который я постараюсь заслужить всѣми душевными силами. По письму вашему я немедленно прискакалъ въ Мазу—за часъ предъ моимъ отъѣздомъ изъ Акшуата [1]) я, необъявляя о моемъ отъѣздѣ въ Мазу, приказалъ Носкову [2]) спѣшить туда давъ ему предписаніе пріостановиться сдачею имѣнія Г-ну Давыдову [3]). Къ вечеру я прибылъ въ Мазу и къ удивленію моему я его необъѣхалъ на пути и тамъ ненашелъ, надругой день ждалъ его почти до полудни и все его нѣтъ! Между тѣмъ Носковъ, уѣхавъ отъ сюда скрытно, не распорядился работами въ такое время, въ которое всякая минута дорога, а Давыдовъ непринявъ еще имѣнія, не смѣлъ войти въ распоряженіе онаго. Давыдова сего я нашелъ здѣсь. Первое мое слово ему было относительно похищенныхъ имъ 3,000 р. и онъ на ето представилъ мнѣ свидѣтельство, или квитанцію, подписанную Городничемъ, Лѣнивцевымъ, что Казна здана исправно; ету бумагу въ оригиналѣ я взялъ съ собою, и онъ оставилъ при себѣ копію, ибо подобный оригиналъ при казначействѣ остался и таковой же отосланъ въ Казенную Палату. Зная давно сего человѣка зачестнаго теперь по сей квитанціи я еще болѣе въ томъ удостовѣрился,—и такъ дѣло сдѣлано. Ждать мнѣ болѣе Носкова здѣсь нельзя, ибо жена моя ѣдитъ въ воскресенье, то есть завтра, въ Москву, а я ее до Арзамаса провожаю,—потомъ ѣду въ передъ заготовить логово всему моему Семейству. Носкову я понимая за росторопнаго и хорошаго Управителя почти уже пріискалъ мѣсто выгоднее того, которое онъ у меня имѣлъ; къ тому же за службу одного месяца велѣлъ ему выдать третное жалованье.—Послѣ сего нечего кажется думать, чтобы я имъ былъ недоволенъ, а переменяю потому, что рыба ищетъ глубже а человѣкъ лучше; я могу ошибиться, но ошибки суть жребій смертныхъ. Простите, любезнѣйшій Алексей Васильевичь, пожалоста нелишите меня вашей пріязни, которую я истино цѣнить умѣю и верьте въ непоколебимой преданности вашего покорнѣйшаго слуги Дениса Давыдова.

---

[1]) Имѣніе моего отца, Николая Ивановича Поливанова, перешедшее къ нему отъ его матери, Екатерины Николаевны, по раздѣлу съ сестрой ея, Софьей Николаевной Давыдовой. Въ настоящее время принадлежитъ мнѣ и находится въ Корсунскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи.

[2]) Управитель.

[3]) Управитель.

В. П.

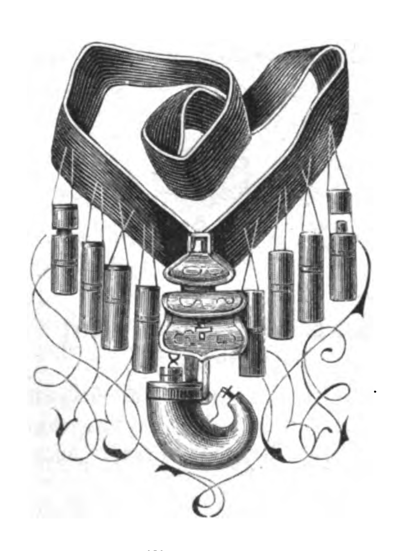
15.

Карлу Антоновичу Копишу въ Дворянской Терешки.

29-го декабря. Москва.

Благодарю васъ за поздравленіе съ новымъ годомъ, Любезнѣйшій Карлъ Антоновичъ, и васъ такъ же съ тѣмъ же поздравляю. Про себя скажу вамъ, что я какъто привыкъ къ вашей сторонѣ и страхъ какъ опять хочется въ Мазу, въ наши благословенныя стѣпи, что надѣюсь исполнить въ теченіи года, то есть къ осени. У меня всѣ дѣти были нездоровы, общей здѣсь простудою, въ томъ числѣ и ваша Машенька [1]), но я всѣхъ вылѣчилъ, и теперь всѣ на ногахъ. Жена вамъ кланяется. Преданный вамъ Денисъ Давыдовъ.

Сообщ. **В. Н Поливановъ.**

Берендейка XVI и XVII вв. Рис. Ѳ. Г. Солнцева.

---

[1]) Дочь г. Копиша.

Нелединскій-Мелецкій

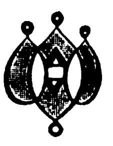
его экспромтъ.

Въ молодости своей Абр. Сергѣевичъ Норовъ былъ близко знакомъ съ поэтомъ Нелединскимъ-Мелецкимъ; оба писатели, сочувственные одинъ къ другому, провели вмѣстѣ обѣденный часъ въ гостинницѣ на Гороховой улицѣ, откуда вышли, продолжая бесѣду, въ сумрачный осенній вечеръ на Адмиралтейскую площадь. Нелединскій, вдругъ прервавъ разговоръ, устремляетъ вниманіе собесѣдника въ глубь тумана по направленію къ памятнику Петра Великаго и восклицаетъ: „Норовъ, да погляди-же"...

Нѣтъ у россіянъ благодарности ни крошки...
Петръ стòитъ алтарей, а передъ нимъ ни плошки.

Я слышалъ объ этомъ экспромтѣ отъ родственника моего — Норова, коего мать и моя родная бабка—кн. Ухтомская были родными сестрами, изъ фамиліи Кошелевыхъ.

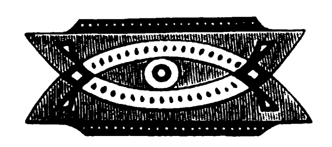
Сообщ. 31-го дек. 1887 г. **Павелъ Семеновъ.**

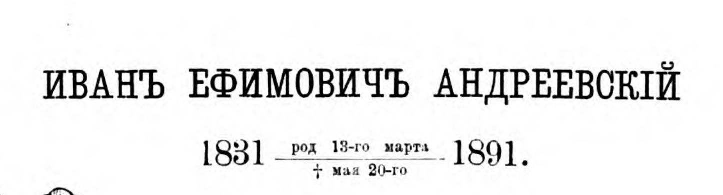

В. К. Кюхельбекеръ.

Въ стихотвореніи В. К. Кюхельбекера, напечатанномъ во II-й книгѣ „Русской Старины" 1891 г. (стр. 280, 7-я строка сверху), повидимому, вкралась ошибка: напечатано—„всесвѣтной", читай: „вселенной".

Сообщ. **П. Гиряневъ.**

ИВАНЪ ЕФИМОВИЧЪ АНДРЕЕВСКІЙ

1831 $\frac{\text{род 13-го марта}}{\text{† мая 20-го}}$ 1891.

Невыразимо грустно взяться за перо, когда приходится вспомнить о человѣкѣ любимомъ, дорогомъ, на другой день послѣ его погребенія, но есть и основанія преодолѣть личную скорбь, подѣлиться своими впечатлѣніями.

Человѣкъ умеръ, но осталось нѣчто не умирающее — его имя и съ нимъ его помыслы, завѣты для будущаго; не легко вскрывается тайникъ души человѣческой: многое не говорится и ближайшимъ друзьямъ, о многомъ можно догадываться, но я полагаю, что о такой свѣтлой личности, какъ усопшій, 20-го мая 1891 г., профессоръ Иванъ Ефимовичъ Андреевскій, все, что можетъ хоть нѣсколько приподнять завѣсу его міросозерцанія, его упованій въ будущемъ, имѣетъ свою цѣну. Не многое могу сдѣлать я въ этомъ отношеніи, но пятнадцать послѣднихъ лѣтъ жизни покойнаго учителя и друга слишкомъ хорошо запечатлѣлись въ моей памяти, чтобы оставаться въ холодномъ молчаніи послѣ его печальной кончины.

При томъ это десятилѣтіе обнимаетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ періодовъ дѣятельности Ивана Ефимовича — съ 3-го октября 1883 г. по 27-ое мая 1887 г. онъ дѣйствовалъ какъ ректоръ императорскаго с.-петербургскаго университета, того университета, которому онъ былъ обязанъ своею ученою славою и который

Гр. А. Беме.

Ѳ. Солнцевъ

онъ такъ любилъ. То время было вѣнцомъ его университетской дѣятельности. Познакомился я съ И. Е. только по окончаніи курса въ 1876 г.: у слушателей того періода два имени сопоставлялись, двумя особенно интересовались: И. Е. Андреевскимъ и А. Д. Градовскимъ, но второй былъ болѣе писатель-публицистъ, какъ постоянный сотрудникъ „Голоса", тогда какъ первый былъ обязанъ своимъ обаяніемъ преимущественно каѳедрѣ. И. Е. съ большимъ сочувствіемъ относился къ лицамъ, желавшимъ посвятить себя ученой дѣятельности, особенно по его излюбленному предмету; когда я обратился къ нему, желая заниматься общественными науками, то сразу былъ принятъ съ полною готовностью содѣйствовать во всемъ моей желанной цѣли.

И. Е. съ рѣдкою предупредительностью руководилъ моими занятіями, далъ подробныя указанія относительно заграничной командировки и въ 1879 г. привлекъ меня къ чтенію лекцій въ университетѣ.

На этомъ личномъ характерѣ моихъ воспоминаній о незабвенномъ профессорѣ я намѣренно останавливаюсь—стоило любить науку, которую онъ создалъ въ русскихъ университетахъ, и профессоръ И. Е. Андреевскій относился къ вамъ настолько сочувственно, что дѣлалъ все возможное въ вашу пользу.

Съ этого времени я помню И. Е., какъ ученаго и общественнаго дѣятеля; много приходилось бесѣдовать въ его скромныхъ кабинетахъ, украшенныхъ лишь портретами, да группами студенческихъ выпусковъ и въ домѣ Гетте у Измайловскаго моста, и въ квартирѣ ректора, и въ Большой Мастерской, гдѣ и скончался покойный, а также и въ его маленькомъ хуторѣ, въ тѣхъ степяхъ харьковскихъ, которыя онъ такъ любилъ.

Выѣзжая изъ Петербурга на лѣто въ свой харьковской хуторъ, И. Е. преображался—онъ начиналъ, хотя отчасти, жить и для себя: въ дорогѣ онъ былъ веселымъ и остроумнымъ собесѣдникомъ, быстро знакомясь со всѣми пассажирами; въ Харьковѣ онъ посѣщалъ театры и увеселительные сады, довольный, что не всѣ его знаютъ, какъ въ Петербургѣ, но и тамъ не избѣгалъ онъ поклоновъ бывшихъ учениковъ, а иногда даже служебныхъ просьбъ — его популярность не ограничивалась Петербургомъ.

Чѣмъ объяснить чарующее вліяніе личности И. Е.; каково оно было—укажу на одинъ изъ случаевъ послѣдняго времени.

Получаетъ И. Е., какъ вице-предсѣдатель „Русскаго общества охраненія народнаго здравія“, письмо отъ совершенно незнакомаго ему Ильи Даниловича Ковригина, по поводу обезпеченія условій народнаго питанія (это было въ то время, когда И. Е. только что прочиталъ лекцію о нормальномъ питаніи и думалъ объ открытіи нормальныхъ столовыхъ); мысли, выраженныя въ письмѣ, его интересуютъ, онъ ѣдетъ къ И. Д. Ковригину, но того по болѣзни видѣть нельзя, ограничиваются постояннымъ обмѣномъ писемъ и въ результатѣ И. Д. Ковригинъ завѣщаетъ послѣ своей смерти „Русскому обществу охраненія народнаго здравія“ сто тысячъ рублей; по этому же поводу позволю себѣ и нѣкоторую нескромность о фактѣ, мало кому извѣстномъ, характеризующемъ безкорыстіе И. Е.: къ одному изъ великихъ праздниковъ привозитъ управляющій И. Д. Ковригина $2^1/_2$ тысячи въ видѣ подарка—И. Е., тотъ отказывается, но посланный настаиваетъ и И. Е. пишетъ любезному жертвователю, что онъ передаетъ эти деньги въ русское общество охраненія народнаго здравія, а затѣмъ и отсылаетъ ихъ въ общество.

Мнѣ кажется, что эту общую симпатію снискалъ И. Е. А. своею любовью къ человѣчеству вообще: онъ не различалъ національностей, но относился сочувственно ко всякому человѣку, причемъ, если это былъ студентъ, то считалъ его за роднаго по чувству и мысли. Впрочемъ, преданный настолько университету, И. Е. отъ души любилъ и Императорское училище правовѣдѣнія, гдѣ онъ преподавалъ такъ долго и нерѣдко выбиралъ себѣ сотрудниковъ изъ его бывшихъ воспитанниковъ съ рѣдкимъ вообще безпристрастіемъ: талантъ и знаніе всегда находили въ немъ добросовѣстнаго цѣнителя.

Въ этомъ отношеніи интересны были сношенія И. Е. съ простымъ народомъ: когда по желанію своего тестя, проф. Н. Ѳ. Рождественскаго, И. Е. выстроилъ на Волховѣ дачу „Грибокъ“ въ имѣніи покойнаго Рождественскаго, онъ немедленно началъ заботиться о школѣ для крестьянъ, ссудосберегательномъ товариществѣ и т. п., особенно же стекались къ нему больные за медицинскою помощью: не получивъ медицинскаго образованія, И. Е., вообще весьма осторожный, съ рѣдкою находчивостью оказывалъ помощь заболѣвшимъ при отсутствіи врача; въ его Харьковскомъ имѣніи

праздники напоминали ярмарки по числу пріѣхавшихъ лечиться, получавшихъ и простыя лекарства.

Эта любовь къ человѣку выразилась и въ научной дѣятельности И. Е.; одинъ изъ учениковъ (по училищу правовѣдѣнія) покойнаго въ своихъ воспоминаніяхъ („Гражданинъ“ № 140—1891 г.) сопоставляетъ И. Е. съ Неволинымъ, говоря, что „Андреевскій размѣнивалъ цѣлые и суровые завѣты своего великаго учителя Неволина на мелкую либеральную монету, и какъ всѣ сталъ соблазняться обольщеніями популярности“; такое мнѣніе не болѣе, какъ недоразумѣніе: нельзя сопоставлять Неволина и Андреевскаго по многимъ причинамъ. Неволинъ дѣйствовалъ въ эпоху императора Николая I (съ 1835 по 1855 г. онъ преподавалъ въ университетѣ и училищѣ); онъ былъ главнымъ образомъ цивилистъ и самая энциклопедія его носитъ строго юридическій характеръ, напротивъ И. Е. началъ свою дѣятельность въ 1855 г., когда всѣ ожидали реформъ шестидесятыхъ годовъ (на одной изъ первыхъ лекцій его въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія присутствовалъ императоръ Александръ II, приславшій ему тогда же перстень); вмѣстѣ съ тѣмъ И. Е. увлекся политическими науками, сохраняя впрочемъ и начала юридическія въ политикѣ; онъ не былъ, можетъ быть, столь точенъ, какъ Неволинъ на лекціяхъ, но онъ не былъ и такъ сухъ,—напротивъ, его лекціи посѣщались и слушались съ восторгомъ, такъ какъ ни въ одной книгѣ нельзя было найти того живаго блестящаго изложенія, какое давали лекціи покойнаго. Во всякой самой сухой матеріи И. Е. остроумно находилъ интересныя стороны, увлекался и увлекалъ (хотя бы напр. его ежегодные отчеты о дѣятельности архивныхъ комиссій возбуждали крайній интересъ слушателей, несмотря на сухость содержанія). Раздѣляя отъ души взгляды, выразившіеся въ реформахъ шестидесятыхъ годовъ, принимая непосредственное участіе въ подготовительныхъ работахъ но многимъ изъ нихъ (напр. по университетскому уставу 1863 г., по реформѣ военно-учебныхъ заведеній, по правиламъ о печати 1865 г.), И. Е. оставался постоянно вѣренъ тѣмъ основнымъ положеніямъ, которыя онъ проводилъ и въ наукѣ: послѣдователь школы классической въ политической экономіи Роберта ф. Моля, котораго онъ былъ слушателемъ и почитателемъ, въ политикѣ, онъ выразилъ въ своемъ курсѣ „Полицейскаго права“

свои основныя, задушевныя воззрѣнія на государство и его задачи.

При этомъ никогда И. Е. не впадалъ въ крайности; если его считали слишкомъ либеральнымъ нѣкоторые, то въ 1860-хъ гг. большинство выдающихся тогда дѣятелей признавали его слишкомъ умѣреннымъ. Великимъ достоинствомъ И. Е. слѣдуетъ признать, что онъ никогда изъ стремленія къ ложной популярности не разжигалъ съ каѳедры своимъ краснорѣчивымъ словомъ политическихъ страстей, никогда не внушалъ, подъ покровомъ научныхъ истинъ, превратныхъ идей. Излагая положенія дѣйствующаго права, онъ отличался чрезвычайною точностью, унаслѣдованною имъ еще со студенческой скамьи отъ его даровитыхъ предшественниковъ Калмыкова и Неволина; на его цитаты можно было всегда положиться, и не провѣряя ихъ. Онъ читалъ нѣсколько юридическихъ наукъ, но выработалъ себѣ строгую спеціализацію ихъ, останавливаясь на государственномъ и полицейскомъ правѣ; особенно на послѣднемъ; кромѣ того, онъ читалъ исторію русскаго права и энциклопедію права.

До И. Е. Андреевскаго не было преподаванія полицейскаго права въ Россіи: въ Петербургскомъ университетѣ читалъ Н. Ѳ. Рождественскій (впослѣдствіи тесть И. Е.) ученіе о благочиніи и благоустройствѣ, въ видѣ переложенія Свода Законовъ, позже примѣняя къ Своду теоретическія положенія Роберта Моля; въ Москвѣ читалъ свое знаменитое общественное право, много потомъ полемизировавшій съ И. Е. Андреевскимъ—В. Н. Лешковъ, но полицейскаго права не было, какъ самостоятельной науки: И. Е. добился введенія его въ уставъ 1863 г., онъ же и создалъ его преподаваніе въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Одинъ изъ первыхъ обратилъ И. Е. вниманіе на значеніе земской дѣятельности, широко развернулъ онъ этотъ отдѣлъ въ своемъ курсѣ, достигъ полученія въ Петербургскомъ университетѣ значительной части земскихъ изданій; заинтересовалъ дѣятельностью земства Императорское Вольное Экономическое Общество, и первый явился редакторомъ „Земскаго Ежегодника“, издаваемаго этимъ обществомъ.

Въ обширной сферѣ полицейской дѣятельности современнаго государства въ концѣ нынѣшняго столѣтія особенно выдвигается одна область—забота о санитарномъ строѣ; И. Е. очень быстро

предусмотрѣлъ важное значеніе общественной гигіены — онъ отвелъ ей выдающееся мѣсто въ своемъ курсѣ, но онъ былъ человѣкомъ, который, не зарывая своего таланта въ землю, не довольствовался одною проповѣдью—ему нужны были дѣла, хотѣлось на практикѣ осуществить свои идеи: увѣренный въ силѣ и значеніи общественной инициативы, онъ съ восторгомъ принимаетъ мысль объ учрежденіи „Русскаго общества охраненія народнаго здравія“ и до конца дней своихъ остается самымъ ревностнымъ его членомъ.

Дѣятельность И. Е., какъ предсѣдателя IV секціи „Русскаго общества охраненія народнаго здравія“, затѣмъ вице-предсѣдателя всего Общества заслуживаетъ особой подробной оцѣнки; замѣчу только, что дѣла Общества были ему такъ дороги, что онъ ни разу не пропустилъ ни одного собранія, гдѣ его присутствіе было желательно, и даже, въ трудное время его ректорства, утомленный отъ дѣлъ, часто огорченный, отвѣчалъ на всѣ убѣжденія остаться дома и отдохнуть рѣшительнымъ отказомъ: „если бы всѣ такъ относились къ общественнымъ дѣламъ, что предпочитали-бы имъ свое личное спокойствіе, то чтобы вышло?“—и дѣйствительно измученный, усталый отъ трудоваго дня, И. Е. находилъ внезапно всю свою энергію, всю силу своего ума вечеромъ, когда онъ направлялъ пренія по сложнымъ медицинскимъ вопросамъ, резюмировалъ высказанное, старался о практическомъ его осуществленіи.

Насколько дѣло быстро слѣдовало у И. Е. за словомъ, можно найти изъ той же практики „Русскаго общества охраненія народнаго здравія“ много примѣровъ. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ пришлось мнѣ прочитать въ одномъ изъ нѣмецкихъ журналовъ исторію дѣятельности лѣтнихъ лечебныхъ колоній въ Германіи, говорю И. Е., онъ проситъ сдѣлать докладъ въ его IV секціи Русскаго общества охраненія народнаго здравія, гдѣ онъ тогда предсѣдательствовалъ: рефератъ былъ мною прочитанъ для ознакомленія съ этимъ новымъ дѣломъ—и только, но И. Е. этого мало—онъ немедленно указываетъ на желательность такихъ-же учрежденій у насъ; по окончаніи засѣданія собираютъ что-то около 50 руб. и съ этой ничтожною суммой открывается дѣятельность по учрежденію дѣтскихъ лечебныхъ колоній, однако въ то же лѣто была устроена первая колонія въ Старой Русѣ

и затѣмъ изъ года въ годъ каждое лѣто отправляется колонія или въ Старую Русу исключительно, или даже, сверхъ того, въ другое врачебное мѣсто.

Читаетъ И. Е. лекцію о нормальномъ питаніи, случайно знакомится съ книгою Д. В. Каншина, и въ результатѣ приходится заботиться о дѣйствительномъ устройствѣ нормальныхъ столовыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ создается и поставленная теперь самостоятельно школа кухоннаго искусства. При томъ онъ любилъ развивать свои мысли такъ широко, что казалось переходилъ въ область фантазіи, однако съ И. Е. нельзя было поручиться за то, что и несбыточное не будетъ достигнуто. Такъ, въ связи съ заботою о нормальномъ питаніи, онъ выработывалъ грандіозный проектъ общежитія для людей средняго класса, работающей интеллигенціи, гдѣ бы за не дорогую плату можно было имѣть здоровое помѣщеніе и удовлетвореніе всѣхъ жизненныхъ потребностей.

Въ своихъ первыхъ ученыхъ трудахъ, магистерской диссертаціи (1854 г.) „О правахъ иностранцевъ въ Россіи до Іоанна III" и позже „О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ заключенномъ въ 1270 г." (1855 г.) и „О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ" (1864 г., докторская диссертація). И. Е. съ любовію отдался историческому изслѣдованію; это направленіе сохранилось и въ дальнѣйшей его дѣятельности; въ курсѣ полицейскаго права отведено значительное мѣсто историческимъ очеркамъ, иногда напоминающимъ отдѣльную монографію; приходится читать на актѣ рѣчь, И. Е. избираетъ темою мало извѣстный памятникъ по призрѣнію бѣдныхъ, Исландскій Грагасъ; въ своемъ, къ сожалѣнію необработанномъ для печати, курсѣ исторіи русскаго права въ училищѣ правовѣдѣнія И. Е. обращаетъ особенное вниманіе на разработку памятниковъ (на экзаменѣ, напр., обыкновенно по сборнику Владимірскаго-Буданова предлагалось истолковать текстъ той или другой статьи Русской Правды, Судныхъ грамотъ и т. д.). Понятно, что при такомъ направленіи И. Е. долженъ былъ сблизиться при первомъже знакомствѣ съ нашимъ знаменитымъ историкомъ права Н. В. Калачовымъ; задуманный Н. В. Калачовымъ археологическій институтъ, первое учрежденіе въ этомъ родѣ въ Россіи, нуждался въ дѣятеляхъ и притомъ такихъ, которые были-бы готовы

ради идеи жертвовать своимъ трудомъ и временемъ. И. Е. не устрашился трудностей, которыя оттолкнули-бы отъ этого дѣла другихъ, явился ревностнымъ сотрудникомъ Николая Васильевича и послѣ смерти покойнаго не измѣнилъ дѣлу, принявъ на себя трудныя обязанности директора археологическаго института. Есть лица, настолько выдающіяся во всѣхъ проявленіяхъ своей дѣятельности, что смерть ихъ оставляетъ надолго незамѣнимый пробѣлъ въ общественной жизни, къ такимъ относится И. Е.: во всемъ, за что онъ ни брался, сказывалась такая искренняя любовь къ дѣлу, такое самоотверженное отношеніе къ нему, что, при ясно выраженной вѣрѣ, въ людей всегда обезпечивало успѣхъ.

Принявъ на себя редакторство „Энциклопедическаго Словаря", И. Е. въ короткое время успѣлъ поставить хорошо и это дѣло: по отзывамъ даже враждебныхъ предпріятію органовъ печати томы Словаря выходили все лучшими по содержанію, а неудачный первый полутомъ предполагалъ покойный переиздать по окончаніи всего изданія.

Отъ многаго задуманнаго, свѣтлаго и хорошаго оторвала злая смерть И. Е. Андреевскаго: онъ мечталъ и объ отдохновеніи, но объ отдыхѣ, его достойномъ при новыхъ литературныхъ работахъ. Оставшійся незаконченнымъ курсъ русскаго государственнаго права думалъ онъ тогда переработать и издать въ полномъ видѣ. Въ своихъ планахъ уединенія въ деревенской глуши онъ мысленно воздвигалъ зданіе для библіотеки, гдѣ-бы онъ могъ писать и философствовать безпрепятственно.

Часто даже въ краткій лѣтній досугъ пользовался И. Е. позднимъ вечернимъ часомъ, чтобы набросать на бумагу мысли, пришедшія за день; чѣмъ-бы онъ ни былъ занятъ (лѣтомъ И. Е. любилъ садъ и огородъ, его розы и клубника были извѣстны), обрѣзкою, пересадкою растеній или осмотромъ полей, что онъ совершалъ пѣшкомъ. голова его постоянно работала, обыкновенно въ кругѣ излюбленныхъ идей, — нѣтъ собесѣдника — и И. Е., самъ того не замѣчая, излагаетъ вслухъ пришедшую мысль; мнѣ приходилось не разъ заставать его въ густомъ вишневомъ саду за такимъ монологомъ. Характеръ И. Е. сказывался и въ домашнемъ его хозяйствѣ: онъ любилъ устраивать себѣ садъ, который весь былъ-бы плодомъ рукъ его; построивъ на Волховѣ

дачу, онъ разбилъ прекрасный садъ; купивъ затѣмъ въ безлѣсной степи Харьковской губ. хуторъ, онъ устроилъ хорошій садъ, который все пополнялъ изъ года въ годъ; ему нравились свои посадки, какъ онъ увлекался и своими заботами о новыхъ учрежденіяхъ; онъ не могъ надѣяться видѣть всѣ результаты своихъ трудовъ, но довольствовался сознаніемъ, что вмѣсто голой степи послѣ него останется садъ, имъ созданный.

Въ небольшомъ своемъ хозяйствѣ въ своемъ „Привольѣ" И. Е. постепенно перешелъ къ многопольной системѣ хозяйства и вмѣстѣ съ тѣмъ обращалъ общее вниманіе своими отношеніями къ рабочимъ: пища для поденщиковъ изготовлялась чисто, вкусно и обильно; устроивъ баню, И. Е. еженедѣльно предоставлялъ пользоваться ею рабочимъ, для поденщиковъ былъ устроенъ обширный умывальникъ и люди, моющіеся нерѣдко разъ въ мѣсяцъ, привыкли у него мыться передъ обѣдомъ и ужиномъ—онъ замѣтилъ уменьшеніе накожныхъ болѣзней.

Не время научной критики трудовъ И. Е. Андреевскаго, писалъ онъ много; какъ историкъ русскаго права онъ займетъ почетное мѣсто съ именами Чебышева-Дмитріева, И. Д. Бѣляева и друг.; въ области полицейскаго права трудъ его навсегда останется въ лѣтописяхъ русской науки, какъ работы Justi и Sonnenfels, R. v. Mohl и Lorenz v. Stein въ нѣмецкой литературѣ; онъ будетъ свидѣтельствовать о началѣ новой эпохи, о переходѣ отъ рабской зависимости отъ западныхъ ученій къ самостоятельной научной работѣ: вмѣсто прежнихъ переводовъ и переложеній, мы имѣемъ въ полицейскомъ правѣ покойнаго цѣльное русское изслѣдованіе по вопросамъ, въ большинствѣ новымъ, мало разработаннымъ. Не забудутся и дѣла покойнаго профессора, какъ ректора и въ другихъ сферахъ его дѣятельности.

Назначенный ректоромъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета 30-го октября 1883 г., И. Е. при переѣздѣ своемъ на ректорскую квартиру распорядился, чтобы во всякое время дня и ночи (буквально) могли его видѣть желающіе, особенно студенты; часто приходилось убѣждать его поберечь себя и здоровье, напрасно—въ этомъ находилъ онъ главную задачу ректорской дѣятельности стоять всегда на стражѣ интересовъ университета и его молодежи, и для этого у него не существовало препятствій; я хорошо помню слѣдующій случай, который онъ

мнѣ потомъ приводилъ въ доказательство того положенія, что ректоръ и ночью долженъ быть доступенъ студентамъ; послѣ какого-то засѣданія вернулся И. Е. поздно домой и легъ спать; въ три часа ночи будятъ его, явился какой-то студентъ, проситъ содѣйствія: оказывается произошло послѣ пирушки столкновеніе студентовъ съ извощикомъ и потомъ полиціей, двое арестованы; И. Е., несмотря на позднее время, обращается въ полицейскій участокъ и улаживаетъ дѣло, которое для арестованныхъ могло-бы имѣть печальныя послѣдствія. Съ крайнимъ безпристрастіемъ велъ И. Е., какъ ректоръ, всѣ университетскія дѣла, забывая о лицахъ и заботясь лишь объ учрежденіи, но всегда, если были нужны совѣтъ или помощь, И. Е. находилъ средства, изыскивалъ разныя комбинаціи, чтобы устроить дѣло.

Никто не можетъ сказать, чтобы И. Е. отказалъ въ совѣтѣ и помощи, если то было честное, правдивое начинаніе. Его отзывчивость была такъ велика, что совершенно ему незнакомыя лица прибѣгали къ его совѣтамъ, не говоря уже объ учрежденіяхъ и ученыхъ обществахъ, гдѣ часто требовалось его авторитетное слово. Крупнымъ въ этомъ отношеніи фактомъ представляется участіе И. Е. въ предполагавшейся реформѣ мѣстнаго управленія въ комиссіи подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря М. С. Каханова.

Нѣчто необъяснимое заставило меня прибыть къ И. Е. въ грустный часъ его кончины: нѣсколько минутъ отдѣляли его отъ смерти и въ немногихъ словахъ, которыя мы слышали, выразился величавый образъ покойнаго въ его основныхъ убѣжденіяхъ: въ день смерти былъ онъ назначенъ ассистентомъ на моемъ экзаменѣ по полицейскому праву въ училищѣ Правовѣдѣнія; увидѣвъ меня, онъ спрашиваетъ: „благополучно прошелъ экзаменъ, тамъ удивились, что я боленъ?“ (И. Е. почти никогда не пропускалъ лекцій, былъ однимъ изъ самыхъ аккуратныхъ преподавателей); затѣмъ въ полу-бреду: „въ день экзамена по полицейскому праву умеръ“—любимый предметъ связывалъ онъ со своимъ опаснымъ положеніемъ; вспоминалъ и послѣднюю статью, просмотрѣнную для „Энциклопедическаго Словаря“, „благо“ (статья И. Е.) и „Богъ“—можно было разобрать въ его предсмертномъ бреду.

Умеръ человѣкъ, вѣрный тому чувству долга, которое руководило имъ всю жизнь, вспоминая о той наукѣ, которой онъ себя всецѣло посвятилъ и которая такъ осиротѣла.

Сергѣй Ведровъ.

26-го мая 1891 г.
Спб.

НАДЕЖДА АНДРЕЕВНА ДУРОВА,

кавалеристъ-дѣвица Александровъ.

Въ „Русской Старинѣ" 1890 г., т. LXVII, сентябрь, стр. 657—666, помѣщены не безъинтересныя свѣдѣнія, весьма обязательно сообщенныя Ѳ. Ѳ. Лашмановымъ, о знаменитой въ отечественной литературѣ кавалеристъ-дѣвицѣ Н. А. Дуровой. Свѣдѣнія эти, главнымъ образомъ, касаются послѣднихъ лѣтъ жизни штабсъ-ротмистра Александрова, Дурова тожъ, въ городѣ Елабугѣ.

Предъ нами фотографическая карточка этого отставнаго ротмистра-дѣвицы, сообщенная намъ, 12-го марта 1889 г., Ѳ. Ѳ. Лашмановымъ, и какъ засвидѣтельствовалъ почтенный гражданинъ города Елабуги П. К. Ушковъ — портретъ этотъ снятъ съ натуры въ 1850-хъ годахъ и отличается полнѣйшимъ сходствомъ.

Мы обѣщали („Русская Старина", т. LXVII, стр. 663, примѣч.) воспроизвести этотъ портретъ при нашемъ изданіи, что и исполняемъ нынѣ въ гравюрѣ художника И. И. Матюшина, сотрудника-ученика знаменитаго академика Л. А. Сѣрякова († 1881 г.). Прилагаемая гравюра исполнена по фотографіи, переведенной съ помянутаго портрета Н. А. Дуровой-Александрова на дерево.

Ред.

ОСТЯЦКІЕ КНЯЗЬЯ ВЪ XVII ВѢКѢ.

I.

Въ статьѣ г. Т. Попова „Остятскіе князья (1864—1884)“ („Русская Старина“, 1890, № XI, с.с. 457—460) сообщаются любопытныя свѣдѣнія о современныхъ остяцкихъ князьяхъ: Тайшинѣ, Артанзіевѣ и Шешкинѣ. Князей этихъ фамилій мнѣ не приходилось встрѣчать въ документахъ Сибирскаго приказа за XVII в. (въ москов. архивѣ м-ва юстиціи [1]), но тамъ попадаются дѣла о другихъ остяцкихъ князьяхъ того времени — Алачеевыхъ и Пелымскихъ. Дѣла о первыхъ любопытны особенно въ томъ отношеніи, что представляютъ одинъ изъ многихъ примѣровъ того, какъ Москва поѣдала провинціальную и окраинную мелкоту, шагъ за шагомъ отнимая у нея послѣднюю тѣнь самостоятельности...

Первыя извѣстія документовъ Сибирскаго приказа о кн. Алачеевыхъ относятся къ 1628 г. [2]). Именно въ этомъ году началось (и продолжалось по 1632 г.) дѣло о переписи въ Березовскомъ и Сургутскомъ уѣздахъ „вотчинъ“ остяцкихъ князей Михаила и

---

[1]) По всей вѣроятности они существовали въ XVII в. въ качествѣ „волостныхъ князцовъ“, которыхъ слѣдуетъ отличать отъ князей въ собственномъ смыслѣ, стоявшихъ въ началѣ (покоренія Сибири русскими) во главѣ цѣлаго народа или нѣсколькихъ волостей.

[2]) Болѣе древнія извѣстія о родѣ кн. Алачеевыхъ (за конецъ XVI в. и начало XVII в.) см. напр. у Словцова въ „Историч. обозр. Сибири“ (изд. 2-е), 1, 2, 15, 29 и др. Н. О.

Лобана Алачеевыхъ [1]). Дѣло возникло по жалобамъ князей на разныя злоупотребленія и неправильности, допущенныя при описи ихъ „вотчинъ" правительственными „писцами". Въ 1628 г. описывали „Алачеевскія волости" посланные изъ Тобольска „письменный голова" Василій Теприцкой и подъячій Иванъ Костюринъ, а въ 1629 г. боярскій сынъ Савва Французуженинъ и подъячій Третьякъ Левонтьевъ. Эти переписи нанесли кн. Алачеевымъ значительный ущербъ: писцы нашли 260 остяковъ, которыхъ раньше „утаили" князья, собирая съ нихъ „ясакъ" въ свою пользу. Правительство распорядилось, чтобы половина этихъ 260 остяковъ оставалась за кн. Алачеевыми, а другая была включена въ число государевыхъ „ясачныхъ людей", т. е. должна была платить ясакъ не князьямъ Алачеевымъ, а въ государеву казну...

Кн. Михаила (старшаго изъ братьевъ) вызвали для объясненій по этому дѣлу въ Тобольскъ, но онъ туда не поѣхалъ, а вмѣстѣ съ братомъ Лобаномъ самовольно отправился въ Москву, куда они прибыли въ ноябрѣ 1628 г. Москва не любила такихъ неожиданныхъ визитовъ и очень часто высылала обратно лицъ, осмѣлившихся самовольно, „безъ государева указу", пріѣхать въ Москву... Но къ кн. Алачеевымъ отнеслись почему-то снисходительно — изъ Москвы не выслали, хотя все-таки подвергли ихъ своеобразному наказанію - отказали въ царской аудіенціи, о которой усиленно просили несчастные князья (см. „докладъ" государю Приказа казанскаго дворца — л. 1). Кн. Михаилъ очень наивно оправдывался въ самовольномъ пріѣздѣ: въ Тобольскъ онъ потому-де не поѣхалъ, что получивши „богомольную грамоту" тобольскаго архіепископа Макарія „о государевой радости" — о рожденіи царевича Алексѣя Михайловича, счелъ своимъ долгомъ поспѣшить въ Москву: „сдѣлалъ то простотою своею, а не хитростью" — говорилъ князь... Такъ ли было на самомъ дѣлѣ, или этотъ мотивъ пріѣзда подсказали ему московскіе дьяки, но государь очевидно не повѣрилъ „простотѣ" князя и не далъ ему аудіенціи...

Впрочемъ, главная просьба Алачеевыхъ (см. ихъ „челобитныя" — л.л. 70 и 73), была удовлетворена: въ 1630 г. отправлены были уже изъ Москвы (а не изъ Тобольска) новые „писцы" боярскій сынъ Александръ Воейковъ и подъячій Максимъ Козловъ, для новаго „дозора" княжескихъ „вотчинъ" и для „сыска" о дозорахъ

[1]) Сибирскаго приказа столбецъ № 27, л. л. 1—455.—Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ см. въ моей статьѣ „Остяцкія знамена XVII в.". („Историч. Вѣстн.", 1889, № 10, с. 137), гдѣ ошибочно цитированъ столбецъ № 26.
Н. О.

прежнихъ писцовъ (см. „наказъ" имъ—л. 82). Въ 1632 г. они привезли въ Москву свой „сыскъ" о переписяхъ Теприцкаго и Францyженина и о дѣйствительномъ количествѣ остяковъ въ Алачеевскихъ вотчинахъ (л. л. 277—413).

Изъ документовъ этого дѣла несомнѣнно, что въ описываемое время кн. Михаилъ и Лобанъ Алачеевы были очень богатыми людьми и владѣли своими остяками довольно самостоятельно. Имъ принадлежало 14 остяцкихъ „волостей" въ Березовскомъ и Сургутскомъ уѣздахъ. Главною „вотчиною" и резиденціею кн. Михаила (см. опись его и брата вотчинъ—л. 46) былъ „городокъ" Кода въ Кодской (Кондинской) волости Березовскаго уѣзда. Въ Кодѣ находилось два православныхъ храма, такъ какъ часть остяковъ была уже крещена [1]). Любопытно, однако, что во главѣ „дворовыхъ людей" кн. Михаила, несомнѣннаго христіанина, стоялъ не кто иной, какъ „шайтанщикъ" Менаръ... У князя было не мало „дворовыхъ и дѣловыхъ людей", жившихъ въ княжеской „слободѣ". Князь жаловался въ Москвѣ, что Теприцкой и Костюринъ въ своихъ „дозорныхъ книгахъ" записали „дворовыхъ его людей 63 человѣка ясачными людьми". Но кромѣ этихъ 63 человѣкъ были и другіе дворовые люди, оставленные Теприцкимъ за кн. Михаиломъ. У кн. Лобана были свои „дворовые люди". Онъ жилъ въ „городкѣ" Намгакорѣ. „Городками" называли эти княжескія резиденціи русскіе „писцы", но сами князья утверждали, что ихъ зимовья вовсе не „городки", такъ какъ около нихъ никакого „города (т. е. укрѣпленій) и острога нѣтъ".

Кромѣ „дворовыхъ и дѣловыхъ людей" у кн. Михаила былъ значительный отрядъ ратныхъ людей: въ дѣлѣ приведенъ именной списокъ остяковъ—„служилыхъ людей, которыхъ (князь) посылаетъ на государеву службу"... Далѣе идутъ именные списки княжескихъ „ясачныхъ людей", жившихъ по волостямъ—Кодской и др.

Но власть кн. Алачеевыхъ надъ „своими вотчинными остяками" постепенно ослабѣвала, особенно съ тѣхъ поръ, какъ остяки поняли, что само московское правительство старается уменьшить значеніе князей и ограничить ихъ самостоятельность. Остяки узнали тогда, что и на ихъ князей есть управа въ лицѣ московскихъ воеводъ... Объ этой любопытной сторонѣ новыхъ отношеній кн. Ала-

---

[1]) Кодскіе князья приняли христіанство еще въ концѣ XVI в. (см. П. Н. Буцинскаго „Заселеніе Сибири и быть первыхъ ея насельниковъ", стр. 172). Въ 1653—1654 гг. въ Кодѣ была устроена Троицкая мужская пустынь (См. Сибир. приказа столбецъ № 400). Н. О.

чеевыхъ къ остякамъ разсказываетъ дѣло 1637—41 г.г. по челобитной Алачеевыхъ „на своихъ вотчинныхъ остяковъ", которыхъ князья обвиняли главнымъ образомъ „въ непослушаньѣ", а также „въ кражѣ" у нихъ разныхъ предметовъ и проч. [1]). Остяки съ своей стороны подавали челобитныя на князей „въ насильствѣ и въ обидѣ и во всякой налогѣ"...

Но скоро остяки совсѣмъ освободились отъ своихъ князей... Уже въ 1645 году кн. Алачеевы были вызваны въ Москву навсегда, безъ права возврата на родину и съ потерею всѣхъ своихъ „вотчинъ"... Нѣкоторыя подробности объ этомъ событіи узнаемъ изъ челобитнаго дѣла о дачѣ „корма" кн. Дмитрія Алачеева (сынъ кн. Михаила?...), пріѣхавшаго въ 1645 г. въ Москву, со всей семьей, по государеву указу [2]). Оказывается, что „вотчина" кн. Дмитрія были „отписаны на государя", а ему со всей семьей велѣно быть на Москвѣ, гдѣ его „написали во дворянѣхъ по Московскому списку", съ помѣстнымъ окладомъ въ 1000 четей и съ денежнымъ въ 100 р. „изъ чети". Остяцкаго князя велѣно было „испомѣстить" (т. е. дать помѣстье) въ русскихъ городѣхъ", а пока найдутъ помѣстье—давать ему на Москвѣ „корму" по 1 руб. на день, да „людямъ" его (изъ Сибири съ нимъ пріѣхало 20 человѣкъ) по 6 денегъ человѣку и проч. Кн. Дмитрій удостоился царской аудіенціи, на которой ему и было объявлено вышеуказанное рѣшеніе его судьбы (см. любопытную запись въ дѣлѣ объ этой аудіенціи—л. 229), а въ утѣшеніе былъ пожалованъ серебряный „кубокъ въ 4 гривенки" и проч. [3]).

Былъ ли „испомѣщенъ" кн. Димитрій и гдѣ именно—не знаю. Но уже въ 1649 г. ни кн. Дмитрія и никого изъ кн. Алачеевыхъ не осталось въ живыхъ: весь родъ ихъ исчахъ въ непривычной для нихъ московской атмосферѣ... Объ этомъ ясно говоритъ слѣдующая любопытная челобитная московскаго попа Трофима изъ церкви Григорія Богослова „съ Дмитровки" [4]):

13 октября 1649 г.—пишетъ попъ—„судомъ Божіимъ не стало сибирскихъ князей князь Игичѣевскіе жены Алачеева княгини Анны, а та, государь, княгиня Анна мнѣ была дочь духовная, а роду у ней и племяни никого не осталось, и похоро-

---

[1]) Сибир. приказа столбецъ № 203, л.л. 1—83.

[2]) Ibid. Столбецъ № 222, л.л. 204—243.

[3]) Къ этому же дѣлу относится „отписка" березовскаго воеводы 1645 г. объ отправкѣ кн. Алачеевыхъ въ Москву и отпискѣ на государя ихъ „вотчинъ" (Ibid. Столбецъ № 371).

[4]) Ibid. Столбецъ № 367.

Н. О.

нить ее и поминать некому и нечѣмъ... Милосердый государь — царь!.. пожалуй меня, богомольца своего, вели, государь, мнѣ о томъ свой государевъ указъ учинить, чѣмъ мнѣ тое княгиню Анну похоронить и помянуть. Царь государь, смилуйся"!

На оборотѣ челобитной читаемъ такой великодушный приговоръ Сибирскаго приказа: „158 году, октября въ 14 день, приказалъ бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой—дати на погребенье и на поминъ души ее въ приказъ десять рублевъ".

Этими 10 рублями московское правительство окончательно расплатилось съ угасшимъ родомъ нѣкогда сильныхъ остяцкихъ князей Алачеевыхъ... Любопытно было бы сопоставить эти 10 рублей съ тѣми тысячами рублей, какія получены Москвою съ ясачныхъ людей 14-ти „Алачеевскихъ волостей"... Объ этихъ волостяхъ отлично помнили въ Москвѣ еще въ 1653 — 1654 г.г., когда въ Кодцкомъ (Кондинскомъ) городкѣ—бывшей „Алачеевской слободкѣ" — устраивалась Троицкая мужская обитель [1]).

И почему кн. Анна Алачеева дошла до такого положенія, что ее „некому и нечѣмъ" было похоронить? Этотъ вопросъ осложняется, если допустимъ, что кн. Анна была женою кн. Дмитрія (возможно, что попъ Трофимъ въ своей челобитной вмѣсто христіанскаго имени княгинина мужа привелъ его остяцкое имя — Игичѣй). „Московскому дворянину" кн. Дмитрію Алачееву обѣщали дать помѣстье и значительный для того времени окладъ денежнаго жалованья, значитъ за его вдовою должно было остаться „прожиточное помѣстье". Но попъ Трофимъ не сталъ-бы бить челомъ о пособіи на похороны кн. Анны, если-бы за нею было хотя какое-нибудь „помѣстейцо". Остается заключить, если кн. Анна была вдовою кн. Дмитрія, что этотъ послѣдній вовсе не былъ „испомѣщенъ", какъ ему было обѣщано при отпискѣ его „вотчинъ" на государя...

Но и въ томъ случаѣ, если кн. Анна была вдовою не кн. Дмитрія, а какого либо другаго изъ князей Алачеевыхъ — все-же остается удивительнымъ, что только благодаря участію добраго попа Трофима „съ Дмитровки" послѣдняя представительница рода Алачеевыхъ была похоронена съ честію и миромъ... Очевидно, этихъ бѣдныхъ остяцкихъ князей постарались поскорѣе позабыть...

[1]) Ibid. Столбецъ № 100.

II.

Перехожу къ князьямъ Пелымскимъ. Происходили они, вѣроятно, отъ того Пелымскаго князя Аблегирима, съ которымъ приходилось бороться московскимъ воеводамъ въ концѣ XVI вѣка, при первомъ знакомствѣ русскихъ съ Сибирью [1]. Документы Сибирскаго приказа говорятъ собственно объ одномъ изъ нихъ, какъ о русскомъ служиломъ человѣкѣ—о кн. Семенѣ Андреевичѣ Пелымскомъ [2].

Въ февралѣ 1656 г. кн. Семенъ, служившій въ качествѣ „боярскаго сына" въ своемъ родномъ городѣ Пелыми, подалъ челобитную царю о переводѣ на Верхотурье. Князь пишетъ, что онъ служитъ на Пелыми еще съ прошлаго царствованія (Михаила Өедоровича)—„всякіе твои государевы службы лѣтніе и зимніе, струговые и нартные". „Многажды" его посылали въ инородческія волости для ясачнаго сбору—„и вездѣ тебѣ государю чинилъ прибыль": сполна „по вся годы" собиралъ ясакъ, „пріискалъ тебѣ государю вновь въ ясакъ подрослей и захребетниковъ 126 человѣкъ..." Но на Пелыми ему „съ матушкою и съ женишкою и съ людишками прокормитца нечѣмъ, потому что, государь, Пелымской городъ безпашенной—всѣ живемъ накупнымъ хлѣбомъ, покупая въ иныхъ пашенныхъ городахъ дорогою цѣною", да и то, по государеву указу, ему разрѣшено покупать не болѣе 10 четей хлѣба въ годъ, „а помѣстейца, государь, и вотчины за мною, холопемъ твоимъ, нѣтъ..." Въ заключеніе кн. Семенъ проситъ, чтобы государь велѣлъ его „изъ не пашеннаго города съ Пелыми перевесть на Верхотурье" и поверстать тамъ съ службу съ его „старымъ Пелымскимъ окладомъ".

Челобитье князя было удовлетворено, какъ говоритъ слѣдующій приговоръ Сибирскаго приказа: „дать грамота — велѣть ево съ Пелыми перевесть на Верхотурье съ ево окладомъ". Грамоты объ исполненіи этого приговора посланы были какъ Пелымскому, такъ и Верхотурскому воеводамъ.

Въ мартѣ того-же 1656 г. кн. Семенъ Пелымской подалъ вторую челобитную объ увеличеніи его денежнаго, хлѣбнаго и солянаго жалованья. Говоря о своемъ переводѣ съ Пелыми на Верхотурье (при чемъ упоминаетъ и о своихъ „дѣтишкахъ"), князь проситъ за

---

[1] Буцинскій, 160—163.

[2] Сибирск. приказа столбецъ, № 494 б.

„службу отца моего и за мою службишку“—учинить ему окладъ и „противъ Верхотурскихъ дѣтей боярскихъ, кому я, холопъ твой, въ версту...“

Изъ сдѣланной Сибирскимъ приказомъ „выписи видно, что на Пелыми кн. Семенъ получалъ 11 рублей, 11 четей ржи, 8 четей овса и 2 пуда соли. Для рѣшенія вопроса о пожалованіи князю новой придачи къ жалованью—„выписаны на примѣръ“ тѣ Верхотурскія боярскія дѣти, кому князь былъ въ „версту“. Это были старшія боярскія дѣти, получавшія по 23 р., 21 р., 18 р. и 15 р., съ соотвѣтствующими хлѣбными и соляными окладами.

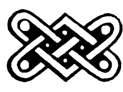
Князь Семенъ получилъ самый меньшій изъ этихъ окладовъ, именно ему велѣно „прибавить къ прежнему ево окладу денегъ 4 рубля, хлѣба 4 чети ржи, 7 чети овса, 2 пуда соли, и съ тою прибавкою учинить ему окладъ—денегъ 15 рублевъ, да хлѣба 15 чети ржи, овса тожъ, 4 пуда соли, и тотъ окладъ его справить въ книгахъ...“

Черезъ годъ—въ апрѣлѣ 1657 г.—кн. Семенъ Пелымской подаетъ новую челобитную о новой придачѣ къ жалованью „противъ моей братьи, кому я, холопъ твой, въ версту“, такъ какъ пожалованный ему окладъ въ 15 руб. оказывается недостаточнымъ для него и семьи.

И на этотъ разъ просьба его была удовлетворена: „государь пожаловалъ—велѣлъ учинить ему придачи 5 рублевъ“. Сибирскій приказъ дополнилъ этотъ неполный приговоръ слѣдующею помѣтою: „165 году, апрѣля въ 23 день, дать грамота на Верхотурье, а приказалъ бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой прибавити ему хлѣба, ржи и овса противъ денегъ“ (т. е. по 5 четей ржи и овса).

О дальнѣйшей судьбѣ кн. Семена Андреевича Пелымскаго и его потомства я не собиралъ свѣдѣній, но они должны быть въ документахъ Сибирскаго приказа. Вообще, всѣ данныя настоящей замѣтки собраны мною мимоходомъ. Спеціальный-же изслѣдователь судьбы „сибирскихъ князей“ найдетъ въ указанныхъ и другихъ матеріалахъ Сибирскаго приказа гораздо болѣе данныхъ какъ о князьяхъ Алачеевыхъ и Пелымскихъ, такъ и о другихъ, напр. о существующихъ, кажется, и доселѣ бурятскихъ князьяхъ Гантимурахъ [1]).

Н. Оглоблинъ.

[1]) См. напр. Сибирскаго приказа столбцы №№ 355, 294.

Царица-инокиня Евдокія Лопухина

(1716 г.)

Великой Государыни Благоверной Царице і Великой Княгинѣ Евдокие Θеодоровнѣ Спасова Евθимиева монастыря Архимандритъ Кириакъ з братиею челомъ бьетъ.

Хлѣбъ печеной
Свѣжие рыбы
Белая рыбица
Щука голова
Щука паровая
Щука колодка
Два росолника
Два язя паровыхъ
Пять окуней ушныхъ
Двѣ щуки ушныхъ
Три плотицы ушныхъ

Сей подносъ поднесенъ на праздникъ Покрова Пресвятые Богородицы ѱѕі году октября а҃ дн҃ь.

(Безъ обозначенія года).

Великой Государыни Благоверной Царице і великой княгине Евдокие Θеодоровне Спасова Евθимиева монастыря Архимандритъ Кириакъ з братиею челомъ бьетъ свежие рыбы.

Бѣлая рыбица
Стерлядь поровая
Судакъ поровой
Щука колодка
Два язя поровыхъ
Щука поровая
Два леща поровыхъ
Две щуки ушныхъ
Пять плотицъ ушныхъ
Два окуня росолниковъ.

Примѣчаніе. Архимандритъ Киріакъ (1710—1720 гг.) назначенъ былъ въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь изъ Васильевскихъ (въ Суздалѣ же) архимандритовъ на мѣсто Досифея Глѣбова, который, въ январѣ 1709

года, переведенъ былъ изъ игуменовъ Сновицкаго (подъ Владиміромъ) монастыря въ Спасскіе архимандриты, въ 1710 году перемѣщенъ въ Москву въ Новоспасскіе архимандриты, а въ 1711 году былъ уже Ростовскимъ и Ярославскимъ епископомъ. Съ нимъ велъ переписку архимандритъ Киріакъ, хотя изъ сохранившихся отпусковъ писемъ ничего особеннаго не видно Архимандритъ Киріакъ 19-го февраля 1718 года взятъ былъ въ Москву по приказу изъ Преображенскаго и пробылъ тамъ болѣе трехъ мѣсяцевъ, что видно изъ списка монастырскихъ слугъ, въ которомъ одному изъ нихъ, Курбатову, пребываніе въ Москвѣ съ архимандритомъ съ 19-го февраля по 20-е мая, „когда взятъ былъ въ Преображенское", зачтено за двѣ поѣздки. Въ 1720 году Киріакъ былъ уволенъ по прошенію за старостью на покой въ тотъ же монастырь, гдѣ ему отведена была келья. Когда умеръ—неизвѣстно.

Сообщ. изъ г. Шуи **В. А. Тихонравовъ**.

Григорій Сковорода.

Милосердны͗ Господи́не!

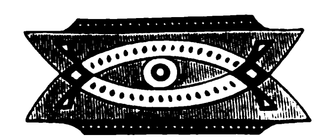
Пишу к' вам про нѣкоего Бли́жняго. Сей Ветхозако̀нник, Аве́ркій, и́щет Хлѣба: а Слух, до̀брыя ва̀шея Сла̀вы, к' вам его напра̀вилъ. Аще Правда благослови́т: и Си́ла довлѣет: помоги́те ему. Аще есть достоинъ: помоги́те ему ради его. Аще недостоинъ: помоги́те ему ради васъ Самыхъ. Вы вид' роди́лися на то: дабы дожди́ть на Злыя и на Благія

Вашего Имени
и всего благословеннаго вашего Рода Чтитель:
Ста̀рецъ Григорій Сковорода̀.

1788-го года: из села Гуси́нки Іюня 10-го.

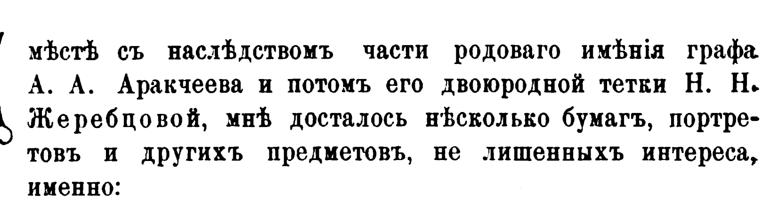
Примѣчаніе. Письмо Сковороды любезно доставлено намъ Ѳ. Д. Чертковымъ, у котораго оно хранилось. Писано оно, вѣроятно, намѣстнику Алексѣю Васильевичу Черткову.

Л. Б. Вейнбергъ.

АЛЕКСѢЙ АНДРЕЕВИЧЪ АРАКЧЕЕВЪ.

въ 1796—1797 гг.

Вмѣстѣ съ наслѣдствомъ части родоваго имѣнія графа А. А. Аракчеева и потомъ его двоюродной тетки Н. Н. Жеребцовой, мнѣ досталось нѣсколько бумагъ, портретовъ и другихъ предметовъ, не лишенныхъ интереса, именно:

1) Нѣсколько писемъ А. А. Аракчеева къ его брату Андрею Андреевичу, писанныхъ въ январѣ и февралѣ 1796 года изъ Гатчины въ Петербургъ. Письма эти наглядно представляютъ весьма скромный бытъ и узкій кругозоръ человѣка, сдѣлавшагося чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого богатымъ и знатнымъ и достигшаго потомъ значенія одного изъ самыхъ вліятельныхъ государственныхъ дѣятелей. Съ этой точки зрѣнія письма любопытны и я считаю возможнымъ напечатать изъ нихъ четыре, отъ 11, 14, 18 и 24 февраля 1796 года.

2) Неподписанный дублетъ подлинной высочайшей грамоты на пергаментѣ, съ золотыми буквами и акварельными рисунками, о пожалованіи генералъ - маіору А. А. Аракчееву 4 декабря 1796 г. двухъ тысячъ душъ въ вѣчное и потомственное владѣніе и о назначеніи 12 декабря къ отдачѣ села Грузино съ деревнями. Листъ пергамента имѣетъ слишкомъ 11 вершковъ въ одну и 8 въ другую сторону. На первой страницѣ написано золотыми буквами полный императорскій титулъ и вокругъ его рама составлена изъ вензеля императора, государственнаго и губернскихъ гербовъ, военной арматуры и лавровыхъ вѣтвей; а на второй и третьей страницахъ помѣщены текстъ грамоты, въ которомъ золотыми буквами написаны

только слова Мы, Нашей и проч., и вокругъ четырехъ-угольныя рамы съ императорскими вензелями, гирляндами, арабесками и изображеніями Минервы, Марса, Цереры и, если не ошибаюсь, Юноны. Акварельные рисунки исполнены тщательно и со вкусомъ. Текстъ грамоты можно также напечатать, но воспроизводить ее вполнѣ едва-ли возможно.

3) Полный портретъ Аракчеева ($14^1/_2$ и 11 вершковъ), писанный масляными красками, вѣроятно, въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, такъ какъ Аракчеевъ изображенъ на немъ съ Александровскою лентою, которую онъ получилъ въ 1797 году, и напудренный. По мягкости и манерѣ письма и по художественности отдѣлки, портретъ этотъ знатоки приписываютъ Лампе.

4) Такой-же величины и въ такой же золоченой рамкѣ портретъ Н. Н. Жеребцовой, писанный самоучкою, бѣжицкою купчихою Анною Роговою. Вѣроятно, графъ подарилъ свой портретъ Н. Н. Жеребцовой, которую онъ очень уважалъ, и она сдѣлала въ pendant къ этому портрету свой.

5) Прекрасный портретъ матери графа, Елисаветы Андреевны Аракчеевой, писанный въ 1809 году Ромбауеромъ. Портретъ этотъ тоже въ золоченой рамѣ, но гораздо больше предыдущихъ ($1^1/_4$ и 1 аршинъ).

6) Портретъ великаго князя Павла Петровича, въ молодыхъ его годахъ, безъ рамы.

7) Довольно большая мраморная модель (около аршина высоты) памятника Екатерины II, состоящая изъ пьедестала и обелиска съ золотымъ вензелемъ императрицы. Кѣмъ была сдѣлана эта модель и осуществлена-ли она гдѣ либо?—мнѣ неизвѣстно.

Послѣдніе два номера (№№ 6 и 7) находятся не въ Петербургѣ и потому я не могу имъ сдѣлать точнаго описанія.

А. И. Макшеевъ.

6 декабря 1887 года.

I.

Гатчина, 11 февраля 1796 г.

„Милостивый государь, братецъ Андрей Андреевичъ, приношу мою нижайшую благодарность за ваше угощеніе и за ваши ласки, которыя я буду стараться заслужить: при семъ отправилъ я къ вамъ лошадь; и посылаю пять бутылокъ пустыхъ, въ которыя прошу взять полынковаго вина, и завязавъ, и запечатавъ прислать съ Васькой; также и полпива, только прикажите запечатать, а деньги за вино прошу заплатить изъ оставленныхъ у васъ четырехъ рублей.

Я доѣхалъ до Гатчины въ 11-мъ часу, слава Богу благополучно, также и здѣсь все по здорову; при семъ, братецъ, прилагаю свою наипокорнѣйшую просьбу, а именно прилагаю при семъ денегъ пять рублей, прошу баньшка (?) потрудиться купить мнѣ кинарейку хотя одну, только хорошинкую и клѣтку и когда купите, то купите и кинареешнаго сѣмя; вы онымъ меня чрезвычайно обяжете въ протчемъ пребываю вамъ сердечнымъ братомъ Алексѣй Аракчеевъ. Милостивому государю дядюшкѣ Василію Михайловичу и любезному братцу Ѳедору Константиновичу мое усердное почтеніе. Сожалѣю очень, скажите имъ обо всѣхъ васъ, что скоро растался, и мало выигралъ въ лимушъ (?) чего очень жаль, очень жаль; прошу увѣдомить, чѣмъ вчерашняя послѣ меня игра кончилась.

При семъ посылаю съ Васькой жалованье Капейкину 2 руб. 95 коп., прошу обоимъ сказать, чтобы оныя деньги не пропили, при семъ прилагаю вамъ записку о порохѣ для васъ; прошу у брата Ѳедора Константиновича спросить сколько человѣку его въ счетъ дать денегъ на дорогу и надобно ему деньги, чтобы онъ увѣдомилъ".

На письмѣ помѣта: „Получено 1796 г. февраля 12 дня. Отвѣчалъ".

II.

14-го февраля 1796 г.

„Милостивый государь, братецъ Андрей Андреевичъ, прилагаю при семъ письмо къ Петру Ѳедоровичу Вычдомскому и посылаю нарочнаго унтеръ-офицера Гретпина, которому прошу, братецъ, отдать письмо и приказать показать ему его квартиру, пославъ съ нимъ человѣка, а если возможно и время есть, то сами съ нимъ потрудитесь. Благодарю васъ за полпиво и вино; прошу не забыть о кинарейкѣ; купчую получилъ; завтра отправлю съ человѣкомъ брата Ѳедора Константиновича, въ протчемъ прошу свидѣтельствовать мое почтеніе дядюшки Василію Михайловичу и братцу Ѳедору Константиновичу и остаюся вашъ вѣрный братъ и слуга Алексѣй Аракчеевъ.

Прошу сказать брату Ѳедору Константиновичу, чтобы онъ увѣдомилъ меня, былъ-ли онъ у Николая Ѳедоровича Муравьева и справлялся-ли о своемъ дѣлѣ; да прошу покорно и ради Бога пріѣхать по скорѣе къ намъ всѣмъ въ Гатчину.

Батюшка братецъ, прошу васъ письмо къ Вычдомскому не держать, а отправить и хорошо, если бы сами поскорѣе; да я уже. батюшка братецъ, увѣренъ, что какъ скоро публикуется въ газетахъ, то вы потрудитесь и явитесь къ торгу, чѣмъ заставите вѣчно быть обязаннымъ, а меня чрезъ нарочнаго увѣдомите, то есть отправите десятскаго

Любезному другу Петру Ѳедоровичу Ставитскому мое почтеніе, также Раздеришину скажите, если кто будетъ давать за (слово не разобрано) и за мухту 50 рублей, такъ бы отдавалъ".

На письмѣ помѣта: „Получено 1796 г. февраля 15-го; отвѣчалъ".

III.

18-го февраля 1796 г.

„Милостивый государь, братецъ Андрей Андреевичъ, покорно благодарю васъ за увѣдомленіе и стараніе ваше, что я истинно чувствую; при семъ посылаю Антошку для покупокъ, прошу взять у него денегъ, приказать взять изъ погреба шампанскаго, водки сладкой одинъ штофъ; французской рому бутылку, да наливки, которой сортъ подешевле, двѣ бутылки, да бишеву одну бутылку, и все оное привести завтра самому, я завтра уже стану васъ дожидать къ обѣду, только пожалуй, братецъ, пріѣзжайте ради Бога и вы, чѣмъ обяжете того, который есть вашъ вѣрный братъ и слуга Алексѣй Аракчеевъ.

Дядюшкѣ и брату мое почтеніе и дожидаюся васъ завтра къ обѣду, да не худо бы, если бы и Ставитскаго привезли, уговорите его и притащите".

IV.

24-го февраля 1796 г.

„Милостивый государь, братецъ Андрей Андреевичъ, благодарю васъ покорно за посѣщеніе, что прошу сказать и дядюшкѣ, при семъ посылаю къ брату Ѳедору Константиновичу письма, прошу его наставить; да посылаю 80 коп. денегъ, прошу приказать купить двѣ бутылки полыннаго бѣлаго вина; въ протчемъ болѣе писать не имѣю какъ только, что моя шея и плечо очень еще болятъ, съ симъ остался вашъ вѣрный братъ Алексѣй Аракчеевъ".

На письмѣ помѣта: „онаго-жъ числа получено. Отвѣчалъ".

Сообщ. 13 декабря 1887 г. **А. И. Макшеевъ**.

СУДЪ И СУДЬИ ВЪ НАЧАЛѢ XIX ВѢКА.

Рукописная сатира

1807 г.

Для свѣдѣнія сообщается во Владимiръ о подаркѣ Александровскимъ судьямъ и бездушнымъ тварямъ: С., Б., Г. и П.

О злыя времена, о нравы!
Вездѣ плутни и обманъ,
Прочь законы и уставы —
Судьямъ только дай въ карманъ.
Засѣдателишка вшивый
С—въ, Тетерѣ братъ,
Дворянинъ самой паршивой,
Разсудить несмыслитъ, гадъ:
Кого-бъ должно наказать,
Тѣхъ пускаетъ воровать,
А невинныхъ притѣсняетъ
И спокойствія лишаетъ,
У него таковъ разборъ,
Потому что самъ онъ воръ.

А Б—въ, исправникъ тучный,
Подлецамъ другъ неразлучный,
Взять умѣетъ [1]), но къ дѣламъ
Неспособенъ вовсе самъ
Хоть престрашный дурачина,
Но онъ многихъ золъ причина.
Ему только бы была
Лишь племянница мила:
Жену ею замѣняетъ

---

[1]) Въ одинъ нынѣшній (1807 г.) годъ Б*** содралъ онъ около 50 тысячъ руб. съ экономическихъ мужиковъ. Сущій разбойникъ. Авт.

И за стыдъ то не считаетъ.
Естества презрѣвъ законъ,
Гадкая скотина онъ.

Г—въ, секретаришка,
Въ первомъ номерѣ плутишка,
С . . инъ сынъ, прямой п—цъ,
Истину мѣшаетъ съ ложью,
Грабитъ деньгами и рожью,
Многихъ разорилъ въ конецъ.
Когда мыла фунтовъ десять,
Бья челомъ, ему отвѣсятъ,
И тому онъ даже радъ,
За алтыномъ сходитъ въ адъ.
Гдѣ бы взяться должно строго,
Чтобы истину открыть,
Онъ готовъ продать и Бога,
Только бъ, чтобъ съ воровъ слупить.
Совѣсти ни на полушку
Не было въ немъ никогда,
И отца его Петрушки
Таже страсть была всегда.
Что учился интересомъ
Скареднымъ свой вѣкъ прожить,
Но ему, какъ тѣмъ-же вѣсомъ
Стали лихвою платить,
То не очень полюбилось.
Долго дѣло волочилось.
Но за взятки онъ прощенъ:
Счастливъ — мало проученъ,
А то-бъ былъ и сынъ умнѣе
И бралъ гроши поскромнѣе.
Сверхъ приказныхъ барышей
Сынъ рѣшился на удачу
Торговать женой своей
И пустилъ ее, какъ клячу,
Въ Переславлѣ подъ извозъ,
Гдѣ она, не меньше мужа,
Чтобъ карманъ набить свой туже,
Смѣло пакости творитъ;
У халуйки есть-ли стыдъ!

Стряпчій, пустозвонъ примѣрный
Иль въ три тысячидуракъ [1]),
Свой жонушкой надменный

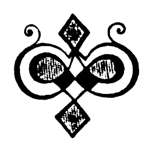
[1]) Ибо получить должность стряпчаго стоило ему трехъ тысячъ рублей. Надобно ихъ выручить! Авт.

Рогоносца носитъ знакъ;
А того не примѣчаетъ,
Что скотомъ его считаютъ.
Хоть бы язва моровая
Сію сволочь побрала!
Аду жертва бы такая
Лучше жертвъ другихъ была.

Прямую быль сію читай, кто хочетъ, смѣло,
И Трощинскому [1]) все извѣстно будетъ дѣло;
Откроется обманъ, коварство, лихва, лесть,
И словомъ — плутни всѣ, въ комъ сколько ихъ ни есть.

Мѣсяца паздерника 23 дня 1807-го года.

Сообщ. академ. **Н. С. Тихонравовъ.**

Дамскія порученія въ началѣ девятнадцатаго вѣка

(1810—1811 гг.).

Сообщаю на стр. „Русской Старины" довольно интересный и оригинальный документъ—это реестръ покупокъ, писанныхъ подъ диктовку мало грамотной помѣщицы Смоленской губерніи Ельненскаго уѣзда, до нашествія французовъ, именно въ 1810 или 1811 годахъ. Реестръ этотъ найденъ при дѣлахъ Ельненской Дворянской опеки и, какъ видно, писавшій его передалъ слова помѣщицы бѣлорусскимъ нарѣчіемъ.

Вотъ разъясненія нѣкоторыхъ, встрѣчающихся далѣе, словъ:
перо струсовое—перо страусовое,
поршатки—перчатки,
сероги.... работы—серьги филиграновой работы
на манеръ Барабанныхъ—читай Брабантскихъ,
пару подсвѣчниковъ—аплике,
картинъ итальянскихъ на манеръ Рафаэля.

[1]) Дѣйствит. тайный совѣтникъ Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій—министръ юстиціи.

„Реестръ искупить для расхода домашняго для госпожи помѣщицы Елинскаго уѣзда госпожи Акулины Елисѣевны госпожи Свистуновой. Покорно прошу искупить:

1) Шляпу пуховую дамскую масонсонъ.

2) Перо струсовое (страусовое) на слоновой кости

3) Уваль (вуаль) французскую съ цвѣточками.

4) Еще уваличку полушелковую моднаго цвѣта.

5) Головную манишку на манеръ французской.

6) Мацерьяльнаго гардинапилю, на капотъ.

7) Чулки ажураваго цвѣта съ цвѣточками.

8) Парщатки (перчатки) галтерейной работы.

9) Башмаки аршавскіе (варшавскіе) расписные.

10) Лентъ поддѣланныхъ подъ французскіе валентинаваго цвѣта.

11) Сероги (серьги) писаграмовой работы.

12) Перстень модный сяпиръ (сафиръ).

13) Кружевъ англійскихъ на манеръ барабанныхъ (Брабандскихъ).

14) Еще лентъ полтавскихъ.

15) Поматъ? (   ) нѣмецкій оранжевый.

16) Духовъ душистыхъ аламбрé.

17) Формуряръ (фермуаръ) серебряный съ березковыми бирюзовыми глазками.

18) Маленькую кларнетку (лорнетку?) такъ, какъ я близка глаза (близорука).

19) Рулеточку, что верцятъ (вертятъ) у дырку?

20) Зонцикъ (зонтикъ) красный каленкоровый съ набалдашникомъ отъ жару.

А то насчитаете денегъ, возьмите у человѣка нашего Павлика, коли онъ продалъ корову да мою холстину масла дежу, возьмите за цаною (цѣною) да нехай (пусть) продастъ творохъ (творогъ) саліоной (соленый), а коли еще останутся деньги, то купите для моего расхода:

1) Пару подсвѣчниковъ англійскихъ на манеръ абликаторавыхъ (   ).

2) Щипцы съ модной пружинкой.

3) Малиновый анбончикъ (   ) въ бархатномъ гарнитурѣ переплетенный.

4) Румянъ красныхъ съ бѣлыми бѣлилами нѣмецкими.

5) Еще поминалницу (   ) моднаго укусу (вкуса).

6) Маленькую скамеечку, что кладутся ноги ситцевую.

7) Къ празднику два яйца красныхъ моднаго цвѣта по концамъ росписныхъ.

8) Картинъ тальянскихъ (итальянскихъ) на манеръ рыхвалеевой (Рафаэлевой) работы на холстинѣ.

9) Самаго лучшаго желтаго цвѣта янтарнаго бруштыну (бусы янтарныя?).

10) Да еще нельзя ли купить самихъ ручныхъ булавокъ.

11) Да еще нельзя ли купить хорошаго кучеріенка, да тамбурную иголочку.

12) Поторгуйте скамеечку на манеръ дивана въ ситцевомъ турецкомъ обоѣ съ бахромочками и кисточками.

13) Еще книжку самую лучшую, чтобы незабыть, то есть, чтобы на память все приходило.

14) Да четыре стулца подкресла прочныхъ, хорошихъ, самыхъ лучшихъ, какъ на манеръ утіотусъце (?).

15) Билетовъ что на ихъ ѣздятъ съ праздникомъ поздравлять печатныхъ съ купидонцами и съ моимъ вензелемъ.

16) Къ чаю ложечекъ на манеръ серебряныхъ 84 пробы.

17) Еще не забудьте почаму (почемъ) животрепещущая малосольная рыба фунтъ.

18) Ахцти (ахъ-ти) и забыла гребенку въ косу на голову на манеръ золотой, костяную съ блестящими стразовыми ( ) камушками.

19) Вохры самой лучшей, столикъ лонберный покрасить.

20) Пожалуйста спросите на ярманцѣ (ярмаркѣ), ти нѣту (нѣтъ ли) отъ нашихъ писемъ.

21) Купите подносъ съ чашками, коли можно достать съ піоновыми цвѣтами.

22) Хмѣлю Малороссійскаго надо дома зварицъ (сварить) браги, да еще я слыхала, что у Ельню понаѣхали венгерцы, то отыщите ихъ и купите, вѣдь аны (они) примѣтны, съ гребенкою на головѣ, говорятъ не по нашему, у ихъ купить.

23) Мыла канфорнаго турецкаго съ духами душистыми Ланделиваномъ.

24) Крухмалу (крахмалу) Московскаго изъ пудры картофельной.

25) Еще на голову капелюшъ Астраханскій модный и съ виноградомъ.

26) Для Машки голубые панчохи (чулки) съ стрѣлками.

27) Кабатъ ( ) гризетовой.

28) Да саянъ ( ) камлотовый.

29) Фартукъ ситцевый съ пѣтушками.

30) Да еще книжку по вашему укушу (вкусу) самую подъ названіемъ: романъ „сочиненіе Любія Гарая и Попова“.

31) Купите нашему Мишкѣ наскрипку (скрипку) на манеръ англійскихъ для, швадрелей локасетовъ (?) и контрабуровъ съ манимаской што (что) играютъ на муза (?).

32) Еще платокъ турецкій батистъ дикосоваго цвѣта шерстяная да-шаль, что привезли вендерцы (венгерцы) изъ заперекіи (изъ заграницы) не такъ то дорогую, какъ сами знаете.

33) Нельзя ли взять у кого нибудь тамъ дрожекъ? Мнѣ надобно; хочется поглядѣть города, я тамъ ни разу не была; ти луччи ли онъ Билика? Коли денегъ не станецъ (станетъ), то есть у меня капусты кадка за лишку (излишку) да пасканьины (холстъ?) три куска, а у васъ есть аршинъ чѣмъ мѣрятъ примите ущотъ (отчетъ). Да льнянаго сѣмени посылаю четыре гарнца, промѣняйте на деревянное масло, а то лампада погасла; да глядите, чтобы Павликъ не бавился (гулялъ) въ городѣ: надо овинъ молотить; пусть съ собою привезетъ Садовскаго; онъ чутка, пріѣхалъ съ Рославля ; у меня собралось много сосѣдовъ учиться танцовать. На такую скоро солому примутъ на подстилку; Застатью тамъ хорошо Лакасетъ (?) пройтить; нихай (пусть) найметца (наймется), мы ему хлѣбомъ и прядивомъ ( ) отдадимъ. Да будете въ городѣ, спросите который часъ.

Примѣчаніе: На оборотѣ слѣдуютъ еще 19 пунктовъ, но они тщательно вычеркнуты.

Сообщ. изъ дер. Воропая, 18 дек. 1887 г., **А. Миклашевскій**.

Небесное явленіе въ Березовѣ

1832 г.

Березовскаго городничаго о происшествіи случившемся въ городѣ Березовѣ ноября 1-го дня 1832 г. № 547. Его высокородію управляющему губерніей господину предсѣдателю Тобольской губерніи (?) и кавалеру. Рапортъ.

Вашему высокородію имѣю честь донести, что на 1-е число сего ноября по полудни въ 12 часовъ, въ городѣ Березовѣ, примѣчанію достойное случилось на небѣ происшествіе, въ видѣ явленія первоначально удареніемъ молніи и протяженіемъ отъ полдня и до сѣвера звѣздъ, — а потомъ вдругъ прекратилось и показывалось на небѣ подобно змію, послѣ сего въ родѣ дыму и до 7-го часа утра слѣдующаго дня, ежеминутная происходила молнія—въ продолженіи-же сего времени во всѣхъ мѣстахъ падали съ неба на землю звѣзды подобно рѣдкому дождю. Жителямъ-же города Березова во время сего происшествія, равно и скоту никакого вреда не причинило.

(Подпись не разобрать).

Примѣчаніе. Дѣдъ мой Николай Яковлевичъ Каргопольцевъ былъ начальникомъ Якутской области. Въ небольшомъ семейномъ архивѣ его сохранилось нѣсколько историческихъ документовъ, какъ напр. его собственною рукою переписанныя мнѣнія графа Мордвинова, что свидѣтельствуетъ, какъ распространены были въ Россіи мнѣнія по разнымъ государственнымъ вопросамъ этого знаменитаго члена государственнаго совѣта.

Изъ семейнаго архива Ив. Ник. Каргопольцова.

Сообщ. въ январѣ 1888 г. **Каргопольцевъ.**

Григорій Евлампіевичъ Благосвѣтловъ

1840 г.

Его высокопреподобію ректору и магистру саратовскихъ духовныхъ училищъ отцу Гавріилу, учениковъ саратовскаго духовнаго училища высшаго отдѣленія Григорія Благосвѣтлова и нисшаго отдѣленія Серапіона Благосвѣтлова покорнѣйшее прошеніе.

Мы нижайше осмѣливаемся утруждать вторично васъ своимъ прошеніемъ. Мы уже лишившіеся отца своего въ 1838 годѣ, бывшаго въ слободѣ Владиміровкѣ священникомъ, а матери мы не имѣемъ шесть лѣтъ. И такъ къ кому прибѣгнуть, у кого просить помощи къ содержанію себя; между тѣмъ насъ сиродствующихъ осталось четыре человѣка. И такъ просимъ васъ всепокорнѣйше не благоугодно-ли вамъ будетъ принять насъ въ число учениковъ, пользующихся казеннымъ полукоштнымъ содержаніемъ. Къ сему прошенію означенный ученикъ руку приложилъ, 1840 года генваря 8 дня.

Примѣчаніе: Прошеніе писано рукою Григорія Благосвѣтлова; предъ словами руку приложилъ имя и фамилія не написаны.

Г. Е. Благосвѣтловъ нѣжно любилъ свою мать (Марію Андреевну, умершую отъ родовъ 37 лѣтъ, 21 февраля 1835 г., слѣдовательно, въ январѣ 1840 г. не шесть лѣтъ прошло со времени ея смерти); вотъ почему онъ при каждомъ случаѣ вспоминаетъ о ней.

Отецъ Г. Е., Евлампій, бывшій съ осени 1826 до самой смерти приходскимъ священникомъ въ слободѣ Владиміровкѣ, Царевскаго уѣзда [1]), Астраханской губерніи, по смерти жены, съ которою жилъ согласно и дружно и которая сдерживала его наклонность къ выпивкѣ, сталъ сильно пить и умеръ отъ водянки 44-хъ лѣтъ, 29 ноября 1838 г., какъ значится въ метрикахъ церкви слободы Владиміровки, но, по разсказамъ, отъ пьянства.

Въ метрикахъ объ умершихъ за 1839 г. (тамъ-же) записано: „отставной пономарь Иванъ Гавриловъ Благосвѣтловъ скончался 21 октября 91 года отъ роду". Онъ былъ пономаремъ гдѣ-то въ Саратовской губерніи, и жилъ у сына во Владиміровкѣ, когда вышелъ въ отставку; между тѣмъ какъ въ некрологѣ

[1]) Царевскій уѣздъ, или, какъ тогда называли, Царевская округа, принадлежалъ въ 1840 г. къ Саратовской губерніи.

Г. Е. Благосвѣтлова, помѣщенномъ въ 11 номерѣ „Дѣла" 1880 г., разсказывается, что дѣдъ Благосвѣтлова, пономарь, убитъ былъ пугачевцами. Можетъ быть, въ „Дѣлѣ" разсказывается о дѣдѣ со стороны матери, но онъ былъ не пономарь. Сиротствующихъ дѣтей осталось четверо по смерти Евлампія. Старшій сынъ, Александръ, любимецъ отца, необыкновенно даровитый, имѣвшій баснословную память и превосходныя способности, былъ крайне избалованъ и испорченъ; учился въ камышинскомъ и саратовскомъ духовномъ училищахъ 8 лѣтъ и былъ переведенъ въ семинарію (въ 1840 году онъ значится ученикомъ низшаго отдѣленія саратовской духовной семинаріи) за взятку (въ 17 р. 35 к., какъ значится въ архивѣ саратовскаго духовнаго училища); но былъ исключенъ изъ семинаріи за малоуспѣшность и дурное поведеніе; умеръ фельдшеромъ въ г. Сердобскѣ, Саратовской губерніи. Григорій—средній сынъ. Младшій сынъ—Серапіонъ, съ обыкновенными способностями, по совѣту и настоянію Г. Е. вышелъ изъ семинаріи и учился въ медико-хирургической академіи; умеръ гдѣ-то старшимъ врачомъ. Дочь Раиса, моложе всѣхъ дѣтей, вышла замужъ за священника Предтеченскаго (Новоузенскаго уѣзда, Саратовской губерніи). Въ календарѣ „Самарецъ" (въ предисловіи) за 1888 г. (очень хорошій календарь) І. Щепанскій, его составитель, выражаетъ благодарность Е. А. Предтеченскому за составленіе астрономическаго календаря и очерка уровня Волги у г. Самары. Не племянникъ-ли онъ г. Благосвѣтлова? Хотя по смерти отца, жившаго въ приходѣ, считавшемся золотымъ дномъ [1]) могъ остаться порядочный капиталъ, но вслѣдствіе его нетрезвой жизни остались, по словамъ Благосвѣтлова, только небольшія средства; деньги были положены въ приказъ общественнаго призрѣнія, изъ котораго духовное начальство не разрѣшало выдавать имъ даже процентовъ, что и принудило Благосвѣтловыхъ проситься на полуказенное содержаніе. Они были приняты на полуказенное содержаніе. Откуда они получали деньги, живя въ бурсѣ, неизвѣстно; но у меня есть данныя, свидѣтельствующія о томъ, что у нихъ были деньги: Григорій, замѣтивъ въ бурсѣ своего товарища не имѣющаго одежи, купилъ на свои деньги изъ сожалѣнія къ нему брюки, и сюртукъ, а Александръ, какъ выше было сказано, даже могъ дать взятку (въ 17 р. 35 к.); но въ семинаріи они очень бѣдствовали, особенно Серапіонъ.

Прошеніе Благосвѣтловыхъ хранится въ архивѣ саратовскаго духовнаго училища, а цифровыя данныя получены изъ метрикъ одной изъ церквей слободы Владиміровки.

Сообщ. въ 1888 г. **Ф. В. Духовниковъ.**

[1]) Такой приходъ данъ ему за службу по военному вѣдомству. *Д.*

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ И МАГАЗИНЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

С.-Петербургъ, Большая Подьяческая ул., д. № 7.

КАТАЛОГЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

Книжный складъ и магазинъ «Русской Старины» принимаетъ на комиссію постороннія изданія и высылаетъ иногороднымъ по требованіямъ или съ наложеннымъ платежемъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ.

NB. Книжные магазины и частныя лица могутъ обращаться съ заказами безъ высылки при этомъ денегъ и получать книги по почтѣ съ наложеніемъ платежа.

Агеенко, В. Флора Крыма. Т. I. (Труды Спб. Общ. естествоиспытателей. Т. XXI. Отдѣленіе ботаники). Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вронишъ, Л., и **Фишеръ**, В. Краткое руководство къ строительному искусству и архитектурѣ. Выпускъ I. Матеріалы и работы. Къ тексту приложено 18 листовъ чертежей. 2-е изд., исправленное и дополненное. Спб., 1891 г. Ц. 2 р.

Брэмъ, А. Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ (отъ полюса до экватора). Съ портретомъ и рисунками. Спб. 1891 г. Ц. 2 р.

Варшавскій, Вл. Повторительный курсъ по судебной медицинѣ. Изд. 2-е. Исправл. и дополн. Кіевъ. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Васютинскій, В. Конспектъ по органической химіи. Спб. 1891 г. Цѣна 1 руб.

Веберъ, К. К. Ленъ, его воздѣлываніе и обработка. Практическое руководство. Съ 13 рисунками въ текстѣ. Спб., 1891 г. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Венгеровъ, С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Вып. 30-й. Спб. 1891 г. Ц. 35 к.

Вернеръ, Гуго. Руководство къ воздѣлыванію кормовыхъ растеній. Переводъ съ нѣмецкаго Г. И. Танфильева. Спб., 1891 г. Ц. 3 р.

Виссоръ, Э. Э. Краткій курсъ физіологіи (по Фостеру). Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

Владиміровъ, П. В. Очеркъ развитія творчества Н. В. Гоголя. Рѣчь, произнесенная на актѣ Императорск. университета св. Владиміра, 16 янв. 1891 г. Кіевъ, 1891 г. Ц. 60 к.

Горенбергъ, М. Теорія союзнаго государства въ трудахъ современныхъ публицистовъ Германіи. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

Губеръ, Ф. Механика для техническихъ и ремесленныхъ училищъ, а также для самообученія. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное по указаніямъ самого автора. Редакція М. А. Савича. Съ 489 чертежами въ текстѣ. Спб., 1891 г. Ц. 3 р.

Диминскій, С. Я. Евреи, ихъ вѣроученіе и нравоученіе. Изслѣдованіе. Спб., 1891 г. Ц. 2 рубля.

Добровольскій, В. Н. Смоленскій этнографическій сборникъ. Часть I. Спб., 1891 г. Ц. 5 руб.

Ермоловъ, А. С. Организація полеваго хозяйства. Система земледѣлія и сѣвообороты. Изданіе второе, значительно дополненное и исправленное. Спб., 1891 г. Цѣна 3 рубля.

Зелинскій, В. Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. Москва, 1891 г. Цѣна 1 рубль.

* **Историческое Обозрѣніе**. Сборникъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, издаваемый подъ редакціей Н. И. Карѣева (1891 г.). Томъ второй. Спб., 1891 г., б. 8 д., стр. XI+299+48. Ц. 2 руб.

Кирпотенко, А. П. Руководство къ наблюденію природы и собираніе естественно-историческихъ коллекцій. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. Спб., 1891 г. Ц. 30 коп.

Классенъ, А. П. Ремесленникъ. Практическое руководство для ремесленныхъ училищъ и любителей, 326 рисунковъ въ текстѣ. Изд. пятое. Спб., 1891 г. Ц. 2 рубля.

* **Краткое описаніе Минусинскаго мѣстнаго музея**. Перечень его коллекцій. (Печатается по постановленію Минусинской городской думы). Красноярскъ, 1891 г., м. 8 д., стр. 43. Ц. 50 к.

Леббокъ. Цвѣты, плоды и листья. Съ предисловіемъ профессора А. Бекетова. Переводъ съ англійскаго А. Гердъ. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

Лобко, проф. Записки военной администраціи для военныхъ и юнкерскихъ училищъ. Изд. 10-е. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Маршаль-Уардъ. Болѣзни растеній (для земледѣльцовъ и садоводовъ). Переводъ П. Е. Волкенштейна. Съ 63-мя рисунками. Спб., 1891 г. Ц. 60 коп.

Межовъ, В. И. Библіографія Азіи. Т. I. Спб., 1891 г. Ц. 2 р.

* **Настольный энциклопедическій словарь**. Объясненіе словъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Вып. 14-й (Божій міръ—Ботническій заливъ).

---

* Этимъ знакомъ отмѣчены заглавія книгъ, поступившихъ въ книжный магазинъ Мих. Ив. Семевскаго („Русской Старины") въ теченіе послѣдняго мѣсяца.

Вып. 15-й. (Ботнія—Брюсъ). Съ портретами и рисунками въ текстѣ. Изд. А. Гарбель и К°. Москва. 1891 г. 8 д. Цѣна каждаго выпуска на велен. бумагѣ 40 коп., на прост.—30 к.

* **Никитинъ,** В. Н. Обломки разбитаго корабля. Сцены у мировыхъ судей шестидесятыхъ годовъ. Спб., 1891 г., м. 8 д., стр. XII + 341. Ц. 1 р.

Обнинскій, П. Н. Законъ и бытъ. Очерки и изслѣдованія въ области нашего реформируемаго права. Вып. 1-й. Москва, 1891 г. Ц. 1 р.

* **Олсуфьевъ,** графъ. Марціалъ. Біографическій очеркъ. Москва, 1891 г., б. 8 д., стран. 136. Ц. 1 рубль.

* **Памятная книжка Псковской губерніи на 1891 годъ.** Изд. Псковскаго губернскаго статистическаго комитета. Составилъ секретарь комитета К. К. Скурскій. Псковъ, 1891 г., 8 д., стр. XII + 188. Цѣна 1 руб.

Полный карманный путеводитель по Россіи. Лѣто и осень. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.

Потѣхинъ, А. А. Послѣ освобожденія. Разсказы изъ крестьянскаго быта. Въ трехъ томахъ. Спб., 1891 г. Цѣна за три тома 4 р.

Пыляевъ, М. И. Старая Москва. Разсказы изъ былой жизни первопрестольной столицы. Съ рис. Вып. VI-й и VII-й. Спб., Ц. каждаго выпуска 50 к.

* **Русская классная библіотека,** издаваемая подъ редакціей А. Н. Чудинова. Пособіе при изученіи русской литературы. Выпускъ I-й. **Слово о полку Игоря.** Изд. И. Глазунова. Спб., 1891 г., м. 8 д., 80 стр. Ц. 30 к.

Скворцовъ, Ѳ. Охотникъ и рыболовъ. Записная справочная книжка для молодыхъ охотниковъ и рыболововъ. Москва, 1891 г. Ц. 50 к.

Сборникъ общ. любителей Россійской словесности на 1891 г. М. Цѣна 4 р.

* **Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа.** Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ двѣнадцатый. Тифлисъ, 1891 г., 8 д., стр. II+144+106+VII+46+299.

Свѣтловъ, Вал. Крымскіе очерки. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к., на веленевой бумагѣ 1 р. 50 коп.

Справочная садовая книга. Изд. 4-е. М. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

* **Судейкинъ,** В. Т. Возстановленіе въ Россіи металлическаго обращенія (1839—1843 гг.). Историческій очеркъ. Изданіе редакціи Юридическаго Вѣстника. Москва, 1891 г., 8 д., стр. 77.

* **Тверской музей и его пріобрѣтенія въ 1889 году.** (Читано въ засѣданіи Тверск. учен. арх. ком.). Тверь, 1891 г., 8 д. стр. 61.

* **Тихонравовъ**, Н. С., академикъ. Пять былинъ по рукопис XVIII вѣка. Москва. 1891 г., 8 д., стран. 48.

Туръ, Евгенія. Три разсказа для дѣтей. Изд. 2-е. Москва, 189 Ц. 1 р.

* **Успенскій**, Вл. (протоіерей). Часовня Божіей Матери Трое чицы Кровотынскаго прихода Осташковскаго уѣзда, въ связи исторіею мѣстности. (Читано въ засѣданіи Тверск. учен. арх. ко Тверь, 1891 г., 8 д., стр. 20. Ц. 20 коп.

* **Ушаковъ**, А. Н. Изъ путевыхъ замѣтокъ отъ Ростова-Велика до Углича. Ярославль, 1891 г., м. 8 д., стр. 48.

* **Ушаковъ**, А. Н. 300-лѣтіе со дня мученической кончины С царевича Димитрія. Церковь святаго царевича Димитрія на кров Изданіе И. А. Вахрамѣева. Ярославль, 1891 г., 8 д., стр. 31.

* **Ушаковъ**, А. Н. Угличскій Богоявленскій женскій монастырь. Съ приложеніемъ портрета игуменіи настоятельницы монастыря и видовъ Богоявленскаго храма. Ярославль, 1891 г., б. 8 д., стр. 32.

Фєрраръ, Ф. В. Жизнь и труды Св. отцовъ и учителей церкви. Очерки церковной исторіи въ біографіяхъ. Переводъ съ англійскаго А. П. Лопухина. Спб., 1891 г. Ц. 4 рубля.

* **Хованскій**, Н. Ф. О прошломъ города Саратова. Изданіе Саратовск. городск. обществен. управленія. Саратовъ, 1891 г., 16 д., стр. 46.

Ходскій, Л. В. Земля и земледѣлецъ. Экономическое и статистическое изслѣдованіе. Въ двухъ томахъ. Спб., 1891 г. Цѣна за два тома 5 рублей.

* **Шаховъ**, А. Гете и его время. Лекціи по исторіи нѣмецкой литературы XVIII вѣка, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ. Спб., 1891 г., 8 д., стр. VIII+291. Ц. 1 р. 25 к.

Шурыгинъ, Г. Г. Разсчетъ платы поденной, мѣсячной, годовой и др. и вычисленіе процентовъ. Пермь, 1891 г. Ц. 50 к.

* **Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ**, составлено подъ главною редакціей ген.-лейт. Леера, заслуженнаго профессора Никол. академіи ген.-штаба. Т. V. Вып. 3-й. (Наполеоны—Арханійскій перевалъ). Спб. 1891 г., б. 8 д. Ц. тома (четыре выпуска) 3 рубля.

* **Ѳедотовъ**, Н. Новый подробный планъ С.-Петербурга: «Планъ-адресъ». Спб., 1891 г., 8 д., стр. 35. Ц. 50 коп.

По желанію г. заказчиковъ книжный магазинъ «Русской Старины» высылаетъ книги и въ переплетъ. Цѣна переплетовъ: шагреневый съ каленкоромъ—80 коп., сафьяннокорешковый—50 коп.

☞ Всѣ вообще заказы о высылкѣ книгъ выполняются Магазиномъ «Русской Старины» (Мих. Ив. Семевскаго) безъ малѣйшаго замедленія.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Мих. Ив. СЕМЕВСКАГО
при
главной конторѣ журнала, имъ издаваемаго,
„РУССКАЯ СТАРИНА“
[изд. основ. 1-го янв. 1870 г.]
С.-Петербургъ.

Милостивый Государь.

Съ 1-го іюля 1890 года при Главной конторѣ ***„Русской Старины“*** открытъ ***Книжный Магазинъ М. И. Семевскаго*** преимущественно ***для иногородныхъ***. Магазинъ удовлетворяетъ требованіямъ какъ на изданія редакціи „Русской Старины“, такъ и на книги, въ томъ числѣ книги учебныя и учебныя пособія, публикованныя въ газетахъ и въ каталогахъ гг. издателей и книжныхъ магазиновъ.

Магазинъ ***М. И. Семевскаго*** приглашаетъ желающихъ помѣщать публикаціи о вышедшихъ ими книгахъ въ объявленіяхъ Книжнаго Магазина „Русской Старины“,—высылать по экземпляру своихъ книгъ (съ указаніемъ ихъ цѣны), равно высылать таковыя книги на комиссію, по предварительному соглашенію съ Магазиномъ.

Гг. заказчики могутъ обращаться съ требованіями безъ высылки при этомъ денегъ и получать книги по почтѣ съ ***наложеніемъ платежа***.

Всѣ вообще заказы о высылкѣ книгъ выполняются магазиномъ ***М. И. Семевскаго*** безъ малѣйшаго замедленія.

Завѣдующая Конторой и книжнымъ магазиномъ „Русской Старины“

А. Н. Писарева.

1891 г.

(См. на оборотѣ)

Издатель-Редакторъ «Русской Старины» Мих. Ив. *Семевскій*.
Адресъ Книжнаго магазина и Конторы «Русской Старины»: С.-Петербургъ, Большая Подьяческая, д. № 7.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ М. И. СЕМЕВСКАГО

Спб., Большая Подьяческая, д. № 7.

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ, МЕЖДУ ПРОЧИМИ, СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ И ИЗДАНІЯ:

„Русская Старина" изд. 1891 года, двѣнадцать книгъ съ портретами, цѣна **9 руб.** съ доставкой и пересылкой.

Можно также получать и нѣкоторые изъ прежнихъ годовъ изданія «Русской Старины», а именно: изд. 1876—1878 гг.; 1880, 1884, 1885, 1888, 1889, 1890 гг., цѣна по **9** руб. за годъ съ пересылкою.

Архивъ князя Ѳедора Алексѣевича Куракина, издаваемый имъ подъ редакціею М. И. Семевскаго. Книга первая, Спб., 1890 г., 8 д., стр. XXIV+360, съ приложеніями: портретъ кн. Б. И. Куракина и два снимка съ его рукописей. Цѣна экз. на веленевой бумагѣ **3 руб.**, на простой—**2 руб.** съ пересылкой. Книга вторая, изд. 1891 г., 480 стр., съ двумя портретами: царь Петръ и кн. А. Б. Куракинъ, цѣна экз. на веленевой бумагѣ **3 руб. 50 коп.**, на простой **3 руб.**—**Систематическая роспись** содержанія «Русской Старины» за первые двадцать одинъ годъ изданія (1870—1890 гг.), **съ двумя прибавленіями къ этой Росписи**, три книги въ 8 д., украшенныя многими гравюрами, цѣна первой — **3 руб.**; второй — **1 руб.**; третьей — **2 руб.** — **Слово и дѣло!** историческіе очерки М. И. Семевскаго изъ эпохи Петра Великаго, 1700—1725 гг., книга въ 8 д., 350 стр., съ рисунками пытокъ. Спб., изданіе второе пересмотрѣнное и исправленное, цѣна **2 руб.** — **«Царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Виллимъ Монсъ»**, историческій очеркъ М. И. Семевскаго изъ эпохи Петра Великаго, 1692—1724 гг., книга въ 8 д., 350 стр., Спб., съ портретами и картинами казней стрѣльцовъ, цѣна **2 руб. 50 коп.** — **Записки Сельскаго Священника**, о. протоіерея и благочиннаго А. И. Розанова. Спб., 1882 г., въ 8 д., изд. второе, дополненное (всего осталось 115 экз.), цѣна **1 руб.**—**Путевыя Записки по Сибири архіепископа Нила**. Ярославль. 2 ч., 497 стр.+XIV стр., съ прилож. указателя и фотолитографическаго портрета автора, цѣна **1 руб.** съ перес. — **«Знакомые»**, альбомъ М. И. Семевскаго, издателя-редактора историческаго журнала «Русская Старина», — автобіографическія замѣтки 850 извѣстныхъ дѣятелей, людей государственныхъ, ученыхъ, писателей, артистовъ и друг. Спб., 450 стр., цѣна **2 руб.**—**Собраніе портретовъ русскихъ дѣятелей**, изданіе редакціи «Русской Старины», гравюры и геліогравюры лучшихъ художниковъ, [выпуски первый и второй разошлись сполна],— продаются выпуски *третій* (гравюры на деревѣ), — *четвертый* (гравюры на мѣди) и *пятый* (геліогравюры), цѣна каждой книги по **рублю** для подписчиковъ «Русской Старины», а для постороннихъ покупателей по **три руб.** за книгу.—**Портретъ Императора Александра II**,—гравюра академика Л. А. Сѣрякова († 1881 г.).—**Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса**, историческій очеркъ П. А. Матвѣева, цѣна **2 руб.** съ пересылкою.—**Записки Никиты Ивановича Толубѣева** (1780—1809 гг.). Спб. 1888 г., изд. «Русской Старины», въ 8 д., стр. 168, рукопись изъ собранія А. А. Титова, цѣна **1 руб.**—**Дневникъ пребыванія Царя-Освободителя въ Дунайской арміи въ 1877 г.**, состав. Л. М. Чичаговъ,

второе изданіе, дополненное. Спб. 1887 г., цѣна **2 руб.** съ пересылкою.— **Воспоминанія А. Г. Рубинштейна,** — автобіографическія его записки. Спб., 1889 г., въ 8 д., съ портретомъ А. Г. Рубинштейна, цѣна **1 руб.** съ пересылкою. — **Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка,** соч. В. И. Семевскаго, два тома, цѣна по **3 руб.** томъ.—**Василій Ивановичъ Водовозовъ,** біографическій очеркъ В. И. Семевскаго., Спб., 1888 г., 169+VIII стр., цѣна **50 коп.**—**Жизнь европейскихъ народовъ,** соч. Е. Н. Водовозовой, томы I, II и III, изданіе дополненное и вновь переработанное, съ рисунками, цѣна каждой части **3 р. 75 к.,** въ изящномъ переплетѣ **4 руб. 55 коп.**

Въ магазинѣ «Русской Старины» можно получать также слѣдующіе труды и изданія: **Археографической Коммиссіи, — Н. Бокачова** (описи русскихъ библіотекъ и библіографическихъ изданій), — проф. **Н. И. Барсова,**—акад. **А. Ѳ. Бычкова,**—**Виноградова** (Историческій очеркъ г. Вязьмы),—**А. Ѳ. Гильфердинга** (Боснія, Герцеговина и Старая Сербія,—исторія Балтійскихъ Славянъ).—**К. Д. Головщикова,**—**Г. А. Джаншіева,**—**Ѳ. М. Достоевскаго,**—**Дьяконова** (Власть Московскихъ Государей),—**Журова** (Бухгалтерія), — **И. Е. Забѣлина,**—гр. **Г. А. Милорадовича,**—**И. Ф. Павловскаго,**—**А. А. Титова,**—**Н. К. Шильдера** (о Тотлебенѣ) и многихъ другихъ.

Магазинъ удовлетворяетъ требованіямъ какъ на изданія редакціи «Русской Старины», такъ и на всѣ книги и учебныя пособія, публикованныя въ газетахъ и въ каталогахъ гг. издателей и книжныхъ магазиновъ.

Въ Книжномъ магазинѣ Мих. Ив. Семевскаго

продаются оставшіяся, въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, изданія: **«Русская Старина» 1888-го, 1889-го и 1890-го,** цѣна за каждый годъ **девять** руб. съ пересылкою.

Главнѣйшія статьи, помѣщенныя въ «Русской Старинѣ»: въ изд. **1888 г.**: Записки Пав. Вас. *Чичагова*, перваго, по времени, морскаго министра.—Зап. профес. Дм. Ив. *Ростиславова* о бытѣ духовенства.—«Повѣсть о самомъ себѣ», — Записки акад. А. В. *Никитенко*: время до поступленія его въ университетъ.—Воспоминанія Н. Н. *Мурзакевича*.— А. Н. *Яхонтова* о Лицеѣ. — Изъ записокъ гр. П. А. *Валуева* (1862 г.).— Воспоминанія: П. Д. *Шестакова* о Казанскомъ университетѣ;—В. М. *Сорокина* о С.-Петербургскомъ университетѣ; — кн. П. А. *Путятина*;—А. И. *Михайлова* объ императорѣ Александрѣ II и его времени;—М. П. *Степанова* и В. В. *Верещагина* о войнѣ 1877—1878 гг.— Изслѣдованія и историческіе очерки: Н. И. *Шильдера*, Россія при Александрѣ I;—докт. рус. исторіи Вас. Ив. *Семевскаго*, Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX вв.—Новые матеріалы

къ исторіи отечественной словесности и къ жизнеописанію ея наиболѣе видныхъ представителей: *Батюшковъ, Пушкинъ*, (новыя страницы «Евгенія Онѣгина»,) Н. П. *Огаревъ* и друг. Къ исторіи русск. худож: Записки И. Е. *Рѣпина* о И. Н. *Крамскомъ* и проч. и проч.

«Русская Старина» изд. **1889 г.**: Записки князя Юрія Влад. *Долгорукова*;—А. Т. *Болотова* (1799—1800 гг.);—А. М. *Тургенева*;—Графа Ѳ. В. *Ростопчина* (1812 г.);—Кн. А. А. *Шаховскаго* (1812 г.);—Генер. отъ инф. А. А. *Одинцова*.—Дневникъ акад. А. В. *Никитенко* (1826—1843 гг. Восп.; профес. *Бодянскаго*;—Н. Н. *Мурзакевича* (1848—1849 гг.);—*Теобальда*;—П. Д. *Шестакова*;—Художника Вас. Вас. *Верещагина*.—Изслѣдованіе Н. К. *Шильдера*: Александръ I и его время.—Декабристъ Гавріилъ Степан. *Батенковъ*;—Генер. *Баговутъ*,—Графъ Ник. Ив. *Евдокимовъ*,—Гр. Мих. Тар. *Лорисъ-Меликовъ*,—очерки ихъ боевой жизни и ихъ характеристики,—очерки гг. Градовскаго, И. И. Ореуса, доктора Бѣлоголоваго.—Гр. М. Х. *Рейтернъ* (очеркъ его дѣятельности). — Н. М. *Пржевальскій*, очеркъ состав. академикъ Н. Ѳ. *Дубровинъ*. Новые матеріалы и произведенія А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, А. И. Герцена, И. С. Тургенева и мног. другихъ.

«Русская Старина» изд. **1890 г.**: Дневникъ акад. А. В. *Никитенко* (1844—1860гг.).—«Гисторія о Петрѣ I-мъ», кн. Б. И. Куракина (1723 г.).—Разсказъ кн. *Козловскаго*: Москва въ 1812 году, помѣщицы *Золотухиной* (1812 г.), записки М. Н. *Кирѣева* (1789—1812 гг.), М. А. *Бѣлухи—Кохановскаго* о Лицеѣ 1820—1826; записки А. И. *Михайловскаго-Данилевскаго*: событія 1825 года;—*Мохнацкаго*;—А. А. *Одинцова* и А. Ѳ. *Лишина* (1830—1831 гг.);—Н. А. *Огаревой*, рожденной *Тучковой*;—записки сенатора В. И. *Дена*,—академика Н. И. *Кокшарова*,—Е. И. В. *Николая Максимиліановича Романовскаго, герцога Лейхтенбергскаго*;—посмертныя записки Н. В. *Берга*;—воспоминанія I. И. *Малевича*—бывшаго учителя-наставника профессора-женщины С. В. *Ковалевской*.—Изслѣдованія: Н. К. *Шильдера* (Александръ I и его время),—Д. И. *Иловайскаго*, — кн. Н. С. *Голицына*, — И. И. *Ореуса* и многихъ другихъ. Изъ области литературы статьи и сообщенія: объ И. А. *Крыловѣ*,—Н. И. *Новиковѣ*,—В. Т. *Нарѣжномъ*,—О. И. *Сенковскомъ*;—воспоминанія *Скайлера* о графѣ Л. Н. *Толстомъ*;—біографическія данныя и очеркъ В. И. *Духовникова* о Н. Г. *Чернышевскомъ*: — д-ра Е. А. *Головина* о С. П. *Боткинѣ* и проч. и проч.

Всѣ книги историческаго журнала «Русская Старина» украшены портретами замѣчательныхъ и достопамятныхъ русскихъ дѣятелей, гравюры лучшихъ художниковъ, а съ 1891-го года «Русская Старина» кромѣ того, украшается рисунками-виньетами маститаго профессора исторической живописи, почетнаго члена И. Акад. Художествъ Ѳ. Г. Солнцева.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1892 г.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„РУССКАЯ СТАРИНА" будетъ выходить въ 1892-мъ году въ прежнемъ объемѣ, съ гравированными лучшими художниками на деревѣ и мѣди портретами замѣчательныхъ русскихъ людей.

„РУССКАЯ СТАРИНА" будетъ по прежнему помѣщать на своихъ страницахъ записки (мемуары), статьи и матеріалы, относящіяся къ двумъ послѣднимъ столѣтіямъ.

12 книгъ съ портретами, цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Обширное собраніе Записокъ (мемуаровъ), Воспоминаній, историко-біографическихъ очерковъ и самыхъ разнообразныхъ матеріаловъ, относящихся къ отечественной исторіи, исторіи русской литературы, художествъ и искусствъ, — постоянно возрастающее въ редакціи «Русской Старины», — многіе уже годы освобождаетъ насъ отъ необходимости заявлять предъ нашими читателями о томъ, что книги «Русской Старины» предстоящаго года будутъ, по прежнему, полны живаго интереса и значенія. Тѣмъ не менѣе, мы доводимъ до свѣдѣнія читателей, что въ книгахъ «Русской Старины» 1892 года будутъ, между прочимъ, напечатаны: Записки де-ла-*Невилля* о Россіи (1689 г.),— Записки *А. Т. Болотова*,—де-ла-*Флиза* (1812 г.), — *Кюстина* (1839 г.);— «Записки *А. М. Тургенева*»; — «Записки ректора академіи художествъ и профессора *Ѳ. И. Іордана*»;—Дневники: графа *П. А. Валуева* (1860 г. и друг.), академика *А. В. Никитенко* (1867—1875 гг.); «Записки профессора *Н. В. Берга*» († 1884 г.);—Очерки и воспоминанія: ген.-отъ-инф. *А. А. Одинцова*; *Н. В. Веригина*; *Штрандмана*

[См. на оборотѣ].

(1769 — 1790 гг.); кн. *И. Горчакова*; кн. *Яшвиля*; *М. Бестужева*; *Кюхельбекера*; *Печерина; Третьякова* (о московскомъ университетѣ); *П. Д. Шестакова* (о казанскомъ университетѣ); *Хржановскаго* и *Мохнацкаго* (1831 г.); проф. *Ростиславова*; автобіографич. разсказъ профессора *С. В. Ковалевской*, и мног. друг.—Изслѣдованія и очерки: бывшихъ профессоровъ *В. А. Вильбасова и А. Г. Брикнера* очерки изъ русской исторіи XVIII в.; *Н. К. Шильдера* о царствованіи Александра I; сообщенія изъ эпохи Петра I—*Н. Н. Оглоблина* и барона *Каульбарса*;—Записки *Чемесова* и *Гейфельдера* и проч.

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ" **1892** г. **принимается для городскихъ и иногородныхъ** въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ редакціи „РУССКОЙ СТАРИНЫ", по Большой Подьяческой, д. № 7.

Подписка также принимается: въ Спб. въ книжномъ магазинѣ **А. Ѳ. Цинзерлинга** (Невскій пр., д. № 20 у Полицейскаго моста). Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха) и **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ **А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.).

ПОДПИСЧИКИ на „РУССКУЮ СТАРИНУ" 1892 года получаютъ за **ОДИНЪ** руб., при чемъ на пересылку прилагаютъ 21 коп. (почтов. марками):

Пятое собраніе портретовъ, превосходно выполненные, весьма точные снимки *геліогравюры* съ лучшихъ старинныхъ гравюръ на металлѣ, портреты русскихъ императрицъ. — Портреты съ біографическими очерками. Цѣна *V-го вып.* „Альбома" для подписчиковъ „Русской Старины" на 1892 г. **одинъ** руб., за пересылку 3 почт. марки (21 коп.), для прочихъ лицъ **три** руб.

Альбомы русскихъ дѣятелей, изд. ред. «Русской Старины», можно также получить выпуски III и IV, цѣна по **рублю**, пересылка по 3 марки (21 коп.).

☛ Тѣ изъ лицъ и учрежденій, которые возобновятъ подписку на «Русскую Старину» на 1892 г., теперь же и не позже 1-го **Декабря** 1891-го года получаютъ **безплатно**, при высылкѣ ими лишь *пяти* почтовыхъ семикопѣечныхъ марокъ (*35 коп.*) на пересылку книги, роскошное изданіе: **«Записки графа Эрнста Миниха**, сына фельдмаршала. Спб. 1891 г. съ портретомъ автора».

Изданіе это продается за **2 руб. 50 коп.**

Изд.-Ред. «Русской Старины» **Мих. Ив. Семевскій.**

выраженію г. Обнинскаго, «душу судебныхъ уставовъ», дальнѣйшее развитіе ихъ основныхъ идей, сообразно требованіямъ времени, и указаніе на нѣкоторыя изъ этихъ требованій, — вотъ въ чемъ заключается задача настоящей книги. Здѣсь нѣтъ мѣста слѣдить за содержаніемъ отдѣльныхъ очерковъ, хотя и посвященныхъ спеціальнымъ юридическимъ вопросамъ, но всегда сохраняющихъ самый глубокій общій интересъ, мы горячо рекомендуемъ знакомиться съ ними въ цѣломъ. Между прочимъ, обращаемъ вниманіе читателей «Русской Старины» на статью «Посмертное право и преемственность», гдѣ обсуждается вопросъ о правѣ предавать гласности частную переписку умершихъ писателей. Въ противность мнѣнію И. А. Гончарова, высказавшагося, какъ извѣстно, противъ подобнаго оглашенія, г. Обнинскій совершенно вѣрно, по нашему мнѣнію, указываетъ на публичный характеръ авторскаго права и на вредъ подчинять случаю или произволу отдѣльныхъ лицъ то, что составляетъ общественное достояніе.

«Очерки и изслѣдованія» г. Обнинскаго представляютъ собою отрадное явленіе въ нашей публицистической литературѣ: талантливо и живо написанные, они несомнѣнно будутъ содѣйствовать дѣлу распространенія въ читающей публикѣ правильныхъ взглядовъ на многія стороны нашего юридическаго порядка. **Н. В. В.**

Владиміръ (Сергѣевичъ) Соловьевъ. Стихотворенія. 1891 г. Москва. Ц. 1 р.

Предъ нами небольшая, но очень изящно изданная книжка. Авторъ ея—извѣстный публицистъ и философъ, обратившій на себя особенное вниманіе публики своими статьями о націонализмѣ («Россія и Европа») и о славянофильствѣ («Очерки изъ исторіи русскаго сознанія»). Стихотворенія его печатались прежде въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ и теперь, собранныя воедино, позволяютъ отмѣтить въ В. С. Соловьевѣ несомнѣнный поэтическій вкусъ и чуткость къ прекрасному. Мотивы, его вдохновлявшіе, большею частью эротическаго свойства, но есть въ сборникѣ нѣсколько стихотвореній («Въ странѣ морозныхъ вьюгъ...», «Посвященіе къ неизданной комедіи», «Въ землю обѣтованную», «Ex oriente lux» и др.), которыя внушены болѣе глубокими, религіозными или общественными чувствами и производятъ на читателя извѣстное впечатлѣніе. Искренность и задушевность составляютъ пріятную особенность всѣхъ поэтическихъ произведеній Вл. С. Соловьева. Намъ кажется, поэтому, что авторъ слишкомъ скроменъ, когда говоритъ въ предисловіи, что «единственное несомнѣнное достоинство этой книжки—ея малый объемъ». **Н. В. В.**

А. А. Титовъ Сибирь въ XVII вѣкѣ. Сборникъ старинныхъ русскихъ статей о Сибири и прилежащихъ къ ней земляхъ. Съ приложеніемъ снимка со старинной карты Сибири. Издалъ Г. В. Юдинъ. М. 1890 г., м. 8 д., стр. XI+216+XXII.

Прекрасный подарокъ любителямъ старины, изданный, благодаря просвѣщенному содѣйствію Г. В. Юдина. Книга заключаетъ въ себѣ шесть памятниковъ старинной русской письменности и латинское сказаніе, составленное въ Россіи. Это драгоцѣнный сборникъ свѣдѣній, каковыя были въ распоряженіи русскаго правительства до начала XVIII в.; сюда входятъ статьи: 1) «О человѣцѣхъ незнаемыхъ на восточной странѣ и о языцѣхъ разныхъ», — составленная въ концѣ XV в., любопытная, какъ наиболѣе раннее русское описаніе нѣкоторыхъ мѣстностей западной Сибири; 2) «Роспись сибирскимъ городамъ и острогамъ»—1640 года; 3) «Чертежъ всей Сибири, сбиранный въ Тобольскѣ по указу ц. Алексѣя Михайловича» 1667 г., свѣдѣнія о первой картѣ Сибири; 4) «Списокъ съ чертежа Сибирскія земли», описаніе втораго чертежа Сибири, 1672 г.; 5) «Описаніе новыя земли, сирѣчь Сибирскаго царства»—1683 г.; 6) Сказаніе о великой рѣцѣ Амурѣ, которая разграпила русское селеніе съ китайцы»—1672 г.; и 7) «Исторія о Сибири» — на латинскомъ языкѣ, трудъ приписываемый знаменитому уроженцу Хорватіи, католич. священнику Юрію Крижаничу, пробывшему въ Тобольскѣ въ 1661—1676 гг. Къ сборнику приложенъ указатель лицъ, мѣстностей и бытовыхъ предметовъ и снимокъ съ чертежа Сибири, исполненнаго въ 1669 г.

Ред.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1891 г.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., д. № 20, у Полицейскаго моста, книжный магазинъ **А. Ѳ. ЦИНЗЕРЛИНГА** (бывшій Мелье и К°.).

Въ Москвѣ — въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).

Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани— **А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ѳ. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина“**, на Большую Подьяческую, близь Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., (*19 экз.*), съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1876 г., второе изд., (*63 экз.*), съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1877 г., 12 книгъ (*35 экз.*), съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1878 г., 12 книгъ (*31 экз.*), съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1879 г., 12 книгъ (*15 экз.*), съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1880 г., второе изд. (*63 экз.*), съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1881 г., 12 книгъ (*30 экз.*), съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1884 г., 12 кн. изд. второе (*59 экз.*), съ портр., 9 руб.
„Русская Старина“ 1885 г., 12 книгъ (*59 экз.*), съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина“ 1888 г., 12 книгъ (*73 экз.*) съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина“ 1889 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина“ 1890 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ двадцать второй. **СЕНТЯБРЬ.** 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ професс. **Софьи Васильевны Корвинъ-Круковской**, съ фотографіи С. Л. Левицкаго 1863 г., гравировалъ художникъ И. И. Матюшинъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 80.
1891.

IX-я книга „Русской Старины" вышла 1-го сентября 1891 г.

Извѣстія Общества археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ казанскомъ университетѣ. Т. IX, вып. 1-й. Казань, 1891 г., 8 д., стр. 154. Цѣна 1 р. 25 к. Т. IX, вып. 2-й—Пермяки. Историко-этнографическій очеркъ И. Н. Смирнова. Казань, 1891 г., 8 д., стр. 289. Ц. 1 р. 75 к.

Изданіе это мало извѣстно, между тѣмъ въ немъ много статей, вполнѣ любопытныхъ и принадлежащихъ казанскимъ профессорамъ и ученымъ; такъ, въ названныхъ двухъ выпускахъ достойны вниманія сообщенія и статьи: «Вопросъ о бѣглыхъ и разбойникахъ въ комиссіи 1767 г.» Н. Н. Ѳирсова; статья заслуженнаго профессора Н. А. Ѳирсова: «Памяти П. Д Шестакова»; «Болгарскій домъ и относящіяся къ нему постройки по даннымъ языка и народныхъ пѣсенъ» — изслѣдованіе Н. З. Тихова; замѣтки А. Соколова: «Русскія имена и прозвища въ XVII в.», извлеченныя изъ рукописныхъ документовъ, принадлежащихъ казанскому обществу исторіи и относящихся къ Казанскому и Нижегородскому краю; но особенно замѣчателенъ историко-этнографическій очеркъ И. Н. Смирнова «Пермяки», въ которомъ авторъ представляетъ, согласно его объясненію, научно-систематизированный и восполненный личными наблюденіями сводъ данныхъ о пермякахъ. Авторъ, для выполненія этой задачи, совершилъ, при содѣйствіи совѣта императорскаго казанскаго университета, путешествіе по Чердынскому и Соликамскому уѣздамъ. Пересматривая этотъ почтенный трудъ, невольно удивляешься тѣмъ богатымъ матеріаламъ для отечествовѣдѣнія, какіе вообще представляютъ наши областныя изданія.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1891 годъ, кн. 1-я (156-я), кн. 2-я (157-я), изд. подъ завѣдываніемъ Е. В. Барсова. Москва, 1891 г., б. 8 д. Цѣна каждой книги 3 руб.

Это старѣйшее русское историческое повременное изданіе, въ послѣдніе годы состоя подъ завѣдываніемъ Е. В. Барсова, ушло вполнѣ въ до-Петровскую Русь и даетъ множество матеріаловъ и не мало изслѣдованій первостепенной важности и значенія. Такимъ образомъ, въ вышеназванныхъ двухъ книгахъ помѣщены сочиненія знаменитаго Юрія Крижанича: 1661 г. «Објасньење виводно о писмѣ словѣнскомъ». — 1674 г. «Толкованіе историческихъ пророчествъ». — «Арсеній Сухановъ», изслѣдованія С. Бѣлокурова. — «Начало русскаго государства», три чтенія Томсона, профессора копенгагенскаго университета. — «Іерусалимскій патріархъ Досиѳей въ его сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ (1669—1707 гг.)», сообщенія П. Ѳ. Каптерева и другія. Вообще изданіе «Чтеній» вполнѣ стоитъ на высотѣ тѣхъ задачъ, которымъ оно съ такою честью служитъ, представивъ, со времени своего основанія, русскому обществу 157 объемистыхъ и вполнѣ цѣнныхъ по содержанію книгъ.

Историческая записка о екатеринбургскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ. Составилъ А. П. Шалинъ. Съ приложеніемъ чертежей: плана училищной усадьбы, фасадовъ и плановъ училищныхъ зданій. Изд. Екатеринбургскаго городскаго четырехкласснаго училища. Екатеринбургъ, 1890 г., м. 8 д., стр. 145.

Училище это существуетъ сто лѣтъ, развившись постепенно изъ малаго народнаго училища, преобразованнаго въ 1820 г. въ уѣздное 2-хъ классное, въ 1835 г.—въ уѣздное 3-хъ классное и въ 1881 г. — въ городское 4-хъ классное. Столѣтняя годовщина его основанія (1789 г.—24 ноября—1889 г.) дала поводъ къ составленію этой брошюры; въ ней только излишни обращенія составителя къ эпохамъ принятія христіанства, къ Владиміру Равноапостольному, къ Ярославу Мудрому, а также въ первую половину XVIII вѣка и повтореніе общеизвѣстныхъ подробностей объ учебной реформѣ Екатерины Великой. Но все, что относится прямо къ дѣлу, т. е. къ городскому училищу и предшествовавшимъ ему учебнымъ заведеніямъ въ Екатеринбургѣ, то все интересно, составлено хорошо и положительно полезно. Въ приложеніяхъ помѣщено много документовъ изъ архива училища, статистическія таблицы и проч.

СОФІЯ ВАСИЛЬЕВНА КОРВИНЪ-КРУКОВСКАЯ

(1868 г.)

ВЪ ЗАМУЖЕСТВѢ КОВАЛЕВСКАЯ.

ПРОФЕССОРЪ ВЫСШЕЙ МАТЕМАТИКИ ВЪ СТОКГОЛЬМСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

р. 1850 г. † 1891 г.

СЪ ФОТОГРАФІИ С. Л. ЛЕВИЦКАГО. ГРАВИРОВАЛЪ И. И. МАТЮШИНЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА» ИЗД. 1891 Г. Т. LXX, ІЮЛЬ.

ЗАПИСКИ ДЕ-ЛА НЕВИЛЛЯ О МОСКОВІИ

1689 г.

Однимъ изъ интереснѣйшихъ источниковъ для исторіи тѣхъ смутъ, которыя переживало русское государство въ 80-хъ годахъ, XVII-го вѣка и для характеристики этой эпохи русской исторіи, вообще, является вышедшее въ 1698 году въ Парижѣ сочиненіе: „Relation curieuse et nouvelle de Moscovie Contenant l'état present de cet Empire, les Expeditions des Moscovites en Crimée, en 1689. Les causes des derniers Revolutions. Leurs moeurs et leur Religion. Le Recit d'un Voyage de Spatarus (Спафарій), par terre, à la Chine" [1]). Авторомъ этого произведенія былъ дипломатическій агентъ французскаго правительства De La Neuville. Изъ предпосланнаго имъ своему разсказу письма къ Людовику XIV, мы узнаемъ, что авторъ въ 1689 г. посланъ былъ въ Москву

[1]) Кромѣ этого изданія существуютъ еще четыре: французское, вышедшее подъ тѣмъ же заглавіемъ въ Гагѣ въ 1699 г., англійское (An Account of Muscovy, as it was in the Year 1689. By Monsieur de la Neuville, then Residing at Moscow. London, 1699), и два голландскихъ: Reis-Beschryvinge van Polen na Muscovien, door de Heer N. Nieuwstad (переводъ имени Neuville). Tyel, 1699 и Utrecht, 1707 г. (послѣднее безъ имени автора). Необходимо замѣтить, что голландскія изданія содержаніемъ своимъ отличаются отъ французскаго подлинника и англійскаго перевода:—предпосланное разсказу письмо автора къ Людовику XIV замѣнено обращеніемъ издателя голландскаго перевода къ читателю, выпущена вся глава объ обычаяхъ и религіи москвитянъ (Leurs moeurs et leur religion) и въ концѣ книжки напечатана довольно пространная записка неизвѣстнаго автора о различныхъ событіяхъ Петровскаго царствованія (Aanmerkelyken Brief van een voornaam Duitsch Heer, uit Muscouw geschreeven). Въ остальномъ же голландскій переводъ отличается большею точностью, нежели англійскій. **А. В.**

французскимъ посломъ при Варшавскомъ дворѣ, маркизомъ де Бетюнъ, для того, чтобы вывѣдать въ чемъ будутъ состоять переговоры отправленныхъ въ Москву шведскаго и бранденбургскаго посланниковъ; для бо̀льшаго успѣха Невилль отправленъ былъ не какъ французскій, а какъ польскій посолъ.

Въ разсказѣ своемъ Невилль описываетъ путешествіе свое въ Москву, пребываніе тамъ, интриги царевны Софіи, стрѣлецкія волненія, крымскіе походы кн. В. Голицына, причины стрѣлецкаго бунта; далѣе слѣдуетъ характеристика русскихъ нравовъ и религіи, описаніе пути изъ Московіи въ Китай и торговли между москвитянами и китайцами. Невилль пробылъ въ Москвѣ 5 мѣсяцевъ, въ ожиданіи царской аудіенціи (которой онъ однако не получилъ) и въ продолженіе этого времени встрѣчался со многими выдающимися русскими людьми того времени: княземъ В. В. Голицынымъ, Андреемъ Артамоновичемъ Матвѣевымъ и Емельяномъ Игнатьевичемъ Украинцевымъ; онъ былъ хорошо знакомъ съ генераломъ Менезіусомъ; приставомъ Невилля былъ извѣстный путешественникъ въ Китай, переводчикъ при посольскомъ приказѣ Спафарій. Ему и польскимъ посламъ, бывшимъ въ то время въ Москвѣ, Невилль обязанъ многими изъ своихъ свѣдѣній.

Разсказъ Невилля постигла странная судьба.

Еще въ началѣ прошлаго столѣтія возникло предположеніе, что Невилль не былъ въ Россіи, что такого дипломатическаго агента не существовало, вообще, въ то время, и что имя это есть псевдонимъ извѣстнаго французскаго библіографа Adrian'a Baillet, который былъ родомъ изъ городка Невилль. Высказанное мимоходомъ однимъ французскимъ библіографомъ, мнѣніе это, благодаря главнымъ образомъ крайне враждебному отношенію автора къ царевнѣ Софіи, а отчасти и небылицамъ, которыя попадаются въ его разсказѣ, было принято и нѣкоторыми русскими историками. Такъ, покойный профессоръ Н. Я. Аристовъ въ сочиненіи своемъ „Московскія смуты въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны“ сомнѣвается въ томъ, что Невилль дѣйствительно былъ въ Москвѣ. Но и онъ отдаетъ предпочтеніе разсказу Невилля передъ разсказами другихъ иностранцевъ, потому что „онъ слышалъ, кажется, нѣкоторые разсказы отъ людей болѣе достовѣрныхъ и близкихъ къ Петру“. Съ другой стороны извѣстія эти оказали сильное вліяніе и были приняты почти всѣми нашими историками, за исключеніемъ, конечно, явныхъ ошибокъ, которыя мы находимъ въ разсказѣ Невилля. На важность и достовѣрность этихъ извѣстій указывали Устряловъ и въ особенности Погодинъ, посвятившій разсказу Невилля небольшое

изслѣдованіе въ сочиненіи своемъ: „Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго“. Помимо общеизвѣстныхъ разсказовъ объ интригахъ Софіи и стрѣлецкихъ волненіяхъ, особенное вниманіе изслѣдователей обратили на себя, проливающія новый свѣтъ на все это время, извѣстія Невилля о князѣ В. Вас. Голицынѣ и его планахъ преобразованій, о личности Софіи, которую Невилль вопреки другимъ извѣстіямъ, выставляетъ очень непривлекательной, и друг. [1]).

Разсказъ Невилля въ русскомъ переводѣ (Н. А. Полеваго) помѣщенъ былъ въ 3-мъ и 4-мъ томахъ „Русскаго Вѣстника“, изд. 1841 г. Но переводъ Полеваго не даетъ вѣрнаго понятія о томъ, что разсказываетъ Невилль, и можетъ быть скорѣе названъ сокращеннымъ пересказомъ, часто притомъ весьма не точнымъ. На то, что переводу этому нельзя довѣрять, указывалъ уже Погодинъ, сравнивая его съ французскимъ подлинникомъ. Но дѣло въ томъ, что переводъ сдѣланъ не съ подлинника, а съ англійскаго перевода, о которомъ мы уже упоминали. Большинство ошибокъ и отступленій необходимо тѣмъ не менѣе поставить въ вину переводчику, который англійское „Ministers of Sweeden“ переводилъ: голландскій (?) посолъ Сведенъ. Для характеристики перевода сопоставимъ нѣсколько строкъ:

„Рус. Вѣстн“, 1841 г., т. IV, стр. 126.

Весьма справедливо предвидѣла царевна, что въ будущемъ времени нельзя уже надѣяться ей такого самовластія и что лучшее, что она можетъ сдѣлать, было оставлять понемногу власть, по мѣрѣ возраста брата, не дожидаясь того, когда онъ самъ заговоритъ ей о томъ, чего до сихъ поръ хотя онъ еще и не дѣлалъ, но не скрывалъ о томъ своего желанія, которое еще болѣе умножала партія царя, стараясь унижать сообщниковъ царевны, такъ что, наконецъ, дѣйствительно, дѣло кончилось, послѣ многихъ смятеній, удаленіемъ царевны отъ двора и заключеніемъ въ ея прежній монастырь.

...что лучшее, чего она могла ожидать, было — постепенная потеря власти по мѣрѣ того, какъ власть брата постепенно возрастала-бы. Въ этомъ она справедливо видѣла и причину того, что братъ не окончательно воспротивился ея желаніямъ. Но она понимала, что со временемъ всякія снисхожденія относительно нея уступятъ мѣсто оскорбленіямъ, со стороны приверженцевъ ея брата, въ то время, какъ ея сторонники будутъ уничтожены, и что сама она послѣ многихъ непріятностей вынуждена будетъ отказаться отъ всякихъ притязаній и укрыться въ свой монастырь.

[1]) На извѣстіяхъ Невилля о князѣ Вас. В. Голицынѣ основываются, главнымъ образомъ, всѣ біографы Голицына (Погодинъ, Брикнеръ); въ последнее время особенное вниманіе на значеніе этихъ извѣстій обратилъ докторъ русской исторіи В. И. Семевскій въ своемъ замѣчательномъ трудѣ „Крестьянскій вопросъ...“ На сообщеніяхъ же Невилля о личности Софіи основывается М. И. Семевскій, въ статьѣ своей о портретахъ царевны Софіи Алексѣевны („Русское Слово“ 1859 г., книга 12). А. Б.

„Рус. Вѣстн." 1841 г., IV, стр. 135.

Она внушала такимъ образомъ благопріятное о себѣ мнѣніе знатнымъ, которыхъ старалась обласкать и народу, слышавшему объ ея поступкѣ и за то извинявшему ея удаленіе изъ монастыря. Однажды вырвавшись на свободу, она рѣшилась уже никогда не возвращаться въ свое монастырское уединеніе и сдѣлаться повелительницей другихъ, чего нельзя было ей достигнуть безъ значительнаго числа друзей. Взоры ея устремились тогда на князя Голицына, какъ самаго способнаго быть начальникомъ другихъ ея сообщниковъ.

.. съ которыми была крайне любезна и предупредительна и расположила къ себѣ народъ своею ласковостью, стараясь, чтобы и тѣ и другіе остались довольными ея поведеніемъ и безъ неудовольствія смотрѣли-бы на то, чего имъ, до сихъ поръ, не приходилось видѣть. Казалось, что она могла удовольствоваться успѣхомъ своего выхода изъ монастыря, но такъ какъ она имѣла намѣреніе болѣе туда не возвращаться, то справедливо разсудила, что единственный способъ избавиться отъ опасенія быть когда-нибудь снова водворенной въ монастырь, былъ—стать полною повелительницею государства. Такіе замыслы не могли имѣть успѣха безъ поддержки большой партіи. Она рѣшилась образовать таковую и, взвѣсивъ достоинства окружавшихъ ея, не нашла ни кого болѣе способнаго стать во главѣ этой партіи, какъ князя Голицына.

Тамъ же, стр. 136.

Царевна Софія думала, что послѣ сего можетъ она приступить ко многому. Слыша о дальнѣйшихъ замыслахъ царевны, рѣшавшейся умертвить обоихъ царей и захватить себѣ престолъ, и бывшій хитрымъ политикомъ Голицынъ ужаснулся жестокости такого дѣла, которое и въ случаѣ успѣха могло возстановить противъ него и противъ царевны всѣхъ. Какъ ни тайно было бы совершено злодѣйство, но оно могло когда-нибудь открыться и послужило-бы поводомъ къ возстанію недовольныхъ, въ родѣ Хованскаго, подъ предлогомъ мщенія за смерть царей и защищенія престола. Голицынъ предлагалъ Софіи избрать путь не столь кровавый, хотя не менѣе надежный: женить царя Ивана. Когда потомъ у Іоанна родится сынъ...

Царевна Софія, видя себя въ состояніи предпринять все, что ей угодно, захотѣла для успокоенія своей совѣсти, загладить свои скандальныя отношенія къ Голицыну таинствомъ брака. Все затрудненіе состояло въ томъ, чтобъ отдѣлаться отъ жены Голицына, на что князь этотъ не могъ рѣшиться, будучи отъ природы человѣкомъ благороднымъ. Къ тому-же онъ взялъ за нею большія богатства и имѣлъ отъ нея дѣтей, которыхъ онъ любилъ болѣе, нежели дѣтей, прижитыхъ имъ съ царевною, которую онъ любилъ лишь, какъ виновницу своего величія. Но благодаря женской изобрѣтательности, она такъ искусно повела дѣло, что убѣдила его уговорить жену сдѣлаться монахиней. Вслѣдствіе этого, согласно религіи москвитянъ, мужъ, выставивъ на видъ силу своего темперамента, не дозволяющаго ему оставаться

внѣ брака, могъ получить отъ Патріарха разрѣшеніе снова жениться. Когда эта добрая женщина выразила свое согласіе, царевна не сомнѣвалась болѣе въ успѣхѣ своихъ замысловъ.

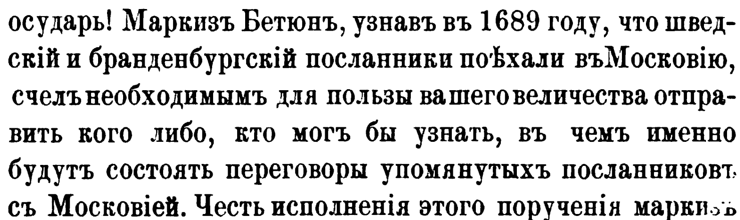
Затрудненіе состояло лишь въ томъ, чтобы заставить Голицына одобрить убіеніе обоихъ царей, что она окончательно порѣшила, видя лишь въ этомъ возможность удержать власть за собою, своимъ будущимъ мужемъ и дѣтьми. Но князь этотъ, болѣе тонкій политикъ, нежели влюбленный, представилъ ей весь ужасъ этого замысла, убѣждая ее, что исполненіе его, несомнѣнно навлечетъ на нихъ гнѣвъ и ненависть всѣхъ и каждаго. Эта ненависть, хотя и скрытая, можетъ въ одинъ прекрасный день вспыхнуть и дать возможность и случай кому-нибудь изъ недовольныхъ, подъ предлогомъ мщенія за смерть царей, предпринять возстаніе, подобно Хованскому, который воспользовался подобнымъ-же предлогомъ, чтобы завладѣть престоломъ. Послѣднее легко могло случиться, еслибы она не приняла надлежащихъ мѣръ. Голицынъ предложилъ Софіи путь болѣе разумный и, очевидно, болѣе вѣрный, состоявшій въ томъ, чтобы женить царя Іоанна и въ виду его безсилія подъискать его женѣ любовника, на что послѣдняя согласилась-бы для блага государства, съ цѣлью дать ему наслѣдниковъ. Когда потомъ у Іоанна родится сынъ...

Подобныя отступленія отъ текста подлинника встрѣчаются въ русскомъ переводѣ, изданномъ въ 1841-мъ году, на каждомъ шагу, не говоря уже о безчисленныхъ, болѣе мелкихъ, ошибкахъ, часто искажающихъ смыслъ. Отмѣтимъ, наконецъ, и то, что разсказъ Невилля болѣе, чѣмъ какой-либо другой иностранный источникъ, отличается искаженіемъ собственныхъ именъ; на искаженія эти обратилъ вниманіе Погодинъ и объяснилъ нѣкоторыя. Въ переводѣ „Русскаго Вѣстника“ многія остались не объясненными. Объяснить происхожденіе ихъ можно отчасти и неясностью рукописи, по которой разсказъ Невилля печатался.

А. И. Враудо.

Любопытныя и новыя извѣстія о Московіи, 1689 г.

Посвященіе Людовику XIV.

Государь! Маркизъ Бетюнъ, узнавъ въ 1689 году, что шведскій и бранденбургскій посланники поѣхали въ Московію, счелъ необходимымъ для пользы вашего величества отправить кого либо, кто могъ бы узнать, въ чемъ именно будутъ состоять переговоры упомянутыхъ посланниковъ съ Московіей. Честь исполненія этого порученія маркизъ возложилъ на меня, что меня очень поразило, такъ какъ я уже ранѣе совершилъ такое путешествіе и неоднократно навлекалъ на себя подозрѣнія этихъ варваровъ; но услыхавъ, что я могу быть полезнымъ вашему величеству, я принялъ это предложеніе и просилъ лишь маркиза де Бетюнъ принять во вниманіе, что проѣздъ въ Московію разрѣшенъ только купцамъ и посланникамъ, почему онъ и рѣшилъ просить въ этомъ случаѣ помощи короля польскаго.

Король съ благосклоннымъ участіемъ заявилъ, что трудно предположить, чтобы я не былъ узнанъ въ этой странѣ посланниками царя или другими людьми, видѣвшими меня при Варшавскомъ дворѣ, и что въ такомъ случаѣ меня сочтутъ шпіономъ и сошлютъ на вѣки въ Сибирь; далѣе, говорилъ онъ, что разъ дѣло идетъ объ услугѣ вашему величеству, то онъ охотно доставитъ мнѣ возможность безопасно и успѣшно совершить это путешествіе. Согласно этому, онъ выдалъ мнѣ рекомендательныя граматы къ царямъ и паспорты, и я отправился съ свитою, соотвѣтственною моему званію, ибо послѣднимъ договоромъ Польши съ Московіею положено не содержать присылаемыхъ пословъ на счетъ того государства, въ которое ихъ отправляютъ, и не давать имъ

подводъ безденежно. На четырнадцатый день достигъ я границы, хотя разстояніе отъ Варшавы до послѣдняго польскаго города составляетъ около 160 нѣмецкихъ льё. Я извѣстилъ о моемъ пріѣздѣ и назначеніи палатина Смоленскаго герцогства, куда я направился на слѣдующій день. Пріемъ, оказанный мнѣ въ Смоленскѣ, описанъ въ моемъ дальнѣйшемъ разсказѣ.

Обождавъ десять дней, пока съѣздилъ гонецъ, котораго палатинъ посылалъ ко двору за приказаніями относительно меня, я отправился въ Москву, гдѣ и былъ помѣщенъ въ домѣ, назначенномъ для меня первымъ министромъ, въ 150-ти шагахъ отъ города; ко мнѣ явился приставъ Спафарій (Spatarus), уроженецъ валашскій, привѣтствовалъ меня отъ имени министра и остался состоять при мнѣ. Черезъ недѣлю послѣ этого онъ препроводилъ меня въ приказъ (Pretache), или совѣтъ, послѣ чего я посѣтилъ посланниковъ польскаго, шведскаго, датскаго, бранденбургскаго и нѣкоторыхъ нѣмецкихъ офицеровъ; при этомъ мнѣ удалось открыть цѣль посылки шведскаго и бранденбургскаго повѣренныхъ; они присланы были въ Московію для того, чтобы навлечь подозрѣніе на поступки польскаго короля относительно москвитянъ, увѣреніями, что король дѣйствуетъ въ пользу вашего величества желая, вопреки общему союзу, заключить отдѣльный миръ съ турками и намѣреваясь послѣ этого въ угоду вашему величеству сдѣлать нападеніе на герцогство Прусское. Вслѣдъ затѣмъ посланникъ голландскій началъ дѣйствовать противъ меня, сообщивъ москвитянамъ, что я французъ и пріѣхалъ для того, чтобы вывѣдать ихъ государственныя тайны. Его происки достигли того, что меня заключили на недѣлю въ моемъ жилищѣ; польскій посолъ, однако, такъ энергично жаловался на этотъ поступокъ, какъ на оскорбленіе, нанесенное, въ лицѣ моемъ, его государю, что совѣтъ разрѣшилъ мнѣ свободу, увѣривъ, что, лишая меня ея на время, имѣлось въ виду только предохранить меня отъ оскорбленій враждебно настроенной толпы. На эти извиненія я отвѣчалъ, что знаю Францію очень хорошо и могу сказать, что, обладая мильонами, французскій король тѣмъ не менѣе не пожелаетъ истратить и сотни экю для того, чтобы проникнуть въ тайны царей и что, имѣя честь быть посланникомъ польскаго короля, я никогда не побоюсь народной толпы. Кончилось однако тѣмъ,

что шведскіе посланники были удалены безъ всякаго успѣха, и я, извѣщая объ этомъ маркиза де Б., изъявилъ желаніе также быть отозваннымъ, предвидя въ недалекомъ будущемъ смятенія. При началѣ ихъ я вынужденъ былъ для безопасности сидѣть дома, затворивши двери и никуда не выходя.

Все мое развлеченіе состояло притомъ въ разговорахъ съ моимъ приставомъ, только два мѣсяца тому назадъ вернувшимся изъ поѣздки въ Китай. Свѣдѣнія, полученныя мною отъ него, весьма любопытны и могутъ быть весьма полезны вашему величеству, указывая на возможность организовать сухопутную торговлю съ Китаемъ; поэтому я тщательно замѣтилъ всѣ подробности слышаннаго мною отъ него. Черезъ нѣсколько времени послѣ моего возвращенія въ Польшу, когда маркизъ Бетюнъ узналъ, что курфирстъ саксонскій и герцогъ ганноверскій рѣшили свидѣться въ Карльштадтѣ, въ Богеміи, я пожелалъ, чтобы король польскій послалъ меня для изъявленія его прискорбія герцогу ганноверскому, лишившемуся въ это время сына, о чемъ онъ извѣщалъ короля; при этомъ случаѣ я надѣялся узнать цѣль свиданія упомянутыхъ государей съ тѣмъ, чтобы зивѣстить объ этомъ ваше величество. Отправленный туда, я отдалъ потомъ отчетъ маркизу Бетюну обо всемъ, что успѣлъ разузнать, а именно, что съ обѣихъ сторонъ были сдѣланы кое-какія предложенія относительно герцогства Лауембургскаго, но соглашенія однако не послѣдовало ни въ чемъ.

Въ заключеніе, когда ваше величество увѣдомили короля польскаго о кончинѣ ея высочества дофины, онъ назначилъ князя Радзіевскаго (Rzarstocki) для изъявленія вашему величеству его прискорбія о кончинѣ принцессы. Но маркизъ Бетюнъ пожелалъ, чтобы назначеніе это принялъ я; онъ надѣялся, что въ званіи польскаго посланника я могу съ большею безопасностью доставить вашему величеству донесенія его вамъ и депеши посланнику вашему въ Гамбургѣ и что, исполняя это порученіе, я могу посѣтить проѣздомъ нѣкоторые дворы, при которыхъ меня хорошо знаютъ и всегда оказывали учтивый пріемъ и гдѣ такимъ образомъ я могу изучить хорошо положеніе дѣлъ: всѣ эти дворы, исключая двора герцога ганноверскаго, я нашелъ въ довольно расшатанномъ состояніи, поставленными въ прямую необходимость поддерживать миръ съ вашимъ величествомъ.

Облеченный нынѣ въ званіе вашего дипломатическаго чиновника, я прошу васъ, государь, принять благосклонно то, что моя ревность на вашу пользу заставляла меня предпринимать, и принять также разсказъ, нѣкоторыя подробности котораго могутъ быть любопытны, и, можетъ быть, удостоятся вашего чтенія въ часы отдыха отъ важныхъ дѣлъ, которыми рѣшается судьба Европы, вашими побѣдами и волею Провидѣнія преданная рукѣ вашей. Дерзая уповать на эту особую вашего величества милость, пребываю неустанно усердный, неутомимый, вашего величества покорнѣйшій и вѣрнѣйшій подданный и слуга Де-ла-Невилль.

Московія въ 1689 году.

Король польскій почтилъ меня званіемъ посланника своего въ Московію 1-го іюля 1689 г., и 19-го того-же мѣсяца я отправился изъ Варшавы смоленскою дорогою, такъ какъ дорога на Кіевъ, хотя и ближайшая, была тогда подвержена набѣгамъ татаръ. Какъ только губернаторъ Смоленской области, человѣкъ по образованію нисколько не походящій на москвитянина, услышалъ, что я выѣхалъ и приближаюсь къ Смоленску, онъ прислалъ пристава или дворянина, съ переводчикомъ, встрѣтить меня; они привѣтствовали меня за полъ-мили отъ города и препроводили въ предмѣстье на другой берегъ Днѣпра, временно въ какой-то домъ, до назначенія губернаторомъ другаго мѣстопребыванія. Одинъ изъ нихъ отправился увѣдомить его о моемъ пріѣздѣ и онъ прислалъ поздравить меня, приложивъ приэтомъ разные припасы, какъ-то: небольшой боченокъ водки, другой вина, третій меду, нѣсколько дичи, двухъ барановъ, возъ рыбъ и овса. Онъ предлагалъ мнѣ выбрать домъ для житья въ городѣ или предмѣстьѣ, но я остановился на послѣднемъ, такъ какъ въ предмѣстьѣ воротъ не было, городскія-же ворота рано запирались.

На другой день я посѣтилъ губернатора въ его дворцѣ, гдѣ встрѣтилъ митрополита и нѣскольких почетныхъ лицъ. О Смоленскѣ я ничего не могу сказать. Строеніе въ немъ, какъ и въ другихъ русскихъ городахъ, деревянное; онъ окруженъ каменною стѣною для защиты отъ нападенія поляковъ. Желая почтить меня или, скорѣе, стараясь придать себѣ болѣе важности, губернаторъ собралъ 6,000 человѣкъ милиціи, которую при

такихъ случаяхъ набираютъ изъ крестьянъ, раздѣляя ихъ на полки и выдавая имъ на это время довольно чистую одежду; царь платитъ сей милиціи по четыре экю и по осьминѣ соли въ годъ. Каждый мальчикъ шести лѣтъ уже вносится въ роспись и получаетъ жалованье, такъ что вы видите тутъ и стариковъ и мальчиковъ, такъ какъ милицейскіе обязаны служить до смерти. Я проѣхалъ между этими красивыми воинами, поставленными въ два ряда отъ моей квартиры до губернаторскаго дома, въ моей коляскѣ, сопровождаемой верхомъ подстаростой Могилевскимъ, королевскимъ чиновникомъ, которому съ двѣнадцатью офицерами тамошняго гарнизона приказано было сопровождать меня до Смоленска.

Едва губернаторъ завидѣлъ поѣздъ мой, какъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу и повелъ въ комнаты. Тамъ, послѣ нѣсколькихъ привѣтствій, произнесенныхъ стоя, причемъ переводчикомъ былъ генералъ-маіоръ Менезіусъ, шотландецъ, знатокъ всѣхъ европейскихъ языковъ, губернаторъ велѣлъ принести большія чаши съ водкой и мы пили за здоровье короля и царей. Потомъ мы распростились и губернаторъ проводилъ меня на крыльцо, стоя тамъ, пока я не сѣлъ въ коляску. Мы возвратились прежнимъ порядкомъ, но дома я засталъ у себя генерала Менезіуса, которому губернаторъ приказалъ быть моимъ собесѣдникомъ, пока я пробуду въ Смоленскѣ; я былъ пріятно удивленъ, найдя человѣка его достоинствъ въ варварской странѣ, ибо кромѣ знанія языковъ, которыми генералъ владѣлъ превосходно, онъ былъ всесторонне образованъ и приключенія его заслуживаютъ описанія. Обозрѣвъ бóльшую и лучшую часть Европы, онъ поѣхалъ въ Польшу, предполагая оттуда возвратиться въ Шотландію. Но въ Польшѣ онъ завязалъ интригу съ женою одного литовскаго полковника. Мужъ приревновалъ, замѣтивъ частыя посѣщенія гостя, и велѣлъ слугамъ умертвить его. Полковница увѣдомила о томъ своего друга, который и успѣлъ такимъ образомъ во-время принять мѣры; онъ вызвалъ мужа на дуэль, убилъ его, принужденъ былъ бѣжать и попался, сбившись съ пути, въ руки москвитянъ, воевавшихъ тогда съ Польшею. Сначала съ нимъ обходились какъ съ военноплѣннымъ, но когда узнали причину его бѣгства, то предложили либо служить въ царскихъ войскахъ. либо отправляться въ Сибирь. Онъ

соглашался лучше на послѣднее, благодаря своей наклонности къ путешествіямъ, но отецъ нынѣшнихъ царей пожелалъ лично видѣть его, нашелъ въ немъ пріятнаго человѣка, принялъ его ко двору и далъ ему 60 крестьянъ (каждый крестьянинъ приноситъ въ Россіи помѣщику около восьми экю въ годъ); потомъ онъ женился на вдовѣ нѣкоего Марселиса (Marcellus), который былъ первымъ основателемъ желѣзныхъ заводовъ въ Московіи, приносящихъ нынѣ царямъ ежегодно дохода до 100,000 экю. Не сомнѣваясь болѣе въ его вѣрности, царь послалъ его въ Римъ, въ 1672 году, сдѣлать папѣ Клименту предложеніе относительно соединенія русской и латинской церквей на нѣкоторыхъ условіяхъ. Возвратясь безъ успѣха, онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, и черезъ нѣкоторое время царь Алексѣй Михайловичъ (Alexis Samuel Errich), незадолго до своей кончины, назначилъ его гувернеромъ къ своему сыну, юному принцу Петру, съ которымъ онъ и занимался до начала царствованія царя Іоанна, когда принцесса Софія и князь Голицынъ (Galischin), недовольные тѣмъ, что онъ изъявилъ ревность свою къ Петру, послали его въ Смоленскъ принять участіе въ послѣднемъ походѣ, въ надеждѣ, что онъ тамъ погибнетъ. Но такая немилость была впослѣдствіи источникомъ его благополучія такъ какъ подружившись здѣсь съ дѣдомъ Петра со стороны матери, простымъ полковникомъ смоленскаго гарнизона, онъ былъ взятъ имъ въ Москву, какъ только внукъ его сдѣлался властителемъ столицы.

И тутъ онъ меня нерѣдко дружественно принималъ и угощалъ вмѣстѣ съ Нарышкиными (Maraskins, père et fils), отцомъ и сыномъ. Первый министръ, узнавъ, что я прибылъ въ Смоленскъ, главный городъ области этого имени, которую король польскій уступилъ царямъ по трактату 1686 года, прислалъ указъ губернатору, препроводить меня обыкновеннымъ образомъ въ Столицу (Lastolitz, qui veut dire la Cour et que nous appellons imprchoprement Moscou, qui est le nom de la rivière qui y passe),— что значитъ дворъ—городъ, который ошибочно называемъ мы Москва, потому что Москва есть только имя рѣки, тамъ протекающей.—Мое путешествіе началось 20-го августа; менясопровождали приставъ, капитанъ и шесть солдатъ. Первое доказательство храбрости этихъ господъ я увидѣлъ, проѣзжая черезъ лѣсъ, простирающійся льё на 20-ть, въ которомъ совершенно нѣтъ

жилья. Тутъ мы должны были переночевать, пустивши лошадей пастись. Ночью поднялась жестокая буря: лошади разбѣжались изъ нашего табора, какъ называютъ здѣсь загородку, устроенную изъ телѣгъ, и ушли въ лѣсъ. Я просилъ офицера послать нашихъ провожатыхъ ловить лошадей, а другимъ велѣть между тѣмъ, нарубить, въ пятидесяти шагахъ отъ насъ, дровъ для разведенія огня; но офицеръ и солдаты единогласно сказали, что они и за сто червонцевъ не отойдутъ отъ табора, такъ какъ лѣтъ семь тому назадъ нѣкоторые изъ ихъ товарищей, при подобномъ же случаѣ, были именно здѣсь въ лѣсу убиты. Такъ простояли мы до утра, пока лошади по свистку этихъ трусовъ, который они пускаютъ въ ходъ взамѣнъ кнута, пришли въ таборъ сами.

Отсюда продолжали мы путешествіе и прибыли, наконецъ, въ предмѣстіе столицы, отдѣляемое отъ города рѣкою Москвою, которую здѣсь переходятъ въ бродъ. Тутъ офицеръ оставилъ меня въ какомъ-то домѣ и просилъ подождать, пока онъ съѣздитъ къ первому министру и увѣдомитъ его о моемъ пріѣздѣ. Черезъ два часа онъ воротился съ приказомъ министра перевезти меня черезъ рѣку и препроводить въ назначенный для меня домъ. Сюда явился приставъ Спафарій привѣтствовать меня отъ имени перваго министра, сказать, что онъ опредѣленъ ко мнѣ, что, сообразно здѣшнему обычаю, офицеръ и шесть солдатъ останутся для моего охраненія, и что имъ велѣно строго наблюдать, чтобы никто не приходилъ ко мнѣ и не видался со мною въ теченіе недѣли.

По прошествіи этого срока, князь Голицынъ приказалъ позвать меня въ приказъ — обширное зданіе, состоящее изъ четырехъ огромныхъ корпусовъ и выстроенное княземъ Голицынымъ. Въ немъ находится нѣсколько палатъ, изъ которыхъ каждая предназначена для особаго совѣщанія. Совѣщанія эти до вступленія Голицына въ министерство происходили въ ригахъ. Я увидѣлъ министра, сидящаго со многими боярами по сторонамъ, въ концѣ большаго стола. Онъ велѣлъ подать мнѣ кресла, и когда я сѣлъ, переводчикъ спросилъ у меня по латыни о моихъ письмахъ. Я представилъ министру письма, посланныя со мною къ нему отъ литовскаго великаго канцлера, въ которыхъ онъ увѣдомлялъ его, что я посланъ въ Московію по дѣламъ его величества короля польскаго, вручившаго мнѣ особую гра-

мату къ царямъ. Министръ отвѣчалъ мнѣ, что переговоритъ съ царемъ Іоанномъ, который одинъ находится въ столицѣ, и надѣется, что мнѣ вскорѣ назначатъ аудіенцію. Потомъ, по обыкновенію, спросилъ онъ меня о здоровьѣ канцлера, не дерзая изъ почтенія спросить о здоровьѣ короля. Послѣ этого я всталъ, чтобы удалиться, министръ также всталъ, желая мнѣ вскорѣ удостоиться счастья видѣть царя. Черезъ нѣсколько дней потомъ я послалъ изъ вѣжливости попросить у него свиданія въ его домѣ, гдѣ и приняли меня не хуже, чѣмъ при дворѣ какого нибудь итальянскаго князя. Разговаривая со мною по латыни о дѣлахъ европейскихъ и спрашивая моего мнѣнія о войнѣ, начатой противъ Франціи императоромъ и союзными князьями, и особенно о революціи въ Англіи, министръ подчивалъ меня всякими сортами крѣпкихъ напитковъ и винъ, въ то-же время говоря мнѣ съ величайшею ласковостью, что я могу и не пить ихъ. Онъ обѣщалъ доставить мнѣ аудіенцію черезъ нѣсколько дней, и конечно исполнилъ-бы свое обѣщаніе, если-бы не впалъ въ немилость, каковое обстоятельство до такой степени измѣнило порядокъ вещей, что были пущены въ ходъ оружіе и огонь и если бы не смѣлое и счастливое вмѣшательство царя Петра, приказавшаго схватить главныхъ представителей партіи царевны Софіи, то разгорѣлся-бы бунтъ, подобный тѣмъ, о которыхъ мы уже упоминали.

Прошло времени недѣль шесть и будучи все еще въ невѣдѣніи относительно того, къ кому мнѣ отнестись, я рѣшился писать къ молодому Голицыну, любимцу царя Петра, изъявляя ему мое удивленіе, что мнѣ не даютъ никакого отвѣта касательно моей аудіенціи и граматъ, которыя долженъ я вручить.—Онъ извинялся, слагая вину на смятенія, бывшія въ послѣднее время, и увѣрилъ меня, что царь скоро пріѣдетъ въ столицу, что и случилось, дѣйствительно, 1-го ноября. Едва услышалъ я объ его прибытіи, какъ послалъ къ его любимцу просить аудіенціи. При посѣщеніи его онъ не бесѣдовалъ со мною такъ, какъ его родственникъ, но только угощалъ меня водкою и все время свиданія съ нимъ прошло въ питьѣ. Я могъ узнать при этомъ отъ него, этого пьяницы, только то, что аудіенцію дадутъ мнѣ черезъ три дня, послѣ чего могу я ѣхать, если мнѣ будетъ угодно. Но до истеченія назначеннаго срока и этотъ Голицынъ впалъ въ немилость, и я принужденъ былъ принять другія мѣры.

Должность думнаго дьяка (Dommith Diak), или государственнаго секретаря иностранныхъ дѣлъ была тогда временно отдана нѣкоему Емельяну (Emilian—Емельянъ Игнатьевичъ Украинцевъ); имя это значитъ по славянски когти, или лапу, и очень кстати было ему, ибо онъ прежадный до корысти и загребаетъ гдѣ только можетъ. Хотя онъ былъ одною изъ креатуръ великаго Голицына и всѣмъ своимъ счастьемъ былъ обязанъ ему, бывши первоначально простымъ писаремъ, но онъ первый однакожъ сталъ чернить своего благодѣтеля. Оскорбившись на меня за то, что я за разрѣшеніемъ мнѣ отъѣзда обратился не къ нему, а къ любимцу царя Пѣтра – Голицыну, Емельянъ, какъ только этотъ Голицынъ впалъ въ немилость, отказался исполнить приказаніе, данное ему насчетъ меня Голицынымъ отъ имени царя Петра, коимъ мнѣ предоставлено было либо дожидаться аудіенціи до Крещенія, либо уѣхать, слѣдуя приказанію короля польскаго, опасавшагося за послѣдствія этихъ смятеній. Емельянъ успѣлъ извернуться передъ царемъ, увѣривши его, что меня надобно задержать на нѣкоторое время, ибо король польскій прислалъ будто бы меня вести переговоры съ бывшимъ первымъ министромъ и увѣрить принцессу Софію и Голицына въ его покровительствѣ. Доказательствомъ своего мнѣнія онъ приводилъ то, что, вопреки обыкновенію, соблюдаемому въ Московіи, и противно обязанностямъ моего званія, я многократно бывалъ, какъ частный человѣкъ, у князя Голицына. Узнавши о хитростяхъ Емельяна, я рѣшился прибѣгнуть къ вѣрному средству, а именно: предложить ему подъ рукою сотню червонцевъ, и вмѣсто того, чтобы послать къ нему деньги, какъ уговорились съ нимъ, я рѣшился самъ поѣхать къ нему и заплатить ему взятку лично. Пріятель мой Артемоновичъ (Harthemonerrick—Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ), которому я разсказалъ о моемъ дѣлѣ, нарочно пришелъ къ Емельяну въ то время, въ которое онъ назначилъ принять меня, и я сурово объяснился съ Емельяномъ въ его присутствіи, ибо я успѣлъ уже ознакомиться съ характеромъ москвитянъ, незнакомыхъ съ правилами вѣжливости. Чтобы достигнуть какихъ-либо результатовъ, съ ними не должно обращаться учтиво и еще менѣе пускать въ ходъ просьбы, такъ какъ такое обращеніе вызываетъ съ ихъ стороны презрѣніе; напротивъ, для достиженія своей цѣли, слѣдуетъ говорить съ ними гордо и внушительно.

Я сказалъ, что въ лицѣ моемъ нарушены всѣ народныя права; что король весьма ошибся, когда посылалъ меня и увѣрилъ, что нынѣ москвитяне уже не варвары; я сказалъ, что мнѣ такъ тяжело быть у нихъ, что я готовъ купить за деньги разрѣшеніе уѣхать, но будучи посланникомъ великаго государя, сосѣда и союзника царскаго, мнѣ остается только сообщить ему, что мнѣ препятствуютъ исполнить его приказаніе, и, не испросивъ себѣ аудіенціи, возвратиться къ его двору.

Когда все это было сказано мною по латыни и Артемоновичъ перевелъ слова мои Емельяну, мы выпили нѣсколько чарокъ водки и вина за царское здоровье и я простился съ нимъ, приказавши одному изъ польскихъ дворянъ отдать обѣщанные сто червонцевъ, присовокупляя, что они предназначаются якобы для его секретаря. Емельянъ не осмѣлился принять эти деньги, вслѣдствіе чего я повсюду восхвалялъ его великодушіе, зная, что только этимъ путемъ я могу получить право уѣхать.

Между тѣмъ Петръ снова призвалъ ко двору (князя Бориса Алексѣевича) Голицына и я поспѣшилъ посѣтить его и вмѣстѣ съ нимъ порадоваться его возвращенію. Онъ сказалъ мнѣ, что весьма удивляется какимъ образомъ Емельянъ (Украинцевъ) могъ остановить мое дѣло, о которомъ уже было приказано до удаленія его, Голицына, отъ двора, что онъ будетъ жаловаться о томъ царю, который считалъ меня уже отбывшимъ, и что онъ беретъ на себя доставить мнѣ честь цѣловать царскую руку.

Черезъ два дня явились ко мнѣ два дворянина, царскіе спальники (de la chambre du Czar), что меня пріятно поразило. Впрочемъ, эти чиновники люди незначительные и живутъ небольшимъ жалованьемъ, получаемымъ отъ царя, ливровъ по 200 въ годъ. Послѣ обыкновеннаго обряда, состоящаго въ томъ, что они, осѣняя себя несмѣтное количество разъ крестнымъ знаменіемъ, молились передъ образомъ Богоматери, всегда находящимся въ углу каждой комнаты, они привѣтствовали меня отъ царскаго имени и спрашивали о моемъ здоровьѣ. Я отвѣтствовалъ чарками водки въ большомъ изобиліи. Послѣ чего они сказали мнѣ, что царю угодно видѣть меня, дать мнѣ подарки, заплатить мнѣ всѣ издержки со времени пріѣзда до отбытія моего и что онъ посылаетъ мнѣ свой царскій обѣдъ. Я отвѣчалъ, что донесу королю обо всѣхъ почестяхъ, какихъ меня удостоятъ, что я и

исполнилъ въ точности. Присланный ко мнѣ царскій обѣдъ состоялъ изъ огромнаго куска копченаго мяса, въ 40 фунтовъ вѣсомъ, многихъ рыбныхъ блюдъ, приготовленныхъ на орѣховомъ маслѣ, полъ свиной туши, непропеченныхъ пироговъ съ мясомъ, чеснокомъ и шафраномъ, и трехъ огромныхъ бутылей съ водкою, виномъ и медомъ; по исчисленію присланнаго можно понять, что обѣдъ былъ мнѣ важенъ какъ почесть, а не какъ угощеніе.

На другой день извѣстилъ меня одинъ дворянинъ, что на завтра назначена мнѣ аудіенція, но вмѣсто аудіенціи опять прислали сказать мнѣ, что цари уѣхали на богомолье и я не могу видѣть ихъ до возвращенія. Я отправился къ Голицыну и засталъ у него Артемоновича. Они спрашивали, какъ показался мнѣ царскій обѣдъ? Я отвѣчалъ, что къ несчастію французскіе повара до того испортили мой вкусъ, что я не могу оцѣнить русскихъ лакомыхъ блюдъ. Тутъ они выразили желаніе отвѣдать французскаго стола и я пригласилъ ихъ на слѣдующій день откушать у меня; они охотно согласились, съ условіемъ, что у меня будутъ только знакомые имъ люди, выборъ которыхъ я и предоставилъ имъ; они пригласили датскаго резидента и кое-кого изъ иностранныхъ купцовъ, къ которымъ они ходили пить, съ цѣлью сберечь свое вино.

Оба гостя мои были чрезвычайно довольны моимъ столомъ, такъ что послали даже нѣкоторыя изъ блюдъ къ своимъ женамъ, и безъ дальнихъ церемоній забрали съ собой всѣ сухіе фрукты, увѣряя, что въ жизнь свою не случалось имъ такъ хорошо пообѣдать, но чтобъ я не надѣялся на такое угощеніе у нихъ. Черезъ три дня потомъ Артемоновичъ пригласилъ меня къ себѣ и угостилъ довольно прилично. Наканунѣ начался у русскихъ постъ, а потому обѣдъ нашъ состоялъ изъ рыбы—доставляемой въ Москву въ садкахъ съ Волги и съ Каспійскаго моря. Желая почтить меня особенно, хозяинъ привелъ свою жену, которую мнѣ представилъ; я привѣтствовалъ ее на французскій ладъ, а она выпила за мое здоровье чарку водки и предложила мнѣ послѣднюю, приглашая сдѣлать то же самое. Кажется, она единственная женщина въ Московіи, которая не бѣлится и не румянится, будучи и безъ того довольно красива собою.

Князь Голицынъ хотѣлъ было также пировать съ нами, но

царь Петръ прислалъ за нимъ по утру, и мы удовольствовались тѣмъ, что только пили за его здоровье и здоровье другихъ, и погуляли безъ него до полуночи. Гости были тѣ же самые, что и у меня. Артемоновичъ человѣкъ молодой, но весьма уменъ, говоритъ хорошо по латыни, любитъ читать, слушаетъ съ удовольствіемъ разсказы объ Европѣ и питаетъ особое расположеніе къ иностранцамъ. Я совѣтовалъ ему учиться французскому языку, увѣряя его, что, будучи только двадцати двухъ лѣтъ отъ роду, онъ легко можетъ выучиться и тѣмъ удовлетворить свою страсть къ чтенію, такъ какъ всѣ лучшіе, древніе и новые писатели переведены на французскій языкъ. Онъ сынъ Артемона (Артамона Сергѣевича Матвѣева), литовскаго уроженца, а мать его была шотландка, латинскому языку выучился онъ у поляка, которому разрѣшено было ѣхать съ его отцемъ въ ссылку. Эта немилость постигла его при царѣ Өеодорѣ, у котораго Артемонъ былъ первымъ министромъ. Послѣ кончины этого государя они оба были возвращены, но Артемоновичъ испыталъ новое, ужасное несчастіе — видѣлъ, какъ въ глазахъ его былъ зарѣзанъ его отецъ, вскорѣ по возвращеніи изъ ссылки, во время бунта Хованскаго (Houvanki).

Цари возвратились съ богомолья, но три дня прошло, и я ничего не слыхалъ отъ нихъ, почему я и послалъ узнать у молодаго Голицына: чего должно мнѣ еще ожидать? Онъ отвѣчалъ, что въ совѣтѣ положено отсрочить мою аудіенцію до Крещенія, но я воленъ дожидаться сей чести или ѣхать, ибо все готово къ моему отбытію. Такая перемѣна чрезвычайно удивила меня, если-бы я не узналъ отъ датскаго комиссара, что Нарышкины считаютъ себя оскорбленными, почему я не посѣтилъ ихъ и досадуютъ на то, почему я угощалъ Голицына, который опять начиналъ приходить въ немилость у царя; потому, по ихъ интригамъ съ Емельяномъ, царь, на зло Голицыну, перемѣнилъ рѣшеніе, на которое склонилъ было его въ отношеніи меня его любимецъ. Съ радостью принялъ я разрѣшеніе уѣхать, тѣмъ болѣе, что всѣ порученія, для которыхъ я пріѣхалъ въ эту страну, были мною исполнены и меня мало занимала обѣщанная аудіенція, а еще менѣе того честь, которую думали мнѣ оказать, показавъ мнѣ царей. Къ тому-же, поступки этихъ варваровъ мнѣ опротивили и мнѣ было крайне непріятно быть не-

вольнымъ свидѣтелемъ всѣхъ смятеній и раздоровъ, имѣвшихъ тамъ мѣсто и заставившихъ меня сидѣть взаперти въ обществѣ одного только моего пристава. Правда, онъ былъ человѣкъ умный и пріятный собесѣдникъ и значительно сократилъ-бы мнѣ скуку моего одиночества, если-бы былъ откровеннѣе, и, какъ вполнѣ понятно, не былъ связанъ страхомъ, препятствовавшимъ ему сообщить мнѣ много любопытныхъ данныхъ касательно особенностей этого двора, такъ-таки и не дошедшихъ до меня и, къ сожалѣнію, не попавшихъ въ мой разсказъ. Черезъ него я извѣстилъ русскихъ министровъ о рѣшеніи моемъ уѣхать, и черезъ два дня, т. е. 16-го декабря, отправился въ обратный путь съ прежнею свитою и провожатыми.

20-го (декабря) утромъ, я прибылъ въ Смоленскъ, немедленно засвидѣтельствовалъ мое почтеніе палатину, который осыпалъ меня привѣтствіями, и отсюда продолжалъ путь мой съ прежними приставомъ, переводчикомъ и солдатами до Кадина, потомъ до Вильны и до Варшавы, куда прибылъ 3-го января 1690 года. Причина, почему я такъ скоро совершилъ мое путешествіе, была та, что зима есть лучшее время для ѣзды по Московіи, самой низкой странѣ изъ всей Европы, и потому весьма болотистой, такъ что иногда лѣтомъ едва можно въ день проѣхать четыре или пять льё; случается, что надобно бываетъ рубить лѣсъ и дѣлать гати черезъ болота и мосты черезъ небольшіе потоки; гати, намощенныя бревешками, простираются въ иныхъ мѣстахъ на 10, на 12 льё, и устроенныя плохо, часто бываютъ непроходимы. Зимою, напротивъ, ѣдете въ саняхъ, гдѣ можете спокойно лежать, какъ будто въ постели, и васъ вездѣ мчитъ лошадь по гладкому снѣгу. Обыкновенно ѣздятъ на собственныхъ лошадяхъ днемъ и ночью, часовъ по 16-ти въ сутки, легко проѣзжая нѣмецкую милю въ часъ.

Состояніе Московіи съ 1682 до 1687 г.

Царь Θеодоръ Алексѣевичъ, сынъ царя Алексѣя Михайловича (Alexis Sancuelimich), умеръ на 22-мъ году жизни, не оставивъ послѣ себя дѣтей. Царевичъ Іоаннъ и царевна Софія были его единоутробные братъ и сестра. Царевичъ Петръ, хотя младшій и отъ другой матери, сначала наслѣдовалъ ему, ибо старшій

братъ былъ неспособенъ къ правленію. Но вскорѣ затѣмъ Іоаннъ былъ также избранъ, объявленъ и коронованъ въ цари происками сестры своей Софіи, хотя онъ страдалъ падучею болѣзнью и подвергался ей ежемѣсячно, какъ и братъ его Θеодоръ, отъ нея даже и умершій. Софія простирала честолюбивые замыслы на правленіе царствомъ, хорошо предвидя, что можетъ сдѣлаться самовластною повелительницею великаго государства, по причинѣ слабоумія Іоанна и малолѣтства Петра, коимъ предоставится при ней только титулъ царей, ей-же достанется вся власть. Опасаясь, что противниками ея замысловъ могутъ сдѣлаться придворные и знатные люди, въ частности изъ разсчетовъ личнаго честолюбія, вообще-же изъ нежеланія видѣть во главѣ правленія женщину, Софія, при посредствѣ Хованскаго, котораго она склонила на свою сторону, стала возбуждать стрѣльцовъ,—родъ милиціи, подобной турецкимъ янычарамъ. Подъ предлогомъ мщенія за смерть Θеодора, который былъ будто-бы отравленъ, стрѣльцы произвели такое кровопролитіе между знатными, что если-бы Софія, видя бунтовщиковъ, зашедшихъ слишкомъ далеко, не вышла къ нимъ изъ царскихъ палатъ, то они продолжали-бы рѣзню виновныхъ и невинныхъ, присваивая себѣ ихъ имущество. Бояре, или сенаторы, и патріархъ съ своей стороны спѣшили остановить кровопролитіе, и когда жаръ мятежа нѣсколько утихъ, царевичъ Петръ Алексѣевичъ былъ ими коронованъ царемъ ко всеобщей радости русскихъ.

Петръ очень красивъ и строенъ собою, и острота ума его даетъ большія надежды на славное царствованіе, если только будутъ руководить имъ умные совѣтники. Принцесса Софія не очень была довольна его избраніемъ, ибо она предпочитала видѣть корону на головѣ Іоанна Алексѣевича, брата единоутробнаго и единокровнаго, который былъ-бы царемъ однимъ, безъ сотоварища, причемъ ей по праву принадлежало-бы регентство.

Честолюбіе не допустило царевну скрывать долго свое неудовольствіе; она публично противилась коронованію Петра, утверждая, что этимъ наносятъ оскорбленіе его старшему брату. Бояре и патріархъ представляли ей неспособность Іоанна, принца больнаго, слѣпаго и на половину парализованнаго. Для достиженія своей цѣли, Софія рѣшилась снова возмутить стрѣльцовъ, коихъ всегда 18,000, раздѣленныхъ на 28 полковъ, находятся

въ Москвѣ для охраненія царей. Бояринъ Хованскій, начальникъ приказа этихъ воиновъ, сдѣлавшись приверженцемъ Софіи, посредствомъ возмущенія столь огромнаго числа войскъ, легко заставилъ провозгласить и короновать при Петрѣ Іоанна, и даже старшимъ царемъ, опредѣливъ ему царствовать вмѣстѣ съ Петромъ. Потомъ тѣмъ-же самымъ средствомъ, такъ какъ оба царя были несовершеннолѣтніе, Софія захватила правленіе въ свои руки. Можно было послѣ этого надѣяться, что всѣ смятенія кончились и что все останется уже въ совершенномъ спокойствіи. Но тогда снова возникъ заговоръ среди милиціи, составленной частью изъ стрѣльцовъ, частью изъ гражданъ этого города, большинство которыхъ очень богатые купцы, охотно зачисляющіеся въ ряды и считающіе весьма лестнымъ для себя числиться на службѣ. Для случая, когда всѣмъ надлежитъ быть въ караулѣ, имъ выдаютъ одежду, которую необходимо возвратить въ ея первоначальномъ видѣ; въ противномъ случаѣ они получаютъ столько ударовъ палкою, сколько на платьѣ оказывается пятенъ, ибо одежды эти всегда остаются въ Москвѣ, исключая тѣхъ, которыя выдаются стрѣльцамъ, слѣдующимъ въ походахъ верхомъ за царемъ; гражданамъ-же разрѣшено, ежели наступаетъ ихъ очередь, замѣщать себя въ такихъ случаяхъ слугами. Обыкновенно, чтобы избѣгнуть палочныхъ ударовъ, они покупаютъ новыя платья, такъ что послѣднія обрѣтаются всегда въ чистомъ видѣ.

Получивъ извѣстіе о началѣ новаго бунта и не зная еще причины его, но подозрѣвая великую опасность, дворъ тайнымъ образомъ удалился изъ Москвы въ Троицкій монастырь, находящійся въ 12-ти нѣмецкихъ миляхъ отъ столицы. Черезъ нѣсколько дней, по удаленіи двора, милиція возмутилась снова и отсутствіе двора увеличило смятеніе и безпорядокъ. Бояринъ Хованскій допустилъ стрѣльцовъ грабить и убивать всѣхъ людей противной ему партіи, подъ предлогомъ, будто они участвовали въ погубленіи царя Θеодора. Главный врачъ покойнаго царя, обвиненный въ отравленіи его, былъ изрубленъ стрѣльцами въ куски, а великій канцлеръ-временщикъ Долгорукій (Urrenimik Delgorouka) и сынъ его были умерщвлены. Словомъ, буйство и свирѣпость были таковы, что непріятно даже объ нихъ разсказывать. Софія, слыша, что̀ происходитъ въ Москвѣ и полагая,

что все это дѣлается ради нея, послала благодарить Хованскаго за его усердіе въ отмщеніи за смерть ея брата, увѣряя, что весьма ему за то обязана. Она принуждена была употребить такую хитрость, такъ какъ надобно было обольстить безумца, который былъ страшенъ съ оружіемъ въ рукахъ. Но ласковость царевны имѣла послѣдствія, какихъ она вовсе не ожидала: Хованскій подумалъ, что послѣ всего сдѣланнаго имъ для Софіи и послѣ изъявленій ея дружбы и благодарности, онъ можетъ надѣяться достигнуть многаго, и даже царскаго престола. Дѣло казалось ему весьма легкимъ и сбыточнымъ, такъ какъ онъ видѣлъ, что, допустивъ убійство между знатнѣйшимъ дворянствомъ, имѣвшимъ власть и силу и слѣдственно заступавшимъ ему дорогу, онъ получилъ за это похвалу и даже благодарность; потому, заключалъ онъ не безъ основанія, милиція всегда будетъ ему преданною, такъ какъ онъ разрѣшилъ ей всякія злодѣйства и грабежи и никто изъ подчиненныхъ его не откажется быть слѣпо согласнымъ на то, что ему угодно,—одни изъ благодарности, другіе изъ надежды наживы и возвышенія во время смятеній. Онъ особенно старался распространить между стрѣльцами нелюбовь къ царямъ—Іоанну по причинѣ его болѣзней и неспособности,—Петру по его малолѣтству, и потому что по всѣмъ признакамъ онъ будто-бы подверженъ той же болѣзни, какою страдалъ братъ его Θеодоръ, и, слѣдовательно, нельзя было надѣятся видѣть въ немъ государя достойнаго и умѣющаго награждать заслуги. Рѣшившись возвыситься насколько возможно, Хованскій думалъ, что онъ съ бо́льшимъ правомъ и приличіемъ достигнетъ своей цѣли, если только ему удастся вступить въ родство съ царскимъ семействомъ, каковое обстоятельство легко скрыло-бы его замыслы, придавая совершенно другое освѣщеніе исполненію ихъ. Онъ предположилъ женить сына своего на царевнѣ Екатеринѣ, младшей сестрѣ Софіи. Дерзость его предложенія не имѣла однако предполагаемаго успѣха и оскорбила дворъ царскій. Понявъ, что такой союзъ грозитъ безопасности молодыхъ царей, Софія сама нашла средство предупредить событіе, послѣдствія котораго могли оказаться пагубными для Россійскаго государства; она справедливо разсудила, что честолюбіе Хованскаго гораздо опаснѣе для ея власти, нежели всѣ тѣ люди, которые были имъ убиты и потому первая порѣшила отдѣлаться отъ него и наказать его

за всѣ тѣ злодѣйства, бóльшая часть которыхъ совершилась съ ея согласія.

Въ Московіи есть обычай торжественно праздновать имянины въ царскомъ семействѣ. Принцъ или принцесса, чьи бываютъ имянины, приглашаютъ вельможъ на пиръ и привѣтствуются знатнѣйшимъ дворянствомъ. Дворъ назначилъ праздновать день св. Екатерины—день ангела принцессы, предназначенной Хованскимъ сыну своему—въ Троицкомъ монастырѣ и Софія пригласила на праздникъ всѣхъ бояръ, но особенно просила она пріѣхать Хованскаго, продолжавшаго свирѣпствовать въ Москвѣ; дѣлая видъ, что одобряетъ его безчинства, она приняла между тѣмъ мѣры, чтобы избавиться и отъ этого претендента на престолъ. Бояринъ кн. В. В. Голицынъ, о которомъ будемъ еще имѣть случай говорить, посовѣтовалъ дѣйствовать, не теряя времени, и дѣйствительно 200 конныхъ воиновъ, находившихся въ засадѣ на Троицкой дорогѣ, схватили Хованскаго, свели его въ ближайшій домъ, прочли ему и сыну его смертный приговоръ и отрубили имъ головы. Стрѣльцы были поражены извѣстіемъ о смерти ихъ начальника, какъ будто громовымъ ударомъ, но едва прошло первое изумленіе, какъ они перешли въ величайшую ярость, вопія, что они потеряли отца своего и хотятъ страшно отомстить за него губителямъ, кто бы они ни были. Они захватили арсеналъ и военные снаряды и грозили всеобщимъ разрушеніемъ. Дворъ, извѣщенный объ опасности, грозившей государству, призвалъ всѣ другія войска, всегда ненавидѣвшія стрѣльцовъ, и приказалъ нѣмецкимъ офицерамъ, бывшимъ въ полкахъ въ большомъ количествѣ, безъ замедленія явиться въ Троицкую обитель. Всѣ они повиновались приказу, оставивъ въ Москвѣ своихъ женъ и дѣтей, и никого изъ нихъ не остановило опасеніе, что стрѣльцы могутъ на ихъ семействахъ сорвать свою злобу за повиновеніе ихъ царямъ. Такого рода опасенія были бы и не безъ основательны Нѣмцы обитали предмѣстье Москвы, называемое Кокуй (Kakouvi) и стрѣльцы порѣшили было направиться туда съ цѣлью сокрушить все и вся.—Но благоразумнѣйшіе изъ стрѣльцовъ уговорили остальныхъ, представляя имъ, что мужья и отцы будутъ мстить за женъ и дѣтей своихъ, когда придутъ съ царскими войсками, и что тогда нельзя уже будетъ ожидать никакой пощады и найти средства къ примиренію. Принявъ все это въ соображеніе

стрѣльцы, боясь послѣдствій, рѣшились пощадить предмѣстіе и, оказавшись безъ начальника, стали искать средства къ примиренію, на что дворъ охотно согласился, ибо, сказать правду, онъ только этого и желалъ. Дѣло кончилось умерщвленіемъ нѣсколькихъ стрѣлецкихъ полковниковъ и офицеровъ и посылкою ко двору старшинъ съ просьбою о прощеніи. Они получили его безъ большихъ затрудненій, и вскорѣ потомъ цари прибыли въ Москву съ дворянами и иностранными офицерами. Стрѣльцы встрѣтили царей, кланяясь въ землю и моля о помилованіи. Цари сдѣлали знакъ рукою, что все ими позабыто, и раскаявшіеся бунтовщики препроводили своихъ государей во дворецъ со слезами радости, видя ихъ возвратившимися въ столицу весьма милостивыми.

Въ тотъ-же день князь Василій Васильевичъ былъ возведенъ въ званіе великаго канцлера и временщика (Wrenimieuk ou de Ministre d'Etat temporel), или временнаго государственнаго министра, т. е. правителя государства на извѣстное время. Этотъ князь Голицынъ, безспорно, одинъ изъ искуснѣйшихъ людей, какіе когда-либо были въ Московіи, которую онъ хотѣлъ поднять до уровня остальныхъ державъ. Онъ хорошо говоритъ по латыни и весьма любитъ бесѣду съ иностранцами, не заставляя ихъ пить, да и самъ онъ не пьетъ водки, а находитъ удовольствіе только въ бесѣдѣ. Не уважая знатныхъ людей, по причинѣ ихъ невѣжества, онъ чтитъ только достоинства, и осыпаетъ милостями только тѣхъ, кого считаетъ заслуживающими ихъ и преданными себѣ. Канцлеръ началъ свое управленіе строгимъ слѣдствіемъ надъ виновными стрѣльцами, казнилъ главныхъ зачинщиковъ бунта и сослалъ другихъ. Изъ этихъ сосланныхъ были составлены четыре полка и посланы: одинъ въ Бѣлгородъ, находящійся на границѣ съ Татаріей, другой въ Симбирскъ (Sibirka) на Волгѣ, въ царствѣ Казанскомъ, третій въ Курскъ, въ Украйну, а четвертый въ Сѣвскъ (Sueska), находящійся въ той же самой области.

Окончивши это важное дѣло, князь Голицынъ взялъ себѣ мѣста, которыя оказались свободными вслѣдствіе гибели многихъ во время смутъ, и между прочимъ мѣсто начальника иноземнаго приказа, т. е. управленія войсками, устроенными на иностранный манеръ какъ-то солдатами, кавалерійскими и драгунскими полками (... de Precasinoy Zemeské, c'est à dire de directeur du Bureau où est gardé l'état des troupes sur le pied étranger...). Управ-

леніе это всегда находилось у боярина сенатора приказа Бѣлорусскаго или управленія Бѣлою Россіей, въ которомъ обыкновенно рѣшались дѣла казаковъ и украины.—Далѣе онъ назначилъ Шакловитаго главнымъ судьей надъ стрѣльцами; послѣдній достигъ такого небывалаго счастья, будучи простымъ дьякомъ; въ настоящее время онъ окольничій (à Kalnik)—званіе, ближайшее къ боярину сенатору. Своему двоюродному брату кн. Голицынъ отдалъ приказъ Казанскій, или управленіе дѣлъ по Казани, Астрахани и Черкасіи, а думному дьяку Емельяну Украинцеву—Малороссійскій приказъ или управленіе городовъ, расположенныхъ по Дону (Moraseuski Prekaz).

Казну или царскую сокровищницу онъ отдалъ окольничему Толочанову, начальнику Дворцоваго приказа, т. е. палаты коронныхъ доходовъ. (Il donna le Cassina, où le grand tresor à l'Akalnik Talakorou dans le Duvoski Prekaz, autrement Chambre des Domaines de la maison Czarienne) [1]).

Однимъ словомъ, всѣ управленія, бывшія до сихъ поръ въ рукахъ у бояръ сенаторовъ, которые въ состояніи были препятствовать временщику или временному первому министру, какъ они говорятъ, въ его предпріятіяхъ, были замѣнены людьми простыми, такъ какъ кн. Голицынъ желалъ имѣть подчиненныхъ, а не товарищей.

Такое самовластіе возбудило противъ Голицына великую ненависть знатныхъ людей, когда они увидѣли себя лишенными преимуществъ и принужденными раболѣпствовать передъ нимъ, чего не бывало при его предшественникахъ. Но они ничего не могли ему сдѣлать, и Голицынъ повелѣвалъ всѣмъ государствомъ, такъ, какъ ему казалось лучше и выгоднѣе. Онъ заключилъ миръ съ Швеціей, посланники которой, находясь тогда въ Москвѣ, были удовлетворены во всѣхъ своихъ требованіяхъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ по заключеніи договора съ Швеціей, имперскіе и Польша начали войну противъ Турціи. Первые хотѣли

---

[1]) Въ переводѣ „Русскаго Вѣстника" имена эти остались не прочтенными. Погодинъ читаетъ Talakorou — Троекуровъ. — Нельзя-ли подъ Cassina понять Казну, т. е. Казенный, дворъ, подъ Duvoski Prekaz—Дворцовый судный приказъ? Talakorou, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ читать не Троекуровъ, который былъ княземъ, а окольничій Толочановъ, одинъ изъ приближенныхъ Голицына. **А. Б.**

увлечь въ союзъ съ ними москвитянъ, но посольство ничего не могло успѣть. Польша воспользовалась этимъ случаемъ для того, чтобы предложить полный миръ и склонить москвитянъ на свою сторону. Для этого было послано въ Москву посольство, въ которое вошли три коронные и три литовскіе чиновника; со стороны коронной — палатинъ познанскій, Гримультовскій и графы Пріемскій и Потоцкій, со стороны литовской—великій канцлеръ и его племянникъ Огинскіе и графъ Сапѣга; послѣдній остался въ Польшѣ за смертью брата, а пятеро товарищей его благополучно прибыли въ Москву. Послѣ многихъ конференцій, и даже получивши уже за несогласhеніемъ свою отпускную аудіенцію, послы успѣли поладить: поляки отказались отъ своихъ притязаній на Украйну, или казацкія земли, на герцогство Смоленское, и на другія области, завоеванныя москвитянами, а цари обязались за то напасть на перекопскихъ татаръ и препятствовать вторженіямъ ихъ въ Польшу. Въ честь соглашенія сторонъ устроены были торжественныя празднества; пословъ угощали и сами цари предлагали имъ пить, касаясь руками чаши, которою одинъ изъ знатныхъ бояръ обносилъ гостей, честь, никогда не выпадавшая на долю пословъ.

Послѣ того москвитяне отправили своихъ пословъ ко всѣмъ христіанскимъ государямъ, возбуждая ихъ къ союзу противъ турокъ. Бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ (Boris Pietreuvick Cheremitau) посланъ былъ въ Польшу и оттуда проѣхалъ въ Вѣну, откуда вся Европа узнаетъ о политическихъ договорахъ. Князь Яковъ Θеодоровичъ Долгорукій (Le Kenas Jacob Seudrewick Dolgoroka Espalenick), спальникъ или чиновникъ царской опочивальни, посланъ былъ во Францію и въ Испанію. Онъ происходитъ отъ одного изъ древнѣйшихъ знатныхъ родовъ московитскихъ. Онъ былъ изумленъ величіемъ двора его христіаннѣйшаго величества, и объявилъ по пріѣздѣ, что если цари въ лицѣ его и были оскорблены во Франціи, тѣмъ не менѣе ему понравился французскій дворъ болѣе, нежели испанскій, хотя тамъ принимали его гораздо лучше. Племянникъ его, котораго оставлялъ онъ во Франціи учиться французскому языку, есть единственный москвитянинъ, говорящій по французски (во всей этой странѣ всего четверо такихъ, которые могутъ говорить по латыни, учившись сему языку у польскихъ наставниковъ). Однимъ

словомъ, къ каждому государю въ Европѣ были тогда отправлены послы московскіе. Между тѣмъ, все было приготовлено къ походу въ 1687 году и положено вступить въ Крымъ.

Выборъ полководца длился нѣсколько времени. Князь Голицынъ назначалъ многихъ на эту должность, но всѣ говорили, что если онъ заключилъ миръ и союзъ съ Польшею, то онъ долженъ взять на себя и труды похода, чтобы доказать такимъ образомъ, что завоеваніе Перекопа было дѣйствительно такъ легко, какъ онъ представлялъ его себѣ. Голицынъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы отклонить отъ себя эту должность, такъ какъ онъ справедливо предполагалъ, что трудностей будетъ ему весьма много и что вся отвѣтственность за неудачу падетъ на него, какія-бы мѣры предусмотрительности и предосторожности онъ ни предпринялъ, и что ему трудно будетъ сохранить свою славу, если походъ будетъ неудаченъ. Войско, ввѣряемое ему, было, правда, очень велико числомъ, но его составляли толпы грубыхъ, безпорядочныхъ крестьянъ, не закаленныхъ въ битвахъ, съ которыми онъ не могъ ни начать, ни совершить съ честью никакого важнаго военнаго предпріятія. Бывши болѣе великимъ государственнымъ мужемъ, нежели полководцемъ, онъ предвидѣлъ, что отсутствіе его изъ Москвы причинитъ ему болѣе вреда, нежели принесло бы славы самое завоеваніе Крыма, такъ какъ оно не поставило бы его выше, званіе же начальника войскъ рѣшительно ничего не прибавляло къ его могуществу. Онъ очень хорошо понималъ, что люди, болѣе всѣхъ настоявшіе на врученіи ему этой должности, дѣйствовали только по зависти, съ намѣреніемъ погубить его, хотя по внѣшности казалось, что титуломъ генералиссимуса ему оказывали великій почетъ.

Вельможи, утвердившіе назначеніе Голицына, были именно тѣ, которые не соглашались на союзъ съ Польшею, такъ какъ они очень хорошо понимали, какъ трудно будетъ вторженіе въ Крымъ, и старались удалить Голицына изъ Москвы, потому что въ отсутствіе его надѣялись ослабить его уже слишкомъ большую власть. Большинствомъ голосовъ Голицынъ назначенъ былъ полководцемъ къ его великому неудовольствію и онъ долженъ былъ принять на себя честь руководить походомъ. Подробности послѣдняго были слѣдующія.

Походъ москвитянъ на Крымъ

съ 1687-го по 1689 годъ.

Послѣ многихъ и зрѣлыхъ преній въ военномъ совѣтѣ, опредѣлили послать многочисленное войско въ малую Татарію и выбрали князя Голицына большимъ воеводою, или генералиссимусомъ; бояриина Алексѣя Семеновича Шеина (Alexis Simonevich Chein), воеводу Новгородскаго, генераломъ казанскихъ войскъ; думнаго дворянина Ивана Юрьевича Левонтьева воеводою ертаульнымъ (le Domini d'Uvoranin Jrran Georharrich Lerrenteteau Woiwode Dartaolski), т. е. генераломъ небольшаго числа казаковъ и другихъ легко вооруженныхъ войскъ, которыя всегда идутъ впереди арміи и которыя, собственно говоря, могутъ быть названы пропащими головами. Окольничій Леонтій Романовичъ Неплюевъ, воевода Сѣвскій (l'Akalnik Levanti Romanorrick ne Pleuvan Woiwode de Serene), назначенъ начальникомъ сѣвскихъ войскъ, а князь Михаилъ Андреевичъ Голицынъ, воевода Бѣлгородскій, — бѣлгородскихъ войскъ. Онъ былъ двоюродный братъ великому Голицыну, и такъ любилъ иностранцевъ, что когда отправился въ ввѣренную ему область, то взялъ многихъ съ собою, и между прочимъ француза, который обучалъ его французскому языку. Когда всѣ войска Бѣлой Руси были снабжены начальниками, а казаки гетманомъ, то приступлено было къ совѣщаніямъ относительно военныхъ припасовъ, провіанта и средствъ къ ихъ доставкѣ. Всѣ подданные царей должны были заплатить по рублю съ двора, а такъ какъ цѣна рубля равняется пяти французскимъ ливрамъ, то можно себѣ представить, какая большая сумма была тогда собрана.

Князь Голицынъ испросилъ, чтобы сынъ его былъ опредѣленъ товарищемъ его по должности канцлера, и согласіе царевны было новымъ знакомъ уваженія ея къ нему.

Общее мѣсто сбора войскъ назначено было въ Украйнѣ землѣ казаковъ, независимыхъ отъ гетмана и управляемыхъ своими полковниками. Войска московскія собрались въ Артекѣ, новгородскія въ Оскѣ, казанскія въ Руплоскѣ, сѣвскія въ Красномъ Куту, а бѣлгородскія, которыя должны были находиться на границахъ, въ Бѣлгородѣ. (L'Armée de Moscou fut portée à

Arteek, celle de Nowgorod à Auski, celle de Cazan à Rouplauski, celle de Serau à Krastenakoust) [1]). Гетманъ собралъ свои войска въ Гадячѣ (Galitch) и такъ какъ всѣмъ отрядамъ велѣно было явиться на сборныя мѣста къ 1-му марта, то всю зиму 1686 года продолжалось движенiе войскъ; 1-го мая отряды соединились и составили ополченiе въ 300,000 пѣхоты и 100,000 конницы, образовавъ лагерь за рѣкою Мерло. Черезъ нѣсколько дней вслѣдъ за тѣмъ начался походъ на Полтаву,—городъ, принадлежащiй гетману.

Дойдя до Скарсина (?) на рѣкѣ Авитѣ (?), ожидали нѣкоторое время образа Богоматери (Scarsin, Avit), который легковѣрнымъ москвитянамъ казался чудотворнымъ и о которомъ одинъ инокъ передалъ начальникамъ войска свое видѣнiе, возвѣстившее ему, что безъ помощи сего образа походъ на Крымъ будетъ безуспѣшенъ и что необходимо привезти образъ въ армiю. Снисходительность начальниковъ и суевѣрiе солдатъ, которому смосквитяне преданы болѣе всѣхъ другихъ народовъ, совершенно напрасно задержали дальнѣйшее движенiе армiи въ теченiи двухъ недѣль. Встрѣтивъ съ должными обрядностями чудотворную икону, продолжали походъ. 15-го iюня достигли рѣки Самары, которая, какъ и всѣ вышеупомянутыя рѣки, впадаетъ въ Днѣпръ. Тутъ устроили мосты, по которымъ и перешла вся армiя. 20-го iюня оставили Самару, имѣя Днѣпръ направо, и остановились на Татаркѣ, отъ Татарки шли до рѣки Московки, потомъ до Каменки, Конскихъ Водъ и Карачакрака (Mouscau-rzeka—Московка, Kouskiourda — Конскiя Воды, Kerachekesa — Карачакракъ) [2]). Отсюда войско не могло идти далѣе, по причинѣ засухи, которая была такъ велика, что, по собраннымъ извѣстiямъ, всѣ поля и луга выгорѣли на 50 миль кругомъ и невозможно было никоимъ образомъ достать фуража. Изумленный такимъ неожиданнымъ собы-

---

[1]) Невилль очевидно перепуталъ слышанныя имъ отъ польскихъ пословъ названiя мѣстъ. Въ самомъ подробномъ описанiи похода (въ Дневникѣ Гордона) встрѣчаются названiя рѣкъ Орчикъ (Arteek ?) и Рубловка (Rouplauski ?) какъ мѣста остановокъ войска во время похода. Собраться-же выступившiя войска должны были, какъ намъ извѣстно, въ Ахтыркѣ, Сумахъ, Хотмыжскѣ и Красномъ Куту.

[2]) Всѣ эти названiя извѣстны намъ изъ Дневника Гордона.

А. Б.

тіемъ, главнокомандующій, перемѣнилъ намѣреніе, и вмѣсто нападенія съ своимъ полумилльоннымъ войскомъ на хана, рѣшился на поспѣшное отступленіе. Онъ обратился къ Карачакраку и остановился на берегу Днѣпра, чтобы собрать фуражъ, сохраненный отъ огня и засухи разливомъ этой рѣки, и чтобы облегчить себѣ возвращеніе. Справедливо можно было предположить, что татары нападутъ на войско, которое хотя и сильно было само по себѣ, но чрезвычайно затруднялось огромнымъ обозомъ. Я слышалъ отъ нѣмецкаго офицера, что обозъ москвитянъ состоялъ изъ милльона лошадей, что хотя покажется невѣроятно, но тѣмъ не менѣе очень правдоподобно, такъ какъ польская армія въ 24,000 человѣкъ, посланная въ 1686 году къ Черному морю, вела за собою около 45,000 телѣгъ. Понятно, что множество людей и лошадей должно было погибнуть у москвитянъ вслѣдствіе сильныхъ жаровъ и недостатка фуража. Многіе умерли или сдѣлались неспособными къ битвамъ отъ кроваваго поноса, недостатка пищи и худаго качества ея, такъ какъ по причинѣ поста, справляемаго въ августѣ, солдаты московскіе принуждены были питаться соленою, полусгнившею рыбою.

Отрядъ изъ 30,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Леонтія Романовича Неплюева, начальника сѣвскихъ войскъ, отправленъ былъ къ Запорожью, съ цѣлью заставить татаръ думать, что кромѣ этого отряда другаго войска не было. Сынъ гетмана Ивана Самойловича (Iwan Samuelewich) былъ также посланъ съ отрядомъ казаковъ. Остатокъ арміи перешелъ къ рѣкѣ Самарѣ, гдѣ Голицынъ, осмотрѣвъ мѣстоположеніе, рѣшился построить городъ, дабы держать изъ него въ повиновеніи казаковъ и стеречь татаръ, хотя послѣдніе и вторгаются въ Московію съ разныхъ сторонъ. Въ слѣдующемъ году этотъ городъ былъ уже готовъ, какъ разскажу я впослѣдствіи.

Отъ рѣки Самары войско двинулось къ рѣкѣ Мерло, гдѣ ожидали повелѣній изъ Москвы о томъ, должно-ли распустить войско. Здѣсь Голицынъ, чтобы отстранить при дворѣ нареканіе о маломъ успѣхѣ похода, рѣшился свалить всю вину въ неудачѣ на гетмана Ивана Самойловича. Хотя гетманъ былъ весьма силенъ, начальствуя всею Украйною, которая возмутилась нѣкогда въ царствованіе Владислава противъ Польши, и хотя онъ всегда могъ выставить въ поле 100,000 своего казацкаго войска, но Голицынъ, имѣя на

своей сторонѣ царевну, рѣшился погубить его. Онъ писалъ ко двору, обвиняя гетмана и утверждая, что онъ былъ причиною всего происшедшаго въ походѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ позволенія низложить его и избрать на его мѣсто другаго. Когда приказъ объ этомъ былъ полученъ, Голицынъ приказалъ немедленно тѣмъ самымъ стрѣльцамъ, которые были, по желанію гетмана, приставлены къ нему для охраненія его, ибо онъ не довѣрялъ казакамъ, захватить его въ полночь. Ивана Самойловича привели, связаннаго веревками, на то мѣсто, гдѣ находилось московское войско, и которое всегда учреждается въ русскихъ арміяхъ при главной квартирѣ и называется шатеръ, т. е. палатка правосудія. Туда утромъ созвалъ Голицынъ всѣхъ своихъ офицеровъ и дворянъ. Генералы бояре заняли свои мѣста и гетманъ былъ представленъ передъ ними. Прежде всего прочитанъ былъ царскій указъ. Затѣмъ гетмана свели съ главными казаками, которые, будучи подкуплены, стали обвинять его въ сношеніяхъ съ ханомъ и въ приказаніи тайно жечь траву на степяхъ. Бѣдный казацкій начальникъ увидѣлъ судьбу свою мгновенно совершенно перемѣнившеюся: вмѣсто вельможнаго, т. е. „всемогущаго“, онъ услышалъ названіе „скурвый сынъ“, и раболѣпные дотолѣ подчиненные ему казаки забыли всякое уваженіе. Одинъ изъ ихъ полковниковъ, по имени Димитруки (Dimitruki—Дмитрашка Райча), обнажилъ даже саблю и хотѣлъ убить его. Но Голицынъ остановилъ кровопролитіе, сказавъ, что гетманъ приведенъ былъ для того, чтобы судить его по формѣ, а не для убіенія. По окончаніи этого военнаго суда, гетманъ задержанъ былъ подъ крѣпкою стражею, и къ Леонтію Романовичу Неплюеву посланъ былъ курьеръ съ приказаніемъ захватить гетманова сына, который былъ отдѣленъ отъ своего отца. Нѣсколько вѣрныхъ казаковъ постарались предупредить этотъ приказъ, желая спасти несчастнаго. Неплюеву не легко было послѣ этого достать гетманскаго сына, который удалился отъ него съ своими войсками какъ можно дальше. Хотя главные казаки соглашались съ полученнымъ приказомъ и готовы были выдать своего начальника, точно также какъ и компанейщики, или конные казаки, но сердюки, или казацкая пѣхота, окружили его палатку и не позволяли взять своего начальника; наконецъ, ихъ уговорили и съ общаго согласія сынъ гетмана былъ отданъ въ руки Неплюева, который

гордился своею добычею, радуясь, что можетъ, благодаря этому, возстановить къ себѣ довѣріе, потерянное послѣ неудачной схватки съ Нурадиномъ султаномъ у Камистана на Днѣпрѣ. Съ торжествомъ отправился онъ съ своимъ плѣнникомъ въ главную армію.

Доставши въ свои руки сына гетманскаго, бояре-генералы разсуждали о томъ, какъ разжаловать отца и какъ избрать на мѣсто его новаго гетмана. Самойловичъ былъ посланъ въ Сибирь, а казаки, созванные для выборовъ, избрали Мазепу, писаря, или своего государственнаго секретаря, и съ радостью провозгласили его гетманомъ. Этотъ князь некрасивъ собою, но человѣкъ весьма свѣдущій и говоритъ по-латыни превосходно. Онъ родомъ казакъ и былъ пажемъ у короля Казиміра, а затѣмъ офицеромъ въ его гвардіи, и поэтому очень привязанъ къ полякамъ.

Князь Голицынъ одобрилъ выборъ казаковъ, но бо́льшая часть ихъ, которую не призывали на выборъ, изъявила несогласіе. Нѣкоторые казацкіе города возмутились и дома нѣкоторыхъ полковниковъ были разграблены въ ихъ отсутствіи. Новый гетманъ, желая прекратить безпорядки, просилъ войска у Голицына, который и далъ ему 3,000 человѣкъ изъ смоленскихъ полковъ и 1,000 конныхъ, для того, чтобы они проводили его до Батурина, обычной резиденціи гетмана.

Приказъ распустить войско полученъ былъ вскорѣ послѣ этого съ грамотою ихъ царскихъ величествъ, которая прочитана была передъ всѣми офицерами и имъ особенно была пріятна, ибо они услышали въ ней похвалы за свою службу. Каждый генералъ получилъ золотую медаль съ изображеніемъ обоихъ царей съ одной и царевны съ другой стороны для ношенія на золотой цѣпи, изъ которыхъ каждую съ медалью цѣнили въ десять червонцевъ; каждый полковникъ получилъ по медали, но безъ цѣпи, цѣною въ червонецъ; каждый подполковникъ и маіоръ медали въ полчервонца и каждый солдатъ и стрѣлецъ золотую копѣйку въ 25 су цѣною (серебряная московская копѣйка стоитъ одинъ су). Посредствомъ этихъ наградъ, испрошенныхъ Голицынымъ у царей или, лучше сказать, у царевны, въ пользу арміи, онъ надѣялся укротить ропотъ, начавшійся противъ него въ войскахъ, въ чѣмъ и успѣлъ совершенно. Онъ возвратилъ также себѣ и привязанность глав-

нѣйшихъ знатныхъ, отдавши имъ разныя должности и заплативши имъ издержки похода, такъ что, когда онъ прибылъ въ Москву, то уже никто не возставалъ противъ него. Царевною онъ встрѣченъ былъ со всѣми знаками милости и принялъ вновь правленіе дѣлами государства съ большимъ противъ прежняго самовластіемъ.

Первое предложеніе, сдѣланное Голицынымъ въ совѣтѣ, было относительно пользы, которую должна принести постройка города на берегу рѣки Самары, гдѣ могли быть собраны запасы всякаго рода. Предложеніе было одобрено и окольничій Леонтій Романовичъ Неплюевъ былъ отряженъ съ 30,000 человѣкъ съ приказомъ построить городъ. Гетманъ съ своими войсками долженъ былъ слѣдовать за нимъ, а планъ крѣпости составилъ голландскій инженеръ, полковникъ Вазаль. Посланныя войска собрались въ Нискѣ (Niski—Рыльскъ (?)) и въ послѣдній день мая были на Самарѣ. Въ одинъ мѣсяцъ городъ былъ конченъ, такъ какъ онъ состоитъ только изъ ретраншемента, который можетъ останавливать набѣги татаръ и покушенія казаковъ; его назвали Ново-Богородицкъ (Novobogrodilla), т. е. городъ Богоматери. Оставивъ въ немъ гарнизонъ, остальное войско воротилось; окольничій за свое стараніе и труды получилъ чинъ боярина. Въ походѣ 1689 года на опытѣ узнали, какъ полезенъ былъ этотъ городъ, мѣсто снабженія войскъ всѣми необходимыми предметами изъ его магазиновъ.

Перев. съ французскаго **А. И. Браудо.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

Рис. Ѳ. Солнцевъ.

ПОХОДЪ ВЕЛИКОЙ АРМІИ ВЪ РОССІЮ ВЪ 1812 г.

ЗАПИСКИ ДЕ-ЛА-ФЛИЗА,

доктора французской императорской гвардіи.

Переводъ съ французской рукописи автора.

Въ 1873 году, при письмѣ отъ 16-го апрѣля, изъ города Нѣжина, мы получили отъ землевладѣльца Черниговской губерніи Николая Демьяновича Де-ла-Флиза, нынѣ покойнаго, объемистую въ 4-ю долю рукопись на французскомъ языкѣ. То былъ подлинникъ „Записокъ о Московскомъ походѣ и пребываніи въ Россіи до 1814 года“ его покойнаго отца—бывшаго доктора, помощника барона Ларрея, главнаго доктора при императорской гвардіи Наполеона. Тогда же мы пріобрѣли право напечатанія этихъ Записокъ-дневника отъ Николая Демьяновича и озаботились переводомъ тѣхъ главъ рукописи, которыя несомнѣнно представляютъ интересъ для читателей „Русской Старины“, на страницахъ которой представлено уже довольно много матеріаловъ къ исторіи Отечественной войны. Помѣщаемый здѣсь переводъ принадлежитъ Екатеринѣ Павловнѣ Бурнашевой, нынѣ также покойной.

Дневникъ-записки Де-ла-Флиза до сихъ поръ не былъ напечатанъ ни въ Россіи, ни заграницей, ни въ подлинникѣ, ни въ переводѣ, ни цѣликомъ, ни въ выдержкахъ—и является матеріаломъ полезнымъ и любопытнымъ для исторіи похода „великой арміи“ императора Наполеона I въ Россію.

Предпосылаемъ Запискамъ замѣтку покойнаго Н. Д. Де-ла-Флиза объ его отцѣ, составителѣ печатаемаго „Дневника“.

Ред.

Отецъ мой Де-ла-Флизъ, служившій военнымъ медикомъ, въ чинѣ капитана, во второмъ гренадерскомъ полку гвардіи Наполеона I, въ 1812 г., во время сраженія подъ Краснымъ, былъ взятъ въ плѣнъ и, какъ это видно изъ этого самаго дневника, былъ принятъ въ домъ генералъ-лейтенанта графа

Гудовича, гдѣ и оставался до начала 1815 года. Въ 1815-мъ году отецъ мой имѣлъ намѣреніе возвратиться во Францію и все уже было готово къ его отъѣзду, какъ вдругъ послѣ Ватерлооской битвы, узнавъ объ уничтоженіи императорской гвардіи и будучи, подобно всѣмъ сподвижникамъ великаго Наполеона, очарованъ его геніемъ, не пожелалъ служить подъ знаменами Бурбоновъ. При томъ кое-какія семейныя обстоятельства были причиною того, что, оставшись въ Россіи и женившись на племянницѣ генералъ-лейтенанта графа Гудовича, отецъ мой никогда болѣе не возвращался въ свое отечество. Хотя удаленіе отъ родной страны и тяготило его душу до послѣднихъ минутъ его существованія, но будучи связанъ семейными узами, равно какъ и имѣніемъ, купленнымъ имъ въ Кіевской губ., отецъ до конца жизни оставался непоколебимымъ въ своемъ предпріятіи.

Таковымъ добровольнымъ изгнаніемъ онъ много себѣ повредилъ, будучи во Франціи единственнымъ наслѣдникомъ богатыхъ родственниковъ: все наслѣдство, которое слѣдовало ему получить, по небытности его въ отчизнѣ, перешло въ чужія руки.

Въ 1843 году, по смерти своей жены, моей матери, отецъ поступилъ на государственную службу старшимъ врачемъ по вѣдомству государственныхъ имуществъ Кіевской губ. и былъ на службѣ по 1858 г.; потомъ, чувствуя себя не въ силахъ продолжать службу или предчувствуя, можетъ быть, свою близкую кончину, онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ надворнаго совѣтника, и, продавъ имѣніе, какое имѣлъ въ Кіевской губ., переселился ко мнѣ, какъ къ единственному сыну, въ г. Нѣжинъ, гдѣ и былъ штатнымъ смотрителемъ нынѣшняго уѣзднаго училища; купивъ землю въ окрестностяхъ сего города онъ скончался въ 1861 году.

Въ послѣдніе годы своей жизни, желая оставить память о великой эпохѣ, которой онъ былъ свидѣтелемъ и сподвижникомъ, отецъ мой собралъ и переплелъ свой дневникъ и завѣщалъ его мнѣ, съ тѣмъ, чтобы когда представится возможность я сдѣлалъ-бы его извѣстнымъ, что я и исполнилъ — предоставя этотъ интересный „Дневникъ“—въ распоряженіе уважаемой редакціи „Русской Старины“.

Николай Де-ла-Флизъ.

18-го августа 1873 г.
г. Нѣжинъ.

I [1]).

Выѣздъ изъ Вильны 18-го іюля 1812 г.—Сморгони.—Молодечно.—Вилейка.—Докшицы.—Березино.—Камень.—Будиловка.—Витебскъ, 28-го іюля; пребываніе въ этомъ городѣ; обращеніе Наполеона къ офицерамъ на парадѣ; разговоръ его съ докторомъ Паулетомъ.—Встрѣча съ 84-мъ пѣхотнымъ линейнымъ полкомъ итальянской арміи.—Выѣздъ изъ Витебска 12-го августа и возвращеніе арміи въ этотъ городъ съ Наполеономъ во главѣ.—Походъ на Смоленскъ.

Іюль—1812 г.—августъ.

Мѣдники, 18 іюля (нов. ст.) 1812 г.

Выѣхавъ изъ Вильны въ сильнѣйшій зной, мы, какъ обыкновенно, стали проходить лѣсами и песками, пока не добрались до городка Мѣдники, на берегу рѣки Varvicz (?). Такъ какъ всѣ дома были уже переполнены, то мы пошли дальше и расположились биваками, около опушки лѣса; тутъ была раздача хлѣба и мяса.

Ошмяны, 19 іюля.

Выступивъ въ походъ раннимъ утромъ, мы прошли черезъ обширные лѣса. въ перемежку съ обработанными равнинами, и пришли въ Ошмяны, городокъ съ двумя церквами: православною и католическою. И здѣсь всѣ дома такъ были переполнены, что пришлось отправляться дальше, но не безъ труда, такъ какъ главная улица была загромождена фургонами, пріостановленными вслѣдствіе какого-то случая. Мы стали на бивакахъ недалеко оттуда, подлѣ лѣса, противъ рѣчки. Была раздача (припасовъ). Мѣстные евреи, очень многочисленные, принесли намъ вина, ликеру, портеру и проч. Мы накупили у нихъ всякаго добра, заплативъ за все довольно дорого.

Сморгони, 20 іюля.

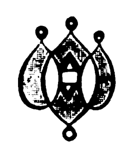
Выступили до разсвѣта; жаръ былъ сносенъ, такъ какъ мы шли тѣнистымъ еловымъ лѣсомъ. Пришли рано въ Сморгони,—городокъ. только что оставленный кавалерійскимъ корпусомъ, отчего дома

[1]) Мы начинаемъ выдержки изъ Дневника-Записокъ Де-ла-Флиза съ „Книги (главы) пятой", такъ какъ всѣ замѣтки до этой главы относятся до похода чрезъ Германію и Польшу и не имѣютъ интереса историческаго. Нумера главъ перевода принадлежатъ намъ. Ред.

оказались опустѣлыми; даже многіе обыватели, не жиды, выѣхали вонъ, предоставивъ дома свои всякому желающему занять ихъ. Только евреи, очень многочисленные, не двинулись съ мѣста. Занятіе города (непріятелемъ) не только не раззоряло ихъ, какъ прочихъ жителей, но даже дѣлалось рудникомъ наживы, такъ евреи умѣли вымогать деньги, особенно у неопытныхъ солдатъ, которыхъ надували истинно по-жидовски. Евреи вздумали было и на меня напасть, но они только напрасно придумывали всѣ средства, чтобы заставить меня что-либо купить. Я узналъ ихъ въ бытность мою въ Вильнѣ. Наконецъ, одинъ еврей спрашиваетъ меня, не хочу-ли я посѣтить знаменитую медвѣжью академію въ Сморгони, и до того будто достойную вниманія ученаго, что одинъ виленскій профессоръ удостоилъ ее своимъ посѣщеніемъ. Я понялъ еврея такъ, что, вѣроятно, онъ подымаетъ на-смѣхъ. Однако по распросамъ оказалось, что еврей говорилъ о заведеніи, въ которомъ содержатся пойманные въ сосѣднихъ лѣсахъ медвѣди, и что тамъ ихъ учатъ разнымъ гимнастическимъ штукамъ. Еврей предлагалъ свести меня туда, если я дамъ ему впередъ денегъ: хотя-бы этимъ ему отъ меня попользоваться. Не имѣя свободнаго времени для этого посѣщенія, я постарался собрать у говорившаго нѣсколько подробныхъ свѣдѣній о медвѣжьемъ заведеніи. Онъ разсказалъ мнѣ, что нѣсколько лицъ сговорились ловить въ литовскихъ лѣсахъ молодыхъ медвѣжатъ и содержать ихъ въ одномъ мѣстѣ, гдѣ число ихъ доходитъ уже до нѣсколькихъ сотенъ. Тѣ, которые прошли свой гимнастическій курсъ, распродаются покупателямъ изъ разныхъ странъ. Слава этого заведенія перешла даже въ народную поговорку. Когда хотятъ указать на человѣка грубаго, невѣжу или недоучку, то говорятъ, что онъ учился въ сморгонской академіи.

Покуда я раздабаривалъ съ евреемъ, офицеры наши заняли опустѣлый домъ въ одинъ этажъ, гдѣ мы и расположились по комнатамъ.

Получивъ нашу порцію, мы легли на соломѣ. Въ продолженіе ночи безпрестанно проѣзжала черезъ городъ артиллерія, не останавливаясь, въ отвращеніе несчастія, которое такъ легко можетъ случиться въ городахъ, гдѣ дома деревянные и крыты соломою. Въ наши двери нѣсколько разъ стучались, но мы не отворяли и провели безпокойную ночь.

Молодечно, 21 іюля.

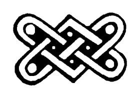
Улицы были загромождены и полкъ съ трудомъ выбрался изъ города. Собравшись всѣ на большой дорогѣ, мы выступили въ походъ. На пути приходилось нѣсколько разъ подыматься въ гору и спускаться, что весьма затрудняло обозъ.

Пройдя нѣсколько рощицъ, мы вышли на поля, покрытыя высокою рожью; послѣ короткихъ приваловъ пришли въ Молодечно, городокъ съ деревянными домами и такими-же жалкими церквами, на рѣкѣ Двинѣ. Съ трудомъ проѣхали мы улицы, загроможденныя фургонами, которые, останавливаясь на каждомъ шагу, заставляли насъ ждать, пока дорога очистится. Мы расположились биваками на берегу рѣки, въ виду обширныхъ полей ржи очень высокой. Такъ какъ лѣсъ былъ отдаленъ, то солдаты разбирали садовые заборы и изъ досокъ устраивали намъ навѣсы, а для подстилокъ срѣзали копны ржи. Вотъ какого рода жатву собираетъ война.

Раздачи не было, поэтому гренадеры пошли доставать провизію. Въ городѣ оставались одни евреи; у нихъ-то и купили за дорогую цѣну рогатаго скота, такъ какъ стадо быковъ, слѣдовавшее за нашей дивизіей, отстало; словомъ, съ большимъ трудомъ успѣли сготовить намъ нашу обыкновенную порцію.

Вилейка, 22 іюля.

Выступили въ походъ до свѣта, чтобъ предупредить зной; дорога была сносная, кромѣ подъемовъ и спусковъ, тяжелыхъ для обоза. Пришли рано въ Вилейку, городокъ съ деревянными домами, какъ водится во всемъ краѣ, и двумя маленькими православными церквами съ отдѣльными колокольнями. Рѣка Вилія протекаетъ черезъ городъ. Какъ всюду, мы встрѣтили однихъ евреевъ. Прошли далѣе и расположились биваками на песчаной равнинѣ, по близости садовъ. Какъ наканунѣ, намъ устроили будочки и навѣсы изъ досокъ разобранныхъ заборовъ. Евреямъ было поручено достать провизію. Военные комиссары условились съ ними и они доставили ржанаго хлѣба и мяса. Раздана была водка и мы обѣдали во-время, не такъ, какъ прошлые дни. Ночь была такая жаркая, и комары въ такомъ множествѣ и такіе злые, что укушеніе ихъ оставляло даже знаки; оттого мы почти и не спали.

Doloninow, 23 іюля.

Встали, какъ обыкновенно, до свѣта. Вышли на большую дорогу, гдѣ еще бивачилъ обозъ, а въ полѣ направо и налѣво выстроилась въ линію артиллерія. Опять встрѣтились подъемы и спуски; проходили и лѣсомъ; наконецъ, послѣ труднаго перехода и частыхъ приваловъ, во время которыхъ съ трудомъ находили провизію, мы пришли въ Doloninow (?), городокъ съ деревянными домами и тремя такими-же почернѣвшими отъ времени церквами. По улицамъ сновали прыткіе на услуги евреи. Намъ дали квартиру въ первомъ этажѣ дрянной гостинницы, содержимой жидами, и четверо насъ офицеровъ помѣстились въ небольшой грязной комнаткѣ. Весь домъ былъ полнешенекъ, такъ какъ у евреевъ всегда многочисленное семейство, цѣлая куча дѣтей, грязныхъ, полунагихъ. Прибавьте къ этому шумъ и гамъ, производимые продажею водки и хлѣба. Солдаты готовили намъ скудный обѣдъ, за недостаткомъ многаго необходимаго. Мало по малу шумъ сталъ утихать, а вмѣстѣ съ тѣмъ комнаты евреевъ начали освѣщаться множествомъ свѣчекъ, какъ въ подсвѣчникахъ, такъ и въ люстрѣ о семи рожкахъ, висѣвшей на потолкѣ. Это было начало шабаша, такъ какъ солнце уже сѣло, а день былъ пятничный. Свой грязный и засаленный костюмъ евреи смѣнили другимъ, немногимъ по-чище, чернымъ, лоснистымъ; на головахъ у нихъ были надѣты черныя бархатныя шапочки, опушенныя мѣхомъ, сверхъ платья накинутъ бѣлый съ голубыми полосками плащъ, обшитый серебрянымъ галуномъ. Женщины, вмѣсто обыкновенныхъ лохмотьевъ, одѣлись въ нарядныя платья. На груди спускался кусокъ красной матеріи, обшитой золотымъ галуномъ, а на головѣ красовался уборъ, вышитый жемчугомъ и бриліантами, съ кончикомъ красной ленты, спускавшимся на лобъ. Потомъ начались у нихъ заунывныя пѣсни; они сѣли за столъ, межъ тѣмъ какъ свѣчи, сами собой догорая, гасли, и, наконецъ, улеглись спать. Всю ночь только и слышно было, что крики извозчиковъ и грохотъ проѣзжавшихъ обозовъ и артиллеріи. Безпрестанно стучали въ двери и ставни, однако евреи никому не отпирали, и мы не могли ни на минуту уснуть.

Докшицы, 24-го іюля.

На другое утро мы выѣхали изъ города, и не видали ни одного еврея. Они или спали, или прикинулись спящими, хотя солнце уже взошло. Дорога была затруднительна по причинѣ частыхъ подъемовъ и спусковъ; шли песчаными рощами и, наконецъ, пришли

въ Докшицы, городокъ точь въ точь такой-же, какъ всѣ прочіе. И тутъ улицы были загромождены и не вымощены, и пыль, сдуваемая съ нихъ сѣвернымъ вѣтромъ, ослѣпляла насъ. Жители христіане ушли изъ своихъ домовъ, которые солдаты и заняли; а евреи заперлись въ своихъ домахъ и не показывались по случаю субботы. Вмѣсто обычнаго шума, производимаго ими при нашемъ появленіи, наступили молчаніе и тишина. Мы расположились внѣ города, и снова, для защиты насъ отъ зноя, поразобрали изгороди и заборы садовые. Раздали намъ мясо, простой мѣстный хлѣбъ и водку. Но едва солнце сѣло, какъ евреи, проводивъ субботу, поспѣшили къ намъ съ бѣлымъ хлѣбомъ, мясомъ и водкою, которую они дешево уступали людямъ, не получившимъ ее при раздачѣ.

Березина, 25-го іюля.

Солнце уже давно взошло, когда мы выступили въ походъ. До перваго привала оставалось только шесть лье. Перейдя рѣчку Поню, мы подошли къ Березинѣ, расположенной на рѣчкѣ того-же имени, вытекающей по сосѣдству съ Вилейкой. Этотъ городокъ похожъ былъ на прежніе; жители христіане вышли изъ него; остались одни евреи, которые тотчасъ-же, по обыкновенію, атаковали насъ. Улицы до того были загромождены, что мы съ трудомъ пробились впередъ, чтобъ идти на биваки за городомъ. Намъ указали мѣсто подлѣ кладбища, въ срединѣ котораго возвышалась часовня; около-же послѣдней надъ могилами торчало множество деревянныхъ крестовъ. Мѣстность была не привлекательна. Въ сосѣдствѣ стояли, заброшенные отъ ветхости, деревянные дома безъ крышъ. Наши солдаты разобрали изъ нихъ балки, доски и двери и подѣлали намъ будки. Трудно было достать провизіи, и, вѣроятно, и у евреевъ ея не было, потому что они принесли намъ только водки, да сквернаго пива. Наконецъ, отыскался складъ муки. Изъ этой муки спекли лепешки на угольяхъ, нѣчто похожее на тѣ хлѣбы, которые евреи приготовили при переходѣ черезъ Красное море. Словомъ, очень поздно раздали мясо и хлѣбъ.

Камень, 26-го іюля.

Переправились черезъ рѣчку Березину; поднялись и спустились съ нѣсколькихъ крутыхъ горъ; дорога была скверная, такъ что произошли несчастные случаи: повозки скатывались въ рвы, откуда ихъ съ трудомъ вытаскивали, и нѣсколько лошадей были искалечены. Взобравшись на вершину послѣдней, самой высокой и крутой горы, распрягли лошадей изъ фургоновъ и отвели ихъ внизъ,

гдѣ запрягли въ оставшіяся назади повозки. Дальше дорога стала поправляться, мы прошли лѣса, поля еще не убраннаго хлѣба и пришли въ Камень въ сильнѣйшій зной. Какъ обыкновенно, и въ этомъ городкѣ все было загромождено, но жители христіане бѣжали, и даже евреевъ осталось немного. Почти ничего нельзя было достать. Мы прошли дальше и расположились биваками на большой равнинѣ, заставленной стогами сѣна; сѣномъ накормили лошадей, отчасти взяли его и на подстилки. Будокъ не изъ чего было сдѣлать, такъ какъ лѣсъ, да и всякое жилье было очень далеко, за то и пожгло насъ солнце. Гренадеры принуждены были идти далеко ломать избушки на дрова для нашей кухни, и даже деревья вдоль дороги были уже срублены. Военный комиссаръ велѣлъ привезти для насъ солдатскаго хлѣба, еще раньше заготовленнаго, такъ какъ и быковъ. Наконецъ, солнце къ удовольствію нашему зашло, жаръ измучилъ насъ и, въ добавокъ, за водой надо было ѣхать очень далеко къ колодцамъ, которые скоро и изсякли, а на мѣсто чистой воды намъ привезли какую-то болотистую тину.

Будиловка, 27-го іюля.

Послѣ раздачи водки, еще до свѣта мы выступили въ походъ. Дорога была легче вчерашняго. Мы остановились отдохнуть у рѣчки (?), потомъ перешли черезъ нее по мосту, и затѣмъ еще рѣчку Swecza. Мы проходили все не сжатыми полями; наконецъ, пришли въ Будиловку (?),—городокъ, похожій на всѣ другіе, съ деревянными домами, крытыми соломой. По главной улицѣ проходила артиллерія, но съ безпрерывными остановками, вслѣдствіе неисправностей въ упряжи, порядочно потертой въ продолженіе всего похода. Евреи, эти единственные жители, не оставлявшіе городовъ, черезъ которые мы проходили, не въ состояніи уже были удовольствовать эту массу войска; боясь насильственныхъ захватовъ, они прятали послѣднее, что могли отдать. Съ большимъ трудомъ успѣли мы выбраться изъ этого города, но едва вышли изъ него, какъ вспыхнулъ тамъ пожаръ, заставившій опасаться взрыва пороховыхъ ящиковъ, остановившихся посреди города. Дымъ горѣвшихъ зданій доходилъ до насъ, и вопли отчаянія слышались со всѣхъ сторонъ, такъ что мы рады были, когда увидѣли себя внѣ опасности. Остановились мы въ деревнѣ, положительно брошенной жителями, и помѣстились въ избушкѣ, гдѣ застали еще теплую печь,—доказательство, что хозяева незадолго передъ тѣмъ бѣжали. Тутъ нашли и провизію: муку, крупу и сало. Гренадеры наловили гусей и утокъ, и по милости всего этого, мы могли еще угостить линейныхъ офи-

церовъ, заглянувшихъ къ намъ. Конечно, намъ пріятнѣе было-бы воспользоваться гостепріимствомъ обывателей, какъ было въ Германіи, гдѣ, не взирая на войну, съ нами обходились не понепріятельски. На другой день намъ предстояло въѣхать въ Витебскъ, и мы надѣялись встрѣтить тутъ пріемъ, который принесъ-бы нѣкоторое облегченіе нашему измученному войску.

Витебскъ, 28-го іюля.

Выступили въ походъ до восхода солнца. Дорога была сносная и шла гдѣ полями, гдѣ лѣсомъ. Мы повстрѣчались съ длинными вереницами прусской артиллеріи, принадлежащей тому корпусу, который король Фридрихъ-Вильгельмъ III отдалъ въ распоряженіе Наполеону. При видѣ этихъ пушекъ, прежде направленныхъ противъ насъ, нельзя было не подивиться такому повороту политики, который заставилъ ихъ теперь идти съ нами. Однако, судя по угрюмымъ лицамъ и молчаливости пруссаковъ, надо было заключить, что они не добровольно оказывали намъ свое содѣйствіе [1]).

Мы обогнали этотъ корпусъ пруссаковъ на одинъ привалъ, остановились въ деревнѣ, гдѣ въ магазинахъ нашлась кое-какая провизія. Отдохнувъ подъ деревьями вдоль дороги, снова пустились въ походъ по сильнѣйшему жару. Подошли къ Витебску; тутъ на открытомъ воздухѣ расположились линіями нѣсколько кавалерійскихъ и пѣхотныхъ полковъ, съ многочисленною артиллеріею. Лошади были привязаны, костры разведены и варился супъ. Четыре большія колонны гвардейской пѣхоты образовывали карè, въ серединѣ котораго были раскинуты три палатки, одна императорская, другія двѣ для свиты императора. Около нихъ караулъ въ двадцать человѣкъ гренадеръ съ офицеромъ и барабанщикомъ. Нашъ полкъ расположился между колоннами; развели костры и послали за провизіей, которая раздавалась въ сосѣднемъ полѣ, куда свезены были мясо и хлѣбъ. Около палатки императора происходило большое движеніе: ежеминутно генералы и адъютанты то подъѣзжали къ палаткѣ, то во весь духъ разъѣзжались во всѣ стороны. Какъ это движеніе, такъ и сосредоточеніе почти всѣхъ корпусовъ арміи доказывали, что мы находились въ виду непріятеля, и точно ждали рѣшительнаго дѣла. Императоръ по нѣскольку разъ выходилъ изъ палатки съ зрительной трубой въ рукѣ и, опираясь на

---

[1]) И они доказали это вскорѣ на самомъ дѣлѣ.

Прим. автора.

плечо офицера или солдата, разсматривалъ Витебскъ, съ его окрестными холмами. За городомъ виднѣлась обширная возвышенная равнина, на которой маневрировали русскія кавалерійскія и пѣхотныя войска. Говорятъ, будто Наполеонъ, глядя на нихъ, сказалъ:

— „Завтра они будутъ наши".

Каждому полку прочитано было слѣдующее воззваніе: „Солдаты! Насталъ, наконецъ, желанный день. Завтра дадимъ сраженіе, котораго давно ждали. Надобно покончить этотъ походъ однимъ громовымъ ударомъ! Вспомните, солдаты, ваши побѣды при Аустерлицѣ и Фридландѣ. Завтра непріятель узнаетъ, что мы не выродились".

Армія съ восторгомъ выслушала это воззваніе, увѣрена будучи въ побѣдѣ; надѣялись, что этимъ дѣломъ кончится война, къ тому-же всѣхъ утомилъ этотъ продолжительный походъ. Раздана была водка, и послѣ ужина и разныхъ приготовленій къ утру, легли спать. Многіе, конечно, были убѣждены, что проводятъ послѣднюю ночь. Наутро встали до разсвѣта, приказано было надѣть парадную форму, какъ на праздникъ. Лишь только занялась заря, какъ всѣ глаза устремились туда, гдѣ наканунѣ маневрировала непріятельская армія; но вся эта равнина представлялась пустою, и когда солнце взошло, оказалось, что дѣйствительно русская армія исчезла. Мы ждали готовые приказаній, но ихъ что-то не давали. Между тѣмъ, къ палаткѣ то и дѣло подъѣзжали генералы и адъютанты и потомъ быстро отъѣзжали; очевидно, императоръ отдавалъ приказанія различнымъ корпусамъ арміи. Вдругъ во всѣхъ полкахъ пробили сборъ. Унтеръ-офицеры подошли къ полковнику и получили приказаніе распорядиться изготовленіемъ обѣда. Это распоряженіе крайне насъ удивило. Значитъ, сегодня еще не будетъ пролита кровь, какъ было ожидали. Въ то-же время забилъ барабанъ императорскаго караула, что значило, что гренадеры, бывшіе на караулѣ, смѣнялись. Я съ товарищемъ поспѣшили узнать отъ смѣнившагося офицера, не слыхалъ-ли онъ чего новаго, такъ какъ тотъ, находясь такъ близко отъ палатки императора, могъ что-нибудь узнать. Онъ намъ разсказалъ, что Наполеона просто привело въ ярость извѣстіе о ночномъ отступленіи непріятельской арміи, тогда какъ онъ ждалъ отъ нея сраженія. Когда вошелъ въ палатку князь Понятовскій, имѣвшій порученіе перейти съ кавалеріею Двину, по ту сторону Витебска, чтобы не допустить непріятеля уйти, то караульный офицеръ могъ слышать, что̀ говорилось внутри. Князь пришелъ доложить, что не было никакой возможности перебраться за Двину, такъ какъ нигдѣ не нашелъ брода, а вода, напротивъ, прибыла послѣ

бывшей грозы, и что во всякомъ случаѣ онъ не могъ найти фуража для лошадей. Тутъ между императоромъ и Понятовскимъ произошла сцена, въ которой первый сильно выговаривалъ князю неисполненіе его приказаній. Но Понятовскій тоже не молчалъ.

— „Вы извиняетесь недостаткомъ фуража, князь", сказалъ Наполеонъ, „а я вамъ скажу, что въ Египтѣ я не разъ дѣлалъ походы безъ фуража..."

— „Не знаю, ваше величество", смѣло отвѣчалъ Понятовскій, „чѣмъ вы кормили тамъ лошадей; знаю только, что мои лошади не могутъ обойтись безъ сѣна. Тамъ, гдѣ мнѣ случалось пускать лошадей на подножный кормъ, за недостаткомъ пастбища, тамъ я хотя долженъ былъ отставать; но этимъ спасалъ кавалерію. Иначе я поставленъ былъ бы въ то же положеніе, въ какомъ вы очутились подъ Сенъ-Жанъ-д'Акромъ, гдѣ, за недостаткомъ лошадей, вы не могли подвезти артиллерію и принуждены были снять осаду крѣпости".

— Тутъ оба возвысили голосъ въ одно время; въ ихъ споръ вмѣшались голоса нѣкоторыхъ тутъ бывшихъ генераловъ, и шумъ поднялся такой, что я ничего не могъ ужъ разслышать, говорилъ офицеръ. Но какъ разговоръ тамъ еще до сихъ поръ продолжается, прибавилъ онъ, то если хотите подойти къ палаткамъ: можетъ быть и услышите что-нибудь и еще.

Подошедши съ товарищемъ, подъ видомъ прогулки къ палаткамъ, мы могли различить голосъ Наполеона и Понятовскаго, но только и могли разслышать, что слова послѣдняго: „Нѣтъ в. в., въ этомъ краѣ, который мнѣ лучше вашего знакомъ, это невозможно, никакъ невозможно".—Оба часовые стали подъ ружье; значитъ императоръ собирался выдти, и мы удалились на нашъ бивакъ. Послѣ обѣда забили сборъ, войска встали въ колонны и мы съ удовольствіемъ выступили въ походъ, зная, что придемъ въ Витебскъ.

Витебскъ, 30-го іюля.

Подходя къ городу, мы увидали густой дымъ, знакъ пожара. Съ барабаннымъ боемъ и музыкой вступили мы въ прекрасную большую улицу, похожую на предмѣстье. Но каково было наше удивленіе, не встрѣтя въ городѣ ни души. Дома и окна были заколочены; все бѣжало изъ Витебска. Пришедши къ пожарищу, нашли сгорѣвшимъ мостъ, ведущій въ городъ и подожженый русскими. Мостъ этотъ перекинутъ былъ черезъ глубокій сухой ровъ и опирался на двѣ высоты. Однако, уничтоженіе моста не помѣшало намъ перебраться на ту сторону, не смотря на крутизну мѣстности. Мы вышли на улицу,

обстроенную кирпичными и деревянными домами. Кое-гдѣ только встрѣчались обыватели не евреи, да и жиды, изъ разсчета-ли или изъ страха, не надоѣдали намъ, какъ ихъ единовѣрцы въ другихъ городахъ. Нѣкоторые изъ нихъ прѐдставлялись нашимъ начальникамъ, въ качествѣ не то депутатовъ, не то капиталистовъ. Костюмъ ихъ былъ приличный, нарядный и даже опрятный. Казалось, они имѣли тайное порученіе къ нашимъ начальникамъ. Полковникъ сталъ ихъ разспрашивать на счетъ отступленія русскихъ и бѣгства жителей города. Они отвѣчали уклончиво, приписывая все страху передъ французскою арміею; но нельзя было не замѣтить двоедушія этихъ израильтянъ; они явно изучали насъ, съ цѣлью воспользоваться обстоятельствами, которыя могли-бы принести имъ выгоды, все равно—отъ русскихъ-ли или французовъ. Осторожные начальники наши не говорили имъ, долго-ли мы пробудемъ въ Витебскѣ, а потребовали отъ нихъ различныхъ припасовъ, которые тѣ и обѣщали доставить.

Мы долго стояли на мѣстѣ въ ожиданіи приказаній полку, межъ тѣмъ, какъ со всѣхъ сторонъ подходили кавалерійскіе и пѣхотные корпуса. Наконецъ, намъ велѣно отправляться въ отдаленный кварталъ города, и для этого намъ надлежало возвратиться черезъ тотъ ровъ, мостъ котораго былъ сожженъ; впрочемъ мостъ уже исправляли. Артиллерія-же должна была обождать окончательнаго исправленія моста. Послѣ не малыхъ затрудненій мы вышли въ длинную улицу, обстроенную низенькими деревянными домами, бывшими пустыми или, по крайней мѣрѣ, охраняемыми только слугами. Встрѣчались и еврейскіе дома, но хозяева ихъ молча смотрѣли на насъ, не двигаясь съ мѣста, точно имъ такъ приказано было. Мы помѣстились въ деревянномъ домѣ, въ нѣсколькихъ комнатахъ, въ углахъ которыхъ противъ дверей висѣло по иконѣ съ спускавшеюся передъ нею лампадкою. Это напоминало римскихъ домашнихъ божковъ. Вся простая мебель осталась на мѣстѣ. Съ нѣкотораго времени шесть нашихъ офицеровъ условились поочередно завѣдывать нашимъ столомъ и лошадьми. Солдатъ отпустили на раздачу, происходившую невдалекѣ, и въ скоромъ времени кухня наша была готова. Послѣ бивачнаго обѣда, нашъ подполковникъ послалъ намъ объявить, что мы пробудемъ извѣстное время въ Витебскѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ передать брату, нашему товарищу, выписку изъ газеты слѣдующаго содержанія.

„25-го іюня русскій императоръ манифестомъ объявилъ своему народу о предстоящей войнѣ, поручая ему спасать отечество и свободу и призывая Бога, заступника православія“.

Я замѣтилъ, что Наполеонъ, хотя и христіанинъ, однако, при объявленіи войны, взывалъ къ судьбѣ.

Къ ночи разразилась сильная гроза съ ливнемъ и градомъ. Мы рады были, что находимся подъ крышею. На другое утро погода была ясная, но мы узнали, что ночная гроза понадѣлала бѣды обозамъ, испортивъ дорогу и образовавъ рытвины. Словомъ, каждый день случались какія-нибудь непріятности съ лошадьми и артиллеріей. Сожженный мостъ совершенно исправили наши саперы и инженеры. Тутъ пошли дефилировать нескончаемая артиллерія, какъ гвардейская, такъ и армейская, фургоны и обозы, и продолжалось это нѣсколько дней сряду.

Императоръ тоже прибылъ въ Витебскъ и занялъ трехъэтажный домъ въ концѣ города, на небольшой площади, окруженной рвами, и напротивъ какихъ-то деревянныхъ лачужекъ. Городъ наполнялся войсками, изъ которыхъ одна часть проходила дальше и располагалась недалеко отъ предмѣстій. Совершенно новый и странный видъ представлялъ городъ, заключавшій въ себѣ прежде до 15,000 жителей и вдругъ опустѣвшій. Горсточка оставшихся обывателей пряталась запершись.

31-го іюля.

На третій день нашего прибытія, императоръ повелѣлъ быть параду каждый день, на площади противъ его дома. Чтобы расширить мѣстность, велѣно было сломать стоявшія кругомъ домишки, такъ что два полка, кавалерійскій и пѣхотный, могли свободно маневрировать въ глазахъ Наполеона. Каждое утро въ 8 часовъ, какая-бы погода ни была, происходилъ парадъ, на который являлись полки, стоявшіе по близости. Только наши полки, принадлежавшіе къ гарнизону, ежедневно дефилировали передъ императоромъ. Начальники корпусовъ должны были подавать ему рапорты; тутъ-же онъ отдавалъ приказанія по дежурству, и почти постоянно былъ не въ духѣ, да упрекалъ въ чемъ-нибудь полковниковъ. Наступила дождливая погода, но императору это не мѣшало присутствовать на парадѣ, только, въ такомъ случаѣ, онъ молчалъ и, порядочно промокши, уходилъ къ себѣ.

Въ нашемъ сосѣдствѣ стояли польскіе уланы. Я ходилъ туда повидаться съ однимъ нѣсколько знакомымъ мнѣ офицеромъ, хотя фамиліи его не припомню. Онъ жилъ у польскаго уніатскаго священника, не оставившаго городъ, какъ прочіе жители, и обращавшагося съ уланомъ дружелюбно. Священникъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей; папа дозволилъ бракъ и призналъ дѣтей. Римскій дворъ

называлъ ихъ греко-уніатами. Священникъ казался довольно свѣдущимъ и зналъ немного по-латыни, но языкъ его религіи славянскій. Жена его разливала намъ чай. Въ одномъ углу комнаты развѣшаны были иконы, какъ и у православныхъ, съ лампадкой передъ ними, а на столикѣ лежали требники in folio, въ богатомъ переплетѣ, съ изображеніемъ Христа и святыхъ на эмали. На этихъ книгахъ я увидалъ нѣсколько нумеровъ русскихъ вѣдомостей, съ двуглавымъ орломъ въ заголовкѣ. Я попросилъ моего хозяина прочесть мнѣ содержаніе въ переводѣ. „Императоръ Александръ, писала газета, прибылъ въ Москву 14-го іюля и возбудилъ въ жителяхъ усердіе и готовность на всякую жертву. Митрополитъ Платонъ, 110 лѣтъ, прозванный русскимъ Златоустомъ, поднесъ его величеству икону св. Сергія Радонежскаго и сказалъ ему слѣдующее слово: —„Первопрестольная столица Москва, какъ новый Іерусалимъ, принимаетъ своего Христа въ свои материнскія объятія, и, сквозь подымающійся туманъ, предвидя божественное милосердіе, восклицаетъ радостно: Осанна, благословенъ грядый во имя Господне! Пускай дерзкій Голіаѳъ, покинувъ предѣлы Франціи, грозитъ нашей землѣ смертельнымъ ужасомъ! Благочестивая вѣра, этотъ пращъ русскаго Давида, сразитъ кровожадную его гордыню. Прими, государь, икону св. Сергія, нашего заступника у престола Божьяго". Далѣе было сказано, что генералу Барклаю де Толли поручено командованіе первой западной арміи, а Тормасову велѣно принять начальство надъ резервной арміей.

7-го августа.

Сегодня на парадѣ намъ объявили, что перваго числа этого мѣсяца мы одержали двѣ побѣды. Генералъ Рикаръ, командующій авангардомъ маршала Макдональда, занялъ Динабургъ, находящійся въ центрѣ Витебской губерніи, на правомъ берегу Двины, и покинутый русскими. Тамъ нашли двадцать пушекъ и много боевыхъ запасовъ. Эту крѣпость русскіе считали неприступною; ее укрѣпляли четыре года сряду. Въ тотъ-же день, маршалъ Удино разбилъ генерала Витгенштейна, подъ Obiazzona (?); русскіе потеряли отъ 6 до 7 тысячъ человѣкъ ранеными, плѣнными и убитыми, и четырнадцать пушекъ.

10-го августа.

Погода прояснилась и жаръ началъ понемногу спадать. На парадѣ, передъ тѣмъ, какъ намъ уходить, императоръ обратился къ группѣ офицеровъ и начальниковъ нашихъ съ такими словами.

—„Господа, служба у васъ идетъ плохо; у васъ слишкомъ много отсталыхъ. Офицеры останавливаются на походѣ и проводятъ время у помѣщиковъ. Биваки ихъ утомляютъ, тогда какъ храбрость не беретъ въ разсчетъ дурную погоду; и въ грязи сохраняется честь. Солдаты нарушаютъ дисциплину; подъ предлогомъ исканія припасовъ, не возвращаются къ своимъ корпусамъ и бродятъ въ безпорядкѣ. Въ окрестностяхъ возникаютъ жалобы на ихъ насилія. Надобно прекратить этотъ безпорядокъ, господа, и строго наказывать тѣхъ, которые осмѣлятся уйти, не спросясь. Въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ, полки наши не досчитались-бы своихъ людей; наличный составъ войска такой, какимъ онъ могъ бы оказаться послѣ сраженія, тогда какъ мы еще не видали непріятеля. Если корпуса маршаловъ Удино и Макдональда одержали побѣду, то потому, что полки ихъ были въ полномъ составѣ, когда они пришли на берега Двины и Дрисы; особенно храбрый 84-й пѣхотный полкъ· который такъ отличился и понесъ наибольшую потерю ранеными“ [1]).

Потомъ императоръ потребовалъ барона Ларрея, но какъ тотъ былъ въ отсутствіи, то на мѣсто его явился докторъ Паулетъ, начальникъ походнаго госпиталя. Императоръ спросилъ его:

—„На сколько раненыхъ заготовлены у васъ перевязки?“

„На десять тысячъ“, отвѣчалъ докторъ.

—„Скажите мнѣ“, продолжалъ Наполеенъ, „сколько, примѣрно, необходимо дней для излеченія раненаго?“

„Тридцать дней, отвѣчалъ докторъ“.

—„Въ такомъ случаѣ, возразилъ Наполеонъ, не изъ чего подавать помощь 400 человѣкамъ. Намъ понадобится гораздо болѣе“.

Тутъ глухой ропотъ прошелъ въ нашей толпѣ, а кто-то замѣтилъ: Сколько-жъ, по его мнѣнію, должно быть убитыхъ?—Наполеонъ, повидимому, разслышалъ эти слова, но, не обративъ на нихъ вниманія, продолжалъ разговоръ съ докторомъ и спросилъ:

—„Гдѣ находятся госпитальные припасы и аптека?“

„Они остались въ Вильнѣ, за недостаткомъ средствъ къ перевозкѣ“.

—„Слѣдовательно“, вскричалъ Наполеонъ, „армія лишена медикаментовъ, и если бъ мнѣ понадобилось принять лекарство, то я не могъ бы его получить?“

---

[1]) Я привожу буквально слова Наполеона. Меня удивила ссылка на полкъ, въ которомъ я служилъ. Императоръ далъ ему въ девизъ: „1 противъ 10“. Мнѣ кажется, что рѣчь эта никогда не была записана исторіею.

Примѣч. автора.

„Въ распоряженіи вашего величества собственная аптека“, возразилъ докторъ. Эти слова разсердили императора.

—„Я первый солдатъ въ арміи“, сказалъ онъ, возвысивъ голосъ, „и я имѣю право на леченіе въ войскѣ въ случаѣ нездоровья“. Потомъ онъ спросилъ: „гдѣ находится главный аптекарь“? Ему отвѣчали: въ Вильнѣ.

—„Какъ?“ возразилъ императоръ. „Одинъ изъ старшихъ по медицинской части не находится при арміи? Я приказываю отправить его обратно въ Парижъ. Пусть онъ отпускаетъ тамъ лекарства дѣвкамъ улицы Сентъ-Онорè. Назначить на его мѣсто другаго, и чтобы вся госпитальная часть немедленно примкнула къ арміи“.

Возвратясь на свои квартиры, мы принялись толковать обо всемъ, сказанномъ императоромъ. „Императоръ“, сказалъ одинъ изъ насъ, „жалуется на войско, но войско имѣетъ болѣе причинъ жаловаться на него; онъ требуетъ многаго, тогда какъ недостатокъ у насъ во всемъ. Развѣ онъ не видитъ, что здѣшній край не Австрія и не Италія! Мѣстность дикая, дороги непроходимыя; каждый день намъ приходится бороться со всевозможными затрудненіями, испытывать усталость, превосходящую силы человѣческія; оставаться каждый день голодными, не получать даже водки, которая точно также полезна для французскаго солдата, какъ для всякаго другаго. На походѣ у насъ нѣтъ палатокъ и никакой защиты ночью отъ холодныхъ дождей. Придетъ солдатъ усталый и голодный въ мѣстность, гдѣ нѣтъ припасовъ; какъ ему запретитъ идти на поиски пищи? Не заставляйте дѣлать усиленные переходы; подвигайтесь медленно, какъ слѣдуетъ поступать въ дальнихъ походахъ, когда идешь въ неизвѣстныя страны, гдѣ ничего не заготовлено для войска; оказывайте войску отеческое попеченіе, снабжая его исправно каждый день надлежащими припасами, а на ночь палатками, словомъ меньше опасайтесь издержекъ, а больше гибели солдатъ, тогда никто не подумаетъ бросить свое знамя, какъ это и было въ странахъ, гдѣ войско постоянно находило все необходимое. Что касается до обвиненія Наполеона, что офицеры заходятъ въ помѣщичьи усадьбы, то надобно благодарить помѣщиковъ за ихъ гостепріимство, спасавшее отъ голода не только отдѣльныхъ офицеровъ, но даже цѣлыя роты. Странно забывать, что люди не могутъ существовать безъ пищи, ни проводить ночи, подобно звѣрямъ, безъ крыши. Наконецъ, что касается отставшаго госпитальнаго обоза, то виноватъ-ли былъ нашъ главный аптекарь, ученѣйшій парижскій химикъ Сюро, что для него не хватило лошадей? Отставлять его было несправедливо. Но вотъ то-то и есть, что прежніе примѣры довольства и

избытка въ цивилизованныхъ странахъ избаловали войско такъ, что уже трудно ему привыкать къ лишеніямъ, испытываемымъ въ краѣ, чуждомъ цивилизаціи. Человѣкъ, такъ сказать, рабъ привычки. Она-то и заставила Наполеона не обратить вниманія на разность климата. Здѣсь надо было подвигаться медленно, чтобы усиленными переходами не причинить столько-же потери, сколько можетъ причинить неудачное сраженіе. Наконецъ, постоянное отступленіе русскихъ должно-же надоумить насъ, что этимъ намъ готовятъ очевидную гибель, заманивая насъ все глубже въ страну,—страну, гдѣ на тысячу человѣкъ едва одинъ пользуется достаткомъ. Итакъ, не взирая на геній свой, Наполеонъ обманутъ незнаніемъ того края, куда онъ перенесъ войну. Многіе его генералы не больше его свѣдущи. Только поляки могли-бы съ успѣхомъ дѣйствовать на русское населеніе, и еслибъ императоръ поручилъ князю Понятовскому окончить этотъ походъ, то не сдобровать-бы русскимъ (?!). Но Наполеонъ не довѣряетъ полякамъ; онъ помнитъ только ихъ революцію 1794 г., когда польскіе магнаты продавали русскимъ свою родину, а между тѣмъ времена уже не тѣ. Онъ такъ ошибается въ полякахъ, что говоритъ: „Еслибъ я возстановилъ Польшу, поляки продали-бы меня русскимъ; храбрость ихъ не болѣе, какъ вспышка соломы". Вотъ къ чему ведетъ ложное мнѣніе великаго человѣка. Судя о польской націи по стариннымъ ея заблужденіямъ, Наполеонъ забываетъ, что ошибки польскихъ сеймовъ прошлыхъ столѣтій послужили націи урокомъ для будущихъ временъ; новое поколѣніе, понявъ это, не возобновитъ стараго; такъ точно, какъ невозможны ужасныя религіозныя войны, возбужденныя суевѣріемъ и іезуитствомъ".

Однажды повстрѣчался я на улицахъ Витебска съ офицеромъ, у котораго на пуговицахъ я прочелъ нумеръ 84. Его послали въ главную квартиру. Такъ какъ и я служилъ въ этомъ полку въ героическую эпоху, то я невольно заговорилъ съ офицеромъ, рекомендуя себя бывшимъ служащимъ этого полка, откуда я потомъ перешелъ въ императорскую гвардію. Я выразилъ ему мое желаніе повидаться съ моими бывшими товарищами, особенно съ докторомъ Трастуромъ, нѣкогда моимъ начальникомъ и благодѣтелемъ. Сперва я повелъ его къ себѣ, потомъ онъ вызвался проводить меня въ полкъ его, стоявшій миляхъ въ пяти отъ Витебска. Испросивъ позволеніе у полковника, я отправился съ этимъ офицеромъ и въ сопровожденіи солдата. Прежде всего я зашелъ къ моему старому начальнику, который принялъ меня радушно, да еще созвалъ нѣсколько знакомыхъ мнѣ офицеровъ и далъ намъ обѣдъ по бивачному.

Позже г. Трастуръ и нѣсколько офицеровъ проводили меня верхомъ болѣе одного лье. Не могу довольно нахвалиться этимъ почтеннымъ военнымъ врачемъ; это честнѣйшій и ученый человѣкъ.

12-го августа.

Я воротился въ Витебскъ довольно рано, каково-же было мое удивленіе, когда я не засталъ арміи, которая успѣла уже выступить въ походъ. Товарищи мои распорядились оставить у меня гренадера, который долженъ былъ оберегать мои вещи до моего прихода. Мы тотчасъ-же отправились въ путь, хотя и не знали, въ какую сторону направилась армія. Вскорѣ, однако, мы нагнали наши фургоны, маркитанокъ и отставшихъ солдатъ. При выходѣ изъ города мы увидали двѣ дороги, обсаженныя березами, между которыми возвышались верстовые столбы. Мы пошли за обозомъ, повернувшимъ налѣво, что̀ сдѣлали и экипажи, слѣдовавшіе за арміей. Пройдя нѣсколько верстъ по этому пути,—я ѣхалъ шагомъ, не торопясь,—я услыхалъ за поворотомъ дороги лошадиный топотъ, но не успѣлъ я поворотить туда, какъ вижу, на встрѣчу мнѣ скачетъ во весь духъ какой-то офицеръ. Кто-же это былъ? Императоръ Наполеонъ. Я едва успѣлъ посторониться и приложить руку къ шляпѣ, какъ онъ уже пролетѣлъ, точно молнія, конечно и не взглянувъ на меня. Я сталъ, изумленный, пораженный этою личною встрѣчею съ вѣковымъ человѣкомъ! Вскорѣ цѣлое облако пыли возвѣстило мнѣ, что за императоромъ слѣдовалъ многочисленный штабъ, состоявшій какъ обыкновенно изъ короля Мюрата, вице-короля Евгенія, князя Понятовскаго, маршаловъ и генераловъ; они скакали во весь опоръ, но трудно было имъ догнать быстраго арабскаго коня Наполеона. Пропустивъ эту свиту, я продолжалъ свой путь. Я не понималъ, что̀ значило это возвращеніе вспять. Вскорѣ потомъ я встрѣтилъ конныхъ гренадеръ гвардіи, егерей, тамъ пѣхоту и нашъ полкъ. Я узналъ, что та большая дорога, на которую было выступили, вела въ Петербургъ, но когда черезъ посланныхъ курьеровъ стало извѣстно, что на этой дорогѣ расположился съ арміею князь Багратіонъ, Наполеонъ не намѣренъ былъ его атаковать и приказалъ отступить къ Витебску. Онъ располагалъ на другой день направить армію на Смоленскъ. Итакъ мы вернулись въ городъ. Тутъ была раздача провизіи.

II.

Выступленіе изъ Витебска, 13-го августа.—Бабиновичи.—Орша.—Красный.—Смоленскъ, 17-го августа.—Атака города, пожаръ.—Вступленіе въ городъ; множество раненыхъ.—Выступленіе изъ Смоленска, 25-го августа.

августъ 1812 г.

Бабиновичи, 13-го августа.

Рано утромъ выступили въ походъ, по той-же дорогѣ, по которой вышли было наканунѣ. Но тамъ, гдѣ въ сторону отъ нея, направо, идетъ другая, ведущая въ Москву, мы пошли по этой. По обѣ стороны дороги были посажены березы, въ два ряда, образуя такимъ образомъ тѣнистую алею, удобную для прохода пѣхоты. На столбахъ обозначены были версты. Мы прошли, по крайней мѣрѣ, двадцать верстъ посреди жатвенныхъ полей, на которыхъ рожь прибило къ землѣ бывшею бурею. Мѣстами виднѣлись дымящіяся кучи пепла, очевидно сгорѣвшіе деревянные дома, потому что среди ихъ виднѣлись еще кирпичныя печи съ трубами. Остановились подлѣ селенія, точно также истребленнаго огнемъ. Раздали сухари. Нѣсколько небольшихъ отрядовъ гренадеръ отправились въ селеніе, колокольня котораго виднѣлась вдали, и привезли оттуда кое-какую провизію: хлѣба, муки, водки и гусей. Отдохнувъ нѣсколько часовъ, снова пустились въ путь. На небольшомъ возвышеніи увидали вдали Бабиновичи. Тамъ тоже былъ пожаръ, и когда мы подошли къ самому городу, оказалось опаснымъ проходить дальше; пламя перебѣгало изъ улицы въ улицу. Мы остановились по близости садовъ и тамъ расположились; въ этой сторонѣ нашлись избы внѣ опасности отъ огня, и въ одной изъ нихъ мы и помѣстились. Солдаты, однако, проникли въ городъ, и успѣли вынести оттуда припасы. Въ полѣ нашли разбѣжавшихся овецъ, которыхъ гренадеры подстрѣлили. Словомъ, ужинъ случился у насъ порядочный. Зарево пожара освѣщало горизонтъ. Только что мы легли, какъ пошелъ сильный дождь, шедшій всю ночь; но какъ мы были подъ кровлей, то онъ насъ и не безпокоилъ.

Орша, 14-го августа.

Къ утру дождь пересталъ и отчасти потушилъ пожаръ; за то насъ окружала невыносимо-дымная атмосфера. Мы пустились въ путь, проходя черезъ Бабиновичи. Печально было зрѣлище этихъ дымящихся развалинъ. Изъ кучи пепла торчали голыя стѣны и трубы

кирпичныхъ домовъ. Выйдя изъ города, мы очутились на берегу рѣки Lutescza, и остановились, потому что русскіе сожгли на ней мостъ. Но черезъ нѣсколько часовъ успѣли устроить другой, благодаря тому, что рѣка была узка. Далѣе по дорогѣ мы встрѣчали сгорѣвшія отдѣльныя жилья, какъ наканунѣ. Едва завидѣли мы издали Оршу, какъ въ то-же время увидали ее въ пламени. На близкомъ отъ нея разстояніи, вѣтеръ гналъ намъ дымъ прямо въ лицо, такъ что мы взяли въ сторону и расположились биваками въ отдаленной отъ пожара части города. Мы заняли нѣсколько домовъ; въ одномъ изъ нихъ нашли свиней, которыми и подѣлились между собою; но у насъ не было соли, а обойтись безъ нея невозможно было. Хотѣли было замѣнить соль порохомъ, какъ одинъ гренадеръ принесъ намъ большущій кусокъ неочищенной соли, найденный имъ въ стойлѣ—коровамъ и быкамъ даютъ соль,—и она пришлась очень кстати. Городъ горѣлъ во всю ночь; утромъ солнце взошло сквозь дымъ совершенно красное. И насъ дымъ душилъ и такъ пропиталось платье, что можно было подумать, что мы все время провели въ дыму.

15-го августа былъ день рожденія императора Наполеона. Не смотря на всѣ наши невзгоды, когда полкъ сталъ подъ ружье, раздался общій кликъ: „да здравствуетъ императоръ!“ и одному изъ нашихъ подполковниковъ поручено было отъ имени всего полка поднести поздравленія императору, находившемуся еще въ Бабиновичахъ (?), гдѣ онъ ночевалъ. Потомъ послѣдовала раздача мяса, хлѣба и водки. Нельзя было пока идти дальше, такъ какъ узнали, что русскіе сожгли мостъ на Днѣпрѣ, черезъ который лежалъ нашъ путь.

Орша—небольшой уѣздный городъ на Днѣпрѣ. Она также почти вся выгорѣла. Изъ исторіи извѣстно, что въ 1514 году первый король польскій, Сигизмундъ I, одержалъ здѣсь значительную побѣду надъ русскими и побилъ войско царя Василія I.

Въ полдень пробили сборъ и мы прошли черезъ городъ посреди облака дыма, застилавшаго все пространство. Мы прошли черезъ Днѣпръ по вновь устроенному мосту, и вслѣдъ затѣмъ пошелъ дождь, который не переставалъ до приближенія нашего къ городку Koziany (?), также объятому пламенемъ. Однако, мы прошли его весь, несмотря на испугъ лошадей; мы расположились биваками по ту сторону города, около рѣчки. Здѣсь намъ понадѣлали будки изъ разобранныхъ избушекъ, а изъ горящихъ домовъ нанесли головней и развели костры, около которыхъ мы и сушились. Другіе, шедшіе за нами, полки постарались и успѣли потушить пожаръ, и затѣмъ

расположились въ городѣ. Раздали мясо и хлѣбъ, и приготовили намъ нашъ обычный обѣдъ, съ тою разницею, что мы сидѣли за столомъ и на стульяхъ, вынесенныхъ изъ города.

Красный, 16-го августа.

Погода прояснилась. Мы шли большимъ сосновымъ лѣсомъ, по дурной песчаной дорогѣ, перерѣзываемой болотами. По нѣскольку разъ останавливались, потому что шедшіе впереди насъ фургоны часто вязли въ тинѣ и загораживали путь. По выходѣ изъ лѣсу, былъ привалъ, и раздали сухари. Наконецъ, мы пришли къ мѣстечку Красному, которое не подверглось пожару, какъ всѣ прочіе города и села, потому что ночью атаковала его кавалерія, бывшая въ авангардѣ, и русскіе не успѣли поджечь Красный. Обыватели бросили свои дома, но войско такъ переполнило мѣстечко, что не было возможности проникнуть вовнутрь. Насъ заставили обойти Красный кругомъ, и мы расположились на возвышеніи, усаженномъ деревьями, подъ которыми мы и укрылись какъ могли, за неимѣніемъ другой защиты, которую трудно было достать, по причинѣ большаго числа, собравшихся подъ Краснымъ, полковъ. Также затруднительна была раздача продовольствія; мы долго не могли ея дождаться. Въ полночь мы выступили отсюда въ пасмурную погоду.

Смоленскъ, 17-го августа.

На разсвѣтѣ я замѣтилъ, что мы слѣдовали не по большой дорогѣ. Мы прошли мимо нѣсколько пустыхъ деревушекъ; въ одной изъ нихъ произошла остановка предъ узкимъ мостомъ, сквозь который одна лошадь провалилась. Болѣе часа прошло, прежде нежели мостъ былъ исправленъ и намъ можно было перейти; а между тѣмъ, вдали слышались какъ-бы пушечные выстрѣлы; повернувъ на проселочную дорогу, извивавшуюся между горъ, мы уже не сомнѣвались въ выстрѣлахъ,—такъ явственно вторило имъ эхо. Намъ пришлось проходить черезъ двѣ деревни, представлявшія не что иное, какъ груды раскаленныхъ угольевъ. Мы шли одни. Пушечный громъ слышался все ближе; наконецъ, мы узнали, что атакованъ Смоленскъ. Мы спустились съ горы, съ которой могли видѣть всю армію. Канонада не прекращалась. Нашъ полкъ сталъ съ резервомъ, не вдалекѣ отъ гласиса крѣпости, позади разныхъ пѣхотныхъ корпусовъ и кавалеріи, имѣвшихъ впереди батареи. Передъ нами на горѣ лежалъ Смоленскъ, подъ нимъ протекалъ Днѣпръ.

Смоленскъ—городъ на границѣ Литвы—считался оплотомъ русской имперіи противъ Польши. Смоленскъ, подобно стариннымъ

городамъ той эпохи, когда не знали еще артиллеріи, окруженъ толстыми и высокими каменными стѣнами. Позже къ нимъ пристроены тщательно выведенныя укрѣпленія. За стѣнами виднѣлись крыши различныхъ зданій и колокольни церквей. Въ этомъ городѣ находилась сильная русская армія подъ начальствомъ генерала Барклая-де-Толли.

Атака началась до свѣта. Въ разныхъ мѣстахъ разставлены были грозныя батареи, и Наполеонъ самъ выдвинулъ впередъ осадную артиллерію. Поляки, предводительствуемые княземъ Понятовскимъ, отличились. Наполеонъ, обращаясь къ нимъ, сказалъ:

— „Поляки, этотъ городъ принадлежитъ вамъ...“.

Маршалы Даву и Ней раздѣляли опасности этого дня. Городъ подвергался со всѣхъ сторонъ страшному бомбардированію, и подземными минами взорвало на воздухъ цѣлыя части стѣнъ. Непріятельская артиллерія не въ состояніи была отразить это нападеніе, и бросила свою позицію; русскіе рѣшились отступить, потерявъ 12,000 человѣкъ убитыми, ранеными и плѣнными, и передъ отступленіемъ зажгли городъ со всѣми его магазинами. Общій пожаръ охватилъ городъ. Канонада прекратилась. Мы двинулись впередъ и увидали императора; онъ слѣзъ съ лошади у воротъ города и стоялъ, окруженный нѣсколькими генералами. Онъ отдавалъ приказанія, какъ въ это время изъ города выѣхали три кареты, направляясь въ его сторону. Изъ каретъ вышли нѣсколько русскихъ въ свѣтлозеленыхъ мундирахъ съ краснымъ воротникомъ; они держали шляпы въ рукѣ и низко кланялись императору. Наполеонъ поговорилъ съ ними съ четверть часа. То были русскія гражданскія власти, и въ ихъ главѣ уѣздный предводитель дворянства. Они, какъ говорили, поднесли ключи города, объявляя, что армія русская выступила вонъ изъ города. Предавая его въ руки императора, они умоляли Наполеона приказать подать помощь тысячамъ раненыхъ, разбросаннымъ по городу, и затѣмъ возвратились въ городъ. Императоръ вызвалъ впередъ нѣсколько дивизій для занятія Смоленска и приказалъ немедленно образовать группы врачей и лекарей съ служителями изъ гвардіи, съ тѣмъ, чтобы всѣ они раздѣлились по кварталамъ города, лечили-бы всѣхъ раненыхъ, безъ разбора, и свезли-бы въ госпитали. Приказаніе это было немедленно исполнено.

Какъ скоро всѣ мы (врачи) собрались, баронъ Ларрей повелъ насъ въ городъ, гдѣ у самаго входа пришлось нашимъ лошадямъ шагать черезъ трупы. Нельзя было проѣхать по главной улицѣ, такъ какъ съ обѣихъ сторонъ ея горѣли дома; боковыми улицами

мы выѣхали на главную площадь, обсаженную березами; дома на ней почти всѣ уцѣлѣли. Жаркое время еще усиливалъ раскаленный пожаромъ воздухъ. Пріѣхавъ на площадь съ нашими фургонами и солдатами-служителями, мы оказались числомъ до шестидесяти лекарей. Насъ раздѣлили на группы въ четыре человѣка, и разослали по городу. Пройти по улицамъ было дѣло не легкое, такъ какъ всѣ онѣ были въ огнѣ. Я чуть было не погибъ въ одной изъ нихъ, но спасся только благодаря сквозному ходу въ одномъ домѣ, который и вывелъ меня въ безопасную улицу. Мѣсто, которое должно было служить мнѣ и товарищамъ моимъ перевязочнымъ пунктомъ, находилось на одномъ углу городскихъ стѣнъ, противъ груды обрушившихся частей ихъ. Сквозь амбразуры стѣнъ виднѣлись предмѣстья Смоленска, лежавшія за Днѣпромъ, и еще занятыя русскими, которые стрѣляли въ нашихъ солдатъ, когда эти приходили къ рѣкѣ поить лошадей. Въ этомъ мѣстѣ, вѣроятно, происходила жестокая атака, такъ какъ тутъ сосредоточено было множество народа, раненаго и убитаго. Судя по ихъ зеленымъ мундирамъ, я принялъ ихъ за русскихъ, особенно какъ увидалъ у нихъ на шеѣ мѣдные крестики съ славянскою надписью. Мы подняли тѣхъ раненыхъ, у которыхъ проявлялись признаки жизни. Они обращались къ намъ на непонятномъ для насъ языкѣ. Ихъ понесли въ сосѣдніе дома, повидимому, казенные. Тутъ начали мы дѣлать операціи. Раны были по большей части опасныя, и ампутацій было сдѣлано много. Всего оказалось человѣкъ шестьдесятъ раненыхъ. Мнѣ хотѣлось идти съ рапортомъ къ барону Ларрею; но не зная, гдѣ его квартира, я бродилъ изъ улицы въ улицу. Очутившись на площади, гдѣ расположилось много биваковъ, я узналъ офицеровъ 79-го полка, съ которыми мы года четыре тому назадъ занимали Рагузу и Катаро. Я подошелъ къ нимъ, они тоже меня узнали и удержали при себѣ. Странно было теперь встрѣтиться въ Смоленскѣ, близко къ полюсу(!), послѣ того, что мы видѣлись подъ благодатнымъ небомъ Далмаціи. Ночь я провелъ у нихъ подъ березами площади. Послѣ дневнаго жара наступила холодная ночь.

На другое утро я поспѣшилъ къ барону Ларрею. Онъ жилъ въ улицѣ, не тронутой пожаромъ, и по близости дворца, въ которомъ квартировалъ Наполеонъ. Только что я подалъ ему мой рапортъ о числѣ перевязянныхъ русскихъ, какъ онъ мнѣ возразилъ, что русскіе раненые были удалены оттуда ранѣе. Я долженъ былъ по его приказанію возвратиться къ раненымъ и узнать, къ какому корпусу войска они принадлежали? Каково-же было мое удивленіе, когда я узналъ отъ сторожей и товарищей моихъ, что то были морлаки(?)

изъ Далмаціи, принадлежавшіе къ италіянской арміи.—Потеря французовъ простиралась до 5 или 6000 человѣкъ. Всѣ раненые были перенесены въ два большія зданія на площади, вѣроятно, бывшія судебныя мѣста. Залы были обращены въ лазаретъ, и все, что находилось тамъ, бумаги и дѣла, было выброшено за окно на площадь. Четверо изъ насъ лекарей помѣстились въ небольшомъ уцѣлѣвшемъ домѣ.

20-го августа.

Узнали, что происходило убійственное сраженіе въ двухъ миляхъ отъ Смоленска. Русская армія, преслѣдуемая маршаломъ Неемъ, быстро отступала. — Лазаретная часть устроена правильнымъ образомъ, но какъ трудно бороться съ недостаткомъ въ самыхъ необходимыхъ госпитальныхъ вещахъ! Въ городѣ ничего нельзя было достать, все сгорѣло. Въ нѣкоторыхъ улицахъ, нетронутыхъ огнемъ, остались ряды лавокъ, даже съ товарами; но эти товары, въ родѣ посуды, зеркалъ, хрусталя, были намъ безполезны; а все, что могло-бы пригодиться солдату въ походѣ, было уничтожено заранѣе. Такое-то зрѣлище представлялъ Смоленскъ! Старинный городъ, строившійся вѣками, разоренъ въ нѣсколько часовъ. Тысячи людей, жившихъ мирно, ввергнуты въ нищету жестокостью людей, которые въ взаимномъ умерщвленіи ставятъ свою славу, хотя и выдаютъ себя за послѣдователей ученія, которое гнушается убійства ближняго. Ихъ законы осуждаютъ на смерть ничтожныхъ поджигателей какого-нибудь гумна, а опустошителей цѣлаго края называютъ великими и славятъ!

Я ходилъ каждый день въ госпитали, туда-же ежедневно приходилъ навѣдываться какой-нибудь старшій офицеръ, посланный императоромъ. За нѣсколько дней до нашего отъѣзда, императоръ присылалъ маршала Дюрока раздать раненымъ по два наполеондора и записать ихъ имена. Какъ ни была заслужена эта награда, но Наполеонъ и тутъ ошибался. Онъ все воображалъ себя въ Австріи, въ цивилизованной странѣ, гдѣ солдаты имѣли возможность что-нибудь достать за деньги и гдѣ люди были настолько честны, что не покусились-бы обокрасть несчастныхъ раненыхъ. Въ этой-же выжженной странѣ, что можно было достать? Скорѣе надо опасаться, что если впослѣдствіи узнаютъ, что у солдатъ есть деньги, то солдаты могутъ поплатиться за это и жизнью. Лучше было-бы помочь имъ вещами въ натурѣ, особенно платьемъ.

Выступленіе изъ Смоленска состоится весьма скоро и бо̀льшая часть арміи уже двинулась въ походъ. Передъ выходомъ отсюда,

хочу передать тѣ свѣдѣнія объ этомъ городѣ, которыя я успѣлъ собрать относительно его исторіи.

Смоленскъ долгое время считался республикою, но въ 883 году онъ былъ покоренъ новгородцами. Съ начала царствованія Владиміра I, и не одинъ разъ, этотъ городъ былъ столицею удѣла многихъ князей Рюрикова дома и назывался княжествомъ; но въ смутное время, причиненное нашествіемъ монголовъ и паденіемъ великаго княжества Кіевскаго, литовцы завладѣли Смоленскомъ и удерживали его за собою до 1514 г. Потомъ долгое время русскіе и поляки оспаривали его другъ у друга. Наконецъ, Сигизмундъ I вошелъ въ Смоленскъ въ 1611 г. и велѣлъ побить тамъ до 200,000 русскихъ; но въ 1655 г. (царь) Алексѣй (Михайловичъ) Романовъ отнялъ Смоленскъ у поляковъ. До пожара городъ считалъ, какъ говорятъ, до 15,000 жителей. Для всего края это какъ-бы священный городъ. Въ немъ считаются два архіепископства, двѣ соборныя церкви, одна греческая, другая католическая, духовная семинарія, гимназія и военное училище. Торговля производилась шелковыми и полотняными товарами, шляпочная, чулочная, мѣховая, строеваго и корабельнаго лѣса, и т. д. Торговыя сношенія съ Ригою, Данцигомъ и Украйною были очень дѣятельныя. Самый край производитъ зерновой хлѣбъ, пеньку, ленъ; богатъ дикими пчелами и дичью.

Де-ла-Флизъ.

1812 г.

[Продолженіе слѣдуетъ].

Къ «Запискамъ Ѳ. И. Іордана».

„Русская Старина" изд. 1891 г., т. LXXI, іюль.

Ѳедоръ Ивановичъ Іорданъ довольно часто весьма своеобразно пишетъ имена лицъ, названія мѣстностей и многія слова; возстановляемъ правильное начертаніе словъ, невѣрно имъ написанныхъ, а также дѣлаемъ нѣсколько другихъ поправокъ:

Страница.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
26	5 снизу.	Н. Пусина	Н. Пуссена
29	11 и 13 сверху.	Стебенъ	Штейбенъ
30	1 сверху.	Лерреня	Лорреня
32	9 „	Ponte-Mobo	Ponte-Molle
33	16 „	Тамаринскаго	Томаринскаго
35	4 „	С. И. Пименова	С. С. Пименова
39 и 40		Террачино	Террачина
40	9 снизу.	лѣвую	правую
45	8 и 9 сверху.	senplsit	sculpsit
46	8 снизу.	Ра-ди-Гофани	Радикофани
48	14 и 16 сверху.	Фьезоли	Фьезоле
48	14 снизу.	Доменико-де-Фьезоли	Доменико-да-Фьезоле
48	5 „	Белло-сгвардо	Беллигвардо
51	9 „	la Popocgiata	la Passagiata
52	7 сверху.	Берноу	Берлоу
59	11 снизу.	Александръ	Алексѣй
60	2 сверху.	Логоновскій	Логановскій
68	3 снизу.	Торлони	Торлонія
69	1 „ (выноска).	65 лѣтъ	58 лѣтъ.

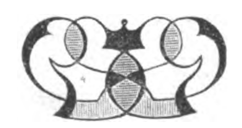
Н. П. Собко.

Fonfon-de-Verraillon.

На стр. 440 майской книги „Русской Старины" изд. 1891 г., т. LXX, въ статейкѣ о Т. Г. Шевченко, вкралась опечатка, читай: „Фонтонъ-де-Веральонъ" (Fonton-de-Veraillon) вмѣсто „Фонтанъ-де-Верройонъ". Это очень хорошая французская фамилія, пришедшая въ Россію со временъ революціи. Одинъ изъ представителей этого рода—теперь русскій посланникъ въ Бухарестѣ; Фонтонъ-де-Веральонъ служилъ много лѣтъ при вѣнскомъ посольствѣ совѣтникомъ посольства.

Н. Старовъ.

А. И. МИХАЙЛОВСКІЙ-ДАНИЛЕВСКІЙ.

Къ столѣтней годовщинѣ со дня его рожденія

1790 $\frac{\text{род. 26-го августа}}{\text{† 9-го сентября}}$ 1848 г.

По неизданнымъ запискамъ Михайловскаго-Данилевскаго и собраннымъ имъ историческимъ матеріаламъ.

I.

Августа 26-го 1790 года, въ день, знаменитый впослѣдствіи битвою Бородинскою, родился въ Петербургѣ Александръ Ивановичъ Михайловскій-Данилевскій. Отецъ его, Иванъ Лукьяновичъ, занималъ мѣсто старшаго директора государственнаго заемнаго банка [1]). Данилевскіе происходятъ отъ дворянской малороссійской фамиліи; прозвище „Михайловскаго“ пожаловано родителю исторіографа императоромъ Павломъ, вслѣдствіе одного случая, по кото-

[1]) Иванъ Лукьяновичъ воспитывался сперва въ кіевской академіи и потомъ завершилъ свое образованіе за-границею, между прочимъ и въ Геттингенскомъ университетѣ.

рому, смѣшанный съ другимъ Данилевскимъ ошибкою, подвергся обвиненію [1]).

Первоначальное образованіе Александръ Ивановичъ получилъ въ Петропавловской школѣ.

Изъ преподавателей своихъ въ этомъ училищѣ, Данилевскій всегда съ особенною благодарностію вспоминалъ Мореля, у котораго жилъ въ пансіонѣ.

„Онъ первый научилъ меня разсуждать, пишетъ Данилевскій, далъ мнѣ понятіе о высшемъ существѣ, о добродѣтели, о порокѣ, о правительствѣ и развилъ дремавшія до того умственныя способности мои. Образовавшись въ школѣ новѣйшихъ философовъ, живши въ то время, когда процвѣтали Вольтеръ и Райналь, Руссо и Даламберъ, онъ былъ ихъ ревностный почитатель. Теперь этотъ образъ мыслей считаютъ пагубнымъ, но всѣ его современники, между прочимъ Екатерина и Фридрихъ, были одинаковаго съ нимъ мнѣнія,—словомъ сказать, тогда эта была мода, теперь другая; прежняя мода измѣнилась, но люди, страсти ихъ и доблести остались тѣ же. Что касается до меня, то я послѣдовалъ правиламъ, внушеннымъ мнѣ Морелемъ, какъ человѣкомъ, который первый говорилъ мнѣ о началахъ, на коихъ основывается нравственное и политическое бытіе наше, и если я если не превосходилъ, то по крайней мѣрѣ никогда не уступалъ на стезѣ долга и чести тѣмъ, которые воспитаны въ противныхъ со мною правилахъ“. Еще въ дѣтствѣ, по тогдашнему обыкновенію, записанный, съ 1801 года, въ службу, подъ начальствомъ отца, въ заемномъ банкѣ, на четырнадцатомъ году произведенъ въ коллежскіе регистраторы, а черезъ два года въ губернскіе секретари. Окончивъ съ полнымъ успѣхомъ ученіе въ школѣ и лишившись передъ тѣмъ отца, Александръ Ивановичъ, въ 1807 году, согласно прошенію, уволенъ былъ отъ

---

[1]) Незадолго до кончины, а именно 20-го февраля 1801 года, императоръ Павелъ подписалъ указъ сенату слѣдующаго содержанія:

„Снисходя на прошеніе нашего дѣйствительнаго статскаго совѣтника и заемнаго банка перваго директора Данилевскаго, всемилостивѣйше дозволяемъ ему прибавить къ его фамиліи названіе Михайловскій и именоваться впредь Михайловскій-Данилевскій, распространяя право сіе и на потомство его“.

Указъ былъ объявленъ уже въ царствованіе императора Александра Павловича, въ апрѣлѣ 1801 года. Н. Ш.

службы, съ награжденіемъ чина титулярнаго совѣтника. По примѣру отца, получившаго окончательное образованіе въ Германіи, молодой 17-ти-лѣтній Данилевскій, одаренный рѣдкимъ любознательнымъ умомъ, рѣшился отправиться въ Геттингенскій университетъ. Бережливость отца доставила ему необходимыя къ тому средства; Иванъ Лукьяновичъ оставилъ своему единственному сыну около ста тысячъ рублей ассигнаціями, большею частію въ долгахъ на разныхъ особахъ [1]).

Данилевскій выѣхалъ изъ Петербурга 17-го марта 1808 года, черезъ Ригу, Мемель, Кенигсбергъ, Берлинъ, Лейпцигъ, Веймаръ въ Геттингенъ; конечную цѣль своего путешествія онъ достигъ 5-го мая. Съ этого времени будущій исторіографъ началъ вести правильный дневникъ или, какъ онъ называлъ, „журналъ", доведенный имъ до 1831 года, т. е. до начала его историческихъ работъ, продолжавшихся уже безъ перерыва по 1848 годъ, когда смерть вырвала перо изъ рукъ неутомимаго труженника [2]).

---

[1]) Съ большимъ трудомъ, постепенно, въ продолженіе многихъ лѣтъ возвратились къ нему двѣ трети этого капитала; остальная треть навсегда осталась за должниками (статья Бранта: „А. И. Михайловскій-Данилевскій" въ „Сынѣ Отечества" 1849 года).

[2]) Выпишемъ здѣсь изъ этого перваго дневника Данилевскаго 1808 года отрывокъ, относящійся до посѣщенія имъ гроба Фридриха Великаго:

„Пріѣхавъ въ Потсдамъ, немедленно хотѣлъ я видѣть такъ называемую гарнизонную церковь, гдѣ погребенъ Фридрихъ II. Сухощавый церковникъ шелъ впереди съ фонаремъ, а я съ благоговѣніемъ за нимъ слѣдовалъ. Отворилась маленькая дверь, въ углу небольшой комнатки гробъ Фридриха II-го. Съ истиннымъ уваженіемъ взиралъ я на прахъ короля-философа. Великій! пріими удивленіе отъ того, который съ восхищеніемъ слушаетъ подвиги твои. Но что тебѣ въ моихъ похвалахъ,

Лишь безумецъ зажигаетъ
Свѣчку тамъ, гдѣ Фебъ сіяетъ.

Твои дѣянія—твоя слава, твое имя—удивленіе потомства. „На семъ мѣстѣ", сказалъ церковникъ, „императоръ россійскій Александръ и нынѣшній король и королева прусскіе клялись въ 1805 году другъ другу вспомоществовать именемъ Фридриха, и императоръ поцѣловалъ гробъ". „Въ 10 часовъ вечера", продолжалъ онъ, „прислали за мною; я пришелъ во дворецъ; велѣно освѣтить церковь и мѣсто погребенія королей. Я исполнилъ. Пришелъ отрядъ гвардіи, и въ половинѣ перваго явились высокія особы, въ сопровожденіи двухъ прусскихъ офицеровъ". Здѣсь положили они основаніе своему союзу, но къ счастію или злополучію не долго продолжавшемуся, — о томъ пусть судятъ грядущіе вѣка. Я не могу описать какія чувства волновали въ сію минуту смятенное сердце мое". Н. Ш.

„Вотъ мѣсто, записалъ Данилевскій въ журналѣ, прибывъ въ Геттингенъ, гдѣ я долженъ провести лучшіе годы моей жизни. Судьба, молю тебя, дай мнѣ ими воспользоваться, чтобъ, возвратясь въ отечество, сдѣлался я отличнымъ гражданиномъ его по пользѣ, которую ему принесу, и чтобы, достигнувъ зрѣлаго возраста, могъ сказать, что время, мною здѣсь прожитое, не употребилъ во зло“.

Желаніе его исполнилось; время, проведенное въ Геттингенѣ, не пропало даромъ для любознательнаго юноши. Словесность слушалъ онъ у Бутервека, исторію и нравственно-политическія науки у Шлецера, Геерена, Мартенса и Сарторіуса; но спеціальнымъ предметомъ учебныхъ его занятій въ Геттингенѣ была политическая экономія и вообще науки камеральныя, такъ какъ Данилевскій первоначально предполагалъ посвятить себя гражданской службѣ. До конца дней своихъ, Данилевскій съ особеннымъ одушевленіемъ вспоминалъ объ этомъ времени, проведенномъ въ Германіи, и о своихъ профессорахъ, которымъ онъ обязанъ былъ пріобрѣтеніемъ прочнаго научнаго образованія. Чтобы судить насколько Данилевскій относился восторженно къ Германіи, достаточно остановиться на слѣдующей замѣткѣ, сохранившейся въ его бумагахъ и относящейся къ позднѣйшему времени: „О насколько люблю я Германію, эту мать такого множества чудныхъ твореній, мать просвѣщенія и родину всѣхъ возвышенныхъ идей, могущихъ сдѣлать людей мудрыми, счастливыми и независимыми, даже при существованіи самыхъ суровыхъ соціальныхъ учрежденій. Мой привѣтъ вамъ, мѣста, гдѣ я былъ столь счастливъ [1]).

---

[1]) Въ бумагахъ Данилевскаго сохранились слѣды его занятій въ Геттингенскомъ университетѣ. Укажемъ здѣсь на слѣдующія рукописи: 1) Одиннадцать тетрадей выписокъ изъ книгъ, читанныхъ Данилевскимъ въ Геттингенѣ французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ и итальянскихъ. Между выписками попадаются и собственныя разсужденія, напр., въ третьей тетради на тему, заданную профессоромъ Сарторіусомъ: „Was will Oesterreich mit dem Finanzedikte vom 26 Februar 1810“. 2) Политика (на нѣмецкомъ языкѣ), преподаваемая профессоромъ Сарторіусомъ и начертанная А. Михайловскимъ-Данилевскимъ въ Геттингенѣ 1810 года (474 стр.). Къ сочиненію приложенъ библіографическій указатель: литература политики. 3) Mélanges littéraires et sentimentales ecrites pendant les moments de désoeuvrements à l'université de Göttingen. 1809, 1810 et 1811. 4) Записки о нѣмцахъ въ Геттингенѣ 1808 г. (Воспитаніе.—Характеръ.—Писатели.—Университетъ.—Духовенство). На за-

Но Данилевскій не довольствовался одними учебными занятіями: въ свободное вакаціонное время онъ предпринималъ еще обширныя путешествія по Германіи, Австріи, Италіи и Швейцаріи въ 1808, 1809, 1810 и 1811 годахъ. Обо всѣхъ этихъ поѣздкахъ сохранились въ бумагахъ Данилевскаго подробные дневники, веденные имъ отчасти на русскомъ и французскомъ языкахъ, которые свидѣтельствуютъ о его наблюдательномъ умѣ.

Приведемъ изъ дневника Данилевскаго восторженный разсказъ о Наполеонѣ, котораго онъ видѣлъ въ Парижѣ въ 1809 г.

„4-го апрѣля, пишетъ русскій путешественникъ, день для меня вѣчно незабвенный: былъ я въ театрѣ, представляли героическую оперу „Тріумфъ Траяна". Въ самую ту минуту, какъ Траянъ показывается на тріумфальной колесницѣ, везомой четырьмя бѣлыми конями, со всѣмъ блескомъ римскаго государя, вдругъ клики: „да здравствуетъ императоръ" заглушаютъ музыку. Въ недоумѣніи оглянулся и вижу вблизи сидящаго Наполеона, смотрю, забываюсь, хлопаю съ другими руками и кричу: да здраствуетъ императоръ! Начиная отъ Тулона до Туделы, дѣянія его представились мнѣ какъ на картинѣ: я не могъ самъ повѣрить глазамъ своимъ: его-ли я вижу, того героя, которому подобнаго не было, того законодателя, котораго тщетно равнаго въ исторіи ищемъ, того, который презиралъ горючіе пески Сиріи и морозы сѣвера, который на маломъ кораблѣ съ улыбкою смотрѣлъ на бури Средиземнаго моря, который нашелъ отечество свое на краю бездны и менѣе нежели въ десять лѣтъ вознесъ его на степень высочайшей славы: и тотъ, коему потомки, презря неблагодарныхъ его современниковъ, отдаютъ бо́льшую справедливость.—Минутъ пять продолжались радостные клики, и Наполеонъ киваніемъ головы изъявлялъ свою благодарность. Онъ не могъ быть ни минуты покоенъ: то говорилъ съ адъютантами своими, то чесалъ себѣ голову, оглядывался, и немного бралъ участіе въ піесѣ. Черезъ полчаса онъ всталъ, поклонился и при

главномъ листѣ написано: „Отнимите у ученаго нѣмца книги, онъ во всѣхъ отношеніяхъ останется чучелою". Мысли о нѣмецкой словесности. 5) Подготовительныя работы къ сочиненію о кредитѣ (Du crédit public).—De l'administration des finances.—Sur le crédit.—Des agioteurs.—Du systême de Law. 6) Журналъ различныхъ путешествій по Германіи. 7) Путешествіе по Франціи, Италіи и Швейцаріи 1809 года. Н. Ш.

всеобщемъ рукоплесканіи вышелъ. Черты лица его показываютъ геній, заботливость на нихъ написана. Я не нашелъ у него того суроваго взгляда, который ему приписываютъ, иногда показывалась улыбка на устахъ его; хотя весьма короткое время могъ я пользоваться его зрѣніемъ, однако-же черты его останутся на вѣки въ моей памяти. Съ нимъ было два генерала и два придворныхъ. Они всѣ блестѣли, лишь Наполеонъ въ зеленомъ мундирѣ безъ всякаго шитья, съ двумя эполетами, бѣлыми обшлагами и звѣздою почетнаго легіона, сіялъ безсмертною своею славою".

10-го іюня 1811 года Данилевскій выѣхалъ изъ Геттингена обратно въ Россію, вмѣстѣ съ Николаемъ Ивановичемъ Тургеневымъ, бывшимъ въ продолженіе третъ лѣтъ неразлучнымъ товарищемъ его въ университетѣ. Въ запискахъ Александра Ивановича объ отъѣздѣ въ Россію и о пребываніи въ Петербургѣ до войны 1812 года читаемъ слѣдующее:

„Я не въ состояніи описать ужасной грусти, овладѣвшей мною при мысли, что я навсегда оставлялъ Геттингенъ гдѣ я провелъ счастливо тотъ возрастъ моей жизни, который можно назвать цвѣтомъ нашего земнаго существованія, т. е. отъ 17-ти до 20-ти лѣтъ, и въ которомъ я, такъ сказать, переродился. Нѣсколько соотечественниковъ [1]) провожали насъ до трактира, называемаго „Das deutsche Haus", а когда мы простились и остались вдвоемъ въ коляскѣ, мнѣ представилось все, чего я лишался, всѣ удовольствія, которыя уже никогда не надѣялся вкушать съ такимъ наслажденіемъ и которыя можетъ цѣнить только тотъ, кто живалъ въ нѣмецкихъ университетахъ и не употреблялъ времени своего во зло. Горькія слезы прерывали поминутно наши слова. Въ такомъ положеніи мы провели ночь".

„На слѣдующее утро заблистало ясное солнце, природа являла всѣ свои прелести, но каково было въ сердцахъ нашихъ?—это другой вопросъ. Вдругъ, послѣ грусти, обуревавшей насъ въ прошедшую ночь, нашло на насъ такое веселіе или, лучше сказать, забвеніе насъ самихъ, что мы хохотали какъ дѣти; встрѣчавшіеся намъ по дорогѣ предметы подавали для насмѣшекъ обильную жатву. Кто бывалъ въ Германіи, тому извѣстно, что нигдѣ нѣтъ столько, какъ въ сей землѣ, пищи для комиковъ. Между прочимъ, мы видѣли образчикъ нѣмецкаго гостепріим-

[1]) Братъ А. И. Тургенева, Сергѣй Ивановичъ, и Петръ Павловичъ Каверинъ. Н. Ш.

ства. Проѣзжая одну деревню, захотѣлось намъ пить, мы остановились возлѣ дома, у котораго сидѣло человѣкъ десять крестьянъ, и попросили у нихъ стаканъ воды: „У насъ нѣтъ ничего для васъ, сказалъ одинъ изъ нихъ,—вотъ трактиръ, поѣзжайте туда“.

„Въ полночь мы пріѣхали въ Веймаръ и расположились тамъ на сутки. Ночью мы выѣхали въ Лейпцигъ. Здѣсь я разстался съ Тургеневымъ; онъ поѣхалъ въ Италію и во Францію, а я отправился въ Дрезденъ въ дилижансѣ. Общество было самое скучное; красивыя мѣстоположенія, мимо которыхъ мы слѣдовали, не могли разсѣять моей скуки. Когда я ѣхалъ изъ Россіи въ университетъ, я съ восхищеніемъ любовался Мейсеномъ и съ жаромъ описывалъ въ своемъ журналѣ дорогу, туда ведущую, а теперь принужденъ довольствоваться однимъ воспоминаніемъ прежнихъ восторговъ. Пойду, думалъ я, по прибытіи въ Дрезденъ, въ тѣ мѣста, гдѣ я прежде былъ такъ веселъ; но ни концертъ, ни благорастворенный воздухъ, ни прелестные виды, открывающіеся на Эльбу, не могли меня утѣшить, а смотря на добрыхъ нѣмцевъ, которые наслаждались въ саду прекраснымъ вечеромъ, я подумалъ, что скоро разстанусь съ симъ народомъ, котораго отъ всей души полюбилъ, къ которому привыкъ какъ къ соотечественникамъ своимъ, и сіе самое еще болѣе меня печалило. Я возвратился и занялся „Кредитомъ“, онъ составлялъ тогда цѣль моей жизни [1].“

---

[1]) Замѣтимъ здѣсь, что еще въ Геттингенѣ Данилевскій началъ писать на французскомъ языкѣ ученый, по политической экономіи, трактатъ о кредитѣ подъ заглавіемъ: „Recherches historiques et politiques sur les causes et les effets du crédit public“. Сочиненіе это осталось въ рукописи. Въ то время Данилевскій, чуждый честолюбивымъ замысламъ, мечталъ о томъ, чтобы всецѣло посвятить себя наукамъ и только думалъ, какъ бы поселиться въ уединенномъ уголкѣ и тамъ безпрепятственно заняться науками. Впослѣдствіи, когда Данилевскій, неожиданно для себя, очутился на поприщѣ, къ которому вовсе не готовился, онъ въ свободное время всегда съ особенною любовью возвращался къ этому труду, въ которомъ, какъ сказано въ запискахъ: „благодаря свойственному юности очарованію, я надѣялся найти для себя безсмертіе“. Въ 1824 году, когда Данилевскій уже въ чинѣ генерала командовалъ бригадою въ Кременчугѣ, онъ задумалъ издать это сочиненіе на русскомъ языкѣ, но успѣлъ только обработать три главы. Служебныя тревоги и заботы воспрепятствовали ему привести это сочиненіе къ окончанію; а впослѣдствіи военно-историческіе труды окончательно направили литературную дѣятельность Данилевскаго на другое поприще.

Н. Ш.

„На другой день я былъ у нашего посланника Ханыкова, и меня очень радовало, что я говорилъ съ нимъ не какъ мальчикъ, подобно тому, какъ за три года, ибо тогда неопытность моя и малыя обо всемъ свѣдѣнія дѣлали меня робкимъ въ присутствіи почетныхъ особъ, но объяснялся какъ возмужалый человѣкъ, съ твердостію. Не могу при семъ не упомянуть о слѣдующемъ анекдотѣ, который показываетъ, сколь наши дипломаты несвѣдущи въ русскомъ языкѣ“.

„Я пошелъ къ секретарю нашего посольства Шредеру за паспортомъ для проѣзда въ Россію. Онъ писалъ его очень долго и выходилъ поминутно въ другую комнату, гдѣ онъ справлялся въ какой-то книгѣ, перебирая въ ней листы; наконецъ, подойдя ко мнѣ, онъ спросилъ, закраснѣвшись, какъ должно поставить въ паспортѣ, что я ѣду чрезъ Варшава или чрезъ Варшавѣ, и признался, что книга, въ которую онъ смотрѣлъ, была грамматика, но что онъ не могъ найти настоящаго падежа“.

„Возвратясь отъ него, я видѣлъ ученіе саксонскихъ войскъ и удивился перемѣнѣ, мною въ нихъ найденной. Въ 1808 году мундиры на нихъ были стараго покроя, придававшіе имъ видъ инвалидовъ, построенія были медленныя, а теперь они учились и одѣты были на французскій ладъ...“

„Я весь день провелъ одинъ, переводилъ Адама Смита на русскій языкъ, и весьма былъ доволенъ, что отъ природнаго языка не такъ отсталъ, какъ я думалъ... Съ самаго отъѣзда моего изъ Гёттингена это былъ первый день, который я провелъ почти одинъ, и былъ собою очень доволенъ, потому что не скучалъ, умѣлъ не быть празднымъ и давать настоящую цѣну всякой книгѣ, которую бралъ въ руки. О Геттингенъ! думалъ я, чувствую сколь много я тебѣ обязанъ“.

„На другой день я пріѣхалъ въ Бауценъ, гдѣ мнѣ надобно было сутки ожидать лошадей. Привычка къ работѣ дала мнѣ возможность провести не скучно время въ семъ маленькомъ городкѣ, гдѣ я никого не зналъ. Естественно, что меня занимала мысль о новомъ, неизвѣстномъ поприщѣ, предстоявшемъ мнѣ въ отечествѣ моемъ. Чѣмъ болѣе я о семъ предметѣ думалъ, тѣмъ болѣе душа моя исполнялась какою-то робостію, и я полагалъ, что ничто не принесетъ мнѣ столько пользы, какъ быть отмѣнно осторожнымъ и скромнымъ въ моихъ поступкахъ. Сіе

казалось мнѣ потому необходимо, что я не имѣлъ въ Россіи ни покровителей, ни родственниковъ, на участіе во мнѣ коихъ я могъ-бы надѣяться; я полагалъ нужнымъ, сколь можно болѣе, входить самъ въ себя, по вечерамъ размышлять о днѣ, который прошелъ, и думать о томъ, который настанетъ, особенно-же по воскресеньямъ проходить мысленно истекшую недѣлю, подвергать строгому разбору дѣйствія мои и разсматривать съ пользою-ли я провелъ время. Для сего я составилъ себѣ въ университетѣ правила, въ Бауценѣ перечитывалъ и дополнялъ ихъ".

„Впослѣдствіи я увидѣлъ, что скромность, которую я сдѣлалъ основаніемъ моего поведенія, приносила мнѣ въ глубинѣ моей совѣсти утѣшеніе, но что въ большомъ свѣтѣ, при дворѣ и въ военной службѣ, я имѣлъ-бы несравненно болѣе успѣховъ, ежели-бы я былъ руководимъ смѣлостію или, лучше, дерзостію".

„Вечеромъ я пошелъ гулять по окрестностямъ Бауцена; положеніе города, такъ называемый „Schützenhof", все напоминало мнѣ Геттингенъ. Каждый шагъ меня отъ него удалялъ, но каждый шагъ приближалъ и къ Россіи; какимъ чувствамъ надлежало предаваться? Могъ-ли я думать тогда, когда бродилъ около Бауцена въ совершенномъ одиночествѣ, никѣмъ незнаемый въ мірѣ, и въ полномъ увѣреніи жизнь мою посвятить наукамъ, что, менѣе нежели черезъ два года, я буду здѣсь въ сраженіи, украшенный орденами, отличенный знаменитыми людьми и извѣстный государю?"

„Возвратясь съ прогулки, я читалъ газеты и, между прочимъ, нашелъ, что одинъ молодой человѣкъ застрѣлился въ Вѣнѣ отъ того, что онъ полагалъ способности свои возвышеннѣе, нежели мѣсто, которое онъ занималъ. Издатель вѣдомостей дѣлалъ разныя по сему поводу насмѣшки. Онѣ были мнѣ досадны. Мнѣ казалось, что такого рода самоубійства служили къ чести нашего времени, явно доказывая, что люди начинали узнавать собственную свою цѣну, и недовольны были, когда судьба опредѣляла пылкому воображенію ихъ скромный удѣлъ. Если-бы сей благородный юноша, думалъ я, имѣлъ обширный кругъ для своей дѣятельности, то онъ сдѣлался-бы, можетъ быть, извѣстенъ подвигами или доблестію, а теперь онъ палъ жертвою духа своего времени. Вѣроятно, что я извинялъ поступокъ молодаго человѣка потому, что я находилъ нѣкоторое подобіе въ его поло-

женіи съ тою участію, которая, по моему мнѣнію, вѣроятно, ожидала меня въ Россіи."

„Оставивъ Бауценъ, я скоро пріѣхалъ въ Силезію, гдѣ перемѣна въ сравненіи съ Саксоніею была весьма ощутительна. Въ Саксоніи жители казались довольными, сколько при тогдашнемъ стѣсненномъ положеніи Европы сіе быть могло; напротивъ, въ Силезіи я видѣлъ общее негодованіе на правительство; налоги были чрезмѣрно отяготительны, континентальная система разорили помѣщиковъ и крестьянъ, доходы съ земель упали, множество недвижимыхъ имѣній частныхъ людей и принадлежавшихъ казнѣ продавали за безцѣнокъ, а запрещенія, изданныя въ Россіи и Саксоніи, насчетъ вывоза изъ Силезіи суконъ и холста, лишили пропитанія множество рабочихъ людей и увеличили общее бѣдствіе. Но болѣе всего тяготило пруссаковъ унизительное положеніе, въ которое повергнуты они были тильзитскимъ миромъ. Французы поступали съ отечествомъ ихъ, какъ съ завоеваннымъ краемъ, и очень дорого имъ стоили, напримѣръ, на содержаніе Гіеронима Наполеона вышло въ одни сутки 200 талеровъ, а на маршала Мортье—въ сутки 500 талеровъ, кромѣ квартиры его, дровъ, свѣчей и продовольствія его лошадей".

Чтобы получить нѣкоторое понятіе о Польшѣ, Данилевскій направилъ путь свой изъ Силезіи на Варшаву; впечатлѣнія, вынесенныя имъ во время путешествія по герцогству Варшавскому, не были весьма благопріятны. Привыкнувъ въ Германіи, разсказываетъ онъ, видѣть повсемѣстную опрятность, порядокъ и довольство, мнѣ показалось, при въѣздѣ въ первыя польскія деревни, что я очутился въ жилищѣ дикихъ. Относительно Варшавы Данилевскій замѣчаетъ, что она уподоблялась крѣпости, находившейся въ осадѣ; въ ней видны были одни солдаты и ученія; всюду раздавался барабанный бой. Подготовляя нашествіе на Россію, Наполеонъ успѣлъ обратить Польшу въ военный лагерь.

Данилевскій переѣхалъ границу въ Тыкочинѣ.

„Подняли рогатку, я переѣхалъ по мосту черезъ Наревъ, потомъ черезъ другой мостъ и очутился подлѣ казаковъ. Донцы приняли меня и угостили съ такимъ радушіемъ, что я сказалъ самъ себѣ: я теперь дома! Съ той минуты, какъ я переѣхалъ

границу, я сталъ спокойнѣе; пламенное чувство любви къ отечеству изгладило на время изъ души моей всѣ другія ощущенія".

12-го іюля 1811 г. Данилевскій прибылъ въ Петербургъ и для него настали тяжкіе дни. Но обратимся снова къ запискамъ:

„Теперь начинаю описывать самое скучное время моей жизни; это были первые три или четыре мѣсяца, проведенные въ Петербургѣ по возвращеніи моемъ изъ университета. Я нашелъ все столь перемѣнившимся, вѣроятно, отъ того, что я самъ во всѣхъ отношеніяхъ сталъ другимъ человѣкомъ, что меня ничто не веселило. Имѣніе мое, состоявшее въ денежномъ капиталѣ, пришло въ великій упадокъ отъ пониженія достоинства ассигнацій, ибо при отъѣздѣ моемъ изъ Россіи, бумажный рубль терялъ по тридцати, а по возвращеніи курсъ упалъ до 300 процентовъ; къ тому-же, деньги мои розданы были частнымъ людямъ, съ коихъ я не надѣялся получить въ скоромъ времени должной мнѣ суммы. Эти обстоятельства лишили меня надежды купить недвижимое имѣніе, котораго мнѣ давно чрезвычайно желалось, чтобы съ помощію доходовъ его вести независимую ученую жизнь, со временемъ еще разъ побывать въ Гёттингенѣ и для усовершенствованія моего въ политическихъ наукахъ и для изданія въ свѣтъ „Кредита", посѣтить эдинбургскій университетъ. Разстройство дѣлъ моихъ, болѣе нежели честолюбіе, ибо я все стремленіе мое полагалъ въ снисканіи имени въ ученомъ свѣтѣ, понудило меня искать службы. Но къ кому отнестись, кому объяснить то, чему я учился и желаніе мое получить такое мѣсто, которое-бы служило пищею для души моей и не оторвало-бы меня изъ круга занятій моихъ? Старинные пріятели отца моего меня не понимали или предлагали такія ничтожныя канцелярскія мѣста, что я никакъ не могъ принять ихъ, не унизивъ себя въ собственныхъ глазахъ моихъ; другіе изъ нихъ показывали такое неуваженіе къ наукамъ, что я не имѣлъ духа продолжать съ ними знакомство. Между прочимъ, не могу я забыть грубаго пріема сенатора Теплова, къ которому я также пошелъ съ посѣщеніемъ, какъ бывшему пріятелю родителя моего, и отъ коего ожидалъ тѣмъ болѣе ласковой встрѣчи, что онъ самъ находился нѣкогда въ чужихъ краяхъ. Тепловъ заставилъ меня ожидать себя долго въ передней, и, наконецъ, выйдя ко

мнѣ, сказалъ нѣсколько язвительныхъ шутокъ насчетъ учености и путешествій, и даже не приглася меня бывать у него, весьма сухо со мною простился. За то и я ему отплатилъ жестоко черезъ пять лѣтъ. Будучи флигель-адъютантомъ, находился я съ государемъ въ Орлѣ [1]), и послѣ стола его величества, на которомъ былъ и Тепловъ, онъ ко мнѣ подошелъ съ распростертыми объятіями и называлъ меня стариннымъ знакомымъ, но я, отступя отъ него на шагъ, при всѣхъ напомнилъ о надменномъ его со мною обращеніи въ 1811 г., и описавъ оное рѣзкими красками, заставилъ предстоявшихъ хохотать, а Теплова краснѣть. Это одинъ разъ въ моей жизни, что я былъ мстителенъ".

„Сіе обстоятельство породило во мнѣ такое отвращеніе отъ свѣта, что я сдѣлался совершеннымъ мизантропомъ, нанялъ себѣ двѣ небольшія комнаты, ни къ кому не ходилъ, приводилъ въ порядокъ мои геттингенскія сочиненія и выписки, обрабатывалъ „Кредитъ" и журналы моихъ путешествій и гулялъ по кладбищамъ и пустыннымъ петербургскимъ окрестностямъ. Я помѣстилъ тогда слѣдующіе стихи Мальмана, соотвѣтствовавшіе моему положенію, эпиграфомъ на разныя бумаги, написанныя мною въ университетѣ:

Ich denk an euch, ihr himmlisch schönen Tage
Der seeligen Vergangenheit,
Komm, Götterkind, o Phantasie, und trage
Mein sehnend Herz zu seiner Blüthenzeit [2]).

„Ежели-бы я въ то время имѣлъ настоящую мою опытность, то я-бы, по возвращеніи въ Россію, написалъ просто къ государю, что я учился съ прилежаніемъ, что пріобрѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія и предлагаю мои услуги; я увѣренъ, что письмо мое подѣйствовало-бы на Александра, но тогда я былъ такъ молодъ, такъ мало зналъ свѣтъ и столь робокъ, что и воображеніемъ не смѣлъ вознестися до престола императорскаго".

„Вообще, сколь ни основательно и ни полезно ученіе въ нѣмец-

---

[1]) Въ 1817 году Алексѣй Григорьевичъ Тепловъ, д. т. с. и поч. опекунъ, сенаторъ съ 1802 года, родился 1757 г., † 1826 г.

[2]) „Я думаю о васъ, волшебно чудные дни счастливаго прошлаго; снизойди-же ко мнѣ, дитя небесъ, фантазія и перенеси мое томящееся сердце къ цвѣтущей порѣ минувшаго. Н. Ш.

кихъ университетахъ, но оно имѣетъ тотъ недостатокъ для молодыхъ людей, которые, подобно мнѣ, по выходѣ изъ оныхъ находятся безъ руководителей, что они имѣютъ слишкомъ преувеличенныя понятія о своей учености: будучи въ кабинетахъ своихъ столь отважны, что рѣшаютъ на бумагѣ участь народовъ и въ мысляхъ носятся въ самые отдаленные предѣлы фантазіи, они въ настоящихъ понятіяхъ о людяхъ и отношеніяхъ ихъ остаются совершенными дѣтьми, отчего происходитъ недовѣрчивость къ самимъ себѣ, останавливающая ихъ на каждомъ шагу".

„Сіе самое случилось и со мною; грусть овладѣла мною до такой степени, что во мнѣ родилась мысль о самоубійствѣ, и даже—ужасаюсь писать—день для исполненія онаго былъ назначенъ, но, къ счастію, фортуна нечаянно мнѣ улыбнулась, слабый лучъ надежды блеснулъ и повелъ меня по новому пути жизни".

„Года за два, до моего возвращенія въ Россію, изданъ былъ указъ, на основаніи коего гражданскіе чиновники обязаны были, для полученія штабъ-офицерскаго чина, выдержать испытаніе въ наукахъ; я былъ тогда титулярнымъ совѣтникомъ и слѣдственно подлежалъ сему постановленію. Думая, что надобно будетъ когда-нибудь служить, то, чтобы во время службы не препятствовалъ мнѣ экзаменъ къ полученію чина, я рѣшился оному подвергнуться".

„Въ октябрѣ мѣсяцѣ вечеромъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ приготовленій, я пошелъ въ комитетъ экзаменаторовъ, составленный изъ профессоровъ петербургскаго университета, большею частію венгерцевъ, и объявилъ о намѣреніи моемъ. Меня спросили, въ чемъ я желаю сначала быть экзаменованъ, и естественно, что мой отвѣтъ былъ—въ политическихъ наукахъ. Мнѣ предложили, какъ сіе водилось, коробочку, въ которой находилось нѣсколько десятковъ свернутыхъ бумажекъ, заключавшихъ въ себѣ вопросы; я вынулъ тотъ, который мнѣ попался, и увидѣлъ, что въ немъ написано было „о работѣ". Вмѣсто отвѣта, я просилъ профессора Балугіанскаго, которому порученъ былъ экзаменъ въ политической экономіи, назначить сколько времени мнѣ говорить о семъ предметѣ, ибо, присовокупилъ я, могу вамъ оный объяснить въ пять минутъ и распространиться о немъ нѣсколько часовъ. Надобно было видѣть удивленіе моего

венгерца, онъ вѣжливо сказалъ мнѣ, что предоставляетъ на волю мою. Занимавшись государственнымъ хозяйствомъ три года, имѣвши въ свѣжей памяти всѣ отрасли онаго и въ намѣреніи воспользоваться симъ случаемъ, чтобы отмстить за неуваженіе, оказанное мнѣ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Петербургѣ, я приступилъ къ рѣшенію предложенной мнѣ задачи съ такимъ жаромъ, и на всѣ представляемыя Балугіанскимъ опровержснія возражалъ съ такою основательностью, что величайшее одобреніе явно начертывалось на лицѣ сего честнаго человѣка и что прочіе профессора, экзаменовавшіе въ той-же комнатѣ другихъ молодыхъ людей, перестали ихъ спрашивать и начали слушать мои пренія съ Балугіанскимъ, который отъ работы переходилъ по всѣмъ частямъ государственнаго хозяйства и финансовъ, что продолжалось часа съ два. Послѣ сего Балугіанскій объявилъ, что хотя и слѣдовало-бы по существовавшему постановленію предложить мнѣ еще два или три вопроса, но что онъ это почитаетъ излишнимъ и свидѣтельствуется въ семъ своими товарищами, тутъ находившимися. Разспросивъ меня, гдѣ я учился, онъ меня обнялъ и пригласилъ къ себѣ въ гости на другой день. Это была первая моя награда за годы молодости, проведенные мною въ ученіи, первое мое торжество, а потому я описалъ нѣсколько пространно сіе происшествіе, для меня тѣмъ незабвенное, что оно примирило меня съ жизнію".

„Я пошелъ къ нему на другой день и онъ встрѣтилъ меня предложеніемъ служить по министерству финансовъ. Поблагодаривъ его, я отвѣчалъ, что въ такомъ только случаѣ мнѣ сіе будетъ пріятно, ежели мнѣ дадутъ мѣсто соотвѣтственное моимъ университетскимъ занятіямъ: „я знаю, что̀ вамъ надобно, прервалъ онъ, приходите завтра въ одиннадцать часовъ къ министру финансовъ Гурьеву, гдѣ ожидайте меня". Дѣйствительно, едва я явился на другой день въ домъ министра, какъ меня Балугіанскій тамъ встрѣтилъ и сказалъ, что онъ уже Гурьева обо мнѣ предупредилъ. Минутъ черезъ пять камердинеръ, который при входѣ моемъ въ пріемную залу едва меня удостоилъ взглядомъ, позвалъ меня въ кабинетъ. Гурьевъ принялъ меня самымъ обязательнымъ образомъ, и сей министръ, котораго всѣ вообще упрекали въ гордости, былъ первый, который въ Россіи оказалъ мнѣ истинное участіе, а потому я почитаю его въ числѣ моихъ

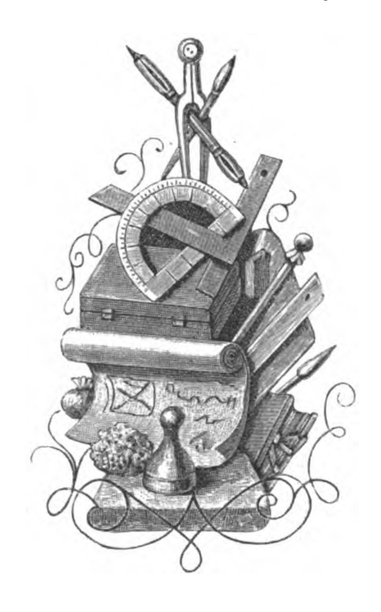
благодѣтелей. Онъ сказалъ мнѣ, что слышалъ отъ Балугіанскаго столь выгодные отзывы на мой счетъ, что непремѣнно желаетъ, чтобы я у него служилъ, и назначаетъ мнѣ мѣсто секретаря во вновь образовавшемся отдѣленіи своей канцеляріи по ученой части, но такъ какъ сіе отдѣленіе еще не существовало, то онъ до тѣхъ поръ хотѣлъ занимать меня особенными дѣлами. Можно легко посудить, сколь я доволенъ былъ, что пошелъ на экзаменъ, ибо я получилъ, наконецъ, мѣсто, а что еще болѣе, извлеченъ былъ изъ ужасной грусти, снѣдавшей меня со времени пріѣзда моего въ Петербургъ".

„Первое дѣло, которое мнѣ поручили по министерству финансовъ, состояло въ сочиненіи новаго тарифа для азіятской торговли подъ начальствомъ ст. сов. Лобри, долгое время служившаго по таможенной части и составившаго себѣ, посредствомъ сего, огромное состояніе, но вовсе чуждаго государственному хозяйству и торговлѣ. Любопытно было видѣть изумленіе сего человѣка, когда дѣло дошло до выпуска изъ Россіи золотой и серебряной монеты, который я, разумѣется, предложилъ сдѣлать свободнымъ. „Такъ этому-то васъ учатъ въ Геттингенѣ", говорилъ онъ въ подобныхъ случаяхъ съ сожалительнымъ смѣхомъ, а иногда и въ сердцахъ, когда видалъ мое упорство въ защищаемомъ мною мнѣніи. Никакіе доводы, основанные на истинныхъ началахъ политической экономіи, ни имена Адама Смита, Ганиля, Сисмонди и другихъ знаменитыхъ писателей не могли восторжествовать надъ закоренѣлыми его меркантилическими предразсудками. Работа моя, я говорю моя, ибо Лобри ничего не дѣлалъ, шла столь успѣшно, что приводила его въ удивленіе, и заслужила мнѣ совершенное расположеніе министра, которому мы приносили оную на разсмотрѣніе по мѣрѣ того, какъ каковая либо часть тарифа была окончена".

„Находясь ежедневно въ канцеляріи и въ пріемныхъ комнатахъ Гурьева, я познакомился со многими чиновниками его министерства и рѣшительно могу сказать, что ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ не токмо никакихъ понятій о финансахъ, но не подозрѣвалъ даже, что существуетъ теорія сей науки, кромѣ самаго министра. Сему обстоятельству я былъ обязанъ тѣмъ, что, съ перваго моего поступленія подъ его начальство, онъ меня отмѣнно отличалъ и, призывая, въ кабинетъ по дѣламъ азіят-

скаго тарифа, иногда спрашивалъ моего мнѣнія и даже совѣта, и такъ какъ доступъ до него былъ труденъ, то начали мнѣ завидовать, но я думалъ съ нѣмецкимъ стихотворцемъ: „Далеко еще не изъ худшихъ тѣ плоды, на которые налетаютъ осы".

„Въ семъ положеніи я окончилъ 1811 годъ, вспоминая притомъ и перѣдко въ слезахъ о мѣстѣ, гдѣ я получилъ мое образованіе или, лучше сказать, правственное бытіе; признательность моя къ нему не изгладится никогда изъ души моей".

II.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1812 года Данилевскій окончилъ работы по азіятскому тарифу и былъ назначенъ помощникомъ секретаря во вновь образованномъ отдѣленіи канцеляріи министра финансовъ, имѣвшемъ цѣлью разсмотрѣніе различныхъ проектовъ; жалованіе ему было опредѣлено 1500 рублей. Секретаремъ этого отдѣленія былъ назначенъ Николай Ивановичъ Тургеневъ, бывшій сотоварищъ Данилевскаго по Геттингенскому университету.

Настала гроза 1812 года. 6-го іюля послѣдовало возваніе

императора Александра къ народу о повсемѣстномъ вооруженіи. Прочитавъ его, Данилевскій далъ себѣ слово вступить въ ополченіе; при содѣйствіи Логина Ивановича Кутузова, племянника князя Михаила Иларіоновича, онъ былъ представленъ свѣтлѣйшему, который обласкалъ молодаго человѣка и приказалъ придти къ себѣ на другой день. Данилевскій явился; Кутузовъ принялъ его милостиво, разспрашивалъ о путешествіяхъ и о занятіяхъ и въ заключеніе сказалъ, что принимаетъ его въ свою канцелярію. Поблагодаривъ князя, Данилевскій отвѣчалъ, что сколь ни лестно ему быть при особѣ свѣтлѣйшаго, однакоже не желаетъ служить по канцеляріямъ, но надѣется быть употребленнымъ противъ непріятеля. „Ну такъ будь же при мнѣ въ должности адъютанта“, сказалъ князь. Къ величайшей радости Данилевскаго онъ оставался въ этой должности и послѣ возведенія князя Кутузова въ званіе главнокомандующаго всѣми русскими арміями.

Въ началѣ августа Данилевскій отправился въ армію. Въ главной квартирѣ онъ сблизился съ любимцемъ князя Кутузова, исправлявшимъ должность дежурнаго генерала, полковникомъ Кайсаровымъ и вскорѣ пріобрѣлъ полную его довѣренность. Нерѣдко призывалъ его къ себѣ и главнокомандующій и поручалъ ему составленіе различнаго рода бумагъ. Но занятія по письменной части не препятствовали молодому ополченцу подвизаться также и на ратномъ полѣ; онъ участвовалъ въ разныхъ аріергардныхъ дѣлахъ и въ Бородинскомъ побоищѣ, и съ честью выдержалъ огненное крещеніе.

По прибытіи арміи въ Тарутинскій лагерь, Данилевскому поручили составленіе журнала военныхъ дѣйствій; на него указалъ, какъ на подходящее лице, генералъ-квартирмейстеръ, Толь. Успѣшное выполненіе этого порученія положило основаніе служебнымъ успѣхамъ Данилевскаго, и Кутузовъ началъ поручать ему самыя важныя и секретныя дѣла [1]). Къ тому же,

---

[1]) Въ запискахъ о 1812 годѣ Данилевскій замѣчаетъ по поводу этого происшествія, положившаго начало его блистательной карьеры, слѣдующее: „Молодой человѣкъ, который чувствуетъ въ себѣ искру дарованія, вспомни о той минутѣ, когда люди въ первый разъ отдаютъ тебѣ справедливость и тѣмъ вознаграждаютъ тебя за всѣ бдѣнія твои, проведенныя только въ ученіи, и ты постигнешь радость, которую тогда исполнило сердце мое“.

Н. Ш.

независимо отъ дара изложенія и знанія языковъ, Данилевскій обладалъ четкимъ и красивымъ почеркомъ; поэтому фельдмаршалъ нерѣдко приказывалъ важнѣйшія бумаги писать въ собственной избѣ и такъ какъ для переписки не требовалось писаря, то оказалось возможнымъ полное сохраненіе тайны, къ величайшему удовольствію главнокомандующаго.

Пользуясь своимъ положеніемъ въ главной квартирѣ, Данилевскій предложилъ Кутузову издавать „Извѣстія изъ арміи", на подобіе французскихъ бюллетеней, предназначая ихъ для разсылки по губерніямъ. „Исторіографа арміи", какъ его уже тогда шутя называлъ Коновницынъ [1]) побудило къ тому преимущественно то обстоятельство, что послѣ сдачи Москвы нерѣдко пріѣзжали депутаты изъ разныхъ губерній узнавать, гдѣ находится русская армія и существуетъ-ли еще она? Россія находилась тогда дѣйствительно въ полномъ невѣдѣніи относительно положенія отечественныхъ дѣлъ, поэтому князь Кутузовъ принялъ предложеніе Данилевскаго съ особеннымъ удовольствіемъ и приказалъ ему немедленно этимъ заняться, а Толь съ восхищеніемъ его обнялъ.

Когда Данилевскій прочелъ Кутузову проектъ перваго „Извѣстія изъ арміи", онъ, по свойственной ему осторожности, перемѣнилъ только одно слово; извѣстіе оканчивалось предсказаніемъ, что враги, ворвавшіеся въ предѣлы Россіи, „найдутъ гробы свои въ нѣдрахъ отечества нашего". — „Почему ты это навѣрное знаешь, сказалъ фельдмаршалъ, что они найдутъ у насъ гробы свои? Напиши, что они найдутъ ихъ можетъ быть" [2]).

---

[1]) Припомнимъ здѣсь, что съ 7-го сентября генералъ Коновницынъ занялъ мѣсто дежурнаго генерала, вмѣсто полковника Кайсарова, котораго представили князю Кутузову, какъ человѣка неспособнаго занимать эту должность и какъ виновника множества безпорядковъ, происходившихъ въ арміи. „Я измѣнилъ бы истинѣ, пишетъ Данилевскій, если бы сказалъ, что не было разныхъ неустройствъ, но я не отношу ихъ на счетъ Кайсарова и приписываю чрезвычайнымъ обстоятельствомъ и необыкновенному положенію, въ которомъ мы находились, а также и неудовольствію многихъ генераловъ на Кайсарова, который, какъ любимецъ фельдмаршала, пользовался его неограниченнымъ довѣріемъ". Н. Ш.

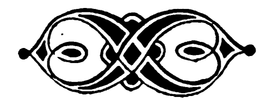
[2]) Другой разъ Данилевскій позволилъ себѣ употребить нѣкоторыя смѣлыя выраженія противъ Наполеона,—фельдмаршалъ прервалъ чтеніе и строго замѣтилъ: „Молодой человѣкъ, кто далъ тебѣ право издѣваться надъ

30-го сентября это первое извѣстіе, начинавшееся словами: „Армія находится болѣе недѣли близь села Тарутина, на правомъ берегу Нары, и, пребывая въ совершенномъ спокойствіи, получаетъ отъ того новыя силы“ было напечатано и разослано повсюду. Оно вызвало всеобщее одобреніе внутри имперіи и Данилевскому пришлось въ позднѣйшее время не разъ слышать отъ лицъ, не знавшихъ кто былъ сочинителемъ этого бюллетеня, что сообщенное извѣстіе способствовало нѣкоторымъ образомъ къ успокоенію государства. Любопытно также, что въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ о войнѣ 1812 года, появившихся впослѣдствіи въ печати, помѣщали въ уста князя Кутузова какъ слова, имъ сказанныя, исполненныя особой мудрости и предусмотрительности, собственныя мысли Данилевскаго, высказанныя имъ въ „Извѣстіяхъ изъ арміи“.

До сихъ поръ судьба покровительствовала Данилевскому—но вскорѣ ему предстояло испытать и невзгоды, прекратившія на время блистательно начавшуюся дѣятельность „исторіографа арміи“.

Въ сраженіи подъ Тарутинымъ (6-го октября) Данилевскій былъ раненъ пулею въ правую руку на вылетъ и награжденъ за эту битву владимірскимъ крестомъ съ бантомъ. Но вслѣдствіе раны, довольно тяжелой, онъ принужденъ былъ временно удалиться изъ арміи и ожидать выздоровленія въ Тулѣ; только въ концѣ декабря состояніе здоровья позволило ему возвратиться въ Петербургъ.

Едва раны Данилевскаго начали закрываться, какъ, прибывшій на короткое время въ Петербургъ, генералъ Коновницынъ привезъ приглашеніе князя Кутузова поспѣшить возвращеніемъ въ главную квартиру, причемъ предложилъ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ. Они настигли главную квартиру уже въ Плоцкѣ; начался походъ за освобожденіе Германіи.

однимъ изъ величайшихъ людей? Уничтожь неумѣстную брань“.—Анекдотъ этотъ служитъ подтвержденіемъ того высокаго мнѣнія, какое Кутузовъ имѣлъ о Наполеонѣ. Н. Ш.

III.

По прибытіи въ Плоцкъ, 3-го февраля, Данилевскій явился князю Кутузову и былъ принятъ самымъ милостивымъ образомъ. Фельдмаршалъ былъ гораздо веселѣе, чѣмъ въ Тарутинѣ, и сказалъ, между прочимъ, Александру Ивановичу: „ты опять останешься со мною". Генералъ-квартирмейстеръ Толь встрѣтилъ Данилевскаго съ распростертыми объятіями; онъ игралъ тогда первую роль, довѣріе къ нему государя и Кутузова было весьма велико, къ нему относились во всѣхъ дѣлахъ и безъ его совѣта ничего не предпринимали.

Въ главной квартирѣ, по замѣчанію Данилевскаго, произошла большая перемѣна противу того, что было въ Тарутинѣ, гдѣ всѣ ходили запросто и нерѣдко въ сюртукахъ, сшитыхъ изъ солдатскаго сукна и вообще жили какъ спартанцы, между тѣмъ какъ въ Плоцкѣ находился государь съ блестящею свитою, появилось множество новыхъ лицъ, щегольскихъ лошадей и экипажей. Всѣ проявляли величайшую дѣятельность, писали и составляли планы для будущихъ военныхъ дѣйствій; особенное вниманіе обращено было на формированіе запасныхъ войскъ и на союзъ съ Пруссіею и Австріею. Вновь назначенный 28-го декабря 1812 года начальникомъ штаба арміи, князь Волконскій поручилъ Данилевскому составленіе военнаго журнала и иностранную переписку.

Въ началѣ февраля главная квартира выступила въ Калишъ. „Государь, пишетъ Данилевскій, былъ всегда верхомъ, одѣтъ щеголемъ и удовольствіе не сходило съ прекраснаго лица его. Мы удалились болѣе 300 верстъ отъ границъ нашихъ, но никто не встрѣтилъ насъ какъ своихъ избавителей. Одни евреи, одѣтые въ шутовскіе наряды, выносили предъ каждое мѣстечко, лежавшее на нашей дорогѣ, священныя свои утвари и разноцвѣтныя хоругви, съ изображеніемъ на нихъ вензеля государя; при приближеніи нашемъ они били въ барабаны и играли въ трубы и литавры. Иногда показывались поляки, которые, по обыкновенію своему, сами не знали чего они хотѣли; одни говорили, что имъ наскучило иго французовъ, другіе же смотрѣли на насъ съ сердитыми лицами, что было весьма естественно, какъ по

закоренѣлымъ въ нихъ къ намъ чувствамъ, такъ и потому, что каждый шагъ нашей арміи впередъ отлагалъ часъ возстановленія Польши". „Впрочемъ, замѣчаетъ Данилевскій, полякамъ нельзя было на насъ жаловаться, ибо армія наша соблюдала величайшій порядокъ".

Между тѣмъ, занялись образованіемъ временнаго правительства въ Варшавскомъ герцогствѣ, какъ для устройства края, такъ и для обезпеченія продовольствія арміи. Для сего учредили верховный совѣтъ изъ пяти членовъ, по назначенію государя, и при немъ комитетъ изъ депутатовъ каждаго воеводства. „Неопытность наша въ дѣлахъ сего рода, разсказываетъ Данилевскій, была забавна, ибо поручено было разработать проектъ управленія Варшавскимъ герцогствомъ г. Безродному, служившему весь свой вѣкъ по провіантской и комиссаріатской частямъ, который не имѣлъ ни малѣйшихъ политическихъ свѣдѣній и даже не зналъ ни одного иностраннаго языка. Я съ нимъ встрѣтился передъ кабинетомъ князя Кутузова, и въ то время, какъ меня позвали къ его свѣтлости, Безродной меня остановилъ, прося убѣдительно доложить фельдмаршалу, что онъ находится въ величайшемъ затрудненіи, ибо, говорилъ онъ, я никогда въ свою жизнь не писывалъ конституцій".

Въ это время въ главной квартирѣ въ Калишѣ появился князь Адамъ Чарторижскій. Прибытіе страстнаго ревнителя возстановленія Польши служило доказательствомъ, что поляки начали отчаяваться въ успѣхахъ Наполеона и обратились „къ новому солнцу, восходившему на политическомъ небосклонѣ Европы".

Относительно Польши въ запискахъ 1813 года встрѣчается еще слѣдующая, не лишенная интереса, замѣтка. Данилевскій высказываетъ мнѣніе, что только относительно герцогства Варшавскаго государь уже въ началѣ заграничнаго похода имѣлъ опредѣленный планъ и намѣреніе присоединить его къ Россіи. „Я это заключаю по снисхожденію, которое онъ оказывалъ полякамъ и котораго они поведеніемъ своимъ не заслуживали. Напримѣръ, велѣно было генераламъ, командовавшимъ въ тылу нашими отрядами, выдавать польскимъ бѣглецамъ, приходившимъ къ намъ изъ крѣпостей, занятыхъ французами въ Пруссіи и въ Варшавскомъ герцогствѣ, виды для свободнаго возвращенія ихъ въ домы

ихъ, но, вмѣсто того, они отправлялись къ корпусу Понятовскаго. Изъ перехваченныхъ писемъ, коихъ чтеніе было поручено мнѣ, видно было, что въ Польшѣ скрытно дѣлались различныя приготовленія къ возстанію противъ насъ; въ окрестностяхъ Гумбинена вспыхнулъ бунтъ и вмѣсто примѣрнаго наказанія заговорщиковъ, взяли только подъ стражу нѣкоторыхъ изъ нихъ. Узнали также, что во многихъ мѣстахъ Польши свозилось тайно оружіе и вмѣсто наказанія оное отбирали; мѣры строгости, т. е. отправленіе буйныхъ головъ во внутренность Россіи, употребляемы были рѣдко. Я думаю, что одна изъ причинъ, почему европейскіе народы долго съ терпѣніемъ переносили иго французовъ, была та, что французы поступали въ управленіи или, лучше, въ угнетеніи съ нѣкоторымъ систематическимъ порядкомъ. Всякій народъ, подпавшій подъ ярмо ихъ, зналъ заранѣе какая будетъ участь его, законовъ его, финансовъ и даже самой словесности и наукъ; вслѣдствіе того побѣжденные принимали свои мѣры и, какъ могли, покоряли себя обстоятельствамъ. У насъ же, по юности-ли нашей или по непостоянству, свойственному русскому характеру, во всемъ были крайности, отчего происходилъ безпорядокъ и владычество наше казалось нестерпимѣе ига французовъ: или подчиняли людямъ слабымъ, каковъ былъ Ланской, предсѣдатель временнаго правительства, учрежденнаго въ Варшавѣ, или жестокимъ, каковъ былъ Эртель, начальникъ военной полиціи".

Такъ какъ замѣтили, что французы въ печатныхъ бюллетеняхъ и въ мелкихъ брошюрахъ старались увѣрять нѣмцевъ и отчасти успѣвали въ томъ, что будто мы преувеличиваемъ наши успѣхи и что ихъ потери въ Россіи не такъ значительны, то князь Кутузовъ приказалъ Данилевскому издавать на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ извѣстія о нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ, съ тѣмъ, чтобы изображать ихъ въ настоящемъ видѣ. Никогда, замѣчаетъ „исторіографъ арміи", не представлялось обширнѣйшаго поля для прославленія торжества своего отечества; однажды воображеніе до того его увлекло, что фельдмаршалъ сказалъ: „ты нынѣ испортился, ты не пишешь прозою, а сочиняешь оды".

Эти бюллетени сдѣлали Данилевскаго извѣстнымъ государю, ибо князь Кутузовъ былъ столь доволенъ первыми произведе-

ніями его пера, что самъ читалъ ихъ императору Александру и при этомъ рекомендовалъ государю молодаго автора.

Наконецъ, заключенъ былъ союзъ съ Пруссіею. Государь посѣтилъ Бреславль и въ Калишѣ поджидали короля Фридриха Вильгельма; но его просили помедлить нѣсколько своимъ прибытіемъ, по той причинѣ, что новые мундиры для нашей гвардіи не были готовы. „Заниматься подобными мелочами, пишетъ Данилевскій, въ то время, когда дѣло шло о спасеніи Европы и, особенно, о существованіи Пруссіи, казалось-бы не у мѣста, но государю хотѣлось представить новому союзнику отборное свое войско въ блестящемъ видѣ. Король сдѣлалъ довольно не складное привѣтствіе, по французски, князю Кутузову, который встрѣтилъ его стоя передъ войскомъ, и пожаловалъ ему орденъ чернаго орла. Послѣ того былъ смотръ и нѣсколько баловъ; но король былъ скученъ, вѣроятно потому, что онъ увидѣлъ малочисленность нашей арміи. Его проводили съ повторенными неоднократно обѣщаніями, что запасныя войска наши въ скорости прибудутъ и что не положатъ оружія, доколѣ Пруссія не будетъ возстановлена.

Общее вниманіе обращено было на князя Кутузова, который столько же превышалъ всѣхъ умомъ, сколько званіемъ своимъ и славою. Здоровье его начинало слабѣть, но память его была свѣжа до такой степени, что онъ неоднократно диктовалъ Данилевскому нѣсколько страницъ безостановочно; за то самъ не любилъ писать, признаваясь своему сотруднику, что онъ никогда не могъ порядочно выучиться письму, впрочемъ, замѣчаетъ Данилевскій, по всѣмъ частямъ свѣдѣнія его были необыкновенныя. Въ Калишѣ единодушно платили справедливую дань удивленія заслугамъ Кутузова и достоинствамъ, но его не любили за лукавство. Примѣтно было также, что были недовольны за то, что онъ неохотно подавался впередъ съ арміею; осторожность всегда составляла отличительную черту его характера. Можно-ли было его винить, что послѣ подвига, имъ въ прошломъ году совершеннаго, и пріобрѣтенной славы, когда безсмертіе было уже его удѣломъ, что онъ въ такое время не хотѣлъ дѣйствовать на удачу, не принявъ всѣхъ возможныхъ предосторожностей для обезпеченія успѣха. Хотя вліяніе его отчасти ограничивалось присутствіемъ государя, и онъ не имѣлъ, какъ

въ Отечественную войну, диктаторской власти, но безъ воли его ни къ чему не приступали. Когда недуги не позволяли ему лично докладывать императору по дѣламъ, то его величество приходилъ къ нему самъ и, заставая часто неодѣтымъ старца, увѣнчаннаго лаврами, занимался съ нимъ дѣлами въ его кабинетѣ. Вообще императоръ обращался съ нимъ со всевозможнымъ уваженіемъ: казалось, что онъ хотѣлъ вознаградить его за тѣ неудовольствія, которыя ему дѣлаемы были отъ двора со времени Аустерлицкаго сраженія.

„Я не могъ видѣть безъ особеннаго чувства фельдмаршала изнемогавшаго, читаемъ въ запискахъ Данилевскаго; однажды, я засталъ его лежавшаго на постелѣ, и онъ мнѣ сказалъ слабымъ голосомъ: „мой другъ, напиши отъ меня письмо къ королю прусскому и поблагодари его, что онъ мнѣ поручилъ свою армію“. Взглянувъ на черты лица его, на коемъ было написано изнуреніе силъ, я увидѣлъ живую картину ничтожества земнаго величія. Впрочемъ, когда онъ былъ здоровъ, то въ любезности никто не могъ съ нимъ сравниться. Извѣстно, что онъ былъ обожатель женскаго пола. Однажды, въ Калишѣ на балѣ я вышелъ изъ танцевальной залы въ удаленныя комнаты, гдѣ никого не было, наконецъ, въ одной изъ нихъ слышу хохотъ, вхожу туда и что-же вижу? нашего престарѣлаго фельдмаршала, привязывавшаго ленты у башмака прекрасной шестнадцати-лѣтней польки Маячевской“.

Вскорѣ въ служебномъ положеніи Данилевскаго произошла перемѣна. 7-го апрѣля 1813 г., когда уже вступили въ предѣлы Саксоніи, князь Волконскій сказалъ ему, что государю угодно, чтобы онъ перешелъ изъ ополченія въ военную службу, и что велѣлъ спросить его, куда желаетъ быть помѣщенъ, съ тѣмъ, однакоже, чтобы онъ остался при главной квартирѣ. Данилевскій отвѣчалъ, что предоставляетъ опредѣленіе свое волѣ государя, не желаетъ, однакоже, вступить въ армію ниже капитанскаго чина. Князь возразилъ, что императоръ, вѣроятно, на это не согласится, но тѣмъ не менѣе доложитъ ему. Черезъ часъ онъ возвратился съ отвѣтомъ государя, что не бывало примѣровъ, чтобы титулярныхъ совѣтниковъ принимали капитанами. Данилевскій остался при своемъ требованіи и присовокупилъ, что если государю это угодно, то онъ будетъ служить волонтеромъ при главной квартирѣ, и что по заключеніи мира намѣренъ оставить военную

службу и посвятить себя наукамъ. Князь вторично доложилъ и дѣло кончилось тѣмъ, что въ тотъ же вечеръ Данилевскій опредѣленъ былъ въ свиту его величества по квартирмейстерской части штабсъ-капитаномъ, т. е. капитаномъ арміи.

„Таковое удачное упрямство съ моей стороны, сказано въ запискахъ, должно бы было и на будущее время послужить мнѣ урокомъ, что настойчивостью можно было успѣть при дворѣ Александра; но я тогда такъ поступилъ, а неиначе по той причинѣ, что я не былъ еще лично знакомъ съ государемъ и не былъ, какъ впослѣдствіи, обвороженъ его личнымъ обращеніемъ. Такимъ образомъ я сдѣлался настоящимъ военнымъ“.

Въ это время князь Кутузовъ не могъ болѣе слѣдовать за арміею и по болѣзни остался въ Бунцлау. Ежедневно курьеры доносили государю о состояніи его здоровья, которое часъ отъ часу становилось слабѣе. Накапунѣ Люценскаго сраженія, когда готовились къ рѣшительному бою, пришла вѣсть о кончинѣ фельдмаршала, послѣдовавшей 17-го апрѣля, которую императоръ Александръ повелѣлъ содержать въ тайнѣ и не объявлять до окончанія предстоящаго дѣла. Непритворныя слезы оросили глаза тѣхъ, пишетъ Данилевскій, отъ которыхъ вѣсть сія не была сокрыта. „Кутузовъ умеръ на высочайшей степени человѣческаго величія со славою избавителя отечества, и самая смерть не могла постигнуть его въ благопріятнѣйшую для него минуту, ибо черезъ два дня послѣ его кончины мы проиграли сраженіе и отступали. Казалось, что онъ унесъ въ гробъ и счастіе наше. Для меня лично останется незабвенно, что сей великій мужъ почтилъ меня своею довѣренностью. Упоминая объ его кончинѣ въ военномъ журналѣ, я написалъ, что войска послѣ него осиротѣли; но слово сіе было вымарано государемъ“ [1]).

---

[1]) Данилевскій припоминаетъ, что еще за нѣсколько дней до выступленія изъ Калиша онъ предугадалъ близкую кончину фельдмаршала. „Я принесъ ему для подписанія бумагу; вмѣсто трехъ чертъ, коими онъ обыкновенно оканчивалъ подпись своего имени, сдѣлалъ онъ гораздо болѣе и, смотря на нихъ, сказалъ мнѣ: „Кажется, что я ошибся“.—„Вы написали двѣ литеры лишнихъ“, отвѣчалъ я, „но я ихъ выскоблю“.—„Нѣтъ, прервалъ онъ, я эту бумагу самъ уничтожу, а ты вели мнѣ приготовить другую, потому что Богъ знаетъ, что̀ обо мнѣ подумаютъ“. — Какое-то предчувствіе сказало мнѣ, что мы скоро его лишимся, и черезъ двѣ недѣли не стало того, для котораго потомство будетъ справедливѣе современниковъ“. Н. Ш.

Немедленно по полученіи извѣстія о кончинѣ Кутузова, императоръ Александръ поручилъ главное начальство надъ арміями графу Витгенштейну; король прусскій подчинилъ ему также свои войска и писалъ Блюхеру, чтобы онъ этимъ не оскорблялся: дѣло идетъ не о чинахъ, но о спасеніи отечества.

Данилевскій былъ свидѣтелемъ первой встрѣчи государя съ графомъ Витгенштейномъ послѣ похода 1812 года, происшедшей среди открытаго поля въ день Люценскаго сраженія: „Монархъ нѣсколько разъ обнималъ своего дотолѣ побѣдоносанаго полководца и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ благодарилъ его за подвиги, которые тѣмъ болѣе принесли ему славы, что до Отечественной войны онъ былъ на счету обыкновенныхъ генераловъ, и что никто не подозрѣвалъ въ немъ отличныхъ способностей. Что благодарность императора была искренняя доказывалось назначеніемъ его главнокомандующимъ въ то время. какъ въ дѣйствующей арміи находилось три генерала старѣе его въ чинѣ: Тормасовъ, Барклай и Милорадовичъ. Возвышеніе его на степень главнокомандующаго было пріятно для арміи, потому что его вообще любили за благородныя свойства его, за обходительность съ офицерами, и чего нельзя упускать изъ виду—за множество орденскихъ знаковъ, розданныхъ имъ въ корпусѣ, находившемся подъ его начальствомъ; онъ за каждое дѣло, сколь бы оно маловажно ни было, представлялъ къ наградамъ. Но скоро убѣдились, что званіе, въ которое онъ былъ облеченъ, не соотвѣтствовало его силамъ, и къ нему можно по справедливости примѣнить извѣстный стихъ Вольтера:

Tel brille au second rang, qui s'éclipse au premier.

Участіе, принятое Данилевскимъ въ Люценскомъ и Бауценскомъ сраженіяхъ, изложено имъ въ разсказѣ, проливающемъ яркій свѣтъ на печальную обстановку, при которой проливалась русская кровь для чуждаго намъ дѣла: освобожденія Германіи:

„19-го апрѣля по полученіи вѣрнаго извѣстія, что непріятели сосредоточились около Люцена, положили немедленно ихъ атаковать. На другой день 20 го числа, мы выступили въ два часа пополуночи въ городокъ Пегау, гдѣ наша армія находилась уже сутки. Впереди города остановился императоръ, король прусскій, графъ Витгенштейнъ и множество генераловъ;

тутъ проходило мимо насъ до 40.000 пруссаковъ, на лицахъ ихъ видно было желаніе сразиться [1]). Въ продолженіе марша ихъ жители города приносили намъ разные съѣстные припасы и вино и угощали съ величайшимъ радушіемъ".

„Въ 10 часовъ утра я поѣхалъ съ княземъ Волконскимъ и подполковникомъ Брозинымъ рекогносцировать непріятеля; мы вошли сперва на самую высокую колокольню Пегаускую, откуда видны были Лейпцигъ, Люценъ и Вейсенфельсъ, но по дальности я не могъ различить французскихъ войскъ; множество жителей стояли на колокольнѣ; они старались какъ-бы угадать изъ нашихъ взглядовъ намѣренія наши и участь, ихъ ожидавшую. Потомъ сѣвши верхомъ, мы поѣхали впередъ. Армія выстраивалась въ боевой порядокъ, въ рядахъ ея царствовала тишина, предвѣстница грома, долженствовавшаго скоро надъ нею разразиться. Аванпосты наши стояли на курганахъ; съ одного изъ нихъ я увидѣлъ ясно непріятельскія колонны; приложивши ухо къ землѣ, я услышалъ, что французы били тревогу. Проѣхавши по цѣпи ведетовъ и собравъ нужныя свѣдѣнія, я возвращался, какъ повстрѣчалъ одного престарѣлаго прусскаго генерала съ многочисленною свитою. Это былъ Блюхеръ, котораго я здѣсь впервые увидѣлъ, и излишне описывать сего героя, ибо кто его не знаетъ? Но я скажу только, что, не взирая на преклонныя его лѣта, огонь юности блисталъ въ его глазахъ. „Зачѣмъ вы ѣздили въ передовую цѣпь", спросилъ онъ меня съ видомъ подозрѣнія, ибо русскіе тогда еще не были знакомы съ пруссаками и

---

[1]) Императоръ Александръ прибылъ въ Пегау въ четвертомъ часу, и не засталъ здѣсь пруссаковъ, которымъ по диспозиціи надлежало прибыть сюда уже ранняго утра. Это промедленіе произошло, по объясненію Данилевскаго, отъ того, что диспозиція, привезенная наканунѣ поздно вечеромъ въ главную квартиру генерала Блюхера, была вручена одному офицеру, погруженному въ столь крѣпкій сонъ, что онъ, росписавшись въ полученіи ея, не прочитавъ, положилъ ее подъ подушку. Проснувшись, онъ вспомнилъ, что ночью привезли ему какую-то бумагу. Онъ распечатываетъ конвертъ, находитъ въ немъ распоряженіе къ бою, и къ изумленію своему видитъ, что давно уже прошелъ часъ, назначенный главнокомандующимъ къ выступленію. Это обстоятельство было главною причиною, по которой предначертанія графа Витгенштейна не могли быть приведены въ дѣйствіе съ полнымъ успѣхомъ.

Прусскія войска проходили мимо монарховъ до 10 часовъ утра.

Такимъ образомъ въ 11 часовъ вмѣсто 7-ми, какъ было приказано, послѣдніе полки Блюхера и Іорка переправились черезъ р. Эльстеръ при Пегау и Штарквицѣ. Н. Ш.

въ первый разъ въ походѣ шли вмѣстѣ въ дѣло. Получивши мой отвѣтъ, онъ разспрашивалъ меня о положеніи непріятелей".

„Я засталъ государя, ѣхавшаго съ королемъ прусскимъ къ войскамъ, и тутъ Александръ въ первый разъ въ моей жизни почтилъ меня разговоромъ; я такъ оробѣлъ, что фуражка выпала у меня изъ рукъ.—Съ сего дня императоръ обращался со мною уже какъ съ знакомымъ, то-есть, встрѣчая, освѣдомлялся о моемъ здоровьѣ и тому подобное".

„Ровно въ полдень Блюхеръ испросилъ у графа Витгенштейна позволеніе начать атаку: „nun mit Gottes Hülfe", отвѣчалъ графъ и колонны, предшествуемыя стрѣлками и орудіями, двинулись впередъ. Черезъ нѣсколько минутъ раздались ружейные, а потомъ и пушечные выстрѣлы и битва закипѣла. Государь остановился на курганѣ, съ котораго видно было сраженіе. Черезъ четверть часа онъ меня послалъ въ деревню Гросъ-Гершенъ посмотрѣть до какой степени удалась атака пруссаковъ; я пріѣхалъ когда, по занятіи деревни, пруссаки подвинулись впередъ и мы увидѣли какъ стрѣлки непріятельскіе бѣжали назадъ и что между ихъ войсками начиналось колебаніе и безпорядокъ. Съ сею радостною вѣстію я поспѣшилъ къ государю, который мнѣ приказалъ ѣхать къ Коновницыну, бывшему версты четыре позади, увѣдомить его объ успѣхахъ Блюхера и предупредить его, чтобъ онъ не спѣшилъ съ гренадерами, а шелъ бы медленнѣе. Теперь я вижу, что государю надлежало мнѣ дать совершенно противное повелѣніе, а именно, чтобы Коновницынъ поспѣшилъ въ дѣло, ибо ежели бы мы подкрѣпили Блюхера и ввели въ дѣло гренадеръ, то сраженіе рѣшилось бы въ нашу пользу, потому что непріятельская линія была бы перерѣзана. Но о сраженіяхъ легко судить по окончаніи оныхъ, въ продолженіе же дѣла весьма рѣдкіе имѣютъ даръ видѣть настоящее положеніе онаго".

„Между тѣмъ французы, сосредоточивъ силы свои, упорно защищали разныя деревни, лежавшія передъ фронтомъ обѣихъ позицій, которыя переходили изъ рукъ въ руки и гдѣ дрались съ великимъ ожесточеніемъ. Государь неоднократно былъ подъ градомъ ядеръ и пуль; на замѣчаніе одного изъ приближенныхъ его объ опасности, въ которую императоръ вдавался, его величество отвѣчалъ: „Здѣсь для меня нѣтъ пуль". Часу въ пятомъ мнѣ

приказали съ праваго крыла ѣхать на лѣвое, это были самыя страшныя минуты въ моей жизни, ибо едва я поравнялся съ центромъ, какъ увидѣлъ, что непріятели поставили противъ него множество пушекъ — впослѣдствіи оказалось до ста — и готовились открыть изъ нихъ огонь. Фитили горѣли и я ожидалъ съ каждымъ мгновеніемъ, что откроется адъ. Не нужно говорить, что я несся во весь опоръ, но въ то время, когда я уже думалъ миновать оконечность этой батареи, французы пустили безчисленное множество ядеръ и одно изъ нихъ причинило мнѣ контузію въ лѣвое плечо и сбросило съ лошади. Я однакоже имѣлъ силу подняться и сѣсть опять верхомъ [1])! Я возвратился къ Государю часу въ шестомъ и нашелъ, что дѣла наши были въ невыгодномъ положеніи; сильныя непріятельскія колонны обходили насъ справа; противъ нихъ отправили Коновницына, который, по своему обыкновенію, поѣхалъ по цѣпи застрѣльщиковъ, но его скоро ранили и войска, бывшія подъ его начальствомъ, должны были уступить превосходству числа французовъ. Къ несчастію, артиллерія наша начала рѣже стрѣлять, ибо по оплошности Ермолова, командовавшаго ею, запасные парки съ снарядами не подоспѣли къ сраженію. Такимъ образомъ стали уже помышлять не о побѣдѣ, но о безопасномъ отступленіи, и часу въ десятомъ все затихло".

„Войска наши и прусскія въ сей день покрыли себя славою; прусскіе генералы и офицеры дрались не только съ храбростію, но съ истиннымъ ожесточеніемъ. Я не могъ налюбоваться офицерами ихъ генеральнаго штаба и адъютантами, которые съ такимъ безстрашіемъ и хладнокровіемъ развозили приказанія, что въ семъ отношеніи превзошли нашихъ офицеровъ. Графъ Витгенштейнъ не явилъ себя въ блестящемъ видѣ; распоряженія его были самыя плохія, онъ не умѣлъ сначала воспользоваться побѣдою, когда растянувшіяся силы непріятеля представляли ему къ тому способъ, онъ не воспользовался своимъ превосходствомъ въ конницѣ, которую за нашими линіями переводили съ мѣста на мѣсто подъ непріятельскими выстрѣлами, а когда дѣло было

---

[1]) Данилевскій ни одинъ день не рапортовался больнымъ; однако, хотя контузія была не сильная, но въ продолженіе многихъ лѣтъ при перемѣнѣ погоды и при усталости онъ чувствовалъ боль въ плечѣ. Н. Ш.

проиграно, то онъ не успѣлъ взять благоразумныхъ мѣръ къ отступленію. Не менѣе того онъ за это сраженіе получилъ Андреевскую ленту, ибо представили оное въ реляціяхъ въ видѣ побѣды".

„Государь въ темнотѣ отправился ночевать въ деревню Гроичъ, а я сперва хотѣлъ навѣстить раненаго Коновницына, лежавшаго въ Пегау. Дорогою представился мнѣ истинный хаосъ. Вообразите поле необъятнаго пространства, на которомъ во всѣхъ направленіяхъ шли войска въ безпорядкѣ, тянулись орудія, патронные ящики и подводы съ ранеными, испускавшими жалобные стоны, и тащились изувѣченные солдаты, которые едва могли переступать. Темнота увеличивала смятеніе, а когда я выѣхалъ съ поля на дорогу, то разстройство представилось еще въ большемъ видѣ; дорога была столь узка, что на ней и въ обыкновенное время двумъ повозкамъ съ трудомъ можно разъѣхаться; каково же было въ сію несчастную ночь, когда артиллерія и обозы сперлись съ тысячами повозокъ, ѣхавшими къ намъ на встрѣчу и къ которымъ не было заблаговременно послано приказанія возвратиться. Лошади, телѣги и люди падали въ крутые овраги, по сторонамъ дороги лежащіе, раненые вопили, пьяные саксонскіе подводчики и солдаты кричали свирѣпымъ голосомъ и многіе изъ сихъ послѣднихъ разряжали свои ружья".

Навѣстивъ раненаго Коновницына въ Пегау и принявъ мѣры относительно дальнѣйшей перевозки генерала, Данилевскій ночью добрался, наконецъ, до Гроича, гдѣ былъ государь, и, бросившись на солому въ конюшнѣ двора занимаемаго имъ дома, уснулъ мертвымъ сномъ. На разсвѣтѣ его разбудили и послали къ графу Витгенштейну узнать отъ него распоряженія его на наступившій день. Долго Данилевскій ѣздилъ по полямъ, никто не зналъ, гдѣ главнокомандующій; наконецъ, онъ нашелъ графа, хладнокровно сидѣвшаго въ полѣ, и получилъ отвѣтъ, что какъ въ арміи находится императоръ, то главнокомандующій ожидаетъ повелѣній отъ его величества. Такимъ образомъ оказалось, что никто не давалъ приказаній; государь надѣялся на главнокомандующаго, а послѣдній на государя.

Исполнивъ это порученіе, Данилевскій былъ отправленъ къ Милорадовичу съ приказаніемъ ему государя, принять началь-

ство надъ аріергардомъ и прикрывать отступленіе арміи. Онъ находился въ городкѣ Цейцѣ, гдѣ провелъ день Люценскаго боя для наблюденія за непріятелемъ, а въ дѣйствительности для того, чтобы не подчинить ему графа Витгенштейна, младшаго его въ чинѣ. Данилевскій засталъ Милорадовича совершенно разстроеннымъ и услышалъ отъ него слѣдующее: „Я вчера плакалъ какъ ребенокъ, потому что я въ первый разъ въ жизни слышалъ пушечные выстрѣлы и не участвовалъ въ дѣлѣ. Доложите государю, что я буду служить подъ чьею командою онъ прикажетъ; ежели не ввѣряютъ мнѣ арміи, то пусть мнѣ дадутъ баталіонъ или роту, мнѣ все равно“.

Изъ Цейца Данилевскій поѣхалъ, едва живой отъ усталости, чрезъ Альтенбургъ въ Пенигъ, гдѣ назначена была главная квартира, ибо положено было отступить на правый берегъ Эльбы. Императоръ и нѣсколько приближенныхъ къ нему особъ проскакали мимо него во весь опоръ въ колясках. Князь Волконскій, сидѣвшій въ одной изъ нихъ, увидя Данилевскаго, остановилъ ее и сказалъ: напиши въ реляціи, что мы идемъ фланговымъ маршемъ.“ Едва онъ выговорилъ эти слова, какъ закричалъ своему почталіону „пошелъ“ и понесся вслѣдъ за государемъ. Какова должна быть исторія, основанная на подобныхъ матеріалахъ, пишетъ нашъ будущій исторіографъ, а къ сожалѣнію большая часть исторій не имѣетъ лучшихъ источниковъ. Вечеромъ того же дня государь прислалъ Данилевскому собственноручную записку нижеслѣдующаго содержанія, для помѣщенія въ концѣ реляціи:

„Я вообще не могу довольно отдать справедливости всѣмъ войскамъ, сражавшимся въ сей достопамятный день подъ глазами своихъ государей, храбрости ихъ, такъ и порядку, съ коимъ подъ жарчайшимъ огнемъ всѣ движенія были исполнены. Вслѣдъ засимъ не премину я представить объ отличившихся“.

По переходѣ на правый берегъ Эльбы, союзныя войска отступили къ Бауцену, гдѣ заняли позицію, которую начали укрѣплять. Императоръ Александръ поселился въ замкѣ Вуршенъ.

Вскорѣ на аванпостахъ появился Коленкуръ, отправленный Наполеономъ для мирныхъ переговоровъ съ государемъ. Но

Александръ не принялъ посланца и отклонилъ сдѣланныя ему предложенія [1]).

8-го мая, около полудня, пушечные выстрѣлы возвѣстили начало Бауценскаго сраженія, которое продолжалось 9-го мая. Въ пятомъ часу утра государь находился уже на одномъ высокомъ курганѣ, съ котораго можно было удобно обозрѣвать все поле сраженія и куда изрѣдко долетали только ядра. Съ этого кургана, съ котораго государь не съѣзжалъ до отступленія армій, открывалась также гора, на которой стоялъ Наполеонъ, не трогаясь съ нея во весь день. Данилевскій замѣчаетъ, что онъ не видалъ сраженія, въ которомъ-бы войска обѣихъ противныхъ сторонъ менѣе маневрировали и гдѣ главнокомандующіе были-бы менѣе дѣятельны, какъ въ Бауценскомъ. Оба императора не сходили съ кургановъ, графъ Витгенштейнъ не оставлялъ ни минуты государя и не подъѣзжалъ ни разу къ войскамъ, а начальникъ штаба его, Доврэ, нѣсколько часовъ на этомъ-же самомъ курганѣ спалъ. Все утро до десяти часовъ французы атаковали лѣвое крыло, стоявшее на горахъ; они были всегда

---

[1]) Впослѣдствіи, когда въ 1839 году Данилевскій составилъ Описаніе войны 1813 года и представилъ рукопись на Высочайшій просмотръ, онъ вошелъ въ нѣкоторыя подробности относительно миссіи Коленкура. „Намѣреніе Наполеона, какъ сказано было въ данныхъ Коленкуру наставленіяхъ, состояло въ желаніи сблизиться съ Россіею, договориться о славномъ для нея мирѣ, и заставить Австрію заплатить за коварную политику и нарушеніе заключеннаго ею въ 1812 году союза съ Франціею. Затѣмъ Данилевскій прибавилъ, что государь отклонилъ предложенія Наполеона, предпочитая общее благо Европы частнымъ выгодамъ, какія Россія могла бы пріобрѣсть, заключивъ отдѣльный миръ съ Наполеономъ. Очевиднымъ сему доказательствомъ служитъ, между прочимъ, и этотъ отказъ принять Коленкура, пріѣзжавшаго съ такими предложеніями, которыя были полезны только для Россіи“.

Все это разсужденіе было вычеркнуто въ рукописи императоромъ Николаемъ и не вошло въ описаніе войны 1813 года. Остались только слѣдующія заключительныя слова: „долго европейскіе дворы не отваживались даже понимать во всемъ объемѣ великой и безкорыстной мысли Александра, но по совершеніи подвига, когда государствамъ возвращена была прежняя независимость, современники провозгласили Александра своимъ спасителемъ“. Императоръ Николай собственноручно начерталъ здѣсь слѣдующія слова: „Къ стыду рода человѣческаго, память благодѣяній не долго сохраняется“. Слова эти вошли въ печатное описаніе, но безъ указанія кому они принадлежатъ. Н. Ш.

отражаемы и графъ Витгенштейнъ справедливо замѣтилъ государю: „Я ручаюсь головою, что это ложная атака, и что намѣреніе непріятеля состоитъ въ томъ, чтобы обойти насъ съ права и припереть къ Богемскимъ горамъ“. Главнокомандующій вѣрно оцѣнилъ намѣренія Наполеона, но не сдѣлалъ ни малѣйшаго распоряженія, чтобы предупредить опасность. Если онъ былъ увѣренъ въ справедливости своего мнѣнія, то почему, спрашиваетъ Данилевскій, онъ не согласился на неоднократныя предложенія Милорадовича, который присылалъ ему сказать, что онъ опрокинулъ правое французское крыло, требуя разрѣшенія его обойти. Всякій разъ ему отвѣчали, чтобы онъ довольствовался только отбивать атаки непріятеля, а самъ-бы не дѣйствовалъ наступательно!!!

Видъ сраженія, происходившаго на горахъ, пишетъ Данилевскій, былъ истинно картинный. Непріятели карабкались на крутыя возвышенія и были стремглавъ опрокидываемы. Однажды, удалось имъ втащить на гору нѣсколько орудій, коихъ ядра начали достигать до государя. „Неужели вы потерпите, сказалъ Милорадовичъ солдатамъ,—чтобы французскія ядра долетали до императора?“ Мгновенно батарея эта была прогнана. „Государь на васъ смотритъ“, закричалъ онъ одному полку, который при этихъ словахъ бросился въ штыки и перекололъ французовъ.

Часу въ одиннадцатомъ обнаружилось настоящее намѣреніе непріятеля; онъ началъ обходить правое крыло наше, находившееся подъ начальствомъ Барклая. Около полудня Данилевскій былъ посланъ къ Барклаю, удаленному отъ того мѣста, гдѣ стоялъ государь, около восьми верстъ, и нашелъ его столько-же хладнокровнымъ и серьезнымъ, какъ и всегда. Когда французы повели противъ него грозныя силы, то уже не чѣмъ было подкрѣпить наше правое крыло. Милорадовичъ былъ слишкомъ отдаленъ, а изъ центра нельзя было двинуть ни одного баталіона, потому что стоявшая противъ него непріятельская кавалерія только поджидала удобный моментъ для атаки. Эти причины побудили думать объ отступленіи; когда объ этомъ начали говорить, Данилевскій взглянулъ на короля прусскаго и на сыновей его, при немъ находившихся,—грусть начертана была на лицахъ ихъ; казалось, что слезы навертывались на глазахъ ихъ.

Въ пятомъ часу пополудни дано было приказаніе къ отступ-

ленію, произведенному въ величайшемъ порядкѣ. Государь ѣхалъ медленно, стараясь утѣшать короля прусскаго; онъ говорилъ, между прочимъ, что ни одинъ баталіонъ нашъ не былъ разстроенъ и что, повидимому, и число плѣнныхъ было одинаковое съ обѣихъ сторонъ.

Описывая отступленіе русско-прусскихъ войскъ, Данилевскій съ негодованіемъ упоминаетъ о невниманіи, съ которымъ относились къ нашимъ раненымъ. Пруссаковъ раненыхъ везли на телѣгахъ, а наши изувѣченные воины, пострадавшіе въ битвахъ не за Россію, а за Пруссію, большею частію тащились пѣшкомъ, изнуренные и полумертвые. „Неоспоримо, прибавляетъ Данилевскій, что и наши войска подавали поводъ ко многимъ жалобамъ, ибо побѣги у насъ весьма усилились, но сіе обстоятельство не извиняло пруссаковъ въ равнодушіи къ нашимъ больнымъ. Для прекращенія побѣговъ объявлено было отъ имени императора прусскимъ мѣстнымъ начальствамъ, что за каждаго пойманнаго бѣглеца будетъ выдаваемо имъ по червонцу“.

Бауценское сраженіе имѣло послѣдствіемъ назначеніе новаго главнокомандующаго Барклая-де-Толли, замѣнившаго гр. Витгенштейна, клястицкія лавры котораго давно увяли. Данилевскій разсказываетъ по этому случаю весьма любопытныя подробности; пораженія, испытанныя нами подъ Люценомъ и Бауценомъ, „обнаружили посредственность графа Витгенштейна; а безпечность его относительно внутренняго управленія арміи, привела ее въ разстройство до такой степени, что иногда не знали, гдѣ находятся иные полки. Главная квартира его походила на городскую площадь, наполненную вѣстовщиками. По добротѣ души своей онъ не воспрещалъ къ себѣ свободнаго доступа никому; комнаты его наполнены были всегда праздными офицерами, которые разглашали о всѣхъ дѣлахъ, даже и самыхъ сокровенныхъ, и по сей причинѣ сколь-бы тайно ни было дано повелѣніе графу, но оно немедленно дѣлалось всѣмъ извѣстно. Я не постигаю, какъ Наполеонъ не воспользовался симъ обстоятельствомъ, чтобы имѣть свѣдѣнія о томъ, что у насъ происходило. Союзники наши, пруссаки, равномѣрно были недовольны графомъ Витгенштейномъ; это и неудивительно, ибо имъ необходима была побѣда, а подъ предводительствомъ его они испытали два пора-

женія и видѣли ежедневно увеличивавшееся разстройство арміи. Такимъ образомъ, графъ Витгенштейнъ, недавно еще превозносимый какъ оплотъ Европы, упалъ съ сей высоты и испыталъ общую участь всѣхъ, кому счастіе перестаетъ улыбаться; тѣ, которые выхваляли его до небесъ, первые его оставили и наводнили главную квартиру государя, съ тѣмъ, чтобы искать мѣста, въ которомъ-бы можно было пріобрѣсти имъ болѣе знаковъ отличія, страсть къ коимъ до невѣроятной степени усилилась тогда въ нашей арміи. Недавно ставили его на ряду съ Кутузовымъ, и полагали, что кончина сего послѣдняго не могла имѣть послѣдствій на ходъ военныхъ дѣйствій, потому что его заступилъ Витгенштейнъ; но сіе самое сравненіе сдѣлалось для новаго главнокомандующаго нагубнымъ, ибо при паденіи его начали сравнивать порядокъ, бывшій при жизни Кутузова въ арміи, подчиненность между генералами, и рядъ неслыханныхъ успѣховъ съ тѣмъ, что случилось при преемникѣ его. Легко заступить мѣсто знаменитаго мужа, но трудно замѣнить его".

Графъ Милорадовичъ содѣйствовалъ наиболѣе къ возведенію Барклая въ главнокомандующіе; онъ разсказалъ объ этомъ Данилевскому въ тотъ самый день, когда оно случилось, т. е. 13-го мая, слѣдующее:

— „Я поѣхалъ по утру къ графу Витгенштейну и сказалъ ему: зная благородный образъ вашихъ мыслей, я намѣренъ съ вами объясниться откровенно. Безпорядки въ арміи умножаются ежедневно, всѣ на васъ ропщутъ и благо отечества требуетъ, чтобы назначили на мѣсто ваше другаго главнокомандующаго".—„Вы старѣе меня, отвѣчалъ графъ Витгенштейнъ, и я охотно буду служить подъ начальствомъ вашимъ или другаго, коего императоръ на мѣсто мое опредѣлитъ".—„Послѣ сего, продолжалъ Милорадовичъ, я поѣхалъ къ государю, изобразилъ ему настоящее положеніе дѣлъ, и просилъ его принять лично начальство надъ арміею, на что императоръ мнѣ сказалъ: я взялъ на себя управленіе политическихъ дѣлъ, что же касается до военныхъ, то я не беру ихъ на себя". — „Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ я, поручите армію Барклаю, онъ старѣе всѣхъ". — „Онъ не захочетъ командовать, возразилъ государь".—„Прикажите ему в. в. сказалъ я, тотъ измѣнникъ, кто въ теперешнихъ обстоятельствахъ осмѣлится воспротивиться вашей волѣ". — „Но ты во всякомъ

случаѣ въ арміи останешься?“ спросилъ меня императоръ.—„Государь, отвѣчалъ я, дайте мнѣ баталіонъ или роту, я и тогда за счастіе поставлю доказать вамъ, что я достоинъ быть вашимъ подданнымъ“.

Армія отступала къ Швейдницу, чтобы сблизиться съ корпусомъ Сакена, стоявшаго около Кракова, и съ запасными войсками, спѣшившими изъ Россіи и чтобы не удалиться отъ австрійскихъ границъ. По прибытіи въ Швейдницъ, Барклай немедленно занялся устройствомъ арміи; трудно повѣрить, пишетъ Динилевскій, если я скажу, что нѣсколько дней онъ не могъ узнать истиннаго счета оной; сначала полагали ее слишкомъ въ сто тысячъ, потомъ въ семьдесятъ, а на повѣрку вышло, что она состояла изъ девяносто тысячъ. Это происходило отъ того, что полки такъ были перемѣшаны, что нѣкоторыя дивизіи и бригады имѣли полки, вовсе къ нимъ не принадлежавшіе, другіе же полки примыкали къ чужимъ дивизіямъ, не зная, гдѣ отыскать настоящихъ своихъ начальниковъ.

Трудъ этотъ былъ облегченъ Барклаю перемиріемъ, заключеннымъ на два мѣсяца, вслѣдствіе котораго главная квартира прибыла въ Рейхенбахъ, гдѣ и расположилась на все лѣто. Въ самый день прибытія ея туда, государь пожаловалъ Данилевскому за сраженія подъ Люценомъ и Бауценомъ золотую шпагу.

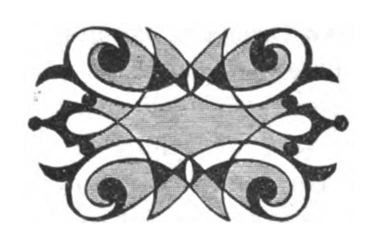
Государь жилъ во время перемирія верстахъ въ четырехъ отъ Рейхенбаха въ замкѣ Петерсвальде, гдѣ происходили дипломатическіе переговоры и состоялся, наконецъ, давно желаемый союзъ съ Австріею. Вслѣдствіе этого императоръ Александръ ѣздилъ въ Богемію для свиданія съ австрійскимъ монархомъ, а по возвращеніи отъ него провелъ нѣсколько дней въ Трахенбергѣ въ Силезіи съ наслѣднымъ шведскимъ принцомъ, съ которымъ условились о планѣ военныхъ дѣйствій и о раздѣленіи всѣхъ силъ нашихъ на три арміи. Ни одна изъ нихъ не была подчинена русскому полководцу. Союзники предлагали императору Александру предводительство главной арміи, имѣвшей сосредоточиться въ Богеміи; но скромность государя, по свидѣтельству Данилевскаго, и устраненіе всѣхъ личныхъ самолюбивыхъ видовъ, побудили его отклонить сдѣланное предложеніе.

„Жизнь моя во время перемирія, пишетъ Данилевскій, была

самая пріятная, дѣлъ было мало и я бо́льшую часть времени посвящалъ чтенію, ибо я нашелъ книжную лавку въ Рейхенбахѣ, въ которой, къ счастію, было много сочиненій, касающихся до государственнаго хозяйства, изъ коихъ я почерпалъ матеріалы для моего кредита, и въ особенности вникалъ въ систему прусскихъ кредитныхъ постановленій. По вечерамъ я гулялъ по прекраснымъ окрестностямъ Рейхенбаха. Мои товарищи разъѣхались пользоваться цѣлебными водами, коими изобилуютъ горы, находящіяся на границѣ Силезіи, и я остался одинъ при князѣ Волконскомъ, начальникѣ штаба государева; съ сего времени до Ахенскаго конгресса я былъ съ нимъ неразлученъ. Я всего чаще дѣлилъ время съ Ѳедоромъ Глинкою. Мое знакомство началось съ нимъ по слѣдующему поводу. Графъ Милорадовичъ, коего онъ былъ адъютантомъ, поручилъ ему составить обозрѣніе военныхъ дѣйствій его въ 1812 и 1813 годахъ и просилъ меня пересматривать работу Глинки, въ которомъ я нашелъ молодаго человѣка, исполненнаго дарованій и особенно владѣвшаго прекрасно русскимъ языкомъ, но не получившаго систематическаго образованія.—Я имѣлъ случай въ это время свести знакомство со многими людьми, которые впослѣдствіи заняли блестящія мѣста, напр. съ графомъ Каподистріа, который тогда въ чинѣ статскаго совѣтника находился при Барклаѣ и не имѣлъ другаго дѣла, какъ съ супругою его играть каждый вечеръ въ бостонъ; съ Поццо-ди-Борго и съ Закревскимъ, бывшими тогда полковниками и не имѣвшими никакихъ занятій. Никто не подозрѣвалъ тогда, чтобы сіи три лица, изъ коихъ первый сдѣлался президентомъ Греціи, второй посломъ въ Парижѣ, а третій министромъ внутреннихъ дѣлъ, когда-либо вышли изъ среды обыкновенныхъ людей. Бывши въ одно воскресеніе у обѣдни въ Петерсвальде, я встрѣтилъ тамъ пріѣзжавшаго тогда къ государю изъ Россіи послѣдняго любимца Екатерины—князя Зубова, который нѣкогда управлялъ Россіею. Теперь онъ стоялъ въ толпѣ придворныхъ и отличался отъ нихъ только портретомъ Екатерины, висѣвшимъ на его груди. Онъ былъ еще въ цвѣтѣ лѣтъ, роста средняго, и не имѣлъ въ наружности своей ничего особеннаго. Государь былъ съ нимъ, повидимому, очень учтивъ, но я думаю, что онъ не могъ забыть,

что сей временщикъ принималъ его нѣкогда въ Царскомъ Селѣ въ халатѣ и въ туфляхъ".

„Памятнѣе всѣхъ остается у меня баронъ Штейнъ. Меня ему представилъ въ Калишѣ князь Кутузовъ и онъ меня полюбилъ, зная приверженность мою къ нѣмецкой землѣ. Сколь ни возвышенны были умъ его и дарованія, сколь ни безпредѣльна была его дѣятельность, но ненависть его къ Наполеону и желаніе возстановить Германское отечество ни съ чѣмъ сравниться не могли. О какомъ бы предметѣ онъ ни говорилъ, но каждый разъ склонялъ рѣчь на то, что должно было прогнать французовъ за Рейнъ; его совершенно можно уподобить Катону, твердившему о разрушеніи Карфагена. Государь имѣлъ неограниченную довѣренность къ Штейну, который зналъ лучше всѣхъ тогдашній театръ войны и управлялъ тайными обществами въ Германіи; онъ былъ душею дипломатическихъ совѣщаній и завѣдывалъ дѣлами, касавшимися до нѣмецкихъ земель, занятыхъ нашими войсками" [1]).

[1]) Данилевскій упоминаетъ, между прочимъ, въ своемъ журналѣ 1813 года о томъ, что Штейнъ предложилъ дать ходъ въ Пруссіи нашимъ ассигнаціямъ Онъ приводитъ письмо его по этому поводу къ Гарденбергу. Въ заключеніи этого письма (отъ 9-го іюня 1813 года) Штейнъ отдаетъ даже предпочтеніе русскимъ бумагамъ передъ прусскими и пишетъ слѣдующее:

„Les assignats ont l'avantage inappréciable sur les papiers de circulation prussiens, en ce qu'ils sont l'argent de circulation dans un vaste empire, dont l'existence est garantie par sa puissance et par sa situation géographique". Н. Ш.

IV.

Іюля 30-го, за недѣлю до окончанія перемирія, заключеннаго послѣ Бауценскаго сраженія, Данилевскій получилъ порученіе ѣхать въ Прагу, чтобы условиться съ австрійскимъ правительствомъ о разныхъ статьяхъ, касавшихся до вступленія русской арміи въ Богемію.

Въѣхавъ въ Богемію, Данилевскій былъ пораженъ различіемъ, существовавшимъ между нею и, какъ онъ выражается, благословенною Силезіею. Дурныя дороги, бѣдныя селенія, пашни, обработанныя съ небреженіемъ, не засѣянныя поля, въ городахъ грязныя улицы, покрытыя грязнымъ народомъ, который съ любопытствомъ, свойственнымъ дикимъ, взиралъ на проѣзжающихъ—вотъ зрѣлище, которое представилось его взору. Австрійскія войска всюду радушно встрѣчали представителя русской арміи.

2-го августа, ночью, онъ пріѣхалъ въ Прагу; черезъ день прибылъ императоръ Францъ, и обнародывали манифестъ о войнѣ, который былъ принятъ жителями съ нѣкоторою робостію, происходившею, безъ сомнѣнія, отъ двадцати-лѣтнихъ пораженій ихъ. Сколько Данилевскій могъ замѣтить, австрійцы не были однако довольны назначеніемъ Шварценберга главнокомандующимъ: они сожалѣли, что армія не была ввѣрена эрцъ-герцогу Карлу. Вечеромъ того же дня прибылъ императоръ Александръ, котораго приняли съ радостными восклицаніями. Здѣсь Данилевскій имѣлъ случай видѣть въ первый разъ пышный австрійскій дворъ, между вельможами котораго привлекалъ особенное вниманіе графъ Меттернихъ, выдѣлявшійся своею благородною наружностію.

Жизнь въ Прагѣ была самая шумная, особенно послѣ мирныхъ двухъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Рейхенбахѣ, во время перемирія. Въ Градчинѣ имѣли пребываніе два императора, король прусскій и множество лицъ, принадлежавшихъ къ ихъ свитѣ. Дѣнь и ночь пріѣзжали отъ разныхъ корпусовъ и отрядовъ адъютанты, и курьеры посылались въ тысячу различныхъ

мѣстъ, такъ что пражскій Градчинъ уподобился главной квартирѣ.

Въ это время прибыли въ Прагу Жомини и Моро.

Приведемъ здѣсь отзывы Данилевскаго объ этихъ двухъ генералахъ, позабывшихъ, изъ-за ненависти къ Наполеону, какимъ именемъ потомство можетъ назвать появленіе ихъ среди враговъ Франціи [1]).

„Русскіе несказанно обрадовались прибытію Жомини, ибо всѣ отъ государя до послѣдняго офицера почитали его своимъ учителемъ. Когда вступили въ лагерь при Дриссѣ, то напечатали, по высочайшему повелѣнію, въ переводѣ, и раздавали въ арміи главу изъ его книги объ операціонныхъ линіяхъ. Генералъ-квартирмейстеръ Толь говорилъ мнѣ неоднократно въ тарутинскомъ лагерѣ въ 1812 году, что если бы онъ не читалъ его сочиненія, то не подалъ бы мысли произвести боковаго движенія съ рязанской дороги на калужскую. Жомини приняли къ намъ на службу генералъ-лейтенантомъ и назначили черезъ нѣсколько дней генералъ-адъютантомъ и наградили деньгами. Но онъ симъ не былъ доволенъ. Во время пребыванія государя въ Прагѣ и похода къ Дрездену, онъ вздумалъ управлять всѣми дѣлами; обращеніе его съ нашими генералами сдѣлалось дерзкимъ, онъ началъ поступать грубо съ офицерами, отчего на него всѣ возроптали, но никто не хотѣлъ или, лучше сказать, не смѣлъ обнаружить ему своего негодованія, ибо онъ въ то время пользовался въ большой степени довѣренностію государя. Генералъ Толь сталъ противорѣчить ему первый въ Теплицѣ послѣ Кульмскаго сраженія; у нихъ при мнѣ произошелъ жаркій споръ по поводу похода 1812 года, который едва не кончился поединкомъ. Австрійцы изъ предубѣжденія-ли или изъ гордости обошлись съ Жомини весьма сухо, всегда отвергали совѣты его и были даже къ нему недовѣрчивы, отчего между ними произошла вражда, продолжавшаяся во весь походъ“ [2]).

---

[1]) Данилевскій разсказываетъ, что Моро однажды сказалъ Жомини: „Генералъ! вы и я мы сдѣлали дурачество: ни вамъ, ни мнѣ не надлежитъ быть здѣсь“.

[2]) Жомини находился при государѣ во время Вѣнскаго конгреса. Данилевскій въ журналѣ 1815 года говоритъ о немъ еще слѣдующее: „находясь въ Вѣнѣ, онъ напоминаетъ о себѣ ежеминутными требованіями денегъ и сдѣлался столь же вѣжливъ, сколь прежде былъ надмененъ. Онъ стоитъ по

„Присутствіе Моро показалось имъ также непріятнымъ, потому-ли, что они многократно бывали имъ побѣждаемы или по врожденной у нихъ ненависти къ французамъ, но мы, русскіе, которые вообще болѣе прочихъ европейскихъ народовъ пристрастны ко всему новому, видѣли въ генералѣ Моро вящее ручательство побѣды. Едва государь узналъ объ его прибытіи, какъ предупредилъ его своимъ посѣщеніемъ, повезъ его къ австрійскому императору и къ королю прусскому и осыпалъ ласками. Съ сей минуты государь былъ съ нимъ неразлученъ въ кабинетѣ и въ полѣ“.

Началось наступательное движеніе къ Дрездену.

„13-го августа, пишетъ Данилевскій, увидѣли столицу Саксоніи и впереди ея нѣсколько французскихъ колоннъ. Государь хотѣлъ, чтобы ихъ немедленно атаковали, ибо цѣль нашего движенія состояла въ томъ, чтобы овладѣть Дрезденомъ. Но мнѣніе государя, которое по всѣмъ соображеніямъ должно было увѣнчаться успѣхомъ, ибо Наполеонъ съ главными силами своими находился въ Силезіи противъ Блюхера, а въ Дрезденѣ оставался малочисленный гарнизонъ, встрѣтило противодѣйствіе со стороны австрійцевъ, непремѣнно настаивавшихъ, чтобы обождать прибытія остальныхъ войскъ ихъ, которыя, по причинѣ безчисленныхъ обозовъ своихъ, находились еще позади въ тѣснинахъ горъ. Австрійцы до такой степени были напуганы французами, что они хотя ясно видѣли малочисленность своихъ непріятелей, но не рѣшались ихъ атаковать, пока не подоспѣютъ всѣ наши силы. День прошелъ въ сихъ пустыхъ препіяхъ. Государь, съ коимъ Моро и Жомини были одного мнѣнія, не могъ убѣдить австрійцевъ и положили, чтобы на слѣдующій день въ 4 часа пополудни произвести атаку на Дрезденъ, то есть предоставили Наполеону—сему полководцу необыкновенной дѣятельности—сутки времени, чтобы поспѣшить на помощь къ маршалу Сенъ-Сиру, находившемуся въ Дрезденѣ. Упрямство австрійцевъ и систематическую ихъ медленность никакими красками описать нельзя, и хотя они дорого за оную платили въ прежнихъ своихъ походахъ, но они были неизлѣчимы“.

цѣлымъ утрамъ въ пріемной залѣ у государя. Я сказалъ ему на сихъ дняхъ, что подумаетъ потомство, когда узнаетъ, что Жомини въ переднихъ комнатахъ убиваетъ время“?

„На другое утро, т. е. 14-го августа, армія наша обложила Дрезденъ; это было единственное въ своемъ родѣ зрѣлище, потому что насъ находилось почти 200.000 человѣкъ, которые выстроились на высотахъ. Однако-же между генералами союзныхъ войскъ не было ни одного, который-бы былъ въ состояніи давать направленіе симъ безчисленнымъ полчищамъ и быть душею ихъ. Самъ Моро, взирая на нихъ, блѣднѣлъ, и ему трудъ сей казался подвигомъ, превышающимъ силы человѣческія. Всего-же непріятнѣе было то обстоятельство, что среди насъ не было единомыслія, ибо тутъ находилось три монарха, изъ коихъ каждый былъ окруженъ совѣтниками, подававшими мнѣнія, нерѣдко противорѣчущія, а главнокомандующій князь Шварценбергъ не имѣлъ довольно вѣсу, чтобы согласовать всѣхъ и принять такія мѣры, которыя бы всѣхъ удовлетворили. То мѣсто, гдѣ стояли монархи съ штабомъ своимъ, уподоблялось шумному народному совѣщанію. Какая разница представлялась съ войною 1812 года, гдѣ, бывало, одинъ князь Кутузовъ, сидя на скамейкѣ, возносилъ голосъ свой, около него царствовала тишина и горе тому, кто безъ вызова его предлагалъ совѣтъ".

„Наконецъ, въ пятомъ часу пополудни, многочисленная артиллерія двинулась впередъ со всѣхъ сторонъ и тысяча ядеръ и бомбъ полетѣли на Дрезденъ, но уже было поздно; Наполеонъ подоспѣлъ на помощь къ осажденному городу и намъ видно было, какъ густыя колонны его спускались съ горъ, лежащихъ по ту сторону Эльбы... Государь очень долго оставался на полѣ сраженія, пока пальба утихла и заблистали тысячи огней, разложенныхъ нашими и непріятельскими войсками; окрестности Дрездена казались въ пламени. Въ глубокой темнотѣ мы пріѣхали въ замокъ Нетницъ, гдѣ государь расположился ночевать. Я пошелъ къ начальнику моему князю Волконскому, у котораго засталъ зятя его, князя Репнина и генерала Моро; всѣ они были утомлены и отмѣнно голодны и поручили мнѣ достать что-нибудь съѣстное. По счастію, я отыскалъ въ подвалѣ замка, который австрійцы прежде насъ уже грабили, миску съ кислымъ молокомъ, которая была принята съ величайшею благодарностію. Князя Волконскаго позвали къ государю и мы остались трое: князь Репнинъ, Моро и я. Вечеръ этотъ останется у меня навсегда памятенъ, ибо, утоливши голодъ, мы провели до двухъ

часовъ ночи въ разговорахъ съ Моро. Онъ позволилъ мнѣ предложить вопросы о Суворовѣ; не взирая на усталость и на то, что часа черезъ три опять надлежало садиться верхомъ, чтобы ѣхать въ дѣло, я успѣлъ записать нѣкоторые отвѣты его [1]). Потомъ я отыскалъ комнату въ замкѣ, въ которой стекла въ окнахъ были выбиты; поднялась ужасная буря и полился столь обильный дождь, что, казалось, облака надъ нами разверзлись, но я, завернувшись въ шинель, уснулъ въ углу горницы такъ спокойно, какъ на мягкомъ ложѣ".

„15-го августа, въ пятомъ часу утра, мы были уже съ государемъ верхомъ на возвышеніи; обѣ арміи стояли на самомъ близкомъ разстояніи и, казалось, ожидали не пройдетъ-ли дождь который не переставалъ литься рѣкою, но тщетно. Черезъ часъ загремѣли орудія. Меня послали къ австрійскому генералу маркизу Шателеру, бывшему нѣкогда генералъ-квартирмейстеромъ при Суворовѣ, и приказали доносить о дѣйствіяхъ его корпуса. Почтенный мужъ сей принялъ меня очень ласково. Онъ былъ одинъ изъ опытнѣйшихъ и образованнѣйшихъ цесарскихъ генераловъ, и, стоя на батареѣ, съ примѣрнымъ хладнокровіемъ ожидалъ минуты вступить въ дѣло.—Вскорѣ онъ приказалъ артиллерійскому офицеру, подлѣ него находившемуся, податься впередъ и открыть огонь. Батарея тронулась, но когда начали сниматься съ передковъ, то два орудія опрокинулись; нѣмцы, не суетясь, ихъ подняли и безъ торопливости стали прицѣливаться и стрѣлять; каждое ядро попадало и каждое канониры сопровождали шутками; австрійцы не трусы и не храбры по нашему, то-есть, не мечутся впередъ, не шумятъ, у начальниковъ не видно пѣны

---

[1]) „Суворовъ, сказалъ Моро, одинъ изъ величайшихъ генераловъ; никто лучше его не умѣлъ оживлять войска, никто не имѣлъ бо̀льшаго воинскаго характера, но ошибка его состояла въ томъ, что онъ слишкомъ растягивалъ силы свои и что его легко можно было обмануть ложными движеніями (il donnait dans chaque démonstration). На вопросъ Данилевскаго, кого онъ ставитъ выше какъ полководца—Наполеона или Суворова, Моро отвѣтилъ: „Сихъ двухъ полководцевъ никто не превзошелъ въ военномъ искусствѣ; но я полагаю, что съ равными силами Наполеонъ остался-бы побѣдителемъ". Къ этому Моро присовокупилъ, что лучшій подвигъ Суворова въ Итальянскомъ походѣ сраженіе при Нови и при Требіи, въ особенности же маршъ къ Требіи, который есть „изящнѣйшее произведеніе военнаго искусства" (c'est le sublime de l'art militaire). Н. Ш.

у рта, какъ случается у насъ, но флегматически исполняютъ свой долгъ, побѣждаютъ и отдаются въ плѣнъ съ одинаковымъ равнодушіемъ".

„Шателеръ отбивалъ успѣшно атаки, противу него дѣлаемыя, и часу въ десятомъ отправилъ меня съ донесеніемъ къ государю, котораго я засталъ у разложеннаго огня. Всѣ были вымочены и дрожали, укутавшись въ плащъ; только Милорадовичъ стоялъ въ одномъ мундирѣ, одѣтый щеголемъ, какъ-бы готовясь ѣхать на балъ. Между тѣмъ, дѣла наши ежеминутно становились хуже, лѣвое крыло наше было совсѣмъ опрокинуто и на лицахъ австрійцевъ, которые не болѣе какъ за десять дней выступили въ походъ, начертывалось уже истинное отчаяніе".

„Между тѣмъ, меня еще раза два посылали съ различными приказаніями; я едва могъ ѣхать шагомъ, ибо лошадь моя вязнула въ тучномъ черноземѣ, растворенномъ проливнымъ дождемъ, а вихрь не позволялъ и въ самой близи различать предметы. Возвращаясь часу въ третьемъ къ государю, я засталъ все въ величайшемъ смятеніи; за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ ядро оторвало обѣ ноги у генерала Моро, стоявшаго возлѣ государя. Это была послѣдняя улыбка фортуны Наполеону! Къ счастью, небо сохранило императора, который, замѣтя, что лошадь его ударяла ногою о камень, лежавшій на землѣ, немного ее поворотилъ въ сторону, а Моро только что всталъ на то мѣсто, на которомъ государь довольно долго находился, какъ роковое ядро его сразило.

„Между тѣмъ непріятель возобновилъ нападенія на нашихъ крыльяхъ; чтобы пріостановить ихъ, государь велѣлъ русскимъ резервамъ, стоявшимъ въ совершенномъ бездѣйствіи и только напрасно терявшимъ людей отъ французскихъ батарей, спуститься съ горъ и атаковать непріятеля. Милорадовичъ началъ уже съ гренадерами перемѣнять фронтъ правымъ флангомъ назадъ, какъ явился Шварценбергъ съ велерѣчивымъ возраженіемъ объ опасности сего движенія, и пріѣхалъ Барклай-де-Толли, который началъ доказывать, что въ случаѣ, если оно будетъ безуспѣшно, то мы лишимся всей артиллеріи, которую, по причинѣ грязи, нельзя будетъ опять поднять на горы. Убѣжденія ихъ подѣйствовали. Въ это время получили донесеніе, что непріятельскій корпусъ показался на нашемъ правомъ флангѣ

и угрожалъ отрѣзать насъ отъ Богеміи; на австрійцевъ нашелъ паническій страхъ, ибо они уже все считали погибшимъ и, вѣроятно, въ мысляхъ уже видѣли Наполеона въ третій разъ въ Вѣнѣ. Шварценбергъ тотчасъ предложилъ отступить въ Богемію; государь сему противился, возражая весьма справедливо, что мы лишимся въ грязи и въ непроходимыхъ дефилеяхъ Рудныхъ горъ артиллеріи и обозовъ, а что ежели и возобновимъ сраженіе на другой день, то потери наши — полагая даже, что мы и будемъ разбиты—не могутъ быть столь значительны, какъ при отступленіи въ бурное время по крутымъ горамъ. Но ничто не превозмогло малодушія австрійцевъ; они, сверхъ того, объявили, что у нихъ недостатокъ въ продовольствіи и въ зарядахъ, которые всѣ находятся въ Богеміи, и могутъ сдѣлаться добычею непріятелей. Императоръ съ сокрушеннымъ сердцемъ принужденъ былъ согласиться на ихъ представленія, ибо они только что не договорили, что въ противномъ случаѣ отстанутъ отъ союза своего съ нами".

„Отступленіе началось въ сумерки. Дождь не переставалъ литься. Дороги съ каждымъ днемъ становились непроходимѣе, войска были обезсилены; цѣлые баталіоны австрійскіе отдавались въ плѣнъ; безчисленные обозы ихъ увязли въ грязи, они бросали пушки и зарядные ящики, и неудовольствіе между ними и нашими солдатами и офицерами явно обнаружилось, ибо въ теченіе десятидневнаго союза нашего мы были съ ними въ безпрестанныхъ спорахъ и никакъ не могли согласиться въ мнѣніяхъ".

„Намъ назначено было на ночлегъ собраться въ Дипольдисвальде; въ темнотѣ я растерялся съ товарищами и, не зная дороги, ѣхалъ на удачу. Я подобной ночи еще не запомню: почти 200.000-ная разстроенная и изнуренная армія отступала въ непроницаемомъ мракѣ при сильномъ вихрѣ и дождѣ, имѣя грязь по колѣни; только и слышны были вопли раненыхъ и ругательства, произносимыя почти на всѣхъ языкахъ европейскихъ. Пріѣхавши, такъ сказать, ощупью, ночью, въ Дипольдисвальде, я встрѣтилъ одного сослуживца, который имѣлъ способность находить хорошія квартиры и, увидя себя черезъ нѣсколько минутъ на мягкомъ пуховикѣ, я не зналъ мѣры моему счастію. Чаша пуншевая пошла кругомъ и вмѣсто сна начался хохотъ и веселіе".

Такимъ образомъ наступательное движеніе союзниковъ кончилось полною неудачею; только кульмское дѣло 18-го августа загладило нѣсколько тягостное впечатлѣніе, произведенное на союзниковъ Дрезденскимъ пораженіемъ. Это была первая побѣда надъ врагами, при которой лично присутствовалъ императоръ Александръ. Радость изображалась на лицѣ его [1]).

Плѣнные, разсказываетъ Данилевскій, проходили цѣлыми колоннами мимо государя. Наконецъ, показался издали генералъ Вандамъ; онъ сошелъ съ лошади и поцѣловалъ ее. Императоръ сначала принялъ его съ важностью, но когда Вандамъ сдѣлалъ масонскій знакъ, то его величество сказалъ ему, что онъ облегчитъ, сколько можно, его участь.

На другой день Вандамъ былъ отправленъ въ Москву.

Возвращаясь въ Теплицъ, пишетъ Данилевскій, мы встрѣчали на дорогѣ повозки съ нашими ранеными, къ которымъ императоръ подъѣзжалъ, благодарилъ ихъ, спрашивалъ о нуждахъ ихъ и называлъ ихъ своими сотоварищами. Какъ послѣ сего, читаемъ въ запискахъ, военнымъ было не боготворить Александра, который дѣлилъ съ ними и непогоды и опасности, и зналъ лично даже многихъ штабъ-офицеровъ, а сраженнымъ на полѣ битвы являлся въ видѣ ангела утѣшителя.

Послѣ этихъ событій въ военныхъ дѣйствіяхъ наступило затишье, продолжавшееся около шести недѣль, и Данилевскій могъ спокойно отдохнуть въ Теплицѣ, послѣ боевыхъ тревогъ послѣдняго времени. Усилившаяся боль въ простреленной подъ Тарутинымъ рукѣ и отъ контузіи, полученной въ Люценскомъ сраженіи, побудила его пользоваться теплицкими водами, чтобы запастись свѣжими силами для дальнѣйшаго похода. Между тѣмъ Данилевскій продолжалъ составлять военный журналъ и императоръ Александръ, зная состояніе раненой его правой руки, позволилъ присылать къ нему черновой журналъ, который собственноручно каждый вечеръ почти исправлялъ.

15-го сентября, въ день коронаціи государя, 60 полковниковъ пожалованы были въ генералъ-маіоры; по этому поводу

---

[1]) Данилевскій по этому поводу замѣчаетъ, что хотя Александръ впослѣдствіи одерживалъ побѣды несравненно значительнѣйшія, но Кульмское сраженіе до конца жизни государя было для него всегда любимымъ предметомъ воспоминанія. Н. Ш.

нѣкто замѣтилъ, что это значило размѣнять Моро на мелкую монету. Данилевскій не былъ забытъ въ этомъ приказѣ,—онъ былъ произведенъ за отличіе въ капитаны.

V.

Въ исходѣ сентября мѣсяца, по прибытіи въ Богемію арміи, формировавшейся въ Польшѣ, подъ начальствомъ генерала Бенингсена, союзники предприняли вторичное наступательное движеніе въ Саксонію, которое привело къ Лейпцигскому сраженію.

Во время пребыванія главной квартиры въ Альтенбургѣ, Данилевскій записалъ слѣдующія слова императора Александра. Для государя отведенъ былъ здѣсь герцогскій замокъ, выстроенный на высокой горѣ, откуда по захожденіи солнца видны были тысячи огней, разложенныхъ нашими войсками. „Въ одинъ вечеръ, читаемъ въ запискахъ, когда шелъ проливной дождь, государь, стоя съ нами у окна замка и смотря на огни, сказалъ: „что̀ армія должна переносить въ такую бурную ночь! какъ же мнѣ не любить военныхъ и не предпочитать ихъ статскимъ? Я сихъ послѣднихъ вижу иногда изъ оконъ Зимняго дворца, какъ они, уснувъ на мягкой постелѣ, часу въ одиннадцатомъ идутъ по бульвару къ своимъ должностямъ, а военные? Какъ можно сравнить ихъ службу съ статскою“ [1]).

3-го октября 1813 г., наканунѣ перваго дня Лейпцигскаго сраженія, Данилевскій былъ свидѣтелемъ жаркаго спора между императоромъ Александромъ и Шварценбергомъ, желавшимъ поставить главныя наши силы въ уголъ, образуемый теченіемъ рѣчекъ Плейсы и Эльстера. Государь, сознавая, что поставленныя здѣсь войска обречены будутъ на безцѣльную гибель, рѣшительно ему объявилъ, что фельдмаршалъ властенъ отряжать туда австрійцевъ, но что онъ не позволитъ ни одному русскому

[1]) Впослѣдствіи, когда Данилевскій въ 1839 году составилъ описаніе войны 1813 года и представилъ его императору Николаю, онъ ввелъ этотъ отзывъ императора Александра въ свой трудъ. Императоръ Николай приписалъ на рукописи къ этому мѣсту слѣдующее замѣчаніе: „этого мнѣнія не одинъ покойный императоръ; прошло 26 лѣтъ, но сравненіе и теперь справедливо“. (Военно-ученый архивъ № 2096). Н. Ш.

полку тамъ стать. Во время этого спора, императоръ Францъ и король прусскій молчали, какъ будто посторонніе, дѣлая только изрѣдка ничего не значущія замѣчанія и соглашаясь попеременно то съ государемъ, то съ Шварценбергомъ. Сраженіе 4-го октября подтвердило справедливость мнѣнія, высказаннаго императоромъ Александромъ, и австрійцы жестоко поплатились за свои ошибочныя распоряженія.

„Вообще, замѣчаетъ по этому поводу Данилевскій, сколько я ни видалъ государя, разсуждавшаго о военныхъ дѣлахъ на полѣ, то его мнѣнія были самыя основательныя и дальновидныя; но въ немъ была какая-то недовѣрчивость къ самому себѣ, и онъ имѣлъ тотъ недостатокъ для военнаго человѣка, что онъ не скоро узнавалъ мѣстное положеніе поля сраженія, или, говоря техническимъ языкомъ, онъ съ трудомъ могъ оріентироваться".

Во время сраженія 4-го октября, Данилевскій находился при императорѣ Александрѣ въ самую критическую минуту боя, когда непріятельская кавалерія, прорвавъ нашъ центръ, была въ самомъ близкомъ разстояніи отъ государя. Всѣ окружавшіе его содрогнулись. „Я смотрѣлъ, пишетъ Данилевскій, нарочно въ лице государю; онъ не смѣшался ни на одно мгновеніе и, приказавъ самъ находившимся въ его конвоѣ лейбъ-казакамъ ударить на французскихъ кирасиръ, отъѣхалъ назадъ не болѣе какъ шаговъ на 15-ть. Положеніе императора было тѣмъ опаснѣе, что позади его находился длинный и глубокій оврагъ, черезъ который не было моста".

Слѣдующій день, 5-го октября, поджидали подкрѣпленія въ виду предстоявшаго новаго сраженія, которое должно было уже окончательно рѣшить участь Германіи. Государь провелъ весь день въ полѣ, занимаясь лично приготовленіями къ бою, ибо, какъ справедливо замѣчаетъ Данилевскій, въ дѣйствительности онъ начальствовалъ союзными арміями, а не кто другой; къ князю Шварценбергу потеряли довѣренность, а прочіе два монарха ни во что не вмѣшивались. Александръ, ознакомившись въ теченіи двухъ мѣсяцевъ съ австрійцами, уже не оказывалъ имъ такой уступчивости, какъ при началѣ союза своего съ ними; при разногласіяхъ онъ твердо настаивалъ на своемъ мнѣніи. Пруссаки во всемъ ему покорялись и самые австрійцы, признавая его возвышенныя дарованія и отсутствіе

всякихъ личныхъ честолюбивыхъ видовъ, начинали его слушаться, тѣмъ болѣе, что присоединеніе къ намъ арміи Бенингсена, Бернадота и Блюхера увеличивало число войскъ, непосредственно зависѣвшихъ отъ распоряженій государя, который былъ „истиннымъ Агамемнономъ сей великой брани“.

6-го октября по утру прекраснѣйшаго осенняго дня повсюду загремѣла артиллерія; общая же на всѣхъ пунктахъ атака началась въ одиннадцатомъ часу. Императоръ Александръ съ одной высоты переѣзжалъ на другую, подаваясь все ближе къ городу по грудамъ непріятельскихъ тѣлъ. Онъ неоднократно подвергался опасности, особенно при продолжительномъ дѣлѣ у деревни Пробстгейда. Множество ядеръ летало черезъ него. Одно изъ нихъ упало, между прочимъ, весьма близко отъ государя; ему совѣтывали отъѣхать, но онъ сказалъ любимую свою пословицу, которой всегда придерживался: „одной бѣды не бываетъ, посмотрите, сейчасъ прилетитъ другое ядро“. Дѣйствительно едва успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ зажужжала граната и осколками своими ранила нѣсколько конвойныхъ солдатъ. Австрійскій императоръ и король прусскій были неразлучны съ государемъ, къ которому безпрерывно пріѣзжали адъютанты отъ разныхъ корпусныхъ командировъ и отъ арміи Бенингсена, шведскаго наслѣднаго принца и Блюхера. Но самымъ радостнымъ вѣстникомъ былъ начальникъ саксонскихъ войскъ генералъ Рюссель, перешедшій на сторону союзниковъ часу въ третьемъ; онъ явился къ императору Александру, который превозносилъ патріотизмъ его.

Русскіе, по замѣчанію Данилевскаго, дрались съ обыкновенною своею храбростію, но не съ тѣмъ остервененіемъ, какъ при Бородинѣ; австрійцы дѣйствовали съ обычнымъ хладнокровіемъ, но одни пруссаки казались убѣжденными въ той мысли, что въ этотъ день должно рѣшиться освобожденіе отечества ихъ отъ чужеземнаго ига.

Съ разсвѣтомъ 7-го октября, государь объѣзжалъ войска, благодарилъ ихъ и ободрялъ колонны, шедшія на приступъ города. Около полудня государь въѣхалъ въ Лейпцигъ во время не прекращавшагося еще дѣла. У одного окна показался король саксонскій, но императоръ Александръ, замѣтивъ его, отвернулся.

Вечеромъ, когда все начало утихать, Данилевскій ходилъ по

улицамъ, покрытымъ тысячами плѣнныхъ, говорившихъ на всѣхъ языкахъ европейскихъ; это было, какъ онъ замѣчаетъ, подобіе вавилонскаго столпотворенія. Во время этой прогулки онъ имѣлъ слѣдующую любопытную встрѣчу; увидя одного французскаго офицера плачущаго, онъ подошелъ къ нему и старался утѣшать его, предлагая услуги свои, но плѣнный отвѣчалъ: „Мнѣ помочь никто не можетъ, на-дняхъ исполняютъ комедію моего сочиненія на одномъ парижскомъ театрѣ, и я, будучи въ неволѣ, не могу уже узнать, какъ она будетъ принята публикою“.

Около полуночи государь выслалъ изъ своего кабинета списокъ генераловъ и офицеровъ, находившихся при немъ во время послѣднихъ сраженій, съ отмѣткою награды каждому изъ нихъ; Данилевскому пожалованъ былъ орденъ Св. Анны 2-й степени.

8-го октября Данилевскій отправился осматривать университетскую библіотеку. Начальникъ ея, профессоръ Бекъ, не могъ довольно надивиться, что на другой день кровопролитнѣйшаго изъ сраженій, русскій офицеръ сказалъ ему, что намѣревается въ этой библіотекѣ отдохнуть отъ воинскихъ трудовъ. „Дѣйствительно, пишетъ Данилевскій, увидя себя въ семъ святилищѣ наукъ, которыя я всегда почитаю пристанью моей жизни, какъ мнѣ было не радоваться, что я остался невредимъ послѣ столь многихъ опасностей. Царствовавшее въ огромныхъ залахъ библіотеки молчаніе было истиннымъ бальзамомъ послѣ грома, которымъ слухъ мой былъ пораженъ въ послѣдніе дни“.

Данилевскій хотѣлъ послѣ того навѣстить нѣкоторыхъ лейпцигскихъ ученыхъ, Бекъ сказалъ ему, что онъ найдетъ ихъ отъ бывшихъ сраженій въ такомъ испугѣ, что врядъ-ли что-либо услышитъ отъ нихъ удовлетворительнаго; сверхъ того, они теперь озабочены постоями. „Одинъ Платнеръ, сказалъ онъ, былъ въ эти смутные дни настоящимъ стоикомъ“. Данилевскій рѣшился идти къ Платнеру. Онъ нашелъ въ немъ старца лѣтъ семидесяти, еще бодраго тѣломъ, но душевныя силы котораго уже ослабѣвали. Все вниманіе его было обращено на политическія событія, къ которымъ онъ безпрерывно склонялъ рѣчь, не смотря на старанія Данилевскаго избрать предметомъ разговора словесность и философію, только къ концу бесѣды онъ отчасти въ этомъ успѣлъ. „Шеллингъ и Фихте, сказалъ Платнеръ, хорошіе философы, но они сумашедшіе, потому что каж-

дый изъ нихъ живетъ въ какомъ-то философскомъ мірѣ, который не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительностью. Чтобы быть хорошимъ философомъ, необходимо философствовать такимъ образомъ, чтобы разсужденія наши можно было примѣнять къ сему міру, въ противномъ случаѣ все это одна болтовня".

Черезъ нѣсколько дней, Данилевскій, по прибытіи въ Іену, имѣлъ снова удовольствіе бесѣдовать съ профессорами. Добрые ученые благословляли Небо, что военная буря, отъ которой они за семь лѣтъ столь много пострадали, нынѣ миновала ихъ. Не взирая на близость театра войны 1813 года, лекціи не прерывались и только прекратились во время пребыванія въ Іенѣ главной квартиры, по случаю военнаго постоя во всѣхъ домахъ.

24-го октября императоръ Александръ вступилъ во главѣ своей гвардіи въ Франкфуртъ и этимъ закончился походъ для освобожденія Германіи отъ французскаго владычества. Союзная главная квартира пробыла здѣсь до 29-го ноября и на это время Франкфуртъ сдѣлался средоточіемъ политическихъ дѣлъ Европы и наполнился пріѣзжавшими со всѣхъ концовъ Германіи принцами. „Я видѣлъ, пишетъ Данилевскій, въ пріемныхъ комнатахъ императора и королей и владѣтелей, лишенныхъ французами престоловъ своихъ и членовъ Рейнскаго союза, которые незадолго еще отправляли войска свои противъ Россіи. Австрійцы и пруссаки могли къ нимъ имѣть болѣе или менѣе притязаній, но за безпристрастіе Александра ручалось могущество его; они видѣли въ Россіи державу, которой не нужно было расширять свои предѣлы на ихъ счетъ, а потому всѣ обращались къ государю какъ къ новому солнцу, возсіявшему на горизонтѣ ихъ. Армія наша расположилась на выгодныхъ кантониръ-квартирахъ вдоль Рейна, а между тѣмъ начались дипломатическіе переговоры. Времени предоставлено обнаружить, искреннее-ли было желаніе міра со стороны воюющихъ сторонъ, или дѣлаемы были предложенія взаимно другъ другу только для выигранія времени; по крайней мѣрѣ, я знаю, что государь не намѣренъ былъ мириться съ Наполеономъ, не побывавъ въ Парижѣ, что онъ почиталъ необходимымъ для чести русскаго имени. Онъ не хотѣлъ даже долго останавливаться на Рейнѣ, а идти прямо въ Парижъ зимою, но союзники наши какъ-бы оробѣли при видѣ границъ Франціи, вѣроятно отъ неудачныхъ покушеній ихъ въ прежнія

войны. Наконецъ, всѣ согласились съ императоромъ и послѣ долгихъ преній рѣшились начать наступательныя дѣйствія“.

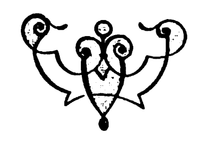
Свободное отъ служебныхъ занятій время Данилевскій проводилъ въ кругу друзей, между которыми занималъ тогда первое мѣсто Николай Тургеневъ; Штейнъ, управлявшій нѣмецкими землями, занятыми нашими войсками, выписалъ его къ себѣ, по просьбѣ Данилевскаго, изъ Петербурга. Они жили въ одной комнатѣ; къ ихъ обществу присоединился еще Батюшковъ.

Во время пребыванія государя во Франкфуртѣ привезли изъ Россіи медали за 1812 годъ. „Хотя, какъ замѣчаетъ Данилевскій, мы находились въ союзѣ со всею Европою, но медали напоминали о времени, когда эти же самыя европейскія державы за годъ передъ тѣмъ, склоняясь подъ желѣзный скипетръ деспота, намѣревались оттѣснить насъ въ Азію, когда мы были одни, оставленные на произволъ собственныхъ силъ нашихъ, когда пламенѣли и Смоленскъ и Москва, но не устрашился государь и не дрогнули сердца русскія“.

29-го ноября 1813 г. главная квартира выступила изъ Франкфурта. По прибытіи въ Карлсруэ, императоръ Александръ узналъ, что австрійцы, безъ вѣдома его, вступили въ нейтральную Швейцарію. Это нарушеніе международнаго права было до такой степени прискорбно государю, что, по словамъ Данилевскаго, онъ сказалъ, при полученіи о томъ извѣстія: „Это одинъ изъ самыхъ непріятныхъ дней моей жизни“. Тѣмъ не менѣе, русскія войска вступили въ предѣлы Швейцаріи. Главная квартира прожила въ Базелѣ до 1-го января, потому что императору Александру угодно было въ новый годъ перейти Рейнъ, такъ какъ ровно за годъ онъ переправлялся черезъ Нѣманъ. Начался походъ 1814 года.

Н. К. Шильдеръ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ЗАПИСКИ РЕКТОРА И ПРОФЕССОРА

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ

ӨЕДОРА ИВАНОВИЧА ІОРДАНА

1800 13-го августа род. / ум. 19-го сентября 1883.

XXXVII [1]).

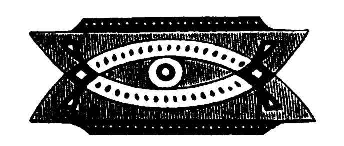
Разсказавъ о церемоніяхъ Страстной недѣли въ Римѣ и въ храмѣ св. Петра, нельзя умолчать о торжественной процессіи „Corpus Domini" (тѣла Господня). Праздникъ этотъ бываетъ десять дней спустя послѣ Св. Троицы и приходится, какъ праздникъ Вознесенія, въ четвергъ. Въ этотъ день болѣе, нежели въ день Свѣтлаго праздника, римляне и иностранные художники спѣшатъ съ утра занять гдѣ-нибудь мѣсто около храма св. Петра, откуда въ 10 часовъ утра начинается процессія. Сперва идутъ въ бѣдныхъ одеждахъ капуцины, францисканцы и др. За ними слѣдуютъ монахи получше одѣтые, какъ-то: августинцы, доминиканцы, григоріанцы и множество другихъ. Затѣмъ слѣдуетъ духовенство: каноники съ богатыми мѣхами,

[1]) См. „Русскую Старину", изд. 1891 г., т. LXIX, мартъ, стр. 601 — 634; т. LXX, апрѣль, стр. 71—116; май, стр. 305—337; іюнь, стр. 547—580; томъ LXXI, іюль, стр. 25--70; августъ 239—264.

за ними „вескови“ (епископы), наконецъ, кардиналы въ митрахъ, всѣ въ золотѣ, съ огромными восковыми свѣчами. Всѣ они окружены своимъ штатомъ. Наконецъ, приближается главное лицо всей процессіи—папа. Онъ виденъ издали, несомый своими носильщиками; передъ нимъ находится аналой, на которомъ онъ держитъ, стоя на колѣняхъ, святую остію, или же она бываетъ вставлена въ дорогую раму, украшенную драгоцѣнными камнями, которая называется Exponsorio; эта рама ставится на аналой и передъ нею находится папа, простертый на колѣняхъ и повидимому глубоко вдохновенный молитвою. Надъ нимъ несутъ балдахинъ. Вся одежда папы состоитъ изъ длинной мантіи, сшитой, также какъ и балдахинъ, изъ бѣлой серебряной парчи. По сторонамъ балдахина несутъ множество свѣчей и нѣсколько кадилъ, коихъ ѳиміамъ возносится къ небу. Весь этотъ живописный кортежъ окруженъ швейцарскою гвардіею.

На повѣрку выходитъ, что папа сидитъ на табуретѣ, къ нему придѣланы фальшивыя ноги, а Exponsorio прикрѣплено къ аналою; папа, въ свою очередь, покрытъ огромною мантіею, скрывающею всю его фигуру, вслѣдствіе чего и кажется будто онъ стоитъ на колѣняхъ и держитъ Exponsorio. Иначе и быть не могло: папы бо́льшею частью люди престарѣлые, процессія тянется вокругъ всей колонады св. Петра и длится около 40 минутъ, поэтому папа можетъ выдержать шествіе процессіи только сидя на носилкахъ.

Подобныя процессіи происходятъ въ Римѣ, въ разныхъ приходахъ, всю недѣлю. Въ это же время года бываетъ другое, весьма интересное, торжество въ мѣстечкѣ Grassano, близь Рима. Мѣстечко это славится своими винами, красивыми деревенскими дѣвушками и обиліемъ цвѣтовъ, изъ коихъ дѣлаютъ для этой процессіи коверъ самаго прелестнаго рисунка во всю главную улицу; этотъ праздникъ называется Li Infiorata (цвѣтникъ). Множество гостей наѣзжаетъ изъ Рима полюбоваться чуднымъ цвѣтникомъ, поглазѣть на красивыхъ дѣвушекъ и выпить стаканъ хорошаго, но крѣпкаго вина.

XXXVIII.

Мнѣ пришлось познакомиться съ княгиней Голицыной, рожденной Корсаковой. Она тратила очень много денегъ на покупку разныхъ картинъ старой и новой школы; княгинѣ несли картины со всѣхъ концовъ Рима, и все это покупалось ею безъ всякой цѣли. Смотря на все пріобрѣтенное ею, мнѣ было жаль русскихъ денегъ. Съ княгиней Голицыной вояжировалъ и имѣлъ у нея столъ и квартиру г. Берже. Это былъ миніатюрный живописецъ, другъ и пріятель Н. И. Уткина, который выгравировалъ съ его миніатюры портретъ музыканта Мюллера, отца Соколовой. Потерявъ глаза отъ мелкой работы, г. Берже писалъ въ Римѣ большіе сюжеты масляными красками. Онъ описывалъ мнѣ ужасное положеніе крестьянъ княгини Голицыной, говоря, что она здѣсь не знаетъ какъ истратить деньги, а крестьяне не въ состояніи выплатить ей во-время подати и у нихъ отбираютъ послѣднюю корову, лошадь и т. п.

Ко мнѣ княгиня была очень добра. Она имѣла двухъ сыновей и примѣрно о нихъ пеклась; жила открыто, была характера веселаго и добродушнаго.

Совершенно неожиданно пріѣхалъ въ Римъ ея мужъ, также любившій пожить широко и сдѣлавшій массу долговъ. Я явился къ нему утромъ, въ день его пріѣзда въ Римъ. Онъ сидѣлъ у камина, по американски, положивъ ноги на карнизъ камина. Мы начали разговоръ о крѣпостномъ сословіи и, когда г. Берже замѣтилъ, что рано или поздно это сословіе должно быть уничтожено т. е. крестьяне будутъ освобождены, то князь Голицынъ возразилъ: „это событіе также далеко, какъ если бы огромное тѣло удалить на такое разстояніе, что оно обратилось бы въ точку, которая едва примѣтна за дальностью разстоянія".

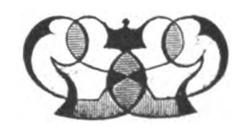
Однако, князю пришлось дожить до того дня, когда былъ обнародованъ актъ освобожденія крестьянъ. Семейство этого князя Голицына окончательно разорилось: домъ и картины, принадлежавшіе княгинѣ были проданы съ молотка; она умерла, а князь сошелъ съ ума; участь ихъ дѣтей мнѣ неизвѣстна.

Съ пріѣздомъ мужа, княгиня утратила свою обычную веселость,

сдѣлалась молчалива, что удивило меня, зная, что она принесла мужу богатое состояніе, а онъ, кромѣ княжескаго титула, съ своей стороны ничего не принесъ ей.

Я имѣлъ удовольствіе видѣть княгиню однажды въ Петербургѣ; она сама показывала мнѣ богато отстроенный ею домъ, съ фонтаномъ въ саду, возлѣ котораго стояла статуя наяды, сдѣланная, по ея заказу, г. Гаяси. Въ комнатахъ висѣли отличныя картины К. П. Брюллова, Калама и др. Еще при жизни княгини, ее осаждали со всѣхъ сторонъ кредиторы, а по смерти ея, молодые князья Голицыны, сыновья ея, покончили съ богатствомъ своей матушки. Одинъ изъ нихъ, желая поскорѣе все спустить, и не зная цѣны вещамъ, продалъ за 25 р. дорогой tête-à-tête севрскаго фарфора, подаренный нѣкогда Людовикомъ XVI великому князю Павлу Петровичу и его супругѣ, Маріи Өеодоровнѣ, при посѣщеніи ими Парижа. Эта драгоцѣнность очутилась у молодаго князя Голицына; въ то время, какъ онъ распродавалъ вещи, къ нему явился однажды купецъ изъ Апраксина рынка, который скромно разсматривалъ вещи, назначенныя въ продажу, и, обративъ вниманіе на этотъ tête-à-tête, тотчасъ понялъ его цѣнность; князь, не имѣя въ вещахъ ни малѣйшаго понятія, видя, что торговецъ разсматриваетъ сервизъ, началъ торопить его, говоря: „ну, покупай“! и спросилъ за сервизъ сто рублей. Апраксинецъ жалобнымъ голосомъ отвѣчаетъ, что у него такихъ денегъ нѣтъ.

Желая получить хотя что-нибудь, князь уступилъ ему эту драгоцѣнную вещь за 25 рублей; затѣмъ сервизъ перешелъ въ Парижъ и былъ купленъ за 100 т. франковъ императрицей Евгеніей, которая скупала за большіе деньги всѣ вещи, нѣкогда принадлежавшія несчастной королевѣ Маріи-Антуанетѣ.

XXXIX.

Семья русскихъ художниковъ была обрадована пріѣздомъ въ Римъ нашего конференцъ-секретаря В. И. Григоровича, человѣка всѣми любимаго, особенно художниками, которымъ онъ всегда былъ искреннимъ другомъ. Онъ относился къ ученикамъ академіи какъ къ своимъ дѣтямъ; это былъ человѣкъ рѣдкой честности. Онъ съ раннихъ лѣтъ сроднился съ академіей, женившись на дочери извѣстнаго русскаго скульптора Ивана Петровича Мартоса, неусыпнаго труженика по своей части; работы Мартоса разсѣяны по всей Россіи. Свояками В. И. Григоровича были наши профессора: Алексѣй Егоровичъ Егоровъ, Авраамъ Ив. Мельниковъ—строитель старообрядческой церкви и Глинка—строитель бывшаго Румянцевскаго музея, нынѣ (1875 г.) дома Шумахера.

Григоровичъ остановился въ семействѣ Ѳ. А. Бруни; въ Римъ пріѣхала на короткое время и M-me Бруни, которую онъ уважалъ, и она приложила всѣ старанія къ тому, чтобы сдѣлать Григоровичу пребываніе въ Римѣ пріятнымъ. Художники также старались, съ своей стороны, быть ему полезными и пріятными и дали въ честь его товарищескій обѣдъ. Однимъ словомъ, всѣ смотрѣли на В. И. Григоровича не какъ на начальника, а какъ на добраго отца. Его очень занимала моя работа; онъ цѣнилъ мой трудъ и чувствовалъ себя передо мною виновнымъ, ибо въ то время, какъ я дѣлалъ рисунокъ, онъ настаивалъ неоднократно, чтобы, по окончаніи его, я приступилъ къ гравированію такого колоссальнаго труда; теперь же онъ радовался, увидавъ, что моя гравюра значительно подвинулась. Трудолюбивые братья Чернецовы написали ему на память картину, гдѣ всѣ художники изображены вмѣстѣ, имѣя во главѣ В. И. Григоровича: иные сидятъ, другіе гуляютъ во внутренности Колизея, и каждая фигура довольно сходна. Григоровичъ пробылъ съ нами около мѣсяца, затѣмъ мы разстались.

Нѣсколько времени спустя пріѣхалъ мой незабвенный профессоръ, благодѣтель и второй отецъ, Н. И. Уткинъ, и я съ сердечною радостью встрѣтилъ его и помѣстилъ у себя. Не могу описать тѣхъ чувствъ, которыми было преисполнено мое сердце,

при видѣ этого добрѣйшаго человѣка, который съ малыхъ лѣтъ вселилъ во мнѣ любовь къ занятіямъ, прилагая неусыпныя попеченія обо мнѣ, и которому я былъ всѣмъ обязанъ до конца моей жизни. Мое трудолюбіе было всегда оцѣнено имъ по справедливости. Онъ изыскивалъ средства, при крайней моей бѣдности, поставить меня на ноги; въ домѣ его я встрѣчалъ искреннее радушное гостепріимство, даже бѣдныхъ моихъ родителей онъ не забывалъ. Теперь святая его душа витаетъ въ лучшемъ мірѣ, гдѣ я надѣюсь ее встрѣтить и тамъ излить ей признательность, которая живетъ во мнѣ по сей часъ. Упокой, Господи, праведную душу моего профессора, благодѣтеля и друга!

Я началъ показывать Н. И. Уткину достопримѣчательности Рима подъ палящимъ августовскимъ солнцемъ. Даже мои бѣдные хозяева влюбились въ него и сожалѣли о томъ, что онъ, по ихъ понятію, „не христіанинъ", то есть не католикъ. Не разъ Уткинъ удивлялся простотѣ моей жизни и обстановки. Всѣ мои товарищи художники были имъ восхищены и завидовали мнѣ, что я имѣлъ профессора примѣрной доброты, тогда какъ ихъ профессора о нихъ и знать не хотѣли. Мы дали старику отличный обѣдъ, но онъ былъ крайне удивленъ, когда Ставасеръ и Пименовъ неожиданно вышли изъ другой комнаты полунагіе, и начали представлять римскихъ борцевъ. Старикъ испугался я же успокоилъ его, объяснивъ, что подобныя импровизаціи у насъ часто случаются. Живя подъ вѣчно синимъ небомъ, получая за обѣдомъ всегда стаканъ хорошаго вина, здѣсь всѣ веселы, всѣ смѣются.

Н. И. Уткинъ далъ мнѣ много полезныхъ наставленій касательно моей работы, чтобы ускорить ея окончаніе. Старичекъ желалъ послѣ Рима осмотрѣть Неаполь и просилъ меня ему сопутствовать, на что̀ я съ удовольствіемъ согласился, такъ какъ въ его годы и не зная итальянскаго языка, ему было бы трудно и даже опасно совершить это путешествіе одному, вслѣдствіе чего мы и отправились вмѣстѣ. Дорога въ Неаполь, какъ я уже говорилъ, самая живописная, особенно въ Гаэтѣ, гдѣ гостинница стоитъ на берегу моря и видъ изъ нея открывается, можно сказать, божественный; эта гостинница была нѣкогда виллою Цицерона.

По пріѣздѣ въ Неаполь, мы остановились также въ прелест-

ной гостинницѣ подъ названіемъ „Ville de Rome"; она стоитъ на берегу моря и видъ изъ нея открывается великолѣпный. Впереди виднѣется дымящійся Везувій, а позади находится Помпея. Старичекъ Уткинъ былъ внѣ себя отъ восторга отъ всего видѣннаго имъ въ Неаполѣ.

По утру, гуляя по Santa Lucia, онъ попросилъ меня зайти въ цирюльню, чтобы выбриться. Бородобрѣй старательно намылилъ ему бороду, обрилъ его и затѣмъ вымылъ его такъ, какъ матери моютъ дѣтей, т. е., взявъ на ладонь воду, обмылъ ему все лицо, что̀ крайне не понравилось моему профессору.

Осмотрѣвъ все достопримѣчательное въ Неаполѣ и выкупавшись въ голубомъ Средиземномъ морѣ, мы отправились въ Помпею, гдѣ восхищались городомъ, который слишкомъ 1000 лѣтъ тому назадъ былъ засыпанъ пепломъ, теперь же вы гуляете по его улицамъ, видите слѣды колесъ, оставленные нѣкогда колесницами, видите колодцы съ впадинами, истертыми веревками, на которыхъ подымались ведра, читаете вывѣски, высѣченныя изъ камня, однимъ словомъ видите городъ, только безъ жителей и безъ крышъ на домахъ. Мы любовались также Геркуланомъ, хотя онъ не весь отрытъ, ибо Помпея была засыпана пепломъ, а Геркуланъ залитъ лавою, отъ которой очистить городъ несравненно труднѣе, нежели отъ мягкаго пепла, такъ какъ лава обращается, при охлажденіи, въ твердый камень. Кромѣ того, надъ Помпеею, т. е. надъ ея поверхностью, находится открытое поле, а надъ Геркуланомъ стоитъ богатый городъ Портичи, съ прекраснымъ дворцомъ неаполитанскаго короля; слѣдственно, чтобы открыть Геркуланъ надобно уничтожить городъ Портичи. Въ Геркуланѣ погребены замѣчательныя сокровища изящныхъ искусствъ; все открытое въ немъ до сего времени превосходитъ по достоинству вещи, найденныя въ Помпеѣ. Нагулявшись вдоволь въ томъ и другомъ городѣ, мы отправились въ очаровательный Сорренто—отечество безсмертнаго Тасса, пѣвца освобожденнаго Іерусалима, который лишился ума вслѣдствіе несчастной любви къ Элеонорѣ Эсте, и сошелъ въ преждевременную могилу. Кто изъ путешественниковъ, посѣщавшихъ эти мѣста, не помнитъ дороги отъ Помпеи до Сорренто, гдѣ, не доѣзжая этого городка, вы встрѣчаете сады, обнесенные стѣнами, изъ-за коихъ красуются большія деревья съ темною зеленью и золотистыми плодами,—

это апельсинныя деревья. Кто не радовался, увидавъ, быть можетъ, первый разъ въ жизни эти деревья, коихъ листья такъ густы и темны и сучья такъ раскидисты, что они кажутся издали цѣлымъ лѣсомъ.

Отдохнувъ отъ утомительной ѣзды на ослахъ, на которыхъ приходится ѣхать въ Сорренто, и занявъ хорошія комнаты, съ живописнымъ видомъ, мы взяли изъ гостинницы провожатаго или чичероне, какъ ихъ здѣсь называютъ, и, выйдя съ нимъ на улицу, случайно спросили его, не зналъ-ли онъ **Щедрина**. Наши художники, жившіе въ мое время въ Римѣ, всѣ знали имя нашего достойнаго пейзажиста—**Щедрина**, коего картины служатъ до сего времени украшеніемъ русской школы. Услыхавъ это имя, чичероне остановился, съ вдохновеннымъ видомъ сбросилъ съ головы шапку и заговорилъ:

—„Какъ сера Сильвестра (имя Щедрина,—здѣсь въ обычаѣ не упоминать фамилію, а только имя) не знать! Здѣсь нѣтъ человѣка, который бы не зналъ его. Какъ Сильвестра не знать! Да это грѣхъ не знать его, онъ умеръ на моихъ рукахъ“.

И пошли разсказы о томъ, какъ всѣ уважали его, что это былъ Рафаэль по искусству. „Мерзкіе наши патеры не хотѣли даже хоронить этого истиннаго христіанина“, продолжалъ италіанецъ, но когда нашли крестъ у него на шеѣ, тогда только и схоронили. Теперь же онъ исцѣляетъ отъ болѣзней и творитъ чудеса“.

Старичка Уткина этотъ разсказъ удивилъ, и онъ просилъ меня сказать чичероне, чтобы онъ показалъ намъ могилу Щедрина.

—„Туда я васъ и веду, неужели я могъ васъ оставить, не показавъ ее вамъ!“

Мы спустились съ горы и увидали небольшую рѣчку, заливъ Средиземнаго моря, коей берега поросли деревьями; вдали виднѣлась часовня или небольшая церковь. На лѣсенкѣ у этой часовни сидѣли крестьянки съ выразительными лицами, бѣдно одѣтыя и съ дѣтьми на рукахъ. Когда мы подошли къ нимъ, дверь въ часовню оказалась уже отпертою и намъ представилась довольно бѣдная внутренность часовеньки, въ которой воздухъ былъ сырой и холодный, чтò очень чувствительно въ этихъ странахъ, гдѣ воздухъ часто бываетъ удушливъ. Крестьянки, съ дѣтьми на ру-

кахъ, прямо отправились къ какой-то темной доскѣ, прикрѣпленной къ стѣнѣ, пали передъ нею на колѣна, крестились и молились. Я спрашиваю моего чичероне: „Гдѣ же лежитъ серъ Сильвестро?“

Онъ таинственно указалъ на темную доску, у которой молились крестьянки, и шепнулъ мнѣ на ухо: „серъ Сильвестро-святой человѣкъ“.

Мой старичекъ пришелъ въ умиленіе, услыхавъ это. Мы подошли къ памятнику и увидали, что эта доска отлита изъ бронзы, на которой изваянъ барельефъ: Щедринъ, сидя въ плащѣ, съ кистью въ рукахъ, засыпаетъ сномъ смерти. Голова его опустилась, равно какъ и рука, въ которой онъ держитъ палитру.

Внизу барельефа находится скромная надпись: „здѣсь лежитъ Щедринъ“. Отъ темноты и сырости надпись попортилась, такъ что трудно было ее прочесть. Увидавъ, что не вдалекѣ отъ могилы стоялъ послушникъ іезуитскаго ордена, и возлѣ него сторожъ этой часовни, я спросилъ послушника, какимъ образомъ случилось, что могила нашего земляка такъ уважается здѣшними поселянами? Съ удивительною кротостью, дѣлающею честь его ордену и которой я неоднократно былъ свидѣтелемъ, послушникъ тихимъ голосомъ отвѣчалъ мнѣ: „могила вашего земляка весьма чтится окрестными поселянами, но, какъ это случилось, я не могу вамъ объяснить. Говорятъ, что онъ былъ очень добрый человѣкъ, помогалъ бѣднымъ, и что его могила и сотворенная надъ нею молитва исцѣляютъ страждущихъ дѣтей. Вы найдете здѣсь ежедневно матерей съ грудными дѣтьми и онѣ увѣряютъ, что получаютъ тутъ исцѣленіе. Объ одномъ буду васъ просить: памятникъ приходитъ въ ветхость, и такъ какъ онъ служитъ предметомъ поклоненія для народа, то нельзя-ли будетъ его возобновить?“

Мы его успокоили, сказавъ, что у Щедрина есть братъ, профессоръ, къ тому-же архитекторъ, что мы передадимъ ему эту просьбу, и все будетъ исполнено. Мы поклонились праху, помолились и, вполнѣ довольные, вышли изъ часовни. Мой профессоръ не столько восхищался видами, сколько былъ занятъ этою неожиданною новостью и внесъ все слышанное въ свою записную книжку. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Н. Ив. Уткинъ передалъ просьбу іезуита брату Щедрина, Аполлону Ѳедосѣевичу,

и тотъ съ радостью выслалъ потребную на починку памятника сумму денегъ.

Гуляя по Сорренто, мы видѣли домъ Торквато Тассо, выстроенный на самомъ видномъ мѣстѣ, гдѣ теперь помѣщается гостинница, носящая его имя, которая считается лучшею въ городѣ. Когда мы пожелали въ ней остановиться, нашъ мальчишка-погонщикъ ословъ сказалъ, что гостинница эта очень дорогая и что въ нее пріѣзжаютъ въ экипажахъ, а не на ослахъ, какъ мы.

Возвратившись въ гостинницу, названіе которой не припомню, и видя, что для насъ накрытъ столъ, Уткинъ попросилъ меня сказать хозяину гостинницы, чтобы онъ угостилъ насъ свѣжими апельсинами, которыми мы восхищались дорогою, на что̀ хозяинъ съ удовольствіемъ согласился, сказавъ, что прикажетъ снять ихъ съ своего дерева. Намъ подали нѣсколько совершенно свѣжихъ крупныхъ апельсинъ золотистаго цвѣта, и когда мы очистили съ нихъ кожу, то сильный ароматъ и особенный острый запахъ наполнили всю комнату. Ни я, ни мой профессоръ не знали, что значитъ скушать апельсинъ въ августѣ мѣсяцѣ, притомъ сорванный прямо съ дерева. Не знаю даже съ чѣмъ сравнить это наслажденіе, я же не въ состояніи его описать.

Затѣмъ мы долго гуляли, любуясь видами, которые влекутъ въ Сорренто каждаго путешественника, тѣмъ болѣе художника. Ложась спать, мы позабыли спросить объ одномъ весьма необходимомъ мѣстѣ; довольные нашимъ посѣщеніемъ Сорренто, гдѣ мы нашли мѣсто вѣчнаго упокоенія нашего собрата художника, и насладившись прелестными апельсинами, беззаботно предались мы ночному отдохновенію, какъ вдругъ я почувствовалъ прискорбныя послѣдствія моей невоздержности. Бѣгаю по комнатѣ, по корридору, въ темнотѣ наталкиваюсь на моего старичка, оба въ отчаяніи, бѣгаемъ, отыскивая то, о чемъ по забывчивости не спросили съ вечера; но всѣ наши поиски были напрасны... такъ прошла вся ночь; къ утру, усталые и ослабѣвшіе, мы едва имѣли силу позвать прислугу, чтобы привести въ нашей комнатѣ все въ порядокъ и освѣжить воздухъ, открывъ окна.

Только что успѣли мы немного оправиться, какъ слышимъ стукъ въ двери. Полагая, что это слуга, отворяемъ, и къ намъ входитъ господинъ, щегольски одѣтый, съ палочкою въ рукѣ и

заявляетъ, что онъ священникъ посольской церкви въ Неаполѣ, проживаетъ здѣсь во время жаровъ и, услыхавъ о нашемъ прiѣздѣ отъ нашего вчерашняго чичероне, пришелъ познакомиться.

Мой старичекъ былъ очень обрадованъ его приходомъ, попросилъ у него благословенiя и разсказалъ ему исторiю апельсиновъ и несчастныя отъ нихъ послѣдствiя.

Напившись кофе, мы поспѣшили отправиться въ лодкѣ въ Лазуревый гротъ. Этотъ гротъ съ моря совершенно незамѣтенъ, такъ какъ онъ находится въ скалѣ и входъ въ него виденъ только въ то время, когда волна отходитъ отъ берега, вслѣдствiе чего гребецъ подвозитъ васъ къ скалѣ и выжидаетъ момента, когда волна отхлынетъ; тогда онъ становитъ лодку такъ, чтобы волна, ударяясь въ скалу, могла-бы вмѣстѣ съ тѣмъ внести въ гротъ и его лодку. Гребцы дѣлаютъ это весьма ловко, предупреждая сидящихъ въ лодкѣ, чтобы они нѣсколько наклонили голову, такъ какъ входъ въ лазуревый гротъ весьма низокъ. Въѣхавъ въ него, вы поражены лазуревымъ цвѣтомъ какъ воды, такъ и всей внутренности грота. Вода тиха и прозрачна въ немъ какъ зеркало.

Тѣмъ же порядкомъ и выплываютъ оттуда: гребецъ выжидаетъ момента, когда волна, отходя отъ скалы, открываетъ отверстiе и, воспользовавшись этой минутою, онъ ловко выплываетъ въ открытое море. Мы посѣтили также Амальфи; видъ этого городка съ моря обворожительный. Къ сожалѣнiю, въ Неаполитанскомъ королевствѣ часто случается, что города, съ моря кажущiеся обворожительными, не отвѣчаютъ вашимъ ожиданiямъ, когда вы сойдете на берегъ. Вы находите здѣсь зачастую грязныя, неопрятныя и узкiя улицы, даже зловонiе, что̀ случилось и въ Амальфи. Городъ стоитъ на высокомъ берегу моря; поднявшись въ Амальфи, крайне усталые, мы мало нашли интереснаго въ сравненiи съ тѣмъ, что̀ можно было ожидать, видя этотъ городокъ съ моря.

Мы видѣли собачiй гротъ, наполненный удушливымъ газомъ; сторожъ, находящiйся при этомъ гротѣ, имѣетъ при себѣ собаку, которую онъ вталкиваетъ въ этотъ гротъ, отворивъ въ него дверь; съ собакою дѣлаются тотчасъ конвульсiи и сторожъ вытаскиваетъ ее за веревку на свѣжiй воздухъ, гдѣ она оправляется.

Мы съѣздили также въ Салерно, который отличается сырымъ воздухомъ; жители его страдаютъ лихорадкою отъ болотистой мѣстности.

Наконецъ, мы возвратились въ Римъ и, осмотрѣвъ все въ немъ достопримѣчательное, должны были разстаться, ибо время уходило и мнѣ пора было приняться за работу.

XL.

Въ 1845 году Римъ былъ почтенъ пріѣздомъ императора Николая Павловича, который посѣтилъ Италію, съ цѣлью навѣстить императрицу Александру Ѳеодоровну, жившую на островѣ Сициліи, въ Палермо. Императоръ остановился у нашего посла Бутенева, жившаго возлѣ Пантеона, во дворцѣ Джустіани. Этотъ дворецъ находился въ одномъ изъ густо населенныхъ кварталовъ Рима, возлѣ Мяснаго ряда, что̀ и замѣтилъ императоръ Бутеневу, сказавъ, что его сынъ, наслѣдникъ цесаревичъ, помѣщался въ Римѣ въ отличномъ дворцѣ; „ты-же помѣстился въ несоотвѣтствующемъ твоему посту мѣстѣ“, продолжалъ императоръ. И точно, наслѣдникъ жилъ у нашего посла Потемкина, во дворцѣ Одескальки. Этотъ дворецъ стоитъ на площади Святыхъ Апостоловъ, на одной изъ лучшихъ улицъ Рима.

При посѣщеніи Ватикана и осмотрѣ его драгоцѣнныхъ коллекцій, государь велѣлъ, чтобы мы, художники, сопровождали его; такимъ образомъ, мы имѣли случай видѣть то, что̀ иначе никогда не пришлось-бы увидать. И точно, мы видѣли тутъ собраніе византійскихъ образовъ, о которыхъ мы не имѣли никакого понятія. Г. Висконти долженъ былъ служить путеводителемъ государя и объяснять статуи и картины, на которыя государь обращалъ, впрочемъ, мало вниманія. Когда императоръ былъ недалеко отъ картины „Преображеніе“ Рафаэля, ко мнѣ подошелъ кн. П. М. Волконскій, сказавъ:

— „Ты не отходи; какъ скоро государь подойдетъ къ твоей картинѣ, я представлю тебя“.

Я слѣдилъ за его величествомъ. Наконецъ, онъ подошелъ къ картинѣ и Висконти началъ говорить обо мнѣ. Государь мелькомъ взглянулъ на меня, и обратился къ другой картинѣ.

И часа не было употреблено на осмотръ всего Ватикана. Государь былъ въ сюртукѣ темно-кофейнаго цвѣта; по величественной осанкѣ, красотѣ и твердой поступи онъ походилъ, въ полномъ смыслѣ слова, на красавца Аполлона. Коляска его была запряжена парою сѣрыхъ лошадей.

Изъ Ватикана всѣ поѣхали въ Колизей; художники старались поспѣть за государемъ на своихъ извозчичьихъ лошадяхъ, только наши клячи далеко отставали отъ его борзыхъ коней, но мы все-таки подоспѣли во-время.

Государь осмотрѣлъ Колизей, дворцы римскихъ царей и оттуда отправился вновь къ Св. Петру, чтобы осмотрѣть внутренность храма. Служба была окончена и народу въ церкви было мало; государь восхищался этимъ удивительнымъ зданіемъ и, если не ошибаюсь, спросилъ у нашего пенсіонера А. И. Резанова о вышинѣ храма и замѣтилъ:

— „Я желалъ-бы, чтобы мои архитектора могли выстроить мнѣ подобный храмъ“.

Затѣмъ онъ уѣхалъ, и многіе изъ нашихъ художниковъ отправились по домамъ. Одинъ вечеръ былъ назначенъ для осмотра богатой галлереи античныхъ статуй Ватикана, при факельномъ освѣщеніи, при которомъ только и можно оцѣнить достоинства этихъ скульптурныхъ произведеній. При свѣтѣ факела можно каждую фигуру разсмотрѣть отдѣльно, освѣщая ее по своему желанію; днемъ-же, статуи, стоящія противъ оконъ, будучи въ полномъ свѣтѣ, безъ тѣней, теряютъ все свое изящество. Это освѣщеніе обыкновенно дорого стоитъ и имъ пользуются богатые англичане.

Григорій XVI далъ императору Николаю Павловичу право располагать свободно античною галлереею и выбрать тѣ антики, съ которыхъ онъ пожелаетъ имѣть формы, на что̀ папа очень рѣдко даетъ позволеніе. И если-бы государю пришла счастливая мысль воспользоваться совѣтами графа Ѳ. П. Толстаго, который сопровождалъ его при осмотрѣ Колизея, то наша академія, въ Петербургѣ, могла-бы получить свѣжія формы съ главныхъ статуй Ватикана: съ Аполлона, Торса, Лаокона и друг., но государь положился на свой выборъ, и, къ несчастью, этотъ выборъ былъ самый неудачный. Къ отформованію были предназначены такія статуи, которыхъ не стоило-бы и перевозить въ Петербургъ,

если-бы св. отецъ пожелалъ подарить императору самые мраморные оригиналы. Что дѣлать, выборъ былъ сдѣланъ, римляне взялись формовать ихъ и формы обошлись Россіи дороже, чѣмъ если-бы статуи были сдѣланы изъ мрамора, а не изъ алебастра, что̀ и было замѣчено мнѣ г. Килемъ, занимавшимъ тогда мѣсто секретаря художниковъ, вмѣсто г. Сомова, племянника П. И. Кривцова.

Затѣмъ государь Николай Павловичъ сдѣлалъ дорогія покупки мраморныхъ статуй у скульпторовъ, платя за нихъ по царски. Болѣе всѣхъ посчастливилось порядочному скульптору г. Біенеме, коего статуи украшаютъ теперь коллекцію статуй Эрмитажа, таковы: „Вакханка, лежащая съ чашею въ рукахъ“, „Дѣвственная Діана“ и друг.; у почтеннаго англійскаго скульптора Гибсона была куплена „Хлоя, несомая амурами“; у нашего скульптора Ставасера — „Сатиръ, подвязывающій нимфѣ сандаліи“, „Русалка“ и проч. Иностранные художники устроили для императора выставку, и на ней слабыя вещи были предпочтены хорошимъ. Камердинеръ государя, добрѣйшій старичекъ Гриммъ, позволилъ нашимъ русскимъ художникамъ выставить ихъ произведенія въ кабинетѣ государя, во время отсутствія его величества. Возвратившись въ свой кабинетъ, государь увидѣлъ нашу выставку и, не взглянувъ ни на одну картину, приказалъ убрать ихъ.

Когда-же государь опять выѣхалъ куда-то изъ дворца, то растерянный г. Гриммъ просилъ насъ какъ можно поскорѣе убрать картины, что̀ мы тотчасъ и исполнили. Одно желаніе было у насъ узнать: не обратилъ-ли его величество свой милостивый взоръ на чей-нибудь трудъ? Старичекъ ничего намъ не отвѣчалъ, но другіе намъ сказали въ утѣшеніе, что государь вовсе не разсматривалъ картинъ, а прямо приказалъ ихъ убрать. Вообще иностранные художники удивлялись Николаю Павловичу, расходовавшему во все время своего царствованія огромныя деньги на изящныя искусства, предполагали встрѣтить въ немъ вкусъ и знаніе папы Льва X или Людовика XIV, теперь-же совершенно растерялись въ своихъ сужденіяхъ о немъ и рѣшили тѣмъ, что государь Николай Павловичъ о своемъ знаніи не дозволялъ судить кому-либо, вслѣдствіе чего не только дѣло, но одна мысль его—была и есть совершенство. Это никѣмъ неоспоримое его деспотическое сужденіе и было причиною, при

всей рыцарской его душѣ, многихъ сдѣланныхъ имъ ошибокъ, которыя всюду давали поводъ къ строгой о немъ критикѣ. Намъ, русскимъ, было грустно ихъ слышать. На то, чтò было мною сказано, я могу привесть примѣръ. Когда государь осматривалъ въ Ватиканѣ картинную галлерею, то, какъ знатокъ своего дѣла, г. Висконти старался передавать ему свои ученыя мнѣнія, но государь не обращалъ на оныя никакого вниманія, равномѣрно и его спутники: князь П. М. Волконскій и князь, тогда графъ, А. Ѳ. Орловъ, шли за нимъ въ полномъ безмолвіи. На нихъ государь не обращалъ никакого вниманія, чтò и казалось мнѣ очень страннымъ, ибо этимъ высшимъ сановникамъ государства должно быть было въ присутствіи другихъ, какъ высокопоставленнымъ членамъ государства, очень обидно. Будучи приглашенъ въ этотъ день на обѣдъ къ княгинѣ Голицыной, я разсказалъ это странное обхожденіе Николая Павловича съ своими приближенными. Она преспокойно разъяснила мнѣ это (невниманіе)

Я былъ очень радъ познакомиться съ княземъ П. М. Волконскимъ. Онъ любилъ Россію и зналъ ея экономическое положеніе. Мнѣ говорили, что итальянская труппа получаетъ въ Петербургѣ баснословное содержаніе; къ тому-же бенефиціантокъ надѣляютъ богатыми подарками въ день ихъ бенефиса. Наша мнимо богатая молодежь не воображаетъ, что эти пѣвицы смѣются надъ ними, видя, какъ эти юноши надѣляютъ ихъ деньгами и подарками, которыхъ онѣ никогда не получаютъ въ Англіи или Франціи—странахъ, въ сравненіи съ которыми Россія далеко не такъ богата.

Мнѣ говорили, что министръ двора, хорошо зная состояніе русскихъ финансовъ, при назначеніи подарковъ пѣвцамъ и пѣвицамъ старался сокращать цѣнность этихъ подарковъ, иной разъ на половину.

Я долженъ былъ обѣдать у князя Волконскаго, по его приглашенію, но, за неимѣніемъ фрака, остался дома, за чтò и поплатился позже, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ съ оконченнымъ оттискомъ моего долголѣтняго труда, о чемъ будетъ сказано въ свое время.

Пребываніе Николая Павловича въ Римѣ продолжалось нѣсколько дней. Въ день своего ангела, 6-го (18-го) декабря, государь отслушалъ раннюю обѣдню съ молебствіемъ въ посольской

церкви, помогая пѣніемъ здѣшнему псаломщику, и въ 6 часовъ утра оставилъ Римъ.

Во Флоренціи онъ купилъ чудную группу изъ мрамора: „Каинъ и Авель“, работы Дюпре, и его-же „Дѣвушку“.

Величественная красота нашего императора, его рыцарская осанка и щедрость надолго сохранятся въ памяти жителей Рима.

Вслѣдъ затѣмъ всѣ пенсіонеры и своекоштные художники, жившіе въ Римѣ, были обрадованы пріѣздомъ нашего вице-президента гр. Ѳедора Петровича Толстаго, каковой пріѣздъ совпалъ съ пріѣздомъ императора. Какъ скоро его величество уѣхалъ, всѣ русскіе художники старались быть полезными графу и графинѣ. Доброе сердце графа и гостепріимство графини давали на то право. Они старались все осмотрѣть, при чемъ графъ вносилъ въ записную книжку свои замѣтки перомъ и карандашемъ. Мы пожелали угостить эту искренно уважаемую нами чету и дали въ честь ихъ обѣдъ, но графъ и его супруга не пожелали остаться въ долгу у художниковъ, и мы, зная ихъ небольшія средства, къ общему нашему сожалѣнію, должны были принять ихъ приглашеніе на обѣдъ, въ коемъ сказалось истинно русское гостепріимство. Приглашенныхъ было много, всѣ веселились и радовались, видя, что Италія не измѣнила добраго сердца графа и графини [1]).

Въ день ихъ отъѣзда, когда художники собрались проститься съ дорогими гостями и пожелать имъ добраго пути, мы застали графа за окончаніемъ рисунка римской двухъ-колесной повозки транстеверинцевъ, служащей имъ для перевозки вина мы восхищались графомъ, который и послѣднія минуты своего пребыванія въ Римѣ старался употребить съ пользою.

Около этого времени пріѣхала въ Римъ молодая, красивая парочка: С. Л. Левицкій, съ своею женою Анною Антоновною. Трудно было рѣшить, которому изъ нихъ дать предпочтеніе. Красивый, молодой, бойкій Сергѣй Львовичъ очаровывалъ всѣхъ, а

---

[1]) О времени пребыванія графа Ѳедора Петровича Толстаго въ Римѣ разсказано имъ самимъ на стр. „Русской Старины“. См. интересныя записки гр. Ѳ. П. Толстаго: „Русская Старина“, изд. 1873 г., томъ VII.

Ред.

возлѣ него красовалась, въ высшей степени миловидная, кроткая и благородная въ обхожденіи, жена его, Анна Антоновна. Съ первыхъ дней ихъ пріѣзда въ Римъ я сдѣлался ихъ пріятелемъ, и остался таковымъ до сего дня (1880 г.). Левицкій имѣлъ независимое состояніе; посѣщая Парижъ, онъ полюбилъ этотъ городъ и, оставшись въ немъ на болѣе продолжительное время, усовершенствовался въ фотографіи, которою онъ занимался еще въ Римѣ.

Потерявъ значительную часть своего состоянія во время февральской революціи 1848 года, С. Л. прибѣгнулъ къ помощи фотографіи, которая дала ему средства къ существованію и упрочила за нимъ славу одного изъ лучшихъ фотографовъ не только въ Россіи, но и въ цѣлой Европѣ.

Не могу забыть одного случая: въ то время, когда пріѣхалъ Сергѣй Львовичъ Левицкій, въ Римѣ появился только что начинавшій художникъ, г. Сверчковъ, по прозванію глухой; онъ былъ офицеромъ, но такъ полюбилъ искусство, что оставилъ службу и съ небольшими деньгами отправился учиться въ Италію. Истративъ всѣ свои деньги, онъ существовалъ на гроши, перепадавшіе ему отъ товарищей, пока его не увидала въ чужихъ краяхъ, въ какомъ именно городѣ не помню, баронесса Штиглицъ. Она увидѣла его рисующимъ на улицѣ, заинтересовалась имъ и помогла ему доѣхать въ Римъ. Изъ него вышелъ впослѣдствіи самый усердный и пылкій молодой художникъ.

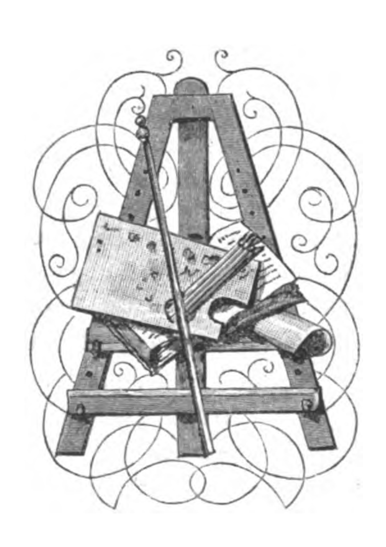
Шампанское лилось рѣкою на обѣдѣ, который мы давали въ честь пріѣхавшаго въ Римъ нашего ректора, К. А. Тона; съ нимъ вмѣстѣ пріѣхали два молодые архитектора: пенсіонеръ П. К. Нотбекъ и красавецъ и добрый малый г. Бравура. Среди хаоса рѣчей и шума, молодой Сверчковъ говорилъ, говорилъ, но его мало кто слушалъ; тогда онъ вскакиваетъ на столъ, что̀ было для насъ неожиданною новинкою, и начинаетъ декламировать всякій вздоръ; онъ съумѣлъ заинтересовать насъ и обратить на себя вниманіе, и добрый Ѳ. А. Моллеръ взялъ его подъ свое покровительство; Сверчковъ сталъ дѣлать успѣхи, затѣмъ пріѣхалъ въ Петербургъ, конкурировалъ на большую золотую медаль, и былъ отправленъ пенсіонеромъ въ Римъ. Онъ женился въ Мюнхенѣ, но скоро овдовѣлъ и началъ заниматься

живописью на стеклѣ, завелъ около Мюнхена свою фабрику; изготовленныя на этой фабрикѣ расписанныя стекла украшаютъ нашъ конференцъ-залъ, а Сверчковъ въ настоящее время (1880 г.) достаточный человѣкъ.

Обѣда, подобнаго вышеупомянутому, я не запомню; красавецъ С. Л. Левицкій обѣдалъ съ нами, также много говорилъ и шумѣлъ; я восхищался его прекраснымъ, вполнѣ здоровымъ, румянымъ лицемъ. Въ честь К. А. Тона давались обѣды ежедневно; ему я крайне обязанъ тѣмъ, что, благодаря его рекомендаціи, я получилъ изъ академіи годовое содержаніе, въ которомъ я въ то время очень нуждался.

Ѳ. И. Іорданъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ДНЕВНИКЪ ГРАФА ПЕТРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ВАЛУЕВА

1847—1860 гг.

1859 г. [1]).

13-го мая. Утромъ въ д-тахъ, на выставкѣ художественныхъ произведеній въ академіи и у Эттингена, который вчера предложилъ министру финансовъ, отъ имени лифляндскаго дворянства, купить всѣ казенныя имѣнія въ Лифляндіи и заплатить за нихъ звонкою монетою 6 милл. рублей. На эту металлическую удочку онъ надѣется поймать м-во финансовъ и такимъ образомъ обезпечить за дворянскимъ сословіемъ исключительное владѣніе недвижимою собственностью въ краѣ.

Вечеромъ исходилъ до 9-ти верстъ пѣшкомъ. Къ Калинкину мосту, оттуда въ Садовую улицу, а потомъ къ Семеновскому мосту. Заходилъ къ римско-католическому митрополиту Жилинскому, но не засталъ его дома. Послѣ полуночи ко мнѣ опять пріѣхали Паскевичъ и П. Шуваловъ. Въ Ростовцевской комиссіи имъ отказали въ принятіи ихъ особаго мнѣнія и они готовятся просить увольненія отъ дальнѣйшаго участія въ трудахъ комиссіи.

14-го мая. Утромъ прощальный пріемъ у министра. Потомъ въ д-тахъ. Вечеромъ у Мещерскихъ, гдѣ видѣлъ Карамзину.

На-дняхъ, по дѣлу купца Малкова, который жаловался на неправильное арестованіе по приказанію с.-петербургскаго ген.-губернатора, и коего жалоба была признана основательною м-вомъ внутр.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, изд. 1891 г., т. LXX, апрѣль, стр. 167–182; май, стр. 339—360; іюнь, стр. 603—616; томъ LXXI, іюль, стр. 71–82; августъ, стр. 265—278.

дѣлъ и прав. сенатомъ въ 1-мъ деп-тѣ и въ общемъ собраніи первыхъ 3-хъ д-товъ,—гр. Панинъ далъ предложеніе общему собранію и подкрѣпилъ оное длинною рѣчью, въ которой много говорилъ о правительственной власти, о необходимости поддержать авторитетъ правительства и т. п. По окончаніи рѣчи собраны голоса, и изъ всѣхъ присутствовавшихъ сенаторовъ только двое, Масловъ и Лубяновскій, согласились съ министромъ юстиціи.

15-го мая. Утромъ у министра. Вечеромъ у него-же, гдѣ происходило нѣчто въ родѣ совѣщанія между разными чинами вѣдомства госуд. имуществъ и удѣловъ объ устройствѣ сельскихъ обществъ.

16-го мая. Простился съ Рудницкимъ, который завтра уѣзжаетъ на югъ. Около полуночи министръ прислалъ за мною. Прощальная аудіенція была непродолжительна. За ¼ часа предъ тѣмъ былъ у него Ростовцевъ, который будто-бы говорилъ, что NN поддерживаетъ нѣмецкую партію. О нѣмецкой партіи рѣчь по поводу предложенія Эттингена, отвергнутаго въ бывшемъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя особомъ комитетѣ (или совѣтѣ министровъ) Замѣчательно неточны сужденія всѣхъ этихъ господъ о томъ, что у нихъ творится подъ глазами.

17-го мая. Одинъ и тотъ-же поѣздъ Псковской жел. дороги увезъ сегодня утромъ и министра госуд. имуществъ и моего оберъ-вице-директора.

Былъ у обѣдни у Спаса Преображенія. Затѣмъ цѣлый день дома. Куда мнѣ и зачѣмъ? Ни къ чему душа не лежитъ. Ничто изъ доступнаго и дозволеннаго—меня къ себѣ не влечетъ. Чувствую отрицательное бремя времени. Переживаю не дни, но минуты, а ихъ во дню много.

Былъ у меня Владиміръ Карамзинъ. Все та-же отталкивающая личность. Всѣхъ ругаетъ, всѣмъ и всѣми недоволенъ. Но собою? Il est venu voir Aurore.—Auri sacra fames!

Кто-то переѣзжалъ сегодня, мимо моихъ оконъ, на новую квартиру. Всѣ пожитки умѣщались на извощичьихъ дрожкахъ. Тюфякъ, чемоданчикъ и еще что-то, а надъ всѣмъ этимъ комодъ изъ краснаго дерева. Хозяинъ шелъ пѣшкомъ, въ вытертомъ сюртукѣ, подлѣ своихъ пожитковъ. Извощикъ, въ лохмотьяхъ, качался на козлахъ, вѣроятно, отпраздновавъ въ кабакѣ воскресенье. Могу-ли я считать свою жизнь трудною?

Княгиня Голицына (урожд. Гудовичъ), оставляя сегодня квартиру въ нашемъ домѣ (т. е. не нашемъ, а г. Шпигельберга), была у жены. Она, кажется, милая и добрая дама.

Всѣ уѣзжають. Городъ почти совершенно опустѣлъ. Душно, пыльно, грустно въ немъ оставаться. Но мы пока остаемся. Останемся-ли? Неужели все лѣто въ нынѣшнемъ году вычеркнуто изъ нашей жизни? Жду того, что Богъ укажетъ. Но бодрствую-ли я?

Владыко дней моихъ! Духъ праздности унылой
Не дай душѣ моей!

Нѣтъ угла въ мірѣ, который-бы я теперь имѣлъ право назвать своимъ. Мысль моя иногда тревожно ищетъ мѣста, гдѣ-бы она могла пріютиться, успокоиться, мѣста роднаго. Правая сторона праваго средняго столба въ Казанскомъ соборѣ — вотъ мой лучшій пріютъ [1]). Я бездомный, беземельный постоялецъ. Духъ мой также постоянно чувствуетъ себя постояльцемъ. Онъ за деньги дома, какъ и мое тѣло. Мысль моя квартируетъ въ департаментахъ и у полковника Шпигельберга. Тѣнь деревъ, зелень луговъ, свѣтлое зеркало родныхъ рѣкъ, сизая даль горизонта, пыльный слѣдъ возвращающагося съ пастбища стада, тихій вечерній гулъ отходящаго ко сну села! Гдѣ вы? Гдѣ ты, родная кровля, гдѣ я росъ и жилъ, и начиналъ мыслить и чувствовать, березовая аллея, роща надъ прудомъ, цвѣтущія липы вокругъ дома, зеленѣющее, благоухающее, улыбающееся преддверіе жизни! Сколько грусти стало между тобою и мною!

Жизнь моя, конечно, не протекла по цвѣтистому пути. Но сколько мнѣ и на мнѣ явлено милосердія Божія! Если-бы не Его рука меня спасала и поддерживала и вела впередъ, гдѣ былъ-бы я и что было-бы со мною! Я думаю, что если-бы каждый изъ насъ внимательно разсматривалъ и соображалъ насколько этого милосердія проявилось въ его жизни, то сердцу нельзя не переполниться смиреннѣйшею, благоговѣйною благодарностью,—колѣнамъ нельзя не преклониться.

18-го мая. Былъ у меня Соколовскій, изъ Минска. По его разсказамъ, высочайше учрежденная слѣдственная комиссія по „лѣсному дѣлу“ покрыла себя срамомъ. А между тѣмъ министръ и его товарищъ терпятъ Длотовскаго, а мин-во внутр. дѣлъ—Маккавѣева. Соколовскій привезъ мнѣ письмо отъ графини Келлеръ. Графъ Келлеръ былъ у меня сегодня вечеромъ. Мало симпатиченъ. Вспоминаю старика Мантейфеля, глядя на волосы Келлера. Рыжій цвѣтъ—плохая вывѣска.

---

[1]) Сравни въ романѣ автора „Лоринъ“, Т. I. стр. 141 и т. II, стр. 383.
Н. В.

Былъ у Маслова. Тяжелъ и неугомоненъ, какъ раскачавшаяся гиря.

19-го мая. Утромъ пріѣхалъ Гернгросъ. Мы вмѣстѣ были у Гана. Заѣзжалъ къ Вл. Карамзину. Потомъ въ д-тахъ. Вечеромъ, по обыкновенію, дома.

Лазаревскій сообщилъ, что въ мое распоряженіе отдается дача министра въ Петергофѣ.

Видѣлъ А. А. Зеленаго, который очень доволенъ первымъ свиданіемъ съ государемъ. Государь видимо утомленъ дѣятельностью М. Н. Муравьева. Его Величество постоянно напоминаетъ о томъ, чтобы не все дѣлать вдругъ.

20-го мая. Утромъ въ деп-тахъ. Началъ ревизію 2-го деп-та. Гернгросъ вступилъ въ должность. Вечеромъ ѣздилъ на острова. Около полуночи пріѣхали ко мнѣ Паскевичъ и П. Шуваловъ. Они рѣшились просить увольненія изъ Ростовцевской комиссіи, потому что имъ отказали не только въ оглашеніи ихъ особаго мнѣнія наравнѣ съ заключеніями большинства, но и въ дозволеніи пріобщить особое мнѣніе къ журналу, и подписать оный съ оговоркою: „при особомъ мнѣніи“.

Болѣе недѣли стоятъ нестерпимыя жары. Ни капли дождя. Воздухъ совершенно холерный. 17-го числа умеръ отъ холеры, послѣ нѣсколькихъ часовъ болѣзни, гр. Аркадій Кутузовъ, котораго дня за три предъ тѣмъ я еще видѣлъ полнаго жизни и совершенно здороваго.

21-го мая. Утромъ на Каменномъ островѣ, для поздравленія вел. княгини Елены Павловны, по случаю тезоименитства. Тамъ были государь, вел. княгиня Марія Николаевна, княжна Марія Максиміліановна и всѣ великіе князья кромѣ Николая Николаевича.

Обѣдалъ у Апраксиныхъ. Видѣлъ тамъ кн. Александра Васильевича Голицына. Вечеромъ ѣздилъ на острова.

Паскевичъ и Шуваловъ пріѣзжали сегодня совѣтоваться насчетъ редакціи писемъ, которыя они завтра намѣрены отправить къ ген. Ростовцеву, прося увольненія отъ званія членовъ-экспертовъ редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу.

22-го мая. Миклашевскій, который былъ у меня въ мин-ствѣ, разсказывалъ, что вчера вечеромъ у Муханова встрѣтился съ Горчаковымъ, Долгоруковымъ et un banquier nommé Rodokonaki, qui affirmait, entre autres, qu'excepté l'Autriche, nous étions le pays le plus financièrement discrédité de l'Europe. „Comment ne le dit-on pas à l'Empereur, спросилъ яко-бы Миклашевскій. Et qui prendra sur lui de le dire,—aurait observé l'ex-ministre de la guerre, membre du

conseil, ministre de la police, prince Dolgorouki,—sans avoir le remède au mal à proposer à côté de sa critique?“

Предположимъ, что Аничковъ дворецъ грозитъ разрушеніемъ; стѣны растрескались, вышли изъ перпендикуляра; прохожіе описываютъ кругъ, чтобы пройти подальше: кромѣ архитектора съ готовымъ планомъ, никто-бы не могъ доложить объ этомъ его имп. величеству?!

23-го мая. Сегодня утромъ рѣшенъ вопросъ о бракѣ моей дочери [Елизаветы Петровны] съ княземъ Александромъ Васильевичемъ Голицынымъ. Отъ имени его и его матери пріѣзжалъ ко мнѣ кн. Дмитрій Михайловичъ Голицынъ. Затѣмъ былъ и Александръ Голицынъ. Я былъ у княгини Аглаиды Павловны. Лиза ѣздила съ нею, женихомъ и гр-нею Апраксиною въ Казанскій соборъ. Я также былъ тамъ на пути въ мин-во, гдѣ былъ докладной день по обоимъ д-тамъ.

Обѣдали мы у Апраксиныхъ. Я телеграфировалъ въ Стутгардъ Вяземскимъ. Вечеромъ заходилъ опять къ Апраксинымъ.

У меня вечеромъ были Паскевичъ и Шуваловъ. На ихъ письма отъ 22-го Ростовцевъ отвѣчалъ циркулярнымъ письмомъ отъ 23-го и испрошеннымъ 21-го, имъ-же Ростовцевымъ объявленнымъ, высочайшимъ повелѣніемъ, которымъ воспрещено оглашать разномысліе, обнаруживающееся въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Такимъ образомъ, Паскевичъ и Шуваловъ поставлены въ противорѣчіе уже не съ Ростовцевымъ, а съ государемъ императоромъ. Завтра они поѣдутъ въ Царское Село просить чрезъ Адлерберга аудіенціи у государя.

24-го мая. Утромъ у обѣдни. Писалъ письма. Обѣдалъ у Апраксиныхъ.

25-го мая. Утромъ въ д-тахъ. Отправилъ депешу къ (В. П.) Титову, за неполученіемъ отвѣта отъ Вяземскихъ. Вечеромъ у Мухановыхъ и Мещерскихъ. Видѣлъ у нихъ Пущиныхъ, Аврору Карамзину и нашего марсельскаго генеральнаго консула Бухарина, который любовался въ Марсели алжирскими французскими войсками и говоритъ que ces troupes ne peuvent pas être battues, parce que chaque soldat est individuellement un véritable homme de guerre. Луи Наполеонъ съ большою предусмотрительностью готовился къ настоящей борьбѣ. Въ самый день, когда произнесена его февральская рѣчь о сохраненіи мира, дано было телеграфическое приказаніе усугубить производившіяся въ Тулонѣ вооруженія.

26-го мая. Утромъ въ д-тахъ. У насъ обѣдали Голицыны и Апраксины. Вечеромъ работалъ.

Паскевичъ и Шуваловъ были у меня въ мин-вѣ. Они рѣшились

отвѣчать на письмо ген. Ростовцева повтореніемъ прежней просьбы объ увольненіи отъ званія членовъ-экспертовъ.

27-го мая. Шереметева, дочь мин-ра государств. имуществъ, переѣзжаетъ sans me dire gare, на офиціальную дачу отца въ Петергофѣ, имъ предоставленную въ мое распоряженіе.

28-го мая. Утромъ въ д-тахъ. Докладъ по 2-му д-ту.

Обѣдалъ у княгини Голицыной съ Лизой и Сашей [Александромъ Петровичемъ Валуевымъ]. Вечеромъ дома. Былъ у меня Оболенскій.

29-го мая [1]). Былъ у Апраксиныхъ.

30-го мая. Тяжелый день, по случаю болѣзни жены. Ленцъ и Эттлингеръ были каждый по три раза.

31-го мая. Троицынъ день. Провелъ его дома en garde-malade.

Съ прискорбіемъ замѣтилъ множество пьяныхъ на улицѣ, въ томъ числѣ и солдатъ. Одинъ изъ сихъ послѣднихъ, въ полной формѣ, съ тесакомъ, буйствовалъ противъ моихъ оконъ и бросилъ каску на мостовую. Зачѣмъ велятъ имъ носить тесаки внѣ службы? Въ опьяненіи они могутъ схватиться за оружіе и нанести увѣчье трезвому, старающемуся унять ихъ.

1-го іюня. Вчера пожаръ истребилъ около сотни домовъ на Пескахъ, около Рождественской церкви. Говорятъ схвачены зажигатели. Сегодня было опять два или три пожара.

Цѣлый день дома. Работалъ и писалъ письма.

2-го іюня. Нѣсколько визитовъ. Остальное время дома, за работой и garde-malade.

У меня былъ адъютантъ гр. Муравьева-Амурскаго, Хитрово, пріѣхавшій курьеромъ изъ Кяхты въ 30 дней. Китайцы предоставили опредѣленіе нашихъ границъ произволу гр. Муравьева. Они отказались принять въ даръ присланное для нихъ оружіе, сказавъ, что не стоило брать, ибо англичане у нихъ его отнимутъ.

3-го іюня. Вчера пріѣхалъ кн. Барятинскій.

Вчера-же гр. Шуваловъ и кн. Паскевичъ были приняты государемъ, въ Царскомъ Селѣ. Его величество сказалъ, что не ясно понимаетъ разномыслія между ними и Ростовцевымъ и поручилъ имъ представить особую о томъ записку.

4-го іюня. У меня былъ Паскевичъ съ проектомъ своей записки.

---

[1]) Мы опускаемъ замѣтки автора имѣющіяся въ „Дневникѣ“ почти противъ каждаго дня: „Утромъ въ департаментахъ. Вечеромъ дома. Докладъ“ (безъ указанія о чемъ) у министра“ и т. п. Ред.

Вечеромъ, по желанію его и Шувалова, я былъ у нихъ для совѣщанія по сему дѣлу. Шуваловъ—тяжелъ.

5-го іюня. Вечеромъ у Эттлингеровъ.

6-го іюня. Графъ Орловъ-Давыдовъ напечаталъ въ Парижѣ брошюру объ эмансипаціонномъ вопросѣ, въ которой есть весьма дѣльныя вещи. Я вчера писалъ къ нему, прося сообщенія брошюры, о которой Léonce de Lavergne отозвался похвально въ „Revue des deux mondes". Сегодня онъ заѣзжалъ въ министерство, чтобы выразить мнѣ свое удовольствіе и вмѣсто того, чтобы прійти ко мнѣ, явился въ кабинетъ управляющаго министерствомъ и, ставъ спиною къ генералу Зеленому, началъ объясняться со мною. Эта неловкая сцена впрочемъ, скоро прекратилась.

7-го іюня. Утромъ у обѣдни. Работалъ почти цѣлый день. Продолжаю ревизію 2-го департамента. Только передъ обѣдомъ разные визиты на островахъ. Заѣзжалъ къ Паскевичу. Засталъ тамъ Шувалова, Фукса и барона Ливена надъ тою самою запискою, которую Шуваловъ и Паскевичъ мнѣ показывали намедни. И это дѣлатели! Впрочемъ, во всѣхъ этихъ колебаніяхъ виноватъ Шуваловъ, а не Паскевичъ.

8-го іюня. Былъ въ департаментѣ мануфактуръ и внутренней торговли у директора Бутовскаго, который третьяго дня просилъ сообщить ему мое мнѣніе по вопросу объ акцизномъ табачномъ надзорѣ. Передалъ ему мои замѣтки, съ которыми онъ изъявилъ готовность согласиться.

Сегодня обѣдалъ у меня Владиміръ Менгденъ. Онъ былъ членомъ тульскаго комитета. Поборникъ выкупной системы. Очевидно, вмѣстѣ со многими другими, въ надеждѣ, что она наилучшимъ образомъ обезпечитъ интересъ дворянства.

9-го іюня. Обѣдалъ у княгини Солтыковой съ нашимъ Brautpaar. Вечеромъ за работою.

Получилъ письма изъ С., которыя меня на цѣлый день разстроили. Каждое письмо оттуда наноситъ или растравляетъ рану.

10-го іюня. По откупнымъ дѣламъ возникаютъ новыя затрудненія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ Пензенской, Саратовской и Московской губерніяхъ, народъ разбилъ кабаки, требуя отпуска полугара по указной цѣнѣ, между тѣмъ какъ откупщики его не продаютъ, хотя о таковой продажѣ офиціально подтверждено министерствами финансовъ, внутр. дѣлъ и государств. имуществъ. Къ сожалѣнію въ высшихъ правительственныхъ сферахъ проникнуты убѣжденіемъ, что спасеніе отечества зависитъ отъ поддержанія откупщиковъ per fas et nefas. Въ этомъ альфа и омега современной политической

премудрости. Словно всѣ гг. министры имѣютъ паи во всѣхъ откупахъ. Зеленой мнѣ говорилъ, что, когда онъ высказалъ другое убѣжденіе въ комитетѣ министровъ вчерашняго числа, одинъ только Прянишниковъ съ нимъ согласился.

Ѣздилъ съ Голицынымъ къ Лоде, за 18 верстъ отъ города, смотрѣть разные агрономическіе improvements. Кое-что видѣлъ, но оно не стоило 36 верстъ ѣзды и 8 часовъ времени.

Здоровье мое опять надламывается. Жизнь, которую я веду, крѣпко налагаетъ на тѣло.

12-го іюня. Цѣлый день за работою. Продолжаю ревизію департаментовъ. Сколько ненужнаго бумажнаго хлама въ нихъ накопилось. Я совершаю неблагодарный трудъ очистки этого хлама.

Получилъ отъ Р** письма изъ Кишинева и Одессы. Вездѣ одна и та же гниль.

13-го іюня. Обѣдалъ у m-me Ettlinger.

Вечеромъ за работою. Нездоровится.

Говорятъ, что на прусскую мобилизацію мы отвѣчаемъ мобилизаціею гвардіи и отправленіемъ 2-й легкой гвардейской кавалерійской дивизіи на квартиры въ Царство Польское.

14-го іюня. Утромъ у управляющаго министерствомъ и у обѣдни. Получено извѣстіе о побѣдѣ, одержанной союзниками въ Италіи, между Минчіо и Кіезой. Урокъ нѣмцамъ. Пруссія поднимается. А мы? Увы! какъ мы слабы, и въ какую минуту!

У меня были Паскевичъ и Шуваловъ. Государь передалъ ихъ записку въ Ростовцевскій комитетъ или assemblée des notables, съ повелѣніемъ обсудить въ ихъ присутствіи. Кажется, его величество сдѣлалъ это неохотно,—всегда пріятнѣе, чтобы дѣло катилось безъ толчковъ, какъ по маслу,—но сдѣлалъ.

15-го іюня. Ревизія подвигается. По дѣлу объ откупныхъ безпорядкахъ управляющій министерствомъ представлялъ государю докладъ, въ которомъ доказывалось, что не довольно наказывать крестьянъ, а нужно налечь и на откупщиковъ. Докладъ этотъ повелѣно обсудить завтра въ комитетѣ министровъ.

16-го іюня. Утромъ въ департаментахъ. Затѣмъ цѣлый день за работою, дома.

17-го іюня. Управляющій министерствомъ (Зеленой) говорилъ мнѣ, что его мнѣніе одержало верхъ въ комитетѣ министровъ, хотя сначала дѣло казалось проиграннымъ. Кн. (Василій Андреев.) Долгоруковъ разными .... аргументами старался доказать ген. Зеленому, до засѣданія, что у него слишкомъ передовыя мысли. Кн. Орловъ ему не поклонился, en y méttant de l'affectation и т. п.

Но когда дѣло дошло до разбора, то одинъ министръ финансовъ возсталъ противъ мѣры, предложенной нашимъ министерствомъ, а ген. Чевкинъ, напротивъ того, сильно ее поддерживалъ. Онъ, говорятъ, мѣтитъ въ министры финансовъ и потому роетъ ямы Княжевичу.

Послѣ обѣда ѣздилъ съ Лоде осматривать его питомникъ и Глухоозерскую ферму. Скучно; но питомникъ я нашелъ лучшимъ, чѣмъ ожидалъ.

Лоде сегодня обѣдалъ у Позена. Въ Ростовцевскихъ комиссіяхъ было жаркое засѣданіе. Позенъ говорилъ, что онъ былъ принужденъ выйти изъ своей пассивной роли и говорить $1^1/_2$ часа, чтобы „принудить" измѣнить заключенія, подготовленныя Соловьевымъ и Милютинымъ. Cela commence à chauffer. Начинаетъ подготовляться, можетъ быть, le coup de poignard, о которомъ съ такою юношескою радостью думалъ ген. Муравьевъ. Не предстоитъ, впрочемъ, сомнѣнія въ томъ, что Ростовцевъ совершенно предался въ руки (Ник. Алексѣев.) Милютина и (Якова Александр.) Соловьева.

18-го іюня. Утромъ въ департаментахъ. Затѣмъ безвыходно дома за работою до 2-го часа ночи. Благодареніе Богу, здоровье выдерживаетъ.

19-го іюня. Разладъ между Ростовцевымъ и Позеномъ начинаетъ быть гласнымъ.

20-го іюня. Былъ у меня астраханскій губернаторъ Струве. Былъ также Колошинъ, возвратившійся изъ Вильны и тамошнимъ краемъ не очарованный. Остальную часть дня провелъ дома. Жары продолжаются.

21-го іюня. Утромъ у обѣдни. Затѣмъ цѣлый день дома. Старый камень лежитъ на сердцѣ.

Лиза ѣздила съ братомъ въ Царское-Село представляться ея величеству. Саша, объѣзжавшій Царское-Село en touriste, пока сестра его была во дворцѣ, спросилъ своего извозчика: кто живетъ въ китайскихъ домикахъ?—„Тутъ живутъ лишнія придворныя генеральши", отвѣчалъ извозчикъ.

23-е іюня. Обѣдалъ у „Donon". Обѣдъ экономистовъ въ честь американскаго экономиста Carey. Были (Н. А.) Милютинъ, кн. Черкасскій, Самаринъ, Гагемейстеръ, Бутовскій, Вернадскій, Бунге, Тернеръ, Ламанскій, Соловьевъ, Домонтовичъ, Вешняковъ, Неболсинъ, С. Щепкинъ, еще кое-кто и я. Милютинъ и Ламанскій хотѣли, чтобы я предсѣдательствовалъ. Послѣ скучныхъ стараній отъ сего отдѣлаться, я, наконецъ, предложилъ Милютину сыграть въ орлянку, кому быть предсѣдателемъ и выигралъ, т. е. отыгрался

отъ этой обузы. Тогда Милютинъ уговорилъ Гагемейстера за него принять роль президента. Оная ограничилась, впрочемъ, нулемъ и весь обѣдъ былъ весьма безцвѣтенъ. Замѣчательно, до какой степени у насъ умнѣйшіе люди мало умны въ подобныхъ случаяхъ. Carey говоритъ недурно, даже по французски. Мнѣ понравился аргументъ, приведенный имъ въ пользу неторопливыхъ реформъ: „Etudions la nature. Quand elle veut faire du bien à l'homme, elle agit lentement: elle nous donne la rosée, les pluies d'été, le soleil avec son action constante et prolongée. Quand elle veut détruire,—elle va vite à l'œuvre: alors elle se sert des tremblements de terre, des tempêtes, etc.“—Черкасскій отвѣчалъ, — plus spécieusement que juste,—указаніемъ на процессъ рожденія человѣка. „Une femme est enceinte 9 mois, сказалъ онъ, mais elle accouche en quelques heures“.

24-го іюня. Завтра зданіе министерства обращается въ амфитеатръ, по случаю открытія памятника императору Николаю I. Часть утра убита просьбами о доставленіи билетовъ на входъ разнаго рода посѣтителямъ. Остальную часть дня дома.

Фуксъ сообщилъ мнѣ, по порученію Паскевича, журналъ засѣданія, въ которомъ разбиралось особое мнѣніе его и Шувалова. Журналъ написанъ довольно ѣдко. Паскевичъ и Шуваловъ въ этого рода борьбѣ не могутъ тягаться съ (Н. А.) Милютинымъ и К°.

25-го іюня. Сегодня разоблаченъ, открытъ и, какъ говорится, освященъ памятникъ императору Николаю I. Погода была великолѣпная, военный парадъ блистательный, вся церемонія въ грандіозномъ стилѣ. Жаль только, что о почившемъ виновникѣ торжества и предметѣ памятника словно всѣ забыли,—кромѣ его преемника, семьи, нѣсколькихъ приближенныхъ и, можетъ быть, части того народа, которому до окончанія церемоніи полиція заграждала путь къ площади, гдѣ воздвигнутъ памятникъ. Въ Исакіевскомъ соборѣ я видѣлъ сотни сановниковъ, военачальниковъ и разныхъ чиновныхъ лицъ разныхъ разрядовъ. Ни слова ни отъ кого объ императорѣ Николаѣ. О немъ не болѣе рѣчи и мысли какъ о султанѣ Махмудѣ или королѣ Луи-Филиппѣ. Всѣ думали и говорили только о церемоніи. Отслужили панихиду, провозгласили вѣчную память—я ни на одномъ лицѣ не замѣтилъ скорбнаго воспоминанія. Загремѣла музыка; разнеслось „ура!“. То нынѣшній царь объѣзжалъ войска. Стихли. Всѣ вышли на паперти собора смотрѣть на площадь, обставленную войскомъ, и ожидать поѣзда изъ Зимняго дворца. Опять музыка и „ура!“ Знакомыя золотыя кареты, съ анахронистическимъ блескомъ напудренныхъ кучеровъ и пѣшихъ рейткнехтовъ, обогнули соборъ, остано-

вились у западныхъ вратъ. Ихъ величества и ихъ высочества прошли черезъ храмъ, вышли на паперть противъ памятника, и здѣсь началось предназначенное для торжества особое молитвословіе. Меня тронуло растроганное, исполненное почтеннаго чувства сыновней любви, лицо государя. Говорятъ, что, когда всѣ преклонили колѣна, то и нѣкоторыя дамы плакали,—графиня Баранова и княгиня Солтыкова. Быть можетъ.

Затѣмъ раздался громъ пушекъ. Тронулось шествіе къ памятнику. Мы всѣ обошли кругомъ его. Онъ, пожалуй, соотвѣтствуетъ царствованію императора Николая. Эффектенъ, великъ, высокъ, параденъ. Но не слѣдуетъ близко всматриваться.

Затѣмъ начался церемоніальный маршъ войскъ. Потомъ золоченый поѣздъ двинулся въ обратный путь. Въ нѣкоторыхъ изъ парадныхъ каретъ везли по одному экземпляру придворныхъ сановниковъ, въ одной—кн. Одоевскаго, въ другой — Мейендорфа, который походилъ на сердитаго попугая, въ третьей — одного Гедеонова. Мало охотниковъ. Если бы быть увѣрену, что ихъ величества сѣдоковъ увидятъ, то нашлось-бы много. Но для публики,—нѣтъ въ томъ барышей. De nos jours le droit de monter dans les voitures du roi a perdu de son prix. Cela ne s'envie plus; donc on n'y tient plus.

Вечеромъ городъ,—пустой городъ,—иллюминованъ. Эти огни—часть церемоніала. Внѣ оберъ-церемоніймейстерской отрасли имъ нѣтъ значенія.

Послѣ торжества, по обыкновенію, весь день дома.

Грейгъ говорилъ мнѣ, что е. и. в. вел. кн. Константинъ Николаевичъ,—недавно вернувшійся изъ Средиземнаго моря, Палестины, Ниццы и т. д.,—чрезвычайно доволенъ ходомъ крестьянскаго дѣла, доволенъ назначеніемъ (Н. А.) Милютина, находитъ Ростовцева мастеромъ эмансипаціонной проблемы, и оказываемое ему противодѣйствіе (не одобряетъ). Ростовцевъ дѣйствительно знаетъ свое дѣло, но только не эмансипаціонное.

26-го іюня. Окончены ревизіи департаментовъ. Число нерѣшенныхъ дѣлъ уменьшено 1345-ю.

27-го іюня. Въ церкви (Спаса Преображенія) я видѣлъ странныя лица. Словно особая лѣтняя богомольная публика. Нѣсколько человѣкъ самаго развратнаго вида, съ которыми не желательно было-бы встрѣтиться въ лѣсу или на большой дорогѣ.

28-го іюня. Утромъ заходилъ къ управляющему министерствомъ. Вечеромъ у всенощной. Остальную часть дня дома, частію за работою, частію въ томъ нейтральномъ, пассивномъ перетерпѣніи вре-

мени, которое мнѣ усвоилось отъ продолжительнаго и непрерывнаго утомленія.

29-го іюня. Сегодня я именинникъ. Но за исключеніемъ того, что былъ у обѣдни, день провелъ не по именинничьему. Хлопоты и заботы по случаю предстоящихъ для свадьбы дочери придворныхъ церемоній. Заботы другаго рода. Безпокойство на счетъ здоровья жены. Бремя служебныхъ дѣлъ. Опасеніе, чтобы по какому бы то ни было поводу мнѣ не удалось вырваться отсюда.

Какъ камень въ груди,
Тоска залегла.

30-го іюня. Получилъ изъ С. тяжелое письмо, тѣмъ болѣе тяжелое, что нельзя ни помочь, ни утѣшить, ни убѣдить.

2-го іюля. Изъ Петергофа дано мнѣ знать, что свадьба дочери назначена на 5-е число.

3-го іюля. Сынъ Александръ вступилъ на службу въ стрѣлковый императорской фамиліи баталіонъ. По приказанію е. и. в. вел. кн. Михаила Николаевича, меня о томъ увѣдомилъ баталіонъ, которому давно слѣдовало это сдѣлать безъ подобнаго приказанія, потому что бумаги и экзаменъ приведены въ порядокъ еще въ маѣ мѣсяцѣ.

4-го іюля. Вечеромъ съ Лизой въ Александро-Невской лаврѣ.

5-го іюля. Въ Петергофской дворцовой церкви совершено бракосочетаніе моей дочери. Посаженымъ отцомъ былъ государь императоръ, посаженою матерью княгиня М. А. Вяземская. Присутствовали вел. кн. Михаилъ Николаевичъ, великія княгини Ольга Өеодоровна и Александра Петровна. Шаферами были: братъ невѣсты Александръ, кн. А. П. Мещерскій и кн. И. М. Голицынъ.

Отправились мы въ Петергофъ на пароходѣ въ 2 часа дня. Тамъ-же обѣдали и послѣ пріема новобрачныхъ государынею императрицею, возвратились оттуда на пароходѣ-же въ 10 ч. вечера. Молодые уѣхали въ 3-мъ часу утра въ Марьино, отъужинавши еще у насъ съ ближайшими родственниками.

Погода была превосходная. Петергофъ въ полномъ блескѣ. Я его не видѣлъ 17 лѣтъ. Жена видѣла его въ первый разъ.

6-го іюля. Утромъ ѣздилъ въ Петергофъ благодарить государя. Пріемъ былъ весьма благосклонный. Былъ въ первый разъ въ Александріи.

Сегодня былъ докладъ по нашему министерству и мнѣ испрошено разрѣшеніе ѣхать въ Балтику и западный край.

7-го іюля. Опустѣлъ мой домъ. Саша уѣхалъ сегодня. Въ

теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ выбыли изъ среди насъ и Пьеръ (Петръ Петровичъ Валуевъ) и Ольга [1]), и Лиза, и Саша. Послѣдніе особенно пріучили меня считать ихъ принадлежностью моей жизни. Теперь не вижу знакомыхъ лицъ, не слышу знакомыхъ шаговъ. Со „стариками" остался одинъ маленькій Никсъ. Да благословитъ Богъ его съ нами! Да благословитъ Богъ и другихъ, кто вдали отъ насъ!

9-го іюля. Пріѣхалъ Р**.

11-го іюля. Надѣюсь, послѣдній докладъ до отъѣзда. Зеленый говорилъ мнѣ, что и у насъ весьма недовольны будто-бы миромъ, что принцу Александру Гессенскому посланъ Георгіевскій крестъ и какой-то орденъ ген. Гессу. Императрица во главѣ враговъ Луи Наполеона. Впрочемъ, давно говорятъ, что ея величество не жалуетъ французскаго владыки.

12-го іюля. Утромъ у обѣдни. Потомъ былъ на островахъ у кн. Солтыковой, Карамзиныхъ, Паскевича и Шувалова. Двое послѣднихъ все еще заняты полемическою корреспонденціею съ Ростовцевскимъ общимъ присутствіемъ.

Дуббельнъ, 18-го іюля. Выѣхавъ изъ Петербурга 14-го вечеромъ, по желѣзной дорогѣ на Псковъ, мы благополучно прибыли сюда 16-го вечеромъ-же, пробывъ въ Ригѣ часа три. Да благословитъ Богъ наше пребываніе въ старомъ, тихомъ, любезномъ Дуббельнѣ! Шоссе отъ Пскова на Венденъ и Ригу заложено и построено хорошо, но еще не укатано и ѣзда утомительна отъ скрежета колесъ по свѣжему щебню. Станціи пока въ плохомъ порядкѣ. Видъ Риги значительно измѣнился и съ форштадта весьма неблагоприличенъ, пока зады домовъ, нѣкогда прикрытые валомъ, остаются въ прежнемъ неопрятномъ, пестромъ, неравномъ видѣ. Но впослѣдствіи, когда они пріодѣнутся садами, все измѣнится къ лучшему. Шпицы Petrikirche, Domkirche, Jacobikirche, цитадельнаго собора и крестъ замковой церкви—по прежнему возносятся надъ знакомою, ставшею мнѣ родною, Ригою. Нынѣ и здѣсь, въ Дуббельнѣ, все мнѣ близко и дорого, какъ нѣкогда было тамъ, — за Москвою. Березы въ саду, каштаны передъ домомъ, сосна на косогорѣ облиты лучами солнца; бѣлыя облака проносятся надъ ними по голубому небу. Петербургъ, мостовая, курьеры и начальники отдѣленій, придворные ѣздовые и придворныя дамы—не вижу, не слышу васъ!

---

[1]) Ольга Ивановна Вакульская, въ замужествѣ Кухъ, сестра Анны Ивановны Валуевой. Н. В.

Многихъ знакомыхъ здѣсь нѣтъ въ нынѣшнемъ году. Es ist sehr still,—говорятъ оставшіеся на лицо. Тѣмъ лучше.

19-го іюля. Посѣщенія чиновъ нашего министерства отравили мнѣ здѣшнее пребываніе. Кромѣ того, сегодня были визиты здѣшнихъ прежнихъ знакомыхъ. Съ удовольствіемъ увидѣлся съ Вестерманомъ и докторомъ Мулертомъ изъ Митавы.

Съ 20-го по 23-го іюля. Обычная Дуббельнская жизнь. Получилъ отъ Р** двѣ непонятныя телеграфическія депеши по дѣлу о продажѣ казенныхъ имѣній

24-го іюля. Ѣздилъ въ Ригу. Былъ въ палатѣ государственныхъ имуществъ. Смотрѣлъ строющуюся залу въ домѣ городскихъ гильдій. Хороша, и въ чистѣйшемъ готическомъ стилѣ. Завтракалъ у James Armitstead. Узналъ, что m-me Gerngross продолжаетъ злословить меня, гдѣ можетъ и какъ можетъ, безъ всякаго разумнаго къ тому повода.

Видѣлъ Е. Фелькерзама, Кубе, Клейна, О. Келлера и множество другихъ знакомыхъ.

25-го іюля. Получилъ изъ Петербурга письма, наконецъ, объяснившія мнѣ депеши Р**. Дѣло въ испрошенномъ министерствомъ финансовъ, при содѣйствіи комитета финансовъ, внезапномъ Высочайшемъ повелѣніи о гуртовой продажѣ государственныхъ имуществъ всякаго рода и вѣдомствъ, для уменьшенія массы кредитныхъ билетовъ. Управляющій министерствомъ готовитъ докладъ Государю противъ этой мѣры. Она доказываетъ и жалостный составъ нашего финансоваго управленія, и плачевную Unbeholfenheit всего нашего правительственнаго быта.

Подробно изложилъ свои мысли по сему предмету въ письмѣ Р**. Къ счастію у насъ ничего не умѣютъ выполнить энергически и послѣдовательно. Говорю „къ счастью“—на сей разъ. Несчастная мысль о продажѣ оптомъ, безъ системы, того самаго достоянія, которое могло послужить къ исправленію нашихъ финансовыхъ недостатковъ и къ излѣченію финансовыхъ язвъ, не будетъ приведена въ исполненіе тѣми, кто ее возымѣли и подвели подъ временный ярлыкъ. У нихъ не достанетъ къ тому и умѣнія, и стойкости, и даже вліянія въ той сферѣ, гдѣ псевдогосударственныя соображенія подводятся подъ ярлыки.

31 іюля. Былъ въ Ригѣ для свиданія съ кн. Суворовымъ. Онъ возвратился изъ Гапсаля подъ обаяніемъ Высочайшихъ любезностей и милостей. Его сынъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ. Государь, Императрица и Цесаревичъ имѣли съ княземъ конфиденціальныя бесѣды и по прежнему осыпали его выраженіями своего довѣрія.

Суворовъ, въ особенности, восхищенъ цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ. Судя по разсказамъ Суворова, онъ наговорилъ его высочеству много дѣльнаго и не дѣльнаго. Однажды онъ восхитился какимъ-то отвѣтомъ наслѣдника до такой степени, что воскликнулъ: Monseigneur, je voudrais me mettre à genoux devant vous. Цесаревичъ испугался. Nous avons dégénéré, поспѣшилъ успокоить князь, mon grandpère l'eut fait; je me suis borné à le dire. Съ государемъ много было рѣчи объ эмансипаціи. Изъ всего, что мнѣ говорилъ Суворовъ, видно, что самъ онъ дѣла вовсе не понимаетъ, но этого не замѣтили, хотя и не соглашались съ собесѣдникомъ.

3-го августа. Дни идутъ, время уходитъ. Въ Дуббельнѣ, гдѣ слѣдовало мнѣ почерпнуть новыя силы и обновиться духомъ,—по прежнему какъ-то больно и душѣ и тѣлу. Однако же я благословляю Дуббельнъ. По крайней мѣрѣ, есть минуты, въ которыя я его благословляю. Когда сквозь нависшіе надъ крыльцомъ каштановые листья пробиваются солнечные лучи, когда въ этихъ же лучахъ тонутъ сосны, березы и кленъ, испещренный свѣтлозеленымъ цвѣтомъ, или когда въ тихую полнолунную ночь всѣ эти деревья мягко-густыми очерками вырѣзываются на темной лазури неба,—я чувствую яснѣе, чѣмъ въ другое время, что есть жизнь не похожая на мою петербургскую жизнь.

17-го августа. Я получилъ приглашеніе, или точнѣе—предписаніе министра ѣхать къ нему на встрѣчу въ Варшаву, и пребываніе мое здѣсь сокращается пятью днями, противъ предположеннаго. Грустно разставаться съ милымъ, тихимъ, мирнымъ Дуббельномъ. Да поможетъ мнѣ Богъ съ нимъ снова свидѣться въ добрый часъ, въ будущемъ году.

С.-Петербургъ, 7-го октября. За мною поѣздка по западнымъ губерніямъ и путь обратный сюда. Съ 1-го числа мы уже въ Петербургѣ. Да благословитъ Богъ снова изъ него выѣхать, а въ немъ прожить безбѣдно. Для меня въ послѣднемъ семъ словѣ главное—бѣда, а бѣдность только второстепенная частность.

Вступилъ въ управленіе департаментами. Прежняя жизнь возобновилась. Курьеры, бумаги, министръ и проч. и проч.

Непригоже то, что здѣсь дѣлается и видится Разладъ всюду. Разладъ, распространяющійся и разливающійся, какъ весеннія воды. Разладъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ ген. Ростовцева, въ мин-вѣ финансовъ, въ мин-вѣ внутр. дѣлъ, въ разныхъ комиссіяхъ и комитетахъ.

Читалъ Lettre au général Rostowtzeff гр. Орлова-Давыдова. Большею частью весьма мѣтко написана.

Сегодня вечеромъ былъ въ географическомъ обществѣ. Скучное засѣданіе или собраніе. Ламанскій сложилъ съ себя званіе секретаря. Онъ призванъ à de plus hautes déstinées. Его замѣняетъ Тернеръ, корреспондентъ газеты Nord. Ламанскій пишетъ проектъ устава новаго „Русскаго" банка. Онъ говорилъ мнѣ, что этотъ банкъ уже будетъ въ дѣйствіи 1-го января. Между тѣмъ, биржевой горизонтъ мраченъ. Горизонтъ государственнаго казначейства еще мрачнѣе.—Золотая независимость! гдѣ ты?

8-го октября. Утромъ у министра. Потомъ въ департаментахъ.

9-го октября. Докладъ по д-ту сельскаго хозяйства. Обѣдалъ потомъ у министра. Все время, при докладѣ, прошло въ разговорахъ. Дѣла унесены, какъ были принесены. Министръ (Мих. Ник. Муравьевъ) распространялся, въ конфиденціальномъ разговорѣ со мною, о будущемъ ходѣ крестьянскаго вопроса. Онъ явно боится Ростовцева. „Il faut agir sur l'Empereur par la peur du danger. Il ne faut pas dire que ce danger vient de la démocratie. Il faut simplement parler du danger. Если пройдутъ заключенія редакціонныхъ комиссій—я буду молчать,—mais nous avons la révolution". На подобную рѣчь остается сказать: Amen. Mors in suo regno nemini parcet.

Кн. Трубецкой, вѣдомства удѣловъ, посылается заграницу вслѣдствіе бельгійскихъ впечатлѣній г. министра. Непостижимо, до какой степени въ сильной головѣ ген. Муравьева все становится вверхъ дномъ или превращается въ кашу.

П. А. Валуевъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1866 г. [1]).

Іюнь 2. Четвергъ. Любовь есть такое великое счастье, котораго надо сдѣлаться достойнымъ и которое надо умѣть заслужить.

3. Пятница. Отослалъ графу (Дм. Андр.) Толстому, министру народнаго просвѣщенія, мои замѣтки и наблюденія по части народнаго образованія, которыя онъ у меня просилъ. Затѣмъ отправился въ академію наукъ, гдѣ члены представлялись новому министру въ первый разъ. Графъ благодарилъ меня за доставленныя ему замѣтки и, между прочимъ, сказалъ, что дня черезъ три ѣдетъ въ Казань осматривать университетъ, а затѣмъ къ себѣ въ деревню, гдѣ и займется чтеніемъ моей рукописи.

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. **1888** г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент. стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; ноябрь, стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. **1889** г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; іюнь, стр. 577—598; т. LXIII, іюль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 323—334; декабрь, стр. 727—758; изд. **1890** г., т. LXV, январь, стр. 35—53; февраль, стр. 371 — 406; мартъ, стр. 629 — 653; томъ LXVI, апрѣль, стр. 25—48; май, стр. 271—296; іюнь, стр. 611—638; т. LXVII, іюль, стр. 133—160; августъ, стр. 361—377; сентябрь, стр. 575—626; томъ LXVIII, октябрь, стр. 137—186; ноябрь, стр. 383—422; декабрь, стр. 585—614; изд. **1891** г., т. LXIX, январь, стр. 39—104; февраль, стр. 329—386; мартъ, стр. 701—761; т. LXX, апрѣль, стр. 137—166; май, стр. 389—428; іюнь, стр. 617—655; т. LXXI, іюль, стр. 83—117; августъ, стр. 279—310.

5. Воскресенье. Кто любитъ и старается думать о вещахъ хорошо, тому всегда придется что-либо поправить въ своихъ первоначальныхъ мысляхъ.

Пріятная прогулка въ Славянку, гдѣ, между прочимъ, проживающій тамъ Ник. Ник. Тютчевъ показывалъ намъ дворецъ. Съ башни чудесный видъ. Внутри собраніе портретовъ лицъ Екатерининскаго и Елисаветинскаго времени. Здѣсь видѣлъ я и портретъ Ломоносова въ полномъ мундирѣ статскаго совѣтника. Портретъ этотъ мало похожъ на нашъ академическій и на тотъ, который подаренъ мнѣ Раевскою.

Умъ человѣческій, конечно, можетъ многое; но самъ человѣкъ ничто.

10. Пятница. Человѣкъ, какъ музыкальный инструментъ, приходитъ въ разстройство отъ продолжительнаго употребленія или отъ разныхъ внѣшнихъ вліяній, перемѣны температуры и проч. Время отъ времени приходится настраивать себя, чтобы снова быть годнымъ для хорошей игры.

Когда охотникъ намѣревается застрѣлить птицу, онъ не идетъ на нее прямо, а подкрадывается и ползетъ. Безсильному и удовольствіе недоступно.

Всякій народъ развивается до тѣхъ предѣловъ, до какихъ позволяютъ силы его духа и способностей. Развитіе это и есть его исторія, его образованность.

Народъ нельзя выучивать, какъ выучиваютъ недѣлимое. Какую-бы и какъ бы сильно ни навязывали ему програму образованія, онъ будетъ развиваться не по ней. Тутъ есть судьба, но не внѣшняя, а та внутренняя судьба, которая заключается въ коренныхъ силахъ и стремленіяхъ народнаго генія. Въ кругъ его дѣятельности входятъ разнообразныя явленія, изъ которыхъ иныя могли-бы и не быть, другія бываютъ вслѣдствіе стеченія разныхъ обстоятельствъ; но здѣсь нѣтъ роковой необходимости — необходимость заключается въ степени, до которой достигаетъ его развитіе, и въ формѣ, въ какую отливается вся его дѣятельность.

Намѣренія, проекты, рѣшимость, все это въ нашей власти; результаты-же слагаются изъ присоединенія къ нимъ тѣхъ причинъ, какія заключаются въ законахъ вещей и въ общемъ ходѣ соприкосновенныхъ съ дѣяніями человѣческими событій. И большею частью результаты эти бываютъ вовсе не тѣ, какихъ мы хотѣли достигнуть усиліями нашей воли.

12. Воскресенье. Стремленіе популяризировать знаніе сдѣлало и дѣлаетъ много зла. По необходимости сообщая только поверхностное знаніе, оно какъ-бы покровительствуетъ полузнанію и возбуждаетъ умственное высокомѣріе, которое, благодаря коекакимъ свѣдѣніямъ, пріобрѣтеннымъ легко, безъ настойчиваго труда, мечтаетъ, что оно уже обладаетъ глубиною премудрости. Въ этомъ заключается объясненіе и многихъ глупостей, которыя надѣланы и нашимъ молодымъ поколѣніемъ. Только то знаніе прочно, которое добыто трудомъ собственной мысли и которое состоитъ не изъ однихъ результатовъ, но и изъ генетическаго его движенія. Потому оно всегда и будетъ исключительнымъ достояніемъ людей призванныхъ, спеціально посвятившихъ себя умственной дѣятельности. Что дѣлать, если это несогласно съ демократическими тенденціями нашего времени и вынуждаетъ у исторіи своего рода аристократію? Такое популярное знаніе особенно вредно для тѣхъ юношей, которые по положенію своему должны учиться. Прочитавъ нѣсколько легкихъ сочиненій о важнѣйшихъ вопросахъ науки, они уже не хотятъ учиться правильнымъ методическимъ образомъ. Къ чему? Вѣдь они уже знаютъ все, что обѣщаетъ имъ школа. Что новаго скажутъ имъ учителя? Къ чему длинный путь, когда они разомъ, скачкомъ, достигли цѣли? Но вотъ тутъ-то, у этой мнимой цѣли, они не видятъ бездны.

14. Вторникъ. Въ воскресенье былъ у меня профессоръ Чебышевъ-Дмитріевъ, съ которымъ я недавно познакомился, и принесъ мнѣ свою книгу о покушеніи. Онъ мнѣ кажется человѣкомъ умнымъ и дѣльнымъ.

Австрійцы уже дерутся съ пруссаками. Какъ-бы ни устроилась Германія, а для насъ это едва-ли будетъ выгодно. Пруссія, безъ сомнѣнія, усилится, и тогда у береговъ Балтійскаго моря, возлѣ нашихъ нѣмецкихъ провинцій и Польши, воздвигнется опасная сила.

Всякій обязанъ развить въ себѣ и выработать силу, годную для борьбы съ самимъ собою и съ окружающимъ порядкомъ вещей.

Въ городѣ, въ засѣданіи академическаго правленія.

Въ „Спб. Вѣдомостяхъ“ напечатано извѣстіе, что на Васильевскомъ острову появилась холера. Въ одиннадцатой линіи захворалъ одинъ дворникъ и черезъ три часа умеръ.

15. Среда. Кто не напоминаетъ о себѣ, тотъ скоро бываетъ забытъ. Гдѣ существуетъ разнообразіе жизни, тамъ существуютъ и ея противоположности; гдѣ есть противоположности, тамъ есть борьба; гдѣ есть борьба, тамъ есть торжество одного и паденіе, гибель другаго. Вотъ гдѣ заключается причина зла. Оно само собою вытекаетъ изъ сущности жизни. Бога приплетать сюда не слѣдуетъ. Источникъ жизни, какъ сдѣлалъ-бы Онъ, чтобы жизнь была и не была жизнью, то есть, чтобы она проявлялась и не двигалась; двигалась и не развивалась въ разнообразіи?

17. Пятница. Вы желаете успѣха правой сторонѣ? Будьте увѣрены, что, возставъ отъ паденія, она поспѣшитъ сдѣлаться неправою. Въ этомъ вѣчномъ антагонизмѣ человѣческихъ стремленій, интересовъ, страстей, надо желать одного—равновѣсія. Иначе притѣсненный вчера дѣлается притѣснителемъ сегодня.

Куда какъ все это ничтожно: и человѣкъ, и его цивилизація, и прогрессъ, хотѣлъ-бы сказать—и литература, еслибы значительная часть ея не состояла изъ поэзіи. Еслибы я не вѣровалъ въ нее, какъ въ единственную земную положительность и въ величайшаго Поэта, Творца всяческихъ, Бога,—право, пришлось-бы мнѣ оставаться съ однимъ глубочайшимъ презрѣніемъ къ людямъ и жизни, а отсюда, чортъ знаетъ, куда угораздило-бы меня. Но опираясь на эти два принципа, мужество мое, смѣю сказать, непреодолимо—и да будетъ все такъ, какъ иначе быть не можетъ.

23. Четвергъ. Въ Петербургѣ холера.

Я не помню давно, чтобы какая-либо мѣра производила такое единодушное и всеобщее недовольство, какъ запрещеніе двухъ журналовъ: „Современника“ и „Русскаго Слова“—послѣднее, впрочемъ, потому, что сдѣлано помимо правилъ.

28. Вторникъ. Сквернѣйшее состояніе духа, отсутствіе всякой энергіи, вялость, полная неспособность къ какому-нибудь движенію, даже физическому. Да и природа начала измѣнять намъ. Дни мрачные и бурные. Холера распространяется въ Петербургѣ. Ходятъ печальные слухи о ея жестокости: умираютъ и скоро, и не смотря на медицинскія пособія.

29. Среда. Это совершенно въ порядкѣ вещей, но не надо-же толковать про дружбу и прикидываться любящимъ. Что

человѣкъ думаетъ больше всего о себѣ, а меньше всего о другихъ, это натурально, а потому и не отвратительно; но увѣренія въ дружбѣ и самоотверженіи—это уже ложь и лицемѣріе, и потому гадко и ненавистно.

Іюль 1. Пятница. Холера усиливается, хотя не въ такихъ размѣрахъ, какъ въ 1830-мъ и 1848-мъ годахъ, однако умираютъ безпощадно и выздоравливаютъ немногіе изъ заболѣвшихъ.

Я принялся опять за мои записки, прерванныя съ 1854-го года. Дѣло это идетъ успѣшно, благодаря моей хорошей памяти и моему „Дневнику“ [1]). Но я не принимался еще за капитальную работу,—за окончаніе біографіи Галича.

Политическій горизонтъ, какъ говорится, все болѣе и болѣе заволакивается тучами. Наполеонъ III совсѣмъ входитъ въ тонъ своего дяди. Вся Европа въ страшномъ напряженіи. Въ Италіи, особенно въ Германіи, бьются напропалую. Австрійцы, сильно побитые, прибѣгли къ удивительному дипломатическому маневру: они подарили Венецію Наполеону. Вообще дѣла до крайности запутаны: человѣчество терпитъ и гибнетъ вполнѣ прогрессивно. А тутъ еще холера, которая на западѣ свирѣпствуетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ у насъ—во Франціи, въ Германіи, болѣе-же всего въ Берлинѣ. Обойдемся-ли мы безъ войны? Въ Европѣ, по милости нашей пассивной и вялой политики, кажется, укореняется мысль, что съ нами справиться нетрудно.

Менѣе всего можно довѣрять тому, что называется счастіемъ человѣческимъ и добродѣтелью.

13. Среда. Холера, говорятъ, немного ослабѣваетъ. Но этому нельзя довѣрять такъ-же, какъ и Наполеоновской политикѣ. У первой нѣтъ никакой логики, а у второй—логика, которою самъ чертъ не разгадаетъ.

Много работалъ надъ своими записками [1]). Хочется довести хоть до прибытія въ Петербургъ, а тамъ примусь за біографію Галича.

---

[1]) А. В. Никитенко, конечно, говоритъ здѣсь о первыхъ тетрадяхъ своихъ „Записокъ“, которыя подъ названіемъ: „Повѣсть о самомъ себѣ“ напечатаны, послѣ его кончины, въ „Русской Старинѣ“ изд. 1888-го года, томы LIX и LX, кн. сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь. См., между прочимъ, о времени написанія „Повѣсти о самомъ себѣ“ въ „Русской Старинѣ“ т. LX, стр. 776. Ред.

Былъ въ Царскомъ Селѣ у князя П. А. Вяземскаго, съ которымъ часто вижусь въ Павловскѣ, куда онъ пріѣзжаетъ на музыку и иногда заглядываетъ и ко мнѣ. Бесѣда съ нимъ очень пріятна. Онъ далъ мнѣ стихи свои на Каткова. Остроумно, но, конечно, не для печати.

14. Четвергъ. Получилъ очень милое письмо отъ министра графа (Д. А.) Толстаго въ отвѣтъ на мои замѣтки и наблюденія. Онъ очень благодаритъ меня за нихъ и такимъ тономъ, который даже меня убѣдилъ въ не безполезности ихъ.

15. Пятница. Дѣло не въ книгѣ, а въ умѣ, который и книгу производитъ и умѣетъ обойтись безъ нея.

Гимназіи должны удовлетворять тремъ потребностямъ: 1) приготовлять молодыхъ людей для университетовъ; 2) приготовлять ихъ для дальнѣйшаго техническаго образованія и 3) давать окончательное общее образованіе тѣмъ лицамъ, которыя не имѣютъ никакого спеціальнаго призванія.

Существенная разница между защитниками классическаго образованія и реальнаго состоитъ, кажется, въ томъ, что одни ищутъ самаго основанія, такъ сказать отвлеченной базы для него — другіе-же хотятъ удовлетворять текущей потребности общества. Одни говорятъ: надо позаботиться о томъ, чтобы воздвигнуть начало и опоры умственнаго развитія, съ которыми бы оно могло идти на встрѣчу будущему, не колеблясь, не шатаясь изъ стороны въ сторону. Однимъ словомъ, здѣсь имѣется въ виду дрессировка, общее воспитаніе ума. Другіе проповѣдуютъ, что мы нуждаемся въ самыхъ насущныхъ знаніяхъ, приложеніе которыхъ требуется на каждомъ шагу въ общественномъ и житейскомъ быту и безъ которыхъ мы рѣшительно не въ состояніи слѣдовать за всѣми успѣхами цивилизаціи, истекающими только изъ реальной науки—науки, объемлющей существенные или, лучше, вещественные интересы людей. Кто правъ, кто виноватъ? Правы тѣ и другіе. Но на чьей сторонѣ больше правды? Чуть-ли не на сторонѣ защитниковъ классическаго образованія: они правы именно въ томъ отношеніи, что требуютъ основы, корня, тогда какъ реалисты хватаются за вѣтви, которыя каждый часъ готовы сломиться или на которыхъ можно повиснуть и болтать ногами въ воздухѣ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что реальными знаніями должно пренебрегать. Надо

согласить оба требованія. Дать обоимъ нужный просторъ: вотъ въ этомъ и задача умнаго правительства.

Но реальное образованіе немыслимо безъ техническихъ школъ.

Гимназія, говорятъ, должна дать общее образованіе. Но это не устраняетъ вопроса: на какомъ—классическомъ или реальномъ основаніи?

20. Среда. Завтра въ шесть часовъ утра ѣду къ Марку (Николаевичу Любощинскому) въ имѣніе его жены, Выру, за Гатчиной.

22. Пятница. Въ Вырѣ. Сюда пріѣхали еще Зарудный (Сергѣй Ивановичъ) и Гизетти (Германъ Антоновичъ).

23. Суббота. Завтракъ у сенатора Набокова, который живетъ отсюда верстахъ въ двухъ. Весьма комильфотный сенаторъ, комильфотная семья, комильфотный домъ.

Зарудный говорилъ мнѣ, что проектъ Валуева о расширеніи власти губернаторовъ — это уродливое дѣтище — окончательно провалился въ комитетѣ министровъ. Его сильно побивали Гагаринъ, Бахтинъ и Милютинъ (военный министръ). Записку по этому дѣлу составлялъ Гагарину Зарудный. Валуевъ принужденъ былъ взять свой проектъ назадъ.

У насъ до того неразвиты чувства долга и законности, что мы готовы очень снисходительно извинить всякое преступленіе и еще тщеславимся этою снисходительностью, считая ее признакомъ гуманности и великодушія.

Когда кончится изученіе жизни и человѣка—что обыкновенно бываетъ очень поздно, то есть незадолго до смерти — тогда только ты узнаешь, что они этого не заслуживали — ни тѣхъ усилій, ни тѣхъ жертвъ, какихъ оно требовало. Все лучшее въ человѣкѣ, подобно сверканію молніи, лишь на минуту озаряетъ глубокій мракъ нашего ума и сердца.

31. Воскресенье (въ Павловскѣ). Наполеонъ требуетъ Рейнскихъ провинцій, чего и надлежало ожидать.

Надняхъ явилось въ Петербургъ посольство Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Имъ оказанъ великолѣпный пріемъ и оваціи.

Августъ 3. Среда. Въ понедѣльникъ вечеромъ американскій посолъ былъ въ Павловскѣ. Огромное стеченіе публики. Пышная иллюминація. Публика вела себя прилично, а американцы, кажется, остались очень довольны.

4. Четвергъ. Въ № 210-мъ „Спб. Вѣдомостей" напечатаны нѣкоторые результаты, добытые слѣдственной комиссіей о Каракозовѣ. Изъ нихъ видно до какой степени изгажено, перепорчено, изуродовано наше молодое поколѣніе. Это не усилія расширить кругъ своей дѣятельности, внести въ общество новыя начала, хотя-бы ошибочныя, но проникнутыя желаніемъ лучшаго, руководящія къ опредѣленной цѣли, имѣющія характеръ заблужденій высокаго и благороднаго духа, — это грубый и пошлый развратъ ума и сердца, отсутствіе всякихъ нравственныхъ убѣжденій и вѣрованій, полный разгулъ страстей съ присвоеннымъ себѣ правомъ все ломить и уничтожать, чтобы на просторѣ предаваться всевозможнымъ крайностямъ. Это осадки, подонки вѣка съ его безвкусіемъ и матеріалистическимъ воззрѣніемъ на жизнь и человѣчество — вѣка, носящаго въ себѣ съ пышными и громкими воззваніями къ прогрессу и цивилизаціи, полное отчаяніе во всемъ великомъ и прекрасномъ. Эти подонки и осадки воплотила въ себѣ извѣстная часть нашего молодаго поколѣнія—и что̀ изъ этого выйдетъ, Богу единому извѣстно!— Въ напечатанномъ актѣ поражаетъ еще одно обстоятельство: что-же дѣлали наши правители, когда они не знали и не заботились о томъ, что̀ происходило у нихъ подъ носомъ—что̀ они дѣлали всѣ эти блестящіе истуканы, эти кн. Суворовы, Валуевы? О бѣдное, бѣдное мое отечество! И съ государемъ, исполненнымъ такой благости, такихъ добрыхъ стремленій!

14. Воскресенье. „Статью объ отрѣзанномъ ломтѣ" кончилъ, теперь началъ объ „Іоаннѣ Грозномъ". Вчера и сегодня, однако, худо работается.

Открыть смыслъ въ человѣческихъ дѣлахъ почти такъ-же трудно, какъ открыть квадратуру круга.

16. Вторникъ. Общество дѣлаетъ людей такими или иными: но кѣмъ-же дѣлается само общество? Уничтожая въ человѣкѣ всѣ высшія стремленія и вызывая и узаконивая одни животные инстинкты, какими-же силами хотите вы устроить дѣла человѣческія? „Мы хотимъ, говорите вы, дѣйствовать, но хотимъ дѣйствовать ни подъ чьимъ руководствомъ, ни подъ чьимъ началомъ, кромѣ своихъ собственныхъ".—Но вѣдь это открываетъ путь къ дѣятельности всякому вору, разбойнику, злоумышленнику. „Нѣтъ! опять говорите вы: наши цѣли благородны, возвышенны, мы

стремимся ко благу всего человѣчества".—Но всякій фанатикъ это говоритъ. Люди со слабымъ умомъ всегда смѣшиваютъ теоретическую возможность съ возможностью практическою — то, что должно быть по идеалу, съ тѣмъ, что можетъ быть по закону вещей.

„Мы предтечи грядущаго, мы расчищаемъ путь этому грядущему, мы запечатлѣваемъ мученичествомъ наше рвеніе. Не начни мы, ничего-бы не было". — Но какъ-же вы начинаете? Какія средства вы употребляете?—„Цѣль освящаетъ средства", говорите вы.—Ну, въ такомъ случаѣ, разумъ ужъ ничего больше не можетъ вамъ сказать и противъ васъ приходится выдвигать такую-же грубую силу, какъ вы сами.

Но вотъ другая сторона дѣла. Вы говорите „Мы и не думаемъ ни о правѣ, ни о нравственныхъ принципахъ. Мы просто объявляемъ войну: мы не хотимъ жить съ вами, не хотимъ жить въ настоящемъ, и вы и оно противны намъ. Война, война! Будетъ правъ тотъ, кто побѣдитъ".—Ну, въ этомъ, по крайней мѣрѣ, есть смыслъ. Такъ не прикрывайтесь-же личиною блага человѣчества. Вы такіе же лжецы, мнимо-защищающіе интересы человѣчества, какъ и тѣ, которые отстаиваютъ самые закоснѣлые предразсудки и преданія.

19. Пятница. Намъ надо заботиться не столько о перемѣнѣ правительства, сколько объ утвержденіи въ умахъ идей законности и правды. Намъ худо не столько оттого, что нами худо управляютъ, сколько отъ того, что мы сами не умѣемъ хорошо управлять собою. Нелѣпо все сваливать на правительство, которое къ тому-же плоть и кровь отъ нашей плоти и крови.

Наши мальчуганы начали борьбу, но какъ свойственно мальчуганамъ—они борются не за дѣло, а за утопическія свои мечты и грезы. Общество нуждается именно въ томъ, что они стараются разрушить—въ твердыхъ нравственныхъ принципахъ.

Дѣло не въ томъ, чтобы кричать: пусть такого-то предразсудка и злоупотребленія не будетъ, а въ томъ, чтобы развитіемъ здравыхъ понятій и знанія сдѣлать невозможнымъ существованіе этого предразсудка и злоупотребленія.

28. Воскресенье. Этотъ человѣкъ отличается чрезвычайно живописною наружностью; всѣ его движенія похожи на движенія натурщика, позирующаго передъ художникомъ. Между тѣмъ

въ немъ ничего—кромѣ гадостей. Онъ далеко и не такъ уменъ, какъ хочетъ казаться, а благородства и доброты въ немъ и тѣни нѣтъ. Вывѣска васъ прельщаетъ; но войдите внутрь зданія, и вы очутитесь въ скверной харчевнѣ или мелочной лавочкѣ.

Говорятъ о приговорѣ надъ Каракозовымъ.

30. Вторникъ. Кое-кто по обыкновенію у меня обѣдалъ, а другіе посѣтили вечеромъ. Комнаты мои были буквально завалены цвѣтами.

Сентябрь 1. Четвергъ. Умеръ Муравьевъ съ 28-го на 29-е августа ночью, скоропостижно, въ имѣніи своемъ Сырцы, Лужскаго уѣзда.

31-го объявленъ Каракозову приговоръ Верховнаго уголовнаго суда. Онъ осужденъ на смерть черезъ повѣшеніе.

2-е Пятница. Третье предостереженіе „Спб. Вѣдомостямъ", при чемъ изданіе ихъ пріостановлено на три мѣсяца.—Итакъ Валуевъ, не одолѣвъ медвѣдя въ лѣсу (Каткова), набросился на бѣднаго беззащитнаго зайца и немилосердно травитъ его съ Щербининымъ и Фуксомъ.

3. Суббота. Повѣшенъ Каракозовъ на Смоленскомъ полѣ Говорятъ, стеченіе народа было несмѣтное. Слѣдуетъ-ли совершать казни публично?

9. Пятница. Засѣданіе въ академіи наукъ комиссіи для присужденія Уваровскихъ премій за драму. Я прочиталъ мою рецензію трагедіи графа А. К. Толстаго: „Смерть Іоанна Грознаго". Я требовалъ присужденія автору полной преміи. Насъ было семь членовъ: Веселовскій, какъ предсѣдатель, Устряловъ, Гротъ, Срезневскій, Пекарскій, К*** и я. Четыре голоса были въ пользу награды, т. е. голоса Веселовскаго, мой, Устрялова и Грота, остальные противъ. Итакъ трагедія не увѣнчана. Вышло дѣло постыдное и забавное. Наибольшіе невѣжды въ дѣлѣ изящной литературы помѣшали наградѣ, ибо по уставу требуется двѣ трети голосовъ. Да смѣшнѣе всего, что и они, наслышавшись отъ другихъ, не отвергаютъ достоинствъ пьесы, но имъ досадно было, что награда присуждалась по моей рецензіи. Они придумали препятствіе: по уставу, академія приглашаетъ кого-либо изъ стороннихъ литераторовъ тоже давать свое мнѣніе, но она вовсе не обязывается безусловно къ этой мѣрѣ

и часто произносила свои приговоры, не дожидаясь посторонних рецензій. Относительно „Іоанна Грознаго“ обращались за мнѣніемъ къ (Ник. Сав.) Тихонравову, но онъ не удостоилъ академію даже никакимъ отвѣтомъ, а между тѣмъ къ 25-му сентября уже долженъ быть представленъ отчетъ о преміяхъ. Предсѣдатель объявилъ, что мы должны произнести свой приговоръ по одной моей рецензіи, но вышеупомянутые три члена уперлись на необходимости мнѣнія сторонняго литератора. Тогда предсѣдатель предложилъ баллотировать вопросъ: нужно-ли это?—такъ какъ законъ не обязываетъ къ этому. Большинство оказалось за: не нужно. Приступлено было ко второй баллотировкѣ: заслуживаетъ-ли трагедія Толстаго награды? И тутъ послѣдовало рѣшеніе, о которомъ я сказалъ выше... **началъ настаивать, чтобы отложили приговоръ до слѣдующаго года, но предсѣдатель и я съ нимъ воспротивились этому явному нарушенію принципа баллотировки.

10. Суббота. Есть въ положеніи человѣка нѣчто, заставляющее его быть несправедливымъ и лжецомъ. Такъ, чтобы быть чѣмъ-нибудь, онъ долженъ непремѣнно стѣснить, ограничить кругъ своихъ понятій, выработать въ себѣ сжатый образъ мыслей—словомъ долженъ сдѣлаться одностороннимъ; и чѣмъ онъ будетъ одностороннѣе, сжатѣе въ своихъ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ, тѣмъ болѣе онъ успѣетъ сдѣлаться чѣмъ-нибудь. Можно-ли же теперь строго осуждать педантовъ, которые, сидя въ углу своей школки, ничего не видятъ дальше нея и считаютъ за вздоръ все, что происходитъ вдали отъ нихъ. Они конечно смѣшны, да не такова-ли судьба всѣхъ людей?!

17. Суббота. Торжественный въѣздъ принцессы Дагмары. День совершенно лѣтній. Процессія шла мимо нашихъ оконъ. Пышное зрѣлище.

18. Воскресенье. 16-го числа въ Павловскѣ умеръ (С. С.) Дудышкинъ, редакторъ „Отечественныхъ Записокъ“, человѣкъ далеко не преклонныхъ лѣтъ и по виду чрезвычайно крѣпкаго сложенія. Это былъ честный и умный литераторъ, хотя и не отличался особеннымъ дарованіемъ.

Вчера была великолѣпная иллюминація въ честь принцессы Дагмары. Всѣ мои ходили смотрѣть ее съ дядею Маркомъ (Николаевичемъ Любощинскимъ). Послѣдній очень хвалилъ

порядокъ и приличіе, какое вездѣ соблюдалось въ толпахъ народа, а толпы были несмѣтныя.

19. Понедѣльникъ. Развѣ стыдно быть задавлену превозмогающей силой? Стыдно было-бы уступить ей безъ борьбы, безъ сопротивленія, съ готовымъ чувствомъ рабской покорности.

Сейчасъ проводилъ бѣднаго Дудышкина на Охтенское кладбище. Онъ отличался, повидимому, крѣпкимъ здоровьемъ, только иногда страдалъ одышкою и умеръ внезапно отъ аневризма. Ему было всего сорокъ шесть лѣтъ. Его провожали многіе изъ литераторовъ и нѣсколько стороннихъ лицъ. Я шелъ съ Стасюлевичемъ и Вороновымъ.

22. Четвергъ. Дѣлать одолженіе другимъ значитъ увеличивать число неблагодарныхъ.

Замѣчательная несообразность и неловкость со стороны придворнаго начальства. На другой день въѣзда принцессы Дагмары въ столицу, государь вечеромъ представлялъ невѣсту публикѣ въ театрѣ. Что-же сдѣлало начальство? Оно разложило по ложамъ и по всѣмъ другимъ мѣстамъ въ театрѣ объявленія, чтобы публика воздержалась отъ всякаго изъявленія сочувствія, отъ всякихъ манифестацій. Вслѣдствіе этого, когда государь подвелъ невѣсту къ барьеру ложи и представилъ ее публикѣ, ихъ встрѣтило глубочайшее безмолвіе. Всѣ встали—и только. Государь, говорятъ, былъ сильно этимъ огорченъ. И, въ самомъ дѣлѣ, вышла огромнѣйшая несообразность. Народъ на площадяхъ, на улицахъ, вездѣ восторженно изъявлялъ царской фамиліи свое участіе въ ея семейномъ торжествѣ. А здѣсь самая образованная и высшая часть общества оказала ничѣмъ необъяснимыя и неоправдываемыя холодность и равнодушіе. Вотъ со стороны придворнаго управленія настоящая медвѣжья услуга. Говорятъ, это министръ двора (гр. Адлербергъ) такъ распорядился.

Октябрь 1. Суббота. Вчера отослалъ къ цензору мои три критическія статьи, которыя хочу издать отдѣльною брошюрою. Разборъ „Смерти Іоанна Грознаго", впрочемъ, выйдетъ сперва въ „Академическихъ Вѣдомостяхъ".

3. Понедѣльникъ. У простаго гражданина, у лица должностнаго, но служащаго обществу по назначенію самаго общества, есть дѣла обоимъ общія, которыя онъ тѣмъ или другимъ образомъ совершаетъ или въ совершеніи коихъ участвуетъ: у него есть

отечество. У чиновника нѣтъ интересовъ общественныхъ; у него есть только воля начальника и безпрекословное повиновеніе этой волѣ, все равно—хороша она или дурна, полезна обществу или вредна: у чиновника есть начальство, а нѣтъ отечества.

„Московскія Вѣдомости“ сильнѣйшимъ образомъ допекаютъ Валуева за его распоряженія по дѣламъ печати. Но больше всего онѣ налегаютъ на него за его подкапываніе подъ права суда. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ этотъ чиновникъ всячески старается—не силою своей министерской власти, которая не всегда оказывается здѣсь состоятельною—а интригою расположить суды по дѣламъ печати въ свою пользу. Онъ успѣлъ, кажется, склонить на свою сторону Замятина. Такъ, напримѣръ, прокуроръ предъявилъ искъ противъ „Вѣсти“, которая невыгодно и предосудительно отозвалась о судахъ; но Замятинъ, по просьбѣ Валуева, остановилъ этотъ искъ. А надо знать, что статья „Вѣсти“ писана по заказу Валуева и даже, какъ говорятъ, поправлена имъ. Еще онъ обратился къ московскому прокурору Ланге съ предложеніемъ начать искъ противъ „Московскихъ Вѣдомостей“ за ихъ вредное направленіе, но получилъ отказъ, по причинѣ недостатка поводовъ къ обвиненію. И на это Валуевъ также пожаловался министру юстиціи. Словомъ, уязвляемый печатью, онъ мечется какъ угорѣлый. Право кажется, онъ хотѣлъ-бы задушить всю русскую мысль и литературу, но находитъ препятствія то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ.

4. Вторникъ. Сегодня должна была совершиться казнь государственныхъ преступниковъ, изъ которыхъ одинъ подлежалъ повѣшенію. Однако имъ объявлено помилованіе, т. е. смягченіе наказанія. На того, который осужденъ былъ на смерть, уже накинута была веревка—и тутъ объявили, что ему даруется жизнь. Говорятъ, при этомъ опять присутствовали несмѣтныя толпы народа. Не лучше-ли было-бы его избавлять отъ такого зрѣлища? Извозчикъ, который меня сегодня везъ на Васильевскій островъ, малый очень ловкій, толкуя объ этомъ событіи, между прочимъ, замѣтилъ, что преступники не то заслужили и что ихъ слѣдовало-бы живыхъ закопать въ землю.

Валуевская администрація, кажется, видитъ въ печати личнаго своего врага. Она съ каждымъ днемъ все больше и больше противъ нея озлобляется.

6. Четвергъ. Кауфманъ уволенъ отъ управленія Сѣверо-западнымъ краемъ, и это вызвало сильное неодобреніе со стороны патріотической и русской партіи. Зато польская партія очень довольна. На мѣсто Кауфмана назначенъ (графъ Эд. Трофимовичъ) Барановъ, тотъ самый, который замѣнилъ (Петра Андреевича) Шувалова въ Ригѣ. Видно (нѣкоторые господа) работаютъ съ большимъ успѣхомъ. Настоящую перемѣну приписываютъ графу Шувалову и Валуеву. О Барановѣ говорятъ, какъ о второмъ Назимовѣ, котораго поляки такъ дурачили въ Вильно.

Когда передъ праздникомъ Пасхи я видѣлся съ Кауфманомъ, онъ и тогда жаловался на всевозможныя препятствія, которыя противъ него выдвигала петербургско-польская партія. Отъ него я тогда слышалъ, что поляки управляемаго имъ края придавлены, но не усмирены и что надо зорко за ними слѣдить. Теперь это признано ненужнымъ.

Дѣло Пыпина и Жуковскаго рѣшено во второй судебной инстанціи. Инстанція эта признала обвиненіе ихъ въ томъ, что статья: „Вопросъ молодаго поколѣнія" оскорбляетъ дворянство, неправильнымъ, но осудила того и другаго на трехнедѣльный арестъ на гауптвахтѣ и на взносъ штрафа по сту рублей съ каждаго за бранчивыя выраженія. Итакъ Валуевъ всетаки не добился полнаго торжества. Онъ настаивалъ именно на оскорбленіи дворянства.

7. Пятница. Общее собраніе въ академіи наукъ. Мнѣ опять приходится писать отчетъ по второму отдѣленію. Я. К. Гротъ отказывается по множеству занятій. Онъ готовитъ рѣчь на празднованіе Карамзинскаго юбилея.

8. Суббота. Вечеръ у **, гдѣ я познакомился съ графомъ (Ал. Конст.) Толстымъ, авторомъ „Смерти Іоанна Грознаго". Онъ очень пріятный человѣкъ, съ мягкими аристократическими пріемами, и притомъ умный человѣкъ. Онъ благодарилъ меня за мой голосъ въ пользу его трагедіи по случаю присужденія Уварской преміи, которой, однако, ему не присудили такіе великіе критики, какъ Пекарскій... Тутъ былъ также Юркевичъ, предсѣдатель театральнаго комитета, и говорили о постановкѣ „Іоанна Грознаго" на сцену. Графъ Толстой прочиталъ набросанныя имъ на бумагу мысли о томъ, какъ должны актеры понимать глав-

ныя роли Іоанна и Годунова. Эти мысли доказываютъ, какъ много и глубоко обдумывалъ авторъ свое произведеніе. Мысли его во многомъ схожи съ тѣмъ, что я говорю въ моей рецензіи. Бесѣда продолжалась до двухъ часовъ ночи.

9. Воскресенье. Прочиталъ двѣ первыя книжки Гетѐ противъ Ренана. Жаль, очень жаль, что авторъ, возражая Ренану и во многомъ весьма удачно опровергая его, слишкомъ предается негодованію и часто просто осыпаетъ бранью своего противника.

10. Понедѣльникъ. Въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" № 250 уже напечатана статейка противъ комиссіи академіи, не присудившей преміи пьесѣ графа А. К. Толстаго. Ее писалъ, говорятъ, Ѳеофилъ (Матвѣевичъ) Толстой.

13. Четвергъ. Появилась въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" первая половина моей статьи: О трагедіи графа Толстаго „Смерть Іоанна Грознаго".

Поводомъ къ увольненію Кауфмана послужила, между прочимъ, ужасная распущенность чиновниковъ въ томъ краѣ, въ которомъ онъ управлялъ. По крайней мѣрѣ, государь такъ мотивировалъ свое рѣшеніе. Это говорилъ мнѣ Ѳ. И. Тютчевъ.

14. Пятница. Былъ у меня графъ Толстой, авторъ трагедіи „Смерть Іоанна Грознаго". Онъ горячо благодарилъ меня за мою статью о немъ, которой, впрочемъ, появилось еще только половина во вчерашнемъ № „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей". Онъ пишетъ вторую драму изъ царствованія Ѳеодора, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ Годуновъ. Судя по плану, который онъ мнѣ вкратцѣ передалъ, это будетъ тоже прекрасное произведеніе. Теперь онъ хлопочетъ о постановкѣ на сцену Грознаго. Государыня очень этого желаетъ, но сомнѣвается, чтобы у насъ нашлись актеры, которые были-бы въ состояніи хорошо съиграть эту пьесу.

Моя статья принята въ публикѣ съ большимъ одобреніемъ и сочувствіемъ, какъ о томъ доходятъ до меня слухи. И*** просилъ меня, чтобы я и ему далъ оттискъ. Я обѣщалъ всѣмъ, когда статья будетъ напечатана отдѣльно, вмѣстѣ съ двумя другими: о „Самоуправцахъ" Писемскаго и объ „Отрѣзанномъ ломтѣ" Потѣхина.

18. Вторникъ. Въ № 286-мъ „Голоса" появилась статья по поводу моей рецензіи Іоанна Грознаго. Статья обвиняетъ

академію за отказъ этой пьесѣ Уваровской преміи и ссылается на мою рецензію.

Общество въ правѣ требовать отъ отдѣленія русскаго языка и словесности, чтобы оно уважало русскую словесность.

23. Воскресенье. Первые шаги графа Димитрія Андреевича (Толстаго) на его министерскомъ поприщѣ начинаютъ возбуждать какія-то странныя впечатлѣнія. Что графъ благоговѣлъ передъ „Московскими Вѣдомостями", это было уже извѣстно. Онъ, не обинуясь, высказываетъ передъ ними родъ сыновней почтительности и готовности во всякомъ случаѣ руководствоваться ихъ авторитетомъ и, не вдаваясь въ дальнѣйшія разсужденія, говоритъ: учитель такъ сказалъ. Онъ сдѣлалъ также юношескую ошибку въ Саратовской рѣчи, въ которой, говоря о дурномъ направленіи учащейся молодежи, выразился такъ: „При мнѣ этого не будетъ". Но вотъ еще случай. Надняхъ онъ отнесся къ Валуеву оффиціальною бумагою, въ которой не безъ юношескаго самодовольства говоритъ, что государь возложилъ на него наблюдать за чистотою нравовъ юношества и преграждать въ школы путь дурнымъ идеямъ, а такъ какъ журналы „Дѣло" и „Женскій Вѣстникъ" издаются лицами, принадлежавшими къ „Русскому Слову" и „Современнику" и которые и теперь придерживаются образа мыслей этихъ журналовъ, то онъ, графъ, и проситъ Валуева обратить на это вниманіе, дабы они вновь не заражали молодыхъ умовъ.

Какъ-бы ни было справедливо такое желаніе, но, во-первыхъ, „Дѣло" и „Женскій Вѣстникъ" уже взяты подъ цензуру и Совѣтъ (по дѣламъ печати) доноситъ Валуеву, что въ нихъ не оказывается ничего зловреднаго. Во-вторыхъ, Ѳ. И. Тютчевъ, въ засѣданіи того-же совѣта, справедливо замѣтилъ, что литература существуетъ не для гимназистовъ и школьниковъ и что нельзя-же ей давать дѣтское направленіе. Тогда пришлось-бы ограничиться одними букварями и учебниками. Въ обществѣ и кромѣ литературы говорится и дѣлается много такого, что непригодно для школы и школьниковъ. Но это уже дѣло министерства народнаго просвѣщенія и блюстителей школьной нравственности не допускать въ кругъ мальчиковъ и юношей того, что можетъ имѣть на нихъ вредное вліяніе. Вообще, въ графѣ Димитріи Андреевичѣ видна одна изъ тѣхъ молодостей, которыя

если не навсегда, то надолго остаются такими. Дай Богъ ему скорѣй постарѣть.

Эти жалкіе молодые люди, бросившіеся сломя голову въ омутъ революціонныхъ замысловъ и покушеній, сдѣлали огромное зло Россіи: они, по крайней мѣрѣ, на полвѣка отодвинули ее отъ истиннаго просвѣщенія, свободы и разныхъ улучшеній. Если между нашими правительственными лицами есть кто-нибудь, искренно желающій блага Россіи, то это одинъ государь.

26. Среда. Валуевъ и графъ (Петръ Андреевичъ) Шуваловъ быстрыми шагами стремятся къ тому, чтобы вдвоемъ управлять Россіею полицейскимъ образомъ: одинъ посредствомъ общей, другой — посредствомъ тайной полиціи. Главная забота ихъ теперь—подорвать суды, т. е. взять ихъ подъ опеку административной власти. Валуевъ уже подкопался подъ суды со стороны печати. Сегодня Норовъ далъ мнѣ прочитать валуевскій проектъ изъятій изъ общаго закона о судопроизводствѣ и дополненій по дѣламъ печати, который долженъ разсматриваться въ государственномъ совѣтѣ. Валуевъ добивается лишить прокурора права дѣлать свои заключенія по поступающимъ въ суды отъ министерства внутреннихъ дѣлъ обвиненіямъ о проступкахъ и преступленіяхъ печатнымъ словомъ. Норовъ просилъ меня написать отъ него записку по этому поводу для государственнаго совѣта, что я и сдѣлалъ и отдалъ ему сегодня-же. Старикъ, да съ нимъ и я, мы только потѣшимъ себя: будто тутъ его голосъ можетъ что-нибудь значить! Итакъ, вотъ уже первая побѣда бюрократіи надъ судебною властью. Бѣдное русское правосудіе!

27. Четвергъ. До сихъ поръ не прекращаются толки о пьесѣ графа (Алексѣя Константиновича) Толстаго и о томъ, что академія отказала ему въ преміи. Моя статья, какъ оказывается, произвела впечатлѣніе въ публикѣ.

Я. К. Гротъ читалъ въ засѣданіи отдѣленія рѣчь, которую онъ пишетъ къ карамзинскому юбилею. Когда онъ въ своей рѣчи дошелъ до мѣста, гдѣ говоритъ, что Карамзинъ оказалъ огромную услугу языку, содѣйствуя его образованію—даже преобразовалъ его, Пекарскій замѣтилъ, что онъ несогласенъ съ этимъ общепринятымъ мнѣніемъ, что Карамзинъ не оказалъ никакой особенной услуги языку нашему и что въ этомъ отно-

шенія гораздо больше него сдѣлали наши до-карамзинскіе сатирическіе журналы...

Вчера познакомился я у Норова съ смоленскимъ губернаторомъ Бороздною. Онъ сильно жаловался на нигилистическій духъ среди смоленской молодежи. Многія изъ дѣвушекъ не выходятъ замужъ иначе, какъ гражданскимъ бракомъ.

Ноябрь 1. Вторникъ. Отослалъ въ Прагу черезъ князя Дабижа нѣсколько своихъ брошюръ и „Исторію литературы“ Миллера.

.... Разсудивъ зрѣло, я нахожу, что онъ поступилъ основательно и справедливо. Есть правила житейской мудрости: никому не позволяй слыть умнѣе и даровитѣе тебя, а если такое случится, то старайся всячески уронить его въ глазахъ другихъ.

Дѣло хорошаго писателя состоитъ ни въ чемъ другомъ, какъ въ формулированіи тѣхъ началъ и тѣхъ идей, которыя потребны всѣмъ и которыя смутно мелькаютъ въ умахъ извѣстнаго времени и извѣстнаго общества.

Поздравленіе президента академіи наукъ, Литке, съ пожалованіемъ ему графскаго достоинства. Онъ, кажется, очень доволенъ.

2. Среда. И въ Москвѣ неблагопріятно отзываются о нашемъ академическомъ дѣлѣ по случаю неувѣнчанія Уваровскою преміею пьесы графа А. К. Толстаго. Въ № 36-мъ „Лѣтописи“ напечатана неодобрительная статья объ этомъ. Безобразовъ, недавно возвратившійся изъ Москвы, тоже говорилъ мнѣ вчера, что тамъ очень дурно отзываются о лицахъ, которыя подали голосъ противъ пьесы.

3. Четвергъ. Буря въ отдѣленіи русскаго языка и словесности все по случаю той-же пьесы гр. Толстаго. А. Ѳ. Бычковъ принесъ въ засѣданіе, для прочтенія, статью „Лѣтописи“. Она и была прочтена во всеуслышаніе Срезневскимъ. Противъ всего, что тамъ сказано, нечего было возразить. Я. К. Гротъ замѣтилъ, что мы сдѣлали большую ошибку, отказавъ въ наградѣ произведенію, которое вполнѣ ея заслуживало, но Пекарскій ухватился за слова, сказанныя о немъ въ статьѣ, и объявилъ, что будетъ на нихъ отвѣчать. Что̀ и почему онъ будетъ отвѣчать, трудно вообразить себѣ. Потомъ онъ началъ доказывать то академія не поручала мнѣ разбора пьесы и ссылался на,

протоколъ, въ которомъ обыкновенно и не говорится, кто изъ членовъ принялъ на себя разсмотрѣніе такого-то сочиненія. Изъ этого публика должна будетъ заключить, что я напечаталъ мою рецензію, не представивъ ея въ комиссію. Но вѣдь она была мною прочитана въ комиссіи, въ которой, послѣ выслушанія и полнаго одобренія рецензіи четырьмя голосами, и приступлено было къ баллотированію. Вообще Пекарскій ведетъ себя въ этомъ дѣлѣ престранно. Онъ покусился было даже утверждать, что не подавалъ отрицательнаго голоса. Срезневскій высказался честнѣе: онъ прямо объявилъ, что подалъ отрицательное мнѣніе посредствомъ бумажки, на которой ничего не было написано. Я. К. Гротъ хочетъ напечатать, что онъ одобрялъ пьесу; Веселовскій тоже что-то намѣревается написать; я тоже напишу, что моя рецензія была читана въ комиссіи, если Пекарскій что-нибудь напечатаетъ, дающее поводъ думать противное. Вотъ будетъ потѣха для публики!

Надо стараться очистить и нравственно поднять литературу такъ, чтобы она не могла давать поводовъ къ нападкамъ на нея обскурантовъ и реакціонеровъ.

4. Пятница. Валуевъ провелъ-таки свою мѣру о предоставленіи большей власти губернаторамъ, отвергнутую государственнымъ совѣтомъ, кажется, въ іюлѣ или въ августѣ. Высочайшій указъ о томъ отъ 28-го октября см. „Голосъ" № 303.

5. Суббота. Свершилось то, чего боялись люди мыслящіе: наступаетъ время поворота назадъ, время реакціи.

Освобожденіе крестьянъ дѣло, безъ сомнѣнія, великое. Но великость его заключается еще и въ томъ, что оно полагаетъ начало для другихъ неизбѣжныхъ и столь-же великихъ реформъ. Безъ этого оно дѣло недовершенное. Оставить освобожденныя массы безъ руководства людей развитыхъ, просвѣщенныхъ и благомыслящихъ—оставить однихъ въ дѣтскомъ невѣжествѣ, а въ другихъ поселить недовѣріе — это великая государственная ошибка.

Нижегородскій губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе („Голосъ" № 307), по которому всѣ женщины, носящія круглыя шляпы синіе очки, башлыки, скрывающіе коротко остриженные волосы и не носящія кринолиновъ, признаются нигилистками, забираются въ полицію, гдѣ имъ приказываютъ

скинуть всѣ эти наряды и надѣть кринолины; а если онѣ не послушаются, то высылать ихъ изъ губерніи. Администрація въ своемъ усердіи доходитъ до того предѣла, гдѣ ея странныя распоряженія уже перестаютъ быть странными, а становятся комическими. Распоряженіе, о которомъ здѣсь говорится, сдѣлано Огаревымъ.

8. Вторникъ. Вечеромъ у Чебышева-Дмитріева. Тамъ встрѣтилъ двухъ старыхъ знакомыхъ: ректора Московскаго университета Баршева и профессора Пахмана.

9. Среда. Балъ во дворцѣ. Мнѣ очень хотѣлось видѣть цесаревну Марію Өеодоровну (Дагмару). Я и видѣлъ ее. Она дѣйствительно вся сіяніе, юность, грація. На балѣ, по обыкновенію, встрѣтилъ много знакомыхъ. Министръ народнаго просвѣщенія графъ Толстой, попрежнему, дружески со мной раскланялся. Валуевъ тоже удостоилъ меня поклономъ, весьма впрочемъ холоднымъ и величественнымъ, на что я отвѣчалъ, хотя не такъ величественно и изящно, но тоже холодно. Побесѣдовалъ немного съ генераломъ Лихачевымъ, Княжевичемъ и проч., выпилъ смородиновой воды, едва прикоснулся къ ужину и уѣхалъ. Ужинъ, впрочемъ, былъ обильный и роскошный. Народу великое множество — блескъ отъ свѣчъ, блескъ отъ звѣздъ, но увы! мало блеска отъ женскихъ глазъ. Красивыхъ лицъ почти не было. Блистала одна Базилевская.

11. Пятница. Совѣтъ по дѣламъ печати, вопреки отношенію графа Толстаго, сдѣлалъ постановленіе, что литература существуетъ не для гимназистовъ и что министерству народнаго просвѣщенія собственно принадлежитъ право и власть охранять гимназіи отъ вторженія въ нихъ такихъ произведеній, которыя несоотвѣтствуютъ дѣтскому возрасту. Валуевъ на докладѣ Совѣта написалъ резолюцію: „не слѣдуетъ министрамъ давать наставленія“.

12. Суббота. Я отдалъ членамъ втораго отдѣленія (академіи наукъ) по экземпляру моихъ рецензій, вышедшихъ надняхъ изъ типографіи. Они оказали мнѣ любезность, прося надписать каждому—и первый Пекарскій. Срезневскій просилъ нѣсколько экземпляровъ, чтобы послать въ Вѣну славянамъ, съ которыми онъ въ сношеніи.

Отъ графа Димитрія Андреевича (Толстаго) получилъ весьма

любезную записку, въ которой онъ говоритъ объ удовольствіи, доставленномъ ему чтеніемъ моей брошюры.

Вечеромъ у Княжевича. Разговоръ съ Бакунинымъ, разумѣется—не съ страшнымъ, а съ другимъ.

Удивительно страненъ нашъ русскій умъ! Онъ съ чрезвычайною легкостью усваиваетъ себѣ летучія идеи времени и часто умѣетъ высказывать ихъ такъ ловко, съ видомъ такого убѣжденія, какъ будто онѣ были его собственными. Эта воспріимчивость, соединенная съ большою живостью его натуры, мѣшаетъ ему углубиться въ то, что онъ сгоряча принимаетъ за непреложную истину—мѣшаетъ ему быть самостоятельнымъ и твердымъ. Въ немъ все какъ-то легко, ненадежно, непрочно; чувствуешь, что то, что онъ сегодня принимаетъ и отстаиваетъ съ жаромъ, скоро перестанетъ занимать его, что оно не пустило въ его сознаніи глубокихъ корней и что онъ такъ-же скоро охладѣетъ къ принятому, какъ скоро привязался къ нему.

17. Четвергъ. Что есть жизнь человѣческая, какъ не смѣсь страданій и пороковъ?

Для многихъ-ли доступна та высокая степень умственнаго и нравственнаго развитія или та высшая точка зрѣнія, съ которой человѣкъ можетъ взглянуть примирительнымъ окомъ на все зло, на весь безпорядокъ, царствующіе въ мірѣ? Сколько людей погибаетъ на пути къ этому недосягаемому для нихъ возвышенію въ тревогахъ сомнѣній, въ чувствѣ великихъ своихъ скорбей и неудовлетворенной жажды лучшаго, въ полной невозможности сказать доброе слово о томъ, что онъ видѣлъ и испыталъ въ краткія мгновенія своей жизни—и надобно считать за великое добро уже ту душевную тупость, которая безсмысленно и покорно протягиваетъ свою голову подъ разящіе ее удары, не спрашивая за что̀ и почему она осуждена на эту казнь.

Сила познается только въ борьбѣ. Что не трудно, то никуда не годится.

Таланту многое и лучшее, конечно, дается даромъ. Но слѣдуетъ-ли изъ того, что онъ не трудится? То, что первоначально далось ему безъ труда, какъ-бы какимъ-то счастливымъ наитіемъ свыше или, какъ говорится, пришло само собою, то онъ долженъ развить, обработать, устроить—и все это составляетъ работу вовсе нелегкую, часто до того упорную, что она занимаетъ всѣ

его силы, истощаетъ ихъ и дѣлаетъ его недовольнымъ самимъ собою. И чѣмъ глубже, чѣмъ тоньше онъ понимаетъ требованія своей задачи, тѣмъ труднѣе для него выполненіе ея съ такою точностью и достоинствомъ, какія налагаются на него собственнымъ его идеаломъ. Какъ часто приходится ему пробиться долго надъ однимъ какимъ-нибудь словомъ въ выраженіи своихъ мыслей, не вполнѣ удовлетворяющимъ требованіямъ его собственнаго неумолимаго контроля.

18. Пятница. Собирать, копить факты хорошо; но слѣдуетъ-ли изъ этого, что надо отказаться отъ права и способности разсуждать?

21. Понедѣльникъ. Сохраненіе жизни, сохраненіе здоровья, нѣкоторая доля обезпеченія нуждъ и нѣкоторая доля удовольствія ради отдохновенія отъ трудовъ—все это законно и справедливо. Но немножко больше славы и немножко больше богатства—что значитъ все это по выраженію Бомеля въ письмѣ его къ Вольтеру?

Съ Милютинымъ (Николаемъ) случился ударъ. Онъ безнадеженъ. Его навѣщалъ Государь. Великая княгиня Елена Павловна была у него два раза въ одинъ день. На мѣсто него вызываютъ князя Черкасскаго изъ Варшавы.

23. Среда. Когда Государь посѣтилъ Милютина, онъ горячо выразилъ ему свое соболѣзнованіе и вообще обошелся съ нимъ очень благосклонно и ласково.

На мѣсто Милютина былъ назначенъ Степанъ Михайловичъ Жуковскій, о чемъ уже былъ заготовленъ указъ. Но вдругъ все измѣнилось: важный постъ, занимаемый Милютинымъ, ввѣренъ графу (Петру Андр.) Шувалову.

24. Четвергъ. Извнѣ намъ угрожаетъ Европа, внутри, какъ въ вулканѣ, зловѣщій глухой гулъ и клокотаніе потрясающихъ элементовъ. Бѣдное мое отечество!

Въ № 324-мъ „Голоса“ напечатана сильная замѣтка о (Ник. Алексѣев.) Милютинѣ.

Заѣзжалъ къ Милютину. Ему лучше, но хотя-бы онъ и поднялся съ одра смерти, а всетаки это не возвратитъ намъ благороднаго гражданина и полезнаго дѣятеля.

25. Пятница. Смотри съ какой стороны больше подлежитъ нападеніямъ твоя свобода, тамъ и усиливай стражу и бдитель-

ность. Чрезвычайно опасно поддаваться впечатлѣніямъ, какія возникаютъ для тебя изъ различныхъ отношеній съ людьми. И странное дѣло, хотя ты не очень уважаешь ихъ мнѣніе, зная изъ какого часто нечистаго или мелкаго источника истекаетъ ихъ одобреніе или неодобреніе, ихъ пріязнь и непріязнь, однако, тѣмъ неменѣе все это тревожитъ тебя, нарушаетъ миръ и спокойствіе твоей души. Значитъ, тутъ дѣло не въ томъ, что люди нехороши, а въ томъ, что ты нехорошъ. Твое сердце такъ слабо и рыхло, что всякое сѣмя, бросаемое въ него вѣтромъ, свободно и скоро произрастаетъ въ немъ — а это произрастаніе даетъ тернія и волчецы. Итакъ врачу: исцѣлися самъ. Подрѣзывай въ самомъ корнѣ эти вредныя и скверныя произрастанія или устраняй, елико возможно, вліяніе причинъ, которыя ихъ питаютъ.

26. Суббота. Самая грубая ложь для большей части людей можетъ сдѣлаться убѣжденіемъ, если повторяется часто и не встрѣчаетъ протеста со стороны тѣхъ, которые обязаны блюсти и охранять истину.

Была въ Петербургѣ учреждена комиссія для устройства и преобразованія городской полиціи. Шло, между прочимъ, дѣло о раздѣленіи города на сорокъ участковъ; но когда Трепову замѣтили въ комиссіи, что раздѣленіе это не имѣетъ основанія и что не лучше-ли въ полицейскомъ отношеніи раздѣлить городъ по числу судебныхъ мировыхъ участковъ, онъ энергически отвергъ это, потому, какъ онъ выразился, что авторитетъ полиціи тутъ какъ-бы подчинится авторитету судовъ. Треповъ, говорятъ, ненавидитъ новые суды. Потомъ, однако, онъ согласился уменьшить число участковъ до двадцати четырехъ. Такъ рѣшено было комиссіей. Вдругъ является приказъ оберъ-полиціймейстера, по которому городъ дѣлится, кажется, на тридцать восемь участковъ. Треповъ увеличиваетъ штатную сумму, опредѣленную на содержаніе полиціи, и прямо отъ себя относится къ министру финансовъ объ отпускѣ дополнительныхъ суммъ, чѣмъ приводитъ его въ немалое изумленіе.

Безакъ придумалъ мѣру уничтожить Каменецъ-Подольскую католическую епархію: Говорятъ, мѣра недурная въ политическомъ отношеніи — пусть такъ, но вышло то, что теперь не знаютъ, какъ съ ней справиться. По католическому *канониче-*

скому праву ни одинъ епископъ не можетъ принять управленіе ни одною церковью внѣ района своей епархіи. И когда упраздненную епархію надо было подчинить другому ближайшему епископу, тотъ отказался принять ее, потому что это воспрещается кореннымъ закономъ его церкви и проч. и проч. и проч.

29. Вторникъ. И коренному петербургскому жителю становится трудно оріентироваться въ немъ, благодаря бывшему оберъ-полицíймейстеру, графу Петру Андр. Шувалову, который въ своей просвѣщенной заботливости о благоустройствѣ и безопасности столицы переименовалъ разныя улицы и изъ старыхъ усвоенныхъ этимъ улицамъ исторіей или преданіемъ, названій, надѣлалъ такія, напримѣръ, какъ Ковенскій переулокъ, Могилевская улица и т. д.

Декабрь 1. Четвергъ. Торжество въ академіи наукъ въ честь Карамзина по случаю совершившагося столѣтія со дня его рожденія. Публика многочисленная и отборная. Были: Наслѣдникъ Цесаревичъ, великіе князья Владиміръ Александровичъ и Алексѣй Александровичъ и герцогъ Лейхтенбергскій. Рѣчь М. П. Погодина вызвала неоднократные взрывы рукоплесканій и вообще была принята съ восторгомъ, особенно тѣ мѣста, гдѣ онъ резюмировалъ извѣстное, неизданное сочиненіе Карамзина о „Древней и новой Россіи“ и приводилъ нѣкоторыя мысли изъ письма его къ императору Александру Павловичу о Польшѣ. Рѣчь Погодина дѣйствительно была въ высшей степени умѣстна, прилична и благородна. Онъ мастерски воспользовался случаемъ и высказалъ нѣсколько и строгихъ и вѣрныхъ истинъ. Здѣсь Погодинъ былъ уже не ученый, не академикъ, не ораторъ, а гражданинъ. Рѣчь его есть подвигъ, гражданская заслуга. И прочиталъ ее онъ хорошо. Нѣкоторые академики, однако, не нашли въ ней никакого достоинства. Сидѣвшій возлѣ меня И. сначала даже подсмѣивался надъ ораторомъ, называлъ его фигляромъ, но скоро однако пересталъ и выразилъ даже нѣкоторое одобреніе. Но секретарь на мои похвалы прямо отвѣчалъ, что рѣчь не заслуживаетъ никакого вниманія и что хорошаго въ ней только выписки изъ Карамзина. — Великіе князья также апплодировали многимъ мѣстамъ, равно и Наслѣдникъ Цесаревичъ. — Воспоминанія кн. П. А. Вяземскаго тоже приняты были публикою благосклонно, равно какъ и стихи его,

которые на этотъ разъ впрочемъ не отличаются особенною силою. Да и прочиталъ и то и другое Маркевичъ, противъ своею обыкновенія, довольно плохо. Актъ продолжался небольше двухъ съ половиною часовъ.

2. Пятница. Замѣчательно, что вчера на актѣ не было никого изъ духовныхъ властей, а Валуевъ исчезъ... Въ ознаменованіе Карамзинскаго юбилея, Государь пожаловалъ сыну Карамзина Владиміру орденъ св. Станислава 1-ой степени, Погодину также орденъ и Строеву тысячу рублей пенсіону.

Актъ въ университетѣ. Рѣчь (Кон. Никол.) Бестужева-Рюмина о Карамзинѣ, какъ историкѣ, прочитанная Миллеромъ, очень хороша. Провозглашеніе военнаго министра Д. А. Милютина докторомъ исторіи было принято съ живымъ участіемъ и сопровождалось громкими рукоплесканіями. И ему самому, кажется, это было пріятно. Онъ два раза вставалъ, чтобы благодарить публику.

3. Суббота. Заѣзжалъ къ Погодину и довольно долго побесѣдовалъ съ нимъ. Я высказалъ ему мое удовольствіе по поводу его рѣчи, которая, прибавилъ я, уже была не слово, а событіе. Онъ былъ у N. N., который, между прочимъ, сказалъ ему: „Ваша рѣчь произвела фуроръ“.

3. Воскресенье. Управленіе по дѣламъ печати идетъ совершенно ложнымъ путемъ. Оно усвоило себѣ только одинъ элементъ силы—элементъ полицейскій, забывъ вовсе, что въ кругу, въ которомъ оно дѣйствуетъ, есть еще очень важный элементъ силы—элементъ нравственный. Кажется, оно рѣшилось совсѣмъ ни въ какомъ случаѣ не признавать значенія силы мыслительной и силы нравственной.

Самое грубое ослѣпленіе, недостойное не только государственнаго человѣка, но даже обыкновеннаго чиновника—думать, что въ наше время можно управлять посредствомъ однихъ полицейскихъ мѣръ, циркуляровъ, запрещеній и тому подобнаго

Управленіе рѣшилось дѣйствовать совершенно наперекоръ величайшаго изъ властителей земныхъ—духа времени, который неотразимо требуетъ свободы мысли и слова. Эта уступка, которую ему необходимо сдѣлать, если не хочешь допустить опять самаго гибельнаго своеволія и злоупотребленій мысли и слова впослѣдствіи, когда всетаки придется снова ослабить

натянутыя возжи. Валуевъ человѣкъ не безъ ума, но съ ногъ до головы бюрократъ, который понимаетъ государственныя дѣла не иначе, какъ канцелярскія отношенія и рапорты, хотя и говоритъ иногда пышно и кудряво. — Валуевъ сдѣлаетъ то, чего само общество, можетъ быть, и не сдѣлало-бы: онъ приведетъ его къ полнѣйшей вѣрѣ, что ничему вѣрить нельзя.

Управленіе не понимаетъ различія въ печати между свободою мысли реальною и логическою. Оттого оно подъ одинаковый гнетъ кладетъ и какую нибудь газетную статью и ученую книгу.

Теперь Валуевъ думаетъ, что онъ принялъ важную мѣру, перемѣнивъ (Мих. Пав.) Щербинина на (Мих. Ник.) Похвиснева, т. е. замѣнивъ чиновника одряхлѣвшаго чиновникомъ помоложе.

5. Понедѣльникъ. Обѣдалъ у (Аѳ. Ѳед.) Бычкова. Тамъ были члены нашего отдѣленія и Погодинъ. Погодинъ прочиталъ послѣ обѣда отрывокъ изъ описанія своего послѣдняго пребыванія заграницею, гдѣ разсказываетъ свою встрѣчу въ Монтре съ Герценомъ. Погодинъ совѣтывалъ ему раскаяться и возвратиться въ Россію.

6. Вторникъ. Третье предостереженіе „Голосу“ и пріостановка его на два мѣсяца за статью въ № 318 о полиціи. См. „Сѣверная почта“ № 261.

8. Четвергъ. Сегодня въ засѣданіи (академіи наукъ) былъ и Погодинъ. Ничего особеннаго. Говорили и судили, какъ обыкновенно, съ большою важностью.

О Милютинѣ (Николаѣ) все дурные слухи. Ему лучше, но нѣтъ никакой надежды на то, чтобы онъ могъ опять заняться дѣлами.

(Графъ Эд. Троф.) Барановъ въ своей рѣчи въ Вильно сказалъ, что напрасно нѣкоторые злонамѣренные люди стараются распространить мысль объ измѣненіи системы въ управленіи польскими дѣлами. Ничего не измѣнится и всѣ прежнія предначертанія будутъ выполнены. Странное дѣло! Система не перемѣнится, а перемѣнили людей, которые способны были ее выполнять, и замѣнили ихъ людьми совершенно на то неспособными, какъ будто системы создаютъ людей, а не люди системы.

Когда правительство допустило разъ извѣстную мѣру свободы

мысли и слова, то возвращаться назадъ уже нельзя. Надо допустить и признать эту свободу, какъ новый элементъ, подобно тому, какъ признаютъ и допускаютъ необходимость разныхъ измѣненій общественныхъ и административныхъ. На нѣкоторыя злоупотребленія печатнаго слова надо уже смотрѣть, какъ на необходимое зло. Злоупотребленія эти правительства не желаетъ оставлять безъ взысканія — хорошо: но что считать за злоупотребленіе? Въ этомъ оно должно непремѣнно умѣрить до послѣдней крайности свою щекотливость и притязательность. Вообще правительство не должно показывать, что оно въ печатномъ словѣ видитъ своего личнаго врага, какъ то дѣлаетъ нынѣшнее управленіе по дѣламъ печати. Вообще, на это дѣло нельзя смотрѣть полицейскими глазами.

9. Пятница. Въ общемъ собраніи академіи (наукъ) президентъ (Литке) предложилъ выбрать въ почетные члены министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстаго, Димитрія Алексѣевича Милютина, Валуева и министра Зеленаго. Выбраны два первые. У графа Толстаго было только три отрицательныхъ голоса, у Милютина два. Но когда дѣло дошло до Валуева, то оказалось, что ему накидали черныхъ шаровъ, и избраніе не состоялось. Этимъ былъ очень огорченъ президентъ. Но онъ самъ виноватъ. Не слѣдуетъ предлагать нѣкоторыхъ лицъ, не удостовѣрившись прежде въ успѣхѣ и не посовѣтовавшись съ нѣкоторыми знающими людьми. Я предлагалъ было раздѣлить выборъ такъ, чтобы двое были избраны теперь, а другіе двое оставлены хоть до слѣдующаго года. Президентъ не согласился и потерпѣлъ пораженіе. Зеленаго онъ уже не хотѣлъ баллотировать. Чему, однако, приписать эту неудачу относительно Валуева, когда академія прежде такъ снисходительно раздавала свои дипломы на званіе почетныхъ членовъ? Я думаю, роли, какую Валуевъ принялъ на себя въ отношеніи къ печати. Академія—естественная покровительница печати въ ея высшемъ значеніи, и она, вѣрно, хотѣла этимъ выразить свое несочувствіе лицу, которое доселѣ выказало себя въ дѣлахъ печати только преслѣдованіями. Вообще, Валуевъ не пользуется сочувствіемъ общества. Немного друзей пріобрѣлъ ему, между прочимъ, и знаменитый циркуляръ губернаторамъ.

10. Суббота. Погодинъ, кажется, на меня гнѣвается. За

что?—постигнуть не могу. За то развѣ, что говоря въ статьѣ моей объ Іоаннѣ Грозномъ графа А. К. Толстаго, о нынѣшнихъ русскихъ писателяхъ, наслѣдовавшихъ языкъ Карамзина, т. е. о Гончаровѣ, Тургеневѣ, Майковѣ, я не упомянулъ о немъ? Неужели за то? Да вѣдь это просто было-бы нелѣпо: къ числу достоинствъ Погодина не принадлежитъ-же художественно-обработанный изящный языкъ. Никто не считаетъ его языкъ образцовымъ. Да притомъ у меня дѣло шло о поэтахъ — какой-же онъ поэтъ? Правда, онъ писалъ повѣсти, трагедіи и т. п., но вѣдь не въ этомъ его спеціальность и заслуга.—Онъ обѣщался пріѣхать ко мнѣ въ прошедшее воскресенье, но я напрасно прождалъ его: онъ не пожаловалъ. На обѣдѣ у Аѳ. Ѳед. Бычкова Погодинъ былъ со мною вѣжливъ, но сухъ и холоденъ. Что-же дѣлать? Богъ съ нимъ! На наши мелкія самолюбія не напасешься осторожности.

11. Воскресенье. Обѣдалъ у графа Дм. Анд. Толстаго, министра. Тамъ, между прочимъ, находился и московскій *. Онъ смотритъ такимъ великимъ человѣкомъ, что къ нему и подойти страшно. Въ величественномъ видѣ онъ уступаетъ развѣ только швейцару княгини Бѣлосельской, что стоитъ у подъѣзда ея дома и обозрѣваетъ мимо проходящихъ, какъ величественнѣйшій изъ нашихъ сановниковъ. А было время, когда всѣ эти С., П., К. расточали мнѣ сладчайшія любезности. Ну, да это было тогда, когда я былъ въ силѣ по нашему министерству. Это и понятно и законно. А всетаки удивительные педанты эти москвичи! Сдѣлавъ что-нибудь полезное, они уже требуютъ чуть ни божескаго поклоненія и отвергаютъ малѣйшую возможность чужихъ достоинствъ и заслугъ. Это и мелко и смѣшно.

По городу уже пошли слухи о неизбраніи Валуева въ почетные члены академіи (наукъ). Всѣ одобряютъ академію. Говорятъ: хороша была-бы академія, еслибъ сдѣлала своимъ членомъ врага и притѣснителя печати.

13. Вторникъ. Что-же дѣлать, если наши современные романисты и поэты лучше владѣютъ языкомъ, чѣмъ историки?

14. Среда. Надъ „Московскими Вѣдомостями" виситъ Дамокловъ мечъ. Надняхъ Валуевъ, по высочайшему повелѣнію, внесъ въ комитетъ министровъ записку о всѣхъ противуправительственныхъ статьяхъ, въ разное время напечатанныхъ въ

„Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Когда члены комитета, выслушавъ записку, спросили: съ какою же цѣлью она внесена въ комитетъ— не для принятія-ли какой-нибудь мѣры? Валуевъ отвѣчалъ, что она внесена въ комитетъ согласно высочайшей волѣ, а что касается до мѣры или до мѣръ, то онѣ будутъ приняты администраціей. Непостижимое ослѣпленіе „Московскихъ Вѣдомостей“: онѣ, кажется, на что-то положились, чему-то повѣрили, забывъ, что у насъ кажущееся надежнымъ и вѣрнымъ поутру можетъ совершенно измѣниться къ вечеру того-же дня.

Краевскому оказано снисхожденіе: онъ подверженъ вмѣсто гауптвахты или съѣзжей домашнему аресту—всетаки на два мѣсяца.

17. Суббота. Слишкомъ хорошихъ вещей желать не должно: съ ними скоро изнѣживаешься и теряешь способность сносить все дурное, чѣмъ такъ обильна жизнь.

22. Четвергъ. Калужскій губернаторъ представилъ высшему начальству, что необходимо выслать куда-нибудь изъ Калуги тамошняго не то предсѣдателя, не то члена гражданской палаты за его неблагонадежность, въ случаѣ могущаго послѣдовать въ Калужской губерніи возмущенія. Такъ возбудительно дѣйствуетъ на губернаторовъ знаменитый циркуляръ Валуева.

Кстати о Валуевѣ: онъ недавно одному моему знакомому утверждалъ, что нѣтъ у печати защитника болѣе ревностнаго, чѣмъ онъ!

23. Пятница. По мѣрѣ того, какъ мы изучаемъ природу, какъ углубляемся въ безконечное теченіе вѣковъ и видимъ страшные перевороты, испытываемые землею въ этомъ неизсякаемомъ потокѣ временъ — человѣкъ, его значеніе и судьба кажутся все мельче, ничтожнѣе и безотраднѣе.

29. Четвергъ. Годичный актъ въ академіи (наукъ). Читалъ отчетъ по второму отдѣленію. Прочиталъ дурно, мѣстами плохо разбирая свою руку. Разумѣется, это глупо. Послѣ академіи обѣдъ у Донона за шесть рублей съ человѣка. Тутъ вмѣстѣ съ потоками вина лились изъявленія взаимной дружбы, единодушія и проч. Беръ говорилъ рѣчь о единодушіи. Превосходный ученый, прекрасный человѣкъ, юный старикъ! Въ немъ есть философія, поэзія, жизнь...... Секретарь упрекнулъ меня за то,

что въ моемъ отчетѣ я сказалъ, что у насъ въ данный моментъ нѣтъ первоклассныхъ талантовъ ни въ наукѣ, ни въ литературѣ— а вотъ Беръ! Я вовсе не забылъ о Берахъ, но они принадлежатъ прошедшему. Я еще буду имѣть съ Веселовскимъ объясненіе по этому поводу.

31. Суббота. Лучше не давать ничего, чѣмъ давши, брать назадъ.

Конецъ 1866 г.

А. В. Никитенко.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ВЪ ЮЖНО-УССУРІЙСКОМЪ КРАѢ И НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ

воспоминанія доктора В. С. Плаксина

1868 г.

I.

Ноября 19-го 1867 г. состоялся высочайшій приказъ о назначеніи меня дивизіоннымъ докторомъ войскъ Приморской области Восточной Сибири, куда я выѣхалъ изъ Петербурга 30-го ноября и прибылъ въ г. Николаевскъ на Амурѣ 8-го февраля 1868 г., сдѣлавши путешествіе 10,125 верстъ. По прибытіи въ г. Николаевскъ, я, 19-го февраля, получилъ отъ командующаго войсками Приморской области предписаніе немедленно отправиться въ Уссурійскій пѣшій казачій баталіонъ,—это еще полторы тысячи верстъ назадъ,—для принятія мѣръ къ прекращенію возвратной горячки, появившейся между рекрутами, слѣдовавшими въ Приморскую область на укомплектованіе войскъ и, по случаю прекращенія навигаціи по Амуру и Уссури, задержанными въ Хабаровкѣ до открытія навигаціи,—и отсюда распространившейся на ближайшія станицы Уссурійскаго казачьяго населенія. Кромѣ того, въ предписаніи было сказано: „обратить особенное вниманіе на экономическій бытъ Уссурійскихъ казаковъ и изыскать средства къ улучшенію ихъ быта“. Съ первою задачею справиться было не мудрено—дѣло знакомое; но надъ второю задачею, совсѣмъ мнѣ незнакомою, пришлось призадуматься. Однакожъ, познакомившись во всѣхъ подробностяхъ съ бытомъ Уссурійскаго казачьяго населенія, расположен-

наго на правомъ берегу р. Уссури, на протяженіи 554-хъ верстъ, кончая станицею Буссе [1]),—оказалась по силамъ и вторая задача. Здѣсь, для поднятія экономическаго быта Уссурійскихъ казаковъ, мною рекомендованы были, главнымъ образомъ, двѣ мѣры: 1) сложеніе съ казаковъ 62,000 руб. казеннаго долга, лежавшаго на плечахъ ихъ тяжелымъ гнетомъ, и 2) предоставленіе желающимъ права свободнаго переселенія на берега рѣкъ, впадающихъ въ Уссури (Кій, Хоръ, Бикинъ и Има̀), на имѣющіяся тамъ удобныя мѣста для хлѣбопашества, такъ какъ нѣкоторыя станицы были расположены на мѣстахъ, неудобныхъ для этого.

Первая мѣра, т. е. сложеніе съ казаковъ долга, была вскорѣ принята, а вторая осуществилась только въ 1879 г., въ которомъ была переселена цѣлая половина Уссурійскаго казачьяго населенія въ Южно-Уссурійскій край, съ которымъ я не былъ еще знакомъ, когда писалъ отчетъ губернатору Приморской области о возложенномъ на меня порученіи, а то я, конечно, указалъ-бы на этотъ край, какъ на наилучшій для переселенія нѣкоторыхъ станицъ съ Уссури [2]). Отчетъ этотъ былъ мною составленъ въ ст. Буссе,—гдѣ я прожилъ съ 13-го марта по 4-е мая 1868 г.,—и былъ представленъ губернатору въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года въ Владивостокѣ, куда съѣхались одновременно: генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, губернаторъ Приморской области, начальникъ штаба управленія войскъ той же области, окружный интендантъ и нѣсколько штабъ- и оберъ-офицеровъ,—послѣ побѣды, одержанной нами надъ китайцами, вторгшимися въ Южно-Уссурійскій край, съ цѣлію перерѣзать всѣхъ русскихъ и манзъ [3]), которые будутъ держать сторону русскихъ. Такъ значилось на ихъ знаменахъ.

Я не могу отказать себѣ въ желаніи познакомить читателей съ

---

[1]) Выше на 24 версты лежитъ послѣдняя станица (Маркова), на берегу р. Сунгачи (истокъ оз. „Ханка“). Лѣвый берегъ Уссури и Сунгачи китайскій

[2]) По моему мнѣнію, необходимо заселить и вышеупомянутыя мѣстности въ виду близости китайской границы.

[3]) Манзы, живущіе въ Приморской области, тѣ-же китайцы, сосланные китайскимъ правительствомъ за разные проступки на Амуръ, который до присоединенія его къ нашимъ владѣніямъ, служилъ у китайцевъ мѣстомъ ссылки. Сюда же направлялись и бѣглые китайцы, въ чемъ либо провинившіеся, спасаясь отъ преслѣдованія по закону, а также бродяги—что по китайски значитъ „манзъ“. Этихъ-то манзовъ въ 1868 г. считалось въ Приморской области до 10,000 человѣкъ и ни одной женщины при нихъ, такъ какъ женщинъ въ Китаѣ въ ссылку не отправляютъ.

В. П.

вторженіемъ китайцевъ въ Южно-Уссурійскій край въ 1868 г., повлекшимъ за собою большія перемѣны въ управленіи Приамурскимъ и При-Уссурійскимъ краемъ.

Въ 1867 г. одинъ изъ нашихъ купцовъ, занимавшійся добываніемъ морской капусты для продажи китайцамъ, плывя возлѣ острова Аскольда (въ Японскомъ морѣ), лежащаго въ 50-ти миляхъ отъ Владивостока къ сѣверу и въ 5-ти миляхъ отъ материка, замѣтилъ на этомъ островѣ китайцевъ и сообщилъ объ этомъ завѣдывавшему Владивостокскимъ портомъ лейтенанту Этолину, который тотчасъ же отправился на шкунѣ „Алеутъ" на означенный островъ, и нашелъ тамъ человѣкъ до 200 китайцевъ, занимавшихся добываніемъ золота. Такъ какъ островъ этотъ принадлежитъ намъ, то Этолинъ попросилъ китайцевъ удалиться съ онаго и впредь не забираться въ чужія владѣнія. Китайцы тотчасъ же удалились съ острова. Но въ слѣдующемъ году они явились опять на тотъ-же островъ, въ числѣ человѣкъ около 500, уже вооруженные. Когда объ этомъ дано было знать Этолину съ военнаго поста „Стрѣлокъ", находящагося на материкѣ въ миляхъ 6-ти отъ острова, то Этолинъ снова отправился на Аскольдъ и, высадившись на берегъ съ 11-ю матросами, двумя офицерами и портовымъ врачемъ, повторилъ то-же требованіе, но въ этотъ разъ встрѣтилъ сопротивленіе со стороны китайцевъ, которые начали стрѣлять и убили 3-хъ матросовъ, въ томъ числѣ боцмана, и ранили остальныхъ 8 матросовъ и одного офицера и, кромѣ того, контузили врача камнемъ въ голову [1]). Тогда Этолинъ поспѣшилъ съ своею командою отретироваться на свою шкуну на шлюпкахъ, которыя какъ только отчалили отъ берега, то со шкуны сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ картечью по китайцамъ, и они разсыпались по острову. Такъ какъ на шкунѣ не было достаточно угля, то Этолинъ долженъ былъ вернуться въ Владивостокъ, чтобы запастись углемъ, и на другой день отправиться для блокады острова. Но передъ отплытіемъ оставилъ у острова баркасъ съ матросами и двумя офицерами, при двухъ горныхъ орудіяхъ, снятыхъ съ поста „Стрѣлокъ", съ приказаніемъ уничтожить всѣ китайскія лодки, стоявшія у берега острова, что и было исполнено. Затѣмъ къ вечеру разразилась сильная буря съ проливнымъ дождемъ, продолжавшаяся всю ночь. Когда-же шкуна на другой день пришла къ острову и обогнула его со всѣхъ сторонъ, то на островѣ незамѣтно было никакого признака присутствія китайцевъ, и по тщательномъ осмотрѣ

[1]) Врачъ этотъ, молодой человѣкъ, черезъ 6 мѣсяцевъ сошелъ съ ума.

В. П.

острова, на немъ не оказалось ни одного китайца, какъ будто всѣ они провалились сквозь землю. Но они не провалились, а были перевезены съ острова на материкъ манзами, живущими на берегу моря противъ острова. Тогда-то они и показали себя съ большею еще дерзостію, а именно: разграбили и сожгли нашу деревню, находившуюся при рѣкѣ Сучанѣ, по близости помянутаго острова. Здѣсь они вырѣзали груди у 17-тилѣтней дѣвушки и потомъ убили ее. Затѣмъ на утренней зарѣ напали на постъ Стрѣлокъ, гдѣ было 20 рядовыхъ при унтеръ-офицерѣ, 1 матросъ и фельдшеръ. Здѣсь китайцы убили двухъ часовыхъ, повѣсили матроса на деревѣ головою внизъ [1]) и разрубили фельдшера по частямъ; потомъ сожгли казармы. Остальные же солдаты наши, не вступая въ бой съ китайцами, бѣжали во Владивостокъ. Это было въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Послѣ этого о китайцахъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца не было ни слуху ни духу. Я въ это время находился въ ст. Буссе, откуда выѣхалъ въ Южно-Уссурійскій край 4-го мая, для инспекціи военно-врачебныхъ учрежденій. Желая ближе познакомиться съ этимъ интереснымъ краемъ, я не поѣхалъ на пароходѣ по рѣкѣ Сунгачѣ и озеру Ханка въ „Камень-Рыболовъ“, гдѣ расположенъ былъ 3-й Восточно-Сибирскій линейный баталіонъ, хотя путь этотъ былъ самый удобный [2]) и пароходъ долженъ былъ прибыть въ ст. Буссе 7-го мая, а поѣхалъ вьючнымъ трактомъ по телеграфной линіи, проложенной отъ города Николаевска до Владивостока черезъ ст. Буссе. Путешествіе это я совершилъ въ сообществѣ одного офицера, которому было поручено осмотрѣть телеграфную линію. Признаться сказать, путь этотъ предстоялъ не особенно легкій, но мнѣ крайне хотѣлось познакомиться съ этимъ краемъ въ бо̀льшихъ размѣрахъ, чтобы имѣть понятіе о томъ, насколько онъ удобенъ для заселенія. Изъ ст. Буссе мы проѣхали вверхъ по Уссури 50 верстъ на маленькомъ пароходѣ телеграфнаго вѣдомства, а потомъ двигались уже то верхомъ, то пѣшкомъ черезъ хребты горъ, черезъ топкія пади и, мѣстами, черезъ роскошныя долины. На пути этомъ мы, кромѣ почтовыхъ станцій—одинокихъ, бѣдныхъ и жалкихъ, съ двумя при нихъ ямщиками-солдатами, проѣхали

[1]) Матросъ этотъ, по уходѣ китайцевъ, ухитрился развязать веревку и упалъ головою на землю. Впослѣдствіи онъ сошелъ съ ума.

[2]) Впослѣдствіи, въ одну изъ поѣздокъ во Владивостокъ чрезъ озеро Ханка, мнѣ пришлось убѣдиться, что современемъ путь этотъ окажется не только неудобнымъ, но и невозможнымъ по причинѣ постепеннаго обмеленія этого озера: пароходъ, мелко сидящій, пришлось передвигать около полуверсты на лебедкѣ, завозя якорь впередъ. Это было при входѣ въ озеро.

В. П.

двѣ нашихъ деревни: „Сысоево", 10 дворовъ, и „Романово", 4 двора, а потомъ стали попадаться намъ манзовскія фанзы [1]) по 2 и по 3 вмѣстѣ, съ огородами и полями, засѣянными будою (мелкое просо) и обработанными съ неподражаемымъ искусствомъ и терпѣніемъ. Заѣхавши въ одну изъ фанзъ, мы были нѣсколько встревожены словами манзъ: бутунда! хунхузы! (худо! разбойники!), при чемъ одинъ изъ манзовъ, понимающій немного русскій языкъ, передалъ намъ, что двѣ недѣли уже какъ ихъ работники-китайцы, приходящіе къ нимъ изъ Китая для лѣтнихъ работъ, постепенно оставляютъ ихъ хозяевъ и бѣгутъ хребтами по направленію къ Владивостоку (а такихъ работниковъ, по словамъ манзовъ, приходитъ къ нимъ каждое лѣто тысячъ до 30-ти),—и что тамъ началась уже рѣзня. Слышать такія вѣсти было не особенно пріятно, такъ какъ и мы двигались по тому-же направленію. Но съ нами, слава Богу, не приключилось никакой бѣды, и мы благополучно добрались до станціи „Суйфунской", отъ которой идутъ двѣ дороги—одна въ Владивостокъ, а другая въ Камень-Рыболовъ. На эту станцію мы прибыли 12-го мая утромъ, а отсюда того-жъ числа проѣхали селеніе „Никольское" и 13-го мая были уже въ Камнѣ-Рыболовѣ, ѣхавши по телѣжной дорогѣ, единственной въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, проложенной отъ Камня-Рыболова до поста „Раздольнаго", на протяженіи 137 верстъ. 16-го мая вечеромъ прибѣжали въ Камень-Рыболовъ жители сел. Никольскаго, сожженнаго и разграбленнаго китайцами 15-го мая на утренней зарѣ. Въ это-же утро были сожжены Суйфунская станція и Суйфунская деревня, 5 дворовъ, лежащая между этою станціею и сел. Никольскимъ.

25-го мая прибылъ въ Камень-Рыболовъ командиръ Уссурійскаго пѣшаго казачьяго баталіона съ 75-ю казаками, которому предписана было сформировать отрядъ изъ людей 3-го линейнаго баталіона въ Камнѣ-Рыболовѣ, и немедленно идти по дорогѣ къ сел. Никольскому. Сформированный изъ отборныхъ людей, отрядъ, имѣя 238 человѣкъ, выступилъ въ походъ 26-го мая. Къ этому отряду и я примкнулъ въ качествѣ волонтера, но не врача, такъ какъ при отрядѣ состоялъ врачъ 3-го баталіона. Пройдя 65 верстъ, отрядный начальникъ, обращаясь къ намъ, офицерамъ, сказалъ, что „я не думаю идти прямо на Никольское, а дойдя до хребта [1]), мы повернемъ къ рѣкѣ „Суйфуну" по манзовской тропѣ, оставивъ дорогу и

[1]) Манзовскія фанзы разбросаны по всему Южно-Уссурійскому краю.

В. П.

хребетъ съ лѣвой стороны,—тамъ мы всего вѣрнѣе столкнемся съ непріятелемъ;—а потому повозки оставимъ здѣсь, провіантъ же съ походными котелками навьючимъ на имѣющихся при отрядѣ лошадей". Планъ этотъ крайне не понравился мнѣ, такъ какъ единственная телѣжная дорога, идущая отъ Камня-Рыболова до поста Раздольнаго [1]) черезъ сел. Никольское, осталась-бы такимъ образомъ открытою; но я ничего не сказалъ противъ этого,—чтобы не натолкнуться на непріятность, въ виду враждебнаго отношенія ко мнѣ начальника отряда, который видѣлъ во мнѣ своего врага, (и, надо сказать, что онъ не ошибался въ этомъ, такъ какъ, по моему предложенію, былъ вскорѣ отрѣшенъ отъ командованія Уссурійскимъ казачьимъ баталіономъ за черезъ-чуръ своевольное управленіе онымъ и назначенъ былъ командиромъ 3-го линейнаго баталіона),—и я за лучшее счелъ удалиться изъ этого отряда и добраться, если будетъ возможно, до главнаго нашего отряда, при которомъ находился самъ командующій войсками Южно-Уссурійскаго края. Случай былъ удобный: при отрядѣ ѣхалъ телеграфный механикъ съ двумя сигналистами и съ телеграфными принадлежностями; ѣхалъ онъ въ постъ Раздольный. Узнавши, что отрядъ не пойдетъ на Никольское, онъ поспѣшилъ отправиться впередъ. Съ нимъ пошли: 12 молодыхъ крестьянъ сел. Никольскаго [2]) посмотрѣть на пепелище родного селенія, два извозчика и деньщикъ инженернаго офицера, оставшагося при отрядѣ,—съ ними и я пошелъ. Это было 28-го мая. Пройдя 20 верстъ до вышеупомянутаго хребта, мы здѣсь расположились отдохнуть на мосту, построенномъ на ручьѣ. Спустя полчаса времени, замѣтили мы вдали, верстахъ въ 4-хъ, какую-то движущуюся массу съ такой стороны, съ которой, по моимъ соображеніямъ, не могъ слѣдовать ни одинъ изъ нашихъ отрядовъ; слѣдовательно, разсудилъ я, это долженъ быть отрядъ непріятельскій, который шелъ по манзовской тропѣ, идущей со стороны р. Лефу къ рѣкѣ Суйфуну черезъ мостъ, на которомъ мы отдыхали (по

---

[1]) Хребетъ этотъ, покрытый хвойнымъ и лиственнымъ лѣсомъ, имѣетъ протяженіе 5 верстъ въ длину и столько-же въ ширину, и лежитъ въ 10-ти верстахъ отъ сел. Никольскаго. По ту сторону хребта находилась въ то время почтовая станція, подъ названіемъ „Дубининская", нынѣ-же она перенесена на другую сторону хребта, въ направленіи къ Камню-Рыболову.

[2]) Постъ Раздольный находится въ 62 верстахъ отъ Владивостока и въ 27 верстахъ отъ сел. Никольскаго. Отъ него проведены двѣ телеграфныя линіи—одна до Владивостока, а другая до „Посьета", находящагося въ 50 верстахъ отъ г. Хунъ-Чуна (китайскаго города).

[3]) Крестьяне эти стрѣлять умѣли, такъ какъ всѣ были охотники.

В. П.

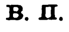
этой-то тропѣ и хотѣлъ идти нашъ отрядный начальникъ, дойдя до хребта); а потому я попросилъ моихъ спутниковъ взобраться на хребетъ, чтобы оттуда изъ-за деревьевъ наблюдать за непріятельскимъ отрядомъ,—и если онъ пойдетъ мимо насъ, думалъ я, то напасть на него. Надо сказать, что всѣ мы были вооружены: у меня были—двуствольная 5-линейная винтовка, двуствольное охотничье ружье и револьверъ; у механика хорошій штуцеръ и двуствольное ружье, а у сигналистовъ и крестьянъ 7-линейныя винтовки. У всѣхъ у насъ было достаточное количество патроновъ. Но китайцы, должно быть, и насъ тоже замѣтили, такъ какъ они не пошли по означенной тропѣ, а свернули въ сторону къ рѣчкѣ, возлѣ которой имѣется въ одномъ мѣстѣ порядочный кустарникъ съ нѣсколькими большими деревьями; въ этомъ кустарникѣ они и залегли. Взглянувъ на часы и видя, что только еще 5 часовъ пополудни, я обратился къ моимъ спутникамъ, преимущественно къ крестьянамъ сел. Никольскаго, съ рѣчью: „Ребята! китайцы лишили васъ крова, разграбили ваше имущество, отняли у васъ весь скотъ и убили нѣкоторыхъ вашихъ сродниковъ (убито было 6 человѣкъ и живая сожжена была дѣвочка $2^1/_2$ лѣтъ, которая не могла убѣжать за матерью, несшею груднаго ребенка на рукахъ), желаете-ли вы отомстить имъ?“—„желаемъ—отвѣтили они!“—„Въ такомъ случаѣ нападемъ на ихъ отрядъ, засѣвшій въ кустарникѣ, сказалъ я. Согласны-ли вы?“—„Согласны!“ Тогда я приказалъ 5-ти человѣкамъ сѣсть на лошадей, которыя успѣли отдохнуть и поѣсть, и окружить кустарникъ съ правой стороны, именно съ той, откуда китайскій отрядъ шелъ, чтобы отрѣзать ему отступленіе; 9-ти человѣкамъ приказалъ обойти кустарникъ слѣва и сзади; одного оставилъ при обозѣ; а самъ съ механикомъ, однимъ крестьяниномъ и казеннымъ деньщикомъ направился къ кустарнику съ фронта. Когда мои молодцы приблизились къ кустарнику и стали стрѣлять, не видя впрочемъ никого, то черезъ полчаса вышли изъ кустарника 6 китайцевъ и, поднявъ руки кверху, просили пощады, при чемъ, указывая на кустарникъ, поднимали два пальца. Я тотчасъ приказалъ прекратить пальбу и перевязать ихъ. У нихъ оказалось 8 отличныхъ быковъ, въ родѣ тирольскихъ, и 3 лошади. Всѣ эти животныя были уже развьючены, за исключеніемъ одного быка, на которомъ былъ провіантъ и порядочнаго объема котелокъ. Быковъ и лошадей мы забрали съ собой и съ плѣнными отправились на Дубининскую станцію, лежавшую, какъ выше сказано, по другую сторону хребта—въ сторонѣ отъ дороги, на разстояніи около версты, возлѣ рѣчки Таидогу. Мужички мои хотѣли было наброситься на китайскіе вьюки, оставшіеся

въ кустарникѣ; но такъ какъ была уже ночь, а операція эта потребовала-бы много времени, то я не дозволилъ имъ этого и успокоилъ тѣмъ, что они за вещами могутъ съѣздить завтра утромъ на лошадяхъ. Замѣчательно, что эти китайцы, имѣя штуцера, не стрѣляли въ насъ, тогда какъ имъ, подъ прикрытіемъ кустарника, стоило только уложить насъ четверыхъ, подошедшихъ къ кустарнику шаговъ на 20, и побѣда была-бы за ними, такъ какъ остальные мои молодцы, держась поодаль, навѣрное, дали-бы тягу, полагая, что мы наткнулись на порядочный отрядъ,—какъ это и казалось издали, при движеніи навьюченныхъ 8-ми быковъ и 3-хъ лошадей, и при нихъ 8-ми человѣкъ (двое къ намъ не вышли), двигавшихся цугомъ, по обыкновенію китайцевъ, такъ что вся эта масса занимала собою довольно порядочное пространство. По нѣкоторымъ вещамъ, найденнымъ у этихъ китайцевъ и принадлежавшимъ Никольскимъ крестьянамъ, а также по ихъ сознанію, оказалось, что это былъ отрядъ, посланный главнымъ отрядомъ на рекогносцировку. А чтобы замаскировать назначеніе этого отряда, ему даны были отнятые у манзъ быки и лошади съ вьюками, для того, чтобы, при встрѣчѣ съ русскими отрядами, китайскій отрядъ былъ принятъ за мирныхъ манзъ, живущихъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ [1]). Оружіе-же ихъ было запрятано подъ вьюками на быкахъ. На станцію мы пришли въ 12 часовъ ночи, гдѣ я распорядился накормить плѣнныхъ, ихъ-же провизіей.

На другой день, 29-го мая, утромъ, часовъ въ 7, послалъ я пять человѣкъ верхомъ за китайскими вещами, оставленными на мѣстѣ вчерашняго происшествія, чтобы они забрали, что имъ было нужно. Спустя часъ времени, одинъ изъ посланныхъ со страхомъ прискакалъ назадъ и объявилъ, что, проѣхавши хребетъ, они увидали на томъ мѣстѣ, гдѣ мы вчера напали на китайцевъ, большущій непріятельскій отрядъ, и товарищи послали его сказать мнѣ объ этомъ, а сами остались посмотрѣть, куда направится этотъ отрядъ. Спустя еще часъ, прискакалъ другой съ извѣстіемъ, что это нашъ отрядъ, отъ котораго мы отдѣлились, что онъ въ томъ-же кустарникѣ забралъ еще двухъ китайцевъ, что отрядъ расположился за хребтомъ около моста и варитъ себѣ обѣдъ и что начальникъ отряда проситъ прислать къ нему плѣнныхъ китайцевъ.

Отправивъ плѣнныхъ, при надежномъ конвоѣ, подъ командою телеграфнаго механика, самъ я, съ 7-ю крестьянами и съ офицерскимъ

[1]) Живущіе у насъ манзы обыкновенно ѣздятъ на быкахъ, и весьма немногіе имѣютъ лошадей; на быкахъ-же они перевозятъ и тяжести.

В. П.

деньщикомъ остался на станціи. Вскорѣ со стороны с. Никольскаго мы замѣтили шедшій къ намъ большой отрядъ, человѣкъ около 600, впереди котораго ѣхали 16 человѣкъ верхомъ, на разстояніи около версты отъ пѣхоты. Сначала я было обрадовался, полагая, что это нашъ главный отрядъ, къ которому я и стремился; но какъ только верховые подъѣхали на такое разстояніе, что можно было опредѣлить, что это отрядъ не нашъ, а китайскій, то мои молодцы стремглавъ бросились бѣжать черезъ рѣчку, протекающую возлѣ станціи и огибающую съ одной стороны хребетъ, такъ что я успѣлъ только скомандовать: „садись кто-нибудь на лошадь и скачи къ нашему отряду!“ Къ счастью, моя команда вразумила одного, именно деньщика, вскочить на лошадь и поскакать по тропѣ, проложенной по берегу рѣчки и выходившей на противоположную сторону хребта. Оставшись на станціи съ однимъ только вѣрнымъ другомъ, охотничьею собакою, мнѣ то-же ничего болѣе не оставалось дѣлать въ виду непріятеля, какъ также бѣжать за рѣчку. Захвативъ съ собою винтовку, ружье, револьверъ и сумку съ 100 патронами, я, поднявши вверхъ полушубокъ, который некогда было снять, перебрался на другую сторону рѣчки и хотѣлъ было бѣжать въ хребты, виднѣвшіеся вдали, куда побѣжала армія моя; но съ такою тяжестью, какая была на мнѣ, въ длинныхъ сапогахъ, наполнившихся водою, и въ полушубкѣ,—а утро было жаркое,—я не много могъ пробѣжать, тѣмъ болѣе, что наканунѣ прошелъ пѣшкомъ верстъ 35; а потому принужденъ былъ пойти медленнымъ шагомъ и то не по направленію къ хребтамъ, а вдоль рѣчки, окаймленной съ обѣихъ сторонъ густыми кустами. Пройдя съ версту, я догадался, наконецъ, облегчить себя снятіемъ полушубка, — и когда сталъ его снимать, то, оглянувшись, увидалъ на другой сторонѣ рѣчки 5 верховыхъ китайцевъ, шагахъ въ 120-ти отъ меня, на чистомъ мѣстѣ, гдѣ кустовъ съ обѣихъ сторонъ рѣчки не было. Китайцы, построившись, сдѣлали по мнѣ залпъ, а потомъ, быстро зарядивши штуцера,—и другой, но пули прожужжали мимо. Послѣ чего поскакали они вдоль рѣчки, вѣроятно, искать удобнаго мѣста для переправы на мою сторону; я же между тѣмъ, пройдя еще нѣсколько шаговъ, спустился къ рѣчкѣ и залегъ около самой воды,—тутъ-же у ногъ моихъ легла и моя собака. Спустя часъ времени, я услыхалъ выстрѣлы, между коими различилъ, по привычкѣ, выстрѣлы и изъ нашихъ винтовокъ. Изъ этого я заключилъ, что мой посланный благополучно добрался до нашего отряда. Послѣ чего, не смотря на мое безвыходное положеніе, мнѣ сдѣлалось въ высшей степени отрадно, что я исполнилъ свой гражданскій долгъ, направивши

нашъ отрядъ на непріятеля. Пальба съ обѣихъ сторонъ продолжалось съ 11-ти часовъ утра до 6-ти часовъ вечера. Затѣмъ выстрѣлы дѣлались все глуше и глуше и въ $7^1/_2$ час. совсѣмъ прекратились. Нашъ отрядъ выпустилъ 3,000 патроновъ, имѣя 238 человѣкъ, а китайцы стрѣляли еще чаще. У насъ былъ убитъ 1 казакъ и двое было раненыхъ—офицеръ и горнистъ. Сколько-же было убитыхъ и раненыхъ китайцевъ — осталось неизвѣстнымъ. Сраженіе происходило недалеко отъ станціи, въ лѣсу, на хребтѣ, и вблизи того мѣста, гдѣ я лежалъ. Я удивлялся, что такъ долго продолжается пальба съ обѣихъ сторонъ на одномъ мѣстѣ; но какъ только начальникъ отряда, по настоянію находившихся при немъ двухъ офицеровъ, скомандовалъ наступленіе, то китайцы тотчасъ-же обратились въ бѣгство. Въ это время, т. е. въ началѣ 7-го часа, собака моя, лежавшая ровно 8 часовъ смирно и не перемѣняя мѣста, начала потихоньку ворчать, глядя на меня, но звукомъ „цсс“ я заставилъ ее замолчать. Послѣ я узналъ, что китайцы, въ числѣ человѣкъ 150, перешли рѣчку на мою сторону,—ихъ-то и почуяла моя собака, но не выдала меня. Въ 9 часовъ, когда наступила ночь, я вышелъ изъ своего убѣжища и остановился въ раздумьѣ: куда идти? Въ хребты — попадемъ въ гости къ тигру; оставаться на мѣстѣ до утра—тигръ, чего добраго, пожалуетъ самъ ко мнѣ въ гости, желая полюбопытствовать, какая это тутъ происходила баталія и не найдется-ли послѣ нея лакомаго куска человѣческаго мяса; идти на станцію—неизвѣстно, за кѣмъ осталась она и притомъ можно наткнуться на китайцевъ, такъ какъ, по ворчанію собаки, я пришелъ къ заключенію, что тутъ возлѣ меня, вѣроятно, проходили китайцы. Думай, не думай, а идти куда-нибудь надо,— и я направился къ станціи тѣмъ-же путемъ, которымъ утромъ шелъ, пославъ собаку впередъ, но полушубка своего не нашелъ, оный кѣмъ-то уже былъ подобранъ. Идя къ станціи, я размышлялъ: если станція осталась за нами, то я спасенъ, а если около нея расположились китайцы, что̀ я, подойдя къ ней, могу узнать изъ ихъ разговора, не опасаясь быть ими замѣченнымъ, такъ какъ по сю сторону рѣчки, противъ станціи, имѣется густой кустарникъ, а разговоръ въ тихую ночь слышенъ далеко, — то, нечего дѣлать, придется уже направиться въ хребты и переночевать тамъ, а на завтра отправиться въ постъ Раздольный. Какова-же была моя радость, когда на полпути къ станціи я услыхалъ знакомый горнъ, на которомъ горнистъ игралъ зорю въ сторонѣ станціи. Тутъ я прибавилъ шагу и вскорѣ былъ между своими.

На другой день, 30-го мая, отрядный начальникъ, вмѣсто того,

чтобы преслѣдовать непріятеля по пятамъ, далъ своему отряду дневку, на которой поразилъ насъ своимъ поведеніемъ. Надо было похоронить убитаго казака, и пока дѣлали гробъ и копали могилу, развѣдочные казаки привели раненаго китайца,—раненъ онъ былъ штыкомъ въ голову и животъ. Надо сказать, что при отрядѣ находился молодой манзъ, Супутинъ (пріемышъ богатаго манза, жившаго въ полуверстѣ отъ с. Никольскаго, фанза котораго съ разными хозяйственными постройками и вѣтреной мельницей также была сожжена, а имущество съ многочисленнымъ рогатымъ скотомъ и лошадьми разграблено),—котораго отрядный начальникъ заставилъ распросить плѣннаго: куда направился отрядъ, при которомъ онъ состоялъ, и гдѣ находятся прочіе китайскіе отряды [1])? Не зная ни того, ни другаго, плѣнный ничего не могъ отвѣтить. Тогда отрядный начальникъ приказалъ принести щипцы, чтобы посредствомъ ихъ—накаленныхъ—развязать плѣнному языкъ. Не знаю откуда, но щипцы около аршина длины явились, и когда таковыя были положены на костеръ, то я, возмутившись этимъ поступкомъ, протестовалъ и отклонилъ предстоявшую пытку; но отъ смерти не могъ избавить этого плѣннаго, который былъ убитъ на похоронахъ казака. Это уже выходитъ по баши-бузукски.

Послѣ похоронъ казака начался дѣлежъ имущества, принадлежавшаго китайцамъ, которые при отступленіи побросали свои ранцы, каковыхъ набралось до 50-ти; въ нихъ оказались и вещи, награбленныя въ с. Никольскомъ. Кромѣ того, подобраны были нашимъ отрядомъ два знамени съ вышеприведеннымъ девизомъ и часть оружія. Это былъ, какъ надо полагать, главный непріятельскій отрядъ, который—не напади я съ телеграфнымъ механикомъ и никольскими крестьянами на развѣдочный китайскій отрядъ, и потомъ не направь на непріятельскій отрядъ нашего отряда—причинилъ-бы намъ много зла. Пользуясь тѣмъ, что нашъ отрядъ, свернувъ съ дороги въ сторону къ рѣкѣ Суйфуну, открылъ-бы свободный путь къ Камню-Рыболову, оставленному безъ всякой защиты,—гдѣ оставались только больные и слабые солдаты, да прибѣжавшіе изъ с. Никольскаго крестьяне, — китайскій отрядъ, добравшись безпрепятственно до Камня-Рыболова, забралъ-бы тамъ все имущество баталіона, порохъ, свинецъ и 2,000 новыхъ 5-ти-

[1]) Прочіе китайскіе отряды, которыхъ наши видали собравшимися у манзовскихъ фанзъ отъ 100 до 150-ти человѣкъ, — прятались въ хребтахъ и, конечно, всѣ они знали о каждомъ движеніи какъ своего главнаго отряда, такъ и нашихъ отрядовъ. Надо сказать, что китайцы превосходные пластуны и скороходы. Въ этомъ я лично убѣдился.

В. П.

линейныхъ винтовокъ, только что полученныхъ для 1-го и 3-го линейныхъ баталіоновъ. Затѣмъ, предавши огню всѣ казенныя и частныя постройки въ Камнѣ, Рыболовѣ, двинулся-бы къ своей границѣ, и по пути истребилъ-бы еще три нашихъ селенія, расположенныхъ на берегу оз. Ханка (52 двора) и скрылся-бы въ свои владѣнія. Все это онъ успѣлъ-бы продѣлать безпрепятственно и безнаказанно, такъ какъ всѣ наши отряды были у него за спиной и далеко [1]). На третій день, 31-го мая, нашъ отрядъ двинулся преслѣдовать непріятеля (вверхъ по Суйфуну), который, пользуясь нашею дневкою, отретировался въ свои владѣнія. Я, съ механикомъ и сигналистами, а также съ нѣсколькими крестьянами, отправился въ п. Раздольный.

Прибывши въ Раздольный, гдѣ была расположена стрѣлковая рота 3-го линейнаго баталіона и гдѣ имѣется телеграфная станція, я, узнавши, что командующій войсками Южно-Уссурійскаго края,—шедшій съ своимъ главнымъ отрядомъ по телеграфной линіи, по которой и я прошелъ отъ ст. Буссе, и имѣвшій при себѣ подвижной аппаратъ,—ведетъ разговоръ съ двумя ротными командирами, — пошелъ на станцію повѣдать ему, съ которымъ съ 20-го февраля я не видѣлся, что я нахожусь въ п. Раздольномъ. Долго мнѣ пришлось ждать очереди; разговоръ его съ ротными командирами продолжался часа два и закончился словами командующаго: „оба вы будете преданы военному суду". Послѣ чего я просилъ слова и, получивъ разрѣшеніе, телеграфировалъ, куда именно слѣдовало-бы направить наши отряды. Командующій войсками, надо сказать, человѣкъ горячій, и я, вмѣсто ожидаемаго отвѣта, „не суйтесь не въ свое дѣло", къ удивленію моему, получилъ слѣдующую телеграмму: „Радуюсь вашему пребыванію въ Раздольномъ, поручаю вамъ сформировать отрядъ и, подчинивъ себѣ окрестные отряды, дѣйствовать по вашему усмотрѣнію". Изъ этого я могъ заключить, что, вѣроятно, ему дано было знать, что я первый не побоялся столкнуться съ непріятелемъ.

Сформировавъ отрядъ въ Раздольномъ въ 80 человѣкъ и сдѣлавши необходимыя распоряженія относительно направленія двухъ

[1]) Какъ главный, такъ и прочіе китайскіе отряды, по всей вѣроятности, были сформированы на скорую руку, въ промежутокъ времени между числами 15-го апрѣля и 15-го мая, когда о китайцахъ, какъ выше сказано, не было ни слуху, ни духу. Въ это-же время, какъ надо полагать, прибыла къ нимъ изъ Китая и часть конницы, никѣмъ изъ нашихъ не замѣченная, а граница была въ то время открытая и по хребтамъ горъ можно было легко пробраться внутрь Южно-Уссурійскаго края, при помощи своихъ проводниковъ.
В. П.

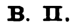

другихъ отрядовъ 1-го линейнаго баталіона и Новгородской постовой команды, я съ своимъ отрядомъ двинулся къ Никольскому. По прибытіи на Никольское пепелище и расположившись здѣсь бивуакомъ, я, въ теченіе двухъ дней, посылалъ верховыхъ по всѣмъ направленіямъ на развѣдки; но кругомъ была полнѣйшая тишина. На третій день пріѣхалъ въ Никольское изъ Камня-Рыболова губернаторъ Приморской области, онъ же и командующій войсками таковой. Когда я къ нему явился съ рапортомъ о состояніи ввѣреннаго мнѣ отряда и при этомъ подалъ ему телеграмму, полученную мною отъ командующаго войсками Южно-Уссурійскаго края, то онъ мнѣ сказалъ, что теперь, кажется, все успокоилось, и предложилъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ Владивостокъ, куда я, по сдачѣ отряда находившемуся при мнѣ штабсъ-капитану N, и отправился съ губернаторомъ. Тѣмъ мои военно-походныя приключенія и покончились.

Китайцы, вторгшіеся въ Южно-Уссурійскій край въ 1868 году, оффиціально были признаны не за китайское войско, а за шайки Цанъ-Дао (китайскихъ разбойниковъ); но я съ этимъ не согласенъ, во-1-хъ, потому, что разбойничьи шайки ходятъ на разбой безъ знаменъ, въ которыхъ они и не нуждаются; во-2-хъ, какъ-бы разбойничьи шайки ни были пріучены къ дружнымъ дѣйствіямъ, они не могутъ отличаться тою солдатскою выправкою, которая замѣчена была въ китайцахъ, дѣйствовавшихъ противъ нашего отряда; такъ какъ тутъ были и перемѣна фронта и правильныя построенія по командѣ ихъ главнаго начальника, бывшаго на бѣлой лошади и державшаго въ рукахъ большое знамя, которымъ онъ и командовалъ, держась на приличномъ разстояніи, и въ 3-хъ, кавалерія ихъ, хотя не многочисленная, всего 16 человѣкъ [1]), была вполнѣ организованная, какъ я самъ видѣлъ по построенію тѣхъ 5-ти человѣкъ, которые въ меня стрѣляли и лошади которыхъ пріучены къ стрѣльбѣ: онѣ стояли, какъ во время выстрѣла, такъ и во время заряжанія ружей, стройно въ рядъ и неподвижно. Слѣдовательно, это была не разбойничья шайка, а настоящее войско [2]), ворвавшееся къ намъ, по всей вѣроятности, съ вѣдома своего правительства, какъ

[1]) Но, конечно, ихъ было больше, которые находились при другихъ отрядахъ.

[2]) Переодѣтые солдаты. Вообще я замѣтилъ, что китайцы трусы, но за то въ высшей степени терпѣливы. Мнѣ передавали, что когда моихъ плѣнныхъ, отправленныхъ мною въ нашъ отрядъ для допроса, кололи не отпущенными штыками, то ни одинъ изъ нихъ и голоса не подалъ. Каковы-то они теперь, обучаемые англійскими офицерами?—Это не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію. А китайцы не друзья наши.

В. П.

видно изъ слѣдующаго, а именно: когда, по возстановленіи спокойствія въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, былъ посланъ въ г. Нингуту нашъ офицеръ, сотникъ М., съ нѣсколькими солдатами для закупа скота для нашихъ войскъ, то онъ, по возвращеніи, разсказывалъ въ моемъ присутствіи офицерамъ, что нингутинскій генералъ-губернаторъ предлагалъ ему подарки и даже готовъ былъ отпустить весь скотъ, сколько понадобится, безденежно, только-бы выдали ему манза Супутина съ пріемышемъ, за то, что послѣдній состоялъ при нашемъ отрядѣ. Когда-же г. М. сказалъ на это предложеніе, что наше начальство никогда не согласится на выдачу Супутиныхъ, то, само собою разумѣется, что за закупленный скотъ пришлось заплатить деньги. Послѣ чего китайское правительство подсылало своихъ агентовъ для поимки обоихъ Супутиныхъ, такъ что старику Супутину пришлось метаться во всѣ стороны, чтобы не попасть въ руки китайскихъ агентовъ. За молодаго же Супутина бояться было нечего, такъ какъ онъ, послѣ удаленія китайскаго войска изъ нашихъ владѣній, принялъ въ Владивостокѣ православную вѣру и генералъ-губернаторомъ, своимъ крестнымъ отцомъ, увезенъ былъ въ Иркутскъ.

Изъ Владивостока я съ губернаторомъ отправились морскимъ путемъ для осмотра гаваней, лежащихъ въ Японскомъ морѣ и Татарскомъ проливѣ, и въ то-же время побывали въ Японіи, куда ѣздили для переговоровъ съ Тайкуномъ, свѣтскимъ японскимъ императоромъ, объ уступкѣ намъ южной части острова Сахалина (сѣверная-же часть онаго была уже наша), но мы пріѣхали не во время, какъ разъ по окончаніи междуусобной войны между Тайкуномъ и Микадо, духовнымъ императоромъ, за которымъ и осталась побѣда. Свѣтскій-же императоръ былъ свергнутъ съ престола безвозвратно. Впослѣдствіи южная часть Сахалина все-таки была намъ уступлена, но съ тѣмъ, чтобы японцы безпрепятственно могли ловить рыбу у береговъ Сахалина. Конечно, тутъ вопросъ заключался не въ ловлѣ рыбы.

По возвращеніи въ г. Николаевскъ, я, ознакомившись съ Приморскою областью Восточной Сибири, принялся за составленіе медико-топографическаго описанія этой области, въ которое помѣстилъ и описаніе вторженія китайцевъ въ Южно-Уссурійскій край и вмѣстѣ съ тѣмъ высказалъ мой взглядъ на Приморскую область, заключающійся въ слѣдующемъ:

1) Въ виду того, что намъ рано-ли, поздно-ли непремѣнно придется имѣть серьезное дѣло съ китайцами, а потому я рекомендовалъ обратить особенное вниманіе на Приморскую область, какъ

въ отношеніи заселенія оной, такъ и относительно обезпеченія ея достаточнымъ числомъ войскъ. А пока это будетъ, слѣдовало-бы, писалъ я, серьезнѣе заняться обученіемъ наличныхъ войскъ названной области [1]), по крайней мѣрѣ хотя-бы людей стрѣлковыхъ ротъ не посылать ни на какія работы, а заниматься съ ними исключительно однимъ фронтовымъ образованіемъ. Кромѣ того я указалъ на необходимость имѣть въ Южно-Уссурійскомъ краѣ летучую кавалерію, для наблюденія за китайцами по границѣ отъ оз. Ханка до Посьета.

2) Переселенцевъ въ Южно-Уссурійскій край я рекомендовалъ доставлять на казенный счетъ моремъ черезъ Владивостокъ, чтобы избавить ихъ отъ слишкомъ длиннаго, труднаго и продолжительнаго пути—черезъ всю Западную и Восточную Сибирь, такъ какъ многіе изъ переселенцевъ, желавшихъ достигнуть Амура, проживщись въ дорогѣ, не достигали своей цѣли и поселялись въ Западной Сибири, а достигавшіе терпѣли въ дорогѣ самую крайнюю нужду, даже посылали дѣтей просить милостыню у проѣзжающихъ. О необходимости заселенія Южно-Уссурійскаго края я писалъ, во 1-хъ, потому, что бы не оставлять безъ заселенія такой благодатный край, и во-2-хъ, чтобы избавиться отъ дорого стоющей казнѣ доставки провіанта (муки и крупы) для войскъ Приморской области кругосвѣтнымъ путемъ. Только я рекомендовалъ заселять этотъ край не чехами и финляндцами, какъ въ то время предполагалось, а кровными русскими, надежною опорою Россіи на границѣ съ Китаемъ, при содѣйствіи войскъ.

3) Я рекомендовалъ отдѣлить Амурскую и Приморскую области отъ Иркутска и учредить два отдѣльныхъ округа — Амурскій и Иркутскій [2]), съ присоединеніемъ къ первому Забайкальской области такъ какъ управлять Приморскою и Амурскою областями изъ Иркутска мнѣ казалось весьма неудобнымъ, по чрезмѣрной отдаленности и потому еще, что я считалъ названныя области гораздо

[1]) Это были не боевые, а рабочіе баталіоны, строившіе повсюду казенныя зданія и казармы, какъ для себя, такъ и для моряковъ сибирской флотиліи.

[2]) Въ то время я не зналъ, сколько войскъ останется въ Иркутскѣ, Красноярскѣ и Якутскѣ для отдѣльнаго военнаго округа и полагалъ, что ихъ будетъ значительное число; но если бы я зналъ, что тамъ останется весьма малая часть войска, конечно, не написалъ-бы объ учрежденіи Иркутскаго военнаго округа, гдѣ всего имѣется 2 резервныхъ баталіона и 2 казачьихъ сотни. Мѣстныя-же войска не могутъ входить въ счетъ—они имѣютъ свое особое назначеніе. Между тѣмъ расходъ на содержаніе управленій округа производится не малый.

В. П.

важнѣе Иркутска въ политическомъ отношеніи, да оно такъ и быть должно: ибо чрезъ пріобрѣтеніе Амура мы получили совершенный просторъ для нашего флота, для котораго имѣются въ Японскомъ морѣ двѣ отличныя бухты: „Золотой Рогъ" во Владивостокѣ и „Новгородская" въ Посьетѣ [1]),—и которымъ мы отсюда можемъ дѣйствовать по всѣмъ направленіямъ, безъ особенной помѣхи со стороны другихъ державъ.

Медико-топографическое описаніе это было мною, въ концѣ 1868 г., представлено въ главнее военно-медицинское управленіе, которое, по разсмотрѣніи, сочло нужнымъ представить таковое военному министру,—и министръ обратилъ на него вниманіе: предписано было заниматься фронтовымъ образованіемъ войскъ Приморской области, и сформировать уссурійскую конную казачью сотню, съ расположеніемъ ея въ Камнѣ-Рыболовѣ (при оз. Ханка), на каковой пунктъ я и указывалъ. Кромѣ того, въ 1869 г. была командирована, по высочайшему повелѣнію, комиссія на Амуръ, подъ предсѣдательствомъ ген.-ад. Сколкова, съ какою инструкціею—мнѣ неизвѣстно, а извѣстно только то, что комиссія эта была командирована на Амуръ по поводу моихъ вышесказанныхъ заявленій. По возвращеніи-же этой комиссіи въ Петербургъ, было здѣсь нѣсколько комиссій, трактовавшихъ о раздѣленіи Восточнаго Сибирскаго военнаго округа на два округа — Иркутскій и Амурскій. Всѣ были согласны въ принципѣ о необходимости этого раздѣленія, только относительно вопроса, гдѣ быть окружному штабу Амурскаго округа, мнѣнія членовъ расходились: одни указывали на Благовѣщенскъ, а другіе на Хабаровку, на которую и я указывалъ въ медико-топографическомъ описаніи, какъ на центръ водянаго пути, лежащій между Николаевскомъ, Владивостокомъ и Забайкальскою областью. Съ моимъ мнѣніемъ, какъ мнѣ передавали, согласенъ былъ и военный министръ. Все это, какъ извѣстно, осуществилось.

В. С. Плаксинъ.

[1]) Жаль, что обѣ эти бухты замерзаютъ на три мѣсяца, а потому не худо было-бы пріобрѣсти дипломатическимъ путемъ одну изъ корейскихъ бухтъ,—не замерзающихъ. При этомъ надо сказать, что корейцы настолько же любятъ русскихъ, насколько китайцы ненавидятъ.

В. П.

Тревога о „государевомъ шествіи“ въ Сибирь, въ 1704 году [1]).

I.

Въ началѣ зимы 1704 г. Сибирь была взволнована упорно распространявшимися слухами о томъ, что царь Петръ Алексѣевичъ собирается предпринять свое „государево шествіе“ въ сибирскіе города. Тревожная молва объ этомъ небываломъ царскомъ походѣ зародилась въ „поморскихъ городахъ“ и оттуда быстро проникла въ Сибирь. Всѣ заволновались—и власти, и служилые люди, и народъ. Изъ устъ въ уста переходили разсказы о дивномъ „царѣ-работникѣ“, съ его мощною энергіею, съ его изумительными способностями — все знать, видѣть, понимать, сразу угадывать людей и ихъ дѣла... Задумались всѣ, у кого были какіе грѣхи на душѣ,—а у кого ихъ не было въ томъ „далекомъ отъ царя“ краю? Радостно зашевелился народъ, зная, что молодой царь простъ и доступенъ для каждаго: все можно ему сказать, всѣхъ онъ выслушаетъ и сдѣлаетъ по всей правдѣ. Все свое горе, всѣ нужды и чаянія, всѣ обиды собирался народъ довести до „слуха царева“—и радостно ждалъ обѣщаннаго „государева шествія“. Смущало оно только тѣхъ, у кого совѣсть была не чиста, да еще „старовѣровъ“, давно уже порѣшившихъ, что царь Петръ есть не болѣе какъ „антихристъ“.

Молва о „государевомъ шествіи“ въ Сибирь, сначала глухая и осторожная, вскорѣ приняла реальныя формы: на пути ожидаемаго

---

[1]) См. въ Московск. Архивѣ Министерства Юстиціи — Сибирскаго приказа книгу № 1388, лл. 3—25, 198—200.

Н. О.

шествія „объявился“ посланецъ изъ Москвы, пріуготовлявшій путь для царя. Это былъ „полковникъ“ Семенъ Ивановъ, называвшій себя „крестнымъ сыномъ“ „ближняго боярина“ Бориса Петровича Шереметева.

Шереметевскій крестникъ появился, прежде всего, въ Великомъ Устюгѣ, куда онъ пріѣхалъ 15-го ноября 1704 г., на четырехъ „саняхъ двойками“ (парныхъ), съ двумя „салдатами“. Остановившись на „постояломъ дворѣ“, полковникъ немедленно потребовалъ къ себѣ „земскихъ бурмистровъ“ Илью Плотникова и Прокофья Михайлова, „посадскаго земскаго старосту“ Ивана Жилина и „всеуѣзднаго земскаго старосту“ Василья Петровыхъ. Собравшимся земскимъ властямъ полковникъ объявилъ поразившую ихъ вѣсть, что „государево шествіе мимо Устюга-де будетъ въ Сибирь“, что государь шествуетъ съ ближнимъ бояриномъ Б. П. Шереметевымъ и „съ иными начальными людьми“ и что ожидать его слѣдуетъ „днемъ и ночью въ скорыхъ числѣхъ“... Вмѣстѣ съ тѣмъ С. Ивановъ приказалъ бурмистрамъ и старостамъ—„верстать 200 подводъ“, а на Устюгѣ „приготовить 50 дворовъ“ для государя и его свиты.

Торопясь ѣхать дальше, полковникъ немедленно потребовалъ для себя 25 подводъ, предъявляя властямъ „закрѣпной листъ“ боярина Шереметева, начинавшійся такъ: „Лѣта 1704-го, ноября въ 5 день, по указу великаго государя царя... самодержца и по приказу ближняго боярина Б. П. Шереметева, посланъ сынъ мой крестный Семенъ Ивановъ отъ Москвы до города Переславля и до Ростова и до Ярославля и до Вологды и до Устюга и по всѣмъ городамъ до Епанчина, для государева дѣла, чтобъ ему, Семену, на городѣхъ нигдѣ остановки не было“ и т. д. Выразивши требованіе, чтобы Иванову вездѣ давались 25 подводъ „и съ прогоны“, „листъ“ заканчиваетъ угрозою: „а буде по сему листу староста и рядовые ямщики подводъ не станутъ давать, и тебѣ-бъ, Семену, писать отписку къ великому государю къ Москвѣ“... Къ „листу“ была приложена „печать“ Шереметева, а „позади листа“ подпись его.

Земскія власти повѣрили этому „листу“, не найдя въ немъ ничего подозрительнаго, и согласились отпустить Иванову 25 подводъ. Но онъ потребовалъ только 8 подводъ, а за остальныя „взялъ деньгами“ у старостъ. Въ тотъ-же день, 15-го ноября, онъ выѣхалъ изъ Устюга на Верхотурье.

Устюжскіе бурмистры и старосты немедленно принялись исполнять приказанія Иванова: стали готовить въ городѣ 50 дворовъ, а „изъ волостей“ собрали 200 подводъ, „съ проводниками“, и „дер-

жали" ихъ наготовѣ частію въ самомъ Устюгѣ, а частію въ Бобровскомъ ямѣ и въ деревнѣ Селетинѣ „на Опокѣ".

Но безпрекословно исполняя всѣ приказанія Иванова, устюжане не могли не смутиться тѣмъ обстоятельствомъ, что прямое ихъ начальство—московская ратуша молчала о такомъ важномъ событіи, какъ „государево шествіе" и не дѣлала никакихъ распоряженій. При томъ-же, на Москвѣ жили „мірскіе челобитчики" Петръ Ярышкинъ и Григорій Григорьевъ, посланные устюжскимъ „міромъ" для челобитья о разныхъ нуждахъ города и уѣзда. Какъ они не узнали на Москвѣ о такомъ чрезвычайномъ событіи и не отписали на родину? Не можетъ быть, чтобы такое всенародное дѣло затѣвалось въ тайнѣ!

Волнуясь всѣми этими сомнѣніями, устюжскіе бурмистры и старосты отправили къ Ярышкину съ товарищемъ „письмо", въ которомъ передавали подробности о пріѣздѣ на Устюгъ Шереметевскаго крестника и о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ, а въ заключеніе просили: „и вы про то про вышеписанное подлинно какъ мочно провѣдайте и къ намъ вскорѣ пишите нарочно, чтобъ намъ о томъ имянно на Устюгѣ знатно было".

II.

Но пока эта вѣсть дошла до Москвы, ничего не знавшей о „государевомъ шествіи" въ Сибирь, и надѣлала тамъ не мало переполоху, виновникъ его—„полковникъ" Семенъ Ивановъ былъ уже далеко отъ Устюга.

Въ ночь на 25 ноября 1704 г. Ивановъ пріѣхалъ на Верхотурье. Явившись къ воеводѣ стольнику Алексѣю Калитину, онъ „прозваніемъ сказался Семенъ Пройдошинъ (sic) и назвался полковникомъ и „крестнымъ сыномъ" боярина Шереметева. Предъявляя Калитину „проѣзжій листъ" боярина, Пройдошинъ „сказалъ воеводѣ великого государя имянной указъ о пришествіи государевѣ, что великій государь изволитъ итти въ Сибирь въ Тоболескъ"... Велѣвши воеводѣ приготовить на ямахъ 300 подводъ, Пройдошинъ потребовалъ для себя 25 подводъ, согласно „проѣзжему листу". Воевода отпустилъ его, ничего не подозрѣвая... Пройдошинъ и отсюда поѣхалъ только на 8 подводахъ, а за остальныя 17 подводъ „взялъ съ ямщиковъ 9 рублевъ"... Съ Верхотурья онъ направился къ Епанчину, а оттуда на Тюмень, куда прибылъ въ ночь на 28 ноября.

Явившись къ Тюменскому воеводѣ стольнику Осипу Яковлевичу Тухачевскому, Пройдошинъ опять „сказался“ полковникомъ и Шереметевскимъ крестникомъ, а его товарищи—тюменецъ Афанасій Коловъ и костромитинъ Кирилло Терентьевъ - „посланными изъ полковъ солдатами, будто съ указы въ Тоболескъ“.

Предъявивши воеводѣ то же „проѣзжее письмо“ Шереметева, Пройдошинъ „сказывалъ“ воеводѣ „о скоромъ пришествіи въ Сибирь“ государя, для чего велѣлъ готовить на Тюмени 60 „постоялыхъ дворовъ“ и 200 подводъ...

Хотя опытному Тухачевскому (одинъ изъ видныхъ по своей дѣятельности сибирскихъ воеводъ того времени) все это сразу показалось очень подозрительнымъ, особенно въ виду отсутствія у Пройдошина какихъ-нибудь полномочій отъ Сибирскаго приказа, тѣмъ не менѣе онъ—какъ писалъ потомъ государю — отпустилъ Пройдошина съ товарищи въ Тобольскъ, „а задержать ихъ на Тюмени, опасаясь твоего великаго государя гнѣву—не смѣлъ, для того что многіе города проѣхали (они) до Тюмени безъ задержанія“... Мало того: повѣривши сначала „ихъ воровскому коварственному письму и злоначинательному дѣлу, не познавъ ихъ воровства“, воевода велѣлъ „городничему“ Ивану Юрьеву „готовить съ поспѣшеніемъ постоялые дворы“, а ямскому старостѣ Трофиму Артемьеву собирать подводы.

По отъѣздѣ Пройдошина въ Тобольскъ, 28-го ноября, въ тотъ же день неожиданно пришелъ къ воеводѣ одинъ изъ пріѣхавшихъ съ „полковникомъ“ солдатъ—тюменецъ Афанасій Коловъ и сказалъ, будто по его просьбѣ полковникъ оставилъ его на Тюмени, пока не вернется изъ Тобольска на обратномъ пути въ Москву. Далѣе Тухачевской откровенно продолжаетъ: „и призвавъ меня въ домъ отца своего, онъ, Афанасей, съ отцомъ своимъ Василіемъ поднесли мнѣ въ почесть 2 пары лисицъ да ножъ усольской съ припои серебряными золочеными“, причемъ объяснилъ воеводѣ, что „пожитки и многое богатство и денегъ получилъ онъ на твоей великого государя службѣ во время взятья Ругодевского“.

Эти ухаживанія Коловыхъ еще болѣе усилили подозрительность Тухачевскаго. Онъ говоритъ въ своей отпискѣ царю: „и видя я, холопъ твой, ихъ такіе непорядки и дѣла къ указу несличные, и сумнѣваясь, хотя (желая) увѣдать въ тѣхъ ихъ дѣлахъ истины, домогаясь всякими мѣрами“, сталъ „провѣдывать о проѣздѣ ихъ и о всемъ случаѣ, накрѣпко, что есть истина“.

„Провѣдыванье“ воеводы шло такъ умѣло, что онъ скоро открылъ „истину“, оправдавшую всѣ его подозрѣнія... „Полковникъ“ Семенъ

Ивановъ, нахально назвавшій себя на Верхотурьѣ „Пройдошинымъ"— оказался дѣйствительнымъ пройдохою. Это былъ крестьянинъ Маслинской слободы Тобольскаго уѣзда Ефремъ Ивановъ, бѣглый солдатъ", попавшій въ солдатскую службу, вмѣстѣ съ Афанасьемъ Коловымъ, „по разбору" (на Тюмени) дьяка Андреяна Ратманова. Товарищи его—тюменецъ Коловъ и костромичъ Терентьевъ—также были бѣглые солдаты.

Очевидно, Ивановъ и Коловъ продѣлали всю эту исторію съ единственною цѣлію — безпрепятственно и даже съ удобствами пробраться на родину, а Терентьевъ присоединился къ нимъ просто за компанію. Возможно, что все сошло-бы у нихъ благополучно и они безслѣдно затерялись-бы среди массы сибирскихъ „гулящихъ людей", если-бы не бдительность воеводы Тухачевскаго. Именно онъ испортилъ это предпріятіе, такъ ловко задуманное и столь удачно до Тюмени исполнявшееся, благодаря халатности другихъ властей. Тухачевской прежде всего допросилъ тюменскаго ямщика Афанасья Рожина, который повезъ изъ Тюмени мнимаго полковника съ товарищемъ. Оказалось, что, не доѣзжая Ялуторовской слободы, Рожинъ „нанялъ подъ нихъ вмѣсто себя въ подводы" неизвѣстныхъ крестьянъ той слободы, а самъ „поворотился" на Тюмень.

Продолжая разслѣдованіе, воевода узналъ, что и Коловъ скрылся изъ города, и вмѣстѣ съ остальными спутниками—Ивановымъ и Терентьевымъ, „укрываясь живутъ" въ деревнѣ Переваловой Тюменскаго уѣзда. Посланные туда воеводою служилые люди „поимали" всѣхъ троихъ въ домѣ посадскаго человѣка Дениса Обрамова. Привезенные на Тюмень Коловъ съ товарищи „явились совершенные воры—изъ полковъ бѣглые солдаты"... Они во всемъ повинились воеводѣ, Коловъ сознался, что именно онъ составилъ „воровское проѣзжее письмо" и „печать къ тому письму своего перстня приложилъ". У него-же найдена „записная тетрадь приносимымъ ему по городамъ посульнымъ взяткамъ". До Тюмени именно Коловъ игралъ роль „полковника" Семена Иванова или Пройдошина, а приближаясь къ родному городу, гдѣ его многіе знали, передалъ эту опасную роль Ефрему Иванову.

Аф. Колова съ товарищи и ямщика Рожина „оковавъ", воевода посадилъ „за крѣпкіе караулы", а затѣмъ отправилъ ихъ съ провожатыми въ Тобольскъ, вмѣстѣ съ „розыскнымъ дѣломъ" о нихъ. Афанасьевъ отецъ, Василій Коловъ и Денисъ Обрамовъ также посажены „за караулъ", а „дворы ихъ и Аф. Рожина и пожитки ихъ и Аф. Колова описаны". „Описные пожитки" и „подносные

(воеводѣ) лисицы и ножъ“ до государева указу хранятся въ тюменской приказной избѣ.

9-го декабря Коловъ съ товарищи привезены въ Тобольскъ. Воеводы (ближній бояринъ кн. Михаилъ Яковлевичъ и стольникъ кн. Алексѣй Михайловичъ Черкасскіе (отецъ и сынъ) и дьяки Иванъ Обрютинъ и Матвѣй Максинъ) допросили привезенныхъ и 16-го декабря отправили ихъ, „заковавъ въ кандалы“, въ Москву, подъ охраною нѣсколькихъ служилыхъ людей, во главѣ которыхъ стоялъ тобольскій казачій пятидесятникъ Александръ Смольяниновъ. И колодниковъ и „подлинное дѣло“ о нихъ Смольяниновъ долженъ былъ доставить въ Сибирскій приказъ, дьякамъ Ивану Чепелеву и Афанасью Гарасимову.

III.

Пока все это происходило въ Сибири, въ Москвѣ шелъ не малый переполохъ по поводу продѣлки Колова съ товарищи... Тревогу возбудили здѣсь устюжскіе „мірскіе челобитчики“ П. Ярышкинъ и Григорій Григорьевъ. Получивши вышеприведенное „письмо“ устюжскихъ земскихъ бурмистровъ и старостъ, Ярышкинъ 5-го декабря явился въ московскую ратушу, къ „начальному человѣку“ думному дворянину Степану Богдановичу Ловчикову, и передалъ ему устюжское письмо... Ловчиковъ послалъ „память“ въ Сибирской приказъ съ запросомъ о Семенѣ Ивановѣ. Приказъ отвѣчалъ, что никакому Семену Иванову „отпуску въ сибирскіе городы никакова не было и откуда ему какой листъ данъ-ли—того въ Сибирскомъ приказѣ не вѣдомо“.

7-го декабря „начальный человѣкъ“ Сибирскаго приказа стольникъ кн. Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановской (временно исполнявшій эту должность за отъѣздомъ въ Сибирь думнаго дьяка Андрея Андреевича Виніюса), „слушавъ“ присланную изъ ратуши „память“, „списки“ съ „письма“ устюжскихъ земскихъ властей и съ „допроса“ Ярышкина въ ратушѣ и „говоря о томъ“ съ С. Б. Ловчиковымъ „въ верху“, „приказалъ — послать въ Сибирь до Тобольска московскихъ караульныхъ полковъ капитана Михайлу Сметкова“, съ 2 солдатами и „деньщикомъ“, „наскорс, съ заводными“ коньми, и велѣть капитану „сыскать“ Семена Иванова въ поморскихъ или сибирскихъ городахъ и „вести къ Москвѣ за крѣпкимъ карауломъ“...

8-го декабря капитанъ М. Сметковъ получилъ „наказную память“ и „проѣзжую грамоту“, и въ тотъ-же день выѣхалъ изъ Москвы. 16-го декабря изъ Тотьмы Сметковъ послалъ въ Сибирскій приказъ

отписку, въ которой передаетъ любопытныя подробности о первыхъ (раньше Устюга) подвигахъ Колова съ товарищи.

Ростовскій воевода Иванъ Даниловичъ Зерновъ-Вельяминовъ разсказывалъ Сметкову: „былъ де у насъ такой человѣкъ—назывался крестнымъ сыномъ ближняго боярина Б. П. Шереметева, а зовутъ-де ево Семенъ Ивановъ, и подводъ-де у него просилъ, а указу никакова не показалъ, и я-де ему сказалъ, что у меня-де подводъ никакихъ нѣтъ, а посадскіе-де люди мнѣ не вѣдомы“... Тогда С. Ивановъ пошелъ въ „земскую избу“ и у земскаго бурмистра Алексѣя Базарова просилъ подводъ, не показывая никакого указу, вслѣдствіе чего бурмистръ и не далъ ему подводъ, такъ что Ивановъ долженъ былъ нанять ихъ.

Въ Ярославлѣ Ивановъ не являлся къ воеводѣ кн. Юрію Константиновичу Щербатому, а отправилъ двухъ своихъ товарищей къ бурмистру Ѳедору Воеводкину, съ требованіемъ идти „на постоялой дворъ“ къ Шереметевскому „крестному сыну“ Семену Ивановичу. Но Воеводкинъ не пошелъ, такъ какъ посланные не могли предъявить ему никакова государева указа. Тогда Ивановъ самъ отправился къ ямскому старостѣ Трофиму Истомину и сталъ требовать подводъ, показывая „списокъ съ подорожной“. Когда староста не хотѣлъ давать подводъ, требуя „подлинной подорожной“, Ивановъ „сталъ насъ (старосту и ямщиковъ) бить дубиной и сказалъ, что мнѣ указъ на словахъ“... Эта мѣра подѣйствовала и Истоминъ далъ Иванову 10 подводъ, не получивши за нихъ „прогоновъ“. Ивановъ объявилъ старостѣ, что прогоны уплатитъ „земская изба“, куда и далъ о томъ „письмо“, подписавшись на немъ „полковникомъ Семеномъ Ивановичемъ“ (капитанъ Сметковъ приложилъ къ своей отпискѣ это письмо въ подлинникѣ).

На Шуйскомъ яму Ивановъ показывалъ „подорожную“ уже на 25 подводъ, но взялъ только 8 подводъ, а за остальныя потребовалъ съ ямского старосты „полтину“ денегъ и $^1/_2$ ведра вина... То же повторилось и на Тотьмѣ, гдѣ за 17 подводъ Ивановъ взялъ 4 рубля 8 алтынъ 2 деньги...

Все это прослѣдилъ капитанъ Сметковъ до Тотьмы, откуда выѣхалъ 16-го декабря. Другихъ отписокъ его не сохранилось, но о дальнѣйшихъ подвигахъ Аф. Колова съ товарищи Сибирскій приказъ узналъ отъ верхотурскаго, тюменскаго и тобольскихъ воеводъ (см. выше).

Сметковъ пріѣхалъ въ Тобольскъ 31-го декабря 1704 г., разминувшись дорогою съ Смольяниновымъ, который везъ въ Москву Колова съ товарищами. Сметковъ предъявилъ воеводамъ грамоту о передачѣ ему колодниковъ. Воеводы въ тотъ-же день отпустили

Сметкова въ обратный путь—догонять Смольянинова, предписавши капитану—„гдѣ онъ съѣдетъ въ дорогѣ“ Смольянинова съ „ворами“—принять послѣднихъ и вести въ Москву.

„Отпискою“ тобольскихъ воеводъ, сообщавшею объ отпускѣ Сметкова въ Москву, собственно и заканчивается сохранившееся въ Сибирскомъ приказѣ дѣло объ Аф. Коловѣ съ товарищи [1]). Эта отписка не подлинная, а „списокъ“ съ нея, какъ говоритъ слѣдующая помѣта приказа: „списокъ взять къ отпуску, а подлинная отписка въ Преображенскомъ приказѣ“.

Итакъ, вотъ гдѣ надо искать слѣдовъ окончанія этого любопытнаго дѣла—въ Преображенскомъ приказѣ. Сюда передано все розыскное дѣло о Коловѣ изъ Сибирскаго приказа—тюменскій и тобольскій „сыски“ и другіе документы.

Впрочемъ, въ Сибирскомъ приказѣ сохранилось еще дѣло объ освобожденіи ямщика Аф. Рожина, 1705 г. [2]). „Указъ“ изъ Преображенскаго приказа въ Сибирскій приказъ отъ 26-го апрѣля, за приписью дьяка Василія Мануйлова, говоритъ, что Рожинъ вмѣстѣ съ Коловымъ и др. доставлены въ Москву 23-го генваря 1705 г. Рожинъ обвинялся въ томъ, что съ Тюмени возилъ двухъ товарищей Колова въ дер. Переволоку, Тюменскаго уѣзда, къ „сродникамъ ихъ“. „Указъ“ называетъ Колова съ товарищи „новоприборными бѣглыми салдатами“, которые „бѣжали съ службы изъ-подъ Аршавы“. Въ Преображенскомъ приказѣ Рожинъ сознался, что возилъ этихъ „воровъ“ въ деревню Переволоку, но „не вѣдалъ“, что они бѣглые солдаты и не зналъ за ними никакого „воровства“. И дѣйствительно, Коловъ съ товарищи „въ распросѣ и съ пытокъ въ томъ (обвиненіи) очищали (Рожина) и сказали имянно, что онъ за ними воровства никакова не вѣдалъ“. И по государеву указу велѣно Рожина отослать на Тюмень и быть ему „въ ямщикахъ по прежнему“, „а за то, что онъ тѣхъ воровскихъ причинныхъ людей возилъ (не зная-то ничего объ ихъ „воровствѣ!“). учинено ему, Афанасью, наказанье — передъ Преображенскимъ приказомъ „битъ кнутомъ“, и послѣ того отосланъ въ Сибирскій приказъ.

30-го апрѣля 1705 г. приказъ отправилъ Рожина на Тюмень, снабдивши его „памятью“ въ Ямской приказъ о дачѣ подводы и „грамотою“ на имя тюменскаго воеводы Ос. Як. тухачевскаго объ освобожденіи Рожина и о бытіи ему въ тюменскихъ ямщикахъ „по прежнему“.

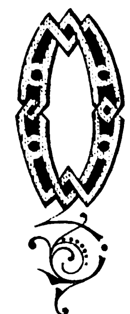
Сообщ. **Н. Н. Оглоблинъ.**

---

[1]) Сибир. приказа кн. № 1388, лл. 3—25.
[2]) Сибир. приказа кн. № 1388, лл. 198—200.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ

1746 г.

ктября 19-го 1745 года указомъ правительствующаго сената повелѣно было при академіи наукъ профессору ея М. В. Ломоносову открыть публичныя лекціи по физикѣ на русскомъ языкѣ. Назначивъ для того опредѣленные дни и часы, „въ каждой недѣлѣ по вторникамъ и пятницамъ послѣ полудня", академія вмѣстѣ съ тѣмъ озаботилась привлеченіемъ на эти, новыя еще въ Россіи, лекціи возможно бо̀льшаго числа слушателей, въ виду чего были разосланы по всѣмъ вѣдомствамъ и учрежденіямъ промеморіи съ объявленіемъ о свободномъ допускѣ въ академію всѣхъ желающихъ, а чтобы послѣднихъ предварительно ознакомить съ характеромъ предположенныхъ чтеній, къ промеморіи была приложена особая „программа". Авторомъ ея безъ труда можно назвать самаго лектора, тѣмъ болѣе, что, заинтересованный болѣе другихъ въ наполненіи аудиторіи, нашъ знаменитый ученый не пожалѣлъ красокъ къ рекламированію своего предмета.

Приводимъ этотъ любопытный памятникъ, найденный нами въ архивѣ Спб. Артиллерійскаго историческаго музея [1]).

„Программа".

„Смотрѣть на роскошь преизобилующія натуры, когда она въ пріятные дни наступающаго лѣта поля, лѣса и сады нѣжною зеленью покрываетъ и безчисленными родами цвѣтовъ украшаетъ, когда текущія во источникахъ и рѣкахъ ясныя воды тихимъ журчаніемъ къ морямъ достигаютъ и когда обремененную сѣменами землю то любезное солнечное сіяніе согрѣваетъ, то прохлаждаетъ

---

[1]) Д. Команд. св. 1174, л. 1060. Весьма вѣроятно, что документъ этотъ былъ уже напечатанъ покойнымъ Билярскимъ или Пекарскимъ въ ихъ сборникахъ матеріаловъ о Ломоносовѣ, но это не мѣшаетъ намъ его напомнить.

Д. С.

дождя и росы благорастворенная влажность, слушать тонкій шумъ трепещущихся листовъ и внимать сладкое пѣніе птицъ,—есть чудныя и чувства и духъ восхищающія увеселенія. Ожидать плодородія отъ полей и садовъ, въ потѣ лица посѣянныхъ и насажденныхъ, взирать на зыблющіеся желтые класы и на плоды, обременившіе вѣтви и руку господина своего, уже къ себѣ привлекающе,—есть сладчайшая и трудъ понесенный въ забвеніе приводящая надежда собираять полныя рукояти благословенныя жатвы и зрѣлые плоды неповинною рукою и тѣми наполнить гумна и житницы свои — вождѣленное и безопасностью огражденное есть удовольствіе. Но высшѣе всѣхъ и сердце и умъ нашъ къ нему возводящее спасительное есть дѣло представлять въ умѣ своемъ непостижимое величество и непонятную премудрость Всевышняго Зиждителя, показавшаго намъ сіе толь дивное позорище, сложенное изъ различныхъ тварей на увеселеніе и пользу нашу, и за сіе благодарить Его щедротѣ.

Сіи суть истинныя блаженства рода человѣческаго и безпорочныя преимуществомъ, которыми хвалятся древніе вѣки, успокоившіе первыхъ обитателей вселенныя и которыми можетъ быть и нынѣ нѣкоторые, препровождая неповинную и безмятежную жизнь услаждаютъ.

Но хотя они толь пріятны, вождѣленны, полезны и святы, однако могутъ приведены быть въ несравненно высшее достоинство; чего должно искать въ подробномъ познаніи свойствъ и причинъ самихъ вещей, отъ которыхъ сіи блаженства и преимущества происходятъ. Кто, разобравъ часы, усмотрѣлъ изрядныя и пріятныя фигуры частей, пристойное ихъ расположеніе, взаимный союзъ и самую причину движенія, не больше-ли веселится ихъ красотою, не надежнѣе-ли чаетъ въ нихъ постояннаго движенія, не безопаснѣе-ли полагается на ихъ показаніе времени, не вяще-ли удивляется хитрому художеству и хвалитъ самаго мастера, нежели тотъ, кто смотритъ только на внѣшній видъ сея машины, внутренняго строенія не зная. Равнымъ образомъ, кто знаетъ свойства и смѣшеніе маленшихъ (sic) частей, составляющихъ чувствительныя тѣла, изслѣдовалъ расположеніе органовъ и движенія законы — натуру видитъ какъ нѣкоторую художницу, упражняющююся предъ нимъ безъ закрытія въ своемъ искусствѣ; видитъ, какъ она, почти умерщвленныя отъ зимняго хладу, дерева весною паки оживляетъ; какъ обогащаетъ лѣто жатвою и плодами и готовитъ сѣмена къ будущему времени; какъ день и нощь зной и стужу умаляетъ и умножаетъ; движетъ и удерживаетъ вѣтры; дождь низпускаетъ; зажи-

гаетъ молніи и громомъ смертныхъ устрашаетъ; управляетъ теченіе водъ и прочія удивительныя дѣйствія производитъ,—коль вящее увеселеніе имѣетъ онъ передъ тѣмъ, кто только на внѣшній видъ вещей смотритъ и вмѣсто самихъ почти одну тѣнь оныхъ видитъ. Кто таковыя мысленныя разсужденія о натуральныхъ вещахъ въ гражданскихъ и домостроительскихъ предпріятіяхъ въ дѣйствіе производитъ, того надежда объ окончиваемыхъ его дѣлахъ тѣмъ тверже есть и увеселительнѣе, тѣмъ безопаснѣе и полнѣе есть его удовольствіе по окончаніи оныхъ, чѣмъ яснѣе видитъ онъ сокровенныя силы рачительныя натуры въ произведеніи самихъ оныхъ вещей, но токмоль при томъ представляетъ еще всесильнаго строителя и начальника натуры, взираетъ просвѣщеннымъ и проницающимъ окомъ въ сокровенныя внутренности многообразныхъ тварей, видитъ съ заимнымъ (sic) союзомъ соединенныя и стройнымъ чиномъ расположенныя части таинства и инымъ несвѣдомыя, въ которыхъ непостижимая Зиждителева премудрость тѣмъ великолѣпнѣе является, чѣмъ тончаѣ есть оныхъ строеніе,—тотъ не токмо легкими крилами благоговѣнія къ небу восхищается, но и самъ якобы въ нѣкое обоженіе (sic) приходитъ.

Изъ сихъ явствуетъ, что блаженства человѣческія увеличены и въ высшее достоинство приведены быть могутъ яснѣйшимъ и подробнѣйшимъ познаніемъ натуры, котораго источникъ есть натуральная философія, обще называемая физика. Она раздѣляетъ смѣшеніе, различаетъ сложеніе частей, составляющихъ натуральныя вещи, усматриваетъ въ нихъ взаимныя дѣйствія и союзъ, показываетъ въ оныхъ причины, описываетъ непоколебимо утвержденные отъ Создателя естественные уставы и въ умѣ воображаетъ, что отъ чувствъ нашихъ долготою времени . . . . [1]) разстоянія или дебелостью великихъ тѣлъ закрыто, или для безмѣрной тонкости онымъ не подвержено; сея толь полезныя и достохвальныя науки основаніемъ суть надежные и достовѣрные опыты надъ разными тѣлами и оныхъ дѣйствіями съ надлежащею осторожностію учиненные, изъ которыхъ выводятъ и поставляютъ мысленныя физическія предложенія показываютъ и доводами утверждаютъ причины натуральныхъ перемѣнъ и явленія. Для того приступающимъ къ ученію натуральной философіи предлагаются во академіяхъ, прежде, какъ подлинное основаніе, самые опыты посредствомъ пристойныхъ инструментовъ и присовокупляютъ къ нимъ самыя ближнія, изъ опытовъ непосредственно слѣдующія, теоріи.

[1]) Не разборчиво.

Императорской академіи наукъ здѣсь присутствующіе члены, по узаконенію премудраго ея основателя Петра Великаго, кромѣ обыкновенныхъ трудовъ, которые отъ нихъ полагаются на изысканіе новыхъ приращеній въ высокихъ наукахъ, должны трудиться въ наставленіи молодыхъ людей; по сему узаконенію они въ сей должности хотя и упражняются, однако ихъ ученія по сіе время предлагались на чужихъ языкахъ и такъ купно и физическіе опыты въ академіи наукъ на россійскомъ языкѣ никогда толкованы не были. Но какъ уже въ академическое собраніе нѣкоторые россійскіе профессоры вступили, то по указу Правительствующаго Сената академіи наукъ призидентъ (sic) ея императорскаго величества дѣйствительный камергеръ и кавалеръ графъ Кирилла Григорьевичъ Разумовской опредѣлилъ, чтобы тоя-жъ академіи членъ и профессоръ господинъ Ломоносовъ показывалъ публично физическіе опыты по сокращенной Вольфіанской экспериментальной физикѣ и оные-бы толковалъ на россійскомъ языкѣ, которые за помощію Божіею начнетъ онъ въ академіи наукъ въ физическихъ камерахъ сего іюня 20 дня [1]) пополудни въ началѣ третьяго часа и будетъ оные показывать по дважды въ недѣлю по вторникамъ и пятницамъ по два часа на день.

Того ради императорская академія наукъ желающихъ учиться натуральной философіи на помянутые опыты призываетъ, ничего иного отъ нихъ не желая, какъ только постояннаго слушанія.

Программа эта была разослана академіей наукъ за два дня до начала лекцій.

Сообщ. **Д. П. Струковъ.**

[1]) 1746 года.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ЯХОНТОВЪ

род. 1820 г., † 12 октября 1890 г.

Въ „Русской Старинѣ" изд. 1890 г., т. LXVIII, декабрь, стр. 691—702, мы помѣстили, въ весьма обязательномъ сообщеніи сына покойнаго поэта, Николая Александровича, девять не бывшихъ еще въ печати стихотвореній его доброй памяти родителя.

Вотъ еще два стихотворенія покойнаго А. Н. Яхонтова, тогда же сообщенныя намъ его сыномъ:

Ред.

X.

Пришло благодатное лѣто,
Все Божье созданье ликуетъ!
Нарядна, въ цвѣты разодѣта,
Свой праздникъ земля торжествуетъ;
По утру, умывшись росами,
Свѣжо такъ глядитъ и смѣется,
То ласково шепчетъ листами,
То пѣснью изъ рощи зальется,
То рѣчкой бѣжитъ голубою,
То стелется мягкой травою,
То птичкою къ небу взовьется.
Какъ въ городѣ душно и пыльно!
Скорѣе въ открытое поле!
Вотъ—ожилъ я снова, и сильно
Забилося сердце на волѣ.
Я въ лѣсъ—соловьиныя трели
Неслися ко мнѣ изъ далека —
И въ чащу лѣсную глубоко
Забрелъ я невольно, безъ цѣли.
И вдругъ-то слѣпая-ль удача,
Иль сердце мой было вожатый,—
Предъ мною—знакомая дача
И вьется вашъ флагъ полосатый.
Меня утомила дорога,
Домой воротиться нѣтъ силы —
Впустите меня ради Бога,
Въ пріютъ вашъ спокойный и милый!
Пріятно съ пути освѣжиться
Подъ тѣнію сада прохладной
И далью небесъ насладиться
И близостью вашей отрадной.

При васъ обновляюсь: живѣе
Цѣню я здѣсь благо свободы,
Въ присутствіи вашемъ полнѣе
Мнѣ кажется роскошь природы:
Но.... взглядъ вашъ разсудокъ мой губитъ!
И я, какъ безумный, мечтаю,
А сердце и бьется и любитъ...
Чего оно хочетъ—не знаю!..

1818 г.

XI.

50-ти лѣтній юбилей усадьбы друга

Полвѣка въ вѣчность унеслось
Съ тѣхъ поръ какъ здѣсь живое дѣло
Пересозданья началось
И все, какъ чудомъ, создалось
Рукой искусной и умѣлой.
Благословенный уголокъ!
Здѣсь съ знаньемъ трудъ соединился:
Подросъ взлелѣянный лѣсокъ —
И въ паркъ роскошный превратился;
Пестрѣютъ пышные луга,
Гдѣ мхомъ окрестность заростала,
Гдѣ можетъ быть ничья нога
Въ глуши безвѣстной не бывала.
А гдѣ подъ тиной старый прудъ
Дремалъ, заглохшій и лѣнивый,
Надъ чистымъ зеркаломъ растутъ
Въ немъ опрокинутыя ивы.
Во всемъ прогрессъ, вездѣ видна
Рука художника, и дивно
Преобразилась старина....
Одно лишь здѣсь консервативно:
На жизнь разумный, свѣтлый взглядъ,
Семейное единодушье,
И повторенное стократъ
Гостепріимное радушье.

И за него, на склонѣ лѣтъ,
Приноситъ старый вашъ сосѣдъ
Вамъ дань сердечную: примите
Ее, какъ праздничный букетъ,
Какъ память дружбы; не взыщите,
Что—въ незатѣйливыхъ стихахъ
Воспѣлъ я вашъ пріютъ прелестный —
Вѣдь на Парнасскихъ высотахъ
Помѣщикъ я мелкопомѣстный.

1888 г. А. Н. Яхонтовъ.

СОФЬЯ ВАСИЛЬЕВНА КОРВИНЪ-КРУКОВСКАЯ,

въ замужествѣ Ковалевская,

профессоръ высшей математики въ Стокгольмскомъ университетѣ

1850 $\frac{\text{3-го января род.}}{\text{† 30-го января}}$ 1891.

[Письмо ея брата, Ѳ. В. Корвинъ-Круковскаго, къ М. И. Семевскому, изд.-ред. „Русской Старины"].

Многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ, вамъ угодно было выразить желаніе, чтобы я составилъ свои личныя воспоминанія о покойной сестрѣ моей, профессорѣ стокгольмскаго университета С. В. Ковалевской.

Откровенно долженъ сознаться, что я едва-ли могу надѣяться сдѣлать въ этомъ отношеніи что-либо удовлетворительное, и вотъ по какимъ причинамъ: будучи слишкомъ на пять лѣтъ моложе сестры, я, само собою разумѣется, не могъ сохранить личныхъ воспоминаній о первыхъ годахъ ея жизни, а также не могъ относиться сознательно къ проявленіямъ ея духовной жизни въ періоды дѣтства и первой юности. Затѣмъ, когда мнѣ минуло 11 лѣтъ, меня повезли въ Петербургъ и отдали въ гимназію. Вскорѣ за этимъ сестра вышла замужъ и уѣхала заграницу, откуда вернулась обратно въ Россію уже тогда, когда я поступалъ въ университетъ. Такимъ бразомъ и объ этомъ самомъ интересномъ періодѣ ея жизни у меня не имѣется личныхъ наблюденій и воспоминаній. Болѣе близкое мое общеніе съ сестрой, да и то съ большими перерывами, началось

съ момента возвращенія ея изъ заграницы, т. е. въ то время, когда она была не только взрослой, но умственно и нравственно совсѣмъ уже созрѣвшею. Съ другой стороны, въ печати уже появился довольно обильный матеріалъ о главныхъ моментахъ жизни Софы въ дѣтствѣ и юности, изложенный отчасти въ ея личныхъ воспоминаніяхъ, отчасти-же въ прекрасныхъ запискахъ, составленныхъ бывшимъ нашимъ искренно уважаемымъ учителемъ І. И. Малевичемъ, напечатанныхъ на страницахъ „Русской Старины". Всѣ эти обстоятельства приводятъ меня къ тому убѣжденію, что я, съ своей стороны, едва-ли буду имѣть возможность дополнить чѣмъ-либо существеннымъ уже имѣющійся матеріалъ и сообщить о сестрѣ моей какіе-либо факты или свѣдѣнія, могущіе имѣть общественный интересъ. Поэтому ваше любезное приглашеніе написать что-нибудь о дѣтствѣ и юности моей сестры поставило меня въ весьма большое затрудненіе, и на первыхъ порахъ я чувствовалъ себя положительно безсильнымъ выполнить эту задачу. Но затѣмъ, по болѣе здравомъ обсужденіи, мнѣ стала приходить въ голову мысль, что при описаніи жизни людей замѣчательныхъ, выдающихся своей умственной или общественной дѣятельностью, имѣютъ значеніе не одни только крупные факты, а нерѣдко случается, что какая-нибудь мелочь, могущая показаться съ перваго взгляда совершенно пустою, получаетъ, въ связи съ другими явленіями, существенный интересъ для біографа. Въ виду этого соображенія и отчасти въ надеждѣ, что мнѣ все-таки удастся сообщить нѣкоторыя данныя о моей сестрѣ, которыя до сихъ поръ еще не были въ печати, я, исполняя ваше желаніе, попытаюсь собрать въ памяти тѣ немногія, разрозненныя впечатлѣнія, которыя остались у меня о Софѣ какъ изъ личныхъ наблюденій, такъ и главнѣйше, по разсказамъ старшихъ родныхъ и близкихъ знакомыхъ.

I.

Сестра моя С. В. Ковалевская родилась 3-го января 1850 года, въ Москвѣ, гдѣ отецъ нашъ, въ то время генералъ-маіоръ, находился на службѣ по артиллеріи и занималъ должность начальника московскаго арсенала. Тутъ протекли первые дѣтскіе годы Софы, вплоть до 1855 года, когда отецъ мой, получивъ новое служебное назначеніе, переѣхалъ въ Калугу. Вскорѣ послѣ этого появился на свѣтъ Божій вашъ покорный слуга, пишущій эти строки. Въ Калугѣ семья наша прожила до 1858 года, т. е. до того времени,

когда отецъ, будучи произведенъ въ генералъ-лейтенанты, оставилъ службу и перебрался на жительство въ свое имѣніе, село Палибино, Невельскаго уѣзда, Витебской губерніи.

Объ этихъ раннихъ годахъ жизни моей сестры въ Москвѣ, Калугѣ и первыхъ годахъ послѣ переселенія въ Палибино, т. е. о томъ періодѣ, одна часть котораго протекла, когда меня еще не было на свѣтѣ, а другая, когда я былъ еще совсѣмъ малъ и не могъ отдавать себѣ отчета въ окружающемъ, я могу сообщить только весьма немного отдѣльныхъ фактовъ, случайно сохранившихся у меня въ памяти со словъ родителей, а также проведшей въ нашемъ домѣ много лѣтъ гувернантки Маргариты Францовны Смитъ.

Въ эту раннюю эпоху, точно также, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ стадіяхъ жизни Софы, большое вліяніе на ея развитіе имѣла другая моя сестра, Анюта, родившаяся въ 1843 году и, такимъ образомъ, старше ея на семь лѣтъ.

Не могу обойти молчаніемъ тотъ фактъ, что дѣтскія игры обѣихъ сестеръ довольно существенно отличались отъ обычныхъ игръ другихъ дѣтей ихъ возраста. Такъ, напримѣръ, въ этихъ играхъ очень малое мѣсто занимали столь распространенныя между дѣтьми игрушки—куклы. Всякаго рода куклы, хотя и имѣлись у нихъ въ достаточномъ количествѣ, но только въ силу того, что старшія лица, тетушки и бабушки, считали необходимымъ таковыя имъ дарить; но, повидимому, куклы не доставляли имъ особеннаго удовольствія и находились даже въ нѣкоторомъ пренебреженіи. Про старшую сестру разсказываютъ, что, вмѣсто куколъ, она гораздо болѣе любила няньчиться съ разными домашними животными, и будучи еще совсѣмъ маленькой дѣвочкой, наивно высказывала, что когда она будетъ большая и никто уже не будетъ въ правѣ дѣлать ей замѣчанія, то всегда будетъ держать на рукахъ поросеночка. Что-же касается до младшей сестры, то она, какъ кажется, имѣла просто антипатію къ кукламъ, и въ особенности непріятно на нее дѣйствовали разбитыя куклы. Будучи уже взрослой, она сама разсказывала, что въ дѣтствѣ видъ разбитой куклы наводилъ на нее какой-то непонятный, суевѣрный страхъ. Впослѣдствіи нѣчто подобное она испытывала въ присутствіи кошекъ.

Вообще сестрамъ нравились больше такія игры, которыя, будучи сами по себѣ очень просты и несложны, давали обильный матеріалъ ихъ дѣтскому воображенію, при чемъ также выступала и разница въ ихъ характерахъ и склонностяхъ. Одна изъ любимыхъ игръ заключалась, напримѣръ, въ томъ, что онѣ изображали въ лицахъ отношенія прислуги къ господамъ. При этомъ первое всегда выпа-

дало на долю Анюты, и она, вообразивъ себя кухаркой, прачкой или судомойкой, отлично входила въ свою роль, и съ увлеченіемъ принималась за исполненіе этихъ низменныхъ обязанностей. Въ то-же время выступалъ наружу болѣе положительный характеръ Софы и она неизмѣнно представляла барыню милліонерку, окруженную мѣшками золота, бранящую и понукающую поденщицу—сестру.

По поводу игръ сестеръ считаю не лишнимъ упомянуть слѣдующую картинку, обрисовывающую до нѣкоторой степени обѣихъ дѣвочекъ въ тотъ періодъ жизни, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь. Софѣ лѣтъ 5, Анютѣ уже 12. Она уже не совсѣмъ ребенокъ, читала кое-какія повѣсти, бывала въ театрѣ и бредитъ бывшимъ тогда въ модѣ итальянскимъ пѣвцомъ Монджини, и разумѣется, какъ барышня-подростокъ, уже создаетъ себѣ разные идеалы! И вотъ, однажды, она обращается къ сестрѣ съ вопросомъ: „Скажи, Софа, кто твой идеалъ? Неужели у тебя нѣтъ идеала?“ Пятилѣтней дѣвочкѣ, разумѣется, непонятно это слово и непонятенъ самъ вопросъ. Однако ея дѣтскій умъ этимъ не смущается: она разъясняетъ этотъ вопросъ по своему и, удивленно взглянувъ на сестру, отвѣчаетъ преважнымъ тономъ: „Какъ нѣтъ? Есть, и даже цѣлыхъ три: у меня есть байковое одѣяло, а еще ватное и кисейное“.

Вотъ еще маленькій анекдотъ, показывающій проявленіе съ самыхъ раннихъ лѣтъ большой настойчивости и присутствія извѣстной логики мышленія. Это относится къ тому времени, когда Софѣ было не болѣе трехъ лѣтъ. Родители мои, и въ особенности отецъ, обращали большое вниманіе при воспитаніи дѣтей на гигіену и вообще на требованія медицинской науки. По тогдашнимъ взглядамъ этой науки, самой полезной и необходимой для дѣтей пищей считался супъ. Дѣти-же, какъ кажется, вообще супа не любятъ; не любила его и маленькая Софа. Отецъ, между тѣмъ, непремѣнно настаивалъ на томъ, чтобы дѣти исправно кушали супъ, при чемъ даже была установлена извѣстная, обязательная для насъ норма—двѣнадцать ложекъ. Вотъ, по поводу этого, за обѣдомъ за-частую происходили недоразумѣнія. По дѣйствительному-ли отвращенію къ этому блюду, или-же, можетъ быть, вслѣдствіе рано проявлявшагося духа противорѣчія и непокорности, но только Софа никакъ не желала подчиняться такому режиму, и какъ только появлялся супъ, то начинались капризы, даже слезы и т. п. Дѣло, наконецъ, дошло до того, что отецъ, обыкновенно чрезвычайно съ нами мягкій и ласковый, счелъ необходимымъ проявить свой авторитетъ и принять энергическія мѣры. Въ одинъ прекрасный день, когда капризы приняли особенно большіе размѣры, онъ объявилъ Софѣ, что если

это еще разъ повторится и она не будетъ акуратно кушать свою порцію супа, то ее поставятъ въ уголъ, гдѣ она и простоитъ во время остальнаго обѣда.

На слѣдующій день, когда наступило обѣденное время и всѣ собрались въ столовую, то замѣтили, что Софа отсутствуетъ. Отецъ мой, любившій, между прочимъ, чтобы всѣ домашніе соблюдали большую точность въ появленіи къ обѣду къ извѣстному часу и полагавшій, что Софа заигралась въ дѣтской и опоздала къ обѣду, начиналъ уже хмуриться. Но проходитъ нѣкоторое время, а Софы все нѣтъ. Тогда только оказалось, что она забилась въ дальній уголъ столовой и спряталась тамъ за диваномъ.

„Софа, что ты тамъ дѣлаешь?"

— „Да я думала, что лучше чѣмъ ѣсть этотъ гадкій супъ, я сама по себѣ стану въ уголъ, пока вы всѣ будете обѣдать".

И въ самомъ дѣлѣ, въ ея головѣ происходила такая работа. Съ одной стороны альтернатива выбора между двумя непріятными вещами, съ другой—ей казалось совсѣмъ страннымъ, зачѣмъ садиться за столъ, капризничать, переносить еще бо̀льшія непріятности и, въ концѣ концовъ, быть подвергнутой наказанію; лучше уже понести его добровольно.

Отецъ мой часто разсказывалъ еще слѣдующій анекдотъ изъ дѣтства Софы, а впослѣдствіи, когда она уже достигла большой учености, они вмѣстѣ не разъ вспоминали о немъ со смѣхомъ.

Какъ-то Софу повезли въ театръ. Давали оперу „Донъ-Жуанъ". Это былъ ея первый выѣздъ въ театръ и, разумѣется, такое зрѣлище произвело на нее большое впечатлѣніе. Нѣсколько дней она все говорила о видѣнномъ ею въ театрѣ, хотя, очевидно, не могла еще понимать сюжета пьесы. Однако, онъ, повидимому, оставилъ въ ея воображеніи глубокій слѣдъ, и она понимала его по своему, что въ скоромъ времени и обнаружилось. Однажды, вернувшись домой отъ однихъ знакомыхъ, гдѣ она была въ гостяхъ вмѣстѣ съ другими дѣтьми ея возраста, Софа въ большомъ оживленіи прибѣгаетъ къ отцу и говоритъ ему:

„Знаешь, папа, какой у N мальчикъ Донъ-Жуанъ! Ему дали хлѣба съ масломъ, и представь себѣ, онъ масло съѣлъ, а хлѣбъ оставилъ!"

Переданныя здѣсь мелкія черты хотя и рисуютъ сестру мою Софу какъ милаго и забавнаго ребенка, но сами по себѣ онѣ не представляютъ ничего выдающагося. Массу такихъ-же разсказовъ неоднократно приходится слышать и про другихъ дѣтей. Такимъ образомъ, все до сихъ поръ изложенное можетъ представлять инте-

ресъ единственно потому, что оно касается дѣтскаго возраста женщины, получившей впослѣдствіи громкую и вполнѣ заслуженную общеевропейскую извѣстность.

Но теперь я передамъ фактъ, наглядно показывающій, что весьма значительная самостоятельность умственной дѣятельности появилась у Софы уже съ самыхъ раннихъ лѣтъ, фактъ очень интересный самъ по себѣ и настолько серьезный, что его одного было бы достаточно, чтобъ предсказать, что изъ Софы-ребенка выйдетъ со временемъ замѣчательная личность. Я хочу сказать о томъ, какъ Софа выучилась читать.

Давно извѣстная истина, что первые шаги на поприщѣ всякаго ученія представляютъ самыя большія трудности. Не даромъ говоритъ пословица: корень ученія горекъ, а плоды его сладки; и, по всей вѣроятности, справедливость этой пословицы большинству изъ насъ пришлось испытать на самихъ себѣ. Стоитъ только припомнить, сколько силъ тратилось встарину на обученіе грамотѣ, когда ребенокъ ежедневно въ продолженіе долгихъ часовъ былъ принужденъ просиживать за букваремъ, слѣдя за указкой строгаго учителя-дьячка, и повторять буки-азъ-ба и т. д. Впослѣдствіи, въ теченіи десятковъ лѣтъ, педагоги прилагали всевозможныя старанія, чтобы замѣнить этотъ первобытный способъ другими, болѣе раціональными, пріемами. Но и по настоящее время, не смотря на изобрѣтеніе звуковой методы и другихъ упрощенныхъ способовъ обученія грамотѣ, эта послѣдняя дается нашимъ дѣтямъ еще далеко не особенно легко. Въ большинствѣ случаевъ, для того, чтобы выучить читать даже и прилежнаго ребенка, необходимо приложить много труда и терпѣнія также и со стороны учителя. Но все это справедливо только по отношенію къ обыкновеннымъ дѣтямъ; для натуръ-же, исключительно щедро надѣленныхъ природой, законъ не писанъ. Примѣромъ этому можетъ служить Софа. Ее никто никогда не училъ читать. Она выучилась этому совершенно самостоятельно, благодаря своей особенной, врожденной любознательности, и вотъ какимъ образомъ:

Еще въ настоящее время распространено убѣжденіе, что дѣтей не слѣдуетъ начинать учить слишкомъ рано, такъ какъ это можетъ дурно повліять на ихъ здоровье, а вслѣдствіе этого и на дальнѣйшій ходъ ученія. Въ прежнее время такое убѣжденіе было еще въ бо́льшей силѣ. Поэтому не торопились съ обученіемъ Софы, и хотя дѣвочка приставала къ старшимъ съ просьбою научить ее читать разныя умныя книжки, которыя она видѣла, что съ такимъ интересомъ поглощаетъ ея старшая сестра, но ей отвѣчали, что

она для этого еще слишкомъ мала; погоди-де, молъ, подростешь, тогда и примемся за ученіе. Однако такіе отвѣты мало удовлетворяли пытливый умъ дѣвочки, и, какъ видно изъ дальнѣйшаго, уже тогда она обладала значительной дозой настойчивости, этого отличительнаго ея качества, руководившаго ею въ теченіе всей жизни и давшаго ей возможность достигнуть такихъ блестящихъ результатовъ. Желаніе проникнуть тайну тѣхъ непонятныхъ для нея знаковъ, которые пестрѣли передъ ея глазами на страницахъ заманчивыхъ книжекъ, не давало покоя нашей милой крошкѣ. И вотъ она при всякомъ удобномъ случаѣ старается получить въ руки номеръ выписывавшейся у насъ тогда газеты, „Московскія Вѣдомости“, въ которыхъ ея вниманіе приковывалъ большими буквами напечатанный заголовокъ, и обращалась ко всѣмъ, кого только могла поймать, съ просьбой сказать ей, что означаетъ такой-то, или такой непонятный для нея знакъ. Узнавши, напримѣръ, что первая буква есть „М“, она по всему листу старалась отыскать подобную-же букву, и такимъ образомъ твердо запечатляла ее въ своей памяти. Затѣмъ, черезъ нѣсколько времени, когда, напримѣръ, гувернантка занята урокомъ съ Анютой, Софа опять, бывало, прибѣжитъ къ ней: —„Голубушка, Маргарита Францовна, скажите мнѣ только одно, какъ называется эта круглая штучка, послѣ „М“. Та, чтобы отвязаться отъ нея, скажетъ ей, что это буква „о“, и, такимъ образомъ, мало-по-малу Софа затвердила всю азбуку. Послѣ этого она опять-таки путемъ разспросовъ дошла до того, что изъ буквъ составляются слоги, стала пробовать разныя сочетанія буквъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда это ей неудавалось, она снова обращалась съ вопросами, пока, наконецъ, не достигла того, что изъ буквъ стала составлять цѣлыя слова. Въ одинъ прекрасный день она, радостная, прибѣгаетъ къ отцу въ то время, когда онъ читаетъ газету, и, указывая на заглавіе, говоритъ: „А я, папа, знаю, что̀ здѣсь написано. Это Мо-сков-скі-я Вѣ-до-мос-ти“. Тотъ улыбнулся, и отвѣчалъ ей шутя: „Ну, это, Софа, тебѣ сказали, сама-то ты еще не умѣешь читать“.—„Нѣтъ, папа, умѣю. Я и другія слова прочту“. И дѣйствительно, къ великому удивленію, стала по складамъ составлять любое ей указанное слово,

Только что разсказанный фактъ былъ первымъ случаемъ проявленія вполнѣ самостоятельной умственной дѣятельности Софы. Въ дальнѣйшей ея жизни было еще много не менѣе замѣчательныхъ случаевъ проявленія столь-же значительнаго напряженія и самостоятельности мышленія. Въ особенности, кажется мнѣ достойнымъ вниманія слѣдующій случай, въ которомъ Софа проявила даже болѣе, чѣмъ самостоятельность—проявила въ полномъ смыслѣ слова творчество.

Чтобы передать этотъ случай, я невольно долженъ на-время перервать хронологическую нить моего разсказа. Это относится къ тому времени, когда Софѣ было уже лѣтъ 14. Она уже очень основательно прошла съ нашимъ домашнимъ учителемъ Іосифомъ Игнатьевичемъ Малевичемъ элементарную математику: ариѳметику, геометрію и начальную алгебру. На этомъ предполагалось и окончить ея математическое образованіе, такъ какъ этой программы, по тогдашнимъ понятіямъ, было болѣе, чѣмъ достаточно для благовоспитанной барышни. Такимъ образомъ, для оцѣнки дальнѣйшаго надо помнить, что въ то время Софа еще не дошла до тригонометріи и эта наука была ей еще совсѣмъ незнакома.

По сосѣдству съ нашимъ имѣніемъ ежегодно проводилъ лѣто хорошій знакомый моего отца, нынѣ покойный, профессоръ физики въ морской академіи Николай Никаноровичъ Тыртовъ. Въ одинъ изъ своихъ къ намъ пріѣздовъ, онъ привезъ моему отцу изданную имъ книгу „Элементарный курсъ физики". Этотъ курсъ по своему объему подходилъ къ программѣ морскаго училища, и хотя въ немъ выводы дѣлались безъ помощи высшей математики, но зато встрѣчались нѣкоторыя тригонометрическія формулы. Книга эта какъ-то попала въ руки къ Софѣ и очень ее заинтересовала, хотя многое въ ней, по тогдашнимъ ея силамъ, должно было быть ей непонятнымъ. Черезъ нѣсколько времени, въ одинъ изъ слѣдующихъ пріѣздовъ къ намъ Тыртова, Софа старается завести съ нимъ разговоръ по поводу его книги. Тотъ отвѣчалъ только изъ вѣжливости, и, повидимому неохотно, и даже высказалъ мнѣніе, что едва-ли возможно вести объ этомъ серіозный разговоръ, такъ какъ для пониманія многихъ мѣстъ учебника необходима соотвѣтствующая математическая подготовка, а въ частности знаніе прямолинейной тригонометріи, котораго онъ никакъ не подозрѣвалъ встрѣтить у деревенской 14-тилѣтней барышни. Однако, къ его удивленію, Софа сказала ему, что въ этомъ отношеніи его книга не представляетъ для нея трудностей. И, дѣйствительно, изъ дальнѣйшаго разговора онъ могъ убѣдиться, что она имѣетъ совершенно ясное представленіе о значеніи большинства встрѣчавшихся тамъ формулъ. Но этому удивленію было суждено еще значительно увеличиться, когда онъ узналъ, что Софа вовсе не проходила тригонометріи съ учителемъ. Что же оказалось? При чтеніи упомянутаго учебника, Софа, встрѣчаясь съ неясными для нея мѣстами, старалась какъ-бы отгадывать смыслъ непонятныхъ ей формулъ и по своему объясняла ихъ значеніе. По результатамъ она отгадывала основныя зависимости между входившими въ рѣшеніе вопроса величинами, и, мало-

по-малу, совершенно своеобразно дошла до цѣлаго ряда теоремъ, которыя привела въ строго-послѣдовательную систему, имѣвшую въ сущности предметомъ плоскую тригонометрію. Такимъ образомъ, она какъ-бы вновь, совершенно самостоятельно, сдѣлала открытіе нѣкоторыхъ истинъ, въ то время, конечно, уже давнымъ давно извѣстныхъ и вошедшихъ въ элементарное гимназическое преподаваніе. Другими словами, она, сама того не сознавая, какъ бы вторично создала цѣлую отрасль науки—тригонометрію. Живи она нѣсколько сотъ лѣтъ раньше и сдѣлай то-же самое, этого было-бы достаточно для того, чтобы потомство поставило ее на ряду съ величайшими умами человѣчества. Но въ наше время трудъ ея, хотя и не имѣвшій непосредственно научнаго значенія, тѣмъ не менѣе обнаруживаетъ въ ней дарованіе, совершенно выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, въ особенности, если принять во вниманіе, что онъ исходилъ отъ 14-ти лѣтней дѣвочки!

Я тѣмъ охотнѣе сообщаю настоящій случай, что онъ не вошелъ до сихъ поръ ни въ одну изъ изданныхъ біографій Софы. Между тѣмъ, онъ настолько характеренъ и замѣчателенъ, что я боюсь, какъ-бы нѣкоторые читатели не сочли его преувеличеннымъ. Тѣмъ не менѣе, я вполнѣ могу ручаться за его достовѣрность, такъ какъ о немъ, съ одной стороны, мнѣ разсказывала сама сестра, а съ другой, его подтверждали мой отецъ и покойный Н. Н. Тыртовъ.

Впрочемъ, я не сомнѣваюсь, что найдутся также и такія лица, которыя, будучи хорошо знакомы съ научною дѣятельностью Софы, вообще, и съ ея работами, заслужившими ей европейскую знаменитость, въ особенности, найдутъ мой разсказъ вполнѣ вѣрнымъ, какимъ онъ и есть.

Казалось-бы, что послѣ доказательства столь блестящихъ способностей дѣло дальнѣйшаго научнаго развитія Софы должно было бы пойти само собой. Но въ то время настолько сильно были развиты предразсудки о совершенной безполезности, и даже вредности, учености для женщинъ, что ей далеко еще не особенно легко дались дальнѣйшіе шаги на пути ея усовершенствованія.

Впрочемъ, надо сказать, что съ этого момента замѣчается рѣзкій переворотъ во взглядѣ родителей, и въ особенности моего отца, на Софино образованіе. Отсюда надо считать первыя уступки, которыя были сдѣланы вопреки общеустановившимся тогда, въ извѣстномъ кругу, понятіямъ о женскомъ образованіи. Правда, еще далеко было до конечной цѣли, т. е. до полученія высшаго образованія, до слушанія университетскихъ лекцій. По всей вѣроятности, въ то время сестра моя и сама не дерзала мечтать о чемъ-либо подобномъ.

Но важно уже и то, что родители согласились продолжать математическое образованіе Софы. Вскорѣ за этимъ, по пріѣздѣ на зимній сезонъ въ Петербургъ, по рекомендаціи того же Н. Н. Тыртова, былъ приглашенъ для занятій съ Софой хорошій его знакомый, преподаватель математики въ Морскомъ училищѣ и весьма извѣстный въ Петербургѣ педагогъ А. Н. Страннолюбскій.

II.

Въ 1858 году, какъ я уже сказалъ выше, семья наша перебралась изъ Калуги на жительство въ Витебскую губернію, въ наше имѣніе Палибино. Здѣсь протекла вся первая юность Софы. Съ момента этого переѣзда жизнь ея вошла совсѣмъ въ новую колею и годы, проведенные ею въ тихой деревенской глуши, оставили въ ней за собою глубокіе слѣды и послужили краеугольнымъ основаніемъ для выработки ея характера и ума. Рости она не въ деревнѣ, вдали отъ всякихъ, такъ сказать, внѣшнихъ свѣтскихъ условій, а въ шумномъ городѣ, среди веселаго общества и городскихъ удовольствій, быть можетъ изъ нея вышла-бы совсѣмъ другая женщина. Но тутъ условія слагались чрезвычайно счастливо для развитія ея богатыхъ дарованій. Съ самаго дѣтства она привыкла жить духовною жизнью, углубляться въ самое себя и въ то-же время окружающая среда, содѣйствуя развитію ея ума, благопріятствовала также и развитію въ ней воображенія. Правда, что съ внѣшней стороны на пути ея духовнаго развитія встрѣчались и нѣкоторыя серіозныя препятствія. Такъ, напр. и гувернантка англичанка, и вообще руководившія ея воспитаніемъ лица противились слишкомъ свободному развитію ея ума, и старались вести ее обычнымъ рутиннымъ путемъ, который никакъ не могъ удовлетворять ея пылкую и воспріимчивую натуру. Вслѣдствіе этого годы ея юности были годами непрерывной борьбы. Но для такихъ натуръ, какъ Софа, эта именно борьба и бываетъ плодотворна. Духовная жизнь здѣсь является какъ-бы запрещеннымъ плодомъ, который всегда бываетъ особенно заманчивъ. И кто знаетъ! Если-бы съ дѣтства все ей давалось легко и безъ борьбы, то можетъ быть она и не пріучилась-бы проявлять такую энергію въ работѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не достигла-бы такихъ блестящихъ результатовъ.

Впрочемъ, если я говорю здѣсь о борьбѣ, которую Софѣ приходилось вести, то имѣю въ виду исключительно направленіе, которое хотѣли дать ея образованію, т. е. сдѣлать изъ нея свѣтскую

благовоспитанную барышню, такую, какими, по понятіямъ того времени, должны были быть лучшія женщины ея круга и общественнаго положенія. Что-же касается до самаго образованія, то въ этомъ отношеніи не жалѣли никакихъ средствъ.

Изъ Калуги пріѣхала вмѣстѣ съ нами въ деревню гувернантка-англичанка, Маргарита Францевна Смитъ, на обязанности которой было возложено воспитаніе Софы и обученіе ея языкамъ французскому и англійскому. Нѣмецкому Софа выучилась лишь впослѣдствіи, во время нашей первой поѣздки заграницу въ 1866 г. Преподаваніе-же по всѣмъ наукамъ принялъ на себя бывшій у насъ тогда домашній учитель І. И. Малевичъ.

Трудно было въ то время подыскать человѣка болѣе его подходящаго къ роли домашняго наставника. Это былъ въ полномъ смыслѣ этого слова образцовый учитель. Безъ преувеличенія можно даже сказать, что и въ настоящее время, когда педагогика сдѣлала сравнительно съ прежнимъ столь большіе шаги впередъ и выработала совершенно новые пріемы обученія, едвали найдется много личностей, которымъ съ такимъ-же успѣхомъ можно было-бы поручить трудное дѣло первоначальнаго образованія юношества, какъ этому, хотя и мало извѣстному, но дѣйствительно замѣчательному дѣятелю-педагогу. Хотя и не получившій высшаго университетскаго образованія, Іосифъ Игнатьевичъ обладалъ чрезвычайно солидными знаніями по всѣмъ наукамъ, но, что гораздо важнѣе, умѣлъ съ необычайнымъ талантомъ передавать эти знанія своимъ ученикамъ и ученицамъ, такъ сказать, вкладывать въ нихъ эти знанія. Отъ природы въ высшей степени акуратный, даже немного педантичный, онъ, тѣмъ не менѣе, въ дѣлѣ преподаванія былъ далекъ отъ всякой рутины. Обладая громадною опытностью, постоянно слѣдя за педагогикой, читая лучшіе русскіе журналы и статьи въ нихъ по дѣлу воспитанія и образованія, І. И. Малевичъ для каждаго даннаго ученика умѣлъ найти тѣ пріемы, которые всего ближе и лучше вели къ цѣли. Преподаваніе его, чуждое всякой сухости, невольно возбуждало интересъ къ предмету даже въ мало способныхъ натурахъ, заставляло ихъ полюбить науку и стремиться къ дальнѣйшему усовершенствованію.

Объ успѣхахъ занятій съ такимъ учителемъ, каковымъ былъ І. И. Малевичъ, для такой даровитой натуры, какъ Софа, распространяться излишне. Они понятны сами собою. Для насъ важно лишь замѣтить, что эти занятія были первымъ прочнымъ основаніемъ, такъ сказать, краеугольнымъ камнемъ въ зданіи умственнаго развитія Софы. Это, впрочемъ, вполнѣ сознавалось и ею самою.

Въ послѣдующіе годы своей жизни она всегда съ благодарностью вспоминала о своемъ старомъ, деревенскомъ учителѣ и неоднократно говорила мнѣ, что солидности пріобрѣтенныхъ отъ него основныхъ познаній она обязана той легкости, съ которою ей давалось дальнѣйшее изученіе научныхъ истинъ. И дѣйствительно, Іосифъ Игнатьевичъ былъ для Софы первымъ сѣятелемъ знанія: брошенное имъ сѣмя упало на плодородную почву и принесло плодъ сторицею! Въ этомъ заключается его великая заслуга передъ всѣмъ русскимъ обществомъ. Честь и слава этому скромному, но достойному, по своей дѣятельности, великаго уваженія труженику!

На первыхъ порахъ своего ученія, Софа не обнаруживала видимой склонности къ какой-нибудь опредѣленной наукѣ. Она проявляла вообще ко всему необыкновенную любознательность и ее одинаково интересовали какъ математика, такъ и исторія и словесность. Казалось даже, какъ будто ее всего болѣе интересуютъ естественныя науки и въ особенности ботаника. Однимъ изъ ея любимыхъ занятій было собирать во время прогулокъ разныя травы и растенія, а также составлять коллекцію бабочекъ и жуковъ.

Изученіе иностранныхъ языковъ давалось ей съ поразительною легкостью. Съ самаго дѣтства она владѣла французскимъ и англійскимъ языками, наравнѣ съ роднымъ русскимъ. Въ этомъ отношеніи она является какъ-бы опроверженіемъ довольно распространеннаго мнѣнія, что врожденныя способности къ точнымъ наукамъ идутъ въ разрѣзъ съ способностями филологическими. Выучить въ совершенствѣ незнакомый для нея языкъ не представляло для Софы почти никакого труда. Такъ въ первую свою поѣздку въ Швейцарію, послѣ нѣсколькихъ уроковъ нѣмецкаго языка у мѣстнаго учителя, она выучилась ему вполнѣ основательно въ самое короткое время, путемъ практики и чтеніемъ книгъ. Но самый поразительный примѣръ рѣдкихъ филологическихъ способностей, который еще свѣжъ въ памяти у всѣхъ, ближе знавшихъ Софу, она проявила уже будучи взрослою! Когда ее пригласили въ Стокгольмъ для чтенія лекцій въ тамошнемъ университетѣ, она ни слова не знала по шведски. Для нея сдѣлали исключеніе и разрѣшили въ первый семестръ читать по нѣмецки. По прошествіи этого времени она настолько овладѣла шведскимъ языкомъ, что стала уже свободно читать на немъ лекціи и даже напечатала на этомъ языкѣ нѣкоторыя свои литературныя произведенія.

Въ дѣтствѣ Софу какъ всякую барышню изъ хорошей дворянской семьи учили также и рисованію и музыкѣ. Первымъ она занималась съ охотой и довольно успѣшно воспроизводила на бумагѣ разные

пейзажи, головки и гипсовыя фигуры Что-же касается до музыки, то по странному-ли капризу или же въ силу закона, что на землѣ не бываетъ совершенства, природа, во всемъ остальномъ такъ щедро надѣлившая ее своими дарами, въ этомъ отношеніи какъ-бы нѣсколько ее обидѣла. Софа не обладала хорошимъ слухомъ и вообще музыкальными способностями. Это явленіе, само по себѣ очень обыденное, въ данномъ случаѣ представляется въ моихъ глазахъ довольно загадочнымъ и страннымъ. И дѣйствительно, несомнѣнно, что какъ рѣдкій характеръ Софы, такъ и ея исключительныя дарованія перешли къ ней по законамъ наслѣдственности и явились, такимъ образомъ, результатомъ и слѣдствіемъ подобныхъ-же дарованій ея предковъ съ отцовской и материнской стороны.

По характеру своему, Софа была вылитый отецъ—Василій Васильевичъ Корвинъ-Круковскій. Свойства-же своего ума она заимствовала отъ своихъ прадѣда и дѣда—Шубертовъ, изъ которыхъ первый былъ знаменитымъ астрономомъ и вообще выдающимся ученымъ своей эпохи, а послѣдній—весьма извѣстный русскій генералъ, столѣтнюю годовщину рожденія котораго еще такъ недавно праздновали нашъ генеральный штабъ и академія наукъ, былъ по своей разносторонней дѣятельности и обширному образованію однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени. Всѣмъ складомъ своего ума Софа настолько напоминала этихъ двухъ своихъ предковъ, что во времена пребыванія ея въ германскихъ университетахъ, многіе тамошніе студенты и профессора, пораженные ея необыкновенными способностями, называли ее не иначе, какъ „Die Schubertsche Enkelin“—внучка Шубертовъ. Поэтому нельзя не удивляться, что Софа не унаслѣдовала отъ Шубертовъ также и музыкальныхъ способностей, которыя были развиты въ этомъ семействѣ въ очень большой степени. Это тѣмъ болѣе непонятно, что наша мать Елисавета Θедоровна, рожденная Шубертъ, женщина высокихъ душевныхъ качествъ и чрезвычайно отзывчивая ко всему прекрасному, съ которою Софа, по своему нравственному облику, имѣла много общихъ чертъ, была прекрасной музыкантшей и старалась также развить любовь къ этому искусству и въ своихъ дѣтяхъ.

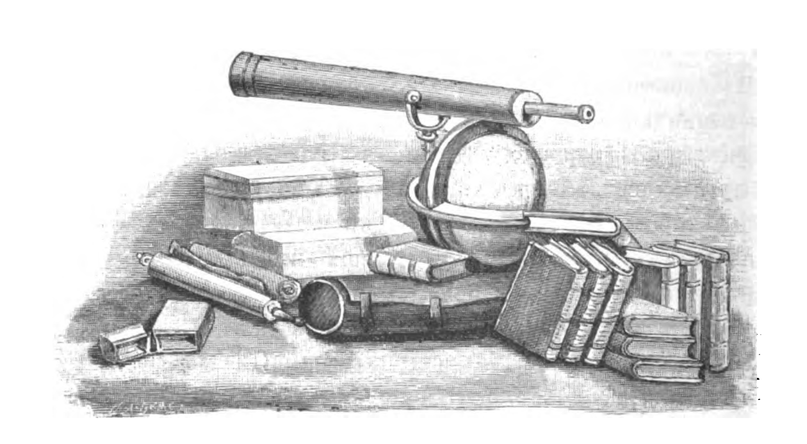
Но не смотря на все это, Софа въ музыкѣ успѣховъ не проявляла. Это былъ, кажется, единственный предметъ, которымъ она занималась безъ всякой охоты, и даже съ нѣкоторымъ принужденіемъ. По странному стеченію обстоятельствъ, впослѣдствіи судьба свела ее съ человѣкомъ, который въ этомъ отношеніи проявлялъ удивительную аномалію. Покойный мужъ ея, В. О. Ковалевскій, былъ просто ненавистникомъ музыки. Не говоря уже про то, что

онъ не могъ отличить звуковъ скрипки отъ барабана, всякіе музыкальные звуки просто непріятно дѣйствовали на его нервы, и онъ питалъ необыкновенную антипатію къ музыкѣ вообще, а въ частности ко всѣмъ музыкантамъ.

Впрочемъ, надо сказать, что въ духовной жизни Софы музыка, хотя и косвеннымъ образомъ, играла нѣкоторую роль. Она дѣйствовала на нее не столько своимъ содержаніемъ, сколько внѣшнею стороною, и своимъ ритмомъ направляла ея мысли въ извѣстную сторону, способствовала работѣ воображенія. Въ годы юности, а затѣмъ болѣе зрѣлаго возраста, музыка замѣняла то, что въ пору дѣтства Софа испытывала, играя въ мячикъ, когда, повѣряя этому мячику свои сокровенныя мысли, она, увлекаемая равномѣрностью движенія, уносилась въ міръ фантазіи. Съ наступленіемъ сумерокъ, мама сядетъ, бывало, за рояль, а Софа ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ и, не слѣдя собственно за самой музыкой, но убаюкиваемая ея ритмомъ, даетъ полную волю своему воображенію. Передъ ней создаются цѣлыя картины, и самыя отвлеченныя мысли получаютъ осязательный образъ. Я убѣжденъ, что многіе какъ изъ ея литературныхъ, такъ и научныхъ трудовъ были впервые задуманы именно такимъ путемъ.

Ѳ. В. Корвинъ-Круковскій.

23-го мая 1891 г.
Спб.

СОФІЯ ВАСИЛЬЕВНА КОВАЛЕВСКАЯ.

I.

Женщина-профессоръ.

(Переводъ съ шведскаго).

Съ званіемъ профессора мы привыкли соединять въ воображеніи нашемъ фигуру стараго господина въ очкахъ, съ нѣсколько согнувшейся спиной, съ длинными сѣдыми волосами, съ бородой и въ весьма небрежномъ костюмѣ. Къ тому еще, если онъ настолько разсѣянъ, что смотритъ на флюгеръ трубы, когда хочетъ знать который часъ, или надѣваетъ жилетъ сверхъ фрака, когда идетъ въ общество, то мы заключаемъ, что онъ высокоученый профессоръ.

Такое было наше доброе старое понятіе о мудромъ, ученомъ мужѣ на службѣ университета. Но наше время—время необыкновенныхъ явленій; вотъ потому въ собраніи естествоиспытателей въ Христіаніи, нѣсколько времени тому назадъ, намъ пришлось видѣть, какъ противоположность стараго и сѣдовласаго, въ очкахъ и педанта, профессора—молоденькую даму. И удивленіе наше увеличилось, когда мы изъ отчетовъ газетъ узнали, что эта молодая женщина есть не кто другой, какъ профессоръ высшей математики, науки, которая до сихъ поръ большинствомъ людей считалась слишкомъ недоступною для женскаго разума.

Въ виду этого понятно, что „Сѣверная Звѣзда“ долгомъ считаетъ поближе познакомить своихъ читателей съ этою замѣчательно одаренною и энергичною женщиною.

Не смотря на то, что г-жа Софія Ковалевская—профессоръ новаго университета въ Стокгольмѣ, она родилась въ Россіи и по происхожденію принадлежитъ къ знатной фамиліи Корвинъ-Круковскихъ.

Софья Ковалевская родилась въ 1853 году; происхожденія она королевскаго, ибо ея предокъ, польскій графъ Круковскій, женатъ былъ на дочери венгерскаго короля-героя Матвѣя Корвинусъ, который умеръ въ 1490 году. По матери маленькая Соня (ласкательное имя по русски) была въ родствѣ съ знаменитымъ астрономомъ Шубертъ.

Ея родственники были весьма состоятельны и она получила основательное образованіе, въ особенности въ языкахъ; случайно она приняла участіе въ урокахъ математики съ ея двоюроднымъ братомъ; при этомъ у нея явилась страсть къ математикѣ и она оказала въ ней большія способности. Но родители ея не желали, чтобы она этому училась, и уроки прекратились къ большой печали ребенка. Тѣмъ не менѣе, она сама продолжала учиться и въ одно изъ пребываній въ С.-Петербургѣ ей случилось отыскать хорошаго учителя, который удивился, что молодая дѣвушка самоучкой уже достигла такихъ глубокихъ познаній въ математикѣ.

Въ короткое время она сдѣлала удивительные успѣхи и просила позволенія поступить въ одинъ изъ тѣхъ университетовъ, куда женщины имѣютъ доступъ. Но ея родители воспротивились этому, въ виду того, что ее осудятъ въ аристократическомъ кругу. Тогда Сонѣ Корвинъ-Круковской случилось встрѣтиться съ даровитымъ естествоиспытателемъ Ковалевскимъ, въ котораго она влюбилась и за котораго вышла замужъ, не смотря на то, что ей еще только было 16 лѣтъ. Чуждый предразсудка, молодой ученый предоставилъ своей юной супругѣ возможность свободно заниматься науками и отправился съ нею въ Гейдельбергъ, гдѣ она въ 1869 г. была одною изъ первыхъ женщинъ-студентокъ университета.

Выучившись здѣсь всему, что ей было доступно, Софія Ковалевская уѣхала въ Берлинъ, въ которомъ педантскій прусскій университетъ не допускалъ женщинъ къ слушанію лекцій; но знаменитый профессоръ математики Вейерштрассъ читалъ ей одной отдѣльныя лекціи и она въ скоромъ времени стала его лучшей ученицей.

Затѣмъ она уѣхала съ мужемъ въ Россію, гдѣ тотъ получилъ мѣсто профессора въ Москвѣ; а она послала три диссертаціи въ университетъ въ Гёттингенъ, который при строгомъ разсмотрѣніи нашелъ эти труды столь важными для науки, что далъ ей степень доктора безъ личнаго испытанія. Тогда С. В. Ковалевской былъ 21 годъ.

Какъ энергичная женщина, она не хотѣла отдыхать. Кромѣ того, что она исполняла свои хозяйственныя обязанности и воспитывала своего ребенка, маленькую дѣвочку, она въ слѣдующіе годы

безостановочно трудилась надъ одной задачей, которая дала ей впослѣдствіи основательное положеніе въ мірѣ науки и вмѣстѣ съ тѣмъ доказало, что при добродѣтельномъ сердцѣ женщина способна обладать и самымъ возвышеннымъ умомъ ученаго. Ея трудъ „О движеніи свѣта въ кристаллическомъ медіумѣ“, задача принадлежащая математикѣ и мышленію высшей сферы, за которую великіе мыслители часто безуспѣшно старались ухватиться—эту задачу она довела до конца послѣ многолѣтнихъ трудовъ и притомъ пораженная тяжкимъ ударомъ: ея мужъ внезапно скончался, и семейный очагъ ея разрушился.

Спустя нѣкоторое время счастіе вновь ей улыбнулось: по приглашенію, зимою 1883—1884 гг., въ Стокгольмѣ она читала лекціи, гдѣ она вызвала всеобщее одобреніе не только своими познаніями, которыя она такъ ясно умѣла выставить, но и своею очаровательною женственностью, своимъ безпристрастіемъ, терпѣніемъ и всесторонними способностями. Съ удовольствіемъ принято было всѣми извѣстіе, что въ іюнѣ 1884 г. правленіе Стокгольмскаго университета предложило г-жѣ Ковалевской каѳедру профессора математики; тутъ упрочилось ея положеніе и великая честь Швеціи, какъ первой странѣ въ старомъ свѣтѣ, которая признала талантъ и труды въ сферѣ науки, не взирая на то, принадлежатъ-ли они мужчинѣ или женщинѣ.

И теперь, когда сѣверные естествоиспытатели, два года спустя послѣ предложенія норвежскаго профессора Бьеркнэсъ, почтили заслуги въ наукѣ г-жи Ковалевской, какъ равносильной имъ труженицы въ сферѣ высшихъ знаній, то это является славою, которую С. В. Ковалевская завоевала не только для себя одной, но и вообще для того дѣла, одновременно съ наукою которому она посвятила себя, а именно — равноправности женщины съ мужчиной въ великомъ трудѣ за все, что̀ полезно, великодушно и правдиво.

Перевела со шведскаго г-жа Ренстремъ.

Примѣчаніе. Очеркъ этотъ былъ составленъ и напечатанъ въ норвежской иллюстрированной газетѣ „Сѣверная Звѣзда“ 1886 г., № 35, слѣдовательно задолго до кончины С. В. Ковалевской; она прислала намъ эту газету въ 1890 г. Статья сопровождается въ этой норвежской газетѣ очень плохимъ портретомъ С. В. Ковалевской, гравированнымъ на деревѣ.

Ред.

II.

Страница въ Альбомѣ „Русской Старины"

„Знакомые", рукопись, т. V, стр. 123.

[29-го мая 1890 г. С.-Петербургъ].

„Многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ! Ваше посѣщеніе сегодня такъ живо вызвало въ моей памяти образы прошлаго, что не взыщите на меня, если я ни о чемъ иномъ не могу написать на страницахъ вашего альбома, какъ о нашемъ первомъ знакомствѣ съ вами. Когда это было? Въ какомъ году? Теперь я съ точностью и припомнить не могу [1]). Во всякомъ случаѣ много, много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Но стоитъ мнѣ закрыть глаза и подумать объ этомъ времени—цѣлая картина такъ и рисуется въ моемъ воображеніи.

„Старый помѣщичій домъ въ такомъ медвѣжьемъ уголкѣ, что надо чуть-ли не двое сутокъ скакать на почтовыхъ, прежде чѣмъ доберешься до ближайшей станціи желѣзной дороги. Патріархальная генеральская семья. Отецъ, въ сущности добрый и любящій, но изъ принципа окружающій себя въ глазахъ домашнихъ ореоломъ строгости и неприступности. Англичанка-гувернантка, тщетно силящаяся превратить двухъ простыхъ русскихъ дѣвочекъ въ чопорныхъ, благовоспитанныхъ миссъ. Одна изъ этихъ дѣвочекъ еще подростокъ, другая уже взрослая барышня, впечатлительная, талантливая, съ жадностью прислушивающаяся къ каждому отголоску внѣшняго міра, какой ни залетитъ въ ихъ медвѣжій—генеральскій уголокъ. Окружающая ее жизнь блѣдна и однообразна. Нѣтъ въ ней ни интересовъ, ни волненій, кромѣ тѣхъ, которые она почерпаетъ изъ книгъ. Герои и героини ея любимыхъ романовъ ближе, реальнѣе для нея всѣхъ окружающихъ ее будничныхъ людей. Но кто пишетъ эти чудныя книги? Міръ писателей кажется ей чѣмъ-то такимъ прекраснымъ, но далекимъ, что, думая о немъ, она испытываетъ то же чувство, какое испытывалъ сѣрый утенокъ, въ сказкѣ Андерсона, когда видѣлъ бѣлыхъ лебедей, парящихъ высоко надъ нимъ

---

[1]) Въ декабрѣ 1862 г., въ селѣ Палибино, Невельскаго уѣзда, Витебской губ., въ имѣніи, принадлежавшемъ отставному генералу Василію Васильевичу Корвинъ-Круковскому, отцу Анны (впослѣдствіи въ замужествѣ Жакларъ), Софьи (впослѣдствіи въ замужествѣ Ковалевская) и Өедора (впослѣдствіи кандидатъ спб. университета, нынѣ чиновн. м-ства финансовъ) Корвинъ-Круковскихъ. Ред.

въ воздухѣ... И вдругъ разносится извѣстіе, что въ ихъ захолустье, къ нимъ въ гости, пріѣдетъ писатель, настоящій извѣстный писатель. Объ этомъ писателѣ ходитъ много толковъ! Старшіе, т. е. отецъ и гувернантка, уже напередъ относятся къ нему нѣсколько недоброжелательно съ безотчетнымъ страхомъ, какъ къ представителю чуждой среды, къ носителю какихъ-то новыхъ идей. За то старый учитель [1]) уже успѣлъ поразсказать о немъ много интереснаго и симпатичнаго. Въ глазахъ молоденькой деревенской барышни пріѣздъ писателя принимаетъ размѣры чуть-ли не міроваго событія. Повѣреницею всѣхъ своихъ мечтаній по этому поводу она выбираетъ маленькую сестру-подростка и вы не повѣрите сколько было разговоровъ объ этомъ писателѣ между сестрами, украдкой отъ строгой гувернантки!

„Много, много прошло съ тѣхъ поръ лѣтъ! Для старшей сестры жизнь оказалась злою мачихою. Ея блестящія дарованія никогда не достигли полнаго развитія. Послѣ многихъ лѣтъ скучной деревенской жизни вырвалась она, наконецъ, на волю, но дѣйствительность мало походила на ея ожиданія. Рядъ разочарованій, долгая мучительная болѣзнь и въ концѣ концовъ для нея...

... „О жизни покончен вопросъ.
Больше не нужно ни пѣсень, ни слезъ.....

„Младшая сестра-подростокъ теперь уже тоже пожилая женщина. И для нея жизнь пошла не обычной колеей. Много въ ней было и хорошаго, и худаго; но стоитъ ей вспомнить то старое, доброе время—и кажется все это лишь вчера было.....

„Софья Ковалевская“.

„29-го мая 1890 г., Спб.“.

[1]) Іосифъ Игнатьевичъ Малевичъ. См. его „Записки“ въ „Русской Старинѣ“, изд. 1890 г., т. LXVIII, декабрь.

Ѳ. Ѳ. Пардолоцкій.

Замѣтка.

По поводу примѣчанія подъ статьею „Валдайская Старина“, напечатанною въ мартовской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1890 г., необходимо исправить маленькую ошибку, допущенную въ означенномъ примѣчаніи, гдѣ сказано, что „Пардалоцкій извѣстный нынѣ археологъ“ и проч.

Ѳ. Ѳ. Пардалоцкій скончался болѣе десяти лѣтъ назадъ въ городѣ Валдаѣ, гдѣ онъ долгое время былъ смотрителемъ уѣзднаго училища, а послѣдніе годы жилъ въ отставкѣ.—Покойный состоялъ дѣйствительнымъ членомъ новгородскаго губернскаго статистическаго комитета. Нѣсколько статей по исторіи города Валдая было помѣщено покойнымъ въ „Новгородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“... Интересный очеркъ покойнаго: „Валдайская Старина“ также былъ отправленъ имъ въ „Губернскія Вѣдомости“, но тамъ не была принята, а возвращена съ довольно курьезною надписью цензора, что она не можетъ быть напечатана, потому что въ „Новгородской губернской типографіи недостаетъ знаковъ препинанія“, при чемъ, какъ помнится, въ этой резолюціи упоминались и „времена Очаковскія“...

Я посовѣтывалъ покойному отправить вполнѣ любопытную статью его въ уважаемую „Русскую Старину“, что онъ и сдѣлалъ... и на страницахъ ея она явилась, хотя и многіе годы спустя по полученіи ея редакціей.

Н. П. Дубининъ.

г. Демянскъ.
1-го іюня 1891 г.

ПАМЯТИ

ИВАНА ЕФИМОВИЧА АНДРЕЕВСКАГО.

Перепечатываемъ изъ журнала „Общество охраненія народнаго здравія"—статью высокоуважаемаго его основателя и предсѣдателя—Н. Ѳ. Здекауера; статья проникнута чувствомъ глубокаго уваженія къ памяти ближайшаго сотрудника Николая Ѳедоровича и самой сердечной скорби о преждевременной и весьма тяжкой для всего образованнаго русскаго общества утратѣ одного изъ достойнѣйшихъ современныхъ русскихъ дѣятелей.

Ред.

Русское общество охраненія народнаго здравія, въ лицѣ недавно скончавшагося товарища предсѣдателя своего, заслуженнаго профессора Ивана Ефимовича Андреевскаго, понесло тяжкую незамѣнимую потерю: 20-го мая 1891 г., вызванное сильною простудою воспаленіе въ легкихъ, осложнившееся внезапнымъ упадкомъ дѣятельности не вполнѣ нормальнаго сердца, преждевременно и неожиданно прекратило полезнѣйшую его жизнь.

Высокое многостороннее образованіе, необыкновенная энергія, любовь къ ближнему, полная преданность своему дѣлу, неуклонное стремленіе къ достиженію благихъ, общеполезныхъ—никогда эгоистическихъ—цѣлей, въ чемъ ему много способствовалъ необыкновенный даръ слова, всегда выражавшій внутреннее его убѣжденіе,—вотъ тѣ рѣдкія достоинства, отличавшія покойнаго и дѣлающія потерю его для нашего общества такъ трудно замѣнимою.

Какъ знаменитый юристъ, спеціально изучившій медицинскую полицію, И. Е. Андреевскій обществу нашему оказывалъ неоцѣнимыя услуги, — указывая на возможность примѣненія существующихъ законныхъ постановленій вездѣ тамъ, гдѣ имѣлось въ виду проведеніе или возобновленіе необходимыхъ санитарныхъ мѣръ.

Иванъ Ефимовичъ Андреевскій способствовалъ основанію нашихъ „Дѣтскихъ лечебныхъ колоній", такъ благодѣтельно

подѣйствовавшихъ на оздоровленіе, запущенныхъ физически или умственно надорванныхъ, дѣтскихъ организмовъ; слѣдуя по пути, начертанному Иваномъ Ефимовичемъ, общество имѣетъ въ виду значительно расширить дѣло колоній даже въ 1891-мъ году.

„Нормальныя столовыя", имѣвшія цѣлью доставить среднему классу петербургскаго населенія, а въ томъ числѣ и учащейся молодежи среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, здоровое питаніе,—совмѣстно съ покойнымъ профессоромъ Доброславинымъ, преимущественно обязаны его энергическому и разумному содѣйствію своимъ существованіемъ. Онѣ не только умножились и держатся въ нашей столицѣ четвертый годъ, но теперь и въ Москвѣ открывается вторая нормальная столовая.

„Школа кухоннаго искусства" со дня своего основанія находилась въ ближайшемъ вѣдѣніи его, какъ предсѣдателя важной и много сдѣлавшей „комиссіи питанія".

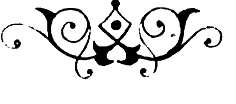
Много полезныхъ начинаній и дѣлъ внесено Иваномъ Ефимовичемъ въ общество; въ цѣломъ рядѣ спеціальныхъ и успѣшно трудившихся комиссій онъ былъ предсѣдателемъ и талантливымъ организаторомъ.

Считаю долгомъ еще заявить здѣсь, что общество наше полученіемъ значительнаго капитала въ 100,000 р. исключительно обязано личному знакомству Ивана Ефимовича съ гуманнымъ и образованнымъ негоціантомъ И. Д. Ковригинымъ, который, будучи постояннымъ членомъ нашего общества и пожелавъ способствовать его процвѣтанію, завѣщалъ русскому обществу охраненія народнаго здравія вышеупомянутый капиталъ, дозволившій обществу еще болѣе расширить на практикѣ плодотворную свою дѣятельность.

Тѣсно связанный съ покойнымъ Иваномъ Ефимовичемъ узами многолѣтней дружбы и взаимнаго уваженія,—его потеря для меня особенно чувствительна,—я лишился въ немъ не только горячо любимаго друга, но и высокообразованнаго энергичнаго и всему общеполезному сочувствующаго товарища.

Міръ праху доблестнаго мужа, твердою стопою стоявшаго на стражѣ общественнаго здравія, и вѣчная ему память!

Николай Здекауеръ.

Слова, вмѣстѣ съ выражаемыми ими дѣйствіями, вышедшія изъ употребленія въ новой и свободной Россіи

послѣ 19-го февраля 1861 г.

Отдѣлъ первый.

РОЗГОСЛОВІЕ.

Порка — пороть — сѣчь.

Глаголы, спрягавшіеся становыми приставами:

Выпороть, отпороть запороть. (*До смерти запорю!*).

Выдрать, дерку задать. (*Я тебѣ такую дерку задамъ,—что ты у меня на двѣнадцати языкахъ заговоришь!*). Отодрать.

Вздуть. Взодрать. Вздрючить. Вздрючка. Вздрючку задать.

Взбутетенить
Взъерепенить } Употреблялось становыми приставами.

Взъерихонить. (Употреблялось въ училищахъ духовнаго вѣдомства).

Выхлестать
Отхлестать
Похлестать } Глаголы сельскаго начальства.

Баню задать. (*Такую баню задамъ—небо съ овчинку покажется!..*).

Березовой лапшей угостить. (Въ воспитательныхъ заведеніяхъ).

Брюки примѣрить. (Употреблялось въ мужскихъ воспитательныхъ заведеніяхъ).

Ж... побезпокоить
Ж... навѣстить
Ж... потревожить
Ж... разрумянить } Употреблялось при наказаніи лицъ женскаго пола.

Ж... съ праздникомъ поздравить.

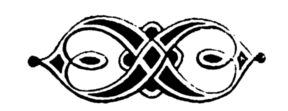
Память къ ж... пришить.

Жару задать. (*Я тебѣ такого жару задамъ—ты у меня до новыхъ вѣниковъ не забудешь!*).

Ж... росписать.

ГЛАГОЛЫ ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ПОЛИЦЕЙСКАГО ВѢДОМСТВА ДО РЕФОРМЫ.

Отпотчивать.
Отжарить.
Отжварить.
Освѣжить.
Отштандорить.
Оттрезвонить, трезвону задать.
Отлупить.
Отлущить.
Отчехвостить.
Отбарабанить.
Отрапортовать.
По ж... прогуляться.
Подбодрить.
Попугать.
Поучить.
Портки спустить.
Прописать.
Разложить.
Распороть.
Растянуть.
Рѣпицу заголить (для воспитанниковъ младшаго класса).
Съ казенной части взыскать. (Употреблялось въ казармахъ).
Спрыснуть (для воспитанниковъ младшаго класса).
Шкуру содрать }
Шкуру спустить } Эти глаголы примѣнялись къ дворникамъ, извозчикамъ и т. д.
Ѵжицу прописать (для воспитанниковъ младшаго класса).

Отдѣлъ второй.

САМОУПРАВСТВО.

Для всѣхъ православныхъ христіанъ, не избавленныхъ отъ тѣлесныхъ наказаній.

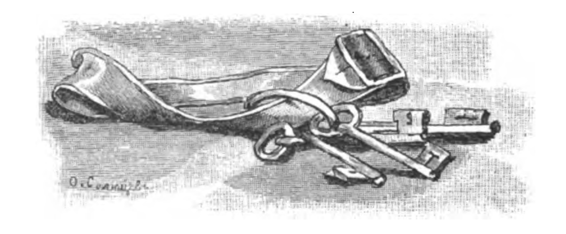
Морду разбить.	*Въ морду!*
„ растыкать.	*Въ зубы!*
„ расквасить.	*Въ гробъ заколочу!*
„ починить.	*Изобью!*
Зубы вышибить.	*Съѣмъ!*
„ раздробить.	*Въ бараній рогъ согну!*
По зубамъ съѣздить.	

Отдѣлъ третій.

БРАДОИЗДРАНІЕ И ВЛАСОИСХИЩЕНІЕ.

Я тебѣ бороду по волосику выщипаю!
Вся борода твоя у меня въ рукахъ останется!
Береги свою бороду!
Всѣ волосы въ бородѣ твоей сосчитаю!
Я тебѣ виски выдеру!
Я тебя за волосья оттаскаю!
А ты его за волостное правленіе, да въ нижній земскій судъ! (т. е. возьми за волосы и пригни долу).

Изъ давней записи. Сообщ. **Ив. Ѳед. Горбуновъ**.

ОТЪ КОМИТЕТА ПО СООРУЖЕНІЮ ВЪ ВИЛЬНѢ ПАМЯТНИКА

графу Михаилу Николаевичу Муравьеву

1891 г.

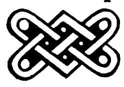
Многіе русскіе, какъ нынѣ живущіе въ западныхъ губерніяхъ, такъ и прежніе сотрудники покойнаго графа М. Н. Муравьева, проникнутые благодарною памятью къ государственному значенію его дѣятельности въ Сѣверо-Западномъ краѣ, высказали сознательную потребность почтить и увѣковѣчить его имя сооруженіемъ въ г. Вильнѣ памятника.

По всеподданнѣйшему докладу ходатайства о томъ виленскаго, ковенскаго и гродненскаго генералъ-губернатора, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на открытіе повсемѣстной подписки, для сбора пожертвованій на сооруженіе въ г. Вильнѣ памятника покойному графу М. Н. Муравьеву и на образованіе въ г. Вильнѣ комитета для сбора и пріема пожертвованій, членами котораго могутъ быть и лица, проживающія внѣ предѣловъ виленскаго генералъ-губернаторства.

Великая государственная заслуга Муравьева, торжественно засвидѣтельствованная съ высоты Престола въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя покойнаго графа, 27-го апрѣля 1865 г., извѣстна и близка каждому русскому сердцу на всемъ пространствѣ Россійской имперіи. Имя Муравьева дорого всѣмъ русскимъ людямъ за пробужденіе въ умахъ сознанія, основаннаго на непоколебимыхъ историческихъ данныхъ и на оставшихся, еще непоколебленными, обломкахъ общественной жизни здѣшняго люда и языкѣ его, и нравахъ, и обычаяхъ старины русской, что западная окраина нашего отечества какъ была Русью, такъ Русью и осталась. Возстановленіе же, въ вещественныхъ знакахъ древневѣковыхъ святынь православія въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ окончательно вызвало, запечатлѣло и закрѣпило въ народной памяти неотъемлемость родной части отъ роднаго цѣлаго.

Такое монаршее соизволеніе на сооруженіе памятника покойному Муравьеву открываетъ нынѣ всѣмъ русскимъ людямъ возможность внести свою лепту на увѣковѣченіе его дѣла въ народной памяти. И въ данномъ случаѣ дорогъ не только рубль, но и каждая копѣйка, полученная отъ русскаго народа со всѣхъ концовъ отечества, которымъ, по мѣткому и вѣрному слову кіевскаго святителя Платона, сказанному въ Вильнѣ въ 1889 году на праздникѣ возсоединенія уніи къ православной церкви, долженъ гордиться каждый гражданинъ и считать для себя за счастье принадлежность свою къ великой русской семьѣ.

Предсѣдатель Комитета генералъ-отъ-артиллеріи Ив. С. Кахановъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1891 г.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

Изслѣдованія — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разсказы, матеріалы и замѣтки.

Исторія русской литературы.

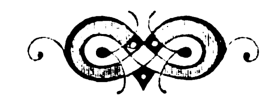
Исторія художествъ.

Портреты.

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Томъ VIII. (1728 годъ). Спб. 1891. (VII+704+CLXIV стр.). (На обертке VII кн. „Русской Старины“ изд. 1891 г.).
2. А. Шаховъ. Гете и его время. Лекціи по исторіи нѣмецкой литературы 18-го вѣка, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ. С.-Петербургъ. 1891 г. (Тамъ-же).

3. Энциклопедическій словарь, подъ редакціею профессора И. Е. Андреевскаго. Томъ III. Банки — Бергеръ. Томъ III а. Бергеръ — Бисы. Издатели: Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ), И. А. Ефронъ (Спб.). Спб. 1891 г., 8 д., стр. 480—962; въ два столбца. (На оберткѣ VII кн. „Русской Старины“ изд. 1891 г.).
4. Джонъ Ингрэмъ. Исторія политической экономіи. Переводъ съ англійскаго А. Миклашевскаго, подъ ред. И. Янжула. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1891 г. (На оберткѣ VIII кн. „Русской Старины“. изд. 1891 г.).
5. П. Обнинскій. Законъ и бытъ. Очерки и изслѣдованія въ области нашего реформируемаго права. Вып. I. 423 стран. Москва. 1891 года. (Тамъ-же).
6. Владиміръ (Сергѣевичъ) Соловьевъ. Стихотворенія. 1891 года. Москва. (Тамъ-же).
7. А. А. Титовъ. Сибирь въ XVII вѣкѣ. Сборникъ старинныхъ русскихъ статей о Сибири и прилежащихъ къ ней земляхъ. Съ приложеніемъ снимка со старинной карты Сибири. Издалъ Г. В. Юдинъ. М. 1890 г., м. 8 д., стр. XI + 216 + XXII. (Тамъ-же).
8. Извѣстія Общества археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ казанскомъ университетѣ. Томъ IX, вып. 1-й. Казань, 1891 г., 8 д., стр. 154. Т. IX, вып. 2-й — Пермяки. Историко-этнографическій очеркъ И. Н. Смирнова. Казань, 1891 годъ. 8 д., стр. 289. (На оберткѣ IX кн. „Русской Старины“ изд. 1891 г.).
9. Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1891 г., кн. I-я (156-я), кн. 2-я (157-я), изд. подъ завѣдываніемъ Е. В. Барсова Москва, 1891 г., б. 8 д. (Тамъ-же).
10. Историческая записка о екатеринбургскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ. Составилъ А. Н. Шалинъ. Съ приложеніемъ чертежей: плана училищной усадьбы, фасадовъ и плановъ училищныхъ зданій. Изд. Екатеринбургскаго городскаго четырехкласснаго училища. Екатеринбургъ, 1890 г., м. 8 д., стр. 145 (Тамъ-же).
11. „Помощь самообразованію“. Популярно-научный и литературный иллюстрированный журналъ, издаваемый и редактируемый А. Ѳ. Тельнихинымъ. 1-й номеръ журнала и 3-й отъ начала изданія, стр. 348. — 2-й номеръ журнала и 4-й отъ начала изданія, стр. 243. Саратовъ. 1891 г., 8 д. (Тамъ-же).
12. Труды четвертаго археологическаго съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31-го іюля по 18-е августа 1877 года. Т. II. Казань, 1891 г., 4 д., стр. X+II+300+73. Съ приложеніемъ атласа. изд. 1889 г., въ б. 4-ю д. (Тамъ-же).
13. Государственный банкъ. Изслѣдованіе его устройства, экономическаго и финансоваго значенія. Власія Судейкина. Спб. 1891 г., б. 8 д., стр. XVIII+520. (Тамъ-же).

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ И МАГАЗИНЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ"

С.-Петербургъ, Большая Подьяческая ул., д. № 7.

КАТАЛОГЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

Книжный складъ и магазинъ «Русской Старины» принимаетъ на комиссію посторонні издані и высылаетъ иногороднымъ по требованіямъ или съ наложеннымъ платежемъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ.

NB. Книжные магазины и частныя лица могутъ обращаться съ заказами безъ высылки при этомъ денегъ и получать книги по почтѣ съ наложеніемъ платежа.

Адамовичъ, Ф. Пособіе къ лекціямъ русскаго гражданскаго судопроизводства. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Аксаковъ, С. Т. Семейная хроника и воспоминанія. Съ портретомъ автора. Изд. 7-е. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 75 к.

Андреевъ, А. Отъ Владикавказа до Тифлиса. Спб., 1891 года. Цѣна 60 коп.

Бизе, Альфредъ. Историческое развитіе чувства природы. Спб., 1891 г. Ц. 2 р.

Блекки, Дж. Ст. Самовоспитаніе умственное, физическое и нравственное. Совѣты юношамъ. 3-е изданіе. Спб., 1891 г. Ц. 75 к.

Боккаччьо, Дж.—Декамеронъ. Переводъ А. Веселовскаго, съ этюдомъ о Боккаччьо. Съ иллюстраціями. Т. I. М., 1891 г. Ц. съ подпиской на 2-й т. 10 р.

Васильевъ, П. Г. Первая классная книга для чтенія. Изд. 6-е, значит. исправл. и дополн. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.

Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Томъ тринадцатый.—Восемнадцатое столѣтіе. Переводъ Э. Циммермана. Москва, 1891 г. Цѣна 5 р. 50 к. Цѣна за всѣ 13 томовъ 63 рубля.

Венгеровъ, С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Т. II. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 25 к.

Вернъ, Ж. Сезарь Каскабель. Съ рис. М. 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

* **Виноградовъ**, Алексій (Іеромонахъ). Исторія англійско-американской библіи. Часть 1-я, 1889 г., стр. 170; ч. 2-я—1890 г., стр. 308. Съ приложеніемъ портретовъ. Цѣна за обѣ части 6 рублей.

---

* Этимъ знакомъ отмѣчены заглавія книгъ, поступившихъ въ книжный магазинъ Мих. Ив. Семевскаго („Русской Старины").

* **Виноградовъ**, Алексій (іеромонахъ). Китайская библіотека и ученые труды членовъ Императорской Россійской духовной и дипломатической миссіи въ Пекинѣ или Бэй-Цзинѣ (въ Китаѣ). Съ приложеніями каталога, чертежей и рисунковъ. Спб., 1889 г., 8 д., стр. 82+76+II. Цѣна 5 руб.

* **Виноградовъ**, Алексій (іеромонахъ). Миссіонерскіе діалоги М. Риччи съ китайскимъ ученымъ о христіанствѣ и язычествѣ, и обзоръ китайско-церковной, римско-католической литературы, съ XVI по XVIII ст. Спб., 1889 г., 8 д., стр. 120. Ц. 3 рубля.

Гаймъ, Р. Романтическая школа. Вкладъ въ исторію нѣмецкаго ума. Перевелъ съ нѣмецкаго В. Невѣдомскій. Москва, 1891 г. Цѣна 5 рублей.

* **Гарбель, А., и К°.** Настольный энциклопедическій словарь. Вып. 16, 17, 18. (Брюттъ—Великій). Съ портретами и рисунками. М., 1891 г., 8 д. Ц. каждаго вып. на лучшей бум. 40 к.

Гюйо, М. Задачи современной эстетики. Переводъ А. Н. Чудинова. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Де-Амичисъ, Эдмондъ. Дневникъ школьника. Книга для дѣтей. Редакція перевода и предисловіе В. Крестовскаго (псевдонимъ). Рисунки русскихъ художниковъ. Изд. 2-е, дополненное. Спб., 1891 г. Цѣна 2 рубля.

Денисьевскій, М. Примѣненіе электричества къ домашнему быту. Изд. 3-е, испр. и дополн. Спб., 1891 г. Ц. 90 к.

Джеббъ, Р. К. Исторія греческой литературы. Москва, 1891 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Дмитріевъ, М. Д. Первыя страницы алгебры (по программѣ VI-хъ классовъ кадетскихъ корпусовъ). Спб., 1890 г. Ц. 75 к.

Дубенскій, Дм. Коневодство и перевозочныя средства Европейской Россіи. Съ 2 картограммами, 1 діограммой и рисунками повозокъ. Спб., 1891 г. Ц. 3 р.

Еленевъ, Ѳедоръ Павл. Финляндскій современный вопросъ по русскимъ и финляндскимъ источникамъ. Спб., 1891 г. Ц. 2 р.

Ермоловъ, А. С. Современныя сельскохозяйственные вопросы. Этюды изъ области сельскаго хозяйства и статистики. Выпускъ первый. Москва, 1891 г. Ц. 2 р.

Ивановскій, И. А. Женевская конвенція 10-го (22-го) августа 1864 г. и право войны. Одесса, 1891 г. Ц. 1 р.

Ивановъ, П., д-ръ. Теоретическія основанія тѣлесныхъ упражненій. Съ 24-мя рисунками въ текстѣ. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Казанскій, Н. П. Жемчужныя раковины и жемчугъ вообще и въ Россіи въ особенности. Спб., 1891 г. Ц. 75 к.

Кайгородовъ, Д. Собиратель грибовъ. Съ 14 раскрашенными рисунками. Издан. 2-е, исправл. и дополн. Спб., 1891 г. Ц. въ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 75 к.

Кайгородовъ, Д. Изъ царства пернатыхъ. Популярные очерки изъ міра русскихъ птицъ. Вып. VII. Спб. Ц. 75 к.

Кольраушъ, Ф. Руководство къ практикѣ физическихъ измѣреній, съ прибавленіемъ статьи объ абсолютной системѣ мѣръ. Переводъ Н. С. Дрентельна, съ приложеніемъ, сдѣл. подъ ред. проф. И. И. Боргмана. Съ 83 рисунками въ текстѣ. Спб., 1891 г. Ц. 3 р.

Корсаковъ, Д. А. Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка. Казань, 1891 г. Ц. 3 р.

Красногорскій, П. Учебный курсъ синтаксиса русскаго языка. Изданіе 2-е. исправл. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.

Лебедевъ, В. А., проф. Финансовое право. Изд. 2-е, переработ. Т. I, вып. 2-й. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

Малиновскій, С. Справочная книга для оцѣнки машинъ на фабрикахъ, заводахъ и разныхъ промышленныхъ заведеніяхъ. Москва, 1891 г. Ц. 3 р.

Мещерскій, И. И. Какъ устраивать сады при народныхъ школахъ? Спб. 1891 г. Ц. 30 к.

Миклашевскій, С. Итоги полувѣковыхъ толковъ о помощи кустарю. Краткій обзоръ мѣропріятій, проектовъ, опытовъ и проч. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.

Милевскій, С. Н. Гигіена для велосипедиста. Спб., 1891 года. Цѣна 75 коп.

Минхъ, Г. Н. Заразительна-ли проказа? (Отвѣтъ проф. Полотебнову). Кіевъ, 1891 г. Ц. 75 к.

Никитинъ, А. Н. Очерки городскаго благоустройства заграницей. Путевыя замѣтки. Съ рисунками. Спб., 1891 г. Ц. 2 р.

Поморцевъ, М. Научные результаты 40 воздушныхъ путешествій, сдѣланныхъ въ Россіи. Спб., 1891 г. Ц. 85 к.

Порфирьевъ, И. Краткій курсъ исторіи древней русской словесности. Изд. 2-е. Казань, 1891 г. Ц. 1 р. 20 к.

Порфирьевъ, И. Исторія русской словесности. Часть I—Древній періодъ: Устная народная и книжная словесность до Петра Великаго. Изд. 5-е, пересмотрѣнное и дополненное библіографическими указаніями. Казань, 1891 г. Ц. 2 р.

Программы и наставленія для наблюденій и собиранія коллекцій по геологіи, почвовѣдѣнію, зоологіи, ботаникѣ, сельскому хозяйству, метеорологіи и гидрологіи. 11 таблицъ и 35 рисунковъ въ текстѣ. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 40 к.

Путеводитель и справочная книга по Кавказскимъ минеральнымъ водамъ. 2-е изданіе Горнаго деп-та. Спб.. 1891 г. Ц. 65 к.

Пыляевъ, М. И. Старая Москва. Разсказы изъ былой жизни первопрестольной столицы. Съ рисунками. Вып. VIII. Спб. Ц. 50 к.

Рейнботъ, Е. Ф. Отвѣты на вопросы, какъ и изъ чего «это» дѣлается? Изъ области техническихъ производствъ. Изд. 7-е, вполнѣ переработ. Спб., 1891 г, Ц. 2 р. 50 к.

Riehl-von, Dr. Руководство для ухода за больными, ранеными, умалишенными, родильницами и новорожденными. Перевелъ и передѣлалъ д-ръ Ф. Фейгинъ. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Сарматъ (Баранцевичъ, К.). 80 разсказовъ. (Юмористическій сборникъ). Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

* **Сборникъ общества любителей Россійской словесности** на 1891 годъ. М., 1891 г., 8 д., стр. 582. Ц. 4 р.

* **Смышляевъ,** Д. Сборникъ статей о Пермской губерніи. Пермь, 1891 г., м. 8 д., стр. 297. Ц. 1 р.

Соловьевъ, Влад. Сергѣевичъ. Національный вопросъ въ Россіи. Вып. I. Изд. 3-е, Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Старчевскій, А. В. Спутникъ-толмачъ по Индіи, Тибету и Японіи. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Столыпинъ, Д. Ученіе Конта и примѣненіе его къ рѣшенію вопроса объ организаціи земельной собственности и пользованія землею. Москва, 1891 г. Ц. 75 к.

Сырку, П. Описаніе бумагъ епископа Порфирія Успенскаго, пожертвованныхъ имъ въ императ. академію наукъ по завѣщанію. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 90 к.

Троицкій, И. Обличеніе заблужденій штундизма. Изд. 2-е, испр. и дополн. Кіевъ, 1891 г. Ц. 1 р.

Труды комиссіи по техническому образованію, 1890—91 г. Вып. I. Спб. Цѣна 75 коп.

* **Труды червертаго археологическаго съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани** съ 31 іюля по 18 августа 1877 г. Т. II-й. Казань, 1891 г., 4 д., стр. X+II+300+73. Съ приложеніемъ атласа, in folio. Казань, 1889 г. Ц. 10 р.

По желанію гг. заказчиковъ книжный магазинъ «Русской Старины» высылаетъ книги и въ переплетъ. Цѣна переплетовъ: шагреневый съ каленкоромъ—80 коп., сафьяннокорешковый—50 коп.

„Помощь самообразованію". Популярно-научный и литературный иллюстрированный журналъ, издаваемый и редактируемый А. Ѳ. Тельнихинымъ. 1-й номеръ журнала и 3-й отъ начала изданія, стр. 348. — 2-й номеръ журнала и 4-й отъ начала изданія стр. 243. Саратовъ. 1891 г., 8 д. Цѣна каждаго номера 2 р. 50 к.

Цѣлый рядъ разнообразныхъ, интересно и вполнѣ популярно изложенныхъ, свѣдѣній изъ области естествознанія, географіи, исторіи культуры, политической экономіи и исторіи искуствъ. Очерки по сочиненіямъ Брэма, оригинальныя статьи проф. Брандта, Н. С. Иванова, статьи почтеннаго редактора сборника А. Ѳ. Тельнихина, д-ра Суходѣевой, П. И. Полетики, Р. Ѳ. Вильчинскаго, С. И. Штейнберга и прочихъ сотрудниковъ этого журнала составили бы вполнѣ интересный вкладъ въ научные отдѣлы лучшихъ журналовъ столицъ, такъ любопытны они и такъ хорошо и обстоятельно ихъ изложеніе. Нѣкоторыя статьи сопровождаются чертежами и рисунками. Горячо желаемъ успѣха этому въ высокой степени добросовѣстному и совершенно безкорыстному изданію; крайне желательно, дабы журналъ «Помощь Самообразованію», какъ весьма полезный популярно-научный органъ былъ-бы поддержанъ саратовскимъ земствомъ, городскимъ общественнымъ управленіемъ и мѣстными ревнителями просвѣщенія.

Труды четвертаго археологическаго съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31-го іюля по 18-е августа 1877 года. Т. II. Казань, 1891 г., 4 д., стр. X+II+300+73. Съ приложеніемъ атласа, изд. 1889 г., въ б. 4 д. Цѣна 10 рублей.

Составленіе и изданіе этого тома встрѣтило много затрудненій, о которыхъ разсказано въ предисловіи къ книгѣ. Редакторы оной профессора Н. Н. Буличъ и Д. А. Корсаковъ превосходно исполнили возложенную на нихъ съѣздомъ задачу.

Книга представляетъ очень много интереснаго въ статьяхъ К. Н. Бестужева-Рюмина (о характерѣ варяжскихъ князей); И. Я. Христофорова (о старинныхъ рукописяхъ въ симб. карамзинской библіотекѣ); В. Г. Гаврилова (вотяки Мамадышскаго уѣзда); Маркевича; Витевскаго (очень интересное преданіе о Пугачевѣ); академиковъ Л. Н. Майкова и А. Ѳ. Бычкова (по отдѣлу «памятники языка и письма», а также въ сообщеніяхъ покойнаго проф. И. Я. Порфирьева); покойнаго П. Д. Шестакова (о книгахъ св. Стефана Велико-Пермскаго); нѣсколько статей по отдѣлу восточныхъ древностей и проч. Атласъ заключаетъ въ себѣ четырнадцать большихъ литографированныхъ таблицъ изображеній болгарскихъ развалинъ и разныхъ святынь, и древнихъ вещей; послѣднія найдены въ предѣлахъ Казанской губерніи. Рисунки и литографіи вполнѣ удовлетворительны.

Государственный банкъ. Изслѣдованіе его устройства, экономическаго и финансоваго значенія. Власія Судейкина. Спб. 1891 г., б. 8 д., стр. XVIII+520. Цѣна 3 рубля.

Обширное и замѣчательное изслѣдованіе молодаго ученаго — обнимаетъ задачи и организацію центральныхъ европейскихъ банковъ и вмѣстѣ съ симъ представляетъ: историческій очеркъ дѣятельности старыхъ казенныхъ кредитныхъ учрежденій въ Россіи въ связи съ денежнымъ въ ней обращеніемъ; сравнительный очеркъ дѣйствующаго въ Россіи законодательства о государственномъ банкѣ сравнительно съ законодательствомъ другихъ государствъ; статистическій обзоръ дѣятельности государственнаго банка и возложенныя на него задачи; общій обзоръ выводовъ относительно экономическаго, финансоваго значенія государственнаго банка, его положенія съ банково-технической точки зрѣнія и указаніе мѣръ къ улучшенію его устройства и поднятію значенія.

Надо надѣяться, что Императ. академія наукъ, Императ. вольное экономическое общество и другія подлежащія учрежденія вполнѣ оцѣнятъ этотъ трудъ, проводящій въ сознаніе русскаго образованнаго общества массу свѣдѣній о столь важномъ въ финансовой и экономической жизни Россіи учрежденіи, каковъ есть Государственный Банкъ.

Ред.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

1892 г.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Невскій просп., д. № 20, у Полицейскаго моста, книжный магазинъ **А. Ѳ. ЦИНЗЕРЛИНГА** (бывшій Мелье и К°.). Въ Москвѣ — въ отделеніяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани — **А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ — при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.— Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина" 1870 г., третье изд., *(19 экз.)*, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1876 г., второе изд., (*63 экз.*), съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1877 г., 12 книгъ (*35 экз.*), съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1878 г., 12 книгъ (*31 экз.*), съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1879 г., 12 книгъ (*15 экз.*), съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина" 1880 г., второе изд. (*63 экз.*), съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина" 1881 г., 12 книгъ (*30 экз.*), съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1884 г., 12 кн. изд. второе (*59 экз.*), съ портр., 9 руб.
„Русская Старина" 1885 г., 12 книгъ (*59 экз.*), съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина" 1888 г., 12 книгъ (*73 экз.*), съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина" 1889 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина" 1890 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина" 1891 г., 12 книгъ (*98 экз.*), съ портретами, 9 руб.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семевскій**